

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2020. 56(2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.06.2020 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 61.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2020. 56(2)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.06.2020

Order № 61.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Transfer of the Chuvash to Tartars and Loss of Identity A.K. Salmin	387
The Phenomenon of Buddhist Pilgrimage in the History and Culture of Kalmyks M.S. Ulanov, V.N. Badmaev, A.A. Andreeva	398
Russian Bishop's Nastol'nye Gramoty of the last third of the XVII century: Challenges of the Time and the Evolution of the Text I.A. Ustinova	407
«Strasti po Kirgapskoy Luke»: the Struggle for Land Resources in Tarskli Irtysh Land at the close of the XVII century N.V. Kabakova, S.N. Korusenko	417
The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.A. Koroleva, L.G. Zimovets	428
First Steps on the Work of the Aral Sea “Envy Your Ships with Guns and that Sea Really Take Over...” Yu.F. Katorin, R.G. Bukanova, K.Z. Nasyrov, V.B. Karataev	437
The Role of the Bashkirs in the Development of Political and Sociocultural Relations of the Russian Empire with the States of Central Asia (XVIII–XIX centuries) T.M. Ayupov	453
Gypsies in Siberia: Resettlement, Family and Economic Activity between the 18 th and first half of the 19 th century (Historical Aspect) V.N. Shaidurov, G.I. Sinko, Yu.M. Goncharov	463
Archaeological Researches in the Territory of Kazakhstan in Russia during the Empire (1733–1917) I.V. Krupko, A.A. Nurzhanov, A.Zh. Sydykov, G.A. Kaldybaeva	474
Participation of Kalmyk Khan Donduk Ombo in the 1737 Campaign of the Russo-Turkish War of 1735–1739 V.T. Tepkeev	486
The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography A.E. Lebid, N.A. Shevchenko, A.N. Volkov, M.A. Ponomareva	495
Tyumen in Educational Space Russian Empire: Initial Stage O.I. Golovanova	508
Revisiting the History of Pedagogical Thought in Russia’s South: the Pedagogical Beliefs of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19 th century. Part 1 A.Yu. Peretyatko, T.E. Zulfugarzade	519
The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 A.M. Mamadaliev, D.V. Karpukhin, N.V. Svechnikova, A. Médico	530
Transforming Impact of Government and Private Salt Trade on Life-Supporting Technologies of Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin region in the XIX th – early XX th centuries S.V. Berezniitsky	541
The Foreign Context of the Integration Process of Finland into the Russian Empire M.S. Belousov, Y.S. Abdullaev	549

Votkinsk's Hopper Lighters for Siberia. Experience of Correlation Analysis for Biography Reconstruction N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev	558
Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest O.G. Tkachenko, S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova, J. Gut	571
«Objective Ally» of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe De Pradt's Mission in Warsaw T.N. Goncharova	583
Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIX th century T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, L.F. Malyutina, L.V. Belgorodskaya	595
1 st and 2 nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members U.B. Ochirov	604
Consumption of Fish by Different Categories of Yenisei Province Population During Imperial Period S.T. Gaidin, G.A. Burmakina	614
Features of Kazakh-Russian Relations: Strengthening the Political Influence of Russia in Middle Zhuz in the second half of the XIX – early XX centuries K.Zh. Nurbay, B.B. Yensepov, N.A. Mukhametzhanova	624
Formation of Management Bodies and Administrative-Territorial Structure of the Resettlement Village on the Kalmyk Lands of the Astrakhan Province (the second half of the XIX century) S.S. Belousov	632
The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire O.H. Mukhatova, G.B. Tleubekova, N.K. Baigabatova	640
“To Educate a Woman Means to Educate the Society Itself”: the Public Idea of Female Education in the second half of the XIX – early XX centuries A.V. Spichak	652
Organization of Sanitary and Medical Service for Educational Institutions and Students in Cities of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries A.I. Tatarnikova	663
The History of Development in Industrial Capital the Merchant Dynasty Pleshcheyev in Outskirts Russian Empire A.Zh. Gabdulina, K.V. Dzhumagaliyeva, R.D. Akhmetova, H.A. Aubakirova	674
Reconstruction of the History of Turkestan Deputation of 1867 R. Khazretalikyzy, Kh.M. Tursun, E.E. Alzhanova, E.E. Saylaubay	687
Scientific Dynasties in Russia of the 19th and 20th centuries: Features of Social Construction and Reproduction Practices D.P. Isaev	699
Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) Yu.A. Lysenko	709
Tula City Public, I. D. Sushkina, Bank. From the History of Provincial Banks in Pre-Revolutionary Russia E.A. Nazirova, N.I. Shelkopyasova	721
Common Law in Household Domestic Life of Russian Old-Residents in Angara Region in the second part of XIX – the beginning of XX century B.E. Andusev, L.J. Anisimova, D.N. Gergilev, E.A. Akhtamov	734

From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries S.K. Igibaev	742
Development Peculiarities of Gold Mining Industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the second half of the XIX century Zh.V. Petrunina, G.A. Shusharina, R.A. Gromov	759
Urban Communities in the Fight Against Cholera Epidemics in the 19th – the Early of the 20th Centuries: European and Russian Experience A.B. Agafonova, G.Yu. Afanasiev	769
Representation of Foreign Law and Legislation on the Pages of the "Journal of the Ministry of Justice" in 1894–1904 I.G. Adoneva	785
Russian Employees of School Inspectorates of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Lebanon in the 1895–1914s: Motivation and Achievements P.V. Fedotov	796
The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means) O.V. Natolochnaya, I.A. Gordeev, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov	807
The Russian Fleet before and during the Russian-Japanese War of 1904–1905 Estimated by the German Naval Representatives S.N. Sinegubov, S.P. Shilov	820
State Protection of Cultural Heritage in Russia during the Period of P.A. Stolypin Government: to the Issue of Legislative Regulation and Financing N.B. Akoeva, L.A. Karapetyan, O.V. Resnik, A.V. Shvetsova	832
High Rank Bureaucracy and a Mechanism for Coordinating the Actions of Government Agencies during the Duma Monarchy in Russia M.F. Florinskiy, D.G. Yanchenko	842
Construction of the Imperial Identity in the Youth Organizations of the Russian Empire at the beginning of the 20th century I.A. Bulatov, D.N. Kovaleva	854
Patriotic Education of Russian Youth on the Eve of the First World War: Some Pages of History G. Rajović, L.L. Balanyuk, A.G. Vazerova, M. Trailovic	863
Representation of the History of the Provincial Merchants of Late Imperial Russia in the Contemporaries' Everyday Narrative T.A. Magsumov, S.I. Grakhova	871
Retrospective Analysis of the Social Consequences of the 1910 Storm in the Caspian, Black and Azov Seas I.V. Pashchenko	878
Foreign War Prisoners at Mining Enterprises of the Steppe Region during the First World War I.V. Anisimova	889
The Russian Press on the Internal Situation in Germany and Austria-Hungary (1914–1915) I.K. Bogomolov	898
The Imperial Administration in Solving the Land Question in the Uryankhai Territory from 1914 to 1917 T.G. Karchaeva, A.S. Zhulaeva, G.M. Lushchayeva, N.R. Novosel'tsev	907

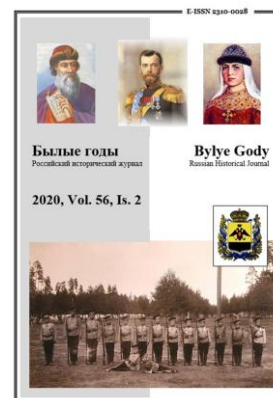
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 387-397. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.387
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Transfer of the Chuvash to Tartars and Loss of Identity

Anton K. Salmin ^{a, *}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Federation

Abstract

In the XV – XVII centuries the south-eastern and southern regions of Chuvashia were settled by Tartar-speaking Mishars from Saray and other regions of the Golden Horde. Then these settlements began to exert religious and ethnographic influence on the neighboring Chuvash. Such social pressure through the language, clothing and culture, eventually led to absorption of a significant number of the Chuvash population of the Middle Volga region and the Ural region by Tatars. A certain part of the Chuvash population shaved heads, ate horse meat, refused to keep pigs. The number of new mosques grew in the region, Quranic literature was published in mass circulations. In 1905, the Decree of Nikolai II on freedom of religion was issued, which became a sort of a signal for Tartars for attack and for the Chuvash about possible arbitrariness in religious manifestations. The Tartars hold a number of conventions in order to coordinate their propaganda activities. From 1834 to 1904 the number of Tartars increased by 150 %, mainly due to the change of faith by aliens. There were cases of fanatical behavior on the part of neophytes. Eventually, a significant part lost their identity, and some even joined the ranks of the Tartar population. As we can see, the influence of Islam on the Chuvash is great. It also has positive aspects. Islamization allowed the Chuvash to preserve the islands of settlements adhering to their original religion, and not to dissolve in Orthodoxy. At the earliest opportunity, the Chuvash, who “adopted” Islam, returned to their traditions.

Keywords: Tartars, Chuvash, Islam, ethnicity, identity, rites, beliefs.

1. Введение

Об исламизации чувашей и ее роли в трансформации их этничности имеется целый ряд публикаций. В частности, авторы статей и монографий считают, что татары, под чьим влиянием находились и находятся чувашаи, понуждали их идентифицировать себя с татарами. К тому же в письменных источниках исламизированных чувашей определяли как татар. В некоторых чувашских поселениях исламизация завершилась полной ассимиляцией чувашей.

Ислам оставил отпечаток и на бытовой жизни чувашей. Например, на кладбищах встречаются памятники из камня. Их уникальность состоит в редкости в наши дни. Но относятся они к исламской религии: изначально чувашаи ставили их в местах, где находили вечный покой татары, затем в подражание татарам – и на могилах чувашей, принявших ислам. Древние и раннесредневековые предки чувашей отдыхали в среду (среда – *юн кун* – «день крови», т.е. жертвоприношений), а со Средних веков они начали отдыхать в пятницу. И сейчас в экспедициях встречаем чувашей по документам, но по религиозной принадлежности и внешним атрибутам они оказываются татарами.

В чувашских деревнях Республики Татарстан влияние культуры соседей, естественно, велико. Например, возьмем с. Старое Суркино Альметьевского района. Здесь проживают чувашаи,

* Corresponding author

E-mail addresses: antsalmin@mail.ru (A.K. Salmin)

придерживающиеся своих традиционных обрядов и верований. Однако с каждым годом процесс потери своих обычаев и усвоения традиций соседей усиливается. Длительное соседство с татарами отразилось на языке суркинцев. Он татаризирован до такой степени, что может считаться смешанным чувашско-татарским языком. Суркинцы с трудом понимают язык своих соплеменников из Чувашской Республики, зато превосходно изъясняются на татарском языке, особенно люди старшего поколения (Галлямова, Столярова, 2010: 111). В итоге слова типа казанско-татарского *кызыклы* «интересно, интересный» стали сугубо чувашскими – *кăсăкĕ*. Они бытуют не только в смешанных деревнях, но и дошли через литературный язык до всех чувашей.

Исламизацией и полным отатариванием чувашей завершились этноконфессиональные процессы и в селах Татарское Сунчелеево и Карасы Аксубаевского района, Салдакаево и Якушкино Нурлатского района, Кульшарипово Альметьевского района Республики Татарстан, деревни Чепкас-Ильметьево Шемуршинского района Чувашской Республики. Во всех селениях проживают потомки исламизированных чувашей, но сегодня они уже татары-мусульмане (Ягафова, 2009: 90).

«Смею полагать, – пишет В.П. Иванов, – что дискуссия в вопросе этногенеза казанских татар и чувашей в немалой степени искусственно отягощается и усложняется также и их религиозным различием: ну не может иноверец быть равным правоверному мусульманину и иметь с ним что-либо общее по происхождению! ...Татары в Казанском ханстве чувствовали себя (как, собственно, и русские в Московском государстве) имперским этносом» (Иванов, 2019: 25, 28).

2. Материалы и методы

Основными материалом для изучения обозначенной темы явились имеющиеся источники и публикации по теме: экспедиционные записи, статистические сведения по народам Восточной Европы, архивные источники, фольклорные тексты, писцовые книги, журналы миссионерских обществ, материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья, хронологические указатели, этнографические карты, исторические и юридические акты, царские грамоты, законодательные акты, списки селений, путевые заметки. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и объективности.

3. Обсуждение

Хорошим подспорьем послужили исследования коллег: монографии Р.Р. Исхакова о кряшенах, брошюра Е.А. Ягафовой о чувашах-мусульманах, В.П. Иванова по этнопсихологии, статьи А.Г. Галлямовой и Г.Р. Столяровой о некрещеных чувашах Татарстана, В.Д. Димитриева о динамике численности татарского и чувашского населения в XVIII–XX вв., А.В. Кобзева об исламизации чувашей Симбирской губернии.

4. Результаты

XV–XVII века

Еще во второй четверти XV в. в юго-восточные и южные районы Чувашии из г. Сарая и других районов Золотой Орды были переведены мишари. Смешавшись с местным населением, они образовали контингент татароязычных мишарей. Многие из них затем оказались в Сергачском районе Курмышского уезда и Алатырском уезде, а оттуда как служилые переведены на засечные черты юга и юго-востока Чувашии. Так образовались современные татарские селения Токаево и Урмаево в Комсомольском, Большие Шихирданы (Чкаловское), Малые Шихирданы, Татарские Сугуты, Татарские Тимяши в Батыревском, Ишмурзино-Суринск в Яльчикском районах (Димитриев, 1993: 199). Затем население этих поселений стало оказывать влияние на окружающие чувашские деревни в плане прививания татарской культуры.

С падением Казанского ханства в Среднем Поволжье начала осуществляться политика Московского государства, следствием чего стало распространение православия в этом стратегическом регионе России. Из-за того, что христианизация пошла по пути насильственного крещения, местное население, жившее по своим древним верованиям, подалось в ислам. Так многие населенные пункты растворились в татарской среде. Коренные жители бывшего Казанского ханства (марийцы, удмурты и чуваш), в силу соседства с татарами и частого с ними общения, подвергались воздействию исламской религии. Например, они проводили традиционные совместные праздники, ходили на одни те же базары, совершали куплю-продажу.

Помимо Казанского уезда, служилые татары имели земли западнее Чебоксар. Так, в конце XVI в. служилый татарин Ишей Наурусов и башкирский князь Темигеней Муралеев имели наделы на землях д. Чандырево. Поэтому среди чувашей развивается тенденция сближения с более крепким в экономическом отношении татарским этносом, называться татарским именем и принять его веру. Из числа служилых чувашей назначали князей (*пу*), сотных (*сёр пу*), десятных (*вун пу*), а также тарханов. Однако служилых людей из чувашей было слишком мало. Все они – выходцы из новокрещеных Свяжского и Чебоксарского уездов, расположенных ближе к Казани. Новоназначенным выделяли земли на местах проживания чувашей (Димитриев, 2005: 53).

Служилый чуваш начинал называть себя татаринном (до середины XVI в.) или русским (после взятия Казани), чтобы быть ближе к властям и иметь легальные права.

Чувашские деревни, расположенные в Казанском уезде, составляли внушительный список. Согласно писцовым книгам за 1566–1568 гг. у озера Кабан было сосредоточено 150 татарских и чувашских дворов. А у р. Казань насчитывалось 33 чувашских двора (Димитриев, 2014). Выходит, что Казань и Приказанье были заселены не только татарами, но и чувашами.

Основываясь на данных писцовой книги 1602–1603 гг., А.С. Смирнов утверждает, что к началу XVII в. ясачными людьми в Казанском уезде преимущественно были чуваша (Смирнов, 2014: 189).

В целях ограничения влияния ислама Соборным Уложением 1649 г. запрещалась любая пропаганда мусульманства.

О татаризации имеется достаточное количество источников. Так, в документе от 1673 г. говорится, что в д. Ачей Зюрейской дороги ясачные татары похоронили «мертвых чувашу 3 человека» (Исхаков, 1998: 90). Конечно, уже из контекста видно, что и сами участники похоронной процессии были вчерашними чувашами, недавно принявшими ислам и превратившимися в татар.

Как видим, процесс татаризации в XV–XVII вв. преимущественно шел через исламизацию. В итоге неопит становился татаринном не только по религии, но и по всем другим параметрам (языку, одежде, нраву), особенно интенсивно происходил он на левобережье Волги от Казани до Симбирска.

XVIII век

В XVIII в. процесс татаризации в Урало-Поволжье углубляется, хотя правительство принимает ряд мер для борьбы с этим неприемлемым явлением. Например, в 1729 г. законом запрещается под страхом смертной казни привлекать к исламу население, придерживающееся народных обрядов и верований.

В Свияжском уезде в 1742–1746 г. совращены и обрезаны по магометанскому закону 33 новокрещенных и 260 некрещенных чуваша, а 26 чувашек являются женами татар-магометан. Учитывая такие факты, Сенат решил новокрещенных закрепить в христианстве, некрещенных, если не захотят креститься, оставить в чувашской вере, но не в магометанской, у татар отнять жен-чувашек, оставив детей у отцов их – татар (Кеппен, 1861: 507).

В первой половине XVIII в. В.Н. Татищев отмечал, что чуваша наполнили Казанский и Симбирский уезды. Однако «сии наиболее язык татарским испортили» (Татищев, 1962: 130), – писал он. Иначе говоря, к этому времени чувашский язык уже был массово подвержен татаризации.

По данным на вторую половину XVIII в., значительное число чувашей по обыкновению татар брили головы, питались кониной, а некоторые не держали свиней (Миллер, 1791: 11, 22).

Указом 1773 года водворена в России терпимость всех вер. Эта мера с особенною силою отразилась на утверждении и распространении по всей России магометанства. Число мечетей с их муллами и школами начало значительно увеличиваться (Багин, 1910: 231). Веротерпимостью хотели смягчить нравы подвластных кочующих народов, внести успокоение в их среду, не осведомившись предварительно о потребностях их.

В период Казанского ханства среди чувашей были распространены названия должностей даже на названия божеств. Например, *Тавам ыра* «Божество, заседающее в диване», *Хум кёрекеşё* «Кравчий хана», *Чёлтёр тытса сурен ыра* «Божество, ведущее за повод». В период Казанского ханства в чувашский язык массово проникли арабские и персидские слова. Только приход православия остановил это явление (Егоров, 1953: 84–86).

Празднование пятницы, перенятое из ислама, сохранялось среди чувашей долго.

XIX век

Как объясняли неопиты д. Старое Шаймурзино Буинского уезда, они живут в татарской среде, постоянно общаясь, а в чувашской вере не нашли ничего основательного (Кобзев, 2007: 121).

В 1849 г. Н.И. Ильминский, совершив поездку по татарским селениям, составил отчет для архиепископа Григория. В частности, в нем он дает краткий обзор заселения Закамского края. Опустевшие после ногаев земли заселили татары, чуваша, мордва и мокша, а также русские. Татары заняли наиболее плодородные территории в Спасском и Чистопольском уездах. Промежутки между татарскими деревнями, а также земли ближе к Самарской губернии осваивали чуваша (в основном некрещеные). В отчете Н.И. Ильминский отмечает, что почти все чуваша (особенно мужчины) прекрасно владеют татарским языком, а татары не все знают по-чувашски. В Шешме есть чуваша, перешедшие в ислам. Все они практически отатарились (Исхаков, Багаутдинова, 2015: 58–59, 67).

По теме представляет несомненный интерес молькеевский куст крышен в Кайбицком районе, граничащем с Яльчикским, Янтиковским и Канашским районами Чувашской Республики. Сюда входят деревни Полевая Бува, Баймурзино, Молькеево, Большое Тябердино, Старое Тябердино, Хозесаново, Суринское. В XIX в. их население называло себя чувашами, а соблюдало оно свои традиционные верования и обряды. Сейчас эти люди называют себя татарами, они, прежде всего, живут в Старом Тябердино и Камылово. Нынче их старые обряды сохранились в похоронно-поминальных действиях. Сегодня уже никто из молькеевцев не идентифицирует себя с чувашами.

Впрочем, и с русскими. И это несмотря на то, что некоторые помнят своих родителей-чувашей, тем не менее 39 % населения молькеевской группы назвало своими предками чувашей, а 5 % – татар-мусульман. Притом исследователь замечает, что костюм молькеевцев-кряшен совсем идентичен чувашскому. Процесс татаризации в этом кусте продолжается, в основном – за счет смешанных браков. «Как правило, в данном случае уроженцы кряшенских сел берут в жены чувашек» (Севастьянов, 2018: 191).

В целом, в середине XIX в. М.А. Кастрен имел полное право утверждать, что чувашаи татаризованы (Castrén, 1862: 320). Под татаризацией здесь следует понимать не только религиозное «перерождение» в пользу ислама, но и переход на татарский язык, ношение татарской народной одежды.

Тем не менее в заявлениях чувашей принять ислам было и откровенное лукавство. Приняв эту религию, многие хотели увернуться от христианизации и таким образом сохранить шансы в последующем легализовать свои дедовские порядки.

Только по официальным данным, в 1859 г. (X ревизия) в Симбирской губернии «проживали 83 чуваша-мусульманина в соседстве с татарами-мусульманами (1576 чел.), православными чувашами (275 чел.), “язычниками” (49 чел.) и старокрещеными, но “отпавшими” от православия татарами (24 чел.)» (Ягафова, 2007: 106). Здесь в 60-х гг. XIX в. в д. Старое Афонькино пропаганду ислама вели самые авторитетные местные чувашаи. Среди них отличался Василий Ишмакаев (Ягафова, 2009: 39). Муллы и татары в деле татаризации чувашей использовали все средства: молодым подбирали пару, оказывали материальную помощь бедным, вели пропаганду среди колеблющихся. Муллы также обучали чувашских детей. В целом, татары умели находить подходы к людям. Аналогичные процессы происходили в Оренбургской губернии. Кроме того, здешние татары сулили взамен на религию земельные наделы, которых чувашаи так и не дождались.

Несмотря на активность процесса отатаривания, официальная статистика не отражала эту действительность. А переход чувашей в ислам принимал массовый характер. «Так, в 1866 г. о желании исповедовать мусульманство заявили чувашаи селений Средние Алгаши, Дувановка, Три Избы Шемурши, Трех-Болтаево, Чепкас-Ильметьево, Старое Шаймурзино, Новое Дуваново, Буинка, Саушево, Чекильдым Буинского уезда Симбирской губернии. Случаи перехода в ислам отмечаются также среди чувашей дд. Кукушмы, Белой Волошки и Утеево Тетюшского уезда Казанской губернии, Татарское Сунчелево, Салдакаево Чистопольского уезда, Тенеево, Полевое Байбахино, Водоял (Уты) Цивильского уезда Казанской губернии, Нижние Нурлаты Самарского уезда Самарской губернии. В начале XX в. фиксируется сильная исламизация жителей чувашских селений Сугуты Тетюшского уезда, Казябаш, Новое Серезино, Алексеевка, Абдикеево, Рысайкино, Старое Ганькино, Николькино, Булантамак, Сумели Степанкова, Вороний Куст, Иглайкино, Сабакеево, Калмаюр Самарской губернии. Принимают ислам чувашаи дд. Теновой, Полевое Байбахтино Цивильского уезда Казанской губернии, Старое Афонькино, Артемьевка (Булантамак) Самарской губернии» (Исхаков, 2011: 197). Шел процесс языковой и конфессиональной унификации чувашей с татарами, а заодно – потеря идентичности.

Новые волны активной татаризации происходили в 40–50 и особенно 60-х гг. XIX в. Например, в Тетюшском уезде Казанской губернии перешли в магометанство крещеные чувашаи в дд. Кукшумка (43 домохозяина), Белая Волошка (50 домохозяев) и Утеево (24 домохозяина). Аналогичные процессы шли в Чистопольском и Спасском уездах. В Казанской епархии только по официальным подсчетам в 1866 г. отступников было 9 000 природных чувашей. Притом они утверждали, что их отцы и деды – магометане (Чичерина, 1905: 131-132). В течение 1865–1866 гг. в д. Средние Алгаши все чувашаи, за исключением четырех домов, отошли от православия, при этом они заявляли, что никогда не крестились, поменяли имена на магометанские, остриглись и начали одеваться по-татарски. Кроме того, они перестали пускать в дом православных священников. Тем не менее, многие женщины продолжали придерживаться старинных чувашских обрядов и верований. В соседнем селе Новые Алгаши чувашаи, носившие христианские имена, также держались старинных имен (Журнал..., 1902: 476).

Как верно считал миссионер-проповедник С.А. Багин, отпадению и движению в пользу магометанства способствовали либеральные настроения в стране, стремление к преобразованию государственного строя и реформы императора Александра III. По состоянию на 1870 г. многие чувашские деревни стали считаться татарскими, например: Старое и Новое Никитино (985 душ), Солдакаево-Обрыскино (181 душа), Новое Узеево (502 души), Средние Челны (487 душ) в Чистопольском уезде, Тугаево (1088 душ), Сунчелево (850 душ) в Цивильском уезде, Белая Волошка (864 души) и Утеево (437 душ) в Тетюшском уезде. Теперь эти чувашаи не отличаются от татар и внешне: у них такие же костюмы, та же речь. У них смешанные браки: татарин женится на чувашке, некрещеная чувашка выходит за татарина (Багин, 1910: 124-125, 225).

Кроме того, в Казанском крае к 1870-м годам стало много смешанных (русско-татарско-магометанско-некрещено-чувашских) селений, например: Слобода Егорьевская (Шама тож) – русских 396, крещеных татар 35, татар-магометан 108, некрещеных чувашей 272; Якушкино – татар-магометан 25, крещеных чувашей 625; Татарская Волчья – татар-магометан 205, некрещеных чувашей 10 (Списки..., 1870: 60-61).

Следует отметить и то, что нередко были случаи обратного перехода из ислама в свою прежнюю веру. Так, в 1871 г. Емельий Темиргалеев из д. Старое Шаймурзино на допросе заявил, что хотел бы остаться в своей чувашской вере (Кобзев, 2007: 121).

Однако влияние чувашей на татар также имеет место. Такая картина свойственна всему Среднему Поволжью. Естественно, что это происходит только в тех местностях, где татары живут небольшим числом среди массы чувашей. Например, татары, живущие вокруг с. Подгорные Тимяши Цивильского уезда, освоили чувашский язык. А татары, проживавшие вблизи с. Ковали, не только говорили с чувашами по-чувашски, но и охотно переняли от них возделывание хмеля (Николаев, 2012: 10).

А.В. Рекеев в 1879 г., будучи диаконом Казанской инородческой учительской семинарии, совершил специальную поездку по маршруту, определенному директором этой семинарии Н.И. Ильминским. Он посетил чувашские селения Уфимской и Симбирской губерний. В частности, в Мензелинском уезде побывал в д. Караназиково. Вокруг – татарские деревни. Чувашки этого поселения свободно говорят по-татарски, костюмы – чисто татарские. Чувашские украшения не носят, голову повязывают платком, как татарки. Внутреннее устройство такое же, как у татар. Приветствуют, подав обе руки. Аналогичный сильный татаризм увидел А.В. Рекеев и в д. Базгиево Белебеевского уезда. Например, здесь вместо чувашских слов в разговоре употребляют татарские (*ул* вместо *въл*, *хаçър* вместо *халё*), также у них чисто татарские обороты речи. Тем не менее чувашки этой деревни проводят свои полевые моления *Учук*, умерших поминают по-своему. Здешние татары угощают чувашей кониной, а с теми, кто ест свинину, за один стол не садятся. А чувашки д. Алексеевка (*Усъллă*) женятся на татарках, соблюдают уразу, ходят в мечеть, некоторые носят тюбетейки. Есть среди омусульманившихся чувашей и такие, которые сами заманивают соплеменников в ислам (Исхаков, Багаутдинова, 2015: 488-489, 493). О том, что в Уфимской губернии магометанство «задавило численностью и влиянием», отмечал Н.И. Ильминский в переписке с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым. Как он писал, в Белебеевском уезде чувашских селений много, но все они расположены между башкирскими и татарскими деревнями и попали под магометанское влияние. О минорной ситуации Н.И. Ильминскому сообщал инспектор инородческих школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринский в 1887 г. Из-за того, что вокруг чувашей и черемисов сплошные башкирские и татарские деревни, многие омагометанились. Чувашки и черемисы между собой уже говорят по-татарски.

Не лучшая картина вырисовывалась и в Саратовской губернии. Здесь в 1889 г. ушли в ислам 19 семей из дд. Абдуловка и Белая Гора. Выяснилось, что не только они, но и их родители тайно исповедовали ислам. Здешние чувашки при рождении сына делали обрезание, а свадьбы проводили по магометанскому обряду. Как считает Е.А. Ягафова, к 90-м годам XIX в. исламизация охватила все основные районы Урало-Поволжья, при этом использовались все легитимные и неофициальные каналы (Ягафова, 2009: 43, 107). Тем не менее, во второй половине 90-х гг. прокатывается еще одна волна исламизации. В 1896 г. 492 человека из села Старое Ганькино Бугурусланского уезда подали прошение о причислении их к мусульманству. Затем аналогичное прошение последовало от рысайкинских чувашей, живших по дедовским традициям.

В целом, если с 1795 по 1897 гг. в Казанской губернии прирост чувашей составил более 224 %, то татар – почти 315 %, т.е. почти на 100 % больше. Конечно, здесь комментарии излишни. Согласно переписи 1897 г., общая численность татар в Казанской и Симбирской губерниях составляла 770 021 человек, а чувашей – 659 707. Любопытно, что во время переписи число чувашей резко возросло, это говорит о том, что чувашки, ушедшие в ислам, не совсем слились с татарами, хотя в прошлых ревизиях они относили себя к татарам.

XX век

17 апреля 1905 г. император Николай II издает Именной Высочайший указ за № 26125, данный Сенату (Полное..., 1908: 257-258). «Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молить по велению его совести», – сказано в этом документе. Указом также признается, что отпадение от православной веры к другому вероисповеданию или вероучению, которое человек избрал, не подлежит преследованию. Отдельным пунктом признается пересмотр законоположения относительно лиц магометанского исповедания.

Указ послужил как бы сигналом и для чувашского населения. В деревнях начинается повальный уход в ислам. Чувашки во многих местностях бросают свои дедовские обряды и верования, начинают одеваться по-татарски, а затем и говорить по-татарски. В деревнях начинают строить мечети и обучать чувашских детей на татарском языке.

Как подчеркивает Г.А. Николаев, «чувашско-татарский этнокультурный взаимообмен на Средней Волге имел место как асимметричный процесс: доминирующим было культурное влияние татар. Особенно рельефны были следы этнокультурного превалирования последних в контактных зонах расселения чувашей и татар. В некоторых чувашских деревнях, расположенных островками в среде татарских поселений, а также в части смешанных татарско-чувашских населенных мест, где чувашки составляли меньшинство, отличить их от татар мог лишь тонкий наблюдатель» (Николаев,

2012: 10). Например, чувашки д. Малое Русаково Свияжского уезда в праздники ходили в бешметах, носили рубашки навыпуск, без пояса. Здесь чувашей можно было отличать только по их длинным прическам.

По состоянию на 1904 г. в селениях Абдикеево, Алексеевка, Булантамак, Ерилкино, Кульшарыпово, Новое Суркино, Старое Афонькино и Старое Суркино Самарской епархии, расположенных между татарскими, стали учащаться переходы чувашей в магометанство. В этих деревнях начали говорить по-татарски, женились на татарках, дочерей выдавали за татар, а детей отдавали в мектебы. В домах появлялись кумганы для омовения. К примеру, в с. Старое Ганькино Бугурусланского уезда проживали 57 семей чувашей-мусульман, в д. Сарайгир несколько семей ушли в ислам, в Алексеевке и Старом Афонькине отпали по две семьи. В Абдикеево 50 семей дома говорили по-татарски, читали татарские молитвы (Ягафова, 2009: 38, 39).

Чуваши из д. Кукшумы Тетюшского уезда за 1899–1904 гг. сумели пройти несколько статусов: православные чувашки → старокрещенные татары → магометаны-татары (Пчелов, 1913: 15). Вследствие аналогичных переорождений снизилось число чувашей и резко увеличилась численность татар. Статистические данные говорят о том, что за последние 70 лет численность татар увеличилась на 150 %. Если в 1834 г. татар было больше чувашей на 8483 человека, то в 1904 г. – на 222 094 (Багин, 1910: 122). Понятно, что такой процент невозможен за счет естественного прироста. Основной показатель здесь – смена веры инородцами, прежде всего – чувашами. И это только по официальным данным, на самом деле этот процент еще выше. Притом от принявших ислам татары требовали, чтобы те отказались от всех видов идентичности, прежде всего – от своих обычаев, языка и национальности. Затем такие чувашки сами начинают строить мечети. Например, в 1905 г. чувашки-мусульмане д. Рысайкино Бугурусланского уезда обратились письменно в Оренбургское магометанское духовное собрание с прошением о постройке мечети. Их просьба была удовлетворена. В 1908–1910 гг. еще 22 жителя этой деревни захотели «уйти в татары» (Ягафова, 2009: 51). Однако формализма в переходе в исламскую религию было много. Исследователи справедливо указывают на бытование среди неофитов двоеверия (смешение своей старой веры и мусульманства). Посещая мечети, они продолжали ходить к своим знахарям *юмӑс*, некоторые носили традиционную одежду, принимали участие в общесельских полевых молениях. Поэтому самое большее в такой ситуации следует говорить не об исламизации в собственном смысле, а о бытовом исламе.

Эмоциональную сторону идентичности превращенцев красноречиво описывала С.В. Чичерина. «Я зашла, между прочим, в дом отпавшего..., чувашское село Чепкасы-Ильметеве Симбирской губернии и уезда. Спрашиваю хозяйина: “Вы чувашки?” “Мы татары”, – говорит он убежденно. Да ведь здесь татар нет, здесь чувашки, татары живут отдельным обществом”, – возражаю я ему. “Мы тага-ары”, – говорит он протяжно, и в его голосе звучит затаенная злоба. “Да ведь твой дед был чувашин?” – настаиваю я. “Если я татарин, то и дед мой был татарин”, – повторяет чувашин упорно» (Чичерина, 1906: 21).

Одну из хитростей в своей пропаганде в пользу ислама татары-магометане строили на распространении слухов о том, будто государь император желает, чтобы его подданные приняли или православную, или магометанскую религию. Поэтому, мол, чувашей могут насильно крестить. Их ухищрения удавались особенно в тех местах, где причт состоял полностью из русских, не владеющих чувашским языком.

Считается, что по состоянию на 1910 г. в Казанской губернии татар-магометан и татар-отступников числилось 730 037 человек, в том числе – бывшие чувашки, черемисы и вотяки, которые отатарились. Это видно и внешне: чувашки со смугловатым лицом, белобрысые черемисы с редкой бородой, рыжие и веснушчатые вотяки (Багин, 1910: 118).

На 1911 г. чувашки-мусульман в Симбирской губернии по семейным спискам считалось 554 человека. На самом деле их было больше. «От общей численности чувашского населения Симбирской губ. (по данным переписи 1897 г. – 159 766 человек) их доля составляла 0,3–0,5 %, от числа татар (133 977 человек) соответственно – 0,4–0,6 %. Таким образом, говорить о крупномасштабной исламизации и ассимиляции чувашки татарами-мусульманами во второй половине XIX – начале XX вв. не приходится» (Кобзев, 2007: 124).

О причинах стремительного наступления ислама в Поволжье писал Н.В. Никольский. Например, у мухаммедан на каждые 100 душ мужского пола в 1912 г. приходилась одна мечеть, у православных же – на каждые 3000 душ одна церковь. Кроме того, строить мечеть можно намного быстрее, чем церковь. Если Православное миссионерское общество в год может напечатать не более 10 брошюр, то мухаммедане печатают такое количество за неделю (Никольский, 1912: 4–5).

Богатые люди вкладывают в дело ислама крупные суммы. Свои действия татары координируют на специальных съездах. Такой съезд, например, был проведен в 1906 г. в Нижнем Новгороде. Для мусульманина его религия представляет общемировую ценность (Андрей, Никольский, 1912: 313).

В итоге исламизации чувашки, ранее придерживавшихся своих традиционных обрядов и верований, произошло смешение религиозных понятий и этнических ценностей. Обрисовывая такую ситуацию, Н.А. Бобровников писал: «В Приволжском крае есть значительные районы, где живут „новые“ татары и башкиры из чуваш, черемис, вотяков; есть районы, где живут башкиры, мешеряки,

тептяри, еще не вполне утратившие под влиянием татар свои языковые особенности... К какому племени причислить и какому комиссариату отдать, например, просвещение деревни, в которой мужчины обрили головы и говорят по-татарски, женщины вычернили себе зубы, но говорят, особенно старые, по-чувашски, дети говорят на обоих языках?» (Бобровников, 1917: 178-178 об.).

Пеструю картину представляют чувашаи, исповедующие православие, официально они причислены к татарам, а в метрических книгах записаны чувашами. Такие «православные татаро-чувашаи» встречаются, например, в селениях Цивильской окружности. Но самое интересное то, что говорят они на каком-то среднем наречии между чувашским и татарским языками, но ни тем, ни другим народом не признаются за своих. «Одеваются, как чувашаи. Женщины носят те же украшения, но с прибавкою к чувашскому наряду пестрых и разноцветных юбок... Они живут среди чуваш, которых большая часть в этом месте исповедует православие. Сами себя мешчеряки называют чувашами, чуждаясь названия татарами именно потому, что они крещены» (Риттих, 1870: 39-40). Как татаризованные и граничащие с Татарстаном, все эти селения в 1921 г. по административно-территориальному переделу были исключены из Чувашской Республики и причислены к Республике Татарстан.

Конечно, в деле мусульманизации решающую и первую роль сыграло учение языка местных татар. Кроме того, ислам утверждался в похоронно-поминальных обрядах. Исламизированные чувашаи умерших хоронили в саване, в яме с подбоем. Плюс – каменные надгробные плиты с татарскими именами.

Что касается молькеевской музыкальной традиции, то ее М.Г. Кондратьев оценивает как обособленный «фрагмент, ответвление чувашской традиции, развивавшееся в иноязычной, но типологически и генетически родственной среде» (Кондратьев, 1997: 66). Экспедиционные исследования 1970–1990-х гг. позволили увидеть типологическое сходство молькеевской музыки с жанрами чувашей-анатри: – это полное сходство структуры и мелодического контура при различной ладовой окраске. Наблюдаются ассоциации с мишарской и мордовской свадебной традицией причитания невесты. А в чувашской деревне Аксу во время совместных хороводов кряшены и чувашаи по очереди пели свои напевы на своих языках (Альмеева, 1993: 106, 108).

Таким образом, за время многовекового пребывания в составе Золотой Орды, Казанского ханства и соседства с татарами выработался «чувашский комплекс». Как полагал историк В.Д. Дмитриев, чувашаи считали, что управлять ими должны татары, русские. Кроме того, «отдельные представители чувашей, получившие образование, стремились не тянуть за собой других, а препятствовать им выбиться в люди» (Дмитриев, 2000: 357).

5. Заключение

В XV–XVII вв. происходит заселение юго-восточных и южных районов Чувашии татароязычными мишарями из Сарая и других районов Золотой Орды. Так образовались современные татарские поселения в Батыревском, Комсомольском и Яльчикском районах. Затем эти селения начали оказывать религиозное и этнографическое влияние на соседей чувашей.

С падением Казанского ханства православие начинает насильственное крещение народов Среднего Поволжья. Часть населения, стремясь не попасть под влияние христианства, уходит в ислам и превращается в татар. Служилые чувашаи превращаются в служилых татар.

В XVIII в. процесс татаризации углубляется. Значительное число чувашей также начинает учить татарский язык, носить тюбетейки, отказываться от свинины, питаться кониной, брить головы, соблюдать пятницу. В некоторых чувашских деревнях вырастают мечети.

В XIX в. численность татар резко возрастает за счет ухода инородцев в ислам. Также растет количество смешанных браков. Соседние чувашские и татарские деревни проводят совместные праздники (девичье пиво *хёр сáри/кыз сырасы*, хороводы *вайй/эйлэн-бэйлэн*) поют на двух языках. Как отмечают исследователи, ошибкой правительства стал его либерализм.

В 1905 г. Николай II издает указ о свободе вероисповеданий. Начинается повальный уход чувашей в татары и ислам, особенно в смешанных районах: если в 1834 г. татар было больше чувашей на 8484 человека, то в 1904 г. – на 222 094. За счет естественного прироста такой результат получить невозможно. Неофиты не то чтобы не скрывали свое превращение, но и становились в определенной степени фанатами. В таких деревнях вырабатывался стойкий «чувашский комплекс» своей ущербности, иначе говоря, шел процесс потери идентичности. Продолжается он и сегодня. Более того, усваивается зависть к преуспевающим соплеменникам и желание препятствовать им.

Литература

Альмеева, 1993 – Альмеева Н. Песенная традиция молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 98-116.

Андрей, Никольский, 1912 – Андрей, епископ; Никольский Н.В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань: Тип. губ. правления, 1912. 271 с.

Багин, 1910 – Багин С.А. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской

- епархии и о причинах этого печального явления // *Православный собеседник*. Казань, 1910. С. 118-127, 225-236.
- Бобровников, 1918** – *Бобровников Н.* В Комиссию по изучению племенного состава населения России. 1918 г. // СПБ филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30. Л. 178-178 об.
- Галлямова, Столярова, 2010** – *Галлямова А.Г., Столярова Г.Р.* Чуваши-язычники Татарстана: этнокультурная отличительность в условиях модернизации // *Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. С. 107-112.
- Димитриев, 1993** – *Димитриев В.Д.* Чувашиские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 448 с.
- Димитриев, 2000** – *Димитриев В.Д.* Истокает нацию нигилизм // *Чувашское население России: Консолидация. Диаспоризация. Интеграция*. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 357-360.
- Димитриев, 2005** – *Димитриев В.Д.* Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // *Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении*. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 53-71.
- Димитриев, 2014** – *Димитриев В.Д.* Чувашиский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.
- Егоров, 1953** – *Егоров В.Г.* К вопросу о происхождении чуваш и их языка // *Записки*. Вып. VII. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1953. С. 64-91.
- Журнал..., 1902** – Журнал общего годичного собрания членов Православного миссионерского общества по Симбирскому его комитету 7 апреля 1902 года // *Симбирские епархиальные ведомости*. 1902. С. 476-481.
- Иванов, 2019** – *Иванов В.П.* Метаморфозы этничности: Полемиические этюды по этнопсихологии чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2019. 143 с.
- Исхаков, 1998** – *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
- Исхаков, 2011** – *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.
- Исхаков, Багаутдинова, 2015** – *Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З.*, авторы-составители. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов. Казань: ИИ АН РТ, 2015. 620 с.
- Кеппен, 1861** – *Кеппен Петр*. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: Имп. АН, 1861. VI, 2, 510 с.
- Кобзев, 2007** – *Кобзев А.В.* Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX – начале XX веков // *Отечественная история*. 2007. № 5. 120-126 с.
- Кондратьев, 1997** – *Кондратьев М.Г.* Музыкальный фольклор молькеевских крышен в свете чувашских параллелей // *Чувашское искусство: Вопросы теории и истории*. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 29-69.
- Мельников, 1859** – *Мельников Степан*. Акты исторические, и юридические, и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Т. 1. Казань: Губ. стат. комитет, 1859. 230 с.
- Миллер, 1791** – *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. [8], 99, [2] с., 8 л. ил.
- Николаев, 2012** – *Николаев Г.А.* Об ассиметрии в этнокультурных взаимосвязях чувашей и татар в Средневожской деревне во второй половине XIX – начале XX века // *Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме*. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 5-17.
- Никольский, 1912** – *Никольский Н.* Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья // *Инородческое обозрение*. Казань, 1912. С. 3-5.
- Полное..., 1908** – Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. 1905. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1908. 966, 157 с.
- Пчелов, 1013** – *Пчелов А.И.* Татары или чуваша? // *Инородческое обозрение*. Казань, 1913. С. 14-15.
- Риттих, 1870** – *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. Казань: Имп. Казан. ун-т, 1870. 2, X, II, 109 с., 6 л. ил., карта.
- Севастьянов, 2018** – *Севастьянов И.В.* Этнокультурная идентичность крышен в сравнительном контексте: историко-этнографическое исследование молькеевской и заказанской этнографических групп. Дисс. ... кандидата исторических наук. М.: ИЭА РАН, 2018. 238 с.
- Смирнов, 2014** – *Смирнов А.С.* Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII веков // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 3 (1). С. 186-193.
- Списки..., 1870** – Списки инородческих селений Казанского учебного округа: Прибавления к карте инородческого населения. СПб.: Имп. АН, 1870. С. 60-61.

- Татищев, 1962** – *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. Подг. к печати – М.П. Ирошников и З.Н. Савельева. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.
- Чичерина, 1905** – *Чичерина С.* У Приволжских инородцев: путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. 2, VI, 427, 1, 210, 4 с., 16 л. ил.
- Чичерина, 1905** – *Чичерина С.В.* Положение просвещения у приволжских инородцев. СПб.: Тип. М. Стасевича, 1906. 66 с.
- Ягафова, 2007** – *Ягафова Е.А.* Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX вв. // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 4. С. 101-117.
- Ягафова, 2009** – *Ягафова Е.А.* Чувашаи-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.; цв. илл.
- Castrén, 1862** – *Castrén Alexander M.* Kleinere Schriften. St. Petersburg: Kaiserl. Akad. der Wiss., 1862. X, 382 p.

References

- Al'meyeva, 1993** – *Al'meyeva N.* (1993). Pesennaya traditsiya mol'keyevskikh kryashen [Song tradition of the molkeyevsky kryashens] *Mol'keyevskiy kryasheny*. Kazan': IYaLI. Pp. 98-116. [in Russian]
- Nicol'skii, 1912** – *Andrei, yepiskop, Nicol'skii N.V.* (1912). Naiboleye vazhnyye statisticheskiye svedeniya ob inorodtsakh vostochnoi Rossii i Zapadnoi Sibiri, podverzhennykh vliyaniyu islama [Most important statistic information on foreigners in Eastern Russia and Western Siberia exposed to the influence of Islam]. Kazan': Tip. gub. pravleniya. [in Russian]
- Baghin, 1910** – *Baghin S.A.* (1910). Ob otpadenii v magometanstvo kreshchenykh inorodtsev Kazanskoj yeparkhii i o prichinakh etogo pechal'nogo yavleniya [On the fall of baptized foreigners of the Kazan eparchy into the Mohammedanism and the reasons for this sad phenomenon] *Pravoslavnyi sobesednik*. Kazan'. Pp. 118-127, 225-236. [in Russian]
- Bobrovnikov, 1918** – *Bobrovnikov N.V.* (1918). Komissiyu po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya Rossii [To the Commission on the study of the tribal composition of the population of Russia]. *SPb filial Arkhiva RAN*. F. 2. Op. 1 (1917). D. 30. L. 177-181. [in Russian]
- Castrén, 1862** – *Castrén M.A.* (1862). Kleinere Schriften. St. Petersburg: Kaiserl. Akad. der Wiss.
- Chicherina, 1905** – *Chicherina S.* (1905). U Privolzhskikh inorodtsev: putevyye zametki [Volga aliens: travel notes]. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна. [in Russian]
- Chicherina, 1906** – *Chicherina S.V.* (1906). Polozheniye prosveshcheniya u privolzhskikh inorodtsev [State of education of Volga aliens]. СПб.: Тип. М. Стасевича. [in Russian]
- Gallyamova, Stolyarova, 2010** – *Gallyamova A.G., Stolyarova G.R.* (2010). Chuvashy-yazychniki Tatarstana: etnokul'turnaya otlichitel'nost' v usloviyakh modernizatsii [Chuvash-pagans of Tatarstan: ethno-cultural distinctiveness in the conditions of modernization]. *Krest'yanstvo v rossiiskikh transformatsiyakh: istoricheskii opyt i sovremennost'*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. Pp. 107-112. [in Russian]
- Dimitriyev, 1993** – *Dimitriyev V.D.* (1993). *Chuvashskiy istoricheskiy predaniya: Ocherki istorii chuvashskogo naroda s drevneishykh vremen do serediny XIX veka* [Chuvash historical legends: Essays of the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of XIX century]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. [in Russian]
- Dimitriyev, 2000** – *Dimitriyev V.D.* (2000). Istoshchayet natsiyu nighilizm [Nihilism depletes the nation]. *Chuvashskoye naseleniye Rossii: Konsolidatsiya. Diasporizatsiya. Integratsiya*. Т. 1. М. IEA RAN. Pp. 357-360. [in Russian]
- Dimitriyev, 2005** – *Dimitriyev V.D.* (2005). Zemlevladieniye sluzhylykh chuvashei Sviyazhskogo uyezda v seredine XVII veka [Land ownership of the Chuvash servants of Sviyazhsky county in the middle of the XVII century]. *Agrarnyi stroi Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii*. М.: INION RAN, 2005. Pp. 53-71. [in Russian]
- Dimitriyev, 2014** – *Dimitriyev V.D.* (2014). *Chuvashskii narod v sostave Kazanskogo khanstva: Predystoriya i istoriya* [Chuvash people in the Kazan Khanate: Background and History]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo. [in Russian]
- Iskhakov, 1998** – *Iskhakov D.M.* (1998). *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnopoliticheskii vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV – XVII vv.)* [From the medieval Tartars to the Tartars of the modern time (ethno-political view on the history of the Volga-Ural Tartars of the XV – XVII centuries)]. Kazan': Master Lain. [in Russian]
- Iskhakov, 2011** – *Iskhakov R.R.* (2011). *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Muslims of Volga-Kama (last third of XVIII – early XX century)]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo. [in Russian]
- Iskhakov, Bagautdinova, 2015** – *Iskhakov R.R., Bagautdinova Kh.Z.*, avtory-sostaviteli. (2015). *Materialy po istorii obrazovaniya i prosveshcheniya narodov Volgo-Ural'ya v rukopisnykh fondakh N.I. Il'minskogo. Sbornik dokumentov i materialov* [Materials on the history of education and enlightenment of the peoples of the Volga-Ural region in the handwritten funds of N.I. Ilminsky. Collection of documents and materials]. Kazan': II AN RT. [in Russian]

- Ivanov, 2019** – *Ivanov V.P.* (2019). Metamorfozy etnichnosti: Polemicheskiye etyudy po etnopsikologhii chuvashei [Metamorphoses of ethnicity: Polemic etudes on ethnopsychology of the Chuvash]. Cheboksary: Fond istoriko-kul'turologhicheskikh issledovaniy im. K. V. Ivanova. [in Russian]
- Keppen, 1861** – *Keppen Petr.* (1861). Khronologhicheskii ukazatel' materialov dlya istorii inorodtsev Yevropeiskoi Rossii [Chronological index of materials for the history of foreigners of European Russia]. SPb.: Imp. AN. [in Russian]
- Kobzev, 2007** – *Kobzev A.V.* (2007). Islamizatsiya pravoslavnykh chuvashei i chuvashei-yazychnikov Simbirskoi gubernii v XIX – nachale XX veka [Islamization of the Orthodox Chuvash and Chuvash pagans of Simbirsk province in XIX – early XX century]. *Otechestvennaya istoriya*. № 5. Pp. 120-126. [in Russian]
- Kondrat'yev, 1997** – *Kondrat'yev M.G.* (1997). Muzykal'nyi fol'klor mol'keyevskikh kryashen v svete chuvashskikh paralelei [Musical folklore of molkeyevsky kryashens in the light of Chuvash parallels] *Chuvashskoye iskusstvo: Voprosy teorii i istorii*. Vyp. 3. Cheboksary: ChGhIGN. Pp. 29-69. [in Russian]
- Miller, 1791** – *Miller G.F.* (1791). Opisaniye zhyvushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description of pagan peoples living in the Kazan province, Cheremis, Chuvash and Votyaks]. SPb.: Imp. AN. [in Russian]
- Nikolayev, 2012** – *Nikolayev G.A.* (2012). Ob assimetrii v etnokul'turnykh vzaimosvyazyakh chuvashei i tatar v Srednevolzhskoi derevne vo vtoroi polovine XIX – nachala XX veka [On asymmetry in ethno-cultural interrelations of the Chuvash and Tartars in the Middle Volga village in the second half of XIX – early XX century] *Chuvashy i ikh sosedi: etnokul'turnyi dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuumе*. Cheboksary: ChGhIGN. Pp. 5-17. [in Russian]
- Nikol'skii, 1912** – *Nikol'skii N.* (1912). Religiozno-nravstvennoye sostoyaniye inorodtsev Povolzh'ya [Religious and moral state of aliens of the Volga Region]. *Inorodcheskoye obozreniye*. Kazan'. Pp. 3-5. [in Russian]
- Pchelov, 1913** – *Pchelov A.I.* (1913). Tatory ili chuvashy? [Tartars or Chuvash?]. *Inorodcheskoye obozreniye*. Kazan'. Pp. 14-15. [in Russian]
- Polnoye..., 1908** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of the laws of the Russian Empire]. T. XXV. Otdeleniye I. SPb.: Gos. tip. [in Russian]
- Rittikh, 1870** – *Rittikh A.F.* (1870). *Materialy dlya etnografii Rossii. XIV: Kazanskaya guberniya* [Materials for ethnography of Russia. XIV: Kazan Province]. Ch. I. Kazan': Imp. Kazan. un-t. [in Russian]
- Sevast'yanov, 2018** – *Sevast'yanov I.V.* (2018). *Etnokul'turnaya identichnost' kryashen v sravnitel'nom kontekste: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye mol'keyevskoi i zakazanskoi etnograficheskikh grupp* [Ethno-cultural identity of kryashens in a comparative context: historical-ethnographic study of the molkeyevsky and zakazansky ethnographic groups]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M.: IEA RAN. [in Russian]
- Smirnov, 2014** – *Smirnov A.S.* (2014). Zemlevladieniye i khozyaistvo inorodtsev Kazanskogo uyezda vo vtoroi polovine XVI - nachale XVII veka [Land ownership and household of aliens of Kazan County in the second half of XVI – early XVII century] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 3 (1). Pp. 186-193. [in Russian]
- Spiski..., 1870** – Spiski inorodcheskikh selenii Kazanskogo uchebnogo okruga: Pribavleniya k karte inorodcheskogo naseleniya [Land ownership and household of aliens of Kazan County in the second half of XVI – early XVII century]. SPb.: Imp. AN. [in Russian]
- Tatishchev, 1962** – *Tatishchev V.N.* (1962). *Istoriya Rossiiskaya* [Russian history]. T. 1. Podg. k pečhati - M.P. Iroshnikov i Z.N. Savel'yeva. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. [in Russian]
- Yagafova, 2007** – *Yagafova Ye.A.* (2007). Islamizatsiya chuvashei v Uralo-Povolzh'ye v XVIII - nachale XX v. [Islamization of Chuvash in the Ural-Volga region in XVIII – early XX century] *Etnograficheskoye obozreniye*. № 4. Pp. 101-117. [in Russian]
- Yagafova, 2009** – *Yagafova Ye.A.* (2009). Chuvashy-musul'mane v XVIII - nachale XXI vv. [Chuvash Muslims in XVIII – early XXI centuries] Samara: PGSGA. [in Russian]
- Yegorov, 1953** – *Yegorov V.G.* (1953). K voprosu o proiskhozhdenii chuvash i ikh yazyka [On the origin of the Chuvash and their language] *Zapiski*. Vyp. VII. Cheboksary: NIIYaLIE. Pp. 64-91. [in Russian]
- Zhurnal..., 1902** – Zhurnal obshchego godichnogo sobraniya chlenov Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva po Simbirskomu yego komitetu 7 aprelya 1902 goda [Journal of the General Annual Meeting of Members of the Orthodox Missionary Society for its Simbirsk Committee on 7 April 1902]. *Simbirskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. Pp. 476-481. [in Russian]

Уход чувашей в татары и потеря идентичности

Антон Кириллович Салмин^{а,*}

^аМузей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация

Аннотация. В XV–XVII вв. происходит заселение юго-восточных и южных районов Чувашии татароязычными мишарами из Сарая и других районов Золотой Орды. Затем эти селения начали оказывать религиозное и этнографическое влияние на соседей чувашей. Такое социальное давление через язык, одежду и культуру в конечном счете приводило к поглощению татарами значительного количества чувашского населения Среднего Поволжья и Приуралья. Определенная часть чувашского населения брила головы, питалась кониной, отказывалась держать свиней. В регионе росло число новых мечетей, массовыми тиражами издавалась кораническая литература. В 1905 г. издается Указ Николая II о свободе вероисповедания, который стал как бы сигналом для татар для наступления и для чувашей о возможных произволах в религиозных проявлениях. Татары проводят ряд съездов с целью координации своих пропагандистских действий. С 1834 по 1904 гг. численность татар выросла на 150 %, в основном – за счет смены веры инородцами. Имелись случаи фанатичного поведения со стороны неопитов. В конечном счете значительная часть потеряла свою идентичность, а некоторые и вовсе пополнили ряды татарского населения. Как видим, влияние ислама на чувашей велико. Оно имеет и положительные аспекты. Исламизация позволила чувашам сохранить островки населенных пунктов, придерживающихся и ныне своей исконной религии, а не раствориться в православии. При первой же возможности чувашаи, «принявшие» ислам, возвращались к своим традициям.

Ключевые слова: татары, чувашаи, ислам, этничность, идентичность, обряды, верования.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: antsalmin@mail.ru (А.К. Салмин)

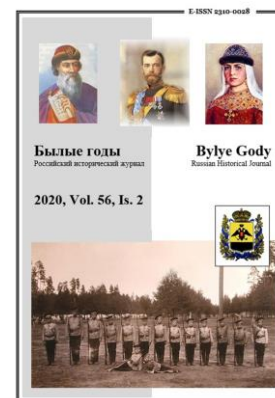
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 398-406. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.398
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Phenomenon of Buddhist Pilgrimage in the History and Culture of Kalmyks

Mergen S. Ulanov ^{a,*}, Valeriy N. Badmaev ^a, Arya A. Andreeva ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the work is to consider the phenomenon of Buddhist pilgrimage in the history and culture of Kalmyks. The tradition of the Kalmyk Buddhist pilgrimage has a long and rich history. The main object of pilgrimage at Kalmyks was the shrine of Tibet. The Kalmyk pilgrimage to Tibet was due to the historical ties of the Kalmyk and Tibetan peoples and had not only religious, but also foreign policy goals. The Kalmyk pilgrimage to Tibet set diplomatic, research and intelligence tasks. During the Soviet period, pilgrimage became a cover for solving the state's foreign policy tasks. The repressive policies of the Soviet state led to the complete cessation of pilgrimage contacts with Tibet. The revival of the pilgrimage traditions at the end of the 20th century was associated with the democratization of socio-political life in Russia.

The Kalmyk pilgrimage traditionally had not only religious, ritual and educational tasks, but also had a political and diplomatic character. The specificity of the modern Buddhist pilgrimage among Kalmyks is the revival of the traditional religious and cultural ties of Kalmyk Buddhists not with Tibet, but with the Tibetan diaspora of India, which is why the latter became the main pilgrimage site for Kalmyks.

Keywords: kalmyks, Kalmykia, pilgrimage, the history of the Kalmyk pilgrimage, Buddhism, Tibet, India, Russia.

1. Введение

Паломничество – не только способ выражения религиозных чувств, но и духовная практика, которая имеет высокий религиозный смысл. Обычай священного путешествия, присущий большинству религий, уходит своими корнями в глубокую древность. Идея паломничества предполагала восстановление контакта мирского со священным. При этом в каждой религии паломничество имеет свои особенности, соответствующие специфике религиозных постулатов. В буддизме оно имеет такие же древние корни, как и сам буддизм. Традиция буддийского паломничества как особой практики была заложена еще в Древней Индии известными буддийскими деятелями. В буддийской традиции считается, что посещение святых мест, связанных с именами Будды и известных буддийских святых, способствует скорейшему достижению состояния просветления.

В данной статье обратимся к феномену буддийского паломничества в истории и культуре калмыков. Следует отметить, что эта проблема недостаточно исследована.

2. Материалы и методы

Важным источником в изучении буддийской паломнической традиции у калмыков являются сочинения и дневниковые записи таких калмыцких паломников и путешественников, как Пурдаш Джунгруев, Бааза-багши Менкеджуев, Овше Норзунов, Дамбо Ульянов, написанные в жанре хождений. Некоторую информацию о калмыцко-тибетских религиозных связях можно найти в

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmav07@yandex.ru (V.N. Badmaev), lovely-arya@mail.ru (A.A. Andreeva)

биографии выдающегося ойрат-калмыцкого просветителя Зая-пандиты (Биография Зая-пандиты, 1969), историко-литературных произведениях Габана Шараба (*Габан Шараб, 1969*) и Батур-Убаши Тюменя (*Сказание о дербен-ойратах, 1969*).

Междисциплинарный характер предмета исследования с выраженной историко-культурологической детерминантой предопределил обращение к методологии, сложившейся в современной теории и истории культуры. Междисциплинарный подход позволяет интегрировать методы социогуманитарных наук с целью выявления специфики буддийского паломничества как уникального феномена культуры

3. Обсуждение

Одним из первых, обратившихся к данной теме, был российский ученый-этнограф XVIII века В.М. Бакунин. В работе «Описание истории калмыцких народов» он приводит факты калмыцко-тибетских связей, акцентируя внимание в первую очередь на политических аспектах взаимоотношений калмыков с Тибетом (*Бакунин, 1995*).

В дореволюционный период история паломничества калмыков в Тибет затрагивалась также в трудах А.М. Позднеева (*Позднеев, 1897*), Н.Э. Уланова (*Подъесаул Уланов, 1997*). Так, Н.Э. Уланов в своей работе, отмечая исторический характер взаимосвязей калмыцкого духовенства с Тибетом, обращает внимание на факты возобновления паломничества калмыцких лам в Лхасу с конца XIX в.

История организации калмыцких посольств в Китай и Тибет в XVIII в., контакты светской и духовной элиты Калмыцкого ханства с буддийскими центрами Тибета рассматривались Н.Н. Пальмовым (*Пальмов, 1926*).

В научной литературе 1930–1960-х годов вопросы буддизма в Калмыкии не получили должного внимания. Так, в очерках по дореволюционной истории Калмыкии буддийской проблематике отводится скромное место (*Очерки истории..., 1967*).

В 1970-е гг. филологические аспекты феномена паломничества у калмыков (на примере путешествий калмыцких паломников в Тибет в 1891–1903 гг.) были рассмотрены А.В. Бадмаевым в статье «О жанре хождений (описания путешествий) калмыцкой литературы» (*Бадмаев, 1973*). Данное исследование легло в основу раздела о жанре паломнических «хождений» в «Истории калмыцкой литературы» (*История калмыцкой литературы, 1981*).

В постсоветской историографии различные аспекты темы освещались в монографических работах А.И. Андреева, Б.У. Китинова, А.А. Курапова.

Калмыцкое паломничество в Тибет в контексте российско-тибетских политических отношений рассматривается в работах А.И. Андреева «От Байкала до Священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX в. (Бурятия, Монголия, Тибет)» и «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» (*Андреев, 1997; Андреев, 2006*). В данных трудах основное внимание уделено периоду конца XIX – начала XX вв.

Исследование Б.У. Китинова «Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.)» посвящено анализу распространения буддизма у ойратов, взаимоотношений ойратов и тибетских священнослужителей в контексте сложившейся геополитической ситуации в регионе (*Китинов, 2004*).

В монографии А.А. Курапова «Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв.» данная проблема затрагивается в аспекте исследования влияния буддийской общины на внутреннюю и внешнюю политику Калмыцкого ханства (*Курапов, 2007*). Здесь подтверждаются выводы В.М. Бакунина и Н.Н. Пальмова о тесной связи паломничества и внешней политики ханства.

Определенный вклад в исследование тех или иных аспектов данной проблемы внесли также статьи Э.У. Омакаевой (*Омакаева, 1994*), Б.В. Очировой (*Очирова, 2010*), Марзаевой (*Марзаева, 2014*) и др.

В целом, можно сделать вывод о том, что современное калмыковедение имеет в своем распоряжении обширный материал по истории калмыцкого паломничества. Вместе с тем ощущается настоятельная необходимость в систематизации, обобщении, осмыслении накопленных эмпирических данных и составлении более полной картины истории калмыцкого паломничества, включая современный период, что и определяет исследовательскую лагуну данной работы.

4. Результаты

В отличие от бурят Забайкалья, территориально близкого к Монголии и имевшего с ней крепкие отношения, калмыки получали знания о буддизме напрямую из Тибета (*Ulanov et al., 2019: 1453*). Специфика калмыцкого паломничества в XVII – второй трети XVIII вв. заключалась в том, что паломники-калмыки, в отличие от бурят, проходили в Тибет через территорию Джунгарии, минуя Монголию (*Бакаева, 2004: 24*).

Калмыки еще в XVII в. вступали в контакты с Тибетом, принимая активное участие во внутриполитической жизни тибетского общества. Так, Гуши-хан хошеутский дважды, в 1635 г. и 1638 гг., совершил паломничество в Тибет к Далай-ламе V Агвану Лубсан-чжамцо, получив от него титул «Данзин-Чойджал» («Царь законов и опора религии») (*Сумба-Хамбо, 1972: 65*). В знак благодарности Гуши-хан наделил монгольскими титулами сановников из окружения Далай-ламы,

которые они носили вплоть до середины XX века (Кычанов, Савицкий, 1975: 84). Установив свое влияние над всеми районами Тибета, Гуши-хан передал верховную власть Далай-ламе.

Кроме политических целей паломничества, у калмыков были и собственно религиозные, ритуальные, образовательные задачи – получение буддийскими монахами образования, поклонение святым местам, совершение религиозных ритуалов, получение благословения, святынь для строительства новых буддийских храмов.

Одним из самых известных калмыцких паломников XVII в. был бакша Джиджетен, имя которого стало у калмыков священным и особо почитаемым. Предания говорят о нем, что он первым из калмыков посетил Далай-ламу. Он «хорошо запомнил фигуры Дяркин-Геяна и Далай-Ламы, и по приезду домой он сделал из золота этих бурханов, по образцу которых бурханы делаются и в настоящее время» (Похождение бакши Джиджетена, 1886: 892).

Следует отметить, что политические аспекты превалировали среди целей паломничества у представителей калмыцкой аристократической верхушки и высшего духовенства. Так, тайша Шукур Дайчин совершил два паломничества к святым местам в Тибет: примерно в 1645–1647 и в первой половине 1650-х годов (Батмаев, 1993: 106). Во время второго паломничества он посетил церемонию освящения монастыря Аблаинкит, а также пригласил Зая-пандиту в калмыцкие кочевья (Биография Зая-пандиты, 1969: 177). Известно, что Шукуру Дайчину во время его посещения Тибета Далай-лама пожаловал титул хана, от которого Дайчин в силу ряда обстоятельств отказался (Сказание о дербен-ойратах, 1969: 57). Некоторые исследователи рассматривают паломническую поездку тайши Дайчина в Тибет в 1645–1647 гг. прежде всего как политическую акцию, обусловленную необходимостью апелляции к Далай-ламе V (Богоявленский, 1939: 78; Кичиков, 1994: 68). Известно также, что в 1690 г. власть Аюки-хана также была освящена высшим буддийским иерархом.

Таким образом, паломничество оказывало влияние не только на духовную, но и политическую жизнь Калмыцкого ханства, являясь способом реализации политических задач светской и духовной знати. Поэтому российское правительство, понимая, что вопросы организации и отправки калмыцких паломничеств в Тибет переходят из религиозной плоскости в политическую, принимает решение взять вопросы паломничества под контроль в своей политике относительно Калмыцкого ханства.

В XVIII в. получает развитие традиция направления делегаций в Тибет для доставки пепла после кремации известных правителей. Так, в 1729 г. с целью доставки в Лхасу пепла кремированного Аюки-хана была направлена делегация паломников, во главе которой стоял Намка-гелюнг, второй по значимости священнослужитель в административной иерархии буддийского духовенства Калмыцкого ханства. Калмыцкое посольство, получив серьезную финансовую поддержку российского правительства, посетило Далай-ламу VII, а также основные религиозные центры Тибета (Беспозванных, 2002: 151). Кроме выполнения необходимых религиозных обрядов, посольство решало задачи пополнения штата буддийского духовенства. Делегация калмыцких паломников, вероятно, пыталась одновременно выполнить и политические задачи, направленные на установление политического союза с Пекином.

После ухода в 1771 г. части калмыцкого народа в Китай практика паломничества у оставшихся в Поволжье калмыков практически прекратилась. Только во второй половине XIX в. традиция религиозного паломничества среди калмыков начинает возрождаться по причине того, что Россия, имевшая свои интересы на Востоке, нуждалась в фактических знаниях об этих землях, в частности о Тибете, который был малоисследованной страной, а калмыкам и бурятам, буддистам по рождению, путь туда был свободен. Совершая паломничество, они выполняли задачи и исследовательского характера.

В калмыцкой литературе конца XIX – первой четверти XX вв. важное место занимает жанр «хождений» в Тибет, достаточно подробно исследованный А.В. Бадмаевым (Бадмаев, 1973; История калмыцкой литературы, 1981: 252-275). К сожалению, пока не удалось обнаружить ни одного описания путешествия на заяпандитовском «ясном письме», хотя такие рукописи некогда существовали (Сазыкин, 1994).

Известно описание путешествия Бааза-багши Менкеджуева в Тибет (Позднеев, 1897). Бааза Менкеджуев остался в памяти народа как путешественник и строитель Дундухурьского монастыря, постройка которого была завершена незадолго до его отправки в Тибет. Бааза-багши задумал посетить святыне места Тибета и поклониться Далай-ламе после знакомства с документами монастырских архивов об исторических связях калмыков с Тибетом. Кроме описания святынь, книга Бааза-багши содержит интересные сведения о жизни Тибета, быте и нравах ее обитателей, деятельности администрации тех стран, где побывал ее автор, также в ней приводятся интересные данные о природе, климате и ряде других наблюдений.

Калмыцкий гелюнг Пурдаш Джунгруев дважды (1898–1900 и 1902–1903 гг.) совершал путешествия в Тибет. В сведениях о первом путешествии П. Джунгруев говорит о причине, побудившей его отправиться в Тибет, которая, по его словам, заключалась в желании продолжить благочестивую традицию его земляков: «Прежде Йогучар-цзурачи и Цзайсан из родов богдо-шабинарова и мамут /мамадут/-шабинарова добрались до Тибета и представились Далай-ламе и Панчен-богдо. От обоих гэгэнов /они/ удостоились получить грамоты, печать, предметы поклонения, бурханов и много /других/ тому подобных благословенных вещей» (Хождение в Тибет..., 1995: 127).

П. Джунгруев во время аудиенции у Далай-ламы передал ему письмо от находившегося в то время в России ламы Агвана Доржиева ([Хождение в Тибет...](#), 1995: 136). Пользуясь привилегиями, предоставленными ему Далай-ламой, он внимательно наблюдал за деятельностью монастырей и центрального аппарата буддийской церкви. Разобраться в тонкостях лхасского двора ему помогал земляк Боован Бадма, совершивший свое образование в монастыре Брайбун (Дрепунг). П. Джунгруев с мельчайшими подробностями описывает свои аудиенции у Далай-ламы, праздничный выезд главных иерархов ламаизма – Далай-ламы и Панчен-ламы, а также интересные факты о быте и религии тибетцев и т.д. ([Хождение в Тибет...](#), 1995: 141-142).

Описания П. Джунгруева представляют большой интерес в физико-географическом отношении, поскольку содержат подробные сведения о маршруте поездки. Со скрупулезностью объясняет он преимущества того или иного маршрута, тщательно описывает топографию местности, сообщает, сколько суток требуется на переходы, каковы должны быть запасы воды и топлива, какой вид транспорта более удобен. В Тибете П. Джунгруев много путешествует: он посещает монастыри Гандан, Брайбун и Сэра, резиденцию Панчен-ламы, а также основанный в середине XV в. монастырь Ташилхунпо. Труд П. Джунгруева был отмечен наградой Русского географического общества – Малой серебряной медалью ([История калмыцкой литературы](#), 1981: 261-262).

Огромная заслуга в установлении и укреплении российско-тибетских отношений принадлежит выдающемуся бурятскому ламе Агвану Доржиеву, одному из учителей Далай-ламы XIII, позже ставшему его ближайшим советником. Известно, что А. Дорджиев был сторонником сближения Российской империи и Тибета.

Благодаря содействию А. Доржиева зайсанг из Большедербетовского улуса Ставропольской губернии Овше Норзунов совершил три паломничества в Тибет. Первая поездка состоялась в 1898–1899 гг.: О. Норзунов совместно с П. Джунгруевым совершил путешествие через Ургу с целью доставить Далай-ламе письмо о ходе переговоров Агвана Доржиева в Петербурге и подарки. В Лхасе О. Норзунов занялся осмотром и описанием тибетской столицы. Он наблюдал быт и религию тибетского народа. Вторая попытка попасть в Тибет состоялась в начале 1900 г., но из Дарджилинга в Тибет О. Норзунов не попал и был депортирован на родину. В конце 1900 г. О.М. Норзунов вновь отправился в Тибет в составе группы, возглавляемой Хамбо-ламой Агваном Дорджиевым, и 28 февраля 1901 г. путешественники достигли Лхасы. О. Норзунов сделал первые фотографии Лхасы, опубликованные позже Ж. Деникером и Русским географическим обществом ([Митруев, Воронина, 2018: 36](#)).

Снимки О. Норзунова, напечатанные во многих русских и зарубежных иллюстрированных журналах и газетах, вызвали сенсацию не только в научных кругах. В 1902 г. Географическое общество присудило Овше Мучкиновичу Норзунову Большую серебряную медаль ([История калмыцкой литературы](#), 1981: 262). Позже большинство фотографий О. Норзунова вошли в книгу Г.Ц. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета» ([Цыбиков, 1919](#)). Записки О. Норзунова содержат этнографические сведения о народностях Тибета, их обычаях. Он сообщает о посещении им Гандана, Брайбуна и Сэра, трех знаменитых монастырей Тибета ([История калмыцкой литературы](#), 1981: 267).

Особое место в истории калмыцких паломничеств в Тибет занимает поездка в Лхасу буддийского священнослужителя Дамбо Ульянова в составе экспедиционной группы под руководством Н.Э. Уланова. План путешествия был утвержден лично императором Николаем II, а в январе 1904 г. члены экспедиции по инициативе князя Э.Э. Ухтомского были представлены императору, который и благословил это предприятие ([Дмитриев, 2013: 52](#)). Интерес царской администрации к Тибету в этот период во многом был обусловлен внешнеполитическими обстоятельствами. Одним из таких факторов было продолжение Большой игры – геополитического соперничества между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии, в частности в Тибете.

Путевые заметки Дамбо Ульянова ([Ульянов, 1913](#)), издание которых было приурочено к 300-летию дома Романовых, свидетельствуют об активном участии калмыцких паломников в становлении российско-тибетских отношений, в продвижении российской внешней политики в Центрально-Азиатском регионе.

Паломничество калмыков на Восток не ограничивалось только лишь Тибетом. Многие из них, отправляясь в Лхасу, по дороге посещали крупные монастыри и святыни Монголии. Были и такие, кто специально отправлялся в Монголию. Так, в июне–сентябре 1900 года бакша (настоятель) 2-го большого Чоносского хурула на Дону Дорджи Сетенов посетил Монголию для «богомоления». В феврале–апреле 1905 г. он вновь побывал в Монголии с той же целью. Д. Сетенов являлся автором и переводчиком учебников для калмыцких народных школ, содержащих рассказы религиозно-нравственного характера, популярные основы ламаизма ([История калмыцкой литературы](#), 1981: 273-274).

Д. Сетенов оставил заметки «Путешествие по Монголии заведующего всеми хурулами Большедербетовского улуса багши Доржи Сетенова». Появление такого рода сочинения свидетельствует о расширении связей калмыцких духовных лиц с буддийскими сородичами зарубежных стран. Его «Путешествие...» имеет большое значение как историко-этнографический источник о Монголии того времени. «Путешествие по Монголии» записано на русском языке.

В рукописи дается описание пребывания путешественника в монгольской столице, а также приема у главы буддистов Монголии Богдо-гегена, различных буддийских религиозных представлений (*История калмыцкой литературы, 1981: 274*).

Бакши-лама донских калмыков Менке Борманжинов также несколько раз ездил с визитом к ургинскому Джебзуну Дамба-хутухте с целью возрождения традиционного для калмыков опыта изучения буддийской философии. В 1894 г. духовный лидер монголов пожаловал Менке Борманжинову высокий титул Пандита (*А.М. Позднеев..., 2017: 74-75*).

После установления в России советской власти политико-дипломатическая и разведывательная стороны паломничества вышли на первый план. Оно становится прикрытием для решения политических задач России. Как уже отмечалось, подобная практика политического паломничества была известна еще в период Калмыцкого ханства. Система традиционного буддийского паломничества позволяла калмыцким правителям использовать паломников в качестве дипломатов.

В 1920-е годы советское правительство организовало несколько секретных «паломнических» экспедиций в Тибет, одной из которых руководил калмык В.А. Хомутников. Ему в 1921 году было дано поручение посетить Тибет под видом паломника и провести переговоры с Далай-ламой XIII. В.А. Хомутников за успешно проведенную экспедицию в Тибет был награжден в 1925 году орденом Красного Знамени Реввоенсовета республики.

В дальнейшем в результате жесткой антирелигиозной политики в Калмыкии буддийские монахи были подвергнуты репрессиям, а буддийские храмы уничтожены. Традиция паломничества в Тибет, которая активизировалась в первые десятилетия XX в., была прервана. В то же время отдельные верующие, прежде всего уцелевшие в годы репрессий священнослужители, втайне совершали паломничества в буддийские храмы Монголии и Бурятии.

В конце XX в. в связи с демократизацией общественной жизни в России традиция паломничества возрождается в республике. С 1990-х гг. калмыцкие паломники стали совершать туры в Индию, Непал, Тибет, посещать храмы и другие святы места гималайского региона.

В 2007 году впервые Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче и администрация Центрального хурула Калмыкии организовали массовое паломничество буддистов России в Индию, в город Дхарамсалу, где живет Далай-лама XIV. В ноябре 2007 года был проведен первый в истории буддизма ритуал Пуджи долгой жизни Его Святейшества Далай-ламы от имени буддистов России и Монголии. В церемонии Пуджи долгой жизни приняло участие свыше 5 тысяч человек, в том числе более 500 паломников из Бурятии, Калмыкии, Тувы и Монголии.

С 2009 г. по настоящее время поддерживается традиция проведения ежегодных учений Далай-ламы XIV для буддистов России и организации паломнических поездок по святым местам Индии, связанных с именем Будды.

Таким образом, можно говорить о возрождении традиционных религиозных и культурных связей калмыцких буддистов с Тибетом, вернее с тибетской диаспорой Индии.

Еще одним местом паломничества для верующих Калмыкии является Бурятия, где в Иволгинском дацане с недавних пор хранится драгоценная святыня буддистов – нетленное тело Пандидо Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова, являвшегося главой буддистов Восточной Сибири в начале XX века (*Амоголонова, 2012: 135*). И хотя в настоящее время открытый доступ к нетленному телу возможен только в дни Великих буддийских праздников, для паломников из других регионов здесь обычно делают исключение.

Менее известным объектом паломничества в Бурятии является также Зандан Жуу («Сандаловый Будда») – скульптура Будды, сделанная из сандалового белого дерева, по преданиям, 2500 лет назад. Святыня была вывезена из Пекина ламами во время боксерского восстания в 1901 г. и с того времени находится в Эгитуйском дацане Бурятии (Еравнинский район). Зандан Жуу признан в России памятником культуры федерального значения (*Монтлевич, 2008: 297-298*).

Необходимо также отметить развитие в республике туризма с религиозными, паломническими целями. В степях Калмыкии и Астраханской области есть немало мест, священных для каждого калмыка: Хошеутовский хурул, Одинокое дерево с комплексом ступ, гора Богдо и т.д. Многие калмыки в память о родных краях приезжают совершать родовые обряды в местах былых хурулов и захоронений известных лам.

Здесь особо следует отметить высокую религиозную идентификацию молодежи буддийских регионов России (Калмыкии, Бурятии, Тувы). Результаты проведенного нами социологического опроса показывают, что молодежь в большинстве своем положительно оценивает перспективы сотрудничества России со странами буддийского Востока (странами, где традиционно исповедуют буддизм), что, несомненно, связано и с паломническим интересом молодежи к ним (*Бадмаев и др., 2020: 46*).

5. Заключение

Таким образом, традиция буддийского паломничества у калмыков имеет давнюю и богатую историю. Основным его объектом были святыни Тибета, в частности резиденция Далай-лам в Лхасе. Хождения калмыков в Тибет были обусловлены историческими связями калмыцкого и тибетского народов и имели не только собственно религиозные, но и внешнеполитические цели. Участие

Российского государства в данных связях способствовало тому, что калмыцкое паломничество в Тибет приобрело на рубеже XIX–XX вв. дипломатический, исследовательский и разведывательный характер. В период советской власти политико-дипломатическая и разведывательная стороны паломничества вышли на первый план: оно становится прикрытием для решения внешнеполитических задач России. Однако неудачные переговоры с правительством Тибета и последующая антирелигиозная, репрессивная политика советского государства привели к полному прекращению паломнических контактов с Тибетом. Возрождение традиций паломничества в конце XX века было связано с демократизацией общественно-политической жизни в России. При этом необходимо говорить о возрождении традиционных религиозных и культурных связей калмыцких буддистов не с Тибетом, а с тибетской диаспорой Индии, в силу чего именно последняя стала основным местом паломничества калмыков.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения»).

Литература

А.М. Позднеев..., 2017 – А.М. Позднеев (1851–1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855–1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) / *Mongolica-XIX: Сборник научных статей по монголоведению*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 68–75.

Амоголонова, 2012 – Амоголонова Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте постсоветской десекуляризации общественного сознания // *Tartaria Magna. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*. 2012. № 1. С. 128–147.

Андреев, 1997 – Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб. – Самара – Прага: Агни, 1997. 318 с.

Андреев, 2006 – Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ – Нартанг, 2006. 464 с.

Бадмаев, 1973 – Бадмаев А.В. О жанре «хождений» (описания путешествий) калмыцкой литературы // *Ученые записки КНИИЯЛИ*. Вып. XI. Серия филология. Элиста, 1973. С. 33–53.

Бадмаев и др., 2020 – Бадмаев В.Н., Уланов М.С., Ламажаа Ч.К. и др. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 1. С. 35–49.

Бакаева, 2004 – Бакаева Э.П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (Буддизм и «посвященные») // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 3. С. 23–38.

Бакунин, 1995 – Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев, 1993 – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: В 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.

Беспозванных, 2002 – Беспозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х – середина 30-х годов XVIII в.) // *Стрежень: Научный ежегодник*. Вып. 1. Волгоград: Издатель, 2002. С. 147–153.

Биография Зая-пандиты, 1969 – Биография Зая-пандиты // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 159–200.

Богоявленский, 1939 – Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII–XVIII в. // *Исторические записки АН СССР*. № 5. М.: Акад. наук СССР, 1939. С. 48–102.

Габан Шараб, 1969 – Габан Шараб. Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 143–158.

Дмитриев, 2013 – Дмитриев С.В. Экспедиция подьесаула Н.Э. Уланова и ламы Дамбо Ульянова в Центральную Азию [Текст] / *Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение 2011–2012*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. Вып. 7. С. 48–58.

История калмыцкой литературы, 1981 – История калмыцкой литературы. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 336 с.

Китинов, 2004 – Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.

Кичиков, 1994 – Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 122 с.

Курапов, 2007 – Курапов А.А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 248 с.

Кычанов, Савицкий, 1975 – Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов: очерки истории Тибета и его культура. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 319 с.

- Марзаева, 2014** – *Марзаева М.Б.* Развитие института паломничества в современной буддийской традиции России (на примере республики Калмыкия) // *Полевые исследования*. 2014. № 2. С. 159-164.
- Митруев, Воронина, 2018** – *Митруев Б.Л., Воронина Д.К.* Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» (перевод Д.К. Ворониной, комментарии Б.Л. Митруева) // *Oriental Studies*. 2018. № 6. С. 36-72.
- Монтлевич, 2008** – *Монтлевич В.М.* Сандаловый Будда // *Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 297-303.
- Омакаева, 1994** – *Омакаева Э.У.* Агван Доржиев и калмыцкие паломники / *Национальная интеллигенция и духовенство: истоки и современность: Материалы республиканской научной конференции*. Улан-Удэ: Б.и., 1994. С. 127-128.
- Очерки истории..., 1967** – *Очерки истории Калмыцкой АССР*. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Очирова, 2010** – *Очирова Б.В.* Традиции калмыцких паломничеств в Тибет // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. Пятигорск, 2010. С. 149-152.
- Пальмов, 1926** – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1: XVII и XVIII века. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926. 264 с.
- Подъесаул Уланов, 1997** – *Подъесаул Уланов.* Проект записки о путешествии в Тибет // *Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет)*. СПб. – Самара – Прага, 1997. С. 51-60.
- Позднеев, 1897** – *Позднеев А.М.* Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши. СПб.: Изд-во Импер. тип. Акад. наук, 1897. 260 с.
- Похождение Бакши Джиджетена, 1886** – *Похождение Бакши Джиджетена* // *Астраханские губернские ведомости*. № 26. Астрахань, 1886. С. 890-892.
- Сазыкин, 1994** – *Сазыкин А.Г.* Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 26-35.
- Сказание о дербен-ойратах, 1969** – *Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем* // *Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе*. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 13-80.
- Сумба-Хамбо, 1972** – *Сумба-Хамбо.* История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». М.: Наука, 1972. 166 с.
- Ульянов, 1913** – *Ульянов Д.* Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк о моих путешествиях в 1904–1905 годах. СПб.: Центр. типо-лит., 1913. 118 с.
- Хождение в Тибет..., 1995** – *Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурташа Джунгуева. Часть 1. Путь в Тибет* // *Филологические исследования старописьменных памятников. Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики*. 1995. С. 125-144.
- Цыбиков, 1919** – *Цыбиков Г.Ц.* Буддист паломник у святынь Тибета: По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Петроград: Русское географическое общество, 1919. 472 с.
- Ulanov et al., 2019** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Andreeva A.A.* Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1451-1458.

References

- Pozdneev, 2017** – *Pozdneev A. M.* (1851–1920) v pamyat' o Bakshi-lame donskikh kalmykov Menke Bormanzhinove (1855–1919) (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN) [A.M. Pozdneev (1851-1920) in memory of the Bakshi Lama of the Don Kalmyks Menka Bormanzhinov (1855-1919) (based on materials from the Archive of Oriental Studies Institute of Oriental Manuscripts RAS)]. *Mongolica-XIX: sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniyu*. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. Pp.68-75. [In Russian]
- Amogolonova, 2012** – *Amogolonova D.D.* (2012). *Vozvrashchenie Khambo-lamy Itigelova v kontekste postsovetskoi desekulyarizatsii obshchestvennogo soznaniya* [The return of Khambo Lama Itigelov in the context of post-Soviet desecularization of public consciousness]. *Tartaria Magna – Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN*, №1, pp. 128-147. [in Russian]
- Andreev, 1997** – *Andreev A.I.* (1997). *Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy. Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nyuyu Aziyu v pervoi polovine XX veka (Buryatiya, Mongoliya, Tibet)* [From Baikal to sacred Lhasa. New materials on Russian expeditions to Central Asia in the first half of the twentieth century (Buryatia, Mongolia, Tibet)]. SPb; Samara; Prague: Agni. 318 p. [in Russian]
- Andreev, 2006** – *Andreev A.I.* (2006). *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the politics of tsarist, Soviet and post-Soviet Russia]. SPb.: SPbGU – Nartang. 464 p. [in Russian]
- Badmaev, 1973** – *Badmaev A.V.* (1973). *O zhanre «khozhdenni» (opisanija puteshestvii) kalmytskoi literatury* [On the genre of “walks” (travel descriptions) of Kalmyk literature]. *Uchenye zapiski KNIIYaLI*. Vol. XI. Seriya filologiya. Elista, pp. 33-53. [in Russian]
- Badmaev et al., 2020** – *Badmaev V.N., Ulanov M.S., Lamazhaa Ch.K. et al.* (2020). *Rossiya i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buryatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa)*

- [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth of Tuva, Buryatia and Kalmykia (based on a sociological survey)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. №1. Pp. 35-49. [in Russian]
- Bakaeva, 2004** – *Bakaeva E.P.* (2004). Ob osobennostyakh sovremennoi religioznoi situatsii v Kalmykii (Buddizm i «posvyashchennye») [On the features of the modern religious situation in Kalmykia (Buddhism and the “Initiated”)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. №3, pp. 23-38. [in Russian]
- Bakunin, 1995** – *Bakunin V.M.* (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev: sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout peoples, and the deeds of their khans and owners: an essay of the year 1761]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 153 p. [in Russian]
- Batmaev, 1993** – *Batmaev M.M.* (1993). Kalmyki v XVII-XVIII vekakh: Sobytiya, lyudi, byt: V 2 kn. [The Kalmyks in the XVII-XVIII centuries: Events, people, life: In 2 books]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 382 p. [in Russian]
- Besprozvannykh, 2002** – *Besprozvannykh E.L.* (2002). Kalmytsko-kitaiskie otnosheniya na vtorom etape (seredina 20-seredina 30-kh godov XVIII v.) [Kalmyk-Chinese relations in the second stage (mid-20th – mid-30th of the XVIII century)]. *Strezhen': Nauchnyi ezhegodnik*. №1, pp. 147-153. [in Russian]
- Biografiya Zaya-Pandity, 1969** – *Biografiya Zaya-Pandity* [Biography of Zaya-Pandita]. Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode. Elista: KNIIYaLI, pp. 159-200. [in Russian]
- Bogoyavlenskii, 1939** – *Bogoyavlenskii S.K.* (1939). Materialy po istorii kalmykov v pervoi polovine XVII–XVIII v. [Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII–XVIII centuries]. *Istoricheskie zapiski AN SSSR*. № 5. M.: Akad. nauk SSSR, pp. 48-102. [in Russian]
- Dmitriev, 2013** – *Dmitriev S.V.* (2013). Ekspeditsiya pod'esaula N.E. Ulanova i lamy Dambo Ul'yanova v Tsentral'nuyu Aziyu [Expedition of pod'esaul N.E. Ulanov and Lama Dambo Ulyanov to Central Asia]. Kyunerovskii sbornik: materialy Vostochnoaziatskikh i Yugo-Vostochnoaziatskikh issledovaniy: etnografiya, fol'klor, iskusstvo, istoriya, arkhologiya, muzevedenie 2011–2012. Saint-Petersburg: MAE RAN, № 7, pp. 48-58. [in Russian]
- Gaban Sharab, 1969** – *Gaban Sharab* (1969). Skazanie o derben oiratakh [The Legend of the Derben Oirats]. Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode. Elista: KNIIYaL. Pp. 143-158. [in Russian]
- Istoriya kalmytskoi literatury, 1981** – *Istoriya kalmytskoi literatury* [History of Kalmyk literature]. Vol. I. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 336 p. [in Russian]
- Khozhenie v Tibet, 1995** – *Khozhenie v Tibet kalmytskogo bakshi Purtash Dzhungrueva*. Chast' 1. Put' v Tibet [Going to Tibet of the Kalmyk bakshi Purtash Dzhungruiev. Part 1. The path to Tibet]. Filologicheskie issledovaniya staropis'mennykh pamyatnikov. Kalmytskii NII istorii, filologii i ekonomiki. Pp. 125-144. [in Russian]
- Kichikov, 1994** – *Kichikov M. L.* (1994). Obrazovanie Kalmytskogo khanstva [Formation of the Kalmyk Khanate]. Second edition, revised and supplemented. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 122 pp. [in Russian]
- Kitinov, 2004** – *Kitinov B.U.* (2004). Svyashchennyi Tibet i voinstvennaya step': buddizm u oiratov (XIII-XVII vv.) [Holy Tibet and the warlike steppe: Buddhism among the Oirats (XIII-XVII centuries)]. M.: T-vo nauchnykh izdaniy KMK. 190 p. [in Russian]
- Kurapov, 2007** – *Kurapov A.A.* (2007). Buddizm i vlast' v Kalmytskom khanstve XVII–XVIII vv. [Buddhism and power in the Kalmyk Khanate of the XVII–XVIII centuries]. Elista: NPP «Dzhangar». 248 p. [in Russian]
- Kychanov, Savitskii, 1975** – *Kychanov E.I., Savitskii L.S.* (1975). Lyudi i bogi strany snegov: ocherki istorii Tibeta i ego kul'tura [People and gods of the land of snow: essays on the history of Tibet and its culture]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka». 319 p. [in Russian]
- Marzaeva, 2014** – *Marzaeva M.B.* (2014). Razvitie instituta palomnichestva v sovremennoi buddiiskoi traditsii Rossii (na primere respubliki Kalmykiya) [The development of the pilgrimage institution in the modern Buddhist tradition of Russia (on the example of the Republic of Kalmykia)]. *Polevye issledovaniya*. №2, pp. 159-164. [in Russian]
- Mitruiev, Voronina, 2018** – *Mitruiev B.L., Voronina D.K.* (2018). Pervyi fotograf Lkhasy: publikatsiya dnevnika O. Norzunova «Tri poezdki v Lkhasu (1898–1901)» (perevod D. K. Voroninoi, kommentarii B.L. Mitruieva) [He Who Was the First to Take Photographs of Lhasa: ‘Three Journeys to Lhasa (1898–1901)’, a Travel Diary by O. Norzunov (Transl. by D.K. Voronina, Comment. by B.L. Mitruiev)]. *Oriental Studies*. №6, pp. 36-72. [in Russian]
- Montlevich, 2008** – *Montlevich V.M.* (2008). Sandalovyi Buddha [Sandalwood Buddha]. *Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: Vtorye Dorzhievskie chteniya*. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. Pp. 297-303. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 1967** – *Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR* [Essays on the History of the Kalmyk ASSR.]. Vol. 1. The pre-October period. M.: Nauka. 479 p. [in Russian]
- Ochirova, 2010** – *Ochirova B.V.* (2010). Traditsii kalmytskikh palomnichestv v Tibet [Traditions of Kalmyk pilgrimages to Tibet]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, pp. 149-152. [in Russian]

Omakaeva, 1994 – *Omakaeva E.U.* (1994). Agvan Dorzhiev i kalmytskie palomniki [Aghvan Dorzhiev and Kalmyk pilgrims]. *Natsional'naya intelligentsiya i dukhovenstvo: istoki i sovremennost': mat. resp. nauch. konf.* Ulan-Ude. Pp. 127-128. [in Russian]

Pal'mov, 1926 – *Pal'mov N.N.* (1926). Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Studies on the history of the Volga Kalmyks]. Part 1: XVII and XVIII centuries. Astrakhan': Kalmytskii obl. ispol. kom. 264 p. [in Russian]

Pod'esaul Ulanov, 1997 – Pod'esaul Ulanov. Proekt zapiski o puteshestvii v Tibet. Andreev A.I. Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy. Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nyu Aziyu v pervoi polovine XX veka (Buryatiya, Mongoliya, Tibet). SPb. – Samara – Prague. Pp. 51-60. [in Russian]

Pokhozhdenie Bakshi Dzhidzhetena, 1886 – Pokhozhdenie Bakshi Dzhidzhetena [The Adventure of Bakshi Dzhidzheten]. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti.* №26, pp. 890-892. [in Russian]

Pozdneev, 1897 – *Pozdneev A.M.* (1987). Skazanie o khozhdenii v tibetskuyu stranu maloderbetovskogo Baaza-bagshi [The legend of the going to Tibetan country of Maloderbet Baaz-Bagshi]. SPb.: Izd-vo Imper. tip. Akad. nauk. 260 p. [in Russian]

Sazykin, 1994 – *Sazykin A.G.* (1994). Opisanie puteshestvii v literaturnom nasledii mongol'skikh narodov [Description of travels in the literary heritage of the Mongolian peoples]. *Strany i narody Vostoka.* Vol. XXVIII. SPb. Pp. 26-35. [In Russian]

Skazanie o derben-oiratakh, 1969 – Skazanie o derben-oiratakh, sostavlennoe noionom Batur-Ubashi Tyumenem [The legend of the Derben-Oirats, compiled by Batur-Ubashi Tyumen noyon]. Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode. Elista: KNIIYaLI. Pp. 13-80. [in Russian]

Sumba-Khambo, 1972 – *Sumba-Khambo* (1972). Istoriya Kukunora, nazyvaemaya «Prekrasnye noty iz pesni Brakhmy» [Sumba Hambo. The story of Kukunor, called "Beautiful notes from the song of Brahma"]. M.: Nauka. 166 p. [in Russian]

Tsybikov, 1919 – *Tsybikov G.Ts.* (1919). Buddhist palomnik u svyatyn' Tibeta: Po dnevniam, vedennym v 1899-1902 gg. [Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet: According to diaries from 1899–1902]. Petrograd: Russkoe geograficheskoe obshchestvo. 472 p. [in Russian]

Ulanov et al., 2019 – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Andreeva A.A.* (2020). Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire. *Bylye Gody.* Vol. 54. Is. 4. Pp. 1451-1458.

Ul'yanov, 1913 – *Ul'yanov D.* (1913). Predskazanie Buddy o dome Romanovykh i kratkii ocherk o moikh puteshestviyakh v 1904-1905 godakh [Buddha's prediction of the Romanovs' house and a brief essay on my travels in 1904-1905]. SPb.: Tsent. tipo-lit. 118 p. [in Russian]

Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков

Мерген Санджиевич Уланов ^{a, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^a,
Арья Александровна Андреева ^a

^a Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – рассмотреть феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков. Традиция буддийского паломничества у калмыков имеет давнюю и богатую историю. Основным его объектом были святыни Тибета. Паломничество калмыков в Тибет было обусловлено историческими связями калмыцкого и тибетского народов и имело не только собственно религиозные, но и внешнеполитические цели: оно ставило дипломатические, исследовательские и разведывательные задачи. В период советской власти паломничество становится прикрытием для решения внешнеполитических задач государства. Репрессивная политика советского государства привела к полному прекращению паломнических контактов с Тибетом. Возрождение традиций паломничества в конце XX века было связано с демократизацией общественно-политической жизни в России.

Паломничество у калмыков традиционно имело не только собственно религиозные, ритуальные и образовательные задачи, но и носило политико-дипломатический характер. Специфика современного буддийского паломничества у калмыков заключается в возрождении традиционных религиозных и культурных связей калмыцких буддистов не с Тибетом, а с тибетской диаспорой Индии, в силу чего именно последняя стала основным местом паломничества калмыков.

Ключевые слова: калмыки, Калмыкия, паломничество, история калмыцкого паломничества, буддизм, Тибет, Индия, Россия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmavov7@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), lovely-arya@mail.ru (А.А. Андреева)

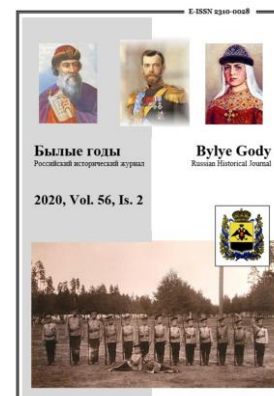
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 407-416. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.407
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Bishop's Nastol'nye Gramoty of the last third of the XVII century: Challenges of the Time and the Evolution of the Text

Irina A. Ustinova ^{a, *}

^aThe Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of nastol'nye gramoty of Russian bishops of the last third of the 17th century as a historical source. The researcher focuses on the evolution of the text of nastol'nye gramoty. It can be traced in the course of comparative textual research of three unpublished nastol'nye gramoty of the last third of the 17th century (Metropolitan of Novgorod, Joakim (Savelov) in 1673, Metropolitan of Kazan Adrian in 1686, Metropolitan of Krutitci Tikhon in 1696). The structure and content of the notes are the same, but their semantic content has significantly changed within the framework of the chronological segment under consideration. The article shows that the change in the texts of nastol'nye gramoty was directly related to the general political and church situation, the change in the nature of the relationship between the state and the church at the beginning of reforms of the Peter the Great. New realities brought to life a new image of the bishop. In the gramoty's, theological passages and abundant quotations are replaced by lengthy lists of requirements for the newly delivered bishop, his duties are clearly recorded, sanctions are introduced for the bishop to violate the prescribed standards of behavior. An important trend, reflected in the text of nastol'nye gramoty of the late XVII century, there was an increase in the motive for the subordination of the bishop to the patriarch. The strengthening of the bureaucratic element and the tendency of discipline in relation to the higher clergy are being observed: to replace the understanding of the bishop from the point of view of his personification of the image of God on earth, his assessment is being formed from the point of view of the functioning of the management system, "yako nekoego uda", part of the church' body. All these tendencies found development and consolidation during the period of the church reform of Peter I.

Keywords: second half of the 17th century, Russian Orthodox Church, patriarch, metropolitan, archbishop, bishop, Confession of Faith, Rite chirotonia of the Bishop, nastol'naya gramota, Patriarch Joachim (Savelov), Patriarch Adrian, Metropolitan Tikhon of Krutitsky.

1. Введение

Вторая половина XVII в. в истории русской церкви ознаменовалась проведением церковной реформы, обширными богословскими дискуссиями, выработкой системы мер по борьбе с распространением старообрядчества, активизацией вмешательства светской власти в дела церковные. Изучению этих вопросов посвящена как обширная классическая литература, так и современные исследования (Белякова, 2016; Белякова и др., 2017; Белякова, 2019). Значительно менее изученными и понятными являются многочисленные вопросы, касающиеся внутреннего церковного развития в этот непростой период – сословное оформление духовенства, изменения в понимании роли и места в церкви высших иерархов, их взаимоотношений с патриархом. По-прежнему размытым остается современное научное представление о том, как церковная реформа и становление старообрядчества сказались на внутреннем церковном пространстве, как изменилось высшее духовенство, его правовой статус, представление о месте в обществе, внутренняя иерархия во второй половине XVII в. Решение

* Corresponding author

E-mail addresses: ilustinova@yandex.ru (I.A. Ustinova)

таких задач требует привлечения новых исторических источников, возникновение которых связано с внутрицерковной деятельностью, повседневностью чинов и ритуалов, служб и обрядов. Поскольку в существующей историографии содержание и эволюция этих источников не привлекали достаточного исследовательского внимания, их выявление, анализ и публикация представляются весьма актуальными для реконструкции сложных процессов трансформации, которые развивались в русской церкви накануне петровских реформ. Их выявление и понимание позволит сформировать непротиворечивую картину состояния Русской церкви накануне реформ Петра I и, как следствие, в ходе их реализации.

2. Материалы и методы

Основными источниками при написании настоящей статьи стали настоятельные грамоты русских архиереев 1670–1690-х гг. Настоятельные грамоты выдавались при поставлении патриархам, митрополитам, архиепископам и епископам, а также архимандритам и игуменам монастырей, удостоверяя и регламентируя новый статус ставленников. Настоятельная грамота, с одной стороны, удостоверяла факт интронизации, поставления на руководящую церковную должность, а с другой – содержала обязательный минимум прав и обязанностей церковного пастыря и его паствы (Литов, 1893: 108-111; Дмитриевский, 1902: 209-215). Полный корпус текстов настоятельных грамот русских патриархов и архиереев XVII в. в настоящее время не выявлен. Даже патриаршие настоятельные грамоты практически не исследованы (Устинова, 2018: 37-40; Устинова, 2019а: 152-153). Еще меньше внимания было уделено архиерейским настоятельным грамотам: известны тексты лишь около трети из них. Отдельные архиерейские настоятельные грамоты (преимущественно второй половины XVII века) были опубликованы. Таковы, например, настоятельные грамоты митрополита Крутицкого Питирима 1655 г. (Попов, 1890: 489-492), архиепископа Вологодского Симона 1664 г. (Литов, 1893: 108-111), епископов Коломенских и Каширских (Троицкий, 1882).

В настоящей статье предметом исследования стали тексты трех неопубликованных настоятельных грамот: митрополита Новгородского и Великолукского Иоакима (Савелова) 1673 г. (будущего патриарха Московского) (ОР ГИМ. Син. грам. 1301), митрополита Казанского и Свияжского Адриана 1686 г. (будущего патриарха Московского) (ОР ГИМ. Син. грам. 1352) и митрополита Сарского и Подонского Тихона 1696 г. (ОР ГИМ. Син. грам. 1491).

Исходя из базового принципа историзма в рамках данной статьи настоятельные грамоты как особый вид исторических источников рассматриваются в их эволюции в связи с конкретно-историческими условиями, которые во второй половине XVII в. определялись развитием раскола и активизацией борьбы с ним, продолжением и развитием церковной реформы, процессом становления духовного сословия. Для исследования эволюции текстов настоятельных грамот применяются методы сравнительно-текстологического исследования, методики палеографического изучения рукописей.

Методологической основой статьи является теория конфессионализации, понимаемой как особый социальный процесс, происходящий в обществах Нового времени и характеризующийся институциональным оформлением высшей церковной власти, «дисциплинарной революцией», затрагивающей все слои общества и группы духовенства, тесным взаимодействием государственного и церковного (Дмитриев, 2012: 133-152). Разработанная для объяснения истории протестантизма в Европе в XV–XVII вв., эта концепция в последнее время активно используется для объяснения событий русской церковной истории второй половины XVII в. (Живов, 2009b: 327-360; Живов, 2012: 350-352; Сукина, 2014: 115-119 и др.). В этом контексте представляется возможным рассматривать содержание настоятельных грамот как своеобразный меняющийся перечень «дисциплинарных» требований, которые общество предъявляло архиереям (ср.: Белякова, 2018: 369-380).

3. Обсуждение

В последние десятилетия в исследовательской литературе появилось много работ, предметом которых становились источники, ранее привлекавшие мало внимания ввиду специфики их формы и содержания. Среди них Чины поставления царя и патриарха (Успенский, 1998), чиновники архиерейского служения (Желтов, 2006), Кормчие книги (Корогодина, 2017; Белякова и др., 2017), официальные титулы русских патриархов (Страхова, 2007), обряды крестного знамения и движения «посолонь» и «противосолонь» (Успенский, 2006). Исследование русской книжности XVII в. обогатилось обращением к изучению особенностей редакторской деятельности русских справщиков и книжников, выявлением «программы» работы Печатного двора в период церковной реформы (например, Сапожникова, 2010), истории создания полемических сочинений, «прений о вере» (Богданов, 2020), работой с эпистолярным наследием церковных деятелей XVII в. (Севостьянова, 2007).

В контексте тематики настоящей статьи особое значение приобретают исследования, посвященные источникам, связанным с процедурой хиротонии высших архиереев второй половины XVII в. Избрание, а затем поставление нового архиерея регламентировалось особыми Чинами избрания и поставления епископов. Несмотря на то, что Чины были довольно устойчивым произведением, со временем они подвергались правке, дополнялись новыми сюжетами, решениями

церковных соборов. Более ста лет назад многие Чины были опубликованы (Петрушевич, 1901; Неселовский, 1906), но в современной литературе продолжают дискуссии о времени возникновения первых Чинов, их редакциях (РФА, 1988; Желтов, 2005; Корогодина, 2011; Тарасов, 2019 и др.). В.М. Живов показал, как менялся Чин избрания и поставления архиереев на протяжении 1666–1720-х гг. (Живов, 2004: 155-174, 194-229).

В состав Чина архиерейского поставления входил текст Архиерейского обещания, произносимый хиротонисуемым архиереем в качестве своеобразной присяги. Текст Хиротонийного обещания (Исповедания веры) – наиболее динамичный в составе Чина поставления епископа. Значительный исследовательский интерес представляют и оригиналы Исповеданий веры, подписанные архиереями и хранившиеся в патриаршем архиве (ныне: ОР ГИМ. Синод. 430, 1044). Их сравнительное текстологическое исследование показало, что в текстах Хиротонийных обещаний второй половине XVII в. чрезвычайно быстро отражались церковно-политические реалии (Живов, 2002; Живов, 2009а; Устинова, 2019b). По мнению В.М. Живова, изменения были связаны с существовавшими в русской церкви и обществе конфликтами: 1) конфликтом религиозно-культурной ориентации (споры между «латинствующими» и «грекофилами», противоречием между ортодоксальной позицией высшего духовенства во главе с патриархом и секулярными тенденциями в элитарной культуре (Живов, 2004: 11, 15); 2) «противостоянием великорусской и украинской традиций», обострившимся в период патриаршества Адриана (Живов, 2004: 23-25). С точки зрения исследователя, активная борьба патриарха Иоакима с западным, «латинским» влиянием, с одной стороны, и «подавление украинского партикуляризма», ставшего важным направлением церковной политики патриарха Адриана, с другой, обусловили появление новых редакций текстов Хиротонийных обещаний архиереев и Чина поставления епископов, дополнение их соответствующими клятвами и ограничениями. Наиболее яркими примерами такой правки можно считать обещание «не общатися с латыны», впервые появившееся в тексте после 1674 г., а также требования не ставить двух священников на одной литургии (практика, характерная для украинских земель) в Обещаниях 1690-х гг. (Живов, 2004: 175-193 и др.) Однако стоит отметить, что в рассматриваемый период развивались сложные процессы сословного оформления духовного сословия, выстраивания новой системы взаимоотношений архиерейского корпуса с патриархом и царем, которые также могли оказывать влияние на состав требований к новопоставляемым архиереям. Иллюстрировать эту тенденцию позволяет текстологическое сравнение настояльных грамот архиереям, которые официально определяли деятельность русского епископа, в их тексте наиболее полно раскрывалось представление о месте и роли архиерея в церкви и обществе. Выявление изменений в тексте настояльных грамот второй половины XVII в. и их сравнение с направлением редактур Чинов поставления епископов и Хиротонийных обещаний является задачей этой статьи.

4. Результаты

Сравнительно-текстологическое исследование настояльных грамот русских архиереев последней трети XVII века показывает, что в этот период их текст, как и тексты Хиротонийного обещания и Чина поставления епископов, неоднократно подвергался правке. В распоряжении исследователей имеются тексты настояльных грамот 1670-х (грамота митрополита Новгородского Иоакима 1673 г.), 1680-х (настоящая грамота митрополита Казанского Адриана 1686 г.) и 1690-х гг. (настоящая грамота митрополита Крутицкого Тихона 1696 г.).

Настольные архиерейские грамоты фиксировали акт заседания собора епископов, который совершал избрание и поставление кандидата на вакантную архиерейскую кафедру. Общая структура архиерейских настояльных грамот проста: они открываются богословской преамбулой, за которой следует констатация факта «вдовения» одной из епархий и необходимости поставления нового архиерея. В грамотах отмечается, что это событие осуществляется по царскому «совету», а на вакантную кафедру избирается «благочестивейший муж». Финальную часть текста грамоты составляет перечень требований к образу жизни, деятельности, обязанностям новопоставленного архиерея, а также требования послушания со стороны его паствы. Все грамоты завершаются сведениями о времени (год, месяц, день от сотворения мира, индикт, год, месяц и день от сотворения мира и от Рождества Христова) выдачи. Настольные грамоты удостоверялись патриаршей печатью. Все три исследуемые настояльные грамоты написаны на большом александрийском листе, оформлены богатым орнаментом с использованием золотых и разноцветных чернил (в оформлении грамот митрополитов Адриана и Тихона ощущается барочное влияние). Грамоты митрополитов Иоакима и Адриана имеют второй чистый лист и равный ему по размеру отрезок шелковой ткани для защиты текста, все вместе скреплено золоченым шнурком с вислой патриаршей печатью. Также в них вверху над текстом выписано имя и полный титул патриарха (Питирима и Иоакима соответственно). Грамота митрополита Тихона выполнена на одном листе без печати и имени патриарха в первой строке.

Грамота митрополита Иоакима включает обширное богословское введение, открывающееся программной фразой «Возделания люботрудна тцателя не без успеха бывает». В нем речь идет о трудностях пастырского дела и качествах, необходимых архиерею. Во второй части введения говорится, о том, что в Русской церкви имеется кандидат, украшенный всеми добродетелями, чтобы

занять вдовствующую Новгородскую кафедру. Автор текста грамоты не скупится на похвалу добродетелям Иоакима. Текст сложен в восприятии, написан книжным богословским языком, изобилует цитатами из сочинений Иоанна Златоуста (в тексте он назван по-гречески Хризостомом), Максима Грека, Василия Великого, а также Экклезиаста.

Введение в грамотах митрополитов Адриана и Тихона текстологически совпадает, оно очень краткое и посвящено обоснованию власти патриарха, который, получив от Бога «восточныя православнейшыя веры церкве кафолическия полноту христиан во всем обладании российского царствия, яко корабль мирную ладью, да стяжем особенный о нем промысл и предзакониями поданными из начала тую возспасем». Автор текста, аргументируя цитатами из св. апостолов Петра, Павла и пророка Иезекииля делает акцент на задаче патриарха найти достойного пастыря: «о сем мерность наша презелне потщавшися».

Представляется, что в тексте настольной грамоты митрополита Иоакима нашли отражение дискуссии о месте и роли пастыря в русской церкви, порожденные делом патриарха Никона и работой Большого Московского собора 1666–1667 г. О том, что подобные богословские изыскания появились лишь в рассматриваемое время, свидетельствует их отсутствие в настольных грамотах Питирима на Крутицкую (1655 г.) и Новгородскую (1664 г.) кафедры (Павлов, 1890: 489-492, 495-498). В период патриаршества Иоакима, известного своей «самовластностью», богословские штудии отходят на второй план и акцент делается на власти патриарха, его роли в поставлении архиереев (грамота митрополита Адриана). Этот текст вполне удовлетворил и книжников патриарха Адриана, оставшись неизменным спустя десять лет (грамота митрополита Тихона).

После введения во всех грамотах содержится отрывок о выборе и поставлении нового архиерея в овдовевшую епархию церковным собором «по совету» с царями. Необходимость скорого замещения кафедры в грамоте митрополита Иоакима объясняется в традиционном ключе тем, что без пастыря «нелепо бяше ..., и церковным службам нерадиве, и леностно исправлятися, и тамо сущым Христовым рабом ... душевне вредитися». В тексте грамот митрополита Адриана и Тихона уже более откровенно названа угроза беспастырной епархии: «да не похитится ... паства коим злаго плевелосеястества вредом». Очевидно, что в этом отрывке речь идет о распространении раскола, борьба с которым силами пастырей лишь к 1680-м гг. была в достаточной мере осознана официальной церковью, чтобы быть включенной в официальный документ.

Напутствие новоизбранного архиерея авторы текста настольных грамот начинают с вопроса о подчинении патриарху. В трех рассматриваемых документах формулировки сильно разнятся.

Таблица 1. Различия в формулировках в трех рассматриваемых документах

Иоаким	Адриан	Тихон
«должен есть показати к нам [патриарху – Авт.] всякое послушание и духовную любовь».	«во всем совещание и покорение к нашей мерности [патриарху – Авт.], яко во Господе Бозе сын и сослужитель, должен есть имети, и ко всей российской церкви ко архиереем и всем людем в православнейшей и благочестивой вере и в церковном чинном изборажении, и песнопении согласие и единомыслие да имать».	«зде и во своем сый вspreadелии, да хранит чин богопреданный во святей церкви, Еже овому быти главе, и началствовати: овому же руце или нозе, или прочему коему уду телесе, и началствоватися и подчинятися, а не самочинну, ниже безглавну быти, да не будет слияние и безчиние в Церкви, но по благочинию узаконенному в святей церкви ему митрополиту яко началствуемому, подчинну быти и покорну, и послушну к нашей мерности, яко сыну и отцу, яко некоему удесе и главе, яко единому пасомых ко архипастырю своему, а не самопастырю ниже самоглаве быти. И ничтоже дерзати ему в чинех церковных, паче же в догматах сущих о вере православней претворяти, или переменять, или умышляти паче определенных, без воли и совета и вопрошения к мерности нашей, главе и отцу своему, и братьям своим прочим архиереем. Но вся деяти не кроме соборнаго уставления по священным канонам и преданием. Ниже над достоинство свое возноситься в мысли своей, и мнити себе паче еже есть, но имети себе некий уд телесе Церковнаго, руку или ин некий по приличию. Правим суц от отца и главы своя суцья по духу и от архипастыря своего путевождствуем, яко и обещаю в рукоположении архиерейства своего и написано рукою своею даде исповедание и обещание свое, под извержением сана своего архиерейского и власти и всякаго священнодействия под отчуждением, аще что преступит или в чесом преслушает мерность

		нашу [патриарху – Авт.]. Долженствует же убо имети ко всей восточней церкви ко архиерею в православнейшей и благочестивей вере и в церковном изображении и песнопении согласие и единомыслие».
--	--	--

Из [Таблицы 1](#) видно, что мотив подчинения архиерея патриарху на протяжении 1670–1690-х гг. многократно усилился, достигнув пика в грамоте митрополита Тихона. В грамоте Иоакима читается традиционное требование «любви и послушания», которое можно видеть и в грамотах первой половины XVII в. и даже раньше. В текст грамоты митрополита Адриана добавлен сюжет о единстве в чинах и церковных правилах, порожденный нестроениями церковной реформы и развитием старообрядчества. Грамота митрополита Тихона, как представляется, являет собой образец документа раннепетровской эпохи, в ее тексте подробно разъяснено понимание место епископа в церкви, «яко некоего уда». Несмотря на то, что такое понимание роли архиерея не было чем-то новаторским, тем не менее в более ранних настояльных грамотах оно не фигурировало (ср.: [Попов, 1890: 489-492](#)). Введение в текст настояльной грамоты мотива подчиненности архиерея патриарху, обоснование его роли исполнителя, своеобразного церковного органа, как представляется, демонстрирует усиление бюрократизации церковной жизни, постепенный рост контроля сначала со стороны патриарха, а вскоре и царя над деятельностью архиереев. Несмотря на то, что грамота митрополита Тихона была создана за несколько лет до смерти последнего русского патриарха допетровской эпохи, по своему характеру и содержанию она вполне созвучна церковным реалиям начала XVIII века, когда патриаршество было упразднено.

Следующая и важнейшая по содержанию часть грамоты посвящена перечню полномочий новопоставляемого архиерея. Сравним эти отрывки в трех рассматриваемых документах. В хронологически более ранней грамоте митрополита Иоакима перечень требований к архиерею весьма краток и традиционен, близок по содержанию к грамотам 1660-х гг. Митрополит Иоаким обязуется управлять своей епархией, наказывать и научать на ее территории «христоименитых людей», «имеет волю архиерейскую действовать в той митрополии и во всей области ея невозбранно», поставлять представителей священного чина (четцов, поддиаконов, диаконов, иереев, архимандритов и игуменов), освящать храмы, совершать архиерейские службы, оказывать «подобающую честь и покорение» патриарху. Грамота не содержит санкционной части по отношению к архиерею.

В грамоте Адриана полномочия архиерея толкуются иначе. Он также должен епархию свою «управити», паству «научати», но еще «потщанием его ... мнози да учатся божественных писмен чтению». Митрополит должен являть «образ убо благих дел во всем». Еще одно нововведение – Адриан должен «градских законоположений сказание любити же и благоговействовати и сим во всяком деянии неклонно припоследовати». Особо в грамоте прописана организация «чинного архиерейства служения ... по архиерейского служения чиновнику». Наконец важным отличием этой грамоты является введение санкции в отношении архиерея: «аще вознерядит о врученном сем делании, ... архиерейства извергнется». В то же время по сравнению с текстом грамоты Иоакима в грамоте Адриана отсутствуют упоминания о поставлении священного чина, строительстве церквей.

Текст грамоты митрополита Тихона в части полномочий архиерея наиболее обширен и почти полностью включает в свой состав требования из двух других грамот, а также ряд дополнений. Управляя кафедрой и научая паству, Тихон должен вести миссионерскую деятельность: «неведущим же Бога народом, проповедовати того словом и житием богоугодным, и веру православную восточнаго благочестия в них насаждати и разширяти: идолослужение же и ереси яковья либо (аще ... в енории его обрящутся) искореняти и, правоверию научая люд обращающийся, крестити ему святым крещением ...». Как и в грамоте Иоакима, у Тихона прописаны требования поставлять священный чин, строить и освящать церкви, не вмешиваться в дела других архиереев. Как и в грамоте Адриана, подчеркнуто требование соблюдать градские законы, а также «иметь чинное архиерейства служение» по Чиновнику. Важным новшеством в тексте грамоты Тихона является предостережение архиерея от совершения поступков «в ярости, ниже жестокостию».

Сравнение требований к архиереям в трех грамотах показало, что в последней трети XVII в. книжники Патриаршего двора напряженно размышляли о том, каким должен быть современный им архиерей. Очевидно, что они чувствовали требования времени в виде распространения раскола и усиления роли светской власти в борьбе с ним (требование «благоговействовати» перед градскими законами). В грамотах Адриана и Тихона усилен мотив проповедничества, даже миссионерства (у Тихона), требования к архиерею вести образцовый образ жизни, своим служением свидетельствовать чистоту веры и непогрешимость церкви, которую он представляет, быть милостивым, а не яростным. Наконец, в грамотах 1680–1690-х гг. в отношении архиерея вводятся санкционные нормы: за нарушение требований он может быть отлучен. Разумеется, эта норма не нова, но показательна, что она актуализирована, выведена в публично-правовое поле. Представляется, что это поновление в тексте настояльной грамоты может рассматриваться в рамках концепции конфессионализации как дисциплинарный акт по отношению к высшему духовенству.

Заключительный сюжет в сравнении текстов настольных грамот касается требований, которые предъявляются к пастве, фиксируют ее положение в отношении архиерея. «Послушная» часть настольной грамоты представлена двумя редакциями – одна в грамоте митрополита Иоакима, другая (идентичная текстологически) в грамотах Адриана и Тихона. В грамоте митрополита Иоакима значительно подробнее и категоричнее прописаны требования к пастве. Адресная аудитория охарактеризована так: «честнии архимандрити, игумени, иеромонаси и мирстии прествитеры, и прости и монаси, тако же от мирскаго сопребывания боголюбивы князи и боляре, и все христоименитое воинство, и всякаго чина православнии христане», тогда как в двух других грамотах речь идет лишь о «люди всея митрополии Казанския и Свияжския всякаго убо чина и возраста». Во-вторых, паства митрополита Иоакима обязуется ему «повиноватися, и достодолжную честь, и совершенную любовь, и послушание к нему простирати, и без всякаго пререkania повиноватися и ... любити», а паства Адриана и Тихона лишь «всегда покараются, и яко пастыря им даннаго и учителя да почитают и слушають». Наконец, в грамоте Иоакима содержится санкция в отношении неподчинения которого архиерею влечет за собой извержение из сана, отлучение и проклятие, тогда как в грамотах Адриана и Тихона те, кто не будет покоряться архиерею, лишь «воспримут месть от Всетворца». Фокус в грамотах Адриана и Тихона, таким образом, перенесен на обязательства самого архиерея, а его властные полномочия в отношении паствы прочитаны весьма расплывчато, в духе традиции, а не юридических терминов.

5. Заключение

Подводя итоги, можно предложить следующее объяснение изменений в текстах настольных грамот трех русских митрополитов 1670–1690-х гг. Грамота митрополита Иоакима 1673 г. в основе своей восходит к более ранним настольным грамотам русских архиереев и патриархов. В ней читается традиционное понимание роли архиерея, отсутствуют четкие формулировки его обязанностей, санкции в отношении архиерея, грамота изобилует богословскими пассажами и рассуждениями об идеальном облике архиерея. Между тем от более ранних образцов грамоты митрополита Иоакима отличается более вдумчивое богословское размышление о назначении архиерея, вероятно, возникшее под влиянием богословских дискуссий Большого Московского собора 1666–1667 гг. и последующих лет.

Текст грамоты митрополита Адриана представляет собой результат работы книжников эпохи правления патриарха Иоакима, известного своей «самовластностью», богословские штудии отходят на второй план и акцент делается на власти патриарха, его роли в поставлении архиереев (грамота митрополита Адриана), и этот текст вполне удовлетворил книжников патриарха Адриана, оставшись неизменным спустя десять лет (грамота митрополита Тихона). В 1680–1690-е гг. в русской церкви происходит переход к пониманию необходимости борьбы с расколом с помощью мирной проповеди и просвещения. Эти тенденции отражаются в тексте грамот пополнением списка полномочий архиереев за счет миссионерской деятельности, мирного пастырства, учительства, примера добродетели и проч. В тексте настольной грамоты митрополита Тихона наиболее четко просматривается усиление бюрократического элемента, тенденция дисциплинаризации в отношении высшего духовенства, понимания места архиерея «яко некоего уда», функционального элемента в системе церковного управления. Несмотря на то, что грамота митрополита Тихона была создана за несколько лет до смерти последнего русского патриарха допетровской эпохи, по своему характеру и содержанию она вполне созвучна церковным реалиям начала XVIII века, когда патриаршество было упразднено. Неудивительно в этой связи, что по объему она превосходит грамоту митрополита Адриана в полтора раза.

Приведенные изменения свидетельствуют о напряженных размышлениях русских книжников конца XVII в. о том, каким должен быть современный им архиерей. Результаты их исканий под влиянием сложных церковно-политических и культурных коллизий периода нашли отражение в текстах Чина поставления епископа, Хиротонийного обещания и, наконец, архиерейских настольных грамот. На страницах последних из всесильного и самовластного владыки, деятельность которого понималась весьма расплывчато, в духе церковного предания, русский архиерей начинает превращаться в своеобразное должностное лицо, деятельность и обязанности которого зафиксированы весьма подробно в публично-правовом акте. Юридически оформленное количество обязанностей и объем ответственности архиерея возрастает, тогда как его власть в формулировках настольной грамоты незначительна. Все названные тенденции нашли развитие и закрепление в период церковной реформы Петра I.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42013.

Литература

Белякова и др., 2017 – Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.-СПб.: 2017. 496 с.

Белякова, 2016 – Белякова Е.В. Русские дискуссии XVII в. о единогласии и новое благочестие // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Выпуск 9 (53) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001752-6-1> (дата обращения: 20.04.2017).

Белякова, 2018 – Белякова Е.В. Дисциплинирование духовенства и прихожан в XVII в. (по материалам поучений Кормчих западнорусской редакции // *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Б.Н. Флори*. М., 2018. С. 369-380.

Белякова, 2019 – Белякова Е.В. Об отмене решений Собора 1620 г. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Выпуск 3 (77) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840004671-7-1/> (дата обращения: 07.12.2019).

Богданов, 2020 – Богданов А.П. Прения с греками о вере 1650 г. Отношения Греческой и Русской церквей в XI–XVII вв. М., 2020. 563 с.

Дмитриев, 2012 – Дмитриев М.В. «Православная “конфессионализация” в Восточной Европе во второй половине XVI века? // *Дрогобицкий краеведческий збірник*. Вип. XVI. Дрогобич, 2012. С. 133-152.

Дмитриевский, 1902 – Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалюемых священным лицам черного и белого духовенства // *Руководство для сельских пастырей*. Киев, 1902. № 8. С. 209-220; № 9. С. 247-256.

Желтов, 2005 – Диакон Желтов Михаил. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: Рукопись РНБ. Соф. 1056, XIV в. // *Вестник ПСТГУ I: Богословие и философия* [Труды кафедры Литургического богословия]. М., 2005. Вып. 14. С. 147-157.

Желтов, 2006 – Диакон Желтов Михаил. Новый источник по истории русского богослужения: кавычный экземпляр «Чиновника архиерейского служения» 1677 года // *Вестник церковной истории*. 2006. № 2. С. 235-239.

Живов, 2002 – Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. 758 с.

Живов, 2009а – Живов В.М. Архиерейское обещание: Эволюция текста в России XV–XVIII вв. и проблемы церковной истории // *Православное учение о церковных таинствах (V Международная богословская конференция Русской Православной церкви. Москва, 13–16 ноября 2007 г.)*. Т. II. Евхаристия: Богословие. Священство. М., 2009. С. 365-386.

Живов, 2009б – Живов В.М. Дисциплинарная революция и борьба с суевием в России XVIII в.: «провалы» и их последствия / *Антропологическая революция. Сб. статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение»*. М., 27–29 марта 2008 г. М., 2009. С. 327-360.

Живов, 2012 – Живов В.М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde*. 2012. № 53 / 2-3. С. 350-352.

Корогодина, 2011 – Корогодина М.В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2011. № 2 (44). С. 113-117.

Корогодина, 2017 – Корогодина М.В. Кормчие книги XIV–XVII веков. М.-СПб., 2017. Т. 1. 597 с. Т. 2. 646 с.

Литов, 1893 – Литов Е.В. Историческое происхождение ставленных грамот // *Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям*. 1893. Прибавления в № 9. С. 108-111.

Неселовский, 1906 – Неселовский А.З. Чины хиротесий и хиротоний (Опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, 1906. 472 с.

ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея.

Петрушевич, 1901 – Петрушевич А.С. Архиератикон Киевской митрополии с пол. XIV столетия по списку кон. XVI столетия. Львов, 1901.

Попов, 1890 – Попов М.Г. Материалы для истории патриарха Московского Пифирима // *Христианское чтение*. 1890. № 9–10. С. 489-492.

РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI веков. М., 1988. Ч. 4.

Сапожникова, 2010 – Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.-СПб., 2010. 560 с.

Севостьянова, 2007 – Севостьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. 776 с.

Страхова, 2007 – Страхова О.Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского печатного двора (1589–1700 гг.) // *Palaeoslavica. Cambridge*, 2007. XV/2. С. 117-206.

Сукина, 2014 – Сукина Л.Б. Концепция «конфессионализации» – одна из возможных парадигм изучения Русской истории XVI–XVII веков? // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2014. № 2. С. 115-119.

Тарасов, 2019 – Тарасов А.Е. Чины избрания и поставления епископов и роль светской власти в рукоположении архиереев конца XV–XVII вв. // *Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в.* Калуга, 2019. С. 230-234.

Троицкий, 1882 – *Троицкий Н.* Царские жалованные и патриаршие настольные грамоты, данные епископом Коломенским и Каширским // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Кн. IX. Сентябрь.

Успенский, 1998 – *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее переосмысление). М., 1998. 676 с.

Успенский, 2006 – *Успенский Б.А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006. 488 с.

Устинова, 2018 – *Устинова И.А.* Эволюция формул репрезентации патриаршей власти в России XVII в. (по патриаршим настольным грамотам) / *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. VI Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых (25 октября 2018 г.)* / Сборник статей. М., 2018. С. 37-64.

Устинова, 2019а – *Устинова И.А.* Подходы к публикации настольных грамот русских патриархов XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к Международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 152-155.

Устинова, 2019b – *Устинова И.А.* Сборник хиротонийных обещаний русских архиереев последней трети XVII в. из Синодального собрания ГИМ // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции.* М., 2019. С. 404-406.

References

Belyakova i dr., 2017 – *Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A.* (2017). Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu [Kormchaya kniga: from a manuscript tradition to the first print edition]. М–SPb. 496 p. [in Russian]

Belyakova, 2016 – *Belyakova E.V.* (2016). Russkie diskussii XVII v. o edinoglasii i novoe bla-gochestie [Russian discussions of the 17th century about unison singing and new piety]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». T. 7. Vypusk 9 (53) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001752-6-1> (data obrashcheniya: 20.04.2017). [in Russian]

Belyakova, 2018 – *Belyakova E.V.* (2018). Distiplinirovanie dukhovenstva i prikhozhan v XVII v. (po materialam pouchenii Kormchikh zapadnorusskoi redaktsii [Disciplining of clergy and laity in the 16th century (based on the homilies of Kormcaja books of Western Russian version)]. Vertograd mnogotsvetnyi. Sbornik k 80-letiyu B. N. Flori. M. Pp. 369-380. [in Russian]

Belyakova, 2019 – *Belyakova E.V.* (2019). Ob otmene reshenii Sobora 1620 g. [About Cancellation of Decisions of the Council of Moscow Held in 1620]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2019. T. 10. Vypusk 3 (77) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://history.jes.su/s207987840004671-7-1/> (data obrashcheniya: 07.12.2019). [in Russian]

Bogdanov, 2020 – *Bogdanov A.P.* (2020). Preniya s grekami o vere 1650 g. Otnosheniya Grecheskoi i Russkoi tserkvei v XI–XVII vv. [Debate with the Greeks on faith in 1650. Relations between the Greek and Russian churches in the XI–XVII centurie]. M. 563 p. [in Russian]

Dmitriev, 2012 – *Dmitriev M.V.* (2012). “Pravoslavnaya konfessionalizatsiya” v Vostochnoi Ev-rope vo vtoroi polovine XVI veka? [“Orthodox confessionalization” in Eastern Europe in the second half of the XXI century?]. Drogobits'kii kraeeznavchii zbornik. Vip. XVI. Drogobich. Pp. 133-152. [in Russian]

Dmitrievskii, 1902 – *Dmitrievskii A.A.* (1902). Istoriko-arkheologicheskie svedeniya o znakakh otlichii, zhaluemykh svyashchennym litsam chernogo i belogo dukhovenstva [Historical and archaeological information on the insignia complained to the priests of the black and white clergy]. *Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyrei.* Kiev. № 8. Pp. 209-220; № 9. Pp. 247-256. [in Russian]

Korogodina, 2011 – *Korogodina M.V.* (2011). Chin izbraniya i postavleniya episkopov i kanonicheskie knigi [Rite of the election and appointment of bishops and canonical books]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* № 2(44). Pp. 113-117. [in Russian]

Korogodina, 2017 – *Korogodina M.V.* (2017). Kormchie knigi XIV–XVII veka [Kormchie knigi XIV–XVII centuries]. М–SPb. T. 1. 597 p. T. 2. 646 p. [in Russian]

Litov, 1893 – *Litov E.V.* (1893). Istoricheskoe proiskhozhdenie stavlennykh gramot [The historical origin of the delivered letters]. Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam. Pribavleniya v № 9. Pp. 108-111. [in Russian]

Neselovskii, 1906 – *Neselovskii A.Z.* (1906). Chiny khirotesii i khirononii (Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya) [The ranks of consecration and consecration (Experience of historical and archaeological research)]. Kamenets-Podol'sk. 472 p. [in Russian]

OR GIM – Otdel rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Manuscript Department of the State Historical Museum].

Petrushevich, 1901 – *Petrushevich A.S.* (1901). Arkhieratikon Kievskoi mitropolii s pol. XIV stoletiya po spisku kon. XVI stoletiya [Arkhieratikon Kievskoi mitropolii half XIV stoletiya by list end of the XVI century]. L'vov. [in Russian]

- Popov, 1890** – Popov M.G. (1890). Materialy dlya istorii patriarkha Moskovskogo Pitirima [Materials for the history of the Patriarch of Moscow Pitirim]. *Khristianskoe chtenie*. №9–10. Pp. 489–492. [in Russian]
- RFA** – Russkii feodal'nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka [Russian feudal archive of XIV – first third of the XVI century]. M. Ch. 4. [in Russian]
- Sapozhnikova, 2010** – Sapozhnikova O.S. (2010). Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost' [Russian scribe of the XVII century Sergius Shelonin. Editorial activity]. M., SPb. 560 p. [in Russian]
- Sevost'yanova, 2007** – Sevost'yanova S.K. (2007). Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty [The epistolary heritage of patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries: research and texts]. M. 776 p. [in Russian]
- Strakhova, 2007** – Strakhova O.B. (2007). Ofitsial'naya titulatura russkikh patriarkhov v izdaniyakh Moskovskogo Pechatnogo dvora (1589–1700 gg.) [The official title of the Russian patriarchs in the editions of the Moscow Printing House (1589–1700)]. *Palaeoslavica*. Cambridge. XV/2. Pp. 117–206. [in Russian]
- Sukina, 2014** – Sukina L.B. (2014). Kontseptsiya «konfessionalizatsii» – odna iz voz-mozhnykh paradig izucheniya Russkoi istorii XVI–XVII vekov? [Is the concept of “confessionalization” one of the possible paradigms for studying the Russian history of the XVI–XVII centuries?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. № 2. Pp. 115–119. [in Russian]
- Tarasov, 2019** – Tarasov A.E. (2019). Chiny izbraniya i postavlenniya episkopov i rol' svetskoj vlasti v rukopolozhenii arkhieriev kontsa XV–XVII vv. [The ranks of election and installation of bishops and the role of the secular power in the ordination of bishops in the late XV–XVII centuries]. *Vyzov vremeni: stanovlenie tsentralizovannykh gosudarstv na Vo-stoke i Zapade Evropy v kontse XV–XVII v. Kaluga*. Pp. 230–234. [in Russian]
- Troitskii, 1882** – Troitskii N. (1882). Tsarskie zhalovannye i patriarskie nastol'nye gramoty, dannye episkopom Kolomenskim i Kashirskim [Tsar's deed of honor and patriarchal nastol'nye gramoty given by Bishop Kolomensky and Kashirsky]. *Chteniya v Obshchestve lyubitel' dukhovnogo prosveshcheniya*. Kn. IX. Sentyabr'. [in Russian]
- Uspenskii, 1998** – Uspenskii B.A. (1998). Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vi-zantiiskaya model' i ee pereosmyslenie). [Tsar and patriarch: charisma of power in Russia (Byzantine model and its rethinking)]. M. 676 p. [in Russian]
- Uspenskii, 2006** – Uspenskii B.A. (2006). Krest i krug: Iz istorii khristianskoi simboliki [Cross and Circle: From the History of Christian Symbolism]. M. 488 p. [in Russian]
- Ustinova, 2018** – Ustinova I.A. (2018). Evolyutsiya formul reprezentatsii patriarshei vlasti v Rossii XVII v. (po patriarshim nastol'nym gramotam) [The evolution of the formulas for the representation of the patriarchal authority in Russia of the XVII century (according to patriarchal nastol'nye gramoty)]. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. VI Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya shkola-konferentsiya molodykh uchennykh (25 oktyabrya 2018 g.)*. Sb. st. M. Pp. 37–64. [in Russian]
- Ustinova, 2019a** – Ustinova I.A. (2019). Podkhody k publikatsii nastol'nykh gramot russkikh patriarkhov XVII v. [Approaches to the publication of nastol'nye gramoty of the Russian patriarchs of the XVII century]. *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vypusk 6: Shestye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–22 noyabrya 2019 g.* M. Pp. 152–155. [in Russian]
- Ustinova, 2019b** – Ustinova I.A. (2019). Sbornik khirotoniinykh obeshchaniy russkikh arkhieriev poslednei treti XVII v. iz Sinodal'nogo sobraniya GIM [A collection of the consecrated promises of the Russian bishops of the last third of the XVII century. from the Synodal meeting of the State Historical Museum]. *Vspomogatel'nye is-toricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. M. Pp. 404–406. [in Russian]
- Zhel'tov, 2005** – Zhel'tov Mikhail, diak (2005). Chiny rukopolozhenii po drevneishemu slavyanskomu spisku: Rukopis' RNB. Sof. 1056, XIV v. [The ranks of the ordination according to the ancient Slavic list: Manuscript of the Russian National Library. Sof 1056, KhIV c.]. *Vestnik PSTGU I: Bogoslovie i filosofiya* [Trudy kafedry Liturgicheskogo bogosloviya]. M. Vyp. 14. Pp. 147–157.
- Zhel'tov, 2006** – Diakon Mikhail Zhel'tov (2006). Novyi istochnik po istorii russkogo bogoslužheniya: kavychnyi ekzempliar «Chinovnika arkhierieskogo služheniya» 1677 goda [A new source on the history of Russian worship: a kavychnyi copy of the “Official of Bishop's Ministry” of 1677]. *Vestnik tserkovnoi istorii*. № 2. Pp. 235–239. [in Russian]
- Zhivov, 2002** – Zhivov V.M. (2002). Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury. [Investigations in the history and background of Russian culture] M. 758 p. [in Russian]
- Zhivov, 2009a** – Zhivov V.M. (2009). Arkhierieskoe obeshchanie: Evolyutsiya teksta v Rossii XV–XVIII vv. i problemy tserkovnoi istorii [Bishop's promise: The evolution of the text in Russia of the XV – XVIII centuries. and problems of church history]. *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh (V Mezhdunarodnaya Bogoslovskaya Konferentsiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Moskva, 13–16 noyabrya 2007 g.)*. T. II. Evkharistiya: Bogoslovie. Svyashchenstvo. M. Pp. 365–386. [in Russian]

Zhivov, 2009b – Zhivov V.M. (2009). Distsiplinarnaya revolyutsiya i bor'ba s sueveriem v Rossii XVIII v.: «provaly» i ikh posledstviya [Disciplinary revolution and the fight against superstition in Russia, XVIII century: “failures” and their consequences]. *Antropologiya revolyutsii. Sb. statei po materialam XVI Bannykh chtenii zhurnala «Novoe literaturnoe obozrenie»*. M., 27-29 marta 2008 g. M. Pp. 327-360. [in Russian]

Zhivov, 2012 – Zhivov V.M. (2012). Dva etapa distsiplinarnoi revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya [Two stages of the disciplinary revolution in Russia of the XVII and XVII centuries]. *Cahiers du monde*. № 53/ 2-3. Pp. 350-352. [in Russian]

Настольные грамоты русских архиереев последней трети XVII века: вызовы времени и эволюция текста

Ирина Александровна Устинова^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию настольных грамот русских архиереев последней трети XVII века как исторического источника. В центре внимания исследователя эволюция текста настольных грамот. Она прослеживается в ходе сравнительно-текстологического исследования трех неопубликованных настольных грамот последней трети XVII в. (митрополита Новгородского Иоакима (Савелова) 1673 г., митрополита Казанского Адриана 1686 г., митрополита Крутицкого Тихона 1696 г.). По структуре и содержанию грамоты однотипны, но их смысловое наполнение существенно изменилось в рамках рассматриваемого хронологического отрезка. В статье показано, что изменение текстов настольных грамот было напрямую связано с общей политической и церковной ситуацией, изменением характера взаимоотношений государства и церкви в начале петровской эпохи. Новые реалии вызвали к жизни новый образ архиерея. В грамотах на смену богословским пассажам и обильным цитированиям приходят емкие перечни требований к новопоставляемому архиерею, четко фиксируются его обязанности, вводятся санкции за нарушение архиереем предписанных норм поведения. Важной тенденцией, нашедшей отражение в тексте настольных грамот конца XVII в. стало усиление мотива подчинения архиерея патриарху. Просматривается усиление бюрократического элемента, тенденция дисциплинаризации в отношении высшего духовенства: на смену понимания архиерея с точки зрения олицетворения им образа Божьего на земле формируется оценка его с точки зрения функционирования системы управления, «яко некоего уда», части церковного тела. Все названные тенденции нашли развитие и закрепление в период церковной реформы Петра I.

Ключевые слова: вторая половина XVII в., Русская Православная церковь, патриарх, митрополит, архиепископ, епископ, Хиротонийное обещание, Чин поставления епископа, настольная грамота, патриарх Иоаким (Савелов), патриарх Адриан, митрополит Крутицкий Тихон.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ilustinova@yandex.ru (И.А. Устинова)

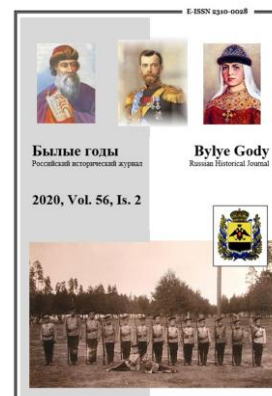
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 417-427. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.417
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Strasti po Kirgapskoy Luke»: the Struggle for Land Resources in Tarskli Irtysh Land at the close of the XVII century

Natalia V. Kabakova ^{a, *}, Svetlana N. Korusenko ^b

^a Siberian State Automobile and Highway University, Russian Federation

^b Dostoevsky Omsk State University, Russian Federation

Abstract

The paper considers the land dispute between the Tatars and Bokharan one side and Russian service class on the other side on the subject of Kirgapskaya sinuosity – a mellow meadow in the Irtysh river bend near Tara. Tarskoe Irtysh land, included into Tobol uezd of Tobol government, was a Siberian territory that was being colonized by the Tsardom of Russia during the XVII century. At that time settlements and arable lands appeared around Russian fortresses. Those fortresses surrounded by farming and hunting acreages initially belonged to the indigenous Turcic population. Despite the fact that the Moscow government prohibited land rent and purchases from the Tatars by Russian service men, the order was frequently violated. Land plot take-overs from indigenous people took place regularly. The research is based on the analysis of the document «Spisok s dela (Manuscript from the case...)» (1690), that describes the opposition between Tara Tatarian service men and Bokharan and Tara Cossack service men that lasted 14 years. The source includes both parties humble petitions, excerpts, testimony of witnesses of the events discussed and law regulations. The source illustrates the possible directions of resolutions of conflicts on land properties between indigenous people and new inhabitants of the region. It also shows the development of the processes of land management on the territory of the Tara Irtysh land in the close of the XVII century, the period of lasting settlement of the Russians on the Siberian great spaces. The outcome of the opposition was land consolidation and hunting and farming acreages by the Tatars and Bokhara and deprivation of this right of Russian Cossacks.

Keywords: Siberia, Tara, Irtysh land, Tatars, Russians, land properties, land dispute.

1. Введение

Особый путь развития Тарского Прииртышья как части Западно-Сибирского региона (Тарский уезд Тобольской губернии) в течение XVII в. обуславливался необходимостью сложного процесса адаптации пришлых из Европейской России жителей к новой среде. Для данной территории, изначально заселенной тюрками (в документах российской администрации – татары), характерным являлось развитие многоукладного хозяйства со все более укреплявшимся земледелием, становившимся на протяжении десятилетий XVII в. устойчивой основой их хозяйственного комплекса. Развитию этого способствовало поселение в татарских деревнях бухарцев – выходцев из различных районов Средней Азии, которые начали активно осваивать регионы Сибири вокруг городов Тары, Тобольска, Томска и Тюмени в связи с выданными им в середине XVII в. льготами на приобретение хлебопашенных земель и сенокосных угодий (Корусенко, 2011). Одновременно в XVII в. происходил процесс колонизации Сибири со стороны Русского государства, создававшего здесь прежде всего собственные укрепления в виде крепостей. Тара представляла собой подобный русский форпост на юге Западной Сибири, являясь важным военно-административным центром. Помимо

* Corresponding author

E-mail addresses: natalya-kabakova@rambler.ru (N.V. Kabakova), tomil65@rambler.ru (S.N. Korusenko)

своей основной оборонительной функции, поставленные в условия необходимости наладить самообеспечение хлебом, служилые тарчане должны были заниматься и хлебопашеством. Естественным являлось и то, что индигенным жителям уже принадлежали лучшие земли, которые они вынужденно стремились закрепить за собой в ситуации, определяющей верховным собственником земли государство, установившим право на землевладение на основе службы или уплаты ясака. Несмотря на то, что территория Тарского уезда занимала обширные пространства, все-таки плодородной почвы, позволявшей заниматься земледелием, в действительности имелось сравнительно немного. Поначалу подобное обстоятельство не являлось помехой в размещении и обеспечении земель все новых жителей, к тому же в силу их немногочисленности оно не вызывало какого-либо беспокойства у татар, но со временем количественный прирост вновь прибывших неизбежно должен был привести к столкновениям с местным населением.

Исследователи неоднократно подчеркивали, что на первых порах русские поселения и пашни в Западной Сибири выступали маленькими островками среди татарских, да и власти старались, насколько это возможно, не конфликтовать с туземцами, не посягать на их владения (Шунков, 1946: 94). В действительности же служилые казаки вскоре стали получать, а также покупать, арендовать или самовольно захватывать наделы из земель, принадлежавших татарам. Чаще всего подобные прецеденты происходили вблизи русских административных пунктов. Как правило, это случалось с «порозшими» землями, т.е. принадлежность к которым местные жители документально доказать не могли. Основаниями же для землевладения и землепользования для татар становились писцовые и дозорные книги, составлявшиеся государственными чиновниками для определения численности жителей, количества и местоположения населенных пунктов, внешних и внутренних территориальных границ. В таких документах подробнейшим образом описывались земельные владения с указанием их количества, определялись качественные особенности (пахотные, луга, залежи, пустоши и пр.), рубежи и важные «отметины», с помощью которых их можно было бы визуализировать. Выписи из данных книг татары получали на руки как основание собственных имущественных прав и использовали в спорных случаях, требовавших определить подлинную принадлежность земли. В целом, недостаточное количество плодородных угодий в Тарском Прииртышье вкупе со все возрастающим числом служилых и крестьян из Европейской России, которым требовались наделы, обуславливали возникновение разногласий с местным населением. Одной из спорных территорий стала в последней четверти XVII в. Киргапская лука – плодородный луг в изгибе Иртыша, раскинувшийся на расстоянии примерно 20 км от города Тары, на котором изначально обитали представители индигенного населения – татары. В прелюдии к разыгравшимся в последней четверти XVII в. страстям по поводу принадлежности этой земли, продолжавшимся с переменным успехом на протяжении целых 14 лет, отметим, что главными героями истории и возмутителями спокойствия оказались служилые юртовские татары и бухарцы. Антагонистической стороной выступили русские служилые казаки. В данной работе на основе анализа одного документа будут рассмотрены процессы землепользования в Сибири в период обустройства русских служилых людей на новых территориях, выявлены правовые основания для решения земельных споров.

2. Материалы и методы

Исследование построено на анализе документа, который является первой частью эклектичного архивного дела, хранящегося в многочисленных фондах Сибирского приказа (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925). Об этом источнике известно благодаря труду Н.Н. Оглоблина конца XIX в., до сих пор являющемуся указателем для работы с материалами данного ресурса: «Бухарцы были людьми со средствами и охотно занимались скупкой земель у служилых и др. русских людей. Такая их деятельность нередко нарушала установленный порядок русского землевладения и доходила до злоупотреблений, так что в 197 г. (1689 г. – Авт.) был произведен по Тарскому уезду специальный осмотр всех земель и угодий, проданных и заложенных служилыми людьми местным бухарцам < ... >. Дозорной книге предшествует "список с дела" Тарских служилых татар и бухарцов Аллейки Бехметева с товарищи с Тарским же пятидесятником Оською Кузнецовым с товарищи о "спорной земле" в Кыргапской "луке", 198 г. (1690 г. – Авт.). Дело состоит из "челобитных" обеих сторон, разных "выписей" и пр.» (Оглоблин, 1895: 65). Фактически документ состоит из трех частей, которые можно условно назвать следующим образом: 1 часть – «Список с дела...» (л. 1-57); 2 часть – «Дозорная книга Якова Чередова» (л. 58-75), в которой указаны земли бухарцев и определены основания их приобретения; 3 часть – «Описная книга Тарского города 1688–1689 гг.» (л. 76-141), где поулично зафиксировано все население города Тары. Н.Н. Оглоблин представил информацию об этом источнике, но его текст вводится в научный оборот впервые. Именно подробное изучение сведений первой части документа, полное их прочтение позволяет рассмотреть вероятные способы и основания решений спорных дел о земле между коренными и недавно заселившими регион жителями. Предварительно необходимо отметить, что бухарцы стали активно осваивать Тарское Прииртышье лишь с середины XVII в., однако отдельные их представители появились здесь еще в период Сибирского ханства, прибыв по приглашению Кучума в основном с миссионерской деятельностью, но также и для налаживания торговых отношений с государствами Средней Азии и военной поддержки

Сибирского юрта. Учитывая языковую и культурную общность татар и бухарцев, последние не только селились в деревнях сибирских татар, но стали совместно с ними отстаивать земельные владения.

В исследовании использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения. Для изучения источника применялся критический подход, включающий, прежде всего, его внешний и внутренний анализ, выяснение условий возникновения, авторства, а также штудирование содержания. В работе использовался сравнительный метод при сопоставлении показаний свидетелей «Списка с дела ...», представлявших разноречивую информацию в ходе допросов о спорных землях. В качестве специальных методов исследования выступили историко-правовой и хронологический. Работа выполнена в русле региональной истории, которая на рубеже XX–XXI вв. заняла видное место в отечественной исторической науке. Как отмечает Л.П. Репина, «современное понимание глобальной истории вовсе не исключает, а напротив – подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития» (Репина, 2013: 270). Прежде всего, имеется в виду компаративная история или «сравнительный подход нового типа, который, в отличие от "старомодной" компаративной истории, не занимается противопоставлением разных цивилизационных ареалов в поисках объяснений их расходящихся траекторий развития, а проводит тщательные case studies и встраивает локальные и региональные истории в глобальный контекст, раскрывая структурную логику сходных явлений, процессов и социальных конфликтов, отдаленных в пространстве и во времени» (Репина, 2013: 270).

3. Обсуждение

Впервые проблемы землепользования татар Тобольской губернии были обозначены и рассмотрены в начале XX в. после проведения и последовавшей далее публикации исследования чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И.А. Андроникова, в котором он представил материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии (Андроников, 1911). Следует отметить, что он привлек к своей работе целый ряд чиновников Тобольской переселенческой организации и довольно серьезно подошел к решению этого вопроса. Во введении автор представил программу исследования. Но, пожалуй, наиболее важным стало то, что данная тема начала изучаться с исторической точки зрения, собрав огромное количество материалов – как находившихся на руках у инородцев (татар и бухарцев), так и хранившихся в архивах (всего 385 документов), на основе анализа которых было выделено 9 групп, включивших выписи из писцовых книг, данные, купчие и др. Также И.А. Андроников пришел к выводу, что вопрос о землевладении татар Тобольской губернии до сих пор остается нерешенным и дискуссионным: «Бесконечные земельные споры и тяжбы инородцев с крестьянами и казною были предметом разбирательства как местных, так и центральных учреждений» (Андроников, 1911: III). Взгляды чиновников часто менялись и возникала путаница: в одних случаях земли признавались казенными, в других – считались предоставленными в вечное пользование инородцам. На основании анализа огромного количества документов и действующего законодательства автор сделал вывод о том, что в настоящее время отсутствуют юридически разработанные материалы по истории землевладения инородцев. Государство стоит на позиции, что все сибирские земли принадлежат казне, но «сами инородцы считают свои земли своей собственностью» (Андроников, 1911: IV). Именно поэтому индигенные жители постоянно подавали иски и пытались доказать собственные права с использованием хранящихся у них документов на земли. Сам процесс выдачи подобных сведений начался в XVII в., когда в Сибири стали проводить различные переписи населения, результаты которых представлены в ясачных, писцовых и дозорных книгах, впоследствии сохранившихся лишь частично. Несмотря на огромное количество привлеченного материала, «Список с дела...» в работе И.А. Андроникова отсутствовал.

Имеется значительная литература по хозяйственному освоению Сибири, которая может быть сгруппирована по отдельным периодам изучения, тематическим и региональным блокам. Тема колонизации Сибири (наиболее популярная в науке XIX – первой половины XX вв.) рассматривалась как процесс расселения, хозяйственного освоения и взаимодействия с аборигенными народами. В рамках подобных работ успешность колонизации доказывалась эффективностью хозяйства русских засельщиков Сибири (Бахрушин, 1927; Шунков, 1956).

Проблемы землевладения и землепользования в Сибири в условиях ее начальной колонизации представлены в работе В.И. Шункова (Шунков, 1946), в которой больше внимания уделялось освоению края русскими служилыми людьми и крестьянами Европейской России, но эпизодически рассматривались материалы по их взаимоотношениям в этом вопросе с коренным населением, в частности с татарами. Помимо прочего, автор проанализировал политику Московского государства на вновь приобретенных территориях. Именно в данной работе В.И. Шунковым дважды использован источник, анализу которого и посвящено настоящее исследование. В первом случае «Список с дела...» приводится им в качестве примера того, что политика властей была направлена на защиту земель ясачных Сибири, но «Московское правительство не всегда умело могло справляться со взятым направлением. <...> Москва требовала одновременно охраны ясачных промыслов и быстрейшего расширения сибирского земледелия» (Шунков, 1946: 66-67). Во втором случае исследователь

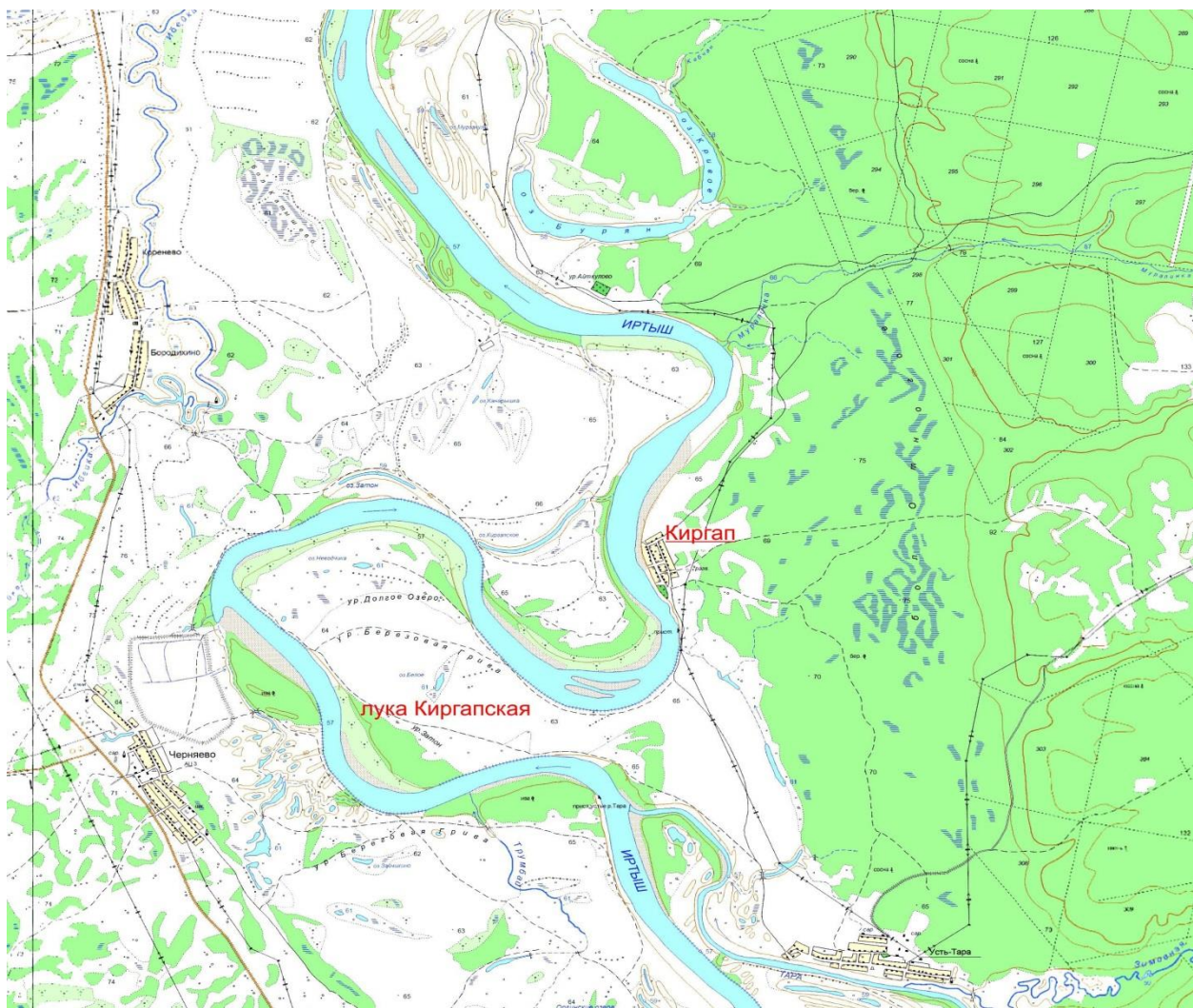
рассмотрел право старины, сыгравшего «решающую роль в спорном земельном деле А. Бехметева и О. Кузнецова (1689). И истец, и ответчик представили к разбору подписные челобитные на спорную землю. Дело решено в пользу Бехметева. Среди оснований фигурировало то, что Кузнецовская челобитная подписана 12 днями позже» (Шунков, 1946: 86). Однако первостепенным при разрешении данного спора все-таки являлось не столько право старины, о котором писал В.И. Шунков, сколько законодательство того времени, о чем далее и пойдет речь при анализе источника.

В области этнографического изучения татар Сибири также имеются работы, в которых рассматривались проблемы землевладения и землепользования сибирских бухарцев, служилых и ясачных татар. В исследовании Г.Н. Потанина (1868) содержатся сведения о наследственном землевладении бухарцев. Во второй половине XX в. эти вопросы затрагивались в трудах В.Т. Валеева (1993), Х.З. Зияева (1968), Н.А. Томилова (1981). В целом тематика изучения формирования и развития системы земледержания у различных социальных групп инородцев Сибири носила фрагментарный характер, поэтому в современный период не прекращаются ее исследования, имеющие в своем большинстве локальный характер (Корусенко, 2008; Тычинских, 2013; Самигулов, Тычинских, 2017). Наличие большого фонда еще не введенных в научный оборот источников по Сибири XVII–XIX вв., а также использование новых исследовательских парадигм способствуют дальнейшему развитию данной проблематики с учетом ее локальных особенностей.

4. Результаты

Первоначально Тарский острог планировалось основать на правом берегу Иртыша в устье реки Тары. Князь Елецкий, которому и было поручено построить крепость в 1594 г., посчитал данное место неудобным и возвел ее на левом берегу Иртыша вниз по течению от устья Тары (Миллер, 2000: 281-284). Дело в том, что именно правобережная часть этой территории, уже заселенная татарами, активно использовалась ими для собственных нужд. Соответственно, изначально русские служилые люди стали осваивать земли вблизи острога, постепенно расширяя свои владения. Одновременно с этим происходил их перевод на землю. Пожалуй, наиболее подробно данный вопрос освещен в работе Н.Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Отметим, что начало оседания на землю русского служилого населения происходило в первой четверти XVII в., автор привела в пример данные Дозорной книги Тарского уезда 1624 г., в которой были переписаны селения служилых людей, представлявшие в этот период в большинстве своем деревни-однодворки (Аполлова, 1976: 84). На протяжении XVII в. русские постепенно осваивали все больше земельных угодий. Н.Г. Аполлова подчеркивала двойственность политики правительства по отношению к служилым людям на данном этапе: «Добываясь "государевых прибылей" и экономии в хлебе, оно стремилось урезать хлебное жалованье служилых или совсем не выдавать его, переводя их на службу с пашни. С другой стороны, не желая отрывать их от своих служебных обязанностей, особенно казаков от разъездной службы, правительство пыталось установить норму земельного держания» (Аполлова, 1976: 87). Таким образом, политика государства приводила прибывших русских жителей к необходимости осваивать все больше земельных пространств Сибири. В частности, служилые люди в Тарском Прииртышье стали приобретать земли и на правом берегу Иртыша. В основном это были самовольные захваты, что не устраивало татар, которые стали отстаивать права на свои угодья. Киргапская лука расположена на правом берегу Иртыша (Рисунок 1).

По сведениям Г.Ф. Миллера, побывавшего в этих местах в 1734 г., недалеко от этого места был Киргап-аул, заселенный бухарцами, служилыми и захребетными татарами и состоящий из двух деревень: «Нижняя деревня – для зимних жилищ, а верхняя – для летних» (Сибирь XVIII века, 1996: 92). Таким образом, именно на летний сезон жители обустроивались поближе к луке. Для татар, у которых скотоводство сочеталось с охотой, рыболовством и отчасти земледелием, данный луг использовался как для выпаса скота, так и для сенокосения. Это же место облюбовали и русские служилые люди, для которых также необходимы были сенокосные угодья.

Рис. 1. Киргапская лука и деревня Киргап на современных картах (выкопировка из физической карты по данным программы S.A.S. Planet, лист O-43-114-C)

«Список с дела...» – документ, включивший тексты челобитных, решения различных органов власти о принадлежности Киргапской луки одной из спорных сторон с указанием должностных лиц, их осуществлявших, а также записи опросов свидетелей при очных ставках. В деле отсутствует хронология в изложении событий, много повторов, поэтому одной из задач авторов работы явилось выстраивание стройной последовательности действий. Как уже отмечалось ранее, спор о земле велся на протяжении 14 лет. Его описание начинается с того, что 18 июня 1676 г. письменный голова Федор Кох получил челобитную от юртовских служилых татар Алейки Бехметева, Кучучки Тынмаметева и бухарцев Абдрахманки и Боянки Тохтиных «с товарищи», в которой излагалась просьба о выдаче им документов на право владения Киргапской лукой, утраченных во время пожара. Просители утверждали, что они, «холопы и сироты», здесь «из давних лет деревнишкою поселились», пахали пашню на основании государева указа, подписной челобитной и отводной памяти на земли «вверх по реке Иртышу ... с вершины реки Килчей за до усть реки Килчей» – Киргапскую луку. Но в 1669 г. «горел Тарской город без остатку и юртишки наши в городе все пригорели без остатку и на деревнишку нашу подписная челобитная и отводная память згорела» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 4-4 об.). Татары высказывали беспокойство, поскольку теперь Киргапской лукой, принадлежавшей им «после дедов и отцов», «владеть стало не по чему и опасно» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 10, 13). Со всей очевидностью подобная тревога обосновывалась еще и разворачиванием своего хозяйства на этих же землях русскими служилыми людьми, которые представляли для жалобщиков непосредственную угрозу («похотя нас ... напрасно разорить и чтоб тою нашею Киргапскою лукою напрасно завладеть»).

Действительно, спустя двенадцать дней – 1 июля 1676 г. – зарегистрирована другая челобитная от тарского пятидесятника Оськи Богданова сына Кузнецова, конных казаков Ивашки и Сеньки Максимова, Васьки Уразова меньшого с аналогичной просьбой – предоставить им права на владение Киргапской лукой.

В результате татары получили подписную челобитную и отводную память на эту территорию на основании статей 16 главы Соборного уложения 1649 г., в которых, во-первых, требовалось не посягать на земли иноземцев русскими людьми, а, во-вторых, решать спор в пользу того, кто первым подаст челобитье (Тихомиров, Елифанов: 182, 184). Федором Кохом был вынесен вердикт: «Оске с товарищи ... в той земле отказано и с той земли съехать и дворы свесть что та земля татарская» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 16).

18 июня 1681 г. тарский стольник и воевода Матвей Уварович Лодыгин вновь вершил «судное дело», в котором истцами выступали юртовские служилые татары и бухарцы Кучучка Тынмаматов с товарищами, а ответчиком – Осип Кузнецов с товарищами. Казаки утверждали, что они владеют Киргапской лукой по челобитью и отводной, которая получена ими в 1676 г.: «великие государе пожаловали б их велели им дать в деревнишке в Киргапской луке под дворы и под поскочитину местечко где б им дворами поселица» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 39 об.), поскольку до этого здесь располагались дворы конных казаков Тихонки Скуратова и Игнашки Коновалова. Челобитье русским служилым подписал тарский сын боярский Антип Перфильев. В «отводе» татары заявили, что «то место из давних лет дедов и отцов их, а русские де люди Тихонко Скуратов, Игнашка Коновалов просились у них татар жить на том месте по добродетели для того что в те годы под Тарской город приходили войною калмыцкие люди и как де воинские люди под Тарской город ходить перестали и они де татаровя Тишку и Игнашку с той своей земли сослали» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 40-40 об.).

В итоге Матвеем Лодыгиным был вынесен приговор: «спорную землю отдать» татарам, предоставив им «на ту Киргапскую луку из приказные избы за государевою печатью з дела крепость» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 37 об.) на основании все тех же указаний Соборного уложения о запрете передачи земель иноземцев русским и о приоритете в разрешении споров для тех, кто первым подал челобитную.

8 ноября 1682 г. татары «били челом» о получении «памяти» с государевой тарской печатью, «чтоб им тою лукою владеть было прочно». Данный документ «впред для спору» был ими получен, за что 15 ноября уплачена пошлина «в государеву казну восемь алтын две денги». Черновик этой памяти и судного дела 1681 г. полагалось хранить в приказной тарской избе.

Казалось бы, конфликт окончательно разрешился, но спор по поводу Киргапской луки получил продолжение после того, как в Тару для переписи прибыл Лев Поскочин, к которому обратился пятидесятник Осип Кузнецов. По впоследствии поступившей характеристике татар Осип хотел отнять у них Киргапскую луку «ложно», подавал «челобитные спорные». В своих жалобах татары отмечали, что Поскочин отказался принять у них документы, подтверждавшие права на землю, но взял их у толмача Ганки Евгаштина, а после «тою нашу крепость ... не отдаывал и утешение великое нас теснил» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 6 об.). В итоге во вновь составленной писцовой книге 1684 г. (данная книга не сохранилась – Авт.) Киргапская лука фиксировалась уже как владение Кузнецова с детьми на основании того, что жители Киргапской деревни – служилые и захребетные татары – подали «скаску» о «поступке» (передаче) спорной земли Осипу «и впред на него Оску не челобитчики». При этом о подаче челобитной и крепостей самими татарами Льву Поскочину в писцовой книге не было упомянуто вообще (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 49 об.).

Известие об утрате права на Киргапскую луку побудило татар к принятию мер по восстановлению их земельного владения: они отправили в Сибирский приказ челобитную, в которой пожаловались на писца Льва Поскочина. Ответом им стало распоряжение тарского стольника и воеводы Карпа Павлова от 23 февраля 1687 г. о проведении «большого повального сыска», потребовавшего опроса свидетелей, способных подтвердить или опровергнуть претензии просителей – татар. Очевидцы должны были ответить, «подлинно ли та земля за татарами была, много ли лет и почему и с которого году тою землею начал владеть Кузнец». Результаты сыска Карпу Павлову вменялось прислать в Москву в Сибирский приказ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, на основании чего полагалось вынести решение, «кому по розыску в приказной избе и ... по обыском та земля будет правее тому ею велено владеть» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 18 об.). Опросу были подвергнуты как русские служилые люди, так и татары. Подавляющее большинство свидетельствовало, что татары жили в Киргапской луке, владели ею «исстари», «с давних лет», либо «с пятьдесят лет и больше», а Оська Кузнецов – недавно, «лет с пятнадцать». По поводу прав на землевладение кого-либо из спорщиков никто ничего определенного не сказал («по каким крепостям – не знаю», «не ведаю», «не упомяну»).

В 1689 г., обеспокоенные угрозой потери Киргапской луки, служилые казаки во главе с сыном умершего к этому времени Оськи Митькой Кузнецовым стали просить о проведении нового расследования. По распоряжению тарского стольника и воеводы Гаврилы Степановича Волконского осуществили еще один розыск, порученный подъячему боярскому сыну Василию Заливину, призванному установить принадлежность спорной земли. Высказывания «всяких чинов русских людей» показывали, что в луке издавна жили русские – Тишка Скуратов «с товарищами», многим об этом было известно от «старинных людей». За редким исключением свидетели отрицали саму возможность владения данной землей татарами, поскольку те располагались «над речкой», «под соснягом». Острожную позицию заняли в данном сыске даже ясачные татары, говорившие, что

Киргапская лука принадлежала одновременно и русским, и татарам, которые здесь сообща жили и косили сено. Лишь шесть человек (пятеро из них – юртовские служилые татары и бухарцы) заявили: «Владели изстари князец Берделей да сын ево Тынмамет а после де их владеют юртовские служилые и захребетные татары» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 48). В целом, новое расследование продемонстрировало неожиданные результаты: на этот раз очевидцы утверждали, что спорная территория принадлежала русским людям – казакам. Итогом сыска стал вердикт от 5 июня 1689 г., вынесенный стольником и воеводой Гаврилой Степановичем Волконским о законной принадлежности Киргапской луки тарским служилым («а татаром и бухарцом до той земли дела нет») (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 49), после чего Дмитрий Кузнецов получил соответствующий документ – данную на владение. При этом приговор не включил челобитную от противоборствующей стороны, информацию о расследовании 1687 г. и не был доведен до татар.

1 августа 1689 г. юртовские служилые татары и бухарцы Алейка Бехметев, Кучучка Тынмаметев, Адрахманка и Боянка Тохтины подготовили очередную челобитную в приказную избу стольнику и воеводе Никите Савичу Ивашкину, где ходатайствовали о предоставлении выписи из судного дела, осуществленного в 1681 г. воеводой Матвеем Лодыгиным, и сыска, проведенного в 1687 г. при воеводе Карпе Павлове, допросе толмача Ганки Евгаштина, отдавшего татарскую крепость писцу Льву Поскочину. Они просили также запретить Осиповым детям свозить сено, накошенное «на их Киргапской луке» до «государева указа», то есть до разрешения их спора на землю: «мы холопы и сироты ваши разорились до конца напрасно велите Государи с Тары послать то сено описать кого вы великие государи укажите» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 9).

21 сентября 1690 г. в Тарской приказной избе был учинен допрос толмача Ганки Евгаштина, в ходе которого взята «скаска», зафиксировавшая показания о том, что, действительно, Лев Поскочин принял от него татарскую крепость на Киргапскую луку для составления писцовой книги, но «назад не отдаывал». Удостоверил слова Евгаштина («по его велению руку приложил») Васька Куличкин (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 50).

17 октября 1690 г. из Тары в Тобольск стольником и воеводой Никитой Савичем Ивашкиным была отправлена челобитная боярину и воеводе Алексею Петровичу Головину, излагавшая историю долгого противостояния в земельном споре между русскими и татарами, подчеркивавшая намеренное искажение истины, допущенное в обыске 1689 г. по поводу принадлежности Киргапской луки: «подъячие де норовя Дмитрею Кузнецову на очной ставке писали не те их речи которые они говорили и по очным ставкам про тою их землю для сыску посылан был Василей Заливин и Василей де по дружбе Дмитрею Кузнецову сыскивал неправдою» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 38 об.).

В ноябре 1690 г. по распоряжению тобольского воеводы Головина произвели «очную ставку» – скрупулезное сличение показаний, данных «тарскими всяких чинов людьми» в период сысков 1687 и 1689 гг., по результатам которой произведена «выпись разных речей». В итоге произведенной проверки было установлено, что представлялись разноречивые свидетельства (Таблица 1).

Таблица 1. Свидетельские показания о владении Киргапской лукой в «сысках сотников и воевод Карпа Павлова и князь Гаврила Волконского» в 1687 году и 1689 году (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 27-31)

Фамилия, имя свидетелей	Показания свидетелей	
	1687 год	1689 год
Отставной пятидесятник Игнашка Мезяка	«Кыргапскою де лукою санными покосы владеют юртовские служилые татара лет с шестьдесят и болши и сена ставят де и житьем юртами живут в близости а Осип де Богданов тем местом владеет не в давних летех а по каким крепостям того он не ведает»	«та земля за татарами не бывала и не живали а живали на той спорной земле руския люди Игнашка Коновалов да Тишка Скуратов да Парфенко Решетников з братьями а татара де живали и ныне живут зимою в бору а летом на усть речке в лугу»
Сотник черкасской Иван Шатов	«у отца своего слышал что то место Кыргапскою лукою изстари хто тем местом владел того он не упомнит а Оска де Богданов Кузнецов тем местом Кыргапскою лукою владеет лет с пятнатцати а по каким крепостям того он не ведает»	«та земля за татарами не была а владели де тем местом руския люди Игнашка Коновалов да Тишка Скуратов а татаровя живали где и ныне живут от той спорной земли в трех верстах»
Калмыцкой толмач Никишка Перфильев	«Кыргапскою де лукою почему преж сего юртовские служилые татара владели и почему ныне Кузнец Оска	«та земля за татарами не была а живали на той земле руския люди Игнашка Коновалов да Тишка

	Богданов владеет того он не ведает»	Скуратов а татару де живали где и ныне живут в бору за рекою на лугу от той луки в трех верстах»
Сын боярской Василей Заливин да пятидесятник Дмитрий Логинов	«Кыргапской луке луговою землею под скотцкой выпуск владели юртовские служилые татару Аллейка Бехметев с товарищи шестьдесят человек изстари а по каким крепостям того они не ведают а Оска де Кузнецов почал тем лугом владеть не в давных летех а по каким крепостям того они не ведают же»	«сын боярской Василий Заливин сказал та земля за татарами была л того он не знает а от старых людей и от отца своего слышал что изстари на том месте живали руския люди Игнашка Коновалов да Тишка Скуратов. А пятидесятник сказал что преж сего в Кыргапской луке жили руския люди Тишка Скуратов да Игнашка Коновалов а татару жили над речкою под соснягом»
Стрелецкой пятидесятник Лучка Серебряников	«изстари де в Кыргапской луке живут юртовские татару Алейко Бехметев юртами а Кыргапскою де лукою луговым местом под скотцкой выпуск изстари они татару владели ли того он не ведает а Осип де Кузнецов тем местом почал владеть не в давных летех а по каким крепостям того он не ведает»	«та спорная земля Кыргапская лука за татарами не была и не живали а живали на той земле тарские служилые люди Игнашка Коновалов да Тишка Скуратов»
Устьтарской деревни руския люди сказали стрелец Антонко Нестеров да четыре человека конных казаков Якимко да Ондрейка Остафьеф Микишка Лядного Афонка Фролов	«Кыргапскою лукою изстари владели Кыргапския татару а Оска де Кузнецов той лукою владеет после татар не в давных летех а с которого году и по каким крепостям владеет того они не знают»	«у Василья Заливина и с тем людей три человека стрелец Антонка Нестеров два человека конных казаков Андришка Остафьев Микишка Лядного сказали что преж сего в Кыргапской луке жили руския люди а не татару»

В результате сравнения показаний воевода велел дать выписку из Соборного уложения, в части которой разъяснялись действия властей в случаях их несоответствия в ходе очных ставок. В частности, в 162 статье 10 главы закона говорилось, что в ситуациях установления фактов «ложных речей» у большого числа свидетелей необходимо провести расследование «лучшими людьми», с погрешивших против истины взять штраф, бить кнутом, возместить нанесенные убытки. Так, к примеру, дети боярские обязаны были заплатить 30 рублей, крестьяне – по одному рублю. В 166 статье 10 главы отмечалось, что несовпадение показаний в ходе сысков должно повлечь аналогичные взыскания: «А будет которые люди в обысках в одном деле скажут двои речи, и тем людем чинити указ против того же, что указано чинити за лживые обыски, как писано выше сего» (Тихомиров, Елифанов: 132, 134). На основании законодательных установлений сплутовавшие «обыскные люди» за свои «неправые скаски» подверглись «наказанья и пени», а приговор 1689 г. объявлен «отставленным» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 56).

В ноябре 1690 г. длительное противостояние, начавшееся 14 лет назад, закончилось вынесением вердикта о принадлежности спорной земли – Кыргапской луки – юртовским служилым татарам и бухарцам и об отказе на владение ею тарским служилым – детям Оськи Кузнецова – Митьке с его братьями. Страсти по Кыргапской луке на этом этапе завершились.

Противостояние татар и бухарцев с семьей Кузнецовых продолжилось и в дальнейшем, о чем известно из Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. (переписчик – московский дворянин Иван Родионович Качанов). Из ее материалов выясняется, что 25 января 1701 г. Аничка Кузнецов получил на пашенную землю близ Кыргапской луки выпись. Досмотр угодий произвел тарский сын боярский Григорий Степанов 5 февраля этого же года, а свидетелями того, что «то место лежит впусе», стали Алешка Романов да Ивашка Колтючин, которые состояли в близком родстве с Аничкой (его племянники). В деревне Ивашки Кузнецова, как она указана в Дозорной книге 1701 г., учтено 5 дворов, остальные родственники переписаны в Таре, т.е. фактически это была заимка.

Татары, среди которых были сын Алейки Бехметева – Кучучко Алеев, сын Кучучки Тынмаметева – Талайко Кучуков, а также бухарец Абдрахманко Тохтин, фигурировавший в предыдущих спорах, подали челобитную 9 сентября 1701 г., в которой и описали всю ситуацию. В результате досмотр земли признали недействительным, «потому что в зимнее время пашенных и непашенных земель мерить под снегом и межи и урочища описывать невозможно» (РГАДА. Ф. 214.

Оп. 1. Д. 1182. Л. 350-351). Так эта земля осталась за татарами. Поскотинные места в Киргапской луке также были записаны за ними: «У них же татар от летних юрт поскотинный луг в Киргапской луке до переволоки где волочат малые лодки через луку до заимки конных казаков пятидесятника Оски Богданова а с другой стороны реке Таре десятин на двести и больше. Владеют пашенными и непашенными землями и санными покосами исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 354). Отсылка к писцовой книге Льва Поскочина не отражает реальности, т.к. именно он пытался отдать Киргапскую луку русским служилым людям. Таким образом, наличие «Списка с дела...» раскрывает подлинные события этой истории.

5. Заключение

«Список с дела...» представляет замечательный образец документа, демонстрирующего развитие процессов землепользования на территории Тарского Прииртышья в конце XVII в., в период продолжавшегося обустройства русских на сибирских просторах. На данном историческом этапе государственная политика побуждала служилых людей к освоению местных угодий, переводя их на службу с пашни, урезая хлебное жалованье, но одновременно нормируя земельные наделы. Необходимость обеспечения земель нередко приводила к возникновению конфликтов пришлого русского населения с коренными жителями – татарами. Исследователи разных частей Западной Сибири неоднократно описывали противоречия подобного рода (Балюк: 42; Томилов: 36), отмечая, что власть, проводившая судебные разбирательства таких коллизий, чаще всего вставала на сторону татар, отстаивавших свои интересы, связанные с землевладением и землепользованием. Несмотря на это, невзирая на запрет покупки и аренды земли у татар со стороны русских, постепенный напор служилых казаков продолжался, приводя к возникновению их поселений и распашке ими угодий в местах, давно и прочно обжитых тюркскими группами. «Список с дела ...» демонстрирует, что конфликты по поводу земельных владений все-таки могли разворачиваться по-разному. Фабула документа показала вероятные пути разрешения спора по поводу Киргапской луки. Первый вариант – эта земля могла перейти к русским служилым, поддерживаемым представителями властных структур (писцом Львом Поскочинным, подъячим Василием Заливиным, стольником и воеводой Гаврилой Степановичем Волконским). С этой целью чиновники применяли все возможные рычаги – искажали документы, оказывали давление на свидетелей. Второй вариант борьбы за ресурсы – когда земля сохранялась у первоначальных владельцев. Основанием подобного развития ситуации явилось российское законодательство – Соборное уложение 1649 г., которое стало базой для принятия окончательного решения о передаче Киргапской луки ее исконным владельцам – татарам и бухарцам.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

Литература

- Андроников, 1911 – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И.А. Андроникова / при участии чинов Тобольской переселенческой организации В.М. Егорова, К.К. Иванова, М.К. Колпакова, Ф.К. Лискина и А.Р. Шнейдера; Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление Тобольского района. Тобольск, 1911. X, 395, CLXXII с.
- Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М., 1976. 371 с.
- Балюк, 1997 – Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. Тобольск, 1997. 221 с.
- Бахрушин, 1927 – Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. 198 с.
- Валеев, 1993 – Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
- Зияев, 1968 – Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент, 1968. 74 с.
- Корусенко, 2008 – Корусенко С.Н. Земельные владения бухарцев и татар Тарского Прииртышья в середине XIX в. / *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции*. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 460-462.
- Корусенко, 2011 – Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011. 248 с.
- Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.
- Оглоблин, 1895 – Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Часть 1. Документы воеводского управления. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. 430 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Репина, 2013 – Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI ВЕК. 2013. № 3. С. 266-273.

- Самигулов, Тychинских, 2017 – Самигулов Г.Х., Тychинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметевых и Сейдяшевых в XVII веке // *Научный диалог*. 2017. № 9. С. 182-201.
- Сибирь XVIII..., 1996 – Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. 310 с.
- Тихомиров, Епифанов, 1961 – Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. 444 с.
- Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 275 с.
- Тychинских, 2013 – Тychинских З.А. О формировании земледельческого хозяйства у служилых татар Западной Сибири в XVII в. // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 2 (39). С. 32-40.
- Шунков, 1946 – Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. – Л., 1946. 228 с.
- Шунков, 1956 – Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. 432 с.

References

- Andronikov, 1911 – Andronikov I.A. (1911). Materialy po zemlevladieniiu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoi gubernii : issledovanie chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii I.A. Andronikova [Materials on land tenure and economic way of life of the settled indigenous dwellers of the Tobolsk government : the research of a special duty civil servant at Transmigratory bureau of I.A. Andronikov]. Pri uchastii chinov Tobol'skoi pereselencheskoi organizatsii V.M. Egorova, K.K. Ivanova, M.K. Kolpakova, F.K. Liskina i A.R. Shneidera ; Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliia, Pereselencheskoe upravlenie Tobol'skogo raiona. Tobol'sk. X, 395, CLXXII p. [in Russian]
- Apollova, 1976 – Apollova N.G. (1976). Priirtysh'ia v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. [Irtysh land development at the close of XVI – first halves of the XIX Khoziaistvennoe osvoenie centuries] M. 371 p. [in Russian]
- Bakhrushin, 1927 – Bakhrushin S.V. (1927). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Feature articles on the history of Iberia colonization in the XVI – XVII centuries]. M. 198 p. [in Russian]
- Baliuk, 1997 – Baliuk N.A. (1997). Tobol'skaia derevnia v kontse XVI–XIX vv. [Tobolosk village in the close of the XVI – XIX centuries]. Tobol'sk. 221 p. [in Russian]
- Korusenko, 2008 – Korusenko S.N. (2008). Zemel'nye vladeniia bukhartsev i tatar Tarskogo Priirtysh'ia v seredine XIX v. [Bokharan and Tatarian land property of the Tara Irtysh land in the middle of the XIX century]. *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii: Mat-ly mezhdunarodn. nauch. konf. Vyp. 7*. Barnaul. Pp. 460-462. [in Russian]
- Korusenko, 2011 – Korusenko S.N. (2011). Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka [Siberian Bokharan in the beginning of the XVIII century]. Omsk. 248 p. [in Russian]
- Miller, 1999 – Miller G.F. (1999). Istoriia Sibiri [The history of Siberia]. M. V. 1. 630 p. [in Russian]
- Ogloblin, 1895 – Ogloblin N.N. (1895). Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.). Chast' 1. Dokumenty vovodskogo upravleniia [Commentary of columns and the books of Siberian prikaz (1592–1768). Part I. Office of voivode documents]. M.: Universitetskaia tipografiia, Strastnoi bul'var. 430 p. [in Russian]
- Repina, 2013 – Repina L.P. (2013). Teoreticheskie osnovaniia i perspektivy regional'noi istorii [Theoretical basics and trends of regional history]. *Prepodavatel' XXI VEK*. № 3. Pp. 266-273. [in Russian]
- RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov.
- Samigulov, Tychinskikh, 2017 – Samigulov G.Kh., Tychinskikh Z.A. (2017). Formirovanie zemel'nykh vladeniia murz Kul'mametevykh i Seidyashevykh v XVII veke [The formation of the land property of the murzas Kul'mametevykh and Seydyashevikh in the XVII century]. *Nauchnyi dialog*. № 9. Pp. 182-201. [in Russian]
- Shunkov, 1946 – Shunkov V.I. (1946). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII vekov [Feature essays on the history of Siberian colonosation in the XVII – the beginning of the XVIII centuries]. M., L. 228 p. [in Russian]
- Shunkov, 1956 – Shunkov V.I. (1956). Ocherki po istorii zemledeliia Sibiri (XVII v.) [Feature essays on the history of landowning in Siberia (XVII century)]. M. 432 p. [in Russian]
- Sibir' XVIII..., 1996 – Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniakh G.F. Millera [Siberia of the XVIII century in travel essays by G. F. Miller]. Novosibirsk, 1996. 310 p. [in Russian]
- Tikhomirov, Epifanov, 1961 – Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. (1961). Sobornoe ulozhenie 1649 goda [Council Code of the 1649]. M. 444 p. [in Russian]
- Tomilov, 1981 – Tomilov N. A. (1981). Tiurkoiazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX vv. [Turkic population of the West Siberian Plato at the end of the XVI – the first quarter of the XIX centuries]. Tomsk. 275 p. [in Russian]
- Tychinskikh, 2013 – Tychinskikh Z.A. (2013). O formirovanii zemledel'cheskogo khoziaistva u sluzhilykh tatar Zapadnoi Sibiri v XVII v. [On the formation of the landowning property of Tatarian service men of the Western Siberia in the XVII century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. № 2 (39). Pp. 32-40. [in Russian]

Valeev, 1993 – Valeev F.T. (1993). Sibirskie tatory: kul'tura i byt [Siberian Tatars: culture and way of life]. Kazan'. 208 p. [in Russian]

Ziyaev, 1968 – Ziyaev Kh.Z. (1968). Uzbeki v Sibiri (XVII – XIX vv.) [The Uzbeks of Siberia(XVII – XIX centuries)]. Tashkent. 74 p. [in Russian]

«Страсти по Киргапской луке»: борьба за земельные ресурсы в Тарском Прииртышье в конце XVII века

Наталья Васильевна Кабакова ^{a, *}, Светлана Николаевна Корусенко ^b

^a Сибирский государственный автомобильнодорожный университет, Российская Федерация

^b Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению земельного спора между татарами и бухарцами, с одной стороны, и русскими служилыми людьми – с другой, по поводу Киргапской луки – плодородного луга в изгибе Иртыша, раскинувшегося вблизи города Тары. Тарское Прииртышье, входившее в состав Тарского уезда Тобольской губернии на протяжении XVII в. являлось сибирской территорией, охваченной процессом колонизации со стороны Русского государства. На данном этапе вокруг русских крепостей возникали поселения и пашни, окружаемые угодьями, изначально принадлежавшими представителям коренного тюркского населения. Невзирая на запрет со стороны московских властей покупки и аренды земли у татар для русских служилых, подобные прецеденты случались неоднократно. Имели место и захваты владений у местных жителей. Исследование построено на основе анализа документа 1690 г. «Список с дела ...», в котором описывается противостояние, длившееся 14 лет между тарскими служилыми татарами и бухарцами и тарскими служилыми русскими казаками. Источник включает челобитные с обеих сторон, выписи, показания свидетелей описываемых событий, материалы законодательства. «Список с дела ...» демонстрирует вероятные векторы разрешения конфликтов по поводу земельных владений между коренными и недавно заселившими регион жителями, представляя развитие процессов землепользования на территории Тарского Прииртышья в конце XVII в., в период продолжавшегося обустройства русских на сибирских просторах. Итогом «страстей» по поводу Киргапской луки стало закрепление земельных угодий за татарами и бухарцами и лишение русских казаков аналогичных прав.

Ключевые слова: Сибирь, Тара, Прииртышье, татары, русские, земельные владения, земельный спор.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: natalya-kabakova@rambler.ru (Н.В. Кабакова),
tomil65@rambler.ru (С.Н. Корусенко)

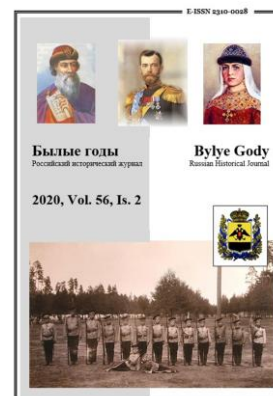
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 428-436. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.428
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Larisa A. Koroleva ^f,
Ludmila G. Zimovets ^g

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^g Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article discusses the system of public education on the territory of the Voronezh province in 1703–1917 years. In this part of the article, the attempt is made to restore the picture of the activity of the public education system in the period of 1861–1900, as well as to evaluate its effectiveness.

There were used as materials the statistical data from the Memorial books of the Voronezh province, extracts from the report of the minister of education, as well as the Memorial books of some educational institutions, for example, the Voronezh men's gymnasium.

In conclusion, the authors state that the public education system on the territory of the Voronezh province in the period of 1861–1900 achieved the significant success. On the territory of the province there was a whole network of secondary, lower and primary educational institutions. In the period from 1862 to 1900 on the territory of the Voronezh province, the number of children studying has increased 4 times, taking into account the natural population growth. In absolute figures, this value was even higher and increased by more than 10 times from 9938 students in 1862 to 102902 students in 1900. At the end of the 19th century, the importance of primary education in the province was given to the primary schools of the spiritual department, which made up the majority of all public schools. However, despite the success of public education, by 1900 more than 75 % of school-age children still remained outside the school.

Keywords: public education, Voronezh province, statistical data, educational institutions, female education.

1. Введение

В истории Воронежской губернии имеется довольно много белых пятен и, пожалуй, одной из них является то, что Воронежская губерния была первой из губерний Российской империи, которая в 1915 г. сообщила, что ее сеть начальных училищ достаточна для введения всеобщего начального образования (Из «объяснительной записки...», 1916: 165). Напомним, что согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г. грамотными (умеющими читать и писать) было всего 21 % населения (Общий свод..., 1905: 39-40). Несомненно, это был большой успех и губернской администрации, и местной дирекции народных училищ и в целом Российской империи. С чего же начиналось народное просвещение в регионе, с какими трудностями пришлось сталкиваться, какова была региональная специфика? Попытаемся рассмотреть это в цикле статей. В данной части работы

* Corresponding author

E-mail addresses: sochi003@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

мы хотели бы изучить процесс зарождения системы народного просвещения на территории Воронежской губернии с 1861 года до 1900 г. Ранее нами был рассмотрен период с начала XVIII века до отмены крепостного права ([Cherkasov et al., 2020](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов для подготовки рукописи нами были использованы статистические данные из Памятных книжек Воронежской губернии ([Памятная книжка, 1856: 13-15](#); [Памятная книжка, 1861: 337-339](#)), извлечения из отчета министра народного просвещения ([Из «объяснительной записки...», 1916: 159-176](#)), а также Памятные книжки некоторых учебных заведений. Например, Воронежской мужской гимназии ([Памятная книжка Воронежской губернской гимназии, 1891](#)).

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые обеспечивают надежность результатов изучаемой проблемы. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволит выявить различные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме. В работе нашли применение междисциплинарный и комплексный подходы к изучению темы народного образования на территории Воронежской губернии, которые позволили взглянуть на развитие системы народного просвещения комплексно, с учетом внутренних и внешних факторов.

3. Обсуждение

Историография системы народного образования Российской империи разнообразна. Она начала создаваться в дореволюционный период, некоторое освещение получила в советский период, и интерес к ней возник вновь в постсоветский период.

Дореволюционная историография. В дореволюционный период исследователи занимались общими вопросами образования в России. Так, например, М.Ф. Владимирский-Буданов обратился к теме взаимодействия государства и народного образования с XVIII века до учреждения министерств ([Владимирский Буданов, 1874](#)); С.С. Князьков и Н.И. Сербов обратились к истории народного образования России в период до эпохи Александра II ([Князьков, Сербов, 1910](#)); С.В. Рождественский изучал деятельность Министерства народного просвещения, в связи со 100-летием деятельности организации ([Рождественский, 1902](#)).

Изучение системы народного просвещения Воронежской губернии предполагает опору на краеведческие издания. Существует целая группа публикаций по истории различных учебных заведений, которые находились на территории Воронежской губернии. Здесь необходимо перечислить труды по истории Воронежской мужской гимназии ([Пантелеевский, 1901](#)), Воронежской духовной семинарии ([Никольский, 1898](#); [Никольский, 1901](#)), Михайловского кадетского корпуса ([Зверев, 1895](#)), Воронежской учительской семинарии ([Литвинов, 1911](#)), частных учебных заведений ([Веселовский, 1864](#)).

Советская историография. В советский период системой народного образования Российской империи заниматься было бесперспективно, так как существовала политическая установка, что царская Россия была малограмотной. В связи с этим возвышалась роль большевиков, которые несли грамотность в массы. Это объясняет сравнительно небольшое количество работ по дореволюционной школе. Тем не менее, некоторые авторы занимались вопросами подготовки кадров в царской России ([Паначин, 1979](#)), народным образованием на территории Воронежской области ([Винокуров, 1954](#)).

Постсоветская историография. На современном этапе к общероссийской проблематике обращались такие исследователи как И.В. Фомичев ([Фомичев, 1996](#)), А.Ю. Бутов ([Бутов, 1991](#)). Авторы обращались и к изучению народного образования Воронежской губернии ([Пыльнев, Рогачев, 1997](#); [Пыльнев, 2009](#)), а также других регионов Российской империи. Например, к центральным губерниям: Вологодской ([Cherkasov et al., 2019](#); [Cherkasov et al., 2019a](#); [Cherkasov et al., 2019b](#); [Cherkasov et al., 2019c](#)), Вятской ([Magsumov et al., 2018](#)), Виленской ([Natolochnaya et al., 2019](#); [Natolochnaya et al., 2019a](#)), а также Донской области ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#); [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#); [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#); [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#)).

4. Результаты

Отмена крепостного права, а позднее и проведение земской реформы плодотворно повлияло на систему народного образования Воронежской губернии. Так, в 1866 г. земское собрание губернии утвердило дополнительное обложение населения на нужды школ в размере по 1 копейки с десятины. Нужно отметить, что и впоследствии земство находило средства на правильную организацию учебного дела в губернии. В 1867 г. земством было установлено правило о выдаче по 100 руб. пособия каждой вновь открывшейся школе и по 50 руб. каждой из существовавших школ ([Воронежское земство, 1891: 485](#)).

Массовое открытие школ практически сразу привело к нехватке педагогических кадров. В результате в 1868 г. в Воронеже были открыты педагогические курсы сроком на 2 года для 30 воспитанников. Первоначально поступило на курсы всего 4 человека, однако к концу года набралось около 15 человек, из которых двое уволились, 12 переведено было во второй класс и 11 вновь поступило. В 1870 г. земское собрание установило оклад в 200 руб. для всех выпускников окончивших курс по 1-му разряду, и 170 руб. для 2-разрядных ([Воронежское земство, 1891: 542](#)).

Земство проявляло заботу и о преподавателях. Так, в 1870 г. земское собрание определило учителям 12 школ годовое жалование в размере по 180 руб. В следующем году были выделены средства еще на 22 школы по 180 рублей, с установлением правила, чтобы учителям выплачивалось от 120 до 240 руб. жалования. Разница в оплате была отдана на усмотрение управы и зависела от количества учащихся ([Воронежское земство, 1891: 485-486](#)).

Важно понимать, что значительную помощь в деле организации народного образования оказывали различные благотворители. Так, например в 1874 г. земское собрание выразило благодарность крестьянину С.М. Попову, который будучи сам неграмотным, организовал на свои средства (около 800 руб.) училище, а также платил в течение двух лет учителю по 10 руб. в месяц ([Воронежское земство, 1891: 486](#)). В 1883 г. священник о. Сахаров создал школу в селе Павловском. В 1884 г. известный педагог Г.Ф. Бунаков изъявил желание устроить школу на собственные средства в селе Петине. В 1885 г. крестьянин Большов обратился в собрание выдать пособие для внутренней отделки дома, устроенного им под школу ([Воронежское земство, 1891: 487](#)). В 1888 г. в Воронежском уезде открыл школы на свои средства землевладелец М.С. Синицын ([Воронежское земство, 1891: 488](#)).

Законотворческие инициативы земского собрания на nive народного образования постоянно изменялись с внедрением новых механизмов регулирования работы школы. В 1876 г. два сельских общества попросили земство открыть у них школы, на следующих основаниях: 1) общества брали на себя устройство училищ с помещениями для учителей, отоплением, освещением и сторожем; 2) школа должна была посещаться не менее чем 20 учащимися, за пропуск занятия родители учащегося или местное общество должны были выплатить 5 руб. штрафа ([Воронежское земство, 1891: 486](#)). В итоге земское собрание приняло эти условия сельских обществ и поручило управе заключить такие же условия со всеми обществами, имеющими школы и выдавать денежные пособия от земства только при соблюдении этих условий.

В 1875 г. воронежские педагогические курсы были закрыты, а вместо них создана Воронежская учительская семинария. Финансирование семинарии осуществлялось за счет казны.

В 1879 г. земская управа проинспектировала сельские школы и нашла их в весьма плачевном состоянии: здания не ремонтировались, топливо для них не доставлялось, а учебная мебель пришла в негодность. При этом все эти обязанности по поддержанию школ в рабочем состоянии находились на местных властях. Ситуация не сильно изменилась и в 1884 г., когда один из членов училищного совета предложил закрыть сразу 11 школ, в виду неудовлетворительной обстановки.

13 июня 1884 г. Святейший синод представил императору Александру III «Правила о церковно-приходских школах». Святейший синод полагал, что церковь должна была безотлагательно увеличить свою роль в деле просвещения молодежи. После того как правила получили высочайшее утверждение, в России началась масштабная деятельность по открытию новых учебных заведений – церковно-приходских школ. До 13 июня 1884 г. во всех епархиях Российской империи насчитывалось 4935 церковно-приходских школ и школ-грамоты, в которых воспитывалось 137850 детей обоего пола. Спустя полгода после утверждения положения, то есть к 1 января 1885 г. в России было открыто 2053 новых школы с общим количеством учеников более 50 тыс. человек ([Памятная книжка, 1886: 320](#)).

Что касается Воронежской губернии то до 1884 г. на ее территории было всего 9 церковно-приходских школ, еще 14 было открыто в 1884 г. и 29 в 1885 г. Таким образом, к 1885 г. на территории Воронежской губернии состояло 52 церковно-приходские школы с общим количеством учащихся 1843 (1696 мальчиков и 147 девочек) ([Памятная книжка, 1886: 321](#)). В среднем на одну церковно-приходскую школу приходилось по 36 учащихся.

В 1886 г. министерство народного просвещения санкционировало создание школ грамоты в губерниях Российской империи. В тот же год только в Задонском уезде губернии было учреждено 25 школ грамотности, однако ввиду нехватки средств 8 из них вскоре были закрыты, а оставшиеся начали функционировать за счет 35 копейчного дворового сбора ([Воронежское земство, 1891: 494](#)).

В 1888 г. на территории Воронежской губернии всем земским врачам было рекомендовано начать наблюдение за учащимися школ ([Воронежское земство, 1891: 488](#)).

Каковы же масштабы деятельности системы народного просвещения на территории Воронежской губернии в 1861-1900 гг. Рассмотрим статистические данные.

По данным на 1861 г. в школах системы народного просвещения на территории Воронежской губернии училось 1704 мальчика и 370 девочек. В 1862 г. эти показатели возросли до 1746 мальчиков и 410 девочек ([Памятная книжка, 1864: 31](#)). Однако нужно отметить, что эти цифры не учитывали количества детей, которые были при школах удельного и военного ведомств.

С 1874 г. в памятных книжках начинают регулярно публиковаться статистические данные о числе учебных заведений. Уже в это время на территории Воронежской губернии были средние (гимназии и прогимназии, в том числе военная), специальные (педагогические курсы), низшие (уездные училища) и начальные учебные заведения.

В 1889 г. Воронежская губерния располагала целой сетью разнообразных учебных заведений из которых 35 были средними и низшими, 567 начальных школ ведомства МНП и 203 церковно-приходские школы (из последних 19 были открыты в 1889 году). Представляют интерес также стипендиальные программы для учащихся. Так, в 1889 г. в учебных заведениях губернии лучшие учащиеся становились стипендиатами разных стипендий, что позволяло облегчить финансовое положение учащихся. Так в учебных заведениях духовного ведомства (духовная семинария и духовное уездное училища) минимальная стипендия – Стипендия окружного духовенства составляла 40 руб. в год, максимальная – Протоиерея Иоанна Самбикина составляла 95 руб. в год. В школах гражданского ведомства суммы колебались от 5 руб. (целая группа стипендий: Городского общества, Введенского церковно-приходского попечительства, барона Николая Васильевича Корфа) до 250–300 руб. (стипендии: Его императорского Величества, Министерства народного просвещения, Гатчинского института, Воронежского губернского земства, дворянства Воронежской губернии, Кубанского казачьего войска). Важно отметить, что стипендии учреждали даже армейские полки, например Крымский пехотный полк, а также значительное количество частных лиц ([Памятная книжка, 1891: 142-143](#)).

К 1896 г. практически все средние учебные заведения Воронежской губернии оказались переполнены учениками. Так, например женская Мариинская гимназия в Воронеже, построенная в расчете на 350 мест, вмещала до 680 учениц, что разумеется не удовлетворяло требованиям школьной гигиены. Исключение составлял только Михайловский Воронежский кадетский корпус на 500 кадет ([Памятная книжка, 1897: 49](#)).

Таблица 1. Количество учебных заведений и численность учащихся в 1862-1900 гг. ([Памятная книжка, 1864: 110-113](#); [Памятная книжка, 1875: 74-75](#); [Памятная книжка, 1879: 113](#); [Памятная книжка, 1891: 138-141](#); [Памятная книжка, 1893: 52](#); [Памятная книжка, 1894: 77](#); [Памятная книжка, 1896: 134](#); [Памятная книжка, 1897: 49](#); [Памятная книжка, 1898: 40-41](#); [Памятная книжка, 1899: 48, 72-73](#); [Памятная книжка, 1901: 54-56, 70-71](#); [Памятная книжка, 1902: 54-55, 68-69](#))

Годы	Количество уч. заведений					Количество учащихся			Количество учащихся на 1 учебное заведение	
	МНП	Духовное ведомство		Прочие	Всего	Мальчиков	Девочек	Всего		
		Церк.-приход.	Школы грам.							
1862	Данных нет					121	9143	795	9938	82,1
1874	Д.н.	5		Д.н.	416	21674	3231	24905	59,8	
1878	Д.н.	9		Д.н.	485	30825	3547	34372	70,8	
1889	567	203		35	805	46846	7306	54152	67,2	
1890	Данных нет					865	Данных нет		57174	66,1
1891	581	195	112	36	924	53415	9536	62951	68,1	
1892	490	252	136	83	961	Данных нет		66353	69,0	
1894	Д.н.	572		Д.н.	1214	61692	12600	74292	61,1	
1895	Д.н.	302	333	Д.н.	1285	Данных нет		78813	61,3	
1896	552	360	387	108	1407	69033	14942	83975	59,7	
1897	574	429	390	107	1500	74186	17424	91610	61,1	
1898	590	882		115	1587	78367	18667	97034	61,1	
1899	654	879		118	1651	78501	21553	100054	60,1	
1900	676	896		119	1691	79264	23638	102902	60,1	

Анализируя [Таблицу 1](#) важно отметить, что в 1862 г. население Воронежской губернии составляло 1946760 человек ([Памятная книжка, 1864: 87](#)). Известно, что около 9 % населения составляли дети школьного возраста (Расчет наш по: [Памятная книжка, 1894: 77](#)). Таким образом, в губернии было около 175 тыс. детей школьного возраста, а посещало школы только 9938 или примерно каждый 17-й.

К 1892 г. общее количество детей школьного возраста на территории Воронежской губернии насчитывало 294883 человека ([Памятная книжка, 1894: 77](#)), а это в свою очередь означало, что школой в это время был охвачен уже каждый 5-й ребенок. Спустя 5 лет в 1897 г. количество детей

школьного возраста стало насчитывать 347346 (*Памятная книжка, 1898: 40*), а количество обучающихся достигло 91610, таким образом учиться в губернии стал уже каждый 4-й ребенок. Данный показатель практически не изменился к 1900 году. Таким образом, в период с 1862 по 1900 гг. на территории Воронежской губернии в 4 раза увеличилось количества обучающихся детей с учетом естественного прироста населения. В абсолютных же цифрах это значение было еще выше и увеличилось более чем в 10 раз с 9938 учащихся в 1862 г. до 102902 учащихся в 1900 г.

Интересным представляется и количество учеников на одну школу. Так самый большой показатель на одну школу был в 1862 г. – 82,1 учащегося. Причиной этому были духовные училища духовного ведомства, а также приходские училища ведомства государственных имуществ, которые отличались высокой заполняемостью учащимися. В дальнейшем значительного разброса этого значения не происходило, оно постоянно колебалось в пределах от 59,7 – до 70,8 обучающихся на одно учебное заведение.

Важная роль в деле народного просвещения на территории губернии к началу XX века была отведена школам духовного ведомства (церковно-приходские школы и школы грамоты). В 1874 г. деятельность духовного ведомства в области начального образования практически отсутствовала. Известно, что в церковно-приходских школах в это время училось всего 60 человек (50 мальчиков и 10 девочек) (*Памятная книжка, 1875: 76-77*). Однако в 1900 г. сеть церковно-приходских школ и школ грамоты достигла значения 896 школ. Духовное ведомство заняло первое место по количеству начальных школ на территории губернии. Важно также отметить, что обучение в церковно-приходской школе обходилось примерно в 3,5 раза ниже по стоимости, чем в земской школе или школе министерства народного просвещения. Эта дешевизна была связана с тем, что учителю, которым являлся священник, денег за педагогическую работу не платили.

Несколько слов необходимо сказать и о гендерном балансе. В начале 1860-х гг. в воронежской школе количество девочек было менее 10 % от общего количества учащихся. Однако со временем эти показатели начали увеличиваться. Наибольший рост количества девочек произошел в последние два года, то есть в период с 1898 по 1900 гг. Когда количество мальчиков увеличилось всего на 1 тыс. человек, количество девочек на 5 тыс. Всего же к 1900 г. девочки в воронежской школе начали представлять значительное количество – около 25 %.

К концу XIX века важное значение в деле просвещения на территории губернии играли народные чтения. В Воронеже это были постоянные самостоятельные организации. В уездах чтения устраивались по мере возможности и при содействии Братства Святителей Митрофана и Тихона, а также при содействии Воронежской комиссии народных чтений. Так, по данным на 1896–1897 гг. Воронежская комиссия народных чтений организовала в двух аудиториях 70 разных чтений, на которые посетили более 32 тыс. человек. Более того, комиссия организовала загородный абонемент на свои чтения для уездов, где в общей сложности 900 чтений были проведены в 72 населенных пунктах (*Памятная книжка, 1898: 43*).

5. Заключение

Подводя итоги важно отметить, что система народного образования на территории Воронежской губернии в период 1861-1900 гг. достигла значительных успехов. На территории губернии имелаась целая сеть средних, низших и начальных учебных заведений. В период с 1862 по 1900 гг. на территории Воронежской губернии в 4 раза увеличилось количества обучающихся детей с учетом естественного прироста населения. В абсолютных же цифрах это значение было еще выше и увеличилось более чем в 10 раз с 9938 учащихся в 1862 г. до 102902 учащихся в 1900 г. Важное значение в конце XIX века в деле народного образования на территории губернии было отведено начальным школам духовного ведомства, который составляли большую часть всех народных школ. Однако несмотря на успехи народного просвещения к 1900 г. вне школы еще продолжали оставаться более 75 % детей школьного возраста.

Литература

- Бутов, 1991* – Бутов А.Ю. Народное учительство в России в общественно-педагогическом движении конца XIX - начале XX вв. М., 1991.
- Веселовский, 1864* – Веселовский Г. Из истории частных школ в Воронеже // *Русский вестник*. 1864. № 6.
- Винокуров, 1954* – Винокуров С.В. Народное образование в Воронежской области. Воронеж, 1954.
- Владимирский-Буданов, 1874* – Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование с XVIII века до учреждения министерства. СПб., 1874.
- Воронежский Великого Князя Михаила Павловича кадетский корпус, 1912* – Воронежский Великого Князя Михаила Павловича кадетский корпус // *Военная энциклопедия*. В 18 т. Т. 7. СПб., 1912.
- Воронежское земство, 1891* – Воронежское земство 1865-1889 гг. Историко-статистический обзор. Воронеж, 1891.

- [Зверев, 1895](#) – *Зверев С.Е.* К юбилею Михайловского Воронежского кадетского корпуса (8 ноября 1845 г. – 8 ноября 1895 г.). Воронеж, 1895.
- [Из «объяснительной записки...», 1916](#) – Из «Объяснительной записки к смете министерства народного просвещения на 1916 г.» // *Журнал министерства народного просвещения.* 1916. № 8. С. 159-176.
- [Князьков, Сербов, 1910](#) – *Князьков С.С., Сербов Н.И.* Очерки истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910.
- [Литвинов, 1911](#) – *Литвинов В.В.* Воронежская учительская семинария (1875–1910 гг.). Исторический очерк // Памятная книжка Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1911. С. 16-162.
- [Никольский, 1898](#) – *Никольский П.* История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 1898.
- [Никольский, 1901](#) – *Никольский П.* Воронежская духовная семинария за 150 лет своего существования. // Памятная книжка Воронежской губернии за 1900 год. Воронеж, 1901. С. 37-44.
- [Общий свод..., 1905](#) – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905.
- [Памятная книжка Воронежской губернской гимназии, 1891](#) – Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж, 1891.
- [Памятная книжка, 1856](#) – Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год. Воронеж, 1856.
- [Памятная книжка, 1864](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. Воронеж, 1864.
- [Памятная книжка, 1875](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1875 г. Воронеж, 1875.
- [Памятная книжка, 1879](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–1879 гг. Воронеж, 1879.
- [Памятная книжка, 1886](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 г. Воронеж, 1886.
- [Памятная книжка, 1891](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Воронеж, 1891.
- [Памятная книжка, 1893](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 г. Воронеж, 1893.
- [Памятная книжка, 1894](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894.
- [Памятная книжка, 1896](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 г. Воронеж, 1896.
- [Памятная книжка, 1897](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 г. Воронеж, 1897.
- [Памятная книжка, 1898](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 г. Воронеж, 1898.
- [Памятная книжка, 1899](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. Воронеж, 1899.
- [Памятная книжка, 1901](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 г. Воронеж, 1901.
- [Памятная книжка, 1902](#) – Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902.
- [Паначин, 1979](#) – *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в России: Историко-педагогические очерки. М., 1979.
- [Пантелеевский, 1901](#) – *Пантелеевский Н.Н.* Материалы по истории Воронежской гимназии. // Памятная книжка Воронежской губернии за 1900 год. Воронеж, 1901. С. 1-36.
- [Пыльнев, 2009](#) – *Пыльнев Ю.В.* Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия. Воронеж, 2009.
- [Пыльнев, Рогачев, 1997](#) – *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Школы и просвещение Воронежского края в XVIII веке. Воронеж, 1997.
- [Рождественский, 1902](#) – *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1801–1902. СПб., 1902.
- [Фомичев, 1996](#) – *Фомичев И.В.* Развитие общеобразовательной школы в России до 1917 г. Воронеж, 1996.
- [Cherkasov et al., 2019](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2019. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2019. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education.* 2019. 8(3): 624-637.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education.* 2019. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(1): 202-211.
- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L.* Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education.* 2018. 7(2): 420-427.

Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A. The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 445-453.

Natolochnaya et al., 2019 – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.

Natolochnaya et al., 2019a – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

References

Butov, 1991 – Butov A.Yu. (1991). Narodnoe uchitel'stvo v Rossii v obshchestvenno-pedagogicheskom dvizhenii kontsa XIX – nachale XX vv. [Public education in Russia in the socio-pedagogical movement of the late XIX – early XX centuries]. M. [in Russian]

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

Cherkasov et al., 2019a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

Cherkasov et al., 2019b – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 624-637.

Cherkasov et al., 2019c – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

Fomichev, 1996 – Fomichev I.V. (1996). Razvitie obshcheobrazovatel'noi shkoly v Rossii do 1917 g. [The development of a comprehensive school in Russia until 1917]. Voronezh. [in Russian]

Iz «ob'yasnitel'noi zapiski...», 1916 – Iz «Ob'yasnitel'noi zapiski k smete ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1916 g.» [From the “Explanatory Note to the Estimates of the Ministry of Education for 1916”]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1916. № 8. Pp. 159-176. [in Russian]

Knyaz'kov, Serbov, 1910 – Knyaz'kov S.S., Serbov N.I. (1910). Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II [Essays on the history of public education in Russia before the era of the reforms of Alexander II]. M. [in Russian]

Litvinov, 1911 – Litvinov V.V. (1911). Voronezhskaya uchitel'skaya seminariya (1875–1910 gg.). Istoricheskii ocherk [Voronezh Teachers' Seminary (1875–1910). Historical essay]. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1911 god. Voronezh, pp. 16-162. [in Russian]

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420-427.

Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 445-453.

Natolochnaya et al., 2019 – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.

[Nikol'skii, 1898](#) – *Nikol'skii P.* (1898). Istoriya Voronezhskoi dukhovnoi seminarii [History of the Voronezh theological seminary]. Voronezh. [in Russian]

[Nikol'skii, 1901](#) – *Nikol'skii P.* (1901). Voronezhskaya dukhovnaya seminariya za 150 let svoego sushchestvovaniya [Voronezh theological seminary for 150 years of its existence]. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1900 god. Voronezh, pp. 37-44. [in Russian]

[Obshchii svod..., 1905](#) – *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 29 yanvarya 1897 g.* [The general summary of the results of the development of data for the first General population census, conducted on January 29, 1897]. SPb., 1905. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernskoi gimnazii, 1891](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernskoi gimnazii [Memorial book of the Voronezh provincial gymnasium]. Voronezh, 1891. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1856](#) – Pamyatnaya knizhka dlya zhitelei Voronezhskoi gubernii na 1856 god [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1856]. Voronezh, 1856. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1864](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1863–1864 gg. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1863–1864 years]. Voronezh, 1864. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1875](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1875 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1875]. Voronezh, 1875. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1879](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1878-1879 gg. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1878-1879 years]. Voronezh, 1879. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1886](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1887 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1887]. Voronezh, 1886. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1891](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1891 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1891]. Voronezh, 1891. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1893](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1893 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1893]. Voronezh, 1893. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1894](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1894 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1894]. Voronezh, 1894. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1896](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1896 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1896]. Voronezh, 1896. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1897](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1897 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1897]. Voronezh, 1897. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1898](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1899 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1899]. Voronezh, 1898. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1899](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1900 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1900]. Voronezh, 1899. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1901](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1901 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1901]. Voronezh, 1901. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1902](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1902 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1902]. Voronezh, 1902. [in Russian]

[Panachin, 1979](#) – *Panachin F.G.* (1979). Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: Istoriko-pedagogicheskie ocherki [Pedagogical education in Russia: Historical and pedagogical essays]. M. [in Russian]

[Panteleevskii, 1901](#) – *Panteleevskii N.N.* (1901). Materialy po istorii Voronezhskoi gimnazii [Materials on the history of the Voronezh gymnasium] Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1900 god. Voronezh. Pp. 1-36. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.

- [Pyl'nev, 2009](#) – *Pyl'nev Yu.V.* (2009). Voronezhskaya gubernskaya (1-ya muzhskaya) gimnaziya [Voronezh provincial (1st male) gymnasium]. Voronezh. [in Russian]
- [Pyl'nev, Rogachev, 1997](#) – *Pyl'nev Yu.V., Rogachev S.A.* (1997). Shkoly i prosveshchenie Voronezhskogo kraia v XVIII veke [Schools and enlightenment of the Voronezh region in the XVIII century]. Voronezh. [in Russian]
- [Rozhdestvenskii, 1902](#) – *Rozhdestvenskii C.B.* (1902). Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1801–1902 [Historical review of the activities of the ministry of education. 1801–1902]. SPb. [in Russian]
- [Veselovskii, 1864](#) – *Veselovskii G.* (1864). Iz istorii chastnykh shkol v Voronezhe [From the history of private schools in Voronezh]. *Russkii vestnik*. № 6. [in Russian]
- [Vinokurov, 1954](#) – *Vinokurov C.B.* (1954). Narodnoe obrazovanie v Voronezhskoi oblasti [Public education in the Voronezh region]. Voronezh. [in Russian]
- [Vladimirskii-Budanov, 1874](#) – *Vladimirskii-Budanov M.F.* (1874). Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie s XVIII veka do uchrezhdeniya ministerstva [State and public education from the XVIII century to the establishment of the ministry]. SPb. [in Russian]
- [Voronezhskii Velikogo Knyazya Mikhaila Pavlovicha kadetskii korpus, 1912](#) – Voronezhskii Velikogo Knyazya Mikhaila Pavlovicha kadetskii korpus [Voronezh Grand Duke Mikhail Pavlovich cadet corps]. Voennaya entsiklopediya. V 18 t. T. 7. SPb., 1912. [in Russian]
- [Voronezhskoe zemstvo, 1891](#) – Voronezhskoe zemstvo 1865–1889 gg. Istoriko-statisticheskii obzor [Voronezh Zemstvo 1865–1889. Historical and statistical review.]. Voronezh, 1891. [in Russian]
- [Zverev, 1895](#) – *Zverev S.E.* (1895). K yubileyu Mikhailovskogo Voronezhskogo kadetskogo korpusa (8 noyabrya 1845 g. – 8 noyabrya 1895 g.) [To the anniversary of the Mikhailovsky Voronezh Cadet Corps (November 8, 1845 – November 8, 1895)]. Voronezh. [in Russian]

Система народного просвещения на территории Воронежской губернии в 1703–1917 гг. Часть 2

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e},
Лариса Александровна Королева ^f, Людмила Григорьевна Зимовец ^g

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^g Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается система народного образования на территории Воронежской губернии в 1703–1917 гг. В данной части статьи сделана попытка восстановить картину деятельности системы народного просвещения в период 1861–1900 гг., а также дать оценку ее эффективности.

В качестве материалов для подготовки рукописи нами были использованы статистические данные из Памятных книжек Воронежской губернии, извлечения из отчета министра народного просвещения, а также Памятные книжки некоторых учебных заведений, например, Воронежской мужской гимназии.

В заключении авторы отмечают, что система народного образования на территории Воронежской губернии в период 1861–1900 гг. достигла значительных успехов. На территории губернии имелась целая сеть средних, низших и начальных учебных заведений. В период с 1862 по 1900 гг. на территории Воронежской губернии в 4 раза увеличилось количества обучающихся детей с учетом естественного прироста населения. В абсолютных же цифрах это значение было еще выше и увеличилось более чем в 10 раз с 9938 учащихся в 1862 г. до 102902 учащихся в 1900 г. Важное значение в конце XIX века в деле народного образования на территории губернии было отведено начальным школам духовного ведомства, которые составляли большую часть всех народных школ. Однако несмотря на успехи народного просвещения к 1900 г. вне школы еще продолжали оставаться более 75 % детей школьного возраста.

Ключевые слова: народное просвещение, Воронежская губерния, статистические данные, учебные заведения, женское образование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов)

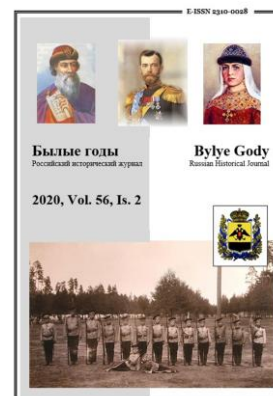
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 437-452. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.437
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

First Steps on the Work of the Aral Sea “Envy Your Ships with Guns and that Sea Really Take Over...”

Yuri F. Katorin ^{a,*}, Roza G. Bukanova ^b, Kamil Z. Nasyrov ^c, Vladimir B. Karataev ^{d,e,f}

^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

^b Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation

^c Bashkir state University, Russian Federation

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^f East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

This article reveals some aspects of the history of the Russian Empire's conquest of the Aral Sea and the study of the adjacent river arteries of Central (Middle) Asia in order to establish a trade route with India and China through the newly formed steppe South-Easte border of the Empire. In the early 30s of the XVIII century, the General political situation on the South-Easte borders of Russia changed radically. This was due to the fact that the Khan of the Small Kirghiz-Kaysak Horde(zhuza) Abulkhair, who was at war with Dzungaria, in search of an ally, asked the Empress Anna Ioannovna to accept the Small Kirghiz-Kaysak Horde (zhuza) as a Russian citizen. This circumstance was the reason that I.K. Kirilov had the idea of redirecting the routes of international trade through the lands of the Karakalpaks and the Small Kirghiz-Kaysak Horde (zhuza), the Aral Sea, and the merchant city-pier built on these lands. It is for this reason that, since the thirties of the XVIII century, naval officers of the Imperial Russian Navy took part in the fate of Orenburg; it would seem, despite all the illogic of solving Maritime problems in the steppe region. The Orenburg region becomes a bridgehead where a foreign policy operation was being prepared and deployed to further advance Russia to the East.

Based on this, the first "steppe shipyard" in the region was laid in Orenburg and the first sea ships were built, which marked the beginning of the formation of the Aral flotilla. The fate of the glorious galaxy of Russian admirals and officers of the Imperial Russian Navy was inextricably linked with the history of Orenburg. The creation of the flotilla on the Aral sea was the logical conclusion of the Russian state's geopolitical aspirations to create a land and trade route to Central Asia, and then to China and India using the sea areas and waterways of the region, and, importantly, by peaceful means.

Keywords: Orenburg expedition, admirals and officers of the imperial fleet of Russia, Aral Sea, Amu-Darya, Syr-Darya, Khiva, Aral flotilla, shipbuilding, shipping.

1. Введение

Современная общественность, да и научное сообщество в целом, за редким исключением специалистов, занимающихся данной научной тематикой, Оренбург и Оренбуржье воспринимают как город и территорию, первоначально принадлежавшие Российскому государству. Однако было время, когда эти места требовали приложения огромных дипломатических, политических и военных усилий со стороны императорской России. В попытке государства разрешения вопросов по установлению

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@gmail.ru (Yu.F. Katorin), brg777@mail.ru (R.G. Bukanova), nkz08@mail.ru (K.Z. Nasyrov)

связей со странами Востока, начиная с первой половины XVIII в., принимали участие и офицеры ее императорского флота. Оренбург известен как столица Степного края, но лишь немногие профессиональные историки знают, что именно в Оренбурге родилась Аральская флотилия. Более того, Российская империя от Оренбурга продвигалась к овладению Аральским морем в течение ста с лишним лет. Аральская флотилия была сформирована для целей описания Аральского моря, для издания лоций на основе полученных сведений. Также Аральская флотилия была сформирована и для овладения Российской империей Аральским морем, установления торговых морских коммуникаций через его акваторию с ханствами Средней Азии. Для выхода императорской России к рубежам Афганистана, Индии и Китая была сформулирована задача: использовать речную систему среднеазиатских ханств. Но, прежде всего, Аральская флотилия – это продукт реализации каспийской концепции Петра I, продолженной его потомками на троне.

Эта программа была активирована Петром Великим в первой четверти XVIII века в целях развития Российской империи в Азиатско–Индо–Китайском направлении. Петр I стремился достичь Средней Азии, Индии и Китая морским путем через акваторию Каспийского моря, а не через прилегающие к его побережью пустынные степи Казахстана (Буканова, 1997: 38).

Основные положения каспийской концепции Петра I отражены в Инструкции от 1715 г. посланнику царя в Персии А.П. Вольнскому, лейтмотивом в которой проходят следующие положения: недопущение Турции к побережью Каспийского моря; перенаправление движения экспортного товара – шелка-сырца – с традиционного турецкого маршрута от Алеппо и Смирны на российское направление – через Каспийское море на Волгу и Санкт-Петербург. Особое внимание в данной инструкции обращалось на отыскание возможности «учинения торговли» с Индией, используя водные пути Ирана. Сбор разведанных о военно-политическом, экономическом, географическом состоянии Иранского государства априори подлежал исполнению (РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией, 1715–1717 гг. Д. 1. Л.д. 42–53 об.) Потомки Петра I на троне предприняли неудачную попытку реализовать замыслы своего предка, но через акваторию Аральского моря в рамках Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. Особенность каспийской концепции Петра I заметили и авторы из дальнего зарубежья, называя ее программой. Содержание геополитической цели сводилось к тому, что весь узел проблем устремления России к Индии и Китаю был преобразован Петром I в одну общую целевую приоритетную программу действий. Ему не удалось ни добиться ее реализации, ни увидеть завершения своих планов, однако он сумел вдохновить своих преемников на троне на последующие великие дела (Донелли, 1995: 102). Вновь Российское государство вернулось к продвижению через акваторию Аральского моря в Центральную и Среднюю Азию в первой половине XIX века.

2. Материалы и методы

Материалами для настоящего исследования, прежде всего, послужили документы, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском архиве военно-морского флота (РГАВМФ), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). Отдельным блоком использованы исторические произведения участников описываемых событий. Существенная роль принадлежит историческим исследованиям дореволюционных и современных авторов по вопросу присоединения Центральной и Средней Азии к Российской империи.

Методологическая основа настоящего исследования, прежде всего, состоит из традиционного фундамента современной исторической науки – историзма и объективности. Комплексный анализ исторических фактов, предполагающий изучение событий в их взаимосвязи и развитии как базовые принципы исторической науки составили методологическую основу нашего исследования.

В процессе работы над данной статьей также были использованы такие частно-научные методы, как периодизация, функциональный анализ социально-политического состояния общества и др. Принцип объективности позволил сопоставить и проанализировать большое количество использованных источников при написании работы.

Полученные в исследовании результаты и выводы будут способствовать дальнейшему изучению дискуссионных проблем в истории становления и закрепления юго-восточных рубежей России. Основные положения работы могут быть использованы при организации учебного процесса в вузе (написании учебников и учебных пособий, чтении специальных курсов по отечественной истории XVIII века). Также они могут применяться и в качестве справочного материала для специалистов.

3. Обсуждение

Литературу дореволюционного периода по данной теме едва ли можно считать избыточной. Ранние известные нам труды по отдельным аспектам рассматриваемого вопроса в основном представлены произведениями самих участников событий. Они были связаны с организованным Петром I географическим описанием и картографированием территории Российской империи. В XVIII в. историческая наука в России только зарождалась, и проводники восточной политики Петра I, такие как Ф.И. Соймонов, П.И. Рычков и другие, одновременно стали первыми историками-летописцами и исследователями восточной политики России той эпохи (Соймонов,

1765; Рычков, 1896). Большой вклад в изучение юго-восточной политики России на конкретных материалах внесли местные историки-краеведы. Так, особый интерес для нас представляют сведения, изложенные в статьях Я.В. Ханыкова. В статье «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным» он описывает участие специалистов Оренбургской комиссии в описании Аральского моря и водно-сухопутного маршрута от Орска в Хиву и впервые издает карту Аральского моря (Ханыков, 1850: 6). Следующая статья Я.В. Ханыкова, являющаяся пояснительной запиской к карте Аральского моря и Хивинского ханства, посвящена истории российско-азиатских торговых и дипломатических отношений допетровской эпохи (Ханыков, 1851: 23).

Казанский историк В.Н. Витевский в 1898 г. впервые исследовал жизненный путь адмирала русского флота, основателя современного города Оренбурга, первого губернатора Оренбургской губернии И.И. Неплюева. Действительно, использование адмирала русского флота на административной должности в Степном крае удивляет многих исследователей. Однако прежде чем продолжить экспансию на Восток, правительству необходимо было окончательно включить территорию Башкирии, которая продолжала сохранять особый статус, в общую административную систему Российской империи. В.Н. Витевский приходит к важному выводу о том, что уже ко времени назначения И.И. Неплюева начальником Оренбургской комиссии «Оренбургский край был введен в общую систему прочих областей Российской империи; его разнообразные административные части получили общую организацию» (Буканова, Фешкин, 2007: 136-137). И.И. Неплюеву предстояло не только завершить этот процесс, но и наладить устойчивые связи со странами Средней Азии. Через деятельность И.И. Неплюева автор показывает становление русско-азиатской торговли, укрепление внутренней и внешней политики России в этом регионе.

Обращая внимание на актуальность настоящей работы, отметим, что проблемы освоения Аральского моря и строительства портовой инфраструктуры, формирования военной флотилии как из парусных деревянных судов, так и из железных кораблей на паровой тяге рассмотрены и в советский период отдельными современными исследователями (Дмитриев, 1955; Каторин, 2018; Лымарев, 2006). Как правило, они описывают образование Аральской флотилии, начиная с первой половины XIX века, приводят биографические данные, мотивируют применение силовых методов при продвижении государства в Центральную и Среднюю Азию. Российскому государству пришлось понимать то, что приграничные земли необходимо защищать, а набеги беспокойных соседей прекратить, в том числе используя силу оружия. Это было вызвано необходимостью защиты караванных путей и обеспечения развития торговли с Персией, Индией (Каторин и др., 2019: 150). Историки, занимающиеся проблемой присоединения Центральной (Средней) Азии и Казахстана к Российской империи, обязательно упоминают о просьбе этих народов в помощи от нападения джунгар, которая выражалась в строительстве города-крепости на побережье Аральского моря, в пределах их кочевий (Шалекенов, 1966: 21; Бекмаханов, 1966: 34).

Итак, впервые степные ветры заполоскали Андреевский флаг с приходом в 1734 г. на земли Малой Киргиз-Кайсакской орды известной (секретной) экспедиции Ивана Кирилловича Кирилова (1695–1737 гг.), позднее получившей название Оренбургской. Отдельно взятое действие императорской России в период правления Анны Иоанновны, известное как Киргиз-Кайсакская экспедиция (с момента постройки города на реке Орь – Оренбургская) 1734–1737 гг., впоследствии названная Оренбургской комиссией, явилось попыткой Российского государства устранения неудач первых 20 лет XVIII века. Историческими предпосылками для данной экспедиции, прежде всего, явилось стремление Российского государства «вернуться лицом к полуденной Азии», с целью приращения ее территориями, а также поиски путей в богатые серебром, золотом и драгоценными камнями Балх, Бадахшан, Индию и Китай. Катализатором для реализации столь далеко идущих планов стало принятие присяги и вхождение в подданство России Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза) под предводительством хана Абулхайра (1693–1748 гг.) и выдачи ему в том похвальной грамоты (ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. IX. Д. 6567. С. 303).

Воодушевившись открывающейся перспективой встать во главе присоединения, по его понятию «Новой России», обер-секретарь Правительствующего сената И.К. Кирилов подает на имя императрицы проект «Изъяснение о Киргиз-Кайсакской и Каракалпакской Ордах» (ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. IX. Д. 6571. С. 309). Данный проект будет впоследствии принят как руководство к действию. По мнению И.К. Кирилова, его проект являлся продолжением планов Петра I, который по причине смерти не успел воплотить их в жизнь. 15 сентября 1735 г. И.К. Кирилов уже докладывает Правительству о закладке и окончании строительства Оренбургской крепости, о полезных ископаемых, найденных в ее окрестностях, закладке шахты для добычи медной руды (Добросмыслов, 1900: 134).

Во главе внешнеполитических действий Российского государства всегда находились ее вооруженные силы, и особенно офицерский корпус. Костяк Оренбургской экспедиции составили 130 офицеров, в числе которых были и офицеры флота, а также морские и адмиралтейские служители. Это было вызвано тем, что предстояло построить мореходные суда для освоения Аральского моря (Материалы по истории Башкортостана Т. VI. Уфа, 2002. С. 100). Таким образом,

присутствие военно-морских офицеров, морских и адмиралтейских служителей не случайно. В п. 19. инструкции российской императрицы Анны Иоанновны от 16-го мая 1734 г., данной И.К. Кирилову, была поставлена главная задача: «...завезть свои суда с пушками и тем морем (Аральским) действительно овладеть...» (ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. IX. Д. 6576. С. 326).

Таким образом, при реализации основной задачи Оренбургской экспедиции предстояло установление сухопутно-морского и водного пути к ханствам Средней Азии и далее к Балху, Бадахшану, Индии и Китаю. Примечательно то, что этот путь был известен И.К. Кирилову. Такой вывод позволяет нам сделать биограф Оренбургской экспедиции П.И. Рычков. Издревле существовали межгосударственные водные коммуникации с использованием речных систем среднеазиатских ханств – вниз по реке Аму-Дарья на акваторию Аральского моря, вверх до Бухарского ханства и далее к Афганистану и Индии (Рычков, 1887: 15).

Соответственно, установление сухопутно-морского и водного пути в «полуденную Азию» в рамках Оренбургской экспедиции выглядело бы следующим образом: от заложенного И.К. Кириловым Оренбурга (в настоящее время г. Орск, Оренбургская область, РФ) к Аральскому морю, переход морем до впадения в море реки Амударья, водный переход речным путем до Хивы, Бухары, а далее к Балху, Бадахшану, северной Индии и Китаю. Таким образом, при надлежащей организации деятельности Оренбургской экспедиции реализация ее стратегической цели могла иметь место, отсюда – торговая, социально-политическая экспансия России в Среднюю Азию, а далее к Афганистану, Индии и Китаю через Аральское море и водные пути региона могла послужить на благо Российского государства еще в первой половине XVIII в. Исследователи «дальнего зарубежья», оценивая внешнеполитические действия Российского государства, придавали важнейшее значение основанию г. Оренбурга. Мировое сообщество обратило внимание на то, что это было одним из важнейших событий в деятельности Российского государства, вторым по значению после завоевания Россией Казани. Если завоевание Казани – это плацдарм для выхода России в Азию в целом, то Оренбург – это плацдарм для продвижения России в Среднюю Азию, а далее к Афганистану (Балху и Бадахшану), Индии и Китаю (Kolarzetal, 1952: 54). Из вышеприведенного анализа следует, что стратегической целью Оренбургской экспедиции было овладение Аральским морем. Далее предстояло с использованием водных путей среднеазиатских ханств продвинуться к рубежам Афганистана, Индии и Китая для «учинения торговли». Обеспечивая морскую составляющую своей экспедиции И.К. Кирилов 3 июня 1734 г. подал в Правительствующий сенат представление о лицах, которые должны были войти в состав экспедиции.

Более подробно приведем список морских чинов. В данном представлении с повышением воинских чинов и званий он просил утвердить следующих офицеров и унтер-офицеров военно-морского флота: с присвоением чина поручика флота Петра Бахметева, с присвоением чина мичмана Дмитрия Апраксина, с присвоением чина галерного мастера Федора Базанина, с присвоением чина штурмана Ивана Петровича Кошелева.

Далее в представлении И.К. Кирилов перечисляет поименно нижние морские чины. При этом он просит Правительствующий сенат прибавить всем нижним чинам денежное содержание от казны (в связи с тем, что они в званиях повышаться не будут) по половине денежного содержания, а оставшимся специалистам денежное содержание назначить такое же, как и матросам (Добросмыслов, 1900: 234). Следовательно, в состав экспедиции И.К. Кирилова были включены 4 военно-морских офицера: поручик флота П.С. Бахметев, мичман Д. Апраксин, галерный мастер Ф. Базанин и штурман И.П. Кошелев.

Пятый военно-морской офицер – поручик флота князь М.А. Белосельский – в 1736 г. был сослан «в Оренбург навечно» и первоначально в штат экспедиции не входил (Насыров, 2016: 89).

Офицеры военно-морского флота были «штучным товаром», и их назначение в Оренбургскую экспедицию подчеркивало значимость внешнеполитических задач, которые предстояло реализовывать. Как видим, история сохранила имена первых военно-морских офицеров, назначенных Российской империей в 1734–1737 гг. для осуществления строительства морских судов и выхода в Аральское море.

Однако непродуманные действия организатора и первого главного командира Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова не позволили офицерам военно-морского флота заниматься своей основной деятельностью. Выход на побережье Аральского моря не состоялся. Справедливости ради необходимо отметить то, что при направлении грамоты Российской императрицы Анны Иоанновны хану Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза) Абулхаиру в состав посольства А.И. Тевкелева в 1731 г. были включены геодезисты Алексей Писарев и Михаил Зиновьев. Они тайно провели съемки побережья Аральского моря и скорректировали существовавшие картографические данные Аральского моря. Последующие исследователи отмечали, что никто, кроме членов посольства А.И. Тевкелева, картографическое описание Аральского моря в то время производить и не мог. Таким образом, в описание Аральского моря новые картографические коррективы внесены посольством А.И. Тевкелева (Берг, 1908: 58). Надо также отметить, что это были не инструментальные съемки местности, а глазомерные. Вести инструментальные съемки в рамках разведывательной экспедиции априори не представлялось возможным. Тем не менее в последующем они были приняты

специалистами как руководство к действию, поскольку соответствовали действительной обстановке. В то же время, используя метод компаративистики, можно предположить, что первые карты Аральского моря составлялись так же, как и первоначальная, карта Каспийского моря А. Бековича-Черкасского, по опросам местного населения. Если учесть, что номады хорошо знали географию, то и географические ориентиры, полученные от них, могли быть вполне достоверными, но не точными. Поэтому при организации Оренбургской экспедиции правительство практически не обладало конкретными сведениями о побережье Аральского моря, доступности и возможности строительства портовой инфраструктуры на пригодном для этих целей участке побережья. Не было также никаких сведений о возможности мореплавания по Аральскому морю. Не было ни промера глубин, ни описания берегов, ни характеристик судоходных фарватеров. К сожалению, последующие главные командиры Оренбургской экспедиции занимались устранением волонтаризма И.К. Кирилова. В.Н. Татищев провел полную корректировку целей и задач. Он доложил Правительству о невозможности выхода на Аральское море, следовательно, невозможно было и дальнейшее продвижение Российской империи к Афганистану, Индии и Китаю. Особым взглядом на историю Оренбургского края и создание Оренбургской губернии в середине XVIII в. отличается Д.А. Сафонов, который подробно исследовал деятельность царских чиновников, управлявших Оренбургским краем, рассмотрел их деловые качества, впервые назвав В.А. Урусова и И.И. Неплюева «степными адмиралами» (Сафонов, 2003: 23).

В 1740 году В.Н. Татищева на посту главного командира Оренбургской комиссии (при В.Н. Татищеве было изменено название) сменил адмирал князь В.А. Урусов. Несмотря на всю логичность назначения адмирала главным командиром Оренбургской комиссии правительство Российской империи в указном порядке закрепляет свертывание программы как морского судостроения, так и строительства портовой инфраструктуры на Аральском море.

В.А. Урусову именным указом императрицы было предписано строительство на Аральском море города-порта отложить без указания времени возобновления; Абулхаир-хану разъяснить, что без описания прилегающих к морю мест строительство невозможно. Следовательно, необходимо прежде всего описать эти места, для чего адмиралу предписывалось направить соответствующего офицера для выполнения этой миссии. Наряду с описанием побережья Аральского моря офицеру надлежало разведать и состояние пути до Бухарского ханства. Результаты надлежало нанести на ландкарту и отправить ее в Кабинет императрицы Анны Иоанновны (ПСЗРИ. 1 собрание. Т. ХД.7876. С. 869).

И все-таки первоначальные шаги к Аральскому морю осуществлялись во время командования Оренбургской комиссией адмиралом В.А. Урусовым. Как видим, под его руководством успешно состоялась экспедиция в составе геодезиста Муравина и инженера Назимова. Муравин описал путь от Орска до Хивы и часть Аральского моря, а Назимов снял план города Хивы (Рычков, 1896: 118). Начальником этой экспедиции, направленной на исполнение инструкции, предписанной именным указом императрицы В.А. Урусову, был послан к хану Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза) Абулхаиру поручик Оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев (Витевский, 1989: 176). Данное мероприятие явилось описанием фактической юго-восточной границы государства, а также способствовало в будущем вхождению приграничных территорий в государственно-правовое пространство Российской империи.

Итак, историческая действительность требовала установить трансграничные взаимоотношения и международную торговлю. С большим трудом был заложен город Оренбург. Он неоднократно переносился на новое место. Окончательно его местоположение было определено организатором Оренбургской губернии, вторым «степным адмиралом» И.И. Неплюевым. Плацдарм для дальнейшей экспансии России на Юго-Восток был также укреплен им. Следующим шагом Российского государства по направлению к Аральскому морю стали действия Оренбургского отдельного корпуса под командованием генерала от инфантерии В.А. Обручева в первой половине XIX века.

4. Результаты

Из обзора исторических произведений следует, что авторы по данной теме фрагментарно описывают сущность произошедших важнейших событий первой половины XIX в. на юго-восточных рубежах императорской России. Вклад офицеров императорского флота России по освоению, особенно на первоначальной стадии, Аральского моря не освещается (Буканова, 72-83). В объеме настоящей статьи описывается прежде всего инициатива офицеров отдельного Оренбургского корпуса по продвижению к Аральскому морю. Деятельность командира Оренбургского корпуса В.А. Обручева и поручика П.С. Мертваго в 1847 г. позволила создать судостроительную базу в г. Оренбурге, а также в укреплении Раим, тем самым обеспечив условия для реализации программы экспедиции А.И. Бутакова 1848 года.

Англичане еще со времен Ивана Грозного были заинтересованы в установлении прямых торгово-политических сношений с ханствами Средней Азии через территорию Российского государства. Таким путем они пытались создать буферную зону вокруг своей будущей колонии Индии. Деятельность английских разведчиков особенно активировалась в первой половине XIX в.

Офицеры Шекспир и Эббот тайно проехали из Хивы и Ургенча на российское побережье Каспийского моря. Они были арестованы, как лица без документов, удостоверяющих их личность и намерения (Семенов-Тянь-Шанский, 1863. Т. 1: 118). Резкое оживление действий англичан в районе юго-восточных границ Российского государства в рассматриваемый исторический период отмечали и исследователи из «дальнего зарубежья». В начале XIX в. нельзя было не заметить активизацию действий английской разведки, направленных прежде всего на поиск путей и методов для торгово-политического вхождения в орбиту жизнедеятельности государств Центральной и Средней Азии. Эти реалии, происходившие на юго-восточных рубежах Российской империи, вызвали обособленную озабоченность и тревогу у русских гражданских и военных чиновников (Pierceetal, 1960: 18.).

Программный документ – инструкция, данная императрицей Анной Иоанновной обер-секретарю Правительствующего сената И.К. Кирилову – содержал объемный перечень спецмероприятий, предстоящих к воплощению в жизнь в рамках известной Киргиз-Кайсакской экспедиции (ПСЗРИ. 1-е собрание Т. IX. Д. 6576. С. 323). Российской империи путем реализации проекта И.К. Кирилова предстояло продемонстрировать свою военную и военно-морскую мощь, которая была в новинку для местных народов. И.К. Кирилову предстояло построить город-крепость у устья р. Орь, овладеть Аральским морем, построить на нем пристань и флот, тем самым продемонстрировав высокую ступень государственного развития императорской России. Этими действиями российское государство намеревалось заинтересовать ханов и знатных старейшин Средней и Старшей Киргиз-Кайсакских орд (жузов) в процессе вхождения в русское подданство. Приобретение новых подданных с их территориями обитания позволили бы императорской России мирным путем приблизиться к разрешению геополитической задачи по выходу к рубежам Афганистана, Индии и Китая.

Географическое положение первоначально заложенного города Оренбург (в будущем – г. Орск) на 52 градусе северной широты и находившегося на расстоянии в 500 км от побережья Аральского моря способствовало тому, чтобы он смог стать степным центром восточной торговли и центром снабжения Аральской флотилии. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться (ПСЗРИ. 1-е собрание Т. IX. Д. 6576. С. 321).

Российское государство претворило в жизнь проект императрицы Анны Иоанновны от 1734 г. по освоению Аральского моря лишь в первой половине XIX века в рамках Аральской экспедиции 1848 г. военно-морского офицера императорского флота России А.И. Бутакова. В ее штатное расписание был включен и сосланный в ссылку рядовой линейного Оренбургского батальона Т.Г. Шевченко, рисунки которого вошли в мировую копилку изобразительного искусства и отображают кистью очевидца процессы жизнедеятельности экспедиции по освоению Аральского моря. За послабление режима исполнения наказания в отношении сосланного Т.Г. Шевченко А.И. Бутакову на основании рапорта неизвестного лица морским министром Российской империи адмиралом А.С. Меншиковым было вынесено дисциплинарное наказание. Однако этот факт не повлиял на оценку результатов Аральской экспедиции. В 1849 г. А.И. Бутаков был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени (РГАВМФ. Ф. 283. Оп 5. Д. 51. Л.д. 1-14).

Участник заграничных походов русской армии во время Отечественной войны 1812 года, в том числе и взятия Парижа, оренбургский генерал-губернатор, командир отдельного Оренбургского корпуса В.А. Обручев (Половцов, 1905. Т. 12: 68-69), как никто другой, понимал и верно оценивал не случайность в проявлении интересов английской короны к территориям ханств Центральной Азии. Стратегически оценив возможность появления недружественных Российскому государству протекторатов англичан в непосредственной близости от ее границ, он предпринял все зависящее от него для убеждения правительства Российского государства в своей правоте. Прежде всего В.А. Обручев обращал внимание на необходимость срочного укрепления границ страны и создания дружественных политических образований из местных приграничных народов под флагом Российской империи.

Из Петербурга правительство, обеспокоенное недопущением обострения отношений с Англией и Хивинским ханством, отвечало отказом на продвижение к Аральскому морю. Однако настойчивость и аргументы командира отдельного Оренбургского корпуса о возможности занятия англичанами побережья Аральского моря и низовьев Сырдарьи возымели действие. В.А. Обручеву наконец дали разрешение. В последовавшем Высочайшем повелении тем не менее указывалось о запрете осмотра и описания южного берега Аральского моря, островов, лежащих против реки Амударья и самого устья реки, дабы только не возбудить неудовольствие Хивинского хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10/2. Д. 2. Л. 4-7 об.).

Итак, получив разрешение от правительства Российской империи на проведение исследования Аральского моря и возведение укрепления на его побережье командир отдельного Оренбургского корпуса и военный губернатор Оренбургского края генерал от инфантерии Обручев Владимир Афанасьевич (1793–1866 гг.) немедленно приступил к организации экспедиции, которая проходила по всем канонам военного искусства. В 1846 году для проведения рекогносцировки капитан Генерального штаба Л.П. Шульц (в дальнейшем – генерал) был направлен командиром корпуса В.А. Обручевым для определения возможностей строительства форта в урочище Раим, при впадении реки Сырдарья в Аральское море. Среди задач, поставленных перед ним, была следующая:

исследовать окружающую урочище Раим территорию и дать заключение о возможности содержания там большого числа воинского контингента. По проведению рекогносцировки территории в Раимском урочище в 1846 году Л.П. Шульц пришел к ошибочным выводам. Он уверял об изобилии пахотных и луговых мест, которых, как оказалось впоследствии, вообще не имелось в наличии (ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12734). Но основным политическим аргументом для принятия решения правительством о закладке укрепления Раим и направлении Аральской экспедиции для исследования Аральского моря послужило все-таки сообщение В.А. Обручева о возможном занятии низовьев Сырдарьи англичанами.

В 1847 г. значительный воинский контингент Оренбургского корпуса под командованием В.А. Обручева отправился на Сырдарью. Экспедиция снаряжалась по правилам военного времени и имела все необходимое для автономного пребывания в степи в течение года (Макшеев, 1896: 9).

В научных исторических произведениях имеется ряд суждений о том, что основателями флота, портовых сооружений и первыми мореплавателями на Арале являются исключительно представители военно-морского ведомства Российского государства. Однако факты говорят о другом: очевидец и участник происходивших событий А.И. Макшеев в своей книге «Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю» писал о том, что подготовительные работы, закладка и строительство укрепления Раим, строительство судов начались под команду бывшего моряка, поручика 2-го линейного батальона отдельного Оренбургского корпуса П.С. Мертваго (Макшеев, 1896: 51).

Планомерно претворяя в жизнь интересы Российского государства и для окончательного укрепления государственной власти на вновь установленной границе по р. Сырдарья В.А. Обручев устроил на ней судоходство. Судоходство впервые было установлено генералом и на Аральском море (Мейер, 1865: 70). Профессиональный подход к данной акции заключался в том, что В.А. Обручев обратился в военно-морское ведомство, потребовав чертежи, морских офицеров и мастеровых для строительства судов, предназначенных для плавания на Аральском море. Просьба его была удовлетворена. Были составлены чертежи, утверждены штаты и смета на построение лодок в Оренбурге для ученой экспедиции, которую предполагалось послать оттуда к берегам Аральского моря (РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 2062. Л. 1-22; Ф.161. Оп. 1. Д. 1455. Л.1-41).

Весной 1847 г. Морское министерство прислало капитан-лейтенанта Николая Карловича Краббе (будущего российского адмирала, в течение 14 лет управлявшего Морским министерством), кондуктора корпуса корабельных инженеров Павла Шматкова, парусника 3-го рабочего экипажа Егора Бобылева и мастеровых Алексея Горича и Петра Афанасьева 1-го рабочего экипажа. За исключением мастеровых, офицеры вскоре убыли обратно в Петербург, и строительством судов занимались штатные военнослужащие Оренбургского корпуса (Каторин, 2018: 10). Однако чертежи лодок (дубель-шлюпок) не понравились В.А. Обручеву. Он назвал их «баркасами» и посчитал, что они беспалубные и непригодны для длительного использования их в море (Большаков, 1993: 32). Мы полагаем, что именно по этой причине В.А. Обручев не возражал против скорого отъезда офицеров императорского флота, присланных из столицы. Используя свои отношения с бывшим главным командиром Астраханского порта Г.Г. Басаргиным, В.А. Обручев обратился к нему за чертежами более, по его мнению, мореходных палубных судов. Чертежи были предоставлены (Большаков, 1993: 56). Позднее А.И. Бутаков отметил, что первые шхуны «Николай» и «Михаил» были построены по образцу каспийских рыболовных судов. Они были неуклюжи на воде и тяжело управлялись, но причину проявления этих низких мореходных качеств не назвал (Бутаков, 1853. Ч. 7. Разд. 7:1).

Ранней весной 1847 г. в Оренбурге военнослужащие отдельного Оренбургского корпуса под общим руководством военного губернатора Оренбургского края В.А. Обручева начали постройку двух шхун – «Николай» и «Михаил». Непосредственное руководство судостроением осуществлял П.С. Мертваго (необходимо отметить – в прошлом капитан-лейтенант военно-морского флота). Шхуна «Николай» предназначалась для военных целей и имела артиллерийское вооружение из двух фальконетов. По договоренности со вкладчиками в рыбопромысловую концессию на Аральском море шхуна «Михаил» строилась для рыбной ловли и должна была перейти в собственность рыбопромысловой компании, созданной совместно с московским капиталистом П.В. Голубковым. Это суждение основано на воспоминаниях непосредственного участника описываемых событий (Макшеев, 1969: 19). П.В. Голубков был известным меценатом, в свое время служил на Каспийском море. К тому же он был активным сторонником возвышения значения торговли России в Азии. По-видимому, столь значимое событие, как выход Российского государства на берега Аральского моря, не могло его не заинтересовать, и он вошел на первоначальном этапе своим капиталом в рыбопромысловую концессию. Однако в архивных материалах содержатся документы, которые свидетельствуют об участии в рыбных промыслах местных оренбургских купцов первой гильдии М.С. Деева и И.Ф. Путолова (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10/2. Д. 5697).

Причем, по-видимому можно так считать, это событие состоялось опять-таки благодаря стараниям и предприимчивости В.А. Обручева. Он нашел источники финансирования и среди

местного капитала, ввиду предоставления им эксклюзивного права на рыбные ресурсы Аральского моря. Полномочия командира отдельного Оренбургского корпуса позволяли ему это сделать.

В процессе строительства судов В.А. Обручев принимал и непосредственное участие. Командир Оренбургского корпуса был одержим идеей устройства судоходства на Аральском море. Первая в истории верфь на юго-восточной границе Российского государства (на весьма примитивном уровне) была устроена на правом высоком берегу р. Урал, напротив дома генерал-губернатора. Мы полагаем, по-видимому можно так считать, это было вызвано сплавом лесных материалов с верховьев р. Урал. Иная логистика доставки лесных материалов для строительства как города Оренбург, так и строительства судов была бы нерентабельна.

На деревянных кильблоках (в виде козел) строительной площадки (судостроительном стапеле) был размещен сосновый брус, предназначенный служить килем для мореходного судна. Вокруг стапельной площадки, на которой строились первые шхуны Аральского моря, были установлены строительные леса, подъемные механизмы. Графическое изображение 1-го в Оренбуржье судостроительного стапеля в истории сохранилось. Это картина Т.Г. Шевченко «Шхуны «Константин» и «Михаил». Мы полагаем, что в Оренбурге была тождественная судостроительная площадка. Исключение, по-видимому можно так полагать, составило то, что шхуны после строительства в Оренбурге разбирались, а на Аральском море они спускались на воду. На акварели Т.Г. Шевченко изображен продольный судостроительный стапель в его классической компоновке. В центре картины присутствует стапельный фундамент, представленный в виде перпендикулярно направленных к килю шхуны 4 кильблоков. Фундамент распределен равномерно по килевой длине шхуны, сделан из бревен большого диаметра и установлен под углом 10–15 градусов к горизонту водной поверхности. В носовой части установлено шкивное – подъемное устройство. Вокруг стапеля расположены строительные леса и бортовые распорки для удержания корпуса шхуны в вертикальной плоскости. Графический материал наглядно демонстрирует готовность корпуса шхуны для спуска на воду для дальнейшей достройки. Художник также отобразил и различие между шхуной «Константин» и стоящей на воде (второй план) шхуной «Николай». В процесс строительства судов В.А. Обручев был въедлив до мелочей. П.С. Мертваго не смог противостоять ни авторитету, ни приказам генерала от инфантерии. В результате в теоретический чертеж шхун по приказу В.А. Обручева были внесены изменения, не обоснованные судостроительными расчетами.

Первоначально вместо положенных 49 футов длина по килю шхун была сокращена на 7 футов (1 фут равен 0,304799 м). Командир Оренбургского корпуса был обеспокоен возможной неприемлемостью транспортировки корабельных комплектов (в неизменном виде) к побережью Аральского моря средствами гужевого транспорта. Далее выяснилось, что чертежи оснастки ввиду изменения размеров не подлежат применению для строительства шхун. Набор и оснастку строили на глазомер командира Оренбургского корпуса (Большаков, 1993: 32). Обе построенные деревянные 2-х мачтовые плоскодонные шхуны в разобранном виде отправили (на 1500 башкирских телегах) в Раим – укрепление в низовьях Сырдарьи (Макшеев, 1869: 9).

Первыми моряками Российского государства, совершившими плавание на Аральском море, были штатные военнослужащие отдельного Оренбургского корпуса. Экипаж военной шхуны «Николай» под командованием П.С. Мертваго совершил первое в истории исследовательское плавание с описью северной части Аральского моря. В конечном итоге плавание показало жизнеспособность шхуны «Николай» и пригодность ее для осуществления морских походов.

В.А. Обручев остался недоволен результатами Аральской экспедиции 1847 г. Запланированных итогов ввиду неподготовленности экипажа и руководящего состава достичь не удалось. Возникла необходимость в истребовании профессиональных кадров как для мореплавания, так и для проведения гидрографических, картографических и научных изысканий. Предстояло в следующий навигационный период вновь приступить к описанию Аральского моря. Как показала практика, предстояло действовать уже на совершенно ином профессиональном уровне.

Деятельный В.А. Обручев подготовил программу действий для следующей экспедиции на Аральское море. Педантичный командир отдельного Оренбургского корпуса предусмотрел все алгоритмы действия экипажа военных судов. Лейтмотивом инструкции, данной «начальником края» А.И. Бутакову, был запрет на общение с хивинцами и опись южного берега Аральского моря с островами и устьем реки Амударья. Эта инструкция прошла согласование с министром иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде и по сути являлась обязательной к беспрекословному исполнению. Правительство Российской империи всячески старалось не допустить возмущения хивинского хана, и более того – дипломатического конфликта с Англией (ГАОО Ф. 6. Оп. 10/2. Д. 2. Л. 4-7).

Для профессионального описания Аральского моря был необходим старший морской начальник – военно-морской офицер, обладающий навыками как судоводителя, судостроителя, так и гидрографа. Научная и профессиональная составляющая предстоящей экспедиции обосновывалась благодаря усилиям русского адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, который и рекомендовал в ее начальники военно-морского офицера лейтенанта А.И. Бутакова. В конце 1847 г. шхуна «Николай» и еще не построенный «Константин» были введены в состав флотилии сухопутного ведомства и им

было высочайше повелено нести на своих флагштоках военные флаги 2-й дивизии гребного флота (РГАВМФ. Ф. 281. Оп. 1–2. Д. 6435. Л. 30–32).

Но в то же время первоначальные исследовательские мероприятия северной и северо-восточной части Аральского моря были проведены. Из послужного списка П.С. Мертваго известно, что он в 1831 году 1-го января из унтер-офицера произведен по выпуску из Морского корпуса в мичманы. В 1845 году (в чине капитан-лейтенанта) он был исключен из списков военного морского ведомства. Далее восстановился в 1846 году на военной службе с назначением во 2-й линейный батальон отдельного Оренбургского корпуса с производством в поручики. Далее два года службы, теперь уже в Неплюевском кадетском корпусе, в том числе и с исполнением обязанностей полицмейстера корпуса. В последующем служба в военно-морском ведомстве, где и закончил ее в чине капитана I ранга на должности судьи военно-морского Кронштадтского суда (*Общий морской список, 1898. Т. X: С. 680–682*).

5. Заключение

Во главе внешнеполитических действий Российского государства всегда находились ее вооруженные силы, и особенно офицерский корпус. Офицеры военно-морского флота были «штучным товаром» и составляли элиту офицерского корпуса императорской России. Их назначение в Оренбургскую экспедицию подчеркивало высокую значимость внешнеполитических задач, которые предстояло реализовывать. Как видим, история сохранила имена первых военно-морских офицеров, назначенных Российской империей в 1734–1737 гг. для решения задач в рамках Оренбургской экспедиции. Им предстояло выполнение программы строительства морских судов и выхода в Аральское море для установления сухопутно-морских коммуникаций со странами Востока.

Адмирал князь В.А. Урусов успел организовать экспедицию по первому, наиболее квалифицированному описанию побережья Аральского моря и укрепить плацдарм для последующих действий, в том числе положил начало строительству транспортно-логистической инфраструктуры Оренбургского края. Стоял у истоков строительства Оренбургской укрепленной линии, которая наряду с Сибирской укрепленной линией (до второй половины XIX без изменений) являлась фактической юго-восточной границей государства. Более того, эта граница, претерпев незначительные современные корректуры после развала Советского Союза, действует 280 лет. В.А. Урусов положил начало включению края в общероссийское государственно-правовое пространство. Таким образом, был создан задел для дальнейшей имперской экспансии Российского государства.

Так получилось при деятельности первого «степного адмирала», что задач по строительству города-порта на Аральском море, и более того – организации флота на этом море, ему правительство Российского государства не ставило. Ему удалось продолжить преобразования, начатые предыдущим командиром Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым по включению Средней Киргиз-Кайсакской орды (жуза) в государственно-правовое пространство Российской империи. Все то, что начал реализовывать В.А. Урусов, довел до соответствующего историческим обстоятельствам развития Российского государства, второй «степной адмирал» на посту командира Оренбургской комиссии И.И. Неплюев – основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края.

Созданный плацдарм для дальнейшего продвижения Российского государства к азиатским ханствам и далее к Афганистану (Балху, Бадахшану), Индии и Китаю представилось возможным использовать только в первой половине XIX века. Именно благодаря усилиям В.А. Обручева и П.С. Мертваго была создана первая береговая портовая инфраструктура. Морская составляющая для дальнейшего освоения Аральского моря также была подготовлена под непосредственным руководством и участием в этом сугубо сухопутного офицера, командира отдельного Оренбургского корпуса, генерала от инфантерии В.А. Обручева и поручика П.С. Мертваго. Заслуга В.А. Обручева заключается в том числе и в привлечении внешних инвестиций. Аральское море было готово для изучения, исследования, описания и использования в целях достижения и воплощения в жизнь устремления Российского государства на территорию Центральной (Средней) Азии и далее к Индии и Китаю.

Литература

- Берг, 1908* – *Берг Л.С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. 580 с.: с ил.: 8 л.
- Большаков, 1993* – *Большаков Л.Н.* Быль о Тарасе. Книга вторая. На Арале. М.-Оренбург: Кора, 1993. 268 с.
- Бекмаханов, 1957* – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 342 с., 2 отд. л. карт.
- Буканова, 1997* – *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: «Китап». 1997. 256 с.: ил.
- Буканова, 1996* – *Буканова Р.Г.* Проект создания торгового флота на Аральском море в первой половине XVIII в. Воронеж: Фирма «Квадрат», 1996. 86 с.: ил.

- Буканова, Фешкин, 2007** – Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. Уфа: Китап, 2007. 318 с.: ил.
- Бутаков, 1853** – Бутаков А.И. Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г. СПб., 1853, Ч. 7. Разд. 7. Кн. 1.
- Витевский, 1891** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев, верный слуга своего Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1891. 236 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Дмитриев, 1955** – Дмитриев В.И. А.И. Бутаков. М: Гос. Изд-во географической литературы, 1955. 53 с.
- Добросмыслов, 1900** – Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края 1734 года. Оренбург: Оренбургской губ. стат. комитет, 1900. Т. 1. 303 с.
- Донелли, 1995** – Донелли Алтон Стюарт. Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740: Страницы истории империализма // Пер. с англ. Л.Р. Бикбаевой. Уфа: Изд-во «Башкортостан». 1995. 285 с.: портр., карт.
- Каторин, 2018** – Каторин Ю.Ф. Андреевский флаг над барханами. Участие российских моряков в завоевании Средней Азии Российской империей. СПб.: Издательско-полиграфический центр «Гангут». 2018. 208 с., ил., вкл.
- Лымарев, 2006** – Лымарев В.И. Алексей Иванович Бутаков. 1816–1869. Москва: Наука, 2006, 180 с.: ил.
- Макшеев, 1896** – Макшеев А.И. Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. 257 с.
- Материалы по истории Башкортостана** – Материалы по истории Башкортостана Т. VI. Уфа, 2002. 766 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 414 с.
- Насыров, 2016** – Насыров К.З. Ссылный флотский офицер-дипломат. Будущий вице-адмирал князь М.А. Белосельский в Оренбургской экспедиции 1734–1739 гг. // *Морской сборник. Журнал Военно-морского флота*. 2016. № 12 (2037). С. 88–91.
- Общий морской список, 1898** – Общий морской список, 1898. Т. X. С. 680–682.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГАВМФ** – Российский государственный архив Военно-морского флота.
- Рычков, 1887** – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 312 с.
- Рычков, 1896** – Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. 100 с.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1863** – Семенов-Тянь-Шанский В.П., Географическо-статистический словарь Российской империи под редакцией Семенова Тянь-Шанского В.П. Т. 1. СПб., 1863. 743 с.
- Соймонов, 1765** – Соймонов Ф.И. О торгах за Каспийское море с древних, средних и новейших времен. М.: Печ. при Московских Правительствующего сената департаментах, 1765. 74 с.
- Сафонов** – Сафонов Д.А. Начало оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург: ОГУ, 2003. 92 с.
- Ханыков, 1850** – Ханыков Я.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллера пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно. СПб., 1850. 85 с.
- Ханыков, Ханыков, 1851** – Ханыков, Ханыков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства // *Записки русского императорского географического общества*. Кн. V. СПб., 1851. 91 с.
- Шалекенов, 1966** – Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв. Ташкент: Фан, 1966. 336 с.
- Katorin, 2019** – Katorin Yu.F., Nyrkov A.P., Natolochnaya O.V. Part of the Fleet in the Capture of Kokand Fortress of Ak-Mechet // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 149–157. DOI: 10.13187/bg.2019.1.149
- Kolarz, 1952** – Kolarz W. Russia and her Colonies. F. A. Prager. New York. 1952. P. 254.
- Pierce, 1960** – Pierce R.A.. Russian central Asia 1867–1917. Berkeley and Los Angeles. University of California press. 1960. P. 768.

References

- Bekmakhanov, 1957** – Bekmakhanov E.B. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. М.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 342 p., 2 otd. l. kart. [in Russian]
- Berg, 1908** – Berg L.S. (1908). Aral'skoe more. Opyt fiziko-geograficheskoi monografii [Aral Sea. The experience of a physical and geographical monograph]. SPb, 580 p.: s il: 8 l. [in Russian]
- Bolshakov, 1993** – Bolshakov L.N. (1993). Byl' o Tarase. Knigavtoraya. Na Arale [The story of Taras. The second book. On the Aral]. М.-Orenburg: Kora, 268 p. [in Russian]

- Bukanova, 1996** – *Bukanova R.G.* (1996). Proekt sozdaniya trgovogo flotana Aral's kom more v pervoi polovine XVIII v. [The project to create a merchant fleet in the Aral Sea in the first half of the XVIII century]. Voronezh: Firma "Kvadrat", 86 p.: il. [in Russian]
- Bukanova, 1997** – *Bukanova R.G.* (1997). Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii [Cities-fortresses of the southeast of Russia in the 18th century. The history of the formation of cities in Bashkiria]. Ufa: «Kitap». 256 p.: ill. [in Russian]
- Bukanova, Feshkin, 2007** – *Bukanova R.G., Feshkin V.N.* (2007). Bashkiriy v trudakh russki khuchenykhi issledovatelei [Bashkir in the works of Russian scientists and researchers]. Ufa: Kitap. 318 p. ill. [in Russian]
- Butakov, 1853** – *Butakov A.I.* (1853). Svedeniya ob ekspeditsii, snaryazhennoi dly aopisi Aral's kogomorya v 1848 g. [Information about the expedition equipped for the inventory of the Aral Sea in 1848]. SPb. Ch. 7. razd. 7. Kn. 1. [in Russian]
- Dmitriev, 1955** – *Dmitriev V.I.* (1955). A.I. Butakov. [A.I. Butakov]. M: Izd-vo: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 53 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1900** – *Dobrosmyslov A.I.* (1900). Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya upravleniya i ustroistva Orenburgskogo kraya 1734 goda [Materials on the history of Russia. A collection of decrees and other documents concerning the management and organization of the Orenburg Territory in 1734]. Orenburg: Orenburgskoigub.stat.komitet. T. 1. 303 p. [in Russian]
- Donelli, 1995** – *Donelli, Alton Styuart* (1995). Zavoevanie Bashkirii Rossiei, 1552–1740: Stranitsy istorii imperializma [The conquest of Bashkiria by Russia, 1552–1740: Pages of the history of imperialism]. [per. s angl. L.R. Bikbaevoi]. Izdatel'stvo «Bashkortostan». Ufa. 285 p.: portr, kart. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Katorin, 2018** – *Katorin Yu.F.* (2018). Andreevskii flag nad barkhanami. Uchastie rossiiskikh moryakov v zavoevanii Srednei Azii Rossiiskoi imperiei. [St. Andrew's flag over the dunes. The participation of Russian sailors in the conquest of Central Asia by the Russian Empire]. SPb: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr «Gangut». 208 p., ill., vkl. [in Russian]
- Katorin, 2019** – *Katorin Yu.F., Nyrkov A.P., Natolochnaya O.V.* (2019). Part of the Fleet in the Capture of Kokand Fortress of Ak-Mechet. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1: 149-157. DOI: 10.13187/bg.2019.1.149
- Khanykov, 1850** – *Khanykov Ya.V.* (1850). Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godakh Gladyshevym i Muravinym [A trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740 - 1741 by Gladyshev and Muravin. Published with the introduction of a modern map of the Millerov way from Orsk to the Zyungor possessions and vice versa] SPb, 1850, 85 p. [in Russian]
- Khanykov, 1851** – *Khanykov Ya.V.* (1851). Poyasnitel'naya zapiska k karte Aral'sko gomoryai Khivinskogokhanstva [Explanatory note to the map of the Aral Sea and the Khiva Khanate]. *Zapiski russkogo imperatorsko gogeograficheskogo obshchestva*. Kn.V. SPb, 91 p. [in Russian]
- Kolarz, 1952** – *Kolarz W.* (1952). Russia and her Colonies. F.A. Prager. New York. 254 p.
- Lymarev, 2006** – *Lymarev V.I.* (2006). Aleksei Ivanovich Butakov. 1816–1869. (2006). [Alexey Ivanovich Butakov. 1816–1869]. M.: Nauka, 180 p.: il. [in Russian]
- Maksheev, 1896** – *Maksheev A.I.* (1896). Puteshestvie po Kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu. [Traveling along the Kyrgyz steppes and the Turkestan region]. SPb. 257 p. [in Russian]
- Materialy po istorii Bashkortostana, 2002** – Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan]. T. VI. Ufa, 766 p. [in Russian]
- Meier, 1865** – *Meier L.* (1865). Materialy dlya geografii statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogovedomstva [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kyrgyz steppe of the Orenburg department] SPb, 414 p. [in Russian]
- Nasyrov, 2016** – *Nasyrov K.Z.* (2016). Ssyl'nyi flotskii ofitser-diplomat. Budushchii vitse-admiral knyaz' M.A. Belosel'skii v Orenburgskoi ekspeditsii 1734-1739 gg. [Exiled naval officer-diplomat. Future Vice Admiral Prince M.A. Beloselsky in the Orenburg expedition 1734-1739]. *Morskoi sbornik. Zhurnal Voennomorskogo Flota*. №12(2037). Pp. 88-91. [in Russian]
- Obshchii morskoi spisok, 1898** – Obshchii morskoi spisok [General maritime list] 1898: T. X.: Pp. 680-682. [in Russian]
- Pierce, 1960** – *Pierce R.A.* (1960). Russian central Asia 1867-1917. Berkeley and Los Angeles. University of California press. P. 768.
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- RGAVMF** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voennomorskogo flota [Russian state archive of the Navy].
- Rychkov, 1887** – *Rychkov P.I.* (1887). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg, 312 p. [in Russian]
- Rychkov, 1896** – *Rychkov P.I.* (1896). Istoriya Orenburgskaya (1730–1750) [History of the Orenburg (1730–1750)]. Orenburg, 100 p. [in Russian]

Safonov, 2003 – *Safonov D.A.* (2003). Nachalo orenburgskoi istorii (Sozdanie Orenburgskoi gubernii v seredine XVIII veka) [The beginning of Orenburg history (Creation of the Orenburg province in the middle of the XVIII century)]. Orenburg: OGU, 92 p. [in Russian]

Semenov-Tyan-Shanskii, 1863 – *Semenov-Tyan-Shanskii V.P.* (1863). Geograficheskoe-statisticheskii slovar' Rossiiskoi imperii pod redaktsiei Semenova Tyan-Shanskogo V.P. [Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire, edited by Semenov Tyan-Shansky V.P.]. T.1. SPb, 1863. 743 p. [in Russian]

Shalekenov, 1966 – *Shalekenov U.Kh.* (1966). Kazakhiniov'ev Amu-Dar'i K istorii vzaimootnosheni inarodov Karakalpakii v XVIII–XX vv. [The Kazakhs of the lower reaches of the Amu-Darya On the history of relations between the peoples of Karakalpakstan in the XVIII–XX centuries]. Tashkent: Fan, 336 p. [in Russian]

Soimonov, 1765 – *Soimonov F.I.* (1765). O torgakh za Kaspiiskoe more s drevnikh, srednikh i noveishikh vremen [About bidding for the Caspian Sea from ancient, middle and modern times] M.: Pech. Pri Moskovskii kh Pravitel'st vuyushchego senata departamentakh, 74 p. [in Russian]

Vitevskii, 1891 – *Vitevskii V.N.* (1891). I.I. Neplyuev, vernyisluga svoego Otechestva, osnovatel' Orenburgaiustroitel' Orenburgskogokraya. [I.I. Neplyuev, a faithful servant of his Fatherland, founder of Orenburg and organizer of the Orenburg Territory]. Kazan': Tip. Imperatorskogoun-ta, 236 p. [in Russian]

Первые шаги по освоению Аральского моря

Юрий Федорович Каторин ^{a,*}, Роза Гафаровна Буканова ^b, Камиль Зиннатович Насыров ^c, Владимир Борисович Каратаев ^{d,e,f}

^a Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Российская Федерация

^c Башкирский государственный университет, Уфа, Российская Федерация

^d Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^f Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье раскрываются некоторые аспекты истории овладения Российской империей Аральским морем и исследования прилегающих речных артерий Центральной (Средней) Азии в целях установления торгового пути с Индией и Китаем через вновь образованную степную юго-восточную границу империи. В начале 30-х гг. XVIII в. общеполитическая ситуация на юго-восточных рубежах России коренным образом изменилась. Это было обусловлено тем, что хан Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза) Абулхаир, находившийся в состоянии войны с Джунгарией, в поисках союзника обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой о принятии Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза) в российское подданство. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что у И.К. Кирилова родилась идея о перенаправлении путей международной торговли через земли принятых в подданство каракалпаков и Малой Киргиз-Кайсакской орды (жуза), Аральское море и построенный купеческий город-пристань на этих землях. Именно по этому обоснованию, начиная с тридцатых годов XVIII века в судьбе Оренбуржья принимали участие морские офицеры императорского флота России, казалось бы, при всей нелогичности решения морских задач в Степном крае. Оренбургский край становится плацдармом, где готовилась и развертывалась внешнеполитическая операция по дальнейшему продвижению России на Восток.

Исходя из этого, в г. Оренбурге была заложена первая в крае «степная верфь» и построены первые морские корабли, положившие начало формированию Аральской флотилии. Судьбы славной плеяды российских адмиралов и офицеров императорского флота России были неразрывно связаны с историей г. Оренбурга. Создание флотилии на Аральском море явилось логическим завершением геополитических устремлений Российского государства по созданию сухопутно-торгового пути в Центральную Азию, а далее в Китай и Индию с использованием морских акваторий, а также водных артерий региона и, что немаловажно, мирным путем.

Ключевые слова: Оренбургская экспедиция, адмиралы и офицеры императорского флота России, Аральское море, Амударья, Сырдарья, Хива, Бухара, Аральская флотилия, судостроение, судоходство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: katorin@gmail.ru (Ю.Ф. Каторин), brg777@mail.ru (Р.Г. Буканова), nkz08@mail.ru (К.З. Насыров)

Приложения

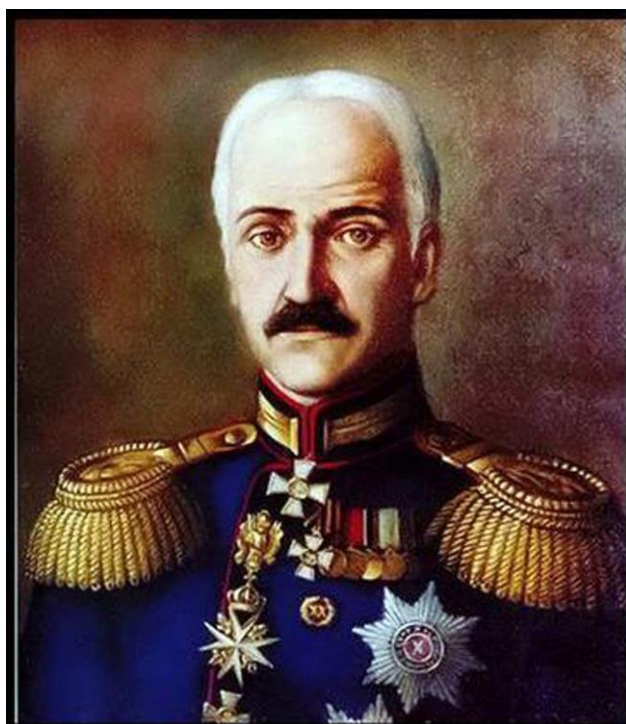
Рис. 1. Артемий Петрович Волынский

Рис. 2. Министр иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде

Рис. 3. А.И. Бутаков 2-й

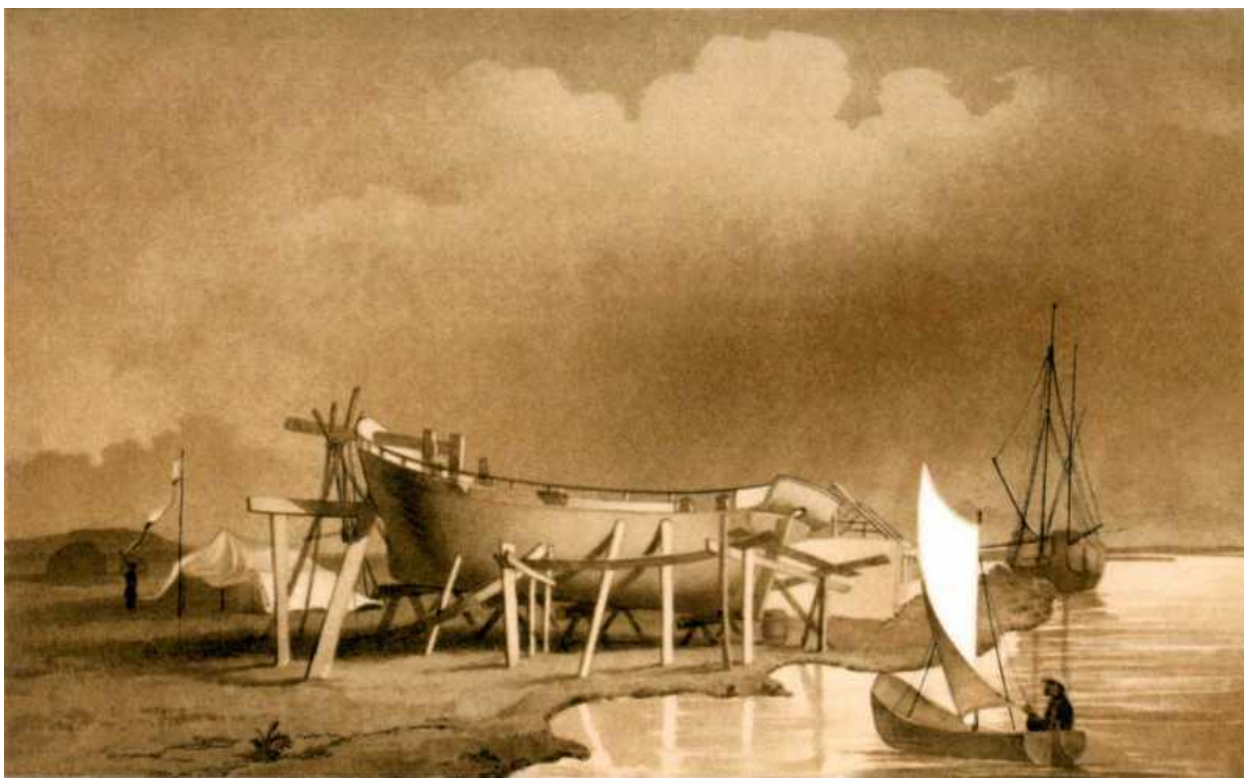
Рис. 4. Генерал от инфантерии В.А. Обручев

Рис. 5. Вице-адмирал князь М.А. Белосельский

Рис. 6. Тарас Григорьевич Шевченко на Аральском Море

Рис. 7. Т.Г. Шевченко. Шхуны «Константин» и «Николай». Бумага, сепия, белила (16,8 × 26,7 см). [Раим]. [20–25.VII 1848 г.]. Государственный музей Т.Г. Шевченко. Украина. Киев

Рис. 8. Т.Г. Шевченко. Укрепление Раим. Вид с верфи на Сырдарье. Бумага, акварель (20,5 × 29,8 см). [Раим]. [19.VI – 25.VII] 1848. Государственный музей Т.Г. Шевченко. Украина. Киев

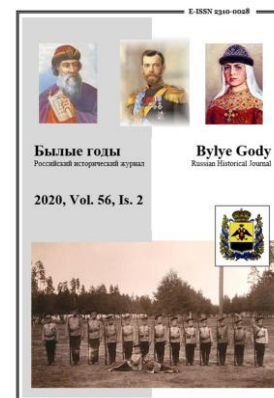
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 453-462. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.453
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of the Bashkirs in the Development of Political and Sociocultural Relations of the Russian Empire with the States of Central Asia (XVIII–XIX centuries)

Timur M. Ayupov ^{a, *}

^aAltai State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the degree of participation of the Bashkirs in the establishment and further development of economic, diplomatic and cultural relations of the Russian Empire and state entities of the Central Asian region – the Kazakh zhuzes, the Bukhara emirate, Khiva and Kokand khanates. On the basis of archival sources, diplomatic documents and published scientific works, it was possible to find out that all layers of Bashkir society were widely involved in the implementation of Russia's geopolitical tasks in the southeast direction: the tarkhans, batyrs, mullahs, merchants, ordinary community members. This was facilitated by ethnogenetic kinship, the similarity of languages and mentality, the unity of their religion with the peoples of Central Asia. The geographical factor was of no small importance – the border lands of Bashkiria at the turn of the 18th – 19th centuries were turned into a springboard for an attack on Turkestan. The tsarist government in every possible way encouraged the actions of the Bashkirs and generously rewarded them for their faithful service at the same time, they brought to the new land such an everyday culture that suited the authorities, and also served as a kind of catalyst for the beginning of its scientific research, helped to distribute printed materials.

Keywords: Russian empire, Central Asia, Bashkirs, Orenburg, caravan trade, embassy, study of the region.

1. Введение

Присоединению Центрально-Азиатского региона к Российской империи предшествовал длительный период довольно бойкой меновой торговли и предварительных посольских сношений между ними. Эти связи в XVIII – начале XIX вв. имели эпизодический характер и выражали в основном заинтересованность российской стороны в дальнейшем развитии торговли с Персией, Китаем и Индией по караванным путям, пролежавшим через Хиву и Бухару, а также стремление отдельных кочевых племен принять подданство «Ак падишаха» (Белого царя). Стоит заметить, что русские купцы вплоть до 1840-х гг. не решались самостоятельно выезжать в азиатские страны, а отправляли туда своих приказчиков из числа башкир и татар. Первым русским, на свой страх и риск отправившимся в Центральную Азию, стал приказчик московских купцов Семен Ключарев. В связи с этим башкирских старшин, мулл и торговцев неоднократно приглашали принимать участие или даже возглавлять официальные миссии России в Казахскую степь, Хиву и Бухару. Родственная культура помогала им быстрее других народов России договариваться с коренным населением региона в вопросах политики и экономики.

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория модернизации, в рамках которой общемировой процесс перехода от традиционного общества к современному иногда разделяют на

* Corresponding author

E-mail addresses: aiuptegin@mail.ru (Т.М. Ауупов)

3 «эшелона». Страны Западной Европы и Северной Америки, где этот процесс протекал более органично, относят к первому эшелону; Восточную Европу, Россию, Турцию и Японию – ко второму. Для этого эшелона была характерна запоздалая капитализация и идущая инициатива «сверху», в связи с чем ряд исследователей полагает, что модернизация в России была начата по воле верховной власти, извлекая уроки из поражения в Крымской войне. Третий эшелон составляет остальная часть Азии, Африка и Латинская Америка. Там практически отсутствовали предпосылки капиталистического развития, но влияние запада через колонизацию ускорило их приобщение к процессу модернизации (Чирков, 2018). С этих позиций закономерной кажется активизация колониальной политики России в Центральной Азии, которая пришлась на период «великих реформ» Александра II. При этом первыми проводниками европейской культуры в регионе стали именно башкиры и татары, хорошо владевшие как русской речью, так и местными языками тюркского корня. Они выступали в качестве «связующего звена» между российской властью и местными элитами.

В процессе работы нами были использованы как основные методы исторического исследования, так и специальные – кросс-культурный и источниковедческий анализы. Статья подготовлена на основе комплексного анализа опубликованных и архивных источников, содержащих информацию по различным аспектам истории взаимоотношений Российской империи с центральноазиатскими государствами.

В определенной степени главным источником в написании данной работы послужили донесения, письма, путевые журналы, отчеты, составленные самими дипломатами и офицерами-разведчиками. Эти документы явились уникальным источником по истории крупнейших центральноазиатских государств – Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В них содержится богатый фактологический материал: маршруты торговых путей, сведения об этническом составе населения, его хозяйственной деятельности и т.д. Они также дают представление об эволюции взаимоотношений с Россией в изучаемый период.

3. Обсуждение

Самые первые сведения о становлении дипломатических отношений стали появляться еще в процессе присоединения Центральной Азии к Российской империи. Работы, вышедшие в свет в данный период, написаны путешественниками, учеными-востоковедами, работниками колониальной администрации и в целом отражают интересы царской России в регионе. Несмотря на идеологизированность, они представляют определенный интерес.

К ним, в частности, можно отнести труды этнографа П.И. Небольсина, служившего младшим чиновником и предпринявшего в 1850–1851 гг. путешествие в прикаспийские области для исследования торгово-промышленных сношений России с Центральной Азией. По результатам этой командировки им было издано несколько книг.

В одном из своих рассказов П.И. Небольсин сообщает интересные сведения о пребывании в гостях у башкир посланников хивинского хана, возвращавшихся из Петербурга восвояси. В нем же автор приводит лестную характеристику башкир: «У нас, в России, есть еще единоверный с хивинцами народ, с которым хивинцы давно раззнакомились. Это именно башкирцы, народ весьма многочисленный, сильный и, по верноподданнической приверженности к престолу, давно уж в целом своем составе обращенный в такое же войсковое сословие [как казаки]...» (Небольсин, 1854).

Этнокультурные, политические, экономические связи башкир и казахов отражены в работах С.У. Таймасова, Г.Б. Избасаровой, Б.А. Азнабаева (Таймасов, 2009; Избасарова, 2016; Азнабаев, 2018). Также ими особо отмечена историческая роль Алдара Исекеева, Таймаса Шаимова и других башкирских старшин в установлении дипломатических отношений казахов с Россией.

Вопросы установления торговых и дипломатических отношений между Российской империей и центральноазиатскими владениями в своих исследованиях отразили историки М. Тлеумуратов, Д.Б. Сапаралиев, Ю.А. Лысенко (Тлеумуратов, 1993; Сапаралиев, 1995; Лысенко, 2019) и др.

Вышеуказанные работы не были посвящены изучению степеней участия башкир в установлении посольских связей, но они отражают в целом позицию башкир к этим событиям, примеры их участия и их отношения с местным населением.

Из работ, специально касающихся данной проблемы, можно назвать труды казахстанского исследователя Гульмиры Султангалиевой (Султангалиева, 2001; Султангалиева, 2005). Фактологическая насыщенность, безупречная логика и основательная научная база являются отличительной чертой ее работ. На основе архивных материалов ей удалось в целом показать роль башкир и татар в азиатских миссиях России в Казахскую степь в качестве купцов, переводчиков и проводников караванов. Конечно, основной акцент ею был сделан на деятельности «татарских» купцов и мулл, хотя и с оговоркой условности этого этнотермина (Султангалиева, 2000: 3).

4. Результаты

Первые дипломатические отношения России с государствами Центральной Азии начали зарождаться еще при императоре Петре I, выступавшем за скорейшее принятие казахов в свое

подданство и расширение связей с азиатскими рынками. В 1718 г. он впервые отправил в Бухару своего посланника Флорио Беневени – итальянца по происхождению, к тому времени 10 лет находившегося на русской службе.

Пребывая длительное время в «Бухарии» и Хиве, Ф. Беневени вел специальный журнал, куда аккуратно записывал ценные сведения о внутреннем положении этих государств, их взаимоотношениях, резонансе от предпринятого Петром I Каспийского похода. Особый интерес представляют его заметки, касающиеся личностей самих правителей и их приближенных, а также обычаев, заведенных при дворе. Свои донесения Беневени отправлял в Россию с тайными курьерами, среди которых был башкир мулла Максют Юнусов. Таким же образом доставлялись ответные письма из Москвы и Петербурга. К началу 1723 г. Ф. Беневени пришел к выводу о невозможности заключения военного союза с Бухарой и, считая свою миссию выполненной, просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть город. Однако это его письмо пропутешествовало более года, и потому разрешение на отбытие он получил лишь в декабре 1724 г. Рескрипт императора об этом был отправлен с тем же М. Юнусовым, которого по пути задержали каракалпаки и не хотели отпускать, «пока от двора Его Величества на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получат». В итоге корреспонденцию было решено переправить тайным образом через «товарища его» Мачакбая Пулатова. Но и этот «башкирец» был ограблен на дороге казаками, после чего, по воспоминаниям самого Беневени, «без рубашки, токмо в одном нарочито худом камзоле, в котором письма зашиты были, сюда ко мне прибежал» (*Посланник Петра I...*, 1986: 87). Итак, несмотря на все злоключения гонцов, последнее важное сообщение было доставлено ими довольно быстро, всего за три месяца.

На рубеже 20–30-х гг. XVIII в. из-за тяжелых последствий войны с джунгарами часть политической элиты казахского общества и сама была вынуждена искать покровительства у российского правительства. Дело это было чрезвычайно сложным, и для его успеха требовался влиятельный посредник, известный как казахским султанам, так и царским властям. Хан Младшего жуза Абулхаир просил стать таким посредником башкирского старшину Бурзянской волости Алдара Исекеева. Тот, поразмыслив некоторое время, согласился и сообщил о просьбе хана уфимскому воеводе Бутурлину. Летом 1730 г. посольство Абулхаир-хана, возглавляемое Кутлумбетом Коштаевым и Сеиткулом Кайдагуловым, прибыло в башкирский аул, подвластный А. Исекееву, и находилось там до тех пор, пока Бутурлин не прислал за ними эскорт. В августе послы приехали в г. Уфу, а уже оттуда в сопровождении башкир и военного отряда направились в Санкт-Петербург.

Любопытно, что ко двору императрицы Анны Иоанновны посольство от казахов прибыло в то время, когда она принимала у себя еще одного из знатных башкирских старшин, управлявшего Каратабынской волостью Таймаса Шаимова. От имени своих сородичей он был послан к императрице с подношениями в виде ценных мехов куниц и черно-бурых лисиц. Именно в этот момент при дворе появились казахские послы Кутлумбет и Сеиткул. Они передали для императрицы послание хана Абулхаира с просьбой принять Младший казахский жуз в подданство России. В феврале 1731 г. императрица подписала жалованную грамоту о принятии его орды в свое подданство. Тогда же было принято решение направить к хану ответное посольство во главе А.И. Тевкелевым. В состав миссии вошли и двое доверенных башкирских старшин, незадолго до этого побывавших при дворе, а также здешний мулла Кидрас Муллакаев. С целью договориться об условиях проезда и безопасности посольства в степь заранее был послан сын Алдар-батыра. Перед посольством стояла также задача прекращения нарастающей военной конфронтации между башкирами и казаками, занявшими в ходе вынужденных миграций плодородные пастбища на правом берегу реки Яик.

22 ноября 1732 г. послы предстали перед собранием казахских родовых аристократов, но сразу убедить их принять подданство России им не удалось. Часть султанов, ориентированная на джунгар, потребовала от Абулхаир-хана удерживать Тевкелева до тех пор, пока им не будет возмещен весь урон. Сопровождавшим его башкирам было велено отбыть в г. Уфу и передать их требования русской администрации. Но когда они отказались оставлять Тевкелева одного, счет о потерях предъявили им самим. На упреки же казахов касательно набегов башкир Таймас Шаимов парировал, что в том виноваты обе стороны. В доказательство он напомнил присутствующим о многочисленных фактах нападения казахов на русские торговые караваны, убийств башкир и угона у них больших табунов лошадей, похищения башкирских детей для продажи их в рабство в Хиву (*Казахско-русские...*, 1961: 83).

Нужно отметить, что многочисленные нападения на башкирские поселения и русские торговые караваны являлись еще одной стороной жизни оренбургского приграничья. Кочевавшие по степи шайки разбойников частенько угоняли скот, грабили и пленили людей для последующей продажи в рабство. Как показывают исследования, захват пленников и торговля ими, как правило, на невольничьем рынке Хивы, были весьма распространенным и доходным видом промысла (*Лысенко, 2018: 174*).

И все же на следующий день, после долгих споров, сторонники Абулхаира взяли верх. Свыше 30 казахских султанов здесь же, близ Аральского моря, были приведены к присяге на верность императрице. Это историческое событие положило начало длительному процессу вхождения казахского народа в состав России. Принятием ее протектората Абулхаир добился

публично-правового разрешения проблемы спорных пастбищных территорий в пользу казахов на основе письменного договора с российским престолом.

Более того, Абулхаир-хан смог решить и другой, матримониальный вопрос, женившись на башкирке. Его третьей женою стала дочь некоего Отнохарта, на которой он женился по инициативе башкирских старшин Ногайской дороги в 1738 г., в период очередного народного восстания (МИБАСР, 1936: 349). Ханская свадьба сама собой исключала новые столкновения с соседями. Его сын от жены-башкирки – Карагай – впоследствии был султаном Младшего жуза и умер в возрасте свыше 90 лет.

Как видно, башкирские старшины сыграли важную дипломатическую роль в сложной обстановке присоединения казахских жузов к России. Это стало возможно благодаря не только владению ими восточными языками и знаниям в совершенстве географии и быта степной местности, но и имевшимся родственным связям. Так, одна из легенд рода Шаймовых гласит, что у Таймас-батыра было несколько жен разных национальностей, в том числе башкирка, татарка, русская и казашка (Самигулов, 2011).

Чтобы заручиться дальнейшей поддержкой башкир, отдельным представителям их родовой аристократии и рядовым общинникам, сопровождавшим казахских послов и оказавшим властям иные услуги, были розданы щедрые подарки в виде денег и сукна. Наиболее влиятельные из них получили по 50 рублей и 4 аршина сукна стоимостью по 3 рубля за аршин. Среди них были Алдар Исекеев, о котором в архивном документе сказано: «Сей привел сперва к подданству Меньшей киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хана и привел от них с прошением посланцов, с которыми для принятия в подданство послан Тевкелев, и с ним же был там и жил без отъезду в орде на своем коште»; Тюлкючүра Алдагулов, так как он был «роду кипчацкого, нужен для того, что он в своем кипчацком роде силен, и земли подошли ево, где город будет строитца (Оренбург – Авт.)»; Таймас Шаймов, «который был с Тевкелевым и служил верно, и в полону сидел, за что ...дана ему на тарханство грамота и сукно» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 114-114 об.).

Присоединение казахских земель открывало перед Россией новые перспективы развития экономических и политических связей со странами Азии. Однако правительство поначалу не имело четкого плана действий, пока за это дело не взялся обер-секретарь Сената И.К. Кириллов. Решающую роль в осуществлении важных геополитических задач, по его мнению, должен был сыграть город, построенный на юго-восточных рубежах России, между кочевьями башкир и казахов. Вскоре И.К. Кириллову удалось добиться организации Оренбургской экспедиции. Опираясь на «верных башкирцев», он осуществил часть своей программы: основал новые города-крепости на землях, отведенных самими башкирами, использовал их в обеспечении экспедиции продовольствием, а впоследствии – в подавлении народных восстаний.

Следует отметить, что башкирское общество рассматриваемого периода было неоднородным по составу. В нем в XVIII в. образовалась целая прослойка обедневших вотчинников, которые стремились укрепить свое положение верной службой. Они с самого начала принимали самое активное участие во всех мероприятиях российского государства на восточном направлении.

Башкирские воинские формирования наиболее широко использовались в последующем силовом продвижении в Центральную Азию. В период усиления колониальной политики России в этом направлении один башкир командировался из 5–6 мужчин, вместо того, что в среднем один башкирский казак обычно выставлялся от 4–5 дворов (Аюпов, 2011: 107).

С начала XIX в. российское правительство все больше убеждалось в необходимости завоевания всего Центрально-Азиатского региона. Отношения у него с местными элитами сильно обострились из-за проблемы русских купцов, караваны которых часто подвергались разграблению со стороны хивинцев и бухарцев. Поэтому не случайно, что в 1809 г. на выручение русских пленных в Хиву был направлен сотник станицы Каргалинской Оренбургского казачьего войска Сеит-Джафар Абубакиров. Несмотря на то, что абсолютное большинство жителей станицы в то время составляли служилые татары, его этническая принадлежность остается неясной. «Башкирским старшиной», например, С. Абубакирова называют авторы сборника «Этнический атлас Узбекистана» (Шигабдинов, Жукова, 2002: 44).

Как бы то ни было, из рапорта на имя губернатора Оренбурга князя Волконского известно, что в Хиву он прибыл под видом муллы, пробыл там 45 дней и по итогам миссии смог вернуть домой несколько российских подданных. Один из них встретился ему в устье реки Сырдарья. Это был башкир, проживавший среди казахов чиклинского рода, который сам пожелал «употребить себя на пользу России» (Труды..., 1905: 142-148).

Позднее также с ходатайством о возмещении ущерба русским купцам, изложенном в письме графа К. Нессельроде, в Хиве побыв Мендияр Бекчурин. Еще в 1780–1781 гг. он впервые возглавлял российское посольство, направлявшееся через казахские степи из Оренбурга в Бухару. Записи об этом путешествии были опубликованы во 2-й книге «Восточный сборник» (Петро-град, 1916 г.). Согласно архивным материалам известно, что уфимские дворяне Бекчурины вели свое происхождение от ногайских мурз. Их родоначальники в первой половине XVI в. были наместниками Ногайской Орды в Башкирии, а затем перешли на русскую службу (РГАДА. Ф. 127. Оп. 4. Кн. 3. Л. 164).

При выборе кандидатов на роль российских агентов при ханских дворах исходили еще из того, что башкиры были мусульманами – хивинцы и бухарцы видели в них прежде всего своих единоверцев. О благосклонном расположении хивинского хана к Абубакирову, например, говорит тот факт, что он распорядился выделять своему гостю ежедневно по одной серебряной монете, бутылке виноградного вина, по блюду плова и одну дыню; кроме того, одновременно выдать хлопчатобумажный халат и мерлушковую шапку (Труды..., 1905: 144).

Еще одной стратегической задачей российской разведки в этот период было выявление и противодействие британской экспансии в Центральной Азии. Ярким примером такой деятельности служат дипломатические миссии поручика Башкирского войска Абдулнасыра Субханкулова. Посланный в 1810 г. от имени Александра I для переговоров с бухарским эмиром, он добыл важные сведения о подрывной деятельности англичан в регионе. В своем отчете разведчик сообщал, что в последнее время Бухару наводнили английские шпионы, которые под видом индийских торговцев всюду скупают «разные вещи и хлеб для себя высокою ценою, а продают оные в народе со значительным для себя убытком» (Медведев, 2016: 68). В действительности это были представители Ост-Индской компании, для которой данная операция являлась проверкой на предмет возможности вытеснить с местного рынка российских купцов – башкир и татар. Вероятно, что с помощью распродажи товаров по бросовым ценам британцы пытались приобрести себе постоянных информаторов из местных жителей.

Среди прочих заданий поручику предписывалось вернуть на родину фальшивомонетчика из казанских татар Валита Хамитова, нелегально перебравшегося в Бухару и наладившего там изготовление фальшивых российских денег. Размах его преступной деятельности сильно беспокоил российского министра коммерции. В ходе состоявшейся встречи с первым министром двора А. Субханкулов заверил его в дружественном расположении российского правительства, выразил пожелания и дальше развивать торговлю между двумя странами и особо обозначил необходимость обеспечения безопасности прохождения купеческих караванов. Также он потребовал у бухарских властей выдать ему Хамитова, к тому времени выпускавшего в неделю по 8000 рублей ассигнациями (Медведев, 2016: 68).

В 1818 г. оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен командировал поручика Субханкулова в Хиву (Труды..., 1905: 113). На этот раз им был составлен подробный маршрут пути со всеми встречающимися на нем речками, рощами, колодцами и т.п. Его отчет на 34 страницах содержит также интересные сведения о правовом регулировании торговли и налоговой системе в ханстве. За добросовестное исполнение своих обязанностей он был удостоен «Золотой медали на красной ленте» и денежной премии в размере 750 рублей.

Проникновение в Центральную Азию британской агентуры и вторжение Великобритании в соседний с нею Афганистан дали повод для более решительных действий России. С целью окончательного подчинения центральноазиатских государств имперское правительство организовало несколько походов.

Участником военных походов против Хивинского (1873 г.) и Кокандского (1875 г.) ханств был Шагимардан Ибрагимов – выдающийся российский дипломат, этнограф и один из зачинателей национальной печати Туркестана. Он родился в 1841 г. в Оренбургской губернии и происходил из дворянского рода. Национальность Шагимардана Мирясовича до сих пор точно не установлена. Однако казахские исследователи Э.А. Масанов и Б. Абилхасимов, к сожалению, не называя источников, категорически утверждали, что он «башкир по национальности» (Масанов, 1964; Абилхасимов, 2016). Основанием для суждения о национальности Ибрагимова может служить примечание редакции к его статье в «Записках» Императорского Российского географического общества (ИРГО), где он назван «образованным башкиром» (Назарьян, 2015: 103).

Поначалу Ш. Ибрагимов учился в Омском кадетском корпусе, но не закончил его по семейным обстоятельствам. Дальнейшее обучение проходило «приватно» в Омском полубатальоне кантонистов, где его готовили на переводчика с «татарского языка». Получив образование, в 1854 г. начал свою службу в качестве переводчика в Петропавловском городском управлении полиции. В 1863–1867 гг. преподавал в казахской школе, учрежденной при Омском областном правлении (Казахстан, 2005: 433). В 1870 г. перевелся в г. Ташкент, где стал работать переводчиком с персидского и тюркских языков в канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

Здесь Ибрагимов сразу обратил на себя внимание не только хорошим знанием языков, но и, несомненно, общей культурой и кругозором, а также дипломатическими способностями. Последнее подтверждается тем, что уже 1 июля 1878 г. он был назначен старшим чиновником по дипломатической части при генерал-губернаторе. В тот период Туркестанское генерал-губернаторство проявляло значительную самостоятельность в вопросах дипломатии. Оно вело по своей инициативе переговоры с Хивой, Бухарой и даже с Персией и Индией. К.П. Кауфман был наделен чрезвычайными полномочиями и имел «право вести войны и заключать мирные договоры». Сам К.П. Кауфман указывал, что заведование дипломатическими делами фактически находилось в руках Ш.М. Ибрагимова. Дважды – в 1880 и 1881 гг. – он возглавлял российские посольства в Бухарский эмират, хотя сам скромно представлял эти миссии как «простой» и «дружеский» визит,

обычный в междипломатических отношениях России и центральноазиатских ханств. За дипломатические заслуги Ибрагимов был награжден орденами Российской империи и Персии. В апреле 1882 г. ему вынесли благодарность «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника». О высокой оценке его деятельности говорит также пожалованный ему чин действительного статского советника. Безусловно, он выдвинулся лишь благодаря своим исключительным способностям, а также нехватке подготовленных кадров в первые годы существования Туркестанского генерал-губернаторства. Сказалось также его личное обаяние, которое распространялось на К.П. Кауфмана.

Еще в 1870 г. по указанию генерала Кауфмана в г. Ташкенте начала печататься первая газета на местных тюркских (узбекский, казахский) языках. Первоначально она выходила как приложение к «Туркестанским ведомостям» под заглавием «Туркестан уалаяты газета» («Туркестанская туземная газета»). Ее редактирование было поручено Ш. Ибрагимову. «Приложения» должны были знакомить местных жителей с правительственными и административными распоряжениями, краткими сведениями из жизни царствующего дома, знакомить их в общих чертах с географией и историей России, печатать краткие описания замечательных открытий и изобретений, сообщать иные полезные сведения. Здесь впервые были опубликованы переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и других русских писателей, в том числе сделанные им лично (Назарьян, 2015: 104). Для облегчения произношения его имени дипломата по-русски нарекли Иваном Ивановичем. Отсюда появились и инициалы «И.И.» в газетах того времени, в подписи под его публикациями.

У Шагимардана Ибрагимова был еще старший брат Шагимурад (Федор Иванович), родившийся на 3 года раньше (по другим же сведениям, они были близнецами и потому родители дали им схожие по звучанию имена (Абилхасимов, 2016: 10)). Он также обучался в Сибирском кадетском корпусе и, не окончив его, в 1856 г. был определен письмоводителем в Кокчетавский окружной приказ, где служил у отца Ч.Ч. Валиханова – султана Чингиза. В 1870 г. продолжил свою службу переводчиком с тюркских языков при Областном правлении в г. Ташкенте. Имея по роду своей деятельности постоянные контакты с множеством просителей из числа местных жителей, он довольно скоро сделался известен среди них как человек гуманный и отзывчивый. С 1873 г., когда Шагимардан отсутствовал по разным дипломатическим поручениям, Шагимурад Мирясович неоднократно заменял его, а в 1878 г. – окончательно принял заведование редакцией азиатских приложений. Благодаря умению Шагимурата Ибрагимова вести редакционные дела, газета с каждым годом приобретала все больше подписчиков. Эти обязанности он усердно исполнял вплоть до своей трагической смерти в феврале 1881 г.

Благодаря «Туркестанской туземной газете», выходившей по 4 раза в месяц в течение 14 лет, узбекский и казахский языки обогатились новыми словами, проникшими из русского и других языков. В целом, по материалам печати второй половины XIX в. известно, что они еще не обладали общенародными признаками, а представляли собой смешанный язык (по-казах. «коспа тіл»), испещренный словами из татарского и башкирского.

После присоединения всех казахских жузов к России в середине XIX в. Оренбургская губерния утратила свое пограничное положение. Однако сам г. Оренбург еще долгое время продолжал играть важную роль в развитии торговых, культурных и политических отношений с народами, населявшими юго-восточные окраины империи. Здесь размещалась целая сеть учебных заведений, где готовили будущих чиновников и писарей, в совершенстве знавших свой родной язык, на котором им предстояло общаться с народом, и, разумеется, русский – для общения с колониальной администрацией. Одним из таких заведений стало открытое в 1825 г. Неплюевское военное училище, преобразованное позже в кадетский корпус. Училище готовило военных и гражданских чиновников среднего звена, в том числе из «азиатцев». Всего на государственном обеспечении полагалось иметь до 200 учащихся. Из них для детей башкирских дворян и офицеров Башкирского казачьего войска давалось 30 вакансий (Башкортостан, 1996: 431). Кадетский корпус оставил заметный след в культурной жизни восточных окраин империи, в подготовке первой плеяды национальной интеллигенции.

Одним из воспитанников этой офицерской школы был известный башкирский ученый и просветитель Мирсалих Мирсалимович Бекчурин. Коллеги по кадетскому корпусу, где он остался преподавать восточные языки, называли его на русский лад Николаем Михайловичем. В 1860–1870-е гг. он часто находился по службе в Центральной Азии, неоднократно сопровождал делегации коренных жителей к императорскому двору. В науке М. Бекчурин известен в основном как лингвист и фольклорист, хотя ряд трудов говорит также о его глубоких познаниях в экономической географии, истории и этнографии.

Так, в период работы переводчиком русской армии в Туркестане М. Бекчурин написал серию историко-этнографических и публицистических статей, в которых анализируется экономика края, в подробностях описывается быт его жителей, дается характеристика общественным отношениям. Многие из них вошли в сборник «Туркестанский край» (Казань, 1872 г.).

Будучи сторонником демократических свобод, автор жестко критиковал религиозный догматизм и деспотизм местной элиты, выступал за светское образование. Основную причину отставания народов края он видел в их самоизоляции, а путь к прогрессу – в культурном взаимодействии с другими этносами. «Отдаленность от образованного мира, – писал о народах Туркестана М. Бекчурин, – сношения посредством караванной торговли только с соседними среднеазиатскими странами мало способствовали заимствованию знаний, наук, искусств и развитию цивилизации» (цит. по: [Валеев, 2015: 129-130](#)).

Мирсалих Мирсалимович был избран действительным членом Оренбургского отдела ИРГО, а также удостоен чина статского советника, генеральских погонов и пяти орденов. Своей научно-педагогической деятельностью он оказал большое влияние на развитие общественной мысли своего времени, и прежде всего на воззрения курсантов кадетского корпуса.

Один из его возможных учеников, башкир Абубакир Диваев, окончив Неплюевский кадетский корпус в 1876 г., также был направлен на военную службу в Туркестан. Будучи переводчиком, затем чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Сырдарьинской области, он посетил многие уезды Туркестанского края, изучая фольклор, быт, обычаи и обряды местного населения ([Башкортостан, 1996: 257](#)). В результате своей собирательской и исследовательской деятельности, получившей высокую оценку В.В. Бартольда, В.А. Гордлевского и других маститых ученых, им было опубликовано более 100 научных и научно-популярных работ.

5. Заключение

Еще в XVIII в. многие башкирские купцы активно занимались торговлей с Хивой и Бухарой. Некоторые из них даже оставались там на постоянное жительство. С активизацией завоевательной политики России в Центрально-Азиатском регионе в XIX в. эти взаимосвязи существенно усилились. Намечая военные акции, имперское правительство заранее, через своих купцов и посланников, разведывало о состоянии внутренней и внешней политики соседних государств. И для таких поручений, как правило, привлекали склонных к сотрудничеству башкир и татар. Успех дипломатических миссий во многом зависел от наличия в их составе опытных переводчиков, способных передавать слова прямолинейных русских чиновников в привычной для азиатов манере. Благодаря тонкому чутью и знаниям местного этикета им удавалось сглаживать «острые углы», не искажая при этом сути сказанного. При выборе кандидатур на роль тактических разведчиков исходили еще из того, что они зачастую имели среди местных жителей многочисленные знакомства и являлись с ними единоверцами. Их откомандировывали в канцелярии казахских султанов для службы писарями, переводчиками или учителями. Выпускников военных училищ из числа башкир, как офицеров, прекрасно владевших родным, русским и персидским языками, также нередко оставляли на службе в штабе туркестанского генерал-губернатора, где они добивались высоких чинов.

Таким образом, имперское правительство России, избрав Центральную Азию для своего геополитического продвижения, активно использовало значительный контингент своих подданных – выходцев из Волго-Уральского региона, хорошо владевших языками родственных тюркских народов и имевших с ними тесные этнокультурные связи. Во многом благодаря этому, г. Оренбург, располагавшийся на границе между кочевьями башкир и казахов, на полтора века стал важнейшим центром торговых, дипломатических, военных и научных контактов с Центральной Азией.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

Литература

[Абилхасимов, 2016](#) – *Абилхасимов Б.* «В казахском языкознании есть еще много неисследованных вопросов» // *Тюркология*. 2016. № 3. С. 9-10.

[Азнабаев, 2018](#) – *Азнабаев Б.А.* Военные организации казахов и башкир в XVII–XVIII вв. (сравнительно-исторический аспект) // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2018. Т. 29. № 4(92). С. 5-15.

[Аюпов, 2011](#) – *Аюпов Т.М.* Участие башкир в присоединении Средней Азии к Российской империи и отражение этих событий в их фольклоре // *Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики*. 2011. № 4. С. 106-110.

[Башкортостан, 1996](#) – Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. 696 с.

[Валеев, 2015](#) – *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 2015. 232 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

[Избасарова, 2016](#) – *Избасарова Г.Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 5. Ч. 2. С. 63-68.

- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сорник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. 746 с.
- Казахстан, 2005** – Казахстан. Национальная энциклопедия / Гл. ред. Б. Аяган. Т. 2. Алматы, 2005. 560 с.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // *История*. 2019. Вып. 8 (82).
- Масанов, 1964** – Масанов Э. Ш.М. Ибрагимов – друг Ч.Ч. Валиханова // *Вестник Академии наук Казахской ССР*. 1964. № 9. С. 53–60.
- МИБАССР, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М. – Л., 1936. 630 с.
- Медведев, 2016** – Медведев А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М., 2016. 800 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/vojna-imperij-tajnaya-istoriya-borby-anglii-protiv-rossii-read-458914-68.html>
- Назарьян, 2015** – Назарьян Р. Первопроходцы // *Звезда Востока*. 2015. № 3. С. 103–105.
- Небольсин, 1854** – Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб., 1854. 343 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/191067.html>
- Посланник Петра I..., 1986** – Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. 159 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Самигулов, 2011** – Самигулов Г. Деревня имени отца // *Южноуральская панорама*. 2011. 22 декабря.
- Сапаралиев, 1995** – Сапаралиев Д.Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в. Бишкек, 1995. 152 с.
- Султангалиева, 2005** – Султангалиева Г. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII–XIX вв.) // *Ватандаш*. 2005. Сентябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=443>
- Султангалиева, 2001** – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XIX вв.). Уфа, 2001. 262 с.
- Султангалиева, 2000** – Султангалиева Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. 2000. № 4 (11). С. 3–18.
- Таймасов, 2009** – Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. 344 с.
- Тлеумуратов, 1993** – Тлеумуратов М. Исторические и культурные связи каракалпаков с Россией и Башкирией в XVIII – начале XX вв. / Ред. Н. Таджибаев. Нукус, 1993. 204 с.
- Труды..., 1905** – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIV. Оренбург, 1905. 224 с.
- Чирков, 2018** – Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // *Философия и культура*. 2018. № 3. С. 17–33. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24609
- Шугабдинов, Жукова, 2002** – Шугабдинов Р., Жукова Л.И. Башкиры // *Этнический атлас Узбекистана*. Ташкент, 2002. С. 44–47.
- Lysenko, 2018** – Lysenko Yu.A. Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 172–182.

References

- Abilkhasimov, 2016** – Abilkhasimov B. (2016). V kazakhskom yazykoznanii est' eshche mnogo neissledovannykh voprosov. [There are still many unexplored issues in Kazakh linguistics]. *Turkology*. № 3, pp. 9–11. [in Russian]
- Аюпов, 2011** – Аюпов Т.М. (2011). Uchastie bashkir v prisoedinenii Srednei Azii k Rossiiskoi imperii i otrazhenie etikh sobytii v ikh fol'klore [The participation of the Bashkirs in the annexation of Central Asia to the Russian Empire and the reflection of these events in their folklore]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki*. № 4, pp. 106–110. [in Russian]
- Aznabaev, 2018** – Aznabaev B.A. (2018). Voennye organizatsii kazakhov i bashkir v XVII–XVIII vv. (sravnitel'no-istoricheskii aspekt) [Military organizations of Kazakhs and Bashkirs in the XVII–XVIII centuries (comparative historical aspect)]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. № 4 (92), pp. 5–15. [in Russian]
- Bashkortostan, 1996** – Bashkortostan. Kratkaya entsiklopediya [Brief Encyclopedia]. Ufa, 1996. 696 p. [in Russian]
- Chirkov, 2018** – Chirkov A.A. (2018). Teoriya modernizatsii v rossiiskoi istoricheskoi nauke. [Theory of modernization in Russian historical science]. *Filosofiya i kul'tura*. № 3, pp. 17–33. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Izbasarova, 2016** – Izbasarova G.B. (2016). Rossiiskii faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniyakh v 1-i chetverti XVIII v. [The Russian factor in Kazakh-Bashkir relations in the 1st quarter of the XVIII century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. № 5. Part 2, pp. 63–68. [in Russian]

- Kazakhsko-russkie..., 1961** – Kazakhsko-russkie... (1961). Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: sbornik dokumentov i materialov. [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries: a collection of documents and materials]. Alma-Ata. 746 p. [in Russian]
- Kazakhstan, 2005** – Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya [National Encyclopedia]. Almaty, 2005. 560p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* (2019). Mekhanizmy vzaimodeistviya Rossiiskoi imperii s kazakhskoi etnoelitoy Mladshego i Srednego zhuzov (XVIII–XIX vv.). [Mechanisms of interaction between the Russian Empire and the Kazakh ethnic elite of the Younger and Middle Zhuz (XVIII–XIX centuries)]. *Istoriya*. Vol. 8(82). [in Russian]
- Masanov, 1964** – *Masanov E.* (1964). Sh.M. Ibragimov – drug Ch.Ch. Valikhanova. [Sh.M. Ibragimov – friend of Ch.Ch. Valikhanov]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*. № 9, pp. 53–60. [in Russian]
- Medvedev, 2016** – *Medvedev A.* (2016). Voyna imperii. Tainaya istoriya bor'by Anglii protiv Rossii. [War of Empires. The secret story of the struggle of England against Russia]. M. 800 p. [in Russian]
- MIBASSR, 1936** – MIBASSR. Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. [Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1936. M.-L. 630 p. [in Russian]
- Nazar'yan, 2015** – *Nazar'yan R.* (2015). Pervoprokhodtsy [Pioneers]. *Zvezda Vostoka*. № 3, pp. 103–105. [in Russian]
- Nebol'sin, 1854** – *Nebol'sin P.I.* (1854). Rasskazy proezzhego [Stories of the traveler]. SPb. 343 p. [in Russian]
- Poslannik Petra I..., 1986** – *Poslannik Petra I...* Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bukharu v 1718–1725 godakh. [Embassy of Florio Beneveni to Persia and Bukhara in 1718–1725]. M. 1986. 159 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Samigulov, 2011** – *Samigulov G.* (2011). Derevnaya imeni ottsa [Father's Village]. Yuzhnoural'skaya panorama, 22 dekabrya [in Russian]
- Saparaliev, 1995** – *Saparaliev D.B.* (1995). Vzaimootnosheniya kyrgyzskogo naroda s russkim i sosednimi narodami v XVIII v. [Relations of the Kyrgyz people with the Russian and neighboring peoples in the XVIII century]. Bishkek. 152 p. [in Russian]
- Shigabdinov, Zhukova, 2002** – *Shigabdinov R., Zhukova L.I.* (2002). Bashkiry [Bashkirs]. Etnicheskiy atlas Uzbekistana. Tashkent. pp. 44–47. [in Russian]
- Sultangalieva, 2000** – *Sultangalieva G.* (2000). «Tatarskaya» diaspora i konfessional'nye svyazi kazakhskoi stepi (XVIII–XIX vv.) [Tatar diaspora and confessional ties of the Kazakh steppe (XVIII–XIX centuries)]. *Vestnik Evrazii*. № 4 (11), pp. 3–18. [in Russian]
- Sultangalieva, 2001** – *Sultangalieva G.S.* (2001). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII–nachalo XIX v.). [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII – beginning of the XIX century)]. Ufa. 262 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2005** – *Sultangalieva G.* (2005). Deyatel'nost' bashkirskikh perevodchikov i pis'movoditelei v Kazakhstane v protsesse vzaimodeistviya kul'tur (XVIII–XIX vv.). [The Activities of Bashkir Translators and Secretars in Kazakhstan in the Process of Interaction of Cultures (18th – 19th centuries)]. *Vatandash*. Sentyabr'. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=443> [in Russian]
- Taimasov, 2009** – *Taimasov S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. M. 344 p. [in Russian]
- Tleumuratov, 1993** – *Tleumuratov M.* (1993). Istoricheskie i kul'turnye svyazi karakalpakov s Rossiei i Bashkiriei v XVIII–nachale XX v. [Historical and cultural ties of the Karakalpaks with Russia and Bashkiria in the XVIII–early XX centuries]. Nukus. 204 p. [in Russian]
- Trudy..., 1905** – *Trudy...* (1905). *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Orenburg. 224 p. [in Russian]
- Valeev, 2015** – *Valeev D.Zh.* (2015). Nравstvennaya kul'tura bashkirskogo naroda: proshloe i nastoyashchee. [Moral culture of the Bashkir people: past and present]. Ufa. 232 p. [in Russian]

Роль башкир в развитии политических и социокультурных связей Российской империи с государствами Центральной Азии (XVIII–XIX вв.)

Тимур Маратович Аюпов^{a, *}

^a Алтайский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется степень участия башкир в установлении и дальнейшем развитии экономических, дипломатических и культурных отношений Российской империи с государственными образованиями Центрально-Азиатского региона – казахскими жузами, Бухарским

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aiuptegin@mail.ru (Т.М. Аюпов)

эмиратом, Хивинским и Кокандским ханствами. На основе архивных источников, дипломатических документов и опубликованных научных трудов удалось выяснить, что в реализацию геополитических задач России на юго-восточном направлении были широко вовлечены все слои башкирского общества: тарханы, дворяне, муллы, торговцы, рядовые общинники. Этому способствовали этногенетическое родство, схожесть языков, культуры и менталитета, единство их вероисповедания с народами Центральной Азии. Немаловажное значение имел географический фактор: приграничные земли Башкирии на рубеже XVIII–XIX веков были превращены в плацдарм для наступления на Туркестан. Царское правительство всячески поощряло действия башкир и щедро вознаграждало их за верную службу. В то же время они привносили в новый край такую бытовую культуру, которая устраивала власти, а также послужили своеобразным катализатором к началу ее научного исследования, содействовали в распространении печатной продукции, светских знаний и т.д.

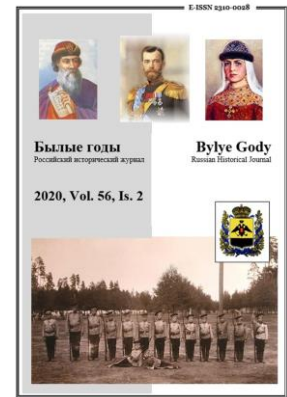
Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, башкиры, Оренбург, караванная торговля, посольство, изучение края.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 463-473. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.463
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Gypsies in Siberia: Resettlement, Family and Economic Activity between the 18th and first half of the 19th century (Historical Aspect)

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}, Galina I. Sinko ^a, Yurii M. Goncharov ^c

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

^c Altai State University, Russian Federation

Abstract

The timespan between the eighteenth and nineteenth centuries witnessed the ethnic map of the regions taking shape in the Russian Empire. In this process, essential drivers were various types of external and internal migrations. With the influence of voluntary and forced migrations, different ethnic groups emerged in Siberia, living both in compact communities and dispersed over the vast territory. Gypsies in Siberia constituted one of the ethno-dispersed groups, with first mentions dating back to the 1720s. By the middle of the nineteenth century, Gypsies had spread throughout Siberian provinces. Despite such a long record, there are virtually no academic works in the Russian gypsology on the history of Gypsies in Siberia and the paths their development took in different historical periods. The purpose of this paper is to reconstruct certain aspects of the history of the ethno-dispersed group. It primarily focuses on the challenging sides of the group's formation, peculiar facets of its social life, legal status and specific circumstances of the economic activities undertaken by the Gypsy group in the eighteenth and first half of the nineteenth century. The foundation for the paper is built on the documents of central and regional archives (St. Petersburg, Tobol'sk, Tomsk), which become subjects of the scholarly interest for the first time.

Keywords: Gypsies, migration, camp, nomadic lifestyle, exile, Siberia.

1. Introduction

For centuries, Siberia was not only a “crossroads of civilizations”, but also a “melting pot” in which the merger of indigenous peoples and migrants resulted in the rise of the macroregion's modern population. The history of Siberia in the modern era is associated with its integration into the Russian state and further economic development. This would have been impossible unless certain groups had moved there from the European part of the country. The unauthorized and organized resettlement efforts as well as replenishment through penal settlements in the eighteenth and nineteenth centuries resulted in the foundation of subregional ethnic groups (Ukrainians, Germans, Poles, Jews, Finns, etc.). In this period, various Gypsy groups came into being in Siberia to create a community of the “Sibirskaya Roma”.

2. Materials and methods

The history of Gypsies in pre-Soviet Russia is a direction that is covered only by isolated works in the scholarly literature. The historic exploration of Gypsy groups in specific regions is at a very early stage. The purpose of the work is to restore some aspects of the initial history of Gypsies in Siberia of the late eighteenth – first half of the nineteenth century. To this end, we need to identify the time first Gypsy groups appeared in Siberia, determine the sources that contributed to the growth of the new ethno-dispersed group, review the legal and social situation of its members and highlight the types of their economic activity.

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

One of the major problems a researcher faces is the absence of a source field. On the one hand, we have no sources created by Gypsies themselves, and on the other hand, researchers fail to carry out search work in archival collections, seeking to ground their papers primarily on published materials. However, it is the central and regional archives that have managed to retain written sources. Identifying and introducing the documents into research for the first time will enable us to retrace a variety of aspects distinguishing Gypsies' life in Russia from the angle of state history.

Of course, published sources, in the first place, with regulatory and legal content are important for understanding the evolution of state policies related to the Gypsy population in the Russian Empire. In our publication, we clearly showed that between the eighteenth and first half of the nineteenth century, the theory of national policy and the practice of its implementation were fraught with considerable differences. For this reason, we cannot rely solely on acts and regulations published in various editions of the Complete Code of Laws of the Russian Empire. We should look into other regulations of a more restricted application. These include the "Statute on Passports" and the "Exile Statute", which provided guidance to the regional authorities in determining their actions toward Gypsies. However, these sources should be complemented with documents from archives.

In 2017–2018, we completed a research work in several Russian archives and were able to uncover documents related to the history of Gypsies in Siberia in the late eighteenth and nineteenth century. Some archival funds of the Russian State Historical Archives managed to preserve documents that are linked to the subject under review. For example, the documents passed by the Committee of Ministers in the early nineteenth century repeatedly revealed information on the resettlement of the Gypsies in Siberia. The Governing Senate also turned to the Gypsies' situation. In particular, its archival collection still stores a number of documents describing efforts to ensure the adoption of sedentary lifestyles by Gypsies in 1808–1809. The documents also mention the draft edict on sentencing Gypsies to exile to Siberia for vicious behavior, which was prepared by the Ministry of Justice in 1809. Individual references to Gypsies in the Russian regions are found in the documents issued by the Office of the Prosecutor General of the Senate, the First Siberian Committee and other public institutions. Valuable information on Siberian Gypsies is contained in the reports by Siberian governors and provincial Treasury Chambers, which have survived in the archives of certain ministries. The most useful demographic and economic information on the Gypsy population in specific regions of Russia is stored in the archives of the Ministry of State Property.

The regional archives accumulated documents that are helpful in defining the local features of Gypsies' coming and living in a certain province. In this regard, the particular importance can be attached to the documents of the Tobol'sk archive. For example, the records of the early 1790s, kept by the Tobol'sk vicegeral government, enable a restoration of one of the earliest episodes in the history of Siberian Gypsies, associated with their migration from European Russia, including name lists of camp members. Materials of the first half of the nineteenth century from the Tobol'sk and Tomsk Prikazes (administrative departments in eighteenth century Russia) for the Exiles give an idea of the Gypsies who were moved to Siberia within the framework of the penitentiary system (previous place of residence, nature of the offense, term of punishment and location of the correctional facility). Primary materials of the nineteenth century population censuses, which contain data on the family composition, social status and economic activities, also play an essential role.

A number of helpful documents exist in the State Archive of the Tomsk Region. The archives of the Tomsk provincial government (1804–1822) preserves documents on the Gypsies residing in different districts of the Tomsk governorate. Several reports, addressed to Tomsk Governor D.V. Illichevsky, enclose name registers that contain Gypsies' personal data. The same archival collection can offer documents related to another campaign to prevent vagrancy among Gypsies (1819), implemented in the Tomsk governorate.

The archives of the Tomsk provincial administration (1822–1917) also have various documents on local Gypsies. Some of them were exiled to Siberia for vagrancy or other crimes. In addition, prisoner files (stateynye spiski) also survived, which provide personal and anthropometric data. Their use can help determine the locations where Gypsy convicts were settled in the Tomsk Governorate, their age and some other features of the exiles. This material makes it possible to accomplish a comparative study to correlate Gypsies with members of other ethnic groups.

When addressing the history of Siberian Gypsies, we should not forget that from the middle eighteenth to early twentieth century, the Altai part of the Tomsk Governorate retained its legal separation and was administered by His (Her) Imperial Majesty's Cabinet. This attaches particular importance to the documents that regulated the life of Gypsies in various Siberian regions. This problem was reflected in the documents that required to preclude Gypsies from settling down in the lands of Altai plants and factories (from 1816).

The published sources include accounts given by foreigners who mentioned Gypsies living in Siberia (Bell 1763, Sauer 1802). These sources written by contemporaries are helpful in tracing back the time Gypsies appeared in the Russian province.

The sources identified allow us to reconstruct different aspects of the life Siberian Gypsies led at the end of the eighteenth and nineteenth centuries.

The study utilized general and special research methods that include descriptive, chronological, legal and statistical methods with a historical focus. The choice of the research toolbox is brought about by the task to address specific objectives.

3. Discussion

Although Russia has been a multinational state since its emergence, the knowledge of the history of the ethnic groups inhabiting the country wants much more consistency and balance. This can be explained by government policies, the presence or absence of public interest, the preservation of historical documents and other factors. The combination of these and other reasons can be an explanation of the current extremely poor knowledge of the Gypsy history in the Russian Empire. The academic tradition, which would study Gypsies in Russia in the context of the history of a certain region, does not exist at all.

Our interest focuses on Gypsies who lived in Siberia in the eighteenth and first half of the nineteenth century. The history of subregional ethnic groups in Siberia in the imperial period has only received a very unstructured attention from researchers so far. The past of individual ethnolocal groups, such as Germans, Poles or Jews, was highlighted in a multitude of articles, papers, monographs and theses. On the other hand, the history of other non-indigenous ethnic groups, which include Siberian Gypsies, has only been glossed over or has not been studied at all (Smirnova-Seslavinskaya 2013: 22-43).

The publications of the all-Russian nature only mention the fact that “near Moscow and St. Petersburg, Gypsies appeared in the eighteenth century.... A few years after the arrival of Gypsies in Central Russia, camps pitched their tents in the area stretching from the Arkhangelsk Governorate, Siberia and other outskirts of the empire, right up to the Sea of Okhotsk” (Vladykin 1969: 206). Of course, this is an extremely simplified pattern of Gypsy settlement in the Russian Empire with migrations spanning over a period of more than 100 years. The works of modern authors also contain references to Siberian Gypsies, but their historical background rests outside the scope of these publications (Bessonov et al., 2000).

Meanwhile, contemporaries turned their attention to the Gypsies who lived in some Siberian provinces as early as in the second half of the nineteenth century. For example, ethnographer S.V. Maximov pointed out in his book “Siberia and hard labor” (Sibir’ i katorga) at the presence of Gypsies in Siberia among those sentenced for exile for theft (horse-stealing) (Maximov 1900: 231). Some materials came out as official publications. For example, a small article providing historical and ethnographic information was printed in the “Reference Book of the Tobol'sk province for 1884” (Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1884 god). Its author, perhaps, was K.M. Golodnikov, a Siberian ethnographer and publicist. The published material is valuable, first of all, for the accounts of an eyewitness who left brief descriptions of family relationships, everyday life and Gypsy culture.

Isolated publications on Siberian Gypsies in Soviet Gypsy studies concentrate primarily on historical and ethnographic aspects. The author of these publications was V.I. Sanarov who was acquainted with the life of the camp from the inside. The wealth of the ethnographic material accumulated by him during his life in the camp was complemented with certain materials from the State Archive of the Tyumen Region. Sanarov's efforts can be highly appreciated as he significantly expanded the boundaries of the history of the Sibirskaya Roma. For example, while K. Golodnikov wrote in his essay that Gypsies appeared in Siberia early in the nineteenth century (Golodnikov, 1884: 52), Sanarov moved the milestone to the first quarter of the eighteenth century (Sanarov, 1970: 126).

Some historical insights into Gypsies in Siberia are provided by the monograph “Gypsies” (Tsygane) (2018). The treatise concluded, among other things, that “part of migrants headed to Siberia in the eighteenth and nineteenth centuries, and there, known by the name of Siberian Gypsies, they made up the major group of the Gypsy population in Siberia” (p. 85).

One of essential aspects characterizing studies into the history of Gypsies in Russia is the stance taken by the government and local administrations on the ethnic group. The few available sources allow us to explain specific details of the life Gypsies had in different governorates. This issue is reviewed by our paper published in the historical journal “Voprosy istorii” (Shaidurov, 2020: 181-191).

Therefore, we can say that the history of Siberian Gypsies to date is a tabula rasa to a greater extent.

4. Results

Over the seventeenth century, Siberia was a center of gravity for migrants. This attractiveness can be primarily attributed to rumors of the unimaginable riches offered by the region. Some were tempted by a free life without boyars (members of an old order of Russian nobility, ranking immediately below the princes: abolished by Peter the Great) and tsarist voivodes (town managers in the Russian state in the 16th and 18th centuries), while others were attracted by forests abundant in furs, and still others were eager to obtain fertile lands. However, the unauthorized resettlement was prohibited, and the tsarist government was unable to arrange the organized migration of peasants and tradespeople to areas beyond the Urals.

One of the first mentions of Gypsies in Siberia dates back to 1721 and belongs to Scotsman John Bell who was hired in the Russian service (1715–1746). Being on the staff of the Russian embassy to China (1719–1721), he traveled as a doctor from St. Petersburg to Peking (Beijing), describing the journey in a two-volume treatise published in Glasgow in 1763. In the second volume, Bell mentioned the story by Siberian Vice-Governor Petrov-Solovov about a vagrant group of about 60 people (men, women and children) who headed for China. After Petrov-Solovov, Bell calls them Gypsies (tzygane) (Bell, 1763: 157).

Referring to Petrov-Solovov, Bell indicated that the Gypsies had probably come from Poland. Their route can be reconstructed on the maps of the first quarter of the eighteenth century: through Central Russia

to Nizhny Novgorod or Kazan, then to Solikamsk that grew to become a center of the Russian-Chinese transit trade at the turn of the seventeenth and eighteenth centuries. The Moscow-Siberian Highway continued to the gateway to Siberia – Verkhoturye and further to Tobol'sk (red line on the map). The route hosted inns (*yamas*) and outposts that carried out both customs and police functions, preventing fugitives from escaping to Siberia. The Gypsies' further road to the East passed through the capital of Siberia, Tobol'sk, where the Gypsies finally stopped to a halt. Their further journey was impossible without passports introduced by Peter I, so, by order of Vice-Governor Petrov-Solovov, they were detained (Bell, 1763: 158). However, a Siberian historian, Oleg Kationov, notes that as early as in 1654 the Verkhoturysky *voivode* identified the existence of a different road that skirted Verkhoturye and ran further to Siberian settlements (Kationov, 2004: 87). In the middle of the 18th century, the authorities had to ratify a shorter route to Siberia (Moscow – Kungur – Yekaterinburg – Tyumen – Tobol'sk) (Kationov, 2004: 88). It might be that the Gypsies went to Siberia by one of these roads (yellow line on the map).

Fig. 1. Map of Siberia, 1800¹
Source: Atlas of the Russian Empire. Saint Petersburg, 1800

Traveling vast distances in sparsely populated Russia in the early eighteenth century was fraught with many challenges. One of them was food. Like Bell, we can assume that the Gypsies, while roaming to the East, could exchange foodstuffs with the peasants, offering them their own craft products. It is unlikely that they were engaged in fortune telling and divination due of the existing language barrier. But we cannot rule out trivial theft. If we take into account the fact that the Gypsies went to Siberia along one of the illegal roads, bypassing settlements, in this case, primary sources of sustenance for them were hunting, fishing and gathering.

¹ Red line – the path of the Gypsies from Kazan to Siberia in the 1720s. Yellow line - the path of the Gypsies in the late 18th century.

Presently, there are no other known documents that would help track the further fate of the group of Gypsies, referred to by Bell. The endeavor to uncover these documents is a new research goal.

We have no reliable information about Gypsies in Siberia in the middle and in the second half of the eighteenth century. But documents from different archives show that Gypsies lived in various regions of Western Siberia in the 1790s.

One of such areas was Altai that was part of the Kolyvan'-Voskresensk (from 1834 – Altai) Mining District (administered by the Cabinet of His Imperial Majesty from 1747 to 1917). The year of 1797 saw the District's administrative structure finalized. It was in this period that the Cabinet issued an order to relocate Gypsies, who were found in the district's territory, to state-owned lands. Based on this decision, we can conclude that by that time Gypsies had already been present on the District's lands. The decision can also be explained by the following reason: in the late eighteenth century, Altai plants were key suppliers of silver to the domestic market, primarily used for the production of silver coins. The non-ferrous metallurgy boom in the last third of the eighteenth century was largely associated with Altai plants employing mining engineers from German principalities. In 1772, silver production reached its peak – 1,277 poods (about 20.9 tonnes). Silver mines and smelteries were tightly controlled by 8 mining companies. The annual caravan of silver, which departed from Barnaul to St. Petersburg, was accompanied by soldiers of the regular army. In 1816, the ban, which prohibited Gypsies from residing on factory land, was reapproved (GATO. F. 61. Op. 1. D. 42). Hence, the Cabinet took pro-active measures to prevent Gypsies from having the temptation to engage in counterfeiting of money. The step was justified as the judicial practice in the European part of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century had to deal with frequent cases of Gypsies making false banknotes and coins, and the Gypsies suspected of the crime were put on the All-Russian wanted list (GUTO GAT. F. 329. Op. 3. D. 87).

Another region, which became home to Gypsies in the 1790s, was the Tobol'sk province (later the Tobol'sk Governorate with its capital in Tobol'sk). In 1792, in the Tobol'sk Governorate, local authorities found a group of Gypsy families, numbering 115 people, led by elders Evstafy Martynov, 84, and Ivan Maksimov, 75 (GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 8-9v).

Following the investigation, it became clear that these families of “Belarus Gypsies” were registered as belonging to the Colonel of the Ingermanland Regiment¹, Aleksey Melgunov² (GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 20). In all probability, the certificate of “registration” was drawn up before December 28, 1761, when Melgunov was promoted to major general. Such a record could be a formal procedure. A contract could be concluded between the Gypsy families and Melgunov, in which the Gypsies recognized themselves as house serfs and received a passport in return. The passport gave the right to move within the borders of the governorate, an opportunity that they could not but make use of. Very few copies of similar contracts, dated by the end of the eighteenth century, have survived until now (Shaidurov, 2018: 206).

For many years, these Gypsies roamed throughout the Novgorod governorate and were engaged in changing horses and other petty goods (GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 27v). It was also found out that as they had no permanent place of residence, they were not included in the census list and therefore paid no taxes and duties.

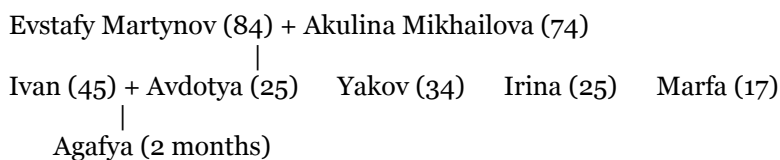
Initially, it was planned to deport the Gypsies to the Kostroma Governorate. The reason was the initiative of the Kostroma Treasury Chamber to trace down fugitive Gypsies. However, Martynov managed to prove that they were not runaways. The Tobol'sk authorities decided to settle the Gypsies in the Tarski district, and the measure was enacted through the appropriate order to the Turin lower zemstvo court. The entire procedure was carried out in accordance with the provisions of the decree dated November 4, 1784. According to the accounts by M. Sauer, who was in Tobol'sk for a short visit, Governor A.V. Alyabyev planned to found a special settlement for them, but he had to lodge them in separate families. No success was either achieved by his attempt to turn the Gypsies into farmers. The Gypsies did not cultivate the land they received but led their traditional life. Their basic activities still included begging, blacksmithing and veterinary medicine (Sauer, 1802: 331).

The documents that have been preserved in archives enable an understanding of the camp composition. It consisted of 22 families: 4 families of three generations and 18 families of two generations (GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 6-9).

Three generation families were rather large and had 9.25 members on average. The first generation consisted of the head of the family and his wife, the second generation was represented by their children and the families of their children, and the third generation consisted of grandchildren.

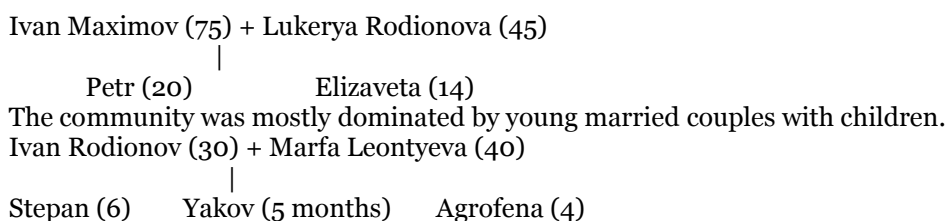
¹ The Ingermanland Regiment (1703–1918) was an infantry regiment of the Russian Army; it was stationed in the Novgorod Governorate until 1772, which comprised Novgorod, Pskov, and Tver lands.

² Melgunov Aleksey Petrovich (1722–1788) – a Russian statesman during the reign of Peter III (1761–1762) and Catherine II (1762–1796), Active Privy Counsellor (1777), Senator, Member of the Committee for Drafting a New Code (1767), Governor General of the Yaroslavl Governorate (1777–1788) and Vologda Governorate (1780–1788), recipient of the Orders of the Russian Empire: of Saint Andrew the Apostle the First-Called (1780), of Saint Alexander Nevsky (1762), of Saint Vladimir (1785). A major benefactor in the Russian provincial areas in the 18th century. A proponent of enlightened absolutism and Freemasonry.

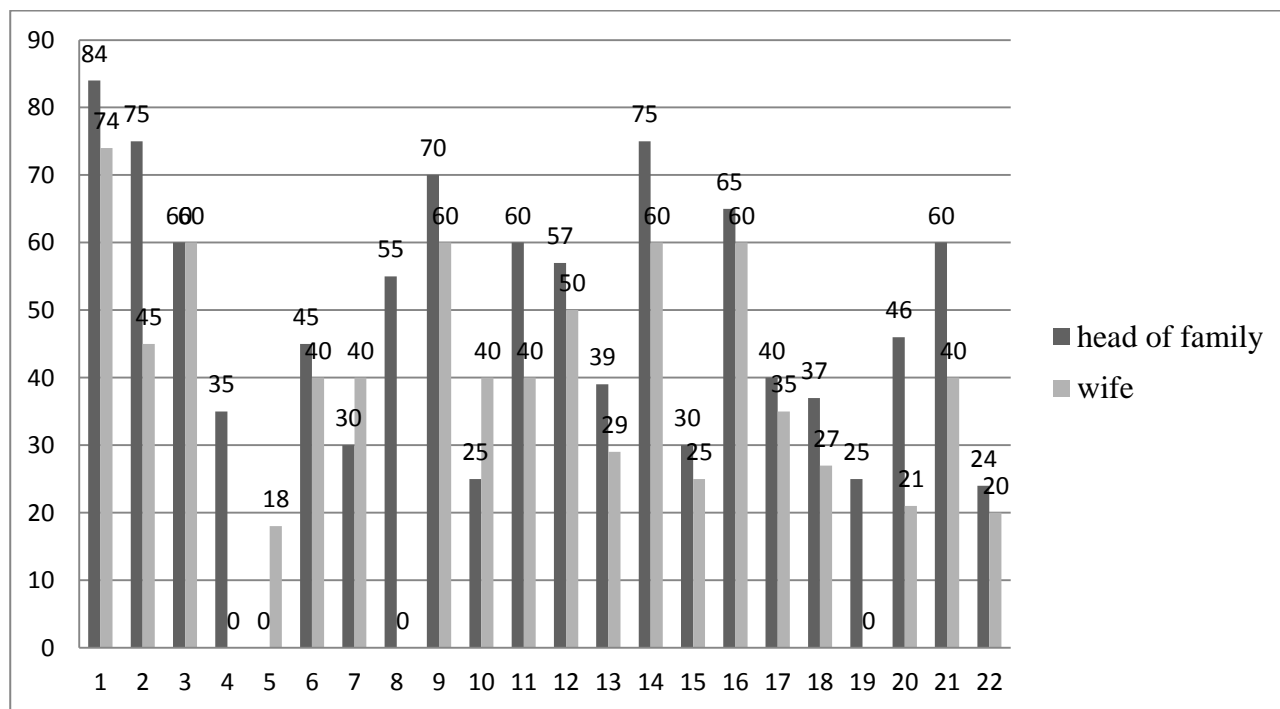

The head of a three-generation family was 71 years of age on average.

The camp's two-generation families were represented by married couples with children. The average population of such a family was 4.4 people. The head of a two-generation family was 49 years of age on average. In 7 of 17 cases, the head of the family was above 55 years old. These were elderly married couples whose children continued to live with them.

The average age of the head of the family was 49.4, his wife – 41.3. In most cases, heads of families were older than their spouses. Only 2 cases showed that wives were 10 and 15 years older than their husbands (see Figure 1).

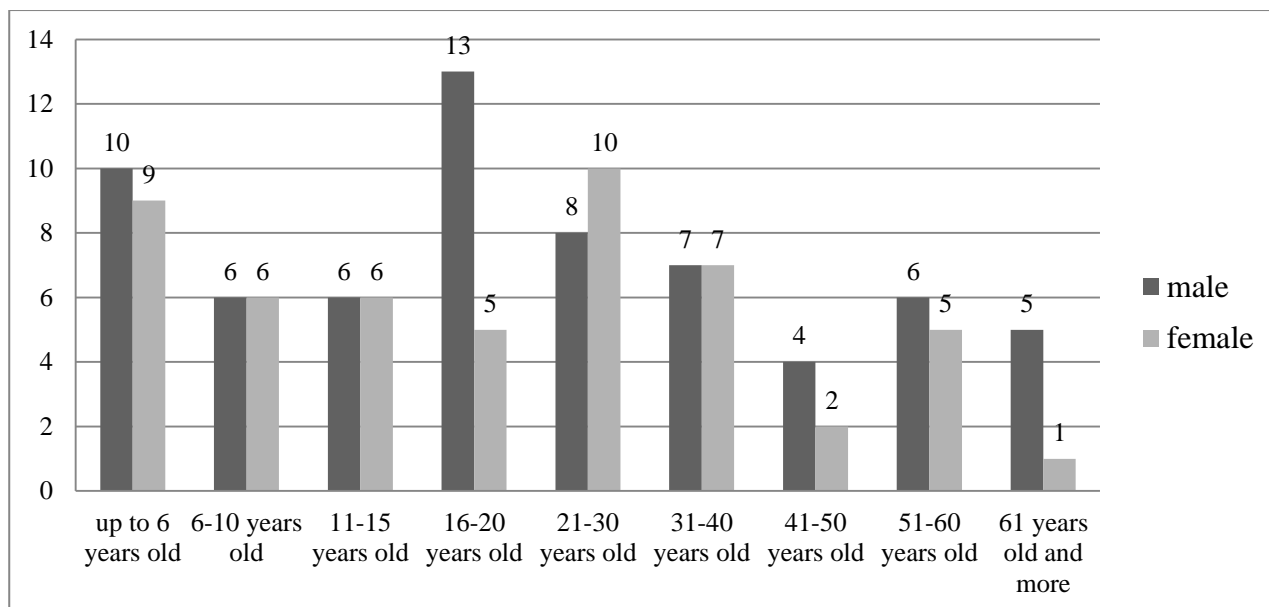

Fig. 2. Age of heads of families and their wives
 Source: GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 6-9

In practice, the age difference ranged from 4 to 30 years. In 9 families, the age gap exceeded 10 years. This variation indicates the existing practice of digamy when a second marriage was entered into after the death of one of the spouses.

Gypsy families of this camp consisted mainly of men: half of the families had more men, 6 families had equal number of male and female members, and only 5 families had more female members.

The distribution of the Gypsy camp into groups according to gender and age illustrates a sustainable development of the community (see Figure 2).

Fig. 3. Age and gender structure of a gypsy camp, Tobolsk, 1792

Source: [GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 6-9](#)

The diagram shows that there is a significant imbalance only in two age groups (16–20 years, 61 years and older). We can see the predominance of men in both cases.

Indirect evidence suggests the marriageable age of girls. For example, widow Sofya Gavrilova, 40, had a son, Anton Gavrilov, who was 24 years old. Proceeding from this, we can conclude that the mother gave birth to him at the age of 15-16 years and got married at 14-15.

Women's child-bearing age reached 40 years. The wife of Ivan Rodionov, Marfa Leontyeva, was 40 and had three children as of 1792 with the youngest one (son Yakov) being 5 months old. These were not the only examples in the camp. However, there were unique cases as well. For example, the wife of the first camp elder, Akulina Mikhailova, 74, had younger daughters, aged 25 and 17.

The name list for the camp helps identify the patronyms of the Gypsies ([GUTO GAT. F. 341. Op. 1. D. 145. L. 6-9](#)). These data will be instrumental in further reconstruction of Gypsy genealogy on the basis of census audits carried out in the first half of the nineteenth century.

The Gypsy family in the nineteenth century retained patriarchal qualities. A camp consisted of tents belonging to individual families. They elected the elder (leader) who became an unquestioned authority for the entire camp. He was responsible for the camp's economy, ensured safe keeping of the camp's treasury which he could use only as generally agreed by the camp ([Golodnikov, 1884: 54](#)).

A Gypsy family had only elementary essentials. The property list was traditional: a horse, harness, 4-wheeled cart, tent, pillows, blankets, plates, pots, a frying pan, bags with rags ([CGIA SPB. F. 960. Op. 3. D. 72. L. 5-7](#)).

As we can see, Gypsy camps reached Siberia over the eighteenth and in the early nineteenth century, led by their nomadic practices. Some of them stayed there. However, voluntary migration was not the only source that formed a community that would become known as "Sibirskaya Roma" (Siberian Gypsies).

As early as at the beginning of the nineteenth century, several government officials of the Russian Empire came up with proposals to settle Gypsies, who were unfit for military service, in Siberia. This kind of proposal was made by Count von der Pahlen ([RGIA. F. 1347. Op. 4. L. 58. L. 2](#)).

At some stage of the decades-long efforts to stop vagrancy, authorities began to sentence Gypsies for penal settlement in Siberia. The region also received those Gypsies who were convicted of other criminal and administrative offenses. As a result, they arrived in Siberia having a status of a convict laborer¹ or a convict settler². The age of those who were sent for penal settlement varied.

Certain information on the exiled Gypsies can be provided by the authors of the mid-nineteenth century. For example, Russian ethnographer Sergey Maximov travelled across Siberia in the early 1860s. His book "Siberia and hard labor" (Sibir' i katorga) mentioned Gypsies. According to Maximov, the exiled Gypsies were sentenced to live in Siberia mainly for theft (horse-stealing). In a smaller scale than from Novorossiysk provinces, but in a

¹ Convict laborer – a criminal sentenced to hard labor in a penal labor facility for a serious crime. In the Russian Empire, the penal labor location was predominantly Eastern Siberia until the end of the 19th century. Penal labor was used in mines and in the construction of railways.

² Convict settler – a criminal sentenced for exile for a criminal offense and sent to a certain place to serve the term determined by the sentence. The exile sentence could or could not include deprivation of civil rights.

larger scale than in from the Volga region provinces, where horse-stealing was a common practice among the Tatars and Bashkirs, “there were thieves from Bessarabia – the primary haunt of the Gypsy tribe, from where this people, like locusts, set off to neighboring areas for their criminal business of robbery and fraud of every kind in the whole of Russia up to the remote Vyatka” (Maximov, 1900: 231).

Voluntary migrations and exile resulted in three groups of Gypsies in Siberia, who differed from each other in their civil legal status. Different groups were allowed to be engaged in certain types of activity.

The first group consisted of personally free Gypsies who ended up in Siberia as a result of migrations. Legally, these Gypsies were automatically ranked as state peasants in the second half of the eighteenth century.

In the time of the next campaign to eliminate vagrancy among Gypsies in the early nineteenth century, they were categorized as petty tradespeople. Similar steps were implemented in Siberia as well. For example, in 1811, it was publicly announced about the resettlement of Gypsies in provincial towns and cities. While putting the initiative into practice, the police collected information about Gypsies, who to that date were not registered in rural communities and continued to lead a nomadic lifestyle. Authorities in the Omsk district of the Tobol'sk Governorate found 18 Gypsies (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 246. L. 62). Based on the Edict of Emperor Alexander I, they were assigned to the petty tradespeople estate of the Omsk city. However, in most cases, registration in this or that estate did not entail settling down in the specified locality, establishing housekeeping arrangements and abandoning the traditional way of life.

Archival documents demonstrate that the Gypsies did not move to Omsk. Moreover, the formal registration with the petty tradespeople category became a real nuisance to city dwellers. First of all, the problem was in paying taxes. Gypsies as petty tradespeople were charged with appropriate taxes and duties (poll tax, provincial tax (*zemstkaya podat*) and other). By the time of the 7th census audit (1815), the Gypsies were heavily indebted to the treasury: the poll tax arrears amounted to 492 rubles, provincial tax – 2 rubles 66 kopecks and penalties for back taxes – 266 rubles 56 kopecks¹ (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 246. L. 62). Nominating taxes per Gypsy, an annual average sum will be 3 rubles in silver. Omsk petty tradespeople refused to recognize this debt for their community. It took the Minister of Finance, Count Dmitry Guryev, who intervened and initiated the issue of a Senate decree which wrote off the arrears of the Tobol'sk Treasury Chamber from the Omsk petty tradespeople community, and the Gypsies were expelled from the community and put on a wanted list by the Tobol'sk provincial government (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 246. L. 63ob.). The Tobol'sk authorities, who negligently allowed the disappearance of the Gypsy camp, were ordered to track it down. It was necessary to bring the Gypsies to court for vagrancy and punish local officials for connivance or complicity (if the Gypsies were given passports that permitted them to go to another province). This story went nowhere, so we can suggest that the Omsk Gypsy camp was not found.

Meanwhile, a positive experience of registering Gypsies in the petty tradespeople category in the same period can be illustrated by a case in the Tomsk Governorate. In February 1815, a Gypsy camp of 113 people, led by elders Petr Bushuyev and Vasily Chetverikov, was detained in Tomsk (GATO. F. 1. Op. 1. D. 241. L. 12).

Initially, the Gypsies were categorized as peasants and assigned to one of the villages in the Tomsk governorate. At the same time, the Gypsies said to the local authorities that “we [the Gypsies – V.Sh.] are not capable of farming and cultivating land, except for trade, by our nature” (GATO. F. 1. Op. 1. D. 241. L. 12). If they were made to live in the village, this could have had the most tragic consequences. With no sources of income, the Gypsies could “go to the very extreme and will not be able to have any food for themselves and their families” (GATO. F. 1. Op. 1. D. 241. L. 12). For this reason, they appealed in August 1815 to classify them in some urban community.

In this period, the Edict of Emperor Alexander I on compulsory registration of Gypsies in urban communities was already in force for several years. In accordance with the law, the registration was executed by order of the governor. No consent of the petty tradespeople community was required (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24,795). Guided by this Edict, the Tomsk governor ordered to record the Gypsies with the petty tradespeople community of the Kainsk town that at the time had already become a center for a large Jewish community. Siberians of the first half of the nineteenth century called Kainsk the “Jewish Jerusalem”, because the group constituted 4/5 of the urban population (Maximov, 1900: 128). The provincial administration perhaps had an intention to concentrate the “harmful” population in one place.

The documents provide evidence that the Gypsies agreed to this decision and accepted the obligation to pay due state taxes and secular duties. In addition, the Gypsies promised to donate 200 rubles for the construction of new Gostiny House (shopping center) and Gorodnichesky House (an office of the district police-inspector). (GATO. F. 1. Op. 1. D. 241. L. 12). Such actions by the Gypsy community were designed for a very specific goal – to obtain passports for further unimpeded movement throughout Siberia.

Gypsies, who came to Siberia, unlike Jews, were not subject to restrictions on registration as merchants. We have evidence that from the end of the eighteenth century, the inclusion of Gypsies into the merchant guild was a widespread practice. For example, researchers know of Gypsy merchants in Moscow (Laryushkin 2018: 121–127). Archives have managed to preserve documents confirming that Gypsies were

¹ In this case, the amounts are denominated in bank notes (*assignatsiya*). In the first third of the 19th century, 1 ruble in silver cost approx. 3,5 rubles in bank notes.

registered in the merchant societies of such provincial capitals as Ryazan, Tambov, Voronezh, St. Petersburg, Vitebsk and other cities.

Siberia was no exception. Census audits and other documented materials of the first half of the nineteenth century give information on the Gypsies recorded as Siberian merchants. In 1833, Gypsies Ivan Petrovich Bushuev, 68, with his family, Ivan Vasilyevich Starshy Chetverikov, 68, with his family and Mikhail Vasilyevich Chetverikov, 70, with his family, who lived in the Novorozhdestvenno village, were registered in the Tyumen merchant society (*GUTO GAT. F. 154. Op. 8. D. 440. LL. 23-25*). The audit materials lead to a suggestion that earlier they were recorded in the Yalutorovsk merchant guild, a city in the same Tobol'sk Governorate.

Later documents show the formal nature of Gypsies' registration in the merchant estate, which indicates their pragmatism and forward thinking mindset. The authorities required that they be assigned to a rural or urban community. But the only opportunity for them to maintain traditional (nomadic) ways was through belonging to the merchant estate. According to the "Urban Statute" (*Gorodovoye polozheniye*) of 1785 and later regulations, it was necessary to declare your cash capital to be registered in the guild. In the reign of Empress Catherine the Great, it was required to declare the availability of 1,000 rubles to become a member of the 3rd guild (a lower one) (*PSZ RI-I. Vol. 22. No 16187. § 92*). For example, records of the Tobol'sk Treasury Chamber evidence that Gypsy merchants Bushuevs and Chetverikovs "were not engaged in trade and other crafts except for buying and selling things, as well as bartering horses" (*RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. L. 4*). Each family lived on a passport that was issued to the head of the family, and the document allowed them to move freely within the borders of a governorate.

Thus, personally free Gypsies responded to the steps taken by the authorities, which were supposed to modernize and improve Gypsies' life. Some fled in search of new places to reside, while others tried to adapt to new conditions.

Another category of Gypsies in Siberia was constituted by exiles and convicts, whose status was determined by the "Exile Statute" and the "Statute of Punishments". While Jews or Poles were liable to depreciatory exceptions, the penitentiary system of the Russian Empire did not impose any incapacitating measures against Gypsies.

The third category of Gypsies in Siberia was established by those whose term of penal servitude or settlement came to an end. Their further fate was determined by several circumstances. Not everyone was lucky enough and had an opportunity to return to European Russia. The overwhelming majority remained to live in Siberia. In this case, Gypsies should be recorded with any rural community and assigned to the category of state peasants. However, although Siberian old-timers, according to witnesses, were sympathetic to those who went under police escort to a penal servitude facility, only strong pressure from the local administration could make them agree to accept yesterday's criminals into their communities. For example, according to prisoner files of the Tomsk Department for Convict Settlers (*Ekspeditsiya o ssylnykh*), Nemtsov Efim, 19, and Ivanov Marko, 56, were dispatched to be settled in the village of Kireevskoe, Bogorodskaya volost (a peasant community consisting of several villages or hamlets), in different years (*GATO. F. 3. Op. 36. D. 323. L. 1 ob.*). The accompanying documents contain no references to where they had previously lived or why had been sent for a penal settlement (*GATO. F. 3. Op. 36. D. 323. L. 5*).

By 1840, Gypsies had spread and lived almost in every Siberian province. According to incomplete data provided by the provincial treasury chambers in the Ministry of State Property and Ministry of the Interior, there were over 1,220 Gypsies registered in the Tobol'sk, Tomsk and Irkutsk Governorates (*RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 4, 14, 26*).

The social status (*sosloviye*) of Gypsies in Siberia pre-determined the range of the economic activities permitted to them. With materials of audit censuses and reports by treasury chambers of several Siberian governorates, we can identify distinct features in Gypsies' position in Western and Eastern Siberia.

In the second quarter of the nineteenth century, in the Tobol'sk Governorate, local Gypsies inhabited virtually all districts. Most were registered in rural peasant communities. But, sources confirm that the major part of the Gypsies did not carry on any regular farming activities. Settled Gypsies usually earned their living by doing paid work for local Russian peasants, practicing farriery¹ and blacksmithing (*RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. LL. 8-11*). However, the overwhelming majority of Gypsies, assigned to the peasant estate, led a semi-nomadic life, as evidenced by the following words in the documents: "They live in different villages based on written vids (identity cards – V.Sh.)" or "are absent without a passport" (*RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. LL. 9 ob., 10*).

Tradespeople from Gypsies concentrated in the largest provincial cities – Kurgan and Yalutorovsk. Unlike peasants, they owned homes inside the city, but still pursued the same semi-nomadic tradition with "temporarily leaves using passports and seeking employments consistent with their estate" (*RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. L. 9*).

The same lifestyle was led by the Gypsies who were registered in the Tyumen and Yalutorovsk merchant guilds. Local officials noted, for example, that the family of Anna Bushueva, a merchant of the

¹ Farriery – a horse hoof care, combining a blacksmith's skills with veterinary medicine to primarily address a horse's hooves, feet and legs

3rd Yalutorovsk guild, consisting of herself, three families of her sons and an unmarried son (17 people in total), “set off with passports every year to various provinces to be engaged in bartering, buying and selling horses” (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. L. 13). The same was true to the Tyumen merchants, Ivan Bushuev, Ivan Chetverikov and Mikhail Chetverikov, who were not engaged in trade and other crafts, except for buying, selling and bartering horses (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. L. 4).

The Gypsy community of Eastern Siberia was dominated by convict settlers that resided in remote villages. Few of them lived in families. As it was the case in Western Siberia, such Gypsies made their bread by practicing crafts (forging, shoemaking, sieve making), day-work or seasonal work at the farms of peasant old-timers (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 4. L. 6-8). Gypsy families who were engaged in agriculture were a more frequent view (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 4. L. 8-11).

In the second third of the nineteenth century, some parts of Siberia witness the outbreak of gold rush when private gold mining operations were quite widespread. Gold miners were in desperate need of workers in the short mining season. This problem was a real challenge due to the scarce Siberian population. It was difficult to find workers who could leave their settlements for several weeks because passports were a very costly purchase. Against this background, Gypsy convict settlers appeared to be a very attractive labor resource.

Some of the surviving documents suggest that whole Gypsy camps were hired by gold works. The elder and gold producer or his representative signed an agreement that also specified a down payment. Key “providers” were the Tobol'sk and Tomsk Governorates from where Gypsies went off in search of a living (RGIA. F. 1286. Op. 13. 1852. D. 1072. L. 9). The Gypsy presence in the gold mines had extensive geography: Yeniseysk and Irkutsk Governorates and Yakutsk Oblast (an administrative division corresponding to an autonomous province).

The journey of the hired camp to the mine was very often accompanied by petty thefts in old-timer villages, which it passed, and fights with local peasants. This kind of incidents, which were not uncommon, prompted the governor-general of Eastern Siberia, Count Nikolay Muravyov, to introduce in 1852 a temporary ban on hiring Gypsies in gold mines in Eastern Siberia (RGIA. F. 1286. Op. 13. 1852. D. 1072. L. 30b.). In October 1856, the Main Directorate of Eastern Siberia slightly softened its stance: employing Gypsies at the mines was again permitted provided they complied with the mandatory passport regime established by Article 149 of the Statute on Passports and Runaways (RGIA. F. 1286. Op. 13. 1852. D. 1072. L. 18).

5. Conclusion

Summarizing the above, during the eighteenth and first third of the nineteenth century, Siberia received a Gypsy population. One of the first mentions of Gypsies in the region belongs to a Scotsman in the Russian service, J. Bell, and dates back to the early 1720s. However, this fact has not yet been confirmed by other documents of this period.

Initially, the camps that came to Siberia numbered from 20 to 100 or more people. The surviving documents allow us to conclude that they came from the European part of the Russian Empire, where they turned up as a result of migrations from the provinces that were founded in the territories ceded to Russia following the Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 1770s – 1790s. From the start of the nineteenth century, Siberia became a destination for Gypsies sent here for administrative and criminal offenses to serve terms in penal servitude facilities or penal settlements. The migrations resulted in the emergence of a group, who called themselves the “Sibirskaya Roma”, and the process continued later.

The Siberian administration was tolerant towards illegal migrants. Some officials made efforts to incorporate them into the rural and urban communities in the region.

In Siberia, Gypsies enjoyed the same rights as most Russian subjects. Most belonged to the category of state peasants. The attempts, designed by the Siberian authorities to turn them into urban dwellers, were successful in isolated instances. Only an insignificant part of the Gypsies, which possessed substantial capital, was listed among merchants of the third guild and that helped them retain freedom of movement.

As soon as they were accepted to a rural or urban community, Gypsies switched to a semi-nomadic way of life. In Siberia, they maintained their traditional types of economic activity, such as farriery, trade and barter of horses, blacksmithing, shoemaking and sieve making craft. On the other hand, they tapped into areas new to them – arable farming, sheep raising and working in gold mines.

6. Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00092 “Roma communities in Russia: development, ethno-cultural features, interaction with society and governmental institutions”.

The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-59-00010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX-XX centuries”.

References

[Atlas of the Russian Empire](#) – Atlas of the Russian Empire (43 maps). Saint Petersburg, Geographical Department, 1800.

- [Bell, 1763](#) – *Bell J.* (1763). Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Glasgow: Robert and Andrew Foulis.
- [Bessonov et al., 2000](#) – *Bessonov N., Demeter N., Kutenkov V.* (2000). Istoriya tsygan. Noviy vzglyad [History of the Gypsies. A New Look]. Voronezh: IAE. [in Russian]
- [Demeter, Chernykh, 2018](#) – *Demeter N., Chernykh A.* (eds.). (2018). Tsygane [Gypsies]. M.: Nauka. [in Russian]
- [Denisov, 2013](#) – *Denisov D.N.* (2013). Orenburgskiy tsygane v 60-ye gg. 18 – nachale 20 v. [Orenburg Gypsies in the 60s of the 18th– early 20th century]. *Gypsies in Orenburg society. Proceedings of the roundtable devoted to the International Romani Day*. Orenburg: OOO IPK “Universitet” Publications, 44-49. [in Russian]
- [GATO](#) – Oblastnoe gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti" [State archives of the Tomsk region].
- [Golodnikov, 1884](#) – *Golodnikov K.M.* (1884). Tsygane [Gypsies]. Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1884 god [Reference Book of the Tobol'sk province for 1884]. Tobol'sk, Printing house of Tobol'sk provincial government: 52-58. [in Russian]
- [GUTO GAT](#) – Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske" [State institution of the Tyumen region "the State archive in Tobol'sk"].
- [Kationov, 2004](#) – *Kationov O.* (2004). Moskovsko-Sibirskiy trakt i yego zhiteli v 17–19 vv. [The Moscow-Siberian Highway and its inhabitants in the 17-19th centuries]. Novosibirsk, Publishing House of the Novosibirsk Pedagogical University. 567 p. [in Russian]
- [Laryushkin, 2018](#) – *Laryushkin O.V.* (2018). Moskovskiy kuptsy tsyganskogo proiskhozhdeniya v kontse XVIII – nachale XIX v. [Moscow merchants of Gypsy origin in the late 18th – early 19th centuries]. *Rossiyskaya istoriya*. 4: 121-127. DOI: 10.31857/So86956870000137-1 [in Russian]
- [PSZ RI-I](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete code of laws of the Russian empire]. Code I. St. Petersburg, 1830. [in Russian]
- [RGIA](#) – Federal'noe kazennoe uchrezhdenie "Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv" [Russian state historical archive].
- [Sanarov, 1970](#) – *Sanarov V.I.* (1970). The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 49(3-4): 126-136.
- [Sanarov, 1971](#) – *Sanarov V.I.* (1971). Problemy istoriko-etnograficheskogo izucheniya tsygan [Issues in Historical and Ethnographic study of the Roma]. *Sovetskaya etnografiya*. 3: 59-67. [in Russian]
- [Saurer, 1802](#) – *Sauer M.* Voyage fait par ordre de l'Impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russie asiatique, dans la Mer Glaciale, dans la mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique / rédigé par M. Sauer, et traduit de l'anglais avec des notes par J. Castera. Tome 2: depuis 1785 jusqu'en 1794, par le Commodore Billings. Paris : F. Buisson.
- [Shaidurov, 2017](#) – *Shaidurov V.N.* (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye gody*. Vol. 46. Is. 4: 1207 – 1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.
- [Shaidurov, 2020](#) – *Shaidurov V.N.* (2020). On the situation of Gypsies in the Russian Empire (based on gubernatorial reports of the late eighteenth century). *Voprosy istorii*. 1: 181-191. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi20
- [Smirnova-Seslavinskaya, 2013](#) – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Tsygane Zapadnoy Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikakh i issledovaniyakh 18- nachala 21 v. [The Gypsies of Western Siberia and the Urals in Historical and Ethnographic Sources and Studies in the 18th- early 21st Century]. *Gypsies in Orenburg society. Proceedings of the roundtable devoted to the International Romani Day*. Orenburg: OOO IPK “Universitet” Publication, 22-43. [in Russian]
- [Svod zakonov Rossijskoj imperii](#) – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing house of the second branch of his Imperial Majesty's Office, 1857. [in Russian]
- [Vladykin, 1969](#) – *Vladykin V.E.* (1969). Tsygane [Gypsies]. *Voprosy istorii*. 1: 204-210. [in Russian]

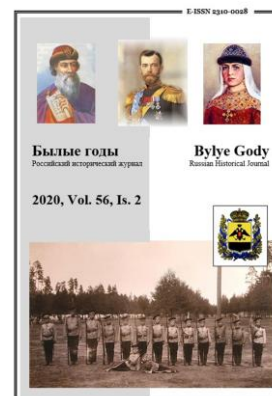
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 474-485. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.474
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Archaeological Researches in the Territory of Kazakhstan in Russia during the Empire (1733–1917)

Igor V. Krupko ^{a,*}, Arnabai A. Nurzhanov ^b, Aibek Zh. Sydykov ^a, Gaukhar A. Kaldybaeva ^b

^aCentre for the rapprochement of cultures under the auspices of UNESCO, Almaty, Republic of Kazakhstan

^bA.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article researches the first period of archaeological science development in Kazakhstan (on the example of specific personalities), which laid the foundation for the formation of historical and archaeological knowledge on this territory in the period from the middle of XIX century to 1917, which subsequently evolved in the Soviet period. In the system of indigenous knowledge of the local population, archaeological sites did not exist in the status of such, despite the fact that they constituted a “sacred landscape” of habitat. The process of revitalization and construction of historical and cultural heritage began with the inclusion of the Kazakhstan’s territory in the legal and sociocultural space of the Russian Empire. It’s allowed to continue its development in the Soviet period at a qualitatively different methodological level, and then in the period after 1991 to consolidate its status of ethno-historical riches, legitimizing autochthonism, antiquity and the mobilizing discourse of nation-building.

Keywords: history of archeology, the expeditions, Kazakh steppe, Russian Empire, cultural heritage, nation-building.

1. Introduction

The institutionalization of archaeology as a scientific discipline is inextricably linked with the processes that are activated in modern society: nation-building and the acquisition by the people of political, and then historical subjectivity. Similar in their epistemologies, the ideology of nation-building, representing the “nation” as a single collective body in history and archaeological science, considering archaeological cultures defined by it as material incarnations of the nation, which are at the same time its origins and cultural heritage, emerges in modern times. In the case of Kazakhstan, an additional dimension is imposed on this situation – the colonial modernization of historical memory, which began with the inclusion of the Kazakh steppe territories in the legal and sociocultural system of the Russian Empire.

According to the classification of S. Sokolovsky, a nation is constructed by three interdependent discursive fields that arise one after another: scientific, legal and political. In the case of Kazakhstan, the scientific discourse was formed because of the imperial project of ethnographic classification, which includes the categorization of the population by religious, ritual, social and other features. One of the key issues was the issue of the genealogy of the population (territorial legitimacy) - its autochthonous nature or migratory origin.

In the modern Kazakhstan’s historiographic discourse in this sense has occurred an ideological inversion. Despite the fact that the heritage of urban culture of the Middle Ages was discovered and studied first of all by scientists of the Russian Empire, and then by Soviet archaeologists, in a public discourse forming the historical memory of Kazakhstan’s society, this process after 1991 is positioned as the long-awaited release from captivity of “Eurocentric” ideas about Kazakhs as eternal nomads. The presence of

* Corresponding author

E-mail addresses: tengri95hismatulin@mail.ru (I.V. Krupko), arnabai@mail.ru (A.A. Nurzhanov), odd_story@mail.ru (G.A. Kaldybaeva)

urban culture is presented in this discourse as a conspiracy-lurking historical fact, returned to the Kazakh people only after independence. In an interview to Murat Auezov, famous Kazakhstan archaeologist, researcher of the famous «Golden Man» Beken Nurmakhanbetov summarized this thesis (which has become the ritual part of his speech behavior in the last years of his life): “We were taught at school and university like this: a primitive communal system. “Statehood is inherent only in settled culture, and we are pure nomads, we do not know settledness.” (Nurmakhanbetov, 2006).

This discursive strategy can be attributed to one of the manifestations of victimization of historical memory. Characteristic in many respects is the release of the program “Bureau of Investigation” with the slogan title “Forward to the past. The ancient cities of Southern Kazakhstan”, posted on the Khabar YouTube channel, as well as one of Shalkar Tokbaev’s comments on it: “These Russians destroyed the ancient cities and built factories on them. So that the ignorant forget history, so that the next generation does not know their history. May Allah punish the destruction of the Kazakh nation” (Khabar, 2017).

2. Materials and methods

The main materials and sources in the study of the archaeological project of the Russian Empire in the Kazakh steppe were the works, travel diaries and notes of G.F. Miller, I.G. Gmelin, G.N. Potanin, V.V. Radlov, V.V. Barthold, C.Ch. Valikhanov, N.N. Pantusov, J. Castagne and other prominent scientists, whose activities formed the foundation and base for archaeological research of the Kazakh steppe. The legacy of scientists in the context of this article is updated by modern historiographic discourse. There are methods of this historiographic study as descriptive, chronological, and comparative and method of analogy, retrospective analysis, as well as the theory of modernization. A descriptive method was used to characterize the historical reality of that period.

3. Discussion

An important contribution to the study of the role, significance and intellectual biographies of the Orientalist scholars of the Russian Empire in Central Asia was the Turkological Collection of 1971, in which were published the reports of the Turkic Conference held on June 11-14, 1968, dedicated to the memory of the largest Russian turkologist academician V.V. Radlov (1837–1918). For example, S.I. Weinstein and S.G. Klyashtorny note the influence of the school of historian Karl Ritter on Radlov, who was interested in the ethnogenesis of the peoples of Central Asia and Siberia. In contrast to the tradition of victorious 19th-century romanticism that dominated Germany, the historical school of law, which primordially declared the essentialism of history depending on the “spiritual disposition of the people” (which is explained by the transition of historical subjectivity in the New Age from the ruling dynasties, which personified the state for centuries, to the people who became the main actor history), Ritter's historical school gravitated towards geographical determinism – in fact, a variety of constructivist trends in theories of ethnicity and ethnogenesis.

Alfrid Bustanov in his article “Eastern Archeology in Soviet Kazakhstan” analyzes political pragmatics and its implementation in archaeological research of the Kazakh steppe before and after 1917, rightly remarking that “nationally oriented historians tend to use the lack of archaeological sources to create mythical descriptions of the origin of modern identities, tracing their past up to the imaginary Golden Age and constructing an uninterrupted path of cultural development ...” (Bustanov, 2017: 79).

A similar situation is characterized by the use of the forms and styles of Soviet historiography in the fight against the Soviet/colonial heritage. Formed in the process of colonial interaction, power-knowledge for a long time determines the matrices of thinking, aesthetic ideals, cultural codes and forms of national culture, striving to prove its identity. The national narrative of cultures that survived colonial experience is formed solely in countering the imperial narrative. Caught in a situation where public discourse is divorced from the public, the emerging national culture takes its forms from the colonial arsenal of hegemonic culture, trying to refute and at the same time referring to it as a source of legitimacy (you can often find Karl Marx’s quotes taken out of context about language, myths about the adoption of L. Tolstoy Islam, etc.).

Postcoloniality not only indicates the staged nature of the transition, it is the period of the formation and rethinking of the metanarratives of Marxism, liberalism, etc. According to N. Maldonado-Torres, “colonialism will survive colonialism. It remains alive in books, in academic criteria, in cultural patterns, in common sense and in people's self-perception, in their hopes and aspirations, and in many other aspects of modern life”. Observing some Kazakh scholars, it begins to seem that their polemical pathos is directed to the past – to the struggle against Marxist/Soviet historiographical constructs. Many theses that they refute now, many years after the dissolution of the USSR, the discrediting of the ideological language of description and related concepts, are long outdated and not used in modern historical science. Moreover, this is all the more significant since the national narrative in the postcolonial regime defines itself exclusively in antagonism with imperialism.

4. Results

The first stage in the antique study of Kazakh history was the decrees of Peter I, which secured the status of “artifacts” for the ancient rarities and stimulated their collection and description, as well as

activities initiated on his initiative to explore Siberia and the steppe territories bordering with Russia. Subsequently, the "Drawing Book of Siberia" was published, prepared by the son of the Tobolsk boyar S. Remezov in 1701 ([Chertezhnaja kniga Sibiri, 1882](#)). Along with information of geography, it contains information about some samples of archaeological sites on the Kazakh steppe territory. In the first half of the 18th century, expeditions of I.D. Bukhgołts, S. Likharev, I. Unkovsky and other researchers who studied the Irtysh river valley to Lake Zaysan, the Tarbagatai spurs, mountains and Alatau functioned. Another area of such research was the long-term prospect of developing these lands. For example, as a result of A. Bekovich-Cherkassky expedition, the territories of the Aral and Caspian Sea appeared on the map, and a certain amount of ethnographic information about the Kazakhs was also collected. In addition, although the expedition of Bekovich-Cherkassky was destroyed because of the treacherous attack of Khiva Khan, it did not affect the desire of the empire and Russian scientists to advance to Central Asia.

A major research expedition to Siberia was carried out in 1733 and was led by G.F. Miller. Based on its results, primary archaeological information was collected about some regions of Siberia and Kazakhstan ([Miller, 1937](#)). The expedition included outstanding scientists: Professor G.F. Miller, I. Gmelin, L. Delacroer, surveyors A. Krasilnikov, A. Ivanov, N. Chekin, M. Ushakov, and the famous historian I. Fisher. The expedition passed through Tver, Kazan, Yekaterinburg cities. After Tobolsk, researchers went through Tara, Zhelezinskaya, Yamyshevskaya, and then the Semipalatinsk fortress to Ust-Kamenogorsk, and from there through Barnaul and Kuznetsk to Siberia. Later in 1740 I. Gmelin explored the territory of Northern Kazakhstan, collecting significant material on the archeology of Kazakhstan, gave a description and sketches of a number of monuments, reaching the upper reaches of the Yaik River (now the Ural) ([Gmelin, 2012](#)).

G.F. Miller carried out archaeological exploration along the Irtysh River and organized excavations near the Yamyshevskaya fortress and Ust-Kamenogorsk on the Ulba River, his colleagues measured and first painted ancient monuments in the Irtysh Valley: Kalbasunsky Tower, Seven Chambers, Ablaykitsky Castle.

Reading the diaries of those expeditions, the modern reader feels the romance of the "pioneers" driven by the desire to "blow away the ancient dust particles of distant lands" from the territories that became inhabited by nomadic tribes who do not remember the cultural relationship with this antiquity. Because of the threat of attacks by nomads, named in accordance with the then ethnocultural categorization – Kazakhs in the Omsk fortress, 20 Cossacks and 4 gunners with 4 guns joined the soldiers accompanying the detachment.

Studies of the Kazakh steppe continued with the next academic expedition of 1768-1774, aimed at studying the history, geography and ethnography of the peoples of the Urals, Volga, Kazakhstan and Siberia. Members of the expedition were prominent scientists of the time P.S. Pallas, I.P. Falk, I.G. Georgi, P.I. Rychkov, X. Bardanes.

The route of Peter Simon Pallas squad (1741–1811) went from Petersburg, through Moscow, Vladimir, the Volga region, Orenburg, the lower reaches of the Ural River, the southern part of the Ural Range, Yekaterinburg, the south of Western Siberia, along the Altai and Sayan mountains, through Irkutsk, Baikal and in Transbaikalia. On the way back, Pallas visited the lower Volga ([Pallas, 1809](#)).

P.S. Pallas left a detailed description and even an archaeological analysis of the same monuments about which I. Gmelin and G. Miller wrote. I.P. Falk traveled to Northern and Central Kazakhstan. Significant material on historical topography, archeology and the history of architecture of Kazakhstan is stored in his archive.

An active participant in the expedition I.P. Falk was X. Bardanes. This is the first scientist to cross Central Kazakhstan from Petropavlovsk to Ayaguz. He stated that in the Kazakh steppe there are many recently destroyed cities. "At the Ayaguz River," he wrote, "the remains of a large stone building are visible, which the Kyrgyz call Ksu-Korpesh (Kozy-Korpesh)."

P.I. Rychkov made a significant contribution to the study of geography, historical topography and archeology of Kazakhstan. Archeology issues were reflected in a number of his works, and first of all in the "Orenburg Topography" ([Topografija Orenburgskaja, 2010](#)). He was one of the first who gave a description of the "ruins of ancient cities and buildings", known as "Tatagai, Zhuban-Ana, Belyan-Ana", and a scientific assessment of the Bayanaul caves. P.I. Rychkov was interested in ancient mining, mining and smelting of copper, lead and tin ores.

A very interesting archaeological material is contained in the diary of Captain N.P. Rychkov, who traveled in 1771 along the Turgai and Ishim steppes. N.P. Rychkov describes the monuments of the Ulutau and Atbasar regions, mentions the huge ramparts on the Ishim River.

The sight of mounds in the Kara-Turgai valley of the river struck him. He wrote that "... A huge cemetery of ancient peoples was showered simply with ground and raised to a height of more than 15, the surrounding thereof 135 fathoms." N.P. Rychkov wondered how these embankments were built, and admired: "What a great number of people should be the creators of this community." He correctly dated these mounds, believing that they were erected "in honor of some Scythian king or hero." In the upper of Turgay River and in the region of the Arganaty Mountains N.P. Rychkov discovered other types of monuments, including the ancient settlement and the ruins of ancient buildings. According to his description, the ancient settlement is a fortification surrounded by ramparts and a moat. It was built "like a quadrangular castle ... From the east side are still visible earthen gates", opening the passage inside the

fortification. The swollen ramparts and ditches, deprived of their former depth, testify to the antiquity of this place. Tiles and stones lay everywhere on the surface of the settlement. "As you know, the Orenburg expedition went with the embassy of the khan of the Younger Zhuz Abulkhair (1710–1748) from St. Petersburg in the direction to the southeast "to the lands and peoples of Asia." At the end of November, expedition staff reached Ufa, where they thoroughly prepared for the upcoming trip to the South Urals for five months. After completing a long hike to the summer of 1735, they arrived at the construction site of the Orenburg city. According to P.I. Rychkov, August 12, 1735 "at the Yaike-river and the Orsk mouth" the city of Orenburg was founded (Erofeeva, 2007: 7). Thus, P.I. Rychkov, who served in the Orenburg expedition from its foundation, from the first years carefully, studies literary and archival materials about the Volga region, the Southern Urals, Siberia, the Kazakh steppe and Central Asia. The service actually did not impede his scientific knowledge, since him, as the manager of the expedition's office, prepared various certificates for the authorities of the peoples of the Orenburg Territory and conducted extensive correspondence that required special knowledge.

In the following years, he wrote the historical and ethnographic work "Brief News on the Tatars," which, after a review by V.N. Tatishchev, he finally completed in 1750 (Masanov, 2006: 102). In this work, the author paid attention to the Kazakhs, the information about which was placed in several sections and cited a number of modern reliable facts about Turkestan and other cities in Central SyrDarya, which were under the rule of Kazakh khans at that time (Erofeeva, 2007: 8).

Since the end of the XVIII century, travelers more often began to visit Central Kazakhstan. There are well-known routes of Captain I.G. Andreyev, officials M. Pospelov and T.S. Burnashev (1800), F. Nazarov (1813), N.I. Potanin (1829) and others. In their notes, they to one degree or another addressed issues of archeology of Kazakhstan. In the writings of Captain I.G. Andreev, in addition to information on ethnography, geography, and history of Kazakhstan, contains significant material on archeology and historical topography of the Semipalatinsk, Chingiz and Karkaraly districts, including Zhetysu.

Some data on the archeology of the Turgai steppe and northern Aral Sea region are contained in the observations of Haverdovsky recorded by him during his trip to the Bukhara Khanate (1803–1804).

F. Nazarov, translator of the Separate Siberian Corps, who accompanied the Kokand envoys, also reports on the archaeological complexes of Central Kazakhstan. He described the monuments of the Karatau Mountains, described the Shymkent city.

Of great interest are also the observations of N.I. Potanin, who traveled from Semipalatinsk to Suzak through the Karkaraly steppes and East Betpakdala. In the area of the Kokchetav, Temirchin and Kzyl-Araisk mountains, he examined stone statues, Chud graves, or monuments of the Bronze Age, including cyclopean stone fences of the Begaza type.

It is no coincidence that G.N. Potanin is called a researcher of Central Asia and put on one range with N.M. Przhevalsky and M.V. Pevtsov. V.A. Obruchev noted that "it is difficult to even decide which of them made more than the other, who should take the first place, whom the second, and the third as researchers of Inner Asia ..." (Akademik V.A. Obruchev, 1947: 267). At the same time, contemporaries G.N. Potanin was recognized that of all three, only he managed to collect the largest number of unique ethnographic and folklore materials during his travels. Among them, a significant part was made up of materials collected in Kazakhstan, beginning with a trip to East Kazakhstan in 1863-1864 and ending with a trip to Saryarka in 1913.

In the first half of the XIX century, in connection with the formation of new administrative districts, interest in the antiquities of the outskirts of Russia, in particular, Central Kazakhstan increased. These issues were dealt mainly with officers and officials, such as S.B. Bronevsky, L.N. Gern, V. Starkov, M. Krasovsky, and others. The archaeological study of Kazakhstan and Altai was closely associated with geological studies of these areas. In the works of mining engineers and geologists B.F. German, I.P. Shangin, G. Rose, V. Ledebour, A. Humboldt, you can find great material on the archeology of Central Kazakhstan. Geologists were interested in ancient mines, dumps of copper and lead workings, quarries, caves, cave paintings, ancient irrigation systems.

Of interest are the descriptions by the mining engineer I.P. Shangin monuments of Central Kazakhstan, where he saw a large number of archaeological sites of different times.

A large number of monuments of the Bronze Age I.P. Shangin discovered in the current Kokchetav region, in the Baikoshkar mountains. In the mountains of Imantau, he found "vast miraculous mines produced in a clay-shale low mountain ... Huge dumps containing many different types of copper and silver ores indicate that this mine was a rich source of industry working to develop it."

I.P. Shangin describes the fortifications and settlements located in the river basin Ishim. On the river Akkayrak, flowing into Ishim, he saw the remains of six ancient fortifications (Shangin, 2003).

On the river Nura, he noted, "a number of ancient architectural structures, in particular Botakai [Botagai] – the ruins of an ancient city.

One of the collectors of eastern antiquities was G.I. Spassky.

He published many interesting articles on the archeology of Siberia and Kazakhstan, in which he expressed an opinion on the culture of the steppe tribes, types of monuments, and gave their classification.

The result of G.I. Spassky's many years work is his work "On the Sights of Siberian Antiquities," in which he outlined his point of view on the origin of the culture of the steppe tribes and gave a definition of

the types of monuments: stone statues and inscriptions on stones. One of the chapters of his famous work devoted to the analysis of ancient inscriptions found on the territory of Kazakhstan and Siberia. It raised the question of the protection of archaeological sites, inscriptions, cave paintings, stone statues and other antiquities.

G.I. Spassky discovered many Orkhon and Uighur inscriptions, nine of them in a cave on the Irtysh River, 12 km from the Bukhtarma Fortress and near the Zyryanovsky mine. Correspondents reported some runic inscriptions to him. He sent part of the inscriptions for decryption to the orientalist Abel Remuse. Their attitude to the history and cultural heritage of the Kazakh people is indicative. Therefore, the famous figure V.V. Stasov noted that Kazakh archaeological sites are no less interesting than the classical antiquities of Rome. "Why should the old city near Jankent (the ruins on the SyrDarya near Kazalinsk) not be our Pompeii," he wrote in one of his works.

In the works of another orientalist-archaeologist P.S. Savelyev you can find a number of interesting points. According to him, "Mangyshlak was once an important point between Khorezm and Itil. On Mangyshlak, ruins of stone fortifications, buildings and grave monuments have remained." P.S. Savelyev was engaged in deciphering inscriptions and tribal tamgas belonging to the XII–XIII centuries.

Valuable material on the historical monuments of Central Kazakhstan was collected by the expedition of Academician A.I. Schrenk, who conducted geographical, botanical and topographical studies in 1840–1843.

Notes of S.B. Bronevsky kept a lot of information on the archeology of Kazakhstan. He paid special attention to the historical monuments of the Karkaraly and Ayaguz districts.

S.B. Bronevsky examined the famous Kzylkensky castle and gave its detailed description. It was a two-story building with a cross-shaped plan, composed of wild stone in a mortar. Its walls were plastered, on the top floor there was a bypass gallery and a pediment, supported by four wooden columns. S.B. Bronevsky found traces of red paint that painted the wooden part of the building, including the columns.

By the middle of the 19th century, considerable material was collected, mainly on Central, Northern, and Eastern Kazakhstan.

For this time, we can state the fact of primary accumulation of information, often random, obtained not because of targeted research, but mostly along the way. Some researchers unearthed the mounds, but the excavation technique that was not available then reduced the main task of the excavation to searching for things. However, there is evidence of the registration of monuments, their mapping, and fixation. Much of what was done then has not lost its significance today. This stage in the development of archeology of Kazakhstan can be characterized as the initial one.

Ch.Ch. Valikhanov made a great contribution to the study of archaeological antiquities of Kazakhstan. He described the medieval settlement of Chingilda, the settlement on the Chilik River, mentioned the Talgar settlement. Ch.Ch. Valikhanov was keen on researching the archaeological sites of Zhetysu and was about to write a special work on this subject. His point of view on the historical monuments of Kazakhstan is presented in the works "Geographical sketch of Zailiysky Territory", "Diary of a trip to Issyk-Kul" and "Essays on Dzungaria" (Valikhanov, 1961). He sought to identify the most important types of monuments in his works. In his opinion, there are such complexes of monuments as old mines in Central Kazakhstan, now abandoned (near Dzhezdy-Kengir); abandoned arable land (in the tract Tyundygyur); fences made up of vertically dug plates; stone statues; large mounds; Architectural buildings of the early Middle Ages.

Of the monuments of the Seven Rivers, Ch.Ch. Valikhanov attached the remnants of ancient urban settlements, noted their historical and cultural significance, and recorded finds of pottery water pipes, coins.

Since 1862, V.V. Radlov, whose name is associated with the first excavations carried out on a scientific basis, has carried out archaeological work in Kazakhstan. V.V. Radlov proposed the classification and periodization of the antiquities of North-East Kazakhstan and Siberia. He divided the history of the culture of these regions into periods: the copper and bronze ages, the oldest Iron Age, the newest Iron Age and the early middle Ages. V.V. Radlov owns the discoveries and excavations of permafrost mounds in Altai, including the mounds of the Berel burial ground, the publication of vivid materials preserved in the permafrost. His work stimulated the excavation of the "frozen mounds" of Altai. The works of this scientist were a big step forward in the development of archeology of Kazakhstan.

In 1866, geographer A.K. Gaines researched the ruins of Sauran, Yasa/Turkestan, Karnak, Sayram/Ispidzhab.

In 1867, on the instructions of the Russian Archaeological Society, the settlement of Turkestan was surveyed by P.I.Lerch. He examined the ruins of the Syr Darya cities of Sauran, Sygnak, visited several settlements of the Talas Valley, and excavated the settlement of Dzhanakent. Lerch's report contains information from written sources of the XIV–XVI centuries about the Syr Darya cities, as well as a description of the graves and tombstones inside the Kazanlak of the khanaki Khoja Ahmed Yasawi. In addition to registration and a thorough description of medieval fortifications, P.I.Lerch made a selection of written news about them, gave an analysis and commentary on these extracts. Comparing the information of written sources with his archaeological finds, he identified some ruins with specific historical cities (Lerch, 1868: 22–31).

N.I. Veselovsky made a great contribution to the study of archeology and the medieval culture of Central Asia. He left a very significant and diverse scientific and literary heritage, and most of it remained unpublished. According to the famous researcher of the history of Russian Oriental studies and archeology of

Central Asia B.V. Lunina: "Works by N.I. Veselovsky constitutes an essential page in the history of the study of antiquities of Central Asia" (Lunin, 1958: 29). The monograph by B.V. Lunin "Central Asia in the scientific heritage of Russian oriental studies" is almost entirely devoted to the scientific activity of N.I. Veselovsky. In this triad, N.I. Veselovsky acts as a pupil of the first and teacher of the second. V.V. Bartold devoted N.I. Veselovsky a large and informative obituary essay, where he paid tribute to his teacher (Bartold, 1977: 642-664). N.I. Veselovsky became the editor and initiator of the first edition of the Composition of Ch.Ch. Valikhanov, published in St. Petersburg in 1904.

N.I. Veselovsky began his field archaeological activity precisely in the Turkestan region, where he was sent from November 15, 1884 to November 15, 1885 (Lazerevskaya, 2002: 494). However, the results of his studies of the ancient and lower reaches of the Syr Darya remained unpublished and therefore unknown to archaeologists. The archive has preserved the manuscript of N.I. Veselovsky "Description of the ruins of ancient cities on the road from Kazaly to Tashkent" of 52 pages. So, if earlier the first description of the ruins of Otrar was associated with the name of I.T. Poslavsky, who published an article on Otrar in 1898, and the first excavations with the names of A.A. Cherkasov and A.K. Clare, it is now known that the first field archaeological research on Otrar was conducted by N.I. Veselovsky in the autumn of 1884 (Kozha, Elgin, 2004: 237-241). The text of the manuscript shows that N.I. Veselovsky conducted the first archaeological research in the territory of the ancient settlement of Sauran.

The manuscript begins with a description of the ruins of the ancient settlement of Jankent near Kazaly and ends with a description of the monuments of ancient Sairam. The work describes the antiquities of Jankent, Sygnak, Sauran, Mirtobe, Turkestan, Otrar, Sairam. The researcher not only described and made fixations of the monuments encountered: he made copies of inscriptions, drawings and plans of ancient settlements, individual details of architectural monuments, but also conducted archaeological excavations of individual sections of ancient settlements. Judging by the text, N.I. Veselovsky conducted a survey of the local population about the monuments up to clarifying his understanding of the object, at least in the form of folk traditions or poetic legends. The scientific value of information about the monuments in the manuscript of N.I. Veselovsky undoubtedly. Their condition was recorded in the manuscript for the fall of 1884. Therefore, we considered it necessary to publish some extracts from the manuscript of N.I. Veselovsky "Description of the ruins of ancient cities on the road from Kazaly to Tashkent", relating to Jankent, the grave of Korkut-ata, Sygnak, грѣSauran, Myrtobe and Sairam.

The Turkestan society of archeology lovers is a scientific and local history public institution that studied the historical monuments of Central Asia. The society was created in 1895 in Tashkent. Researchers of the history of archeology of Central Asia and Kazakhstan consider the Turkestan society of archeology lovers the only historical and scientific institution in this region that contributed to the widespread development of research on archaeological sites of Central Asia (Lerch, 1858: 55). The very existence of the Turkestan society of lovers of archeology, the first oriental scientific center in Central Asia, which studied, in addition to archeology, history, ethnography, geography, the languages of the peoples of Turkestan and neighboring countries, constituted a whole era of Central Asian historiography (Germanov, 1996: 189-195).

V.V. Bartold and the director of the Tashkent men's gymnasium Nikolai Petrovich Ostroumov created the society. Anyone interested in the history of the Turkestan Territory could join the society. By the beginning of 1896 there were already 47 members in the society; by the end of the year, their number exceeded 100 people. Active members of the society were Nikolai Nikolaevich Pantusov, Vasily Andreyevich Kallaur, Abubekr Ahmedzhanovich Divaev, Ivan Vasilyevich Anichkov, Ivan Ivanovich Geyer, Vasily Fedorovich Oshanin, Vladimir Andreyevich Mustafin, Sultan Asfendiyarov, Mulla-Alim Abulkassymov and many others.

The subjects of discussion at the meetings of the society were issues related to specific archaeological sites: the ruins of settlements and cities, burial grounds, cave paintings, inscriptions, mazars, epigraphic and numismatic materials, stone women, issues of ancient irrigation. Members of the society excavated the monuments. The results of the society's activities were published in a special edition in the Protocols of the Turkestan society of archeology enthusiasts (PTKLA), "Minutes of meetings and communications".

The event that played a pivotal role in the development of archeology was a trip of V.V. Bartold to this region in 1893-1894. He examined the monuments of the Chu and Talas valleys, the Issyk-Kul basin and the Ili river valley. His "Report on a trip to Central Asia for a scientific purpose" remains a model of historical and archaeological research (Bartold, 1897). Based on numerous written sources, the researcher gave the localization of cities, identifying them with specific monuments examined by him. He noted the ancient origins of urban culture in the area of the city of Verny. Subsequent work V.V. Bartold opened the veil over the past of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. His fundamental research became the basis of many subsequent studies in the field of studying the historical topography of cities, their localization, their role in the historical events of antiquity and the middle Ages, the history of the emergence and development of the cities themselves in the light of Turkic-Sogdian interactions.

An active TCAL activist Vasily Andreyevich Kallaur made a great contribution to the study of historical and archaeological sites of South Kazakhstan. From the first days of his service in the city of Aulie-Ata, V. Kallaur became interested in the historical past of the region. He published 19 articles and 7 reports on the monuments of Southern Kazakhstan in the minutes of the society. Gathering information from the

old-timers of the city, he determined the time of the construction of the fortress – 1826–1827, around which the city of Aulie-Ata subsequently arose. The researcher took care of the architectural monuments – the mausoleums of Karakhan, Aishabibi and Babadzhihatun, ordering the sheikhs at the mazars and village elders to protect the monuments from intentional damage. He compiled a description of medieval mausoleums, indicating the need to study the building art of ancient times. He cited folk legends and legends, collected "The Genealogy of Karakhan". His scientific research covered various aspects and directions of historical and regional studies. The attempt by V.A. Kallaur to establish the locations of medieval cities on ancient caravan routes within the Aulie-Ata district is recognized as extremely interesting. V.A. Kallaur compiled a plan of Aulie-Ata city and a plan of the road from ancient Taraz to East Turkestan. (Bartold, 1897).

He published this information in the article "Ancient Territories of Aulie-Ata County on the Ancient Caravan Way West from Aulie-Ata to the Border of Chimkent County".

A map was attached to the article, along with this time names of localities and settlements, their alleged ancient names were given. For this work, he used the ancient Arab road workers published by N.F. Petrovsky.

N.F. Petrovsky became one of the first researchers of ancient civilizations on the routes of the Silk Road, the antiquities of Xinjiang. In 1891, at the suggestion of S.F. Oldenburg, the Eastern branch of the Imperial Russian Archaeological Society asked N.F. Petrovsky about the presence of Buddhist monuments in Kashgar and raised the question of a scientific expedition to Central Asia, the idea of which the consul "warmly supported". In 1892–1893, N.F. Petrovsky sent Oldenburg more than 100 sheets and fragments of manuscripts purchased from local residents in Kucha, Kurla and Aksu. The result of N.F. Petrovsky long-term activity was a rich collection of antiquities and oriental manuscripts, which are today stored in the funds of the State Hermitage and the Institute for Foreign Languages of the Russian Academy of Sciences. N.F. Petrovsky was an honorary member of the Imperial Archaeological Society and the Turkestan society of archeology lovers. He rendered great assistance to the British archaeologist Aurel Stein in the export of the richest archaeological collection from Kashgar through Russia, which is today the pride of the British Museum.

N.F. Petrovsky owns a significant number of scientific works on the history, geography and archeology of Central Asia and Kashgar. He collected the richest library, which after his death, at the initiative of the Turkestan Governor-General, Lieutenant General Samsonov, was bought from the heirs and left in the Turkestan Territory. N.F. Petrovsky compiled two maps of East Turkestan, which are stored in the manuscript department of the IOM RAS (Buchert, 2003).

In the years 1900–1901, V.A. Kallaur collected and mapped the ruins of ancient cities, fortresses and barrows located in the Sauran and Riverside Volosts of Perovsky Uyezd, and for the first time, according to V.V. Bartold, he correctly determined the location of the cities of Ashnas and Sygnak.

Much attention was paid to V.A. Kallaur architectural monuments. Together with I.V. Anichkov he described a column from the village of Besagash. He characterized the mazars of Auliye-Ata Karakhan, Ak-Kesen and Kok-Kesen, Syrly-tam, Manas. V.A. Kallaur drew the attention of researchers to the mazar Aisha-bibi, supplemented the information about the monument with a record of a folk legend.

In November 1896, he made one of the most important discoveries for science: he discovered in the upper river. Talas stones with Orkhon inscriptions.

Along with inspection of the remains of ancient cities and settlements, V.A. Kallaur recorded the remains of ancient irrigation structures, in particular the Kalmak canal in the lower river. Talas, an irrigation system near the ruins of "Kutli-Kent, Miram, Akkurgan" on the left bank of the river SyrDarya, dams on the river Koktal.

On the territory of Kazakhstan, members of the society A. Klare and A. Cherkasov conducted excavations in the Otrar settlement. They laid trenches brought to a depth of 2 meters, collected collections of ceramics, and coins of the XVI–XVIII centuries. The main conclusions of their report are based on written sources and archaeological materials.

Nikolai Nikolaevich Pantusov received an oriental education in St. Petersburg, graduating from the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg University. For his essay on the geographical literature of the Arabs "With a designation of how far the information of Arab geographers extended into the depths of Central Asia and what dignity this information was", he was awarded a gold medal.

N.N. Pantusov was one of the "high hopes from the student bench." However, despite the proposal to stay at the university to prepare for a professorship, he accepted an invitation to serve in the Turkestan region.

In September 1872, N. N. Pantusov was appointed to the disposal of the Turkestan Governor-General and was appointed an official on special assignments under the military governor-general of the Semirechensky region. He held this position until 1908.

N.N. Pantusov combined with the study of history and archeology, numismatics, ethnography, linguistics. N.N. Pantusov was an authorized representative of the Imperial Archaeological Commission and an active member of the Turkestan society of archeology lovers.

In archeology, the name of N.N. Pantusov is especially widely known in connection with the discovery and study in the Semirechye of Christian Nestorian cemeteries with stone tombstones and inscriptions on them.

Being an official at the military governor of the Semirechensky region, N.N. Pantusov made numerous trips.

So, during a trip to Altyn-Emel volost, the researcher noted “a significant abundance of ancient monuments” preserved in the form of “mounds, inscriptions and drawings on stones”, recorded legendary information about the moat stretching from the Altyn-Emel mountains to the Asan mountains, explained the origin the names of mountains and volosts are Altyn-Emel (“The Golden Saddle”)” (Pantusov, 1902).

He carefully examined the Terekty Gorge and the banks of the Koxsu River, identified, described and made photographs of many rock paintings: argali, horses, hunters with dogs. N.N. Pantusov during one of the trips examined the ruins of Tash-Rabat, in his opinion, “conceived by the builder in large sizes, but unfinished mosque”, and made a detailed description and topographic plan.

On behalf of the Archaeological Commission N.N. Pantusov in 1889 excavates three mounds: two of them on the right bank of the river Vesnovki, and one between the Karasu and Big Almaty rivers. In 1890, in order to verify the information received from the military engineer P.S. Nechogin, he digs out several mounds in the tract Kzylagash (northwest of the city of Kapala) and examines the cave paintings on the peaks of the Baikulak Mountains and in the Karypche gorge.

A special merit of N.N. Pantusov is his efforts related to the protection of monuments of archeology.

Member of Turkestan society N.P. Ostroumov examined the place where the coin treasure was found near the village. Mamaevka, a tombstone in the village. Balykchi, excavations of burial mounds were carried out in a burial ground near the Juvan-tobe settlement, the sites of Tayak-Saldy and Alvankend.

A.A. Divaev, mainly engaged in the study of folklore, paid attention to the monuments of archeology. He published articles on the mazars of Kok-Kesen and Khorkut-ata.

Other members of the society also reported interesting information about archaeological sites: I.T. Poslavsky about Stone Age tools in the Karatau Mountains and stone women in the upper river. Ushkarasu, N.V. Rudnev on the remains of cities and settlements on the left bank of the river. Syrdarya, V.P. Lavrentiev about the monuments near Aulie-Ata; V.P. Punk about caves and mounds in the Talas Valley.

Research of ancient monuments of the Northeast, East and partly Central Kazakhstan was carried out by the West Siberian Department of the Russian Geographical Society, amateur historians of Semipalatinsk, as well as employees of the Semipalatinsk Museum organized in 1883.

With the active participation of E.P. Michaelis at the museum opened an archaeological department, originally created based on his personal collections donated to the museum. Among those who constantly replenished the museum’s collections, F.I. Albrecht, V.G. Gerasimov, V.K. Galimont, M.S. Suhoterin.

The West Siberian department organized special trips to collect information about antiquities, to conduct excavations. Great enthusiasts in this matter were N. Konshin, V. Nikitin, A.V. Adrianov, B. Kamensky, A. Beloslyudov, F. Pedashchenko, V. Slovtsov.

So, for example, N. Konshin compiled a list of archaeological sites of the Semipalatinsk region in the region between the cities of Pavlodar and Karkaraly.

V. Nikitin reported on burial mounds, cave paintings, stone broads and other antiquities of the Karkaraly district. He also wrote one of the first essays on the history of the Semipalatinsk region, in which archaeological materials were also used.

About thirty years A.V. Andrianov was a tireless researcher of Eastern and then Western Siberia. In parallel with the registration and a detailed description of the monuments, he excavated. All the monuments he met were described and systematized in certain groups: mounds, ring-shaped calculations, figured calculations, scribbles, stone women, ancient workings.

In 1903, F.N. Pedashchenko collected an interesting collection of things near the Semipalatinsk city, including 72 items made of stone, 54 made of bronze, 8 made of iron, a large number of fragments of pottery.

In 1904, on behalf of the Semipalatinsk branch of the Geographical Society, N. Konshin and A.L. Zuev made several trips near the Semipalatinsk city in 1909–1910; Mr. I. Bokii examined the antiquities of the Chilictin valley.

In 1910, V.N. Kamensky, together with A. Beloslyudov and V. Piletich, carried out an expedition to excavate mounds in the Semipalatinsk region at the expense of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia, students of the Mining Institute G. Boki and N. Bobkov took part in it. Excavations of the monuments were carried out at different points: V. Kamensky explored the mounds in the tract Maly Koytas, on the rivers Kzylsu and Karaozek, near the village. Karadzhal; N. Bobkov - in the tracts Eigenbulak, Ashutasbulak and Bazarka; and V. Piletich – near the lake Markakol and on the river Kurchum.

In 1911, V.A. Obruchev together with N.N. Pavlov examined the places of ancient workings for gold in the Kalba ridge.

At the beginning of the XX century, the Orenburg Archival Commission is actively involved in the study of archaeological sites. Its members carry out a lot of work on the accounting and protection of monuments. For this purpose, specially prepared questionnaires for the collection of information are sent.

This substantially expanded the list of registered monuments. There was a museum under the Commission, based on which the Central Museum of Kazakhstan was subsequently created.

Of particular note among the members of the Archival Commission is I.A. Castagne. In 1904, he excavated 6 mounds in the river basin. Zhaksy-Kargaly (45 km from the city of Aktyubinsk), in 1909 – one mound, and in 1911 – two in the Aktyubinsk district and gave a detailed description of the excavation process and the material found in the mounds. I.A. Castagne examined and studied a large number of burial grounds, architectural structures, and the remains of settlements.

At the same time, I.A. Castagne conducted and compiled a detailed list and classification of all archaeological sites of Kazakhstan known until 1910. In his work “Antiquities of the Kyrgyz Steppe and the Orenburg Territory” (Castagne, 1910), the study of the antiquities of Kazakhstan, which has not lost its significance in our time, is summarized.

Of the other researchers in Northwestern and Western Kazakhstan, A.L. Anikhovsky, who conducted excavations in the Turgai and Aktobe districts; I.V. Anichkova, who systematically reported random finds.

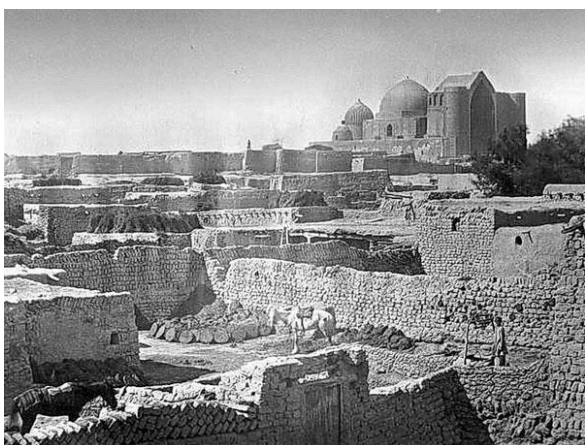
The work of the societies took place in close contact with the activities of the Central Archaeological Institution of Russia – the Archaeological Commission, which issued open sheets for the right to carry out archaeological excavations, and then published the results of work in their reports. On behalf of the Commission, V. Selivanov carried out excavations in 1894 near the cities of Kokchetav and Atbasar; in 1898 – G. Vasiliev at the village Vladimirovka in the Pavlodar region, in 1905 – N. Kozyrev in the Akmola region, in 1911 – Yu.P. Argentovsky near the city of Petropavlovsk, in 1914 – N.Ya. Bortvin, 8 km south-west of the city of Petropavlovsk. Information about random finds was systematically published, and in appendices to the news of the Archaeological Commission, reports on meetings of the societies with annotations of heard reports and excerpts from local newspapers with information about the archeology of Kazakhstan.

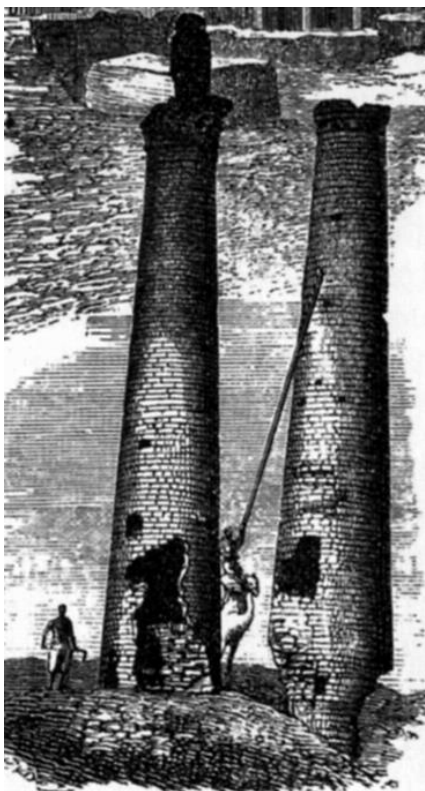
Fig. 1. Mausoleum of Kozy-Korpesh and Bayan-sulu

Fig. 2. Ruins of the ancient Taraz, 1904

Fig. 3. Turkestan. 1906

Fig. 4. Minarets of Sauran. Turkestan region. 1866

5. Conclusion

Thus, the first period of the development of archaeological science in Kazakhstan, which in the period from the middle of XIX century to 1917 laid the foundation for the formation of historical and archaeological knowledge on this land, which subsequently evolved in the Soviet period. In the system of indigenous knowledge of the local population, archaeological sites did not exist in the status of such, despite the fact that they constituted a “sacred landscape” of habitat. At the same time, it is forgotten that the institutionalization of Islam on the territory of Kazakhstan was not least due to the religious policy of the Russian Empire, which embodied the “ethnographic mirror” scenario, when in order to establish relations with the steppe elite, the empire, from 1788 mosques, mektebs, madrassas were built, and mullahs and other religious servants (from the Tatars – their most loyal guides, as it seemed to the imperial administration) – and, ultimately, the population of the Steppe was presented editelny image of religious identity, which became eventually be perceived as authentic (Schwartz, 2006: 176). In cultures where the dominant tradition of relaying historical memory is oral, the chronological horizon of history does not extend beyond several generations, and historical memory exists in the universe of mythopoeitic thinking. With the inclusion Kazakhstan’s territory in the legal and sociocultural space of the Russian Empire, the process of revitalization and construction of historical and cultural heritage began. It allowed to continue to be developed at a qualitatively different methodological level in the Soviet period, and then, after 1991, consolidate its status of ethno-historical riches, legitimizing autochthonism, antiquity, and the mobilizing discourse of nation-building.

References

- Akademik V.A. Obruchev, 1947 – Akademik V.A. Obruchev. G.N. Potanin. Zhizn' i dejatel'nost' [Academician V.A., 1947. Obruchev. G.N. Potanin. Life and activity]. Moscow Leningrad, p. 267. [in Russian]
- Bartold, 1897 – Bartol'd V.V. (1897) «Otchet o poezdke v Srednjuju Aziju v 1893 – 94 godah» [Report on a trip to Central Asia in 1893–94] St. Petersburg, and Notes of the Academy of Sciences, Department of History and Philology, 8th series, vol. I, №4. [in Russian]
- Bartold, 1977 – Bartol'd V.V. (1977). Veselovskij kak issledovatel' Vostoka i istorii russkoj nauki [Veselovsky as a researcher of the East and the history of Russian science]. Op.: In 9 vols. M., T.IX: Work on the history of oriental studies. 642 p. [in Russian]
- Buchert, 2003 – Buhert V.G. (2003). Vstupitel'naja stat'ja: Turkestanskije pis'ma N. F. Petrovskogo [Introductory article: Turkestan letters of N.F. Petrovsky]. Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the XVIII – XX centuries: Almanac. M.: TRITE Studio: Ros. Archive, V. XII. [in Russian]
- Bustanov, 2017 – Bustanov A. (2017). Mezhdju naciej i artefaktom: vostochnaja arheologija v sovetskom Kazahstane [Between the nation and the artifact: Eastern archeology in Soviet Kazakhstan]. Muslims in the new imperial history: Sat. Articles. Res. ed. and comp. I.N. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovsky, M. Mogilner, A. Semenov. M.: OOO "Sadra", 424 p. [Islamica & Orientalistica]. [in Russian]
- Castagne, 1910 – Castagne I.A. (1910). Drevnosti Kirgizskoj stepi i Orenburgskogo kraja [Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region]. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Issue XXII*. Orenburg: Typography of the Partnership "Karimov, Khusainov and Co.", 332 p. [in Russian]
- Chertezhnaja kniga Sibiri, 1882 – Chertezhnaja kniga Sibiri, sostavlenaja tobol'skim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1701 g. [A drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701], 1882. SPb. 95 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007 – Erofeeva I.V. (2007). Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XVIII vekov. Pervye istoriko-jetnograficheskie opisanija kazahskih zemel'. XVIII vek [The history of Kazakhstan in Russian sources of the XVI - XVIII centuries. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. XVIII century]. Almaty: Dyke-Press, 368 p. [in Russian]
- Germanov, 1996 – Germanov V.A. (1996) Turkestanskij kruzhok ljubitelej arheologii i domusul'manskije drevnosti Srednej Azii [Turkestan society of archeology lovers and pre-Islamic antiquities of Central Asia]. To the 100th anniversary of the Turkestan society of lovers of archeology. Bulletin of Ancient History. No. 4 (219). P.189-195. (in collaboration with academician G.A. Pugachenkova). [in Russian]
- Gmelin, 2012 – Gmelin I.G. (2012). Puteshestvie v Sibir' [Travel to Siberia]. Otv. ed. E.V. Smirnov; trans. with him. D.F. Krivoruchko. Solikamsk. 86 p. [in Russian]
- JSC "Khabar" – JSC "Khabar". "Bureau of Investigation". Vpered v proshloe. Drevnie goroda Juzhnogo Kazahstana [Forward to the past. The ancient cities of South Kazakhstan]. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jFSYLpLcBEI&t=1s> (date of access: 27.03.20). [in Russian]
- Kozha, Elgin, 2004 – Kozha M.B., Elgin Ju.A. (2004). Turkestan i Otrar v neopublikovannoj rukopisi N.I.Veselovskogo o drevnih gorodah Syrdar'i [Turkestan and Otrar in the unpublished manuscript of N.I. Veselovsky on the ancient cities of the Syr Darya]. New studies on the archeology of Kazakhstan: Proceedings of the scientific and practical conference "Margulanov readings – 15". Almaty, pp. 237-241. [in Russian]

Krokosheva – *Krokosheva A.* Turkestanskiy kruzhok ljubitelej arheologii (TKLA) [Turkestan society of lovers of archeology (TKLA)]. State Historical and Cultural Reserve-Museum "Monuments of Ancient Taraz". [in Russian]

Lazerevskaya, 2002 – *Lazerevskaja N.A.* (2002). Issledovatel' Srednej Azii Nikolaj Ivanovich Veselovskij [Central Asian researcher Nikolai Ivanovich Veselovsky]. *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New series.* T. I (XXVI). SPb., 494 p. [in Russian]

Lerch, 1868 – *Lerh P.I.* (1868). Arheologicheskie issledovanija v Turkestanskom krae v 1867 g. [Archaeological research in the Turkestan region in 1867]. UAC for 1867, St. Petersburg, p. 22-31. [in Russian]

Lunin, 1958 – *Lunin B.V.* (1958). Iz istorii ruskogo vostokovedenija i arheologii v Turkestane. Turkestanskiy kruzhok ljubitelej arheologii (1895–1917 gg.) [From the history of Russian Oriental studies and archeology in Turkestan. Turkestan society of lovers of archeology (1895-1917)]. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. [in Russian]

Masanov, 2006 – *Masanov E.A.* (2006). Ocherk istorii jetnograficheskogo izuchenija kazahskogo naroda v SSSR. (Biblioteka kazahskoj jetnografii, tom 36) [Essay on the history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR. (Library of Kazakh Ethnography, Volume 36)]. Pavlodar: NPF ECO. 551 p. [in Russian]

Miller, 1937 – *Miller, G.F.* (1937). Istorija Sibiri: V 2 t. [History of Siberia: In 2 vols.]. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1937-1941. T. 1. Opt. ed. I.I. Meshchaninov. M.; L. 607 p. [in Russian]

Nurmakhanbetov – *Nurmahanbetov B.* V televizionnoj peredache «Vremen svjazujushhaja nit' [Nurmahanbetov B. in the television program “The Times is the Binding Thread”]. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MED9ffXXmFw&t=16s> [in Russian]

Pantusov, 1897 – *Pantusov N.N.* (1897). Drevnosti Srednej Azii [Antiquities of Central Asia]. Kazan: tip-lit. University. [in Russian]

Pallas, 1809 – *Pallas P.S.* (1809). Puteshestvija po raznym provincijam Rossijskoj imperii [Traveling to different provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg. [in Russian]

Po sledam akademicheskogo otrjada..., 2008 – Po sledam akademicheskogo otrjada Velikoj Severnoj jekspedicii. Novosibirsk: Nauka iz pervyh ruk [In the wake of the academic unit of the Great Northern Expedition. Novosibirsk: First-hand Science]. 2008. V. 18, No. 6. [in Russian]

Remnev, 2006 – *Remnev A.V.* (2006). Tatory v kazahskoj Stepji: soratniki i soperniki Rossijskoj imperii [Tatars in the Kazakh Steppe: Companions and rivals of the Russian Empire]. Herald of Eurasia. №4. Pp. 5-32. [in Russian]

Remnev, 2010 – *Remnev A.V.* (2010). Chokan Valihanov i musul'mansko-tatarskij vopros v Kazahskoj stepi [Chokan Valikhanov and the Muslim-Tatar issue in the Kazakh steppe]. Altaistics and Turkology. №3-4. [in Russian]

Schwartz, 2006 – *Schwartz F.* (2006). Turkestan – vetka indogermanskih narodov [Turkestan – a branch of the Indo-German peoples]. History of Kazakhstan in Western sources in 12 volumes. Almaty Volume 5. Pp. 175-238. [in Russian]

Shangin, 2003 – *Shangin I.P.* (1783). Dnevnye zapiski v kanceljariju Kolyvano-Voskresenskogo gornogo nachal'stva o puteshestvii po Kirgiz-kajsackoj stepi : I.P. Shangin [Daytime notes to the office of the Kolyvano-Voskresensky mountain authorities on a trip to the Kirghiz-Kaysak steppe: I.P. Shangin]. Altaysk. state University, Kaf. Oriental studies, Altaysk. Center Orientalist. Researched – Barnaul: Az Buka, 151 p. [in Russian]

Spassky, 1857 – *Spasskij G.I.* (1857). O dostoprimechatel'nejshih pamjatnikah sibirskih drevnostej i shodstve nekotoryh iz nih s velikorusskimi [About the most interesting monuments of Siberian antiquities and the similarity of some of them with Great Russian]. St. Petersburg. V. 2, 70 p. [in Russian]

Topografija Orenburgskaja P.I. Rychkova, 2010 – Topografija Orenburgskaja P.I. Rychkova : v 2 t. [Topography Orenburgskaja P. I. Rychkova: in 2 volumes]. Institute of the steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ed. A.A. Chibilev. Orenburg: Dimur, 2010. [in Russian]

Valikhanov, 1961 – *Valihanov Ch.Ch.* (1861). Sobranie sochinenij v pjati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. V. 1. [in Russian]

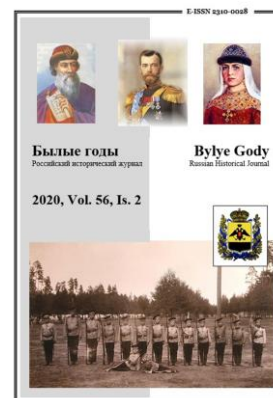
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 486-494. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.486
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Participation of Kalmyk Khan Donduk Ombo in the 1737 Campaign of the Russo-Turkish War of 1735–1739

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article discusses in detail the participation of Kalmyks in the military campaign of 1737 in the framework of the Russo-Turkish War of 1735–1739. This topic was only surveyed in the works of most researchers, who briefly covered the main events of the entire war. The aim of the work is a detailed consideration of the participation in the campaign not only of Kalmyks, but also of other nomadic peoples who took direct or indirect part in it. The main source base for this work was the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia, where documents related to the correspondence of Khan Donduk-Ombo with regional administrations in southern Russia were postponed. Their analysis showed that the active and massive participation of Kalmyks in the Russian-Turkish war created the conditions when their uluses became very vulnerable to attack from the east. Throughout the campaign of 1737, Kalmyk uluses were under constant threat of the Kazakh raid. This extremely negatively affected the combat readiness of the Kalmyk army and did not allow a wider offensive to be launched in the Kuban direction. However, the Kalmyk khan nevertheless took an active part in it, being able to equip the 10-thousand-strong cavalry in the army of P.P. Lassi, successfully operating in the Crimean direction. The actions of Donduk-Ombo were mainly limited to the Kuban region. The invasion of the Kalmyk cavalry in the Kuban was a continuation of the previous campaign. Thus, the Kazakh raid at the beginning of the year on Kalmyk uluses significantly influenced the nature of the military campaign of 1738, restricting the participation of Kalmyks in it and allowing the Kuban Nogai to go on an unsuccessful counterattack.

Keywords: Kalmyks, the Russian-Turkish war, the Crimean Khanate, Kabardians, Kazakhs, Kuban Nogais, Don Cossacks.

1. Введение

Военная история калмыков всегда привлекала внимание исследователей, поскольку появление в Восточной Европе центральноазиатского кочевого народа в XVII в. сильно изменило военно-политический расклад на южном российском порубежье и в соседних регионах. Особенно это касается участия калмыков в русско-турецких войнах XVII–XVIII вв. Ранее большинство авторов лишь обзорно освещали тему участия калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., поэтому в данной статье, которая является продолжением предыдущей публикации (Тепкеев, 2019), автором будет подробно рассмотрена только кампания 1737 г.

В условиях жесткой конфронтации и борьбы за власть внутри Калмыцкого ханства российское правительство было заинтересовано в скорейшем разрешении неурядиц в ханстве, чтобы воспользоваться военными ресурсами калмыков. С целью преодоления политического раскола в ханстве правительство в 1735 г. пошло на беспрецедентный шаг – смену слабовольного хана Церен-Дондука на авторитетного среди калмыков Дондук-Омбо, который мог обеспечить активное участие калмыков в войне с Османской империей и Крымом.

* Corresponding author

E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. стала катализатором новых военных столкновений кочевых народов на южном пограничье. Очень заметно проявила себя в этой войне и калмыцкая конница, которая действовала на кубанском и крымском направлениях, оказав поддержку главным российским армиям. В кампаниях 1736, 1737 гг. перед калмыцкой конницей хана Дондук-Омбо ставилась задача – выдвинуться на Кубань и прикрыть левый фланг Донской армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, не допустить переброски кубанских ногайцев на крымский театр военных действий. Значительную поддержку калмыкам на кубанском направлении оказывали кабардинские князья, донские и терские казаки. Однако главной ударной силой, несомненно, выступала калмыцкая конница.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой данной статьи послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты Астраханской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам», а также письма хана Дондук-Омбо и других владельцев в оригинале и переводах. В частности, в основу статьи легли материалы дела № 83 – «Письма хана Дондук-Омбо. Указы и письма к нему. О походе Дондук-Омбо к кубанским татарам. О кабардинских владельцах. 1736–1740 гг.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83). Особый интерес представляет и так называемый «Журнал полковника Кольцова 1738 г.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109). Другим источником послужил недавно опубликованный «Журнал Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.», где встречаются обрывочные сведения об участии отряда калмыков в боевых действиях армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси на крымском направлении (Журналы..., 2017). Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и объективности.

3. Обсуждение

Историография Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. не слишком обширна, поэтому и теме участия в ней калмыков посвящено лишь несколько работ, носящих в основном обзорный характер (Батыров, 2006; Очиров, 2009; Петрухинцев, 1998; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2001; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, Батыров, 2006; Шовунов, 1991). Военные историки XIX – начала XX вв. высоко оценили боевые качества калмыцкой конницы в русско-турецких войнах (Баиов, 1906; Потто, 1912). Наиболее полное исследование военной кампании 1737 г. сделал видный военный историк и теоретик генерал А.К. Баиов (Баиов, 1906). Детально изучив боевые действия главных русских армий, он затронул и действия калмыцкой конницы на Кубани. А.К. Баиов отмечал, что набег за Кубань калмыков в конце 1737 г. не дал России никаких практических результатов, и значительную долю вины за это возлагал на Дондук-Омбо, которому, по его мнению, «почему-то изменила его обычная энергия» (Баиов, 1906: 440). Теме казахских набегов на калмыцкие улусы во время этой кампании, которые серьезно повлияли на характер участия калмыков в войне, подробно уделили внимание С.В. Джунджузов, С.В. Любичанковский, И.В. Торопицын и Ж.Б. Кундакбаева (Джунджузов, Любичанковский, 2019; Торопицын, 2009; Кундакбаева, 2005). Можно согласиться с мнением А.А. Михайлова, что внимательное изучение этой войны даст результаты, которые будут способствовать более ясному пониманию важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. (Михайлов, 2012: 346).

4. Результаты

Начало 1737 г. ознаменовалось крупным казахским набегом на Нижнюю Волгу. По сообщению полковника В. Беклемишева в Коллегию иностранных дел, в конце января 3 тыс. казахов совершили набег на Волгу и захватили в плен русских и калмыков. Однако, по показаниям казахских пленников, в набеге участвовало в общей сложности 12 тыс. казахов под командой Толеп-батыра и Есет-батыра. Если одна часть казахского войска двинулась вверх по Волге по направлению к Саратову, другая – осталась возле Черного Яра, откуда направлялись небольшие партии в Мочаги и морские косы, где кочевали калмыцкие улусы (Кундакбаева, 2005: 206-207).

Донесение В. Беклемишева вызвало бурную реакцию не только в КИД, но и Военной коллегии. Срочно комендантам Царицынской и Закамской оборонительных линий, а также волжских городов было приказано «иметь крепкую предосторожность от кайсаков, чинить от нападений сильный воинский отпор». Особое беспокойство властей вызвало сообщение бежавшего из казахского плена калмыка, что к казахскому хану приезжали крымские послы с просьбой оказать военную помощь (Кундакбаева, 2005: 207).

Опасения правительства по поводу нагнетания калмыцко-казахских отношений было связано и с продолжающейся русско-турецкой войной и роли в ней калмыков. В указе начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову (1734 – апрель 1737 гг.) прямо говорилось: «Старайтесь, чтобы впредь таких воровских от них, касакон, не было, особливо при нынешней турецкой войне, где калмыки против татар нам потребны, а Дондук Омбо такими нападениями отговориться может, а мы

ево совершенно от той стороны безопасностью накрепко обнадежили... И нам бы оттого, при нынешней турецкой войне, в нужных операциях остановка и препятствие не приключилось» (Цит.: [Кундакбаева, 2005: 208](#)).

В создавшейся ситуации Дондук-Омбо ищет способы напомнить российскому правительству, что война с турками и их вассалами еще не закончилась, а дальнейшее участие в ней калмыков будет определяться содействием России в предотвращении казахских набегов. В связи с понесенными от набега казахов людскими и материальными потерями калмыцкий правитель в письме к императрице счел необходимым предупредить об отказе от намерения весной отправиться с войском на Кубань ([Джунджузов, Любичанковский, 2019: 503](#)).

Последние события отчетливо показали, что российское правительство не могло полностью гарантировать калмыкам безопасность с восточного направления, особенно в период военных действий калмыцкой конницы на кубанском и крымском направлениях. С целью окончательно убедить калмыцкого правителя в необходимости участия в новой военной кампании, а также в знак признания его прежних заслуг 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо российской властью был провозглашен «ханом калмыцкого народа». В указе императрицы Анны Иоанновны это назначение напрямую было связано с успешным участием калмыков в предыдущей кампании 1736 г. русско-турецкой войны: «показанную ревность и прилежность и знатные поиски над неприятели Нашими, Кубанцами, Всемиловнейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким» ([Полное, 1830: 61-62](#)).

В церемонии провозглашения нового хана, которая прошла в начале июня 1737 г., принял участие и войсковой старшина Данила Ефремов. Его миссия в калмыцкие улусы прежде всего была связана с организацией калмыцкого войска для отправки в предстоящий крымский поход. Именно донской старшина и ханский сын Галдан-Нормо должны были возглавить объединенное калмыцко-донское войско и направиться в армию генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, действующую на крымском направлении. В назначенное место, куда вместе выехали Галдан-Нормо и Д. Ефремов, из разных улусов стекались владельцы Бату, Бай, Лекбей и Лабан-Дондук во главе своих отрядов ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40-41](#)). 4 июня Д. Ефремов сообщал о переходе реки Дон Галдан-Нормо с войском численностью 5573 человек ([Журналы, 2017: 124](#)). Поскольку калмыцкая сторона обязывалась выставить в крымский поход около 10 тыс., то Д. Ефремов прислал гонца к Дондук-Омбо с уведомлением, что указанного количества калмыцкого войска не имеется. Хан срочно велел дополнительно собрать и отправить в Черкасск 5-тысячное войско ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40-41](#)).

Однако активное и массовое участие калмыков в этой войне делало их улусы весьма уязвимыми с восточного направления. Еще в мае 1737 г. циркулировали слухи о подготовке нового казахского набега на калмыцкие улусы. С началом осенних заморозков казахи якобы собирались выдвинуться к Волге, чтобы «идти войною под калмыцкую орду и весьма оную разорить». 3 июня к астраханскому обер-коменданту А. Юнгеру пришел указ правительства, запрещающий информировать хана Дондук-Омбо и других владельцев об этом, пока те с калмыцким войском не вернутся обратно с театра боевых действий ([Торопицын, 2009: 242](#)).

Кампания 1737 г. началась весьма тяжело для России, поскольку международное положение не благоприятствовало положительному развитию: иранский правитель Надир-шах осенью 1736 г. заключил мир с османами, Австрия не вступила в войну, а переговоры о мирном урегулировании с Турцией еще не достигли результата. Если, согласно общему плану командования, целью Днепровской армии Миниха были Очаков и Бендеры, то армии Ласси предстояло вторгнуться непосредственно на Крымский полуостров.

Фельдмаршал П.П. Ласси отказался от атаки укрепленной Перекопской линии и решил направить удар своей армии через Сиваш по узкому проливу, соединяющему материк с Арабатской Косой. 17 июня авангард его армии прибыл к Генчи, а на следующий день к ним присоединились передовые части калмыцкого войска во главе с Галдан-Нормо. В этот же день армия начала переправу и первыми были переправлены на Арабатскую Косу драгунские полки и 3–4 тыс. калмыков. Им предстояло обеспечить прикрытие переправы всей армии ([Байов, 1906: 426](#)).

В «Журнале крымских походов» сохранились полные сведения о составе и численности калмыцкого войска, прибывшего в армию П.П. Ласси в сопровождении старшины Д. Ефремова. При ханском сыне Галдан-Нормо имелось всего 5228 чел., при владельце Лекбее – 302 чел., при сыне дербетского владельца Солом-Дорджи, Тундате, – 60 чел., при Лама-Дондуке – 1352 чел., при Шедане – 105, при Даши-Шерене – 67, при Бадержине Иемчике, сыне Лубжи, – 1152, при Бату, сыне Чакдорджаба, – 383. Всего калмыцкое войско насчитывало 8649 человек ([Журналы..., 2017: 133](#)). 28 июня в Азов прибыли 50 калмыков с сообщением об отправке Дондук-Омбо дополнительных сил в войско сына Галдан-Нормо в количестве 1200 чел. при 12 зайсангах. Калмыцкий хан просил командование выделить им пороха, свинца и провианта для похода ([Журналы, 2017: 146](#)). Таким образом, общая численность калмыцкого войска укладывалась в ранее оговоренное количество – примерно 10 тыс. человек.

Узнав о направлении главного удара русской армии, крымский хан с войском ждал ее появления в конце Арабатской Косы. Однако П.П. Ласси изменил направление движения армии и в

первой половине июля приказал армии переправляться с Косы на полуостров в районе впадения реки Салгир в Сиваш. Узнав о переправе русской армии, крымский хан 12 июля пытался на реке Салгир атаковать ее авангард, но при подходе основных сил фельдмаршала вынужден был отступить в горы (Баиов, 1906: 430-431).

Пока регулярная армия расположилась на отдых, нерегулярные войска рассеялись по округам для разорения местных селений. Особенно отличились в этом деле калмыки, которые за один день привели в лагерь 1000 человек пленных и много всякой добычи. 14 июля армия двинулась дальше, отправив вперед сильный авангард под командой генерал-поручика Дугласа, в основном состоявший из легкой конницы (Баиов, 1906: 431).

Вокруг русской армии постоянно на расстоянии курсировали небольшие конные татарские партии, поэтому командование приказало Галдан-Нормо и донским старшинам И. Краснощекову и Д. Ефремову их уничтожить и захватить «языков». Из рапорта Галдан-Нормо стало известно, что он отправил вверх по реке Карасу отряд калмыков, который в семи верстах от русского лагеря разбил одну из таких татарских партий, захватив в плен одного и уничтожив 37 человек неприятеля. Пленник сообщил важные сведения о возможном соединении крымского войска во главе с ханом с 20-тысячной турецкой армией в районе Арабата (Журналы..., 2017: 143).

14 июля передовые части русской армии выдвинулись к городу Карасу-Базар, и после часового боя он был взят и сожжен. Обращенных в бегство в горы крымских татар преследовали казаки и калмыки. Ввиду трудности преследования противника в горной местности и отсутствия фуража возле города генерал-фельдмаршал П.П. Ласси принял решение отступить к оставленному в тылу обозу.

15 июля русская армия начала отступление, но при выходе на равнинную местность на противоположном берегу реки Карасу показалась 70-тысячная крымская армия. Не желая отдавать инициативу противнику, П.П. Ласси сразу перешел к активным действиям, выдвинув вперед несколько пехотных и драгунских полков и часть нерегулярного войска под командой Дугласа. Перейдя реку Карасу в четырех верстах выше неприятельского лагеря, русский авангард атаковал татар, которые оказали упорное сопротивление. Казаки три раза пытались атаковать вражескую артиллерию, но были отброшены. Фельдмаршал приказал калмыцкой коннице атаковать противника с флангов и тыла. В конечном итоге общие действия русской армии заставили татар снова отступить в горы (Баиов, 1906: 431-432).

Непосредственный участник того сражения Христофор Герман Манштейн так описывает этот военный маневр калмыков: «Во время дела фельдмаршал приказал калмыкам ударить на неприятеля с тылу и с фланга; когда же бой прекратился, калмыки исчезли из глаз. Фельдмаршал встревожился, полагая, что калмыки, преследуя неприятеля, зашли слишком далеко в горы, что они отрезаны от армии и, может быть, все перебиты. Спустя два дня калмыки возвратились в лагерь, таща с собою более тысячи пленных, в том числе несколько мурз, которых они захватили во время самовольного наезда в горы до самого Бахчисарая» (Манштейн, 1875: 127).

В анонимной рукописной истории Крымского ханства на турецком языке есть эмоциональное описание очевидца тех событий: «Во время неприятельского марша к Кара-Су проклятые калмыки и киргизы кругом производили опустошение. Затем, когда стали жечь Кара-Су, подоспел и сераскер-паша и издали, из местечка Ак-Орь, начал стрелять из больших орудий. Тогда неприятели, говоря: «Турки пришли!» – не могли совсем выжечь город и бросили. При возвращении их подоспел калга Арслан-Герай, вступил с ними в бой и спас пленных мусульман из рук гяуров. Калмыкам попало большое множество мухаммедова народа в плен. Затем мерзкий табор воротился, прошел через Джунгар и пошел в свою адскую сторону» (Цит.: Смирнов, 1898: 62).

21 июля армия добралась до Чонгара, и в ходе переправы через пролив по наведенному понтонному мосту нерегулярные войска ее прикрывали. Едва часть армии перешла на противоположный берег, к переправе подошли крымские войска при поддержке турецкой армии, прибывшей из Кафы. Неоднократные попытки крымцев и турков атаковать стоявших в прикрытии казаков и калмыков не увенчались успехом, поскольку русская артиллерия удачно их прикрывала. 24 июля русская армия полностью переправилась и в течение всего августа стояла на реке Молочные Воды. Это не позволило крымскому хану совершить сразу ответный набег на Украину, опасаясь быть атакованным и отрезанным от Крыма армией П.П. Ласси (Баиов, 1906: 433-434).

Ласси отвел войска на зимние квартиры в Украину. Калмыки вернулись в свои улусы, сильно поредевшие числом, но с богатой добычей после разграбления крымских селений. 18 июля в Царицыне получили сведения из калмыцких улусов, что Дондук-Омбо отправил на Кубань «для взятия языков» разведывательный отряд из 30 человек под командой Дорджи Даялтаева. Им удалось захватить четырех кубанцев, которые сообщили об отсутствии какого-либо крымского войска на Кубани. Однако пленники оповестили калмыков о подготовке примерно пятисотенной команды кубанских ногайцев для набега на калмыцкие улусы, чтобы захватить конские табуны и «языков». Поэтому Дондук-Омбо приказал отвести улусы ближе к Волге и отправил 600 калмыков в разъезды и караулы для прикрытия кочевий (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 88-88 об.).

По другим данным, кубанцев собиралось до полутора тысячи человек, и объектом своего нападения они рассматривали донские казацкие городки. 12 июля калмыцкий хан предупредил

войсковое руководство об этой опасности через донских посланцев – Андрея Машлыкина и Федора Платы. По мнению войскового атамана Ивана Фролова, Дондук-Омбо ожидал военного прихода на казаков более многочисленного кубанского войска, так как слишком скоро откочевал с улусами от Дона к Волге (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 104-104 об.).

Подробности нападения кубанцев на казачьи городки стали известны в Царицыне 6 августа. Оказалось, что уже 30 июля противник появился на Дону, в число которого входили не только кубанские ногайцы, но и черкесы-темиргоевцы общей численностью около 6 тыс. человек, в том числе 120 бесленеевцев и 105 казаков-некрасовцев. В ходе нескольких штурмов казачьих городков им удалось захватить и сжечь только Кумшакскую станицу, а ее жителей захватить в плен и увести на Кубань (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 384-384 об.).

14 августа полковник П.Ф. Кольцов прибыл в ставку Дондук-Омбо, которая располагалась возле Черного Яра. Он предложил ему, согласно указу императрицы, вместе с кабардинцами, а также гребенскими, волжскими и донскими казаками выступить на Кубань «для искоренения тамошних татар». Но выступить немедленно калмыцкий хан отказался, «понеже на Кубане от нынешних жаров воды великие, к тому ж и лошади у них весьма тощи». Дондук-Омбо предлагал Кольцову выждать благоприятное время и только тогда совместно выступить на Кубань. Когда же полковник предложил хану указать время для возможного выступления, то на следующий день Дондук-Омбо объявил ему последний осенний месяц, как это было в прошлогодней кампании (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 355-356).

К этому времени Дондук-Омбо получил письмо от императрицы Анны Иоанновны от 17 июля, в котором она благодарила его за отправку в крымскую экспедицию сына Галдан-Нормо с 10-тысячной конницей. Государыня, конечно, надеялась, что хан отправит в Крым более многочисленное войско, но вполне согласилась с его доводами, изложенными выше. Такой же полной готовности она ожидала от Дондук-Омбо и в отправке оставшегося калмыцкого войска на Кубань. По указу императрицы для поддержки калмыцкого наступления должны были выступить терские и волжские казаки под командой лейб-гвардии капитана Андрияна Лопухина. Что касается кабардинцев, то их участие в кубанском походе было под вопросом, поскольку в Кабарде было замечено «морозное поветрие». За отправку на Кубань донских казаков под началом старшины Осипа Поздеева отвечал царицынский комендант полковник П. Кольцов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 450-451).

Выступить в кубанский поход калмыцкий хан не спешил. Свои доводы он изложил в письме к императрице от 16 августа. Как участник прошлогоднего похода на Кубань, он излагал те события, когда калмыки захватили скот ногайцев-малибашей на правом берегу, но не смогли переправиться на другой берег. Поэтому он предлагал дожидаться заморозков, чтобы реки покрылись льдом и калмыцкое войско могло бы беспрепятственно их пройти. Он также предположил, что кубанские ногайцы при появлении калмыков «сядут в осаду». Дондук-Омбо предлагал выделить ему 10 тыс. драгун и «довольное число» казаков, «чтоб возможно было достать их, сидящих в осаде» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 727-727 об.).

Июльский набег кубанских ногайцев, а также имевшаяся из разных источников информация о готовившемся их новом нападении заставили фельдмаршала П.П. Ласси отправить из армии на Дон 2947 донских казаков, оставив у себя только 2400 чел. 21 августа эти казаки под командой атамана Краснощекова прибыли на Дон и должны были идти в погоню за ногайцами на Кубань. Но по ходатайству войскового атамана И. Фролова этот кубанский поход, в котором предполагалось и участие калмыков Дондук-Омбо, был перенесен на конец осени (Баиов, 1906: 434-435).

Действительно, правительство в целом согласилось с доводами Дондук-Омбо начать общее наступление против кубанцев именно в ноябре, когда покроются льдом реки. Это было официально изложено в письме императрицы Анны Иоанновны к хану от 15 сентября. Она указывала калмыкам выступить на Кубань совместно с терскими, донскими и волжскими казаками, а также кабардинцами: «надобно стараться нынешнею осенью оных кубанских татар разорить и искоренить, к чему ныне весьма удобной случай». На просьбу хана прислать 10 тыс. драгун для взятия укреплений ногайцев, засевших в осаде, императрица отказала, сославшись на аналогичные военные возможности казаков. К этому времени крымский поход уже завершился и большинство донских казаков и калмыков вернулось домой. По словам императрицы, предстоящий поход должен был рассматриваться как карательный за недавнее нападение кубанцев на донские городки: «и жилища их искоренить, дабы единаче всех наших пограничных подданных вечной безопасности доставить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 814-816).

Весь октябрь шла подготовка к походу, и только 29 числа калмыцкие войска стали выдвигаться из своих улусов в сторону Кубани (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1005). По словам очевидцев, Дондук-Омбо «в нынешний кубанский поход идти весьма поспешает». Причиной этому послужили сведения калмыка, бежавшего из кубанского плена о том, что ногайцы разделились на две партии, одна из которых перебралась в Крым, а другая осталась на месте в ожидании прихода калмыцкого войска, чтобы «идти со всеми к нему, хану (т.е. к Дондук-Омбо – Авт.), кочевать». В случае, если Дондук-Омбо не пришел бы на Кубань, то оставшиеся ногайцы собирались присоединиться к ногайским солтанульцам, которые кочевали с горскими черкесами (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108.

Л. 1015). По другим данным, среди кубанских ногайцев произошел раскол, и часть из них выступала за примирение с российскими властями (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1076).

Но организация похода проходила в весьма тревожной обстановке. Бежавшие из казахского плена калмыки сообщили о подготовке казахами нового набега на калмыцкие улусы, расположившиеся по Волге. По этому поводу Дондук-Омбо собрал съезд старших владельцев, на котором они попытались совместно решить эту возникшую проблему. Многие из владельцев предлагали половину войска все-таки оставить в улусах, а с другой выдвинуться на Кубань. Но хан выступил за то, чтобы всем войском двигаться в кубанский поход и успеть вернуться на Волгу, чтобы не допустить нападения казахов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1018-1018 об.).

В своем письме в Царицын Дондук-Омбо ставил в известность о своем выступлении в поход и назначил конкретное место встречи калмыцких и российских войск – урочище Эгес Тюбю на реке Егорлык. Отправленная вперед калмыцкая разведка сообщила, что на многих урочищах вдоль Кубани трава выжжена. Калмыцкий хан предлагал царицынским властям также отправить в кубанском направлении казачью разведку. Больше всего его не переставала покидать тревога возможного казахского набега, поскольку разведывательные отряды казахов были замечены на левом берегу Волги. Однако, как отмечал Дондук-Омбо, «от казаков хотя мы и опасность имеем, однако ж по указу великой государыни я в поход поднялся» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1028-1028 об.).

Что касается численности калмыцкого войска под командой Дондук-Омбо, участвовавшей в кубанском походе, то она нам не известна. Донские казаки, по данным А.К. Баиова, для поддержки калмыков выставили 9500 конных и 1500 пеших казаков. При них было 8 пушек и 10 мортир с достаточным количеством снарядов. Для переправ через реки, особенно Кубань, при них имелись семь лодок, служивших паромами. Возглавлял казаков атаман Фролов (Баиов, 1906: 439).

1 декабря донские казаки прибыли на реку Ея, где их уже ждали калмыки во главе с Дондук-Омбо. После совещания общее командование приняло решение отправить вперед совместный разведывательный отряд из 200 калмыков и 200 казаков. Авангард должен был, не обнаруживая себя, выяснить расположение кубанских ногайцев и рекогносцировку местности на Кубани. Вслед за ним выдвинулось основное калмыцко-казачье войско во главе с Дондук-Омбо и Фроловым (Баиов, 1906: 439).

Переход проходил в сложных условиях, поскольку степь на расстоянии за 130 верст до Кубани была выжжена. Кубанские ногайцы, не принимая боя, покинули эти земли, и Дондук-Омбо всерьез задумывался о том, чтобы покинуть регион и вернуться в свои улусы. По всей видимости, отсутствие неприятеля и мысль об угрозе казахского набега постоянно довлели над ним, вызывая желание прекратить как можно быстрее кубанскую кампанию. Однако, когда хан поставил вопрос о своем прекращении участия в походе, атаман Фролов и капитан-поручик Преображенского полка Лопухин с большим трудом отговорили его от ухода, чтобы все-таки продолжить начатую кампанию (Баиов, 1906: 439).

7 декабря объединенное войско прибыло на реку Агалылык, протекающую в 30 верстах от Кубани. Здесь командование приняло решение, чтобы не терять времени и застать противника врасплох, отправить вперед отборный отряд из 5 тыс. казаков и калмыков, в то время как остальное войско следовало бы сзади, прикрывая им тыл. Передовой отряд, совершив дневной и ночной переход, переправился через Кубань на остров Мултынский, где находились лучшие кубанские кочевья, расположенные у крепости Темрюк (Баиов, 1906: 440).

Калмыки и казаки с ходу атаковали кочевья местных ногайцев, несмотря на артиллерийские залпы орудий с крепости и вылазку янычарского гарнизона. В результате одержанной победы над кубанцами и турками ими было захвачено около тысячи пленных, а также достались следующие трофеи: 2 тыс. лошадей, 5 тыс. голов рогатого скота, 500 баранов и 100 верблюдов. Поскольку многие кубанские ногайцы успели скрыться в горах, а главное русло реки Кубань не было замерзшим, калмыки и казаки не стали их преследовать (Баиов, 1906: 440).

10 и 11 декабря Дондук-Омбо отделился от казаков и покинул Мултынский остров. Он с войском двинулся вверх по реке по правому берегу, намереваясь ее перейти выше. Но, вняв убеждениям Фролова и Лопухина, он согласился не отделяться от казаков. В дальнейшем калмыцкий хан отказался переходить Кубань и далее преследовать противника. Ссылаясь на то, что реки еще не замерзли, травы все выжжены, ногайцы ушли в горы, а в местных краях свирепствует «опасная болезнь», Дондук-Омбо отказался от дальнейшего кубанского похода и повернул войско обратно в улусы. Казакам ничего не оставалось делать, как следовать за ним: 15 декабря начался обратный поход, а 21 числа они достигли реки Ея (Баиов, 1906: 440).

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что действия калмыцкого войска в кампании 1737 г. концентрировались в двух направлениях – крымском и кубанском. Но существовало еще одно направление, откуда для калмыцких улусов постоянно исходила угроза нападения – это казахское. переброска многочисленных сил калмыков на Кубань и в Крым значительно ослабила Калмыцкое ханство. Практически за весь период кампании 1737 г. над калмыцкими улусами висела угроза

очередного казахского набега, и эти опасения были не беспочвенны. В начале 1738 г. 22-тысячная казахская конница все-таки нанесла массированный удар по калмыцким кочевьям.

Несмотря на это, калмыцкий правитель Дондук-Омбо выполнил все свои обязательства перед российским правительством, отправив 10-тысячную конницу под командой своего сына Галдан-Нормо в крымский поход в составе армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси и приняв личное участие в кубанском походе. В марте 1737 г. императрица Анна Иоанновна пожаловала Дондук-Омбо ханским званием, рассчитывая на продолжение его активного участия в русско-турецкой войне.

А.К. Баиов весьма критично отозвался об участии в кубанском походе Дондук-Омбо, который, по его мнению, не дал России никаких практических результатов (Баиов, 1906: 440). Однако исследователь русско-турецкой войны не учел ту напряженную обстановку, которая складывалась на восточном направлении и напрямую угрожала калмыцким улусам. Практически калмыкам приходилось воевать на «два фронта», особо не рассчитывая на военную помощь российских гарнизонов в волжских городах. Казахские набеги начала 1737 и 1738 гг. отчетливо продемонстрировали отсутствие какой-либо системы защиты калмыцких улусов в волго-яицком междуречье. Поэтому Дондук-Омбо приходилось самостоятельно принимать меры по обеспечению безопасности улусов и одновременно выполнять обязательства перед Россией, участвуя в русско-турецкой войне.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках госзадания № АААА-А19-119011490038-5 (сбор материала) и при финансовой поддержке гранта в № 075-15-2019-1879 форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (подготовка статьи).

Литература

Баиов, 1906 – Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электротип. Н.Я. Стойковой, 1906. 828 с.

Батыров, 2006 – Батыров В.В. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Восточные исследования в Калмыкии. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2006. С. 27-34.

Джунджузов, Любичанковский, 2019 – Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 3. С. 494-524.

Журналы..., 2017 – Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост. П.А. Аваков. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

Кундакбаева, 2005 – Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.

Манштейн, 1875 – Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 399 с.

Михайлов, 2012 – Михайлов А.А. Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 332-348.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Очиров, 2009 – Очиров У.Б. Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410-420.

Потто, 1912 – Потто В.А. Два века Терского Казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ: Электропечатня типографии Терского областного правления, 1912. 256 с.

Полное..., 1830 – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. X. 1737–1739. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 990 с.

Смирнов, 1898 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса: Тип. А. Шульце, 1898. 253 с.

Торопицын, 2009 – Торопицын И.В. Оборона калмыцких улусов в 20–30 гг. XVIII в. / Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства: в 2 частях. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 242-246.

Цюрюмов, 2001 – Цюрюмов А.В. Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. / Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2001. С. 27-28.

Цюрюмов, 2007 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

[Цюрюмов, 2005](#) – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

[Цюрюмов, Батыров, 2006](#) – *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АО «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

[Шовунов, 1991](#) – *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

[Тепкеев, 2019](#) – *Тепкеев V.T.* Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1459–1469. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1459

References

[Baïov, 1906](#) – *Baïov A.K.* (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. Kampaniya 1739 g. [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war of Russia with Turkey in 1736–1739]. Vol. 1. SPb.: Elektro-Tipografiya N.Ya. Stoikovoï. 398 p. [in Russian]

[Batyrov, 2006](#) – *Batyrov V.V.* (2006). Uchastie kalmykov v russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [The participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta. pp. 27–34. [in Russian]

[Dzhundzhuzov, Lyubichankovskii, 2019](#) – *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskii S.V.* (2019). Vliyanie Russko-turetskoi voiny 1735–1739 gg. na vystraivanie otnoshenii imperii s kochevymi narodami Yuzhnogo Urala i Tsentral'noi Azii (po materialam Orenburgskoi ekspeditsii) [The influence of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on building relations of the empire with the nomadic peoples of the South Urals and Central Asia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. № 3, pp. 494–524. [in Russian]

[Kundakbaeva, 2005](#) – *Kundakbaeva Zh.B.* (2005). «Znakom milosti E.I.V...». Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke [Russia and the peoples of the Northern Caspian in the XVIII century]. M.: AIRO-XXI; SPb.: Dmitriy Bulanin. 303 p. [in Russian]

[Manshtein, 1875](#) – *Manshtein Kh.G.* (1875). Zapiski Manshteina o Rossii. 1727–1744. [Manstein's notes on Russia]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva. 399 p. [in Russian]

[Mikhailov, 2012](#) – *Mikhailov A.A.* (2012). Russko-turetskaya voina 1736–1739 gg.: istoriograficheskiï aspekt [The Russian-Turkish war of 1736–1739: the historiographic aspect]. *Voina i oruzhie: Nove issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 16–18 maya 2012 g. SPb., 2012. Ch. II. pp. 332–348. [in Russian]

[NA RK](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

[Ochirov, 2009](#) – *Ochirov U.B.* (2009). Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg. [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 1. pp. 410–420. [in Russian]

[Petrukhintsev, 1998](#) – *Petrukhintsev N.N.* (1998). Voyna s prostranstvom [War on space]. *Rodina*. № 5–6. pp. 62–66. [in Russian]

[Polnoe..., 1830](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii, s 1649 goda* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. X. 1737–1739. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 990 p. [in Russian]

[Potto, 1912](#) – *Potto V.A.* (1912). Dva veka Terskago Kazachestva (1577–1801). [Two centuries of the Terek Cossacks]. Vol. 2. Vladikavkaz: Elektropechatnya Tipografii Terskago Oblastnogo Pravleniya. 256 p. [in Russian]

[Shovunov, 1991](#) – *Shovunov K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 189 p. [in Russian]

[Smirnov, 1898](#) – *Smirnov V.D.* (1898). Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoi Porty v XVIII v. do prisoedineniya ego k Rossii [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Port in the XVIII century]. Odessa: Tip. A. Shul'tse. 253 p. [in Russian]

[Тепкеев, 2019](#) – *Тепкеев V.T.* (2019). Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4: 1459–1469. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1459

[Toropitsyn, 2009](#) – *Toropitsyn I.V.* (2009). Oborona kalmytskikh ulusov v 20–30 gg. XVIII v. [The defense of the Kalmyk uluses]. *Edinaya Kalmykiya v edinoi Rossii: cherez veka v budushcheye. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii, posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozhdeniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva: v 2 chastyakh*. Ch. 1. Elista: Dzhangar. pp. 242–246. [in Russian]

[Tsyuryumov, 2001](#) – *Tsyuryumov A.V.* (2001). Kalmyki v Russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Aktual'nye voprosy rossiiskoi voennoi istorii: Materialy Dvadtsat' tret'ei Vseros. zaoch. nauch. konf.* SPb.: Nestor. pp. 27–28. [in Russian]

[Tsyuryumov, 2007](#) – *Tsyuryumov A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar». 464 p. [in Russian]

[Tsyuryumov, 2005](#) – *Tsyuryumov A.V.* (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar. 160 p. [in Russian]

[Tsyuryumov, Batyrov, 2006](#) – *Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V.* (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AOr «NPP «Dzhangar». 95 p. [in Russian]

[Zhurnaly..., 2017](#) – Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoi armii 1735–1739 gg. [Magazines of the Crimean campaigns of the Russian army of 1735–1739]. Sbornik dokumentov. Sost. P.A. Avakov. Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2017. 484 p. [in Russian]

Участие калмыцкого хана Дондук-Омбо в кампании 1737 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно рассматривается участие калмыков в военной кампании 1737 г. в рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Данная тема лишь обзорно освещалась в работах большинства исследователей, которые вкратце осветили основные события всей войны. Целью работы является подробное рассмотрение участия в кампании не только калмыков, но и других кочевых народов, принявших в ней прямое или косвенное участие. Основной источниковой базой для данной работы послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились документы, касающиеся переписки хана Дондук-Омбо с региональными администрациями на юге России. Их анализ показал, что активное и массовое участие калмыков в русско-турецкой войне создало условия, когда их улусы становились весьма уязвимыми для нападения с восточного направления. В течение всей кампании 1737 г. калмыцкие улусы находились под постоянной угрозой казахского набега. Это крайне негативно отразилось на боеготовности калмыцкого войска, не позволило развернуть более широкое наступление на кубанском направлении. Однако калмыцкий хан все-таки принял в кампании активное участие, сумев снарядить 10-тысячную конницу в армию П.П. Ласси, удачно воевавшую на крымском направлении. Действия Дондук-Омбо в основном ограничились кубанским регионом. Вторжение калмыцкой конницы на Кубань стало продолжением предыдущей кампании. Таким образом, казахский набег в начале года на калмыцкие улусы значительно повлиял на характер военной кампании 1738 г., ограничив в ней участие калмыков и позволив кубанским ногайцам перейти в контрнаступление, однако неудачное для них.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, кабардинцы, казахи, кубанские ногайцы, донские казаки.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

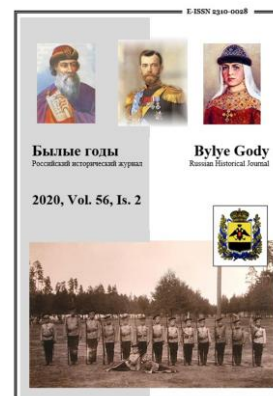
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 495-507. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.495
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography

Andrii E. Lebid ^{a, *}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}, Aleksandr N. Volkov ^d, Marina A. Ponomareva ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article explores the modern Ukrainian historiography of the history of the bureaucracy of the Russian Empire. The work was mainly based on the scientific works of modern scientists Ukraine. The subject of research of these scientists was the government policy in the field of the state apparatus and the organization of the service of officials, the formation and various aspects of the development of the bureaucratic apparatus in the Ukrainian lands of the Russian Empire, questions of official and unofficial everyday life of officials of the Russian Empire.

The authors noted a feature in the study of the subject field of the history of officialdom in Ukrainian historiography, which consisted in emphasizing the national-regional features of the history of officialdom of the Russian Empire.

Keywords: officials, officialdom, bureaucracy, administrative apparatus, Russian Empire, modern Ukrainian historiography.

1. Введение

История чиновничества Российской империи является перспективным направлением в исторической науке. К сожалению, современные западные и российские ученые, изучающие различные аспекты истории бюрократического аппарата периода Российской империи, игнорируют или, по крайней мере, чрезвычайно мало уделяют внимания исследованиям, посвященным развитию бюрократии в национальных регионах империи (на прибалтийских, украинских, молдавских, кавказских, среднеазиатских территориях). Это приводит к тому, что такие работы не в полной мере вводятся в научный оборот, что, в свою очередь, делает неполными исследования по истории чиновничества, в них игнорируются региональные особенности функционирования бюрократического аппарата Российской империи. При этом массив таких материалов довольно велик. Они представлены преимущественно исследованиями ученых именно тех государств, которые входили в прошлом в состав Российской империи как национальные регионы/окраины (присоединенные или колонизированные). В данной работе мы остановимся на вкладе современных украинских ученых в изучение региональных особенностей функционирования бюрократического аппарата Российской империи. Подавляющее большинство их работ – украиноязычные, что, вероятно, и является одной из основных причин слабого внимания к этим исследованиям со стороны западных и российских ученых.

Следуя в некотором роде научно-исследовательскому канону, традиции изучения истории имперской бюрократической системы, которая по большей части определяла хронологический,

* Corresponding author

E-mail addresses: schwarzschwanenreich@gmail.com (A.E. Lebid)

тематический, методологический и другие векторы анализа, для украинской исторической науки характерным является выделение национально-региональных особенностей функционирования бюрократического аппарата Российской империи.

Поэтому, исходя из всего вышеизложенного, целесообразным представляется исправить сложившееся положение дел и ознакомить научное сообщество с основными научными работами украинскими учеными в области изучения истории чиновничества Российской империи.

2. Материалы и методы

Данное историографическое исследование основано на анализе научных работ современных украинских ученых, изучающих историю чиновничества и государственного аппарата Российской империи. В этом контексте важным представляется системное исследование проблем становления, организации и функционирования имперского бюрократического аппарата; анализ нормативной базы Российской империи, регулирующей функциональность чиновников, их правовой статус и другие вопросы, нашедшие свое отражение в исследованиях украинских ученых. Они пришли к выводу, что при изучении служебной и внеслужебной повседневности чиновника важным является анализ поведения, обрядовой практики, паттернов мышления, опыта самовосприятия, что позволяет оценить события и явления в плоскости субъектности и человеческого измерения деятельности чиновников (Шандра и др., 2006).

В данном исследовании используются следующие методы: историко-хронологический, историко-типологический, системно-структурного анализа, а также научной критики исторических источников и литературы.

3. Обсуждение

Представленная работа является логическим продолжением наших историографических обзоров, посвященных современной историографии чиновничества Российской империи XVIII–XIX вв., в которых предпринята попытка систематизации научных работ по специфике организации и функционирования бюрократического аппарата в общеимперском и национальном контекстах, истории служебной и внеслужебной повседневности чиновничества, особенностям его социального портрета и другим вопросам (Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020). Изучали историографию чиновничества Российской империи и другие украинские исследователи (Degtyarev, 2014b), хотя такого рода работ все же немного.

Что касается данной работы, то здесь представлены научные результаты украинских исследователей в обозначенном тематическом поле. Этот выбор предопределен тем фактом, что их работы по этой теме недостаточно представлены в российской и зарубежной историографии. Считаем необходимым отметить, что вопросы и аспекты истории чиновничества Российской империи системно исследовались украинскими историками и затрагивали как общеимперские, так и национально-региональные его особенности. Изучение украинской историографии истории чиновничества, наряду с исследованиями российских и других ученых, позволит комплексно проанализировать наличный массив научных работ в этом направлении.

О популярности изучения истории чиновничества Российской империи свидетельствует и тот факт, что над разработкой этой тематики в Украине работают целые авторские коллективы, в том числе и в рамках выполнения крупных научно-исследовательских проектов (Боряк и др., 2009a; Боряк и др., 2009b; Аркуша и др., 2009).

Помимо этого, следует отметить, что ряд украинских ученых предметно специализируется именно на изучении истории чиновничества периода Российской империи. К таковым можно отнести С. Дегтярева (Degtyarev, 2014a; Degtyarev, 2015b; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev et al., 2019), В. Шандру (Шандра, 2001; Шандра, 2005; Шандра, 2007b; Шандра, 2013), Н. Бармака (Бармак, 2007; Бармак, 2008; Бармак, 2016) и др.

Кроме того, этой проблематикой попутно занимались и те украинские исследователи, для которых история чиновничества не является доминирующим направлением их научной деятельности, но которая органично ложится в плоскость их научных интересов. В этом контексте среди прочих можно отметить работы В. Володько (Володько, 2010), В. Панченко (Панченко, 2015), О. Самойленко (Самойленко, 2019), В. Грукач (Грукач, 2013; Грукач, 2015), В. Желизняк (Желизняк, 2013) и других исследователей.

Еще одной особенностью украинской историографии истории чиновничества Российской империи является достаточно большая дифференциация аспектов, вопросов и проблем в этом научном направлении. Этот факт определенным образом влияет на выделение тематических блоков, по которым возможна систематизация исследований украинских ученых по истории чиновничества Российской империи.

Тем не менее среди всего многообразия работ можно выделить такие тематические блоки в рамках обозначенной проблематики:

1) работы, посвященные общим вопросам становления, организации и функционирования бюрократического аппарата в общеимперском и региональных контекстах;

- 2) исследования особенностей служебного и внеслужебного быта чиновников на украинских землях;
- 3) работы, в которых проанализированы законодательные акты Российской империи, регулирующие процесс исполнения чиновниками своих функциональных обязанностей, определяющие их правовой статус;
- 4) труды, в которых анализируются особенности чиновничьей службы через призму личностных характеристик, роли и места конкретных персоналий в системе бюрократического администрирования.

Естественно, что эта классификационная матрица не является исчерпывающей и не отображает всего многообразия научных подходов и интересов украинских ученых в изучении истории чиновничества Российской империи. Подобных классификационных матриц, как представляется, можно выделить и больше, но в своем многообразии, по нашему мнению, возможным является одновременное объединение различных тематик в нескольких матрицах.

4. Результаты

Общие вопросы организации и функционирования бюрократического аппарата нашли свое отражение в многочисленных исследованиях украинских историков. В частности, ими были проанализированы актуальные проблемы становления и функционирования государственной бюрократии на украинских землях в конце XVIII–XIX веках (Бармак, 2007; Володько, 2010; Дегтярьов, 2014; Тишкун, 2008; Шандра, 2007а; Degtyarev, Polyakova, 2019); исследованы направления, формы и методы деятельности высшего чиновничества в общеимперском и региональных контекстах в процессе реализации форсированной инкорпоративной политики и формирования системы эффективного управления в национальных окраинах (Желізняк, 2013; Грукач, 2015; Дегтярев, 2014; Дегтярев, 2016; Degtyarev, 2013b; Degtyarev, Kryvosheia, 2016); проанализированы различные механизмы и модели эффективного управления в деятельности государственных органов (Кудлай, 2004); освещены основные этапы организации системы управления и государственной службы (Самойленко, 2019) и другие вопросы.

Исследуя тему становления и развития институтов власти Российской империи на Правобережной Украине, Н. Бармак определяет особенности их структуры, кадрового состава, а также тенденций административной политики в регионе (Бармак, 2007). К таковым ученый относит необходимость обеспечения стабильности в процессе инкорпорации территорий Правобережной Украины и формирования системы местного управления. Наиболее эффективным в этом отношении, по мнению российского самодержавия, был институт генерал-губернаторства, выступавший медиатором между различными органами власти. Как отмечает историк, активная интеграция правобережных территорий в состав Российской империи была проблематична в силу сильных позиций правобережной шляхты, поэтому задачей центральной власти, как утверждает ученый, было ограничение влияния шляхты региона и ускорение его инкорпорации. Исследователь выделяет несколько периодов в истории Российской империи, для которых характерным было принятие соответствовавшего свода законодательных актов, регулирующих функционирование бюрократического аппарата. Как отмечает ученый, специфической сферой профессиональной деятельности государственная служба стала после реформ Петра I и введения «Генерального регламента» и «Табели о рангах». Принципиально новым во взаимоотношениях государства и чиновничества, по мнению историка, было введение с середины XVIII в. постоянного денежного довольствия госслужащим всех категорий. Но наиболее серьезные изменения в организации госслужбы, как отмечает Н. Бармак, произошли в годы царствования Николая I с принятием Уставов о гражданской службе (Бармак, 2016: 373-375). Также им были рассмотрены технологии отбора и приема кандидатов на государственную службу, порядок прохождения аттестации служащих, их карьерный рост, система мотивации и ответственности за совершенные чиновниками служебные преступления и проступки (Бармак, 2008).

В. Шандра в научных работах рассматривает достаточно широкий контекст функционирования бюрократического аппарата Российской империи: от общеимперских аспектов организации государственной службы (Шандра, Минаков, 2011; Шандра, Писарькова, 2008) до специфики ее реализации в конкретных регионах: Малороссийском, Новороссийском, Бессарабском и Киевском генерал-губернаторствах (Шандра, 2001; Шандра, 2005).

Как отмечал ученый, политика российских властей в Украине в процессе инкорпорации региона в состав империи была направлена на укрепление позиций верховной власти, преодоление нестабильности в регионе, устранение политических, культурно-конфессиональных и других различий с параллельным формированием нового типа чиновника, способного навязать обществу условия пребывания в Российской империи (Шандра, 2007а). Автор выделяет три функциональных типа российского чиновника: высшие губернские и региональные чины, защищавшие интересы государства и работавшие в направлении интеграции региона в имперские структуры; чиновники, которых мало заботили государственные дела и которые использовали существующие проблемы для собственного обогащения; чиновники, которые считали своей моральной обязанностью заботу о

местном населении. В целом же, как утверждает исследователь, несмотря на довольно многочисленный и громоздкий бюрократический аппарат и его усилия по реализации административных функций, чиновничье влияние на общество не было определяющим (Шандра, 2007а: 155). Немаловажным представляется и изучение социального портрета чиновника, на примере чиновников для особых поручений при генерал-губернаторах (Шандра, 2007б). Как указывает автор, эту должность могли занять только образованные, опытные и квалифицированные служащие. В. Шандра отмечает тот факт, что наиболее востребованным этот класс госслужащих был на иноэтнических территориях Российской империи, где от центральной власти требовались усиленные меры по контролю и управлению инкорпорированными территориями.

В работах В. Панченко проанализировано влияние национальной составляющей на формирование кадрового состава чиновников (Панченко, 2015). Было установлено, что при отборе кадров российское правительство учитывало этническое происхождение претендентов на должность, что в его представлении гарантировало благонадежность и лояльность к имперской власти. На примере Волыни было показано, что в этом вопросе поляки и евреи были ограничены в возможности занимать государственные должности, тогда как россиянам и украинцам левобережных губерний были предоставлены значительные льготы.

Проблема социального происхождения чиновников достаточно глубоко проанализирована в работах С. Дегтярева (Degtyarev, 2013b; Дегтярьов, 2014: 50–82; Degtyarev, 2016). Им также были рассмотрены аспекты, связанные с вливанием чиновничества бывшей Гетманщины в бюрократическую систему Российской империи; проанализирован процесс перехода от местной традиции чиновничества к имперской табельной. Автор отмечает относительно легкий характер протекания этого процесса, связывая его с достаточно высоким уровнем образования местных элит, из которых и формировался чиновничий штат (Degtyarev, 2013b). Отдельно был исследован вопрос инкорпорации бунчукового товарищества в состав служебной и социальной элиты Российской империи (Degtyarev, Kryvosheia, 2016). С. Дегтяревым проанализирована проблема общественного и государственного значения чинов, которыми награждались государственные служащие Российской империи согласно Табели о рангах, определены служебные и социальные привилегии, которыми наделялись чиновники после награждения их чинами. Как отмечает ученый, чины не только свидетельствовали о статусе чиновника, но и были инструментом унификации в системе управления национальными окраинами в процессе их инкорпорации в общеимперскую бюрократическую систему (Degtyarev, 2015b).

Работы В. Володько посвящены изучению особенностей функционирования бюрократического аппарата в конце XVIII века в Киевском наместничестве (Володько, 2005; Володько, 2006а; Володько, 2006б; Володько, 2006с; Володько, 2006д). Исследуя источники появления украинской бюрократии, он указывает тот факт, что классическая бюрократическая система на украинских землях имеет недолгую историю и своим появлениям обязана реформаторским решениям Петра I, создавшего бюрократический аппарат на рациональной основе, когда главным принципом стало наличие у чиновника профессиональных умений и навыков, а не сословная принадлежность (Володько, 2010). Тем не менее, как отмечает исследователь, очень часто при процедуре назначения на государственную должность имело место такое явление, как кумовство. Он отмечает, что это была настолько распространенная практика, что формировались целые клановые звенья от губернского центра к волостям. Автор приходит к выводу, что никакой оккупации, по сути, не произошло, поскольку чиновничьи должности заняли представители казацкой старшины, перешедшей на службу новой власти, создав таким образом костяк украинской бюрократии.

Проблема формирования украинской региональной бюрократии (на примере Левобережья Украины) нашла свое отражение в публикациях Б. Галья, определившего ее основные черты и особенности (Галья, 2006). Исследователь приходит к выводу, что региональное чиновничество Левобережной Украины, построенное по образцу общеимперской бюрократии, заимствовало по большей части ее характерные особенности, в связи с чем не следует рассматривать ее как «рациональную бюрократию», формирование которой было положено реформами К. Разумовского.

Ряд работ посвящен исследованию вопросов служебного и внеслужебного быта, вопросам материального благосостояния, системы поощрений, мотиваций и наказаний чиновников (Молчанов, 2008; Ярошенко, 2016а; Ярошенко, 2016б; Табачук, 2018; Ийслуу, 2018; Degtyarev, 2012; Degtyarev, 2014а). В частности, в работах А. Табачука акцентировалось внимание на том факте, что причинами коррупции среди чиновников прежде всего были недостатки системы управления, отсутствие инструментов учета и планирования налоговых сборов, необходимого контроля за деятельностью чиновников, а также неграмотность населения (Табачук, 2018). Как отмечает в своих работах М. Ярошенко, несмотря на рост числа чиновников, их профессиональный уровень долгое время оставался довольно низким. Наряду с проблемами в организации функционирования чиновничьего аппарата, этот факт способствовал росту злоупотреблений и взяточничества. И хотя, как указывает ученый, верховными властями были усилены способы контроля и борьбы с девиациями чиновников, тотальная коррумпированность чиновничьего аппарата не находила соответствующих реакций: дела о коррупции, как правило, мало доходили до рассмотрения их сути, а если и доходили, то по

отношению к чиновникам применялись меры дисциплинарной ответственности (Ярошенко, 2016b). С. Дегтярев также анализировал правонарушения, совершаемые чиновниками в процессе выполнения прямых служебных обязанностей (Degtyarev, 2014a). Автор отмечал, что чиновничьи служебные девиации, как правило, в форме взяточничества, казнокрадства и мздоимства формировало негативный образ чиновника в общественном сознании. При этом повсеместно происходила «консервация» такого образа, связанная в немалой степени с неспособностью, а подчас и нежеланием властей побороть коррупцию среди чиновников.

В ряде научных работ раскрываются особенности профессиональной пригодности и уровня образования представителей чиновничества, освещаются проводимые центральным имперским правительством мероприятия по подготовке чиновничьих кадров путем создания соответствующих учебных заведений, а также анализируется законодательная база, регулирующая этот процесс (Degtyarev, 2012).

Отдельно следует отметить труды, в которых проанализированы законодательные акты Российской империи, регулирующие процессуальность исполнения чиновниками своих функциональных обязанностей, их правовой статус, а также исследованы вопросы определения статуса отдельных групп чиновников. Среди украинских ученых, занимавшихся этой проблематикой, можно выделить работы В. Панченко (Панченко, 2015), А. Кудлая (Кудлай, 2004), И. Верховцевой (Верховцева, 2015), В. Шандры (Шандра, 2013), Н. Бармака (Бармак, 2006; Бармак 2016) и др. Так, исследуя имперскую законодательную базу XVIII-XIX в., Н. Бармак анализирует теоретические и правовые основы российского государственного управления на украинских землях (Бармак 2016). Автором были рассмотрены вопросы формирования кадрового состава имперских управленческих структур, основные права и обязанности государственных служащих, вопросы содержания и социальной защиты управленцев. Проанализированы нормативно-правовые документы, регламентирующие систему государственного управления украинскими землями в контексте существующей общеимперской российской концепции государственного управления и государственной службы. В работах Е. Самойленко изучена нормативная база, заложившая фундамент и механизмы формирования государственной службы и ее кадров, освещаются основные этапы организации системы управления и государственной службы на украинских землях в составе Российской империи, анализируется процесс зарождения государственной службы, раскрываются особенности изменений принципов организации государственной службы на основе Табели о рангах (Самойленко, 2019).

Историко-правовое исследование организационно-правовых оснований и процесса становления и функционирования института генерал-губернаторства в Правобережной Украине нашли свое отражение в работах В. Грукач, определившей на основании анализа законодательных и других нормативно-правовых актов его место и роль в системе государственного управления Российской империи (Грукач, 2013). К. Солодка в своих трудах исследует становление системы законодательства в сфере государственного управления. Автор анализирует ключевые для этого вопроса юридические документы: «Генеральный регламент», «Табель о рангах», Уставы о гражданской службе и др. (Солодка, 2019). Анализируя содержание этих документов, исследователь выделяет их поле действия: от установления общих принципов организации бюрократического аппарата, регуляции отношений между служащими различных уровней и чинов до установления правил делопроизводства, норм морального кодекса и гарантий административным лицам. Отдельное внимание автора уделено вопросам борьбы правительства со взяточничеством среди чиновников. В работах И. Верховцевой проанализированы источники формирования сельской бюрократии и ее взаимоотношение с органами самоорганизации крестьян в Российской империи (Верховцева, 2015).

Значительным в исследовании истории чиновничества Российской империи является блок научных работ, посвященный изучению биографий конкретных персон, посвятивших свою жизнь государственной службе. Среди трудов этой проблематики следует выделить исследования В. Шандры (Шандра, 2000; Шандра 2002; Шандра, 2003), А. Ийслуу (Ийслуу, 2018), С. Дегтярева (Degtyarev, 2015; Degtyarev et al., 2018) и др. В частности, В. Шандрой были проанализированы деятельность и основные достижения новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова (Шандра, 2002a; Шандра, 2002b); малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина-Волконского (Шандра, 2000; Конопка, 2002), киевского, подольского и волынского генерал-губернатора А.М. Дондукова-Корсакова (Шандра, 2003). В работах А. Ийслуу на примере киевского губернатора И.И. Фундукля проанализирована система механизмов назначения чиновников на государственные должности в период правления Николая I, рассмотрены критерии доступа к государственной службе в этот период (Ийслуу, 2018). Автором был отмечен тот факт, что при назначении на должность важным был не столько протекционизм влиятельных людей, сколько личность кандидата и его послужной список. По мнению исследователя, пример киевского губернатора И.И. Фундукля подчеркивает явный отказ от господствовавшей патронажно-клиентской системы при назначении на государственную должность и формирование новой системы рекрутинга на профессиональной основе (Ийслуу, 2018: 88). С. Дегтяревым в контексте изучения бессарабского

периода жизни И.С. Аксакова были рассмотрены особенности службы ряда представителей бюрократического аппарата на бессарабских землях, отношение к ним самого И.С. Аксакова (Degtyarev, 2015a). Опираясь на эпистолярный этот чиновника, автор отмечает малочисленность и неразвитость местных элит в Бессарабии, а также то, что сам И.С. Аксаков редко прибегал к критике существовавшего бюрократического аппарата, что видится ученым естественным ввиду принадлежности его самого к числу госслужащих, предопределившей определенную лояльность к системе. Исследованию деятельности «ярчайшего представителя «просвещенной бюрократии» XIX в.» – Н.В. Варадинова – посвящена работа С. Дегтярева и В. Завгородней, которые отметили, что результаты научной деятельности этого ученого «имеют несомненную ценность для понимания эволюции гражданского права, его дальнейшего развития» (Degtyarev et al., 2018).

В последнее время появились наработки, посвященные и другим аспектам функционирования бюрократического аппарата Российской империи. Назовем лишь некоторые из них: например, работу О. Федорченко о таком виде материального довольствия чиновников (чаще всего бывших), как пенсия. Изучая принципы формирования пенсионных выплат госслужащим, автор указывает, что в Российской империи размер пенсионного довольствия был дифференцированным и зависел от занимаемой должности, которая и определяла пенсионный разряд. При этом ученым отмечается, что пенсионное страхование в империи носило непрогрессивный характер, о чем свидетельствует достаточно большой разрыв в размерах самой низкой и самой высокой заработной платы на один пенсионный разряд (Федорченко, 2016). В работах Н. Леміш рассмотрен вопрос организации государственной службы на Левобережной Украине, проанализирован ряд документов личного состава и учетные формы кадровой документации, использованные в делопроизводстве административных учреждений Левобережной Украины первой половины XIX в. (Леміш, 2010; Леміш, 2011).

Ряд исследований посвящен изучению бюрократии судебного ведомства. В работах В. Кравчука проанализированы конституционно-правовые основы деятельности судей и судебных органов, определены факторы, влияющие на их формирование. Исследована динамика правового статуса судей, в частности требования, предъявляемые к судьям, порядок их избрания и назначения, полномочия и ответственность судей, гарантии их безопасности и другие вопросы (Кравчук, 2016). В контексте изучения формирования системы судопроизводства на землях Северо-Восточной Украины в конце XVII–XVIII вв. и влияния на него российских судебных практик С. Дегтяревым были затронуты и некоторые аспекты истории чиновничества судебного ведомства (Degtyarev et al., 2019).

Можно выделить еще довольно много работ украинских исследователей, которые посвящены различным аспектам функционирования бюрократического аппарата Российской империи, что дополнительно подчеркнет все многообразие вопросов, исследуемых ими в данном контексте. Но сделать это в одной публикации не представляется возможным. К тому же целью данной работы является привлечение внимания научного сообщества не к конкретным работам украинских ученых по истории чиновничества, а к украинской историографии в этом тематическом поле в целом.

5. Заключение

Таким образом, анализ трудов украинских ученых, научный интерес которых лежит в плоскости изучения истории чиновничества Российской империи, позволяет сделать несколько выводов. В частности, в некотором смысле научные исследования истории чиновничества Российской империи украинскими историками следуют унифицированной научно-исследовательской парадигме изучения этого вопроса в части рассмотрения хронологических, тематических, методологических и других аспектов истории чиновничества. Тем не менее, несмотря на определенную парадигмальность, наблюдается достаточно широкий спектр, дифференциация аспектов и векторов украинской историографии истории чиновничества Российской империи. Особенно в этом контексте следует отметить достаточно большой блок научных работ, посвященный деятельности конкретных персоналий – представителей бюрократического аппарата, и рассмотрение через призму персонально-личностных характеристик особенностей бюрократической системы Российской империи. Представляется важным отметить тот факт, что украинская историография истории чиновничества Российской империи особые акценты расставляет именно на национально-региональных особенностях истории чиновничества, наиболее адекватно отражающих специфику региона и его отношения с центром.

Исходя из вышесказанного, несомненным является тот факт, что изучение украинской историографии истории чиновничества Российской империи, наряду с исследованиями российских и других ученых, позволит комплексно проанализировать весь массив научных работ в этом направлении и системно проанализировать феномен чиновничьей службы и быта.

Литература

Аркуша и др., 2009 – Аркуша О.Г., Бойко О.В., Бородин Є.І., Мотренко Т.В., Смолий В.А. Історія державної служби в Україні: у 5 т. Т. 1. Київ: Ніка-Центр. 2009. 542 с.

Бармак, 2006 – Бармак М.В. Повноваження та діяльність губернських правлінь Волинської, Подільської та Київської губерній (кінець XVIII – перша половина XIX ст.) // *Краєзнавство*. 2006. №1. С. 145-149.

Бармак, 2007 – Бармак М.В. Формування владних інституцій Російської імперії на Правобережній Україні (кін. XVIII – пер. пол. XIX ст.). Тернопіль. 2007. 512 с.

Бармак, 2008 – Бармак М.В. Організація системи службової кар'єри російського чиновника за нормами законодавства Російської імперії // *Наукові праці Миколаївського державного гуманітарного університету ім. Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія»*. Серія «Історичні науки». 2008. Т. 88. Вип. 75. С. 75-79.

Бармак, 2016 – Бармак М.В. Формування російської імперської системи державної служби на українських землях (XVIII–XIX ст.). Тернопіль: Астон 2016. 392 с.

Бездрабко, 2019 – Бездрабко В.В. Літературна спадщина Миколи Гоголя як джерело дослідження історії бюрократії // *Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв*. №2. 2019. С. 42-48.

Боряк и др, 2009а – Боряк Г.В., Демченко Л.Я., Мицик Ю.А., Мотренко Т.В., Смолій В.А. Історія державної служби в Україні: у 5 т. Т. 3: Документи і матеріали. V ст. до н. е. 1774 р. Київ: Ніка-Центр. 2009. 654 с.

Боряк и др., 2009б – Боряк Г.В., Демченко Л.Я., Шандра В.С., Мотренко Т.В., Смолій В.А. Історія державної служби в Україні: у 5 т. Т. 4: Документи і матеріали. 1775–1913. Київ: Ніка-Центр. 2009. 870 с.

Верховцева, 2015 – Верховцева І.Г. Селянська бюрократія в самоврядуванні селян у Російській імперії другої половини XIX – початку XX ст.: ідейно-теоретичні аспекти // *Український селянин*. 2015. Вип. 15. С. 33-37.

Володько, 2005 – Володько В.В. Канцелярські службовці Київського намісництва середини 80-х рр. XVIII ст.: правове становище, чисельність, соціальний склад / *Наукові записки: Збірник наукових статей Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова*. 2005. Випуск LIX. С. 172-181.

Володько, 2006а – Володько В.В. Вихідці з сотенної козацької старшини в повітових судово-адміністративних установах Київського намісництва 80-х рр. XVIII ст. // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*. 2006. Вип. 15. С. 149-154.

Володько, 2006б – Володько В.В. Вища бюрократія Київського намісництва 80-х – першої половини 90-х рр. XVIII ст. // *Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Історія*. 2006. Вип. 87-88. С. 66-69.

Володько, 2006с – Володько В.В. Міське виборне чиновництво Київського намісництва в 80-х – першій половині 90-х рр. XVIII ст. // *Наука. Релігія. Суспільство*. 2006. № 1. С. 10-16.

Володько, 2006д – Володько В.В. Роль дворянського самоуправління в поповненні чиновницького апарату Київського намісництва в 80-х – першій половині 90-х рр. XVIII ст. // *Часопис української історії*. 2006. Вип. 4. С. 7-12.

Володько, 2010 – Володько В.В. Народження української бюрократії. Як еліта Гетьманщини стала імперськими чиновниками. [Електронний ресурс]. URL: <https://www.istpravda.com.ua/articles/4d02355c83a3a/>

Галь, 2006 – Галь Б.О. Проблема формування регіональної бюрократії на Лівобережній Україні (друга пол. XVIII – початок XIX ст.). [Електронний ресурс]. URL: <https://uaterra.in.ua/2006/04/12/>

Грукач, 2013 – Грукач В.О. Правові засади діяльності органів місцевої влади Правобережної України у XIX – на початку XX ст. // *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право*. 2013. Частина 1. Вип. 21. С. 30-33.

Грукач, 2015 – Грукач В.О. Інститут генерал-губернаторства у Правобережній Україні: правові засади та особливості функціонування (1832–1914 рр.). Дисс. ... канд. юрид. наук. Київ. 2015. 220 с.

Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус»». 2014. 472 с.

Дегтярев, 2014 – Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // *Русин*. 2014. 35 (1). С. 91-104.

Дегтярев, 2016 – Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2016. 43 (1). С. 177-195.

Желізняк, 2013 – Желізняк В.М. Губернатор в системі місцевого управління Російської імперії 1796-1914 рр. (на матеріалах Волинської губернії). Дисс. ... канд. істор. наук. Тернопіль. 2013. 242 с.

Ийслуу, 2018 – Ийслуу А.Е. Призначення чиновників на державні посади в період правління Миколи I (1825-1855): між покровительством і здібностями // *Архіви України*. 2018. Випуск 5-6. С. 81-91.

Конопка, 2002 – Конопка Н. Спроби відновлення прав і привілеїв українського шляхетства малоросійським генерал-губернатором М.Г. Рєпніним-Волконським // *Наукові записки НУ «Острозька академія»*. Серія «Історичні науки». 2002. Випуск 2. С. 79-88.

Кравчук, 2016 – Кравчук В.М. Історико-правові аспекти основ правового статусу суддів на українських землях у складі Російської імперії (кінець XVIII – початок XX століття) // *Актуальні проблеми вітчизняної юриспруденції*. 2016. Вип. 4. С. 3-7.

Кудлай, 2004 – Кудлай А.Л. Формування професійної бюрократії в Україні: витоки, тенденції та перспективи: Дисс. ... канд. політ. наук. Одеса. 2004.

Леміш, 2010 – Леміш Н.О. Особливості державного управління регіонами Лівобережної України першої половини XIX ст. (на прикладі Чернігівської губернії) // *Держава та регіони. Серія: Державне управління*. 2010. № 4. С. 125-129.

Леміш, 2011 – Леміш Н.О. Особливості організації та документування державної служби в адміністративних установах Лівобережної України першої половини XIX ст. // *Історичний архів*. 2011. Вип. 6. С. 120-124.

Молчанов, 2008 – Молчанов В.Б. Корупція як соціальний чинник добробуту імперської адміністрації у підросійській Україні в XIX – на початку XX ст. // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2008. Вип. 14. С. 247-267.

Панченко, 2015 – Панченко В. Національна складова імперської кадрової політики на Волині у 1871-1919 рр. (на прикладі Житомирського з'їзду мирових суддів) // *Intermarum: історія, політика, культура*. 2015. Вип. 2. С. 75-91.

Самойленко, 2019 – Самойленко О.О. Досвід формування та розвитку державної служби Російської імперії у XVIII – на початку XX ст. // *Правове регулювання економіки*. 2019. № 18. С. 19-26.

Солодка, 2019 – Солодка К.Ю. Правове становище державних службовців Наддніпрянської України за нормами законодавства Російської імперії у XVIII–XIX ст. // *Вчені записки ТНУ імені В.І. Вернадського. Серія: Історичні науки*. 2019. Т. 30 (69). № 4. С. 93-97.

Табачук, 2018 – Табачук А. Розповсюджені види грошових хабарів чиновників за «вирішення» майнових та цивільних питань у Російській імперії (XVIII–XIX ст.) // *Forum Numismatyczne: Studia i Materiały*. 2018. № 2. Рр. 84-87.

Тишкун, 2008 – Тишкун Ю. Актуальні проблеми функціонування державної бюрократії в Україні: історико-політологічний аспект // *Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку*. 2008. Випуск 20. С. 133-139.

Федорченко, 2016 – Федорченко О.В. Державне пенсійне забезпечення службовців відомства зв'язку Російської імперії у XIX – на початку XX ст.: історико-правовий аспект // *Юридичний бюлетень*. 2016. Вип. 3. С. 32-45.

Шандра, 2000 – Шандра В.С. Малоросійське генерал-губернаторство в період урядування М.Г. Рєпніна (1816-1834) // *Український історичний журнал*. 2000. № 5. С. 78-88.

Шандра, 2001 – Шандра В.С. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802-1856: функції, структура, архів. Київ. 2001. 356 с.

Шандра, 2002a – Шандра В.С. Новоросійський і бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов (1823-1854) // *Український історичний журнал*. 2002. №1. С. 67-79.

Шандра, 2002b – Шандра В.С. Новоросійський і бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов (1823-1854). Закінчення // *Український історичний журнал*. 2002. №3. С. 125-137.

Шандра, 2003 – Шандра В.С. Проблеми управління Правобережною Україною: Київське генерал-губернаторство за О.М. Дондукова-Корсакова (у 1869-1878 рр.) // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2003. №6. С. 193-213.

Шандра, 2005 – Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX-початок XX століття. Київ: Інститут історії України. 2005. 427 с.

Шандра, 2007a – Шандра В.С. Формування бюрократії в Правобережній Україні // *Український історичний журнал*. 2007. № 2. С. 143-158.

Шандра, 2007b – Шандра В.С. Чиновник з особливих доручень при Київському Генерал-губернаторові: соціологічний портрет // *Проблеми історії України XIX-початку XX ст.* 2007. №13. С. 156-176.

Шандра, 2013 – Шандра В.С. Адміністративна та судова відповідальність чиновника в законодавчих актах Російської імперії (до постановки наукової проблеми) // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.:* Зб. наук. пр. 2013. Вип. 22. С. 5-13.

Шандра и др., 2006 – Шандра В.С., Крижанівська О.О., Вільшанська О.Л. Історія повсякдення як науковий підхід для вдосконалення досліджень історії України XIX – початку XX століття // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2006. №11. С. 28-39.

Шандра, Мінаков, 2011 – Шандра В.С., Мінаков А.С. Губернаторський корпус і центральна влада: проблема взаємовідносин (за матеріалами губерній Чорноземного центру другої половини XIX – початку XX ст.) // *Український історичний журнал*. 2011. № 4. С. 215-220.

Шандра, Писарькова, 2008 – Шандра В.С., Писарькова Л.Ф. Державне управління в Росії з кінця XVII до кінця XVIII ст.: Еволюція бюрократичної системи // *Український історичний журнал*. 2008. № 2. С. 175-180.

Ярошенко, 2016a – Ярошенко М.О. Протидія корупції в Російській Імперії в другій половині XIX – на початку XX ст.: історіографія проблеми // *Право і суспільство*. 2016. №1(2). С. 36-41.

Ярошенко, 2016b – Ярошенко М.О. Запобігання корупції в системі губернської адміністрації в Наддніпрянській Україні (друга половина XIX – початок XX ст.) // *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія «Право»*. 2016. Випуск 36. Том 1. С. 33-36.

Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Pp. 1530-1537.

Degtyarev et al., 2019 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 2019. 52(2). Pp. 491-501.

Degtyarev, 2012 – Degtyarev S. Civil Officers' Educational Level in the First Half of XVIII Century // *Bylye Gody*. 2012. 23(1). Pp. 11-18.

Degtyarev, 2013a – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4). Pp. 28-35.

Degtyarev, 2013b – Degtyarev S.I. Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2014a – Degtyarev S. Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2014. 32(2). Pp. 155-161.

Degtyarev, 2014b – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol 34(4). Pp. 554-558.

Degtyarev, 2015a – Degtyarev S. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp. 254-259.

Degtyarev, 2015b – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 865-875.

Degtyarev, 2016 – Degtyarev S.I. Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 39(1). Pp. 45-52.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. 42(4). Pp. 1118-1126.

Degtyarev, Polyakova, 2019 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians // *Bylye Gody*. 2019. 51(1). Pp. 83-92.

Lebid et al., 2019 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

Lebid et al., 2020 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 115-129.

References

Arkusha i dr., 2009 – Arkusha O.H., Boiko O.V., Borodin Ye.I., Motrenko T.V., Smolii V.A. (2009). *Istoriia derzhavnoi sluzhby v Ukraini* [History of civil service in Ukraine]. V 5 t. T. 1. Kyiv: Nika-Tsentr. 542 p. [in Ukrainian]

Barmak, 2006 – Barmak M.V. (2006). *Povnovazhennia ta diialnist hubernskykh pravlin Volynskoi, Podilskoi ta Kyivskoi hubernii* (kinets XVIII – persha polovyna XIX st.) [Powers and activities of the provincial boards of Volyn, Podil and Kyiv provinces (end of XVIII – first half of XIX century)]. *Kraieznaustvo*. №1. Pp. 145-149. [in Ukrainian]

Barmak, 2007 – Barmak M.V. (2007). *Formuvannia vladnykh instytutiv Rosiiskoi imperii na Pravoberezhnii Ukraini* (kin. XVIII – per. pol. XIX st.). [Formation of power institutions of the Russian Empire in the Right-Bank Ukraine (end of XVIII – first half of the XIX century)]. Ternopil. 512 p. [in Ukrainian]

Barmak, 2008 – Barmak M.V. (2008). *Orhanizatsiia systemy sluzhbovoi kariery rosiiskoho chynovnyka za normamy zakonodavstva Rosiiskoi imperii*. [Organization of the career system of a Russian official according to the norms of the legislation of the Russian Empire]. *Naukovi pratsi Mykolaiivskoho derzhavnogo humanitarnoho universytetu im. Petra Mohyly kompleksu «Kyievo-Mohylianska akademiia»*. Serii «Istorychni nauky». T. 88. Vyp. 75. Pp. 75-79. [in Ukrainian]

Barmak, 2016 – Barmak M.V. (2016). *Formuvannia rosiiskoi imperskoi systemy derzhavnoi sluzhby na ukrainskykh zemliakh* (XVIII-XIX st.). Ternopil: Aston. 392 p. [in Ukrainian]

Bezdrabko, 2019 – Bezdrabko V.V. (2019). *Literaturna spadshchyna Mykoly Hoholia yak dzherelo doslidzhennia istorii biurokratii*. [Mykola Gogol's literary heritage as a source of research into the history of bureaucracy]. *Visnyk Natsionalnoi akademii kerivnykh kadrov kultury i mystetstv*. №2. Pp. 42-48. [in Ukrainian]

- Boriak y dr, 2009a** – Boriak H.V., Demchenko L.Ya., Mytsyk Yu.A., Motrenko T.V., Smolii V.A. Istoriiia derzhavnoi sluzhby v Ukraini [History of civil service in Ukraine]: v 5 t. T. 3: Dokumenty i materialy. V st. do n. e. 1774 r. Kyiv: Nika-Tsentr. 654 p. [in Ukrainian]
- Boriak y dr., 2009b** – Istoriiia derzhavnoi sluzhby v Ukraini [History of civil service in Ukraine]: u 5 t. T. 4: Dokumenty i materialy. 1775-1913 / [H.V. Boriak, L.Ya. Demchenko, V.S. Shandra, T.V. Motrenko, V.A. Smolii]. Kyiv: Nika-Tsentr. 2009. 870 c. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2012** – Degtyarev S. (2012). Civil Officers' Educational Level in the First Half of XVIII Century. *Bylye Gody*. 23(1). Pp. 11-18.
- Degtyarev, 2013a** – Degtyarev S.I. (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4). Pp. 28-35.
- Degtyarev, 2013b** – Degtyarev S.I. (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1). Pp. 16-25.
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S.I. (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsi XVIII – pershii polovyni XIX st.: monohrafiia [Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th –the beginning of the 19th centuries: monograph]. Sumy: TOV «Drukarskyi dim «Papyrus». 472 p. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S.I. (2014). Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX vv. [Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent.]. *Rusin*. 35(1). Pp. 91-104. [in Russian]
- Degtyarev, 2014a** – Degtyarev S. (2014). Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries. *Bylye Gody*. 32(2). Pp. 155-161.
- Degtyarev, 2014b** – Degtyarev S. (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. Vol 34(4). Pp. 554-558.
- Degtyarev, 2015a** – Degtyarev S. (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2). Pp. 254-259.
- Degtyarev, 2015b** – Degtyarev S.I. (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4). Pp. 865-875.
- Degtyarev, 2016** – Degtyarev S.I. (2016). Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century. *Bylye Gody*. 39(1). Pp. 45-52.
- Degtyarev, 2016** – Degtyarev S.I. (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian Empire in the Left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries)]. *Rusin*. 43(1). Pp. 177-195. [in Russian]
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016** – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4). Pp. 1118-1126.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4). Pp. 1530-1537.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2). Pp. 491-501.
- Degtyarev, Polyakova, 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. (2019). Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians. *Bylye Gody*. 51(1). Pp. 83-92.
- Fedorchenko, 2016** – Fedorchenko O.V. (2016). Derzhavne pensiine zabezpechennia sluzhbovtziv vidomstva zviazku Rosiiskoi imperii u XIX – na pochatku XX st.: istoryko-pravovy aspekt. [State pension provision for employees of the communications department of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: historical and legal aspect]. *Yurydychnyi biuleten*. Vyp. 3. Pp. 32-45. [in Ukrainian]
- Hal, 2006** – Hal B.O. (2006). Problema formuvannia rehionalnoi biurokratii na Livoberezhnii Ukraini (druha pol. XVIII – pochatok XIX st.). [The problem of forming a regional bureaucracy in the Left-Bank Ukraine (second half of the XVIII – beginning of the XIX century)]. [Electronic resource]. URL: <https://uattera.in.ua/2006/04/12/>
- Hrukach, 2013** – Hrukach V.O. (2013). Pravovi zasady diialnosti orhaniv mistsevoi vldy Pravoberezhnoy Ukrainy u XIX – na pochatku XX st. [Legal bases of activity of local authorities of the Right-Bank Ukraine in the XIX – in the beginning of the XX century]. *Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho natsionalnoho universytetu. Serii Pravo*. Chastyna 1. Vyp. 21. Pp. 30-33. [in Ukrainian]

Hrukach, 2015 – *Hrukach V.O.* (2015). Instytut heneral-hubernatorstva u Pravoberezhnii Ukraini: pravovi zasady ta osoblyvosti funktsionuvannia (1832–1914 rr.). Dis. ... kand. yuryd. nauk. [The Institute of the Governor-General in Right-Bank Ukraine: Legal Principles and Peculiarities of Functioning (1832–1914)]. Kyiv. 220 s. [in Ukrainian]

Konopka, 2002 – *Konopka N.* (2002). Sproby vidnovlennia prav i pryvileiv ukrainskoho shliakhetstva malorosiiskym heneral-hubernatorom M.H. Riepninym-Volkonskym. [Attempts to restore the rights and privileges of the Ukrainian nobility by the Governor-General of Little Russia M.H. Repnin-Volkonsky]. *Naukovi zapysky NU «Ostrozka akademiia». Serii « Istorychni nauky»*. Vypusk 2. Pp. 79-88. [in Ukrainian]

Kravchuk, 2016 – *Kravchuk V.M.* (2016). Istoryko-pravovi aspekty osnov pravovoho statusu suddiv na ukrainskykh zemliakh u skladi Rosiiskoi imperii (kinets XVIII – pochatok XX stolittia). [Historical and legal aspects of the basics of the legal status of judges in the Ukrainian lands as part of the Russian Empire (end of XVIII - early XX century)]. *Aktualni problemy vitchyznianoï yurysprudentsii*. Vyp. 4. Pp. 3-7. [in Ukrainian]

Kudlai, 2004 – *Kudlai A.L.* (2004). Formuvannia profesiinoï biurokratii v Ukraini: vytoky, tendentsii ta perspektyvy. Dys... kand. polit. nauk. [Formation of professional bureaucracy in Ukraine: origins, tendencies and prospects]. Odesa. [in Ukrainian]

Lebid et al., 2019 – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

Lebid et al., 2020 – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 55. Is. 1. Pp. 115-129.

Lemish, 2010 – *Lemish N.O.* (2010). Osoblyvosti derzhavnoho upravlinnia rehionamy Livoberezhnoi Ukrainy pershoï polovyny XIX st. (na prykladi Chernihivskoi hubernii). [Features of public administration of the regions of the Left-Bank Ukraine in the first half of the XIX century]. *Derzhava ta rehiony. Serii: Derzhavne upravlinnia*. № 4. Pp. 125-129. [in Ukrainian]

Lemish, 2011 – *Lemish N.O.* (2011). Osoblyvosti orhanizatsii ta dokumentuvannia derzhavnoi sluzhby v administratyvnykh ustanovakh Livoberezhnoi Ukrainy pershoï polovyny XIX st.. [Features of the organization and documentation of the civil service in the administrative institutions of the Left-Bank Ukraine in the first half of the XIX century]. *Istorychnyi arkhiv*. Vyp. 6. Pp. 120-124. [in Ukrainian]

Molchanov, 2008 – *Molchanov V.B.* (2008). Koruptsiia yak sotsialnyi chynnyk dobrobutu imperskoi administratsii u pidrosiiskii Ukraini v XIX – na pochatku XX st. [Corruption as a social factor of welfare of the imperial administration in sub-Russian Ukraine in the XIX – early XX centuries]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* Vyp. 14. Pp. 247-267. [in Ukrainian]

Panchenko, 2015 – *Panchenko V.* (2015). Natsionalna skladova imperskoi kadrovoi polityky na Volyni u 1871-1919 rr. (na prykladi Zhytomyrskoho zizdu myrovnykh suddiv) [The national component of the imperial personnel policy in Volyn in 1871-1919 (on the example of the Zhytomyr Congress of Justices of the Peace)]. *Intermarum: istoriia, polityka, kultura*. Vyp. 2. Pp. 75-91. [in Ukrainian]

Samoilenko, 2019 – *Samoilenko O.O.* (2019). Dosvid formuvannia ta rozvytku derzhavnoi sluzhby Rosiiskoi imperii u XVIII – na pochatku XX st. [The experience of formation and development of the civil service of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. *Pravove rehuliuвання ekonomiky*. № 18. Pp. 19-26. [in Ukrainian]

Solodka, 2019 – *Solodka K.Yu.* (2019). Pravove stanovyshe derzhavnykh sluzhbovtiv Naddnyprianskoi Ukrainy za normamy zakonodavstva Rosiiskoi imperii u XVIII–XIX st. [Legal status of civil servants of Dnieper Ukraine according to the norms of the legislation of the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries.]. *Vcheni zapysky TNU imeni V.I. Vernadskoho. Serii: Istorychni nauky*. T. 30 (69). № 4. Pp. 93-97. [in Ukrainian]

Tabachuk, 2018 – *Tabachuk A.* (2018). Rozpovsiudzeni vydy hroshovykh khabariv chynovnykiv za «vyrishennia» mainovykh ta tsyvilnykh pytan u Rosiiskii imperii (XVIII-XIX st.) [Common types of monetary bribes of officials for "solving" property and civil issues in the Russian Empire (XVIII–XIX centuries)]. *Forum Numizmatyczne: Studia i Materialy*. № 2. Pp. 84-87. [in Ukrainian]

Tyshkun, 2008 – *Tyshkun Yu.* (2008). Aktualni problemy funktsionuvannia derzhavnoi biurokratii v Ukraini: istoryko-politohichnyi aspekt. [Actual problems of functioning of the state bureaucracy in Ukraine: historical and political aspect]. *Ukrainska natsionalna ideia: realii ta perspektyvy rozvytku*. Vyp. 20. Pp. 133-139. [in Ukrainian]

Shandra, 2000 – *Shandra V.S.* (2000). Malorosiiske heneral-hubernatorstvo v period uriaduvannia M.H. Riepnina (1816–1834). [Little Russia Governor-General during the reign of M.H. Repnin (1816–1834)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. №5. Pp. 78-88. [in Ukrainian]

Shandra, 2001 – *Shandra V.S.* (2001). Malorosiiske heneral-hubernatorstvo, 1802–1856: funktzii, struktura, arkhiv. [Little Russia Governor-General, 1802–1856: functions, structure, archive]. Kyiv. 356 p. [in Ukrainian]

Shandra, 2002a – *Shandra V.S.* (2002). Novorosiiskyi i bessarabskyi heneral-hubernator M.S. Vorontsov (1823–1854) [Novorossiysk and Bessarabian Governor-General M.S. Vorontsov (1823–1854)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. №1. Pp. 67-79. [in Ukrainian]

- Shandra, 2002b** – Shandra V.S. (2002). Novorosiiskyi i bessarabskyi heneral-hubernator M.S. Vorontsov (1823–1854). Zakinchennia. [Novorossiysk and Bessarabian Governor-General M.S. Vorontsov (1823–1854). The End]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. №3. Pp. 125-137. [in Ukrainian]
- Shandra, 2003** – Shandra V.S. (2003). Problemy upravlinnia Pravoberezhnoiu Ukrainoiu: Kyivske heneral-hubernatorstvo za O.M. Dondukova-Korsakova (u 1869-1878 rr.). [Problems of governing the Right-Bank Ukraine: Kyiv Governor-General under O.M. Dondukova-Korsakova (in 1869-1878)]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* №6. Pp. 193-213. [in Ukrainian]
- Shandra, 2005** – Shandra V.S. (2005). Heneral-hubernatorstva v Ukraini: XIX – pochatok XX stolittia [Governor-Generalship in Ukraine: XIX – early XX century]. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy. 427 p. [in Ukrainian]
- Shandra, 2007a** – Shandra V.S. (2007). Formuvannia biurokratii v Pravoberezhnii Ukraini [Formation of bureaucracy in the Right-Bank Ukraine]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. № 2. Pp. 143-158. [in Ukrainian]
- Shandra, 2007b** – Shandra V.S. (2007). Chynovnyk z osoblyvykh doruchen pry Kyivskomu Heneral-hubernatorovi: sotsiologichnyi portret [Official on special assignments under the Kyiv Governor-General: a sociological portrait]. *Problemy istorii Ukrainy XIX-pochatku XX st.* №13. Pp. 156-176. [in Ukrainian]
- Shandra, 2013** – Shandra V.S. (2013). Administratyvna ta sudova vidpovidalnist chynovnyka v zakonodavchykh aktakh Rosiiskoi imperii (do postanovky naukovoï problemy). [Administrative and judicial responsibility of the official in legislative acts of the Russian empire (before statement of a scientific problem)]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* Vyp. 22. Pp. 5-13. [in Ukrainian]
- Shandra i dr., 2006** – Shandra V.S., Kryzhaniuska O.O., Vilshanska O.L. (2006). Istoriia povsiakdennia yak naukovyi pidkhid dlia vdoskonalennia doslidzhen istorii Ukrainy XIX – pochatku XX stolittia [History of everyday life as a scientific approach to improving research on the history of Ukraine in the XIX – early XX century]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* №11. Pp. 28-39. [in Ukrainian]
- Shandra, Minakov, 2011** – Shandra V.S., Minakov A.S. (2011). Hubernatorskyi korpus i tsentralna vlada: problema vzaiemovidnosyn (za materialamy hubernii Chornozemnoho tsentru druhoi polovyny XIX – pochatku XX st.). [The Governor's Corps and the Central Government: The Problem of Relations (According to the Provinces of the Chernozem Center of the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. № 4. Pp. 215-220. [in Ukrainian]
- Shandra, Pysarkova, 2008** – Shandra V.S., Pysarkova L.F. (2008). Derzhavne upravlinnia v Rosii z kintsia XVII do kintsia XVIII st.: Evoliutsiia biurokratychnoi systemy. [Public administration in in the late XVII to late XVIII centuries: The evolution of the bureaucratic system]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. № 2. Pp. 175-180. [in Ukrainian]
- Verkhovtseva, 2015** – Verkhovtseva I.H. (2015). Selianska biurokratiia v samovriaduvanni selian u Rosiiskii imperii druhoi polovyny XIX – pochatku XX st.: ideino-teoretychni aspekty. [Peasant bureaucracy in the self-government of peasants in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries: ideological and theoretical aspects]. *Ukrainskyi selianyn*. Vyp. 15. Pp. 33-37. [in Ukrainian]
- Volodko, 2005** – Volodko V.V. (2005). Kantseliarski sluzhbovtsi Kyivskoho namisnytstva seredyny 80-kh rr. XVIII st.: pravove stanovyshe, chyselnist, sotsialnyi sklad. [Office clerks of the Kyiv governorate in the mid-80s XVIII c.: legal status, number, social structure]. *Naukovi zapysky: Zbirnyk naukovykh statei Natsionalnoho pedahohichnoho universytetu imeni M.P. Drahomanova*. Vypusk LIX. Pp. 172-181. [in Ukrainian]
- Volodko, 2006a** – Volodko V.V. (2006). Vykhidtsi z sotennoi kozatskoi starshyny v povitovykh sudovo-administratyvnykh ustanovakh Kyivskoho namisnytstva 80-kh rr. XVIII st. [Immigrants from the Hundredth Cossack Elder in the County Judicial and Administrative Institutions of the Kyiv Governorate in the mid-80s XVIII c.]. *Novi doslidzhennia pamiatok kozatskoi doby v Ukraini*. Vyp. 15. Pp. 149-154. [in Ukrainian]
- Volodko, 2006b** – Volodko V.V. (2006). Vyshcha biurokratiia Kyivskoho namisnytstva 80-kh – pershoi polovyny 90-kh rr. XVIII st. [The highest bureaucracy of the Kyiv governorate of the 80's – first half of the 90's of the XVIII century]. *Visnyk Kyivskoho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Istoriiia*. Vyp. 87-88. Pp. 66-69. [in Ukrainian].
- Volodko, 2006c** – Volodko V.V. (2006). Miske vyborne chynovnytstvo Kyivskoho namisnytstva v 80-kh – pershii polovyni 90-kh rr. XVIII st. [City elected officials of the Kyiv governorate in the 80's – first half of the 90's of the XVIII century]. *Nauka. Relihiia. Suspilstvo*. № 1. Pp. 10-16. [in Ukrainian]
- Volodko, 2006d** – Volodko V.V. (2006). Rol dvorianskoho samoupravlinnia v popovneni chynovnytskoho aparatu Kyivskoho namisnytstva v 80-kh – pershii polovyni 90-kh rr. XVIII st. [The role of aristocratic self-government in the replenishment of the bureaucracy of the Kyiv governorate in the 80's – first half of the 90's of the XVIII century]. *Chasopys ukrainskoi istorii*. Vyp. 4. Pp. 7-12. [in Ukrainian]
- Volodko, 2010** – Volodko V.V. (2010). Narodzhennia ukrainskoi biurokratii. Yak elita Hetmanshchyny stala imperskymy chynovnykamy. [Birth of the Ukrainian bureaucracy. How the elite of the Hetmanate became imperial officials]. [Electronic resource]. URL: <https://www.istpravda.com.ua/articles/4d02355c83a3a/> [in Ukrainian]

Yisluu, 2018 – *Yisluu A.E.* (2018). Pryznachennia chynovnykiv na derzhavni posady v period pravlinnia Mykoly I (1825–1855): mizh pokrovitelstvom i zdibnostiamy. [Appointment of officials to public office during the reign of Nicholas I (1825–1855): between patronage and ability]. *Arkhivy Ukrainy*. Vypusk 5-6. Pp. 81-91. [in Ukrainian]

Yaroshenko, 2016a – *Yaroshenko M.O.* (2016). Protydiia koruptsii v Rosiiskii Imperii v druhii polovyni XIX – na pochatku XX st.: istoriohrafia problema. [Anti-corruption in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries: historiography of the problem]. *Pravo i suspilstvo*. №1(2). Pp. 36-41. [in Ukrainian]

Yaroshenko, 2016b – *Yaroshenko M.O.* (2016). Zapobihannia koruptsii v systemi hubernskoi administratsii v Naddnyprianskii Ukraini (druha polovyna XIX – pochatok XX st.). [Prevention of corruption in the system of provincial administration in Dnieper Ukraine (second half of the XIX – beginning of the XX century)]. *Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho natsionalnoho universytetu. Seriia «Pravo»*. Vypusk 36. Tom 1. Pp. 33-36. [in Ukrainian]

Zhelizniak, 2013 – *Zhelizniak V.M.* (2013). Hubernator v systemi mistsevoho upravlinnia Rosiiskoi imperii 1796-1914 rr. (na materialakh Volynskoi hubernii): dys... kand. istor. nauk. [Governor in the system of local government of the Russian Empire 1796-1914 (on the materials of the Volyn province)]. Ternopil. 242 p. [in Ukrainian]

Чиновничество Российской империи: современная украинская историография

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, *}, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}, Александр Николаевич Волков ^d, Марина Александровна Пономарева ^e

^a Сумский государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована современная украинская историографии истории чиновничества Российской империи. В основу работы были положены научные труды современных ученых Украины. Предметом исследования этих ученых были правительственная политика в области государственного аппарата и организации службы чиновников, формирование и различные аспекты развития бюрократического аппарата на украинских землях Российской империи, вопросы служебной и внеслужебной повседневности чиновников Российской империи.

Авторами отмечена особенность в изучении предметного поля истории чиновничества в украинской историографии, которая состояла в акцентировании национально-региональных особенностей истории чиновничества.

Ключевые слова: чиновники, чиновничество, бюрократия, административный аппарат, Российская империя, современная украинская историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schwarzschwanenreich@gmail.com (А.Е. Лебедь)

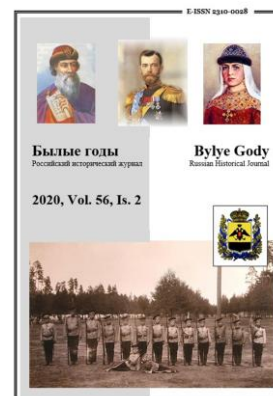
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 508-518. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.508
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Tyumen in Educational Space Russian Empire: Initial Stage

Olga I. Golovanova ^{a, *}

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

The article, based on archival materials, examines the origin and development of school education in Tyumen. The procedure for opening the first educational institution, the Tyumen Small Public School, is being restored; content of the educational process; household description of the school premises. Sources of financing are studied and the main items of expenditure are identified. The focus is on the staffing issue. The author comes to the conclusion that there were few prerequisites for the rapid spread of school education in Tyumen, so the process went extremely slowly, acquiring a mobilization character. The driving force in the implementation of the school project of Catherine II was the local administration, which considered the appearance of a public school in the city, first of all, as the need to fulfill the will of the monarch. The correlation of local authorities, society, and schools was mixed. Among the population of the city as a consumer of knowledge, the reform received support from clerical and retired employees. The Tyumen school played a crucial role in the dissemination of mass literacy.

Keywords: source, document, school, teacher, student, school reform of Catherine II, Tyumen Small National School, educational process, Order of public charity, school superintendent, City Duma, City society.

1. Введение

Позитивные изменения в жизни современного российского общества невозможны без осмысления роли народного образования в общественно-политическом, экономическом и культурном развитии страны. Отечественное школьное образование должно не только отвечать на вызовы российской действительности, но и основываться на исторической преемственности, поэтому обращение к его истокам является актуальным научным направлением.

Становление российской школы связано с модернизационными процессами Петра I, которые вызвали потребность в знаниях, в результате чего были созданы не только профессиональные школы и закрытые сословные учебные заведения, но и первые общеобразовательные школы (арифметические или «цифирные»).

В период правления Екатерины II открывается новая страница в истории всеобщего образования. С одной стороны, школьная реформа (1782–1786 гг.) была проведена в рамках идей Просвещения, с другой – народное движение под руководством Е. Пугачева 1773–1775 гг., доказавшее слабость государственной власти на местах, способствовало пересмотру всей системы управления, включая образование. Государство рассматривало создание образовательных учреждений для широких масс населения, которые сформируют полезных государству граждан как опору монархии. Потому школьная реформа явилась инструментом государственной политики, ответом на вызов времени и событий.

В 1782 г. была создана Комиссия по учреждению народных училищ под руководством П.В. Завадовского. Она разработала «План к установлению народных училищ», в соответствии с

* Corresponding author

E-mail addresses: golovanova.o@list.ru (O.I. Golovanova)

которым во всех губернских городах должны были открыться всеобщие государственные четырехклассные главные народные училища, в уездах – двухклассные малые народные училища.

Большую роль в школьной реформе сыграл приглашенный из Австро-Венгрии педагог Янкович де Мириево. За основу им были взяты прусская и австрийская системы школьного образования. В 1786 г. был утвержден «Устав народным училищам Российской империи».

Началась реализация школьного проекта. Если в 1782 г. в стране насчитывалось 8 народных училищ и обучалось 518 учащихся, то к 1796 г. – 316 главных и малых народных училищ. Исследователи отмечают, что с 1786 г. по 1796 г. количество школ возросло в 8 раз, в 5,5 раза – педагогов, в 4 раза – численность учащихся. К 1791 г. была достигнута наивысшая численность воспитанников – 17787 чел., к 1796 г. – наибольшее количество школ – 316. К концу XVIII в. училища были открыты в 45 губерниях страны (Артамонова, 2012: 59; Войтеховская, Куперт, 2012: 40).

О том, как проходил процесс внедрения школьного образования не в столице, и даже не в европейской части империи, а в далекой сибирской провинции – Тюмени – можно узнать единственным способом, изучая архивные материалы. Введение в оборот ранее не использованных источников позволит подойти к исследованию с современных концептуальных подходов.

В связи с этим встают следующие вопросы:

1. Была ли потребность у тюменского общества в грамотных людях, поскольку развитие системы народного образования связано с изменениями в социально-экономической, политической и культурной жизни?

2. Улучшило ли условия для развития ремесла, сельского хозяйства, торговли, подъема национальной культуры открытие малого народного училища в Тюмени?

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужили скорописные документы, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области. В центре внимания – Фонд И-2 «Тюменская городская дума».

Выполнение исследовательских задач основывалось на принципах историзма, объективности и системности.

На подготовительном этапе исследования, во-первых, проводился поиск источников в архивном пространстве, их выборка в соответствии с заявленной темой; во-вторых, использовался метод источниковедения – источниковедческий анализ и синтез, в соответствии с которым воспроизводились исторические условия возникновения источников; поднималась проблема авторства в условиях коллегиального делопроизводства; проводилась аргументированная оценка источников с точки зрения их научной достоверности и ценности.

Анализ источников определил междисциплинарный подход исследования. В поле зрения – документы общего и специального (финансовые) делопроизводства, межведомственного (входящие, исходящие) и внутриведомственного характера. Документы рассматривались с учетом их иерархии, жанрово-видовой принадлежности и стадии подготовки. Их состав: рапорты, сообщения, наставления, расписки, ведомости и т.д. Включение в научный оборот черновых записей составляет особую ценность, поскольку они содержат первичную информацию, которая может не совпадать с официальной версией и «выпасть» в процессе текстопорождения.

На основном этапе использовались следующие методы: хронологический, историко-типологический, сравнительный и др. Хронологический метод дал возможность в динамике рассмотреть процесс реализации школьной реформы в уездном городе; историко-типологический – определить роль малого народного училища как вида учебного заведения; сравнительный – сопоставить работу государственных и общественных структур по вкладу в развитие всеобщего образования; системный – включить Тюмень в образовательное пространство как составную часть Российской империи. Метод обобщения позволил выявить общие и особые черты на начальном этапе становления школьного образования в Тюмени. Кроме того, использовался метод математической обработки количественных данных для составления сводных таблиц.

3. Обсуждение

Формирование и развитие системы школьного образования дореволюционной России является достаточно традиционной темой для исследований. Однако в большинстве научных работ уделяется внимание, в основном, второй половине XIX в., когда происходила существенная модернизация технической и технологической базы промышленности, экономического поведения предпринимателей, практики управления, под воздействием которой реформировалась и российская модель всеобщего образования.

Дореволюционная история накопила богатый опыт в изучении школьного образования периода Екатерины II. Исследователи XIX в. собрали большое количество фактического, статистического, справочного материала. Они поднимали вопросы, связанные с государственной политикой и историей разработки проектов всеобщего образования; взаимодействием государственной, общественной, частной инициатив; региональными традициями школы;

«иностранческим» образованием; развитием педагогической мысли и т.д. (Воронов, 1858; Грот, 1879; Толстой, 1886; Щербатов, 1896; Рождественский, 1912 и др.). В основном ученые считали, что это было позитивным временем, в котором были заложены основы всеобщего образования. Существовало мнение о том, что попытка реализации школьной реформы была неудачной, т.к. большинство созданных народных училищ оказались лишь на бумаге, как «потемкинские деревни» (Фальборк, Чарнолуский, 1900).

В советский период «екатерининская» модель школы практически «выпала» из поля зрения, а для появившихся исследований характерна тенденциозность в силу идейных убеждений. Историки негативно и критически оценивали дореволюционный опыт, рассматривая его с точки зрения царской политики и сословной ограниченности (Козырев, 1948; Константинов, Струминский, 1949; Белявский, 1959; Лепская, 1973 и др.).

В настоящее время проблемы всеобщего образования второй половины XVIII в. вновь становятся предметом научного поиска. Начало формирования школьной системы образования связывают именно с деятельностью Екатерины II. Появились научные работы, связанные со становлением светского образования, развитием педагогической мысли, соотношением европейской образовательной традиции и российской, влиянием реформы на дальнейшее развитие образования и т.д. (Каменский, 1992; Титков, 1999; Болгова, 2010; Калачев, 2010; Войтеховская, Куперт, 2012 и др.). Положительным явлением становится и региональная тематика (Артамонова, 2001; Дашкевич, 2006; Кораблина, 2012 и др.).

Развитие школьного образования в Западной Сибири зависело от ее хозяйственного освоения, темпов заселения и духовного развития, что, несомненно, наложило отпечаток как на процесс «вживания» образования, так и интерес исследователей.

Одной из первых работ по истории просвещения региона было исследование Н.С. Юрцовского (Юрцовский, 1923). Кроме того, большую ценность представляют труды Ф.Ф. Шамахова и А.Н. Копылова и т.д. (Шамахов, 1949; Копылов, 1974 и т.д.).

В постсоветский период отмечается повышенный интерес исследователей к сибирскому региону. Формируются научные школы и направления (Прибыльский, 1998; Неупокоев, 2013; Быконя, 2015; Гергилев, Хаит, Ахтамов, 2019 и др.). Для существующих работ характерно изучение школьного образования путем анализа развития, в основном, училищ губернского типа.

Изучение малых народных училищ, в том числе Тюмени, остается недостаточно исследованным. Это сопряжено, прежде всего, с ограниченностью источников и с «неяркостью» событий. Однако роль малых народных училищ в распространении грамотности среди населения уездного города очевидна.

Итак, проведенный историографический обзор свидетельствует о том, что в современных исследованиях реализация школьной реформы Екатерины II рассматривается, в основном, на примере отдельных регионов. На сегодняшний день нет общей «сибириады», а включение Тюмени в общеобразовательное пространство Российской империи не являлось объектом специального исследования.

4. Результаты

В соответствии с общеобразовательной реформой в уездных городах, в том числе и Тюмени, стали создаваться малые народные училища – бесплатные доступные школы для всех свободных сословий Российской империи.

Летом 1789 г. губернатор Пермского и Тобольского наместничества Андрей Андреевич Волков обратился к Городскому собранию купцов, мещан и цеховых Тюмени с предложением об организации малого народного училища и «упоает», что общественность города «охотно примет» (Городская дума образована позже, в 1790 г.) (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 2, 23).

16 июля 1789 г. Городское общество направляет губернатору прошение с согласием поддержать его предложение и берет обязательство содержать народное училище. Среди подписавших прошение – известные представители купеческих династий (60 подписей): Семен Решетников (городской глава), Михаил Григорьевич Прасолов, Василий Спиридонович Иконников, Василий Проскураков и др. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 7-9).

Процедура открытия состоялась 24 ноября 1789 г. в Троицком монастыре с благодарного молебна. Далее учитель и будущие ученики в сопровождении духовенства, «благородных особ и всего гражданства» проследовали в предназначенный дом для торжественного открытия (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 5-6, 8).

Первый учитель Гавриил Лепехин обратился ко всем присутствующим с речью: «АВГУСТЕЙШАЯ МОНАРХИНЯ благоволила к счастью своих верноподданных <...> открыть народные училища, единственно относящиеся к наставлению отроков, <...> ибо они, руководимые через непрерывное упражнение в науках, возрастут к <...> пользе общества». Учитель уверен, что «отроки, с малых лет воспитанные в науках, не будут уничтожителями», а станут «исполнителями законов и божественных, и человеческих» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 11-12).

Церемония открытия состоялась. В ноябре 1789 г. Городское общество выделило средства на покупку парт, доски для письма, бумаги и мела. В декабре этого же года поступили в школу первые учебники (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 18, 23, 86-89). Так начался учебный процесс, и у тюменских детей появился доступ к элементарному образованию.

Управление школьным образованием осуществлялось с помощью административных структур: Правительствующего сената (Главного правительства училищ, в документах – Комиссия) → губернатора → Приказов общественного призрения → Городской думы. Общее руководство в губерниях было возложено на директора народных училищ, который заседал в Приказе общественного призрения. В уездных городах для надзора за малыми училищами назначались смотрители (попечители). В компетенцию попечителя входили надзор за организацией и ходом учебного процесса, решение различных хозяйственных вопросов и т.д. (см.: ПСЗ, Т. 22. № 16421).

Активное участие в становлении школьного образования сыграл правитель Тобольского наместничества А.В. Алябьев. Директором народных училищ был назначен Булычев (инициалы в рукописях отсутствуют). В сентябре 1791 г. его сменил Дохтуров (инициалы в рукописях отсутствуют), прибывший из Петербурга. Смотрителем Тюменского малого народного училища был комендант Тюмени Даниил Симонович Белоруков. Далее (примерно с 1791 г.) – Федор Иванович Бабичев (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 29; Д. 1143а. Л. 32, 118-119).

Рассмотрим, как проходил учебный процесс. К «Уставу народных училищ» вводились «Правила для учащихся народных училищ» и «Руководство учителям». В них оговаривались основные требования к учителям, правила поведения учащихся и меры наказания за проступки, учебные предметы, методы обучения, учебники для учащихся и руководства для учителей (ПСЗ. Т. 22. № 16421).

По Уставу предусматривалось обучение по классно-урочной системе. В училищах должны быть сформированы классы для совместного обучения учеников примерно одного уровня знаний. Учитель должен был заниматься с целым классом, не только объяснять содержание предмета, но и контролировать усвоение полученных знаний через опрос. Основой преподавания являлся учебник. Новаторством было чтение по слогам. Большое внимание уделялось использованию прописей «гражданского» российского письма.

В Тюменском народном училище вводились следующие предметы: в 1 классе – чтение, письмо, краткий катехизис, священная история, чистописание, арифметика, рисование (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 8); во 2 классе, т.е. с 1790 г., – грамматика, чтение, арифметика, чистописание, священная история, изучение Евангелия и катехизиса, чтение книги «О должностях человека и гражданина». Как видим, были включены разнообразные дисциплины.

Для стимулирования интереса к обучению в обществе и контроля успеваемости устраивались публичные испытания учащихся. Смотритель училища назначал дату и время их проведения, определял предметы и сообщал городской общественности. Первые экзамены были проведены в июне 1790 г. (следующие – в мае 1791 г. и т.д.) для учеников при переходе во второй класс, с приглашением местного начальства (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 133-134).

Первая учебная литература (115 книг) поступила в училище из Приказа общественного призрения (книги направлены из Петербурга через Тобольск). Это были буквари, правила для учащихся, руководство к чистописанию, сокращенный катехизис, арифметика, книга к чтению о должностях человека и гражданина, краткая священная история, таблицы гражданской и церковной печати, прописи, устав для народного училища и т.д.

Книги продавались родителям учащихся, а сумма переправлялась в Приказ общественного призрения. Цена учебников была следующей: букварь стоил 60 коп., пропись – 65 коп., арифметика – 37 коп., правило для учащихся – 50 коп., священная история – 40 коп. (в сравнении: ремонт печи – 14 коп., 140 гвоздей – 34 коп., мытье столов – 5 коп., 1 воз дров – 24 коп. и т.д.) (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 18, 23, 42-43).

Из восьми «екатерининских» лет существования училища максимальное количество учебной и учебно-методической литературы поступило и было продано в первые два года существования училища. Затем начинается спад как в поступлении книг, так и в продаже (см.: Таблица 1):

Таблица 1. Сводная таблица поступлений книг в училище и их продажа

	1789 г.	1790 г.	1791 г.	1792 г.	1793 г.	1794 г.	1795 г.	1796 г.
Количество книг, оставшихся с предыдущего года (экз./руб.)			64/ 14.24	105/ 25.39	95/ 28.62	83/ 26.94	83/ 26.94	88/ 29.16

Количество книг, поступивших в теч. года (экз./руб.)	115 (восстановить не удалось)	229/40.11	113/21.30	50/14.90	не поступало	не поступало	30/8.10	302/83.43
Итого (экз./руб.):	115	229/40.11	177/35.54	155/40.29	95/28.62	83/26.94	110/35.04	390/112.59
Количество книг, проданных в теч. года (экз./руб.)	115 (восстановить не удалось)	165/25.80	72/10.15	60/11.67	12/1.68	не продано	25/ 5.88	23/ 3.23

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что учебная литература часто оставалась невостребованной. В школе «залеживались» руководства, правила, таблицы и т.д. Покупали самые необходимые учебники. Особой популярностью пользовался букварь (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 155-257).

Одной из проблем существования первой школы в Тюмени было отсутствие собственного помещения. В городе использовалась практика приспособления различных зданий под училище по найму или в виде казенного поста (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 2-5).

В начале училище располагалось на квартире купца Стукалова (к сожалению, инициалы в источниках не указываются, но, вероятно, речь идет об Иване Алексеевиче – одном из богатейших и влиятельнейших предпринимателей Тюмени XVIII в.) (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 23). Полагаем, что дом находился вблизи Свято-Троицкого монастыря, о чем находим следующую запись: «За неимением же готового дома отведена для учителя и учеников удобная квартира <...> в ближайшей к училищному дому церкви <...> Троицы монастыря» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 9). Сообщение учителя Г. Лепехина подтверждает ветхость предоставленного помещения (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 39).

Примерно с декабря 1790 г. до июня 1791 г. училище находилось в доме Снегирева, о чем свидетельствует запись в финансовых отчетах за аренду помещения (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 196).

В июне 1791 г. школьники переехали в дом купца Михаила Григорьевича Прасолова – тюменского купца II гильдии, крупного кожевенного заводчика Сибири, который решил отдать свой собственный дом. Однако и он оказался крайне ветхим: «дом деревянный постройкой давнишней под тесовой крышей, ветхий, <...> обои бумажные ветхие, <...> ветхие ставни». На его ремонт с разрешения наместника Алябьева были взяты деньги в размере 185 руб. 90 коп. «из весовых и прочих доходов» города (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 39-40; Д. 1143а. Л. 45, 107, 112-113).

Расположение этого дома было очень удобное – «в первом квартале при торговой бирже». В этот период названий улиц еще не существовало, а город был поделен на кварталы.

20 февраля 1794 г. бывший владелец (купец М.Г. Прасолов) просит вернуть дом, т.к. намерен «на том месте для выгоды» построить каменное здание «для промысла». Предлагает отдать часть дома, в котором проживал (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 600. Л. 6). Нами не обнаружено информации о переводе школы в другое место, но проблема отсутствия собственного школьного помещения сохранилась вплоть до XIX в. В 1809 г. прибывший на проверку тюменского училища старший учитель Тобольской гимназии Иван Менделеев (отец известного ученого Д.И. Менделеева) указывал на отсутствие собственного школьного здания (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1139. Л. 2-3).

На основании различных текстовых фрагментов можно восстановить бытовую картину училища.

Описание дома купца Прасолова М.Г.: «дом, <...> в нем покоев теплых четыре, в них печей кирпичных четыре, <...> окошек тринадцать, <...> в покоях столов два, <...> небольшой открытый шкаф один, <...> стульев деревянных белых четыре» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 45).

Классные комнаты были укомплектованы ученическими партами, стульями, скамьями и деревянными черными досками для письма. В школе имелся шкаф «для поклажи учебных книг». Для учебного процесса закупали школьные принадлежности: мел, линейки, грецкий орех, перочинные ножи, писчую бумагу, чернильные орешки, чернильный купорос. Для поделок приобретали тонкий тес. Освещение здания осуществлялось с помощью сальных свечей, фитилей и «светилок». Отапливалось училище дровами, в классах были печи. Имелся пришкольный двор.

В 1791 г. в школу приобрели колокол весом в 22 фунта (почти 10 кг) для «позыву студентов». В этом же году была установлена вывеска на школу. О наличии настенных часов свидетельствует статья расходов об их ремонте (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 197-201).

Обслуживание здания заключалось в периодическом мытье парт и стульев, ремонте и побелке печей, чистке печных труб, утеплении дома и т.д. Периодически нанимали плотников для сбора или ремонта парт, стульев, дверей и окон; женщин – мытья столов и парт; маляров – окрашивания столов, шкафов; каменщиков – ремонта печей. В 1796 г. был построен новый забор вокруг школы. Для ремонта училища закупали тес, гвозди, шпалеры, крючки, петли, известь и т.д. Для «чищения около училищного дома нечистот» использовали лопаты.

Основной учебный фонд Тюменского народного училища формировался за счет городского общества («из общественной поборной суммы») и составлял 200 руб. в год. В первые годы источником финансирования была также благотворительность (см.: Таблица 2). Документы фиксируют разовые денежные переводы Городской думы на содержание Тобольского главного народного училища.

Общее содержание Тюменской школы заключалось в приобретении школьных принадлежностей и инвентаря, обслуживании и ремонте помещения, покупке дров и т.д. Существовало предписание об экономии денежных средств (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 39-40).

Основные расходы:

- 1) зарплата учителю составляла примерно 60-75 % от общей израсходованной суммы в год;
- 2) отопление школьного здания (с учетом помещения учителя, т.к. в некоторых статьях расходов представлено совокупно) – от 6 % до 10 %;
- 3) трата на инвентарь: приобретение новых столов, стульев и их сборка (по мере необходимости) – до 3 %;
- 4) ремонт здания школы: приобретение строительных материалов, оплата за производимую работу – в среднем от 1 % до 2,8 %;
- 5) приобретение школьных принадлежностей: от 1 % до 2 %;
- 6) содержание здания (инвентаря): мытье полов, парт и стульев; ремонт столов и стульев; чистка труб печей и т.д. – от 0,5 % до 1 % (в среднем);
- 7) покупка ягод вереса и можжевельника – до 0,2 %.

Как видим, основные расходы были связаны с выдачей жалованья учителю и приобретение дров как в школьное помещение, так и преподавательское.

Разовые расходы были связаны с приобретением вывески на школу, мешков для хранения денег, покупки Библии, колокола для оповещения, часов и т.д. В отдельные годы эти статьи расходов составляли от 2% до 4%. Оплата духовенству (при переезде на новое место) – 0,5 % (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 23-26; Д. 1143а. Л. 197-201, 204-209, 217-221, 223-228, 229-239).

В списке первых благотворителей были представители местной администрации, а также родители или попечители, чьи дети записаны для –единовременными, например: Д.С. Белоруков, комендант Тюмени и смотритель училища, обязывался ежегодно выплачивать по 10 руб. в год; Прасолов М., купец II гильдии, бургомистр, отдал свой дом «в пристойном месте с пяти жилами покоями» ценой в 250 руб.; Черкасов, управляющий Успенским винокуренным заводом господ Походяшиных, – 10 руб. в год; Шмотин А., мещанин, ратман Тюменского городского магистрата – 1 руб. в год; Загорский С., секретарь Тюменского нижнего земского суда – 1 руб. (единожды) и т.д. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 143а. Л. 5-6).

№	Дата	Содержание	Сумма
1789	16	Куплено канцелярских принадлежностей	1 70
		Куплено канцелярских принадлежностей	50
		Куплено канцелярских принадлежностей	10
		Куплено канцелярских принадлежностей	65
		Куплено канцелярских принадлежностей	20
		Куплено канцелярских принадлежностей	10
24		Куплено канцелярских принадлежностей	10
		Куплено канцелярских принадлежностей	6
		Куплено канцелярских принадлежностей	45
10		Куплено канцелярских принадлежностей	20
11		Куплено канцелярских принадлежностей	22
12		Куплено канцелярских принадлежностей	25

Рис. 1. Фрагмент сметы расходов за 1789 г. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 23)

Постепенно сумма пожертвований уменьшается, и, начиная с 1794 г., поступления полностью прекращаются (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 142-144; см.: Таблица 2).

Особое место в реализации проекта, конечно, принадлежит учителю. Именно учитель должен был «пробудить» провинциальное общество, сломать старые стереотипы мышления, доказать необходимость в приобретении знаний. Несмотря на предъявленные требования к учителю, социальное и материальное положение его было крайне плохим. Звание «учитель» в XVIII в. считалось принадлежностью людей низших сословий. Производство учителей в классные чины было осуществлено в 1797 г. в период правления Павла I (Рожественский, 1912: 583). Непрестижность профессии, бедность и плохие бытовые условия способствовали низкой мотивации учителя.

В Тюмени вместо двух предполагаемых педагогов был только один, который вел один «сборный класс» с разным уровнем подготовки, отдавая предпочтение чтению и чистописанию. В этом проявилось несоответствие между заявленной целью реформы и ее реализацией на практике.

Таблица 2. Сводная ведомость прихода и расхода

	1789 г. (ноябрь-декабрь)	1790 г.	1791 г.	1792 г.	1793 г.	1794 г.	1795 г.	1796 г.
Осталось с предыдущего года (руб.)	-	41.33	26	55.58	64.38	93.15	106.87	128.13
Определено Тюменским городским обществом (руб.)	30	200	200	200	200	200	200	200
Сумма, поступившая от благотворителей (руб.)	20	18	17.53	6	3	-	-	-
ИТОГО (руб.)	50	259.33	243.53	261.58	267.38	293.15	306.87	328.13
Израсходовано (руб.)	8.67	233.33	187.95	197.19	174.23	186.28	178.74	228.5

Возможно, учитель Гавриил Лепехин закончил сначала Тобольскую семинарию, затем был направлен в Главное училище Тобольска для подготовки к учительской должности, где по окончании и было на него «возложено почетное звание учителя» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 16; Д.1143а. Л. 23, 32). В Тюмени ему было предоставлено отдельное помещение для жилья и определены льготы – бесплатные дрова и свечи (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1138. Л. 23; Д.1143а. Л. 197-202).

О профессионализме Г. Лепехина и его добропорядочности свидетельствуют благодарности, например, 1790, 1791 гг.: «за доброе поведение и прилежность похвалу объявить» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а. Л. 59, 121).

Учитель получал жалованье из местного бюджета 3 раза в год («третьями»): «за январскую треть» – в мае, майскую – в августе и сентябрьскую – в декабре. В общей сумме 150 руб. в год. Фактов задержки жалованья в исследуемый период нами не обнаружено.

Нам удалось восстановить первых слушателей Тюменского народного училища: Денис Сухарев, Виссарион Башкуров, Григорий Семейкин, Ианнурий Лекирев, Иван Несторов, Иван Уточкин, Андрей Быков, Андрей Попов, Яким Сейгитинов, Фотей Устюженин, Петр Нестеров, братья Василий и Алексей Путьятевы. Всего 13. Возраст детей от 7 до 11 лет (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1143а, Л. 18). Список включает детей купцов, канцелярских служащих и военнослужащих, а также городских государственных крестьян.

Фактором, способствующим распространению просвещения, являлась поддержка служащих присутственных мест города. Их дети явились основным контингентом обучающихся школы. Охотно отдавали своих детей в школу служилые и солдатские вдовы. Предполагаем, что часть государственных крестьян, проживающая в Тюмени и желающая изменить свое социальное положение через приписку к городским сословиям, имела также определенную заинтересованность.

Практическое же отсутствие дворян в уездном городе свидетельствовало об отсутствии полярности в образовании, что способствовало развитию бессословной школы. Сохранение же сословного образования могло проявиться только со стороны крупного купечества, которое составляло лишь 0,6 % от числа купечества Тюмени конца XVIII в.

За исследуемый период должно было состояться примерно 5 выпусков. Проходили ли дети полностью обучение? Была ли заинтересованность самих детей? Отвлекали ли их родители на сельскохозяйственные или промысловые работы, торговые занятия? Насколько плодотворным был «союз» ученика с педагогом? Качественным ли был процесс образования? Эти вопросы остаются пока без ответа и призывают к дальнейшим архивным поискам.

5. Заключение

Тюменское малое народное училище явилось первым «маячком» в массовом распространении грамотности среди торгово-ремесленного населения, включая государственных крестьян, проживающих в городе. Однако доступа к образованию не получила округа (район), где концентрировалась основная часть населения – государственные или экономические крестьяне.

В Тюмени, где проживало крайне ограниченное количество представителей дворянства, купечество являлось наиболее значимым социальным слоем, который участвовал в управлении городом. Понимая необходимость прежде всего в выполнении указов «сверху», эта категория

населения выступила проводником в реализации проекта школьной реформы. Местные управленцы полностью взяли на себя организацию малого народного училища. Для этого они каждый год изыскивали средства на его существование, решали хозяйственные вопросы.

В силу особенностей социально-экономического развития региона общий культурно-образовательный уровень города оставался крайне низким, поэтому заинтересованности в массовой школе в этот период практически не было. Школа оказалась выше потребностей городского населения.

Благотворительность со стороны тюменского общества можно оценить как «моду» времени, а не как глубинную обоснованность в поддержке замысла.

В организации малого народного училища возникли проблемы, типичные для других регионов Российской империи: зависимость от органов местного самоуправления; недостаточное количество средств; нехватка профессиональных кадров; отсутствие собственного помещения и т.д.

В этот период в школе появилось много того, без чего сейчас невозможно представить школьный процесс. Это опрос учащихся, расписание уроков, классная доска, мел, журнал посещаемости и успеваемости, расписание уроков, проведение экзаменов и т.д. Появление школьного звонка и часов заложили добрую традицию, сохранившуюся до настоящего времени.

Таким образом, Тюмень включилась в образовательное пространство благодаря реформе Екатерины II. Потребность в образовании была минимальной, поэтому процесс проходил крайне медленно и имел мобилизационный характер. Хотя в действительности массовой школы создано не было и показатели были весьма скромными, тем не менее было положено начало распространению грамотности среди населения города и подготовлена основа для последующих общеобразовательных реформ.

Литература

[Артамонова, 2001](#) – *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2001. 392 с.

[Белявский, 1959](#) – *Белявский М.Т.* Школа и система образования в России в конце XVIII в. // *Вестник Московского университета. Сер.: Историко-филологическая.* 1959. № 2. С. 105-121.

[Болгова, 2010](#) – *Болгова А.М.* Создание учебно-воспитательных учреждений для подготовки людей «третьего чина» в ходе образовательных реформ Екатерины II // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки.* 2010. № 12. С. 133-141.

[Быконя, 2015](#) – *Быконя Г.Ф.* История народного образования в центральной Сибири (XVII – середина XIX веков). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015. 262 с.

[Войтеховская, Куперт, 2012](#) – *Войтеховская М.П., Куперт Ю.В.* Зарождение государственной системы образования в Российской империи // *Вестник Томского государственного педагогического университета,* 2012. Вып. 2 (117). С. 39-45.

[Воронов, 1858](#) – *Воронов А.С.* Федор Иванович Янкович де Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858. 168 с.

[ГАТО](#) – Государственный архив Тюменской области.

[Грот, 1879](#) – *Грот Я.К.* Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам Гримму. СПб., 1879. 40 с.

[Дашкевич, 2006](#) – *Дашкевич Л.А.* Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Екатеринбург, 2006. 411 с.

[Калачев, 2010](#) – *Калачев А.В.* Екатерининская реформа: контуры государственной системы народного образования // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2010. Вып. 2(92). С. 11-16.

[Каменский, 1992](#) – *Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...». Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992. 449 с.

[Козырев, 1948](#) – *Козырев В.А.* История общеобразовательной школы во второй половине XVIII в. Ставрополь. 1948. 342 с.

[Константинов, Струминский, 1949](#) – *Константинов, Н.А. Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1949. 207 с.

[Копылов, 1974](#) – *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX вв. Новосибирск: ЗСО РАН, 1974. 251 с.

[Кораблина, 2012](#) – *Кораблина Л.Ю.* Народное образование провинциального города второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Воронеж: Институт экономики и права, 2012. 262 с.

[Лепская, 1973](#) – *Лепская Л.А.* Состав учащихся народных училищ Москвы в конце XVIII в. // *Вестник Московского университета. Сер. 9: История.* 1973, № 5. С. 88-96.

[Неупокоев, 2013](#) – *Неупокоев И.В.* Управление школьным делом в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // *Образование и наука.* № 1. 2013. С. 58-73.

Прибыльский, 1998 – *Прибыльский Ю.П.* Школа Тюменского края в XVIII – нач. XX вв.: к трехсотлетию сибирской школы. Тобольск: Изд-во Тобольского педагогического института. им. Д.И. Менделеева, 1998. 112 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1930. Т. XXII. № 16421.

Рождественский, 1912 – *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. Т. 1. 680 с.

Титков, 1999 – *Титков Е.П.* Образовательная политика Екатерины Великой. М.: Изд. МПГУ, 1999. 481 с.

Толстой, 1886 – *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886. 214 с.

Фальборк, Чарнолуцкий, 1900 – *Фальборк Г.Л., Чарнолуцкий В.И.* Народное образование в России. СПб.: О.Н. Попова, 1900, 263 с.

Шамахов, 1949 – *Шамахов Ф.Ф.* Первые школы в Западной Сибири // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Т. VII. 1949. С. 40-67.

Щербатов, 1896 – *Щербатов М.М.* Проект о народном изучении / Сочинения М.М. Щербатова. СПб., 1896. Т. 1. С. 727-746.

Юрцовский, 1923 – *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск: Сибирское областное государственное изд-во, 1923. 246 с.

Gergilev et al., 2019 – *Gergilev D.N., Khait N.L., Akhtamov E.A.* Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 523-532. DOI: 10.13187/bg.2019.2.523

References

Artamonova, 2001 – *Artamonova L.M.* (2001). Obshchestvo, vlast' i prosveshchenie v russkoi provintsii XVIII-nachala XIX v. (Yugo-vostochnye gubernii Evropeiskoi Rossii) [Society, power and education in the Russian province of the XVIII – early XIX centuries (Southeastern provinces of European Russia)]. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 392 p. [in Russian]

Belyavskii, 1959 – *Belyavskii M.T.* (1959). Shkola i sistema obrazovaniya v Rossii v kontse XVIII v. [School and education system in Russia at the end of the XVIII century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.: Istoriko-filologicheskaya*. № 2. pp. 105-121. [in Russian]

Bolgova, 2010 – *Bolgova A.M.* (2010). Sozdanie uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii dlya podgotovki lyudei «tret'ego china» v khode obrazovatel'nykh reform Ekateriny II [The creation of educational institutions for the training of people of the "third rank" in the course of the educational reforms of Catherine II]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. №12. pp. 133-141. [in Russian]

Bykonya, 2015 – *Bykonya G.F.* (2015). Istoriya narodnogo obrazovaniya v tsentral'noi Sibiri (XVII – seredina XIX veka) [The history of public education in central Siberia (XVII – mid. XIX century)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. 262 p. [in Russian]

Dashkevich, 2006 – *Dashkevich L.A.* (2016). Gorodskaya shkola v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Urala (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [City school in the public and cultural life of the Urals (late XVIII – first half of the XIX centuries)]. Ekaterinburg. 411 p. [in Russian]

Fal'bork, Charnoluskii, 1900 – *Fal'bork G.L., Charnoluskii V.I.* (1900). Narodnoe obrazovanie v Rossii [Public education in Russia]. СПб.: О.Н. Попова. 263 p. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of Tyumen oblast].

Gergilev et al., 2019 – *Gergilev D.N., Khait N.L., Akhtamov E.A.* (2019). Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2: 523-532. DOI: 10.13187/bg.2019.2.523

Grot, 1879 – *Grot Ya.K.* (1879). Zaboty Ekateriny II o narodnom obrazovanii, po ee pis'mam Grimmu [Catherine II cares about public education, according to her letters to Grimm]. СПб, 40 p. [in Russian]

Kalachev, 2010 – *Kalachev A.V.* (2010). Ekaterininskaya reforma: kontury gosudarstvennoi sistemy narodnogo obrazovaniya [Catherine's reform: the contours of the state system of public education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Vyp. 2(92). pp. 11-16. [in Russian]

Kamenskii, 1992 – *Kamenskii A. B.* (1992). «Pod sen'yu Ekateriny...» Vtoraya polovina XVIII veka [“Under the canopy of Catherine ...” The second half of the XVIII century]. СПб.: Lenizdat. 449 p. [in Russian]

Konstantinov, Struminskii, 1949 – *Konstantinov, N.A. Struminskii V.Ya.* (1949). Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii [Essays on the history of primary education in Russia]. М.: Uchpedgiz. 207 p. [in Russian]

Kopylov, 1974 – *Kopylov A.N.* (1974). Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII- nachala XIX v. [Essays on the cultural life of Siberia XVII – early XIX century]. Novosibirsk: ZSO RAN. 251 p. [in Russian]

Korablina, 2012 – *Korablina L.Yu.* (2012). Narodnoe obrazovanie provintsial'nogo goroda vtoroi poloviny XVIII – pervoi poloviny XIX vv. [The public education of the provincial city of the second half of the XVIII – the first half of the XIX centuries]. Voronezh: In-t ekonomiki i prava. 262 p. [in Russian]

Kozyrev, 1948 – *Kozyrev V.A.* (1948). Istoriya obshcheobrazovatel'noi shkoly vo vtoroi polovine XVIII v. [The history of the comprehensive school in the second half of the XVIII century]. Stavropol'. 342 p. [in Russian]

Lepskaya, 1973 – *Lepskaya L.A.* (1973). Sostav uchashchikhsya narodnykh uchilishch Moskvy v kontse XVIII v. [The composition of students of public schools in Moscow at the end of the XVIII century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Istoriya.* №5. pp. 88-96. [in Russian]

Neupokoev, 2013 – *Neupokoev I.V.* (2013). Upravlenie shkol'nym delom v Tobol'skoi gubernii v kontse XVIII – nachale XX v. [School management in the Tobolsk province in the late XVIII – early XX centuries]. *Obrazovanie i nauka.* № 1. pp. 58-73. [in Russian]

Pribyl'skii, 1998 – *Pribyl'skii Yu.P.* (1998). Shkola Tyumenskogo kraja v XVIII nach. XX vv.: K trekhstolietiyu sibirskoi shkoly [School of the Tyumen region in the XVIII beg. XX centuries.: To the centenary of the Siberian school]. Tobol'sk: Izd-vo Tobol'skogo ped. inst. im. D.I. Mendeleeva. 112 p. [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. SPb, 1930. T. XXII. № 16421.

Rozhdestvenskii, 1912 – *Rozhdestvenskii S.V.* (1912). Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII – XIX vekakh [Essays on the history of public education systems in Russia in the eighteenth and nineteenth centuries]. SPb. Tip. M.A. Aleksandrova. T.1. 680 p. [in Russian]

Shamakhov, 1949 – *Shamakhov F.F.* (1949). Pervye shkoly v Zapadnoi Sibiri [The first schools in Western Siberia]. *Uchenye zapiski Tomskogo Gosudarstvennogo pedinstituta.* T. VII. pp. 40-67. [in Russian]

Shcherbatov, 1896 – *Shcherbatov M.M.* (1896). Proekt o narodnom izuchenii [Public Learning Project]. Sochineniya M. M. Shcherbatova. SPb. T. 1. pp. 727-746. [in Russian]

Titkov, 1999 – *Titkov E.P.* (1999). Obrazovatel'naya politika Ekateriny Velikoi [Educational policy of Catherine the Great]. M.: Izd. MPG.U. 481 p. [in Russian]

Tolstoi, 1886 – *Tolstoi D.A.* (1886). Gorodskie uchilishcha v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II [City schools during the reign of Empress Catherine II]. SPb. 214 p. [in Russian]

Voitekhovskaya, Kupert, 2012 – *Voitekhovskaya M.P., Kupert Yu.V.* (2012). Zarozhdenie gosudarstvennoi sistemy obrazovaniya v Rossiiskoi imperii [The origin of the state education system in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* Vyp. 2(117). pp. 39-45. [in Russian]

Voronov, 1858 – *Voronov A.S.* (1858). Fedor Ivanovich Yankovich de-Mirievo ili narodnye uchilishcha v Rossii pri imperatritse Ekaterine II [Fedor Ivanovich Yankovich de Marievo or public schools in Russia under the Empress Catherine II]. SPb. 168 p. [in Russian]

Yurtsovskii, 1923 – *Yurtsovskii N.S.* (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri [Essays on the history of education in Siberia]. Novo-Nikolaevsk: Sibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izd-vo. 246 p. [in Russian]

Тюмень в образовательном пространстве Российской империи: начальный этап

Ольга Ивановна Голованова ^а. *

^а Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается зарождение и развитие школьного образования в Тюмени. Восстанавливается процедура открытия первого учебного заведения – Тюменского малого народного училища, содержание учебного процесса, бытовое описание школьного помещения. Изучаются источники финансирования и выявляются основные статьи расходов. В центре внимания – кадровый вопрос. Автор приходит к выводу, что предпосылкой для быстрого распространения школьного образования в Тюмени было немного, поэтому процесс проходил крайне медленно и имел мобилизационный характер. Движущей силой в реализации школьного проекта Екатерины II выступала местная администрация, которая рассматривала появление в городе народного училища прежде всего как необходимость выполнения воли монарха. Соотношение местной власти, общества и школы складывалось неоднозначно. Среди населения города как потребителя знаний реформа получила поддержку у канцелярских служащих и служащих в отставке. Тюменское училище сыграло важнейшую роль в распространении массовой грамотности.

Ключевые слова: источник, документ, школа, учитель, ученик, школьная реформа Екатерины II, Тюменское малое народное училище, учебный процесс, Приказ общественного призрения, смотритель училища, Городская дума, Городское общество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: golovanova.o@list.ru (О.И. Голованова)

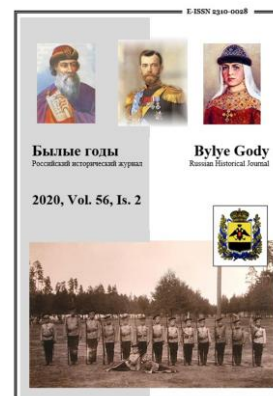
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 519-529. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.519
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Revisiting the History of Pedagogical Thought in Russia's South: the Pedagogical Beliefs of Major Pedagogues at the Novocherkassk Gymnasium in the 19th century. Part 1

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,b,*}, Teymur E. Zulfugarzade ^c

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^cRussian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

Abstract

Recent years have seen the publication of a plethora of articles covering the distinct features of education in various regions of the Russian Empire. However, most of these publications mainly focus on sharing statistical information (e.g., number of schools, number of students, etc.). Issues relating to the theoretical pedagogical beliefs of major provincial instructors and the characteristics of their instructional activity remain underresearched. This paper examines the experience of the Novocherkassk Gymnasium, a major center for science and education in the Don region in the 19th century, whose teaching staff included a number of major local figures. Note that much of the material on the actual pedagogical process in the above gymnasium was gathered back before 1917, mainly in conjunction with the celebration of its 100th anniversary – with much attention, due to a lack of documents, devoted to collecting information from former students of the gymnasium. Consequently, most of the information on the educational process in said educational institution is based both on official documentation and on oral, often critical, accounts by contemporaries about its teaching staff, which included individuals proven significant to the history of the Don region.

The first part of this paper covers the activity of two of the gymnasium's seminal first-cohort instructors. One of these men, A.G. Popov, the gymnasium's principal and author of one of the first-ever books on the history of Don Cossackdom, was an eminent practitioner who was the first in the Don region to endeavor to have instructors get the learning material across in an accessible and consistent fashion, for which reason he would even regularly attend classes. However, he still did underestimate the significance of special pedagogical talents and skills, keeping in the gymnasium well-educated yet incompetent instructors, some of whom spoke poor Russian. This, in large part, was associated with the distinct theoretical pedagogical beliefs dominant in the gymnasium. Some of these beliefs were born and propagandized by another seminal pedagogue – protoiereus A.G. Oridovsky, who asserted the beneficence of any education. Yet, while beliefs like these did little to motivate pedagogues, A.G. Oridovsky's being an eminent person and an eloquent speaker did help to attract students into the gymnasium, which was a far-from-perfect educational institution.

Keywords: history of pedagogy, teaching methodologies, historical pedagogical beliefs, Novocherkassk Male Gymnasium, A.G. Popov, A.G. Oridovsky.

1. Introduction

In 1907, the Don Host's provincial printing house released a large book by priest I.P. Artinsky devoted to the history of the Novocherkassk Gymnasium. In the book's preface, the author particularly accentuates that "in the essay's title, along with the adjective 'Novocherkassk', the word 'Host' was added to

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

‘Gymnasium’” (Artinskii, 1907: V). Indeed, the Novocherkassk Gymnasium was for many years the intellectual center of first the Land and then the Oblast of the Don Host. Its graduates and instructors included the majority of 19th-century Don scholars, writers, and public figures. It is no wonder that by the gymnasium’s 100th anniversary (1905), the local authorities attempted to find and systematize all materials relating to its history. It became known quite soon that only a small number of these materials had survived to that day – in 1858, the gymnasium’s archive was on fire; later on, files within the archive were actively sold by its careless staff members; lastly, most of its principals were not particularly enthusiastic about documenting their activity (Artinskii, 1907: IV). In that situation, the Educational Council resolved to entrust the search for information on the gymnasium’s past to none other than I.P. Artinsky. I.P. Artinsky would turn to Don historians and local history experts, many of whom had formerly attended the school (Artinskii, 1907: IV). That would result in the release of I.P. Artinsky’s book, which, accordingly, is based on not just a body of official information but accounts from former students of the Novocherkassk Gymnasium as well.

Note that I.P. Artinsky was not the first individual who, due to a lack of sources on the history of education in the Don region, drew upon testimonials from eyewitnesses, i.e. some “oral history”, as it is termed nowadays. In 1859, there came out in Saint Petersburg a small book by A.G. Filonov entitled ‘Essays on the Don’, which in quite an unsystematic fashion describes a number of curious facts from the past and present of Don Cossackdom. The last of the essays is entitled ‘Educational Institutions in the Don Region (1790 through 1807)’. It is largely based on oral testimonials from several old men, among whom the author particularly singles out yesaul M.O. Nazarov, who in 1790 entered the Don Main Public School, which later was transformed into the Novocherkassk Gymnasium (Filonov, 1859: 151-152).

Thus, there is now available to historians some really interesting information that is based on first-hand accounts about the Don Host’s most significant 19th-century educational institution, the center for the intellectual life of Don Cossackdom. It appears to be worth systematizing the pool of available testimonials on the teaching activity at the Novocherkassk Gymnasium of several figures pivotal to the history of the Don region and their typical theoretical pedagogical views. Another fact that is worthy of note is that, as will be discussed below, with all its significance for the region, the Novocherkassk Gymnasium was quite an ordinary provincial educational institution in the Russian Empire, chronically underfunded at that. This study aims to look at several famous Don figures from a unique angle – through both providing an insight into their pedagogical abilities and helping to better understand the mechanics of the educational process in a 19th-century Russian province.

In recent years, historians have expressed a sharply increased interest in exploring the regional mechanics of Russian pre-revolutionary education. One has seen the release of articles and series of articles on the development of the system of education in Vilna Governorate (Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2019b), Vologda governorate (Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c; Cherkasov et al., 2019d), and the Caucasus (Shevchenko et al., 2016). In addition, attempts have been made to trace the characteristics of the system of primary education in the Cossack areas (Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2019b; Molchanova et al., 2020). Yet, specifically, the experience of particular provincial pedagogues who were held in high regard by their contemporaries remains underresearched. In the meantime, the large number of seminal graduates of the Novocherkassk Gymnasium suggests that this experience, at least, deserves thoughtful examination.

2. Materials and methods

The primary source employed in the paper’s first part is ‘Essays on the Don’ by A.G. Filonov (Filonov, 1859). The book is unique in that, while the reminiscences of students of the Novocherkassk Gymnasium were drawn upon by other pre-revolutionary Don authors as well, these individuals did so a lot later, in the early 20th century, i.e. when no eyewitnesses to the first steps of gymnasium education in the Don region were left any more. What is more, due to the poor condition of the gymnasium’s archive, reports by the first Don pedagogues, their speeches, and other proprietary texts drawn upon by A.G. Filonov may have been lost by that time. Consequently, when it comes to the description of events that occurred in the Novocherkassk Gymnasium in the period 1800–1810, the works of I.P. Artinsky, A.A. Kirillov, and some other Don authors tend to, simply, retell the information provided by A.G. Filonov (Artinskii, 1907; Kirillov, 1905; L.B., 1906). An exception is facts that are related not to the internal daily life of the gymnasium but its interaction with other official entities – documents surviving through these entities also began to be published in the early 20th century (K istorii, 1905). However, subsequently the large stock created by pre-revolutionary authors for the exploration of the history of the Novocherkassk Gymnasium, essentially, ended up not being put to proper use, with no special research conducted on the subject. Moreover, there currently are no works out there covering the characteristics of teaching by particular pedagogues at the gymnasium and their pedagogical beliefs. In reliance upon the characteristics of the source base, use in this work was predominantly made of the historical-comparative and historical-biographical methods, with information from A.G. Filonov compared with surviving information on Novocherkassk pedagogues and the general state of affairs in the Don region.

3. Discussion

The Novocherkassk Gymnasium was established in 1805 based on the Don Main Public School. Without getting into all of the issues in the operation of the newly established educational institution, it is worth noting that the most fundamental issue was actually the extremely low, or just plain unsatisfactory, level of competence of its teaching staff. This was associated with a number of reasons. First, the administration of the Kharkov Educational District approached instructor selection in quite a bizarre manner. For instance, mathematics teacher D. Bozhkovsky, who lacked competence to teach the subject, was specifically hired as a teacher so that he could tune up his knowledge of it (Filonov, 1859: 189). With that said, Novocherkassk had no alternative to hires from Kharkov, as the education level of the Cossacks remained quite low in the early 19th century. According to contemporary historian A.V. Zakharevich, service records either listed the majority of Don officers at the time as ‘illiterate’ or just left the field blank altogether (Zakharevich, 2005: 67). Even M.I. Platov wrote his last name wrong to his last days (‘f’ instead of ‘v’) (Zakharevich, 2005: 68). Conversely, according to one of the first well-educated Cossacks, I.I. Krasnov, his grandfather, a self-taught general, who had sought to provide his grandchildren with quality education, elected to set up a home-based boarding school that would employ well-educated private individuals, not gymnasium instructors (Vospominaniya..., 1873: 365-366). Subsequently, I.I. Krasnov was placed in the boarding school at Kharkov University, not in the Novocherkassk Gymnasium (Dontsy, 2003: 237). Thus, originally the Cossack elite preferred to have their children educated outside of the Land of the Don Host; even if wealthy families did bring good instructors over to the Don region, the latter were mainly employed as family tutors.

Based on A.G. Filonov’s book, the person who stands out the most among the rest of the incompetent instructors at the Novocherkassk Gymnasium is German H. Arnoldi, who “bore a striking resemblance to Vralman” (a character in D.I. Fonvizin’s play ‘The Minor’ – a German coachman who makes himself out to be a teacher) (Filonov, 1859: 188). To start with, he spoke very poor Russian. Later authors cited, with amazement, excerpts from his official reports. Here are some of them (original orthography and punctuation preserved): “hospodin principal byl neodnokratno v klass” (correct Russian: ‘gospodin principal neodnokratno prisutstvoval na urokah’ [English: ‘Mister Principal has attended classes on numerous occasions’]); “ucheniki doshli do shtenie i pisaniya” (correct Russian: ‘ucheniki doshli do chteniya i pis'ma’ [English: ‘the students have got to reading and writing’]); “kazhdoe raz nadobno k nim posylat' v kvartir” (correct Russian: ‘prokhoditsya postoyanno khodit' k nim domoi’ [‘you always have to visit them at their place’]) (Filonov, 1859: 187). Having said that, H. Arnoldi was a well-educated person, as back in Germany he had studied philosophy, history, geography, mathematics, French, and “some Russian”. However, the gymnasium’s principal, A.G. Popov, complained about his egregious instructional incompetence. As evidenced from the principal’s reports, in German class H. Arnoldi sought to engage his students in the translation of German newspapers, which he ordered for the purpose from Hamburg. However, in doing so he did not initially explain to them even the most basic fundamentals of German grammar, with his “translators” being ignorant of the German declensions and auxiliary verbs (Filonov, 1859: 188). Another dubious innovation from H. Arnoldi was to give students within the same class different homework assignments, with the practice eventually resulting in “the students learning nothing” (Filonov, 1859: 188). The students’ parents complained repeatedly that learning German at the Novocherkassk Gymnasium was a useless waste of time. However, since there was no other instructor available to substitute for him, H. Arnoldi continued to teach (Filonov, 1859: 188-189). That being said, according to A.G. Filonov, who had personally communicated with people who knew them, many of the gymnasium’s other initial instructors were not that much better at teaching (Filonov, 1859: 189). For instance, there was odious instructor of French A. Ganik, who knew his subject well and was well-educated overall (a graduate of the Naval Cadet Corps in Saint Petersburg) but who spoke Russian so poorly that he was “of no more use to the gymnasium” than H. Arnoldi (Filonov, 1859: 189).

The majority of instructors at the Novocherkassk Gymnasium not only were poor at conducting classes but had quite a bizarre way of dealing with students. This, naturally, resulted in a major mismatch between the high pedagogical principles promoted by the gymnasium and the way they were put into actual practice. The reasons behind this will be examined at the end of the present part of the paper. For instance, in 1805, when the Main School was transformed into the Gymnasium, it was visited by Archbishop of Voronezh Arseny and M.I. Platov personally, and during their visit one of the instructors, P. Yanovsky, delivered in front of the students a pompous speech, in which he urged them to “triumph” and called their lot “fortunate” (Filonov, 1859: 154). That, however, did not prevent him from entering someone else’s classroom and slap a student there so bad that his nose started bleeding (Filonov, 1859: 189). Likewise, H. Arnoldi would punish students for little things by grabbing them by their hair and hitting the side of their heads (Filonov, 1859: 190). Based on documentation from the gymnasium’s archives and testimonials from the first students of the Main Public School and the Gymnasium, A.G. Filonov had this to write, in plain and unequivocal terms, about that situation at the gymnasium: “limited in their knowledge, the instructors would deal with the students in a rude, insolent, and harsh manner” (Filonov, 1859: 189).

It is no wonder that, with such poor instructors on staff, during the first years in operation the gymnasium, essentially, was struggling for its existence. Indignant at the harsh treatment visited on their

offspring, parents would simply stop their children from attending the school. The gymnasium kept no statistics of such dropouts, but it is known that as many as 20 students left the Novocherkassk uyezd school, affiliated with it, for that reason in 1806 alone (Artinskii, 1907: 46)! A major role in the Novocherkassk Gymnasium's being eventually able to overcome the problem and even winning some regard from the Cossacks was played by its first principal, A.G. Popov. This man is now mainly known as the author of one of the first books on the history of Cossackdom, an almost anecdotal one at that. Here is what contemporary historian N.A. Mininkov had to say about A.G. Popov's 'A History of the Don Host': "The first work on the history of the Don region created within the culture of Cossackdom, it is distinguished by certain typical features of pseudo-scholarly discourse surviving in part to our day. One of them is the book containing a number of statements that are not substantiated by a credible source, like, for instance, the statement about Don Cossackdom descending from the Amazons. It is no wonder that Popov's essay was recognized as poor and was quite fairly subjected in later Don historiography to harsh criticism, and with some historians it even was the object of irony and sarcasm" (Mininkov, 2010: 266-285). Indeed, A.G. Popov did not make a great historian, but it is at the time he headed the Novocherkassk Gymnasium that it was attended by V.D. Sukhorukov, the Don region's most illustrious 19th century historian (Artinskii, 1907: 423). M.I. Platov's correspondence with A.G. Popov contains a curious component that offers a slightly different angle on the failed book by the principal of the Novocherkassk Gymnasium – the ataman associated his subordinate's scholarly inquiries with purely pedagogical objectives, with a desire to "perform zealously the duty of educating and perfecting our youth, <...> feeding their young hearts with instances of paternal virtue and gallantry" (Artinskii, 1907: 57). In general, A.G. Popov did succeed in this – despite the extremely low level of competence of the majority of its instructors, it is under him that the Novocherkassk Gymnasium started to regularly see its graduates enroll in Kharkov University, which was quite a success (Artinskii, 1907: 49).

Yet, here one is faced with a paradoxical situation. Whereas there is at least some information available on teaching methods employed by poor teachers at the Novocherkassk Gymnasium during the first years it was in operation, there is almost nothing available on teaching methods employed by its successful instructors. Reports to the administration mainly contain complaints. At the time, contemporaries tended to share with A.G. Filonov mainly funny or scandalous facts ("stories of a most preposterous nature", as put by the Don local history expert himself) (Filonov, 1859: 191). Consequently, there is very little mention of A.G. Popov as a pedagogue, whilst whatever is available is quite brief, which makes it quite difficult to provide a sound characterization of the first principal of the Novocherkassk Gymnasium.

Above all, it is worth noting that A.G. Popov, unlike most of his subordinate teachers, was a natural Donian. Popov was born in 1763. At the age of 10, in 1773, he was placed in the Host's executive office to learn clerical work. In 1775, at the initiative of the new ataman, A.I. Ilovaisky, the young man quite unexpectedly found himself enrolled in Moscow University (L.B., 1906: 50). After graduating from the university, A.G. Popov for about a decade and a half, up until 1797, held various posts related to administering the Don Host, which required some serious knowledge and preparation. For instance, he was in charge of land surveying, and took part in several military campaigns as well (L.B., 1906: 50-53). In 1797, the authorities finally thought to place the Don Host's educational institutions, including the Don Main Public School, in the charge of this well-educated Cossack, who was not indifferent to education. His predecessor was regimental physician A.M. Yagodin, an out-of-towner, who, according to contemporaries, was a well-educated person but did not bring that much to the table (Artinskii, 1907: 12-13). By contrast, A.G. Popov made it known straightaway that he would administer education in the Don region not just formally but with as much fervor and perseverance as possible. A.G. Filonov writes that first and foremost the new director of Don educational institutions attempted to obtain both from his predecessor and the Host's executive office some articulate data on "the number, achievements, and condition of students", but it was found that the instructors did not even keep this kind of statistics (Filonov, 1859: 151).

Ultimately, the main thing that is known for sure about A.G. Popov as a pedagogue is that, while formally he did not teach a single discipline, he regularly visited the classes of the gymnasium's incompetent instructors in order to keep a check on them and impose some kind of system on their teaching. This was revealed by the actual instructors in their testimonials, but it, unfortunately, was done in too generalized and obsequious a manner to draw any profound conclusions: "Mister Principal, Lieutenant Colonel Alexei Grigoryevich Popov, who tirelessly concerned himself with the education of youth, attended classes on a regular basis" or "owing to his diligence and proclivity for the sciences, so in harmony with his personal qualities, the principal often visited the classroom to observe anything that was pertinent to his job" (Filonov, 1859: 163). That being said, as suggested from his own reports to the administration, A.G. Popov really appears to be a man who intuitively understands that the instructor must not only know their subject well but be able to get the material across to the student in a proper fashion too. In this respect, the principal continually worked with H. Arnoldi and attempted to "suggest to him more than once" "what the students had to be taught before proceeding to translating" (Filonov, 1859: 188). According to A.G. Filonov, certain reports he had seen contained direct answers by the principal to instructor requests dealing with instructional work specifically. For instance, when instructors of Russian once complained about the lack of special grammar books, A.G. Popov reminded them that personally he *was* concerned about that but suggested that, instead of "waiting for the grammar textbooks to come out", they should make sure that "the

students actually learn it” (Filonov, 1859: 164). It becomes perfectly clear what role was played by the Novocherkassk Gymnasium’s first principal in the history of Don pedagogy if you add to that the fact that A.G. Popov regularly visited the gymnasium’s library and its special rooms. Prior to his being appointed to the office, it was even quite usual for some of the school’s equipment to be “lost” mysteriously (e.g., a geometry box with “just a protractor left in it”) (Filonov, 1859: 159). He was an innovative pedagogue, a groundbreaker, or at least a seminal theoretician. He really desired to see the Don region develop a solid education system, and, to that end, he was engaged in a big, tedious, and inconspicuous activity that was predicated not on mere theories but on common sense and was aimed at ensuring that instructionally incompetent pedagogues would pass on to the children as much of their knowledge as possible. In fact, he was the first in the Don Host to realize clearly that what mattered was not just what kind of material you are going to teach but also how you are going to do it – so, a major portion of his work involved providing the gymnasium’s teachers with instructional assistance specifically.

Still, A.G. Popov lacked consistency in that area. While striving to get the instructors to provide instruction in a proper manner, in staffing he obviously gave preference to instructionally weak pedagogues over those who were incompetent in the subject taught. It is clear that this was like choosing between the bad and the worse, with A.G. Popov, perhaps, ending up choosing the worse. In this context, it is particularly revealing how he expended the funding obtained at the time the Main School was being transformed into the Gymnasium on bolstering the teaching staff. A.G. Popov did not fire the notorious H. Arnoldi and A. Ganik, both of whom were unable to teach the children anything worthy, with the latter even getting himself in 1806 in a police report after refusing to pay a debt and threatening to give a beating to the officer who had come to collect it (Filonov, 1859: 189). But he did fire a quite mediocre history teacher named A. Zolotarev, who even against the backdrop of the rest of the school’s incompetent teaching staff was particularly distinguished by “weak knowledge” – but who was never mentioned by A.G. Filonov’s collocutors as a particularly poor pedagogue (Artinskii, 1907: 44). A. Ganik, who spoke poor Russian, was transferred to the position of history teacher in order to vacate the position of instructor of French to a man named V. Picard, who had a good qualification from Kharkov University (Artinskii, 1907: 44-45).

Still, judging by the successes achieved by the Novocherkassk Gymnasium’s top graduates, the practice of the principal attending classes as a guidance counselor and employing knowledgeable yet instructionally incompetent teachers produced a satisfactory result, which was especially the case against the backdrop of the performance of the Don region’s district schools. These schools gave little to no thought to the importance of getting knowledge to children in effective ways, with an 1806 check by Kharkov University revealing the “striking ignorance of the students”, who were just made to learn entire passages by heart, without thinking about the actual meaning behind them (Filonov, 1859: 191). Things would even get as funny as the following: “To the question ‘What is Asia?’ some would respond by saying ‘Asia is a plant’ and others by saying ‘Asia is a [‘strana’ – the Russian for both ‘country’ and ‘side’ (archaic)]; and then to the question ‘Which [‘side’], right or left?’ one could, actually, respond by saying ‘left’” (Filonov, 1859: 191). Ultimately, it was A.G. Popov who, at the behest of Kharkov University, sought to specifically “exhort the instructors that real student knowledge is formed not through cramming words but through understanding the ideas expressed by them, so it may be worth for them focusing on, apart from just having their students learn things by heart, having them, rather, gain some insight into what they are learning” (Filonov, 1859: 191).

The person regarded by contemporaries and later authors as “a bright and happy exception” among the incompetent instructors at the Novocherkassk Gymnasium was protoiereus A.G. Oridovsky (Artinskii, 1907: 14). Here, one is faced with the same situation as in the case of A.G. Popov: the other areas of activity pursued by one of the founders of education in the Don region having pushed his teaching work proper into the background, making it less visible to future generations, with A.G. Oridovsky, as a result, being totally unknown today. He, indeed, was one of the more prominent personalities in the Don Host on the cusp of the 18th and 19th centuries. Suffice it to say that A.G. Oridovsky was one of the first Don poets, and it is based on his verses that the gymnasium’s students acted out scenes extolling the virtues of education during its gala activities (Filonov, 1859: 185-189). The poet priest was patronized by M.I. Platov himself: funding provided by the Don ataman was used to publish a speech written by A.G. Oridovsky as a tribute to Alexander I, which essentially could be regarded as the first instance of printed Don literature (Oridovskii, 1811). If you add to this the fact that A.G. Oridovsky represented the Don clergy at the time Novocherkassk was being built and was in charge of the construction of the city’s first chapel, it becomes quite clear why only a few of the achievements of such an all-round person would attract the attention of researchers (Savel'ev, 1906: 39-41).

Still, first and foremost, the Novocherkassk protoiereus was a teacher. His relocation to the Don Host was organized in 1790 by one of M.I. Platov’s predecessors, A.I. Ilovaisky, who had told the administration directly that the Don clergy was in acute need of well-educated people capable of engaging in religious-educational activity: “The city of Cherkassk has a shortage of educated priests who can compose and provide oral instruction in a God’s Law course and teach Christian catechism; thus, there appears to be a need in such priests, as many of the subordinates are still suffering from the malaise of superstition” (Kirillov, 1905: 8). It is not known whether it was an informed choice by the ataman or just a natural outcome of the circumstances, but he did manage to avoid making the mistake that would be made later on by the administration of the Kharkov Educational District – rather than looking for instructors with a brilliant

education, A.I. Ilovaisky went with a candidacy that, while more modest at first glance, was more reliable in actual fact. A.G. Oridovsky went to school not abroad and not in a capital but attended the Kharkov Collegium, where he was “brilliant at” grammar, poetry, history, geography, Greek, rhetoric, philosophy, and theology, and “set an example of well-mannered behavior” (Shadrina, 2016: 157-165). What is more, after finishing his studies, A.G. Oridovsky was asked to stay and teach at the collegium, which at the time was the largest educational center in the east of Ukraine and the south of Russia (this pretty much all that is known about the major Don pedagogue’s youth, with even his date of birth remaining unknown) (Kirillov, 1905: 7). Considering the amount of effort it took to transfer A.G. Oridovsky to the Don region (A.I. Ilovaisky personally requested that they appoint him the fourth priest in the Host cathedral), it is highly likely that, being confident in their protégé’s pedagogical talents, the Don authorities chose his candidacy in an informed manner. Himself the protoiereus would write on this that he had been summoned to Cherkassk “at the behest of the late general-in-chief, Host ataman, and cavalier Alexei Ivanovich Ilovaisky” (Shadrina, 2016: 157-165).

Eventually, this personal choice of instructor paid off. Characterizations given of A.G. Oridovsky contrast not only with the contempt displayed towards most instructors at the Novocherkassk Gymnasium but also with the moderate respect enjoyed by A.G. Popov. A.G. Filonov, who had the chance to speak to people who knew the protoiereus, gives him the following laconic and telling estimation: “in our gymnasium, he ranks *first* in merit” (Filonov, 1859: 169). What is more, A.G. Filonov with great reverence cited in his essay on the history of education in the Don region entire writings by A.G. Oridovsky surviving to his day, devoting to them entire pages. By contrast, he limited himself to only a few short phrases from speeches by the other instructors. “For these are the only mausoleums he left us as a remembrance of him as an intelligent mentor. Let us then perpetuate the memory of him!”, – rhetorically exclaimed the researcher before sharing another creation of his hero’s (Filonov, 1859: 181). Later authors tended to avoid this kind of naïve exaltations, yet, in essence, the estimation of A.G. Oridovsky as the most prominent Don pedagogue of the early 19th century was only endorsed by them. Here is what famous Don historian A.A. Kirillov, who was closely associated with the church, had to write on this: «A.G. Oridovsky, first a priest and then a protoiereus (since 1795), was unanimously described by both contemporaries and later writers as a brilliant pedagogue, a fervent advocate of education, and an outstanding instructor, who was ranked first in merit in the newly established gymnasium. In addition to school classes, he also taught privately, whereby he helped to facilitate the growing interest in education among a wide audience in Cherkassk” (Kirillov, 1905: 8).

However, just like in the case of A.G. Popov, all those eulogies by historians and contemporaries failed to reveal what specifically made A.G. Oridovsky an instructor ranked “first in merit”. It is even not clear which subjects he taught. I.P. Artinsky is confident that the protoiereus taught catechism, sacred history, logic, and rhetoric (Artinskii, 1907: 14), whilst A.G. Filonov refers to the priest as an “instructor of the fine sciences” (Filonov, 1859: 180). Considering what education was like at the time, A.G. Oridovsky may well have taught quite a broad array of disciplines. After all, as a “brilliant instructor” he was invited to provide instruction at private homes, which normally did not imply narrow specialization; in addition, at the Kharkov Collegium he taught “Lower Grammar and Greek” (Kirillov, 1905: 7; Filonov, 1859: 167). The only author who wrote about A.G. Oridovsky’s pedagogical practices proper was the very same A.G. Filonov – yet, it is not quite clear whether he relied upon testimonials from the students of the protoiereus or upon his speeches solely. In any case, there is a passage in ‘Essays on the Don’ that is of interest, as it represents the first attempt in the history of Don pedagogy to identify the pedagogical and instructional principles employed by the outstanding instructor of the past. Here is the gist of it: “Some of those lines place the clergyman’s speech [A.G. Oridovsky’s speech on the day of the inauguration of the Novocherkassk Gymnasium] in close quarters with the profound thoughts of Pirogov on education. “Alexander’s wish is that everybody should develop their talents to be all they can be”, – said the estimable protoiereus in 1805; a similar idea was gloriously introduced into our pedagogy by the illustrious contemporary educator by way of his ‘questions of life’, suggesting that a person must, above all, be nurtured to be a good person, and only then be educated to be a warrior, professor, locksmith, diplomat, doctor ...” (Filonov, 1859: 176). Worthy of attention is the fact that this way to somewhat naïvely compare A.G. Oridovsky’s speeches to the ideas of pedagogy of the second half of the 19th century was staunchly opposed by one of the classics of Russian criticism, N.A. Dobrolyubov. In a special review of ‘Essays on the Don’, N.A. Dobrolyubov devotes special attention to this particular issue, remarking ironically that in actual fact the ideas expressed in A.G. Oridovsky’s speeches are not that profound and, essentially, are just “general phrases that have been reiterated for ages” (Dobrolyubov, 1962: 476-477). Having said that, he immediately admits that certain statements by the Novocherkassk protoiereus sound quite modern for the 1860s, which he, however, associates with that statements like those have been “the perennial domain of phrasemongers throughout history” and would sound as modern “at the time of Maximus the Greek or Cyril of Turov!” (Dobrolyubov, 1962: 476-477).

As already demonstrated above, public speeches by many of the instructors at the Novocherkassk Gymnasium were out of sync with the actual pedagogical practice, with A.G. Oridovsky’s poetic and public career suggesting that the Novocherkassk protoiereus had quite a decent command of his era’s flamboyant rhetoric. Yet, the writings of the instructor, ranked “first in merit” in the Novocherkassk Gymnasium, which were fully reproduced by A.G. Filonov, provide an idea of – if not the way the protoiereus really conducted classes, then, at least – what his pedagogical ideals were. Consequently, it will be worth, following in the

footsteps of A.G. Filonov, briefly examining these writings, which, in essence, represent the first fully surviving endeavors by a Don author to conceptualize the significance of education in his era. Essentially, A.G. Oridovsky's ideas were neither original nor novel, which at the end of the day mattered little: the standing he enjoyed among his audience turned the Novocherkassk protoiereus into a "fervent advocate of education", someone with whom the first generation of educated Novocherkassians associated the very idea of education (Kirillov, 1905: 8). Therefore, even if in his pedagogical practice A.G. Oridovsky did not quite keep to the principles he publicly declared, these principles are of significance for the history of Don pedagogy.

In this context, it, above all, is worth noting that what is woven through A.G. Oridovsky's writings is the idea that education is, most importantly, needed for the development of a proper personality. However, there is a great difference between this idea of the protoiereus and the related concepts of later secular pedagogues: the Novocherkassk priest viewed learning as a way to get closer to God, for it can help to manifest in them God's image and likeness. A.G. Oridovsky had the following to write on this (and he really meant it): "Man is the image of the invisible God; his soul and mind form the grandeur that likens him to God; yet, this Godlike creature can become so disastrously miserable if you do not nourish his talents! His mind is like none other but an uncultivated tract of land that produces thorns and thistles. <...>. Only the sciences can serve as a means of helping to perfect his talents and helping Man to improve to the level he truly deserves to be at. The sciences are a gift sent down from Heaven for Man to be creative" (Filonov, 1859: 170-171). Consequently, while it can be stated that the protoiereus, above all, urged nurturing the student to be a "good person" first and only then educate them to become a representative of a certain profession, it is religion, exclusively, that was seen by him as the basis of this education: "Honorable fathers! Do you not wish for your children to be both well-mannered and virtuous? Theology is the source of all virtues. <...>. "To be part of society but not to live piously is to be a captive of your passions. Uncontrolled passions will do you no good, just as darkness will never beget light. What will be of a faithless son when he enters society? He will have no respect for the law and the truth. He will sacrifice his talents to his passions. He will become a vile spreader of false rumors and a public disturber. He will become a slave to extravagance and other sins" (Filonov, 1859: 173). A.G. Oridovsky sought to promote the idea about the indissoluble link between true education and faith even in his verses that later would be used in plays acted out by the gymnasium's students. For instance:

Russian	English
Mladye nashi dni na to ot Goda danny, Chtob izhdevali my ikh na dela izbranny, Chtob yunyi razum nash science prosveshchali, I dushu knowledgeem i veroi ukrashali» (Filonov, 1859: 181).	"God grants us our young days So we could spend them on worthwhile pursuits; So we could enlighten our young minds with science And adorn our souls with knowledge and faith".

However, try as he might, A.G. Oridovsky failed to formulate clearly in any of his writings which specific qualities are developed in a person by the "sciences", bringing them closer to God. Rather, he sought to prove the general utility of the "sciences" by contradiction, without sparing dark paint to describe "ignoramus": "Does not education encourage a person to selflessly contribute to the common good, more so at a time when that is particularly needed? Does not science make a person prudent through experimentation and encourage them to do something memorable that will benefit future generations? And, lastly, is it not education that helps a person to become a high-level minister and a true patriot to their country?" (Filonov, 1859: 174). Consequently, we cannot but acknowledge that N.A. Dobrolyubov was right: in trying to substantiate the general need for education in terms of being able to get closer to God, A.G. Oridovsky did break into flamboyant, fatuous rhetoric, "the perennial domain of phrasemongers throughout history". Things would get to the point where to statements like "people can live and prosper well without science" the priest would respond, without providing specific arguments, with questions like "Which of the two is of greater benefit – darkness or light? Rudeness or politeness? What, if not science, is most reliable in terms of educating the human heart and ennobling our morals?" (Filonov, 1859: 173).

Also worthy of note is the fact that in A.G. Oridovsky's speeches and verses there is not a single word about the significance of particular disciplines. Instead, the protoiereus keeps talking about the significance of the abstract "sciences" for human society, suggesting that "science combined with piety is the steering wheel used to direct the course of the ship of common prosperity" (Filonov, 1859: 175). He emphasized the practical significance of education, especially in his verses written for gymnasium events – but, then again, he did so in a rather generalized fashion, without offering specifics:

Russian	English
"Tut nuzhen svet uma i tonkoe suzhden'e, Chtob zloe otdalit' ot grada pokushen'e; Potrebno vremena so vremenem slichat', Lukavstviya stezi potrebno preduzhat',	"It will take a bright mind and subtle judgment To avert the perils of others' scheming against the city; It will help to compare different eras;

I raspoznat' lyudei i vse manery sveta,
 Chtob s slavoï pobedit' zlost' khitrogo naveta,
 Potrebno i pero, chtob raspri raznimat',
 I kazhdomu urok dostoinyi vozdavat'" (Shadrina,
 2016: 182-183).

And it will help to learn to anticipate others' crafty
 plans;
 And learn what people in other lands and their
 customs are like,
 If one is to succeed in averting the dangers of cunning
 defamation;
 Likewise, good writing will help to reconcile
 disputants
 And provide each with some useful advice".

Thus, it is no wonder that certain disciplines taught by A.G. Oridovsky became forgotten. Even surviving texts by the protoiereus indicate that he was not enthusiastic about some particular subject. While the Novochoerkassk protoiereus championed education in general, it was somewhat naïve of him not to demarcate domains of human knowledge. In this context, it is quite illustrative that he was asserting in his verses the extreme utility of attending the gymnasium, which was a purely civil institution, for a military career:

Russian

"Vozmozhno l' bez uma pobedoi vozgremet'?
 Vozmozhno l' prostyaku gradami ovladet'?
 Ne siloi Gerkules, ne krepost'yu Solon
 Srazhaet sil'nogo, beret pobedy tron,
 No zrelost'yu uma, iskusstvom mudrykh ruk
 Trofei, lavry zhnet i sokrushaet luk" (Filonov, 1859:
 182).

English

"Can a person win without being wise?
 Can a shallow person conquer cities?
 It is not through mere strength that Herculeses and
 not through mere endurance that Solons
 Overpower the tough and claim the wreath of
 victory,
 But through a mature wit and manual dexterity
 That they convincingly claim the spoils and reap
 the laurels of success".

All this produced in A.G. Oridovsky' quite a unique attitude towards the students. He referred to the gymnasium as a "temple" and called on the students to "sacrifice their youth immaculately to science; once in, try not to look left or right but strive to be diligent; try to use [their] time, like a precious gift, on acquiring an education" (Filonov, 1859: 175-176). It appears that the gymnasium's students were lucky not least because they could go to school. Accordingly, in his speeches the protoiereus did not say a word about the harsh treatment of students rampant in the classroom. On the contrary, he encouraged the parents "not to linger over the placement of their child in this school, as doing so will help to protect their morals and keep them from depravity, for the primary focus is on upholding faith, law, and humanity" (Filonov, 1859: 175). With that said, A.G. Oridovsky was neither naïve nor tolerant of abuse: his detractors even forced him to leave the Don region in the interval between the atamanships of A.I. Ilovaisky and M.I. Platov allegedly for his committing a series of "brash and malevolent deeds" (in actual fact, he was involved in the fight against corruption and cronyism among the clergy) (Shadrina, 2016: 157-165). However, in this case the Novochoerkassk protoiereus must have deemed that the blatant obscenities of instructors at the Novochoerkassk Gymnasium could actually be put up with given the fact that this was the only educational institution where the majority of Cossacks, apart from wealthy people who hired private tutors, could get some kind of education.

Thus, the key pedagogical principles publicly declared by A.G. Oridovsky were extremely naïve and, in essence, could be reduced to the following three simple tenets:

1) Education is needed for the self-perfection of humans; it can help to manifest in them God's image and likeness.

2) Furthermore, education has practical significance as well, as an educated person is likely to achieve success in any area faster, regardless of whether or not that activity has a direct relation to their education.

3) Consequently, the duty of any parent is to place their child in the gymnasium as soon as possible, while the duty of any child is to sacrifice their youth to science.

Yet, the Don region would remember the protoiereus's speeches for very long, despite their obvious flaws. It must have been not so much about the content of his speeches but the very personality of A.G. Oridovsky, who had earned a major standing among the Cossacks. In the specific situation that the Don region found itself in in the early 19th century, it is down-to-earth and in some respect even erroneous pedagogical ideas like those promoted by the Novochoerkassk priest that it was highly worth indoctrinating the local, poorly educated, elite with, for the utility of attending the Novochoerkassk Gymnasium was by no means obvious, with its repulsively rough and harsh instructors; and, much as N.A. Dobrolyubov criticized A.G. Oridovsky for his being a phrasemonger, his rhetoric and personal prestige must have been the only reasons it was possible to attract students into the gymnasium.

Note that, judging by surviving excerpts from speeches by other Don pedagogues, these individuals held similar views but did not have the prestige and talent of A.G. Oridovsky. The pomposity and substantive

inanity of their speeches, which extolled the abstract “sciences” in detachment from specific subjects and the real state of affairs in the Novocherkassk Gymnasium, was derided not even by N.A. Dobrolyubov but by the much more tolerant A.G. Filonov. For instance, instructor I. Grechenovsky uses the following language to illustrate the idea that “fine education helps a person to be of maximum use to mankind as a whole and those around them in particular”: “After a dark night, once all the storms and tempests, so horrendous in the dark, are over, there begins a day, with the light adorning with gold everything it will touch with its rays – this is when the world takes on its wonderful forms, ready to fulfill the duty placed upon it, with lush pastures spreading across the fields, sundry varieties of bread growing in the vast tracts of land, and herds of bleating sheep grazing in the mountains” (Filonov, 1859: 180). All these vague rhetorical beauties, which had little to do with the actual educational process, were, in turn, to serve as proof that “upbringing and education particularly contribute to learners having respect for the authorities and their teachers, and thereby being of maximum use to society” (Filonov, 1859: 179). Pace with his teachers was kept by A.G. Popov as well. For instance, during the first-ever gala event staged at the gymnasium he wanted to know what to “liken today’s youth, who are enjoying great education and are blossoming with brilliant abilities, vitality, and pliancy, to” (Filonov, 1859: 180). The principal rejected comparisons with “a garden full of fabulous, succulent fruits” and with “speedy gazelles galloping over the hills”, concluding that it was best to compare his students to a “highest mountain” – this way, one would “have God in his heart and thunder in his hand” (Filonov, 1859: 180). Further, in continuation of the bizarre associative link, A.G. Popov proceeds to suggest that a mountain cannot be changed “either by storms or by the passage of time”, which is another reason to compare to it a “well-bred youth” who, by virtue of his education, “is thrifty in running his household, prudent in doing his job, skillful in military affairs, and active in civil life” (Filonov, 1859: 180). In the view of A.G. Filonov, these statements formed the most interesting part of speeches by the Don pedagogues; the researcher possessed full texts written by them, but many of those writings “contained phrases of such a general nature” that he refrained from providing more excerpts from them (Filonov, 1859: 176-177). “Those speeches must be good if Mr. Filonov, too, found common elements in them! Just imagine what should seem as a common element to that young man, moved by a speech from Oridovsky!”, – exclaimed N.A. Dobrolyubov – and that is something it is hard not to agree with (Dobrolyubov, 1962: 477).

It just remains to state that, while the surviving excerpts from statements by first-generation Don pedagogues are not sufficient to fully reconstruct their theoretical pedagogical views, it can be asserted with confidence that those pedagogues did share the idea about the definite utility of education for the development of a person – yet, they did not even try to concretize it, focusing instead on rhetorical beauties and all kinds of comparisons, which in practice rather produced a comical effect. These theoretical pedagogical views, in turn, can explain both the drawbacks of the majority of instructors at the Novocherkassk Gymnasium, an attempt to describe which is made at the beginning of this work’s main part, and the contrast that existed in the gymnasium between its officially declared lofty pedagogical principles and actual practice. The idealization of the abstract “sciences” and embracement of the notion of the definite utility of any learning involuntarily led to a softening of purely instructional requirements for teachers. This approach also explains why A.G. Popov kept well-educated yet, as suggested by contemporaries, good-for-nothing instructors (e.g., A. Ganik). With Don pedagogy just making its first steps in the early 19th century, one could already then notice the first major mismatch between theory and practice in its system. This can be best illustrated by taking the example of the pedagogical activity of A.P. Popov, who was first to endeavor to get the instructors to conduct their classes in an instructionally proper manner and provide them with special instructional recommendations. Yet, in his speeches he comes across as a rhetor who is totally detached from reality. Thus, the mismatch between the notion of the definite utility of any learning and the actual incompetence of many of its instructors would long remain a weak spot with the Novocherkassk Gymnasium. The story of what was done to resolve this mismatch will be related in the work’s next part.

4. Conclusion

As evident, right from the outset of the operation of the Novocherkassk Gymnasium there set in quite a peculiar state of affairs, which would persist going forward. On the one hand, it is hard to recognize the overall level of education provided in it as particularly high, as its teaching staff included many accidental individuals who knew little about the teaching profession, with it being acknowledged even by the gymnasium’s administration that the children acquired little knowledge from the classes taught by them. However, on the other hand, the gymnasium was held in some regard by the Host authorities, being, in fact, first the only and subsequently the largest center for education and science in the Don region. Consequently, its teaching staff naturally included individuals who were pivotal to the history of the Don region – it was quite logical for a well-educated person, be it a scholar or a writer, to try to get a job as an instructor at the gymnasium personally or for the actual authorities to arrange for that. As a result, the gymnasium’s prestige was largely based not on the average level of competence among its teaching staff but on the activity of particular instructors of that kind, with most contemporaries admiring the personalities of these figures rather than their actual pedagogical achievements.

During the first years in operation, the gymnasium experienced the above state of affairs particularly pronouncedly. This had to do with the naïve beliefs of the time’s pedagogues about the definite utility of

learning any “science”, which often resulted in that to teach the “sciences” the school hired totally accidental individuals who were quite well-educated but often did not have any pedagogical experience, were not too big of a personality, and at times even spoke no Russian. Consequently, a large portion of the gymnasium’s instructors did not even match the minimum criteria, with medium-level instructors non-existent there altogether, whilst it did have several “stars” on staff, who stood out quite conspicuously against that backdrop. In the early 19th century, there were just two good instructors in the Novocherkassk Gymnasium, with each earning a firm place in the history of the Don region.

The gymnasium’s principal A.G. Popov was the first Cossack to endeavor to write the history of Don Cossackdom. Although he was unable to create a work that would match the scale of the era he lived in, and his ‘A History of the Don Host’ entered Don historiography more as a hilarious mishap, his very attempt to do it is testimony to A.G. Popov being an extraordinary person. This Don education figure was not particularly successful in his theoretical pedagogical efforts, failing to rise above the flamboyant, fatuous pedagogical rhetoric of other instructors at the Novocherkassk Gymnasium. Nonetheless, A.G. Popov was a prominent practitioner who introduced into educational practice regular visits to classes by the principal, aimed at evaluating the teachers’ instructional performance and providing them with suggestions as to their instruction. In this context, what is particularly revealing is his clear-cut directives to instructor of German H. Arnoldi, who was wont to proceed to hard topics straightaway (e.g., having his students professionally translate the latest German newspapers), without having provided the learners with some baseline knowledge first. Equally revealing is A.G. Popov’s suggestion to dictate the learning material to the children in disciplines for which there were no textbooks available. However, A.G. Popov was being precluded from implementing his practical ideas to the fullest by his erroneous theoretical beliefs (e.g., preferring well-educated instructors over less educated ones even if the former were not competent enough to properly conduct classes). As a result, even after the Novocherkassk Gymnasium received additional funding towards staffing purposes, the administration would keep on staff the most odious of the school’s instructors, as was the case with the foreigners who spoke very poor Russian, with the actual value of such classes being just negligible.

The person whom both contemporaries and later authors regarded as the best Don pedagogue of the early 19th century is protoiereus A.G. Oridovsky. His interests extended well beyond teaching at the gymnasium. He was one of the first Don poets and was among the unofficial leaders of the local clergy, which he even represented at the Host’s gala activities. A.G. Oridovsky used his status and poetic talent to promote education in the Don region and persuade the Cossacks of the need to place their children in the gymnasium, despite all the imperfections in its operation. However, the image of the “fervent advocate of education”, first proposed by A.G. Filonov, completely pushed into the background in surviving sources the protoiereus’s actual practical pedagogical activity. It is even not known which specific disciplines he taught. Yet, A.G. Oridovsky was the first theoretician of pedagogy to be held in high regard in the Don region, and it is no wonder that many of the theoretical pedagogical tenets advocated by him in his speeches have survived to our day. The priest maintained that the “sciences” are of utility in two major ways – they bring humans closer to God and make them better prepared to engage in virtually any type of practical activity. Therefore, it was the duty of any parent to place their child in school, whereas the child was expected to sacrifice their youth “immaculately” to science. This kind of somewhat abstract pedagogical beliefs that did not factor in the significance of particular subjects and teaching methodologies, which may have been shared by the majority of Don pedagogues in the early 19th century, did not have a very good effect on the quality of education at the Novocherkassk Gymnasium. In a climate where there were very few well-educated individuals in the Don Host and instructors were sent to its lands by the Kharkov Educational District by no means for their abilities, it was hardly possible to raise the level of teaching at the local gymnasium. That being said, in his public speeches, A.G. Oridovsky did try to justify the existence of the Novocherkassk Gymnasium in its imperfect form and explain why it was a good idea to place one’s child in it. Ultimately, A.G. Popov and A.G. Oridovsky managed to strengthen the gymnasium’s positions in the Don region and secure the enrollment of its best graduates in Kharkov University. The solid groundwork that this helped to lay would enable the next generation of Don pedagogues to tackle objectives of a more serious nature now.

References

- [Artinskii, 1907](#) – *Artinskii I.P.* (1907). *Ocherk istorii Novocherkasskoi voiskovoi gimnazii* [Essay on the history of the Novocherkassk military gymnasium]. Novocherkassk. 469 p. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 627-637.

- [Cherkasov et al., 2019d](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.
- [Dobrolyubov, 1962](#) – Dobrolyubov N.A. (1962). «Ocherki Dona» A. Filonova [“Essays of the Don” by A. Filonov]. *Sobranie sochinenii*. T. 5. M., L. Pp. 471-484. [in Russian]
- [Dontsy, 2003](#) – Dontsy XIX veka [Donets of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 2003. 599 p. [in Russian]
- [Filonov, 1859](#) – Filonov A.G. (1859). Ocherki Dona [Essays of the Don]. SPB. 195 p. [in Russian]
- [K istorii, 1905](#) – K istorii novocherkasskoi muzhskoi gimnazii. Materialy [To the history of Novocherkassk gymnasium. Materials]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 5. Novocherkassk, 1905. Pp. 136-140. [in Russian]
- [Kirillov, 1905](#) – Kirillov A.A. (1905). K istorii narodnogo obrazovaniya na Donu [To the history of public education in the Don]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 5. Novocherkassk. Pp. 1-15. [in Russian]
- [L.B., 1906](#) – L.B. (1906). Aleksei Grigor'evich Popov, pervyi direktor voiskovoi gimnazii [Alexey Grigorievich Popov, the first director of the military gymnasium]. *Sbornik oblastnogo Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 6. Novocherkassk. Pp. 49-59. [in Russian]
- [Mininkov, 2010](#) – Mininkov N.A. (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [The practice of historiography and the origin of historical science in the culture of the Don of the first half of the XIX century]. *Terminologiya istoricheskoi nauki*. Istoriopisaniye. M. Pp. 266-285. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019b](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Y.A., Volkov A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019b](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Y.A., Volkov A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.
- [Oridovskii, 1811](#) – Oridovskii A.G. (1811). Slovo na vysokotorzhestvennyi den' tezoimenitstva ego imperatorskogo velichestva, vse milostiveishego gosudarya Aleksandra I, i na radostneishii sluchai polucheniya voiskom Donskim vse milostiveishego pozhalovannogo onomu za zaslugi, voennogo znamenii s vysochaisheyu gramotoyu [A word on the highly solemn day of the namesake of his imperial majesty, the all-gracious sovereign Alexander I, and on the most joyful occasion when the army of the Donskoy received the most mercifully awarded to him for services, a military banner with the highest mark]. SPb. 10 p. [in Russian]
- [Savel'ev, 1906](#) – Savel'ev E.P. (1906). Ataman Platov i osnovanie g. Novocherkasska (v 1805 g.). [Ataman Platov and the foundation of the city of Novocherkassk (in 1805)]. Novocherkassk. 88 p. [in Russian]
- [Shadrina, 2016](#) – Shadrina A.V. (2016). Delo protoiereya Alekseya Oridovskogo [The case of Archpriest Alexei Oridovsky]. *Donskoi vremennik*. Pp. 157-165. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.
- [Vospominaniya..., 1873](#) – Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova [Memoirs of an old don. From the posthumous notes of Lieutenant General Krasnov]. *Voennyi sbornik*. 1873. № 12. Pp. 363-380. [in Russian]
- [Zakharevich, 2005](#) – Zakharevich A.V. (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voyny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus at the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-na-Donu. 220 p. [in Russian]

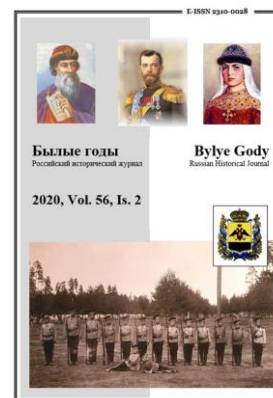
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 530-540. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.530
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Dmitrii V. Karpukhin ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is devoted to the problem of the development of the education system of the Russian Empire during the accession and development of the Caucasus region. The geographical scope is limited to the territory of the Tiflis Governorate, chronological – 1872–1894, that is, the first stage of the period of completion of the process of integration of educational institutions of the Caucasus into the public education system of the Russian Empire. This article analyzes the statistical source data on the number of educational institutions and their “rank” level (primary, secondary, higher), accessibility level (using the example of the Tiflis Governorate) and real “vsesoslovnosti” (considering not only the state’s position, especially during the so-called “counter-reforms”, but also the mentality of the population of the Caucasus), problems and the quality of the functioning of the educational system of the province in general, and of individual educational institutions in particular. The sources included the documents such as the Complete collection of laws of the Russian Empire, Acts of the Caucasus archaeological commission, the First general census of the Russian Empire in 1897 (v. 18), “Collection of Data on the Caucasus” (1871–1885), “Statistical Code data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region” (1894), “Proceedings of the activities and state of our educational institutions” (1870), etc.

Keywords: russian education system, Tiflis Governorate, pre-revolutionary education system, public education system, public schools.

1. Введение

Как указывалось нами в первой части статьи (Mamadaliev et al., 2020), некоторые исследователи процесс внедрения российской образовательной системы на Кавказе справедливо делят на соответствующие этапы: в частности, период завершения процесса интеграции учебных заведений Кавказа в систему народного просвещения Российской империи приходится на 1872–1917 гг. (Shevchenko et al., 2016: 364). Связан он, в первую очередь, с реформами образования, осуществленными правительством императора Александра II Освободителя, которые на определенный период (до периода контрреформ, точнее – до вступления в силу в 1887 году циркуляра «О сокращении гимназического образования», более известного как «циркуляр о кухаркиных детях»¹; однако нельзя в этой связи не отметить того факта, что циркуляр этот касался гимназического, прогимназического, то есть де-факто среднего образования и высшего –

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

¹ В этой связи нельзя не отметить точку зрения некоторых авторов о том, что циркуляр в общероссийском масштабе не только не достиг желаемой цели, но даже вызвал противоположный эффект; краткий анализ будет дан ниже.

университетского и институтского – образования) сделали систему образования действительно общедоступной и всесловной.

Несколько слов скажем о периодике описываемых нами событий. Подробный анализ был дан нами в первой части, а также в работах других авторов (в частности (Shevchenko et al., 2016)). Напомним, что интеграцию образовательной системы Кавказа в общероссийскую делят на три этапа: 1802–1834 гг. (начало внедрения системы народного просвещения на Кавказе), 1835–1871 гг. (централизация учебного процесса и ужесточение требований к качеству преподавания) и 1872–1917 гг. (завершение процесса интеграции) (Shevchenko et al., 2016: 364). Однако резкий демографический рост в конце XIX века, особенно на Черноморском побережье Кавказа, внес свою известную роль. Поэтому считаем целесообразным третий этап разделить на два подэтапа (периода): 1872–1894 гг. – развитие системы образования на Кавказе до полномасштабного демографического «взрыва» и 1895–1917 гг. – развитие системы образования на Кавказе после демографического роста, то есть непосредственно завершение процесса интеграции (вплоть до революции 1917 года и развала Российской империи). Конец первого периода (1894 г.) совпадает также с окончанием правления императора Александра III и своего рода завершением контрреформизма в России.

Вместе с тем завершение интеграции системы образования Кавказа в общероссийскую нельзя назвать простым и легким процессом (Shevchenko et al., 2016: 363), при том что функционирование образовательных учреждений (по крайней мере начального, «народного») в национальных губерниях во втором десятилетии XX века было, по мнению некоторых исследователей, весьма продуктивным – механизм системы образования действовал точно и четко (Cherkasov, 2011: 148). В данной статье мы рассмотрим процесс завершения интеграции системы образования Кавказа в общероссийскую (1872–1917 годы) на примере Тифлисской губернии.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи, как и первой ее части, послужили положения, указы и прочие документы монаршей власти, регламентирующие работу образовательной системы, а также дореволюционные статистические отчеты.

Подробный анализ источниковой базы, особенно применительно к первым двум этапам интеграции системы образования Кавказа в общероссийскую, был дан в первой части. Отметим только, что были проанализированы такие источники, как «Сборник сведений о Кавказе» Н.К. Зейдлица (1871–1885) (Сборник сведений о Кавказе) и его «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края» (1894) (Зейдлиц, 1894), Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года (Положение от 29.10.1853), «Штат Кавказского учебного округа» (Штат КУО), акты Кавказской археографической комиссии (применительно к анализируемому хронологическому периоду – 1866–1904) (АКАК), Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (т. 18, 1905) (Перепись), Полное собрание законов Российской империи (применительно к анализируемому хронологическому периоду) (ПСЗРИ) и др.

Для более полного освещения периода интеграции образовательной системы Кавказа в общероссийскую в 1872–1899 годах были дополнительно привлечены следующие источники:

1. «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1870 г) – 45-страничный отчет о деятельности учебных заведений Российской империи за 1870 год, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» (июль, 1871), в котором дается весьма подробный анализ статистики всех типов учебных заведений государства (от университетов до низших школ), а также их проблем функционирования; в контексте рассматриваемой темы в этом отчете представляет интерес информация о деятельности школ «Общества восстановления христианства» на Кавказе как уникальная историческая парадигма (Известия, 1871).

2. «Состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом в 1871 году» – извлечение из отчета попечителя¹ Кавказского учебного округа, касающееся развития и функционирования системы образования Кавказа и Закавказья по состоянию на 1871 год; опубликован в «Журнале Министерства народного просвещения». Для нас представляют интерес сведения, касающиеся Тифлисской губернии, согласно обозначенным географическим рамкам (Состояние учебной части в 1871 году, 1872).

3. Отчет по Кавказскому учебному округу за 1870 г. – статистический и аналитический отчет попечителя Кавказского учебного округа Я.М. Неверова за 1870 год; в контексте заявленной темы вызывают интерес данные по Тифлисской губернии (Отчет за 1870 г., 1871).

4. Доклад министра просвещения И.Д. Делянова от июня 1887 года, более известный как «циркуляр о кухаркиных детях» (Циркуляр о кухаркиных детях, 1887). Более подробный анализ этого источника будет дан ниже.

5. «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1868 г) – отчет о деятельности учебных заведений Российской империи за 1868 год, опубликованный в «Журнале

¹ Современный «аналог» – министр образования субъекта федерации.

Министерства народного просвещения» (март, 1869), в котором в контексте темы нас заинтересовало описание беспорядков в Тифлисской гимназии ([Известия, 1869](#)).

6. «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1873 г) – отчет о деятельности учебных заведений Российской империи за 1873 год, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» (октябрь, 1874), в котором содержатся ценные сведения о развитии сети низших учебных заведений в Тифлисской губернии в пореформенный период ([Известия, 1874](#)).

7. «Учебная часть на Кавказе в 1874 г.» – статистический и аналитический отчет попечителя Кавказского учебного округа Я.М. Неверова за 1874 год, который позволяет сделать сравнительно-исторический анализ развития системы образования по результатам окончания образовательной реформы правительства Александра II, то есть по состоянию на 1874 год (Учебная часть на Кавказе, 1875).

8. Кавказский учебный округ в 1894 г. – статистический и аналитический отчет попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского за 1894 год, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» (январь, 1897). Он позволит провести сравнительно-исторический анализ развития системы образования в Тифлисской губернии за прошедшие 20 лет ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897](#)).

В работе используются традиционные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический и др.

3. Обсуждение

Как указывалось в первой части данной серии статей, количество исследований по проблеме становления образовательной системы на Кавказе в дореволюционный период относительно невелико, что, на наш взгляд, обусловлено прежде всего достаточно узкой и весьма полно изученной источниковой базой. Подробный историографический обзор нами был сделан в первой части. Здесь отметим лишь, что в контексте нашей темы особо следует выделить несколько трудов разных периодов. Из дореволюционных работ значительный интерес представляют «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902» С.В. Рождественского ([Исторический обзор..., 1902](#)), «Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 годы», опубликованный в «Памятной книжке Кавказского учебного округа на 1880 год» Л. Модзалевского ([Модзалевский, 1880](#)), «Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе» П. Зажаева ([Зажаев, 1909](#)) и др. Из советских трудов отметим «Материалы по истории осетинского народа» (составитель В.С. Гальцев), а также научный сборник статей «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма: малоисследованные проблемы и источники», выполненный под редакцией Э.Д. Днепровца ([Народное образование, 1980](#)). Из современных исследований значительный интерес в контексте нашей темы представляют труды А.А. Черкасова ([Cherkasov, 2011](#)), Н.А. Шевченко, Е.В. Видищевой, О.В. Емельяновой ([Shevchenko et al., 2016](#)), О.В. Натолочной, Н.И. Крюковой, С.И. Буслаева ([Natolochnaya et al., 2016](#)), Л.С. Гатаговой ([Гатагова, 1993](#)), Е.И. Кобахидзе ([Кобахидзе, 2015](#)), И. Шиукашвили, М. Гогитидзе ([Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#)), Т.А. Магсумова ([Magsumov et al., 2018, Magsumov et al., 2020](#)) и др.

4. Результаты

Географические рамки работы охватывают Тифлисскую губернию. Известно, что как самостоятельная административная единица она была сформирована в 1846 году и существовала в таком виде вплоть до падения монархии в 1917 году. Крупнейшими населенными пунктами ее стали (по состоянию на момент переписи в 1897 году) г. Тифлис (административный центр, 160 тыс.), г. Ахалцих (15,5 тыс.), г. Телав (14 тыс.), г. Гори (10 тыс.), г. Сигнах (9 тыс.), Ахалкалаки (5,5 тыс.), с. Шулаверы (4,5 тыс.), г. Душет (2,5 тыс.), г. Закаталы (3 тыс.) и с. Тионети (1 тыс.). Хронологические рамки обозначены выше – 1872–1917 годы, то есть период, в котором процесс интеграции учебных заведений Кавказа в систему народного просвещения Российской империи был завершен и система образования в регионе полноценно функционировала. Отметим тот факт, что в 1860–1867 годах де-юре образовательный округ был упразднен наместником, однако на работе системы образования в губернии эти «рокировки» де-факто никак не отразились.

Начало процесса завершения интеграции обычно связывают с началом 70-х годов XIX века ([Shevchenko et al, 2016](#)), однако, по нашему мнению, старт и, главное, вектор этого процесса был заложен реформами образования 1863–1874 годов, поэтому считаем целесообразным вкратце осветить основные позиции реформы образования Александра II.

Как известно, Университетским уставом 1863 года было реформировано высшее образование; он дал университетам больше административной самостоятельности (о полной автономии речь, конечно же, не шла, однако попечитель учебного округа юридически уже не мог вмешиваться в работу университета, контролируя, по сути, лишь законность его деятельности), значительно улучшил материальное обеспечение как педагогического состава, так и студентов, заинтересовав последних работать (остаться после учебы) на кафедре в вузе. В среднесрочной и долгосрочной

перспективах такой подход позволил резко повысить качество не только научной, но и преподавательской деятельности.

В 1864 году были созданы начальные народные училища – земские, частные, церковно-приходские, воскресные и ведомственные школы. Правовую регламентацию их деятельность получила в 1874 году с принятием Положения о начальных народных училищах, однако на протяжении 60-х годов сеть их постоянно расширялась, охватывая все более отдаленные населенные пункты. Также в 1864 году был принят Школьный устав, который ввел в оборот несколько новых видов образовательных учреждений, соответствующих уровню среднего образования: прогимназии (4-классные учебные заведения), гимназии (7-классные учебные заведения) и реальные училища (первоначально – 4–6-классные учебные заведения). Уставом также гимназии разделялись на классические («гуманитарные») и реальные («технические»). Наконец, в 1871 году реформирование среднего образования, по сути, завершилось: реальные гимназии были переименованы в реальные училища, которые были всесловными; правовая регламентация (принятие Гимназического устава) была осуществлена в 1872 году.

Отметим, что даже в «мифическом» «циркуляре о кухаркиных детях» прямо говорится об уровне прогимназического и гимназического образования: «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию» (*Циркуляр о кухаркиных детях, 1887*). Несмотря на продолжающиеся споры о «случайной утечке» «внутреннего документа» (как и факта наличия в целом: он нигде не был опубликован в официальных изданиях) – доклада министра просвещения Ивана Давидовича Делянова, сделанного в июне 1887 года и прозванного впоследствии «циркуляром о кухаркиных детях» – мы полагаем его существование вполне реальным. Следовательно, с момента создания гимназий и прогимназий правительство четко понимало уровень даваемого ими образования.

Таким образом, исходя из вышесказанного, не будет преувеличением тезис о том, что все изменения, произошедшие с системой образования в 70-х – начале 80-х годов XIX века (в целом же – и даже после, несмотря на последующий контрреформизм), в том числе и на Кавказе, необходимо рассматривать исключительно через призму реформ образования 1863–1874 годов.

Перейдем непосредственно к образовательной системе Кавказа, точнее – Тифлисской губернии.

В конце 60-х – начале 70-х годов XIX века намечается тенденция к значительному расширению сети образовательных учреждений. Катализатором этого процесса, безусловно, стала не только реформа образования, но и другие буржуазные реформы правительства Александра II: бурно развивающаяся экономика, промышленность и военное дело предъявляли высокие требования к системе образования в целом, и образованности личности в частности.

И кавказский наместник,¹ и попечители Кавказского образовательного округа² прекрасно понимали неоспоримый факт: для качественного образовательного процесса необходимы хорошо образованные педагоги. Эта тенденция стала планомерно претворяться в жизнь. Отметим также, что попечитель Кавказского учебного округа Я.М. Неверов каждый год лично объезжал гимназии округа и давал соответствующие указания по результатам смотра (*Известия, 1872: 192*). В Тифлисе Александровская учительская школа в 1872 году преобразовывается в институт (более подробно о ней будет изложено ниже).

Первостепенным условием повышения качества образования как руководство образовательного округа, так и администрация учебных заведений считали увеличение продолжительности обучения и более узкую специализацию подготовки. Так, в Тифлисской гимназии в 1871 году был введен дополнительный 8 класс вместо двухгодичного пребывания в 7 классе (как было положено по уставу 1871 года); результатом стало «последовательное распределение предметов» и «правильное получение учебного материала» (*Известия, 1871: 176*).

Следующим элементом повышения качества образования стало расширение языковых дисциплин, в частности введение греческого языка в Тифлисской гимназии (*Известия, 1871: 175-176*). Желание обучаться греческому языку выразили 32 учащихся, и руководство пошло им навстречу, что даже в современных условиях представить достаточно сложно.

В соответствии с реформой 1864 года, в ходе которой были созданы начальные училища, изменения произошли и на периферии: так, были учреждены должности инспекторов народных училищ в Тифлисской губернии (*Известия, 1871: 175-176*). Однако ниже особо оговорено,

¹ Кавказскими наместником в исследуемый нами период был великий князь Михаил Николаевич, четвертый сын императора Николая I (1825–1855), родной брат императора Александра II (1855–1881) и дядя императора Александра III (1881–1894). Годы наместничества – 1862–1881. После 1881 года наместничество было фактически упразднено и руководство регионом было передано гражданскому чину (управляющему) – А.М. Дондукову-Корсакову (1882–1890).

² В исследуемый нами период на должности попечителя образовательного округа Кавказа были Я.М. Неверов (годы попечительства 1864–1878) и К.П. Яновский (годы попечительства 1878–1901).

что должность оставалась вакантной более года. Напомним, что сам нормативный документ, регламентирующий деятельность учреждений данного типа (Положение о народных училищах), вышел в свет лишь в 1874 году. Не забывали и про «пиар»: в частности, Тифлисская женская гимназия, основанная великой княгиней Ольгой Федоровной, была названа ее именем.

По состоянию на 1871 год количество грузинских школ было доведено до тридцати четырех, в которых обучались 839 грузин, 67 русских, 248 армян (все учащиеся – мужского пола). Отдельно упомянуты еврейские (9 школ, 237 учащихся) и немецкие (5 училищ, 274 учащихся) национальные учебные заведения (*Известия, 1871: 185*). Количество учащихся мужского пола школ по всему наместничеству за год увеличилось на 403 человека (*Известия, 1871: 186*), что для того периода времени и региона являлось весьма солидным показателем. Наибольший прирост учеников пришелся на гимназии (то есть желающих получить среднее образование), на втором месте – начальные училища. В частности, количество учащихся в Тифлисской гимназии возросло до 794 человек, поэтому число «параллельных» классов было увеличено. Как видим, в сравнении с предыдущим периодом налицо распространение образования не только «вглубь» (то есть появление учреждений нового типа по результатам реформ), но и «вширь» (то есть расширение сети образовательных учреждений).

По национальному составу большинство учащихся были русскими. Также отмечено, что претендентами на получение гимназического образования в Тифлисской губернии в абсолютном большинстве были русские, прогимназического – армяне.

Число учащихся женского пола по округу в целом возросло за год на 380 человек (*Известия, 1871: 186*) (мальчиков, напомним, практически столько же – 403), следовательно, можно констатировать, что и мальчики, и девочки имели равный доступ к получению образования. Сложившаяся ситуация может косвенно опровергнуть миф о том, что на Кавказе имела место гендерная дискриминация. Другое дело, что большинство желающих получить образование были русскими; местное же население, более склонное к такого рода дискриминациям, не особо стремилось к получению образования...

Интересный факт (особенно для Кавказа!): в случае с Тифлисской губернией имел место обратный эффект – женских учебных заведений было больше, чем мужских! Так, в региональной столице функционировало 6-классное женское училище (с 1871 – 7-классное, основано в 1846 году), которое содержалось за счет общества св. Нины, Закавказский девичий институт (основан в 1840 году), 1-я женская гимназия¹ (основана в 1865 году) и восемь женских школ, в то время как для мальчиков действовали лишь две гимназии, Александровская школа и три начальных училища: «положение крайне ненормальное, на которое г. попечитель почел обязанностью обратить внимание города...», на что администрация Тифлиса ответила, что она «... не имеет средств помочь этой вопиющей нужде» (*Известия, 1871: 192*).

В конечном счете данный «недостаток» исправили: по состоянию на 1917 год, то есть к моменту падения монархии, развалу Российской империи и ликвидации Тифлисской губернии, в региональной столице действовали пять женских и шесть мужских гимназий; «мальчиковые» Тифлиское военное училище (основано в 1866 году) и Тифлисская кадетская школа (основана в 1871 году) «компенсировали» Закавказский девичий институт. Остальные средние учебные заведения были «общими», включая и Тифлиское музыкальное училище.

Особый интерес представляют образовательные учреждения, находящиеся в ведении религиозных обществ. Одной из таких была Александровская учительская школа, основанная в Тифлисе в 1866 году и находившаяся под патронажем «Общества восстановления христианства» на Кавказе и за Кавказом. Отчет о деятельности этой школы, опубликованный в 1872 году в «Журнале Министерства народного просвещения», содержит не только много статистической информации, но и весьма комплементарных отзывов о ее функционировании. Вполне вероятно, что эффективная ее деятельность привела к тому, что в 1872 году она была преобразована в Александровский учительский институт. Согласно отчету, ученики первых двух выпусков² стали преподавать в различных уголках Кавказа, так как о школе «со всех сторон делаются лестные отзывы» (*Известия, 1871: 90*). Особо оговаривается тот факт, что материальное обеспечение педагогического состава школы является весьма достойным, в отличие, к примеру, от Абхазии и Самурзакани (*Известия, 1871: 91*).

Вместе с тем учителя самой школы видели и недостатки собственного заведения. В числе главных называли краткосрочность периода обучения: двух с половиной лет было явно недостаточно для полноценного освоения курса; в качестве обоснования приводился тот факт, что некоторые учителя, приезжая «на места», быстро «забывали» русский язык и были уже не в состоянии качественно преподавать его (*Известия, 1871: 90*). В числе «недостатков» учащихся 1-го выпуска называли даже излишнюю «самонадеянность» из-за того, что о качестве образования в Александровской школе отзывались очень лестно, что приводило к нежеланию самосовершенствования, «самолюбию» и стремлению к руководству, соответственно, «пришлось

¹ Впоследствии количество женских гимназий увеличили до пяти!

² На момент написания отчета, соответственно, выпускники 1870 и 1871 годов.

усиливать строгость замечаний» (*Известия, 1871: 90*). Имело место и недовольство выпускников своим положением, в том числе – сложностью поступления в университет для продолжения обучения. Цитируемый нами источник, безусловно, предвзято относится к этому факту, указывая, что при поступлении в университет не будет выполняться главная цель учительской школы (и одна из задач системы образования в целом) – наличие педагогического состава в удаленных деревнях и селах. Желание продолжать обучение также стало одним из аргументов в отчете для увеличения продолжительности курса обучения: «при большей продолжительности курса, воспитанники настолько окрепнут в своих педагогических стремлениях, что случаи стремления к высшему образованию будут встречаться гораздо реже» (*Известия, 1871: 90*). Такие тезисы в отчетах высоких чиновников невольно приводят к мысли о том, что «почва» для «циркуляра о кухаркиных детях» готовилась бюрократическим аппаратом Российской империи еще задолго до вступления на престол Александра III... Кратковременностью курса объяснялось также недостаточное усвоение технических и прикладных знаний.

Так называемая в просторечии «отсеиваемость» (то есть процент отчисленных слушателей из общего числа учащихся) была весьма высокой; например, в первом выпуске из 45 учеников курс окончили лишь 20 человек, 15 из которых были распределены по школам «Общества восстановления христианства», остальные назначены учителями в городские училища.

Воспитательная работа включала в себя организацию так называемой современным термином внеурочной деятельности, которая состояла из редких посещений музея и театра, а также «внеклассного чтения» лишь в воскресные и праздничные дни, для чего учащиеся могли быть отпущены «в город». Также за 2,5 года предусматривались четыре «продолжительные прогулки» на природу, цель которых – ознакомление с местной природой и более тесное «сближение» учеников как между собой, так и с педагогическим составом. В отчете замечено уникальное для Европы стремление руководства школы соединить интернат с экстернатом, однако эффективность такого шага подвергается сомнению. Настоятельно рекомендуется прибавление 4-го класса для углубленного изучения русского языка.

Так или иначе, но анализируемый отчет попечителя учебного округа, по нашему мнению, напрямую повлиял на преобразование Александровской учительской школы в 1872 году в соответствующий институт.

Что касается ситуации с начальными (по терминологии того времени – «низшими») учебными заведениями по результатам образовательных реформ, то на начало 1874 года, то есть в год завершения многолетней образовательной реформы, в Тифлисской губернии сложилась достаточно устойчивая сеть низших образовательных училищ, дирекции и приданным ей инспекторам были подчинены все казенные (государственные) и частные школы, а также «церковно-приходские школы иностранных вероисповеданий» (*Известия, 1974: 89*).

В 1874 году в Тифлисской губернии открылось образовательное учреждение нового типа – прогимназия (4-летний курс обучения, не считая подготовительного класса), куда было зачислено 94 слушателя (*Учебная часть на Кавказе, 1875: 49*). Вновь упоминаются положительные результаты повышения уровня педагогического образования в губернии со среднего до высшего, а именно – функционирование Александровского педагогического института, однако количество учащихся в нем было очень невелико: по состоянию на 1874 год – 58 чел., в выпускном классе – 11 чел. (*Учебная часть на Кавказе, 1875: 51-52*). Подобная статистика, разумеется, вряд ли могла удовлетворить запросы учебных заведений губернии в высокообразованном педагогическом составе.

Улучшалось и управление образовательной сетью. Так, в 1874 в Тифлисской губернии была создана дирекция училищ региона, которая занималась как управлением, так и анализом статистической информации. Согласно отчетам дирекции, сеть учебных заведений, «начиная от гимназий и кончая школами грамотности» включала в себя 353 учреждения, в которых обучались 11841 чел. мужского пола и 3103 чел. женского пола, всего 14944 учащихся (*Учебная часть на Кавказе, 1875: 59*); причем источник прямо оговаривает, что в это число не вошли слушатели мусульманских училищ Тифлисского уезда и 20 «школ грамотности при церквях армяно-григорианского вероисповедания того же уезда, о которых сведения еще не собраны» (*Учебная часть на Кавказе, 1875: 59*).

Что касается училищ, то под управлением дирекции таковых насчитывалось 191, казенных среди которых было только девять. Остальные же 182 (при количестве учащихся в 7700 чел.) были либо с преобладающим участием частного капитала, либо всецело функционировали частным образом! Такая статистика позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, государство смогло заинтересовать коммерческие структуры вкладывать деньги в образование (то есть, по факту, сделать «образовательный бизнес» рентабельным, причем на периферии империи) и, во-вторых, сумело создать спрос на образовательные услуги в условиях преобладания традиционных для Тифлисской губернии промыслов (прежде всего – скотоводство, виноделие, садоводство), не предусматривавших необходимости в наличии высокого уровня образованности. Такие невероятные успехи деятельности администрации от сферы образования (и, прежде всего, попечителя образования округа Я.М. Неверова) сложно переоценить. Однако, по нашему мнению, без кардинальных буржуазных

преобразований 1860–1870-х годов, инициировавших «спрос на образованность», достичь таких результатов было бы невозможно.

Разумеется, исследование было бы неполным без сравнительно-исторического анализа пореформенного времени с периодом контрреформ, а именно – насколько интенсивно развивалось образование «вглубь» (то есть улучшение качества и уровня) и «вширь» (увеличение сети образовательных учреждений), тем более что в 1878 году на посту попечителя образовательного округа наместничества на Кавказе Я.М. Неверова сменил К.П. Яновский (годы попечительства 1878–1901). Источниковой базой для данного анализа стал отчет К.П. Яновского за 1894 год, опубликованный в «Журнале министерства народного просвещения» (январь, 1897).

К концу XIX века в губернии действовали более 350 учебных заведений с почти 30 тыс. учащихся. Соотношение мальчиков и девочек было один к двум: на 19 тыс. учащихся мужского пола приходилось 9,5 тыс. учениц. Образовательная сеть включала в себя духовную семинарию (основана в 1817 году; наиболее известным ее учащимся был отчисленный из нее в 1899 году И.В. Джугашвили-Сталин), три мужских гимназии, одно реальное училище, шесть женских гимназий, Александровский учительский институт, три ремесленных училища, военное училище и кадетский корпус, девичий институт, женское училище св. Нины, а также музыкальное училище. Из низших учебных заведений к концу века в губернии действовали 189 начальных народных училищ, подведомственных Министерству народного просвещения и 120 учебных учреждений прочих ведомств. Только в 1894 году в губернии открылись три двухклассных училища, причем все – на средства частного капитала: два были созданы за счет сельских обществ Хведуретское и Кизиль-Аджалинское, одно – за счет средств князя Н.М. Аргутинского-Долгорукого ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 47](#)). Вообще, дирекция Тифлиской губернии отмечена попечителем весьма лестно; это касается не только развития образовательной сферы, но и аккуратной и своевременной подачи отчетной документации.

Библиотечный фонд Кавказского округа в целом, причем только учреждений среднего образования, по состоянию на 31 декабря 1894 года включал почти 101 тыс. названий книг в 217 413 томах на сумму почти в 330 тыс. рублей. Низшие учебные заведения имели в своем распоряжении книжный фонд в более чем 51 тыс. названий книг в почти 117 тыс. томах на сумму в 130 тыс. рублей. И, наконец, начальные училища имели 562,5 тыс. томов на сумму почти 320 тыс. рублей ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 53](#)). Каков был библиотечный фонд именно Тифлиской губернии, неизвестно, однако в отчете указано, что «в отдельности, богаче других учебно-воспитательными пособиями следующие училища: из мужских гимназий и прогимназий Тифлисская 1-я – на 46 247 руб. ... Тифлисская реальное (училище) на 83 271 руб., ... из женских гимназий и прогимназий Тифлисская 1-я (женская гимназия) на 20 547 руб.» ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 54](#)).

Если проанализировать не только библиотечное, но и материальное обеспечение как казенных учащихся, так и педагогов, то можно сделать вывод о том, что денежное довольствие было более чем достойным. И это при том, что должность педагога приравнивалась (и государством, и в понимании населения) к государственной службе и была весьма почетной.

Интересна также статистика успеваемости (т.е. процент количества учащихся, окончивших учебное заведение из общего числа поступивших на курс). Лидировал учительский институт (94,9 %), на втором месте – женская прогимназия (84,9%), далее шли женская гимназия (84,8), мужская гимназия (78,8), реальные училища (74,4) и т.д. ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 67](#)).

Вместе с тем «педагогическая жизнь» в Тифлиской губернии отнюдь не всегда была «безоблачной». В частности, источники упоминают о беспорядках в Тифлиской гимназии 16–18 декабря 1868 года, зачинщиками которых выступили ученики выпускного (7-го) класса, однако соучастниками стали также ученики 5-х и 6-х классов ([Известия, 1869](#)). Источник прямо не раскрывает причин беспорядков и мотивов учащихся, в основном описываются только карательные и превентивные меры. В частности, выпускной класс был расформирован, правонарушители были поделены на шесть категорий, каждой из которых была присвоена буква русского алфавита по убыванию тяжести нарушения (А–Е). Четыре правонарушителя категории «А» (возрастом от 18 до 20 лет) были исключены из гимназии «с опубликованием их имен по всем округам»; надо полагать, что путь к среднему и высшему образованию им закрывался навсегда. Нарушители категории «Б» (4 чел.) были отчислены без опубликования (то есть, вероятно, с сохранением возможности получения образования), категории «В» (10 чел.) удалены из гимназии, но с сохранением возможности экзаменоваться на правах частных лиц; обучающиеся за счет казны (пансионеры) удалялись из государственных (казенных) пансионов, категории «Г» (14 чел.) и «Д» (14 чел.) также удалялись из гимназии, но с возможностью сдать экзамен (с отметкой в поведении не выше 4-х баллов) с правом получения аттестата, учащиеся категории «Е» были признаны невиновными ([Известия, 1869: 36-37](#)). Всего наказанию подверглись 46 учащихся (категорию «Е», разумеется, не учитываем) выпускного класса. «Бунтари» 5-х и 6-х классов были отчислены из гимназии, но с предоставлением права принять их вновь. Косвенно источник дает понять, что конфликт был сугубо внутренний и обучающиеся «подняли бунт» лишь против администрации гимназии и лично директора: «...большинство учащихся VI и V классов также принимали участие в беспорядках и имели дерзость

кричать, что не желают иметь во главе заведения настоящего директора...» (*Известия*, 1869: 38). Так или иначе, но конфликт был жестко пресечен, образовательная администрация округа в лице попечителя и его помощников всецело встала на поддержку директора гимназии (результаты внутреннего, то есть служебного расследования, по вполне известным соображениям, не публиковались). В ближайшие годы подобные инциденты более не повторялись.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. В дополнение к этапам интеграции системы образования на Кавказе, обозначенным другими авторами, считаем целесообразным выделить два подэтапа/периода в заключительном этапе:

а) 1872–1894: развитие системы образования в Тифлисской губернии на завершающей стадии пореформенного периода и периода контрреформ. Отличительная особенность – развитие образования в условиях отсутствия демографического взрыва. Завершение подэтапа совпадает с окончанием правления императора Александра III (1881–1894);

б) 1895–1917: совпадает с периодом правления Николая II (1894–1917). Отличительная особенность – развитие образования в Тифлисской губернии в условиях бурного демографического роста конца XIX – начала XX веков в России в целом, и на Кавказе в частности, где этот процесс проходил особенно остро.

2. Реформа образования, проводившаяся правительством Александра II в 1863–1874 годах создала совершенно новую парадигму системы народного просвещения. Появилось по-настоящему всеобщее и общедоступное образование, которое могло удовлетворить растущие потребности населения в образованности. Эти потребности, собственно, явились побочным эффектом других буржуазных реформ, так как бурно развивающаяся экономика, промышленность, торговля, наука и военное дело предъявляли совершенно новые требования к уровню знаний.

3. К безусловным заслугам администрации образовательной сферы Кавказского наместничества следует отнести не только активное расширение сети учебных заведений и улучшение качества образования; особо следует отметить тот факт, что абсолютное большинство учебных заведений (182 из 191 по состоянию на 1874 год) были открыты не за государственный счет, а на средства частного капитала (при сохранении достойного уровня материального содержания учителей). Считаем, что эффективность управления образовательной сферой напрямую связана с именем попечителя Кавказского образовательного округа Януария Михайловича Неверова, руководившего системой образования губернии в 1864–1879 годах.

4. Качество образования, особенно гимназического, было весьма достойным. В начале 70-х годов этот факт порой даже приводил к курьезам: Я.М. Неверов в своих отчетах особо упоминал, что качество подготовки приводит к неоправданной самонадеянности и даже недисциплинированности молодых учителей в самом начале педагогической карьеры.

5. Как и любая другая, образовательная сфера также была подвержена определенным «волнениям». Одним из наиболее крупных «восстаний» стали протесты в Тифлисской гимназии в 1868 году, направленные против руководства гимназии и лично директора. Администрация образовательного округа в лице попечителя и его заместителей встали на защиту гимназического руководства: все причастные к конфликту слушатели были разбиты на шесть категорий (в зависимости от степени участия в конфликте), большинство из которых были отчислены из гимназии; зачинщики (4 чел.) были отчислены с опубликованием имен, что опосредовано закрывало им доступ к среднему и высшему образованию. Данные внутреннего расследования (которое должно было иметь место в обязательном порядке), позволявшие бы понять мотивы «бунта» учащихся, нам, к сожалению, найти не удалось.

Литература

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.

Воронов, 1857 – Воронов Н.И. Черноморские письма // Русский вестник. 1857. № 1, 3.

Всеобщая перепись населения, 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том 18. Тифлисская губерния / Под ред. Н.А. Троицкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.

Гатагова, 1993 – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993.

Зажаев, 1909 – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // На Кавказе. 1909. № 4.

Зейдлиц, 1894 – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.

Известия, 1869 – «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1868) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 3. С. 36–39.

Известия, 1871 – «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1870 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Июль. С. 58–102.

- Известия, 1874** – «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1873 г.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1874. Октябрь. С. 71-106.
- Исторический обзор..., 1902** – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.
- Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897** – Кавказский учебный округ в 1894 // *Журнал Министерства народного просвещения*. Январь. 1897. С. 47-68.
- Кобахидзе, 2015** – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87-90.
- Материалы по истории..., 1942** – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II. 360 с.
- Модзалевский, 1880** – Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 годы // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.
- Народное образование, 1980** – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- Отчет за 1870 г., 1871** – Отчет по Кавказскому учебному округу за 1870 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1871. Сентябрь. С. 1-29.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Сборник сведений о Кавказе** – Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н.К. Зейдлица. Т. 1–9. Тифлис, 1871–1885.
- Состояние учебной части в 1871 году, 1872** – Состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом в 1871 году. // *Журнал Министерства народного просвещения*. Октябрь. 1872. С. 175-196.
- Учебная часть на Кавказе, 1875** – Учебная часть на Кавказе в 1874 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. Октябрь. 1875. С. 49-66.
- Федорченко, 2003** – Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск: Бонус, 2003.
- Циркуляр о кухаркиных детях, 1887** – Доклад министра народного просвещения И.Д. Делянова «О сокращении гимназического образования», 1887 г. [Электронный ресурс]. URL: http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/cf7d38ef-a636-46a6-afdb-aa159e58a1ed/%5BIS8IR_4-33%5D_%5BTS_05%5D.html
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.
- Gogitidze, Shiukashvili, 2016** – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol.(12), Is. 2. Pp. 65-71.
- Magsumov et al., 2018** – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.
- Magsumov et al., 2020** – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- Mamadaliyev et al., 2020** – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- Natolochnaya et al., 2016** – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39, Is. 1, pp. 222-228.
- Shevchenko et al., 2016** – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, Is. 2. Pp. 363-372.

References

- АКАК** – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. № 2 (10). Pp. 138-149.
- Fedorchenko, 2003** – Fedorchenko V.I. (2003). Imperatorskii Dom. Vydayushchiesya sanovniki: Entsiklopediya biografii [Imperial House. Outstanding dignitaries: encyclopedia of biographies]. Т. 2. Krasnoyarsk: Bonus. [in Russian]
- Gatagova, 1993** – Gatagova L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century]. М.: Rossiya molodaya. [in Russian]

- Gogitidze, Shiukashvili, 2016** – Gogitidze M., Shiukashvili I. (2016). To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis. *Voennyi Sbornik*. Vol.(12), Is. 2. Pp. 65-71.
- Istoricheskii obzor..., 1902** – Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical overview of the ministry of education. 1802–1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]
- Izvestiya, 1869** – «Izvestiya o deyatel'nosti i sostoyanii nashikh uchebnykh zavedenii» [“News of the activity and condition of our educational institutions” (1868)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1869. № 3. Pp. 36-39. [in Russian]
- Izvestiya, 1871** – «Izvestiya o deyatel'nosti i sostoyanii nashikh uchebnykh zavedenii» (1870 g.) [“News of the activity and condition of our educational institutions” (1870)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. Iyul'. Pp. 58-102. [in Russian]
- Izvestiya, 1874** – «Izvestiya o deyatel'nosti i sostoyanii nashikh uchebnykh zavedenii» (1873 g.) [“News of the activity and condition of our educational institutions” (1873)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1874. Oktyabr'. Pp. 71-106. [in Russian]
- Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 g., 1897** – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 [Caucasian educational district in 1894]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Yanvar'*. 1897. Pp. 47-68. [in Russian]
- Kobakhidze, 2015** – Kobakhidze E.I. (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840–1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10. Ch. 3. Pp. 87-90. [in Russian]
- Magsumov et al., 2018** – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- Magsumov et al., 2020** – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- Mamadaliyev et al., 2020** – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- Materialy po istorii..., 1942** – Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the ossetian people: A collection of documents on the history of the conquest of Ossetians by Russian tsarism]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. 360 p. [in Russian]
- Modzalevskii, 1880** – Modzalevskii L. (1880). Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 gody [The course of academic affairs in the Caucasus region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis. Otd. I. Pp. 3-96. [in Russian]
- Narodnoe obrazovanie, 1980** – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought of Russia on the eve and beginning of imperialism (Little explored problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2016** – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. Vol. 39, Is. 1, pp. 222-228.
- Otchet za 1870 g., 1871** – Otchet po Kavkazskomu uchebnomu okrugu za 1870 g. [Report on the Caucasian school district for 1870]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. Sentyabr'. Pp. 1-29. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]
- Sbornik svedenii o Kavkaze** – Sbornik svedenii o Kavkaze [Collection of information about the Caucasus]. Pod red. N.K. Zeidlitsa. T. 1–9. Tiflis, 1871–1885. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2016** – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. Vol. 40, Is. 2. Pp. 363-372.
- Sostoyanie uchebnoi chasti v 1871 godu, 1872** – Sostoyanie uchebnoi chasti na Kavkaze i za Kavkazom v 1871 godu. [The state of the educational unit in the Caucasus and beyond the Caucasus in 1871]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Oktyabr'. 1872. Pp. 175-196. [in Russian]
- Tsirkulyar o kukharkinykh detyakh, 1887** – Doklad ministra narodnogo prosveshcheniya I.D. Delyanova «O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya», 1887 g. [The report of the minister of education of I.D. Delyanova "On the reduction of gymnasium education", 1887]. [Elektronnyi resurs]. URL: http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/cf7d38ef-a636-46a6-afdb-aa159e58a1ed/%5BIS8IR_4-33%5D_%5BTS_05%5D.html [in Russian]

Uchebnaya chast' na Kavkaze, 1875 – Uchebnaya chast' na Kavkaze v 1874 g. [The educational part in the Caucasus in 1874]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Oktyabr'. 1875. Pp. 49–66. [in Russian]

Voronov, 1857 – *Voronov N.I.* (1857). Chernomorskie pis'ma [Black Sea letters]. *Russkii vestnik*. № 1, 3. [in Russian]

Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Tom 18. Tiflisskaya guberniya. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1905. [in Russian]

Zazhaev, 1909 – *Zazhaev P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools on the situation in 1872 in Russia and the Caucasus]. Na Kavkaze. № 4. [in Russian]

Zeidlits, 1894 – *Zeidlits N.K.* (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraja [A set of statistics on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Тифлисской губернии в период 1802–1917 гг. Часть 2

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Дмитрий Вячеславович Карпунин ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ауде Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Женевский университет, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития системы образования Российской империи в период присоединения и освоения Кавказского региона. Географические рамки ограничены территорией Тифлисской губернии, хронологические – 1872–1894 гг., то есть 1-м этапом периода завершения процесса интеграции учебных заведений Кавказа в систему народного просвещения Российской империи. В данной статье анализируются статистические источники данные о количестве учебных заведений и их «ранговом» уровне (начальные, средние, высшие), уровне доступности (на примере Тифлисской губернии) и реальной «всесословности» (учитывая не только позицию государства, особенно в период так называемых «контрреформ», но и менталитет народонаселения Кавказа), проблемы и качество функционирования образовательной системы губернии в целом, и отдельных учреждений образования в частности. В качестве источников были привлечены такие документы, как Полное собрание законов Российской империи, акты Кавказской археографической комиссии, Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (т. 18), «Сборник сведений о Кавказе» (1871–1885), «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края» (1894), «Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений» (1870) и др.

Ключевые слова: система русского образования, Тифлисская губерния, дореволюционная система образования, система народного просвещения, народные школы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

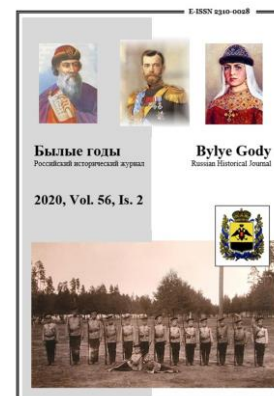
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 541-548. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.541
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Transforming Impact of Government and Private Salt Trade on Life-Supporting Technologies of Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin region in the XIXth – early XXth centuries

Sergey V. Bereznitsky ^{a, *}

^a Russian Academy of Sciences Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article considers the results of the impact of salt regalia, government and private salt trade by various institutions of the Russian Empire in the XIX – early XX century on the life-supporting technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, on traditional sources of life energy. These technologies were based on waste-free production and consumption of products of hunting, fishing, sea hunting, gathering of food, medicinal, and technical wild plants. The traditional food model assumed minimal consumption of salt when eating, and almost complete absence of it when preparing food for the future, in technologies for processing skins of land and sea animals, sea and river fish for the production of clothing, shoes and utensils. Archaic prohibitions on the use of salt in cooking the meat of sacred animals and in treating numerous supernatural beings were carefully observed, which, in accordance with the ancient views of the indigenous peoples, constantly and strictly ensured that people did not violate the laws of ecology and social morality. Salt was also not used for feeding domestic animals, especially dogs, which were the main draft animals on the Amur and Sakhalin, with the exception of domesticated reindeers. The main food for sledding and hunting dogs was dried and not salted fish. During the development of the Amur basin by the Slavs, as a result of the salt trade, which was an important factor in replenishing the state Treasury, the traditional life-supporting technologies of the indigenous peoples of the region were transformed, which can be traced in the food complex, dog breeding, in the system of cults, rituals and sacrifices. Gradually, but inevitably, salt has become a necessary component of the modern system of nutrition, life and life of the indigenous peoples of the region.

Keywords: the XIXth, XXth century, Russian Empire, indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region, life-supporting technologies, ethno-cultural contacts, salt trade.

1. Введение

В XIX – начале XX вв. на Дальнем Востоке России происходили сложные геополитические и этнокультурные процессы. Российская империя осваивала восточные окраины, создавала инфраструктуру, военные крепости, гражданские поселения, христианские церкви и школы. В этой деятельности власти и переселенцы вступали в этнокультурные отношения с представителями восточных цивилизаций, с коренными народами – тунгусо-маньчжурами и нивхами. Мощное воздействие европейской культуры отражалось на всех сферах жизнедеятельности аборигенов, в том числе и в сфере традиционной пищевой модели, в которой имелись свои особенности, в частности минимальное потребление соли. Однако в результате казенной и частной торговли, соль не только вошла в пищевой рацион местных сообществ, но и повлияла на процесс заготовки продуктов впрок, систему промыслового транспорта, верования и ритуалы, в целом, на всю систему жизнеобеспечивающих технологий.

* Corresponding author

E-mail addresses: svbereznitsky@yandex.ru (S.V. Bereznitsky)

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы Приморского центра Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (ПЦРГО-ОИАК), представленные полевыми дневниками В.К. Арсеньева, содержащими огромный объем этнографической информации о традиционных жизнеобеспечивающих технологиях коренных народов Амуро-Сахалинского региона и о влиянии на них элементов культуры китайцев, маньчжуров, славян (АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 218-244; Д. 3. Л. 335, 343. 347-349; Д. 4. Л. 776-778, 780-783, 857; Д. 5. Л. 64-70; Д. 7. Л. 13-16, 18-19, 35, 58. 62-63, 66-67, 83; Д. 8. Л. 1-10; Д. 10. Л. 26, 65-67, 71-72, 85, 163-164; Д. 11. Л. 15, 20, 21, 29, 35-36; Д. 12. Л. 3-7; Д. 28. Л. 76-81). Ценные материалы хранятся в архиве МАЭ РАН, в полевых дневниках Б.А. Куфтина. Б.А. Васильева (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. 81 л.; Д. 52. 46 л. Д. 124. 15 л.; Д. 125. 16 л.).

Фундаментальный объем важной информации об истории соляной промышленности, о процессе организации солевого дела в Российской империи содержится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (Ф. 353. Оп. 1.4. 1. Д. 701,708–709; Оп. 1. Ч. 2. Д. 805, 1155, 1173, 1206, 1506, 1628; Оп. 1. Ч. 3. Д. 1854, 1978, 2260, 2692, 2703–2704, 2758. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3053, 3121; Ф. 248. Оп. 113. Д. 522. 23 л.). Подобные сведения о торговле солью имеются в делах Российского государственного исторического архива (РГИА) (Ф. 468. Оп. 43. Д. 767. Л. 7-10) и Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) (Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 303). Эти архивные материалы полностью не обработаны и не опубликованы, но в них содержится важная информация о системе жизнеобеспечивающих технологий коренных народов региона.

Ценными источниками являются законодательные акты Российской империи, Уставы о соли 1727, 1818, 1871 гг., в которых сосредоточена информация о процессах добычи и продажи соли, связанных с социальной политикой, с этапами развития общества. Для получения выгоды в 1804 г. Главная соляная контора была ликвидирована и вместо нее на местах добычи соли были учреждены Экспедиции соляных промыслов. В 1811 г. был принят Манифест «Об открытии с 1812 г. вольной продажи соли», в 1818 г. – Устав о соли. Департамент горных и соляных дел наблюдал за порядком выполнения законов по добыче и продаже соли, ценами, процессом передачи казенных соляных источников в частное предпринимательство (ПСЗРИ. 1830. Т. 31: 58, 900-901. Т. 35: 369, 374-375, 548. Т. 37: 439, 441. Т. 55: 709). Соль при ее достаточном объеме могла применяться кочевыми народами для выделки шкур домашних животных (ПСЗРИ. 1851. Т. 25: 14).

При решении указанной проблемы автор применял методы герменевтики для анализа архивных источников, сравнительно-исторический и типологический методы, теорию фронта для освещения межэтнических контактов, выявления особенностей воздействия европейской культуры на хозяйственно-культурный тип местных этносов, традиционную пищевую модель коренных народов Амуро-Сахалинского региона, в целом на степень их оседлости, систему жизнеобеспечивающих технологий. Концепция фронта в рамках геополитической стратегии Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе связана с исследованием не только внешней политики, но и процесса освоения Уссурийского и Приамурского краев, Сахалина, развития инфраструктуры, христианизации и просвещения коренных народов, внедрения в их культуру европейских образцов, новых культурных форм, жилищ, одежды, питания (Ремнев, 2004; Ковалева, 2015).

В качестве методологической основы автором была избрана концепция трансформации культуры, принцип системности, которые способствовали комплексному рассмотрению процесса продвижения славянских первопроходцев по Сибири и Дальнему Востоку в XVIII в., хода переселенческой политики российских властей в XIX веке, освоения и изучения бассейнов Усури и Амура, Сахалина и Охотского побережья во всем многообразии проявлений этих глобальных явлений: создания новых форм материальной культуры и хозяйства, промысловых технологий, торговли для обеспечения аборигенов новыми товарами и продуктами питания, в том числе и солью. Наиболее апробированными являются разработки С.А. Арутюнова о том, что пища как культурный институт отличается двумя амбивалентными характеристиками. С одной стороны, она является стойким элементом культуры, позволяющим этносу сохранять свои традиционные особенности. С другой – пища быстрее других показателей включает в себя иноэтнические заимствования. Ярким маркером специфики этнической пищи служат многочисленные табу, предписания и запреты, связанные с особенностями социальной организации, хозяйственно-культурного типа, с половозрастными отличиями. Сохранность этнического самосознания связана с типологией архаичных, повседневных, ритуальных и праздничных блюд (Арутюнов, 2001: 10-14, 17).

3. Обсуждение

В исследованиях XIX–XXI вв. рассмотрены региональные и общероссийские аспекты солеварения, торговли, снабжения населения страны солью, приведена подробная историография этих проблем (Бэр, 1854; Регалия на соль 1858; Першке, 1871; Скворцов, 1887; Введенский, 1986; Ларина, 2008: 42-49).

Отечественные и зарубежные ученые исследуют проблемы сущности, функций и процессов трансформации традиционной системы питания (Bourdieu 1984; Бурдые, 2001; Бродель, 1995;

Сорокин, 2003; Монтанари, 2009; Носкова, 2014: 209-218; Веселов, 2015а: 95-104; 2015б: 68-82; Социология питания, 2-17; Логунова, Моженина, 2019: 47-57). При этом для социологов наиболее значимым методологическим подходом является утверждение П. Бурдьё о том, что повседневные практики питания являются культурным капиталом, компоненты которого транслируются новым поколениям, а изменения становятся социальной проблемой. Для этнографов наиболее важным постулатом является положение о том, что система питания народа является сложным механизмом сохранения этнического самосознания, средством экологической и этнокультурной адаптации к окружающей природной и социальной среде (Арутюнов, Воронина, 2001: 5-6; Кабицкий, 2011: 3; Андреева, Хопияйнен, Филимонова, 2017: 121-126).

Конкретные вопросы об особенностях традиционной системы жизнедеятельности коренных народов Амура и Сахалина, о добыче соли в Дальневосточном регионе, ее роли в культуре аборигенов рассматривались в трудах исследователей XIX–XXI вв. (Шошин, 1893; Арсеньев, 1914; 1926; Шредер, 1911; Прихожан, 1923: 42-46; Арутюнов, 2002: 375-376; Подмаскин, 2006: 415; Старцев, 2005: 190; Гашилова, 2018: 79-94; Устюгова, 2018; 2019; Давыдова, 2019: 143-161; Березницкий, 2017; 2019: 1374-1390).

4. Результаты

В структуру этнической пищи, исторически сложившейся системы питания входят набор базовых продуктов и блюд, способы и технологии их обработки и приготовления, консервации, сохранения впрок, ритуалы и этикет подачи и приема, комплекс запретов, вкусовых и ольфакторных предпочтений, механизмы социального функционирования, формы бытования в культуре: в верованиях, обрядах, обычаях, праздниках (Павловская, 2016: 64-75). Этническая кухня представляет собой сложную систему коллективных воззрений на пищевые привычки и предпочтения, наибольшее значение в которой имеют блюда, являющиеся маркерами родной культуры. Кроме своей утилитарной функции, пища имеет важное символическое значение, выступая знаком, текстом, который требует интерпретации (Anderson 2005: 7).

Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке России происходил длительный и сложный процесс перехода казенной торговли солью, соляной регалии, в руки частных солепромышленников. Объемы добычи и продажи соли, надзором за ее качеством руководили Горный департамент, Министерство государственных имуществ, специальные комиссии на местах, в соответствии с высочайшими повелениями Е.И.В. Цены на казенную соль в Приамурском крае назначал генерал-губернатор (Шошин, 1893: 48, 51-55).

Исследователи отметили характерную деталь производства и потребления соли в Приамурском крае в XIX в., от которого зависела не только потребительская заинтересованность населения, но и деятельность всей рыбной промышленности в регионе. Определенный процент соли вываривали из морской воды китайцы и корейцы. Однако большую часть этой низкой по качеству приправы они вывозили в Маньчжурию и лишь незначительный объем продавали коренным народам (Устюгова, 2018: 67; 2019: 181-182) Эти этносы в традиционной культуре в основном употребляли продукты питания без соли, которая была дорогостоящим и, соответственно, дефицитным товаром. Как правило, приготовление обычной пищи обходилось без соли, которую в небольших количествах добавляли при еде (Подмаскин, 2006: 415), хотя коренным народам была известна архаическая технология извлечения соли из природных солонцов и морской воды. Некоторые группы прибрежных жителей сжигали морской плавник и затем разводили золу в воде, получая соляной раствор, в который окунали кусочки пищи. В конце XIX в. соль очень нравилась нанайцам, и, по их словам, она была им известна давно, сахар же был роскошью (Шимкевич, 1897: 139).

На основе первого хозяйственно-культурного типа аборигены брали все необходимые продукты из природы. Важную нишу в промысловых технологиях занимала добыча животных на природных солонцах: охотники строили на ветвях ближайших деревьев специальные настилы, лабазы и караулили на них копытных. Этот вид охоты очень популярен и в настоящее время. Из рыбы и мяса диких животных приготавливали блюда, которые поедали в сыром виде, что являлось важным фактором обеспечения организма витаминами, микроэлементами, особой жизненной энергией, заключенной в свежем животном белке. Мясо и рыбу вялили, коптили, сушили. Из рыбы готовили огромное количество разнообразных блюд на основе технологии вяления, варения, жарения и т.п. Вяленую рыбу для людей и собак в традиционной культуре готовили без соли.

Массовое переселение славян в бассейн Амура и на Сахалин в середине XIX в. привело к военному, экономическому, технологическому, культурному преобразованию региона, к появлению торговли европейскими товарами, продуктами питания, в том числе и солью. Рыбопромышленники стали заготавливать в огромных количествах соленую рыбу и икру лососевых пород. Все эти изменения коснулись коренных народов, которые вынуждены были перейти к совершенно чуждому для них способу заготовки продуктов впрок и на продажу – к засолке. Постепенно изменилась технология заготовки рыбы: если раньше для собак вялили костяки, что и было их основным кормом, то при коммерческой обработке рыба засаливалась всей тушкой, вместе со шкурой. Этот фактор привел к резкому снижению поголовья ездовых собак, которых в традиционной культуре никогда не

кормили соленой рыбой, деструктивно влияющей на тонкий собачий нюх. Кроме того, сами аборигены лишились рыбьей кожи, веками служившей в качестве традиционного материала для производства одежды и обуви (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 258: 41, 82, 87; 259: 87; 276: 11; 305: 29; Смоляк, 1984: 104; Самар, 2010: 70, 78-79, 83-84). Негативно повлияли на ездовое собаководство принесенные переселенцами эпидемии, периодически случавшееся малорыбье из-за появления крупных поселений на берегах нерестовых рек, из-за движения мощных пароходов. Имеется исключительный пример кормления собак соленой рыбой для выработки у животных особой злости (Шимкевич 1897: 139). Однако такое качество необходимо для сторожевых собак, характер же традиционных жизнеобеспечивающих технологий коренных народов региона предусматривал селекцию, прежде всего ездовых и охотничьих собак. Ездовые собаки очень ценились коренными народами региона, наиболее дорогостоящими были передовики (АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-8, 18-19). Передовая собака отличалась от остальных силой, выносливостью, сообразительностью, так как должна была быстро учиться, задавать темп бега всей упряжке и понимать команды. В 1908–1909 гг. В.К. Арсеньев при подсчете годового необходимого и минимального объема продуктов (не считая мяса и рыбы) для семьи удэгейцев в пять человек (15 пудов муки, 5 пудов риса, порох, патроны, спички и т.п.) всегда записывал объемы покупаемой аборигенами соли (АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 35-36, 38). Нередко в этот необходимый для выживания набор входило консервированное сгущенное молоко и уж совсем экзотические консервированные ананасы. Продавали соль аборигенам (1 пуд за 60 коп. – 1 рубль) или обменивали ее на продукцию охотничьего промысла не только русские, китайцы, но даже и японцы (АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 40, 42, 44, 46-47). Отличия заключались в том, что товары у китайцев стоили дороже, чем у русских купцов, но можно было брать в долг. Арсеньев подчеркивал постоянно ухудшающееся экономическое положение аборигенов, которое напрямую зависело от количества соболя в тайге и рыбы в реках.

Особым разделом исследования необходимо считать отсутствие соли в традиционных ритуальных и жертвенных блюдах с последующим забвением этих и других табу. В полевых дневниках и опубликованных работах Б.А. Васильева собрана информация о пищевых запретах на соль при приготовлении мяса священного медведя (Васильев, 1940: 161-171; 1948: 78-104). Б.А. Куфтин зафиксировал аспекты трансформации духовной и материальной культуры орочей под влиянием славянской культуры (АМЭ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. Л. 38, 44). Воздействие новых форм питания, продуктов и специй является необратимым процессом, который основан на жестких механизмах взаимодействия мощных цивилизаций с этносами, не имевшими к моменту контакта своей государственности, гражданских органов управления и социальной защиты, городской инфраструктуры и других важных компонентов, позволяющих сохранить самобытную культуру.

5. Заключение

Таким образом, анализ архивных материалов и опубликованных источников показал, что жизнеобеспечивающие технологии коренных народов Амуро-Сахалинского региона основаны прежде всего на добыче и потреблении даров тайги. Это концептуальное положение в своих основных характеристиках сохраняется до настоящего времени, но в значительно трансформированном виде. Под влиянием иноэтнической культуры происходил постепенный, но неотвратимый процесс внедрения компонентов инокультурных технологий. Данный процесс, достаточно хорошо исследованный этнографами, можно дополнить еще одним региональным фактором: влиянием государственной и частной торговли солью. В результате этого процесса за несколько десятилетий соль из малозначительного продукта в традиционной жизни не только трансформировалась в остро необходимый, но и привела к исчезновению отдельных аспектов культуры, занятий, промыслов, апробированных источников получения энергии.

6. Благодарности

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309) «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В.Н. Давыдов). Источник финансирования – МАЭ РАН.

Литература

- Андреева и др., 2017 – Андреева Л.А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 6. Ч. 1. С. 121-126.
- Арсеньев, 1914 – Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // *Записки Приамурского отдела ИРГО*. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. Т. 10. Вып. 1. 203 с.
- Арсеньев, 1926 – Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 48 с.
- Арутюнов, 2002 – Арутюнов С.А. Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие. Люистон, 2002. Изд-во Эдвин Меллен Пресс. 386 с.

- Арутюнов, 2001** – Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10-17.
- Арутюнов, Воронина, 2001** – Арутюнов С.А., Воронина Т.А. Предисловие // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001. С. 5-9.
- Архив ПЦРГО-ОИАК** – Архив Приморского центра Русского географического общества – Общества изучения Амурского края.
- Архив МАЭ РАН** – Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.
- Березницкий, 2017** – Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.
- Бродель, 1991** – Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 244 с.
- Бурдые, 2001** – Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бэр, 1854** – Бэр К.М. Материалы для истории рыболовства в России и в принадлежащих ей морях. СПб., 1854. 23 с.
- Васильев, 1940** – Васильев Б.А. Старинные способы охоты у приморских орочей // Советская этнография. 1940. Т. III. С. 161-171.
- Васильев, 1948** – Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78-104.
- Введенский, 1986** – Введенский Р.М. Соляное дело России в XVIII – первой половине XIX вв. М.: МПГУ. 1986. 98 с.
- Веселов, 2015a** – Веселов Ю.В. Повседневные практики питания // Социологические исследования. 2015а. № 1. С. 95-104.
- Веселов, 2015b** – Веселов Ю.В. Современная социальная система питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015б. Т. XVIII. № 1. С. 68-82.
- Гашилова, 2018** – Гашилова Л.Б. Рыба как основной компонент традиционной кухни нивхов // Системы питания коренных народов Арктики – роль традиционных знаний для устойчивого развития / Сб. трудов. М.: Издательский дом Паулсен. 2018. С. 79-94.
- Давыдова, 2019** – Давыдова Е.А. Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 143-161.
- Кабичкий, 2011** – Кабичкий М.Е. Введение в тему: антропология пищи и питания сегодня // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 3-7.
- Ковалева, 2015** – Ковалева А.О. Генезис геополитической стратегии Российской империи в Тихоокеанском регионе (1724–1917 гг.). Вестник Московского ун-та. 2015. № 4. С. 219-234.
- Ларина, 2008** – Ларина О.Г. Соляная и горная регалии как один из источников доходов бюджета в России XIX в.: правовое регулирование, управление и контроль. Актуальные проблемы российского права. М.: Изд-во МГЮА, 2008. № 4 (9). С. 42-49.
- Логунова, Маженина, 2019** – Логунова Л.Ю., Маженина Е.А. Социокультурный анализ практик питания в системе жизнеобеспечения: традиции и современность // Научный результат. Социология и управление. Т. 5. № 4. 2019. С. 47-57.
- Монтанари, 2009** – Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб.: Alexandria, 2009. 279 с.
- Павловская, 2016** – Павловская А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. Вып. II. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. С. 64-75.
- Першке, 1871** – Першке Л.Л. Обзор соляного промысла в России. СПб.: Тип. Майкова 1871. 4, 2, 119 с.
- Подмаскин, 2006** – Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов. Проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука. 2006. 540 с.
- Прихожан, 1923** – Прихожан Н.В. О возможности соляной промышленности в Южно-Уссурийском крае // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток, 1923. С. 42-46.
- ПСЗРИ** – ПСЗРИ. СПб.: Тип. II отделения Императорской канцелярии. 1830. Т. 31. 944 с. Т. 35. 965 с.; 1851. Т. 25. 762 с.; 1865. Т. 37. 832 с.; 1865. Т. 55. 966 с.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Регалия на соль..., 1858** – Регалия на соль в России и других государствах. СПб., 1858. 127 с.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. 552 с.
- Самар, 2010** – Самар А.П. Традиционное собаководство нанайцев. Владивосток: Дальнаука, 2010. 255 с.

- [Скворцов, 1887](#) – *Скворцов И.П.* Соляная промышленность. СПб., 1887. 128 с.
- [Смоляк, 1984](#) – *Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 245 с.
- [Сорокин, 2003](#) – *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 684 с.
- [Социология питания..., 2017](#) – *Социология питания: традиции и трансформации / Под общ. ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко.* М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с.
- [Старцев, 2005](#) – *Старцев А.Ф.* Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
- [Устюгова, 2018](#) – *Устюгова О.А.* Разведка месторождений и добыча соли на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.) // *Россия и АТР.* 2019. № 1. С. 172–184.
- [Устюгова, 2018](#) – *Устюгова О.А.* Соль на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв.: торговля или снабжение? // *Ойкумена.* 2018. № 2. С. 66–75.
- [Шимкевич, 1897](#) – *Шимкевич П.П.* Обычаи, поверья и предания гольдов // *Этнографическое обозрение.* 1897. № 3. С. 135–147.
- [Шошин, 1893](#) – *Шошин Н.Н.* О казенной продаже соли в отдаленных местностях Восточной Сибири и Приамурском крае // *Свод действующих узаконений и правил о соляном промысле в России.* СПб.: Тип. Бермана и Рабинович. 1893. 2. VI. С. 48–55.
- [Шредер, 1911](#) – *Шредер И.Ф.* Соль в Восточной Сибири. СПб.: Типо-литография «Якорь», 1911. 79 с.
- [Anderson, 2005](#) – *Anderson E.N.* Everyone Eats: Understanding Food and Culture. New York: New York University Press, 2005. 294 p.
- [Bereznitsky, 2019](#) – *Bereznitsky S.V.* Control over energy is “hot” societies, and dissolution of energy “cold”: the transformation of ethnic cultures in the Northern regions of Russia in the 18th–21st // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2019. Т. 12. № 8. Pp. 1374–1390.
- [Bourdieu, 1984](#) – *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press and Routledge & Kegan Paul, 1984. 640 p.

References

- [Anderson, 2005](#) – *Anderson, E.N.* (2005). Everyone Eats: Understanding Food and Culture. New York: New York University Press. 294 p.
- [Andreeva i dr., 2017](#) – *Andreeva L.A., Khopiyainen O.A., Filimonova N.V.* (2017). Natsional'naya kuchnya kak fragment etnicheskoj identichnosti [National kitchen as a fragment of ethnic identity]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Т. 9. № 6. Ch. 1. Pp. 121–126. [in Russian]
- [Arkhiv PTsRGO-OIAK](#) – *Arkhiv Primorskogo tsentra Russkogo geograficheskogo obshchestva – Obshchestva izucheniya Amurskogo kraja.*
- [Arkhiv MAE RAN](#) – *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk.*
- [Arsen'ev, 1914](#) – *Arsen'ev V.K.* (1914). Kitaitsy v Ussuriiskom krae. Ocherk istoricheskoe- etnograficheskii [The Chinese in the Ussuri region. Historical and ethnographic essay]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva.* Khabarovsk: Tipografiya kantselyarii priamurskogo general-gubernatora. Т. 10. Vyp. 1. 203 p. [in Russian]
- [Arsen'ev, 1926](#) – *Arsen'ev V.K.* (1926). Lesnye lyudi udekheitsy [Forest people udeheitsy]. Vladivostok: Knizhnoe delo. 48 p. [in Russian]
- [Arutyunov, 2002](#) – *Arutyunov S.A.* (2002). Kul'tury, traditsii ikh razvitie i vzaimodeistvie [Cultures, traditions, their development and interaction]. Lyuiston. Izd-vo Edvin Mellen Press. 386 p. [in Russian]
- [Arutyunov, 2001](#) – *Arutyunov S.A.* (2001). Osnovnye pishchevye modeli i ikh lokal'nye varianty u narodov Rossii [Basic food models and their local variants among the peoples of Russia]. *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya.* М.: Nauka. Pp. 10–17. [in Russian]
- [Arutyunov, Voronina, 2001](#) – *Arutyunov S.A., Voronina T.A.* (2001). Predislovie [Preface]. *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya.* Otv. red. S.A. Arutyunov, T.A. Voronina. М.: Nauka. Pp. 5–9. [in Russian]
- [Ber, 1854](#) – *Ber K.M.* (1854). Materialy dlya istorii rybolovstva v Rossii i v prinaldezhchikh ei moryakh [Materials for the history of fishing in Russia and its seas]. SPb. 23 p. [in Russian]
- [Bereznitsky, 2019](#) – *Bereznitsky S.V.* (2019). Control over energy is “hot” societies, and dissolution of energy “cold”: the transformation of ethnic cultures in the Northern regions of Russia in the 18th – 21st. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* Т. 12. № 8. Pp. 1374–1390.
- [Bereznitsky, 2017](#) – *Bereznitsky S.V.* (2017). Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII veka [Caravan trade of Russia with China and domestic science of the XVIII century]. SPb.: MAE RAN. 266 p. [in Russian]
- [Bourdieu, 1984](#) – *Bourdieu P.* (1984). Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press and Routledge & Kegan Paul. 640 p.
- [Brodell, 1995](#) – *Brodell F.* (1995). Chto takoe Frantsiya? Kn. 2. Lyudi i veshchi [What is France?]. М.: Izd-vo im. Sabashnikovykh. 244 p. [in Russian]

- Burd'e, 2001** – *Burd'e P.* (2001). Prakticheskii smysl [Practical sense]. SPb.: Aleteiya. 562 p. [in Russian]
- Davydova, 2019** – *Davydova E. A.* (2019). Kholodil'nik, sol' i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke [Refrigerator, salt and sugar: mining and food processing technologies in Chukotka]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 2. Pp. 143-161. [in Russian]
- Gashilova, 2018** – *Gashilova L.B.* (2018). Ryba kak osnovnoi komponent traditsionnoi kukhni nivkhov [Fish as the main component of the traditional cuisine of the Nivkhs]. *Sistemy pitaniya korennykh narodov Arktiki – rol' traditsionnykh znaniy dlya ustoichivogo razvitiya*. Sb. trudov. M.: Izdatel'skii dom Paulsen. Pp. 79-94. [in Russian]
- Kabitskii, 2011** – *Kabitskii M.E.* (2011). Vvedenie v temu: antropologiya pishchi i pitaniya segodnya [Introduction to the topic: anthropology of food and nutrition today]. *Etnograficheskoe obozrenie*. №1. Pp. 3-7. [in Russian]
- Kovaleva, 2015** – *Kovaleva A.O.* (2015). Genезis geopoliticheskoi strategii Rossiiskoi imperii v Tikhookeanskom regione (1724–1917 gg.) [Genesis of the geopolitical strategy of the Russian Empire in the Pacific region (1724–1917)]. *Vestnik Moskovskogo un-ta*. № 4. Pp. 219-234. [in Russian]
- Larina, 2008** – *Larina O.G.* (2008). Solyanaya i gornaya regalii kak odin iz istochnikov dokhodov byudzheta v Rossii XIX v.: pravovoe regulirovanie, upravlenie i kontrol' [Salt and mountain regalia as one of the sources of budget revenue in Russia of the XIX century: legal regulation, management and control]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. M.: Izd-vo MGYuA. № 4 (9). Pp. 42-49. [in Russian]
- Logunova, Mazhenina, 2019** – *Logunova L.Yu., Mazhenina E.A.* (2009). Sotsiokul'turnyi analiz praktik pitaniya v sisteme zhizneobespecheniya: traditsii i sovremennost' [Socio-cultural analysis of practices of power in the life support system: tradition and modernity]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. T. 5. № 4. Pp. 47-57. [in Russian]
- Montanari, 2009** – *Montanari M.* (2009). Golod i izobilie: istoriya pitaniya v Evrope [Hunger and abundance: the history of nutrition in Europe]. SPb.: Alexandria. 279 p. [in Russian]
- Pavlovskaya, 2016** – *Pavlovskaya A.V.* (2016). Ponyatie natsional'noi kukhni: k teorii voprosa [The Concept of national cuisine: to the theory of the question]. *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira*. II. M.: Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur. Pp. 64-75. [in Russian]
- Pershke, 1871** – *Pershke L.L.* (1871). Obzor solyanogo promysla v Rossii [Review of the salt industry in Russia]. SPb.: Tip. Maikova. 4, 2, 119 p. [in Russian]
- Podmaskin, 2006** – *Podmaskin V.V.* (2006). Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivkhov. Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii [Folk knowledge of the tunguso-Manchus and Nivkhs. Problems of ethnogenesis and ethnic history]. Vladivostok: Dal'nauka. 540 p. [in Russian]
- Prikhozhan, 1923** – *Prikhozhan N. V.* (1923). O vozmozhnosti solyanoi promyshlennosti v Yuzhno-Ussuriiskom krae [About the possibility of the salt industry in the South Ussuri region]. *Primor'e, ego priroda i khozyaistvo*. Vladivostok. Pp. 42-46. [in Russian]
- PSZRI** – PSZRI. SPb.: Tip. II otdeleniya Imperatorskoi kantselyarii. 1830. T. 31. 944 p. T. 35. 965 p.; 1851. T. 25. 762 p.; 1865. T. 37. 832 p.; 1865. T.55. 966 p.
- RGAVMF** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo flota.
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov.
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
- RGIA DV** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka.
- Regaliya na sol'..., 1858** – Regaliya na sol' v Rossii i drugikh gosudarstvakh [Regalia for salt in Russia and other countries]. SPb., 1858. 127 p. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX veka [Russia Of The Far East. Imperial geography of power of the XIX – early XX century]. Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta. 552 p. [in Russian]
- Samar, 2010** – *Samar A.P.* (2010). Traditsionnoe sobakovodstvo nanaitsev [Traditional dog breeding of Nanai people]. Vladivostok. Dal'nauka. 255 p. [in Russian]
- Shimkevich, 1897** – *Shimkevich P.P.* (1897). Obychai, pover'ya i predaniya gol'dov [Customs, beliefs and legends of the Golds]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 3. Pp. 135-147. [in Russian]
- Shoshin, 1893** – *Shoshin N.N.* (1893). O kazennoi prodazhe soli v otdalennykh mestnostyakh Vostochnoi Sibiri i Priamurskom krae [About the state sale of salt in remote areas of Eastern Siberia and the Amur region]. *Svod deistvuyushchikh zakonov i pravil o solyanom promysle v Rossii*. SPb.: Tip. Bermanskiy Rabinovich. 2. VI. Pp. 48-55. [in Russian]
- Shreder, 1911** – *Shreder I. F.* (1911). Sol' v Vostochnoi Sibiri [Salt in Eastern Siberia]. SPb.: Tipolitografiya «Yakor'». 79 p. [in Russian]
- Skvortsov, 1887** – *Skvortsov I.P.* (1887). Solyanaya promyshlennost' [Salt industry]. SPb. 128 p. [in Russian]
- Smolyak, 1984** – *Smolyak A.V.* (1984). Traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnogeneticheskii aspekt [Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Ethnogenetic aspect]. M.: Nauka. 245 p. [in Russian]

Sorokin, 2003 – Sorokin P.A. (2003). Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nuyu organizatsiyu i obshchestvennuyu zhizn' [Hunger as a factor. The impact of hunger on human behavior, social organization and social life]. M.: Academia & LVS. 684 p. [in Russian]

Sotsiologiya pitaniya..., 2017 – Sotsiologiya pitaniya: traditsii i transformatsii [Sociology of nutrition: traditions and transformations]. pod obshch. red. N. N. Zarubinoi, S. A. Kravchenko. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 302 p. [in Russian]

Startsev, 2005 – Startsev A.F. (2005). Kul'tura i byt udegetsev (vtoraya polovina XIX-XX). [Culture and life of Udege people (the second half of the XIX-XX)]. Vladivostok: Dal'nauka. 444 p. [in Russian]

Vasil'ev, 1940 – Vasil'ev B.A. (1940). Starinnye sposoby okhoty u primorskikh orochei [Ancient methods of hunting in the Primorye Orochi]. *Sovetskaya etnografiya*. T. III. Pp. 161-171. [in Russian]

Vasil'ev, 1948 – Vasil'ev B.A. (1948). Medvezhii prazdnik [Bear festival]. *Sovetskaya etnografiya*. № 4. Pp. 78-104. [in Russian]

Veselov, 2015a – Veselov Yu. V. (2015a). Povsednevnye praktiki pitaniya [Everyday nutrition practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 1. Pp. 95-104. [in Russian]

Veselov, 2015b – Veselov Yu. V. (2015b). Sovremennaya sotsial'naya sistema pitaniya [Modern social system of nutrition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. XVIII, № 1 (78). Pp. 68-82. [in Russian]

Vvedenskii, 1986 – Vvedenskii R.M. (1986). Solyanoe delo Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Salt business of Russia in the XVIII-first half of the XIX century]. M.: MPGU. 98 p. [in Russian]

Ustyugova, 2019 – Ustyugova O.A. (2019). Razvedka mestorozhdenii i dobycha soli na Dal'nem Vostoke Rossii (1860-1917 gg.) [Exploration of deposits and production of salt in the Russian Far East (1860-1917)]. *Rossiia i ATR*. № 1. Pp. 172-184. [in Russian]

Ustyugova, 2018 – Ustyugova O.A. (2018). Sol' na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: torgovlya ili snabzhenie? [Salt in the Russian far East in the second half of the XIX –early XX centuries: trade or supply?]. *Oikumena*. № 2. Pp. 66-75. [in Russian]

Трансформирующее воздействие казенной и частной торговли солью на жизнеобеспечивающие технологии коренных народов Амуро-Сахалинского региона в XIX – начале XX веков

Сергей Васильевич Березницкий^{a,*}

^a Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются результаты воздействия соляной регалии, казенной и частной торговли солью различными учреждениями Российской империи в XIX – начале XX вв. на жизнеобеспечивающие технологии коренных народов Амуро-Сахалинского региона, традиционные источники получения жизненной энергии. В основе этих технологий лежало безотходное производство и потребление продуктов охотничьего, рыболовного, морского зверобойного промыслов, собирательства пищевых, лекарственных, технических дикоросов. Традиционная пищевая модель предполагала минимальное потребление соли при еде и практически полное ее отсутствие при заготовке продуктов впрок, в технологиях обработки шкур сухопутных и морских животных, морской и речной рыбы для производства одежды, обуви и утвари. Тщательно соблюдались архаические запреты на использование соли при готовке мяса священных животных, при угощении многочисленных сверхъестественных существ, которые в соответствии с древними воззрениями коренных народов, постоянно и строго следили за тем, чтобы люди не нарушали законы экологии, нормы социальной морали. Соль не использовалась также при кормлении домашних животных, прежде всего собак, которые на Амуре и Сахалине являлись основными тягловыми животными, за исключением одомашненных оленей. Основной пищей для ездовых и охотничьих собак являлась вяленая несоленая рыба. В процессе освоения славянами бассейна Амура в результате соляной торговли, являвшейся важным фактором пополнения государственной казны, традиционные жизнеобеспечивающие технологии коренных народов региона подверглись трансформации, что прослеживается в комплексе питания, собаководстве, системе культов, ритуалов и жертвоприношений. Постепенно, но неотвратимо соль стала необходимым компонентом современной системы питания, быта и жизни коренных народов региона.

Ключевые слова: XIX, XX столетия, Российская империя, коренные народы Амуро-Сахалинского региона, жизнеобеспечивающие технологии, этнокультурные контакты, торговля солью.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svbereznitsky@yandex.ru (С.В. Березницкий)

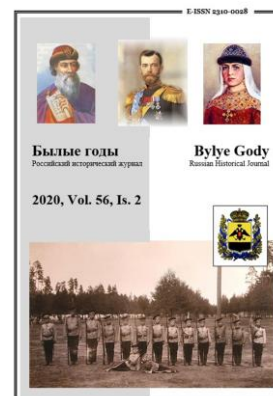
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 549-557. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.549
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Foreign Context of the Integration Process of Finland into the Russian Empire

Mikhail S. Belousov ^{a, *}, Yasyn S. Abdullaev ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to an important element of the Russian autocracy's policy in the ethno-confessional area – the accession of the Grand Duchy of Finland and the establishment of its autonomous governance in Russia. Since the pre-revolutionary period, Russian historiography has tended to attribute a liberal attitude to Finland to the peculiarities of the socio-political views of emperor Alexander I, who allegedly planned to extend the constitutional order to the whole country at a certain period of his reign. Unlike Russian historians, Western experts interpret the development of the Finnish course of tsarism as a result of the prevailing international situation at that time. The authors of this study have attempted to analyze this problem from the second point of view. They conclude that the grant of Finland's considerable share of political independence stemmed from the imperial government's desire to stabilize the situation on the North-Western borders as much as possible in anticipation of a large-scale conflict with Napoleonic France. In the future, the influence of the external factor on the actions of the authorities in the region remained, although it changed its content—from the alliance with Sweden to the fear of the revolutionary threat from the West and the struggle against the European press.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russian Empire, Alexander I, national policy, international relations, autonomy, constitution, Finnish War.

1. Введение

В царствование Александра I Финляндия войдет в состав Российской империи. А спустя практически столетие российский император – «сфинкс, не разгаданный до гроба» – станет восприниматься одним из освободителей и создателей национального государства финнов. Тем не менее дуализм его политики, выраженный известной метафорой П.А. Вяземского, получит отражение и в процессе этой вновь приобретенной национальной окраины. В историографии разгорятся жаркие споры: что стало основным фактором такой чрезвычайно успешной политики? Попыткой подвести итог данной дискуссии и является предлагаемая статья.

2. Материалы и методы

Анализ ключевых мотивов и обстоятельств реализации процесса интеграции Финляндии в состав империи можно определить как основную цель исследования. Методологическая основа – широкий компендиум исторических и историографических приемов. Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставить мероприятия, проводимые в Финляндии, с действиями в других регионах – национальных окраинах, присоединенных в этот же период. Метод историографического анализа подразумевает стремление выявить основные точки зрения на рассматриваемую проблему и проследить эволюцию представлений о процессе интеграции Финляндии. Как и большинство новейших исследований, посвященных изучению империй и имперской политики на национальных окраинах, данная работа выполнена в формате кейс-стади. Все внимание здесь сосредоточено на

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

Великом княжестве Финляндском и анализе корреляции курса его развития с важнейшими эпизодами из внешнеполитической жизни России. Из использованных в исследовании материалов мы можем выделить такие опубликованные источники, как изданные в 1903 г. «Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии» (Шиловский, 1903) и отдельные выпуски альманаха «Русская старина» (Император Александр I..., 1896: 139-157).

3. Обсуждение

Об истории присоединения и пребывания Финляндии в составе Российской империи написано немало работ и иностранными, и отечественными специалистами. Говоря о российской историографии, мы не можем не отметить ярко выраженной в ней тенденции к преувеличению влияния внутренних факторов относительно политики Александра I в новоприобретенном регионе.

Историк-эмигрант Г.В. Вернадский в своем фундаментальном труде «Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г.» отстаивает точку зрения о наличии у российского самодержца полноценной политической программы, заключающейся в планомерном и постепенном распространении на территории России конституционных порядков. По мнению Вернадского, сохранение за Великим княжеством Финляндским либеральных установлений являлось апробацией, одним из незначительных шагов по конституционализации политического пространства империи, венцом которой должно было стать издание Государственной уставной грамоты (Вернадский, 1925: 1-3, 14-18).

М.М. Бородкин, автор многотомной «Истории Финляндии», охватывающей временной период с начала XVIII в. и вплоть до 1881 г. (Бородкин, 1909; Бородкин, 1915), был склонен приписывать уступки в отношении финляндских элит лично императору Александру I. По его мнению, либеральные взгляды царя зачастую шли вразрез с русскими национальными интересами. Так, Бородкин крайне негативно оценивал факт передачи Выборгской губернии Великому княжеству Финляндскому (Бородкин, 1909: 385-396). Интересно, что даже такие разные по своим общественно-политическим воззрениям историки, как Бородкин и Вернадский, одинаково видели истоки автономии Финляндии во внутривосточных идеях Александра I.

Аналогичные паттерны мы наблюдаем в советской и современной историографии. Так, С.В. Мироненко причисляет Финляндию, где «были сохранены сейм и конституционное устройство», к одному из первых и успешных «конституционных опытов» Александра I, составлявших часть его обширных либеральных проектов (Мироненко, 1989: 163). Л.В. Суни, уделяя определенное внимание внешней политике, ключевые приоритеты в вопросе выбора имперского курса на северо-западе в начале XIX в. отдает вопросам внутренней национальной безопасности (Суни, 2013: 38-40). Примерно то же самое можно сказать и о Т.В. Андреевой: в работе о Николае I и финляндском вопросе в 1830–1831 гг., несмотря на очень интересные размышления о контрпропаганде западной прессы (см. ниже), исследователь все-таки предпочитает больше говорить о неких новых стратегиях построения имперской государственности (Андреева, 2015: 61-65). Пожалуй, единственным исключением среди отечественных авторов можно назвать И.И. Кяйвярайнен, монография которого в совершенно ином свете трактует важность учета международной обстановки при анализе финляндской политики самодержавия в 1808–1809 гг. (Кяйвярайнен, 1965). К сожалению, историк ограничивается очень узким отрезком времени.

Зарубежные специалисты в большинстве своем предпочитают оценивать обозначенную проблематику в противоположном направлении. Так, в статьях и рецензиях А. Райана, Х. Бремса и М. Ринталы подчеркивается решающая роль международной политики и расстановки сил на стратегической карте Европы в развитии Финляндии (Ryan, 1964: 869-870; Brems, 1971: 1-19; Rintala, 1976: 195-197). О примате значимости обеспечения безопасности на северо-западной границе Российской империи писал выдающийся исследователь империй и национализма А. Каппелер (Каппелер, 2000: 78). Важность упомянутых аспектов в дальнейшей судьбе Великого княжества Финляндского неоднократно отмечал современный финский историк М. Клинге в работе «Имперская Финляндия» (Клинге, 2005: 33-34).

4. Результаты

Французская революция 1789 г. и последовавшие за ней события явились закономерной причиной начала Наполеоновских войн, затронувших всю мировую политику в начале XIX в. После поражения российской армии в битве под Фридрихсборгом в июне 1807 г. Александр I был вынужден пойти на заключение Тильзитского мирного договора с Францией. В одном из пунктов соглашения было сказано, что Россия обязуется оказывать воздействие на те страны Европы, которые к тому моменту еще не присоединились к континентальной блокаде против Великобритании. К осени 1807 г. в числе таковых оставалась только Швеция. Несмотря на значительное дипломатическое давление, шведский король Густав IV Адольф отказывался пойти на сближение с Наполеоном (Рогинский, 2012: 132). После очередного отвергнутого шведами ультиматума в феврале 1808 г. русские войска под командованием Ф.В. фон Буксгевдена перешли границу с Финляндией.

Вот так, в силу сложных международных обстоятельств, и началось присоединение к Российской империи территорий современной Финляндии. Царю Александру в ходе данных событий предоставлялась уникальная возможность закончить начатое еще в XIII в. русско-шведское соперничество в Балтийском регионе, а кроме того, значительно повысить защищенность Санкт-Петербурга и с моря, и с суши. Как мы сможем убедиться в дальнейшем, все внутривластные преобразования императора в новоприсоединенных землях будут связаны именно с внешним фактором, который особенно актуализируется в 1812 г. Так или иначе, но Россия в начавшейся войне стремительно побеждала. К декабрю 1808 г. Финляндия перешла под полный контроль русских частей.

Александр I добился от Наполеона санкции на аннексию финских территорий еще до окончательной победы над Швецией, осенью 1808 г. на конгрессе в Эрфурте. При этом наметившийся разрыв в отношениях двух императоров мотивировал российского монарха заняться активным решением финляндского вопроса по прибытии в Петербург (Вандаль, 1910: 479-482). Как отмечает И.И. Кяйвярайнен, противоречия, обнаружившиеся между союзниками в Эрфурте, привели к изменению приоритетов России в войне (Кяйвярайнен, 1965: 214-215). Теперь ее основной целью виделось не принуждение Швеции к тильзитской системе и «задабривание» Бонапарта, а полноценное присоединение Финляндии и обустройство в ней военного и государственного управления. Понимая, что конфликта с Францией не избежать, Александр I решает использовать достигнутые на фронте результаты для укрепления стратегического положения на северо-западе. Приведенные обстоятельства и послужили основным источником преобразовательского потенциала царя в отношении Финляндии.

Еще в марте и июне 1808 г. были изданы Манифесты о присоединении Финляндии, провозглашавшие официальный курс Петербурга на скорейшее признание факта пребывания этой провинции в составе Российской империи и ее внутреннее умиротворение (Шиловский, 1903: 127-134). Бывший шведский военачальник Г.М. Спренгтпортен, с конца XVIII в. числившийся на российской службе, сразу же предложил созвать в Або (Турку) специальную депутацию от всех финских сословий для обсуждения важнейших вопросов по инкорпорированию региона. Примечательно, что в июне его идею никто не поддержал, но уже в сентябре 1808 г., «когда на горизонте вновь стала просматриваться возможность противостояния с Францией», Александр I распорядился, чтобы финские представители оказались в Петербурге к тому моменту, как он вернется туда из Эрфурта (Суни, 2013: 17).

Депутация состояла из 22 человек, собранных из числа дворян, духовенства, городских обывателей и крестьян, а также по одному представителю от университета и надворного суда. Возглавлял ее бывший участник Аньяльского союза К.Э. Маннергейм. 17 (29) ноября 1808 г. император Александр I принял финских депутатов в Аничковом дворце. Современный финский историк О. Юссила отмечает, что данное событие сыграло значительную роль в истории Финляндии (Юссила, 2009: 63-64). Хотя представители от сословий выбирались русской военной администрацией, а встреча с царем во многом носила чисто церемониальный характер, тем не менее им удалось прийти к некоторым результатам. Так, была достигнута договоренность об обязательном созыве в скором времени сейма. Александр I публично пообещал сохранить прежние шведские законы, лютеранскую религию и привилегии сословий. Кроме того, специальный комитет при царе рассмотрел и одобрил составленную депутатами памятную записку, содержащую перечень вопросов (всего 17), подлежащих первоочередному решению при присоединении Финляндии. О. Юссила видит в факте приема депутации Александром I элемент «договорных отношений», заложивших фундамент самоуправления Финляндии. Он сравнивает работу финских депутатов с «актом капитуляции», который Петр I заключил с представителями Эстляндии и Лифляндии в 1710 г. (Юссила, 2003: 65). Все это стало возможным из-за увеличившейся военной угрозы со стороны империи Наполеона.

В то же самое время происходит инсталлирование основ системы административного управления краем. 19 ноября (1 декабря) 1808 г. император назначает Г.М. Спренгтпортена первым генерал-губернатором Финляндии. Последний в свою очередь составляет проект об организации временной администрации, который после поправок со стороны А.А. Аракчеева и К.Ф. Кнорринга становится «Положением об учреждении главного управления в Новой Финляндии» (Бородкин, 1909: 188). Планировалось учредить Комитет главного управления, куда должны были войти 12 лиц местного происхождения и генерал-губернатор. Особо важно отметить, что Спренгтпортен продвигал идею о подчиненности Комитета напрямую императору, в обход русским министерствам. Аракчеев и Кнорринг были резко не согласны и рекомендовали не нарушать принцип общеимперского единства (Бородкин, 1909: 188). Однако последнее слово оставалось за царем.

Александр I осознавал неизбежность столкновения с Наполеоном. К осени 1808 г. Россия успела сосредоточить в Белостоке и его окрестностях почти 70 тыс. солдат. Под влиянием внешнеполитического фактора император был готов идти на незначительные уступки (Vrems, 1971: 3), и поэтому он утвердил проект Спренгтпортена, а 19 ноября (1 декабря) 1808 г. издал декрет, согласно которому все дела, касающиеся Финляндии, докладывались сразу и непосредственно самодержцу (Бородкин, 1909: 188-189). В сущности, данный акт положил начало складыванию того

обособленного положения, «автономии» Финляндии, какое она занимала в составе Российской империи вплоть до конца XIX в. 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.) Александр I официально принял титул великого князя Финляндского. Его докладчиком по финляндским делам был назначен М.М. Сперанский.

Помня о дарованных депутации обещаниях, царь Манифестом от 7 (19) января 1809 г. провозгласил созыв сейма («общего ландтага»), который планировалось открыть в марте в Борго (Порвоо) (Шиловский, 1903: 135-136). Начавшаяся франко-австрийская война, заканчивавшееся перемирие со Швецией, конфликт с Турцией – все эти события еще более подталкивали самодержавие укреплять свое положение в Финляндии путем признания ее «особых прав» (Кяйвяряйнен, 1965: 228). Как писал А. Каппелер, значимым стимулом в проведении либеральной политики в отношении Великого княжества являлась необходимость «обеспечить безопасность северо-западного фланга империи» (Каппелер, 2000: 78). Причем и Каппелер, и Юссила, упоминая финскую автономию, отрицают установление в регионе «конституционной монархии». По мнению финского историка, речь, скорее, шла о взаимном признании: законов и сословных прав населения Финляндии – Александром I, легитимности абсолютной власти монарха – со стороны представителей финляндских сословий (Юссила и др., 2010: 25-26).

Такое «признание» в публичной форме и состоялось на сейме, открытом 15 (27) марта 1809 г. Там были обсуждены важнейшие военные, налоговые и административные вопросы (Суни, 2013: 21-25). В июле того же года состоялось его торжественное закрытие. Тем временем в Швеции произошел государственный переворот – Густав IV Адольф был свергнут. Весной 1809 г. русская армия начала наступление, что принудило шведов начать переговоры. Они завершились 5 (17) сентября 1809 г. подписанием Фридрихсгамского мирного договора, по которому вся так называемая «Шведская (Новая) Финляндия» вместе с Аландскими островами отходила Российской империи. Успешное развитие событий на фронте шло параллельно с созданием постоянной администрации провинции. 20 сентября (2 октября) 1809 г. приступил к исполнению обязанностей финляндский Императорский правительствующий совет (в дальнейшем – Императорский сенат) – основной орган исполнительной власти на территории Великого княжества (Клинге, 2005: 26). Таким образом, в Финляндии постепенно сложилась гибкая и относительно автономная система управления, состоявшая из Сената и генерал-губернатора на месте и статс-секретаря (с 1834 г. – министр-статс-секретарь) в Петербурге.

Точно так же, как и во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., внешнеполитические обстоятельства определяли политику самодержавия в Финляндии и после ее окончания. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на некоторые из важнейших событий, произошедших в регионе накануне вторжения Наполеона в Россию.

Одно из них – передача в состав Великого княжества Финляндского так называемой «Русской (Старой) Финляндии», т.е. Выборгской губернии, в которую входили обширные территории Карельского перешейка и Северного Приладожья. Они были присоединены к России по итогам Северной войны и русско-шведской войны 1741–1743 гг. Первоначально идею об «округлении» Финляндии в старых границах высказал Г.М. Спренгтпортен (Юссила, 2009: 81). Он полагал, что это позволит России получить надежный форпост с лояльным населением, прикрывающий подступы к Санкт-Петербургу. В дальнейшем задумку Г.М. Спренгтпортена активно поддержал Г.М. Армфельт, шведский чиновник, перешедший на русскую службу и возглавивший Комиссию финляндских дел (Каллейнен, 2018: 57).

Исследователи подчеркивают, что с самого начала XVIII в. административно-территориальные изменения в Выборгской губернии происходили сугубо в рамках дипломатической конъюнктуры (Тимченко, 2015: 163-166). И на этот раз Александр I принял непопулярное среди высших кругов Петербурга (Бородкин, 1909: 383-390) решение для того, чтобы, с одной стороны, добиться еще большей лояльности со стороны финляндских элит, а с другой – улучшить отношения со Швецией в преддверии надвигающегося конфликта с Францией. Создание единой Финляндии, как справедливо замечает Л.В. Суни, должно было показать местным жителям все «преимущества ее вхождения в состав новой метрополии» (Суни, 2013: 40). Для шведов же данный шаг служил символом того, что царь рассматривает данный регион как буферную территорию и что он не заинтересован в дальнейшем расширении на северо-запад (Клинге, 2005: 33-34). В итоге 11 (23) декабря 1811 г. был издан указ о включении Выборгской губернии в Великое княжество Финляндское. Некоторое время спустя, в ходе тайных переговоров в Петербурге и Стокгольме весной-летом 1812 г., Россия и Швеция заключили фактический союз (Рогинский, 1978: 78-79).

В идентичном контексте мы рассматриваем также и решение императора о переносе столицы Великого княжества из Або в Гельсингфорс (Хельсинки), принятое в апреле 1812 г. Основным мотивом для реализации упомянутого мероприятия в глазах Александра I являлся куда более высокий оборонительный потенциал Гельсингфорса (Рахикайнен, 2017: 54). Свеаборг, представлявший из себя мощную военно-морскую крепость, должен был стать одним из защитных рубежей новой столицы, недалеко от которой он находился. В отличие от Або, в котором прошведские настроения оказывались очень сильны, сгоревший в 1808 г. Гельсингфорс предстояло отстраивать

практически с нуля (Клинге, 2005: 52), и каких-либо препятствий для его превращения в «русский императорский» город там не имелось. В скором времени туда будут перенесены университет и Сенат. Г.М. Армфельт писал, что среди городской верхушки Або было очень много противников переезда (Император Александр I..., 1896: 152-154). Тем не менее, император Александр I настоял на своем в очередной раз, исходя из военно-стратегических факторов.

Одним из событий, вызвавших большое замешательство и неоднозначные чувства со стороны жителей Финляндии, стало назначение в 1823 г. новым генерал-губернатором Великого княжества российского генерала А.А. Закревского. Сам Закревский называл Финляндию «моей Сибирью», назначению не обрадовался, считая его признаком попадания в немилость к государю (Высочков, 2004: 22-23; Юссила, 2009: 190). Он не знал никаких языков, кроме русского, был плохо образован, по карьерной лестнице поднимался исключительно благодаря личным знакомствам, не обладал специальными навыками или знаниями, необходимыми для управления краем (Lincoln, 1975: 317). Почему же тогда выбор пал на него? Как показывают сами финские историки, говорить о какой-либо «русификации» или тенденции на жесткую интеграцию региона в состав империи в период администрации Закревского особо не приходится (Суни, 2012: 133-134). Ему удалось добиться права прямого доклада императору, а его активность на посту генерал-губернатора способствовала определенной централизации. Представляется, что не стоит преувеличивать степень ограничения Закревским финской автономии. Например, несмотря на частые препирательства с тем же Р.Х. Ребиндером, большинство проектов последнего в итоге оказались реализованы (Суни, 2018: 461).

Истинные мотивы назначения А.А. Закревского стоит опять же искать в контексте международной обстановки. В начале 1820-х гг. в Европе разразилась череда революций: в Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте. Непокойно было в Пруссии и германских государствах, где давно существовало движение за конституционное ограничение монархий. Известно, что произошедшие в октябре 1820 г. беспорядки в Семеновском полку Александр I склонялся приписывать действиям карбонариев и тайных обществ (Андреева, 2009: 487-514). В 1822 г. был издан указ, запрещающий деятельность любых тайных обществ и масонских лож. Происходит резкое переформатирование дискурса русской власти, отход от всего, что могло напоминать политику «конституционной дипломатии» и либеральные реформы (Потапова, 2017: 330-363).

Императору становится свойственна шпиономания и постоянные поиски революционеров в стране. Именно с этими настроениями он и отправил А.А. Закревского в Финляндию. Пользовавшийся доверием, русский, типичный военный по складу ума, консервативно настроенный монархист, не имевший никаких связей с финляндскими элитами – такой человек лучше всего подходил для того, чтобы следить за порядком в Великом княжестве, представлять там имперскую власть и в крайнем случае, суметь нейтрализовать активизировавшиеся тайные общества. После того как в 1831 г. А.А. Закревского сменил А.С. Меншиков, сенатор К.И. Фишер, возглавлявший петербургскую канцелярию генерал-губернатора, вспоминал: «Приняв дела, нашел в них целый архив шпионской системы Закревского» (Высочков, 2003: 47).

При новом генерал-губернаторе в Финляндии ужесточились правила цензуры, был ограничен список иностранной литературы, разрешенной к ввозу в страну (Бородкин, 1915: 594-596). В 1824–1825 гг. Закревский начал вводить первые запреты на перемещения финских студентов, организовал негласный надзор для мониторинга их «морального состояния». Он действительно сумел создать систему тайных информаторов и перлюстрации частной переписки, благодаря которым находился в курсе большинства важных событий в регионе. Например, уже в 1823 г. Закревскому удалось получить сведения о существовании так называемой «Лиги Маннергейма» – некоего собрания, соединившего в себе ряд видных чиновников местной администрации (Суни, 2013: 73-76). Не изменив автономного положения Великого княжества Финляндского, во всяком случае *de jure*, А.А. Закревский под влиянием трансформации курса Александра I всерьез занялся ужесточением контроля над культурной и общественно-политической сферой.

Наконец, стоит обратить внимание на еще один эпизод. В ноябре 1825 г. Николай Павлович, получив известие о смерти старшего брата, спешно организовал присягу Константину Павловичу, чем нарушил традицию и порядок передачи престола (Belousov, 2018: 356-357). 30 ноября (12 декабря) 1825 г. А.А. Закревский провел в Гельсингфорсе присягу новому царю по общероссийскому формату (Бородкин, 1915: 13). Таким образом генерал-губернатор хотел символически показать единство провинции со всей империей. А далее последовала развязка политического кризиса междуцарствия: 12 (24) декабря 1825 г. Николай принимает окончательное решение занять трон, готовится Манифест о его восшествии на престол, и тогда же он подтверждает законы и сословные права, которыми пользовались жители Финляндии (Андреева, 2015: 62). Чем это могло быть вызвано? Отвечая на данный вопрос, можно полностью согласиться с мнением Т.В. Андреевой, которая верно подметила, что для новоиспеченного монарха в тот момент важнейшим являлся вопрос, насколько его приход к власти будет выглядеть законным в глазах российских подданных, а также иностранных дипломатов и общественности (Андреева, 2015: 63). Вследствие этого, опасаясь прецедентов отказа от присяги, Николай решил публично заявить о сохранении всех привилегий Финляндии, чтобы добиться

лояльности ее населения. Внешний фактор снова определил тренды политики самодержавия в Великом княжестве.

Примечательно, что и в дальнейшие годы правления Николая I ситуация в Финляндии будет зависеть от схожих обстоятельств. Так, в 1830–1831 гг., когда на Западе гремели революции во Франции и Бельгии, а в России вспыхнуло собственное восстание в Царстве Польском, русский монарх решил использовать северо-западную оконечность своей империи в качестве основы для конструирования пророссийской пропаганды в медиапространстве. Посредством подкупа редакторов европейских газет, через зарубежных агентов III Отделения и частных персон, совершавших поездки за границу, царское правительство производило нарративы, направленные против либеральной печати, утверждавшей, что российский режим ослаб и «всемирный заговор революционеров» способен его расшатать (Андреева, 2015: 70).

Выстраивая образ спокойной и процветающей Финляндии, являющейся надежным оплотом империи, Николай I хотел показать, что события в Польше носят уникальный по меркам России характер и что в других провинциях государства все в полном порядке. В данном контексте финны, имевшие автономное положение, но при этом сохранявшие верность престолу, действительно смотрелись в выгодном свете. Естественно, что в описанных условиях и речи быть не могло об ограничении самостоятельности Великого княжества Финляндского.

5. Заключение

Перейдем к основным итогам настоящего исследования. В отечественной историографии сложилось устойчивое представление о том, что ключевые истоки имперского курса самодержавия в отношении Великого княжества Финляндского лежали во внутривластной области. Многие авторитетные специалисты интерпретировали происходившие в Финляндии события как лабораторные эксперименты Александра I по инсталлированию конституционных режимов в локальных масштабах с перспективой дальнейшей экстраполяции на всю Россию. Тем не менее, среди большинства западных исследователей доминирует более прагматичный взгляд на затрагиваемый круг проблем. По их мнению, закрепление за Финляндией автономного положения в первую очередь было предопределено текущей обстановкой на международной арене.

Проведенный нами анализ основных мероприятий царского правительства на финских территориях с момента их присоединения к России и вплоть до воцарения Николая I позволяет прийти к выводу, что основной целью внутренней и внешней политики российского императора стало укрепление стратегического положения во всех регионах страны. Создание основ самостоятельности Финляндии пришлось на период войны со Швецией и осложнения отношений с Наполеоном. Именно поэтому он пошел на дарование широких привилегий финляндской элите: чтобы добиться их расположения и лояльности в преддверии надвигающегося конфликта с Францией. Впоследствии содержание внешнего фактора могло меняться (боязнь «всемирной революции», контрпропаганда либеральной западной прессы), но его абсолютное влияние сохранялось. Геополитические амбиции российского самодержавия оставались главным аспектом в его политике в отношении Великого княжества Финляндского на протяжении всей первой половины XIX в.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15-18-00119.

Литература

Андреева, 2015 – Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 2 (06). С. 52-78.

Андреева, 2009 – Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. *Правительственная политика и общественное мнение*. СПб., 2009. 912 с.

Бородкин, 1909 – Бородкин М.М. История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. 635 с.

Бородкин, 1915 – Бородкин М.М. История Финляндии. Время Николая I. Пг., 1915. 716 с.

Вандаль, 1910 – Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1. От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1910. 534 с.

Вернадский, 1925 – Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. 279 с.

Высочков, 2003 – Высочков Л.В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское / *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы IV ежегодной международной научной конференции*. СПб., 2003. С. 44-52.

Высочков, 2003 – Высочков Л.В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831) / *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы V ежегодной международной научной конференции*. СПб., 2004. С. 18-31.

- Император Александр I..., 1896 – Император Александр I и граф Армфельт, 1811–1812 гг. // *Русская старина*. 1896. № 10. С. 139-157.
- Каллейнен, 2018 – Каллейнен К. «Финляндия должна быть спасена от полного уничтожения!» – Роберт Хенрик Ребиндер как защитник интересов Финляндии в Санкт-Петербурге в 1811–1841 гг. // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2018. № 18–2. С. 53-65.
- Капеллер, 2000 – Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
- Клинге, 2005 – Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. 614 с.
- Кяйвярйяйнен, 1965 – Кяйвярйяйнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965. 282 с.
- Мироненко, 1989 – Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. 240 с.
- Потапова, 2017 – Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. 416 с.
- Рахикайнен, 2017 – Рахикайнен М. Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2017. Т. 1, № 1. С. 52-71.
- Рогинский, 2012 – Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815 гг. М., 2012. 516 с.
- Рогинский, 1978 – Рогинский В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. 173 с.
- Суни, 2013 – Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. 137 с.
- Суни, 2012 – Суни Л.В. Генерал-губернатор А.А. Закревский. Встреча с Финляндией // *Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Сборник научных статей*. Петрозаводск, 2012. С. 133-144.
- Суни, 2018 – Суни Л.В. Рец. на кн.: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiostieteeri R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s. // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2018. № 3. С. 459-462.
- Тимченко, 2015 – Тимченко К.В. От Выборгской провинции до Финляндской губернии: первые шаги инкорпорации финляндских земель в состав России // *Вестник Брянского государственного университета*. 2015. № 1. С. 163-166.
- Шиловский, 1903 – Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. 145 с.
- Юссила, 2009 – Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. 844 с.
- Юссила и др., 2010 – Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. М., 2010. 471 с.
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 345-360.
- Brems, 1971 – Brems H. Great-Power Tension and Economic Evolution in Finland since 1809 // *Journal of Economic Issues*. 1971. Vol. 5, no. 4. Pp. 1-19.
- Lincoln, 1975 – Lincoln B.W. The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into their Backgrounds and Service Careers // *Russian Review*. 1975. Vol. 34, no. 3. Pp. 308-323.
- Rintala, 1976 – Rintala M. Review. The Political History of Finland 1809–1966 by L.A. Puntala and David Miller // *Journal of Baltic Studies*. 1976. Vol. 7, no. 2. Pp. 195-197.
- Ryan, 1964 – Ryan A. Review. Finland in European Politics in 1809–1815 by Päiviö Tommila // *English Historical Review*. 1964. Vol. 79, no. 313. Pp. 869-870.

References

- Andreeva, 2009 – Andreeva T.V. (2009). Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v. Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century. Government's policy and public opinion]. SPb., 912 p. [in Russian]
- Andreeva, 2015 – Andreeva T. V. (2015). Nikolai I i finlyandskii vopros. 1830–1831 gg. [Nicholas I and the Finnish Question. 1830–1831]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2 (06), pp. 52-78. [in Russian]
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63, Is. 2, pp. 345-360.
- Borodkin, 1909 – Borodkin M.M. (1909). Istoriya Finlyandii. Vremya Aleksandra I [History of Finland. Time of Alexander I]. SPb., 635 p. [in Russian]
- Borodkin, 1915 – Borodkin M.M. (1915). Istoriya Finlyandii. Vremya Nikolaya I [History of Finland. Time of Nicholas I]. Pg., 716 p. [in Russian]
- Brems, 1971 – Brems H. (1971). Great-Power Tension and Economic Evolution in Finland since 1809. *Journal of Economic Issues*. Vol. 5., no. 4, pp. 1-19.
- Imperator Aleksandr I..., 1896 – Imperator Aleksandr I i graf Armfel't, 1811–1812 gg. [Emperor Alexander I and count Armfelt, 1811–1812]. *Russkaya starina*. 1896, no. 10, pp. 139-157. [in Russian]
- Kalleinen, 2018 – Kalleinen K. (2018). “Finlyandiya dolzhna byt' spasena ot polnogo unichtozheniya!” – Robert Khenrik Rebinder kak zashchitnik interesov Finlyandii v Sankt-Peterburge v 1811–1841 gg. [“Finland should be saved from the total destruction!” – Robert Henrik Rebinder as the

defender of Finland's interests in Saint-Petersburg in 1811–1841]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*. No. 18–2, pp. 53–65. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya [Russia – multinational empire]. M., 344 p. [in Russian]

Klinge, 2005 – *Klinge M.* (2005). Imperskaya Finlyandiya [Imperial Finland]. SPb., 614 p. [in Russian]

Kyaivaryainen, 1965 – *Kyaivaryainen I.I.* (1965). Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v nachale XIX v. i prisoedinenie Finlyandii k Rossii v 1809 g. [International relations in the Northern Europe in the beginning of the 19th century and the joining of Finland to Russia in 1809]. Petrozavodsk, 282 p. [in Russian]

Lincoln, 1975 – *Lincoln B.W.* (1975). The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into their Backgrounds and Service Careers. *Russian Review*. Vol. 34, no. 3, pp. 308–323.

Mironenko, 1989 – *Mironenko S. V.* (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the beginning of the 19th century]. M., 240 p. [in Russian]

Potapova, 2017 – *Potapova N.D.* (2017). Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov [Speaking from their cells: discourse and political strategies of the Decembrists]. SPb., 416 p. [in Russian]

Rakhikainen, 2017 – *Rakhikainen M.* (2017). Khel'sinki (Gel'singfors) v zerkale imperskogo Sankt-Peterburga [Helsinki (Helsingfors) in the mirror of imperial Saint-Petersburg]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. Vol. 1, no 1, pp. 52–71. [in Russian]

Rintala, 1976 – *Rintala M.* (1976). Review. The Political History of Finland 1809–1966 by L. A. Puntala and David Miller. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 7, no. 2, pp. 195–197.

Roginskii, 1978 – *Roginskii V.V.* (1978). Shvetsiya i Rossiya. Soyuz 1812 goda [Sweden and Russia. Alliance of 1812]. M., 173 p. [in Russian]

Roginskii, 2012 – *Roginskii V.V.* (2012). Bor'ba za Skandinaviyu. Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v epokhu Napoleonovskikh voyn 1805–1815 gg. [Struggle for Scandinavia. International relations in the Northern Europe in the era of Napoleonic Wars 1805–1815]. M., 516 p. [in Russian]

Ryan, 1964 – *Ryan A.* (1964). Review. Finland in European Politics in 1809–1815 by Päiviö Tommila. *English Historical Review*. Vol. 79, no. 313, pp. 869–870.

Shilovskii, 1903 – *Shilovskii P.* (1903). Akty, odnosyashchiesya k politicheskomu polozheniyu Finlyandii [Acts relating to political situation in Finland]. SPb., 145 p. [in Russian]

Suni, 2012 – *Suni L.V.* (2012). General-gubernator A. A. Zakrevskii. Vstrecha s Finlyandiei [General-governor A. A. Zakrevsky. Meeting with Finland]. *Grani sotrudnichestva: Rossiya i Severnaya Evropa. Sbornik nauchnykh statei*. Petrozavodsk, pp. 133–144. [in Russian]

Suni, 2013 – *Suni L.V.* (2013). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (pervaya polovina XIX v.). Stanovlenie avtonomii [Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Making autonomy]. Petrozavodsk, 137 p. [in Russian]

Suni, 2018 – *Suni L.V.* (2018). Rets. na kn.: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihiteeri R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s. [Review on book: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihiteeri R.H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s.]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniï*. No. 3, pp. 459–462. [in Russian]

Timchenko, 2015 – *Timchenko K.V.* (2015). Ot Vyborgskoi provintsii do Finlyandskoi gubernii: pervye shagi inkorporatsii finlyandskikh zemel' v sostav Rossii [From Vyborg province to Finland guberniya: first steps of incorporating Finnish land into Russia]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 163–166. [in Russian]

Vandal', 1910 – *Vandal' A.* (1910). Napoleon i Aleksandr I: Franko-russkii soyuz vo vremya Pervoi imperii. T. 1. Ot Til'zita do Erfurta [Napoleon and Alexander I: Franco-Russian alliance in the times of First Empire. Vol. 1. From Tilsit to Erfurt]. SPb., 534 p. [in Russian]

Vernadskii, 1925 – *Vernadskii G.V.* (1925). Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii 1820 g. [State charter of the Russian Empire in 1820]. Praga, 279 p. [in Russian]

Vyskochkov, 2003 – *Vyskochkov L.V.* (2003). “Ostav'te finnov v pokoe”: Imperator Nikolai I i Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe [“Leave the Finns alone”: Emperor Nicholas I and the Grand Duchy of Finland]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy. Materialy IV ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, SPb., pp. 44–52. [in Russian]

Vyskochkov, 2004 – *Vyskochkov L.V.* (2004). Finlyandskii general-gubernator Arsenii Andreevich Zakrevskii (1823–1831) [Finnish general-governor Arsenii Andreevich Zakrevsky (1823–1831)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy. Materialy V ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, SPb., pp. 18–31. [in Russian]

Yussila i dr., 2009 – *Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu.* (2010). Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–2009 [Political history of Finland, 1809–2009]. M., 471 p. [in Russian]

Yussila, 2009 – *Yussila O.* (2009). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809–1917 [Grand Duchy of Finland, 1809–1917]. Helsinki, 844 p. [in Russian]

Внешнеполитический контекст процесса интеграции Финляндии в состав Российской империи

Михаил Сергеевич Белоусов ^{а, *}, Ясын Сахиб оглы Абдуллаев ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена важному элементу политики российского самодержавия в этноконфессиональной области – присоединению Великого княжества Финляндского и инсталлированию основ его автономного управления в составе России. Начиная с дореволюционного периода, российская историография была склонна приписывать либеральное отношение к Финляндии особенностям общественно-политических воззрений императора Александра I, якобы планировавшего в определенный период своего царствования распространить конституционные порядки на всю страну. В отличие от отечественных историков, западные специалисты интерпретируют развитие финляндского курса царизма как результат сложившейся на тот момент международной обстановки. Авторы настоящего исследования предприняли попытку подвести итог данной дискуссии. Они приходят к выводу, что дарование Финляндии значительной доли политической самостоятельности проистекало из желания имперского правительства максимально стабилизировать ситуацию на северо-западных границах в преддверии крупномасштабного конфликта с наполеоновской Францией. Точно так же, как и во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., внешнеполитические обстоятельства определяли политику самодержавия в Финляндии и после ее окончания. Именно в этом контексте стоит рассматривать процесс включения в состав Финляндии Выборгской губернии и обустройство столичного Гельсингфорса. Влияние внешнего фактора на действия властей в регионе сохранялось, хотя и меняло свое содержание – от союза со Швецией к боязни проникновения революционной угрозы с Запада и борьбе с европейской прессой. Назначение А.А. Закревского, как показано в статье, было непосредственным следствием распространения «шпиономании» в правительственных кругах.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, Александр I, национальная политика, международные отношения, автономия, конституция, русско-шведская война 1808–1809 гг.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)

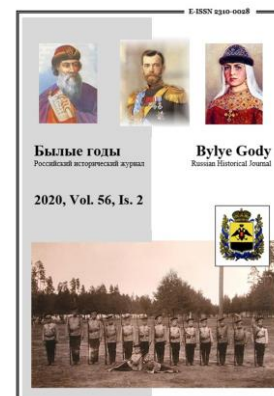
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 558-570. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.558
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Votkinsk's Hopper Lighters for Siberia. Experience of Correlation Analysis for Biography Reconstruction

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Anatoly N. Loshkarev ^{d, e}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

^e Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

Abstract

During the First World War, the Votkinsk plant completely modernized the way-service of the Volga-Caspian Canal. He equipped it not only with hopper lighters, but also with refractory type reclamation excavators. But the plant acquired the first experience in the construction of hopper lighters by order of the Ministry of ways back in 1905, when it produced six hopper lighters for the Volga and Kama, four hopper lighters and two guard-ships for Siberia.

Based on a comparison of the clerical documentation of the plant and the data of the river registers, the biographies of Siberian hopper lighters are being reconstructed. To identify the correspondence between the lists of 1923 and 1928, a correlation analysis was carried out. A technique of three-parameter correlation analysis with an implicitly expressed objective function for solving this historical problem is proposed.

The analysis showed that in the period from 1923 to 1928, all the hopper lighters passed a renumbering in the same numerical range. The most probable correspondence of old and new numbers was reconstructed.

On the basis of the reconstruction, the conclusion was made - despite the fact that the Siberian hopper lighters built in Votkinsk accounted for only a fifth of the way-service's fleet (4 units out of 21) of the Ob and Irtysh, nevertheless, they became successful analogues when further ordering a series of such ships. Although the plant could not withstand the contractual terms and prices, and on the hopper lighters themselves there were many factory defects, the hopper lighters were in operation until the 1950s. And the ships built according to the Votkinsk type for a long time formed the backbone of the way-service's fleet both on the Ob and on the Irtysh.

Keywords: shipbuilding, Votkinsk's plant, way-service, excavation caravan, Western Siberia, navigation.

1. Введение

Продукция судостроительного цеха Воткинского завода оказала существенное влияние на модернизацию и техническое перевооружение путевых служб речного транспорта России в первой четверти XX в. Так, в годы Первой мировой войны Воткинский завод провел полное техническое перевооружение таких стратегически важных центров, как Архангельский торговый порт и Волго-Каспийский канал. Между тем продукция завода поставлялась и в другие регионы страны, информация о работе в которых до сих пор не систематизирована. Задача данной статьи состоит в

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

идентификации четырех грунтоотвозных шаланд и двух брандвахт, поставленных в 1906–1910 г. в Обь-Иртышский регион. Делопроизводственная документация Воткинского завода сообщает лишь о постройке и поставке этих плавсредств, какая-либо информация о дальнейшей службе в ней отсутствует.

2. Материалы и методы

Материалом для работы послужила делопроизводственная документация Воткинского завода в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР), уточненная по фондам архива Музея истории и культуры города Воткинска (МИКВ). Эксплуатационная документация по продукции завода взята из речных регистров 1922 г. (Регистр, 1922), 1923 г. (Ядро, 1923), 1926 г. (Регистр, 1926), 1928 г. (Регистр 1928) и 1946 г. (Регистр, 1946а; Регистр, 1946б).

В первую очередь работа основана на использовании сравнительных и логических методов. Информация делопроизводственной документации накладывается на эксплуатационную документацию речных регистров, в результате чего происходит сопоставление и корреляционно-логическим путем выводится список наилучших кандидатов на продукцию судостроительного цеха Воткинского завода. Применительно к путевскому флоту Западной Сибири задача соответствия затрудняется тем, что завод производил лишь «отверточную сборку» в Тюмени, из-за чего в регистрах отсутствует указание, что это продукция именно из Воткинска.

Ранее нами был предложен метод, по которому список продукции, произведенной на заводе, «накладывался» на списки флота, имевшегося в данном регионе (Mitiukov et al., 2017). На материалах Архангельского порта и Волго-Каспийского канала он продемонстрировал высокую эффективность реконструкции. Но в обоих этих случаях продукция Воткинского завода составляла подавляющее большинство. Причем удалось не только однозначно идентифицировать типы и серии плавсредств, но и «вычислить» те суда, которые построили, но исключили из списков до момента составления регистра.

В случае путевского флота Западной Сибири задача усложняется тем, что имеющийся флот превышает поставленную заводом продукцию в пять раз (воткинские шаланды составляют 4 из 21, или 19 %), и, таким образом, требуется разработка каких-то новых методов анализа. Для обработки информации речных регистров можно применить подходы, ранее сформулированные нами для решения подобного круга задач (Mitiukov, 2016; Mitiukov et al., 2019). Но, поскольку воткинская продукция составляет лишь пятую часть выборки, очевидно, придется производить анализ всей выборки, по итогам чего выделить из нее собственно воткинскую продукцию.

В данном случае оказывается эффективным использование корреляционного анализа. Обычно в исторических исследованиях он применяется для отыскания соответствия между двумя выборками, на основании чего делается заключение об их зависимости или независимости. Поскольку при анализе регистров априори известно, что выборки зависимые, задача корреляционного анализа будет заключаться в определении такого порядка, чтобы корреляция была наибольшей.

Методика достаточно хорошо прописана в специальной литературе. Если взять всего одну выборку и определить корреляцию ее саму от себя (например, год постройки шаланды от года постройки шаланды), то все значения выборки идеально выстроятся вдоль прямой – биссектрисы числовой плоскости. В этом случае точность корреляции, определяемая как сумма квадратов отклонений реального значения от биссектрисы R^2 , будет равно единице ($R^2 = 1$). Если корреляции вообще нет, то значения равномерно распределятся по числовой плоскости и в этом случае точность корреляции R^2 будет близка к нулю ($R^2 \approx 0$). Как показывает практика, в реальных случаях можно говорить об однозначном наличии корреляции, если $R^2 > 0,8...0,9$, и об ее однозначном отсутствии, если $R^2 < 0,5...0,6$.

Таким образом, отыскание корреляции между двумя выборками, например, годом постройки шаланд по одному списку и по другому, заключается в отыскании такого расположения порядка шаланд в списке, чтобы $R^2 \rightarrow 1$. Однако в анализируемой выборке используется массив из трех параметров (год выпуска, длина корпуса и грузоподъемность), и, как показали расчеты, максимальная точность корреляции по одному параметру не дает максимальной точности по другим.

В точных науках подобная задача решается путем введения целевой функции, то есть, например, высокая корреляция по первому параметру в два раза более предпочтительная, чем по второму и, например, в 5 раз, чем по третьему. Далее путем перебора всех возможных комбинаций выбирается вариант, обладающий максимальным R^2 . Но для исторического материала целевая функция может стать объектом дискуссии, поскольку подобная задача на практике решается впервые. А во-вторых, сами исторические данные обладают определенной неточностью, которая тоже неизвестна. В связи с этим в работе предлагается оригинальный подход, позволяющий преодолеть эти трудности.

3. Обсуждение

Начало путевой службы на реках Западной Сибири следует отнести к 1809 г., когда Высочайшим манифестом учредили 10 округов путей сообщения, отнеся территорию Сибири к

Десятому округу. Однако уже в 1822 г. его упразднили, фактически передав задачи поддержания водных путей сообщения местным властям. И лишь в 1882 г., после упразднения Главного управления Западной Сибири, путевая служба сибирских рек перешла к Министерству путей сообщения (МПС) (Завьялов, 2011).

Вероятно, первая попытка обобщить опыт работы путевой службы в исторической ретроспективе была предпринята Министерством торговли и промышленности Российской империи в конце XIX – начале XX вв., когда появилась серия «Труды отдела торговых портов», насчитывающая почти три десятка томов. Но следует отметить, что поскольку экономическая жизнь империи в основном определялась ее европейской частью, история морских путей Западной Сибири там поднимается лишь эпизодически.

Подобная же тенденция сохранилась и в советское время, когда характерной чертой выходящих работ являлось стремление авторов продемонстрировать процесс развития советского речного транспорта в противопоставлении его царскому периоду. В основном эти сборники были приурочены к юбилеям советской власти («Советский флот СССР за 15 лет», «Речной транспорт за 60 лет» и т.д.), а их авторами были в основном руководители местного и союзного уровня. Поэтому их больше интересовал опыт управления, а не технические аспекты.

С историографической точки зрения одной из первых фундаментальных работ по истории речного транспорта стала монография Н.К. Дормидонтова (Дормидонтов, 1930), что особо ценно, в ней впервые рекам Западной Сибири отведена целая глава. Автор не только дает экскурс, какие плавсредства хорошо зарекомендовали себя в навигации на конкретных реках, но и пытается ответить на вопрос, почему это произошло и какие перспективы у их технического освоения. Более поздние работы по истории речного транспорта Западной Сибири в основном написаны в историко-экономическом ключе, поэтому в данном случае не представляют большого интереса.

В постсоветской историографии появилось несколько интересных работ по развитию речного транспорта Западной Сибири, рассматривающих этот процесс через призму демографических процессов, например, как элемент обеспечения миграционных потоков (Борисенко, 2009) или как следствие аграрной реформы П.А. Столыпина (Сафронов, 2010). Интересна и еще одна закономерность: если после Н.К. Дормидонтова в отечественной историографии преобладала линия рассмотрения от общего к частному, то есть процессы в Западной Сибири рассматривались в контексте глобальных процессов в Российской империи и СССР, то в 2000-х гг. появились работы, авторы которых пытаются найти параллели в локальной истории развития двух регионов, например, Западной Сибири и района Урала и Поволжья (Рукоусев, 2015).

Наиболее всестороннее освещение проблема истории транспорта на Оби и Иртыше получила в диссертации Е.В. Харловой (Харлова, 2012). В числе прочего, через призму трансформационных процессов в ее работе рассмотрена и путевая служба.

4. Результаты

4.1. Делопроизводственная документация Воткинского завода о судах, построенных для Западной Сибири

Особенности навигации на Оби и Иртыше заключаются в том, что она требует постоянных дноуглубительных работ, что актуально и в наши дни (Седых, 2014). Но как явствует из документации Министерства путей сообщения (МПС), в начале XX в. путевая служба на Оби и Иртыше «оставляла желать много лучшего», в результате чего в марте 1909 г. при МПС была создана межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения (Завьялов, 2011). К 1904 г. Томский округ путей сообщения имел всего семь землечерпалок, из которых работало только три. Общая производительность землечерпального каравана составляла 900 м³/ч. К 1913 г., благодаря принятым мерам, число землечерпалок увеличилось до девяти, общая производительность которых составляла 1450 м³/ч (Завьялов, 2011).

3 марта 1903 г. МПС объявило тендер на постройку грунтоотвозных шаланд для обеспечения работы существующих караванов. Предполагалось заказать шесть 10-кубовых (имеются в виду кубические сажени, равные 10 м³) и две 5-кубовые шаланды. Их планировалось поставить в течение предстоящей навигации: по две 10-кубовые и 5-кубовые соответственно для Нижнего Новгорода и Казани и четыре оставшиеся для Тюмени. Цена с доставкой составляла для тюменских по 18 тыс. руб., нижегородских по 16 тыс. руб. и казанских по 10 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 1). Поскольку на момент объявления тендера Воткинский завод опыта постройки подобных судов не имел, МПС в качестве прототипа предложило использовать шаланды Коломенского завода:

- 10-кубовые: длина корпуса 30,5 м, ширина 8,5 м, осадка в грузе 1,2 м, объем перевозимого грунта 100 м³;
- 5-кубовые: длина корпуса 30,5 м, ширина 7 м, осадка в грузе 0,85 м, объем перевозимого грунта 50 м³ (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 4).

В техническом задании особо подчеркивалось, что 10-кубовые шаланды должны иметь осадку в полном грузе не более 1,2 м, высоту борта не более 2 м, а форму корпуса (носа и кормы) такую, чтобы обеспечивать удобное причаливание с любой позиции (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 7).

Аналогичные характеристики для 5-кубовых шаланд указывали на осадку не более 0,85 м, высоту борта не более 2 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 10).

4 апреля 1905 г. завод разработал техническое предложение, в соответствии с которым габариты 10-кубовой шаланды составляли: длина корпуса 30,3 м, ширина 8,4 м, высота борта 1,5 м, осадка в грузе 1,2 м, порожним – 0,45 м. Заводская цена составляла 17300 руб., срок поставки определялся в пять месяцев. По 5-кубовой шаланде: длина корпуса 29 м, ширина 6,8 м, высота борта 1,35 м, осадка в грузе 0,85 м, порожним – 0,39 м. Заводская цена составляла 11600 руб., срок поставки также пять месяцев (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 14-22).

29 апреля 1905 г. Управление водных путей сообщения (УВПС) уведомило завод, что ему достался заказ на четыре 5-кубовые шаланды для Камы с доставкой и испытанием в Казань по цене 11600 руб. и сроком поставки пять месяцев, а также две 10-кубовые для Волги с доставкой и испытанием в Нижний Новгород по цене 17300 руб. и сроком поставки пять месяцев (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 35-36).

Относительно сибирских шаланд в документации этого периода ничего не сообщается. Но 30 апреля Горный округ получил запрос о возможности изготовления на Воткинском заводе двух брандвахт: квартиры и дровянки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 34). Из документа непонятно, куда их требовалось поставить, но, скорее всего, речь уже шла о Сибири.

Уже после заключения контракта 12 мая 1905 г. УВПС потребовало изменить на предполагаемых к постройке шаландах профиль используемых в конструкции уголков, из-за чего возрастали водоизмещение и цена, а также увеличивались сроки поставки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 43). Очевидно, на этом этапе УВПС заняло выжидательную позицию, наблюдая, как завод справляется с заказом, имея в качестве бонуса еще один потенциальный заказ на шаланды и брандвахты для Сибири. В документации Воткинского завода, для которого выполнение заказа сопровождалось множеством трудностей, главным образом отсутствием опыта в изготовлении, имеется письмо УВПС от 28 сентября 1905 г., в котором практически в ультимативном тоне указывалось, что если завод не выдержит контрактные сроки, то больше заказов от УВПС он не получит (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 76).

К сожалению, подробная документация с заказом по сибирским шаландам в заводской делопроизводственной документации отсутствует, но имеется письмо с завода от 13 января 1907 г., в котором он перечисляет заказы, выданные в 1905 г. со сроком поставки к навигации 1906 г., и среди них фигурируют четыре 10-кубовые шаланды для Томского округа со сдачей их к 1 мая 1906 г., с контрактной стоимостью 84 тыс. руб. Сообщается также, что на 1 декабря 1906 г. завод уже потратил на них 115630 руб. 86 $\frac{3}{4}$ коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10626. Л. 382).

На основании этого документа можно заключить, что, во-первых, контракт на сибирские шаланды, скорее всего, заключили в конце 1905 г., учитывая пятимесячный срок поставки (как по прошлому заказу). Формально волжские и камские шаланды предъявили заказчику еще 13 октября 1905 г., но у них обнаружили множество дефектов, которые пришлось устранять за счет завода.

Указанная цена в 21 тыс. за шаланду (84 : 4 = 21) показывает следующее. По техническому заданию разница между изначально однотипными шаландами для Волги и Сибири составляла 2 тыс. руб. Очевидно, что в нее была заложена стоимость транспортировки. В этом случае стоимость шаланды для Сибири, если бы она была поставлена на Волгу, составила бы 19 тыс. руб. Однако по техническому предложению цена составляет 17300 руб., и вполне логично, что указанная разница в 1700 руб. (19000 – 17300 = 1700) могла включать указанную выше замену профилей (повлекшую увеличение водоизмещения и цены) и перепроектирование ранее единого проекта 10-кубовой шаланды для условий Сибири. Таким образом, можно заключить, что конструктивно изначально сибирская шаланда могла мало отличаться от нижегородской. Во-вторых, видно, что завод выполнение заказа снова затянул и полностью сорвал все контрактные сроки, добавок допустив перерасход свыше 30 тыс. руб.

Относительно изготовления брандвахт известно, что в апреле 1905 г. завод участвует в тендере на их изготовление. В техническом задании было указано, что длина корпуса составляет 44 м, ширина 8 м, осадка в полном грузе не более 0,8 м. В корпусе необходимо было оборудовать жилые помещения на 35 чел. и мастерские (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 2). В августе Воткинский завод получил заказ на изготовление двух таких брандвахт: одну баржу-квартиру, вторую – баржу-дровянку (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627, Л. 14). Исходя из спецификации, очевидно служившей техническим заданием, известно, что длина дровянки по ватерлинии составляла 50,4 м, ширина 10 м, высота борта 2 м, осадка порожним 0,35 м, осадка с грузом дров в 600 м³ – 0,8 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 14). Предполагалось, что баржу-квартиру будут использовать при землечерпалке «Сибирская-VII» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 19).

Кроме чисто заводских проблем, повлекших увеличение сроков поставки, вероятно, в этом также было виновато и УВПС. По крайней мере, в письме, датированном январем 1907 г. указывается на изменение спецификации по баржам и шаландам (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 88). В связи с этим новый контрактный срок поставки отодвигался на 1 мая 1907 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 91).

Приемный акт на брандвахты подписали 9 июня 1907 г. (снова с нарушением даже отодвинутых новых контрактных сроков). В нем указывалось, что имеются отступления от спецификации, но они несущественны (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 162). В письме, датированным ноябрем 1907 г., завод просил уплатить ему 45200 руб. за поставленные брандвахты (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 175). В том же месяце он получил 40680 руб., а год спустя остаток в размере 4520 руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627. Л. 176, 198).

Указанное архивное дело, таким образом, сообщает о поставке обоих брандвахт в июне 1907 г. К сожалению, непонятно, насколько изменились характеристики обоих объектов. Известны лишь их параметры по техническому заданию. Можно также заключить, что шаланды также поставили в этом году.

Всего на сибирские шаланды завод потратил 19801 пуд (324 т) железа и материалов на сумму 100214 руб. 20 коп., и они обошлись в 122158 руб. при стоимости контракта 84 тыс. (МИКВ. Д. 4812. Л. 18 об.). На две брандвахты затрачено 7283 пуда (119 т) железа и материалов на сумму 34731 руб., а общие затраты составили 49072 руб. 67 коп. при стоимости контракта 45200 руб. (МИКВ. Д. 4812. Л. 19 об.). При этом шаланды числятся как построенные в 1906 г., а брандвахты – 1907 г.

Информация о брандвахтах и шаландах дополняется графической документацией. Так, сохранился «Чертеж стальной землеотвозной шаланды вместимостью 50 кубических метров». Он датирован 25 июня 1905 г. и дает виды шаланды длиной 29 м, шириной по миделю 6,8 м, высотой бортов 1,35 м, осадкой в грузе 0,85 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 233). Второй «Чертеж стальной землеотвозной шаланды вместимостью 100 кубических метров» датирован 10 августа 1905 г. Характеристики судна – длина 30,3 м, ширина 8,4 м, высота борта 1,5 м, осадка в грузе 1,2 м, осадка порожним 0,45 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 235). Третий «Чертеж стальной землеотвозной шаланды вместимостью 50 кубических метров» датирован 16 сентября 1905 г. Характеристики: длина 29 м, ширина 6,8 м, высота борта 1,35 м, осадка в грузе 0,85 м, осадка порожним 0,39 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 238). Четвертый «Чертеж стальной землеотвозной шаланды вместимостью 100 кубических метров на реку Туру» датирован 16 сентября 1905 г. и дает размеры, рядом с которыми написана карандашом еще одна группа цифр. Длина по грузовой ватерлинии 45 м (карандашом написано – 36 м), ширина по миделю 9,3 м (9 м), высота по борту 1,5 м (1,5 м), осадка в грузе 0,8 м (1,35 м), осадка порожним 0,37 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 239). Наконец, пятый «Чертеж общего вида баржи-квартиры на реку Туру», датированный 17 октября 1905 г., дает следующие характеристики: длина 44 м, ширина 8 м, высота борта 1,7 м, осадка в грузе 0,35 м, водоизмещение 112 т (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 240).

Судя по датам, оба чертежа 5-кубовой шаланды даются уже после того, как корпуса перепроектировали на новый профиль. Однако характеристики полностью совпадают с теми, что изначально предложил завод. Наличие двух чертежей, от 25 июня и 16 сентября 1905 г., скорее всего, может означать, что в этот промежуток произошла еще одна коррекция спецификации. Что касается 10-кубовой шаланды, то тут, хотя чертеж один, размерения на нем также полностью совпадают с теми, что указаны в техническом предложении.

А вот относительно шаланды на реку Туру, то изначально однотипная с нижегородской, она в итоге получилась с совершенно отличными размерениями: увеличены длина и ширина, за счет этого снижена осадка. Наконец, чертеж баржи-квартиры на Туру также полностью соответствует первоначальной спецификации, выданной в техническом задании. Единственное, вероятно, в чертеже перепутана осадка. 0,35 м это не в полном грузе, как явствует из чертежа, а порожним.

4.2. Анализ эксплуатационной информации по волжским и камским шаландам

Относительно идентификации шаланд для Казани и Нижнего Новгорода вопросов не возникает, хотя место постройки у них отсутствует, задача решается довольно просто путем соотнесения характеристик.

В Списке Ядра флота 1923 г. имеются шаланды № 47–50, которые показаны как явно однотипные, с годом постройки 1905/06 и длиной корпуса 13,6 сажений (2,16 × 13,6 = 29,38 м) (Ядро, 1923: 27). Там же имеются шаланды № 51 и 52, год постройки которых также показан как 1905/06, а длина корпуса 14,28 сажений (30,84 м). Поэтому нет сомнений, что именно эти номера получили во флоте МПС камские и волжские шаланды. Практически все номера в списке идут подряд, по возрастающей – высшие номера имеют более поздний срок постройки. Таким образом, год постройки и длина корпуса совпадут с делопроизводственной заводской документацией. Кроме того, важный вывод для дальнейших реконструкций заключается в том, что более поздние шаланды получали более высокие номера. За небольшим исключением эта закономерность справедлива для всей выборки камских и волжских шаланд.

А вот в Регистре 1926 г. эта закономерность нарушается. Грунтоотвозные шаланды Волжского управления внутренних водных путей в регистре сведены в главу «Суда специального назначения» (Регистр, 1926: 523–531). Несмотря на значительный объем указанных там плавсредств, большинство из них составляют деревянные суда, что сразу выводит их из рассмотрения, поскольку воткинская продукция была железная. В результате возможные варианты ограничиваются порядковыми

номерами плавсредств с № 5088 по № 5114, но из этого списка также следует исключить железные брандвахты (№ 5108 и 5115). По шаландам с № 5088 по № 5100 и № 5114 указано место постройки, что ограничивает список возможных воткинских шаланд тринадцатью объектами (с № 5101 по 5113).

У шаланды № 49 (порядковый № 5105, рег. № 11379) в графе «Место постройки» прямо указано, что это Воткинский завод 1905 г. Ее размерения (длина 29,1 м, ширина 7,2 м, высота борта 1,42 м, осадка порожним 0,18 м) практически в точности совпадают с характеристиками 5-кубовой шаланды для Казани. Подобные характеристики имеют также шаланды № 47, № 48 и № 50 (порядковые номера регистра № 5106, 5107 и 5104, рег. № 15193, 11672 и 15356 соответственно).

Шаланды с порядковыми номерами № 5109–5113 имеют длину корпуса 17–18 м, что меньше чем у уже идентифицированных 5-кубовых, тогда как 10-кубовые должны иметь большую вместимость. И таким образом, путем всех исключений остаются лишь шаланды № 33, 34 и 36 (порядковые номера 5101–5103, рег. № 15354, 15355 и 11521). Причем две первые явно однотипные, с одинаковыми размерениями, которые заметно больше, чем у 5-кубовых шаланд. Их длина 34 м, ширина 7,53 м, высота борта 1,75 м, осадка порожним 0,42 м, год постройки 1909-й, поэтому это, похоже, не воткинские. Но важно другое, что в Ядре 1923 г. шаланды № 33, № 34 и № 36 никак не могут быть этими же шаландами из Регистра 1926 г., поскольку там они значатся как 1889/90 года постройки, но длина корпуса 16,2 саж. (35 м) близка к указанной в Регистре 1926 г.

Таким образом, сравнивая списки Ядра 1923 г. и Регистра 1926 г., можно сделать вывод, что 5-кубовые шаланды сохранили свои дореволюционные номера (№ 47–50), в то время, как № 51 и № 52, скорее всего, перенумерованы (для обоснованного вывода, что № 51 и № 52 стали № 33 и № 34 информации все-таки недостаточно). Правда, в Регистре 1926 г. есть баржи № 51 и № 52, но они коломенской постройки и к шаландам отношения не имеют.

В Регистре 1946 г. имеется несколько шаланд на Верхней Волге, место постройки которых не указано. Так, среди судов Бассейнового управления пути отсутствуют шаланды воткинской постройки, но имеются несколько шаланд, место постройки которых отсутствует. Это, например, шаланды № 13, 19 и 20 (Регистр, 1946: 105). Все три судна явно однотипные, но их длина 41,50/36,85 м (максимальная и по ватерлинии), как и ширина 9,05–9,80 м явно велики для воткинских. Не указано место постройки и для шаланды № 9 (Регистр, 1946: 107), но по ней указан год – 1911. А характеристики полностью идентичные № 8 и № 12, местом постройки которых указана Гороховецкая верфь, 1913 г. Так что они, скорее всего, однотипные и сделаны там. Наконец, явно однотипные шаланды № 17 (порядковый № 628, рег. № 34948) и № 18 (№ 629, рег. № 34949) имеют валовую вместимость 125 т, размерения: длина 30,08 м, ширина 8,80 м, высота борта 1,53 м. Характеристики отличаются от № 33 и 34, но довольно близки к воткинским 10-кубовым (Регистр, 1946а: 108).

Анализ камских и волжских шаланд позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, дореволюционные шаланды имели номера в порядке возрастания – более новые имеют более высокие номера. Скорее всего, этот принцип соблюдался для всего МПС. Во-вторых, в первые годы Советской власти (в период с 1923 по 1926 гг.) произошла перенумерация шаланд. Причем этот процесс на 1926 г. был в самом разгаре, поскольку № 47–50 пока еще сохранили старые номера. Эти закономерности крайне важны при анализе судьбы сибирских шаланд.

4.3. Анализ эксплуатационной информации по сибирским шаландам

Сибирское управление внутренних водных путей, судя по Регистру 1928 г., имело 21 железную шаланду среди судов специального назначения (порядковые номера 7821–7844). Среди них указаны также три железные брандвахты № 7823, 7828 и 7835 (Регистр, 1928: 126–127). Местом постройки всех указана Тюмень, как и сборочная площадка Воткинского завода. Год постройки брандвахт 1908, 1906 и 1901, так что первые две с очень большой вероятностью могут принадлежать Воткинскому заводу.

Эти предположения подкрепляются сопоставлением характеристик. Так у брандвахты № 503 (№ п/п 7823, рег. № 52651) прямо указано, что она используется для жилья. Работает она на Оби с притоками и Иртыше. Ее характеристики: вместимость 222 брт., длина 43,59 м, ширина 8,28 м, высота борта 1,74 м, осадка порожним 0,40 м. Относительно брандвахты № 508 указано лишь то, что она используется на реке Иртыш (№ п/п 7828, рег. № 52194). Ее вместимость 210 брт., длина 44 м, ширина 8 м, высота борта 1,7 м, осадка порожним 0,3 м.

Как видно, обе брандвахты имеют характеристики практически идентичные указанным на «Чертеже общего вида баржи-квартиры на реку Туру». Они же совпадают с техзаданием на баржу-квартиру, однако сильно отличаются от такового на баржу-дровянку. Однако в делопроизводственной документации на последнюю приводится только техздание и отсутствуют какие-либо характеристики того, что в итоге сделал завод. А вот почти полное совпадение размерений на дровянку и жилье видится вполне закономерным. Серийное производство всегда обходится дешевле единичного, даже если серия состоит из двух единиц. Это косвенно подтверждается описью продукции Воткинского завода, где прямо указано, что для Сибири произведено две брандвахты, предполагая, что они однотипные (МИКВ. Д. 4812. Л. 19 об.). А вот третья брандвахта отличается от этих двух не только годом постройки, но и меньшими размерениями, что не вписывается даже в

техническое задание. Таким образом, можно однозначно заключить, что в 1928 г. брандвахты воткинской постройки имели номера № 503 и № 508. А вот относительно их номеров до революции ничего невозможно сказать из-за небольшого объема информации в Ядре 1923 г.

Относительно определения воткинских шаланд Регистр 1928 г. по всем указывает год постройки: так, № 703 и № 704 – 1902 г., № 707 и № 708 – 1904 г., № 705 и 706 – 1906 г., № 701 и 702 – 1907 г. Все остальные 1914 г. и позднее. Видно, что четыре шаланды постройки 1906–1907 гг. имеют практически одинаковую длину корпуса. Сравнение характеристик также показывает их практически полную идентичность (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристики сибирских шаланд 1906–1907 г.п.

№ шаланды	№ п/п	Рег. №	Год	Тонна ж, брт	Грузоподъемность, т	Размерения*, м	Осадка**, м
701	7826	52553	1907	210	164	36,27 / 9,6 / 1,7	0,29 / 1,16
702	7827	52554	1907	210	164	36,27 / 9,6 / 1,7	0,40 / 1,25
705	7837	52243	1906	183	160	36,4 / 9,5 / 1,5	0,42 / 0,95
706	7836	52244	1906	184	160	36,5 / 9,5 / 1,5	0,42 / 0,95

* длина/ширина/высота корпуса; ** осадка порожним/в грузе

Номера четырех однотипных шаланд, казалось бы, должны идти подряд, но они идут вперемешку с судами более ранней постройки, что наводит на мысль, что это не оригинальные номера (как и на Волге). Это предположение подтверждается указанием на место работы: у № 701 и № 702 – это Обь с притоками, а у № 705 и № 706 – Иртыш.

Указанная длина корпуса не совпадает с той, что указана на «Чертеже стальной землеотвозной шаланды вместимостью 100 кубических метров на реку Туру». Но, как отмечалось выше, размерения на чертеже нанесены тушью и карандашом, а вот карандашные цифры как раз совпадают, так что сомнений, что это четыре воткинские шаланды, практически не возникает.

В Ядре 1923 г. номера шаланд почти полностью дублируются с Регистром 1928 г., хотя там имеется целый раздел по Оби и Иртышу, озаглавленный «Брандвахты для землечерпательниц и изыскательские» (Ядро, 1923: 111-114), но собственно шаланды в нем не выделены и, по-видимому, обозначены как баржи.

Первое, что бросается в глаза при анализе данных Ядра 1923 г., это непропорционально большая длина всех указанных плавсредств, что наводит на мысль: хотя в таблице и подписано, что длина указана в саженьях, на самом деле она дается в метрах (Таблица 2).

Таблица 2. Характеристики барж из ядра 1923 г. и регистра 1928 г.

Баржа	Ядро 1923 г.			Регистр 1928 г.		
	год	длина, м	Брт.	год	длина, м	Брт.
701				1907	36,27	210
702	1900	28	–	1907	36,27	210
703	–	–	–	1902	28,70	69
704	–	28	327	1902	28,70	69
705	1906	28	–	1906	36,40	183
706	1909	25	–	1906	36,50	184
707	1910	25	–	1904	26,60	112
708	1904	30	–	1904	26,60	112
712	1901	30	737	1912	37,63	182
713	1914	30	–	1914	36,20	210
714	1914	30	–	–	36,52	220
715	1914	30	819	1914	36,20	210
716	1914	30	655	1912	36,52	220
717	1915	30	1310	1914	36,20	210
718	1901	30	982	1914	36,20	210
719	1916	30	655	–	36,16	226
720	1904	32	327			
721	1904	32	491	1914	36,20	210
722	1908	32	1310	1914	36,20	210
723	1908	32	982	1914	36,16	226

724	1909	32	491	1914	28,60	74
725	1910	36	1146	1918	28,70	73

Как видно, корреляции между баржами одного номера нет – у них разные как годы ($R^2 = 0,08$), так и длины корпусов ($R^2 = 0,04$). Это наводит на мысль, что в период с 1923 по 1928 гг. произошла перенумерация шаланд (как у волжских и камских), но диапазон номеров во всей группе остался тот же. В Ядре 1923 г. есть № 720, отсутствующий в Регистре 1928 г., зато там нет № 701, имеющегося в Регистре, так что общее количество судов остается неизменным и равным 21. Указанное предположение подтверждается наличием явной корреляции двух списков, выстроенных в порядке возрастания годов постройки ($R^2 = 0,823$) и в порядке возрастания длин корпуса ($R^2 = 0,697$). Причем при выстраивании по годам R^2 для длин корпуса показывает отсутствие корреляции и наоборот. Таким образом, должна существовать оптимальная корреляция по этим двум параметрам одновременно. Аналогичная ситуация и по грузоподъемности.

В качестве метода решения можно предложить следующий алгоритм. За основу берется корреляция по годам постройки как, скорее всего, наиболее объективная характеристика, после чего она корректируется по длине корпуса и затем по грузоподъемности. Дело в том, что последние два параметра могли измениться в период с 1923 по 1928 гг. в ходе ремонта, о чем Регистр 1928 г. умалчивает.

Поскольку оба списка 1923 и 1928 гг. составлялись независимо, можно предположить, что в обоих имеется какая-то дисперсия как в длинах, так и в годах. Обычно шаланды строились сериями. Судя по Регистру 1928 г., две шаланды построены в 1902 г. (длина 28,7 м), две в 1904 г. (26,6 м), четыре в 1906–1907 гг. (36,3–36,5 м), две в 1912 г. (37,5–36,6 м), семь в 1914 г. (36,2 м) и две в 1914–1918 г. (28,7 м). Еще у двух шаланд год постройки неизвестен, но, судя по их длине, их, вероятнее всего, построили в 1912–1914 гг.

По Ядру 1923 г. картина получается немного другой. Две шаланды явно однотипные построены в 1901 г. (30 м), две в 1904 г. (32 м), две в 1908 г. (32 м), шесть в период с 1914 по 1916 г. (30 м). Остальные имеют разброс по годам и по длинам, из-за чего отнести их к какому-то типу довольно сложно.

Таким образом, получаются две однотипные шаланды, которые старше остальных и длина которых также меньше остальных. Это № 712 и № 718 Ядра 1923 г., которые стали № 703 и 704 Регистра 1928 г. (Таблица 3).

Шесть шаланд военного периода имеют длину корпуса как раз из середины диапазона, и они повторяются в обоих списках. В Ядре 1923 г. это шаланды № 713–719 (за пропуском № 718), а в Регистре 1928 г. это № 713, № 715, № 717, № 718, № 721 и № 722. Видно совпадение четырех номеров, что, впрочем, может быть и случайностью.

В Ядре 1923 г. имеются две шаланды с самой малой длиной в 25 м – это № 706 и № 707 (1909 и 1910 г.п.), а также с 28 м – № 702 и № 705 (1900 и 1906 г.п.). В Регистре 1928 г. также есть четверка шаланд с аномально малой длиной корпуса – это № 707 и № 708 (1904 г.п.) и № 724 и № 725 (1914 и 1918 г.п.). Из условия меньшей дисперсии по году, скорее всего, № 702 и 705 стали № 707 и № 708. Соответственно № 706 и № 707 – № 724 и № 725.

Воткинские шаланды по регистру 1928 г. № 701, № 702, № 705 и № 706, скорее всего, в Ядре 1923 г. показаны как № 720–723, поскольку между ними и шаландами военной постройки остается как раз две шаланды. В Ядре 1923 г. это № 724 и № 725 (1909 и 1910 г.), а в Регистре 1928 г. – № 712 и № 716 (1912 г.п.).

Оставшаяся шаланда № 708 ядра 1923 г., скорее всего, шаланда военной постройки, поскольку ее размерения точно такие же, как у № 713–717. Возможно, в год постройки могла закрасться опечатка (1904 вместо 1914).

Судя по Регистру 1928 г., у № 714 и № 719 не указан год, но все их характеристики, как размерения, так и вместимости, очень близки к шаландам 1912–1914 года постройки. Относительно Ядра 1923 г. такого вывода сделать нельзя. Данные по ним практически все отсутствуют (Таблица 3). Как видно из таблицы, корреляция между годами и длинами явно выше, чем в Таблице 1, но хуже, чем при отдельном выстраивании в порядке возрастания года постройки ($R^2 = 0,823$). Точность корреляции в Таблице 3 по годам составляет $R^2 = 0,7243$, но если предположить наличие опечатки в годе постройки по шаланде № 708, то она увеличивается до $R^2 = 0,911$, а это уже можно считать доказательством наличия сильной корреляции. Ситуация по длинам аналогичная: лучше, чем в Таблице 1, но меньше, чем по списку, построенного в порядке возрастания ($R^2 = 0,697$). Но в отличие от года, который должен быть неизменным, что в Ядре 1923 г., что в Регистре 1928 г., длина, как отмечалось выше, может измениться вследствие перестройки.

Таблица 3. Реконструкция соответствия между списками шаланд ядра 1923 г. и регистра 1928 г. (без учета грузоподъемности)

Ядро 1923 г.				Регистр 1926 г.			
Баржа	год	длина, м	Брт.	Баржа	год	длина, м	Брт.
712	1901	30	737	703	1902	28,70	69
718	1901	30	982	704	1902	28,70	69
702	1900	28	–	707	1904	26,60	112
705	1906	28	–	708	1904	26,60	112
720	1904	32	327	705	1906	36,40	183
721	1904	32	491	706	1906	36,50	184
722	1908	32	1310	701	1907	36,27	210
723	1908	32	982	702	1907	36,27	210
724	1909	32	–	712	1912	37,63	182
725	1910	36	–	716	1912	36,52	220
703	–	–	–	719	–	36,16	226
704	–	28	327	714	–	36,52	220
713	1914	30	–	713	1914	36,20	210
714	1914	30	–	715	1914	36,20	210
715	1914	30	819	717	1914	36,20	210
716	1914	30	655	722	1914	36,20	210
717	1915	30	1310	723	1914	36,16	226
719	1916	30	655	718	1914	36,20	210
708	1904	30	–	721	1914	36,20	210
706	1909	25	–	724	1914	28,60	74
707	1910	25	–	725	1918	28,70	73

Таким образом, рассмотренный пример показывает, что отыскание максимальной корреляции в массиве данных по двум параметрам в принципе решаемо. Однако полученная Таблица 3 плохо согласуется с грузоподъемностью шаланд. Произведена корреляция по двум параметрам (год постройки и длина), при этом последовательность грузоподъемностей шаланд свидетельствует о полном отсутствии корреляции по ней ($R^2 = 0,285$).

Первая серия из двух единиц 1902 г. имеет минимальную грузоподъемность 69 брт. Далее за ней идет финальная серия из двух шаланд, 1914–1918 г. с 73–74 брт. За ней серия из двух шаланд 1904 г. с 112 брт., затем серия из двух шаланд 1906 г. со 183–184 брт., а потом все остальные с примерно одинаковой грузоподъемностью в 210–226 брт. Низкая грузоподъемность шаланды № 712, возможно, была связана с какими-то технологическими особенностями ее работы. Но в Ядре 1923 г. эта последовательность полностью нарушается. Две ранние шаланды 1901 г.п. имеют непропорционально большую грузоподъемность, соизмеримую с основной серией 1914 г., в то время как № 720 и № 721 – самую низкую. Это наводит на мысль, что шаланды № 712 и № 718 на самом деле более поздние, из серии 1914 г., у которых неверно указан год постройки.

С учетом неточностей в данных невозможно обойтись без какой-то объединяющей гипотезы. В качестве нее можно предложить (по опыту камских и волжских шаланд), что до революции номера новым шаландам давались в порядке возрастания. Но, если расположить номера в Ядре 1923 г. в порядке возрастания и совместить его со списком по Регистру 1928 г., выстроенному в хронологическом порядке, нарушаются закономерности в длинах и годах, выявленные ранее. В связи с этим можно предложить, что номера в порядке возрастания выстраивались по двум независимым спискам, в каждом со своими номерами.

Список Регистра 1928 г. обнаруживает интересную закономерность. С 1906 г. размеры шаланд резко возрастают (длина на 10 м, грузоподъемность в полтора–два раза). Это четыре шаланды, которые вполне соответствуют № 702–705 из Ядра 1923. Эти шаланды в Ядре 1923 г. также заметно меньше остальных с длиной 28 м. А вот, начиная с воткинских шаланд, номер в Ядре 1923 г. идет уже из другого десятка – начинается с № 720. Он заканчивается на № 725, давая список из шести шаланд. Это вполне согласуется с Регистром 1928 г., где за воткинскими шаландами идут еще две 1912 года постройки. Вполне логично, что по опыту постройки воткинских шаланд, обладающих большей грузоподъемностью и большими размерами, по сравнению с предыдущими, МПС выдало задание на постройку аналогичных.

После этого идет возвращение на низкие номера № 706 и № 707, которым соответствуют две небольшие шаланды Регистра 1928 г. (№ 724 и 725), которые, хоть и явно однотипные, но там показаны как постройки 1914 г. и 1918 г. (Таблица 4). Но годы постройки № 706 и № 707 по Ядру 1923 г. – довоенные. В связи с этим логично предположить, что их заказали и построили еще до

войны, возможно, с целью экономии средств – шаланды меньшего размера по стоимости должны быть дешевле.

А вот за ними идет серия однотипных шаланд военной постройки с номерами от № 713 и выше по Регистру 1928 г. В Ядре 1923 г. им явно соответствует серия однотипных шаланд № 712–719 (с учетом ошибки в годе постройки № 712 и 718). И в этом отношении дата постройки Ядра 1923 г. выглядит более логичной, поскольку последние шаланды имеют год постройки 1915 г. и 1916 г. Указанную реконструкцию совершенно не вписывается шаланда № 708 Ядра 1923 г. Она явно однотипная с военными, но номер указывает на шаланды небольшой грузоподъемности. Указанное несоответствие можно объяснить следующим соображением: либо она дополняла участок работы, где были небольшие шаланды, либо, что более вероятно, в Ядре 1923 г. в номер вкралась опечатка. Если предположить, что у нее № 711, то с нее как раз и начинался бы новый десяток. Указанная логика сводит номера шаланд в [Таблицу 4](#).

Таблица 4. Реконструкция соответствия между списками шаланд ядра 1923 г. и регистра 1928 г. с учетом грузоподъемности и порядка возрастания номеров

Ядро 1923 г.				Регистр 1926 г.			
Баржа	год	длина, м	Брт.	Баржа	год	длина, м	Брт.
702	1900	28		703	1902	28,70	69
703	–	–		704	1902	28,70	69
704	–	28	327	707	1904	26,60	112
705	1906	28		708	1904	26,60	112
720	1904	32	327	705	1906	36,40	183
721	1904	32	491	706	1906	36,50	184
722	1908	32	1310	701	1907	36,27	210
723	1908	32	982	702	1907	36,27	210
724	1909	32		712	1912	37,63	182
725	1910	36		716	1912	36,52	220
706	1909	25		724	1914	28,60	74
707	1910	25		725	1918	28,70	73
708	1904	30		713	1914	36,20	210
712	1901	30	737	714	–	36,52	220
713	1914	30		715	1914	36,20	210
714	1914	30		717	1914	36,20	210
715	1914	30	819	718	1914	36,20	210
716	1914	30	655	719	–	36,16	226
717	1915	30	1310	721	1914	36,20	210
718	1901	30	982	722	1914	36,20	210
719	1916	30	655	723	1914	36,16	226

В качестве верификации результатов можно воспользоваться еще одним регистром – Регистром 1946 г. ([Регистр, 1946б](#)). В нем 14 шаланд и два лихтера, вероятно переделанных из шаланд ([Таблица 5](#)).

Таблица 5. Шаланды дореволюционной постройки из Регистра 1946 г. Управления пути Иртышского бассейна

Название	№ п/п	Рег. №	Год	Длина, м	Примечание
ШЛ-1	294	130127	1902	28,80	
ШЛ-2	295	130128	1902	28,70	
ШЛ-3	296	130199	1914 (1902)	28,70	
ШЛ-4	297	130200	1914 (1902)	28,70	
ШЛ-5	292	–	1939	–	
ШЛ-6	293	–	1937	–	
ШЛ-7	282	130407	1914	36,20	
ШЛ-8	281	130260	1914	36,20	
ШЛ-9	278	130294	1914	36,20	
ШЛ-10	274	62866	1914	36,40	Списана в 1945 г.
ШЛ-11	280	130207	1914	36,20	
ШЛ-12	302	130292	1904	39,25	

ШЛ-13	284	62867	1907	36,55	
ШЛ-14	275	130295	1907	36,56	
Т-8	268	62504	1914	30,50	
Т-9	269	62505	1914	30,50	

Нумерация Регистра 1946 г. идет явно от малых по размеру к большим. Видно, что в период с 1928 по 1941 гг. обские и иртышские шаланды прошли еще одну перенумерацию, тем не менее две наиболее старые шаланды ШЛ-1 и ШЛ-2 1902 года постройки еще в строю. Еще две составители первоначально посчитали однотипными им (ШЛ-3 и ШЛ-4), но потом исправили год постройки («1902 г.» зачеркнут и подписан «1914 г.»). Это дает основание идентифицировать их с шаландами № 724 и № 725 из Регистра 1928 г., а также подтверждает предположение, что 1918 год постройки шаланды № 725 указан по ошибке. Далее по списку шаланды ШЛ-5 и ШЛ-6, судя по логике, это еще более грузоподъемные шаланды 1904 года постройки (№ 707 и № 708 Регистра 1928 г.). Но их заменили на две новые шаланды 1937 и 1939 годов постройки. Следующие пять шаланд (ШЛ-7 – ШЛ-11) и два лихтера (Т-8 и Т-9) – это суда военной постройки (№ 713–723 Регистра 1928 г.). ШЛ-12 1904 года постройки выделяется своей длиной (39,25 м по сравнению с 36 м у остальных). Но точно такая же ситуация имеется в Регистре 1928 г.: там тоже есть одна шаланда с большей длиной корпуса, чем у остальных – это № 712. Правда, она 1912 года постройки. И, наконец, ШЛ-13 и ШЛ-14 – это две из четырех оставшихся в строю воткинских шаланд.

5. Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Корреляционный анализ, примененный к историческому материалу, имеет несколько особенностей. Во-первых, при многопараметрической корреляции формализация целевой функции вырождается в отдельную, трудно реализуемую задачу. В связи с этим оказывается полезной замена ее на комплекс однопараметрических корреляций с последующей логической увязкой между собой. Во-вторых, исторический материал имеет ярко выраженную дисперсию данных, связанную, вероятно, с неаккуратностью составителей и возникающими ошибками при сборе материалов. В связи с этим повышение R^2 «любой ценой», как это имеет место в точных науках, просто теряет смысл. Но качественная картина, когда погрешность корреляции оценивается понятиями «значительно лучше» или «значительно хуже», не теряет актуальности и для исторического материала.

Тем не менее, на приведенном примере однозначно получается, что в период с 1923 по 1928 гг. обско-иртышские шаланды прошли перенумерацию. Еще одну перенумерацию они прошли в период с 1928 по 1937 гг.

Произведенная реконструкция показала, что, несмотря на долгий период сдачи и доработки и возможные заводские дефекты, шаланды воткинской постройки стали прототипом для серии подобных шаланд для Оби и Иртыша. А поскольку характеристики шаланд существенно отличались от технического задания, можно предположить, что этим проектом путейские службы практически полностью обязаны воткинским инженерам. Характеристики шаланд настолько отличались от уже имевшихся, что, по-видимому, они открыли новую линию в нумерации шаланд (начатую с № 720).

Имеющиеся в фондах ЦГА УР чертеж шаланды для реки Туры представляет собой лишь один из промежуточных вариантов. В окончательном варианте суда воткинской постройки имели длину корпуса 36,5 м вместо 45 м, указанных в чертеже.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

Борисенко, 2009 – Борисенко М.В. Проблемы истории водного транспорта и аграрных миграций России XIX–XX вв. // Журнал университета водных коммуникаций. 2009. № 1. С. 175-182.

Дормидонтов, 1930 – Дормидонтов Н.К. Речное судостроение. Сер. «Труды Бюро научных исследований Судопроекта». Л.: Изд-во Судопроекта, 1930.

Завьялов, 2011 – Завьялов А.А. Деятельность Томского округа путей сообщения на территории Алтайского округа (Обской участок) в конце XIX – начале XX вв. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 193-197.

МИКВ – Музей истории и культуры города Воткинска.

Регистр 1928 – Регистр Союза ССР. Список речных судов на 1.3.1927. Бассейны рек: Днепра и Буга, Дона и Кубани, сибирских и среднеазиатских рек. Рыбинск, 1927.

Регистр, 1922 – Торговый флот РСФСР. Список судов к 1 января 1922 г. М.: ЦУМОП, 1922. С. 194-199.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. М., 1926.

- [Регистр, 1946b](#) – Регистровая книга речных и озерных несамоходных судов, находящихся под технадзором Речного Регистра СССР. Обь, Иртыш. Несамоходные суда. М.: Госкомфлот, 1946.
- [Регистр, 1946a](#) – Регистровая книга речных и озерных несамоходных судов, находящихся под технадзором Речного Регистра СССР. Верхневолжское речное пароходство. Несамоходные суда. М.: Госкомфлот, 1946.
- [Рукосуев, 2015](#) – *Рукосуев Е.Ю.* Проекты развития водного транспорта на Урале в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. Т. 36. № 4. С. 717-731.
- [Сафронов, 2010](#) – *Сафронов С.А.* Развитие системы речного транспорта Восточной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2 (68). С. 190-197.
- [Седых, 2014](#) – *Седых В.А.* и др. Обоснование объемов дноуглубления на реке Обь // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2014. № 1–2. С. 124-127.
- [Харлова, 2012](#) – *Харлова Е.В.* Речной транспорт Западной Сибири в 1921–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012.
- [ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской республики.
- [Ядро, 1923](#) – Список судов рабочего ядра речного флота СССР. Часть III. Технический флот / Под ред. П.Е. Кульгана. М.: НКПС, 1923.
- [Mitiukov et al., 2017](#) – *Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S.* Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye gody*. 2017. № 44 (2). Pp. 644-652.
- [Mitiukov et al., 2019](#) – *Mitiukov, N.W., Bautina, S.L., Mitrofanov, A.F., Makarov, Y.N.* Merchant shipping company I.I. Bodalev on the meeting's journals of the economic committee of izhevsk Plants 1895–1900 // *Bylye Gody*. 2019. № 54 (4). Pp. 1896-1906.
- [Mitiukov, 2016](#) – *Mitiukov N.W.* Maritime and river registers as a historical source // *Bylye gody*. 2016. № 40 (2). Pp. 469-478.

References

- [CGA UR](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].
- [MIKV](#) – Muzei istorii i kul'tury goroda Votkinska [Museum of History and Culture of Votkinsk].
- [Borisenko, 2009](#) – *Borisenko M.V.* (2009). Problemy istorii vodnogo transporta i agrarnykh migracij Rossii XIX–XX vv. [Problems of the history of water transport and agrarian migrations of Russia in the 19th – 20th centuries]. *Zhurnal universiteta vodnykh kommunikacij*. № 1. Pp. 175-182. [in Russian]
- [Dormidontov, 1930](#) – *Dormidontov N.K.* (1930). Rechnoe sudostroenie [River shipbuilding]. Ser. «Trudy Bjuro nauchnyh issledovanij Sudoproekta» [Ser. “Proceedings of the Bureau of Scientific Research of the Sudoproekt”]. Leningrad: Izd-vo Sudoproekta. [in Russian]
- [Harlova, 2012](#) – *Harlova E.V.* (2012). Rechnoj transport Zapadnoj Sibiri v 1921–1941 gg. [River transport of Western Siberia in 1921–1941]. Dis. ... kand. istor. nauk. Tjumen. [in Russian]
- [Jadro, 1923](#) – Spisok sudov rabocheho jadra rechnogo flota SSSR. Chast' III. Tehnicheskij flot [List of ships of the working core of the USSR river fleet. Part III. Technical Fleet]. Pod red. P.E. Kul'gana. M.: NKPS, 1923. [in Russian]
- [Mitiukov, 2016](#) – *Mitiukov N.W.* (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye Gody*. № 40 (2). Pp. 469-478.
- [Mitiukov et al., 2017](#) – *Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S.* (2017). Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders. *Bylye Gody*. № 44 (2). Pp. 644-652.
- [Mitiukov et al., 2019](#) – *Mitiukov, N.W., Bautina, S.L., Mitrofanov, A.F., Makarov, Y.N.* (2019). Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900. *Bylye Gody*. № 54 (4). Pp. 1896-1906.
- [Registr 1928](#) – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnykh sudov na 1.3.1927. Bassejny rek: Dnepra i Buga, Dona i Kubani, Sibirskih i Sredneaziatskikh rek [Register of the USSR. The list of river vessels as of 1.3.1927. River basins: Dnieper and Bug, Don and Kuban, Siberian and Central Asian rivers]. Rybinsk, 1927. [in Russian]
- [Registr, 1922](#) – Torgovyj flot RSFSR. Spisok sudov k 1 janvarja 1922 g. [Merchant Fleet of the RSFSR. The list of ships by January 1, 1922]. M.: CUMOR, 1922. Pp. 194-199. [in Russian]
- [Registr, 1926](#) – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlen po dannym Mestnyh Bjuro Registra Sojuza SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the Union of SSR on March 1, 1926]. M., 1926. [in Russian]
- [Регистр, 1946a](#) – Регистровая книга речных и озерных несамоходных судов, находящихся под технадзором Речного Регистра СССР. Верхневолжское речное пароходство. Несамоходные суда [Register book of river and lake non-self-propelled vessels under the technical supervision of the USSR River Register. Verkhnevolzhsk River Shipping Company. Non-self-propelled vessels]. M.: Goskomfлот, 1946. [in Russian]

[Registr, 1946b](#) – Registrovaja kniga rechnyh i ozernyh nesamohodnyh sudov, nahodjashhihsja pod teh nadzorom Rechnogo Registra SSSR. Ob', Irtysh. Nesamohodnye suda [The register book of river and lake non-self-propelled vessels under the technical supervision of the River Register of the USSR. Ob, Irtysh. Non-self-propelled vessels]. M.: Goskomflot, 1946. [in Russian]

[Rukosuev, 2015](#) – *Rukosuev E.Ju.* (2015). Proekty razvitija vodnogo transporta na Urale v konce XIX – nachale XX veka [Projects for the development of water transport in the Urals in the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy istorii estestvoznaniija i tehniki*. T. 36. № 4. Pp. 717-731. [in Russian]

[Safronov, 2010](#) – *Safronov S.A.* (2010). Razvitie sistemy rechnogo transporta Vostochnoj Sibiri v gody Stolypinskoj agrarnoj reformy (1906-1917 gg.) [The development of the river transport system of Eastern Siberia during the Stolypin agrarian reform (1906-1917)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-2 (68). Pp. 190-197. [in Russian]

[Sedyh, 2014](#) – *Sedyh V.A. et al.* (2014). Obosnovanie ob'emov dnouglublenija na reke Ob' [Substantiation of dredging volumes on the Ob River]. *Nauchnye problemy transporta Sibiri i Dal'nego Vostoka*. № 1-2. Pp. 124-127. [in Russian]

[Zav'jalov, 2011](#) – *Zav'jalov A.A.* (2011). Dejatel'nost' Tomskogo okruga putej soobshhenija na territorii Altajskogo okruga (Obskoj uchastok) v konce XIX – nachale XX vv. [The activities of the Tomsk District of Railways in the Altai District (Ob section) in the late XIX – early XX centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. № 4 (29). Pp. 193-197. [in Russian]

Воткинские грунтоотвозные шаланды для Сибири. Опыт корреляционного анализа для реконструкции биографии

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^{d, e}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^e Московский институт психоанализа, Российская Федерация

Аннотация. В годы Первой мировой войны Воткинский завод полностью модернизировал путевую службу Волго-Каспийского канала. Он укомплектовал ее не только грунтоотвозными шаландами, но и землечерпалками рефулерного типа. Но первый опыт постройки грунтоотвозных шаланд по заказу Министерства путей сообщения завод приобрел еще в 1905 г., когда произвел шесть шаланд для Волги и Камы, четыре шаланды и две брандвахты для Сибири.

На основе сопоставления делопроизводственной заводской документации и данных речных регистров производится реконструкция биографий сибирских плавсредств. Для выявления соответствия между списками 1923 г. и 1928 г. проведен корреляционный анализ. Предложена методика трехпараметрического корреляционного анализа с неявно выраженной целевой функцией для решения этой исторической задачи.

Анализ показал, что в период с 1923 по 1928 гг. все шаланды прошли перенумерацию в том же числовом диапазоне. Произведена реконструкция наиболее вероятного соответствия старых и новых номеров.

На основе проведенной реконструкции сделан вывод: несмотря на то, что построенные в Воткинске сибирские шаланды и насчитывали всего пятую часть путевой флота (4 единицы из 21) Оби и Иртыша, тем не менее, они стали удачными аналогами при дальнейшем заказе серии подобных судов. Хотя завод не смог выдержать контрактные сроки и цены, а на самих шаландах имелось много заводских дефектов, шаланды находились в строю вплоть до 1950-х гг. А суда, построенные по воткинскому типу, на долгое время сформировали костяк путевой флота как на Оби, так и на Иртыше.

Ключевые слова: судостроение, Воткинский завод, путевая служба, землечерпательный караван, Западная Сибирь, навигация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

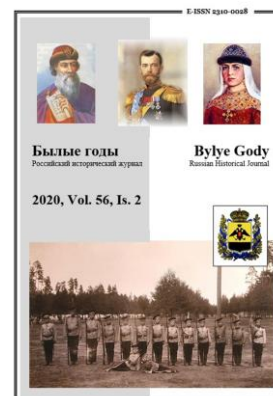
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 571-582. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.571
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest

Olena G. Tkachenko ^a, Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Jasmin Gut ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

For the first time, the facts of the life and creative path of the Russian poet Ivan Klyushnikov (1811–1895) were collected, organized, and subjected to historical and literary understanding in the article. The specifics of the study were manifested in the involvement of a wide range of archival materials, authoritative printed sources, documenting the spiritual evolution of the personality.

An active participant of Nikolai Stankevich's circle, Klyushnikov played a significant role in the spiritual life of Russia in the 1930s and 1940s. He influenced the formation of the worldviews of Stankevich, Belinsky, Turgenev, and many other representatives of the creative intelligentsia. Being an idealist, passionate about Hegel's philosophy, Klyushnikov considered enlightenment and thought to be the main engine of history. He believed that in the face of heightened political reaction and autocratic despotism, it was possible to improve life through spiritual influence on society. Widely educated, endowed with remarkable poetic talent, at the junction of the 30-40s of the century before last, caught between two geniuses – Pushkin and Lermontov, he managed in his own way, originally and uniquely, to convey the psychology of a "superfluous man", to show the tragedy of young idealists who aspired to good, justice and happiness, but because of the circumstances were unable to realize their dream. His poetry is the confession of a man who has gone in his development from romantic illusions to the consciousness of his insolvency in all spheres of life. Having distanced himself from public life in fact in the heyday of creativity, choosing the fate of a hermit, Klyushnikov spent about 50 years in the distant wilderness alone, having done everything to be forgotten.

Keywords: Ivan Klyushnikov, Stankevich's section, Russian Empire, intelligentsia, 19th century.

1. Введение

Глубокие изменения, переживаемые современным обществом, диктуют необходимость изучения духовной роли личности в истории. В России 30–40-е годы XIX века, несмотря на тяжелую политическую реакцию, наступившую в стране после разгрома декабристского восстания, отмечены заметным оживлением духовной жизни и активизацией литературного процесса. Стремление разобраться в причинах поражения декабристского восстания, понять национальные особенности социальных противоречий, разрешить проблему дальнейшего пути развития России, то есть найти твердую теоретическую основу для решения освободительных задач, которые не могли осуществить предшественники, – все это приводит к активизации философской мысли, к резкой перемене в восприятии действительности.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

В это время возникает целый ряд кружков и обществ. Наиболее значительным явлением был кружок Станкевича, который буквально вобрал в себя все умственное движение русского общества 30–40-х годов XIX века. В том, что кружок «целое десятилетие был мыслью и совестью русской интеллигенции», несомненно, заслуга Станкевича. «Человек удивительной цельности, принципиальности и полноты взглядов, разносторонне образованный и обладавший особым даром открывать чужие таланты, – отмечает Л. Насонкина в книге «Московский университет после восстания декабристов», – он создал своеобразную школу культуры» (Насонкина, 1972: 313). Эту «школу культуры» прошли люди, определившие на много лет вперед духовную жизнь России, среди них Иван Ключников – незаурядная личность, глубоко образованный и наделенный поэтическим талантом человек. Имея в виду деятельность этого кружка, М. Гершензон в книге «История молодой России» писал: «Никогда, ни раньше, ни позднее умственное движение в русском обществе не достигало такой глубины и напряженности, как в эту пору. В его царствование (речь идет о Николае Первом) дважды по-разному, но с одинаковой страстностью, были поставлены и решены самые коренные вопросы бытия и познания: раз – на почве германской идеалистической философии («идеалисты 30-х»), другой раз – на почве французских социалистических идей (пеграшевцы)» (Гершензон, 1923: 18). Идеи классической немецкой философии пропагандировались еще «любомудрами» в 20-е годы, но только теперь, после восстания декабристов, в пору демократического самоопределения русской философской мысли, они приобрели актуальность.

О кружке Станкевича существует большая научная литература. Деятельность его в той или иной степени освещалась Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Пыпиным, Овсяннико-Куликовским, Милюковым, Бродским, Гершензоном, Архангельским и многими другими. Наиболее значительными являются книга С.И. Машинского «Поэты кружка Н.В. Станкевича» (1964), монографии Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (1972), З.А. Каменского «Московский кружок любомудров» (1980) и Ю.В. Манна «В кружке Станкевича» (1983). К сожалению, в них не освещена должным образом роль Ключникова в духовной жизни русского общества первой половины XIX века. Это и определило цель исследования.

2. Материалы и методы

Достоверность данного исследования стала возможной благодаря изучению целого ряда источников как печатных, так и архивных. Отсутствие документальных материалов, непостижимость поступков и решений поэта способствовали тому, что в работах о нем имеется целый ряд сомнительных сведений и произвольных толкований. Как справедливо отметил С. Машинский, «жизненная и литературная биография Ключникова представляется крайне сложной, полной загадок и неожиданностей» (Машинский, 1964: 492). В процессе работы нами обследованы материалы архивов Москвы (Россия) и Сум (Украина), Государственного исторического музея в Москве, которые позволили уточнить биографию поэта и полнее охарактеризовать его как личность.

В Московском областном архиве хранится личное дело студента Ключникова, среди документов которого есть аттестат, научная работа, две расписки, данные отцом и сыном Ключниковыми при зачислении Ивана Петровича в университет. Большой интерес представляют три письма к брату Николаю Станкевича – Александру, которые хранятся в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ. Ф. А.В. Станкевича. № 351. Оп. 1. Ед. хр. 68).

В основу нашей работы легли принципы объективности, исторического антропологизма, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный методы. В частности, принцип объективности позволил учесть те закономерности, которые во многом определили жизненный и творческий путь И. Ключникова. Использование принципа исторического антропологизма объясняется тем, что центральным ориентиром статьи стал конкретный человек. Характер исследования требовал также применения критического подхода. При изучении жизненного и творческого пути И. Ключникова нами были использованы работы и других авторов, описывающих современные ему события, что, безусловно, позволило избежать субъективных оценок и уточнить некоторые детали биографии И. Ключникова.

3. Обсуждение

В первой половине XIX века в Российской империи оформляется новая прослойка общества – интеллигенция. Ее представители по праву составляли интеллектуальную элиту и были часто связаны с научной и литературной деятельностью. Они объединялись в различные группы, кружки, где могли делиться друг с другом своими идеями, взглядами. Как правило, это были незаурядные, прогрессивно и творчески мыслящие личности, поэтому очень важно изучать общественно-политическое состояние Российской империи XIX века, в том числе и через понимание взглядов представителей интеллигенции того времени. Это даст возможность объективно оценить эпоху. А конкретно биографические исследования позволяют не только возродить память о незаслуженно забытых деятелях прошлого, но и выяснить основные направления интересов, круг общения интеллектуалов.

В последние годы все больше исследователей трудятся в данном тематическом поле. Например, нами изучались биографии, творчество и общественно-политические взгляды таких представителей интеллигенции XIX века, как Н.В. Варадинов, Я.И. Костенецкий, И.С. Аксаков (Degtyarev, 2015; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev et al., 2019). А. Мельник и Т. Таирова-Яковлева работали над биографией Г. Полетики (Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019), И. Куций изучал взгляды М. Максимовича (Kutsyi, 2018), а О. Супронюк посвятила свои работы Н.В. Гоголю и его окружению (Супронюк, 2009а; Супронюк, 2009б). Предметом исследований становились биографии и многих других выдающихся или малоизвестных деятелей XIX века.

Что же касается непосредственно личности И. Ключникова, то она получила высокую оценку таких известных деятелей, как Н. Станкевич, А. Кольцов, М. Бакунин, В. Боткин и др. Позже о нем, как о заметном явлении в литературе, писали Н. Чернышевский (Чернышевский, 1947: 179) и Н. Добролюбов (Добролюбов, 1961–1964: 397).

Наследие поэта стало предметом исследования целого ряда историков литературы: Н. Мизко, Н. Гербеля, С. Андрианова, Н. Бродского, Н. Котляревского, П. Зайцева. В частности, статья С. Андрианова явилась откликом на смерть поэта и была первой попыткой определить место и значение его творчества в истории русской литературы (Андрианов, 1885: 805–810). Большая статья Н. Бродского посвящена творчеству Ключникова и Красова – двух наиболее одаренных поэтов кружка Станкевича. Охарактеризовав духовную атмосферу кружка, ученый дает подробную характеристику личности Ключникова, считая его центральной фигурой в кружке, и впервые анализирует наиболее значительные, с его точки зрения, стихотворения (Бродский, 1913: 54–55). В статье П. Зайцева «Гамлет Сумского уезда» дана лаконичная и очень содержательная оценка личности и творчества Ключникова. Несмотря на то, что статья опубликована в провинциальной газете («Сумской вестник» (1913)), ее можно рассматривать как своего рода итог исследовательской мысли XIX века в изучении творчества поэта.

В советский период усилился интерес к деятельности кружка Станкевича и к творчеству поэтов, входивших в этот кружок. В этом контексте было уделено внимание и личности Ключникова. В разной степени его наследию уделили внимание К. Архангельский (Архангельский, 1930: 108), Б. Смиренский (Смиренский, 1936: 34), С. Машинский (Машинский, 1964: 48–58, 485–544), А. Журавлева (Журавлева, 1967: 3–14), Ю. Манн (Манн, 1983), А. Фризман (Фризман, 1977) и др.

Также следует отметить, что поэзия И. Ключникова привлекала внимание многих составителей антологий и тематических сборников, что свидетельствует о признании значимости его литературного наследия.

В последние десятилетия появился целый ряд публикаций, посвященный духовным исканиям русских идеалистов 30–40 годов XIX века. Но, к сожалению, личности и творчеству Ивана Ключникова в них внимание практически не уделяется. До сих пор не появилось более или менее фундаментальных работ, посвященных этой персоналии.

4. Результаты

Иван Ключников родился 2 декабря 1811 года в Сумском уезде на хуторе Криничное (ныне Солидарное, а когда-то назывался и Никифоровкой, и Ключниковым). Здесь, в десяти километрах от уездного города Сумы, среди благодатной украинской природы в доме отца прошли его счастливые детские годы. Отец Ключникова – Петр Трофимович – владел хутором Криничное в Сумском уезде, имел 442 десятины земли (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1), был чиновником, дослужился до 5 класса и, согласно «Табели о рангах», его род в 1811 году был «внесен в Дворянскую Родословную Книгу» (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3–57).

Отец, человек прогрессивных взглядов, понимал важность образования, поэтому дал своим детям хорошую начальную подготовку. Его дети – Ефросинья, Иван и Петр – воспитывались под руководством учителя-гувернера. Удалось также установить, что в 1825 году отец отвез сыновей Ивана и Петра учиться в Москву. Они были приняты в Первую губернскую гимназию. Ивана зачислили во второй класс, а Петра – в первый (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3–57). Жили братья на Остоженке вместе.

Окончив блестяще гимназию, о чем свидетельствует аттестат, выданный 29 сентября 1828 года (Ключников, 1993: 100), Иван Ключников в числе 13 лучших учеников был направлен в Московский университет, где 4 октября этого же года стал своекоштным студентом словесного отделения. Он, как и многие студенты Московского университета, был полон сил, энергии, желания учиться и служить обществу. «Мы, юноши, полвека тому назад, – писал на склоне лет ровесник Ключникова И.А. Гончаров, – смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом... Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого» (Гончаров, 1889: 145–146).

В первый год учебы в университете Ключников сошелся с Януарием Неверовым, Иваном Оболенским, Яковом Почекой (Бродский, 1915: 100), позже подружился с Николаем Станкевичем. Юношей влекла жажда общения, их сердца горели желанием «высказать все события прекрасных душ», «разделить души, споры, веселье и скуку» (Переписка..., 1914: 158). Ярко одаренный,

безукоризненно честный, открытый и доверчивый, Николай Станкевич буквально притягивал к себе студентов не только своего курса, но и старших по возрасту. Вокруг него сплотилась группа молодых людей, которые собирались на квартире Станкевича в доме профессора М.Г. Павлова на Дмитровке. Так, в конце 1831 – начале 1832 года сложился кружок, которому суждено было войти в историю как литературно-философский кружок Н.В. Станкевича. Он не имел ни строго определенной цели, ни устава, да и состав его был подвижен. Вначале в него, кроме названных студентов, входили Василий Красов и Сергей Строев. В 1833 году он пополнился новыми участниками, среди которых были Виссарион Белинский, Константин Аксаков, Петр Петров. В 1835 году в него вошли Василий Боткин, Михаил Катков, Михаил Бакунин, позже Тимофей Грановский. Кружок объединил молодых людей очень разных по своим идейным убеждениям (радикально настроенных и умеренных, будущих западников, анархистов и славянофилов), но одаренных, увлеченных философией, историей, литературой и мечтой о просвещении народа, о свободной России (Герцен, 1956: 17). Самыми плодотворными в жизни кружка считаются 1833–1837 годы.

Клюшников познакомился со Станкевичем в 1831 году (Поляков, 1956: 364). Много у них было общего: жизнерадостность, общительность, жажда знаний, любовь к литературе, но говорить, что их характеры были сходны, нет оснований. Во многом они были разные. Но это не отталкивало, а наоборот, тянуло их друг к другу. «Станкевич, – пишет Машинский, – был более восприимчив к философии, а Клюшников – к истории, и они хорошо дополняли друг друга» (Машинский, 1964: 487). Несмотря на разницу в возрасте (Клюшников был на два года старше), они становятся близкими друзьями. Доказательством этому служат письма Станкевича к целому ряду своих корреспондентов. Здесь мы находим и сообщение о том, что с Клюшниковым он читал «один раз в неделю Шеллинга», «сидел над Кантом» – вместе они лучше понимали; штудировали Круга. Станкевич любил проводить время с Клюшниковым. Так, в письме к Я.М. Неверову от 2 декабря 1835 года он сообщал: «Я живу отшельником, никуда, кроме Клюшникова и Белинского, не хожу». В письме к Бейерам от 22 июня 1835 года читаем: «Жизнь не полна без Клюшникова и Красова». М. Бакунину 8 октября 1836 года Станкевич писал: «Наконец я в Москве, с братом, с Клюшниковым, с Красовым – опять те же беседы, опять та же жизнь, тихая, спокойная» (Переписка..., 1914: 317, 337, 441, 590, 617). Очень часто встречается сообщение о том, что Станкевич написал Клюшникову письмо или будет писать. В книгу «Переписка Н.В. Станкевича (1830–1840)», изданную его племянником Алексеем Станкевичем, не вошли письма к И.П. Клюшникову, но то, что они были, – факт неоспоримый. Клюшников и Станкевич много писали друг другу, но известно лишь два письма Клюшникова к Станкевичу, которые относятся к более позднему периоду их дружбы. Они впервые были опубликованы в 1950 году в «Литературном наследстве».

Близким другом Клюшникова был также Белинский. Они познакомились в Московском университете. Клюшников учился уже на втором курсе, когда 17 октября 1829 года был зачислен на «казенный кошт» Белинский, который в 1832 году был исключен из университета, а осенью 1833 года Клюшников ввел его в кружок Станкевича (Поляков, 1960: 75). Историю знакомства Белинского со Станкевичем и другими участниками кружка раскрывают неизданные мемуарные записки Неверова: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами. Этот труд – плод юношеской восторженности – он представил в цензуру и за это лишен был права посещать университет. Станкевич, услышавший об этой истории от нашего общего товарища Клюшникова, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором» (Белинский, 1950: 100). Сближение Белинского с кружком Станкевича сыграло огромную роль в его судьбе. Клюшников натолкнул Белинского на мысль создать «Литературные мечтания», снискавшие славу критике; помогал редактировать журнал «Телескоп» (К биографии..., 1885: 583); вместе с В. Ржевским спас его от ареста во время гонений на журнал (Библиографический словарь, 1990: 348); поддерживал Белинского материально (Белинский, 1914: 239). К сожалению, не сохранились письма Белинского к Клюшникову, а писали они друг другу часто. Мы располагаем лишь теми немногочисленными сведениями, которые встречаются в письмах Белинского к Боткину, Станкевичу, Бакунину, Панаеву, Грановскому и другим, да двумя письмами Клюшникова к Белинскому (Белинскому, 1911: 38-40). Отношения Клюшникова и Белинского развивались крайне сложно, со временем изменялись, и разобраться в этом нелегко. Так, в письме к В. Боткину от 16 февраля 1839 года Белинский писал: «...Долго он был для меня авторитетом, а я (это узнал я от него в твоей комнате) для него – значит, так или сяк, но только мы вошли в жизнь один другого. Но между нами замешалась ложь, особенно с моей стороны...» (Белинский, 1982: 232-233). Этим и объясняется, что в высказываниях Белинского о Клюшникове мы находим и восторг, и явную неприязнь. Белинский встретил восторженно стихи Клюшникова, поддержал поэта в начале творческого пути. Приглашая писателя И. Панаева в Москву, критик писал: «...Я познакомлю Вас с Клюшниковым – очень интересный человек. Элегия в IV № «Опять оно, опять бывшее» – его» (Белинский, 1982: 146). В письме к Станкевичу он отмечает: «Клюшникова пьесы прекрасны, особенно «Я не люблю тебя...», и здесь же: «Для меня высочайшее наслаждение прочесть новую песню Кольцова, новый перевод Каткова, новое стихотворение Клюшникова...» (Белинский, 1982: 256-257). И, несмотря на целый ряд отрицательных высказываний, типа «пакостные стишонки» (Белинский, 1982: 501), – «...мне стыдно

вспомнить, что некогда я думал видеть на голове моей терновой венки страдания, тогда как на ней был просто шутовской колпак с бубенчиками. Какое страдание, если стишонки Красова и -Ө- были фактом жизни и занимали меня, как вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стихов (и только перечитываю Лермонтова, все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии), и, когда случится пробежать стихи Фета и Огарева, я говорю: «Оно хорошо, но как же не стыдно тратить времени и чернил на такой вздор» (Белинский, 1982: 527). И все же слова Белинского о том, что «стихотворения -Ө- принадлежат к примечательным явлениям современной литературы и их историческое значение не подвержено никакому сомнению», остаются в силе (Белинский, 1978: 81).

Одним из близких друзей Ключникова был и поэт Яков Полонский. Они познакомились в конце 30-х годов, когда Полонский учился в Московском университете. «Он [Ровинский А.Н.] хотел познакомить меня с Белинским, – вспоминал Полонский, – но успел только познакомить меня с Иваном Петровичем Ключниковым, другом Белинского..., как эстетик и мыслитель глубоко понимающий и ценящий Пушкина, как знаток поэтического искусства, он не мог своими беседами не влиять на меня» (Полонский, 1988: 366-367). Поэт Полонский видел в другом поэте «святое недовольство самим собой, и это недовольство импонировало ему, стимулировало высокую требовательность и творческую активность» (Полонский, 1986: 304-305). Полонский, хорошо знавший Ключникова в те годы, когда тот круто изменил свою судьбу, воссоздал его образ в незаконченном стихотворном романе «Свежее преданье». В «Моих студенческих воспоминаниях» Полонский писал: «Что такое Ключников, вам поможет подсказать стихотворный недоконченный роман мой «Свежее преданье», тут он мною выведен под именем Камкова, и, конечно, не фактическая жизнь играет тут главную роль, а характер и настроения Камкова». Ключников узнал себя в главном герое. Полонскому это стало известно не от Ключникова, а от Н. Старова, учителя русской словесности, который навещал Ключникова в Криничном (Полонский, 1988: 366-367). Оценивая это произведение, Полонский в письме к Л.И. Поливанову в 1897 году писал: «Стихи мои слабы в сравнении с лицом, лучшим, каким я знавал в течение моей жизни. Мой Камков, как это многим известно, это И. Ключников, учитель Ю. Самарина и наставник Белинского, – Белинский не был бы Белинским, если бы Ключников не свел его с кружком Н.В. Станкевича, и на меня он имел благотворное влияние» (Венок Белинскому, 1924: 57).

Начитанный, широко образованный, Ключников постоянно был в центре внимания. С Неверовым он изучал греческий (Бродский, 1915: 118), Бакунину помогал переводить с немецкого (Корнилов, 1915: 382), а со Станкевичем постигал Шеллинга, Канта, Фихте (Переписка..., 1914: 585). Насмешливый по природе, он «сыпал каламбурами», островами, сочинял эпиграммы, кантаты, шуточные стихотворения, в которых «его приятели видели живость и истинный юмор». В дневнике Я. Неверова приводится шуточное стихотворение Ключникова, написанное по случаю приезда Неверова в Москву (Бродский, 1915: 127). Н. Станкевич, часто восхищавшийся той или иной чертой в характере знакомых и добродушно завидовавший их достоинствам, вызвал у Ключникова в свой адрес остроумное замечание: «Это серебряный пятак, завидующий величине медного посеребренного пятака» (Переписка..., 1914: 133).

Желанным гостем был он и в кружке «Литературная кофейня Печкина». Участник этого кружка поэт Афанасий Фет на склоне лет вспоминал, с каким удовольствием цитировали в кофейне пародию Ключникова на «Двенадцать спящих дев» В. Жуковского, в которой с юмором изображалась кофейня и говорилось о бренности всего великого на земле (Фет, 1893: 222).

В 1831 году Ключников в числе первых из кружка закончил университет и, как гласит документ, «был испытываем в науках одного отделения и показал отменные успехи, при таковом же поведении, почему определением Университетского Совета 1832 года июля шестого дня и утвержден кандидатом Отделения Словесных Наук» (МОГИА. Ф. 418. Оп. 98. Л. № 302: 3-57).

То, что Ключников был одной из центральных фигур кружка, подтверждают воспоминания и строки из писем многих его участников: Я. Неверов: «Наиболее выдающимися членами кружка были Струев, Ключников, Красов» (Бродский, 1915: 112); К. Аксаков: «У Станкевича собирались каждый день дружные с ним студенты его курса; кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи, из которых замечательнее других Ключников» (Аксаков, 1989: 317); М. Катков: «Он [Ключников] был постоянным и любимым гостем его [Станкевича] вечеринок» (Катков, 1883: 805). Ключников привлекал к себе внимание друзей незаурядностью натуры, необычайным даром слова, остроумием, общительностью и человеческой добротой.

После окончания университета он занимается педагогической деятельностью, дает частные уроки. Еще будучи студентом, в 1831–1832 годах он готовил в университет по всеобщей истории И.С. Тургенева. Профессор Н.С. Тихонравов в статье «И.С. Тургенев в Московском университете» в 1893 году писал: «Ключников первый установил заочную, так сказать, нравственную связь Тургенева с будущими товарищами последнего, студентами Московского университета» (Тихонравов, 1894: 712-713). Глубокие знания, умение «вызывать дух исторических эпох в живой импровизации, исполненной юмора, рассказывать о людях и событиях отдаленного прошлого, будто самовидец» (Катков, 1883: 802), глубина и новизна идей – все это покоряло учеников и снискало славу замечательного педагога. Он попал во многие аристократические дома: давал уроки Юрию Самарину,

публицисту и общественному деятелю, его брату и сестре ([К биографии..., 1885: 273](#)); Александру Станкевичу, младшему брату Николая; родственнику Виссариона Белинского Д.П. Иванову ([Белинский, 1914: 77](#)). Неудивительно, что такой учитель очаровал Тургенева. Всю жизнь великий писатель с любовью и благодарностью вспоминал наставника ([Тургенев, 1982: 203](#)). Тургенев также много слышал о Ключникове от его друзей Н. Станкевича, В. Белинского, В. Боткина, Т. Грановского, знал хорошо его поэзию. В письме к Грановскому Тургенев вспоминает стихотворение Ключникова «На смерть девушки». Незаурядная личность Ключникова не раз вдохновляла мастера слова. С ним как с прототипом встречаемся в романе «Рудин» (Щитов) – на страницах, где речь идет о кружке Покорского (Станкевича в повести «Андрей Колосов» (Щитов), рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (главный герой рассказа). То, что именно Ключников является прототипом литературных героев вышеназванных произведений, убедительно доказывает Бродский в работе «Поэты кружка Н.В. Станкевича», отмечая, что «образы, созданные Тургеневым, не были только фотографическими снимками с натуры: они обычно были результатом, сложной комбинацией виденного или слышанного писателем и лично им пережитого, пристальных наблюдений над людьми и его собственным внутренним миром ([Бродский, 1913: 59](#)). Узнав, что Ключников прозябает в далекой глуши, Тургенев ощутил всю тяжесть положения одаренного поэта, неожиданно изменившего свою судьбу. Так возник у писателя замысел рассказа «Гамлет Щигровского уезда», в котором нарисован образ человека, оказавшегося «лишним» в жизни, которую так любил, человека, не знающего выхода из создавшегося положения, но и не желающего его искать.

Однако педагогическая деятельность не захватила Ключникова. Несмотря на то, что профессор Московского университета Т.Н. Грановский уговаривал его готовиться к профессорскому званию и что его недолгое преподавание истории в Московском дворянском институте (так в то время называлась Первая московская гимназия) «сопровождалось блестящим успехом», он оставляет институт, а затем частные уроки и отказывается от мысли о карьере ученого-историка. В архиве Московского университета хранится рукопись научной работы Ключникова «О духе римской литературы» (на латинском и русском языках), свидетельствующая о несомненных возможностях его как ученого. В письме к Станкевичу он так объясняет свое решение: «Я очень полюбил историю и читаю Гегеля – только профессором быть не хочу, хотя меня приглашали нынешней осенью опять читать лекции – и без поездки, и без экзамена. Я знаю историю по-своему и передать эту созерцательностью знания не могу, пока Богу не угодно будет дать мне нужную форму. Не только историю, я и себя понимаю как-то странно, и чем больше тоскую, тем больше затемняю свои воззрения» ([Станкевичу, 1956: 122](#)).

Еще Ключников принял участие в редактировании журнала «Телескоп», оказавшегося после отъезда Н.И. Надеждина за границу в руках участников кружка Станкевича ([К биографии..., 1885: 583](#)). Но и журналистика не захватила его, да и журнал был вскоре закрыт.

В 1837 году Ключников перенес тяжелое психическое заболевание. Свое состояние он так описал Николаю Станкевичу в конце 1838 года: «...Ты часто пророчил мне передрагу; она случилась со мной – и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе, смотря на твои страдания: два или три месяца я был сумасшедший...» ([Станкевичу, 1956: 122](#)). Это взволновало друзей, они всячески старались поддержать его. После выздоровления Ключников стал совершенно другим человеком: исчезли общительность, жизнерадостность: появилось чувство неудовлетворенности собой, повышенная требовательность к себе и другим.

Первые публикации Ключникова стали появляться в 1838 году в «Московском наблюдателе», а затем в «Современнике» и «Отечественных записках». Наполненные мягким лиризмом, они подкупали искренностью, глубоким чувством, выраженным в них, типичным и вместе с тем сугубо сокровенным. Имя автора было скрыто под таинственной подписью. Дебют Ключникова горячо приветствовал Белинский. Как известно, в кружке Станкевича Ключникова в шутку называли «феосом» – то есть Богом. Первая буква этого греческого слова (фита) и стала его псевдонимом.

В разгар поэтической славы совершенно неожиданно Ключников прекращает публиковать свои стихотворения. Он начинает считать поэтическую деятельность несерьезным занятием, стихам своим не придает большого значения, поэтому и не издал их отдельной книгой, хоть и намеревался: «Я хорошо сделал, что отметил свои страдания стихами. У меня пиес сто, и я их издам в хронологическом порядке, – писал Ключников 12 декабря 1828 года Станкевичу, – может быть, они найдут отголосок в чьем-нибудь сердце. Это акты сознания и резонанс всех звуков души моей, которую также не все понимают» ([Станкевичу, 1956: 122](#)).

В 1841 году в «Литературной газете» за подписью -Θ- был опубликован рассказ «Привидение первого мужа, или Вдова замужем» Написанный в манере светского анекдота, он отличался легкостью, тонким юмором и занимательностью сюжета. Это была первая проба пера Ключникова-прозаика. К сожалению, и его прозаическому дарованию не суждено было развиваться. Он все больше замыкается в себе, отдаляется от бывших приятелей, часто проживает вдали от столицы в наследственном хуторе Сумского уезда, бывая в Москве лишь наездами. Как прозаик, еще только раз порадовал Ключников читателей, когда в 1849 году напечатал в «Отечественных записках» повесть «Любовная сказка», более значительное произведение не только по объему, но и по обрисовке

характеров. Проза не превзошла поэзию, но все же свидетельствовала о несомненных возможностях Ключниково-прозаика.

В этом же году Ключников надолго покидает Москву и поселяется в Криничном. Существует версия, что поэт покинул надолго Москву в начале 1840-х годов (Андреанов, 1885: 810; Бродский, 1913: 13; Машинский, 1964: 492). Это предположение возникло в связи с тем, что Ключников перестал печататься, отдалился от друзей и стал часто отлучаться из Москвы. И все же в столице он бывает до 1849 года. Как было отмечено выше, в этом году была опубликована в «Отечественных записках» повесть «Любовная сказка» с пометкой: Москва. 1849. Не часто Ключников указывал место создания того или иного произведения. Здесь же он счел нужным указать.

Удалившись от литературной жизни Москвы, «считая себя столицы шумной лишним жителем», избрав участь отшельника, Ключников прерывает связи с бывшими друзьями, остается в стороне и от общественной жизни родного края. Это настолько было неожиданно, что многие решили: поэт умер. Никого так часто не хоронили при жизни, как его. Слухи дошли и до Тургенева, который писал Я.П. Полонскому из Парижа: «Я удивился и обрадовался, узнавши, что Ключников жив. Пожалуйста, напишите мне его адрес – не забудьте. Я его знавал хорошо; он даже в детстве преподавал мне русскую историю». За этими письмами последовало из Парижа послание в далекую Никифоровку, так тогда назывался хутор (Тургенев, 1987: 169, 174).

Письмо Тургенева примечательно во многих отношениях. Во-первых, оно является свидетельством большого авторитета Ключникова как человека и как поэта в среде молодежи. Очевидно, что учитель истории оставил о себе неизгладимое впечатление, раз о нем пишут с такой любовью спустя четверть века. Во-вторых, писатель запечатлел в нем портрет и некоторые обстоятельства жизни своего учителя. Наконец, в-третьих, имя Ключникова соотносено с именами многих его именитых современников, и это, очевидно, не случайно. Личность бывшего учителя виделась Тургеневу незаурядной и яркой. Вот такие выводы позволяет сделать письмо русского писателя. А тот факт, что адресат не откликнулся на теплое послание, тоже дает основание судить о душевном состоянии Ключникова, о его крайней замкнутости.

Нелегко жилось Ключникову вдали от столицы, тем более что уходили один за другим в «иной мир» близкие люди. Еще в начале 1830-х годов умер отец, в конце 1840-х или в начале 1850-х умерла мать, а в 1861 году – младший брат Петр Петрович (1812 года рождения). Интересна ветвь рода, связанная с Петром Петровичем, так как она также имеет отношение к литературе. Его сын от первого брака Виктор был известным писателем и журналистом. После окончания университета в 1861 году Виктор почти полгода прожил в Криничном под Сумами. Постоянное общение с очень близким человеком не могло не оставить след в душе юноши и, без сомнения, оказало влияние на его будущее литературное творчество. Виктор Петрович вошел в историю литературы как представитель консервативного направления, как автор антинигилистического романа «Марево» (1864).

На протяжении всей жизни Виктор Петрович трудился журналистом, вначале в «Русском вестнике», затем издавал собственный журнал «Кругозор». В историю журналистики его имя вошло как редактора журнала «Нива», который под его руководством стал самым популярным изданием в России: если в 1870 году, в начале издания, тираж составлял 9 тысяч, то в 1892 году, когда умер Виктор Петрович, – больше 115 тысяч. Такого массового издания Россия до этого не знала. Мы охарактеризовали творческий путь Виктора Петровича потому, что в научной литературе часто смешивают двух Ключниковых – Ивана и Виктора. Подобная ошибка имеет место в работе Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Из истории русской интеллигенции» (Овсяннико-Куликовский, 1989: 55), в двухтомном библиографическом словаре «русские писатели» (Русские писатели, 1990: 400-401), имеются также ошибки в 3-х и 4-х томной «Истории русской литературы» (История русской литературы, 1963: 753; История русской литературы, 1981: 350).

Архивные документы поведали и о других членах семьи Ивана Петровича Ключникова. Рано умерла и старшая сестра поэта Ефросинья. В Криничном вместе с поэтом жила вдова брата Анна Петровна и его малолетние дети: Николай и Лидия. Поэт, как известно, не был женат и опекал эту семью.

Почти 30 лет Ключников не подавал о себе никаких вестей, занимался хозяйством, много читал и сочинял стихи. И только в 1880 году посетил Москву. «Он явился, – писал Михаил Катков, бывший товарищ по кружку Станкевича, – будто выходец из того света, но не испугал, а обрадовал старых приятелей. Тут передал он нам несколько вылившихся у него в последнее время прекрасных стихотворений» (Катков, 1883: 802). Особенно тепло встретил старого писателя его бывший ученик, младший брат Николая Станкевича Александр, позже между ними установилась переписка.

На основании письма Ключникова к Александру Станкевичу нам удалось установить, что Ключников еще раз посетил столицу в мае–июне 1886 года и оставил в «Русском вестнике» несколько своих стихотворений. Последнее письмо Ключникова (из дошедших до нас), датированное 18 февраля 1887 года, говорит о том, что слишком одиноко и тяжело было поэту вдали от «столицы шумной» и уж очень ему хотелось побывать в ней снова (ГИМ. Ф. А.В. Станкевича. № 351. Оп. 1. Ед. хр. 68).

16 февраля 1895 года поэт скончался в своем небольшом имении близ Сум. Он был похоронен на приходском кладбище, о чем сделана соответствующая запись в метрической книге Николаевской

церкви (на основании этой записи, которую удалось выявить в Сумском областном архиве (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1), нами установлено место захоронения писателя). Это печальное событие не осталось незамеченным. Столичные газеты и журналы, среди них «Московские ведомости», «Русское слово», «Новое время», «Исторический вестник», известили читателей о кончине «старейшего и даровитого», «талантливого и маститого» русского писателя. Обширная статья-некролог, помещенная в «Московских ведомостях», была подписана инициалами «Д.Я.». Удалось установить, что это Дмитрий Дмитриевич Языков (1850–1918), известный библиограф. Есть основание полагать, что Языков лично знал Ивана Петровича и поддерживал с ним связь, в своей статье он сообщает целый ряд подробностей из жизни поэта: «Последние годы своей долгой жизни Иван Петрович Ключников прожил безвыездно в своем имении, хуторе Криничном. Там, занимаясь хозяйством, он все свои досуги посвящал чтению, причем никогда не пользовался очками. У него на столе постоянно лежало Евангелие и книжки журнала «Вера и Разум» (журнал Харьковской епархии, издававшийся с 1884 г.), которые особенно интересовали его своими богословскими и философскими статьями.

5. Заключение

Ключников прожил 85 лет, намного пережив своих друзей по кружку Станкевича. Его основная деятельность приходится на 1830–40-е годы, поэтому время Ключникова – это время Белинского и Станкевича, Пушкина и Лермонтова, а также многих других известных деятелей русской культуры.

Поэзия Ключникова органически связана с духовной жизнью русского общества 30–40-х годов. На формирование его мировоззрения оказали влияние многие факторы: гнетущая общественно-политическая обстановка в государстве, атмосфера кружка Н.В. Станкевича, романтическая поэзия и, несомненно, немецкая философия. В образе лирического героя он воплощает черты собственного духовного облика. Его творчеству присущи усиленное личностное начало, автобиографизм, которые в сочетании с традициями рефлектирующей поэзии русского романтизма подчеркивают ярко выраженную индивидуальность.

Личность Ивана Петровича Ключникова многообразна и неординарна, принадлежит к примечательным явлениям в истории духовной жизни общества Российской империи. Его научная, педагогическая, редакторская деятельность в условиях обостренной политической реакции на самодержавный деспотизм может представлять интерес для научных исследований. Творческое наследие И.П. Ключникова: стихи, проза письма – имеет значительную научную ценность как источник информации о развитии духовных исканий передовой русской интеллигенции первой половины XIX века.

Литература

- Аксаков, 1989 – Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // *Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников*. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 312–334.
- Андрианов, 1885 – Андрианов С.А. Забытый поэт // *Исторический вестник*. 1885. № 6. С. 805–810.
- Белинский, 1914 – Белинский В.Г. Письма: в 3 т. СПб.: Книгоиздательство «Огни», 1914. Т. 2. 439 с.
- Белинский, 1950 – Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) // *Литературное наследство*. 1950. № 56. С. 87–200.
- Белинский, 1978 – Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // *Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т.* М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 80–81.
- Белинский, 1982 – Белинский В.Г. Письма 1829–1848 // *Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т.* М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. 864 с.
- Белинскому, 1911 – Белинскому В.Г. Письма // *Русская мысль*. 1911. № 6. С. 38–40.
- Бродский, 1913 – Бродский Н.Л. Поэты кружка Н.В. Станкевича. СПб.: Типография Имперской академии наук, 1913. 70 с.
- Бродский, 1915 – Бродский Н.Л. Я.М. Неверов и его автобиография // *Вестник воспитания*. 1915. № 6. С. 73–129.
- Венок Белинскому, 1924 – Венок Белинскому: Новые страницы Белинского: Речи, исследования, материалы / Ред. Н.К. Пиксанов. М.: Новая Москва, 1924. 285 с.
- Герцен, 1956 – Герцен А.И. Былое и думы / Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 9. Ч. 4. 362 с.
- Гершензон, 1923 – Гершензон М.О. История молодой России. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. 318 с.
- ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
- Гончаров, 1889 – Гончаров А.И. Воспоминания. В университете // *Московский университет в воспоминаниях современников*. М.: Современник, 1889. С. 145–146.
- ГАСО – Государственный архив Сумской области.
- Добролюбов, 1961–1964 – Добролюбов Н.А. Николай Владимирович Станкевич // *Собрание сочинений: в 9 т.* М.–Л.: Гослитиздат, 1961–1964. Т. 2. С. 381–402.

- Журавлева, 1967** – Журавлева А.И. О поэтах кружка Н.В. Станкевича (из истории русского романтизма 30-х годов // *Вестник Московского университета*. 1967. № 4. С. 3-14.
- История русской литературы, 1963** – История русской литературы: В 3 т. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. 785 с.
- История русской литературы, 1981** – История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2. 655 с.
- К биографии..., 1885** – К биографии профессора Н.И. Надеждина // *Русский архив*. 1885. № 8. С. 573-583.
- Катков, 1883** – Катков М.Н. Через сорок лет // *Русский вестник*. 1883. № 2.
- Каменский, 1980** – Каменский З.А. Московский кружок Любомудров. М.: Наука, 1980. 327 с.
- Корнилов, 1915** – Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915. 718 с.
- Манн, 1983** – Манн Ю.В. В кружке Станкевича. М., 1983.
- Машинский, 1964** – Машинский С.И. Кружок Станкевича и его поэты // *Поэты кружка Н.В. Станкевича*. М.–Л.: Советский писатель, 1964.
- МОГИА** – Московский областной государственный исторический архив.
- Насонкина, 1972** – Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 343 с.
- Овсянко-Куликовский, 1989** – Овсянко-Куликовский Д.Н. Из «Истории русской интеллигенции» / Литературно-критические работы: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 526 с.
- Переписка..., 1914** – Переписка Н.В. Станкевича (1830–1840). М.: Книгоиздательство «Огни», 1914. 787 с.
- Полонский, 1988** – Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // *Полонский Я.П. Проза*. М.: Сов. Россия, 1988. С. 366-367.
- Полонский, 1986** – Полонский Я.П. Свежее преданье / *Сочинения: В 2 т.* М.: Худ. лит., 1986. Т. 1. С. 292-379.
- Поляков, 1960** – Поляков М.Я. Виссарион Григорьевич Белинский. М.: Учпедгиз, 1960. 232 с.
- Поляков, 1956** – Поляков М.Я. Студенческие годы Белинского // *Литературное наследство*. 1956. № 56. С. 303-436.
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь: В 2 т.** / Под ред. П.А. Николаева М.: Просвещение, 1990. Т. 1. 446 с.
- Смиренский, 1936** – Смиренский Б.В. И.П. Ключников // *Книжные новости*. 1936. № 28–29. С. 34.
- Станкевичу, 1956** – Станкевичу Н.В. Письма // *Литературное наследство*. 1956. № 50.
- Супронюк, 2009а** – Супронюк О.К. Литературная среда раннего Гоголя. К.: Академперіодика, 2009. 177 с.
- Супронюк, 2009б** – Супронюк О.К. Гоголь и его окружение Нежинской гимназии: Биобиблиографический словарь. К.: Академперіодика, 2009. 252 с.
- Тихонравов, 1894** – Тихонравов Н.С. И.С. Тургенев // *Вестник Европы*. 1894. № 2. С. 712-713.
- Тургенев, 1982** – Тургенев И.С. Автобиография / Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 475-477.
- Тургенев, 1987** – Тургенев И.С. Письма / Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1987. 415 с.
- Фет, 1893** – Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1893. 548 с.
- Фризман, 1977** – Фризман А.Г. Русская эллегия в эпоху романтизма: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1977.
- Чернышевский, 1947** – Чернышевский И.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Полное собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 5-309.
- Degtyarev, 2015** – Degtyarev S.I. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2). Pp. 254-259.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Pp. 1530-1537.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J. Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. 53(3). Pp. 1067-1077.
- Kutsyi, 2018** – Kutsyi I. The Reception of Europe/West in the Scientific Heritage of the Mykhailo Maksymovych // *East European Historical Bulletin*. Is. 7. 2018. Pp. 8-15.
- Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019** – Melnik A., Tairova-Yakovleva T. Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire // *Kyiv-Mohyla Humanities Journal*. 6. 2019. Pp. 115-126.

References

- Aksakov, 1989** – *Aksakov K.S.* (1989). Vospominaniya studentstva 1832–1835 godov [Memoirs of the students of 1832–1835]. Russkoe obschestvo 30-h godov XIX v. Lyudi i idei: Memuaryi sovremennikov. M.: Izd-vo MGU, pp. 312–334 [in Russian]
- Andrianov, 1885** – *Andrianov S.A.* (1885). Zabyityiy poet [A forgotten poet]. *Istoricheskiy vestnik*. № 6. Pp. 805–810. [in Russian]
- Belinskiy, 1914** – *Belinskiy V.G.* (1914). Pisma: v 3 t. [Letters: in 3 volumes]. SPb.: Knigoizdatelstvo «Ogni». T. 2. 439 p. [in Russian]
- Belinskiy, 1950** – Belinskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1834–1848). [Belinsky in an unpublished correspondence of contemporaries (1834–1848)]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1950. №56. Pp. 87–200. [in Russian]
- Belinskiy, 1978** – *Belinskiy V.G.* (1978). Geroy nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova [The hero of our time. The work of M. Lermontov]. Sobranie sochineniy: v 9 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1978. T.3. Pp. 80–81. [in Russian]
- Belinskiy, 1982** – *Belinskiy V.G.* (1982). Pisma 1829–1848 [Letters 1829–1848]. .Sobranie sochineniy: v 9 t. M.: Hudozhestvennaya literatura. T. 9. 864 p. [in Russian]
- Belinskomu, 1911** – Belinskomu V.G. Pisma [Letters]. *Russkaya mysl*. 1911. №6. pp. 38–40. [in Russian]
- Brodskiy, 1913** – *Brodskiy N.L.* (1913). Poetyi kruzha N.V. Stankevicha [Poets of N.V. Stankevich's circle]. SPb.: Tipografiya Imperskoy Akademii Nauk. 70 p. [in Russian]
- Brodskiy, 1915** – *Brodskiy N.L.* (1915). Ya.M. Neverov i ego avtobiografiya [Ya.M. Neverov and his autobiography]. *Vestnik vospitaniya*. №6. Pp. 73–129. [in Russian]
- Chernyishevskiy, 1947** – *Chernyishevskiy I.G.* (1947). Ocherki gogolevskogo perioda russkoy literatury [Essays on the Gogol period of Russian literature]. Polnoe sobranie sochineniy. M.: Goslitizdat. T. 3. Pp. 5–309. [in Russian]
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254–259.
- Degtyarev et al., 2018** – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530–1537.
- Degtyarev et al., 2019** – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J.* (2019). Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1067–1077.
- Dobrolyubov, 1961–1964** – *Dobrolyubov N.A.* (1961–1964). Nikolay Vladimirovich Stankevich [Nikolai Vladimirovich Stankevich]. Sobranie sochineniy: v 9 t. M.; L.: Goslitizdat. T.2. Pp. 381–402. [in Russian]
- Fet, 1893** – *Fet A.A.* (1893). Rannie godyi moey zhizni [The early years of my life]. M.: Tovarischestvo tipografii A.I. Mamontova. 548 p. [in Russian]
- Frizman, 1977** – *Frizman A.G.* (1977). Russkaya ellegiya v epohu romantizma [Russian elegy in the era of romanticism]: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. M. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvenniy arhiv Sumskoy oblasti [State Archive of the Sumy Region].
- Gershenson, 1923** – *Gershenson M.O.* (1923). Istoriya molodoy Rossii [The history of young Russia]. M.; Pg.: Gos. izd-vo. 318 p. [in Russian]
- Gertsen, 1956** – *Gertsen A.I.* (1956b). Byloe i dumy [The past and thoughts]. Sobranie sochineniy: v 30 t. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. T.9. Ch.4. 362 p. [in Russian]
- GIM** – Gosudarstvenniy istoricheskiy muzey (g. Moskva) [State Historical Museum (Moscow)].
- Goncharov, 1889** – *Goncharov A.I.* (1889). Vospominaniya. V universitete [Memories. At the university]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyah sovremennikov*. M.: Sovremennik. pp. 145–146. [in Russian]
- Istoriya russkoy literatury, 1963** – Istoriya russkoy literatury: v 3 t. [History of Russian literature: in 3 volumes] M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. T.2. 785 p. [in Russian]
- Istoriya russkoy literatury, 1981** – Istoriya russkoy literatury: v 4 t. [History of Russian literature: in 4 volumes] L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1981. T.2. 655 p. [in Russian]
- K biografii..., 1885** – K biografii professora N.I. Nadezhdina [To the biography of Professor N.I. Nadezhdina]. *Russkiy arhiv*. 1885. №8. Pp. 573–583. [in Russian]
- Kamenskiy, 1980** – *Kamenskiy Z.A.* (1980). Moskovskiy kruzhok lyubomudrov [Moscow circle of wisdom lovers]. M.: Nauka. 327 p. [in Russian]
- Katkov, 1883** – *Katkov M.N.* (1883). Cherez sorok let [Forty years later]. *Russkiy vestnik*. №2. P. 805. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov A.A.* (1915). Molodye godyi Mihaila Bakunina [Young years of Mikhail Bakunin]. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikoviyh. 718 p. [in Russian]
- Kutsyi, 2018** – *Kutsyi I.* (2018). The Reception of Europe/West in the Scientific Heritage of the Mykhailo Maksymovych. *East European Historical Bulletin*. Is. 7. Pp. 8–15.
- Mann, 1983** – *Mann Yu.V.* (1983). V kruzhke Stankevicha [In Stankevich's circle]. M. [in Russian]

- [Mashinskiy, 1964](#) – *Mashinskiy S.I.* (1964). Kruzhok Stankevicha i ego poetyi [Stankevich's circle and his poets]. Poetyi kruzhka N.V. Stankevicha. M.; L.: Sovetskiy pisatel. [in Russian]
- [Melnik, Tairova-Yakovleva, 2019](#) – *Melnik A., Tairova-Yakovleva T.* (2019). Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire. *Kyiv-Mohyla Humanities Journal*. 6. Pp. 115-126.
- MOGIA** – Moskovskiy oblastnoy gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv [Moscow Regional State Historical Archive].
- [Nasonkina, 1972](#) – *Nasonkina L.I.* (1972). Moskovskiy universitet posle vosstaniya dekabristov [Moscow University after the Decembrist uprising]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 343 p. [in Russian]
- [Ovsyaniko-Kulikovskiy, 1989](#) – Iz «Istorii russkoy intelligentsii» [From the “History of the Russian intelligentsia”]. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. T. 2. 526 p. [in Russian]
- [Perepiska..., 1914](#) – *Perepiska N.V. Stankevicha (1830–1840)*. [Correspondence of N.V. Stankevich (1830–1840)]. M.: Knigoizdatelstvo «Ogni», 1914. 787 p. [in Russian]
- [Polonskiy, 1986](#) – *Polonskiy Ya.P.* (1986). Svezhee predanie [A fresh story] // *Polonskiy Ya.P. Sochineniya: v 2 t.* M.: Hud. lit. T.1. Pp. 292-379. [in Russian]
- [Polonskiy, 1988](#) – *Polonskiy Ya.P.* (1988). Moi studencheskie vospominaniya [My student memories]. Proza. M.: Sov. Rossiya. Pp. 366-367. [in Russian]
- [Polyakov, 1956](#) – *Polyakov M.Ya.* (1956). Studencheskie godyi Belinskogo [Belinsky's student years]. *Literaturnoe nasledstvo*. №56. Pp. 303-436. [in Russian]
- [Polyakov, 1960](#) – *Polyakov M.Ya.* (1960). Vissarion Grigorevich Belinskiy [Vissarion G. Belinsky]. M.: Uchpedgiz. 232 p. [in Russian]
- [Russkie pisateli, 1990](#) – Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar: v 2 t. [Russian writers. Bibliographic Dictionary: in 2 volumes]. Pod red. P.A. Nikolaeva M.: Prosveschenie, 1990. T. 1. 446 p. [in Russian]
- [Smirenskiy, 1936](#) – *Smirenskiy B.V.* (1936). I.P. Klyushnikov [I.P. Klyushnikov]. *Knizhnyie novosti*. №28–29. P. 34 [in Russian]
- [Stankevichu, 1956](#) – *Stankevichu N.V.* (1956). Pisma [Letters]. *Literaturnoe nasledstvo*. №50. [in Russian]
- [Supronyuk, 2009a](#) – *Supronyuk O.K.* (2009). Literaturnaya sreda rannego Gogolya [Literary environment of early Gogol]. K.: Akadempriodika. 177 p. [in Russian]
- [Supronyuk, 2009b](#) – *Supronyuk O.K.* (2009). Gogol i ego okruzenie Nezhinskoy gimnazii: Biobibliograficheskiy slovar [Gogol and his entourage at the Nizhyn Gymnasium: Biobibliographic Dictionary]. K.: Akadempriodika. 252 p. [in Russian]
- [Tihonravov, 1894](#) – *Tihonravov N.S.* (1894). I.S. Turgenev [I.S. Turgenev]. *Vestnik Evropyi*. №2. Pp. 712-713. [in Russian]
- [Turgenev, 1982](#) – *Turgenev I.S.* (1982). Avtobiografiya [Autobiography]. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomah. M.: Nauka. T. 11. Pp. 475-477. [in Russian]
- [Turgenev, 1987](#) – *Turgenev I.S.* (1987). Pisma [Letters]. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. M.: Nauka. 415 p. [in Russian]
- [Venok Belinskomu, 1924](#) – *Venok Belinskomu: Novye stranitsy Belinskogo: Rechi, issledovaniya, materialy* [Wreath to Belinsky: Belinsky's new pages: speeches, studies, materials]. Red. N.K. Piskanov. M.: Novaya Moskva, 1924. 285 p. [in Russian]
- [Zhuravleva, 1967](#) – *Zhuravleva A.I.* (1967). O poetah kruzhka N.V. Stankevicha (iz istorii russkogo romantizma 30-h godov) [About the poets of N.V. Stankevich's circle (from the history of Russian romanticism of the 30s)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. №4. Pp. 3-14. [in Russian]

Иван Ключников и его время (1811–1895): духовные искания поэта

Елена Григорьевна Ткаченко ^a, Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *},
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}, Ясмин Гут ^e

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Аннотация. В статье впервые собраны, систематизированы и подвергнуты историко-литературному осмыслению факты жизненного и творческого пути русского поэта Ивана Ключникова (1811–1895). Специфика исследования нашла свое проявление в привлечении обширного круга архивных материалов, авторитетных печатных источников, документально подтверждающих духовную эволюцию личности.

Активный участник кружка Николая Станкевича, Ключников сыграл значительную роль в духовной жизни России 30–40-х годов XIX века. Под его влиянием формировалось мировоззрение Станкевича, Белинского, Тургенева и многих других представителей творческой интеллигенции. Будучи идеалистом, увлеченный философией Гегеля, Ключников считал просвещение и мысль главным двигателем истории. Он верил, что в условиях обостренной политической реакции и самодержавного деспотизма возможно улучшение жизни путем духовного воздействия на общество. Высокообразованный, наделенный недюжинным поэтическим талантом, на стыке 30–40-х годов позапрошлого века, оказавшись между двумя гениями – Пушкиным и Лермонтовым, он сумел по-своему, оригинально и неповторимо, передать психологию «лишнего человека», показать трагедию молодых идеалистов, стремившихся к добру, справедливости и счастью, но в силу обстоятельств оказавшихся неспособными осуществить свою мечту. Его поэзия – это исповедь человека, прошедшего в своем развитии путь от романтических иллюзий до сознания своей несостоятельности во всех сферах жизни.

Удалившись от общественной жизни фактически в период расцвета творчества, избрав участь отшельника, Ключников около 50 лет прожил в далекой глуши в одиночестве, сделав все, чтобы его забыли.

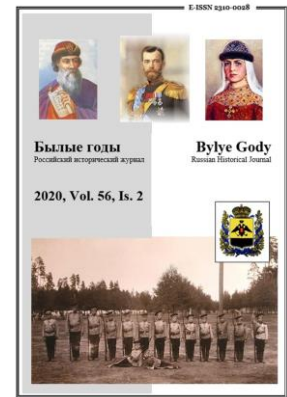
Ключевые слова: Иван Ключников, кружок Станкевича, Российская империя, интеллигенция, XIX век.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 583-594. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.583
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Objective Ally» of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe De Pradt's Mission in Warsaw

Tatiana N. Goncharova ^{a, *}

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Abbé de Pradt, who established himself as a liberal publicist at the time of the Restoration, can hardly be suspected of sympathy to the Russian Empire. And yet he might have contributed a great service to the Russian cause in 1812. At least, Napoleon implied so much as he laid on his ambassador in Warsaw the whole responsibility for the catastrophe of the Great Army in 1812, for not supplying it with the expected military units and horses. Pradt answered this accusation in a pamphlet praising his own foresight and denouncing Napoleonic megalomania. This paper examines both cases. Basing on the study of diplomatic reports, contemporary publicists and memoirs, the author concludes that Pradt did not deliberately betrayed his master, but his inaction and pessimism did not allow him to do all that was expected from him. On the other hand, the mistakes made by Napoleon and some objective circumstances played a negative part. Napoleon's reluctance to move from words to deeds and satisfy Polish aspirations to the restoration of "Greater Poland", was not very stimulating for the local patriots. As for Pradt's complains about the poor situation of the economy of the Duchy of Warsaw, which hampered his activities in the rear of the Napoleon's army, they seem to be rather exaggerated.

Keywords: Abbé de Pradt, Russian campaign of 1812, Duchy of Warsaw, Pradt Embassy, Polish patriots.

1. Введение

Речь Посполитая как федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, стертая с политической карты Европы в результате трех разделов ее территории между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 гг., продолжила существование в качестве идеи, сделавшись питательной средой польского патриотизма. Польские добровольцы в эпоху наполеоновских войн были движимы упованием на то, что император французов вознаградит их отвагу и преданность на поле боя воссозданием государства, в котором они родились.

Казалось, их надежды получили начало реализации в герцогстве Варшавском, основанном Наполеоном по условиям Тильзитского мира от 7 июля н.ст. 1807 г. на землях «прусской» Польши с городами Познань, Торунь, Варшава. Поставленное номинально под управление короля Саксонии Фридриха-Августа I, герцогство Варшавское фактически подчинилось Франции, которая расширила его территорию в результате присоединения в 1809 г. отвоєванной у Австрии Западной Галиции с городами Краков, Люблин, Замостье, так что численность населения герцогства достигла 4 300 000 человек (Beauvois, 2010: 211). Русская кампания Наполеона в 1812 г. вселила в польских патриотов надежду на реванш над последней из стран-участниц раздела с целью воссоздания Речи Посполитой в границах 1772 г.

Герцогству Варшавскому при этом отводилась немаловажная роль арьергарда в наполеоновских планах наступления. Чрезвычайное посольство Франции в Варшаве, во главе

* Corresponding author

E-mail addresses: t.goncharova@spbu.ru (T.N. Goncharova)

которого был поставлен Доминик Дюфур де Прадт, вошедший в историю как аббат де Прадт (1759–1837), должно было приложить усилия для обеспечения надежного тыла и дополнительных контингентов польских войск.

Однако посольство Прадта оказалось провальным. Проездом в Варшаве 10 декабря, по пути из Сморгони в Париж с целью мобилизации новых войск для продолжения борьбы, Наполеон обвинил своего посла в невыполнении возложенных на него поручений. Неспособность Прадта поднять боевой дух поляков вместе с климатом и слишком длительной стоянкой в Москве, которую полководец считал своей ошибкой, повлекли за собой, по его мнению, гибель Великой армии.

Цель предпринятого исследования заключается в том, чтобы разобраться, насколько обоснованными были обвинения Наполеона против Прадта. Необходимо понять, являлся ли Прадт предателем, действовавшим осознанно против интересов наполеоновской империи, или же просто не обладал способностями, необходимыми для чрезвычайного посла в ключевой момент, каким была Русская кампания 1812 г.

2. Материалы и методы

Проблема гибели Великой армии в России, представленная в столь необычном ракурсе, побуждает обратиться, в первую очередь, к французским и польским историческим источникам, в которых освещается пребывание аббата де Прадта в Варшаве в период между 5 июня и 27 декабря 1812 г. Значительное внимание уделено так называемым ненамеренным источникам, в том числе донесениям Прадта, адресованным министру внешних сношений Ю.-Б. Маре, герцогу де Бассано, в Вильну (*АМАЕ, CP de Pologne, vol. 330: 125-214*), а также переписке Наполеона с Маре и начальником штаба маршалом Бертье, которая акцентирует внимание на действиях чрезвычайного посла в Варшаве, расцененных как ошибочные и вредные для успеха кампании (*Napoléon Bonaparte, 2012*).

Инструкции Прадту, датированные 28 мая 1812 г., дают представление о задачах, поставленных перед его посольством Наполеоном (*Napoléon, 1868, t. 23, № 18734: 441-447*). Следует обратить внимание на то, что существуют апокрифические инструкции, якобы адресованные Прадту 18 апреля 1812 г. Изготовленные на заказ по распоряжению Маре после краха Первой империи, они были воспроизведены графом де Лас-Казом в дневнике, известном как «Мемориал Святой Елены», первое издание которого вышло в 1822–1823 гг. в Париже. Поддельный характер этих инструкций неоднократно отмечался авторитетными историками А. Сорелем и М. Дюнаном (*Las Cases, 1951: 841*). Несмотря на указанные разоблачения, апокрифические инструкции оказались вновь выданными за подлинные в относительно недавней публикации документов, авторы которой приняли на веру вторичный источник (*Neuwazny, Laforest, 2004: 186-192*).

Уязвленный критикой его провала в Варшаве, Прадт представил свою версию событий в «Истории посольства в Великое герцогство Варшавское», изданной после Ватерлоо в 1815 г. Приписав себе предвидение катастрофы, которой должен был закончиться поход в Россию, Прадт выставил в ней Наполеона «Юпитером-Скапенем», подразумевая под этой странной комбинацией слов его стремление к мировому господству при помощи вульгарных методов, и вложил в его уста фразу «от великого до смешного один шаг». В целом, в своем памфлете Прадт не столько даже оправдывался, сколько нападал и порочил, причем не только Наполеона, но и министра Маре, дипломата Биньона и других, исходя, по-видимому, из убеждения, что лучшая защита – это нападение.

Обвинения, выдвинутые Наполеоном против Прадта, как и «История посольства», положили начало размышлениям относительно личной роли посла в провале Русской кампании. В связи с этим в статье использованы мемуары современников. Мемуары генерала А. де Коленкура, в частности, представляют собой очень важный источник в той их части, где в основу текста легли подлинные записи разговоров их автора с Наполеоном по пути в Париж, в них зафиксированы гневные выпады императора в адрес Прадта в период с 5 по 11 декабря. Все, кто находился в контакте с Прадтом, как Л. Биньон, имперский комиссар в Литве, В. де Бройль, атташе посольства, Т. Морский, имперский комиссар для провинций Волынь, Подолье и Украина, Ж. Глей, секретарь-переводчик при штабе маршала Даву, графиня Анна Потоцкая, занимавшая видное положение в светской жизни Варшавы, отмечали неспособность прелата к дипломатической службе и его суетные качества, в первую очередь, тщеславие (*Bignon, 1864: 217-258; Broglie, 1886: 180-182; Morski, 1815; Gley, 1816: 115-175; Потоцкая, 2005: 199-225*). Посол Прадт «вел себя таким образом, что никто не был им доволен» (*Cousin d'Avalon, 1820: 18*). Наиболее саркастично отозвался о Прадте Ф.-Р. де Шатобриан, назвавший его «шутком в митре» (*Chateaubriand, 1983: 902*).

Представленный выше обзор источников свидетельствует о том, что современники аббата сходились в мнении, что он плохо справился с возложенными на него обязанностями, хотя и не заходили так далеко, как Наполеон, выдвинувший против него обвинения в провале целой кампании. «История посольства» Прадта не вызывала доверия, в ней склонны были видеть сатиру на Русскую кампанию Наполеона. Не найдя понимания и сочувствия среди окружающих его людей, Прадт предстает как единственный апологет своего посольства.

В основу исследования положен сравнительно-исторический метод, который позволил сопоставить данные ненамеренных источников документального характера с информацией источников личного происхождения. В соответствии с принципом историзма все обстоятельства варшавского посольства Прадта рассматриваются в хронологической последовательности, в свете причинно-следственных связей, с учетом исторического контекста 1812 г.

3. Обсуждение

При всем обилии исторических трудов о 1812 годе, деятельность аббата де Прадта на посту посла в Варшаве не привлекла к себе пристального внимания отечественных исследователей. Дореволюционные историки, посвящая свои труды польскому вопросу, не останавливались специально на казусной фигуре Прадта (Пичета, 1912 и др.). Советские историки обходили стороной вопрос о герцогстве Варшавском как раздражителе в отношениях между Александром I и Наполеоном, списывая причины войны почти исключительно на несоблюдение Россией континентальной блокады (Трошин, 2017: 367). Новейшие исследования по Отечественной войне 1812 г. не уделяют фигуре Прадта сколько-нибудь значительного внимания, видя в нем наблюдателя, отслеживавшего антироссийские настроения в Варшаве (Ададунов, 2012: 179).

Из французских историков, писавших о Прадте в XIX веке, следует выделить прежде всего Луи Биньона, упомянутого выше в качестве дипломата и мемуариста, но известного также своей «Историей Франции», написанной по заказу Наполеона и содержащей крайне негативное суждение о посольстве аббата (Bignon, 1829, 1838, t. 10: 494-496). Ф.-О. Минье полагал, что Луи Биньон, представлявший Францию в Варшаве в должности посланника с марта 1811 г. по июнь 1812 г., лучше бы справился с возложенными на Прадта задачами (Mignet, 1854, t. 2: 147-180). По мнению А.-О. Эрнуфа, автора хорошо документированного исследования о министре внешних сношений Ю.-Б. Маре, Прадт систематически шел на поводу у министров герцогства (Ernouf, 2008: 329-425).

Стоит отметить, что вышеупомянутые авторы имели репутацию усердных сторонников польской независимости, что не могло способствовать непредвзятости их суждений. В отличие от них, Адольф Тьер, знаменитый автор «Истории Консульства и Империи», не мог а priori питать к Прадту никакой враждебности, что делает еще более красноречивыми его выводы о несоответствии личных качеств аббата той ответственной миссии, для которой он был назначен в Варшаву (Thiers, 1856, 1857, t. XIII: 519-544, t. XIV: 97-108, t. XV: 154-156).

Среди исторических трудов о посольстве аббата де Прадта в Варшаву, изданных в XX веке, имеются такие, которые свидетельствуют об увлечении их авторов теорией заговоров. Так, Э. Краковский выдвинул гипотезу предательства Прадта, в соответствии с которой этот последний, являясь агентом Австрии и России, действовал сознательно против французских и польских интересов примерно так же, как это делал Ш.-М. де Талейран (Krakowski, 1937: 467-498). Противоположная гипотеза принадлежит Э. Дуссе, который выставил аббата-посла «жертвой варшавского заговора», оркестрованного Биньоном и Маре, сумевшим внушить Наполеону мысль о неспособности аббата и его тайном пособничестве русским (Doussset, 1959: 7-11, 109-131, 189).

Гипотезу предательства Прадта, как и противоположную ей гипотезу «варшавского заговора», нельзя полностью исключить, однако при отсутствии непреложных доказательств эти домыслы не являются наиболее распространенными. Непригодность Прадта для дипломатии в достаточной мере объясняет крах его посольства в глазах подавляющего большинства мемуаристов и историков. Слишком большая сосредоточенность исследователей на личности аббата-посла оставляет тем не менее в стороне другие немаловажные составляющие проблемы.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть вопрос дипломатического провала аббата де Прадта в более широком ракурсе, нежели это было сделано ранее в историографии, уделив внимание общей экономической и политической ситуации, сложившейся в герцогстве Варшавском на 1812 г., а также общественным настроениям.

4. Результаты

Означенная во введении проблематика, а именно вопрос о том, был ли Прадт объективным, иначе говоря, невольным союзником России в 1812 г., или же действовал целенаправленно против интересов Наполеона, ставит перед исследователем три вопроса:

1. Чем диктовался выбор аббата де Прадта в качестве чрезвычайного посла в Варшаве накануне вторжения Великой армии в Россию и обладал ли прелат качествами, необходимыми для занятия столь стратегически важного дипломатического поста?

2. Достаточно ли ясно инструкции, врученные Прадту перед его отбытием в Варшаву, формулировали задачи его посольства?

3. Какова была экономическая и политическая ситуация в герцогстве Варшавском в период Русского похода 1812 г., а также в чем состояли ошибки, допущенные послом и самим Наполеоном?

«Я правил бы Миром, не будь одного человека...», – так сказал Наполеон аббату де Прадту 10 декабря 1812 г., как впоследствии утверждал последний, приписывая себе славу деятеля, помешавшего осуществлению заветной мечты французского императора подчинить своей власти

«Мир», по понятиям того времени Европу (Pradt, 1815: 1). В этих словах можно было бы усомниться, приписав их чрезмерному чванству Прадта, если бы почти то же самое не записал А. де Коленкур по следам откровений Наполеона (Коленкур, 2002: 466).

Доминик де Прадт относился к категории людей, прозванных при режиме Реставрации «флюгерами» за присущую им мобильность идейно-политических симпатий. В «Словаре флюгеров» против имени Прадта красовались четыре фляжка, указывавших на то, что он четырежды изменял противоборствующим группировкам (*Dictionnaire des Girouettes*, 1815: 398-399). Впервые, когда депутат от духовенства Нормандии в Генеральных штатах 1789 г. стал заседать в Учредительном собрании среди третьего сословия. Во второй раз, когда, отказавшись принести присягу Гражданскому устройству духовенства, отправился в изгнание в Гамбург в 1791 г. В третий раз, когда в 1802 г. вернулся во Францию и сделал блестящую карьеру при дворе Наполеона. В четвертый раз, когда в марте 1814 г. оказался в группе заговорщиков, которые во главе с Талейраном подготавливали изнутри падение империи, в то время как армии союзной коалиции штурмовали Париж.

Примкнув к либеральному течению при Реставрации, он сделал себе имя в публицистике как автор статей на международную тематику, в которых высказывал критичные суждения о России и призывал европейцев к солидарности перед лицом русской угрозы (Corbet, 1967: 173). Можно сказать, что в аббате де Прадте жил дух противоречия, недаром он был превосходным полемистом.

Настоящей удачей для карьеры Прадта стало наличие протекции со стороны генерала М. Дюрока, который приходился ему кузеном. Представленный Наполеону, аббат де Прадт быстро завоевал его расположение остроумной беседой и заявлениями о преданности, так что после провозглашения империи в 1804 г. он получил назначение состоять при особе императора французом капелланом (духовником).

На возмнившего себя «духовником бога Марса» Прадта императорские милости лились рекой: блестящее положение при дворе, титул барона империи, орден Почетного легиона, сан архиепископа диоцеза Малин в Бельгии, пожалованный ему в 1809 г., хотя и не признанный папой. Казалось, Наполеон имел все основания рассчитывать на верность, усердие и личную преданность аббата. Однако во время английского вторжения в Голландию в 1809 г. Прадт выдал свои роялистские симпатии неосторожными пожеланиями успеха англичанам (*La Tour du Pin*, 1913, t. I: 298-299, 314-315). Узнав об инциденте, Наполеон мог бы разжаловать своего духовника, обвинив его в лицемерии и интригах, но предпочел простить (*Napoléon*, 1865, t. 19, № 15753: 501). Слишком велико было его желание объединить вокруг себя представителей разных политических течений.

Декрет о назначении Прадта послом в Варшаву от 27 мая 1812 г. стал неожиданностью для императорского окружения и для самого заинтересованного лица, если верить его утверждениям: «Если бы молния упала к моим ногам, – писал он постфактум, – то я бы не почувствовал более смертельного холода в моих жилах, чем тот, который охватил меня вследствие объявления о моем назначении» (Pradt, 1815: 58). Наполеон же впоследствии пожалел о своем решении. Каковы были причины, подвигнувшие его на этот шаг?

В планы Наполеона входило быстро, до наступления зимы, разгромить противника на западных рубежах Российской империи – территории «русской» Польши, чтобы, образумив своего тильзитского союзника, заключить с ним компромисс и принудить к соблюдению континентальной блокады. В прокламации от 22 июня 1812 г. речь шла о «второй польской кампании», предназначенной завершить дело объединения Польши, оставленное незаконченным в 1807 г. (Kerautret, 2004: 64). Варшава приобретала тем самым стратегическую значимость, чем и диктовалось решение отправить чрезвычайное посольство в польскую столицу.

Имея обыкновение отдавать предпочтение представителям аристократии при назначении на должность посла, Наполеон счел неуместным оставить в Варшаве Л. Биньона, который был выходцем из буржуазии. В первоначальные планы императора входило возложить посольские обязанности на Ш.-М. де Талейрана, князя Беневентского, который, как известно, после своего отстранения от руководства иностранными делами в августе 1807 г., сделался шпионом, дорого продавая свои услуги российской и австрийской разведкам (Тарле, 2019: 70-72). Помня, что Талейран блестяще справился с обязанностями губернатора Варшавы в период с декабря 1806 г. по май 1807 г., сумев обеспечить снабжение Великой армии в тяжелых условиях зимы и весенней распутицы, Наполеон готов был задействовать вновь его способности предприимчивого «фуражира» (Waresquiel, 2006: 367-368). Однако, узнав об интригах вокруг предстоявшего назначения, отказался от своего первоначального плана, о чем впоследствии сильно сожалел: «Талейран через посредство салона г-жи Тышкевич сделал бы там (в Варшаве – Авт.) больше, чем Маре и аббат де Прадт со всем их усердием, болтовней и польскими комбинациями» (Коленкур, 2002: 427, 466). Упомянутая Мария-Терезия Тышкевич приходилась племянницей последнему польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому (1764–1795).

Известно, во всяком случае, что российский двор, проинформированный послом А.Б. Куракиным о том, что назначение Талейрана в Варшаву не состоится, испытал немалое разочарование (Тарле, 2019: 88-89). Ни император Александр I, ни канцлер Н.П. Румянцев не могли и предположить тогда, что найдут в новой креатуре Наполеона невольного союзника России.

Кандидатура аббата де Прадта всплыла, вероятно, по аналогии. Наполеон надеялся, что, будучи священником, Прадт сумеет найти нужный подход к полякам, католикам в основной своей массе, для того чтобы добиться от них наибольшего самопожертвования. Ни генерал, ни профессиональный дипломат для этой роли не годились: первому не хватило бы хитрости и изворотливости, второму – морального авторитета и полета мысли. К тому же в основе подготовки священнослужителей лежали навыки и умения сродни дипломатическому искусству. В истории Франции нередки были случаи, когда священники играли выдающуюся государственную роль. К тому же прелаты не раз представляли Францию в Варшаве при Старом порядке. Однако замена опытного в польском вопросе Биньона аббатом, который знал о нем, главным образом, из сочинения К. Рюльера «История анархии в Польше и разделения этой республики», не способствовала интересам дела, для которого Наполеон предназначил посла в Варшаве.

Отвергая обвинения Наполеона, Прадт перечислил в «Истории посольства» причины, которые, по его мнению, вызвали провал Русской кампании 1812 г.: «1. Император. 2. Герцог де Бассано. 3. Поляки. 4. Умелая оборона русских. 5. Общее помешательство при организации и осуществлении этого предприятия. 6. Отделение Литвы от герцогства Варшавского; ответ императора в Вильне, адресованный депутации Варшавского сейма. 7. Характер моих инструкций и приказание, данное мне герцогом де Бассано, держаться вне политики и заниматься только обеспечением продовольственного снабжения армии» (Pradt, 1815: 14). Можно утверждать, что из всего этого перечня причин, характер инструкций, данных Прадту, ответ императора депутации поляков в Вильне и умелая оборона русских, действительно, имеют под собой почву. Все остальные пункты – сведения счетов.

Инструкции Прадту были датированы 28 мая и представляли собой весьма пространный текст, продиктованный Наполеоном. Провозглашалась необходимость активной пропаганды с целью привести нацию «в состояние, схожее с опьянением» с тем, чтобы поляки сами способствовали своему возрождению посредством Польской конфедерации и восстания в тылу у русских, которое создало бы для этих последних «ситуацию, подобную той, в какой оказалась французская армия в Испании и республиканская армия в период Вандеи и шуанов». Послу предписывалось «все видеть, все знать, всем руководить, во все вселять надежду» (Napoléon, 1868, t. 23, № 18734: 444). Перед посольством Прадта были поставлены три задачи. Первая – использовать звание посла и высокий сан в духовной иерархии для того, чтобы обеспечить себе верховенство «над всеми властями, как французскими, так и польскими, гражданскими и военными». Вторая – оказывать влияние и реальное воздействие на польскую администрацию, присутствовать на заседаниях совета министров, вникать во все детали и использовать свою позицию для того, чтобы направлять ресурсы герцогства на пользу наполеоновской армии. Третья – способствовать успеху восстания и Польской конфедерации. К тому же аббат-посол должен был сохранить и развить созданную Биньоном разведслужбу (Napoléon, 1868, t. 23, № 18734: 445). Цель посольства Прадта в Варшаве не могла вызвать ошибочной интерпретации: всеми мерами способствовать возгоранию «польской Вандеи».

В начале Русской кампании герцогство Варшавское влило в состав Великой армии самый многочисленный среди войск союзников наполеоновской империи контингент численностью более 70 000 солдат, возросший к концу кампании до более чем 80 000 (Bielecki, 1976: 157-159; Kerautret, 2012: 6). Большая его часть составила отдельный 5-й корпус под командованием генерала Юзефа Понятовского. Однако часть польских бригад, пехотных и кавалерийских полков была рассредоточена по разным корпусам Великой армии, как это было заведено в отношении иностранных формирований (Kerautret, 2012: 10-11).

Возлагая большие надежды на польских пехотинцев и кавалеристов, французский император требовал от своего посла в Варшаве роли вдохновителя их патриотических чувств, но также интендантской, военной и политической, но ошибся при выборе кандидатуры. Поспешность и самоуверенность Наполеона, не взявшего на себя труд взвесить все «за» и «против», сыграли с ним злую шутку (Lejeune, 1998: 447-467). «Вместо Талейрана Наполеон взял его карикатуру» (Вандаль, 1995, т. IV: 433).

Неторопливость и вялость, с какой посол взялся за исполнение возложенных на него обязанностей, были тому свидетельством. Вместо десяти дней, отведенных на обустройство на новом месте, Прадт посвятил этому вопросу гораздо больше времени, около месяца, требуя от варшавских властей предоставления ему дворца Брюль, занятого королем Вестфалии Жеромом Бонапартом. Лишь после отъезда Жерома в действующую армию и приведения дворца в порядок, в середине июля, посольство открыло свои двери для представителей польской шляхты и властей.

Торжественное открытие сейма, неоднократно переносившееся, состоялось лишь 26 июня. Причем вместо польской прокламации депутатам была зачитана французская, так как Прадт полностью переписал текст, подготовленный министром финансов Т. Матушевичем, чем вызвал недовольство Наполеона. «Как только станет известно, что речь, рапорт, прокламация в отношении польских дел имеет источником посла Франции, ее политический эффект на поляков и на Европу будет сведен к нулю», – разъяснял Прадту позицию императора Маре (Цит. по: Ernouf, 2008: 345).

28 июня польский сейм объявил о своем преобразовании в общенациональную конфедерацию и провозгласил акт о восстановлении независимого Королевства Польского. Однако на следующий день Прадт принял решение о роспуске сейма, оставив лишь совет конфедерации, не имевший реального значения. Такое ответственное решение, принятое самовольно, не только нарушало букву инструкций Прадта, из которых ясно следовало, какие большие упования возлагались на сейм в качестве органа пропаганды, но и дало основания для последующих обвинений его в предательстве. Какими мотивами он руководствовался? Биньон приписал все пустому тщеславию посла, который увидел в депутатах опасных конкурентов на первую роль в герцогстве (Bignon, 1864: 23). Думается все же, что мания величия не является достаточно основательным объяснением. Из июньских писем Прадта к Маре следует, что посол увидел в сейме источник опасного брожения умов, способный «завести далеко и, быть может, дальше, чем хотелось бы» (АМАЕ, CP de Pologne, vol. 330: 125-126, 213-214).

Неожиданный роспуск сейма не мог, во всяком случае, способствовать возгоранию национального восстания. Распущенные по провинциям и занятые возобновлением арендных договоров, депутаты были лишены возможности поддерживать энтузиазм в своих соотечественниках. Узнав о самоуправстве Прадта, Наполеон пришел в крайнее раздражение, о чем свидетельствует письмо Маре, датированное 6 июля: «Ваши инструкции и многие из наших писем неоднократно информировали вас, что необходимо множить средства воздействия на мнение..., и, однако, состоялось всего два заседания!.. До настоящего времени вы свели это великое дело к театральному представлению из двух сцен» (Цит. по: Bignon, 1864: 236).

Наполеон, вероятно, должен был бы последовать совету Маре, который после этого инцидента предложил немедленно отстранить аббата де Прадта от должности посла (Ernouf, 2008: 344). Тем не менее, исходя из принципа «коней на переправе не меняют», Наполеон оставил Прадта в Варшаве.

Аббат-посол, в свою очередь, не скупился на критику решений, принимаемых верховным руководством. Так, он счел достойным порицания уклончивый ответ Наполеона депутации польской конфедерации 11 июля в Вильне, суть которого сводилась к отказу незамедлительно признать восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. По словам Прадта, «...он поверг поляков в уныние..., нация осталась в оцепенении посреди патриотических возгласов... Вот почему вся Польша не села на коней...» (Pradt, 1815: 131-132). В данном случае Прадту вполне можно верить. Такой же анализ произошедшего можно найти у Ф.-П. де Сегюра, адъютанта Наполеона (Сегюр, 2003: 17). Попытки Наполеона обосновать свое нежелание присоединить завоеванную им Литву к Польше опасениями вызвать освободительное восстание в австрийской Галиции звучали неубедительно ввиду того, что статья 6 тайного договора от 14 марта 1812 г. допускала возможность уступки Австрией Восточной Галиции в обмен на Иллирийские провинции в качестве компенсации (Kerautret, 2004, t. 3: 56). На самом деле, как представляется, Наполеон заботился, прежде всего, о том, чтобы сохранить возможность примирения с Александром I.

С момента роспуска сейма недовольство французского императора Прадтом только усиливалось. Рейд русской кавалерии из 3-й Резервной армии Торماسова на герцогство Варшавское 16 и 17 июля н.ст. вызвал панику в Варшаве, причем аббат-посол намеревался в срочном порядке покинуть польскую столицу. Ходили слухи о том, что, собрав вещи, Прадт не преминул при этом распорядиться об упаковке «сервиза из позолоченного серебра с литерой N» (Cousin d'Avalon, 1820: 48-50). Испуганный устроенной русскими демонстрацией силы, Прадт поспешил обратиться с просьбой о военном прикрытии к генералу Шварценбергу, командующему австрийским корпусом, который дислоцировался на правом фланге наполеоновской армии. Однако тревога рассеялась так же внезапно, как и началась, уже 18 июля н.ст., после того как саксонский корпус генерала Ренье оттянул на себя силы армии Тормасова, получившей приказ о наступлении на Брест-Литовск и Кобрин.

Получив уведомления о недостатке самообладания у Прадта в кризисной ситуации, Наполеон был недоволен в особенности тем, что тот превысил свои полномочия, вступив в переписку с Шварценбергом на предмет военных операций (Napoléon, 1868, t. 24, № 19024: 127). Униженный адресованными ему упреками в трусости, Прадт оправдывался недостаточным военным прикрытием герцогства, игнорируя призывы Маре воспользоваться ситуацией для массовой мобилизации поляков во имя защиты границ и нападения на соседнюю Вольнь (Ernouf, 2008: 357). Заметим, что Прадт имел некоторые основания опасаться за судьбу герцогства, где почти не было регулярных войск, а имелись в основном немногочисленные и плохо вооруженные отряды народного ополчения, спасавшиеся бегством при известии о надвигающейся опасности.

В начале октября в Варшаве вновь случилась паника, вызванная внезапным нападением на территорию герцогства легкого конного отряда под командованием полковника А.И. Чернышева, которому удалось истребить некоторое количество продовольственных и военных запасов. Тревога рассеялась после того, как австрийский корпус Шварценберга дал бой отдельным казачьим отрядам, однако Прадт получил новую дозу критики от министра, выговаривавшего ему, что «нет врагов более опасных, чем обеспокоенные и пуливые люди» (Ernouf, 2008: 384). К слову, отметим, что задача по прикрытию герцогства Варшавского изначально должна была осуществляться армией Понятовского, однако решением от 3 августа, принятым в Витебске, Наполеон возложил ее на австрийский корпус, тогда как польский корпус был включен в состав основных сил на центральном направлении. Данное

решение может быть расценено как одна из капитальных ошибок Наполеона, поскольку Шварценберг действовал крайне осторожно, с оглядкой на русских. На поляков оно произвело угнетающее впечатление и ни в коей мере не способствовало росту энтузиазма.

В этом изменении назначения польской армии Понятовского кроется и причина того, что в Волынской губернии вместо шляхетского восстания, на которое уповал Наполеон, мобилизация приняла анекдотичные пропорции, когда «лишь двое увлеченных романтическими идеями братьев Д. и М. Стоцкие привели с собой сотню крепостных» (Ададуров, 2012: 178). Австрийский главнокомандующий Шварценберг не мог вдохновить жителей Волыни на восстание, к тому же, не сумев там удержаться, он отступил, перейдя через Буг в сентябре, при первых известиях о соединении Торماسова с Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова.

Временная правительственная комиссия, созданная Наполеоном для управления Литвой, так же плохо справлялась с поставленной перед ней задачей обеспечить набор и вооружение регулярных войск. Генерал-губернатор Д. ван Хогендорп и имперский комиссар Л. Биньон делали все, что было в их силах, однако жители Литвы в своей массе проявляли осторожность, опасаясь победоносного возвращения русских. Некоторые литовские полки были наскоро составлены из необученных добровольцев, как 3-й литовский уланский полк, потерпевший поражение в битве под Слонимом 20 октября (Bielecki, 1976: 159).

Можно предположить все же, что остался Наполеон в Вильне на всю зиму, его личное присутствие во главе многотысячной армии произвело бы воодушевляющее воздействие на жителей. Опыт двухлетней Польской кампании 1806–1807 гг. с зимовкой в Варшаве свидетельствовал в пользу такого решения. Но, как известно, в надежде на решающую битву Наполеон увлекся погоней за русской армией, что негативно сказалось на общем состоянии его войск, вследствие форсированных маршей, растянутых линий коммуникаций, недостатка фуража и продовольствия, которые оборачивались гибелью лошадей и личного состава.

Польская конфедерация не встала под ружье, вопреки расчетам Наполеона. Среди польских патриотов наблюдался недостаток единства. Определенные круги, лидером которых был князь Адам Чарторыйский, тяготели к восстановлению утраченной государственности под скипетром Александра I, в личной унии с Российской империей (Макарова, 2012: 49). Надежды прорусской партии подпитывались пропагандистскими обещаниями российского императора и военного командования, что усугубляло трудность поставленной перед Прадтом задачи и требовало от него большого количества энергии и напора, способности убеждать, которых у него не было.

Вместо твердости духа он выставлял напоказ свои страхи. Министр Маре адресовал Прадту упреки за эмоции, выказанные им при получении известия о драматическом пожаре Москвы, разгоревшемся после вступления в город армии Наполеона 14 сентября н.ст. (Ernouf, 2008: 381). Прадту ставилось в вину, что он развалил службу разведки, организованную его предшественником Л. Биньоном. К тому же посол имел неосторожность пропустить через герцогство русского курьера, что вызвало гнев Наполеона в его адрес: «Надо думать, что в Варшаве очень глупы; мне непонятна эта тупость» (Napoléon Bonaparte, 2012, t. XII, № 31673: 1078).

Но более всего недовольство Наполеона было вызвано отсутствием радения Прадта по части мобилизации дополнительных польских контингентов для пополнения таявших рядов Великой армии. В течение лета герцогство Варшавское поставило лишь 5000 новых рекрутов и восьмидесячную дивизию Козинского, созданную, «как по волшебству», для операций на границе герцогства в Волыни (Pradt, 1815: 85, 169).

Требования дополнительных войск стали особенно настойчивыми после вступления Наполеона в Москву. 23 сентября Наполеон информировал Маре, что ему удалось призвать на военную службу 140 000 человек во Франции и 30 000 в Италии, чтобы возместить потери в людях. «Только герцогство Варшавское ничего не делает», – сетовал император, требуя от своего министра, чтобы он написал Прадту, военному министру герцогства и в Саксонию с целью поторопить мобилизацию. Склады ружей в Ковно и Вильне должны были служить для раздачи польским рекрутам (Napoléon Bonaparte, 2012, t. XII, № 31750: 1109–1110).

Неделю спустя, получив от начальника своего главного штаба маршала Л.-А. Бертье информацию о том, что в Варшаве по-прежнему ничего не происходит в плане мобилизации, Наполеон не сдержал своего негодования: «Недоброжелательность в Варшаве не знает пределов. Кажется, что мой посол – болван, который ничего не делает и что министры Великого герцогства также ничего не делают...» (Napoléon Bonaparte, 2012, t. XII, № 31784: 1123). Рекомендуя Маре сделать внушение Прадту и полякам, Наполеон по своему обыкновению не подбирал выражений, обвиняя аббата-посла в том, что тот не сумел вдохнуть в польских министров необходимые для мобилизации энергию и порыв.

В свое оправдание в донесениях к Маре Прадт ссылался на пассивность поляков, объясняя ее слепой верой в полководческий гений Наполеона. Реквизиция продовольствия, лошадей для кавалерии и артиллерийских повозок, овса также испытывала немалые затруднения в герцогстве, где сельские производители требовали оплату наличными. Встав в позу радетеля об интересах польского населения, Прадт указывал на чрезмерные усилия и испытания, выпавшие на его долю с 1807 г. Бюджетный

дефицит, неопытность администрации, истощение экономики вследствие континентальной блокады, закрывшей для польских производителей зерна Балтийское море, разорение хозяйств, грабеж населения, учиненный войсками во время их прохождения через герцогство, – все это, по словам Прадта, делало поставленную перед ним задачу невыполнимой (Pradt, 1815: 80-87). Отметим, что в словах Прадта имелась известная доля преувеличения, поскольку, как показывают специальные исследования, хотя казна герцогства и была дефицитной, экономика сумела адаптироваться к существованию в условиях континентальной блокады (Grochulska, 1964: 359-363).

С течением времени жалобы Наполеона на бездействие своего посла в Варшаве становились все более настойчивыми. 4 декабря, за день до своего отъезда из армии, Наполеон в раздражении писал из Молодечно о том, что «мало удовлетворен Польской конфедерацией, которая ничего не сделала», в то время как поляки Подолии, Волыни и Украины снарядили около 6 000 казаков для русских. «Посол Прадт не проявил никакого таланта, ни даже малейшего здравого смысла» (Napoléon, 1868, t. 24, № 19372: 388).

В санях с Коленкуром в сопровождении польских улан императорской гвардии Наполеон неоднократно возвращался к перечислению своих инвектив против Прадта, а 10 декабря во время остановки в Варшаве выплеснул на посла накопившееся в нем недовольство. Раздражение императора было так велико, что он совершенно необоснованно посетовал на то, что «не видел поляков в своей армии» (Pradt, 1815: 85). На самом деле в ходе войны 1812 г. было достаточно эпизодов, когда польские подразделения сыграли заметную роль, в частности в битве под Смоленском 17 августа н.ст., когда корпус Понятовского захватил примыкающие к городу предместья, в битве у Вязьмы 3 ноября н.ст. самоотверженной помощью арьергарду маршала Даву.

Полный надежд, что остатки его армии во главе с маршалом Мюратом смогут удержаться на позициях в Вильне, где были большие склады с продовольствием и оружием, и что генерал Шварценберг обеспечит оборону Польши, Наполеон попытался убедить Прадта и министров герцогства в необходимости набора 10 000 польских казаков для прикрытия зимних квартир в Вильне, выделив для этой цели кредит из контрибуций Курляндии. Видя спасение единственно «в хорошо организованных и хорошо оплачиваемых армиях», Прадт не скрывал своего скептического отношения к этому проекту (Коленкур, 2002: 477), чем еще больше досадил императору.

Отъехав от Варшавы, Наполеон вменил Маре в обязанность распорядиться об увольнении Прадта: «Кажется, что у него нет качеств, необходимых для занимаемого им места. У этого аббата исключительно книжный ум» (Ernouf, 2008: 418). Однако надеждам Наполеона на удержание позиций в Литве не суждено было осуществиться. В тот самый день, когда состоялся его разговор с послом, изнемогающие от морозов и лишений остатки наполеоновских войск вынуждены были под натиском авангарда Третьей Западной армии ретироваться из Вильны по направлению к Ковно, а затем, 14 декабря, форсировать Неман и отойти на территорию герцогства Варшавского.

16 декабря н.ст., когда Маре прибыл в Варшаву вместе с дипломатическим корпусом, Прадт, предчувствуя неминуемую отставку, обратился с просьбой об отъезде в свой диоцез и отбыл из польской столицы 27 декабря н.ст., ровно за месяц до того, как австрийский корпус Шварценберга сдал город без сопротивления русским войскам. Ни назначенный вместо Прадта чрезвычайным послом в Варшаву Л. Биньон, ни несколько тысяч вооруженных поляков во главе с Понятовским не были в силах переломить ситуацию, создавшуюся вследствие секретных соглашений Австрии с Россией.

После краха наполеоновской империи герцогство Варшавское было официально упразднено на Венском конгрессе 1815 г., согласно решениям которого большая часть входивших в него территорий стала частью Российской империи в виде Царства Польского под скипетром Александра I, принявшего титул царя польского и даровавшего своим новым подданным конституцию. Тем самым, Александр I, для которого, как и для французского императора, проекты восстановления независимой Польши были, скорее, средством, чем целью, довершил свой реванш над Наполеоном.

5. Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что, обвиняя аббата де Прадта в нерадении и бездействии на должности чрезвычайного посла в Варшаве, Наполеон был по-своему прав. Прадт не подходил для политической, военной и интендантской деятельности, которая требовалась от него в условиях 1812 г. Интеллектуал из тех, кого во Франции называют «*un bel esprit*», он умел говорить каламбуры, легко водил пером по бумаге и был приятным собеседником, но, не обладая дипломатическими талантами, не был пригоден для политики и не справился с порученным ему делом. Недостаточно энергичный и предприимчивый, Прадт оказался не на высоте ситуации. По истечении некоторого времени он попытался оправдать провал своего посольства неверием в успех военного похода в Россию и экономическим истощением герцогства Варшавского.

Тем не менее, не стоит сбрасывать со счетов и вину самого Наполеона в катастрофе, постигшей Великую армию в России, где все победы доставались ему большой кровью и потерями. Собственно говоря, сам факт безудержного гнева Наполеона по отношению к Прадту не свидетельствовал ли о том, что император французов ясно осознавал допущенные им просчеты? Увлечшись погоней за

русскими войсками, Наполеон забыл, что в начале кампании объявил ее Польской. В итоге она стала Русской со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неясность позиции Наполеона относительно восстановления Речи Посполитой и нежелание брать на себя конкретные обязательства охладили пыл поляков герцогства Варшавского, литовцев и других жителей «русской» Польши. Можно поэтому заключить, что, оказавшись на месте Прадта кто-то другой (пусть даже Талейран или Биньон), более энергичный и решительный, наверняка это не внесло бы существенных изменений в исход Русской кампании, каким мы его знаем.

Литература

Ададуrow, 2012 – *Ададуrow В.В.* Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 года / *История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов.* Саратов, 2012. Вып. 6. С. 164-180.

Вандаль, 1995 – *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи: в 4 томах. Т. IV: Разрыв франко-русского союза. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 (1е изд. 1910–1913). 602 с.

Коленкур, 2002 – *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Пер. с фр. Жуковский. М.: «Кучково поле», 2002. 592 с.

Макарова, 2012 – *Макарова Г.В.* Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // *Славяноведение.* 2012. № 6. С. 47-59.

Пичета, 1912 – *Пичета В.И.* Польская конфедерация в 1812 г. // *Отечественная война и Русское общество.* Т. III. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 154-161. [Электронный ресурс]. URL: <https://document.wikireading.ru/25574> (дата обращения: 02.12.2019).

Потоцкая, 2005 – *Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820 / Пер. с фр. А.Н. Кудрявцевой. М.; Жуковский: “Кучково поле”, 2005. 304 с.

Сегюр, 2003 – *Сегюр Ф.-П.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I / Пер. с фр. Н. Васина, Э. Пименовой. Смоленск: Русич, 2003. 413 с.

Тарле, 2019 – *Тарле Е.В.* Талейран. М.: Изд-во Юрайт, 2019 (1-е изд. 1939). 220 с. [Электронный ресурс] URL: <https://proxu.library.spbu.ru:2767/viewer/taleyran-441154#page/5> (дата обращения: 13.12.2019).

Трошин, 2017 – *Трошин Н.Н.* О причинах Отечественной войны 1812 года (разбор российской историографии) // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции / Сост. И.В. Корнеев.* Бородино, 4–6 сентября 2017 г. Бородино: Изд-во «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», 2018. С. 365-376.

АМАЕ, CP de Pologne, 1812 – Archives du Ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique de Pologne. 1812. Volume 330. F. 125–214.

Beauvois, 2010 – *Beauvois D.* La Pologne des origines à nos jours. Paris : Éditions du Seuil, 2010. 544 p.

Bielecki, 1976 – *Bielecki R.* L'effort militaire polonais (1806–1815) // *Revue de l'Institut Napoléon.* 1976. № 132. P. 147-164.

Bignon, 1864 – *Bignon L.* Souvenirs d'un diplomate. La Pologne (1811–1813), précédés d'une notice historique sur la vie de l'auteur par François-Auguste Mignet, publié par le baron Alfred Ernouf. Paris: E. Dentu, 1864. 435 p.

Bignon, 1838 – *Bignon L.* (1838). Histoire de France, sous Napoléon, depuis la paix de Tilsitt en 1807 jusqu'en 1812. En 4 tomes. Paris: Firmin Didot frères. T. 10 – 522 p.

Broglie, 1886 – *Broglie V. de.* Souvenirs, 1785–1870, du feu duc de Broglie. En 4 tomes. T. 1. Paris: Clamann Lévy, 1886. 392 p.

Chateaubriand, 1983 – *Chateaubriand.* Mémoires d'outre-tombe. 2 vol. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade), 1983. Vol. 1. 1232 p.

Corbet, 1967 – *Corbet Ch.* L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris : Didier, 1967. 489 p.

Cousin d'Avalon, 1820 – *Cousin d'Avalon.* Pradtiana ou recueil des pensées, réflexions et opinions politiques de M. l'abbé de Pradt. Paris: Plancher, 1820. 175p.

Dictionnaire des girouettes, 1815 – Dictionnaire des girouettes ou Nos contemporains peints d'après eux-mêmes par une société de girouettes. Paris: Alexis Eymery, 1815. 443 p.

Dousset, 1959 – *Dousset E.* L'abbé de Pradt, grand aumônier de Napoléon 1759–1837. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1959. 221 p.

Ernouf, 2008 – *Ernouf Al.-Au.* Maret, duc de Bassano. Présentation de Thierry Lentz. Paris: Nouveau Monde éditions / Fondation Napoléon, 2008 (1ère édition 1878). 607 p.

Gley, 1816 – *Gley G., abbé.* Voyage en Allemagne et en Pologne, depuis 1806 jusqu'en 1813, avec des notes relatives à l'ambassade de M. de Pradt, archevêque de Malines, à Varsovie. Paris: Gide fils, 1816. 197 p.

Grochulska, 1964 – *Grochulska B.* Sur la structure économique du duché de Varsovie (1807–1813) // *Annales historiques de la Révolution française.* 36e année. № 177. Juillet–Septembre 1964. Pp. 349-363.

- [Kerautret, 2004](#) – *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire. Tome 2. Paris: Nouveau Monde éditions, 2004. 554 p.
- [Kerautret, 2012](#) – *Kerautret M.* L'armée des 20 nations, cohésion et diversité // Carnet de la Sabretache. Société d'études d'histoire militaire. 1812, la campagne de Russie. Décembre 2012. Nouvelle série N° 194. Pp. 5-11.
- [Krakowski, 1937](#) – *Krakowski Ed.* Pologne et Lithuanie en 1812: le conflit des ambassades françaises de l'abbé de Pradt et du baron Bignon // *Revue d'histoire diplomatique*. 1937. N° 4 (Octobre-Décembre). Pp. 467-498.
- [Las Cases, 1951](#) – *Las Cases, comte de.* Le Mémorial de Sainte-Hélène. Première édition intégrale et critique établie et annotée par Marcel Dunan de l'Institut. En 2 tomes. Paris: Flammarion, 1951. T. 1. 909 p. T. 2. 922 p.
- [La Tour du Pin, 1913](#) – *La Tour du Pin, marquise de.* Journal d'une femme de cinquante ans 1778–1815. Publié par son arrière petit-fils le colonel comte Aymar de Liedekerke-Beaufort. En 2 tomes. T. 1. Paris: Librairie Chapelot, 1913. 391 p.
- [Lejeune, 1998](#) – *Lejeune C.* Une erreur de Napoléon: l'abbé de Pradt, ambassadeur à Varsovie en 1812 // *Études napoléoniennes*. 1998. Tome IV. Pp. 447-464.
- [Mignet, 1854](#) – *Mignet F.-A.* Bignon // Notices et portraits historiques et littéraires. 3e édition. T. 2. Paris: Charpentier, 1854. P. 147-180.
- [Morski, 1815](#) – *Morski T.* Lettre de M. le comte Morski à M. l'abbé de Pradt. Paris: Pelicier, 1815. 14 p. [Electronic resource]. URL: <https://books.google.fr/books> (date of access: 30.11.2019).
- [Napoléon, 1867, 1868](#) – [*Napoléon*]. Correspondance de Napoléon Ier, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 23, 24. Paris: Henri Plon, J. Dumaine, 1867–1868. T. 23. P. 441–447. T. 24. 652 p.
- [Napoléon Bonaparte, 2012](#) – *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale, publiée par la Fondation Napoléon. T. XII: La campagne de Russie 1812. Paris: Arthème Fayard, 2012. 1525 p.
- [Nieuwazny, Laforest, 2004](#) – *Nieuwazny A., Laforest Ch.* De tout temps amis. Cinq siècles de relations franco-polonaises. Paris: Nouveau Monde, 2004. 443 p.
- [Pradt, 1815](#) – *Pradt, abbé de.* L'Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie en 1812. Paris: Chez Pillet, 1815. 239 p.
- [Thiers, 1856, 1857](#) – *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française. Tomes 13, 14. Paris: Paulin, 1856. Tome 15. Paris: Paulin, 1857. T. 13. 583 p. T. 14. 686 p. T. 15. 614 p.
- [Waresquiel, 2006](#) – *Waresquiel E. de.* Talleyrand: le prince immobile. Paris: Fayard, 2006. 852 p.

References

- [Adadurov, 2012](#) – *Adadurov V.V.* (2012). Pol'skoe dvorjanstvo jugo-zapada Rossii v planah Napoleona vo vremja voennoj kampanii 1812 goda [The Polish nobility of the south-west of Russia in the plans of Napoleon during the military campaign of 1812]. *Istorija i istoričeskaja pamjat': Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saratov. Vyp. 6. P. 164-180. [in Russian]
- [AMAE, CP de Pologne, 1812](#) – Archives du Ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique de Pologne. Volume 330. F. 125–214.
- [Beauvois, 2010](#) – *Beauvois D.* (2010). La Pologne des origines à nos jours. Paris: Éditions du Seuil, 2010. 544 p.
- [Bielecki, 1976](#) – *Bielecki R.* (1976). L'effort militaire polonais (1806–1815). *Revue de l'Institut Napoléon*. N° 132. P. 147-164.
- [Bignon, 1864](#) – *Bignon L.* (1864). Souvenirs d'un diplomate. La Pologne (1811–1813), précédés d'une notice historique sur la vie de l'auteur par François-Auguste Mignet, publié par le baron Alfred Ernouf. Paris: E. Dentu, 435 p.
- [Bignon, 1838](#) – *Bignon L.* (1838). Histoire de France, sous Napoléon, depuis la paix de Tilsitt en 1807 jusqu'en 1812. En 4 tomes. Paris: Firmin Didot frères, 1838. T. 10. 522 p.
- [Broglie, 1886](#) – *Broglie V. de.* (1886). Souvenirs, 1785–1870, du feu duc de Broglie. En 4 vol. Vol. 1. Paris: Clamann Lévy, 392 p.
- [Chateaubriand, 1983](#) – *Chateaubriand.* (1983). Mémoires d'outre-tombe. 2 vol. Paris: Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade). Vol. 1. 1232 p.
- [Corbet, 1967](#) – *Corbet Ch.* (1967). L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Didier, 489 p.
- [Cousin d'Avalon, 1820](#) – *Cousin d'Avalon* (1820). Pradtiana ou recueil des pensées, réflexions et opinions politiques de M. l'abbé de Pradt. Paris: Plancher, 175 p.
- [Dictionnaire des girouettes, 1815](#) – Dictionnaire des girouettes ou Nos contemporains peints d'après eux-mêmes par une société de girouettes (1815). Paris: Alexis Eymery, 443 p.
- [Dousset, 1959](#) – *Dousset E.* (1959). L'abbé de Pradt, grand aumônier de Napoléon 1759–1837. Paris: Nouvelles Éditions Latines, 221 p.
- [Ernouf, 2008](#) – *Ernouf Al.-Au.* (2008). Maret, duc de Bassano. Présentation de Thierry Lentz. Paris: Nouveau Monde éditions (Fondation Napoléon), 2008 (1ère édition 1878), 607 p.

- Gley, 1816** – *Gley G., abbé.* (1816). Voyage en Allemagne et en Pologne, depuis 1806 jusqu'en à 1813, avec des notes relatives à l'ambassade de M. de Pradt, archevêque de Malines, à Varsovie. Paris: Gide fils, 197 p.
- Grochulska, 1964** – *Grochulska B.* (1964). Sur la structure économique du duché de Varsovie (1807–1813). *Annales historiques de la Révolution française.* 36e année. N° 177. Pp. 349–363.
- Kerautret, 2004** – *Kerautret M.* (2004). Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire. 3 tomes. Paris: Nouveau Monde éditions. T. 2. 554 p.
- Kerautret, 2012** – *Kerautret M.* (2012). L'armée des 20 nations, cohésion et diversité. *Carnet de la Sabretache. Société d'études d'histoire militaire. 1812, la campagne de Russie.* Nouvelle série N° 194 (Décembre). Pp. 5–11.
- Kolenkur, 2002** – *Kolenkur A. de.* (2002). Memuary: Pohod Napoleona v Rossiju [Memoirs: Napoleon's Campaign in Russia]. Per. s fr. Zhukovskij; M.: «Kuchkovo pole», 592 p. [in Russian]
- Krakowski, 1937** – *Krakowski Ed.* (1937). Pologne et Lithuanie en 1812: le conflit des ambassades françaises de l'abbé de Pradt et du baron Bignon. *Revue d'histoire diplomatique.* N° 4 (Octobre-Décembre). Pp. 467–498.
- Las Cases, 1951** – *Las Cases, comte de.* (1951). Le Mémorial de Sainte-Hélène. Première édition intégrale et critique établie et annotée par Marcel Dunan de l'Institut. En 2 tomes. Paris: Flammarion. T. 1. 909 p. T. 2. 922 p.
- La Tour du Pin, 1913** – *La Tour du Pin, marquise de.* (1913). Journal d'une femme de cinquante ans 1778–1815. Publié par son arrière petit-fils le colonel comte Aymar de Liedekerke-Beaufort. En 2 tomes. T. 1. Paris: Librairie Chapelot, 391 p.
- Lejeune, 1998** – *Lejeune C.* (1998). Une erreur de Napoléon: l'abbé de Pradt, ambassadeur à Varsovie en 1812. *Études napoléoniennes.* T. IV. Pp. 447–464.
- Makarova, 2012** – *Makarova G. V.* (2012). Faktor obshhestvennogo mnenija v period Otechestvennoj vojny 1812 goda: pol'skij aspekt [Public Opinion Factor during the Patriotic War of 1812: Polish Aspect]. *Slavjanovedenie.* N° 6. Pp. 47–59. [in Russian]
- Mignet, 1854** – *Mignet F.-A.* (1854). Bignon. Notices et portraits historiques et littéraires. 3e édition. T. 2. Paris: Charpentier. Pp. 147–180.
- Morski, 1815** – *Morski T.* (1815). Lettre de M. le comte Morski à M. l'abbé de Pradt. Paris: Pelicier, 14 p. [Electronic resource]. URL: <https://books.google.fr/books> (date of access: 30.11.2019).
- Napoléon, 1867, 1868** – [*Napoléon*] (1867, 1868). Correspondance de Napoléon Ier, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 23–24. Paris: Henri Plon, J. Dumaine. T. 23. P. 441–447. T. 24. 652 p.
- Napoléon Bonaparte, 2012** – *Napoléon Bonaparte* (2012). Correspondance générale, publiée par la Fondation Napoléon. T. XII: La campagne de Russie 1812. Paris: Arthème Fayard, 1525 p.
- Nieuwazny, Laforest, 2004** – *Nieuwazny A., Laforest Ch.* (2004). De tout temps amis. Cinq siècles de relations franco-polonaises. Paris: Nouveau Monde, 443 p.
- Picheta, 1912** – *Picheta V.I.* (1912). Pol'skaja konfederacija v 1812 g. [Polish Confederation in 1812]. Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo. T. III. Moskva: Izdanie T-va I. D. Sytina. Pp. 154–161. [Electronic resource]. URL: <https://document.wikireading.ru/25574> (date of access: 02.12.2019). [in Russian]
- Potockaja, 2005** – *Potockaja A.* (2005). Memuary grafini Potockoj, 1794–1820 [Memoirs of Countess Potocki, 1794–1820]. Per. s fr. A. N. Kudrjavcevoj. M.: «Kuchkovo pole», 304 p. [in Russian]
- Pradt, 1815** – *Pradt, abbé de.* (1815). L'Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie en 1812. Paris: Chez Pillot, 239 p.
- Segjur, 2003** – *Segjur F.-P.* (2003). Pohod v Rossiju. Zapiski ad#jutanta imperatora Napoleona I [Campaign to Russia. Notes of the Adjutant of Emperor Napoleon I]. Per. s fr. Smolensk: Rusich, 413 p. [in Russian]
- Tarle, 1993** – *Tarle E.V.* (2019). Talejran [Talleyrand]. M.: Izd-vo Jurajt (1-e izd. 1939), 220 p. [Electronic resource]. URL: <https://proxy.library.spbu.ru/2767/viewer/taleyran-441154#page/5> (date of access: 13.12.2019). [in Russian]
- Thiers, 1856, 1857** – *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française. T. 13, 14. Paris: Paulin, 1856. T. 15. Paris: Paulin, 1857. T. 13. 583 p. T. 14. 686 p. T. 15. 614 p.
- Troshin, 2018** – *Troshin N.N.* (2018). O prichinah Otechestvennoj vojny 1812 goda (razbor rossijskoj istoriografii). Otechestvennaja vojna 1812 goda. Istochniki. Pamjatniki. Problemy. Materialy XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sost. I. V. Korneev. Borodino, 4–6 sentjabrja 2017 g. Borodino: Izd-vo «Gosudarstvennyj Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik». Pp. 365–376.
- Vandal', 1995** – *Vandal' A.* (1995). Napoleon i Aleksandr I. Franko-russkij sojuz vo vremja Pervoj Imperii: V 4 tomah. T. IV: Razryv franko-russkogo sojuza [Napoleon and Alexander I. The Franco-Russian Union during the First Empire: In 4 volumes. T. IV: Breaking the Franco-Russian Union]. Rostov-na-Donu: Feniks, 602 p. [in Russian]
- Waresquiel, 2006** – *Waresquiel E. de.* (2006). Talleyrand: le prince immobile. Paris: Fayard, 852 p.

**«Объективный союзник» России в 1812 году: провальное посольство
Аббата де Прадта в Варшаве**

Татьяна Николаевна Гончарова ^{а,*}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Аббата де Прадта, зарекомендовавшего себя как либеральный публицист при режиме Реставрации, трудно заподозрить в симпатиях к Российской империи. Тем не менее, он, возможно, оказал большую услугу русскому делу в 1812 г. Во всяком случае Наполеон достаточно ясно намекнул на это, возложив на своего посла в Варшаве всю ответственность за катастрофу Великой армии в 1812 г., поскольку тот не снабдил ее ожидаемыми воинскими частями и лошадьми. Прадт ответил на это обвинение памфлетом, в котором восхвалял свою дальновидность и обличал наполеоновскую манию величия. Данная статья анализирует обе позиции. Положив в основу исследования дипломатические донесения, публицистику и мемуары, автор приходит к выводу об отсутствии преднамеренного предательства со стороны Прадта, однако его бездействие и пессимизм не позволили ему хотя бы частично оправдать возлагавшиеся на него ожидания. С другой стороны, ошибки, допущенные Наполеоном, и определенные объективные обстоятельства сыграли свою негативную роль. Нежелание Наполеона перейти от слов к делу и удовлетворить чаяния поляков о восстановлении Речи Посполитой имело расхолаживающее воздействие на местных патриотов. Что же до жалоб Прадта на разоренную экономику герцогства Варшавского, которая подрывала его действия в тылу наполеоновской армии, они, как представляется, были довольно преувеличенными.

Ключевые слова: аббат де Прадт, Русская кампания 1812 г., герцогство Варшавское, посольство Прадта, польские патриоты.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.goncharova@spbu.ru (Т.Н. Гончарова)

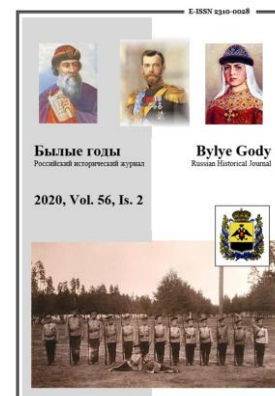
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 595-603. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.595
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Larisa F. Malyutina ^a,
Lyudmila V. Belgorodskaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Principles of mental interaction of Russia as one of the powerful states of XIXth century with western countries form the foundation of issues that are being reviewed in this article. Throughout the study it was uncovered that the characteristics of dialogue were largely predefined by stereotypes that formed in the conscience of Europeans back in previous centuries. Realities of XIXth century only made foreigners more confident in their correctness. Viewing Russia as uncivilized, savage and barbaric country was predefined, first and foremost, by the political order of the country. Autocratic power, serfdom, absence of legal culture – these factors, in the minds of foreigners, were enough of a basis to treat Russia and an uncivilized country. To verify these conclusions, the article uses statements and expressions of foreign travelers and writers, who visited Russia in the XIXth century. With various degrees of loyalty to the existing regime, they were unanimous in evaluating Russia as a second-grade country, having nothing of their own, only blindly copying the achievements of western culture. This, however, did not prevent them from treating the simple folk compassionately, acknowledging its talents and believe that someday it will liberate itself from its slavish obedience. Analysis of contemporary foreign studies on Russia, conducted by the authors, shows that perception stereotypes about our country, which formed in the XIXth century, are long-lasting and of stable nature. To change their vector in a desirable direction that is positive for us is one of the important tasks for the society of Russia, and it must be solved to set up constructive dialogue for the purposes of our personal safety and stable development.

Keywords: Russia, Europe, Siberia, foreigners, travels, civilization, dialogue, stereotype, culture.

1. Введение

Понять и осмыслить собственную идентичность народам помогает взгляд со стороны представителей другой культуры. Это связано, прежде всего, с тем, что представление о собственной культуре может складываться и изменяться под воздействием внешних факторов. Именно на основании восприятия различных культур друг другом устанавливаются принципы взаимодействия, а в массовом сознании складываются представления о самоидентификации. На восприятие России европейскими государствами влияли многие факторы. Ее образ формировался в результате личных впечатлений иностранцев, посетивших страну в качестве путешественников, иммигрантов или гастарбайтеров. Писатели-иностранцы делились своими впечатлениями в очерках, статьях, художественных произведениях, которые становились доступными массовому зарубежному читателю. Наконец, сами русские рассказывали иностранцам о себе и своей стране. Все вместе это способствовало складыванию массового социального стереотипа в восприятии одной культуры другой. Однако образный стереотип, составленный на основе сведений, полученных опосредованным путем, далеко не всегда соответствовал объективной реальности. Если единство Западной Европы во

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

всем ее многообразии признается большинством креативного класса, то вопрос, является ли Россия частью Европы не в географическом, а в историко-культурологическом плане, обсуждается уже не одно столетие. Он не снят с повестки дня до сих пор. Различие в ценностных ориентирах России и Европы способствовало формированию культурно-психологической дистанции между ними. Таким образом, действуя как на сознательном, так на неосознанном уровнях, стереотипы формировали модель межкультурного взаимодействия. Анализ представлений иностранцев о России, сложившихся в XIX в., позволит на более глубоком уровне осмыслить последующие интеркультурные отношения.

2. Материалы и методы

Для освещения данной темы в качестве источников были использованы документы РГИА, государственных архивов Красноярского края, Томской области, а также воспоминания, путевые заметки, письма, художественные произведения иностранцев, посетивших Россию в XIX в.

При рассмотрении и анализе источников применялись общенаучные методы синтеза, анализа и обобщения. Использование историко-биографического метода позволяет представить XIX в. через призму его восприятия людьми той эпохи. Сравнительно-исторический метод дал возможность сравнить представления о России, сложившиеся о ней у различных представителей зарубежной культуры. Изменение образа России с течением времени в восприятии иностранцев позволяет проследить проблемно-хронологический метод. Метод историзма дает возможность выявить влияние социально-политических процессов на формирование образного стереотипа России среди иностранцев.

3. Обсуждение

Проблема формирования и влияния стереотипов на установление и развитие отношений между разными типами культур актуализировалась в новое время в связи с расширением коммуникативных возможностей. Особую ценность при рассмотрении данного вопроса приобретают книги, воспоминания, путевые заметки, письма людей, которые сами посещали Россию в XIX веке. Большой интерес в этом плане представляют книги А. Кюстина ([Кюстин, 1990](#)) и А. Дюма ([Дюма, 1988](#)), путевые заметки О. Бальзака ([Бальзак, 2002](#)) и А. Дюма ([Дюма, 2009](#)), письма Стендаля ([Стендаль, 1959](#)), исследования Сибири Д. Кеннана ([Кеннан, 1999](#)). Важные сведения о создателях этих произведений, позволяющие понять степень объективности, лояльности или, напротив, предвзятости авторов, содержат книги и журнальные статьи современных исследователей. Интересные биографические сведения о А. Дюма и О. Бальзаке содержат книги А. Моруа ([Моруа, 1986](#); [Моруа, 1988](#)). О связях А. Дюма с Россией рассказывается в статье С. Дурьлина ([Дурьлин, 1937](#)). Пребыванию Стендаля в России посвящены статьи Д. Харламовой ([Харламова, 2011](#)), А. Ощепкова ([Ощепков, 2010](#)). Россия XIX века через призму ее восприятия Бальзаком показана в статье А. Ощепкова ([Ощепков, 2011](#)). О роли книг шотландского путешественника Д. Белла в формировании определенного образа России и Сибири можно узнать из статьи М. Останиной ([Останина, 2019](#)). Представления о России в общественном мнении Франции XVII–XIX вв. проанализированы в книге Т.В. Партаненко и В.А. Ушакова ([Партаненко, Ушаков, 2006](#)). Формированию образа России на материалах англо-американских энциклопедий посвящена монография Л.В. Белгородской ([Белгородская, 2006](#)). Различные культурные и социальные аспекты, вопросы взаимодействия между культурами освещены в коллективной монографии «Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления» ([Российская империя, 2004](#)). Интерес к России проявляется и со стороны современных зарубежных исследователей. Анализируя прошлое страны, авторы пытаются уловить взаимозависимость происходивших в ней процессов и обосновать их влияние на формирование образного восприятия страны. Французский историк Ж. Соколофф подверг подробному анализу труд Кюстина, оказавший, по мнению автора, большое влияние на отражение российских реалий во французском общественном мнении XIX в. ([Соколофф, 2008](#)). Английский исследователь Дж. Хоскинг рассматривал общественно-политическое устройство России в качестве важнейшего фактора российской политики и, соответственно, восприятия страны иностранцами ([Хоскинг, 2003](#)). Поискам Россией своей идентичности посвящен труд Д. Биллингтона ([Биллингтон, 2006](#)).

Научное и литературное наследие, посвященное истории культурных взаимоотношений, дает нам возможность понять себя, определиться со своей идентичностью и выстроить культурные отношения на новой взаимоприемлемой основе.

4. Результаты

Россия, являясь могущественным государством XIX в., естественным образом была вовлечена в общеевропейские процессы. Именно в это время происходили значительные изменения в процессе самосознания как внутри российского общества, так и в восприятии России европейскими державами. Колоссальную роль в этом сыграло такое грандиозное историческое событие начала XIX в., как война с Наполеоном. Опыт, полученный в ходе боевых действий на российской земле, а затем триумфальное шествие по Европе позволили по-новому взглянуть на себя всем слоям российской общественности, а Западу – по-новому оценить возможности России. В основе поиска

своей национальной самоидентификации в России XIX в. лежит также уверенность в своей богоизбранности, которую народ заслужил, испытав многочисленные страдания в борьбе за выживание. Как считал Н.Я. Данилевский, только успешное противостояние как Западу, так и Востоку могло помочь России сохранить свою идентичность, осознание которой позволяло стране вести диалог с Западом на равных.

Определенный образ России в сознании иностранцев сложился еще до начала XIX в. Большую роль в этом сыграли путевые заметки английского путешественника Джона Белла, посетившего в XVIII в. несколько раз Российскую империю и Сибирь, которую он рассматривал как территорию, лишенную свободы и далекую от цивилизации. Его заметки, содержавшие богатый этнографический материал, получили высокую оценку современников. Они выдержали 13 изданий на разных языках и сыграли значительную роль в формировании представлений европейцев о России (Останина, 2019: 572).

Благодаря трудам Белла при описании Сибири, а затем и России в целом, исследователями и путешественниками начинает использоваться понятие «цивизованность». По всей видимости, стандартом цивилизации являлась Европа. Степень же удаленности от этого стандарта определяла уровень развития цивилизации той или иной культуры. Идея эта закрепляется в публикациях XIX в., когда культурные отношения между странами начинают развиваться наиболее интенсивно. Во многом представления европейцев о России складывались благодаря печатным изданиям. Так, большой популярностью в начале века пользовались публикации Альфонса Рабба, посвященные российской истории. Предвзятое отношение автора к России и отсутствие объективного подхода не позволяют рассматривать его произведения в качестве серьезных источников. Россия, по мнению Рабба, это страна варварская и дикая, и даже «татары превосходят русских в уме, гордости и хороших социальных привычках» (Российская империя, 2004: 223). Свободолюбивый народ Франции он противопоставлял русскому народу, которому присуща психология рабства. Публикации Рабба явились благодатной почвой для обоснования своей предвзятости у людей, испытывавших к России стойкие негативные чувства.

Сложившееся негативно-стереотипное представление о России положительно оценивал Стендаль. Знаменитый французский писатель принимал участие в кампании 1812 года. Он служил при генеральном интенданте армии Наполеона и по делам службы ездил по разным городам, был свидетелем сражения под Бородином и переправы через Березину. Причины и цели пребывания, безусловно, оказывали влияние на восприятие писателем тех событий, свидетелем которых он являлся. Уже то, что Стендаль воевал на стороне врагов России, предопределяло его негативное отношение к стране и ее народу. Стендаль не посвятил России романов или повестей. Наиболее полное представление, сложившееся у него о стране, дают письма к различным адресатам. В августе 1812 г. он писал Ф. Фору, что «увидел океан варварства», в котором «все грубо, грязно, зловонно и в физическом, и в моральном отношении» (Стендаль, 1959: 108). В другом письме он писал о «невывлазной грязи» российских дорог, из-за которой каждый день французы «проводили два или три часа в грязной канаве в полнейшей беспомощности». Стендаль подводит своеобразный итог своим впечатлениям: «Вот когда я проклял свою глупую мысль поехать в Россию» (Стендаль, 1959: 128). Пожалуй, единственным светлым воспоминанием о России была Москва, которой он был очарован, а горькое сожаление вызвал пожар первопрестольной столицы. Касается писатель и системы управления в России, утверждая, что «русская власть – это своеобразный вид восточной деспотии» (Стендаль, 1959: 124). Здесь вновь проявляется устойчивый стереотип, сложившийся в западноевропейском сознании, когда либеральные ценности Запада противопоставлялись дикому варварству России.

О России за всю ее историю было опубликовано много трудов, написанных иностранцами. Но мало какие из них по своей популярности и интересу, проявленному к ним, могли бы сравниться с воспоминаниями Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Они подкупают читателя прежде всего своей честностью, трезвостью суждений. Автор не поступался своими моральными принципами в угоду чьим-либо интересам. И если он заблуждался в оценке кого-либо или чего-либо, то эти заблуждения носили искренний характер. Приехав в Россию последовательным монархистом, под влиянием увиденного он кардинально изменил свои политические убеждения.

В России Кюстину оказали радушный прием с целью произвести на него как можно более благоприятное впечатление. В ответ от него ожидали хвалебной книги в адрес правящей династии и лично Николая I. В глазах европейцев Россия была воплощением деспотизма. Записки же Кюстина, воздействуя на общественное мнение, должны были поколебать эти убеждения. Но определенное предубеждение о России сложилось у него еще до приезда. Маркиз ожидал увидеть здесь рабское мышление, а также самоунижение, перемешанное с надменностью (Кюстин, 1990: 48). Первое же столкновение с российской действительностью укрепило его в верности своих предположений. На таможне он увидел истощенных и плохо одетых матросов, которые на его взгляд «позорили свою родину» (Кюстин, 1990: 64). Оскорбительным было для него и то, что на таможне были изъяты все книги, которые он вез с собой. По уже сложившейся традиции в своих рассуждениях о России Кюстин повторял устоявшийся стереотип о том, что Россия во всем копирует Европу и в цивилизационном плане от нее отстает. На этом основании он отводил России второстепенную роль среди европейских держав, порицая

в русских «притязание казаться теми же, что и мы» и считая, что «они еще совершенно не культурны» и «по-обезьяньи» подражают «другим нациям». Кюстин полагал, что Россия – это страна фасадов, где есть названия для всего, «но ничего нет в действительности». Он отмечал отсутствие врачей и неразвитость русской медицины, рекомендуя в случае болезни в России представить, «что вы очутились среди дикарей, и предоставить все природе», но не звать русского врача (Кюстин, 1990: 92, 94). И таких скоропалительных обобщений в тексте немало. Подобные высокомерные заявления маркиза звучат оскорбительно для большинства россиян. Но следует признать, что во многом маркиз был прав: например, когда писал о русском деспотизме, о России как стране, «где отсутствует правосудие», о лицемерии власти, отменившей смертную казнь, заменив ее сотней ударов кнута, когда под третьим или четвертым ударом приговоренный погибает (Кюстин, 1990: 156).

Кюстин искренне пытался понять характер русского народа, но для иностранца, путешествовавшего в карете и не вступавшего в непосредственный контакт с его представителями, это оказалось весьма затруднительно. Незнание русского языка также осложняло ситуацию. Маркиз отмечал поголовное ослепление русского народа своим рабством (Кюстин, 1990: 72), полагая, что «за границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству» (Кюстин, 1990: 71). Насилие, с проявлением которого он сталкивался повсюду, возмущало его, но больше он недоумевал от отсутствия протеста и со стороны власти, и со стороны самого потерпевшего. Отсутствие свободы, по его мнению, являлось главной проблемой России. Его возмущало, что людьми торгуют, как вещами. Маркиз постоянно испытывал страх за свою личную свободу, боялся, что в случае обнаружения дневника его отправят в Сибирь. И только на границе он вздохнул свободно. «Я могу говорить, я могу писать, что думаю!.. Я свободен! – восклицал я про себя» (Кюстин, 1990: 315). На основании увиденного и услышанного Кюстин приходит к заключению, что долготерпение народа не вечно, «не пройдет и 50 лет», как «в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор» (Кюстин, 1990: 93). И «месть народа будет тем более ужасна, что он невежествен и исключительно долготерпелив» (Кюстин, 1990: 253).

Несмотря на вполне определенный образ России, сложившийся в воображении иностранцев, отношение к тому, что происходит в стране, у них могло быть совершенно разным. Оноре де Бальзак, посещавший Россию несколько раз примерно в то же время, что и Кюстин, не находил ее положение столь уж удручающим. Напротив, он даже упрекал маркиза в недоверном изображении России, которой посвятил очерк «Письмо о Киеве» (Бальзак, 2002: 4). Не согласен был Бальзак и с мнением о России Стендаля, с которым, как и с Кюстином, был знаком лично и творчество которого высоко ценил (Моруа, 1988: 412). Бальзак пытался быть объективным, по его мнению, Россию всегда «позорили и поносили», а «между тем в интересах Европы рассмотреть Россию более пристально...» (Бальзак, 2002: 3). Своей грандиозностью и масштабом страна и пугала, и восхищала его. Как и Кюстин, он был убежденным монархистом. Но если под влиянием увиденного маркиз изменил свое мнение, то Бальзак остался при своих убеждениях. Его не возмущало, как Кюстина, что людьми торгуют, как вещами. И если крепостное право для маркиза являлось олицетворением деспотизма, то Бальзак, напротив, выступал его апологетом: в крепостном праве он видел вполне определенные положительные моменты. Рабство в России, по его мнению, «из зла превращается в источник счастья и покоя». В самом деле, отчего же крестьянину не быть счастливым, если у него есть «собственный кусок земли», право распоряжаться урожаем взамен на трехдневную отработку на помещика при минимальных налогах. При этом «работают крестьяне скверно». Автор резюмирует: «Крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой» (Бальзак, 2002: 31). По меньшей мере странно читать подобные заявления, вышедшие из-под пера серьезного писателя, привыкшего реалистично смотреть на жизнь. Рисуя идеалистические картины крестьянской жизни, Бальзак изменяет жизненной правде. Вера в преимущество монархической власти у него так велика, что он не хочет замечать очевидного. Крестьян он характеризует «двумя словами: варварское невежество». Свобода им противопоказана, так как они ее «поймут исключительно как возможность напиваться до бесчувствия». Власть помещика, по мнению писателя, спасает Россию от тотального пьянства. И это в его глазах оправдывает российский деспотизм (Бальзак, 2002: 15-16).

Покорность как характерная черта русского народа выделялась и Кюстином, и Бальзаком. «Покорность, покорность, несмотря ни на что, покорность с опасностью для жизни, покорность даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна» (Бальзак, 2002: 16). Писатель противопоставлял Россию Франции и Польше, народы которых «решительно неспособны к повиновению». Верность этих выводов подтверждают и реальные факты. В 1864 г. на одном из этапов в Вятской губернии произошел конфликт. Польские арестанты набросились на конвой. Причиной бунта послужил приказ надеть наручники на зачинщиков, которые оскорбляли конвоиров (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 3-4). Даже в заключении поляки не смирились и вели себя вызывающе. Покорность, по мнению Бальзака, объединяет народ вокруг власти. Это делает власть сильной, а сильная Россия – это угроза для Европы. «Если когда-нибудь Россия завоюет мир, она будет обязана этим исключительно покорности ее обитателей» (Бальзак, 2002: 17). Бальзак повторяет стереотип об угрозе Европе, исходившей от России. «Мне не составит труда показать, что русские созданы для того, чтобы покорять другие народы, и в этом им нет равных», – утверждал он (Бальзак, 2002: 17).

Как увлекательное приключение воспринимал свое путешествие по России Александр Дюма. По мнению А. Моруа, «Дюма никогда не отличался точностью, однако его рассказы по возвращению из России превзошли приключения Монте-Кристо» (Моруа, 1986: 296). И Моруа можно верить, поскольку, как серьезный исследователь, к процессу создания биографии Дюма он привлекал письма, воспоминания, ранее не опубликованные документы. Любившего путешествовать Дюма Россия уже давно привлекала своим масштабом и новизной. Однако попасть в пределы империи ему удалось не сразу. Николай I не мог простить Дюма романа «Записки учителя фехтования», героями которого стали декабрист Иван Анненков и его французская жена Полина Гебль. Роман был написан на основе воспоминаний Огюстена Гризье, который преподавал фехтование элите московского общества. Российскую жизнь писатель видел глазами учителя, иногда приукрашивая ее. Выявлять неточности, отступления от истины, которыми грешит роман, в рамках статьи не представляется возможным. Но Дюма не был бы Дюма, если бы этих отступлений не произошло.

Тема декабристов в России была под запретом. Правительство сделало все, чтобы о них забыли навсегда. Роман Дюма не позволил сделать этого. Его сочувственное отношение к жертвам царского произвола для европейской общественности послужило основанием для оправдания действий декабристов. Произведение Дюма лишней раз подтверждало верность существовавшего в Европе негативного мнения относительно российского деспотизма. Уже описание первых впечатлений, полученных Гризье, свидетельствует о его наблюдательности и проницательности. «При беглом знакомстве население Петербурга отличается одной характерной особенностью: здесь живут либо рабы, либо вельможи – середины нет», – констатирует автор (Дюма, 1988: 23). Характеристика русских «вельмож, столь подобоострастных с царем и столь заносчивых с подчиненными» (Дюма, 1988: 45), вложенная автором в уста Луизы, полностью совпадает с мнением Кюстина о столичных аристократах. Отсутствие элементарных правовых норм, безнаказанность и произвол властей, показанные в романе на конкретных примерах, лишней раз убеждали европейского читателя в верности сформировавшегося стереотипа относительно русского варварства.

Въезд в Россию для Дюма стал возможен только после смерти Николая I. Петербург, Москва, Кострома, Нижний Новгород (где он познакомился с Анненковыми – героями своего романа), Казань, Царицын, Астрахань, Кавказ – вот примерная география его путешествия. Встречали его везде очень радушно. Он интересовался обычаями народов, их кухней, делился секретами французской кулинарии, сам научился готовить шашлык, описывал пейзажи и города по пути следования. Светские салоны Петербурга с восторгом принимали Дюма. Но профессиональные литераторы весьма сдержанно отнеслись к нему. Уж слишком легким и несерьезным казалось им все, что выходило из-под пера писателя. Вопросы экономической и правовой жизни России, казалось, совсем не интересовали его. Он считал путешествие по России исключительно легким и приятным, отмечая, что при наличии рекомендательного письма в этой стране не о чем беспокоиться, поскольку в этом случае вам предоставят все необходимое: и жилье, и еду, и средство передвижения (Дурьлин, 1937: 540). Таким образом, окруженный заботой и вниманием, Дюма был лишен возможности видеть реальную, не праздничную жизнь России, а для русского правительства, которое неустанно следило за ним, он оказался не опасен. Путевые записки Дюма на фоне его романа о декабристах выглядят неким диссонансом. Их легковесность и веселость скорее развлекают читателя, чем заставляют задуматься над тем, что же на самом деле происходило в России.

Совсем другой характер носило путешествие Джорджа Кеннана. Целью его поездки была не просто Россия, а Сибирь. Этот регион всегда занимал особое место в социокультурном пространстве России, вызывая живой интерес со стороны как российских, так и иностранных исследователей. Во многом благодаря их сведениям формировалось представление о Сибири, складывался вполне определенный ее образ (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 974). Ко времени путешествий Кеннана в сознании иностранцев уже сложился устойчивый стереотип восприятия Сибири как места каторги и ссылки, места страшного, гибельного и дикого, возврата из которого нет (Gryaznukhina et al., 2017: 813).

В Россию Кеннан приехал как участник русско-американской экспедиции, целью которой являлась прокладка американо-европейской телеграфной линии через Берингов пролив. В 1865 г. состоялось его первое путешествие в Сибирь. Заметки этого периода наполнены в основном этнографическим материалом. Социальные, политические вопросы находились пока еще вне сферы его интересов. К последующим своим путешествиям он готовился с особой тщательностью: изучал русский язык, историю России и Сибири, встречался со знатоками региона. Многие ему дало знакомство с Н.М. Ядринцевым.

Кеннан отправился в Сибирь в полной уверенности, что это «не такое страшное место, каковым ее всегда представляли американцы», и «был всячески настроен в пользу русского правительства и против русских революционеров» (Кеннан, 1999а: 73-74). Но столкновение с действительностью привело к тому, что взгляды Кеннана изменились на противоположные. Результатом этого путешествия стала книга «Сибирь и ссылка», в которой нашло свое отражение все увиденное, услышанное и прочувствованное автором. Книга пользовалась большой популярностью среди современников. Рассказывая о том, что представляли собой каторга и ссылка на самом деле, Кеннан своей книгой нанес большой урон престижу самодержавия в глазах мировой общественности.

Уже при выезде из Петербурга американских путешественников многое поражало. «Нам все казалось необычным, более примитивным и в известном смысле диким» (Кеннан, 1999а: 91). Увиденное не соответствовало стандартам американской культуры и воспринималось ими как проявление дикости. Почти сразу они столкнулись с полицейским произволом и поняли, «какой неограниченной властью арестовывать и обыскивать по поводу и без повода обладает русская полиция» (Кеннан, 1999а: 93). Как тут не вспомнить Кюстина, который также писал о правовом беспределе. «Сильное впечатление» произвели «убогие, унылого вида» западносибирские деревни. Они произвели на американца впечатление беспомощности, бедности и нищеты. Но надо отдать должное проницательности Кеннана. Он оговаривается, что это впечатление обманчиво, что «люди живут более или менее зажиточно». Но «состояние, в котором находится вся деревня, говорит об отсутствии инициативы и предприимчивости у ее жителей». Винит он в этом «парализующее влияние излишне мелочной, все регулирующей политики правительства», «когда ничего нельзя сделать без разрешения официальных представителей короны» (Кеннан, 1999а: 121). Кеннан постоянно сравнивает Сибирь и Соединенные Штаты: климат, городские пейзажи, людей. И сравнение это иногда бывает в пользу Сибири. Так он пишет о том, что «лица большинства арестантов не выглядели такими суровыми, злыми и порочными, как лица американских преступников» (Кеннан, 1999а: 154). Отмечает, что «Томская губерния не совсем бесплодна или нецивилизована», и добавляет, что если бы ее заселяли американцы, то она давно бы процветала, как любой американский штат (Кеннан, 1999а: 265).

С восхищением Кеннан писал о музее, организованном на основе ботанических и геологических коллекций в Минусинске Н.М. Мартьяновым (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3535). Благодаря своим богатым собраниям, музей был известен специалистам в Европе и Америке. Мартьянов в своей деятельности опирался на поддержку и сочувствие политссыльных, в частности Александра Кропоткина. Только на Енисейскую губернию одних ссыльных поляков приходилось 4419 человек (ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170). Однако общая культурная отсталость региона поражала Кеннана. Наблюдая шествие крестьян с иконой, он испытал чувство, что словно перенесся в XI век. Он никогда «не видел такой страшной средневековой картины»: «босоногих крестьян, идущих с непокрытыми головами по грязной лесной дороге, не обращая внимания на проливной дождь и распевая при этом торжественные церковные гимны». Казалось, они «отправились в поход, чтобы присоединиться к великой рати крестоносцев» (Кеннан, 1999а: 161). Но целью его путешествия были все же политические ссыльные. Он ищет общения с ними. И при знакомстве обнаруживает, что они образованны, знают английскую и американскую историю и литературу. То, что он узнал, не соответствовало представлениям, сложившимся у него в Америке о нигилистах. Не встретив нигилистов в Западной Сибири, он думал, что может быть встретит их «в более глухих и отдаленных местах» (Кеннан, 1999а: 227). На деле оказалось, что «дикие, фанатичные нигилисты» жили лишь в его воображении. Политические ссыльные с достоинством переносили свои страдания, которые «не имеют аналогов в цивилизованном мире за пределами Российской империи» (Кеннан, 1999а: 339). Состояние тюрем было ужасным, показатели смертности гораздо выше, чем в других странах. Свои выводы Кеннан подтверждал статистическими данными. Среди политических были в основном образованные люди: студенты, врачи, химики, литераторы, публицисты, землевладельцы, юристы, многие знали английский язык. По мнению Кеннана, неразумно было ссылать таких людей в Сибирь. По своим взглядам в цивилизованных странах они относились бы к умеренным либералам (Кеннан, 1999а: 232). Ему казалась «совершенно нелепой» мысль о том, что могущественное правительство не может справиться с учительницами воскресных школ иначе, как только отправив их в Сибирь. То, что в России человек может быть арестован без ордера, выслан в любое место империи, лишен любых средств самозащиты, по мнению Кеннана, является недопустимым для цивилизованной страны. Перечисляя многочисленные факты произвола, он приходит к заключению, что «терроризм не кажется неестественным и необъяснимым явлением» (Кеннан, 1999а: 237). Напротив, это естественный результат проводимой властями политики. Как «кошмарный сон» (Кеннан, 1999а: 253) воспринимает он увиденное в России, и это, по его мнению, ставит ее вне рамок цивилизованного сообщества.

5. Заключение

Иметь представление об образе России, сложившемся на Западе, важно прежде всего для самой России. Это представление помогает понять самих себя, осознать то, что ждут от тебя другие культуры, позволяет установить межкультурный диалог и достичь взаимопонимания. При этом необходимо учитывать то, что образ одной культуры в представлении другой не всегда соответствует действительности, что формируется он под воздействием вполне определенных политических обстоятельств и под влиянием идеологических установок. Не следует игнорировать и долю стихийного элемента. Сформированные стереотипы восприятия народами друг друга носят длительный и устойчивый характер. Образ России, создававшийся в иностранных печатных изданиях, во многом зависел от авторской лояльности или предубежденности авторов, мнения которых по разным вопросам часто не совпадали. Разным мог быть и подход в освещении отдельных событий. Вдумчивая и взвешенная позиция Кеннана, желание разобраться в происходящем Кюстина

противостоят легковесному подходу Дюма и нежеланию углубляться в суть происходивших явлений Бальзака. Но, несмотря на различие позиций по отдельным вопросам, авторы XIX века были едины в одном: Россия – это не Европа и в цивилизационном отношении отстает от нее.

Россия продолжает оставаться в поле зрения уже современных зарубежных исследователей, на основе анализа трудов которых можно сделать вывод, что стереотипы, сформированные в XIX веке, с течением времени изменились мало. Отсутствие демократических ценностей, правовой культуры и самого понятия «человеческое достоинство», запоздалое проведение реформ XIX в. и излишняя централизация власти не позволяли России на равных войти в европейское сообщество. Именно эти причины обуславливали противопоставление России Европе. Русская интеллигенция XIX в. была согласна с этим. В частности, В. Поленов в одном из писем писал об отмене крепостного права, что «все это должно было совершиться 28 лет тому назад. Тогда удалось бы избежать и убийства Александра II», и многого другого (ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 15). Россия в массовом сознании многих иностранцев как страна европейская не воспринималась. Признавая отдельные достижения русской культуры, европейцы все же не ставили Россию вровень с собой. Преодоление цивилизационного разрыва может быть возможным на пути синтеза правовых институтов запада и национальных культурных традиций.

Литература

- Бальзак, 2002 – Бальзак О. Письмо о Киеве // *Пинакотека*. 2002. № 13/14. С. 1-53.
- Белгородская, 2006 – Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо-американских справочно-энциклопедических изданий XX в. Красноярск, 2006. 200 с.
- Биллингтон, 2006 – Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006. 224 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Дурылин, 1937 – Дурылин С.Н. Александр Дюма-отец и Россия // *Литературное наследство*. 1937. № 31–32. С. 491-562.
- Дюма, 1988 – Дюма А. Учитель фехтования. Новеллы. Казань. 1988. 320 с.
- Дюма, 2009 – Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009. 784 с.
- Кеннан, 1999а – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. 391 с.
- Кеннан, 1999б – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. 399 с.
- Кюстин, 1990 – Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. 352 с.
- Моруа, 1986 – Моруа А. Три Дюма. Литературные портреты. М., 1986. 672 с.
- Моруа, 1988 – Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака. М., 1988. 640 с.
- Останина, 2019 – Останина М.А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через Азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в XVIII–XIX веках // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2 (75). С. 571-574.
- Ощепков, 2010 – Ощепков А.Р. Россия в письмах и дневниках Стендаля // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 2. С. 96-104.
- Ощепков, 2011 – Ощепков А.Р. Бальзаковская Россия // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 2. С. 180-185.
- Партаненко, Ушаков, 2006 – Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2006. 154 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Российская империя, 2004 – Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж. 2004. 472 с.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава: история России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Стендаль, 1959 – Стендаль Ф. Собр. соч. в 15 т. М., 1959. Т. 15. 367 с.
- Харламова, 2011 – Харламова Д.В. Русские сюжеты Стендаля (к годовщине Отечественной войны 1812 года) // *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 3. С. 100-104.
- Хоскинг, 2003 – Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. 494 с.; Кн. 2. 492 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4, pp. 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes // *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 811–820.

References

- Bal'zak, 2002 – Bal'zak O. (2002). Pis'mo o Kieve [A letter of Kiev]. *Pinakoteka*, № 13/14, pp. 1-53. [in Russian]
- Belgorodskaya, 2006 – Belgorodskaya L.V. (2006). Obraz Rossijskoj imperii v zerkale anglo-

amerikanskih spravочно-enciklopedicheskih izdanij XX v. [The image of the Russian Empire in the mirror of Anglo-American reference and encyclopedic publications of the XX century]. Krasnoyarsk, 200 p. [in Russian]

Billington, 2006 – *Billington D.* (2006). Rossiya v poiskah sebya [Russia in search of itself]. M., 224 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk territory].

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of the Tomsk territory].

Durylin, 1937 – *Durylin S.N.* (1937). Aleksandr Dyuma-otec i Rossiya [Alexander Dumas-father and Russia]. *Literaturnoe nasledstvo*. № 31-32, pp. 491-562 [in Russian]

Dyuma, 1988 – *Dyuma A.* (1988). Uchitel' fekhrovaniya. Novelly [Swordmaster. Stories]. Kazan, 320 p.

Dyuma, 2009 – *Dyuma A.* (2009). Iz Parizha v Astrahan'. Svezhie vpechatleniya ot puteshestviya v Rossiyu [From Paris to Astrakhan. Fresh impressions from your trip to Russia]. M., 784 p. [in Russian]

Kennan, 1999a – *Kennan Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885–1886 gg.). V 2 t. T. 1 [Siberia and exile: travel notes (1885-1886). In 2 volumes. V. 1]. Saint-Petersburg, 391 p. [in Russian]

Kennan, 1999b – *Kennan Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885–1886 gg.). V 2 tt. T. 2 [Siberia and exile: travel notes (1885-1886). In 2 volumes. V. 2]. Saint-Petersburg, 399 p. [in Russian]

Kyustin, 1990 – *Kyustin A.* (1990). Nikolaevskaya Rossiya [Nicholas' Russia]. M., 352 p. [in Russian]

Morua, 1986 – *Morua A.* (1986). Tri Dyuma. Literaturnye portrety [Three Dumas. Literary portraits]. M., 672 p. [in Russian]

Morua, 1988 – *Morua A.* (1988). Prometej ili zhizn' Bal'zaka [Prometheus or the life of Balzac]. M., 640 p. [in Russian]

Ostanina, 2019 – *Ostanina M.A.* (2019). Putevye zametki Dzhona Bella o poezdke cherez Aziatskoe prostranstvo (1719 – 1721 gg.) kak istochnik materialov o Sibiri v Evrope i Rossii v XVIII – XIX vekah [John bell's travel notes on a trip through Asian space (1719-1721) as a source of materials about Siberia in Europe and Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. № 2 (75), pp. 571-574 [in Russian]

Oshchepkov, 2010 – *Oshchepkov A.R.* (2010). Rossiya v pis'mah i dnevnikh Stendalya [Russia in Stendhal's letters and diaries]. *Ruskij yazyk za rubezhom*. № 2, pp. 96-104 [in Russian]

Oshchepkov, 2011 – *Oshchepkov A.R.* (2011). Bal'zakovskaya Rossiya [Balzac Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 2, pp. 180-185 [in Russian]

Partanen, Ushchakov, 2006 – *Partanen T.V., Ushakov V.A.* (2006). Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVIII - pervaya polovina XIX veka) [Mutual perception of Russia and the West (XVIII – first half of the XIX century)]. Saint-Petersburg, 154 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

Rossijskaya imperiya, 2004 – Rossijskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya [The Russian Empire: stabilization strategies and renewal experience]. Voronezh. 2004. 472 p. [in Russian]

Sokoloff, 2008 – *Sokoloff ZH.* (2008). Bednaya derzhava: istoriya Rossii s 1815 goda do nashih dnei [Poor power: the history of Russia from 1815 to the present day]. M., 882 p. [in Russian]

Stendal', 1959 – *Stendal' F.* (1959) *Sobr. soch. v 15 tt.* [Collected works in 15 volumes]. Moscow, V. 15, 367 p. [in Russian]

Harlamova, 2011 – *Harlamova D.V.* (2011). Russkie syuzhety Stendalya (k godovshchine Otechestvennoj vojny 1812 goda) [Stendhal's Russian stories (for the anniversary of the Patriotic war of 1812)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. № 3, pp. 100-104. [in Russian]

Hosking, 2003 – *Hosking Dzh.* (2003). Rossiya i russkie. V 2 kn. [Russia and Russians. In 2 books]. M., V. 1. 494 p.; Kn. 2. 492 p. [in Russian]

Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820.

Исторические стереотипы иностранных путешественников о России XIX века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Лариса Федоровна Малютина ^a, Людмила Вениаминовна Белгородская ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Принципы ментального взаимодействия России как одной из могущественных держав XIX в. с западными странами лежат в основе вопросов, рассматриваемых в данной статье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина), blv.kr@yandex.ru (Л.В. Белгородская)

В ходе исследования выявлено, что характер диалога во многом был предопределен стереотипами, сложившимися в сознании европейцев еще в предшествующие века. Реалии XIX в. лишь убеждали иностранцев в их верности. Отношение к России как стране нецивилизованной, дикой и варварской было обусловлено прежде всего политическим строем страны. Самодержавная власть, крепостное право, отсутствие правовой культуры – эти факторы, по мнению иностранцев, давали все основания считать Россию страной нецивилизованной. Для подтверждения верности этих выводов в статье используются свидетельства и высказывания иностранных путешественников и писателей, побывавших в России в XIX в. При разной степени лояльности к существовавшему режиму они были едины в оценке России как страны второразрядной, не имевшей ничего своего, лишь слепо копирующей достижения западной культуры. Это, однако, не мешало им сочувственно относиться к простому народу, признавать его таланты и верить, что когда-нибудь он освободится от своей рабской покорности. Проведенный авторами анализ современных иностранных исследований о России показывает, что стереотипы восприятия нашей страны, сформированные в XIX в., носят длительный и устойчивый характер. Изменить их вектор в желательном, позитивном для нас направлении является одной из важных задач российского общества, решение которой необходимо для налаживания конструктивного диалога в целях собственной же безопасности и устойчивого развития.

Ключевые слова: Россия, Европа, Сибирь, иностранцы, путешествия, цивилизация, диалог, стереотип, культура.

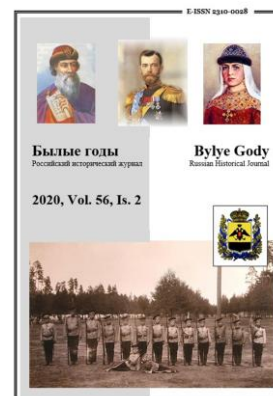
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 604-613. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.604
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

1st and 2nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members

Utash B. Ochirov ^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Before the Napoleonic Wars, Kalmyk military units as parts of the Russian army had been used as allied forces with independent internal structures, weaponry, and officer corps. But in the aftermath of the 1771 abolition of the Kalmyk Khanate, Kalmyk ethnic troops were gradually being modified to meet common Russian standards.

The year 1811 witnessed the establishment of the 1st and 2nd Kalmyk Regiments that were completely identical to Cossack ones – in terms of structure, weaponry, uniform, and funding. The units were actively involved in key combat actions throughout 1812–1814. Initially, those were attached to the 3rd Army, operating in Ukraine and Belarus. In 1813, the 1st Kalmyk Regiment got into line with the corps that sieged Modlin Fortress, and stayed there to the enemy's capitulation. The 2nd Kalmyk Regiment as part of F.G. von der Osten-Sacken's infantry corps (later incorporated into the Silesian Army of commanded by G.L. von Blücher) conducted warfare all across Poland, Germany, and France. They showed their worth in guerilla activities, blocking fortresses, rolling up infantry columns and squares, winning hold of batteries, and coming to deadly grips with hostile regular cavalry units, including Dragons de la Garde Imperiale, Cuirassiers, and Mamluks of the Imperial Guard.

Still, war heroes of the 1st and 2nd Kalmyk Regiments were awarded military decorations very hesitantly first. Staff officers of the 3rd army doubted if non-Christians should be granted military medals with Christian symbols. The year 1813 witnessed a significant increase in the number of conferrals. However, the inefficient bureaucratic procedures resulted in that quite a number of military decorations were delivered either in bad time – or failed to reach the addressees at all. Officers of the two regiments were virtually unfamiliar with the rules of bestowals, and lots of decent award recommendations were rejected for technical reasons.

Keywords: Russian army, irregular cavalry, ethnic military units, 1st Kalmyk Regiment, 2nd Kalmyk Regiment, Patriotic War of 1812, Foreign Campaign of 1813–1814, Order of St. George, Order of St. Vladimir, Order of St. Anna.

1. Введение

Во 2-й пол. XVII–XVIII вв. калмыки принимали участие во всех русско-турецких, Северной, Семилетней и др. войнах. При этом их воинские контингенты в составе российской армии действовали, скорее, как союзные войска. Калмыцкие ханы, выставляя оговоренное количество воинов, самостоятельно определяли внутреннюю структуру отрядов, командный состав, вооружение и т.д. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. система несения военной службы калмыков в составе российской армии стала меняться. Если в 1783 г. в Кубанский корпус А.В. Суворова был послан отряд из 3500 конников под командованием нойона Тюменя, укомплектованный традиционным способом, то уже в 1796 г. в Кубанский корпус И.В. Гудовича был послан пятисотенный полк под командованием Сербеджаба Тюменя (Тюменева), сформированный и вооруженный по разнарядкам, спущенным «сверху». В ходе наполеоновских войн калмыцкие

* Corresponding author

E-mail addresses: utash-ochirov@yandex.ru (U.B. Ochirov)

воинские контингенты действовали уже как национальные полки российской армии, укомплектованные, вооруженные и обмундированные по общим стандартам иррегулярных войск. Однако после 1814 г. калмыцкие полки перестали привлекаться для участия в войнах России. Среди калмыков лишь ограниченный круг лиц мог нести военную службу в составе казачьих частей на общих основаниях, без учета особенностей его национальных традиций, языка и культуры. Таким образом, эпоха наполеоновских войн в калмыцкой военной истории является уникальным периодом, когда калмыцкие войска воевали как национальные части Российской Императорской армии. Особенности несения такой военной службы, безусловно, имеют особую актуальность для истории военных формирований. К числу малоизученных аспектов данной проблемы относится и история награждений орденами Российской империи воинов калмыцких полков в период наполеоновских войн.

2. Материалы и методы

Источниковой базой для данной статьи послужили делопроизводственная переписка, наградные документы и послужные списки офицеров калмыцких полков, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) и Национального архива Республики Калмыкия (г. Элиста). Следует заметить, что наградная документация в делах РГВИА за редким исключением не выделена в отдельные фонды или дела, поэтому выявить ее возможно только путем сплошного просмотра дел, связанных с тем или иным соединением или объединением, в которых воевали калмыцкие национальные полки. Указанные части также не имеют своих фондов или дел и документация по ним включена в другие архивные дела. Единственным исключением являются послужные списки, в которых указаны награды изучаемой персоналии, хотя отсутствуют описания подвигов, за которые они были даны. К сожалению, в РГВИА имеются послужные списки только командиров 1-го и 2-го Калмыцких полков.

В ходе исследования использовались как общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, так и специально-исторические методы. Особенности источниковой базы обусловили применение проблемно-хронологического метода. Процедура поиска предусматривала сплошной просмотр документальных комплексов соответствующих соединений и выявление наградной документации. Поскольку процедура переписки по наградным делам в то время была отработана не до конца, поэтому не всегда можно понять: реализованы ли наградные представления и если да, то вручены ли эти награды. Для решения этой проблемы пришлось использовать сравнительно-сопоставительный метод, сверяя найденные сведения с послужными списками.

3. Обсуждение

В обширной историографии наполеоновских войн в XIX в. иррегулярные (в том числе калмыцкие) полки находились на положении «пасынков»: ими мало интересовались, исследования об их деятельности были редки. К теме участия калмыков в наполеоновских войнах никто специально не обращался; для многих оставалось неизвестным даже количество калмыцких полков, участвовавших в кампаниях 1812–1814 гг. Лишь в некоторых обобщающих трудах имели место редкие упоминания об их действиях. Следует заметить, что даже генералы, в подчинении которых находились национальные полки, поначалу плохо различали татар, башкир и калмыков и путались с номерами их полков, порождая ошибки уже в документах. Неудивительно, что даже такие маститые исследователи, как генералы А.И. Михайловский-Данилевский и М.И. Богданович, во многом предопределившие развитие отечественной историографии XIX века по истории наполеоновских войн, плохо представляли себе боевой путь калмыцких полков. Например, М.И. Богданович, перечисляя полки отряда Е.И. Чаплица в боях на Березине, указал в его составе некий Калмыцкий полк (Богданович, 1860: 468), хотя на самом деле оба калмыцких полка из армии П.В. Чичагова в это время вели тяжелые арьергардные бои в юго-западной Белоруссии, прикрывая отход корпуса Ф.В. фон дер Остен-Сакена за Мухавец, а при перечислении полков корпуса, осадившего Модлин в 1813 г., вместо 1-го Калмыцкого полка указал 2-й (Богданович, 1863: 622-623).

В конце XIX – начале XX вв. стали появляться первые работы региональных исследователей, которые специализировались на калмыцкой тематике (Бирюков, 1898; Прозрителев, 1912; Чонов, 1912). Особенно большой вклад внес председатель Ставропольской губернской архивной комиссии Г.Н. Прозрителев, который ввел в научный оборот большой комплекс документов из Военно-ученого архива (далее – ВУА). Среди опубликованных документов были представления к наградам или сведения о награждениях, в том числе и с указанием номеров наград. Следует заметить, что в этот период в российской историографии был опубликован обширный комплекс делопроизводственной и личной переписки, но в большей степени она была связана с оперативными документами. К сожалению, ученый-архивист также не избежал ошибок. Например, он полагал, что Большедербетовский улус Ставропольской губернии комплектовал не 1-й Калмыцкий, а Ставропольский калмыцкий полк, хотя на самом деле последний формировался крещеными калмыками из Ставрополя-на-Волге (ныне г. Тольятти).

После революции 1917 г. и депортации калмыцкого народа в Сибирь в 1943 г. исследования по этой тематике прекратились и возобновились лишь после восстановления автономии Калмыкии в

1957 г. Появились работы Т.И. Беликова и М.Л. Кичикова (Беликов, 1960; Беликов, 1965; Кичиков, 1964), был издан первый сборник документов, посвященный участию калмыцких полков в войне 1812–1814 гг. (Калмыки, 1964), в котором был введен в оборот значительный массив документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), в том числе связанных с награждениями. Однако эти ученые не специализировались на истории наполеоновских войн и во многом положились на работы своих предшественников, в ряде случаев повторив или даже усугубив их ошибки.

Новым этапом в историографии участия калмыцких полков в войне 1812–1814 гг. стали труды К.П. Шовунова – ученика Л.Г. Бескровного. В ходе многолетней работы в РГВИА ему удалось разыскать ряд неизвестных ранее документов, которые позволили в значительной степени правильно реконструировать боевой путь калмыцких полков (Шовунов, 1990). Впрочем, сведения о награждениях калмыцких воинов в его работах в основном повторяли сведения предшественников.

В начале XXI в. российская наполеонистика сделала значительный шаг вперед. Появились новые исследования и по истории участия калмыцких полков в наполеоновских войнах (Калинин, 2004; Максимов, Очиров, 2012; Очиров, 2012; Очиров, 2013; Рахимов, 2015). Проведенные исследования позволили существенно продвинуться в изучении истории калмыцких полков в наполеоновских войнах, в том числе и в вопросах награждения калмыков за отличия в боевых действиях.

4. Результаты

В Российской империи начала XIX в. ордена за боевые отличия вручались лишь генералам и офицерам или равным им лицам. Как правило, такие люди должны были иметь дворянское происхождение. К началу вступления России в войну с Наполеоном орденская система империи включала в себя следующие ордена: Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины (учреждены Петром I), Св. Александра Невского (учрежден Екатериной I по замыслу Петра I), Св. Георгия 4 классов, Св. Владимира 4 степеней (учреждены Екатериной II), Св. Анны 3 классов и Св. Иоанна Иерусалимского (включены в российскую наградную систему Павлом I). Орден Екатерины за военные подвиги не вручался, награждение орденом Иоанна Иерусалимского с 1801 г. не производилось (Отечественная война, 2004: 19–20, 25–26, 129, 185–186, 307–308, 525–526). Орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Георгия 1 и 2-го классов, Владимира 1 и 2-й степени, Анны 1-го класса награждались, как правило, генералы и равные им лица за полководческие заслуги. Ордена Георгия 3-го класса и Владимира 3-й степени вручались за заслуги военачальникам дивизионного или бригадного (как исключение – полкового) уровня в звании не ниже подполковника.

Таким образом, обер-офицеры (к каковым относились почти все офицеры калмыцких полков) могли быть награждены только орденами Георгия 4-го класса, Владимира 4-й степени, Анны 2-го класса, Анны 3-го класса (который носился на личном оружии, поэтому часто именовался «Анненским оружием» или «Анненской саблей»). Еще одной наградой, с 1807 г. приравненной к ордену, являлось так называемое «Золотое оружие» (Золотая шпага, Золотая сабля) с надписью «За храбрость». Повторные награждения одной и той же степенью не допускались. Если офицер совершал подвиг, достойный награждения орденом, но имел при этом все возможные ордена, то его могли повысить в звании. Кроме того, генерал или офицер могли быть награждены ценными подарками (жалование поместья, аренды, денег и др.) или получить так называемое «благоволение императора».

Для нижних чинов в российской армии в 1807 г. была учреждена своя награда – Знак отличия, причисленный к Военному ордену Св. Георгия. В просторечии его называли «Георгиевским крестом», «солдатским Георгием», «Георгием 5-й степени». Награжденный этим знаком получал ряд привилегий: освобождался от телесных наказаний, имел повышенное жалованье, с 1815 г. отставники с этим крестом исключались из податного сословия. Этой наградой воины могли отмечаться только один раз. В случае повторного награждения (по ошибке) крест передавался другому солдату, а отличившийся получал более высокое жалованье. Награждения «солдатскими Георгием» могло осуществляться персонально, но чаще всего награждения осуществлялись так: главнокомандующий армией, в зависимости от степени отличия, назначал на каждую роту, эскадрон или сотню от двух до пяти крестов, которые распределялись специальным советом из нижних чинов или офицеров и утверждались командиром полка (Отечественная война, 2004: 288–289).

В улусах бывшего Калмыцкого ханства к концу XVIII в. числилось более 13 тыс. кибиток (семей), которые могли гипотетически в случае тотальной мобилизации выставить 10–11 тыс. воинов. Однако следует учесть, что вооружение к тому времени было не у всех кочевников, к тому же они были обязаны нести кордонную службу на казахской границе. Хотя оставшийся домохозяин обязан был помогать семье ушедшего на войну, экономика улусов, основанная на экстенсивном скотоводстве, от таких крупных наборов в целом несла заметные потери. При этом очередь на мобилизацию соблюдалась строго: «ни старого, ни малаго и даже убогаго, и богатаго, и неспособнаго, как то слепых и безногих, не обходит» (НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 84. Л. 40). Разумеется, слепые на войну

не ходили, но обязаны были нанимать вместо себя добровольца. Поэтому тотальные мобилизации в калмыцких улусах могли проводиться только в чрезвычайных ситуациях.

Большинство улусов принадлежало нойонам (владельцам), представлявшим три калмыцкие субэтнические группы: дербетов, торгутов и хошеутов. Два торгутских улуса (Багадохуровский и Эркетеневский) принадлежали государству и считались казенными. По традиции именно нойоны руководили воинскими контингентами. Правители аймаков (небольших родовых групп) – зайсанги – занимали должности сотенных и тысячных командиров. К началу наполеоновских войн лишь один из молодых нойонов имел опыт военной службы – сын владельца Хошеутовского улуса Сербеджаб Тюмень – в 1796 г. (во время Второго персидского похода) командовал пятисотенным полком, направленным в Кубанский корпус И.В. Гудовича.

Первая война России с наполеоновской Францией началась в 1805 г. Российское командование поначалу недооценило значение иррегулярной конницы и направило в Австрию всего 10 донских казачьих полков. Нехватка легкой конницы не позволила командованию российской армии организовать плотную завесу прикрытия и вскрыть все передвижения противника, что в итоге привело к поражению в войне третьей коалиции. Россия не прекратила борьбу и активно включилась в создание четвертой коалиции. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 донских полков, 8 из которых действовали в составе корпуса М.И. Платова. Осознав значение и полезность иррегулярной конницы, российское командование стало активно мобилизовать все возможные ресурсы. В кампанию 1807 г. к армии присоединились еще 14 Донских казачьих полков. Кроме того, император Александр I в ноябре 1806 г. издал специальные указы о мобилизации 10 башкирских, 1 тептярского, 10 калмыцких, 2 оренбургских, 2 уральских казачьих, ставропольского калмыцкого полка (Максимов, Очиров, 2012: 269, 373).

10 калмыцких полков из жителей улусов Нижнего Поволжья были собраны весной 1807 г. Всего в ополчении было 5256 калмыков, в том числе 5 нойонов (хошеутовский Сербеджаб Тюмень, торгутские Санджи-Убаши и Эрдени Цаган-Кичиков, дербетовские Эрдени-тайша Тундутов и Габун-Шарап Хапчуков) и 52 зайсанга. Большинство воинов были в возрасте от 20 до 50 лет, однако в списках числились 17-летние юноши и 60-летние старики. На вооружении они имели 2370 ружей, 36 пистолетов, 715 сабель, 2424 пики, 10 садаков и 23 панциря (Максимов, Очиров, 2012: 373-375).

В период с 8 апреля по 10 мая калмыцкое ополчение, разделенное на четыре партии, выступило к Подпольной пристани на Дону, где был осуществлен процесс его реформирования в пятисотенные полки. Недостающее вооружение было решено докупить в армейских магазинах за счет будущего жалованья калмыков, у которых не доставало оружия. Уже в начале лета калмыцкие полки начали выдвигаться на север: 8 июня – первые пять полков, 13 и 14 июня – полки № 6 и 7, еще не зная, что 12 июня вышел приказ об их демобилизации ввиду окончания войны с Францией. Тем временем до калмыков головных полков дошли слухи об эпидемии оспы, которую кочевники лечить не умели и поэтому очень сильно боялись. Командир полка № 4 нойон С. Тюмень сохранил контроль над своей частью, но зайсанги, руководившие другими полками, в том числе из казенных улусов, не обладали таким авторитетом и не смогли удержать конников от бунта и дезертирства. С трудом Тюменю удалось перехватить эти полки и восстановить над ними контроль.

В сентябре 1807 г. калмыцкие полки вернулись домой. Зачинщиков подверглись суровым наказаниям, а участники беспорядков вне очереди были направлены на укомплектование 5 полков, посланных на новую войну, вернее войны – русско-турецкую 1806–1812 гг. и русско-персидскую 1804–1813 гг. (Максимов, Очиров, 2012: 378-382).

Нойоны не сочли нужным принимать жалованье и компенсацию фуража для своих полков и пожертвовали все эти средства в казну. За «отличные усердие и труды, понесенные калмыцкими владельцами... на пользу службы при наряде калмыцких команд..., за рвение их к порядку» нойоны Сербеджаб Тюмень, Эрдени-тайша Тундутов, Эрдени Цаган-Кичиков и Санджи-Убаши были награждены нашейными Золотыми медалями с надписью «За усердную службу» на александровской ленте. Кроме того, Тюмень был представлен к производству в капитаны, а Тундутову подарили бриллиантовый перстень (НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 93. Л. 1-1 об., 10-11, 19-20).

К следующей войне с Наполеоном Российская империя готовилась заранее. Согласно указу от 7 апреля 1811 г. началась мобилизация двух калмыцких полков из улусов бывшего ханства. Сокращение численности нижневолжских полков было вызвано негативным опытом ополчения 1807 г. В этот раз мобилизовались только воины из владельческих улусов под обязательным руководством нойона. 1-й Калмыцкий полк комплектовался воинами дербетовских улусов, 2-й – Хошеутовского и торгутских улусов. Командиром 1-го полка был нойон Джамба-тайша Тундутов (брат владельца Малодербетовского улуса), командиром 2-го полка – капитан нойон Сербеджаб Тюмень (сын владельца Хошеутовского улуса). К каждому полку были прикомандированы штаб-офицер, переводчик, 5 урядников и 10 казаков Астраханского казачьего полка.

В 1-м Калмыцком полку числились 17 офицеров (полковой начальник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер), писарь, 10 урядников, 500 рядовых, сверх штата 3 ламы и 4 волонтера. К началу войны 1812–1814 гг. 1-й Калмыцкий полк имел следующий командный состав:

полковой командир – нойон Джамба-тайша Тундутов;

зауряд-есаулы – зайсанги Манка Талтаев, Ойгор Ользютуев, Утнасун Улюмджиев, Цагалай Генден-Убушиев, Цаган-Кюкен Дакбаев;
 зауряд-сотники – зайсанги Антон Тарбаев, Холя Чурюмов, Васили Хошучиев, Арджу Андраев, простолюдин Басанг-Габунг Джамбаев;
 зауряд-хорунжие – Санджи Гаджиев, Дедек Дондокчиев, Иджил-Лузан Аршиев, Джамба Чидангиев, Генден-Шарап Мукукенов;
 квартирмейстер – Арши Ачиев.

Во 2-м полку числились 17 офицеров (полковой начальник, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер), писарь, 5 пятидесятников, 5 урядников, 500 рядовых, сверх штата 3 ламы (эмчи Зунду, гелюнг Самтан, гецуль Чимбель) и 28 волонтеров (в том числе 3 русских). К началу войны 1812–1814 гг. 2-й Калмыцкий полк имел следующий командный состав:

полковой командир – капитан нойон Сербеджаб Тюмень;
 зауряд-есаулы – нойон Амха Намкаев (зять владельца, торгут), зайсанги Ончик Барангов, Цебек Даржаев, Манчи Сарев, Шарап Джамбаев;
 зауряд-сотники – зайсанги Цаган-Халга Лузангов, Амур-Тегус Даржаев, Оргечке Дашиев, Шара-Манджи Джамцуев, простолюдин Орос-Эмген Гинтаев;
 зауряд-хорунжие – Батыр-Нохой Бирюнов, Чомбод Базаров, Боромагна Басангов, Дордогай Зодбоев, Бимба Тебегиев;
 квартирмейстер – Улан-Неке Бохошев.

В конце августа 1811 г. оба полка выступили в поход. В ноябре командир 1-го Калмыцкого полка нойон Тундутов был произведен в капитаны, а командир 2-го Калмыцкого полка капитан нойон Тюмень – в майоры.

Весной 1812 г. полки Тундутова и Тюменя были зачислены в состав 3-й обсервационной армии генерала от кавалерии А.П. Тормасова (РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 861. Л. 49). По данным на 1 июня 1812 г., в 1-м Калмыцком полку числилось в строю 16 офицеров, 10 урядников и 452 рядовых (еще 42 рядовых считались больными); во 2-м Калмыцком полку – 14 офицеров, 10 урядников, 456 рядовых (еще 2 офицера и 43 рядовых считались больными), кроме того, 2 рядовых были в командировке (РГВИА. Ф. 103. Оп. 209г. Св. 67. Д. 67. Ч. 70–75. Л. 49).

Полк Тундутова, находясь в отряде генерал-майора И.А. Хрущова, охранявшего границу по Западному Бугу, с начала августа участвовал в неоднократных стычках с неприятелем (Ахлестышев, 1912: 302–303, 441, 452).

2-й Калмыцкий полк в июле 1812 г. вошел в состав авангарда генерал-майора К.О. де Ламберта и участвовал в боях 18 июля – при Пружанах, 25 июля – у Вильце, 31 июля – при Городечно. В начале августа отряд де Ламберта прикрывал отход армии к реке Стырь. В ходе боя под Пружанами сотня из полка Тюменя участвовала в разгроме эскадрона саксонских шеволежеров и преследовала их 5 верст. 4 воина были представлены к Знакам отличия Военного ордена, но так эту награду и не получили. Единственным награжденным за этот поход стал майор Тюмень, награжденный Золотой саблей с надписью «За храбрость» за отличие в сражении при Городечно.

После объединения 3-й обсервационной и Дунайской армий в сентябре 1812 г. 1-й Калмыцкий полк вошел в состав авангарда де Ламберта, который преследовал неприятеля от реки Стырь до Бреста. С 28 сентября по 16 октября полк Тундутова участвовал в рейде А.И. Чернышева по территории Польши (Отечественная война, 1914: 80), который дестабилизировал обстановку в тылу противника и вынудил его отвести значительные силы. 2-й Калмыцкий полк в это время действовал в составе корпуса Е.И. Маркова и участвовал в повторном освобождении Бреста. 7 октября полк Тюменя в составе отряда Е.И. Чаплица сражался при Слониме, где были наголову разгромлены набираемые для гвардии 3-й (польско-литовский) уланский полк и татарский (литовский) эскадрон под командованием генерала Я. Конопки (РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 34. Л. 29). По итогам боя 5 воинов были представлены Чаплицем к Знакам отличия Военного ордена, но они также не получили наград.

В начале октября полки Тундутова и Тюменя были переведены в состав корпуса генерал-лейтенанта Ф.В. фон дер Остен-Сакена, которому в ходе многочисленных стычек удалось задержать продвижение превосходящих сил Шварценберга и Ренье, прорывавшихся к Березине на помощь Наполеону. Было захвачено много пленных чуть ли не со всей Европы, включая поляков и испанцев. Австрийский и саксонский корпуса были вынуждены остановить движение к Березине и атаковать Остен-Сакена. При отступлении к р. Мухавец полки Тундутова и Тюменя участвовали в серии арьергардных боев.

Как видно, калмыцкие полки в кампании 1812 г. постоянно были в бою, неоднократно отличились, но никто из воинов не был награжден, за исключением Тюменя. Следует заметить, что такое отношение у командования 3-й армии было не только к калмыцким, но и ко 2-му Башкирскому и двум татарским полкам. По всей видимости, командование не знало, может ли оно награждать иноверцев наградами с изображениями христианских святых. На Золотой сабле христианской символики не было, поэтому ее вручили Тюменю без колебаний, но это была достаточно редкая награда, которая выдавалась за особые подвиги (Максимов, Очиров, 2012: 423).

В период Заграничного похода 1-й Калмыцкий полк сражался на территории Польши. В январе 1813 г. полк, преследуя неприятеля от Белоседлиц до Варшавы, участвовал в многочисленных авангардных боях. С 17 марта по 29 октября 1813 г. полк Тундутова входил в отряд, блокировавший крепость Модлин. За отличия в боях при осаде Модлина Тундутов был награжден Золотой саблей «За храбрость», есаул Манка Талтаев – орденом Св. Анны 3-го класса (правда, получил его только в 1818 г.), ряд офицеров и урядников были повышены, а двое нижних чинов отмечены Знаками отличия Военного ордена. Когда Модлин капитулировал, война уже близилась к концу, поэтому 1-й Калмыцкий полк оставили на территории Польши.

Для 2-го Калмыцкого полка Заграничный поход оказался более длительным. 7 января полк Тюмена в составе корпуса Остен-Сакена участвовал в боях при Венгрове и Ливах, в марте в блокаде крепости Ченстоховы и во взятии Кракова. Во время Плейсвицкого перемирия корпус Остен-Сакена получил номер 11 и вошел в состав Силезской армии генерала от кавалерии Г.Л. Блюхера. 2-й Калмыцкий полк был включен в казачий отряд А.А. Карпова 2-го, в составе которого сражался до конца войны.

После окончания перемирия Наполеон, стремясь разбить союзников по частям, обрушил все силы на армию Блюхера. Иррегулярная конница сыграла большую роль в прикрытии отхода Силезской армии. Полк Тюмена доблестно сражался в боях 6 и 7 августа при Лигнице и 9 – у Кайзерсвальда. Наполеон, поняв бесперспективность преследования Блюхера, отвел гвардию и несколько корпусов в Саксонию против Богемской армии, оставив против Силезской армии три корпуса под командованием маршала Э.Ж. Макдональда. Блюхер воспользовался ослаблением противника и 14 августа в блестящей для русской конницы битве на Кацбахе наголову разбил неприятеля. 2-й Калмыцкий полк в этом сражении действовал в районе Эйхгольца, где 6 иррегулярных полков (в том числе и полк Тюмена) были брошены в глубокий обход: «зайдя в тыл и фланг превосходной неприятельской кавалерии с неустрашимой храбростью ударили во онаю..., бросались в неприятельской фронт и поражали бегущаго до самой реки кацбах» (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 29. Л. 244 об.).

После этого Блюхер организовал активное преследование деморализованных французов, закончившееся капитуляцией 17-й дивизии Ж.П. Пюто. 2-й Калмыцкий полк участвовал в боях 15 августа – при преследовании неприятеля до Гайнау, 18 – при Бунцлау, 24 августа – при Герлице и Рейхенбахе. За отличия в этих боях Тюмень был награжден орденом Св. Владимира 4-й степ., а есаул Амха Намкаев, сотник Цаган-Халга Лузангов, квартирмейстер Улан-Неке Бохошев и хорунжий Мукукен Моников, служившие зауряд, были представлены к утверждению в офицерские чины. Впрочем, император счел нужным произвести их лишь в 14-й класс «Табели о рангах» (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 29. Л. 244 об., 270, 474).

После поражения на Кацбахе и победе при Дрездене Наполеон сконцентрировал свои силы вокруг Дрездена. Союзники приняли решение обойти позиции при Дрездене и перерезать в Лейпциге основную коммуникационную линию, связывающую Наполеона с Францией. Богемская и Польская армии должны были обходить его с юга, а Силезской армии было приказано идти на соединение с Северной армией, чтобы обойти основную группировку Наполеона с севера. Во время этого марш-маневра на левом фланге Силезской армии была выстроена кавалерийская завеса, прикрывавшая основные силы от разведывательных поисков и набегов вражеской кавалерии.

2-й Калмыцкий полк, действуя в составе кавалерийской завесы, 7 сентября отличился при занятии Пульница, 15 сентября – под Келиным, 16 сентября – при Мейсене. Позже (в апреле 1814 г.) сотник Цаган-Халга Лузангов за отличие в этом бою был произведен в есаулы. 17 и 18 сентября полк Тюмена отличился в бою при Гроссенхайне, разгромив противника и захватив 30 пленных. Командир полка был представлен к Анненскому оружию (однако эту награду он не получил), есаула Цебека Даржаева – к производству в 14-й класс, а урядника Боро Цебекова – в следующий чин (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 29. Л. 391-391 об.). 23 сентября в бою под Эленбергом полк Тюмена истребил два драгунских эскадрона.

4–7 октября 2-й Калмыцкий полк участвовал в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом, ознаменовавшей собой поражение Наполеона в войне за Германию. Тюмень во время атаки на вражескую батарею захватил пушку и уничтожил ее расчет, а в другом эпизоде битвы хорунжий Мукукен Моников взял в плен 3 офицеров и 30 рядовых. Командир полка стал кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса, Амха Намкаев, Манче Сарев, Мукукен Моников – Св. Анны 3-го класса, а сотник Цаган-Халга Лузангов (как якобы уже имеющий эту награду) был произведен в есаулы. Также «за отличие в сражении при Лейпциге в быстром стремлении на неприятеля» на полк было выдано 6 Знаков отличия Военного ордена, а урядники Мекля Сахалов и Боро Цебеков стали хорунжими (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 86. Л. 9 об., 10, 35, 40 об., 49, 62).

В декабре 1813 г. полк Тюмена вместе с другими казачьими полками Карпова 2-го под сильным огнем форсировал Рейн и сбил вражескую батарею, а затем участвовал в разгроме более многочисленной конницы противника под Муттерштадтом и Рунгеймом (20 и 21 декабря). В результате было захвачено несколько пленных, в том числе бригадный командир. За эти бои (а также за будущие отличия в бою при Вошане и Жоанвиле 2 февраля 1814 г.) Тюмень был

награжден орденом Св. Анны 2-го класса, а сотник Цаган-Халга Лузангов – Св. Анны 3-го класса (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 102. Л. 4-5).

В январе 1814 г. Наполеон попытался отрезать армию Блюхера от Главной армии и разгромить ее. 17 января полк Тюменя в составе казачьего отряда Карпова 2-го сражался при Бриен-ле-Шато, а 20 января – при Ла-Ротьере. Французам пришлось отойти. В этой операции большую роль сыграли действия конницы, осуществлявшей постоянную разведку (в том числе перехватывая депеши Наполеона, раскрыв Блюхеру планы неприятеля) и прикрывавшей отступление Силезской армии. По итогам боев Тюмень был удостоен монаршего благоволения, Амха Намкаев и Мукукен Моников (оба повторно), Цебек Даржаев и Бюргю Сареев награждены орденом Св. Анны 3-го класса. Кроме того, полку было выделено 5 Знаков отличия Военного ордена (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 72. Л. 424-425; Д. 89. Л. 98об., 100-100 об., 192).

В конце января – начале февраля Наполеон вновь обрушился на армию Блюхера, проведя блестящую операцию, известную как «Дорога побед». Однако разгромить Силезскую армию не удалось, и конница, прикрывавшая отступление, вновь сыграла большую роль. 2-й Калмыцкий полк 30 января сражался при Монмирале, а 2 февраля при Вошане и Жуанвиле взял батарею.

После ухода главных сил Наполеона энергичный Блюхер атаковал противостоявшие ему корпуса О.Ф. Мармона и А.Э. Мортье. 13 февраля полк Тюменя под Сезанном напал «на два неприятельских эскадрона кирасир с неустрашимой и отличной храбростью расстроил оные», 15 февраля под Муа отличился «при разбитии Мамилюкского эскадрона и взятии в плен», 1 марта при Суассоне опрокинул колонну пехоты. За отличия при Монмирале и Краоне есаул Даржаев и сотник Гендин были представлены к ордену Владимира 4-й степени. За разгром кирасиров и мамелюков 10 рядовых были награждены «солдатскими Егориями» (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 72. Л. 407). Если учесть, что за Лейпциг полк получил всего 6 крестов, а за Бриен-ле-Шато и Ла-Ротьер – 5, то видно, как высоко российское командование оценило эти бои.

13 марта 2-й Калмыцкий полк участвовал в блистательном для русской конницы сражении при Фер-Шампенуазе, где капитулировали две пехотные дивизии. Калмыцкие конники атаковали каре противника, захватили три орудия с зарядными ящиками, «презирая всю опасность и жертвуя отважно собою, несмотря на сильные неприятельские из пушек ядрами, гранатами и картечью выстрелы и ружейные залпы, со всею неустрашимостью врубались в неприятельские колонны». Вместе с полками Семенчинкова и Кутейникова 4-го калмыки взяли в плен 65 офицеров, 36 унтеров, 798 рядовых, а также трех курьеров. За это сражение Тюменя, который получил все возможные для его чина ордена, произвели в подполковники, есаул Намкаев (в 3-й раз), сотники Муса Дашиев, Амур-Тегус Даржаев, Чидан Генденев, квартирмейстер Улан-Неке Бохошев были награждены Анненским оружием, 3 урядника произвели в хорунжие (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 72. Л. 8, 30, 35 об.).

19 марта 1814 г. 2-й Калмыцкий полк участвовал в триумфальном вхождении в Париж, а 24 марта принял свой последний бой в этой войне.

18 июля 1816 г., уже после роспуска полка, подполковник Тюмень был также награжден прусским орденом «Pour le Mérite».

5. Заключение

Таким образом, калмыцкие полки достойно показали себя в кампаниях 1812–1814 гг. К концу войны по мере совершенствования опыта они уже уверенно громили эскадроны кирасир и гвардии, опрокидывали пехотные колонны и каре, брали штурмом батареи. По итогам войны 1812–1814 гг. в 1-м Калмыцком полку орденами были награждены всего 4 чел.: 1 – Золотой саблей «За храбрость», 1 – орденом Св. Анны 3-го класса, 2 – Знаками отличия Военного ордена. Ряд воинов был повышен в звании, но выявить полную картину производств из-за нехватки информации невозможно. Столь малое количество наград объясняется тем, что в кампании 1812 г. командование 3-й армии старалось не награждать воинов-иноверцев наградами с христианской символикой. В 1813 г., когда награждения иноверцев стали производиться более активно, полк Тундутова участвовал в блокаде крепости Модлин, где возможностей, чтобы отличиться, было заметно меньше.

Среди офицеров 2-го Калмыцкого полка орденами было отмечено 11 чел.: 1 – Св. Георгия 4-го класса, 1 – Св. Владимира 4-й степ., 1 – Св. Анны 2-го класса, 10 – Св. Анны 3-го класса (в том числе по ошибке один – трижды, один – дважды), 1 – Золотой саблей «За храбрость», 1 – монаршим благоволением. Здесь следует учесть, что все награждения, кроме Анненского оружия, принадлежат одному человеку – подполковнику Тюменю. В документах также отмечено награждение 21 чел. Знаком отличия Военного ордена, но, судя по послевоенным спискам, награды получили лишь 10. Ряд воинов был повышен в звании, но выявить полную картину производств из-за нехватки информации, не сохранившейся в архиве, невозможно.

Очевидно, что воины 2-го Калмыцкого полка, сражавшегося в 1813–1814 гг. в Силезской армии, имели больше возможностей, чтобы отличиться и быть награжденными. Однако повторные (в одном случае даже третье) награждения одним и тем же орденом показывают, что командование и канцелярия полка плохо знали статуты орденов, порядок награждения и ведения наградной документации. Это вызывает некоторое недоумение, так как при полку числился в качестве

инструктора майор Вологодского пехотного полка Плеханов и переводчик пристава калмыцкого народа Бочкарев, которые должны были знать эти правила. Сам Тюмень награждался вышестоящими командирами, поэтому путаницы в награждениях было немного, но в единственном случае дублирования награды последовала оперативная замена.

К сожалению, часть наград, положенных на полк, не была выдана вовсе из-за плохого знания правил награждения и оформления наградных документов. Часть наград по тем же самым причинам пришла с большим опозданием.

Война показала явное несовершенство существующей на тот момент орденовой системы, которая заметно ограничивала возможности для повторных или многократных награждений отличившихся воинов, особенно обер-офицеров и нижних чинов. Однако император после завершения войны ограничился введением в орденовую систему нового ордена (Св. Станислава) и одной степени ордена Св. Анны. Разделение «солдатского Георгия» на 4 степени произошло лишь спустя 40 с лишним лет, после Крымской войны. Впрочем, даже такую орденовую систему для отличия совершивших подвиги воинов нельзя признать идеальной, так как ее возможности, хоть и возросли, но все же были ограничены в количестве награждений.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910096-7).

Литература

Ахлестышев, 1912 – *Ахлестышев Д.П.* Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии Главнокомандующего 3-ю Западною Армиею генерала-от-кавалерии А.П. Торماسова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. VIII, 722 с.

Беликов, 1960 – *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

Беликов, 1965 – *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.

Бирюков, 1898 – *Бирюков И.Н.* Участие астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего войска в войнах 1807 года и 1812–1814 годов / Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896 год, с приложением рефератов, читанных в заседаниях общества. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1898. С. 147-169.

Богданович, 1860 – *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным сведениям. Т. III. СПб.: Типография Торгового дома Струговщикова, Похитонова, Водова и К^о, 1860. [2], VII, [1], 541, [2] с.

Богданович, 1863 – *Богданович М.И.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1863. Т. I. X, X, 691 с.

Калинин, 2004 – *Калинин С.Е.* Калмыцкие полки / Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 327-328.

Калмыки, 1964 – Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Кичиков, 1964 – *Кичиков М.Л.* Введение / Калмыки в Отечественной войне 1812 года: Сборник документов. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 7-16.

Максимов, Очиров, 2012 – *Максимов К.Н., Очиров У.Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Отечественная война, 1914 – Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XXI. Боевые действия в 1812 г. (Декабрь месяц). СПб.: Типография «Бережливость», 1914. VI, 543 с.

Отечественная война, 2004 – Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. 880 с.

Очиров, 2013 – *Очиров У.* И видел, что коня степного на Сену пить водил калмык... // *Родина*. 2013. № 11. С. 83-88.

Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык // *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912. С. 1-232.

Рахимов, 2015 – *Рахимов Р.Н.* Участие национальной конницы в блокадах и осадах крепостей во время Заграничного похода российской армии 1813–1814 гг. / *Бородино и Освободительные походы Русской армии 1813–1814 годов. Материалы Международной научной конференции (Бородино, 3–6 сентября 2015 г.)*. М.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2015. С. 205-209.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

- Чонов, 1912** – Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск: Г.А. Сукиасянц, 1912. 71 с.
- Шовунов, 1990** – Шовунов К.П. Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Ochirov, 2012** – Ochirov U.B. (2012). The 1st Kalmyk Regiment Formation and Its Military Experience in the War of 1812–1814. *Bylye gody*. Vol. 25. № 3. Pp. 17-29.

References

- Akhlestyshev, 1912** – *Akhlestyshev D.P.* (1912). Dvenadtsatyi god. Istoricheskie dokumenty sobstvennoy kantselyarii Glavnokomanduyushchego 3-yu Zapadnoyu Armieyu generala-ot-kavalerii A.P. Tormasova [The year 1812. Commander-in-Chief of the Third Western Army Cavalry General A.P. Tormasov's Own Chancellery: historical documents]. St. Petersburg. VIII, 722 p. [in Russian]
- Belikov, 1960** – *Belikov T.I.* (1960). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoy chetverti XIX vekov [Kalmyks in Russia's wars: 17th c., 18th c., and mid-1820s]. Elista. 144 p. [in Russian]
- Belikov, 1965** – *Belikov T.I.* (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashey Rodiny (XVII – nachalo XIX vv.) [Kalmyks in the struggle for independence of our Motherland: 17th – early 19th cc.]. Elista. 179 p. [in Russian]
- Biryukov, 1898** – *Biryukov I.N.* (1898). Uchastie astrakhanskikh kalmykov i kazakov Astrakhanskogo kazach'ego voyska v voynakh 1807 goda i 1812–1814 godov [Participation of Astrakhan Kalmyks and Cossacks of Astrakhan Cossack Host in the wars of 1807 and 1812–1814]. Otchet Petrovskogo obshchestva issledovateley Astrakhanskogo kraya za 1896 god, s prilozheniem referatov, chitannykh v zasedaniyakh obshchestva [1896 Report of Peter the Great Society in Astrakhan region supplemented with reviews delivered in meetings of the Society]. Astrakhan. Pp. 147–169. [in Russian]
- Bogdanovich, 1860** – *Bogdanovich M.* (1860). Istoriya Otechestvennoy voyny 1812 g. po dostovernym svedeniyam [History of the Patriotic War of 1812: reliable sources]. Vol. III. St. Petersburg. [2], VII, [1], 541, [2] p. [in Russian]
- Bogdanovich, 1863** – *Bogdanovich M.I.* (1863). Istoriya voyny za nezavisimost' Germanii po dostovernym istochnikam [History of the War for independence of Germany: reliable sources]. St. Petersburg. Vol. I. X, X, 691 p. [in Russian]
- Kalinin, 2004** – *Kalinin S.E.* (2004). Kalmytskie polki [Kalmyk regiments]. Otechestvennaya voyna 1812 goda. Entsiklopediya [Patriotic War of 1812: Encyclopedia]. M. Pp. 327-328. [in Russian]
- Kalmyki, 1964** – *Kalmyki ...* (1964). Kalmyki v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Sbornik dokumentov [Kalmyks in the Patriotic War of 1812: collected documents]. Elista. 163 p. [in Russian]
- Kichikov, 1964** – *Kichikov M.L.* (1964). Vvedenie [Foreword]. Kalmyki v Otechestvennoy voyne 1812 goda: sbornik dokumentov [Kalmyks in the Patriotic War of 1812: collected documents]. Elista. Pp. 7-16. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov K.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskikh voynakh [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista. 519 p. [in Russian]
- NARK** – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Otechestvennaya voyna, 1914** – *Otechestvennaya voyna ...* (1914). Otechestvennaya voyna 1812 goda. Materialy VUA. Otd. I. Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdeniy. T. XXI. Boevye deystviya v 1812 g. (Dekabr' mesyats) [Patriotic War of 1812. Papers of the Military Training Archive. Section I. Correspondence between Russian executives and institutions. Vol. XXI. Combat actions of 1812: December]. St. Petersburg. VI, 543 p. [in Russian]
- Otechestvennaya voyna, 2004** – *Otechestvennaya voyna ...* (2004). Otechestvennaya voyna 1812 goda. Entsiklopediya [Patriotic War of 1812: Encyclopedia]. M. 880 p. [in Russian]
- Ochirov, 2012** – *Ochirov U.B.* (2012). The 1st Kalmyk Regiment Formation and Its Military Experience in the War of 1812–1814. *Bylye gody*. Vol. 25. № 3. Pp. 17-29.
- Ochirov, 2013** – *Ochirov U.* (2013). I videl, chto konya stepnogo na Senu pit' vodil kalmyk... ['I saw a Kalmyk bring his steppe horse to waters of the Seine...']. *Rodina*. No. 11. Pp. 83–88. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – *Prozritelev G.N.* (1912). Voennoe proshloe nashikh kalmyk [Military past of our Kalmyks]. *Trudy Stavropol'skoy uchenoy arkhivnoy komissii*. Is. 3. Stavropol. Pp. 1-232. [in Russian]
- Rakhimov, 2015** – *Rakhimov R.N.* (2015). Uchastie natsional'noy konnitsy v blokadakh i osadakh krepostey vo vremya Zagranichnogo pokhoda rossiyskoy armii 1813–1814 gg. [Participation of ethnic cavalry units in blockades and sieges of fortresses during the Russian army's Foreign Campaign of 1813–1814]. *Borodino i Osvoboditel'nye pokhody Russkoy armii 1813–1814 godov. Conf. proc. (Borodino; September 3–6, 2015)*. M. Pp. 205-209. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Archive of Military History].
- Chonov, 1912** – *Chonov E.* (1912). Kalmyki v russkoy armii XVII v., XVIII v. i 1812 god [Kalmyks in the Russian army: 17th c., 18th c., and 1812]. Piatigorsk. 71 p. [in Russian]
- Shovunov, 1990** – *Shovunov K.P.* (1990). Vo slavu Otechestva [In the name of the glory of Motherland]. Elista. 60 p. [in Russian]

Награждения воинов 1-го и 2-го Калмыцких полков в войне 1812–1814 гг.

Уташ Борисович Очиров^{а,*}

^а Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. До начала наполеоновских войн калмыцкие воинские части в российской армии использовались как союзные контингенты, имевшие свою внутреннюю структуру, вооружение и командный состав. Однако после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. калмыцкие национальные части стали постепенно унифицироваться с общероссийскими стандартами.

В 1811 г. были сформированы 1-й и 2-й Калмыцкие полки, которые приняли активное участие в войне 1812–1814 гг. Сначала они действовали в составе 3-й армии в Украине и Беларуси. В 1813 г. 1-й Калмыцкий полк вошел в состав корпуса, осадившего Модлин, и сражался там вплоть до капитуляции противника. 2-й Калмыцкий полк в составе корпуса Ф.В. Остен-Сакена (позже включенного в Силезскую армию Г.Л. Блюхера) сражался в Польше, Германии и Франции. Они блестяще проявили себя в партизанской деятельности, блокировали крепости, вступали в схватки с регулярной кавалерией противника, вплоть до драгунов, кирасиров и мамелюков наполеоновской гвардии, опрокидывали пехотные колонны и каре, захватывали батареи.

Однако награждения отличившихся воинов 1-го и 2-го Калмыцких полков первоначально осуществлялись с большой осторожностью. Командование 3-й армии опасалось награждать иноверцев орденами с христианской символикой. В 1813 г. количество награждений заметно увеличилось. Однако плохая работа бюрократов привела к тому, что значительная часть наград не дошла по назначению или пришла с большим опозданием. Командование полков очень плохо знало правила награждения, в результате чего ряд представлений, достойные высоких наград, оказались отклонены по техническим причинам.

Ключевые слова: русская армия, иррегулярная конница, национальные части, 1-й Калмыцкий полк, 2-й Калмыцкий полк, Отечественная война 1812 года, Заграничный поход 1813–1814 гг., орден Св. Георгия, орден Св. Владимира, орден Св. Анны.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: utash-ochirov@yandex.ru (У.Б. Очиров)

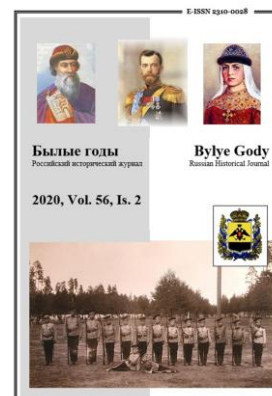
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 614-623. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.614
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Consumption of Fish by Different Categories of Yenisei Province Population During Imperial Period

Sergei T. Gaidin ^{a,*}, Galina A. Burmakina ^a

^a Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

In this article, we studied the issue of specific fish capture in Yenisei province during imperial period, which allows determining proportions of different species of fish in the nutrition of province population. It goes from works by scientists, functionaries, entrepreneurs and public activists who lived in the period under observation as well as from works written by historians who studied the period, that fish was one of the main food products consumed by the population of both Eastern and Western parts of Siberia. In between their household activities, stock breeding tribes, village people, reindeer-breeders and hunters from indigenous communities of the North went fishing for their own consumption. Depending on the efficiency of their primary household activity in different climate zones of the province, fish could be either a major or a supplementary part of day-to-day diet of families. Part of the province population, especially urban part of it, consumed fish delivered from the Northern territories of Yenisei province, where fish industry (which functioned within the framework of goods/money relations) was developed with broad use of steam vessels, as in other regions of Siberia. Unlike Western Siberia, fish industry in Yenisei province served the needs of the province population only; salted and frozen fish were the main products supplied by the industry, as there was still no well-adjusted production of canned fish and other fish products.

Keywords: Yenisei province, Northern territories of Yenisei province, models of fish resources exploitation, specific composition of fish capture, fish consumption, types of fish products.

1. Введение

В условиях быстрого роста населения планеты все острее становится проблема его продовольственного обеспечения. Человечество стоит перед необходимостью более рационального использования продовольственных ресурсов дикой природы. В связи с этим определенный интерес представляет деятельность различных категорий населения по обеспечению себя продуктами питания в переходный период от традиционного к индустриальному обществу. В императорской России ее можно рассмотреть на примере Енисейской губернии, созданной в бассейне Енисея в 1822 г.

На территории губернии протяженностью около 3000 км с юга на север друг друга сменяли степь, лесостепь, тайга, тундра и арктические пустыни. В степной и лесостепной зоне предки хакасов, которых тогда называли татарами и относили к кочевым народам, занимались скотоводством. В лесостепной и таежной природных зонах крестьяне, относившиеся к оседлому населению, занимались земледелием и держали домашний скот. Коренные народы Севера, проживавшие в зонах северной тайги и тундры, отнесенные к бродячим народам, специализировались на оленеводстве и пушном промысле.

На всем протяжении императорского периода существования губернии численность ее населения, особенно оседлого земледельческого, постоянно увеличивалась и, соответственно,

* Corresponding author

E-mail addresses: gaydinsergey@rambler.ru (S.T. Gaidin), burmakinagalina@rambler.ru (G.A. Burmakina)

возрастала потребность в его продовольственном обеспечении как за счет основной хозяйственной деятельности, так и за счет использования для этого доступных ресурсов дикой природы.

2. Материалы и методы

В основу исследования положены опубликованные в XIX – начале XX вв. работы чиновников, купцов, общественных деятелей Енисейской губернии.

Необходимые статистические материалы были извлечены нами из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Данные о состоянии рыболовства в губернии в 80-е гг. XIX в. были получены из книги «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», в которой отражены результаты государственного исследования хозяйственной деятельности оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения губернии ([Материалы по исследованию..., 1893](#)).

В качестве методологической базы исследования мы использовали теорию модернизации и совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов.

Применение историко-генегического метода позволило выявить содержание и эволюцию исследуемой проблемы. Благодаря историко-хронологическому методу авторы смогли определить время складывания рыбной промышленности в регионе, которая сделала доступной для употребления жителями Красноярска и других населенных пунктов губернии виды рыбы, характерные для Енисейского Севера. Историко-сравнительный метод был использован для выявления общего и особенного в видовом потреблении рыбы населением в зависимости от состояния ее первичной обработки и производства рыбной продукции в разных регионах Сибири.

3. Обсуждение

В работах губернатора А.П. Степанова, председателя Енисейской казенной палаты И.С. Пестова, енисейского врача М.Ф. Кривошапкина, исследователей А.Ф. Миддендорфа и А.А. Макаренко, купцов и общественных деятелей А.И. Кытманова и В.Н. Латкина, статистика С.Л. Чудновского есть данные о вылове различных видов рыбы разными категориями населения Енисейской губернии, которые дают возможность определить видовой состав потребляемой рыбы в исследуемый период ([Степанов, 1835](#); [Пестов, 1833](#); [Кривошапкин, 1865](#); [Миддендорф, 1878](#); [Макаренко, 1902](#); [Кытманов, 2016](#); [Латкин, 1892](#); [Чудновский, 1885](#)).

В разных регионах Сибири в рассматриваемый нами период складывались различные модели эксплуатации рыбных ресурсов. Везде население ловило рыбу, водившуюся в местных водоемах, для собственных нужд в свободное от основных хозяйственных работ время. Нам не удалось выявить исследований, в которых бы во взаимосвязи рассматривались вопросы видового состава вылова рыбы и, соответственно, видового состава ее потребления населением.

В работах авторов, исследовавших развитие рыбной промышленности в Восточной и Западной Сибири, имеется некоторая информация о видовом вылове рыбы и поставках ее и рыбной продукции потребителям в различные регионы. По данным историков А.Г. Егорова, М.Д. Клименченко, приведенным в статье «Очерки истории рыболовства на Байкале и прилежащих водоемах», в рассматриваемый период рыба разных пород в течение всего года входила в рацион питания жителей всех населенных пунктов Иркутской губернии ([Егоров, Клименченко, 1971](#)).

Иркутские рыбопромышленные фирмы, которые монополизировали промысловую деятельность на Байкале, поставляли рыбу на рынки в свежем, соленом и мороженом виде. О видовой структуре потребления рыбы жителями Иркутска дают представление весовые показатели ее поступления на иркутский рынок. В 1908 г. было привезено 21584 пуда свежей рыбы, из которой сороги было 13929 пудов, хариусов – 1586, щуки – 1195, окуня – 1108, омуля – 1105, яззей – 886, сига – 781, налимов – 556, стерляди – 145, тайменя – 45, карася – 13 пудов. Потребителями осетров, паюсной икры и других видов ценной рыбы являлись люди с высокими доходами, а омуль был одним из основных продуктов питания иркутян с невысокими доходами ([Егоров, Клименченко, 1971: 210, 215, 225](#)).

Современный сибирский историк Е.В. Санкин, изучавший развитие промыслового рыболовства в Западной Сибири в XIX – начале XX вв., сделал вывод, что его роль в жизни населения возрастала по мере продвижения к северу, где не было возможности заниматься земледелием и скотоводством. Но Е.В. Санкин считал, что в дореволюционное время можно говорить только о тенденциях в вылове рыбы, так как еще не существовало точных методик учета вылова и не было необходимого весового оборудования ([Санкин, 2008: 18-30](#)).

В свою очередь известный историк Ю.П. Прибыльский, который исследовал состояние рыбных промыслов в Обь-Иртышском бассейне, доказал, что складывание рыбной промышленности на севере Западной Сибири произошло лишь в последней трети XIX в., после организации пароходными компаниями Тюмени и Тобольска регулярных рейсов к местам рыбных промыслов. Причем на рубеже 80–90-х гг. XIX в. рыбопромышленники наладили производство рыбных консервов на стационарной фабрике в Тобольске и трех сезонных фабриках в местах вылова рыбы. Ю.П. Прибыльский выявил категории рыбной продукции, поставляемой потребителям. Более 90 % выловленной в Обь-Иртышском бассейне рыбы в соленом виде продавалось населению, ее оптовыми потребителями были

торемное и военное ведомства Тобольской и Пермской губерний. Мороженая рыба в зимний период поставлялась на рынки Тобольска и Томска. Паюсная икра, балыки и рыбные консервы вывозились в Москву и Санкт-Петербург (Прибыльский, 2008: 24, 26, 29, 31). В исследовании историка Г.А. Бочановой, посвященной формированию обрабатывающей промышленности Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв., имеется небольшой раздел о развитии фабричной обработки рыбы (Бочанова, 1978: 94-97).

В работах указанных исследователей нет концептуальных разногласий в подходах к изучению рыбной промышленности, и их отличие заключается в выявлении особенностей ее развития в разных регионах Сибири. Вместе с тем в них содержится некоторая информация о видовой структуре вылова и, соответственно, потребления рыбы, полезная для изучения заявленной нами темы исследования на примере Енисейской губернии.

4. Результаты

При обилии водоемов рыба была одним из самых доступных и востребованных продуктов у коренного и пришлого населения Енисейской губернии. Но первый ее губернатор А.П. Степанов, который возглавлял губернию в 1822–1831 гг., сетовал, что рыбы в продаже было настолько мало, что зимой ее завозили в соленом и мороженом виде из соседней Томской губернии (Степанов, 1835).

Председатель Енисейской казенной палаты И.С. Пестов, который работал вместе с А.П. Степановым и в силу своих служебных обязанностей лучше знал ситуацию с продажей рыбы в губернии, уточнял, что на рынках Красноярска летом было много осетра, стерляди и другой ценной рыбы, но стоила она дороже мяса (Пестов, 1833: 39). Естественно, что эта рыба была доступна только обеспеченным слоям населения.

После образования Енисейской губернии ее губернатор А.П. Степанов мечтал о превращении рыболовства и рыбороторговли в самостоятельный вид хозяйственной деятельности населения с производством икры, балыков, соленых сельдей, вяленой рыбы и сушеных тугунов. А председатель Енисейской казенной палаты И.С. Пестов надеялся, что по мере развития судоходства по Северному морскому пути губерния могла бы стать поставщиком рыбьего жира в европейскую часть страны (Степанов, 1835: 239; Пестов, 1833: 17).

Нехватка рыбы на рынках губернии объяснялась тем, что ее жители, проживавшие в разных климатических зонах и занимавшиеся разными видами хозяйственной деятельности, ловили рыбу для своих собственных нужд в свободное от хозяйственных работ время.

По свидетельству И.С. Пестова, кызыльские татары, которые пасли стада возле Божьих озер, занимались рыбной ловлей как побочным видом хозяйственной деятельности. А мелецкие татары, кочевавшие возле Чулыма, жили в основном за счет рыболовства. Они ловили рыбу для собственного питания и продажи в Ачинске (Пестов, 1833: 131).

Крестьяне, которые обеспечивали себя хлебом, овощами и мясом, солили на зиму хариусов, заготавливали жир тайменей и ленков, сушили разнообразную мелкую рыбу. Рыбы вылавливали так много, что в 20–30-е гг. XIX в. большинство крестьянских семей употребляло ее в пищу примерно четыре раза в неделю. Но если бедные крестьяне, к которым А.П. Степанов, относил 30 % сельского населения губернии, употребляли ельцов, сорог, щук, окуней и карасей, то на столах более зажиточных крестьян были блюда, более ценных пород, особенно пироги с рыбой (Степанов, 1835: 95).

Скорее всего, количество и качество потребляемой в семьях рыбы зависело от наличия, активности и трудолюбия мужской части крестьянских семей. Так как мужчины из семей с преобладанием женского состава не могли надолго отрываться от хозяйства, то они ловили рыбу в ближайших водоемах подручными средствами. Но для того чтобы добывать острой тайменей и щук во время «лучения» в ночное время, нужна была лодка со специальной площадкой для костра. А для ловли стерлядей и осетров на самоловы нередко нужно было уезжать далеко от пункта проживания, что требовало времени, продуктов, фуража для лошадей и специальных орудий лова.

В теплое время население губернии почти не занималось продажей пойманной рыбы, так как она портилась из-за больших расстояний во время доставки от мест вылова до мест возможной продажи, тем более что для этого нужно было на какое-то время отвлекаться от своего хозяйства. Поэтому, как правило, часть улова скотоводы или крестьяне меняли в своем или соседних поселениях на продукты питания или изделия домашнего производства.

Роль рыбы в продовольственном обеспечении семей возрастала по мере продвижения крестьянских поселений к рекам Бирюсе и Ангаре. Зерновые культуры здесь вызревали не каждый год. Поэтому рыба не только компенсировала крестьянам нехватку хлеба, но и на средства, полученные от ее продажи, они покупали муку, продовольственные и другие товары.

Жители приангарских сел на протяжении всего года ловили белую рыбу для своих продовольственных потребностей. Но здесь сложилась социально ориентированная модель вылова красной рыбы, которая была не только продуктом их питания, но и источником получения денежных средств. Эта модель сложилась достаточно давно, так как местные жители относились к ней, как к проверенной временем традиции. Наиболее подробно описал ее А.А. Макаренко в изданной в 1902 г. книге «Промысел красной рыбы на Ангаре».

Согласно данным А.А. Макаренко, все 78 приангарских селений губернии были приписаны к разным зимовальным ямам на Ангаре, в которые осенью собирались осетр и стерлядь и которые считались собственностью Казачинской Кежемской, Маклаковской и Пинчужской волостей. Ловить рыбу в них разрешалось только с 21 сентября. К этому времени к ямам приезжали те, кто собирался ловить рыбу сам, работники, которых нанимали для лова, а также скупщики рыбы. Процесс лова ежедневно регулировался распорядителями, назначенными правлениями волостей, таким образом, чтобы у всех жителей были одинаковые возможности. В итоге в среднем более трех тысяч рыбаков за сезон добывали на зимовальных ямах примерно 1288 пудов осетра и 42230 пудов стерляди (Макаренко, 1902: 59).

По утверждению Н.В. Латкина, в 80-е гг. XX в. значительная часть улова красной рыбы во всех ангарских волостях и почти весь улов в Пинчужской и Кемчутской волостях шли на питание населения (Латкин, 1892: 171). Но А.А. Макаренко, который приводил данные на начало XX в., считал, что жители почти всю выловленную в предзимний период красную рыбу сбывали купцам в замороженном виде (Макаренко, 1902: 53). Не исключено, что такое изменение было обусловлено быстрым втягиванием большинства населения в товарно-денежные отношения.

Еще большую роль рыба играла в питании жителей Енисейска, в котором большая часть населения занималась торговлей, кузнечным, ткацким и другими видами ремесел. М.Ф. Кривошапкин, который занимался изучением рыболовства на Енисейском Севере в середине XIX в., писал, что жители Енисейска предпочитали рыбу жирных пород. Из молок осетра они вытапливали жир, который использовали в домашней кулинарии. Деликатесным продуктом для горожан была осетровая икра, которую привозили до 30 пудов в год. Хорошие вкусовые качества имела также икра нельмы (Кривошапкин, 1865: 172).

Если оценивать спрос населения г. Енисейска на конкретные породы рыб, то самым большим спросом здесь пользовался жирный и относительно доступный по цене муксун, которого ежегодно доставляли в соленом виде из Туруханского края не менее 10000 пудов. На втором месте по спросу у населения был осетр, которого ежегодно завозили в город в соленом виде около 6000 пудов. В город также завозили примерно по 2000 пудов енисейской стерляди, нельмы и чира. Помимо этого, ежегодно в Енисейск по зимнику доставляли около 500 пудов мороженого чира и 700 пудов мороженой нельмы (Кривошапкин, 1865: 174-175).

Те жители Енисейска, которые не могли себе позволить приобретение ценных пород рыбы, либо ловили ее сами, либо покупали более дешевых щук, налимов, плотву и тугуна. М.Ф. Кривошапкин писал, что тугун, который в изобилии водился в Енисее, составлял главную пищу для жителей енисейских сел и станков. Его употребляли в соленом, жареном и сушеном виде. Из сушеного тугуна зимой готовили суп для людей и похлебку для собак (Кривошапкин, 1865: 168).

По утверждению И.С. Пестова, еще в 20-е гг. XIX в. енисейские рыботорговцы скупали соленого тугуна у туруханских мещан и затем круглый год продавали ее на территории всей Енисейской губернии (Пестов, 1833: 257).

Интересно, что при обилии разнообразной рыбы среди жителей Енисейска и других населенных пунктов Енисейского Севера с разным достатком устойчивым спросом пользовался речной окунь. Считалось, что он не только имеет хороший вкус, помогает укреплять иммунитет, но и к тому же является эффективным афродизиак (Кривошапкин, 1865: 165).

Для жителей северной Анциферовской волости, которые из-за сурового климата не могли заниматься земледелием и скотоводством, рыба была основным продуктом питания и источником денежных средств. Они продавали енисейским купцам красную и белую рыбу в соленом виде, а чира и нельму – в сушеном виде. Купцы затем сбывали их в Енисейске, Красноярске и Канске (Степанов, 1835: 239, 259).

Немногочисленные русские жители Туруханска, где не занимались земледелием, делали заготовки на зиму из дичи, диких растений и рыбы, которая для них была главным пищевым продуктом на протяжении всего года. Причем они, как и коренные северяне, предпочитали употреблять ее в сыром виде (Пестов, 1833: 200).

Потребление рыбы коренными народами Севера зависело от специализации их хозяйственной деятельности. Она могла быть сезонным продуктом питания, дополнением к питанию охотников и оленеводов и составляла основу питания остяков. При наличии необходимых орудий лова коренные народы могли бы обеспечивать себя рыбой ценных пород. В устье Енисея и озерах Восточной тундры в изобилии водилась кунжа, мясо которой было нежнее, чем у осетра. В районе Курейки было много очень жирной ряпушки. Сиг и пелядь использовались населением для повседневного питания, так как из-за очень нежного мяса не подлежали длительной транспортировке (Кривошапкин, 1865: 167, 169, 174-175, 177).

Остяки, по утверждению А.П. Степанова и М.Ф.Кривошапкина, которые перешли на рыболовство, употребляли рыбу в сыром виде, что позволяло им поддерживать иммунную систему в экстремальных условиях Крайнего Севера. На зиму они делали три вида рыбных заготовок. Из стерлядей готовили «варку», для чего рыбу варили, а затем томили на слабом огне. «Порса» представляла собой толченый порошок из сушеной рыбы разных пород, который при добавлении в

горячую воду давал калорийную белковую похлебку. «Юколой» называли любую сушеную рыбу, которую зимой использовали как для еды, так и для корма собак (Степанов, 1835: 63-64; Кривошапкин, 1865: 132).

По свидетельству ученого А.Ф. Миддендорфа, который в 40-е гг. XIX в. проводил исследования жизни коренных народов Таймыра, остяки ели мороженую, вяленую, слегка подкопченную или рубленную на куски рыбу, которую хранили в рыбьем жире. Лакомством для них были завернутые в рыбью кожу брюшки и спинки жирных пород рыб, нарезанные на кусочки. А высушенные на ветру тушки гусей они хранили в мешках, сшитых из кожи рыбы кунжи (Миддендорф, 1878: 676). По утверждению С.Л. Чудновского, якуты, жившие на Енисейском Севере, затягивали окна в своих юртах кожей налима (Чудновский, 1885: 89).

Остяки, жившие возле реки Таз, приспособились сохранять пойманную в летний период красную рыбу в небольших озерцах, из которых вылавливали ее после наступления заморозков. Они использовали ее как для собственного питания, так и для продажи купцам в Туруханске (Памятная книжка, 1889: 293).

Мясо налима, который водился в реках почти на всей территории Енисейской губернии, южные скотоводы, крестьяне и коренные народы Крайнего Севера считали невкусным и употребляли лишь при отсутствии других видов рыб. Но все они ценили вкусовые качества свежеприготовленной налимьей икры, печени и молок налима. Жир из его молок по вкусу не уступал осетровому (Кривошапкин, 1865: 163). А.П. Степанов писал, что в Туруханском крае встречаются холмы налимов, «...из которых дикие гурманы взяли только печень и молоки» (Степанов, 1835: 242).

Приведенные нами данные позволяют сделать вывод, что видовой состав потребляемой населением рыбы зависел от того, какая рыба водилась в конкретных водоемах в районах его проживания, или от того, какие породы доставлялись в эти районы для продажи.

Так, по свидетельству губернатора А.П. Степанова, белая рыба, к которой относились щука, окунь, лещ, карась, сорога, елец, другие мелкие породы рыбы, в изобилии водилась во всех водоемах Енисейской губернии. Тайменя, ленка и хариуса было много в Енисее, Кане, Кемчуге, Тубе и Бирюсе. Осетра в большом количестве ловили в Чулыме, Бирюсе, трех Тунгусках и в Енисее от его устья до впадения в Ангару. Нельма водилась в Чулыме и устье Турухана. Лучшие места лова муксуна в Енисее располагались до устья рек Дубчес и Хантайка, а наибольшие уловы чира производились в устьях этих рек. Омуть ловился в Енисее от устья р. Хатанги до самого Карского моря (Степанов, 1835: 88-89).

Позже енисейский врач М.Ф. Кривошапкин писал, что в Турухане осенью в большом количестве ловили стерлядь, щуку и сига, в Енисее, напротив якутской деревни Шорохино, – сельдь, нельму и муксунов, в устье Нижней Тунгуски – чира (Кривошапкин, 1865: 177-178).

Развитие золотой промышленности в Енисейском округе Енисейской губернии в 30-е гг. XIX в. привело к увеличению спроса на северную рыбу. Так, енисейский купец И. Кытманов в начале 40-х гг. XIX в. всю вывезенную с промыслов рыбу продавал на золотых приисках округа (Кытманов, 1893: 265). Можно предположить, что ценные породы северной рыбы входили в рацион питания рабочих приисков. Однако качество продаваемой в Енисейском округе соленой рыбы было невысоким, так как тасеевская выпарная соль с большим количеством органических примесей плохо подходила для засола. За время доставки бочек с рыбой с промыслов за 200–300 верст против течения Енисея рыба портилась, и при ее употреблении у людей нередко случалось расстройство пищеварительной системы. Но если с этим мирились жители Енисейска, то для владельцев приисков временная утрата трудоспособности рабочих в короткий промысловый сезон оборачивалась большими убытками.

В этой ситуации золотопромышленники переориентировались на закупку продуктов питания на ярмарках в Красноярске и других населенных пунктах губернии с дешевой доставкой их водным транспортом по Енисею. Жители Енисейска, получившие доступ к относительно дешевым и качественным продуктам питания, также сократили покупку северной рыбы (Латкин, 1892: 175). Купцы-рыботорговцы могли сохранить прибыли только за счет повышения качества засолки рыбы и ускорения ее доставки потребителям.

Благодаря осознанию этой необходимости, в 1861 г. в Енисейске были созданы две купеческие пароходные кампании, каждая из которых построила и ввела в 1863 г. по пароходу. Использование пароходов для организации добычи и вывоза рыбы привело к складыванию на Енисейском Севере рыбной промышленности Енисейской губернии. Ее становление и развитие показано в нашей монографии (Гайдин, Бурмакина, 2015). Н.В. Латкин утверждал, что за счет сокращения времени на доставку рыбы потребителям ее качество стало приемлемым (Латкин, 1892).

В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, что по мере увеличения количества пароходов, используемых рыбопромышленниками, соответственно возрастали объемы вылова и вывоза северной рыбы не только в Енисейск, но и Красноярск. Таким образом, она становилась одним из доступных пищевых продуктов для красноярцев. Какая-то ее часть вывозилась в другие регионы по Московскому тракту, использовалась для питания строителей Красноярского участка Сибирской железной дороги.

Приведенные в работах А.П. Степанова и М.Ф. Кривошапкина статистические данные о вылове, продаже и, соответственно, потреблении рыбы являются условными, так как в те времена

количественные показатели определяли интуитивно признанные в торговом сообществе «специалисты», без использования весового оборудования. Наведением порядка в учете добычи пушных зверей, диких животных и рыбы в губернии занялись только в 1884 г. по распоряжению губернатора И.К. Педашенко.

Имеющиеся в Государственном архиве Красноярского края отчеты окружных начальников свидетельствуют о том, что на первых порах не было единой методики их составления. Четкое деление выловленной рыбы на красную и белую было представлено в отчете по Енисейскому округу, в котором давно практиковалась ее продажа по указанным категориям. В отчете за 1884 г. было указано, что в округе было выловлено 6920 пудов красной и 16934 пуда белой рыбы (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 269).

Отчет по округу за 1888 г. показал, что за прошедшее время вылов красной рыбы в округе вырос до 10100 пудов, а белой – до 24306 пудов (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 115. Л. 65, 103). Однако соотношение вылова красной и белой рыбы за это время практически не изменилось и, по нашим подсчетам, составило 30 к 70 %.

Если на Енисейском Севере, где предпочитали ловить стайную рыбу, ленок и таймень добывались в прилове, то в более южных районах, где было меньше рыб осетровых пород, их в отчетах относили к категории красной рыбы. В отчете по Ачинскому округу за 1885 г. был указано, что улов красной рыбы за год составил 145 пудов, в том числе тайменя – 25 пудов, нельмы – 50 пудов и ленка – 70 пудов. Белой рыбы в округе за год было выловлено 8006 пудов, в том числе хариуса – 150, леща – 250, налима – 300, карася – 350, ерша – 400, язя – 500, щуки – 1250, окуня – 2050 и сороги – 2756 пудов. Кроме того, в округе было заготовлено 7 пудов икры «красной» и 150 пудов белой рыбы (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 241).

Скорее всего, представленные в отчете статистические данные, отличающиеся по многим видам рыб на кратные величины, не являются абсолютно достоверными, так как руководство округа прежде не занималось учетом вылова рыбы, тем более по видовому составу. Но они в какой-то степени отражают представления руководства округа о структуре улова, которые нас интересуют с точки зрения видового состава потребляемой населением рыбы. Сравнение этих данных показывает, что вылов белой рыбы в Ачинском округе превышал вылов красной в 55 раз и что в повседневном питании жителей Ачинска и Ачинского округа преобладали щука, окунь, сорога и другие малоценные породы рыбы.

Отчет по Минусинскому округу за 1885 г. свидетельствовал о том, что вылов красной рыбы в нем составил 52 пуда, а вылов белой рыбы и заготовка ее икры, соответственно, – 9725 и 277 пудов. Но в этом отчете не был указан видовой состав белой и красной рыбы (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 408).

Отчет за 1888 г. в этом отношении оказался более информативным. К красной рыбе в нем были отнесены сиг, осетр, таймень, ленок, а к белой – те же породы, что и в Ачинском округе. В нем было указано, что вылов красной рыбы, а именно сига, осетра, тайменя, ленка, составил 2392 пуда, то есть за четыре года он вырос в 46 раз. Вылов белой рыбы за это время увеличился только до 10381 пуда. Интересно то, что на первом месте среди самых вылавливаемых и, соответственно, потребляемых в пищу пород белой рыбы оказался хариус, которого было выловлено 4234 пуда, на втором – был елец, вылов которого составил 2675 пудов, на третьем – оказалась щука с объемом вылова 1216 пудов (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 115. Л. 408). Цифры многократного увеличения объемов вылова красной рыбы, скорее всего, свидетельствуют о налаживании в округе реального учета ее вылова.

Судя по отчету руководства Канского округа, в нем за 1884 г. было выловлено 5002 пуда красной и белой рыбы. К красной рыбе здесь были отнесены осетр, таймень и ленок, к белой – те же виды рыб, что и в Минусинском округе, но с добавлением тугуна (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 128).

В Красноярском округе за 1884 г. было выловлено 175 пудов красной рыбы и заготовлено 35 пудов ее икры, а также выловлено 2790 пудов белой рыбы (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 48). Видовой состав улова в отчете не был указан.

По отчетным данным руководства Усинского пограничного округа, на его территории за 1886 г. было выловлено 850 пудов белой рыбы (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 83. Л. 29).

Количественные данные по видовому составу улова рыбы в Енисейской губернии удалось уточнить в конце 80-х гг. XIX в., когда проводилось государственное исследование хозяйственного быта населения Ачинского, Красноярского, Минусинского и Канского округов. В опубликованных материалах этого исследования были приведены данные по вылову разных пород рыбы. В них было указано, что скотоводы, крестьяне-землепашцы и коренные народы севера по-прежнему ловили рыбу в свободное от основных хозяйственных работ время (Материалы по исследованию..., 1893: 308).

Золотопромышленник и краевед Н.В. Латкин по этому поводу писал, что за 70 лет после создания губернии ничего не изменилось в хозяйственной жизни татар Кызыльского и Мелецкого ведомств: кызыльские – по-прежнему занимались рыбной ловлей как побочным видом хозяйственной деятельности (Латкин, 1892: 172), а мелецкие – жили в основном за счет вылова рыбы (Пестов, 1833: 131).

Материалы вышеназванного исследования свидетельствуют, что ловлей рыбы в конце 80-х гг. XIX в. занимались 32,8 % хозяйств Кызыльского и почти 100 % хозяйств Мелецкого ведомств. Причем

в верхних улусах Мелецкого ведомства, расположенных возле р. Чулым, на одного рыбака добывалось в среднем 59 пудов рыбы в год, в том числе 25 пудов щуки, 8 пудов сороги, 6 пудов налима, 20 пудов прочей белой, в основном мелкой, рыбы. Кроме того, в верхних улусах добывалось до 80 пудов красной рыбы и до 50 пудов нельмы. Красная рыба в основном шла на продажу, а белая – на засол. Рыбу, пойманную в зимний период, хранили в подвалах на льду в мороженом виде. Жирных ельцов сушили для собственных нужд. Избыток рыбы жители улусов продавали или меняли на необходимые товары.

В низовых улусах, расположенных в нижнем течении Чулыма, на одного рыбака добывалось примерно 120 пудов рыбы, в том числе 45 пудов щуки, 10 пудов налима, 45 пудов сороги и 20 пудов всякой прочей рыбы ([Материалы по исследованию..., 1893: 321](#)).

Крестьяне Назаровской и Балахтинской волостей Ачинского округа продавали выловленную рыбу в Ачинске или ближайших селах только при крайней нужде в деньгах ([Материалы по исследованию..., 1893: 322](#)).

В Красноярском округе рыбу ловили почти все жители поселений, расположенных недалеко от Енисея. Часть выловленной рыбы жители пригородной Вознесенской волости продавали в Красноярске. Если соленую красную и белую рыбу с Енисейского Севера красноярцы покупали впрок на холодную часть года, то свежая енисейская рыба приобреталась для повседневного употребления.

В Канском округе в среднем на рыбака приходилось более 40 пудов рыбы в год. Почти всю красную рыбу и крупные экземпляры белой рыбы жители пытались продать на ближних городских и сельских базарах. Относительно крупную рыбу летнего улова они солили на зиму. Всю остальную употребляли в пищу сразу после вылова ([Материалы по исследованию..., 1893: 315](#)). Большинство крестьян, а именно 93 %, Шелаевской волости Канского округа, расположенной в зоне рискованного земледелия на р. Бирюсе, жили за счет рыболовства ([Материалы по исследованию..., 1893: 309](#)).

Выловом рыбы на продажу в Красноярском и Канском округах специально занимались только некоторые жители пригородных сел. Они ловили тайменей, ленков и хариусов на реках Мана и Агул, сплавляя живую рыбу в Красноярск на плотках с выдолбленными в бревнах углублениями для воды, а в Канск – на лодках с заполненными водой отсеками ([Материалы по исследованию..., 1893: 315, 317](#)).

В южном Минусинском округе, где раньше происходил интенсивный вылов рыбы, теперь в среднем на рыбака ее добывали не более 14–15 пудов в год. Выловом красной рыбы здесь занимались немногочисленные рыбаки, которые специализировались на этом виде промысла. Из степной Бейской волости на рыбак приходилось ездить за несколько десятков верст на р. Кантегир. Большую часть улова крестьян Минусинского округа составляла мелкая белая рыба, часть которой они употребляли в свежем виде, часть солили на холодное время года и немного продавали в Минусинске, а также в торговых селах Абаканском и Каратузе.

Исследователь М.А. Жигунова обратила внимание на важную роль рыбы в питании переселенцев, прибывавших в Енисейскую губернию. В числе наиболее употребляемых блюд она назвала рыбные пироги ([Жигунова, 2013: 80](#)).

Так как исследование землепользования и хозяйственного быта населения в северном Енисейском округе не проводилось, то нами была сделана попытка определить роль рыболовства в продовольственном обеспечении коренных народов Енисейского Севера и населения центральной части губернии после складывания в ней рыбной промышленности. С.Л. Чудновский писал, что после начала использования пароходов для вылова и вывоза рыбы в рыбный промысел оказалось втянуто много коренных северян, которые прежде жили за счет охоты и оленеводства. В частности, в последней трети XIX в. на вылов рыбы переключились многие юраки ([Чудновский, 1885: 44](#)), соответственно, выросла роль рыбы в их питании.

По утверждению Н.В. Латкина, из 200000–250000 пудов белой рыбы, которая вылавливались на Енисейском Севере, в конце 80-х гг. XIX в. на продажу в Енисейск вывозилось от 28000 до 40000 пудов, а остальной улов шел на питание местных жителей и прокорм ездовых собак ([Латкин, 1892: 175](#)).

Наиболее подробную статистику вывоза рыбы с Енисейского Севера, в пересчете на тонны, мы обнаружили в изданной в 1928 г. «Экономической географии Сибири». Так, если в 1870-е гг. с Енисейского Севера вывозили в среднем по 460 т рыбы, то в 1884–1889 гг. ее среднегодовой вывоз составил 520 т. В 1903 г. было вывезено 1415 т, в 1907 г. – 2110 т. В период с 1909 г. по 1913 г. ежегодный вывоз рыбы держался на показателе примерно в 2300 т. В 2016 г. он увеличился до максимальной величины в 2600 т, но затем стал падать в связи с началом войны, мобилизацией в армию части рыбаков и падением покупательских возможностей населения ([Экономическая география Сибири, 1928: 255](#)).

Но, несмотря на рост вылова рыбы в Енисейской губернии, вся она, по мнению Н.В. Латкина, на рубеже 80–90 гг. XIX в. уходила на продовольственные потребности населения. Нехватку рыбы по-прежнему приходилось восполнять за счет ее завоза из Западной Сибири в соленом и мороженом виде ([Латкин, 1892: 171](#)).

5. Заключение

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что большинство населения Енисейской губернии, проживавшее в разных климатических зонах и занимавшееся разными видами хозяйственной деятельности, как и жители Байкальского и Обь-Иртышского бассейнов, ловило рыбу для своих собственных нужд в свободное от хозяйственных работ время. Роль рыболовства в продовольственном обеспечении населения возрастала по мере продвижения с юга губернии на север, в районы рискованного земледелия, где специализация на скотоводстве и земледелии не давала гарантированного обеспечения семей продовольствием. Здесь рыба была не только продуктом их питания, но и источником получения денежных средств. Рыба для коренных народов Севера могла быть дополнением к питанию охотников и оленеводов, сезонным или круглогодичным продуктом питания. Количество и качество потребляемой в семьях рыбы зависели от наличия, активности и трудолюбия мужской части крестьянских семей. Бедные семьи и в сельских, и городских поселениях, как правило, использовали для питания малоценную белую рыбу. Семьи с более высокими доходами либо ловили сами, либо покупали рыбу более ценных пород.

Видовой состав потребляемой населением рыбы на всей территории губернии зависел от того, какая рыба водилась в водоемах в районах его проживания, или от того, какие породы доставлялись в эти районы для продажи. Статистические данные по видовому составу улова рыбы в Енисейской губернии удалось уточнить в конце 80-х гг. XIX в. во время исследования хозяйственного быта населения Енисейской губернии. Они дают некоторое представление о видовой структуре вылова рыбы и ее потребления в земледельческо-скотоводческой зоне.

С началом использования пароходов в вылове и транспортировке рыбы в Енисейской губернии примерно на двадцать лет раньше, чем в Обь-Иртышском бассейне, произошло формирование рыбной промышленности, основанной на товарно-денежных отношениях. Но если в Западной Сибири был налажен выпуск рыбных консервов и поставка рыбы в разные регионы страны, то в Енисейской губернии завоз рыбы с Енисейского Севера в Красноярск и населенные пункты Красноярского и Канского округов осуществлялся в соленом и мороженом виде.

В современных условиях, когда исчезла государственная рыбная промышленность, в Сибири и Красноярском крае, как и в императорский период, возрастает роль самостоятельного обеспечения населения, и особенно его северных территорий, рыбой и рыбной продукцией домашнего приготовления.

Литература

- Бочанова, 1978** – Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1978. С. 94-97.
- Гайдин, Бурмакина, 2015** – Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона. Красноярск, 2015. 370 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Егоров, Клименченко, 1971** – Егоров А.Г., Клименченко М.Д. Очерк истории рыболовства на Байкале и прилежащих водоемах // *Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете им. А.А. Жданова*. Т. XXIV. Иркутск, 1971. С. 193-233.
- Жигунова, 2013** – Жигунова М.А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2013. № 2. С. 75-85.
- Кривошапкин, 1865** – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 2. СПб. 1865. 566 с.
- Кытманов, 2016** – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 г. Красноярск, 2016. 888 с.
- Латкин, 1892** – Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб. 1892. 468 с.
- Макаренко, 1902** – Макаренко А.А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб. 1902. 61 с.
- Материалы по исследованию..., 1893** – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. IV. Вып. 4. Иркутск. 1893. 325 с.
- Миддендорф, 1878** – Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел I. Коренные жители Сибири. СПб. 1878.
- Памятная книжка, 1889** – Туруханский край // *Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. с адрес-календарем*. Красноярск. 1889. 395 с.
- Пестов, 1833** – Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. Москва. 1833.
- Прибыльский, 2008** – Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке: Тобольская биологическая станция РАН. М., 2008. 235 с.
- Санкин, 2008** – Санкин Е.В. Динамика развития и районирование промыслового рыболовства в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. Серия: История*, № 2 (3). Томск. 2008. С. 18-30.
- Степанов, 1835** – Степанов А.П. Енисейская губерния: Ч. 1-2. СПб. 1835. 364 с.

Чудновский, 1885 – *Чудновский С.Л.* Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири. (Статистико-публицистические этюды). Томск. 1885. 197 с.

Экономическая география Сибири, 1928 – Экономическая география Сибири. Новосибирск, 1928. 303 с.

References

Bochanova, 1978 – *Bochanova G.A.* (1978). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoi Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v. [Processing industry of Western Siberia in the Period from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century]. Novosibirsk. pp. 94-97. [in Russian]

Chudnovskii, 1885 – *Chudnovskii S.L.* (1885). Eniseiskaya guberniya k trekhstletnemu yubileyu Sibiri. (Statistiko-publitsisticheskie etyudy) [Yenisei Province. Dedicated to the 300th anniversary of Siberia (statistic and publicistic notes)]. Tomsk. 197 p. [in Russian]

Egorov, Klimenchenko, 1971 – *Egorov A.G., Klimenchenko M.D.* (1971). Ocherk istorii rybolovstva na Baikale i prilozhashchikh vodoemakh [Brief History of Fishing at the Lake Baikal and Adjacent Waters]. *Izvestiya Biologo-geograficheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Irkutskom gosudarstvennom universitete im. A.A. Zhdanova*. Vol. 24. Irkutsk. pp. 193-233. [in Russian]

Ekonomicheskaya geografiya Sibiri, 1928 – *Ekonomicheskaya geografiya Sibiri* [Economic Geography of Siberia]. Novosibirsk. 1928. 303 p. [in Russian]

Gaidin, Burmakina, 2015 – *Gaidin S.T., Burmakina G.A.* (2015). Istoriya okhotnich'ego i rybnogo khozyaystva Prieniseiskogo regiona [History of hunting and fishing sectors of Yenisei Territory]. Krasnoyarsk. 340 p. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of Krasnoyarsk Krai].

Krivoshapkin, 1865 – *Krivoshapkin M.F.* (1865). Eniseiskii okrug i ego zhizn' [Yenisei District and its Life]. SPb. 566 p. [in Russian]

Kytmanov, 2016 – *Kytmanov A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo uyezda i Turukhanskogo kraia Eniseiskoi gubernii 1594-1893 g. [Brief Chronicle of Yenisei District and Turukhan Territory of Yenisei Province, 1594–1893]. Krasnoyarsk. 888 p. [in Russian]

Latkin, 1892 – *Latkin N.V.* (1892). Eniseiskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee [Yenisei Province, its Past and Present]. SPb. 468 p. [in Russian]

Makarenko, 1902 – *Makarenko A.A.* (1902). Promysel krasnoi ryby na Angare [Salmon Fishing at Angara River]. SPb. 61 p. [in Russian]

Materialy po issledovaniyu..., 1893 – *Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaystvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii* [Research Materials on Land Management and Household Activities of Irkutsk and Yenisei Province Rural Population]. *Eniseiskaya guberniya*. Vol. 4. No. 4. Irkutsk. 1893. 325 p. [in Russian]

Middendorf, 1878 – *Middendorf A.F.* (1878). Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Chast' II. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otdel I. Korennye zhiteli Sibiri [Travelling to the North and East of Siberia. Part 2. North and East of Siberia in Natural and Historical Aspect. Section 1. Indigenous people of Siberia]. SPb. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1889 – *Turukhanskii kraia. Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1890 g. s adres-kalendarem* [Turukhansky Territory. Memorandum Book of Yenisei Province as of the year 1890, with reference book]. Krasnoyarsk. 1889. 395 p. [in Russian]

Pestov, 1833 – *Pestov I.S.* (1833). Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri, 1831 goda [Notes about Yenisei Province, Eastern Siberia, 1831]. M. [in Russian]

Pribyl'skii, 2008 – *Pribyl'skii Yu.P.* (2008). Rybnoe khozyaystvo Ob'-Irtys'h'ya v XX veke. [Fishery of Ob-Irtys'h District in the 20th century]. *Tobol'skaya biologicheskaya stantsiya RAN*. M. 235 p. [in Russian]

Sankin, 2008 – *Sankin E.V.* (2008). Dinamika razvitiya i raionirovanie promyslovogo rybolovstva v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. [Dynamics of Development and District Division of Fishery in Western Siberia in the period from the 19th century to the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2 (3). Tomsk. pp. 18-30. [in Russian]

Stepanov, 1835 – *Stepanov A.P.* (1835). Eniseiskaya guberniya: Ch. 1-2 [Yenisei Province: Pt. 1-2]. SPb. 364 p. [in Russian]

Zhigunova, 2013 – *Zhigunova M.A.* (2013). Rossiiskie pereselentsy v Sibiri: etnokul'turnyi aspect [Russian Settlers in Siberia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 2. pp. 75-85. [in Russian]

Потребление рыбы разными категориями населения Енисейской губернии в императорский период

Сергей Тихонович Гайдин ^{а, *}, Галина Александровна Бурмакина ^а

^а Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована проблема видового вылова рыбы в Енисейской губернии в императорский период ее существования, позволяющая определить роль разных видов рыбы в питании населения губернии. Знакомство с работами ученых, чиновников, предпринимателей, общественных деятелей, живших в рассматриваемый нами период и с исследованиями историков, изучавших это время, свидетельствует, что как в Западной, так и в Восточной Сибири рыба относилась к основным продуктам питания населения. Ее выловом для собственных потребностей в свободное от основной хозяйственной деятельности время занимались скотоводческие племена, крестьяне-землепашцы, оленеводы и охотники из коренных народов Севера. Рыболовство и потребление рыбы могло играть либо вспомогательную, либо основную роль в продовольственном обеспечении семей в зависимости от эффективности основной хозяйственной деятельности в разных природно-климатических зонах губернии. Часть населения губернии, преимущественно городского, употребляла в пищу рыбу, доставляемую с Енисейского Севера, где на основе использования пароходов, как и в других регионах Сибири, сложилась рыбная промышленность, работавшая в системе товарно-денежных отношений. Но в отличие от Западной Сибири в Енисейской губернии, ее рыбная промышленность обслуживала потребности только населения губернии в соленой и мороженой рыбе, так как здесь не была налажена выработка консервов и других видов рыбной продукции.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Енисейский Север, модели эксплуатации рыбных ресурсов, видовой состав вылова рыбы, продовольственное потребление рыбы, виды рыбной продукции.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gaydinsergey@rambler.ru (С.Т. Гайдин),
burmakinalgalina@rambler.ru (Г.А. Бурмакина)

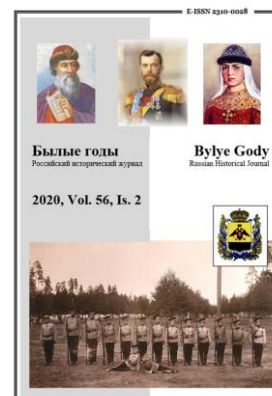
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 624-631. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.624
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of Kazakh-Russian Relations: Strengthening the Political Influence of Russia in Middle Zhuz in the second half of the XIX – early XX centuries

Kaiyrbolat Zh. Nurbay ^{a, *}, Bauyrzhan B. Yensepov ^a, Nurgul A. Mukhametzhanova ^b

^aS. Seyfullin kazakh agrotechnical university, the Republic of Kazakhstan

^bL. Gumilyov eurasian national university, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the features of Kazakh-Russian relations in the second half of the XIX – early XX centuries in case of the Middle Zhuz, characterized by the strengthening of Russia's political influence in the region, the reinforcement of mutually beneficial trade, economic and cultural ties.

Based on the analysis of archival sources, it is concluded that the strengthening of Russia's position in the region was carried out by, first of all, the implementation of the economic dependence of the Kazakh population. At the same time, the strengthening of Russia's political influence took place in all spheres of socio-political life, including the spiritual and cultural life of Kazakh society.

An objective study of the regional characteristics of Kazakh-Russian relations in the context of the political transformation of the Kazakh nomadic society will make it possible to take a fresh look at the historical experience of bilateral relations and avoid political mistakes and miscalculations in the future.

Keywords: Middle Zhuz, administrative reforms, social contradictions, land ownership, taxation, inter-clan (intergeneric) feuds and conflicts, Kazakh-Russian relations.

1. Введение

Рассматриваемый в статье период второй половины XIX – начала XX веков был особенно сложным для казахов-кочевников, что было связано с негативными последствиями административных реформ 1854, 1867–1868 годов, отчуждением собственности на землю, массовым переселением крестьян в казахские степи и дальнейшим ухудшением уровня жизни кочевников, нарушением традиционного родо-племенного устройства общества, его имущественным расслоением.

В целом, для периода второй половины XIX – начала XX веков были характерны следующие тенденции:

- усиление политического влияния России в казахском обществе (Среднем жузе) через проведение административных реформ;
- ужесточение экономической политики правительства в данном регионе путем введения новых экономических норм;
- углубление социальных противоречий между зажиточными родоуправителями (биями) и представителями бедных слоев казахского родового общества, претендовавшими на материальную и моральную поддержку со стороны правительства;
- формирование горнорудной промышленности в ходе освоения природных ресурсов и вовлечение казахов-кочевников в общероссийскую экономическую систему в результате развития рыночных отношений.

Научная новизна представленной к публикации статьи заключается, во-первых, в недостаточной изученности казахско-русских отношений в географических рамках определенного

* Corresponding author

E-mail addresses: kairbolat.nj@gmail.com (K.Zh. Nurbay)

региона, в данном случае Среднего жуза. Не исследованы региональные особенности казахско-русских отношений в культурно-духовной сфере, идеология государства в данной области.

Во-вторых, она заключается в том, что на основе критического анализа источников сделан вывод о том, что со второй половины XIX века происходит переориентация государства в качестве социальной опоры на беднейшую часть казахского общества, также заинтересованной в различных привилегиях со стороны правительства. Проведение такой политики позволило правительству успешно решать экономические интересы государства, и в частности проблему промышленного освоения богатых казахских земель, учитывая при этом интересы и местных казахских чиновников, и лояльных правительству казахских предпринимателей.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили документальные материалы из архивов, в том числе впервые введенные в научный оборот: Государственного архива Омской области (г. Омск) (Ф. 2, 3; 366); Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы) (Ф. 15; 64; 338; 348; 387).

Вместе с тем в подготовке научной статьи использованы материалы сборников опубликованных источников (например, «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков»), в которых имеются сведения по истории казахско-русских отношений, а также – по отдельным личностям.

Авторы взяли за основу концепции и научные выводы таких ученых, как В. Радлов, В. Ключевский, А. Бокейханов, Е. Бекмаханов, С. Бахрушин, в которых обозначен историко-географический подход к исследованию, позволяющий проанализировать региональные особенности казахско-русских отношений в условиях политической трансформации казахского кочевого общества.

Вместе с тем главным условием современной отечественной исторической науки должна быть, по нашему мнению, концепция обоюдовыгодных партнерских свободных отношений Казахстана и России как равноправных субъектов международных отношений. Деидеологизация и децентрализация отечественной историографии должны быть обусловлены формированием научного плюрализма, фактического многообразия научных школ и концепций.

Методы исследования заключаются в анализе и синтезе проблемы казахско-русских отношений в рассматриваемый нами период. Важным элементом в изучении данной проблемы является сравнительно-исторический метод, позволяющий показать внешние и внутренние факторы развития казахско-русских отношений.

3. Обсуждение

История казахско-русских отношений второй половины XIX – начала XX веков недостаточно исследована в разрезе отдельного региона, в частности Среднего жуза, и с учетом новых научно-методологических подходов, принципов и взглядов. Изучение Казахстана в указанный период было связано с экономическими интересами России, поэтому дореволюционные российские исследователи рассматривали проблему казахско-русских отношений также в интересах государства, российского торгового и промышленного капитала.

В дореволюционной историографии присутствовали разные взгляды относительно казахско-кочевников в целом. В частности, широкое распространение получили взгляды о прогрессивности перевода кочевников на оседлый образ жизни, что и предпринималось правительством в отношении казахов Среднего жуза в начале XIX века (Аничков, 1902: 14–25). Исследователь М. Красовский считал, что «кочевой образ жизни народа... более или менее препятствует развитию всех остальных отраслей промышленности» (Красовский, 1868: 65).

Другие исследователи полагали, что «большая часть степей по своим природным условиям пригодна только для кочевой жизни, и, если вынудить кочевников перейти к оседлости, это... явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» (Радлов, 1989: 345). Такой подход послужил поводом к пересмотру правительством своей экономической политики от «массового оседания» казахско-кочевников в сторону политики «массового переселения».

Некоторые ученые затрагивали экологические проблемы казахских степей. Например, В. Ключевский отмечал, что «Каспийское море вместе с Аральским, некогда составлявшим, вероятно, одно с ним целое, продолжает убывать и доселе» (Ключевский, 1987: 70).

В предсоветский и советский периоды анализ казахско-русских отношений сделан в трудах представителей казахской интеллигенции, которые являлись непосредственными свидетелями того сложного времени.

Так, весьма ценной является идея А. Бокейханова о том, что «на киргиз еще до настоящего времени удерживается в полной мере совершенно устарелый и неправильный взгляд как на кочующее племя... Такой взгляд в высшей степени губительно отражается на интересах киргиз, ибо он служит руководящим началом в политике переселения», – отмечал исследователь (Букейхан, 1995: 251).

Вопросы казахско-русских отношений в той или иной степени затрагивались в трудах М. Тынышбаева, Т. Рыскулова и других исследователей (Тынышбаев, 1996; Рыскулов, 1935). Так, М. Тынышбаев отмечал, что казахи с незапамятных времен владели собственностью и «... приняли

русское подданство не для того, чтобы лишиться своих лучших земель..., а для вселения..., спокойствия, и мира, и защиты от притеснений» (Тынышбаев, 1996: 17).

По утверждению известного исследователя истории Сибири С. Бахрушина, первостепенную роль в продвижении России в Сибирь и Северо-Восточный Казахстан сыграл экономический фактор (Бахрушин, 1927: 172-173).

Известный ученый-историк Е. Бекмаханов, изучая динамику социальных изменений в период XVIII–XIX веков, говорил об усиленном внедрении российской административной системы управления, обострении русско-английского соперничества и укреплении позиций России в Средней Азии, а также о транзитном торговом значении казахских степей и экономических интересах растущего российского капитализма (Бекмаханов, 1992: 117).

Несомненный интерес для нашей статьи представляют работы Н. Аполловой, особое внимание обратившей на внутреннюю эволюцию казахско-русских отношений и на изменения в хозяйственной жизни казахов в период экономической реформации (Аполлова, 1948: 245).

Важное значение имеют выводы исследователя кочевничества Н. Масанова о том, что «...именно земледельческое хозяйство стало главной причиной экологической катастрофы планетарного масштаба – обмеления и усыхания Аральского моря и Балхаша, агонизирующих на протяжении последних 30 лет...» (Масанов, 1995: 232-233).

Из современных исследователей следует назвать имя известного ученого Ж. Касымбаева, который отмечал, что «организация сбора пошлины, укрепление штатов таможенных постов и застав, а также редутов составляли одну из главных забот правительства» (Касымбаев, 1996: 38).

Современные зарубежные, в частности российские исследователи, связывая проблему казахско-русских отношений с геополитическим фактором, подчеркивают благоприятную в то время для расширения русского влияния обстановку в Средней Азии, обосновывая это тем, что «в ряде случаев вопрос стоял о выживании целых народов из-за угрозы нападения более сильных соседей. В этих условиях, – отмечают они далее, – многие правители... не только не оказывали сопротивления русскому проникновению, но и сами стремились перейти в русское подданство» (Национальная политика, 1997: 10, 47). Анализируя казахско-русские отношения, российские авторы приходят к выводу, что «есть все основания надеяться на то, что взаимоотношения обновленного Казахстана и обновленной России, двух ближайших соседних стран, будут основаны впрямь только на принципах взаимного уважения государственного суверенитета...» (Россия, Запад: 26).

4. Результаты

Географические рамки статьи охватывают территорию Среднего жуза, именно на ней впервые была ликвидирована ханская власть, последствиями чего стали усиление политического влияния России в регионе и последующая трансформация казахского общества.

Хронологические рамки ограничиваются второй половиной XIX и началом XX веков, когда в результате проведения административных реформ 1854, 1868 годов происходили ломка традиционного устройства казахского кочевого общества и переход к новой экономической политике, заключавшейся в отчуждении собственности на землю и усилении рычагов экономической зависимости казахов-кочевников от государства.

Еще в начале XIX века правительство приступило к выполнению задачи по постепенному продвижению в глубь казахских земель. Как нами отмечено в предыдущей статье, «непосредственно проекты по изменению административной системы управления на территории казахских жузов начались разрабатываться в конце XVIII века» (Nurbay, Zhuman, 2019: 1484). А когда «...противостояние между чингизидами-торе и казахской родовой знатью обострилось, ...Россия ...приступила к активным действиям по непосредственному включению их территорий в состав государства» (Nurbay, Zhuman, 2019: 1484).

Царская администрация опиралась тогда в налаживании с казахами торгово-экономических и культурных связей на родоуправителей-биев, которые традиционно имели высокий авторитет в казахском обществе и которые в этот период стали наиболее приближенными к местной и центральной властям, их глашатаями и проводниками в Казахской степи.

Например, одним из таких влиятельных биев Среднего жуза был Казангап Сатыбалдыулы, который благодаря хорошему знанию русского языка и умению идти на компромисс, когда этого требует необходимость, завоевал особое доверие и расположение Омской областной администрации (Казангап би, 2008: 29-30). Как справедливо отмечает исследователь Ж. Артыкбаев, становлению Казангапа Сатыбалдыулы старшим султаном Баянаульского внешнего округа во многом способствовало одинаково хорошее расположение к нему как местного казахского населения, так и сибирских властей (Казангап би, 2008: 116). Русские источники, характеризуя личность Казангапа Сатыбалдыулы, используют эпитеты «умен, честен, откровенен» (История Казахстана в русских..., 2006: 190-191).

Некоторые казахские родоуправители-бии сами просили об открытии у них внешнего округа, выражая интересы местного казахского населения. Например, желание открыть в своих кочевьях

отдельный округ выражали старшины многочисленного рода Аргын Среднего жуза в письме Омскому областному начальнику (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 365. Л. 3-4, 120).

После подавления вооруженного восстания Кенесары Касымулы в 1847 году наступает новый этап в казахско-русских отношениях, связанный с укреплением позиций России в Среднем жузе, так как именно он был основным очагом этого восстания. Для закрепления здесь, к примеру, еще до начала восстания переселены были с Сибирской (Иртышской) военной линии на территорию внешних округов Среднего жуза 10 казачьих полков (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 164. Л. 3-3 об.).

Теперь, после стабилизации обстановки в регионе в середине XIX века, правительство кардинальным образом перестраивает отношения с казахами и для окончательного укрепления здесь своих позиций приступает к проведению новых реформ.

Прежде всего усиление рычагов влияния на казахов-кочевников происходило за счет проведения жесткой экономической политики, основанной на положениях административной реформы 1854 года. В частности, в статье 210 отмечалось, что «земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными», а в статье 238 говорилось, что «в киргизской степи леса составляют государственную собственность, за исключением отведенных уже в надел казачьим войскам» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 246. Л. 3-17). Вообще, казачьи войска пользовались большими льготами правительства при наделении землей, например, «оба берега Иртыша принадлежат почти на всем протяжении Сибирскому казачьему войску» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 472. Л. 29, 33-35, 38-42). Причем «за кочевание на войсковых землях киргизы платят или по добровольному соглашению со станичными обществами, или по таксе, если начальство признает ее нужною» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 246. Л. 3-17).

Новая экономическая политика правительства претворялась в жизнь путем освоения природных ресурсов казахских земель, так как оно могло принести большие доходы предпринимателям и налоги в казну государства. В частности, с середины XIX века начинают разрабатываться месторождения золота, серебра, меди, свинца и других металлов. Например, в Семипалатинской области возникают золотые рудники, которые принадлежали русским купцам Попову, Самсонову, Мамонтову, Нагайцеву, Левшину, Кривошеину и другим предпринимателям (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 26. Л. 2-3; Ф. 15. Оп. 1. Д. 97. Л. 9). Так, на 8 золотых промыслах было добыто в 1858 году золотого песка – 6248904 $\frac{1}{2}$ пудов, получено золота – более 3 пудов (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 26. Л. 2-3). Но особенно богатыми оказались залежи медных и железных руд, находившиеся вблизи селения Баянаул одноименного округа и разрабатывавшиеся крупным предпринимателем А. Поповым (ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2571. Л. 5-5 об., 8-9, 18-18 об.; ЦГА РК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2; Ф. 348. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3; 348. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-3; Ф. 348. Оп. 1. Д. 10. Л. 2-3).

Включение казахов Среднего жуза в сферу экономических отношений России происходило и путем совершенствования системы налогообложения. Согласно положению 1854 года казахи были обложены различными видами повинностей и налогов, в частности земскими повинностями, кибиточным сбором, от которого, кстати, освобождались «семейства киргизов, убитых и раненых в 1844 году против мятежного султана Кенесары» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 246. Л. 3-17).

По реформе 1854 года происходили изменения не только в сфере экономических отношений, но и в сфере системы управления казахами Среднего жуза. Так, Пограничное управление сибирскими киргизами (создано в 1838 году) было преобразовано в Областное управление сибирскими киргизами и учреждены Семипалатинская область в составе внутренних округов Семипалатинского, Аягузского, Капальского, Алатауского и Область сибирских киргизов с внешними округами Кокчетавским, Кусмурунским, Аманкарагайским, Каркаралинским и Баянаульским (ЦГА РК. Путеводитель, 1995: 13; Коншин, 1917: 14). Сибирские казахи оказались, таким образом, в составе двух разных административно-территориальных структур (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 925; ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1775. Л. 2-3).

Создание единой административной системы управления на территории Среднего жуза привело к возникновению бюрократического аппарата власти, последствиями которого были взяточничество, «кумовство» и другие негативные явления. Например, в прошении киргиза Кызылтавской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области Акымбека Альдебекова говорилось «...о взятках бывшего уездного начальника Красильникова по избранию в 1886 г. лиц на должность управителя Карамолинской волости» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 145. Л. 3, 10-11).

Новая административная реформа 1867–1868 годов, в частности «Временное положение» 1868 года, кардинально изменила систему управления в Казахской степи, в Среднем жузе, и произошла замена родо-племенного принципа разделения волостей на территориальный, что привело к обострению межродовых конфликтов и распрей. Происходило искусственное объединение, нередко враждебных друг к другу волостей, как это произошло, например, с объединением Кулюковской и Урманчинской волостей, вследствие чего «род Урманчинский вовсе вышел из повиновения Управителя» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1826. Л. 18-19).

В ходе проведения административной реформы 1868 года происходило дальнейшее усиление позиций государства во всех сферах общественной жизни, и в том числе образования и культуры, духовной сфере.

Еще в Уставе о сибирских киргизах 1822 года говорилось о необходимости обращения казахов в христианство (Коншин, 1917: 19, 23, 27). Для этих целей была даже основана в г. Семипалатинске Духовная миссия (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2167. Л. 2).

Кампания по крещению казахов проводилась и в начале XX века. Так, начальник Киргизской миссии Православного миссионерского общества в Семипалатинске отмечал, что «...полезно сделать селение Преображенское смешанным из русских православных христиан-переселенцев и новокрещеных киргизов...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2167. Л. 2).

Царская администрация серьезно опасалась широкого распространения и пропаганды ислама среди кочевого населения, поэтому всячески пыталась воспрепятствовать агитации татарских мулл и миссионеров в казахских аулах. Так, в секретном послании Западно-Сибирского генерал-губернатора Семипалатинскому военному губернатору выяснялось, «...происходит ли в школах при татарских мечетях преподавание русского языка и кто за ними ведет наблюдение...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-2). Главное управление Западной Сибири по управлению духовными делами киргизов считало, что «...магометанская пропаганда научит киргиз считать русских гяурами...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 52. Л. 4-11).

Требование знания русского языка предъявлялось и при выборах волостных управителей. Например, Семипалатинский областной военный губернатор отмечал, что «...впервые предъявлено требование, чтобы лица, баллотирующиеся на должность волостных управителей и кандидатов к ним, знали бы русский разговорный язык...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 472. Л. 25). Сегодня мы понимаем, что это требование было обоснованным и правильным, так как все население государства должно владеть государственным языком.

Нередко для того, чтобы провести на волостных выборах своего человека, местные власти сознательно шли на нарушения выборного законодательства, утверждая на должность волостного управителя получившего меньшинство голосов, но зато преданного им человека. Так, на Павлодарском уездном съезде крестьянских начальников Семипалатинской области говорилось, что «...на должность (волостного управителя – Авт.) необходимо утвердить получившего меньшинство волостного управителя Джунуса Нуркина, так как ...Д. Нуркин является представителем беднейшей партии волости... и доказал свою беспристрастность и самостоятельность в делах, взыскав массу продовольственных долгов, других недоимок и окладных сборов...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1726. Л. 1-2). «...Для пользы дела необходимо утвердить баллотировавшегося Калыка Турлукина, а не получившего наибольшее число избирательных шаров М-К. Ильсова, так как ... К. Турлукин не только хорошо говорит, но и порядочно пишет по-русски...», – отмечалось в другом документе (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1630. Л. 8-9).

Конечно, такие правонарушения при выборах волостных управителей не могли бы иметь места, если бы не было поддержки со стороны самих казахов, которые, желая провести своего человека на хорошую должность, всячески пытались очернить своих сородичей. Например, на выборах в Чакчанской волости «...волостными выборными... написана жалоба, в которой они ходатайствуют о неутверждении Амырханова и Татиева, первого, как пользующегося неуважением и не достигшего 25-летнего возраста, второго, как не говорящего по-русски...» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1631. Л. 4-5).

Как видим, коренным образом изменилась политика правительства в отношении его социальной опоры в казахском обществе. Если до реформы 1868 года правительство опиралось на состоятельных родоуправителей-биев, то со второй половины XIX – начала XX веков делает ставку на представителей беднейшей части казахского общества, которые в свою очередь также искали поддержку у правительства в плане материального и карьерного роста. Это было связано с социальным расслоением казахского общества, углубившим социальные противоречия, что усилило накал политической борьбы за влияние в обществе между «богатой» и «бедной» партиями. При этом впоследствии Советы (большевиков) также опирались при проведении своих социальных экспериментов на беднейшую часть казахского общества.

Кроме того, опираясь на положения административных реформ 1854 и 1868 годов, правительство, не добившись успехов в деле перевода кочевников на оседлый образ жизни, пересматривает свои позиции и переходит к «переселенческой политике», которая начала осуществляться, начиная с 1870 годов, а массовый и планомерный характер переселение получило после издания в 1904 году закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» (Коншин, 1917: 16).

После издания указанного закона переселенческие крестьянские селения получили от правительства льготы, создавались крестьянские участки во главе с заведующими (или иначе крестьянскими начальниками), в состав которых входили и казахские волости, причем количество крестьянских участков постоянно увеличивалось, что свидетельствует о размахе крестьянского переселения (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1606. Л. 3, 10-12).

Переориентация и поддержка правительством «бедной партии», представители которой становились волостными управителями и получали таким образом определенные привилегии от власти, создали предпосылки для дальнейшего социального расслоения казахского общества, последствием которого стало усиление борьбы между представителями «богатой» и «бедной» партий.

Например, архивные источники свидетельствуют «...о выступлениях казахов Малыбаевской волости против волостного управителя...» (ЦГА РК Ф. 64. Оп.2. Д. 5945. Л. 54-54 об.). В другом документе сообщается «...о выступлении казахов Долбинской волости против уездной администрации» (ЦГА РК Ф. 64. Оп. 1. Д. 3884. Л. 99-100 об.).

Необходимо отметить, что отношения между казахами и русскими были не только на уровне власти. Межэтнические контакты развивались и между двумя народами, между простыми людьми. Особенно интенсивно казахско-русские хозяйственные и культурные связи развивались на приграничных территориях, каковыми являлись северо-восточные районы Среднего жуза, где происходили взаимообмен хозяйственным опытом, культурное взаимообогащение (Ядринцев, 1892: 32; Ядринцев, 1886: 24; Потанин, 1861: 6-7; Потанин, 1884: 111-112).

Вместе с тем и у казахов, и у русских происходило собственное культурное и духовное развитие, отличавшееся особенностями образа жизни и менталитета. Казахи как кочевники особо не испытывали надобности в мечетях (отправление молитвы осуществлялось в домашних условиях, приобщение к духовному традиционно происходило через приобщение к устной литературе, родословной). У русского населения приобщение к духовному происходило, прежде всего, через обращение к богу в ходе посещения церкви. Поэтому, например, в Ямышевской (церковь построена в 1777 году), Коряковской (в 1841 году), Железинской (в 1786 году) и других крепостях и селениях Сибирской военной линии, где проживали разные слои русского населения, строились православные церкви (ЦГА РК Ф. 387. Оп.1. Д. 56. Л. 17-17 об., 40-40 об., 406-406 об.).

5. Заключение

Итак, на основании анализа источников мы пришли к следующим выводам:

- во-первых, усиление политического влияния России в Среднем жузе было закономерным последствием административных реформ 1854 и 1868 годов, направленных на ломку традиционного хозяйственного уклада кочевников и традиционных социальных отношений и вовлечение казахов данного региона в единую экономическую систему путем сельскохозяйственного и промышленного освоения казахских земель;

- во-вторых, оно было обусловлено и тем, что так как проводимая правительством с начала XIX века политика «массового оседания кочевников» не дала положительных результатов, то во второй половине XIX века она была переориентирована на массовое переселение крестьян в казахские степи;

- в-третьих, изъятие казахских земель в пользу крестьян-переселенцев и казаков привело к снижению жизненного уровня казахского кочевого населения, а последствиями земледельческого и промышленного освоения казахских земель стало ухудшение экологии окружающей среды;

- в-четвертых, создание на территории Среднего жуза единой общероссийской административной системы управления привело к формированию государственно-бюрократического аппарата.

Литература

Аничков, 1902 – Аничков И.В. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. 1902. № 5. Отд. II. С. 14-25.

Аполлова, 1948 – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН КазССР, 1948. 256 с.

Бахрушин, 1927 – Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 456 с.

Бекмаханов, 1992 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алматы: Казахский университет, 1992. 399 с.

Букейхан, 1995 – Букейхан Алихан. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Избранное: научные исследования, труды на каз. и рус. языках. Монографии. Статьи. Речи. Доклады. Стихи. Переводы. Письма. Алматы: Казахская энциклопедия, 1995. 478 с.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

История Казахстана в русских..., 2006 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Часть 1. VIII том. А.: «Дайк-Пресс», 2006.

Казангап би..., 2008 – Казангап би Сатыбалдылы. Павлодар: «Кереку», 2008.

Касымбаев, 1996 – Касымбаев Ж.К. Казахстан – Китай: караванная торговля в XIX – начале XX вв. / Отв. ред. К.Л. Сыроежкин. Алматы: Олке, 1996. 206 с.

Ключевский, 1987 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения: в 9 томах / Под. ред. В.Л. Янина: Вступ. ст. В.Л. Янина, В.А. Александрова, с. 5-32. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Ч. 1. / Послесл., с. 367-388, и коммент. В.А. Александрова, В.Г. Зиминной. 430 (1) с.

Коншин, 1917 – Коншин Н.Я. Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.). Отд. оттиск из № 1 (14) «Нашего хозяйства». 36 л.

Красовский, 1868 – Красовский М. Область сибирских киргизов / Материалы для географии и статистики в трех частях. СПб., 1868. Ч. I. 428 с.; ч. II. 464 с.; ч. III. 264 с.

- Масанов, 1995** – *Масанов Нурбулат*. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Социнвест, Москва: Горизонт, 1995. 319 с.
- Национальная политика, 1997** – Национальная политика России: история и современность / Авт.: Кулешов С.В. и др. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
- Потанин, 1861** – *Потанин Г.Н.* Заметки о Сибирском казачьем войске // *Военный сборник*. СПб., 1861. Т. XIX. С. 15-38.
- Потанин, 1884** – *Потанин Г.Н.* Сибирские казаки // *Живописная Россия*. Т. II. Западная Сибирь. СПб., 1884. 370, IV с.
- Радлов, 1989** – *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Россия, Запад** – Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Изд. «Дмитрий Булганин», 1996. 468 с.
- Рыскулов, 1935** – *Рыскулов Т.Р.* Из истории революционной борьбы в Казахстане // *Революции и национальность*. М., 1935. № 11. С. 36-45.
- Тынышбаев, 1996** – *Тынышбаев М.* История казахского народа. Алматы: Казахский университет, 1996. 198 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК. Путеводитель..., 1995** – Путеводитель по фондам досоветского периода ЦГА РК. Т. 1. Алматы, 1995.
- Ядринцев, 1886** – *Ядринцев Н.М.* Раскольничьи общины на границе Китая // *Сибирский сборник*. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21-47.
- Ядринцев, 1892** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 720 с.
- Nurbay, Zhuman, 2019** – *Nurbay Kairbolat Zh., Zhuman Gulmira Zh.* Middle Zhuz in the Period of the XVIII – beginning of the XIX century: Political Aspect of the Problem // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1479-1489. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1479

References

- Anichkov, 1902** – *Anichkov I.V.* (1902). Upadok narodnogo hozyaistva v kirgiskih stepyah. [The decline of the national economy in the Kyrgyz steppes] // *Russkaya mysl'*. № 5. Otd. II. Pp. 14-25. [in Russian]
- Apollova, 1948** – *Apollova N.G.* (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-h godah XVIII veka. [Accession of Kazakhstan to Russia in the 30s of the 18th century]. Alma-Ata: AN KazSSR. 256 p. [in Russian]
- Bakhrushin, 1927** – *Bakhrushin S.V.* (1927). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Essays on the history of the colonization of Siberia in the XVI and XVII centuries]. М.: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh. 456 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1992** – *Bekmakhanov E.* (1992). Kazakhstan v 20-40-e gody XIX veka. [Kazakhstan in the 20-40s of the XIX century]. Алматы: Kazakhskii universitet. 399 p. [in Russian]
- Bukeikhan, 1995** – *Bukeikhan A.* (1995). Istoricheskie sud'by Kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspehi. [The historical fate of the Kyrgyz region and its cultural successes] Izbrannoe: nauchnye issledovaniya, trudy na kaz. i rus. yazykakh. Monografii. Stat'i. Rechi. Doklady. Stikhi. Perevody. Pis'ma. Алматы: Kazakhskaya entsiklopediya. 478 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi archiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].
- Istoriya Kazakhstana v russkikh..., 2006** – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. [The history of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries]. Chast' 1. VIII tom. А.: «Daik-Press», 2006. [in Russian]
- Kazangap bi ..., 2008** – *Kazangap bi Satybaldyuly* (2008). Pavlodar: «Kereku». [in Russian]
- Kasymbayev, 1996** – *Kasymbayev Zh.K.* (1996). Kazakhstan-Kitai: karavannaya trgovlya v XIX – nachale XX vv. [Kazakhstan – China: Caravan Trade in the 19th – early 20th Centuries]. Otv. red. K.L. Syroezhkin. Алматы: Olke. 206 p. [in Russian]
- Kluhevskii, 1987** – *Kluhevskii V.O.* (1987). Kurs russkoi istorii. [The course of Russian history]. Sochineniya: v 9 tomakh. Pod. red. V.L. Yanina: Vstup. st. V.L. Yanina, V.A. Aleksandrova, pp. 5-32. М.: Mysl'. Т. 1. Ch. 1. Poslesl., pp. 367-388, i komment. V.A. Aleksandrova, V.G. Ziminoi. 430 (1) p. [in Russian]
- Konshin, 1917** – *Konshin N.Ya.* (1917). Kratkii istoricheskii ocherk Semipalatinskogo kraya (do 1917 g.). [A brief historical outline of the Semipalatinsk Territory (until 1917)]. Otd. ottisk iz № 1 (14) «Nashego khozyaistva». 36 l. [in Russian]
- Krasovskii, 1868** – *Krasovskii M.* (1868). Oblast sibirskikh kirgizov. [The region of Siberian Kyrgyz]. Materialy dlya geografii i statistiki v trekh chastyakh. СПб., 1868. Ch. I. 428 s.; ch. II. 464 s.; ch. III. 264 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – *Masanov, N.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazahov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshestva). [Nurbulat Masanov. The nomadic civilization of the Kazakhs (the foundations of the life of a nomadic society)]. Алматы: Sotsinvest, Москва: Gorizont. 319 p. [in Russian]

- Natsionalnaya politika ..., 1997** – Natsionalnaya politika Rosii: istoriya i sovremennost [National policy of Russia: history and modernity]. Avt.: Kuleshov S.V. i dr. M.: Russkii mir. 680 p. [in Russian]
- Nurbay, Zhuman, 2019** – *Nurbay Kairbolat Zh., Zhuman Gulmira Zh.* (2019). Middle Zhuz in the Period of the XVIII – beginning of the XIX century: Political Aspect of the Problem. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4: 1479-1489. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1479
- Potantin, 1861** – *Potantin G.N.* (1861). Zametki o Sibirskom kazachem voiske. [Notes on the Siberian Cossack army]. Voennyi sbornik. SPb. T. XIX. Pp. 15-38. [in Russian]
- Potantin, 1884** – *Potantin G.N.* (1884). Sibirskie kazaki. [Siberian Cossacks]. Zhivopisnaya Rossiya. T. II. Zapadnaya Sibir'. SPb., 1884. 370, IV p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – *Radlov V.V.* (1989). Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. M.: Nauka. 749 p. [in Russian]
- Rossiia, Zapad..., 1996** – Rossiia, Zapad i musulmanskii Vostok v kolonialnuu epohu [Russia, the West and the Muslim East in the colonial era]. SPb.: Izd. «Dmitrii Bulganin», 1996. 468 p. [in Russian]
- Ryskulov, 1935** – *Ryskulov T.R.* (1935). Iz istorii revoliutsionnoi borby v Kazakhstane. [From the history of the revolutionary struggle in Kazakhstan]. Revolyutsii i natsional'nosti. M. No. 11. Pp. 36-45. [in Russian]
- Tynyshbayev, 1996** – *Tynyshbayev M.* (1996). Istoriya kazakhskogo naroda [History of the Kazakh people]. Almaty: Kazakhskii universitet. 198 p. [in Russian]
- TSGA RK** – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- TSGA RK. Putevoditel..., 1995** – Putevoditel po fondam dosovetskogo perioda TSGA RK. [Guide to the funds of the pre-Soviet period of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. T. 1. Almaty, 1995. [in Russian]
- Yadrintsev, 1886** – *Yadrintsev N.M.* (1886). Raskolnichi obshiny na granitse Kitaya. [Schismatic communities on the border of China]. Sibirskii sbornik. SPb., Kn. 1. Pp. 21-47. [in Russian]
- Yadrintsev, 1892** – *Yadrintsev N.M.* (1892). Sibir kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova. 720 p. [in Russian]

Особенности казахско-русских отношений: усиление политического влияния России в Среднем жузе во второй половине XIX – начале XX веков

Кайырболат Ж. Нурбай ^{a, *}, Бауыржан Б. Енсепов ^a, Нургуль А. Мухаметжанова ^b

^a Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются особенности казахско-русских отношений во второй половине XIX – начале XX веков на примере Среднего жуза, характеризующиеся усилением политического влияния России в данном регионе, укреплением взаимовыгодных торгово-экономических, хозяйственных и культурных связей.

На основе анализа архивных источников делается вывод о том, что укрепление позиций России в рассматриваемом регионе происходило, прежде всего, путем осуществления экономической зависимости казахского населения. Вместе с тем усиление политического влияния России происходило во всех сферах общественно-политической жизни казахского общества, в том числе духовной и культурной.

Объективное исследование региональных особенностей казахско-русских отношений в условиях политической трансформации казахского кочевого общества позволит по-новому взглянуть на исторический опыт двусторонних отношений и избежать в будущем политических ошибок и просчетов.

Ключевые слова: Средний жуз, административные реформы, социальные противоречия, собственность на землю, налогообложение, межродовые распри и конфликты, казахско-русские связи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kairbolat.nj@gmail.com (К.Ж. Нурбай)

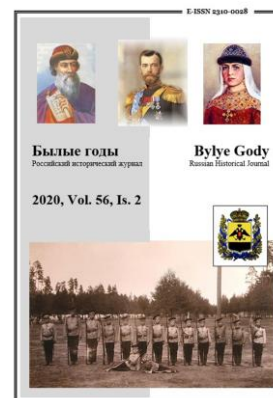
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 632-639. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.632
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of Management Bodies and Administrative-Territorial Structure of the Resettlement Village on the Kalmyk Lands of the Astrakhan Province (the second half of the XIX century)

Sergey S. Belousov ^{a,*}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the history of the formation in the second half of the XIX century of management bodies in settlements that arose in the Kalmyk lands. The features of this process on the territory of the Kalmyk ulus and the factors that influenced it are revealed, the evolution of the state administrative and territorial policy is considered, and the attitude of various state administrative structures to the solution of this issue is analyzed.

The author comes to the conclusion that the formation of the administrative-territorial structure and management in the resettlement villages on the Kalmyk lands had its own specifics, due to the tasks solved by the Imperial decree of December 30, 1846, the geographical factor, and features of the process of settlement and management of the Kalmyk people.

The Russian ruling circles during the period of formation in the settlement villages on the Kalmyk lands of management and administrative-territorial structure conformed their actions to the existing circumstances and the current situation, thus showing a certain political flexibility. At the same time, they were not going to abandon the main goal of administrative and territorial policy, which was to gradually unify the system of government in different parts of the state.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyk lands, administrative and territorial policy, settlers, tracts.

1. Введение

В 1846–1876 гг. на территории калмыцких кочевий, согласно указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» (ПСЗ РИ – 2 XXI: 725-726), были образованы стационарные поселения, призванные решить ряд задач государственного и регионального значения. Всего на калмыцких землях, вдоль дорог, было образовано 25 поселений, для которых были сформированы органы управления и определено административно-территориальное устройство. В процессе их создания администрация вынуждена была учитывать особенности региона и специфику решаемых в нем задач. Вследствие этого система управления и административно-территориального деления в переселенческих селах на калмыцких землях во второй половине XIX в. отличалась от аналогичных в поселениях как Астраханской, так и соседних губерний. При создании органов управления в новых поселениях администрации приходилось учитывать особенности национального, сословного состава новопоселенцев и их прежнего образа жизни, правовой статус калмыцких земель, систему управления калмыцким народом и, конечно же, природные условия калмыцких степей. Важно отметить то, что поселения на калмыцких землях должны были формироваться из двух равных по численности этнических групп – русских и калмыков, которые представляли два различных социально-культурных мира: оседлый и

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

кочевой. Первые – были земледельцами по хозяйственной деятельности и православными по вероисповеданию, вторые – скотоводами и буддистами по религии.

Изучение процесса формирования органов управления и административно-территориального устройства поселений на калмыцких землях представляет научный интерес, поскольку, с одной стороны, обогащает нас знаниями о переселенческой политике в одном из национальных регионов России, а с другой – оно позволяет приоткрыть одну из не исследованных до настоящего времени страниц в истории имперской административно-территориальной политике.

Автор статьи основной целью ставит исследование процесса формирования органов управления и административно-территориального устройства в переселенческих селах на калмыцких землях во второй половине XIX в. В связи с этим предполагается выявить его особенности и факторы, повлиявшие на него, а также показать эволюцию правительственного курса.

2. Материалы и методы

Основную базу источников статьи составили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГААО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). В первом архиве, в частности в фондах № 383 (Первый департамент Министерства государственных имуществ (МГИ) и № 381 (Канцелярия министра земледелия) сосредоточены дела центральных органов государственной власти, руководивших осуществлением проекта заселения дорог на калмыцких землях и обустройством переселенцев. Также были использованы материалы фонда № 794 (Астраханское управление земледелия и государственных имуществ) Государственного архива Астраханской области и фонды № 6 (Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ), И-7 (Канцелярия главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог на калмыцких землях) и № 15 (Малодербетовское улусное управление) Национального архива Республики Калмыкия – местных органов власти, непосредственно занимавшихся приемом переселенцев и их устройством.

При проведении исследования автор опирался на принципы историзма, научного объективизма и системности, а методологической основой послужили историко-сравнительный, историко-генетический и историко-описательные методы исследования.

Использование историко-генетического метода дает возможность раскрыть преемственность административно-территориальной политики и ее общие принципы, а применение историко-сравнительного метода позволяет проследить эволюцию политики.

3. Обсуждение

По истории переселенческой деревни калмыцких земель написано всего несколько специальных статей, которые к тому же охватывают лишь отдельные периоды и аспекты. Начало изучению данной темы было положено чиновниками Министерства государственных имуществ (МГИ), которые владели информацией по долгу своей службы, и некоторые из них использовали ее в своих публикациях. Среди работ досоветского периода, прежде всего, следует отметить статью «Заселение дорог в калмыцких степях» (авторство не указано) ([Заселение дорог на калмыцких землях, 1856](#)), опубликованную в «Журнале Министерства государственных имуществ» в 1856 г. и книгу главного попечителя калмыцкого народа К.И. Костенкова «Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» ([Костенков, 1868](#)), в которых приведены ценные сведения об истории заселения калмыцких степей и хозяйстве переселенцев.

Из профессиональных историков наибольший вклад в изучение данной темы внесли Н.Н. Пальмов ([Пальмов, 1925, № 2, 3](#); [Пальмов, 1926, № 1](#)), И.В. Борисенко ([Борисенко, 1991](#); [Борисенко, 1989](#)) и С.С. Белоусов ([Белоусов, 2004](#); [Белоусов, 2018](#)), история переселенческой деревни также затрагивалась в публикациях исследователей Астраханского края Н.М. Васькина ([Васькин, 1973](#)) и А.И. Карагодина ([Карагодин, 1980](#)). Переселенцам также посвящены отдельные главы в обобщающих трудах по истории Калмыкии, написанных Ю.Б. Симченко ([Очерки по истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. 1967](#)), С.С. Белоусовым ([История Калмыкии..., т. I, 2009](#)), и статья Е.Н. Бадмаевой ([Бадмаева, 2016](#)). Что касается непосредственно истории создания системы управления в переселенческих селах, то специальных исследований в данном аспекте нет, однако частично эта тема отражена С.С. Белоусовым в его книгах по истории сел Садового ([Белоусов, 1999](#)) и Приютного ([Белоусов, 2014](#)). В них освещены различные вопросы досоветской истории указанных поселений, в том числе формирования органов местного самоуправления и административно-территориального устройства. Упомянутые выше две книги, в силу ограничения их рамками отдельных поселений, не могут дать целостного представления об административно-территориальной политике государства в переселенческих селах на калмыцких землях, поэтому в данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел в историографии.

4. Результаты

С момента своего поселения и до середины 1860-х гг. крестьяне новых поселений, именуемых станицами, состояли в ведении Астраханской палаты государственных имуществ (АПИ),

занимавшейся их водворением и устройством, в хозяйственном отношении они подчинялись ближайшим окружным начальникам, в судебном – уездным земским судам Астраханской губернии. Переселенцы станиц, расположенных в пределах Ставропольской губернии, причислялись к Ставропольской палате государственных имуществ (СПГИ), надзиравшей за отправлением их повинностей и уплатой податей. В то же время станицы не входили в состав уездов, так как находились на калмыцких землях. Данная ситуация возникла из-за различий в управлении государственными крестьянами и калмыками: последние непосредственно управлялись своей знатью и имели свой суд Зарго, опиравшийся в своей деятельности в значительной степени на калмыцкое право. Власти считали неудобным и нецелесообразным подчинять государственных крестьян органам управления калмыками, ведшими кочевой образ жизни. Калмыцкая администрация осуществляла за крестьянами только полицейский надзор.

Поскольку населенные пункты, возникшие по указу 1846 г., населялись государственными крестьянами, то их управление выстраивалось в соответствии с правилами, разработанными Министерством государственных имуществ в ходе реформы управления государственной деревней в конце 1830 – начале 1840 гг.

Астраханская администрация быстро и без проблем обустроила в административном отношении поселения луговой стороны р. Волга (Удачная, Хошеутова, Княжая): они располагались вблизи старожильческих селений Енотаевского уезда, поэтому их приписали к соседним крестьянским волостям, но не выделили из калмыцких земель.

Сложнее оказалось организовать административно-территориальное устройство станиц в других частях калмыцких земель. Так, большинство возникших вдоль Царицынско-Ставропольского тракта новых поселений появилось в местностях, сильно удаленных от населенных пунктов. По этой причине не представлялось возможным включить их в соседние волости, кроме того, малая численность жителей не позволяла по закону сразу сформировать из них самостоятельные волости, к тому же препятствовала конфигурация новых поселений, растянутых в одну линию вдоль тракта на расстояние более чем 300 верст.

В 1852 г. АПГИ представила в Первый департамент МГИ проект организации волостных и сельских управлений, предусматривавший образование из пяти сельских обществ Царицынско-Ставропольского тракта одной волости (Киселевской) (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 103 об., 105), а также одного сельского управления на правах волостного из станиц и селений астраханской части Кизлярского тракта (Яндыковка, Промысловая, Оленичева, Караванная, Зензели). МГИ, однако, сочло учреждение одной волости из вытянутых в одну линию на протяжении 150 верст 15-ти станиц Царицынско-Ставропольского тракта неудобным, а в условиях шедшей Крымской войны еще и дорогостоящим мероприятием. Оно признало достаточным сформировать три сельских управления, наделив их правами волостных, а на Астраханско-Кизлярском тракте – одно (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 110 об., 119 об.). В середине 1850-х гг. по распоряжению МГИ в 13 новых поселений на Царицынско-Ставропольском тракте были учреждены на правах волостных три сельских управления: Тундутовское, Киселевское и Кормовое.

Учреждение органов самоуправления в новых поселениях потребовало установления надлежащего за ними надзора. Между тем большая протяженность дорог (1200 в.), вдоль которых были расположены станицы, порождала немалые трудности в осуществлении за ними контроля со стороны администрации. Улусные попечители, на которых было возложено управление станицами, из-за большой занятости по исполнению своих прямых служебных обязанностей по управлению калмыками не имели возможности уделять достаточно времени переселенцам.

В 1850 г. главный ученый лесничий Заусцинский, побывав проездом по заданию Тагайчинова в Малодербетовском улусе, констатировал, что «господа, заведующие переселенцами весьма редко посещали станицы, им вверенные...» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 6. Д. 38. Л. 25-25 об.). Не все благополучно было в плане надзора за переселенцами и в располагавшихся на Астраханско-Кизлярском тракте станицах отдельной части Малодербетовского улуса (Урожайная, Величаявая, Доля, Спасская). В 1849 г. главный попечитель калмыцкого народа выразил свое недовольство заведующему отдельной частью Малодербетовского улуса и его помощнику за «недостаточное наблюдение за переселенцами» и поставил им это, как гласил документ, «на вид» (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 196. Л. 2). Процесс административно-территориального устройства здесь осложнялся своеобразной системой управления у ставропольских калмыков, которые в административном отношении подчинялись астраханским властям, в территориальном – ставропольским. Это затрудняло управление станицами и вносило путаницу в отношения между двумя палатами государственных имуществ. Первым на это неудобство указал кавказский наместник М.С. Воронцов, который в 1851 году обратился к министру государственных имуществ П.Д. Киселеву с предложением причислить ставропольских переселенцев к Астраханской губернии.

По этому делу МГИ запросило мнение главного попечителя калмыцкого народа М.И. Тагайчинова, который в принципе был не против этого, но предупредил, что речь может идти только о причислении к АПГИ, но не к сельским обществам Астраханской губернии, поскольку ближайшее астраханское волостное правление находилось от ставропольских станиц в 336 верстах,

а сельское – в 266 верстах (РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 110 об.). Он предложил четыре ставропольские станицы (Урожайную, Величавую, Долю, Спасскую), расположенные на ставропольском отрезке Астраханско-Кизлярского тракта, объединить в особое общество, наделив его правами волостного, а пятую станицу (Дивную), возникшую на ставропольской части Царицынско-Ставропольского тракта – присоединить к обществам этого же тракта и, кроме того, денежные налоговые сборы в целях безопасности направлять не в г. Астрахань, а в г. Пятигорск, где находилось ближайшее уездное казначейство, которое, в свою очередь, обязано информировать АПГИ о полученных взносах (РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 111 об.).

В вопросе о переподчинении ставропольских переселенцев калмыцких земель астраханской губернской полиции, на котором настаивал министр внутренних дел Д.Г. Бибииков, Тагайчинов занял противоположную позицию, считая, что функции полицейского надзора удобнее оставить, как и в астраханских станицах, улусной полиции или же передать их специально назначенному для этих целей чиновнику (РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 114 об.).

Первый департамент МГИ не согласился с точкой зрения главного попечителя об оставлении переселенцев в ведении улусной полиции, указав на то, что «приступая к заселению Калмыцких степей государственными крестьянами, правительство не имело в виду выводить сих крестьян в отношении управления из общего порядка...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 155). По его мнению, астраханские станицы следовало передать земской полиции и образовать на Царицынско-Ставропольском и Астраханско-Кизлярском трактах два стана, назначив в них двух специальных чиновников, подчиненных окружным управлениям (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 157 об.). Управление ставропольскими станицами предполагалось оставить прежним и только полицейские функции передать Пятигорской земской полиции.

Первый департамент МГИ отклонил предложение главного попечителя, но и его проект в вышестоящих инстанциях одобрения не получил. Совет министров и Киселева проект не устроил главным образом по двум причинам: 1) его осуществление привело бы к дополнительным расходам; 2) он не предусматривал ликвидацию двойного подчинения ставропольских станиц. Руководству Первого департамента МГИ посоветовали еще раз «тщательно все взвесить» и затем повторно вынести на обсуждение в Совет министров. После этого МГИ в 1858 г. направило в командировку в Астраханскую губернию капитан-лейтенанта А.П. Опочинина, поручив ему «обозреть действительность существующих управлений» и представить на этот счет свои соображения, а также изучить возможность отчисления к Астраханской губернии ставропольских станиц и легализации самовольных поселений в урочищах Рагули и Пробитый Колодец (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 3).

Ознакомившись с управлением станиц на калмыцких землях, Опочинин нашел его удовлетворительным в станицах луговой стороны Волги и астраханской части Астраханско-Кизлярского тракта и недостаточным в станицах Царицынско-Ставропольского тракта.

Относительно станиц отдельной части Малодербетовского улуса он признал, что они «не пользуются со стороны улусного начальства ни надлежащим надзором, ни защитой и покровительством» (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 135 об.). Учитывая это обстоятельство, а также финансовую затратность создания из четырех ставропольских станиц особого округа, Опочинин предложил передать их ставропольской администрации. «К тому же, – рассуждал он, – если правительство найдет необходимым отделить из отведенной под кочевые земли часть под оседлые поселения государственных крестьян, то часть сия, со времени выдела перестает уже быть калмыцкою землею и должна, как имение государственное, поступить в полное заведывание палаты той государственных имуществ, в пределах которой это имение находится...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 58).

В населенных пунктах Царицынско-Ставропольского тракта, разбросанных на расстоянии 300 верст, Опочинин считал важным усилить надзор, образовав для этого станичный округ со всем положенным ему штатом. Отметая заранее аргументы противников назначения на данный тракт окружного начальника, он писал: «Значение этой должности здесь зависит не от числа душ в округе, а от важности цели, для которой учреждаются станицы, и от обширности занимаемого станицами пространства (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 59 об.).

Что касается вопроса отправления полицейских функций улусной полицией, то Опочинин полагал оставить его только в станицах Царицынско-Ставропольского тракта, но не в расположенных вблизи окружных управлений станицах луговой Волги и Астраханско-Кизлярского тракта. Главный попечитель калмыцкого народа В.Н. Струков поддержал идею введения должности окружного начальника, но в отличие от Опочинина, он полагал обойтись без образования округа.

Важным результатом командировки Опочинина стало принятие правительством в 1860 г. решения о передаче Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса в состав Ставропольской губернии (ПСЗ РИ – 2 XXXV: 222-223), что положило конец двойственному управлению ими. Все населенные пункты упомянутых административно-территориальных единиц, в т.ч. станицы Величавая, Урожайная, Дивная, самовольные поселения Рагули и Пробитый Колодец, а также основанные во второй половине 1850-х гг. станицы Дербетовка, Предтеча и Виноградная поступили в полное подчинение администрации Ставропольской губернии.

Управление государственной деревней сочетало в себе принципы местного самоуправления и строгого контроля со стороны вышестоящих властей. Элементы самоуправления проявлялись в выборности должностных лиц, коллективности принимаемых решений и в значительной степени самостоятельности сельского общества в вопросах административно-хозяйственной и культурной жизни.

Необходимо отметить, что на выборные должности крестьяне шли неохотно, поскольку они доставляли им одни дополнительные хлопоты. За свой труд должностные лица, за исключением волостных старшин и писарей, не получали денежного жалованья, зато в полном объеме платили налоги и несли повинности. Занимать административные должности для крестьян, несмотря на некоторые послабления, устанавливаемые им обществами в отбывании натуральных повинностей, было невыгодно, ибо в таком случае им приходилось отвлекаться от исполнения работ в собственных хозяйствах – главного источника существования семьи. Нельзя сбрасывать со счетов и моральные издержки, преследовавшие сельского старосту и других представителей сельской администрации во время исполнения ими должностных обязанностей: было трудно управлять своими однообщественниками – людьми, не зависящими от них в материальном отношении и отличавшимися к тому же сильными и независимыми, а иногда просто необузданными характерами.

Большинство крестьян рассматривали административную службу как повинность и при первой возможности старались от нее увильнуть. Прямым отражением негативного отношения крестьян к управленческой деятельности являлись частые их увольнения с должностей, особенно это касалось сельских старост. Обычно по истечении года-полтора после избрания староста, выдвигая какую-нибудь мнимую или действительную причину, подавал прошение об увольнении, после чего на его место автоматически заступал выбранный вместе с ним на сельском сходе кандидат (заместитель). В ряде сел увольнения старост раньше срока приобрели настолько регулярный характер, что уездные власти вынуждены были обратить на это внимание. Так, в 1887 г. Черноярское по крестьянским делам присутствие вынуждено было призвать Тундутовское волостное правление ужесточить контроль за соблюдением закона о выборах и не допускать переизбрания сельских старост без веских оснований до истечения трехлетнего срока (НА РК. Ф. И-43. Оп. 1. Д. 174. Л. 38). Одними частыми увольнениями, однако, не исчерпывались полностью проблемы в крестьянском самоуправлении. У отдельных административных лиц наблюдалась безответственность в исполнении должностных обязанностей, проявлявшаяся во временной передаче ими служебных полномочий родственникам или односельчанам, в небрежном ведении документации, в слабом контроле за опеками малолетних сирот и семейными разделами.

Несмотря на недостатки, имевшие место в сельском управлении, и не всегда уважительное отношение к нему со стороны крестьян, его в целом можно оценить положительно. Оно было простым, понятным и доступным для крестьян, соответствовало их менталитету, но самое главное – способствовало воспитанию у них правового сознания и чувства сопричастности к самостоятельному решению своих внутренних проблем, а через них общегосударственных, что постепенно закладывало фундамент для формирования гражданского сознания.

В июне 1859 г. МГИ распорядилось приступить к подготовке открытия окружного управления 2-го разряда в станицах астраханской части Царицынско-Ставропольского тракта и одновременно к передаче всех астраханских станиц в ведение земской полиции (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 133 об.). По неизвестным причинам ни одно из указанных выше распоряжений МГИ исполнено не было. К данному вопросу власти возвратились в 1866 г., когда государственных крестьян передали из МГИ общим губернским учреждениям МВД. Поселения на калмыцких землях подчинили МВД и включили 9 из них в состав ближайших к ним уездов – Черноярскому, Енотаевскому и Астраханскому. Остальные 10 селений Царицынско-Ставропольского тракта и 6 поселков Крымского тракта, которые располагались на большом расстоянии от уездов, оставили в составе калмыцких земель и в подчинении полиции УКН. В отношении их сложилась ситуация двухведомственного управления: с одной стороны – МВД в лице местных губернских учреждений, с другой – МГИ в лице Управления калмыцким народом (УКН). Данное положение сохранялось до 1873 г., пока для населенных пунктов Царицынско-Ставропольского тракта не открылся новый стан и 10 поселений этого тракта не изъяли из ведения УКН и из состава калмыцких земель.

В 1861 г. все станицы на калмыцких землях были переименованы в селения (ПСЗ РИ – 2 XXXVI: 139). Когда в конце 1850-х гг. в высших правительственных кругах разрабатывался проект передачи Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса в Ставропольскую губернию, то кавказский наместник А.И. Барятинский сделал запрос в Министерство государственных имуществ о предоставлении ему сведений о причине наименования поселений государственных крестьян станицами, то чиновники таких сведений не нашли. Автору также пока не удалось найти документы, свидетельствующие о мотивах, которыми руководствовалась администрация, называя новые населенные пункты станицами. Возможно, что термин «станция» был введен в употребление для того, чтобы подчеркнуть отличительные особенности новых поселений в Астраханской губернии, которые планировались как русско-калмыцкие. Можно также предположить и то, что это было связано с устройством поселений вдоль

дорог. Слово «станция» имеет общий корень со словом «стан», которое, по авторитетному свидетельству В.И. Даля, означает «населенный пункт около дороги».

Самим крестьянам слово «станция» не нравилось. А.П. Опочинин в рапорте к министру государственных имуществ М.Н. Муравьеву 6 июля 1858 г. писал: «Замечательно, что слово «станция» не нравится крестьянам; может быть, потому, что это как бы отчуждает их от других селений государственных крестьян» (РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 59).

После присоединения 10 селений к Черноярскому уезду на калмыцких землях оставалось еще 6 переселенческих сел Крымского тракта. Успешный рост численности их населения в 1860–1880 годы сделал возможным учредить из них отдельную волость, центром которой стала Элиста. Выбор Элисты под волостной центр имел веские основания: во-первых, в географическом отношении она занимала центральное положение среди поселков Крымского тракта; во-вторых, являлась самым крупным из всех населенных пунктов, вошедших в новую волость. Элистинскую волость образовали из поселков Элиста, Болгун-Сала (Троицкое), Кюрюльта (Вознесеновка) и Улан-Эрге, которые насчитывали в 1889 году 225 дворов и 2194 души обоого пола. Два других поселка Крымского тракта – Шандасту и Кише – вывели из подчинения улусной полиции и включили в Черноярский уезд.

Вскоре после учреждения волости Элиста изменила свой статус поселка, став селением, и в ней было организовано волостное правление. По своему национальному составу население волости было русско-украинским, и в ней функционировали обычные крестьянские органы управления. В конце последнего десятилетия XIX столетия Элистинскую волость выделили из состава калмыцких земель, включив ее в состав Черноярского уезда Астраханской губернии, и переподчинили черноярской уездной полиции. Этим событием завершился процесс приведения управления и административно-территориального устройства поселений, основанных по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г., в соответствие с общепринятыми для крестьянских поселений формами и нормами.

5. Заключение

Особенности административно-территориального устройства и управления, имевшие место в 1850–1890 гг. в переселенческих селах на калмыцких землях, были вызваны спецификой решаемых по императорскому указу от 30 декабря 1846 г. задач, а также обусловлены географическим фактором, особенностями процесса заселения и управления калмыцким народом. Одной из целей данного указа, как известно, был перевод части калмыцкого народа на оседлый образ жизни. Чтобы привлечь калмыков к поселению, правительство предусмотрело сохранение за теми из них, кто изъявил желание перейти к оседлому быту, все основные права кочевников, что не могло не повлиять на административно-территориальное устройство и управление в переселенческих селах. Спустя четверть века, после начала процесса создания поселений на калмыцких землях, когда исчезли последние надежды привлечь в них калмыков и они оказались заселены почти исключительно крестьянами-переселенцами, власти уже не видели смысла сохранять какие-либо особенности в управлении переселенческими селами на калмыцких землях. В результате административно-территориальное устройство и управление в переселенческих селах перестало отличаться от остальных крестьянских селений Астраханской губернии.

Российские правящие круги в период формирования в переселенческих селах на калмыцких землях управления и административно-территориального устройства сообразовывали свои действия с существующими обстоятельствами и сложившейся обстановкой, проявляя тем самым определенную политическую гибкость. В то же время они не собирались отказываться от достижения главной цели административно-территориальной политики, заключавшейся в постепенной унификации системы управления в различных частях государства.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA – А – 19 – 119011490038 – 5).

Литература

Белоусов, 2014 – Белоусов С.С. В Калмыцкой степи на границе Европы и Азии: история возникновения и становления села Приютного. 1850–1917. Ставрополь, 2014. 172 с.

Белоусов, 1999 – Белоусов С.С. Основано таврическими поселенцами: село Садовое (1847–1917 гг.). Волгоград, 1999. 88 с.

Белоусов, 2004 – Белоусов С.С. Разработка государственной программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в первой половине XIX в. / Россия сельская XIX – начала XX веков. М., 2004. С. 68–82.

Белоусов, 2018 – Белоусов С.С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6–20.

- Борисенко, 1991** – *Борисенко И.В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дookтябрьский период. Элиста, 1991. 228 с.
- Борисенко, 1989** – *Борисенко И.В.* Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: Пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) / Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Элиста, 1989. С. 63-89.
- Васькин, 1973** – *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973. 47 с.
- ГА АО** – Государственный архив Астраханской области.
- Заселение дорог в калмыцких степях, 1856** – Заселение дорог в калмыцких степях // *Журнал Министерства государственных имуществ.* 1856. Ч. 60. Отд. 1. С. 28-42.
- История Калмыкии..., 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в трех томах. Элиста, 2009. Т. I. С. 503-514, 541-559.
- Карагодин, 1980** – *Карагодин А.И.* Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX в. / Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. № 9. С. 135-166.
- Костенков, 1868** – *Костенков К.И.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868. 174 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Пальмов, 1925, 1926** – *Пальмов Н.-Н.* Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // *Калмыцкая область.* 1925. № 2. С. 125-145; 1925. № 3. С. 70-108; 1926. № 1 (4). С. I-XXXVIII.
- ПСЗ РИ – 2 XXI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXI. СПб., 1847. Ч. 2. № 20758. С. 725-726.
- ПСЗ РИ – 2 XXXV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXV. СПб., 1862. Ч. 1. № 35556. С. 222-223.
- ПСЗ РИ – 2 XXXVI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. СПб., 1862. Ч. 2. № 37232. С. 139.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Симченко, 1967** – *Симченко Ю.Б.* Крестьянская колонизация Калмыкии и отношение к ней царского правительства // Очерки истории Калмыцкой АССР. Дookтябрьский период. М., 1967. С. 292-299.
- Badmaeva, 2016** – *Badmaeva E.N.* The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye Gody.* 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1173-1181.

References

- Badmaeva, 2016** – *Badmaeva E.N.* (2016). The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries // *Bylye Gody.* Vol. 42, Is. 4, pp. 1173-1181.
- Belousov, 1999** – *Belousov S.S.* (1999). Osnovano tavrisheskimi poselenczami: selo Sadovoe (1847–1917 gg.). [Founded by Taurian settlers: the village of Sadovoye (1847–1917)]. Volgograd, 88 p. [in Russian]
- Belousov, 2004** – *Belousov S.S.* (2004). Razrabotka gosudarstvennoi programmy zaseleniya territorii vdol' dorog nakalmytskikh zemlyakh Astrakhanskoi i Stavropol'skoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [The development of a state programme of settlement land along roads in the Kalmyk land Astrakhan and Stavropol provinces in the first half of the nineteenth century]. *Rossiia sel'skaya XIX – nachalo XX veka.* М., pp. 68-82.
- Belousov, 2014** – *Belousov S.S.* (2014). V Kalmy`czkoj stepi na granice Evropy` i Azii: istoriya vznikoveniya i stanovleniya sela Priyutnogo. 1850–1917 [In the Kalmyk steppe on the border of Europe and Asia: the history of the emergence and formation of the village of Priyutnoy. 1850–1917]. Stavropol`. 172 p. [in Russian]
- Belousov, 2018** – *Belousov S.S.* (2018). Samovol'nye poseleniya na kalmytskikh zemlyakh Astrakhanskoi i Stavropol'skoi gubernii: pereselentsy i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov) [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of Astrakhan and Stavropol provinces: immigrants and provincial authorities (XIX – early XX centuries)]. *Novyi istoricheskii vestnik.* No. 1 (55), pp. 6-20. [in Russian]
- Borisenko, 1989** – *Borisenko I.V.* (1989). Russko-ukrainskaya pereselencheskaya derevnya Kalmytskoy stepi: Puti vznikoveniya i razvitiya (seredina XIX v. – 1917 g.) [The Russian-Ukrainian resettlement village of the Kalmyk steppe: Ways of the emergence and development (mid-19th century–1917)]. *Sotsialno-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krestyanstva Kalmykii v dorevoljutsionnyy period.* Elista, pp. 63-89. [in Russian]
- Borisenko, 1991** – *Borisenko I.V.* (1991). Ocherki istoricheskoi geografii Kalmykii. Dooktyabr'skii period [Essays on the historical geography of Kalmykia. Dooktyabr'skij period]. Elista, 228 p. [in Russian]
- ГА АО** – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [The State archive of the Astrakhan region].
- Istoriya Kalmykii..., 2009** – Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v trekh tomakh [History of Kalmykia since ancient times to our days: in three volumes]. Elista, vol. I, pp. 503-514, 541-559. [in Russian]

Karagodin, 1980 – *Karagodin A.I.* (1980). Krest'yanskoe osvoenie Astrakhanskogo kraja v pervoi polovine XIX v. [Peasant mastery of the Astrakhan province in the first half of the nineteenth century]. *Materialy po istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva SSSR*. M. No. 9, pp. 135-166. [in Russian]

Kostenkov, 1868 – *Kostenkov K.I.* (1868). Statistiko-khozyaistvennoe opisanie Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii [Statistical and economic description of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]. SPb. 174 p. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia].

Pal'mov, 1925, 1926 – *Pal'mov N.N.* (1925, 1926). Obosedlenie kalmykov i russkaya immigratsiya v Kalmytskuyu step' Kalmytskaya oblast' [Obosedlenie kalmykov and russian immigration in Kalmyckuju steppe]. *Kalmytskaya oblast'*. 1925, no. 2, pp. 125-145; 1925, no.3, pp. 70-108; 1926. no. 1 (4). pp. I-XXXVIII. [in Russian]

PSZ RI – 2. T. XXI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXI. SPb., 1847. Ch. 2, no. 20758, pp. 725-726. [in Russian]

PSZ RI – 2. T. XXXV – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXXV. SPb., 1862. Ch. 1, no. 35556, pp. 222-223. [in Russian]

PSZ RI – 2. T. XXXVI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXXVI. SPb., 1862. Ch. 2, no. 37232, pp. 139. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian state historical archive]. [in Russian]

Simchenko, 1967 – *Simchenko Yu.B.* (1967). Krest'yanskaya kolonizatsiya Kalmykii i otnoshenie k nei tsarskogo pravitel'stva [Peasant colonization of Kalmykia and attitude of the tsarist government]. *Ocherk iistorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period*. M. Pp. 292-299.

Vas'kin, 1973 – *Vas'kin N.M.* (1973). Zaselenie Astrakhanskogo kraja [Check in the Astrakhan region]. Volgograd, 47 p. [in Russian]

Zaselenie dorog v kalmytskikh stepyakh, 1856 – Zaselenie dorog v kalmytskikh stepyakh [Population of roads in the Kalmyk steppes]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*. 1856. Ch. 60. Otd. 1. Pp. 28-42. [in Russian]

Формирование органов управления и административно-территориального устройства переселенческой деревни на калмыцких землях Астраханской губернии (вторая половина XIX в.)

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории формирования во второй половине XIX в. органов управления в поселениях, возникших в результате реализации государственного проекта заселения дорог на калмыцких землях. Выявлены особенности протекания данного процесса на территории калмыцких улусов и влиявшие на него факторы, рассмотрена эволюция государственной административно-территориальной политики, проанализировано отношение различных государственных управленческих структур к решению данного вопроса.

В статье использованы документы центрального (РГИА), двух региональных архивов (ГА АО и НА РК) и материалы Полного собрания законов Российской империи.

Автор приходит к выводу о том, что формирование административно-территориального устройства и управления в переселенческих селах на калмыцких землях имело специфику, обусловленную решаемыми по императорскому указу от 30 декабря 1846 г. задачами, географическим фактором, особенностями процесса заселения и управления калмыцким народом.

Российские правящие круги в период формирования в переселенческих селах на калмыцких землях управления и административно-территориального устройства сообразовывали свои действия с существующими обстоятельствами и сложившейся обстановкой, проявляя тем самым определенную политическую гибкость. В то же время они не собирались отказываться от достижения главной цели административно-территориальной политики, заключавшейся в постепенной унификации системы управления в различных частях государства.

Ключевые слова: Астраханская губерния, калмыцкие земли, административно-территориальная политика, переселенцы, тракты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С.С. Белоусов)

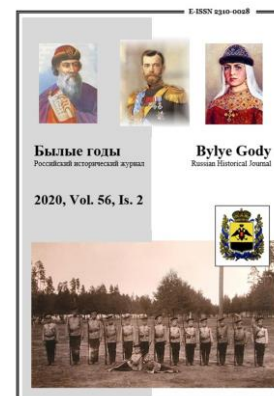
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 640-651. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.640
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire

Orazgul H. Mukhatova ^a, Gulzhan B. Tleubekova ^{b,*}, Nazgul K. Baigabatova ^a

^a Ch. Valikhanov institute of history and ethnology, Kazakhstan

^b Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov, Kazakhstan

Abstract

Since the end of the XIX century, the processes of spontaneous resettlement of peasants to Central Asia required an urgent decision on the part of the royal government, which realized that it was necessary to take measures to streamline the resettlement movement. In this regard, Resettlement organizations have been established in a number of regions of Kazakhstan. The purpose of this article is to use archival materials to highlight the activities and role of the Semirechye Resettlement administration in solving the land issue of the Russian Empire in the early twentieth century. Based on previously unpublished archival data, from the Central state archive of the Republic of Kazakhstan, the authors analyze the main activities and results of the Migration Department of the Semirechye region. The analysis of administrative documents of the resettlement institution contributes to the study of the essence and content of the resettlement policy carried out in this region. The methods of analysis and synthesis used in the study, review, and selection of new archival materials made it possible to make theoretical generalizations of the activities and contribution of the Semirechye region's Resettlement administration in solving the land issue of the Russian Empire.

Keywords: Resettlement policy of the Russian Empire, Semirechye Resettlement administration, archival materials, land fund, peasants-migrants.

1. Введение

В 1861 году Александр II провозгласил Манифест об отмене крепостного права в России. С этого периода начинается крестьянское переселенческое движение на восточные окраины Российской империи, обусловленное, прежде всего, малоземельем в центральной части страны. В 1860–1870 годы переселение в Центрально-Азиатский регион, главным образом, в казахские степи, шло самовольно и со временем, к началу 1880-х гг. приобрело массовый и стихийный характер. Начиная с конца XIX в., в связи со стихийным переселением крестьян на территорию современного Казахстана, данная проблема потребовала неотложного решения со стороны царского правительства, которое осознавало, что необходимо срочно принимать меры по упорядочению переселенческого движения. В результате в Казахской степи в пяти областях были образованы переселенческие учреждения, которые занимались обустройством русских крестьян.

В начале XX в. переселение крестьян на восток стало составной частью новой аграрной политики российского министра внутренних дел П.А. Столыпина. Официально в этот период Туркестанский край не был включен в число заселяемых районов и формально оставался закрытым для переселения. Однако именно в период столыпинских реформ в Семиречинской, Сырдарьинской и Ферганской областях все же были созданы переселенческие районы, появились «статистические

* Corresponding author

E-mail addresses: tleubekova@mail.ru (G.B. Tleubekova), orazgul7@rambler.ru (O.H. Mukhatova), bnk1606@mai.ru (N.K. Baigabatova)

партии», которые проводили хозяйственно-статистические, агрономические и гидрологические исследования ([Центральная Азия в составе Российской империи, 2008](#)).

Цель данной статьи на архивных материалах осветить деятельность и роль Семиреченского переселенческого управления в решении земельного вопроса Российской империи в начале XX века.

2. Материалы и методы

Источниками в изучении и освещении деятельности Семиреченского переселенческого управления в реализации переселенческой политики царского правительства являются изданные в тот период законы Российской империи, официальные документы, в том числе циркуляры, Главного управления землеустройства и земледелия и Переселенческого управления, деловая переписка, ежегодные отчеты и планы Переселенческого управления. И все же основным материалом для написания данной статьи послужили не опубликованные ранее архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

Значительная часть архивных данных сосредоточена в 19 фонде ЦГА РК «Заведующий переселенческим делом в Семиреченском районе». Здесь собрана вся делопроизводственная документация Семиреченского переселенческого управления, которая располагает богатейшими сведениями по переселенческим вопросам, реализованным в Семиречье царским правительством в начале XX в. Например, «Журнал совещания по вопросам, связанным с образованием переселенческих участков в областях, управляемых по Степному положению 25 марта 1891 г.», «Отчет о работе Семиреченской переселенческой организации за 1906–1913 годы», «Материалы о работах Семиреченской партии в 1905 году», «Дело об оказании содействия уездными начальниками чинам Семиреченской переселенческой партии перевозочными средствами для служебных разъездов», а также разные отчеты, планы, справки, инструкции, списки, переписка, протоколы, приказы, личные дела некоторых работников данного учреждения и т.д.

В ходе исследования авторами использованы такие основные научные принципы, как принцип историзма, объективности, системно-структурного подхода и социального анализа. Принцип историзма позволил анализировать исторические источники в соответствии с конкретной исторической обстановкой. Принцип объективности дал возможность раскрыть проблему в его многогранности и противоречивости, показать ее положительные и отрицательные стороны. С помощью принципа социального анализа изучены историко-экономические процессы с учетом социальных интересов различных слоев населения.

В процессе изучения и анализа архивных документов был применен источниковый метод, позволивший более детально и качественно использовать вводимые в научный оборот материалы исследования. Всесторонний анализ работы Переселенческого управления в Семиреченской области стал возможен благодаря использованию системного подхода в изучении проблемы. В целом, методы анализа и синтеза, которые мы использовали при изучении, рассмотрении, отборе новых архивных материалов, позволили провести теоретические обобщения деятельности и вклада Переселенческого управления Семиреченской области в решение земельного вопроса Российской империи.

3. Обсуждение

Анализ работ, освещающих деятельность переселенческих организаций царской России в Центральной Азии условно можно разделить на дореволюционные исследования; работы, написанные в советское время и труды специалистов, написанные после распада СССР.

Первые труды и информационные издания, касающиеся собственно Семиреченского переселенческого управления вышли в свет в годы существования самого учреждения, то есть в 1905–1918 гг. Их авторами являлись в основном чиновники царского правительства. Данные труды не представляли собой специальные научные изыскания, а были представлены в виде отчетов, дававших сведения о результатах работ Главному переселенческому управлению. Например, в работе С.Н. Велецкого, заведовавшего Семиреченским переселенческим управлением в течение 8 лет, «Семиреченская область и ее колония» указаны результаты по переселенческим делам, полученные за 1906–1913 гг. ([Велецкий, 1916](#)). В следующей его работе «Записка о положении и нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе к 1-му января 1913 года» представлены результаты ревизии в крае 1912 г. в сравнении с предыдущими годами в виде отчета ([Велецкий, 1913](#)). Особую ценность его трудам придает использование статистических материалов учреждения, которым он заведовал.

Инженер В.А. Васильев в своей работе «Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины» обращает особое внимание на вопрос колонизации Семиреченской области ([Васильев, 1915](#)). Автор называл переселение русских крестьян в казахские степи как одно из важных направлений колониальной политики Российской империи. Особенность труда В.А. Васильева в том, что он сам участвовал в реализации переселенческих дел и проведении исследовательских работ в Семиречье и Чуйской долине, поэтому полученные им обобщения можно считать правдивыми.

В справочной книжке А.П. Купласта «Семиреченская область» дана общая информация о Семиреченской области, также рассматриваются некоторые вопросы по переселению крестьян

(Купласт, 1912). Сведения о социально-экономическом положении переселившихся русских крестьян приведены в работе А.Л. Трегубова. По мнению автора, в Семиречье много неосвоенных земель, поэтому возможно расселить еще до 1 млн русских крестьян в край (Трегубов, 1910: 42). В. Кузнецов, напротив, назвал колониальную политику царской России, в том числе крестьянскую, прогрессивным явлением для казахского народа (Кузнецов, 1910).

В целом труды русских чиновников написаны в интересах царской империи, в них в основном освещаются положительные стороны переселения. Все работы имеют свою ценность, так как в них сохранены оригинальные документы, статистические материалы и т.д.

Дореволюционную литературу можно разделить на две условные группы: первая – описывает ход и этапы переселенческой политики царской России, а во второй – освещаются недостатки и пробелы в процессе переселения, также обсуждается социально-экономическая ситуация переселенцев.

В советский период вопросы земли и переселения в Туркестанском крае поднимаются в работах ряда ученых, таких как П.Г. Галузо, А.Б. Турсунбаев, Б. Сулейменов. П.Г. Галузо рассматривает законодательные акты, касающиеся земельного вопроса и переселения русских крестьян в Казахстан по этапам (Галузо, 1965). Цель, причины и сам процесс переселения в Казахстан анализируются в монографии А.Б. Турсунбаева (Турсунбаев, 1950), который выявляет социально-экономические последствия переселения. Б. Сулейменов рассматривает политику переселения русских крестьян и их размещение по участкам (Сулейменов, 1963). Их научные изыскания написаны на основе марксистско-ленинской методологии, классового и партийного подхода, тем не менее в изучении истории переселенческой политики они имеют свою значимость.

В работах современных казахстанских ученых также рассматриваются вопросы переселения русских на территорию Казахстана. Историк М. Койгельдиев анализирует введенную систему управления и проведенные мероприятия по изучению природных ресурсов царского правительства в Семиречье (Койгельдиев, 2004). В монографии рассматривается проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», принятый 11 июля 1867 г. при Александре II.

Работа Ф.Н. Мийманбаевой посвящена проведению переселенческой политики царского правительства в конце XIX – начале XX вв. (Мийманбаева, 2002). Автор, анализируя причины массового переселения крестьян в Семиреченскую область, выделяет этапы переселения русских и украинских крестьян, раскрывает деятельность переселенческой организации по землеустройству переселенцев и помощь правительства им.

В своем исследовании М. Абдиров раскрывает историю казачества в Казахстане, один раздел его работы посвящен истории казачьих войск Семиречья. По его мнению, в годы деятельности Семиреченского переселенческого управления весомая часть земельного фонда перешла казачьим войскам (Абдиров, 1994).

В целом, рассматривая историографию касательно истории переселенческой политики царской администрации, можно отметить, что исследователи уделяли внимание истории создания и деятельности Семиреченского переселенческого управления. Политика Российской империи в отношении окраинных земель всегда оценивается с разных методологических и концептуальных основ, в связи с геополитическими и т.п. особенностями. Так, полученные результаты и обобщения российских исследователей по данной проблеме отличаются от казахстанских ученых.

В целом, оценивая изменения, произошедшие в историографии России к 2000 году, австрийский историк-русист А. Каппелер обращает внимание на расширение репертуара теоретических подходов к осмыслению имперского многообразия, на обновление источниковой базы исследований империи. Но в качестве главной тенденции он указывает национализацию постсоветских историографий, поспешно отказывающихся от имперской исследовательской рамки в пользу национальной (Каппелер, 2010).

Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю в свою очередь концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация.

Таким образом, во избежание одностороннего взгляда на историю переселенческого движения как одного из факторов решения земельного вопроса в начале XX века в царской России, необходимо привлекать новые источники. В данном контексте анализ архивных материалов Переселенческого управления Семиреченской области может существенно дополнить имеющиеся представления о ходе переселенческой политики Российской империи на ее окраинах.

4. Результаты

Во второй половине XIX века царское правительство провело ряд реформ на территории Казахской степи. В соответствии с «Положением об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», принятым 25 марта 1891 г. (далее – «Степное положение»), все земли в пользовании коренного населения были объявлены государственной собственностью. В целях решения земельного вопроса Российская империя действительно и долгое

время проводила переселенческую политику, создавала специальные учреждения, работавшие на результативность. В 1896 году при Министерстве внутренних дел было открыто Главное переселенческое управление. Казахская область была разделена на пять районов: Тургай-Уральский, Акмолинский, Семипалатинский, Сырдарьинский и Семиреченский, где были открыты областные переселенческие учреждения.

Реализацию переселенческой политики царской администрации в Семиреченском крае осуществляло региональное Переселенческое управление, которое вновь и вновь создавалось и переоформлялось. Одновременно создавались переселенческие участки из земель, признанных «излишками» у коренного населения.

Вопросы переселения русских крестьян на территорию современного Казахстана рассматривались на Государственном совете 25 ноября 1903 г., который проходил с участием Министерства земледелия и государственных имуществ. Журнал данного заседания хранится в фонде вышеуказанного архива (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 32). Вопрос о создании партии, занимающейся подготовкой переселенческих участков в юго-восточных губерниях России, Уральской области и Туркестанском крае в 1904 г., стал одной из важных проблем. В этот период особое внимание было уделено Туркестанскому краю, так как усиливался поток русских крестьян в данный регион, особенно в Семиреченскую область, поэтому было решено в срочном порядке отрегулировать работу расселения переселенцев. Согласно статистическим данным Туркестанского генерал-губернаторства, в то время число еще не расселенных переселенцев в Семиречье доходило до 16000 человек (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 33). В результате в 1904 г. было решено создать временную партию, подготавливающую переселенческие участки в Туркестанском генерал-губернаторстве, и выделить средства в размере 92020 рублей на ее деятельность (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 37). Также было принято решение о необходимости увеличения штата чиновников, отправляемых в командировку в Семиречье, по сравнению с другими регионами. Если некоторая их часть занималась подготовкой земельных участков для крестьян, прибывших в край ранее, вторая часть должна была вести исследовательскую работу с целью определения лишних земель на месте.

14 февраля 1905 г. по постановлению Государственного совета была создана временная партия, занимающаяся подготовкой переселенческих участков в Семиреченской области (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 26. Л. 158). Работа партии контролировалась и финансировалась через Министерство земледелия и государственных имуществ, а также Туркестанским генерал-губернаторством.

Во II томе свода закона Российской империи в разделе «Учреждения министерств» в 9 главе отражены первые правовые принципы Переселенческого управления. 112–113 статьи данного закона устанавливали правовые нормы Переселенческого управления в нижеследующем порядке:

112. Переселенческое управление распоряжается переселенческим делом....

113. К обязанностям Переселенческого управления относятся: 1) руководство делом выдачи разрешений на переселение; 2) принятие мер к упорядочению переселенческого движения; 3) попечение о первоначальном устройстве переселенцев на местах водворения; 4) заведование всеми кредитами, отпускаемыми по Главному управлению землеустройства и земледелия на переселенческое дело; 5) предварительная разработка всех новых мер законодательного и административного свойства, на необходимость которых укажет последующий ход развития переселенческого дела, и 6) производство дел, которые по тесной их связи с переселенческой частью Главноуправляющий землеустройством и земледелием признает нужным возложить на Управление (Свод законов, 1913: 392). Как видно, Переселенческое управление обязывалось вести переселенческие дела. Соответственно этому узаконивалась самостоятельная деятельность учреждения.

Согласно вышеуказанному закону, Переселенческое управление было обязано полностью брать под свою ответственность процесс рассмотрения и реализации переселенческих дел. В IX томе свода законов Российской империи раздел «Правила создания переселенческих участков» охватывает со 124 по 154 статьи. Согласно 125 статье данного закона, формирование переселенческих участков возлагалось на специальные временные партии, созданные при Главном управлении землеустройства и земледелия (Полный свод, 1911: 741). Семиреченская временная партия была создана на основе данного закона.

По заключению Государственного совета переселенческие участки в Семиреченской области были сформированы в соответствии с 1-м примечанием 120 статьи Положения «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 1). Переселение проводилось согласно «Правилам переселения в государственные земли», входившие в свод законов Российской империи (Полный свод, 1911: 723-745).

Соответственно примечанию 1 статьи 120 «Степного положения» земли кочевников, определенные как «излишние», переходили в распоряжение Министерства государственных имуществ. Соответственно земли, оказавшиеся «излишними» для кочевого народа, должны были переходить в земельный фонд Переселенческого управления.

Основная цель деятельности переселенческой партии – это расселение крестьян, переселившихся в край, и подготовка земельных участков для будущих переселенцев. С целью

выявления «излишних» земель, которые находились в пользовании коренного населения, на партию возлагались нижеследующие задачи:

- а) определение историко-хозяйственной ситуации в области;
- б) определение норм земель у казахов, занимающихся скотоводством и земледелием;
- в) определение норм воды, нужных для земледельческого хозяйства, на основе исследования водных источников и ирригационных систем;
- г) рассмотрение земельных участков, раздаваемых крестьянам из орошаемых и неорошаемых земель.

Задачи, запланированные переселенческой партией, были только началом крупных аграрных реформ, которые были проведены в крае в последующие этапы.

Первоначальный состав временной партии Семиреченской области состоял из 13 чиновников: заведующий партией – О.А. Шкапский; помощник заведующего партией по статистическому отделу – Л.Н. Рума; гидротехник партии, горный инженер – А.А. Матисен; агроном партии – П.Н. Квитка; производитель работ – Н.В. Овчинников; старший топограф, заведующий техническим отделом – Г.Г. Буш; старший топограф – М.М. Веденский; топографы – М.В. Андрейчик, М.М. Романов, Г.М. Мальсагов, М.И. Желаманов; техник водного отдела – И.А. Богданов; помощник гидротехника – И.А. Рейнвольд (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 3).

Основная деятельность Семиреченской переселенческой партии должна была реализовываться согласно нижеприведенным направлениям:

- а) гидротехнические и гидрологические исследования – для установления ирригационных систем в будущих переселенческих участках, определения водных ресурсов в регионе, ведение исследовательской деятельности;
- б) для статистических исследований – исследование хозяйств казахов, определение экономической ситуации пользования землей кочевниками и их быта;
- в) агрономические исследования – для установления систем метеорологических станций и увеличения сенокосных земель определить климатические особенности края, плодородность почвы, ведение ботанических исследований.

Семиреченская переселенческая партия выявляла численность жителей области, собирала информацию по их хозяйству, была озадачена пополнением землями переселенческого фонда на основе «излишних» участков.

Согласно статистическим документам, в 1905 г. Переселенческая партия в связи со сложностью охвата большой территории края, по решению Туркестанского генерал-губернатора, проводила исследовательские работы только в Аламединском и Талканском волостях Пишпекского уезда. В результате были исследованы 1700 домашних хозяйств из 19 административных сел Аламединской волости и 1823 хозяйства 7 русских сел Пишпекского уезда. Чиновники партии в указанных районах должны были выявить земельные участки, находившиеся в пользовании казахских и русских хозяйств, отмечать «излишние» земли.

Одной из основных задач партии было выявление числа хозяйств, расположенных в области. В результате проведенных работ было определено количество оседлых и кочевых хозяйств Семиреченской области в 1905 г. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 52):

Таблица 1. Число хозяйств Семиреченской области в 1905 году

Уезд			
	оседлые	кочевые	всего
Верный	11660	27755	39415
Капальский	2998	33102	36000
Лепсинский	5217	28856	34073
Жаркентский	4401	17725	22126
Пржевальский	2450	32032	34482
Пишпекский	4930	30594	35524
Итого	31656	170064	201720

Как видно из [Таблицы 1](#), в указанном году число кочевых хозяйств в пять раз превышало численность оседлых. Следовательно, Семиреченской партии для подготовки переселенческих участков, без учета городского населения, было необходимо провести исследовательские работы в 201720 хозяйствах. В среднем, если для исследования одного хозяйства тратилось 80 копеек, то по всему Семиреченскому краю была необходима сумма, равная 161376 рублям.

Исследовательские работы, проводившиеся в 1905 г., не дали результатов, так как новоиспеченная партия не знала особенностей местной ситуации и претерпела трудности в своей

деятельности. В связи с этим Переселенческая партия, не достигнув своей цели и не выполнив задачи, была упразднена в конце 1905 г. Поэтому вопросы расселения переселившихся в край крестьян не были решены. Поскольку прибывшие крестьяне требовали от правительства земельные участки, в декабре 1905 г. со стороны Туркестанского генерал-губернаторства было принято решение и издан приказ о предоставлении им на краткий срок (3 года) участков из земель, находившихся в пользовании казахов.

Как указано в исторической справке о переселенческом деле в Семиреченской области, хранящейся в фонде Семиреченского переселенческого управления, 14 февраля 1906 г. согласно указу Главного управления землеустройства и земледелия, было создано новое учреждение – Семиреченский переселенческий район (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 12), перед которым ставились задачи упраздненной партии.

17 февраля 1906 г. при Семиреченском переселенческом районе была создана Временная комиссия, в обязанности которой входило утверждение проектов переселенческих участков. Ее председателем был назначен заведующий Семиреченским переселенческим районом, а в состав входили проектировщик, начальник уезда, лесник и налоговый инспектор.

Семиреченский переселенческий район выполнял следующие виды работ для подготовки участков крестьянам:

а) предварительно проводились исследовательские работы – изучались участки земель, которые находились в пользовании казахов, в целях изъятия для развития переселенческого дела;

б) определялись возможности орошения земель, подлежащих изъятию, проектировались ирригационные системы;

в) проводились работы размежевания в целях выявления определенных участков в пользовании казахов, подлежащих изъятию для переселенцев, однако в первую очередь необходимо было обеспечить казахов землями, пригодными для скотоводства и земледелия;

г) изучалась хозяйственная ситуация казахов;

д) только после проведения вышеперечисленных исследовательских работ готовились проекты переселенческих участков, подлежащих изъятию, и затем эти проекты выдвигались на рассмотрение Временной комиссии согласно 17-й статье Временного постановления от 13 июня 1893 г.;

е) после утверждения Временной комиссии, по согласованию с Министерством внутренних дел на основе специального указа Главного управления землеустройства и земледелия, на этих участках расселялись переселенцы.

Семиреченское переселенческое управление состояло из канцелярии, статистического, агрономического, земельного размежевания, гидротехнического, дорожного, медицинского, ветеринарного, строительного отделов.

В каждом переселенческом районе имелись продовольственный, лесной, сельскохозяйственный склады. Как было указано в годовом отчете Семиреченского переселенческого управления, в 1909 г. в области функционировали 6 складов. Они располагались в Пишпеке, Верном, Лепсинске, Пржевальске (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 26. Л. 212). Один из них принадлежал Семиреченскому казачьему войску, один – государству, четыре – Переселенческому управлению.

Переселенцам выдавались кредиты и ссуды. Правила выдаваемых переселенцам ссуд были узаконены в 31–69 статьях 2 раздела вышеназванных «Правил переселения на государственные земли» (Полный свод, 1911: 728–733). Заведующий Переселенческим районом на основе определенного указа о выдаче ссуд ежемесячно отчитывался перед Главным переселенческим управлением.

В 1906 г. заведующим Семиреченским переселенческим районом был назначен С.Н. Велецкий, специально присланный чиновник из Главного переселенческого управления. Заведующий районом был ответственным за управление по всем сферам переселенческих дел в крае.

В фондах архива найдено личное дело С.Н. Велецкого. В формулярном списке указано, что его деятельность по переселенческим делам в Казахстане начиналась в 1899 г. Вначале он работал в Акмолинской временной партии. В январе 1903 г., после объединения Акмолинской и Семипалатинской временных переселенческих партий, работал заведующим Акмолинско-Семипалатинской временной партией (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 270. Л. 128–130). Таким образом, необходимо отметить, что в Семиреченскую область был направлен чиновник, имеющий достаточный опыт в проведении переселенческой политики Российской империи в Казахстане.

С.Н. Велецкий заведовал Переселенческим управлением Семиреченской области с 1906 по 1914 гг. В течение этих 8 лет он смог показать себя ответственным и исполнительным чиновником в реализации переселенческой политики царского правительства. После прибытия в Семиреченскую область С.Н. Велецкий активно и быстро взялся за дела. Уже в апреле–мае 1906 г. он с чиновниками Семиреченского переселенческого района составил рабочий план на текущий год, согласно которому край делился на три малых переселенческих подрайона: Пишпекский, Капальский и Лепсинский. В результате проведенных работ в Аламединском, Талканском, Восточно-Ргайтинском, Калгутинском и Буликбаевском волостях Пишпекского уезда было выявлено 108710 десятин плодородных «излишних» земель. Из этого фонда участков было изъято 41688 десятин земель в пользу

переселенческого фонда, которые должны были распределяться между 5368 переселенцами (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 20).

В 1906 г. с целью определения земельного фонда были проведены предварительные работы в Лепсинском уезде, в результате чего было выявлено всего 215 тыс. десятин земель. Не все земли Лепсинского уезда требовали ручного орошения. В том же году было выявлено, что 737 семей переселенцев не проходили регистрацию в уезде. В Капальском уезде так же, как в Лепсинском, были проведены общие исследовательские работы, на основе которых было запланировано создание 5 переселенческих участков. В результате регистрационных работ были определены 525 семей, нуждающихся в земельных участках (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 22).

Хотя в 1906 г. не были предусмотрены работы по формированию переселенческих участков в Верненском уезде, в связи со сложившейся ситуацией был организован участок Шамалган размером 7150 десятин для расселения 818 незарегистрированных крестьян-переселенцев.

Таким образом, анализ вышеприведенных отчетных документов по деятельности Семиреченского переселенческого района за 1906 г. показывает, что основная работа была направлена на пополнение земельного фонда и выяснение социально-экономической ситуации крестьян, переселенных в регион. В четырех из шести уездов, входящих в Семиреченскую область, были выполнены запланированные работы. Из-за нехватки чиновников в переселенческом учреждении исследовательские работы не проводились в Пржевальском и Джаркентском уездах.

В 1906 г. Временная комиссия приняла в Переселенческий фонд 10 участков в Пишпекском уезде, 1 – Верненском, их общий объем составлял 52567,3 десятин и рассчитывался на 6186 человек. В Лепсинском и Капальском уездах были запланированы 29 участков, предназначенных на 36300 человек в объеме 434700 десятин земель. В 1906 г. число переселенцев в крае достигло 16798 человек. В этот же период был поднят вопрос, связанный с земельными фондами казачьих войск.

Семиреченское переселенческое управление обратило особое внимание на свободные земли Пишпекского и Пржевальского уездов, но они принадлежали фонду Семиреченского казачьего войска. Войсковое правление давало эти земли в аренду переселенцам при условии, что в будущем крестьяне-переселенцы обязывались перейти в сословие казаков. Земельные фонды казачьих войск пополнялись за счет земель, которые были изъяты администрацией у местного населения.

В 1906 г. Семиреченское переселенческое управление начало свою официальную деятельность в Пишпекском уезде, поскольку здесь сосредоточилось большое количество самовольных переселенцев, требовавших размещения их по участкам.

Поэтому заведующий Семиреченским переселенческим районом С.Н. Велецкий потребовал от генерал-губернатора Туркестанского края передать излишние земли, входящие в дополнительный фонд Семиреченского казачьего войска, в пользу переселенцев. Данный вопрос перешел на рассмотрение высших инстанций. Генерал-губернатор Туркестанского края предложил военному министру перенести в фонд переселения одну часть земель из Семиреченского казачьего войска. В результате по решению военного министра в фонд переселения было передано 130 тыс. десятин земель, однако в будущем Переселенческий район согласно 20-й статье закона от 21 апреля 1869 г. обязывался вернуть земли в соответствующем объеме Семиреченскому казачьему войску. Данное постановление было принято Главным переселенческим управлением. Однако военный губернатор Семиреченской области и одновременно наказной атаман Семиреченского казачьего войска генерал-лейтенант Ионов не дал свое согласие.

Для продолжения начатых работ в 1906 г. в Семиреченском переселенческом районе по плану на 1907 г. Семиреченская область была разделена на 10 малых подрайонов: Верненский, Пржевальский, Капальский, Пишпекский, Чуйский, Нарынский, Лепсинский, Сергиопольско-Бахтинский, Илийско-Балхашский. Точнее, уезды – Верный, Пржевальский, Капальский и Жаркентский составили малые подрайоны – Верненский, Пржевальский, Капальский и Жаркентский.

1 мая 1907 г. был создан статистический отряд, который проводил хозяйственно-статистические и природно-климатические исследования в Лепсинском и Капальском уездах. С 1 мая по 1 ноября он провел исследования в 14386 хозяйственных кибитках 83 поселений 9 казахских волостей Лепсинского уезда и 1669 хозяйственных кибитках 13 поселений Верхне-Каратальской волости Капальского уезда. Таким образом, в течение полугода всего было проведено анкетирований в 16055 хозяйственных кибитках 96 административных поселений. В период с 1 ноября 1907 г. по 1 января 1908 г. были обработаны статистические документы отдельных хозяйственных кибиток (в количестве 11871) в составе 9 ½ волости (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 57).

Вопросы распределения земель казахским хозяйствам рассматривались на заседании Семиреченского областного управления. Согласно протокольным документам, такие заседания проводились под председательством семиреченского областного военного губернатора в конце января и начале февраля 1908 г. Также на данном заседании присутствовали все начальники уездов, чиновники местного переселенческого учреждения, члены Семиреченского казачьего войска. После разностороннего обсуждения было принято решение об изъятии земель из пользования кочевого народа в переселенческий фонд, прежде всего земель, пригодных для хлебопашества, и обеспечения

их земельными участками на условиях, равных с русскими крестьянами. На этих заседаниях по решению Главного управления были приняты нижеследующие условия:

а) необходимо было выделить кочевым жителям столько земельного участка, сколько давали русским крестьянам в местных округах;

б) не надлежали изъятию земли, освоенные кочевниками;

в) заседания Временной комиссии должны были проходить в созданных переселенческих участках;

г) протоколы Временной комиссии предлагаются обсуждению на общем заседании Областного правления и должны утверждаться Главным управленцем края (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 264-265).

В 1908 г., с мая по июль, заседания Временной комиссии были проведены во всех шести уездах. В результате по восьми малым подрайонам в области было выявлено 48 участков в объеме 271635 десятин земель на 30670 человек (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 266).

Заведующий Семиреченским переселенческим районом С.Н. Велецкий в годовом отчете за 1908 г. указал, что из вышеутвержденных участков только два – в Верненском и Лепсинском уездах – в объеме 11436 десятин, предназначенных на 985 человек, были готовы к расселению крестьян, а остальные были условно утверждены. В результате было принято заключение о возможности расселения крестьян на малых земельных участках, которые перешли в переселенческий фонд. Поэтому до расселения всех крестьян в крае была рекомендована необходимость введения запрета на переселение в Семиреченскую область в 1909 г. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65 Л. 270).

По решению Главного переселенческого управления в 1908 г. из Петербурга в Семиречье были отправлены две ботанические экспедиции. Одна из них исследовала правый берег озера Иссык-Куль (Пржевальский малый подрайон) и горную часть Пишпекского уезда (Нарынский малый подрайон), а вторая – проводила исследовательские работы на побережьях реки Или и дальше проследовала к горным участкам. Экспедицию в Пржевальском уезде возглавляли профессор науки почвоведения Глинка и магистр ботаники Флеров (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 162). Материалы данных экспедиции собраны в отчете 1908 г.

Исследование земель, планирование там переселенческих участков и работы по расселению переселенцев проводились в трех участках из сем, и принятых Временной комиссией в малом подрайоне Верный. Были выделены земли в Ргайтинской волости в объеме 7230 десятин на 675 человек, в Тайторинской волости 5570 десятин на 611 человек и 431 десятина плодородных земель Ргайтинской волости для проведения агрономических исследовательских работ (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 3).

Ежегодно в Семиреченской области предварительно планировались малые подрайоны, в них создавались переселенческие участки. Таким образом, Переселенческое учреждение в Семиреченской области во главе С.Н. Велецким эффективно реализовывало переселенческую политику царского правительства.

1 декабря 1913 г. начальник Главного управления переселения Н.В. Глинка в телеграмме, адресованной С.Н. Велецкому, предлагает ему должность начальника Управления хлебопашества и государственного имущества в Енисейской губернии. С.Н. Велецкий принимает данное предложение, свою же должность передает инженеру-гидротехнику Семиреченского переселенческого района, чиновнику по специальным заданиям Переселенческого управления Б.Х. Шлегелю. Документы по переписке Велецкого и Шлегеля, сохраненные в фонде, оповещают о назначении второго на должность заведующего (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 210. Л. 20). Б.Х. Шлегель работал на этой должности до 1916 г. Однако с мая 1916 г. заведующим Семиреченским переселенческим районом стал В.А. Гончаровский. Все чиновники, назначенные на должность заведующего Семиреченским переселенческим учреждением, утверждались Главным переселенческим управлением в Петербурге. Стоит отметить, что в архивном фонде не встречаются документы, дающие полные сведения о заведующих Семиреченским переселенческим районом, назначенных после С.Н. Велецкого.

Российская империя обращала пристальное внимание на переселенческую политику, усиливая деятельность переселенческих учреждений дальних регионов, обеспечивая их необходимыми кадрами и контролируя результативность проведенных работ. В связи с этим число штатных сотрудников в Семиреченском переселенческом районе ежегодно росло (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 26. Л. 163-177):

Таблица 2. Численный состав сотрудников Переселенческого учреждения Семиреченской области за 1906–1911 гг.

	Вид деятельности, должность	1906	1907	1908	1909	1910	1911
Государственные работники	1. Чиновники особого назначения	x	2	2	4	4	6
	2. Производитель работ	x	x	6	3	4	3
	3. Производитель работ по подготовке переселенческих участков и излишних земель	3	8	4	10	14	17
	4. Помощник производителя работ	x	x	x	1	1	2
	5. Заведующий техническим отделом по делам размежевания	1	1	2	6	10	8
	6. Главный заведующий техническим отделом по делам размежевания	x	x	x	1	1	1
	7. Топограф	11	14	28	53	73	83
	8. Инженер-гидротехник	1	1	1	1	1	1
	9. Главный гидротехник	1	3	1	1	x	1
	10. Младшие техники	2	2	2	2	1	4
	11. Агроном	1	1	1	2	2	1
	12. Заведующий экспериментальными пашнями	x	x	x	x	1	x
	13. Помощник статистического отдела	1	1	1	x	x	x
	Всего	21	33	48	84	112	127
Наемные работники	1. Топограф	1	10	9	20	8	3
	2. Помощник агронома	1	1	1	x	x	x
	3. Статистик	1	1	3	6	5	5
	4. Регистратор и бухгалтер	9	7	12	16	17	22
	5. Чертежники отдела межевания	2	2	4	11	11	7
	6. Чертежник гидротехнического отдела	4	3	5	x	x	X
	7. Контролер склада сельскохозяйственных машин и приборов	1	1	1	x	x	X

8. Гидротехник и дорожные техники	x	3	x	x	x	X
9. Лаборант агрономической лаборатории	x	x	2	2	2	X
10. Главный гидротехник	x	x	1	2	4	3
11. Младший гидротехник	x	x	2	4	4	3
12. Дорожный техник	x	x	2	x	x	x
13. Фельдшер	x	2	2	4	7	18
14. Инструктор по экспериментальным пашням	x	x	x	2	x	X
15. Заведующий статистическими работами	x	x	x	1	1	1
16. Нивелировщик, чертежник, пикетажист	x	x	x	16	14	12
17. Доктор	x	x	x	2	2	3
18. Фельдшер-акушер	x	x	x	2	3	4
19. Временный гидротехник	x	x	x	12	28	13
20. Почвовед исследователь	x	x	x	4	2	x
21. Ботаник	x	x	x	6	1	x
22. Десятник гидротехнического отдела	x	x	x	x	x	4
23. Переселенцы остановочно-производственных пунктов	x	x	x	x	x	1
24. Медицинская сестра	x	x	x	x	x	1
Всего	19	30	44	110	109	100
Итого	40	63	92	194	221	227

Как видно из таблицы 2, если в Семиреченском переселенческом районе в 1906 г. всего было 40 штатных работников, то в 1911 г. их число достигло 227 человек. Так, ежегодно количество штатных сотрудников увеличивалось на 20–30 %. Эти цифры свидетельствуют о том, что Российское правительство уделяло вопросу переселенческой политики большое внимание и принимало все меры для ее эффективной реализации на местах.

Если говорить о национальном составе штатных сотрудников, то в Семиреченском переселенческом районе работали не только русские чиновники, но и представители казахского народа. В основном казахи трудились в гидротехническом отделе и переводчиками в канцелярии. Так как русские чиновники не полностью владели ситуацией в крае, не знали местного языка, для проведения исследовательских работ необходима была помощь местного населения, поэтому казахи принимались на штатные должности.

В 1915–1916 гг. чиновники Семиреченского переселенческого района в основном занимались расселением казахов. Первая мировая война оказала существенное влияние на замедление работ этого учреждения в крае, обусловленное существенным сокращением финансирования и объемов работ, а также уменьшением количества переселенцев.

5. Заключение

Таким образом, на основе широкого комплекса источников, и прежде всего архивных материалов, можно сделать выводы о достаточно эффективной деятельности Переселенческого

управления Семиреченской области, работа которого была направлена прежде всего на пополнение земельного фонда и распределение участков для вновь прибывших переселенцев. Основные его функции заключались в следующем:

- проводились агрономические, гидрогеологические и статистические исследовательские работы;
- создавались переселенческие участки из земель, признанных «излишними» для местного казахского народа;
- назначались государственные ссуды переселенцам и обеспечивалась своевременная их выдача;
- специально созданный при Переселенческом управлении отдел обеспечивал земельными участками казацкие войска в крае.

В целом, анализ деятельности Семиреченского переселенческого управления показал, что запланированная высшими кругами Российской империи переселенческая политика государства была воплощена в жизнь благодаря созданным на местах переселенческим организациям, которые внесли свой вклад в решение земельного вопроса в стране.

Литература

- Абдиров, 1994** – *Абдиров М.* История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.
- Васильев, 1915** – *Васильев В.А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Петроград, 1915. 278 с.
- Велецкий, 1913** – *Велецкий С.Н.* Записка о положении и нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе к 1-му января 1913 года. СПб., 1913. 109 с.
- Велецкий, 1916** – *Велецкий С.Н.* Семиреченская область и ее колония. Итоги работ по колонизации Семиречья за 8 лет (1906–1913 гг.). СПб., 1916. 62 с.
- Галузо, 1965** – *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 346 с.
- Каппелер, 2010** – *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. 428 с.
- Купласт, 1912** – *Купласт А.П.* Семиреченская область. Полтава, 1912. 26 с.
- Кузнецов, 1910** – *Кузнецов В.* Киргизское хозяйство в Акмолинской области. СПб., 1910. 26 с.
- Койгелдиев, 2004** – *Койгелдиев М.Қ.* Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.). Астана: Елорда, 2004. 216 с.
- Мийманбаева, 2002** – *Мийманбаева Ф.Н.* Русские переселенцы в Семиречье в к. XIX – н. XX вв. Алматы, 2002. 50 с.
- Полный свод, 1911** – Полный свод законов Российской империи. Книга вторая. СПб., 1911. Т. 9. 4680 с.
- Свод законов, 1913** – Свод законов Российской империи. Книга первая. Второе издание. СПб., 1913. Т. 2. 2774 с.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX вв. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1963. 412 с.
- Трегубов, 1910** – *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской области. СПб., 1910. 78 с.
- Турсунбаев, 1950** – *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстане. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1950. 101 с.
- Центральная Азия в составе Российской империи, 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- ЦГА РК, Ф. 19** – Центральный государственный архив Республики Казахстан, фонд 19 «Заведующий переселенческим делом в Семиреченском районе».

References

- Abdirrov, 1994** – *Abdirrov M.* (1994). Istorija kazachestva Kazakhstana [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan. 160 p. [in Russian]
- Galuzo, 1965** – *Galuzo P.G.* (1965). Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867-1914 gg. [Agricultural relations in the south of Kazakhstan in 1867-1914]. Alma-Ata: Nauka. 346 p. [in Russian]
- Kappeler, 2010** – *Kappeler A.* (2010). «Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya»: nekotoryye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikatsii knigi ["Russia is a multinational empire": some thoughts eight years after publishing a book]. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma. M.: Novoye izdatel'stvo. 428 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 1910** – *Kuznetsov V.* (1910). Kirgizskoye khozyaystvo v Akmolinskoy oblasti [Kyrgyz economy in the Akmola region]. SPb. 26 p. [in Russian]
- Polnyi svod, 1911** – *Polnyi svod zakonov Rossiyskoi imperii.* [The body of law of the Russian Empire]. Kniga vtoraya. SPb., 1911. T. 9. 4680 p. [in Russian]

- Qoigeldiev, 2004** – *Qoigeldiev M.Q.* (2004). Zhetysudagy Resei biligi (XIX g.-1917 zh.) [Russian authority in Zhetysu (XIX – 1917)]. Astana: Elorda. 216 p. [in Kazakh]
- Suleymenov, 1963** – *Suleymenov B.* (1963). Agrarnyy vopros v Kazakhstane posledney treti XIX – nachala XX vv. (1867-1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan of the last third of the 19th – beginning of the 20th centuries (1867-1907 gg.)]. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR. 412 p. [in Russian]
- Svod zakonov, 1913** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The body of law of the Russian Empire]. Kniga pervaya. Vtoroe izdanie. SPb., 1913. T. 2. 2774 p. [in Russian]
- Tsentrал'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii, 2008** – Tsentrал'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 464 p. [in Russian]
- TsGA RK, F 19** – Tsentrал'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan, fond 19 «Zaveduyushchiy pereselencheskim delom v Semirechenskom rayone» [Central State Archive of Republic of Kazakhstan, fund 19 «Head of resettlement in the Semireche district»].
- Tursunbayev, 1950** – *Tursunbayev A.B.* (1950). Iz istorii krest'yanskogo pereseleniya v Kazakhstane [From the history of peasant migration in Kazakhstan.]. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR. 101 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 1915** – *Vasil'ev V.A.* (1915). Semirechenskaya oblast' kak koloniya I rol' v nei Chuiskoi doliny [The Semirechensk region as a colony and the role of the Chuy valley in it]. Petrograd. 278 p. [in Russian]
- Veletskiy, 1913** – *Veletskiy S.N.* (1913). Zapiska o polozhenii i nuzhdah pereselencheskogo dela v Semirechenskom roione k 1-mu yanvarya 1913 goda [The note on the situation and needs of the resettlement question at Semirechensk district by January 1]. SPb. 109 p. [in Russian]
- Veletskiy, 1916** – *Veletskiy S.N.* (1916). Semirechenskaya oblast' I eye koloniya. Itogi rabot po kolonizatsii Semirech'ya za 8 let (1906–1913 gg.) [The Semirechensk region and its colony. The results of 8 years colonization of the Semirechensk (1906–1913)]. SPb. 62 p. [in Russian]
- Kuplast, 1912** – *Kuplast A.P.* (1912). Semirechenskaya oblast' [The Semirechensk region]. Poltava. 26 p. [in Russian]
- Miymanbaeva, 2002** – *Miymanbaeva F.N.* (2002). Russkie pereselentsy v Semirech'e v k. XIX-n. XX vv. [Russian migrants in Semirechensk in XIX–XX]. Almaty. 50 p. [in Russian]
- Tregubov, 1910** – *Tregubov A.L.* (1910). Pereselencheskoe delo v Semipalainskoi I Semirechenskoj oblasti [The resettlement case in Semipalatinsk and Semirechensk region]. SPb. 78 p. [in Russian]

Роль Переселенческого управления Семиреченской области в решении земельного вопроса Российской империи

Оразгуль Хасеновна Мухатова^a, Гульжан Болегеновна Тлеубекова^{b,*},
Назгуль Кажимурауовна Байгабатова^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова, Республика Казахстан

Аннотация. Начиная с конца XIX в., процессы стихийного переселения крестьян в Центральную Азию потребовали неотложного решения со стороны царского правительства, которое осознавало, что необходимо срочно принимать меры по упорядочению переселенческого движения. В связи с этим в ряде регионов современной территории Казахстана были созданы переселенческие организации. Цель данной статьи на архивных материалах осветить деятельность и роль Семиреченского переселенческого управления в решении земельного вопроса Российской империи в начале XX века. Авторы на основе не опубликованных ранее архивных документов анализируют основные направления деятельности и результаты работы Переселенческого управления Семиреченской области. Анализ делопроизводственных документов переселенческого учреждения способствует изучению сущности и содержания переселенческой политики, проведенной в данном крае. Методы анализа и синтеза, использованные при изучении, рассмотрении, отборе новых архивных материалов, позволили провести теоретические обобщения деятельности и вклада Переселенческого управления Семиреченской области в решение земельного вопроса Российской империи.

Ключевые слова: переселенческая политика Российской империи, Семиреченское переселенческое управление, архивные материалы, земельный фонд, крестьяне-переселенцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tleubekova@mail.ru (Г.Б. Тлеубекова), orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова), bnk1606@mai.ru (Н.К. Байгабатова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 652-662. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.652
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“To Educate a Woman Means to Educate the Society Itself”: the Public Idea of Female Education in the second half of the XIX – early XX centuries

Alexandra V. Spichak ^{a,*}

^a Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

Abstract

The issue of female education is one of the most important in pre-revolutionary historiography, devoted to the role and importance of the weaker sex in society. The article is devoted to the analysis of the views of Russian and foreign scientists and public figures on the possibility of granting women the right to education in the second half of the XIX – early XX centuries. Particular attention is paid to the work devoted to defending the rights of the weaker sex to study in educational institutions. The authors highlighted the advantages of female education not only for the female representatives themselves, but also for their spouses, children, for families and for the motherland as a whole. The article used methods characteristic of intellectual history and the disciplinary history of science. Reliance on these methodological foundations made it possible to identify and analyze an interesting discussion in Russian social thought. In the final part, the reasons for the appearance in journalism and literature of works devoted to the problem of female education, their distinguishing features and results summed up at the end of the period under consideration, as well as the significance of the discussion of this issue are given.

Keywords: The Russian Empire, women's issues, women's education, women's education, its ideals, women's educational institutions, public opinion, literature, journalism, controversy.

1. Введение

Старая народная мудрость, бытовавшая в российском общественном мнении, да и в европейских странах, гласила, что внешний мир принадлежит мужчине, а место женщины – дома (Паршина, 2007: 3). Эпоха «великих реформ» 60–70-х гг. XIX в. привела к огромным социальным сдвигам в Российской империи. Бурно развивающаяся индустрия нуждалась в большом количестве образованных специалистов (Громова, 2016: 3), благодаря чему женщины получили право на образование, что, в свою очередь, привело к повышению их роли в духовной жизни страны, к активизации их общественной, профессиональной, культурной и других видов деятельности (Скачкова, 1998: 3). Именно история женского образования очень чутко отражает изменения, происходящие в обществе (Паршина, 2007: 3).

В XVIII–XIX вв. были проведены реформы в женском образовании. При Екатерине II был создан Смольный институт, позднее – «мещанские училища», с середины XIX в. появились епархиальные училища, с 1870 г. было разрешено открытие высших женских курсов в главных университетских городах. Перед общественной потребностью в женщинах-специалистах постепенно отступало неравенство получения образования мужчинами и женщинами (Котовская, 2014: 103).

Объект исследования – женская проблематика в общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв.

Предмет исследования – отношение общества к образованию представительниц женского пола в публицистике указанного периода.

* Corresponding author

E-mail addresses: spichak-89@mail.ru (A.V. Spichak)

Цель исследования – выяснить, каково было отношение общества к женскому образованию, судя по литературе второй половины XIX – начала XX вв.

Хронологические рамки исследования включают вторую половину XIX – начало XX вв. Нижнюю границу есть основания связать с активным осознанием женского вопроса в России и, как следствие, с изданием первых трудов, посвященных этому вопросу, в том числе о возможности образования «слабого пола». Верхняя хронологическая граница – рубеж 10–20-х гг. XX столетия – обусловлена началом нового, советского периода в истории женского вопроса, связанного с радикальным изменением отношения к роли женщины в обществе (что должно послужить темой особого исследования).

2. Материалы и методы

Был изучен комплекс отечественных и переводных исследований (написанных в основном в публицистическом ключе), прямо или косвенно затрагивающих вопрос женского образования. Публицистические произведения, посвященные актуальным явлениям текущей жизни общества, играли и продолжают играть важную политическую и идеологическую роль как средство выражения плюрализма общественного мнения, в том числе формирующегося вокруг острых проблем жизни. Одной из них в России второй половины XIX – начала XX вв. стала проблема необходимости и достаточности обучения лиц «слабого пола».

В работе использовался метод историзма, помогающий проследить возникновение, становление и тенденции общественного развития, а также метод сравнительного анализа.

3. Обсуждение

В нашей стране до начала перестройки научный интерес к проблемам феминизма практически отсутствовал, поскольку с позиций марксистско-ленинской идеологии женщина уже давно считалась свободной (Рушанина, 1999: 77). За постсоветский период по указанной проблеме существует обширная историография, женский вопрос и в настоящее время остается чрезвычайно актуальным. Степень изменения роли и значения женщины в обществе вызывает растущий исследовательский интерес к сути женского начала в различных областях. Усиление внимания к указанной проблематике требует и глубокого изучения наследия по данной теме (Шабалкина, 2007: 3).

Г.К. Скачкова, выясняя степень влияния развития образования на активизацию общественной (профессиональной, попечительно-благотворительной, культурной, религиозной) деятельности женщин в 1860-х – 1917-м гг., пришла к выводу о возрастании роли женщин в социальной и духовной жизни российского общества (Скачкова, 1998).

Ученые, посвятившие свои труды женскому вопросу во второй половине XIX – начале XX вв., рассматривали и тему образования, однако либо обходили вниманием ее историографию, либо рассматривали последнюю недостаточно полно (Мартыненко, 2002; Успенская, 2005; Хайруллина, 2005; Долидович, 2006). Некоторые аспекты освещения вопроса о женском образовании прогрессивными общественными деятелями, публицистами и педагогами в периодической печати представлены в исследовании В.Н. Паршиной (Паршина, 2007). Н.Н. Журавлева, подробно изучившая историографию женского образования в рассматриваемый период, не выделила бытовавшие тогда основные точки зрения на возможность допуска женщин к образованию (Журавлева, 2005).

В отечественной литературе накоплен достаточный материал о предназначении женщины, положении и роли ее в обществе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что проблема отношения общества к образованию представительниц женского пола в литературе второй половины XIX – начала XX вв. остается в должной мере не раскрытой.

4. Результаты

В указанный период российским читателям были доступны работы отечественных авторов и переводные издания, по большей части с французского языка. Следует согласиться с Н.П. Рушаниной, что для историографии XIX – начала XX вв. характерен плюрализм в подходах к женскому вопросу (Рушанина, 1999: 78).

Издrevле считалось, что женщины, в отличие от мужчин, не обладают способностью обучаться, так как у последних «более разума» (апостол Святой Томас). Еще в начале XIX в. господствовало мнение, что первые и не желают развивать свой ум. Даже великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) считал, что женщины не стремятся к знаниям, действуя только на показ, дабы потом похвастаться (Шевляков, 1901: 34–38).

Ко второй половине XIX в. уже мало кто сомневался в том, что женщины могут и хотят учиться, однако оставались вопросы, стоит ли предоставлять им право на образование и в какой степени.

Во второй половине XIX – начале XX вв. существовало несколько подходов к женскому образованию: 1) негативное отношение к женскому образованию (призвание женщины – быть супругой, матерью и хозяйкой, и только); 2) признание необходимости низшего и среднего образования для женщин, чтобы они лучше могли себя реализовать в качестве супруг и

воспитательниц своих детей; 3) требование предоставить женщинам право на высшее, научное образование. Рассмотрим подробно эти мнения, выделив их общие и специфические черты.

1) Негативное отношение к высшему женскому образованию (женщина должна заниматься детьми и домашним хозяйством).

В XIX столетие из предыдущего перекочевал предрассудок о том, что женщина, стремящаяся получить образование, хочет стать похожей на мужчину, отчего выглядит смешно и нелепо, считали французский баснописец Жан де Лафонтен (1621–1695), философ и социолог Шарль Фурье (1772–1837), российский генерал-майор граф Франсуа Ксавье де-Местр (1763–1852) даже сравнивал ее с обезьяной. Некоторые ученые не признавали за женщинами способности к получению знаний, среди них был выдающийся физиолог и анатом Теодор Людвиг Бишоф (1807–1882) (Шевляков, 1901: 34-55).

Несмотря на положительные сдвиги в отношении общества (т.е. мужчин, так как они «дирижируют оркестром общественных убеждений и являются запевалами» (Писарев, 1984: 10) к женскому образованию, в конце XIX в. некоторые мыслители продолжали выступать против обучения женщин наукам, объясняя это тем, что основой общества является брак, оба супруга должны заниматься своим призванием, и поэтому девицам стоит готовиться к браку, а не к получению профессии. В. Силов считал, что единственное предназначение женщины – это служение роду, она не могла заниматься учебой и карьерой, потому что «действия ее часто должны бы были быть прерываемы ... заботами как жены, хозяйки и матери» (Силов, 1897).

Удивительно, что даже в начале прошлого века не перевелись противники женского образования. Писатель и критик Н.Я. Абрамович, не скрывая пренебрежения к «слабому полу», так подвел итог своего исследования: «В интеллектуальной жизни мира участие женщины ничтожно. Творческое идейное движение совершается вне ее. Этот итог бесстрастен, точен и выявлен самой жизнью» (Абрамович, 1913).

Такова была и позиция части церковных деятелей. Русская Православная церковь (далее – РПЦ) в XIX в. внесла весомый вклад в обучение девочек в низших и средних учебных заведениях, однако некоторые высокопоставленные клирики не одобряли желания женщин заниматься чем-то, кроме семьи. Так, епископ Дмитровский Преосвященный Амвросий (Ключарев) объяснял выпускницам Московского Николаевского института 31 мая 1880 г., что они не должны принимать участие в общественной жизни, так как это идет вразрез с правилами св. Апостола Петра – краткостью и молчаливостью – и унижает женское достоинство. Таким образом, РПЦ не была против образования девиц, но настаивала, чтобы после его окончания они возвращались к своим прямым обязанностям, а не стремились работать по профессии (Ключарев, 1880). «Вступление на ученые поприща» св. праведник Иоанн Кронштадтский связал с «отвержением церковных таинств» и принятием участия «в общественных смутах», подводя своих слушателей к мысли, что ученые женщины разрушают семьи и общество, тратя время не на то, что важно (Кронштадтский, 1903).

2) Признание необходимости низшего и среднего женского образования для лучшей реализации в качестве супруги и воспитателя.

В России женский вопрос начал интересовать общественность во второй половине XIX в. после выхода в свет переводной (в основном с французского языка) литературы, и это не случайно. Ведь тогда права мужчины стали более или менее понятны, а что касается прав женщин, как замечали сочувствующие им защитники, то они оставались неясными. Некоторые мыслители обратили внимание на то, что женщины, даже получив свободу, оставались в угнетенном положении, поскольку им до сих пор не были доступны права на образование и получение профессии. Французская литература была даже не на шаг, а на несколько шагов впереди, в ней обсуждались конкретные решения проблем и гражданские права, в то время как отечественные писатели еще объясняли, что женщина – это тоже человек. Общей мыслью у зарубежных и отечественных авторов было то, что «мать – это первая воспитательница ребенка, чтобы учить, она должна сама иметь познания» (Ришер, 1879: 12-13). Именно со страниц зарубежных книг в отечественную литературу проникали мысли по женскому вопросу.

К середине XIX в. некоторые видные деятели начали признавать способность женщин к обучению, например, литературные критики Н.И. Соловьев (1831–1874 гг.) и В.Г. Белинский (1811–1848 гг.). Последний настаивал на предоставлении женщинам права на образование, обосновывая это тем, что «она тоже человек» (Шевляков, 1901: 34-55).

Одним из первых и самых горячих защитников прав женщин французским прозаиком и драматургом Эрнестом Легуве в 1850-х гг. была высказана мысль, что «для образования ума и воспитания характера нужны и школа, и мать, но прежде мать». Э. Легуве одним из первых, проводя сравнения физической и духовной стороны мужчины и женщины, приходит к выводу об их «равенстве в различие и необходимости сочетания», из чего следует, что женщина не должна занимать место мужчины, а дополнять его в тех областях, в которых исполнение обязанностей требует присущие только ей свойства (Легуве, 1896).

В XVIII в. существовало мнение, что только гены отца передаются ребенку, мать никаким образом не влияет на его развитие. После того как было доказано, что и женщины участвуют в генетическом наборе ребенка, стали считать, что именно после рождения «склад мысли,

свойственный одному полу, обуславливает и улучшает склад мысли, свойственный другому» (Бокль, 1864). Таким образом, изменение статуса женщины началось с осознания важности ее положения как матери и не только в плане религиозного воспитания и ухода за детьми, но и как их первого учителя.

В 70–80-х гг. XIX в. в России и за рубежом официально считалось, что женщины должны быть прежде всего хорошими матерями, давать государству «крепких граждан» (Каптерев, 1892: 69). Секретарь Комитета иностранной цензуры М.Л. Златковский утверждал, что счастливый брак и нормальное воспитание будущего поколения, «которое пригодится Родине», невозможны без общих интересов супругов, которых, в свою очередь, не будет без надлежащего образования женщины. При этом автор достаточно мягко подчеркивал выгоду мужской части населения и в целом страны от предоставления права женщинам на получения образования (Златковский, 1867). Так полагал и Леон Ришер: «образованная женщина воспитает не просто здоровых нравственно и физически членов общества, но и даст государству доблестных граждан» (Ришер, 1879). Профессор И.Т. Тарасов подчеркивал, что в XIX в. требовалось огосударствление женского просвещения. По мнению этого правоведа, дискуссии о женском образовании, трудности в решении этой проблемы во многом обусловлены тем, что образование женщин не рассматривалось как обязанность государства (Тарасов, 1885: 10). Чтобы «достучаться» до общества и обратить его внимание на проблему женского воспитания и образования, важно было доказать его пользу в первую очередь для супруга, для всей семьи. В июле 1867 г. депутат при законодательном корпусе Жюль Симон заявил: «Из воспитанного мальчика выходит образованный человек, а из воспитанной женщины, помимо образованной женщины, получается воспитательница, то есть образование получило целое семейство». Эта мысль легла в основу последующих исследований, посвященных праву женщин на образование (Ришер, 1879: 4-5).

До последнего десятилетия XIX в., уже признавая значимость для женщин низшего и среднего образования, в них не видели потенциальных ученых, в частности, потому, что наука якобы пагубно влияет на представительниц «слабого пола», лишает их женского счастья (философ-материалист и врач Пьер Кабанис (1757–1808), лексикограф и поэт Пьер Буаст (1765–1824), Франсуа Ксавье де-Местр, французский писатель Фредерик Стендаль (1783–1842), немецкий врач Филипп Фридрих Герман Кленке (1813–1881). Андре Лео (1824–1900 гг.) – французская общественно-политическая деятельница, феминистка, писательница, журналистка – нашла этому такое объяснение: мужчины боятся образованных женщин, потому что размышления ведут к независимости (Шевляков, 1901: 34-55).

3) Требование предоставления женщинам права на высшее научное образование.

Если в первой половине XIX в. большая часть общества была согласна с Франсуа Ксавье де-Местром в том, что «женщины не произвели ни одного знаменитого творения», то во второй половине столетия уже признавалось, что и женщины достигают высот в науке (педагог и писатель В.И. Классовский (1815–1877). За научное образование женщин выступали беллетрист и критик В.Г. Авсеенко (1842–1913), доктор медицины и естественных наук Поль Бер (1833–1886), поэт, член Французской академии Габриэль Мари Легуве (1807–1903), знаменитый немецкий шахматист и математик Эмануэль Ласкер (1868–1941) и др. (Шевляков, 1901: 34-55).

19 марта 1858 г. английский историк Генри Томас Бокль произнес речь в Королевском институте, которая содержала еще более революционные идеи. Г.Т. Бокль пытался опровергнуть господствовавшее мнение о том, что ни одно из величайших творений не принадлежит женщинам, утверждая, что они «оказали науке великую ... услугу, поощряя и поддерживая в людях склонность к дедуктивному мышлению». Всеобщему признанию того, что женщины «быстрее мыслят», по мнению Бокля, мешала «достойная презрения и уродливая система, которая зовется их воспитанием и состоит в заботливом удалении от них всяких полезных знаний и тщательном преподавании им всякого вздора». Кроме того, историк пытался доказать, что «многие гениальные люди имели замечательных матерей и что они выиграли гораздо более от своих матерей, чем от отцов», так как «воображение матери, смягчая и вместе с тем возвышая рассудок мальчика, не дает ему обмельчать» (Бокль, 1864). Однако имелась и противоположная точка зрения. Литературный критик П.Н. Ткачев через три года после выхода в свет работы Г.Т. Бокля снабдил ее примечанием, в котором причина дедуктивного метода женщин была отнесена к недоразвитости женского мышления (Бокль, 1867).

Французские проповедники имели существенное отличие от российских – среди них были защитники права женщин на допуск к науке. Епископ Орлеанский (директор парижской семинарии св. Николая) Ф.А. Дюпанлу был первым, кто посвятил специальное сочинение теме обучения женщин. Его изданный в России в 1869 г. труд был направлен на критику системы женского образования: «не учат размышлять, механическое запоминание, после окончания учебы воспитание заканчивается». «Женщин не пускают учиться, потом они не дают учиться сыновьям и мужьям. Умная мать может приобщить любовь к умственному труду, к работе». Профессор, как это было принято, пытался показать «сильному полу» выгоду, получаемую им от обучения женщин. Однако после красноречивого описания умственных способностей слабого пола Дюпанлу предлагал «знакомить женщин со всеми мужскими занятиями без непосредственного приложения, готовить соучастницу, а не непосредственного самостоятельного деятеля». Тот же автор опровергал мнение Ксавье де-Местра о том, что, занимаясь искусством и литературой, женщины «не посягают на право

мужчин», так как «есть общая область, в которой все души могут встретиться». Ф.А. Дюпанлу пытался показать, что в XIX в., высмеивая «ученых женщин», представители «сильного пола» имели в виду не умных и стремящихся к обучению девушек, а тех, что «имели только притязание на ученость», то есть «невежд, разыгрывающих роль ученых». Однако читатели, принимавшие за правду каждое их слово, могли еще более ухудшить положение женщин (Дюпанлу, 1869).

Французский журналист Леон Ришер в 80-х гг. XIX в. отстаивал право женщин на науку как право на истину. При этом женщина должна была искать не занятые мужчиной «ниши», внести в общество собственный элемент. Для большей убедительности Ришер цитировал видных французских деятелей, например, Жюль Мишле: «Воспитывать женщину – значит воспитывать само общество». Ж. Мишле объяснял мужчинам, что, «не обучая своих жен, они получают отдаленных от них сыновей», которых приходится ради учебы отправлять в отдаленные заведения (Ришер, 1879: 2-30).

Литературный критик и журналист по санитарно-гигиеническим вопросам Н.И. Соловьев утверждал, что уравнивание образования обоих полов будет способствовать все большему распространению супружеской верности. Он обосновывал необходимость учреждения женского университета тем, что «выпуск хотя бы несколько десятков вполне и по-университетски образованных женщин быстро продвинул бы женский вопрос вперед и места женских начальниц и учителей не были бы заняты мужчинами» (Соловьев, 1869). П.А. Кропоткин – видный теоретик анархизма – пытался объяснить, что женское движение направлено не только на получение «лично для себя высшего образования» и принесет пользу отечеству (Кропоткин, 1906: 251-255). Философ, социолог, правовед В.М. Хвостов убеждал, что только после того как женщине будет открыт доступ к полному образованию и по возможности ко всем профессиям, каждый пол займет в обществе то положение, которое соответствует его задаткам и способностям, и утвердится социальный порядок, соответствующий справедливости. В.М. Хвостов сетовал на то, что и в начале XX в. среди части общества существует мнение, что женщина – «низшая порода людей», и женская эмансипация в массе встречает больше не сочувствие, нежели сочувствие, кроме того, большинство женщин стоит за сохранение статуса-кво (Хвостов, 1905). Философ, публицист, общественный деятель П.А. Бакунин видел корень крайней бедности российского общества в недостатке образования, а наилучший способ к развитию образованности – в содействии образованию женщин. Как указывал ученый, считавший, что нельзя рассматривать женщин в отрыве от мужчин, от общества (ведь, как говорил Аристотель, человек – существо общественное), увеличение круга научных сведений есть само по себе как для мужчин, так и для женщин очень желательно (Бакунин, 1881: 8-83).

По причине ограниченности учебно-вспомогательного материала в программах высших женских учреждениях философ А.М. Щербина предлагал на законном основании допустить женщин в университеты, чтобы они показали хороший пример сокурсникам мужского пола, так как во всех университетах наблюдались слабая посещаемость лекций и недостаток активного участия студентов в практических занятиях, девушки же зарекомендовали себя как добросовестные и старательные слушательницы (Щербина, 1910).

Однако женщинам нужно было обучение не ради самого обучения, а для того, чтобы в последующем применить его на практике. Возникал вопрос: к каким видам работ можно допустить «слабый пол»? В основном женщину готовили к педагогической деятельности, так как она «лучший учитель, чем мужчина, лучше умеет передавать детям, что знает сама, не так сурова, суха и педантична» (английский математик, первый программист мира в истории точных наук Ада Августа Лавлейс (1815–1852). Историк и публицист Жюль Мишле (1798–1874) утверждал, что женщина даже способна к административной деятельности (Шевляков, 1901: 34-55).

Н. Соловьев обосновывал значимость расширения акушерского образования женщин (Соловьев, 1869). Н. Щепкин, основываясь на опыте Англии, Америки и Финляндии, показал, что женщины прекрасно справляются с работой во всех областях местного самоуправления, таких как благотворительность, врачебно-санитарное дело, общее и профессиональное народное образование, местная статистика и агрономия, дорожное и строительное дело, поскольку перечисленные области деятельности требуют не особых способностей и знаний, а только внимательности, добросовестности и серьезного отношения к делу, чего у женщин, по наблюдениям автора, обычно имелось больше, чем у мужчин. Кроме того, предпочтительнее иметь работником вместо «туповатого и не особо умного мужчины умную и развитую женщину» (Щепкин, 1907). А.Б. Лесневская (которая в 1897 г. была одной из первых, кого допустили к экзаменам на степень провизора, в 1901 г. сдала экзамен на степень магистра фармации и через год открыла в Петербурге первую фармацевтическую школу для женщин и являющаяся за 11 лет работы единственной в России) предлагала реформу фармацевтического образования, состоявшую в перенесении не имевшей результатов учебы будущих провизоров и помощников из аптек в специальные школы с имеющимся необходимым оборудованием и учебными пособиями. Часть общества и врачей смотрела с «симпатией на это новое предприятие», однако нередко были случаи и совсем другого отношения. По-прежнему в обществе существовало предубеждение: «товарищи относятся к ним по большей части с известной долей уважения, хотя встречают их почти всегда с чувством недружелюбия и иронического отношения к «ученым» или «курсисткам» (Лесневская, 1912).

Поиск идеала женского образования начался еще со времен «Общества благородных девиц», учрежденного в 1765 г. Екатериной II. В.О. Михневич – историк быта, краевед и публицист – объяснял провал идеи императрицы тем, что, помимо эфемерности самого плана, общество было не готово к воспитательной реформе (Михневич, 1895). По мнению основоположника отечественной педагогической психологии П.Ф. Каптерева, «эстетический идеал женского образования, царствию которого» и к концу XIX в. «еще не пришел конец», объясняется тем, что мужчины более ценили «красивую драгоценную оправу» женщин, при этом красота могла «давать ей возможность влиять на него и при случае господствовать над ним». Эстетический идеал женского образования имел две формы: более простую и грубую, состоящую преимущественно в заботах об украшении тела, а также более высокую и сложную, не отвергающую попечений о теле, но дополняющую его украшением духа, снабжающую «его талантами, увеличивающими прелесть женского существа». Педагог пытался в последнее десятилетие XIX в. найти идеалы женского образования, которые пришли бы на смену существующим в то время и изменили бы к лучшему сложившуюся ситуацию. Следуя логике П.Ф. Каптерева, в первую очередь требовалось изменить отношение мужской части населения к женщинам, к их претензиям по поводу тех качеств, которыми должна была обладать идеальная женщина (Каптерев, 2007: 64). П.Г. Мижухев, ссылаясь на Дарвина, в качестве одного из средств, содействующих прогрессу женщин, в том числе развитию их образования, называл предпочтение мужчинами при выборе в качестве подруги жизни женщин, обладающих в наиболее сильной степени такими качествами, как ум, энергия и смелость (Мижухев, 1906).

В 1908 г. вышла в свет работа А.В. Говорова, подводящая итог полуторавековым спорам о значении женщин в обществе и возможности допустить их к образовательной деятельности в России. Автор труда, представив существовавшие в то время различные мнения относительно положения «слабого пола», пришел к выводу о необходимости предоставления последнему доступа к серьезным и разносторонним знаниям для «исполнения великого завета Фридриха Ницше» – более высокого совершенствования рода путем воспитания будущего поколения. А.В. Говоров разделял мнение сторонника демократических идеалов В.П. Острогорского: «пусть же XX в. поднимет значение женщины – воспитательницы в широком смысле слова». А.В. Говоров утверждал, что сами женщины в первую очередь желают не профессиональной деятельности или политических прав, а улучшения положения в семье, в ролях матери и супруги. Он соглашается с Э. Легуве в том, что необходимо «требовать для женщин серьезного образования» «во имя семьи и ее спасения, во имя материнства, брака и семейного очага», чтобы женщина «могла быть женой, матерью, хозяйкой и членом общества» (Говоров, 1908).

Таким образом, в середине XIX в. появляется мысль о том, что воспитание и образование женщин не соответствует требованиям времени. Как видно из представленного анализа литературы, у защитников прав «слабого пола» на образование имелись оппоненты, однако их было значительно меньше. Публицистика рассматриваемого периода, посвященная женскому вопросу, утверждала, что 1) от воспитания и образования женщины как матери зависит атмосфера в семье и качество воспитания нового поколения, развитие общества в целом, 2) в первую очередь женщине нужны права в семье, изменение отношения мужа, 3) права женщине нужны для укрепления брака, для более гармоничных отношений представителей противоположных полов, 4) умственное развитие – не только право, но и обязанность женщины. Авторы пытались заранее ответить на возможные вопросы и парировать опровержения, говорили, во-первых, о пользе женского образования для мужа, семьи, для Родины, во-вторых, о том, что по божьему замыслу женщина должна учиться. Даже требование предоставления научного образования объяснялось пользой для семьи, главным образом для супруга, поскольку образованная жена не будет препятствовать саморазвитию, занятию с книгами мужа, а, наоборот, станет его поддерживать.

Сравнение трудов мыслителей одного промежутка времени иногда создает впечатление, что они жили в разных мирах. Пока защитники прав женщин еще отстаивали их право хотя бы на школу, другие считали, что у женщин уже есть все необходимые права и их положение не требует улучшения. Так, Д.Л. Мордовцев (автор исторических романов), в отличие от остальных, находил положение женщин вполне приемлемым в сравнении с тем, что было в допетровскую эпоху (Мордовцев, 1874). По мнению В.О. Михневича, «устойчивое мнение, что между русской теремной женщиной старомосковского порядка и выведенной из терема русской светской «дамой» XVIII столетия легла огромная разница в общественно-правовом и умственно-культурном отношениях», не совсем верно, так как положение простонародной женщины-крестьянки со времен домостроевских не изменилось, притом, что женщина низшего общественного слоя на Руси никогда не являлась теремной затворницей (Михневич, 1895: 5-6). Такое несоответствие объясняется субъективизмом, который свойственен всем исследованиям по женскому вопросу за рассматриваемый период.

Общественная мысль дореволюционной России эволюционировала от понимания недостатка образованности женщин к выдвиганию конкретных предложений. Признавалось, что женщины обладают не меньшим умом по сравнению с мужчинами, однако отличаются по восприятию, почему был сделан вывод о «дополняющей» роли слабого пола. Определялся круг возможного профессионального применения знаний представительниц женского пола (например, педагогика,

медицина, фармацевтика). Считалось, что только совместными усилиями обоих полов можно достигнуть лучшего будущего и должны пробудиться сами женщины, масса которых оставалась равнодушной к женскому движению, ибо единичные усилия не разрешат вопроса, необходимо идти тем же путем, которым идут женщины на Западе, т.е. путем организованной общественной работы.

Публицистическая литература отражала изменения, происходившие в обществе, однако наблюдался и обратный процесс. Все больше читатели узнавали со страниц книг и журналов о том, как далеко вперед шагнули другие страны в решении женского вопроса, что есть женщины, которые хотят и могут учиться, и они имеют на это право. Защитники права женщин на образование боролись не только за посещение учебных учреждений, но и за изменение взгляда общества на образованную женщину, за серьезное и уважительное отношение к женщинам в целом.

5. Заключение

Итак, в отечественной и переводной публицистике второй половины XIX – начала XX вв. можно выделить три точки зрения на женский вопрос. Согласно первому мнению, женское призвание состояло в исполнении роли матери и супруги, хозяйки дома, и поэтому женское образование либо открыто осуждалось, либо допускалось с условием, что с окончанием учебы женщина не будет участвовать в общественной жизни и «вернется на свое место». Приверженцы второй точки зрения признавали необходимость низшего и среднего образования для того, чтобы женщина лучше реализовала себя в качестве супруги и воспитательницы своих детей. Сторонники третьей, наиболее прогрессивной, точки зрения требовали предоставления женской половине человечества права на высшее научное образование. Ряд ученых пытался отыскать идеал женского образования, который бы отражал потребности обоих полов и соответствовал идеалу женщины вообще.

Со времени «великих реформ» 1860–1870-х гг. российское общественное мнение прошло путь от допущения мысли об обучающейся вне дома женщине до поиска эталона женского образования. Революционерами в женском вопросе предлагалось изменить весь уклад жизни девушек для того, чтобы не просто посредством образования удачно выдать их замуж или дать возможность похвастаться своими познаниями в светской беседе, а вырастить умеющих размышлять и применять свои знания на практике, в первую очередь в семье, воспитывая следующее поколение более сознательным, дабы оно могло принести пользу обществу.

Обществу потребовались долгие годы для полного избавления от прошлых предрассудков, связанных с присвоением обучающимся в стенах учебных заведений женщинам ярлыков «институтки», «синих чулок», с воображаемыми манерными салонными дамами или мужеподобными женщинами, которые только пытаются казаться умными, но на самом деле лишены ума. Самим женщинам предстояло доказать обратное.

6. Благодарности

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2020) МК-514.2020.6

Литература

- [Абрамович, 1913](#) – *Абрамович Н.Я.* Женщина и мир мужской культуры: Мировое творчество и половая любовь. М.: Свобод. путь, 1913. 113 с.
- [Бакунин, 1881](#) – *Бакунин П.А.* Запоздалый голос сороковых годов (По поводу женского вопроса). СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. 458 с.
- [Бокль, 1864](#) – *Бокль Г.Т.* Влияние женщин на успехи знания / Пер. с англ. Степана Буйницкаго. СПб.: Изд. А. Буйницкаго, 1864. 54 с.
- [Бокль, 1867](#) – *Бокль Г.Т.* Этюды. Перевод с английского под ред. П.Н. Ткачева. СПб.: Ю. Луканин и К°, 1867. 239 с.
- [Говоров, 1908](#) – *Говоров А.В.* Женский вопрос в связи с историческими судьбами женщины. Казань: Центр. тип., 1908. 95 с.
- [Громова, 2016](#) – *Громова Д.А.* Социальный статус женщин – учителей народных училищ в России в конце XIX – начале XX веков (по материалам Таврической губернии): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 2016. 26 с.
- [Долидович, 2006](#) – *Долидович О.М.* Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 23 с.
- [Дюпанлу, 1869](#) – *Дюпанлу Ф.А.* Ученые женщины и женщины любознательные. Сочинение епископа Орлеанского, члена Французской академии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1869. 107 с.
- [Журавлева, 2005](#) – *Журавлева Н.Н.* Женское образование в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 268 с.
- [Златковский, 1867](#) – *Златковский М.Л.* Исторические этюды о женщине. Ч. 1. Женщина первобытная. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1867. 102 с.

- Каптерев, 2007** – *Каптерев П.Ф.* Душевные свойства женщин: лекции и статьи. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2007. 394 с.
- Каптерев, 1892** – *Каптерев П.Ф.* Об общественных задачах образования // *Русская школа*. 1892. № 2. С. 69-70.
- Ключарев, 1880** – *Ключарев А.И.* Речь преосвященного Амвросия епископа Дмитровского, при выпуске воспитанниц Московского Николаевского института. [Об истинном достоинстве женщины]. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1880. 11 с.
- Котовская, 2014** – *Котовская М.Г.* К истории женского образования в России (XVIII–XIX вв.) // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2014. Вып. 4 (35). С. 103-113.
- Кронштадтский, 1903** – *Кронштадтский И.И.* Горькая правда о современных девушках и женщинах («Назначение и место женщины в мире и в церкви»): Новое слово о. Иоанна Кронштадтского. СПб.: Тип. П.Е. Ознобищева, 1903. 8 с.
- Кропоткин, 1906** – *Кропоткин П.А.* Записки революционера / С предисл. Георга Брандеса. Лондон–СПб.: Свободная мысль, 1906. 435 с.
- Легуве, 1896** – *Легуве Э.* История духовной жизни женщин: Семь избр. глав [из «Истории нравственного положения женщин»] / Пер. [и предисл.] Н.Ф.Д. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1896. 153 с.
- Лесневская, 1912** – *Лесневская А.Б.* К вопросу о реформе фармацевтического образования в России: Первая фармацевтическая школа для женщин. СПб.: Тип. А. Смоленского, 1912. 16 с.
- Мартыненко, 2002** – *Мартыненко Н.К.* Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 241 с.
- Мижуев, 1906** – *Мижуев П.Г.* Женский вопрос и женское движение. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. 72 с.
- Михневич, 1895** – *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды Владимира Михневича. Киев: Ф.А. Иогансон, 1895. 403 с.
- Мордовцев, 1874** – *Мордовцев Д.Л.* Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории: В 3 т. Т. 3. Женщины первой половины XVIII века. СПб.: А. Черкесов и К°, 1874. 367 с.
- Паршина, 2007** – *Паршина В.Н.* Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Пензенской губернии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 25 с.
- Писарев, 1894** – *Писарев Д.И.* Сочинения Д.И. Писарева: Т. 1 (1-й выпуск): Полное собрание в 6 томах. СПб.: Ф. Павленков, 1894. 636 с.
- Ришер, 1879** – *Ришер Л.* Свободная женщина: О женском вопросе и о свободе женщин / Пер. с фр. М.: Ред. «Стен. календаря» М.Д. Наумова, 1879. 511 с.
- Рушанина, 1999** – *Рушанина Н.П.* Женский вопрос в России и основные подходы к его изучению в дореволюционный период // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 1999. № 2. Т. 1. С. 77-87.
- Силов, 1897** – *Силов В.* Женщина замужем: Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. Основные правила для соблюдения здоровья женщин во время супружества. Телесная, душевная диететика женщины в любви и браке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. Пашкова, 1897. 152 с.
- Скачкова, 1998** – *Скачкова Г.К.* Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: 1860–1917 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 22 с.
- Соловьев, 1869** – *Соловьев Н.И.* Женщина и дети: [Из соч. «Искусство и жизнь»]. М.: [С.П. Анненков]. Тип. Грачева и К°, 1869. 52 с.
- Тарасов, 1885** – *Тарасов И.Т.* Об образовании женщин: Публичная лекция, читаемая в зале Ярославской думы, 24 февр. 1855 г. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1885. 48 с.
- Успенская, 2005** – Мужские ответы на женский вопрос в России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.): Антология / Сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Феминист-пресс, Тверь, 2005. 352 с.
- Хайруллина, 2005** – *Хайруллина Д.М.* Образ женщины в русской и татарской литературе 1890–1917 годов: На примере творчества Г. Исхаки и М. Горького: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 20 с.
- Хвостов, 1905** – *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. М.: Изд. П.Д. Путиловой, 1905. 101 с.
- Шабалкина, 2007** – *Шабалкина К.В.* Русские мыслители XIX в. о роли женщины в обществе: Дисс. ... канд. философ. наук. Мурманск. 2007. 179 с.
- Шевляков, 1901** – *Шевляков М.В.* Женщина и любовь (pro и contra), мысли и сентенции: общие понятия и идейные представления о женщине, брак, семья, любовь, вопросы образования и эмансипации, роль женщины в движении прогресса и цивилизации. Изд. 2-е, доп. и перераб. СПб.: Кн. склад В.И. Губинского, 1901. 399 с.
- Щербина, 1910** – *Щербина А.М.* О допущении женщин в университет. М.: Журн. «Женское дело», 1910. 16 с.

Щепкин, 1907 – *Щепкин Н.* Участие женщин в местном самоуправлении // *Союз женщин.* 1907. № 1. Женская пресса: [сайт]. [2019]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/stat1r-1.htm> (дата обращения: 01.05.2020).

References

Abramovich, 1913 – *Abramovich N.Ya.* (1913). *Zhenshhina i mir muzhskoj kul'tury: Mirovoe tvorchestvo i polovaja ljubov'* [Woman and the world of male culture: World creativity and sexual love]. Moscow: Freedom. the way. 113 p. [in Russian]

Bakunin, 1881 – *Bakunin P.A.* (1881). *Zapozdalyj golos sorokovyh godov (Po povodu zhenskogo voprosa)* [The late voice of the forties (Regarding the women's issue)]. St. Petersburg: typ. V. Bezobrazova and Co. °, 458 p. [in Russian]

Bockle, 1864 – *Bockle G.T.* (1864). *Vlijanie zhenshhin na uspehi znaniya* [The influence of women on the success of knowledge]. St. Petersburg: Publ. A. Buinitskago, 1864, 54 p. [in Russian]

Bokl, 1867 – *Bokl G.T.* (1867). *Perevod s anglijskogo pod red. P.N. Tkacheva* [Etudes. Translation from English, ed. P.N. Tkacheva]. St. Petersburg: Yu. Lukanin and Co., 239 p. [in Russian]

Govorov, 1908 – *Govorov A.V.* (1908). *Zhenskij vopros v svjazi s istorichesкими sud'bami zhenshhiny* [Women's issue in connection with the historical fate of women]. Kazan: Center. typ., 95 p. [in Russian]

Gromova, 2016 – *Gromova D.A.* (2016). *Social'nyj status zhenshhin – uchitelej narodnyh uchilishh v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov (po materialam Tavricheskoj gubernii)* [The social status of women – teachers of public schools in Russia in the late XIX – early XX centuries (based on the materials of the Tauride province)]. M. 26 p. [in Russian]

Dolidovich, 2006 – *Dolidovich O.M.* (2006). *Zhenskoe dvizhenie v Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Women's movement in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 23 p. [in Russian]

Dupanlu, 1869 – *Dupanlu F.A.* (1869). *Uchenye zhenshhiny i zhenshhiny ljuboznatel'nye. Sochinenie episkopa Orleanskogo, chlena Francuzskoj akademii* [Scientists women and women inquisitive. The work of the Bishop of Orleans, a member of the French Academy]. M.: type. A.I. Mamontova and Co., 107 p. [in Russian]

Zhuravleva, 2005 – *Zhuravleva N.N.* (2005). *Zhenskoe obrazovanie v Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Female education in the Tomsk province in the second half of the XIX – early XX centuries]. Barnaul, 268 p. [in Russian]

Zlatkovsky, 1867 – *Zlatkovsky M.L.* (1867). *Istoricheskie jetjudy o zhenshhine. Ch. 1. Zhenshhina pervobytnaja* [Historical studies about a woman. Part 1. The woman is primitive]. St. Petersburg: typ. N. Tiblen and Co. (N. Neklyudova), 102 p. [in Russian]

Kapterev, 2007 – *Kapterev P.F.* (2007). *Dushevnye svojstva zhenshhin: lekci i stat'i* [Mental properties of women: lectures and articles]. Voronezh: Publishing House. E.A. Bolkhovitinova, 394 p. [in Russian]

Kapterev, 1892 – *Kapterev P.F.* (1892). *Ob obshhestvennyh zadachah obrazovaniya* [On the social problems of education]. *Russkaja shkola.* № 2, pp. 69-70. [in Russian]

Klyucharyov, 1880 – *Klyucharyov A.I.* (1880). *Rech' preosvjashhennogo Amvrosija episkopa Dmitrovskago, pri vypuske vospitannic Moskovskogo Nikolaevskogo instituta.* [Speech by His Grace Bishop of Dmitrovsk Bishop, with the release of pupils of the Moscow Nikolaev Institute]. M.: Type. L.F. Snegireva, 11 p. [in Russian]

Kotovskaya, 2014 – *Kotovskaya M.G.* (2014). *K istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII–XIX vv.)* [On the history of female education in Russia (XVIII–XIX centuries)]. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogy. Psychology.* Is. 4 (35), pp. 103-113. [in Russian]

Kronstadt, 1903 – *Kronstadt I.I.* (1903). *Gor'kaja pravda o sovremennyh devushkah i zhenshhinah: Novoe slovo o. Ioanna Kronshtadtskogo* [The Bitter Truth About Modern Girls and Women: A new word about. John of Kronstadt]. St. Petersburg: typ. P.E. Oznobishcheva, 8 p. [in Russian]

Kropotkin, 1906 – *Kropotkin P.A.* (1906). *Zapiski revolyucionera* [Notes of the revolutionary]. London; St. Petersburg: Free Thought, 435 p. [in Russian]

Legeve, 1896 – *Legeve E.* (1896). *Istorija duhovnoj zhizni zhenshhin: Sem' izbr. glav [iz «Istorii npravstvennogo polozheniya zhenshhin»]* [History of the spiritual life of women: Seven fav. chapters [from the “History of the Moral Status of Women”]]. M.: pech. A.I. Snegireva. 153 p. [in Russian]

Lesnevskaya, 1912 – *Lesnevskaya A.B.* (1912). *K voprosu o reforme farmacevticheskogo obrazovaniya v Rossii: Pervaja farmacevticheskaja shkola dlja zhenshhin* [On the issue of pharmaceutical education reform in Russia: The first pharmaceutical school for women]. St. Petersburg: typ. A. Smolinsky, 16 p. [in Russian]

Martynenko, 2002 – *Martynenko N.K.* (1906). *Zhenskoe dvizhenie v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Women's movement in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Voronezh, 241 p. [in Russian]

Mizhuev, 1906 – *Mizhuev P.G.* (1906). *Zhenskij vopros i zhenskoe dvizhenie* [Women's issue and women's movement]. St. Petersburg: typ. Altshuler, 72 p. [in Russian]

Mikhnevich, 1895 – *Mikhnevich V.O.* (1895). Russkaja zhenshhina XVIII stoletija: Istoricheskie jetjudy Vladimira Mihnevicha [Russian woman of the XVIII century: Historical studies of Vladimir Mikhnevich]. Kiev: F.A. Johanson, 403 p. [in Russian]

Mordovtsev, 1874 – *Mordovtsev D.L.* (1874). Russkie zhenshhiny novogo vremeni: Biograficheskie ocherki iz russkoj istorii [Russian women of modern times: Biographical essays from Russian history: in 3 vols. T. 3. Women of the first half of the 18th century]. St. Petersburg: A. Cherkesov and Co., 367 p. [in Russian]

Parshin, 2007 – *Parshina V.N.* (2007). Stanovlenie sistemy zhenskogo obrazovanija v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: na materialah Penzenskoj gubernii [Formation of the system of female education in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: on the materials of the Penza province]. Penza. 25 p. [in Russian]

Pisarev, 1894 – *Pisarev D.I.* (1894). Sochinenija D.I. Pisareva: T. 1 (1-j vypusk): Polnoe sobranie v 6 tomah [Works of D.I. Pisareva: T. 1 (1st issue): Complete collection in 6 volumes]. St. Petersburg: F. Pavlenkov. 636 p. [in Russian]

Risher, 1879 – *Risher L.* (1879). Svobodnaja zhenshhina: O zhenskom voprose i o svobode zhenshhin [Free woman: On the women's issue and women's freedom]. M.: ed. "Wall. Calendar "M.D. Naumova, 511 p. [in Russian]

Rushanina, 1999 – *Rushanina N.P.* (1999). Zhenskij vopros v Rossii i osnovnye podhody k ego izucheniju v dorevoljucionnyj period [Women's issue in Russia and the main approaches to its study in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta.* № 2, Vol. 1, pp. 77-87.

Silov, 1897 – *Silov V.* (1897). Zhenshhina zamuzhem: Issledovanie o fizicheskikh, dushevnyh i npravstvennyh objazannostjakh i pravilah zamuzhnyh zhenshhin [A woman is married: A study of the physical, mental and moral duties and rules of married women]. M.: type. Pashkova, 152 p. [in Russian]

Skachkova, 1998 – *Skachkova G.K.* (1998). Obrazovanie i obshhestvennaja dejatel'nost' zhenshhin Tobol'skoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: 1860–1917 gg. [Education and social activities of women in the Tobolsk province of the second half of the XIX – early XX centuries: 1860 – 1917]. Omsk, 22 p. [in Russian]

Soloviev, 1869 – *Soloviev N.I.* (1869). Zhenshhina i deti: [Iz soch. «Iskusstvo i zhizn'»] [Woman and Children: [From Op. "Art and Life"]. M.: [S.P. Annenkov] type. Gracheva and Co., 52 p. [in Russian]

Tarasov, 1885 – *Tarasov I.T.* (1885). Ob obrazovanii zhenshhin: Publichnaja lekcija, chitaemaja v zale Jaroslavskoj duma, 24 fevr. 1855 g. [On the education of women: Public lecture delivered in the hall of the Yaroslavl Duma, Feb. 24. 1855]. Yaroslavl: typ. G.V. Falk, 48 p. [in Russian]

Uspenskaya, 2005 – *Uspenskaya* (2005). [Male answers to the female question in Russia (second half of the XIX – the first third of the XX centuries): Anthology. Comp. and commonly. ed. IN AND. Assumption. Feminist Press]. Tver, 352 p. [in Russian]

Khayrullina, 2005 – *Khayrullina D.M.* (2005). Obraz zhenshhiny v russkoj i tatarskoj literature 1890–1917 godov: Na primere tvorcestva G. Ishaki i M. Gor'kogo [The image of a woman in Russian and Tatar literature of 1890–1917: On the example of the work of G. Iskhaki and M. Gorky]. Kazan, 20 p. [in Russian]

Khvostov, 1905 – *Khvostov V.M.* (1905). Zhenshhina nakanune novej jepohi: Dva jetjuda po zhenskomu voprosu [Woman on the eve of a new era: Two studies on the female issue]. Moscow: Publ. P.D. Putilova, 101 p. [in Russian]

Shabalkina, 2007 – *Shabalkina K.V.* (2007). Russkie mysliteli XIX v. o roli zhenshhiny v obshhestve [Russian thinkers of the 19th century on the role of women in society]. Murmansk. 2007. 179 p. [in Russian]

Shevlyakov, 1901 – *Shevlyakov M.V.* (1901). Zhenshhina i ljubov' (pro i contra), mysli i sentencii: obshhie ponjatija i idejnye predstavlenija o zhenshhine, brak, sem'ja, ljubov', voprosy obrazovanija i jemansipacii, rol' zhenshhiny v dvizhenii progressa i civilizacii [Woman and love (pro and contra), thoughts and maxims: general concepts and ideological ideas about a woman, marriage, family, love, issues of education and emancipation, the role of women in the movement of progress and civilization]. Gubinskago, 399 p. [in Russian]

Shcherbina, 1910 – *Shcherbina A.M.* (1910). O dopushhenii zhenshhin v universitet [On the admission of women to the university]. M.: Journal. "Women's business", 16 p. [in Russian]

Shchepkin, 1907 – *Shchepkin N.* (1907). Uchastie zhenshhin v mestnom samoupravlenii [Participation of women in local self-government]. Sojuz zhenshhin. 1907. № 1. Zhenskaja pressa: [sajt]. [Electronic resource]. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/stat1r-1.htm> (date of access: 05.01.2020). [in Russian]

«Воспитывать женщину – значит воспитывать само общество»: российская общественная мысль о женском образовании во второй половине XIX – начале XX вв.

Александра Владимировна Спичак ^{а, *}

^а Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о женском образовании, роли и значении «слабого пола» в обществе является одним из важнейших в дореволюционной историографии. В статье рассматриваются взгляды российских и зарубежных ученых и общественных деятелей относительно возможности предоставления женщинам права на образование во второй половине XIX – начале XX вв. Особое внимание уделено работам, посвященным отстаиванию права «слабого пола» на обучение в учебных учреждениях. В статье использовались методы, присущие интеллектуальной истории и дисциплинарной истории науки, что позволило выявить и проанализировать интересную дискуссию, которая велась в русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. В публицистике того времени сформировались три точки зрения о возможности допуска женщин к образованию и науке. Одними женское образование либо открыто осуждалось, либо допускалось с условием, что по окончании учебы женщина не будет участвовать в общественной жизни и «вернется на свое место». Приверженцы второго подхода признавали необходимость низшего и среднего образования, чтобы женщина лучше реализовала себя в качестве супруги и воспитательницы своих детей. Сторонники третьего взгляда требовали предоставления женской половине человечества права на высшее научное образование. В заключительной части статьи определяются причины появления в публицистике и литературе работ, посвященных проблеме женского образования, их отличительные особенности, итоги и значение обсуждения проблемы к концу рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Российская империя, женский вопрос, женское воспитание, женское образование, его идеалы, женские учебные заведения, общественное мнение, литература, публицистика, полемика.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spichak-89@mail.ru (А.В. Спичак)

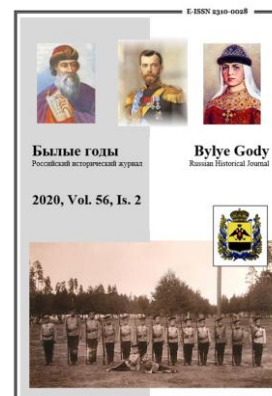
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 663-673. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.663
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Organization of Sanitary and Medical Service for Educational Institutions and Students in Cities of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries

Anna I. Tatarnikova ^{a,*}

^aTobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article considers the process of organizing sanitary and medical work that provided sanitary inspections of educational institutions and medical examinations of schoolchildren in cities of Western Siberia at the end of the Imperial period. The author characterizes the activity of school health doctors and shows their role in the sanitary supervision of schools, prevention of infectious diseases, and protection of children's health. At the beginning of XX century considerable changes were put into practice at educational institutions of the region. Medical examinations of pupils were organized for the first time, sanitary sheets were introduced so that to carry out regular monitoring of physical development of schoolchildren, some attempts were made to provide hot food and organize outdoor games. Special attention was paid to health instruction for children and their parents, and special courses for teachers on the basics of school hygiene were given. On the basis of archival sources, it is concluded that unsanitary conditions of studies at educational institutions, high morbidity of students, and frequent cases of mortality intensified the activity of representatives of the central and local authorities, doctors, teachers and concerned citizens. They did much to improve the situation and save the health of the younger generation. There was a change in the attitude of the society to lives of children and their health. Established behavioral practices gave way to an active search of ways of solving the problem of deteriorating health of students; the number of requests for official medical services was growing; new hygiene skills and habits concerning maintenance of cleanliness of one's own body, neat appearance, and prevention of infectious diseases were beginning to be formed. At educational institutions, it was common to use disinfectants and hygiene products, boil water for drinking, wash hands, air and do wet cleaning of premises.

Keywords: Western Siberia, city, school, students, sanitary and medical services, school health officer, health, medical examination, sanitary condition, hygiene.

1. Введение

Ухудшение здоровья детей и подростков является одной из наиболее актуальных для современной России проблем, от успешности решения которой зависит демографическое, экономическое, духовное будущее страны, благосостояние ее населения, научно-технические, производственные и иные перспективы развития. Между тем медицинские работники отмечают стойкую тенденцию снижения показателей здоровья детей, особенно школьного возраста, связывая частоту хронических форм заболеваний с продолжительностью процесса обучения, увеличением объемов учебной нагрузки. Для формирования эффективной стратегии действий в отношении болезней школьников необходим учет исторического опыта по охране здоровья детей, становлению и развитию санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений и учащихся, пришедшему на первые десятилетия XX в.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatob777@yandex.ru (A.I. Tatarnikova)

Актуальность изучения проблемы развития санитарно-медицинской работы в учебных заведениях обусловлена и тем фактом, что во многих современных российских школах отсутствуют медицинские кабинеты, функционировавшие в советское время, не предусмотрено постоянное присутствие медработника, что затрудняет своевременное выявление заболеваний, оказание первой медицинской помощи, снижает эффективность пропаганды здорового образа жизни среди подрастающего поколения.

В настоящее время российские парламентарии осуществляют разработку законопроекта о школьной медицине, регулировании организации оказания медицинской помощи детям с целью обеспечения оптимальных условий для их роста и развития. Анализ накопленного опыта предыдущих поколений по здоровьесбережению учащихся позволит не только избежать ошибок в решении имеющейся проблемы, но и использовать в современной практике положительные результаты деятельности органов местного самоуправления, медицинского персонала, учителей начала XX в. по контролю физического развития и состояния здоровья учеников.

2. Материалы и методы

Источниковую базу работы составили циркуляры и инструкции, издаваемые врачебно-санитарной частью учебных заведений Министерства народного просвещения; постановления городских органов самоуправления о введении должности школьного врача, организации врачебно-санитарного надзора за школами; материалы делопроизводства дирекции народных училищ Томской губернии; врачебные отчеты по губерниям Западной Сибири за 1902–1916 гг.

Исследование построено на принципах историзма и системности, примененных при рассмотрении всех фактов и явлений во взаимосвязи и развитии, с учетом специфики изучаемого исторического периода.

Методологической основой работы стали основные идеи теории модернизации, касающиеся социокультурных трансформаций, происходивших на рубеже XIX–XX вв. под воздействием перехода от традиционного к индустриальному обществу и связанных с ним изменений в общественном сознании, ценностно-смысловых установках и поведенческих практиках.

Применение методов социокультурной истории позволило изучить взаимовлияние социокультурной среды и представлений местных чиновников, врачей, учителей, родителей школьников во взаимосвязи с их действиями по принятию мер, направленных на сохранение здоровья учащихся. Учтены социокультурные особенности западносибирского региона, отражавшиеся на организации и развитии медико-санитарной помощи в образовательных учреждениях.

3. Обсуждение

Проблемы становления и развития санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений, организации работы по охране и укреплению здоровья учащихся в начале XX вв. в отечественной исторической науке рассмотрены достаточно поверхностно. Дореволюционная историография темы представлена единичными работами преимущественно представителей медицины, анализировавших состояние школьного санитарного надзора в стране в целом и в отдельных ее губерниях. Так, санитарный врач Китайской восточной железной дороги П.А. Лоцилов рассмотрел в сравнительном ключе постановку врачебно-санитарного дела в учебных заведениях Западной Европы и России (Лоцилов, 1915), сделав неутешительный вывод о низком уровне его развития в отечественных школах. Врач К.Ф. Дмитриевский изучил организацию санитарного надзора в школах, расположенных в зоне действия Сибирской железной дороги, предложил меры по его улучшению (Дмитриевский, 1913). Охарактеризовав санитарные условия омских и томских школ, Н.М. Кононов (Кононов, 1913) и П.М. Мульгановский (Мульгановский, 1913: 4–6), работавшие в 1910-е гг. санитарными врачами в Омске и Томске соответственно, указали на повсеместное нарушение требований и норм, касающихся поддержания чистоты и обеспечения благоприятных условий обучения детей. Преимущества и недостатки организации врачебно-санитарного надзора в сельских учебных заведениях Томской губернии выявил врач-педиатр Н.И. Делекторский (Делекторский, 1913). Он подкрепил свои выводы статистическими данными о состоянии школьных зданий, периодичности уборки учебных помещений и т.п.

В работах исследователей советского периода преобладала в целом негативная оценка дореволюционного опыта деятельности органов центральной и местной власти по организации медико-санитарного обслуживания школьников, затрагивались вопросы неприспособленности многих помещений для организации учебного процесса, переполненности классов (Юрцовский, 1923; Шахматов, 1957).

Современный этап историографии темы характеризуется появлением работ, написанных в рамках так называемой социальной истории, акцентирующей внимание на исследовании жизни, повседневных практик и стратегий поведения простых людей. К примеру, К.Е. Зверева и В.А. Зверев в одной из своих монографий обращают внимание на изменение отношения крестьян к привитию учителями, врачами навыков гигиены их детям, возрастание доверия деревенских жителей к

официальной медицине, увеличению числа обращений к сельскому врачу за помощью (Зверева, Зверев, 2013: 95).

Особенности организации и оказания медицинской помощи детскому населению Приморского края в 1860–1926 гг. исследованы коллективом ученых Тихоокеанского государственного медицинского университета. Авторы охарактеризовали предпринимаемые представителями власти меры для улучшения медико-санитарного обслуживания учащихся, снижения детской смертности от инфекционных и социальных болезней, указали причины неэффективности действий по профилактике заболеваний среди детей (Андреянов и др., 2017: 96)

Проблеме санитарно-бытовых условий уральских школ в конце XIX – начале XX вв. посвящена работа Т.Ю. Шестовой, в которой, помимо описания санитарного состояния учебных заведений, анализируются действия местных властей по организации горячего питания школьников в 1907 г. Исследователь делает вывод, что главной причиной вынужденного отказа детей от горячих завтраков в школах являлось тяжелое материальное положение семьи (Шестова, 2009: 380).

4. Результаты

На рубеже XIX–XX вв. российское общество, испытывая влияние набирающих обороты модернизационных процессов, переживало хотя и медленные, но ощутимые изменения не только в политической, социально-экономической, но и духовной жизни. Растущая политизация отдельных слоев населения, интенсивное развитие промышленного производства, усложнение социальной структуры общества, активизация миграционных процессов внутри страны способствовали формированию новых ценностных ориентаций у людей, осознанию значимости образования, поддержания общественной и личной гигиены, заботы о здоровье, собственном и подрастающего поколения.

Стремясь удовлетворить растущие потребности экономики в квалифицированных рабочих кадрах, повышении числа грамотных, государство активизировало свою деятельность по расширению сети учебных заведений, обеспечению доступности начального образования для жителей страны.

Результатом усилий власти и общества в деле развития образования стало увеличение численности школ разного типа и количества обучающихся в них. Так, в период с 1894 по 1910–1911 гг. в Западной Сибири, включая Актмолинскую обл., число начальных школ выросло в 2,7 раза (с 1223 до 3276), а количество учащихся – в 4,3 раза (с 39 231 до 170 594 чел.) (Юрцовский, 1923: 145, 147).

К 1 января 1915 г. в начальных школах Министерства народного просвещения и в школах Ведомства православного исповедания, действовавших на территории региона, обучалось 220 543 чел. (Юрцовский, 1923: 205).

Высокие темпы открытия учебных заведений обеспечивались за счет подыскания местными органами власти для нужд организации школьного дела более или менее подходящих зданий, в т.ч. частных домов, собственниками которых были местные крестьяне или горожане. Немногочисленность новых специальных учебных зданий, соответствовавших действовавшим правилам школьного строительства, объяснялась дефицитом финансовых средств, труднодоступностью многих населенных пунктов, слабой развитостью дорожной сети, наличием большого числа бюрократических проволочек и другими причинами.

Большинство зданий, в которых располагались школы, не соответствовало существующим предписаниям относительно внутренней планировки, площади, освещенности, отопления, вентиляции учебных заведений. В многочисленных врачебных отчетах неоднократно указывалось на антисанитарное состояние школьных помещений, переполненность классов, несоответствие имеющейся мебели возрасту и показателям физического развития учащихся.

Неуклонный рост количества обучающихся в учебных заведениях в условиях сохраняющихся высоких показателей детской смертности по причинам экзогенного характера, частых эпидемий требовали от центральной и местной властей принятия решений по организации профилактики и лечения заболеваний школьников, обеспечению благоприятных санитарно-гигиенических условий их обучения. Достичь этих целей можно было только с привлечением врачебных кадров.

В соответствии с Врачебным уставом 1857 г. руководство врачебно-санитарной частью закреплялось за губернским управлением. В его структуре, как правило, имелась врачебная управа, в которую входили инспектор, акушер и кто-либо из членов управления. Губернская врачебная управа контролировала санитарное состояние городских и сельских поселений, однако ее представители производили осмотр преимущественно источников водоснабжения, скотобоен, кладбищ, торговых заведений. Школы санитарной проверке практически не подвергались.

После введения в 1870 г. Городового положения и создания новых органов местного самоуправления последними были разработаны и приняты «обязательные санитарные постановления», распространявшиеся на все имевшиеся в городе учреждения инфраструктуры с учетом специфики работы каждого, а также на его жителей. Надзор за соблюдением санитарных требований осуществляли полицейские чины и городские врачи, а позже – санитарные врачи,

должность которых была введена в некоторых городах по решению местных органов власти (Фрейберг, 1913: 378).

В период вспышки острозаразных инфекций вопросы организации необходимых мероприятий по борьбе с эпидемией экстренно обсуждались на заседаниях городской думы (управы). Как уже отмечалось, учебные заведения вплоть до начала XX в. сталкивались с проверкой санитарно-гигиенических условий обучения исключительно редко. В основном внеплановые посещения школ с целью санитарного осмотра были вызваны какой-либо эпидемией и необходимостью принятия экстренных мер по недопущению ее распространения. В спокойное в отношении инфекционных болезней время инспектирующие лица не посещали учебные заведения «за ненадобностью».

Заболевших детей, в том числе обучающихся в школах, консультировали в основном врачи, фельдшеры местной больницы. Более состоятельные родители лечили своих сыновей и дочерей у частнопрактикующих врачей, услуги которых стоили недешево.

Систематического наблюдения со стороны врачей за физическим и психическим развитием детей, санитарно-гигиеническим состоянием школьных помещений, в которых ученики проводили большую часть дня, не проводилось.

Неудивительно, что учебные заведения нередко превращались в рассадники инфекционных, грибковых и других заболеваний учащихся, а неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия обучения, отсутствие горячего питания в школах подрывали здоровье детей, являлись причинами появления хронических болезней органов пищеварения, дыхания, нервной системы и т.п.

Сохраняющиеся к концу XIX в. высокие показатели заболеваемости среди школьников, нередкие случаи смерти детей от инфекционных и других болезней заставили чиновников приступить к разработке системы мер по санитарно-медицинскому обслуживанию учебных заведений и учащихся. В ее основу были положены ключевые теоретические положения школьной гигиены, предложенные в 1870–1880-е гг. российскими гигиенистами Ф.Ф. Эрисманом (Эрисман, 1878), А.П. Доброславиным (Доброславин, 1874), А.С. Верениусом (Верениус, 1888) и др.

Началу практического воплощения в жизнь требований школьной гигиены должны были послужить следующие меры: введение по решению городских органов самоуправления должности школьного санитарного врача для осуществления систематического наблюдения за санитарным состоянием учебных заведений и здоровьем учащихся; разработка специальных инструкций, адресованных названному специалисту в качестве руководства к действиям; установление контроля за работой школьного врача со стороны вышестоящих должностных лиц.

Общие принципы организации работы городского школьного санитарного врача, призванного способствовать развитию школьно-санитарного надзора, были разработаны особой комиссией при правлении Пироговского общества и изложены на IX Пироговском съезде в г. Санкт-Петербурге в 1904 г. Согласно рекомендациям, выработанным участниками съезда, школьный санитарный врач был обязан: специализироваться на решении проблем санитарного состояния учебных заведений; осуществлять контроль физического развития и состояния здоровья школьников; предупреждать распространение инфекционных заболеваний среди учащихся; привлекать к делу школьной санитарии учительский персонал; наблюдать за профессиональными условиями труда педагогов (Шерстнева, 2015: 55).

Одним из первых западносибирских городов, где была поднята проблема необходимости проведения периодических осмотров учебных заведений на предмет их соответствия существующим санитарно-гигиеническим требованиям, а также систематических врачебно-медицинских осмотров учащихся, стал Томск. Городская дума и санитарный врач по ходатайству врачебного совета обратились в 1902 г. к местным врачам, занимающимся частной практикой, с просьбой о содействии в деле осуществления школьно-санитарного надзора по учебным заведениям на бесплатной основе. Просьба нашла отклик 25 врачей, согласившихся оказывать в своих амбулаториях бесплатную медицинскую помощь учащимся и, кроме того, 3–4 раза в месяц посещать ту или иную школу (Мультановский, 1913: 1). Однако на практике, ввиду отсутствия четких инструкций и требований по осуществлению врачебно-санитарного надзора, единства действий в работе частнопрактикующих врачей не было, что отрицательно сказалось на эффективности наблюдений за санитарным состоянием закрепленных за ними образовательных учреждений и здоровьем школьников.

Подводя итоги работы врачей частной практики по санитарному надзору за школами, члены томской городской думы, обсуждая смету на 1903 г., выделили средства и учредили специальную должность школьного врача, а также утвердили особую инструкцию, в которой прописывались его обязанности.

Школьный санитарный врач должен был в начале учебного года «детально ознакомиться с конструкцией организма» учащихся, принимать меры против распространения заразных заболеваний среди школьников, осуществлять надзор в гигиеническом отношении за учебным заведением, участвовать в осмотре помещений, нанимаемых под училище (Мультановский, 1913: 2). Помимо вышперечисленных, за лицом, занимавшим должность школьного врача, сохранялись обязанности по закрепленному за ним городскому медицинскому участку. Должностной оклад

школьного врача составлял 1500 р. в год. Первым в Томске эту должность в 1903 г. занял А.А. Цветков (ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 123. Л. 14 об.).

Большой объем работы в должности школьного врача не позволил Цветкову одновременно заведовать медицинским участком, в связи с чем в 1904 г. он был освобожден городской думой от заведования последним и сосредоточился на выполнении функций надзора за санитарно-гигиеническим состоянием учебных заведений и здоровьем обучающихся.

С 1 августа 1909 г. по решению городской думы была введена должность школьного санитарного врача в Ново-Николаевске. Ее занял в результате избрания выпускник медицинского факультета Императорского Томского университета К.И. Сасыкин (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 47. Л. 45-46 об.). К 1914 г. имелся школьный санитарный врач и в Барнауле. Занимавший данную должность Г.В. Попов постоянно отслеживал заболевших среди учащихся городских школ, ведя статистический учет по видам болезней (Сибирский врач, 1914).

Еще в 1904 г. созданная при Министерстве народного просвещения врачебно-санитарная часть учебных заведений, которую возглавил профессор гигиены Г.В. Хлопин, разработала детальную инструкцию, четко обозначившую круг обязанностей школьных врачей. Под руководством Хлопина были составлены не только инструкции для школьных врачей, но и формы опросных листов о санитарном состоянии учебных заведений, проект организации школьно-санитарного надзора. Согласно последнему, санитарная деятельность врача должна была состоять в «предупреждении и своевременном устранении из жизни учебных заведений всех вредных для правильного развития и здоровья учащихся условий» (Никитин, 1907: 76).

Школьный врач должен был «выявлять плохое питание, искривление позвоночника, ослабленное зрение, ослабленный слух, кариозные зубы» и т.п. (Лоцилов, 1915: 14).

Тщательному контролю школьного врача подлежала «внешняя обстановка» учебного заведения. Он был обязан принимать участие в комиссиях, следящих за ходом строительства зданий для учебных заведений, определять их соответствие санитарно-техническим требованиям.

Текущая работа школьного врача состояла в постоянном наблюдении за классами, жилыми и хозяйственными помещениями школ, в контроле за чистотой содержания двора, колодцев, отхожих мест, а также в проведении медицинских осмотров учащихся, отслеживании состояния их здоровья (РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 186. Л. 45).

Врач должен был следить за тем, чтобы вся мебель в классах соответствовала требованиям гигиены, осматривать и измерять парты, делать заключение о степени их соответствия установленным нормам. Также в течение учебного года он составлял перечень мер, необходимых для ремонта школьных помещений.

При надзоре за обстановкой внутри школы врачу предписывалось обращать внимание на качество воздуха в классных комнатах, отопление, вентиляцию, освещение, осанку учащихся и пр.

Для наблюдения за состоянием здоровья школьников указывалось на необходимость проведения медицинских осмотров каждого ребенка два раза в год – в начале и в конце учебного года. В ходе осмотра врач заполнял на каждого школьника специальный санитарный лист, содержащий данные о его физическом здоровье и самочувствии. Помимо сведений о социальном положении ребенка (фамилия, имя, отчество, место и дата рождения, вероисповедание, родители и их звание и т.п.), в листах содержалась информация о перенесенных учащимся заболеваниях и оспопрививании. Также в листы заносились данные о физическом развитии и здоровье школьника: качестве питания (хорошее, умеренное, плохое); весе и росте; окружности груди; состоянии позвоночника; зрении и слухе; зубах (много или мало недостающих, испорченных); болезненном состоянии на момент осмотра (дурной сон, головная боль, скорая утомляемость и проч.); физических недостатках (ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 123. Л. 33).

На основе сравнения полученных в результате осмотров данных за разные годы врач судил о физическом развитии ребенка, выявлял имеющиеся отклонения в показателях его здоровья, корректировал свои действия в отношении наблюдаемого, оповещал в случае необходимости учителей и родителей о каких-либо противопоказаниях у ученика, которые нужно учитывать в учебном процессе.

Деятельность школьных врачей состояла также в лечении учащихся и служебного персонала. С этой целью медработник был обязан посещать учебное заведение не реже трех раз в неделю, а если при школе имелся интернат или лазарет, то ежедневно.

Школьный санитарный врач считался членом педагогического совета и должен были принимать участие в его заседаниях «с правом голоса по всем вопросам, относящимся к врачебной компетенции» (Никитин, 1907: 77). С введением в 1906–1907 гг. преподавания гигиены в средних учебных заведениях (необязательный предмет – Авт.), школьные врачи за весьма скромное денежное вознаграждение вели уроки по названному предмету. Однако за ними сохранялось право отказаться от его преподавания.

Приветствовалось участие школьного врача в санитарно-гигиеническом просвещении учащихся, родителей и педагогов. С этой целью рекомендовалось периодически организовывать в стенах школ беседы, лекции, особенно в период свирепствования острозаразных инфекций.

К сожалению, в большинстве городов Западной Сибири организация школьно-санитарного надзора сталкивалась с большими трудностями, главными из которых были недостаток средств в городских бюджетах, отсутствие специально подготовленных медицинских кадров, инертность представителей местной власти.

Не существовало отдельной должности школьного санитарного врача в дореволюционный период в Тюмени, Тобольске, Бийске, Кургане, Ишиме и других городах региона. В Тобольске, например, лишь в 1909 г. были изысканы бюджетные средства на введение должности санитарного врача. Им стал В.Н. Кулигин. Но уже в 1911 г. названная должность значилась как вакантная (*Памятная книжка, 1911: 196*). С 1912 г. городским санитарным врачом Тобольска был избран И.И. Покровский, осуществлявший надзор не только за благоустройством губернского центра, но и санитарным состоянием общественных учреждений, в том числе школ.

В городах, где не было ни городского, ни школьного санитарного врачей, на получение медицинской помощи в стенах учебного заведения могли рассчитывать только те дети, которые обучались школах привилегированного типа. К примеру, при гимназиях, духовных семинариях, училищах Барнаула, Омска, Тюмени, Тобольска имелись собственные врачи. Так, в Тобольской губернской гимназии должность врача долгое время занимал С.Ф. Дунаев, являвшийся одновременно городским врачом в Тобольске. Школьным врачом в духовной семинарии и духовном мужском училище был Н.В. Афонский (*Памятная книжка, 1910: 203, 208, 214*). В Тюмени обязанности школьного врача в 1911 г. были возложены на одного из врачей городской больницы с доплатой 200 р. в год (*Храмцов, 2013: 167*).

Получившая распространение практика совмещения работы школьным врачом с основным местом работы в каком-либо медицинском учреждении объяснялась дефицитом медицинских кадров, приводившим к тому, что многие должности школьных врачей долгое время оставались вакантными. Так, уже упоминавшийся А.А. Цветков прослужил школьным санитарным врачом в Томске менее одного года и из-за начавшейся русско-японской войны был в 1904 г. призван в армию. В результате с 1904 по 1907 гг. названная должность была свободной, после чего ее занял П.М. Мультановский, внесший большой вклад в развитие школьной медицины и санитарно-гигиенического надзора за томскими учебными заведениями.

Деятельность Мультановского может служить примером беззаветного служения своей профессии. Он был школьным санитарным врачом г. Томска в 1907–1913 гг. Петр Михайлович осуществлял контроль над состоянием всех учебных заведений города, проводил замеры площади школьных помещений в специально построенных, приспособленных и наемных зданиях, следил за организацией питания детей, ходатайствовал о необходимости введения горячих завтраков для учащихся. Мультановский проводил ежегодные медицинские осмотры школьников, вел «санитарные листы здоровья» детей. Результаты своей работы врач представлял в виде докладов на заседаниях врачебного совета и городской думы, уделяя особое внимание учебным заведениям с неудовлетворительными санитарно-гигиеническими характеристиками, предлагая способы устранения имеющихся нарушений.

В 1914 г. П.М. Мультановский перешел на должность городского санитарного врача, а место школьного врача занял Н.М. Кононов, прежде работавший санитарным врачом в г. Омске (в 1911–1913 гг.).

В целом, среди школьных санитарных врачей было немало профессионалов своего дела, ответственно исполнявших должностные обязанности, скрупулезно следящих за изменениями в самочувствии подопечных, выполнением учебными заведениями гигиенических и санитарных предписаний.

Однако, несмотря на принятые врачебно-санитарной частью учебных заведений Министерства народного просвещения инструкции, служившие руководством к действию для школьных врачей, были среди последних и те, кто относился к своим обязанностям достаточно халатно. Отчасти такое отношение объяснялось их чрезмерной загруженностью по основному месту работы. Нередко учащиеся не знали, что в школе есть врач, не имели представления о том, как и где его найти в случае плохого самочувствия.

Отсутствие периодического врачебного надзора за учениками вызывало тревогу у администрации учебных заведений. К примеру, заведующий Барнаульским двухклассным городским училищем в сентябре 1906 г. обратился к директору народных училищ Томской губернии с жалобой: «Училищный врач, которым считается г. Рязанов, почти всегда находится в разъездах и училища никогда не посещает, и в настоящее время его в городе нет, а так как врач для училища крайне необходим, и желательно, чтобы все учащиеся в начале года осматривались врачом и чтобы он, хотя один раз в неделю, посещал училище и наблюдал за здоровьем учащихся. Желая просить разрешения мне пригласить врача, менее занятого» (*ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 123. Л. 74-74 об.*).

Во многих западносибирских городах в конце XIX – начале XX вв. стараниями представителей власти, врачей, медицинских обществ периодически проводились публичные лекции по санитарии и гигиене, профилактике и борьбе с инфекционными болезнями. Так, во время эпидемии холеры 1893 г. в учебных учреждениях Тюмени, Тобольска, Кургана, Омска, Барнаула, Томска и других

городов читались лекции о причинах и симптомах холеры, роли соблюдения гигиенических правил в ее предотвращении. В Омске в период распространения чумы в 1911 г. врачи Отрашкевич и Клячкин неоднократно рассказывали горожанам о способах борьбы с заразной болезнью, причем билеты на лекции разбирались омичами «так быстро, что многим желающим приходилось отказываться» ([Омский телеграф, 1911](#)). Отдельные лекции о чуме, разных формах тифа, дизентерии, коклюше, скарлатине проводились для школьных учителей.

Основной задачей организуемых с учителями бесед и лекций являлось не только санитарно-гигиеническое просвещение, но и побуждение последних к реализации систематической работы по привитию учащимся навыков гигиены, формированию серьезного отношения к собственному здоровью. Проведение подобных мероприятий оказывало положительное влияние на педагогов. К примеру, учителя начальных школ Томска после прохождения состоявшихся в 1916 г. летних курсов, где большое внимание было уделено необходимости распространения гигиенических знаний среди детей, пришли к выводу о необходимости «признать крайне желательным включение в программу будущих повторительных курсов лекций по общей и школьной гигиене», а также «взять на себя инициативу по составлению и изданию краткого популярного руководства и плакатов по гигиене для учащихся» ([Сибирский врач, 1916](#)). В плакатах, адресованных школьникам, содержались призывы пить не сырую, а кипяченую воду, чистить зубы, мыть руки перед едой, следить за чистотой своей одежды, беречь зубы и т.п.

Значительный вклад в санитарно-гигиеническое просвещение учащихся в городах региона вносили медицинские общества. С 1911 г. в Сибири, как и в других частях страны, стал отмечаться День белого цветка. Праздник в разных городах проводился в разные месяцы. Это был день борьбы с чахоткой (туберкулезом). По улицам ходили девушки и женщины, продавая белые цветы (ромашки), сделанные из ткани или бумаги. Вырученные от продажи средства направлялись на лечение чахоточных больных, среди которых было немало детей.

Томские, омские, барнаульские, бийские, иркутские врачи посещали в рамках праздника учебные заведения, где читали лекции о чахотке и способах борьбы с ней ([Гончаров, 2013: 138](#)). В Омске Общество борьбы с туберкулезом в октябре 1916 г. выпустило агитационно-информационные плакаты для школ и других общественных учреждений: «Чистый воздух и солнце предохраняют от чахотки – ежедневно проветривайте комнаты даже зимой»; «Пыль содержит заразу – не поднимайте пыли метлами и щетками»; «Чахоточные при кашле и чихании разбрызгивают мокроту – остерегайтесь этих брызг» и др. ([Сибирский врач, 1916](#)). Общество издавало на собственные средства брошюры о мерах борьбы с туберкулезом, распространяя их по учебным заведениям города.

Небезучастными к проблеме сохранения здоровья детей были члены местных городских дум. В Тобольске, например, представители думы неоднократно поднимали вопрос о состоянии некоторых школьных зданий и условиях обучения в них детей. «Губернская гимназия по тесноте своего помещения, по темноте его и по отсутствию необходимого количества воздуха для учащихся, скорее, походит на лазарет какого-нибудь заштатного городка, чем на питомник молодых сил грядущего поколения. Граничащая с двором ее речка Курдюмка, обрамленная навозными курганами и разной падалью, переполняется иногда до такой степени..., что душающий запах ее лишает возможности учащихся детей подышать свежим воздухом после продолжительных сидячих занятий», – писал в «Сибирскую газету» один из гласных тобольской думы ([Сибирская газета, 1881](#)). Курдюмку по постановлению думы неоднократно очищали от навоза и мусора, призывая тоболяков к вывозу нечистот и бытовых отходов на специально предназначенные для этого места свалки.

Рост общественного внимания к вопросам сбережения здоровья подрастающего поколения нашел отражение в местной периодической печати. На страницах газет все чаще публиковались заметки и статьи о способах борьбы со школьной пылью, обеззараживания питьевой воды, очищения воздуха в помещениях ([Тобольские губернские ведомости, 1893](#); [Омский телеграф, 1911](#)). Редакторы газет предоставляли слово городским и школьным санитарным врачам, призывающим читателей обращаться за помощью в случае болезни членов семьи (особенно детей) не к знахарям, а к представителям официальной медицины ([Сибирский врач, 1914](#)), рассказывающим о плачевном санитарном состоянии некоторых учебных заведений и отрицательном влиянии отсутствия вентиляции, пыли, духоты на физическое здоровье и самочувствие школьников.

Стараниями органов местной власти, врачей, педагогов во многих школах Томска, Тобольска, Омска, Ново-Николаевска, Барнаула появились умывальники и полотенца для рук. В некоторых учебных заведениях к 1914 г. имелись люфт-клозеты – туалеты, расположенные внутри помещений, с выгребным люком, находящимся снаружи. Обращая внимание на неправильную осанку учащихся, врачи выступали за скорейшую замену существующей школьной мебели, в большинстве своем не соответствующей «ни возрастным размерам учащихся, ни вообще гигиеническим требованиям» ([Делекторский, 1914](#)), на так называемые парты Эрисмана, сделанные таким образом, чтобы текст в учебнике или тетради можно было читать только под прямым углом и при этом не сутулиться.

В ходе проведения медицинских осмотров в числе наиболее распространенных заболеваний у учащихся выявлялись анемия, болезни органов желудочно-кишечного тракта. Было обращено внимание на плохое питание школьников. В учебных заведениях Томска, например, в 1914 г. «слабое

питание» имели 28 % детей, плохое – 25 %, «полное отсутствие сносного питания» (ни одного раза за время нахождения в школе) – 6 % ([Сибирский врач, 1914](#)). Полученные данные дополнительного анкетирования учащихся подвели врачей к выводу о необходимости введения в школах обязательных горячих завтраков. Данный вопрос неоднократно поднимался в западносибирских городах не только врачами и педагогами, но и представителями заинтересованной общественности. Ограниченные средства городских бюджетов, отсутствие технических возможностей для устройства столовых во многих учебных заведениях, к сожалению, не позволили успешно решить проблему введения горячих «приварок» во всех школах. Тем не менее в некоторых учебных заведениях городов региона горячее питание для учащихся было налажено.

Расширение знаний о природе школьных болезней подтолкнуло врачей и медицинские общества к решению вопроса о популяризации физической активности среди учеников. Лучшее всего эта работа была поставлена в Томске, где благодаря деятельности Общества содействия физическому развитию, возглавляемому П.М. Мультиановским, осенью 1913 г. открылась школа-манеж для занятий физическими упражнениями и играми. В других городах региона вопросы организации игр детей на свежем воздухе, их оздоровления путем занятий физической культурой пытались решить через открытие спортивных площадок при некоторых школах, а также летних загородных детских колоний с целью создания благоприятных условий для отдыха и лечения учащихся.

5. Заключение

Необходимость организации санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений и учащихся в городах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. была продиктована неудовлетворительным санитарно-гигиеническим состоянием большинства школ и ростом числа детей, имеющих хронические заболевания: малокровие (анемия), чахотку (туберкулез), искривление позвоночника, снижение остроты зрения и/или слуха, болезни органов пищеварения и др.

Несмотря на все трудности осуществления санитарного и медицинского надзора (дефицит медицинских кадров, недостаток финансовых средств, индифферентное отношение некоторых педагогов и родителей), работа по улучшению условий обучения в школах дала положительные результаты. В тех образовательных учреждениях, где санитарный надзор и медицинские осмотры учащихся проводились регулярно, условия обучения детей были более благоприятными, поскольку врачи и учителя уделяли больше внимания проветриванию помещений, их систематической влажной уборке, контролю за уровнем освещения, обеспечению качественной питьевой водой, организацией горячего питания и занятием физическими упражнениями на свежем воздухе, а также личной гигиене учащихся. Опыт организации санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений региона позволил учесть недостатки в технических характеристиках школьных помещений при строительстве новых зданий для нужд образования.

Благодаря профилактической работе школьных врачей произошло снижение заболеваемости учащихся такими острозаразными болезнями, как тиф, дифтерит, скарлатина, дизентерия, коклюш и т.п. ([ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2973. Л. 19](#)).

Эффективность санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений и учащихся в каждом конкретном городе зависела от ответственного отношения к своему делу школьных врачей, характера их взаимодействия с учителями и родителями в решении вопросов профилактики заболеваний детей и улучшения гигиенических условий обучения.

Активизация работы по санитарно-гигиеническому просвещению участников образовательного процесса и горожан в целом способствовала воспитанию ценностного отношения к здоровью школьников, изменению повседневных поведенческих практик, направленных на поддержание чистоты собственного тела, опрятного внешнего вида, профилактику инфекционных заболеваний.

К сожалению, положительные изменения в деле организации санитарно-медицинского обслуживания школ и учащихся в городах региона замедлились в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Относительно планомерная и систематическая работа по осуществлению санитарного надзора и оказанию медицинской помощи в образовательных учреждениях началась после окончательного установления советской власти в регионе и была связана с деятельностью Наркомздрава.

Литература

[Андреянов и др., 2017](#) – *Андреянов В.Ю., Нагирная Л.Н., Титова Ю.В., Шепарев А.А., Скварник В.В., Бектасова М.В.* Развитие медико-санитарной помощи детскому населению Приморья с 1860 по 1926 годы (исторический экскурс) // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2017. № 3. С. 95-98.

[Верениус, 1888](#) – *Верениус А.С.* Заразные болезни в учебных заведениях: корь, скарлатина, оспа, тиф, дизентерия, дифтерит, коклюш, свинка и др.: Причины появления и распространения заразных болезней в учебных заведениях и меры к их предотвращению со стороны администрации. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. 104 с.

[ГАНО](#) – Государственный архив Новосибирской области.

[ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.

- Гончаров, 2013** – Гончаров Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–2 (80). С. 135-138.
- Делекторский, 1914** – Делекторский Н.И. О санитарном состоянии начальных школ Томска, Омска и Иркутска // *Сибирский врач*. 1914. № 8 от 23 февраля.
- Делекторский, 1913** – Делекторский Н.И. О санитарном состоянии сибирских сельских школ // *Сибирский врач*. 1913. № 1 от 22 октября.
- Дмитриевский, 1913** – Дмитриевский К.Ф. Школы и школьно-санитарный надзор // *Вестник железнодорожной медицины и санитарии*. 1913. № 6. С. 215-230.
- Доброславин, 1874** – Доброславин А.П. Очерк основ санитарной деятельности. СПб.: Тип. Я. Третья, 1874. 289 с.
- Зверева, Зверев, 2013** – Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX веков: Монография. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.
- Лоцилов, 1915** – Лоцилов П.А. О постановке школьно-санитарного надзора в Западной Европе и в России. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дороги, 1915. 26 с.
- Мультиановский, 1913** – Мультиановский П. Школьно-санитарный надзор за начальными училищами г. Томска // *Медико-санитарные учреждения*. Г. Томск: развитие и современное состояние их. Томск: Типо-литогр. Сибирского т-ва печатного дела, 1913. С. 1-4.
- Никитин, 1907** – Никитин А.Ф. Статистические данные о школьных врачах в связи с вопросом об организации школьно-санитарного надзора // *Журнал Министерства народного просвещения*. Новая серия. Ч. XI. СПб.: Сенатская типография, 1907. С. 63-84.
- Омский телеграф, 1911** – Омский телеграф. 1911. № 32 от 26 февраля.
- Памятная книжка, 1910** – Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год. Тобольск: Губ. тип., 1910. 270 с.
- Памятная книжка, 1911** – Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 год. Тобольск: Губ. тип., 1911. 273 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сибирская газета, 1881** – Сибирская газета. 1881. № 11 от 10 мая.
- Сибирский врач, 1914** – Сибирский врач. 1914. № 18 от 4 мая.
- Сибирский врач, 1916** – Сибирский врач. 1916. № 39–40 от 2 октября.
- Тобольские губернские ведомости, 1893** – Тобольские губернские ведомости. 1893. № 18 от 5 мая.
- Фрейберг, 1913** – Фрейберг Н.Г. Врачебно-санитарное законодательство в России: узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованные по 1 января 1913 г. СПб.: Изд-во «Практическая медицина», 1913. 1071 с.
- Храмцов, 2013** – Храмцов А.Б. Тюменские власти в деле развития городского здравоохранения в конце XIX – начале XX вв. // *Теория и практика государственного и муниципального управления*: Сб. науч. тр. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2013. Вып. 7. С. 165-169.
- Шамахов, 1957** – Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Т. 2: Отдельные отгиски. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. 336 с.
- Шерстнева, 2015** – Шерстнева Е.В. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX – начале XX веков // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015. Т. 23. № 2. С. 52-56.
- Шестова, 2009** – Шестова Т.Ю. Санитарно-бытовые условия уральских школ в конце XIX – начале XX вв. // *Историко-педагогические чтения*. 2009. № 13. С. 375-382.
- Юрцовский, 1923** – Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. 248 с.
- Эрисман, 1878** – Эрисман Ф.Ф. Общедоступная гигиена. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1878. 341 с.

References

- Andreyanov et al., 2017** – Andreyanov V.Yu., Nagirnyaya L.N., Titova Yu.V., Sheparev A.A., Skvarnik V.V., Bektasova M.V. (2017). Razvitie mediko-sanitarnoj pomoshchi detskomu naseleniyu Primor'ya s 1860 po 1926 gody (istoricheskij ekskurs) [Development health care children's population of Primorye from 1860 to 1926 (historical excursion)]. *Tihookeanskij medicinskij zhurnal*. № 3. Pp. 95-98. [in Russian]
- Delektorskij, 1913** – Delektorskij N.I. (1913). O sanitarnom sostoyanii sibirskih sel'skih shkol [About the sanitary state of Siberian rural schools]. *Sibirskij vrach*. № 1 от 22 oktyabrya. [in Russian]
- Delektorskij, 1914** – Delektorskij N.I. (1914). O sanitarnom sostoyanii nachal'nyh shkol Tomska, Omska i Irkutska [About the sanitary condition of primary schools in Tomsk, Omsk and Irkutsk]. *Sibirskij vrach*. № 8 от 23 fevralya. [in Russian]
- Dmitrievskij, 1913** – Dmitrievskij K.F. (1913). Shkoly i shkol'no-sanitarnyj nadzor [Schools and school-sanitary supervision]. *Vestnik zheleznodorozhnoj mediciny i sanitarii*. № 6. Pp. 215-230. [in Russian]
- Dobroslavina, 1874** – Dobroslavina A.P. (1874). Oчерk osnov sanitarnoj deyatelnosti [Outline of the basics of sanitary activities]. SPb.: Tip. Ya. Tret'ya. 289 p. [in Russian]

- Erisman, 1878** – *Erisman F.F.* (1878). Obshchedostupnaya gigiena. [Public hygiene]. SPb.: L.F. Panteleev. 341 p. [in Russian]
- Frejberg, 1913** – *Frejberg N. G.* (1913). Vrachebno-sanitarnoe zakonodatel'stvo v Rossii: uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva po grazhdanskoj medicinskoj, sanitarnoj i farmacevticheskoj chastyam, opublikovannye po 1 yanvarya 1913 g. [Medical and Sanitary Legislation in Russia: Laws and Government orders on civil medical, sanitary and pharmaceutical parts, published on January 1, 1913]. SPb.: Izd-vo «Prakticheskaya medicina». 1071 p. [in Russian]
- GANO** – Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of the Tomsk region].
- Goncharov, 2013** – *Goncharov Yu.M.* (2013). Obshchestvennye prazdniki v gorodah Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Public holidays in Siberian cities in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-2 (80). Pp. 135-138. [in Russian].
- Hramcov, 2013** – *Hramcov A.B.* (2013). Tyumenskie vlasti v dele razvitiya gorodskogo zdavoohraneniya v konce XIX – nachale XX v. [Tyumen authorities in the development of Urban Health in the Late XIX – Early XX Century]. *Teoriya i praktika gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. Tyumen': RIO TyumGASU. Vol. 7. Pp. 165-169. [in Russian]
- Loshchilov, 1915** – *Loshchilov P.A.* (1915). O postanovke shkol'no-sanitarnogo nadzora v Zapadnoj Evrope i v Rossii [On statement up school health surveillance in Western Europe and Russia]. Harbin: Tip. Kit. Vost. zhel. dorogi. 26 p. [in Russian]
- Mul'tanovskij, 1913** – *Mul'tanovskij P.* (1913). Shkol'no-sanitarnyj nadzor za nachal'nymi uchilishchami g. Tomsk. [School and Sanitary supervision of primary schools in Tomsk]. *Mediko-sanitarnye uchrezhdeniya. G. Tomsk: razvitie i sovremennoe sostoyanie ih*. Tomsk: Tipo-litogr. Sibirskogo t-va pechatnogo dela. Pp. 1-4. [in Russian]
- Nikitin, 1907** – *Nikitin A. F.* (1907). Statisticheskie dannye o shkol'nyh vrachah v svyazi s voprosom ob organizacii shkol'no-sanitarnogo nadzora. [Statistics on school Doctors in relation to the organization of school health surveillance]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. Ch. XI. SPb.: Senatskaya tipografiya. Pp. 63-84. [in Russian]
- Omskij telegraf, 1911** – Omskij telegraf. 1911. № 32 ot 26 fevralya. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1910** – Pamyatnaya knizhka Tobol'skoj gubernii na 1910 god [Memorial book of the Tobolsk province for 1910]. Tobol'sk: Gub. tip. 270 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1911** – Pamyatnaya knizhka Tobol'skoj gubernii na 1911 god [Memorial book of the Tobolsk province for 1911]. Tobol'sk: Gub. tip. 273 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].
- Shamahov, 1957** – *Shamahov F.F.* (1957). Shkola Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX vekov. [School of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. T. 2: Otdel'nye ottiski. Tomsk: Izd-vo TGU. 336 p. [in Russian]
- Sherstneva, 2015** – *Sherstneva E.V.* (2015). Blagoustrojstvo gorodov i sanitarnyj nadzor v Rossii v konce XIX – nachale XX veka. [Urban improvement and Sanitary supervision in Russia in the late XIX – early XX Century]. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny*. T. 23 № 2. Pp. 52-56. [in Russian]
- Shestova, 2009** – *Shestova T.Yu.* (2009). Sanitarno-bytovye usloviya ural'skih shkol v konce XIX – nachale XX vv. [Sanitary and Household Conditions of Ural schools in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. № 13. Pp. 375-382. [in Russian]
- Sibirskaya gazeta, 1881** – Sibirskaya gazeta. 1881. № 11 ot 10 maya. [in Russian]
- Sibirskij vrach, 1914** – Sibirskij vrach. 1914. № 18 ot 4 maya. [in Russian]
- Sibirskij vrach, 1916** – Sibirskij vrach. 1916. № 39-40 ot 2 oktyabrya. [in Russian]
- Tobol'skie gubernskie vedomosti, 1893** – Tobol'skie gubernskie vedomosti. 1893. № 18 ot 5 maya. [in Russian]
- Verenius, 1888** – *Verenius A.S.* (1888). Zaraznye bolezni v uchebnyh zavedeniyah: Kor', skarlatina, ospa, tif, dizenteriya, difterit, koklyush, svinka i dr.: Prichiny poyavleniya i rasprostraneniya zaraz. boleznej v ucheb. zavedeniyah i mery k ih predotvrashcheniyu so storony administracii. [Infectious diseases in educational institutions: Measles, scarlet fever, smallpox, typhoid, dysentery, diphtheria, whooping cough, mumps, etc.: Causes of the appearance and spread of infectious diseases in educational institutions and measures to prevent them by the administration]. SPb: Tip. M. M. Stasyulevicha. 104 p. [in Russian]
- Yurcovskij, 1923** – *Yurcovskij N.S.* (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. [Essays on the History of enlightenment in Siberia]. Novo-Nikolaevsk: Sib. obl. gos. izd-vo. 248 p. [in Russian].
- Zvereva, Zverev, 2013** – *Zvereva K.E., Zverev V.A.* (2013). Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoj derevne konca XIX – nachala XX veka. [How Siberia learned to read: School, Literacy, and the Book in a Russian village in the late XIX – Early XX Centuries]. Novosibirsk: NGPU. 237 p. [in Russian]

Организация санитарно-медицинского обслуживания учебных заведений и учащихся в городах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Анна Ивановна Татарникова ^{а,*}

^аТобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс организации санитарно-медицинской работы, обеспечивающей проведение санитарных проверок учебных заведений и медицинских осмотров школьников в городах Западной Сибири в конце имперского периода. Автор характеризует деятельность школьных санитарных врачей, показывает их роль в осуществлении санитарного надзора за школами, профилактике инфекционных заболеваний, охране здоровья детей. В начале XX в. в учебных заведениях региона впервые организуются медицинские осмотры учащихся, вводятся санитарные листы с целью регулярного наблюдения за физическим развитием школьников, предпринимаются попытки организации горячего питания, игр на свежем воздухе. Особое внимание уделяется санитарно-гигиеническому просвещению детей и их родителей, проведению специальных курсов для учителей по основам школьной гигиены. На основании архивных источников делается вывод о том, что антисанитарные условия в учебных заведениях, высокая заболеваемость учащихся, нередкие случаи смертности активизировали действия представителей центральной и местной власти, врачей, учителей и равнодушных горожан по улучшению условий обучения в школах, сохранению здоровья подрастающего поколения. Отмечается изменение отношения общества к жизни детей и их здоровью. Устоявшиеся поведенческие практики уступают место активному поиску способов решения проблемы ухудшения здоровья учащихся; растет число обращений к услугам официальной медицины; начинают формироваться новые гигиенические навыки и привычки, касающиеся поддержания чистоты собственного тела, опрятного внешнего вида. В учебных заведениях обычным делом становится использование дезинфицирующих и гигиенических средств, кипячение воды для питья, мытье рук, проветривание и влажная уборка помещений.

Ключевые слова: Западная Сибирь, город, школа, учащиеся, санитарно-медицинское обслуживание, школьный санитарный врач, здоровье, медицинский осмотр, санитарное состояние, гигиена.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatob777@yandex.ru (А.И. Татарникова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 674-686. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.674
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The History of Development in Industrial Capital the Merchant Dynasty Pleshcheyev in Outskirts Russian Empire

Ainur Zh. Gabdulina ^{a, *}, Kulyash V. Dzhumagaliyeva ^a, Raushan D. Akhmetova ^b, Hadisha A. Aubakirova ^a

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^b Shakarim University, Semei, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the history of commercial and industrial development on the outskirts Russian Empire in the second half XIX – early XX centuries. The author based on archival sources and documents, investigated the industrial and merchant activities in the Kazakh region on example the Pleshcheev family.

One of the key places in a study to commercial and industrial development Kazakh region as a part of the Russian Empire was occupied by the Pleshcheyev dynasty, who contributed not only to the promotion of trade but also to the transformation of industrial activity to the region.

In general, the development of merchant activity and entrepreneurship in the Kazakh region received the greatest development at the turn of century and this was primarily due to the imperial policy of empire. The state trying to eliminate the isolation of the Kazakh region, in order to fully control and regulate the outskirts, legislatively introduced the conditions for private ownership of industrial production

The construction of railways to industrial regions, the relocation of bourgeois, peasants from the depths of Russia, the expansion of trade, and mining zones, implemented the ideas of Tsarism government.

However, Russia did not seek to invest financial resources, even in the industrial, but outskirts of empire. The situation changed with course of events that changed global history, the First World War, state plans for the production of industrial production in the region begin to be developed.

At the turn of the nineteenth and twentieth centuries, the outskirts of the empire, merchants, who were also industrialists who owned not only trade but also factories and mines, were considered higher of society. One of these was the Pleshcheyev dynasty.

In the article, the author explores in detail the history of the development of industrial and merchant activities in the Kazakh steppe, using the Plescheev family as an example, in the second half of the 19th and early 20th centuries.

This article explores one of the key occupations of the Pleshcheevs' business – the development of wine, tobacco, as well as coal production and gold mining.

Keywords: history, the outskirts Russian Empire, merchants, industry, trade, Pleshcheevs, wine and vodka trade, tobacco, gold mining, coal mines.

1. Введение

Изучение торгово-промышленного развития окраин Российской империи рассматривается на сложном политико-экономическом фоне второй половины XIX – начала XX вв., когда государство являлось страной с низким благосостоянием и слабым развитием индивидуального предпринимательства.

Вообще, купеческое сословие, хоть и занимало ключевые позиции в торговле, промышленности, сельском хозяйстве империи, однако к концу XIX века оставалось

* Corresponding author

E-mail addresses: ainur2005@mail.ru (A.Zh. Gabdulina)

немногочисленным. Из всех казахских областей Российской империи, если опираться на всеобщую перепись населения 1897 года, самой многочисленной была только Семипалатинская. В 1864 году в Семипалатинске производили торговлю местные купцы – 381 чел. (I гильдии – 3 чел., II гильдии – 378) и иногородние – 109 чел. (Ахметова, 2003).

Для успешного развития купеческо-предпринимательского дела нужно было обладать первоначальным капиталом, а также иметь гильдийский орден. Однако низкая покупательская способность населения не давала возможности широко развернуть купеческую торговлю среди местного населения. Казахам начать бизнес было значительно сложнее, чем казакам, крестьянам-переселенцам и т.д. Неудивительно, что российское купечество имело преимущества в занятии торговлей. Так, в Семипалатинске купцы Плещеевы, Мусины, Москвины, Красильниковы, Ложкины, Зенковы, Шипиловы, Арефьевы и многие другие были фактическими хозяевами экономической жизни региона. Семипалатинская область была самой обширной территорией в Казахском крае.

2. Материалы и методы

В исследовании этапов формирования торгового капитала купеческой династии Плещеевых использовались различные документальные материалы: сведения Семипалатинской таможни, отчеты Советов обществ, Комитета попечительства, организаций, указы, телеграфные переписки, письма и обращения к генерал-губернаторам и другие документы второй половины XIX – начала XX вв.

Наибольшее количество исторических источников по исследуемому материалу содержится в фондах ЦГА РК (Ф. 64, 434, 460, 10, 212), а также в Семипалатинских областных ведомостях, журналах Семипалатинского подотдела РГО и других изданиях, содержащихся в краеведческом музее г. Семей.

Периодом актуализации проблем истории золотодобычи, своеобразным «пиком» исследовательской активности в этой сфере стали 1970-е гг. Была подготовлена серия публикаций С.К. Игибаева, посвященная одному из крупнейших регионов золотопромышленности Казахстана. Значительное внимание золотопромышленной проблематике стало уделяться и в исследованиях других смежных наук.

В основу данного исследования положены современные методологические подходы, принципы и концептуальные установки, направленные на осмысление исторических процессов. Общенаучные методы включают такие принципы исторического познания, как историзм, объективность и другие научные принципы, а также теоретические выводы и положения ведущих ученых, сформулировавших основополагающие принципы исторического исследования. В работе были использованы такие методы исследования исторического процесса, как историко-сравнительный, историко-генетический, историко-биографический, историко-типологический, историко-системный, метод исторической реконструкции. При раскрытии тех или иных результатов человеческой деятельности, исторических событий и ситуаций, в которых ярко выражается активная роль человеческого, т.е. субъективного, фактора, прежде всего применяются причинно-следственные объяснения, вытекающие из всеобщности взаимосвязей, объективно присущих исторической реальности. Конечно, за этим фактором лежат и определенные объективные обстоятельства, но они проявляются в характере субъективных действий. Кроме того, по отдельным вопросам будут использованы конкретно-проблемные методы, направленные на выяснение и изучение причин и последствий конкретных явлений, фактов, событий, которые характеризуют те или иные стороны действительности.

3. Обсуждение

Наиболее подробно история развития купечества второй половины XIX – начала XX вв. в Казахском крае Российской империи была изучена в работах казахстанских исследователей Ж.К. Касымбаева, В.Н. Кашляка, Г.М. Ахметовой и других (Касымбаев, 1990; Кашляк, 2013; Ахметова, 2003).

Одним из важных дипломатических путей во второй половине XIX – начале XX вв. была торговля, особенно если рассматривать территорию казахских степей и начало купеческой торговли в них. Купцы были объединены в корпоративные и клятвенные союзы, связанные между собой гарантийными обязательствами.

В процессе развития купеческой торговли стояли нерушимые моральные кодексы, по которым купцы торговали. Во второй половине XIX века с ростом рыночной торговли в активную фазу вступил рост промышленного производства, тем самым начало набирать обороты строительство водного, гужевого транспорта, железных дорог.

Развитие торгово-промышленных связей усилило жесткие рамки капиталистических отношений, кроме того, это повлияло на социальную дифференциацию, то есть менялись торгово-экономические устои, а вместе с тем трансформировалась и социальная дифференциация общества. В это время все больший размах набирают виды торгово-ярмарочной коммерции, фирмы, сеть магазинов, лавок и складов. Конечно, Казахский край как часть Российской империи оставался

преимущественно аграрной страной, но постепенно Казахская степь вовлекалась в оборот капиталистических отношений, где аграрный сектор уже имел сугубо товарный характер.

В конце XIX – начале XX вв. наиболее значимые по товарообороту рынки находились в регионах Российской империи: Поволжье, на Урале, в Сибири и территории Казахстана.

Таблица 1. Оборот торговых ярмарок на территории Казахстана в конце XIX – начале XX вв., являвшегося частью Российской империи (Канделаки, 1914: 51-60).

№	Наименование ярмарки	Место нахождения	Время проведения	Оборот ярмарки (в руб.)
1	Меновническая	Оренбург	1 сентября – 1 ноября	14 млн
2	Константиновская	Акмолинск	1 мая – 10 июля	3 млн
3	Аулие-Атинская	Аулие-Ата	1 мая – 1 июня	3 млн
4	Куяндинско-Ботовская	Каркаралинск	25 мая – 25 июня	2–3 млн
5	Семипалатинская	Семипалатинск	15 декабря – 1 января	1,8 млн
6	Уральская	Уральск	20 мая – 20 июня	2 млн
7	Ханская	Букеевская орда	9 мая – 19 мая	1,4 млн
8	Темирская	Темир	20 мая – 20 июля	1 млн
9	Троицкая	Троицк	1 июля – 1 октября	1 млн
10	Орская	Орск	1 июня – 1 октября	1 млн
	Итого:			около 31,2 млн

Сложнее дело обстояло с развитием кредитной, банковской систем. Первые коммерческие банки на окраинах Российской империи, а именно в Казахстане, появились только в ряде крупных городов во второй половине XIX века.

Кредитная система была далека от реальной помощи населению, не имевшему связи с предпринимательством и торговлей. Ссуды могли выдаваться лишь богатым, имеющим земли, бизнес и др. Тем временем местное купечество вкладывало свои капиталы в торгово-ростовщические операции, перевозки, золотопромышленность, уголь и разные промыслы. Купеческая деятельность шла успешно в руках крупных торговцев, они поглощали мелких, последние были посредниками и в большинстве случаев работали по бартеру.

Вторая половина XIX века стала для Семипалатинской области периодом активного развития торговли, когда появились известные купеческие династии, среди которых можно назвать семью Плещеевых. Купеческой деятельностью начал заниматься Федор Петрович Плещеев. Он являлся купцом II гильдии, родом из Владимирской губернии, Вязниковского уезда, Татаровской волости, деревни Дубнева (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2827. Л. 20-21).

По документам Семипалатинской таможни, в 1858–1866 году Ф. Плещеев, являясь государственным крестьянином, был сначала приказчиком 1-го класса, торгующего по свидетельству крестьянина Прохора Арефьева, а затем доверенным Семипалатинского купца Михайла Арефьева (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 28. Л. 209-211).

После накопления первоначального капитала в 1870 году он в порядке благотворительности строит на Святом ключе церковь, а в 1872 году вместе с компаньоном – купцом I гильдии, золотопромышленником Алексеем Васильевичем Москвиным – открывает Торговый Дом «Ф. Плещеев и Ко».

4. Результаты

Федор Плещеев имел двух детей: сыновей Семена и Прокопия. Наиболее значительную роль в развитии города сыграл младший сын Прокопий, который родился 8 июля 1872 года. Так же, как и отец, Прокопий Федорович Плещеев являлся городским главой и Почетным гражданином, кроме того, состоял гласным Семипалатинской городской думы с 1897 по 1902 гг., второй раз – с 19 декабря 1903 года и с 18 апреля 1906 года был утвержден в должности высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 1-го июля 1906 года № 51 на четырехлетие (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 40. Л. 61-62).

Определением Семипалатинской городской думы 23/28 ноября 1907 года он был избран в должность постоянного члена Семипалатинского отделения Омского епархального училищного совета.

Согласно журналу епархального училищного совета от 16 января 1880 года № 12, П.Ф. Плещеев был утвержден в этой должности Преосвященным епископом Омским.

Выход на общественно-политическую арену Прокопия Плещеева относится к 10 июня 1898 года, когда он, «согласно избранию Городской Думы, был утвержден Министерством

Внутренних Дел в должности члена Семипалатинского областного по городским делам присутствия от Думы на четырехлетие» ([Семипалатинские областные ...](#), 1898, № 25).

К 1903 году Плещеевы прочно вошли в число самых влиятельных лиц города, первогильдийных купцов. Старший сын – Плещеев Семен Федорович – мануфактурной торговлей, продавал галантерейные, бакалейные и другие разные товары. Торговый Дом «Плещеев и компания» имел паровую крупчатую мельницу, винокуренный завод, типолитографию и пивоваренный завод. Распорядители делами – Прокопий Федорович Плещеев и член Торгового Дома Алексей Васильевич Москвин. Несмотря на долгое совместное сотрудничество с Москвиным, было заметно их постоянное соперничество и конкуренция. Однако А.В. Москвин с 1905 года становится неплатежеспособным и вынужден был все распродать, отдать долг в размере 4 тыс. рублей Богородско-Глуховской компании ([Кашляк](#), 2013: 60).

В апреле 1906 года Прокопий Плещеев был избран одним из 12 старшин в Семипалатинское общественное собрание. В общем, Прокопий был в должности городского главы три срока, с 1906 года вплоть до революции 1917 года.

Находясь на посту, для решения городских проблем он часто посещал европейскую часть России. В 1907 году был в Санкт-Петербурге для решения вопроса по проведению дороги через Семипалатинск. Осенняя поездка в столицу и личная встреча со Столыпиным также помогли в выделении ссуды в сумме 56 тыс. руб. для строительства здания женской гимназии ([Семипалатинская жизнь](#), 1907).

В 1912 году Россия торжественно отмечает 100-летие победы в войне над Наполеоном, и Прокопий Плещеев возглавляет делегацию из Семипалатинска. Он пользовался большим авторитетом, более того, даже вошел в книгу А.Н. Боханова «Деловая элита России в 1914 году», изданной в Москве.

Последний срок его в должности городского главы был самым сложным и тяжелым. И это не случайно, ведь впереди империю ждали сильнейшие потрясения.

С началом Первой мировой войны закрылся главный источник дохода – винокуренный завод. Так и не удалось снова открыть его, даже письма, обращения не помогли. Кроме того, товарищество «Русско-китайское пароходство и торговля» закончило свою деятельность, так и не успев развиваться, затраты на разработку угольных месторождений окупались не в те сроки, на какие рассчитывались, банки требовали возврат кредитов и ссуд. Это было началом конца.

В 1862 году произошла ликвидация винного откупа в Сибири, и с 1863 года была введена акцизная система взывскания питейного сбора. Прежде право продажи напитков в Тобольской и Томской губерниях принадлежало исключительно одному акцизно-откупному комиссионерству, состоявшему из трех откупщиков. Продажа вина в Киргизской (Казахской) степи до 1863 года предоставлена была Сибирскому казачьему войску и составляла его доходную статью.

Уничтожение винного откупа в Сибири негативно отразилось на развитии винокуренного производства. Так, в 1862 году в Сибири находилось только четыре винокуренных завода, два из которых государственные и два частные ([Памятная книжка ...](#), 1882: 262).

Именно в это время виноторговец Альфонс Фомич Поклевский-Козелл (1810–1890) арендовал у войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска место для сооружения винокуренного завода, находящегося в районе современного села Каштак, между селами Озерки и Талица. Именно на этом заводе находили временное пристанище сосланные в западную Сибирь поляки. Так, в мае 1867 года из г. Тары на службу на этом заводе были переведены Гречунас Яцкус и Красовский Клементий.

В 1867 году на винокуренном заводе работало 59 человек, которые вырабатывали продукцию на 242070 руб. ([Памятная книжка...](#), 1882: 262).

В условия аренды входило обязательство передать завод со всем имуществом в собственность войска по окончании срока аренды.

Действительный статский советник А.Ф. Поклевский-Козелл являлся выдающимся предпринимателем и общественным деятелем Урала и Сибири. Выпускник Виленского университета, до 1853 года являлся чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири. Заложил два Торговых Дома в Тюмени и Томске. В 1843 году основал первое пароходство на реках Западной Сибири, пароходо-владелец. Главный его интерес в области предпринимательства лежал в сфере питейной промышленности и торговли. Владелец десятков винокуренных, пивоваренных, ректификационных и дрожжеделательных заводов. Ему принадлежали также два стекольных, два конных, девять железоделательных, химические заводы, золотые прииски, серебряные, медные, асбестовые рудники, имения и усадьбы в 17 городах и 18 селах Российской империи, 58 домов, земельные угодья и лесные дачи ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 25. Л. 142](#)).

Хозяйство А.Ф. Поклевского-Козелла располагалось на территории десяти губерний. Участник утверждения проекта и строительства железнодорожной линии Екатеринбург–Тюмень, основал станцию «Поклевская». Он был меценатом, при нем построены были десятки школ, училищ, больниц, бесплатных столовых, театров, клубов для рабочих, церквей и т.д.

А.Ф. Поклевский-Козелл являлся покровителем ссыльных поляков, а также инициатором и участником строительства пяти костелов на Урале и в Сибири – Томского, Тобольского, Омского, Пермского и Екатеринбургского.

Таким образом, после окончания срока аренды казачье войско стало обладателем винокуренного завода со всеми его хозяйственными постройками и передало его в аренду Щербакову. При существовании уже винокуренного завода на Каштаке, местный купец Федор Степанов тоже решил построить завод и мельницу, и в 1880 году подал ходатайство о выделении земли. Федор Плещеев в это время был городским главой, ему это идея понравилась, и после внезапной смерти Степанова Плещеев в связи со смертью отказывает в этом прошении. Сославшись на состояние здоровья, с января 1881 года он покидает пост главы города и возводит собственный винокуренный завод в местности, которая была приобретена им в январе 1875 года. Здесь уже находились несколько жилых домов, водяные мельницы, кожевенный завод, дуботолка, оранжерея, березовая роща и посевы некоторых редких культур. Это был хозяйственный хутор купцов-промышленников Поповых.

По собранным сведениям, винокуренные заводы в округности Семипалатинской области были в следующих местах:

1. В г. Верный и в станицах Лепсинская и Талгарская – 3 завода, принадлежавших жене полковника Клименко.
2. В Ауэлитах – казалинского купца Иманова.
3. В Петропавловске Тарского округа и в с. Мурамцево – 2 завода чиновницы Давыдовской.
4. В Омске – жене подполковника Клименко.
5. В Каинске – купцов Ерофеева и Коган.
6. В Томске – 11 заводов.
7. В Барнауле – статского советника Платонова.
8. В Бийске – купца Сахарова.

В Семипалатинской же области только один завод – Тарского 1-й гильдии купца Щербакова, находящегося в 26 верстах от Семипалатинска, на котором выкуривается вина ежегодно до 120 тыс. ведер, с затратой на это также ежегодно до 60 тыс. пудов хлеба, дров до 350 куб. сажень, хлеб на винокурение шел исключительно ржаной, разве только 1/10 часть расходовалось пшеничного. В 1881 году из Семипалатинской области вывезено в другие губернии пшеничного хлеба до 500 тыс. пудов.

С 1886 года при складе плещеевского завода был открыт водочный завод, на котором работало 7–12 рабочих. Почти в это же время был построен и пивоваренный завод, который впоследствии был взят городом в аренду, а с 13 июля 1906 года был принят в его собственность.

Наладив производство винокуренной продукции, Федор Плещеев начал увеличивать рынки сбыта. В 1898 году семейство Плещеевых полностью завладело продажей крепких напитков в городе, из 4 разрешенных к открытию тарктирных заведений все принадлежали Плещеевым.

В октябре 1898 года винокуренный завод перешел во владение младшего сына Плещеева – Прокопия Федоровича, а к декабрю он добился разрешения «на открытие питейных и трактирных заведений во 2-й части города и в кварталах, прилегающих к Кольванской улице» (Кашляк, 2013: 69).

К 1905 году, кроме продажи крепких напитков, Прокопий Плещеев наладил и прием стеклянных бутылок, которые принимались по 25 коп. за штуку (Семипалатинский листок, 1905). В тот же год Министерство финансов дало разрешение на продажу денатурированного спирта, который производился в казенных винных лавках.

Создав на этом капитал, Прокопий Плещеев искал разные возможности для увеличения своего производства. В 1906 году он получает разрешение на 5 лет (несмотря на существующий недостаток спирта местной выкурки) на увеличение емкости квасильных чанов с 9000 до 13500 на казенном винном складе в Змеиногорском уезде Томской губернии.

Как только Прокопий Плещеев получил разрешение, уже в 1907 году производство спирта возросло до 332 тыс. ведер, тогда как в прошлом было 284 тыс. В 1910 году винокуренный завод произвел 311 тыс. ведер спирта и стал по объему самым крупным во всей Сибири и в Центральной Азии (Статистика производств..., 1912). Продолжая наращивать производство, Прокопий Плещеев, объединившись с купцом В.В. Поляковым, создает новый Торговый Дом «В. Поляков и К», который был зарегистрирован 7 августа 1912 года и занимался только производством и продажей спирта. Первоначальный капитал его составлял 150 тыс. руб. (Сборник сведений..., Петроград, 1915). Плещееву удалось за несколько лет выкупить этот завод в собственность.

Дальнейшему развитию винокуренного производства помешала война 1914 года, когда по всей территории Российской империи с началом боевых действий и мобилизации населения было резко сокращено производство и продажа спиртных напитков, а многие заводы по их производству были закрыты, тем более что в связи с военным положением с 24 июля 1914 года территория Семипалатинской области была объявлена на военном положении. И в это же время до окончания военных действий были запрещены производство и продажа крепких спиртных напитков, ограничена продажа виноградных вин, и уже 4 сентября 1915 года Степной губернатор подписал постановление «О запрещении распития и хранения крепких напитков»... «...Наказание в

административном порядке тюремному заключению или аресту до 3-х месяцев или денежному штрафу до 3-х тыс. рублей» (Кашляк, 2013: 83). Заводы Плещеева были остановлены и уже не работали больше по прямому назначению.

В апреле 1915 года в городской думе рассматривался вопрос о «размещении прибывающих военнопленных». В целях помощи городу в деле расквартирования военнопленных и ввиду ожидаемого массового их прибытия, решено было построить в Семипалатинске концентрационный лагерь на 10 тыс. пленных.

Впредь же, до постройки бараков, поручить Городской управе ходатайствовать о размещении военнопленных в частных помещениях, как-то: на заводе П.Ф. Плещеева до 3000 чел., пристани Западно-Сибирского Т-ва до 2000 человек и в Заречной Слободке на урочище Джеломанка, находящегося в расстоянии 6 верст от города до 2000 чел... или построить концентрационный лагерь на 10000 чел. на урочище Джеломанка...» (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 55, Л. 116-119).

Городские власти не смогли найти возможности и средств на быстрое строительство лагеря и ответили отказом. Тогда в их распоряжение поступила следующая депеша:

«Невозможность построить в Семипалатинске лагерь на 10 000 заставляет Командующего войсками согласиться на занятие завода Плещеева, но с тем, чтобы там же был построен лагерь на 5000 человек. Размещение в Заречной Слободке Командующий войсками находит невозможным и просит спешно телеграфировать – согласен ли город приспособить для жилья завод Плещеева и построить близ него лагерь на 5000 человек, дополняя, что отказ города построить лагерь на указанное число заставит его ввиду ожидания массы пленных занять все общественные и казенные здания, какого бы назначения они ни были, а потому Губернатор просит немедленного сообщения и имеющем быть принятом Городским управлением решения по содержанию изложенной телеграммы. Принимая во внимание, что при размещении военнопленных в казенных и общественных зданиях в городе несомненно может быть занесены заразные болезни, как сыпной тиф и оспа, развившиеся среди пленных в Омске и Томске, Городская Дума постановила:

1. Настоятельно просить начальство о размещении пленных вне городского поселения и воспрещении всякого сношения их с жителями и находящимися в городе пленными, о переводе которых за город в предполагаемый к постройке концентрационный лагерь также возбудить ходатайство.

2. Просить разрешения поместить пленных, временно до устройства бараков, на урочище Джеломанка выше Заречной Слободки, на заводе Плещеева, пристани Западно-Сибирского Т-ва и салганах, при неуспешности же ходатайства поручить Управе ходатайствовать об этом пред Верховным начальником Санитарной эвакуационной части; если же по осмотре построек на Джеломанке окажется возможным разместить в них все 10000 военнопленных, то возбудить ходатайство о приспособлении их под постоянный концентрационный лагерь.

3. Поручить Управе спешно нанять и приспособить указанные помещения, на что отпустить из городского запасного капитала 10 000 руб. и просить действительно произведенные на эту надобность расходы возместить из средств казны.

4. Ввиду того, что земля на заводе Плещеева, где предлагается Командующим войсками выстроить лагерь, частновладельческая, признать постройку на ней невозможной, а отвести для этой цели место около салганов предположенное под постройку военных казарм...» (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 55. Л.116-119).

К июню 1915 года в Семипалатинске уже было размещено 2 тыс. военнопленных, но очередной депешей руководство города было обязано разместить в городе еще 4 000 человек и подготовить для этого соответствующие помещения, в том числе и винокурный завод П. Плещеева.

По этому вопросу 9 июня 1915 года прошло чрезвычайное заседание городской думы на котором подробно были рассмотрены все возможные варианты размещения пленных: «На запрос Управы П.Ф. Плещеева о том, какие здания на заводе, когда можно занять и на каких условиях – Торговым домом сообщено, что для размещения пленных могут быть отданы помещения: конторы и народного дома, казармы полукаменные и деревянные, спиртовый подвал, помещения конного завода ректификационная в 4 этажа и кочегарка, при чем Торговый дом предполагает в перечисленные здания поместить 4000 человек с уплатой за человека по 6 руб. в год, помещения должны быть приняты в том виде в каком они есть, все необходимые приспособления должны быть сделаны за счет казны или города, а также и должна быть устроена общая для пленных ограда (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 55. Л. 227-228).

При осмотре помещений оказалось, что в 3-х и 4-х этажных помещениях не имелось полов, устройство которых обходилась до 25 тыс. рублей, ввиду же отдаленности завода от города требовалась постройка бани и прачечной, а также устройство кухонных и хлебопекарных печей, на что требовалось еще до 11 тыс. руб. Кроме этого, при уплате Плещееву полностью квартирного оклада Городское управление обязало за свой счет производить очистку нечистот, подвозку воды и содержание помещений.

Развитие золотопромышленной деятельности

Золотопромышленная деятельность Прокопия Плещеева началась с 1900 года, когда его компаньон по торговому дому «П.Плещеев и К» Алексей Васильевич Москвин сумел убедить его в успехе предстоящего дела.

А.В. Москвин – потомственный золотопромышленник (один из его предков еще в 20-х годах XIX века уже вел разведку золота и имел свои прииски).

В 1896 году купец 1-й гильдии Алексей Васильевич Москвин обратился с ходатайством о проведении разведки этого металла в прилегающей к Китаю местности. В начале 1897 года его доверенный Матанцев, неоднократно бывавший перед тем в Китае, ездил в Санкт-Петербург за получением разрешения, где получил полную поддержку. Такое же взаимопонимание он нашел и у русского консула в г. Урумчи – Успенского. Вначале местные китайские власти всячески тормозили дело, но затем, после соответствующих переговоров Успенского с Пекином, губернатор Синьдзянской провинции предложил А. Москвину, через генерального консула, производить разработку приисков и рудников в компании с китайским правительством. Доверенному Матанцеву даны были надлежащие инструкции для выработки, при содействии консула, договора с китайским правительством о совместной разработке рассыпного и рудного золота и других минералов во всей Синьдзянской провинции. Как расходы, так и доходы предполагалось делить пополам, с вывозом золота в Россию. Договор предполагался на 50 лет. 24 мая 1898 года Москвин отправил в Китай разведывательную партию в составе 4 человек, 3 мастеров и 15 рабочих под руководством своих доверенных лиц – Титова и Матанцева. В Синьдзянской провинции, в горах Джаир по р. Дарбуту, им предстояло нанять до 35 рабочих и провести разведку, а если в данной местности золота будет мало, то необходимо было провести разведку далее к югу, в предгорья Тянь-Шаня. На производство разведок китайское правительство уже выдало 4000 лан (около 6000 руб.) (Семипалатинские областные..., 1898).

В начале 1899 года городской глава, купец 1-й гильдии А.В. Москвин сам поехал в Китай для окончательного решения вопроса о разработке золотых рудников в этой провинции. По возвращении весной того же года он сообщил, что «...поездка его, при содействии Генерального консула Успенского, увенчалась успехом: он заключил с Китайским правительством договор на разработку рудного золота в горах Кату (Джаир) на срок 25 лет, со дня утверждения договора Китайским императором...» (Семипалатинские областные..., 1899).

Добившись положительных результатов в разработке золотых рудников в Китае, А. Москвин предложил своему компаньону Прокопию Плещееву совместную деятельность. П. Плещеев был осторожным в делах человеком, и прежде чем дать согласие, решил сам проверить содержание золота в рудниках, для чего пригласил в Семипалатинск бывшего профессора Горного института Кулибина и вместе с ним в мае 1900 года выехал в Китай (Семипалатинские областные..., 1900).

В результате образовалась российско-китайская компания, «которая возобновила работы на некоторых рудниках, устроила две резиденции с промывальными фабриками на реках Анггырты и Чумпазцы, провела одну глубокую шахту для разведки, но главным образом занималась переработкой старых отвалов китайских шахт, содержащих довольно много золота. Судя по этим отвалам, китайские рудокопы искали исключительно золото и перемывали только известные части жил, содержащие такое золото, а остальной кварц бросали в отвал.

Спустя два года, компания прекратила свою деятельность, не добившись благоприятных результатов и не закончив разведок; рудник и инвентарь перешли к китайскому правительству...» (Обручев, 1908: 18).

Золотопромышленная деятельность Прокопия Плещеева как индивидуально, так и в компании с другими промышленниками (А.В. Москвин, В.Г. Занин, А.А. Петров) была недолгой. Уже в 1905 году началась массовая распродажа золотых приисков, принадлежавших компании «П. Плещеев и А. Москвин», а также и отдельно принадлежавших им мест.

Так, местная газета «Семипалатинские областные ведомости» сообщила в октябре 1905 года о продаже 19 приисков, а в ноябре того же года – еще 44.

В апреле 1907 года «представитель иностранного синдиката по эксплуатации рудных богатств в Сибири г. Ланс начал свою миссию с переговоров с Семипалатинскими золотопромышленниками..., в настоящее время ведутся переговоры с золотопромышленником П.Ф. Плещеевым – о продаже принадлежавших ему месторождений золота за 700 тыс. руб.» (Прииртышский край, 1907).

Скорее всего, Прокопий Плещеев продал рудники, так как с 1909 года он вплотную занялся разработкой Кумгульских каменноугольных копей и через некоторое время образовал АО «Каменноугольные копи в Семипалатинской области».

История разработки и добычи каменного угля в Казахской степи насчитывает более 160 лет. «До этого времени не только степные киргизы (казахи), но даже и самые русские жители Семипалатинской области, как известно, не видали никогда каменного угля и не знали о существовании столь полезного ископаемого. Если же мы имеем ныне за рекой Иртышем свои каменноугольные разработки, то в том случае должны быть благодарны исключительно деятельности и настойчивым трудам Степана Ивановича Попова...», утверждает отводчик по Степному горному

округу Габриель в служебной записке, опубликованной в 1873 году в трудах географического общества ([Известия ИРГО, 1873: 128-134](#)).

Разработка каменного угля на севере от Чжунгарского Алатау (начало 1870-х годов) производится в следующих местностях:

В Семипалатинском уезде, где залежи найдены в 1868 году золотопромышленником Пермикиным. Наибольшее развитие каменноугольной формации свойственно низменным долинам левого берега Иртыша. Это обширная каменноугольная почва начинается примерно в 90 верстах восточнее Семипалатинска и продолжается вплоть до Пермикинских угольных приисков, около Грачевской станции, в верстах семи от нее, а от г. Семипалатинска в 120 в. Отсюда она еще следует почти в том же направлении верст на 20 и подходит к медеплавильному отделению Иртыш-Дегеленской компании.

Вблизи Дегеленского гранитного кряжа, в Донгулксорской копи, заложены для исследования пластов угля две шахты, где и добывается он в большом количестве...

Из Донгулксорской копи добыто хорошего качества угля со дня разработки по 1 января 1873 года – 42 750 пудов.

По весьма хорошему своему качеству здешний уголь считается самым лучшим во всей степи. Он годен на расплавку в сыром виде медных и свинцовых руд.

Что же касается перевозки и сбыта его, то, во-первых, он пойдет на плавку медных руд, если соседние рудники приведутся в лучшее состояние; во-вторых, в случае, если рудники будут бедны и мало производительны, то можно будет сплавлять его вниз по течению реки Иртыш до Омска и далее ([Известия ИРГО, 1873: 128-134](#)).

Каменноугольные копи Павлодарского бассейна.

1. Талдыкульская копь – это первое открытие каменного угля в Киргизской степи, которое произошло в 1838 году еще при жизни Попова. Копь находится в 25 верстах от Александровского завода на северо-востоке, в 200 км от Павлодара. Здесь работы производились открытым разносом. Уголь употреблялся для кузниц и частью в плавку свинцовых руд на Александровском заводе. Всего добыто с 1838 по 1860 гг. 37 тыс. пудов.

2. Малкобенская каменноугольная копь – она найдена в 1840 г. На этой ровной местности добывается уголь с самой поверхности тремя открытыми небольшими разрезами. Пласты угля лежат почти вблизи самых верхних обыкновенных глин, с падением от 30 до 45 градусов. Этот уголь не коксуется. Из Малкобенской копи добыто с начала открытия около 200 000 пудов. Употребляется уголь в составе заводской шихты с другими пластовыми углями соседних копей на выплавку меди.

3. Каменноугольная копь, называемая Кызылтанской. Угольное месторождение найдено около 1844 г. и открыто в урочище того же наименования (Кызыл тас). Эта обширная копь находится на расстоянии 70 верст на юг от Александровского завода, она тянется от г. Павлодар мимо станицы Баян-аульская до г. Каркаралы... В этой копи со дня открытия добыто угля более 2 млн пудов, который перевозится на Александровский завод для плавки медных и серебро-свинцовых руд.

4. Джемантузская антрацитовая копь – единственная, которая была найдена до сей поры в Киргизской (Казахской) степи. Это месторождение открыто в 1864 г. в Павлодарском уезде, от Александровского завода в 90 верст на юг..., от реки Иртыш месторождение находится не далее 60 верст, а оттуда, если бы понадобилось, то с удобством можно сплавлять уголь в Павлодар и далее, к Омску. С начала открытия копи до 1872 года включительно добыто 200 000 пуд. антрацита хорошего свойства.

Каменноугольный бассейн Каркаралинского уезда.

В 1870 году трудами Н.С. Попова открыт в двух местах степи совершенно особый в отличие от Павлодарских залежей бассейн каменного угля, это месторождение находится от г. Каркаралинск на юго-запад, примерно на 80, а от Богословского серебро-свинцового рудника – на 90 верст, в той самой песчано-глинистой равнине, которая идет от Каркаралов мимо Беркаринских гор на юго-запад... Сверх вышеописанных шести каменноугольных копей, принадлежавших почетным гражданам Поповым, открыта одновременно с Талдыкульским месторождением угля еще копь под названием Эрменская в урочище того же наименования. Она находится от Александровского завода на западе, примерно верстах в 130. ([Известия ИРГО, 1873: 128-134](#)). Подобные залежи угля еще были открыты в 1840 году.

Открытые в первой половине XIX века месторождения угля использовались исключительно в промышленных целях для выплавки руды, но применение этого горючего сланца для нужд города состоялось гораздо позже, и первым, кто это сделал, был Прокопий Плещеев.

С ростом промышленности и городского населения в конце XIX века вокруг Семипалатинска сложилась неблагоприятная экологическая обстановка: находящиеся вокруг города хвойные леса и другая древесная растительность были почти полностью вырублены, и дрова приходилось завозить из других местностей края, поэтому все настойчивее стал подниматься вопрос о замене дровяного топлива на другое. Еще до рассмотрения в городской думе данного вопроса в 1908 году Прокопий Плещеев занялся разведкой полезных ископаемых, заменяющих древесное топливо, – нефти и угля.

В мае 1899 года он лично выезжал для исследования горы «Майли-кара», находящейся в отрогах Дегеленского кряда, пересекающего границу между Семипалатинским и Каркаралинским уездами, откуда местные жители – коренное население казахов – привезли бутылку «черной маслянистой жидкости, выдавая ее за нефть». Но та была не нефть ([Семипалатинские областные..., 1899](#)).

13 декабря 1900 года на «общем собрании членов общества для содействия русской промышленности и торговли» был представлен «доклад А.А. Радцига о каменноугольном кризисе, переживаемом в это время Россией и другими государствами. От недостатка и дороговизны каменного угля в 1900 году пострадали преимущественно Германия, США, Россия, но причины, вызвавшие этот кризис в этих странах не одинаковы. Там причиной кризиса послужило сильное небывалое раньше, развитие обрабатывающей промышленности, в России, по мнению докладчика, кризис вызван недостаточным количеством добывания угля и слишком высокими пошлинами на ввозной путь, в течение года были высокие цены: 10–12 коп. за пуд на месте добывания и свыше 20 коп. в промышленных центрах. Такие непомерно высокие цены на уголь неблагоприятно влияют на развитие сельского хозяйства. За недостатком угля потребители прибегают к дровяному отоплению, что влечет за собой постепенное истребление лесов, имеющих огромное и существенное значение в жизни земледельческой России...» ([Вестник золотопромышленности, 1901](#)).

Уже в декабре 1901 года Плещеев получил от Томского горного управления «дозвоительное свидетельство на право производства в течение пяти лет разведок месторождений каменного угля в предгорьях Чингиза, Шаганской области Семипалатинского уезда» ([Вестник золотопромышленности, 1901](#)).

В последующие годы он обследует урочища «Ойнакфир», «Кум-гуль», вблизи Леопольдовской каменноугольной копи, принадлежавшей Вахтеру, около оз. Узун-сор, на местности «Кара-жыра», Узун-сор Айгоржальской волости этого же уезда, на урочище Шандак, между возвышенностями «Жуман» и «Шарыкты» Акботинской волости Каркаралинского уезда, Семипалатинской области и др. ([Семипалатинские областные..., 1907](#)).

К концу 1908 года Прокопий Плещеев в основном завершил разведочные работы и утвердил отводы каменноугольных рудников.

21 июня 1909 он пишет на имя Степного генерал-губернатора «Памятную записку» о разработке Кумгульских каменноугольных копей:

«...От города Омска вверх по течению Иртыша до г. Семипалатинска, озера Зайсан и до Тополева Мыса и вся прилегающая к этому водному пути местность страдает недостатком топлива, так как леса уже вырублены и имеются только жалкие остатки их, которые нещадно вырубаются для потребностей населения, а также и на топливо для промышленных заведений и пароходства. Большой край, с только начавшей зарождаться промышленностью и пароходством, окажется совсем без топлива, которое в виде дров и теперь стало недоступным по цене для большинства населения, и дальнейшее развитие промышленности и пароходства застопорилось. Достаточно сказать, что цена дров в Омске и во многих пунктах доходит до 8–9 рублей за погонную 8-вершковую сажень, к тому же невысокого качества. Ввиду этого я уже несколько лет производил розыски минерального топлива – нефти, каменного угля, но розыски первой оказались безуспешными, а каменный уголь после целого ряда бесплодных разведок удалось найти в Кумгульском и Узунсорском месторождениях в 20 верстах от берега Иртыша и в 120 верстах от Семипалатинска. Произведенными разведками на этих месторождениях обнаружено несколько пластов угля на глубине 10–12 сажень, а заложенными буровыми скважинами до глубины 45 сажень разведаны глубже лежащие пласты довольно значительной мощности до 3 аршин толщины. Качество угля весьма хорошее, так что даже углем с верхних пластов отапливаются все пароходы Верхне-Иртышского Товарищества. Добыча угля в настоящее время производится в количестве от 3000 до 4000 пудов в сутки. Начатые шахты на глубину 20 и 45 сажень дадут возможность значительно расширить и увеличить добычу угля, но для этого необходимо устроить паровые подъемники, а для вывозки угля с копей на берег Иртыша – построить канатную или узкоколейную железную дорогу, что потребует весьма крупной затраты капитала до 500 000 руб., которые я лично пока произвести не имею возможности. Поэтому предлагаю организовать компанию на паях или акциях с капиталом в 500–600 тыс. руб. для разработки вышеуказанных месторождений и тогда, доведя добычу угля до возможно больших размеров, я полагаю, что весь Семипалатинский район будет обеспечен недорогим и хорошим топливом, что позволит продолжать дальнейшее развитие промышленности и пароходства. Пользуясь приездом Вашего Превосходительства по нашему краю и считая возникновение этого нового предприятия делом первостепенной важности для всего края, считаю долгом доложить об этом Вашему Превосходительству» ([Семипалатинские областные..., 1907](#)).

Получив полное одобрение Степного генерал-губернатора, купец П. гильдии, теперь и горнопромышленник, Прокопий Плещеев сразу же приступил к организации работ.

На каменноугольных копиях, расположенных в Семипалатинском уезде, добыча угля обошлась в промысловую операцию 1909 года в 14 коп. за пуд. Уголь продавался на месте производства, некоторая часть его была использована на отопление паровых котлов и жилых помещений, в которых

помещались служащие и рабочие, помещений для мастерских, кухонь, бань и т.д., остальной уголь был отправлен на пристань, находящуюся в 20 верстах от копей на р. Иртыш (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3780. Л. 89).

В 1910 году имелось 6 копей: Леопольдовская, Елизаветинская, Заиртышские каменноугольные копи. К этому времени была закончена Прокопьевская шахта № 3 и разведочный шурф № 4 на Леопольдовской копи.

Прокопию Плещееву первое дозволительное свидетельство на разведку каменного угля в Айгорджальской волости на урочище Кум Гуль было выдано 27 августа 1908 года. Разведочные работы по этому свидетельству завершились 20 октября 1909 года. Также в течение 1908 года ему было выдано еще 9 свидетельств на урочища Узын Сор, Кырык Кудук, Саргомбай, Байдак и Кара Темир, находящиеся в одном уезде и волости (ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 19. Л. 144-145).

Поставленный перед Степным губернатором вопрос Прокопий Плещеев смог решить только в 1913 году, когда 5 февраля был утвержден Устав «Акционерного общества каменноугольных копей Семипалатинской волости». Основной капитал АО был определен в 6 тыс. акций, по 100 руб. каждая (ЦГА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3800. Л. 55-78).

8 августа состоялось первое общее собрание этого общества. Контора правления разместилась в 1-й части г. Семипалатинск на углу Александровской и Устькаменогорской улиц, в доме Матвеева (ЦГА РК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1466).

3 августа 1916 года городская дума во главе с Прокопием Плещеевым принимает постановление о полном переходе Семипалатинска «с дровяного отопления на минеральное». Поступление угля планировалось с Экибастузских и Кумгульских копей (Семипалатинские областные..., 1913).

Находясь на должности городского главы и в то же время являясь одним из пайщиков «Акционерного общества каменноугольных копей» и товарищества «Западно-Сибирское пароходство и торговля», Прокопий Плещеев был заинтересован в реализации угля с Кумгульских копей и его перевозке именно этим пароходством и создавал для этого все условия. Так, в июле 1916 года городская управа заключила договор с этим акционерным обществом на поставку в Семипалатинск 28 тыс. пудов угля по цене 17 коп. за пуд с пристани «Каменноугольная копь», находящейся против поселка Грачевского.

Данное количество угля было доставлено пароходами именно товарищества «Западно-Сибирское пароходство и торговля» по цене 7 коп. за каждый пуд. Но, когда пришло время оплаты, в кассе городской управы не оказалось денег (около 7 тыс. руб). Тогда П. Плещеев 7 октября специально собрал городскую думу, которая решила: «на уплату за каменный уголь, закупленный у означенного Акционерного общества, а также и за доставку его произвести заем 7 тыс. руб. в одном из местных банков под залог самого угля, погасив таковой вырученной по продаже угля» (ЦГА РК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 56. Л. 244).

Однако 21 июня 1917 года, уже после добровольного ухода с поста городского главы, постановлением Семипалатинского областного продовольственного комитета было определено, что все наличное количество каменного угля, находящееся на коях и пристани акционерного общества, учрежденного П. Плещеевым, а также вся добыча с 1 июля по 1 октября того же года на этих коях поступает в распоряжение Семипалатинского областного продовольственного комитета» (Дело, 1917).

В целом, 1917 год принесет всей Российской империи не только неисчислимые страдания, но и крупнейшие потрясения, которые изменят всю геополитическую ситуацию в мире. В результате промышленно-купеческая семья Плещеевых после Октябрьского переворота 1917 года потеряет все свое имущество, что не умаляет предприимчивой деятельности Прокопия Плещеева, когда население Семипалатинска в короткий срок освоило каменный уголь в виде топлива как для промышленных предприятий, так и частного сектора.

Известно, что в качестве топлива для энергетических установок уголь безраздельно господствовал вплоть до изобретения двигателей внутреннего сгорания, использующих продукты нефтепереработки. К концу первой трети XX века уголь был не только полностью вытеснен нефтепродуктами из авто- и авиатранспорта, но и заметно уступил свои позиции на водном и железнодорожном транспорте.

5. Заключение

Купечество в Казахской степи хоть и развивалось не столь интенсивно, как в европейской части России, тем не менее эта торговая среда имела активную жилу, была очень сложной и индивидуализированной в Семипалатинской области – самой обширной краевой области империи.

Занятие благотворительностью для купца, с одной стороны, было чувством долга, социальной ответственности, с другой – способом достижения престижа, выгоды: купцы приобретали социальный статус, награды, средства воздействия на местную власть через меценатство.

Купцы I–II гильдий в Российской империи имели высокий социальный статус, приближенный к дворянству или чиновничеству, так как зачастую они становились главами местной власти, сосредотачивали не только всю торговлю в регионах, но и влияли на общественно-политическую жизнь края.

Вклад Плещеевых был обширен: они являлись основателями Верхне-Иртышского пароходства, типографии, газеты, крупнейших в Средней Азии и Западной Сибири винокуренного и пивоваренного заводов, паровой мукомольной мельницы, частной золотопромышленности, проведения железной дороги, водопровода, телефона, электричества – вот неполный список достижений этой династии.

Степень «реализации» такого важного и в известном смысле незаменимого источника модернизации, как собственная золотопромышленность, была недостаточной и не отвечала экономическим потребностям государства.

Таким образом, промышленность, особенно золотодобыча в Казахском крае на рубеже веков, определяется начальным этапом раннеиндустриального периода модернизации, эволюции организационных форм предприятий в крае. Однако она была сопряжена с большими трудностями в концентрации производства, развитии технического обеспечения, социально-экономических условий.

Литература

- [Ахметова, 2003](#) – *Ахметова Г.М.* Торговая буржуазия Северо-Восточного Казахстана в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... к.и.н. У.- К., 2003. 168 с.
- [Вестник..., 1901](#) – *Вестник золотопромышленности 1901.* №1. Томск, 1901. 1 января.
- [Дело, 1917](#) – *Дело.* 1917. № 41. 25/7 июля.
- [Известия, 1873](#) – *Известия ИРГО.* 1873. № 4. С. 128-134.
- [Касымбаев, 1990](#) – *Касымбаев Ж.К.* Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. (Социально-экономический аспект). Алма-Ата: Ғылым, 1990. 184 с.
- [Кашляк, 2013](#) – *Кашляк В.Н.* Семипалатинское купечество: Плещеевы. Семей, 2013. 288 с.
- [Канделаки, 1914](#) – *Канделаки И.* Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 51-60.
- [Обручев, 1908](#) – *Обручев В.А.* Экспедиция на Джаир, Семистай и Уркашар в 1906 году, с. 18. // *Известия Томского технологического института.* Т. 9. 1908. №1.
- [Памятная книжка..., 1882](#) – *Памятная книжка Западной Сибири.* Омск, 1882. 262 с.
- [Прииртышский край, 1907](#) – *Прииртышский край,* 1907. № 2. 10 апреля.
- [Сборник сведений..., 1915](#) – *Сборник сведений о действующих в России Торговых Домах,* Петроград, 1915. 832 с.
- [Семипалатинская жизнь, 1907](#) – *Семипалатинская жизнь.* 1907. №19. 10 января.
- [Семипалатинский листок, 1905](#) – *Семипалатинский листок.* 1905. №232. 2 ноября.
- [Семипалатинские областные..., 1898](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1898. №22. 30 мая.
- [Семипалатинские областные..., 1898](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1898. №25.
- [Семипалатинские областные..., 1899](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1899. № 15/16. 13 апреля.
- [Семипалатинские областные..., 1899](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1899. №23. 5 июня.
- [Семипалатинские областные..., 1900](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1900. №21. 27 мая.
- [Семипалатинские областные..., 1907](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1907. №38.
- [Семипалатинские областные..., 1908](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1908. №36. 41, 45.
- [Семипалатинские областные..., 1913](#) – *Семипалатинские областные ведомости.* 1913. №42. 19 октября.
- [Статистика производств..., 1912](#) – *Статистика производств, облагаемых акцизом, ч. II.* Ведомости о состоянии производств, облагаемых акцизом за 1910 год. СПб., 1912.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [Akhmetova, 2003](#) – *Akhmetova G.M.* (2003). *Torgovaya burzhuaziya Severo-Vostochnogo Kazakhstana v kontse XIX - nachala XX vv.* [The merchant bourgeoisie of North-East Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]: dis. ... k.i.n. U.- K. 168 p. [in Russian]
- [Vestnik..., 1901](#) – *Vestnik zolotopromyshlennosti 1901.* №1. Tomsk. 1901. 1 yanvary. [in Russian]
- [Delo, 1917](#) – *Delo.* 1917. №41. 25/7 iyulya. [in Russian]
- [Izvestiya, 1873](#) – *Izvestiya IRGO.* 1873. №4. Pp. 128-134. [in Russian]
- [Kasymbayev, 1990](#) – *Kasymbayev Zh.K.* (1990). *Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 gg.:* (Sotsialno-ekonom.aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861–1917 (Socio-economic aspect)]. Alma-Ata: Ғылым. 184 p. [in Russian]
- [Kashlyak, 2013](#) – *Kashlyak V.N.* (2013). *Semipalatinskoye kupechestvo: Pleshcheyevy* [Semipalatinsk merchants: Plescheevs]. Semey. 288 p. [in Russian]
- [Kandelaki, 1914](#) – *Kandelaki I.* (1914). *The role of fairs in Russian trade* [The role of fairs in Russian trade]. St. Petersburg, pp. 51-60. [in Russian]

- [Obruchev, 1908](#) – *Obruchev V.A. (1908). Ekspeditsiya na Dzhair. Semistay i Urkashar v 1906 godu.* [Expedition to Jair, Semistay and Urkashar in 1906]. *Izvestiya Tomskogo Tekhnologicheskogo instituta.* T. 9. №1. P. 18. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1882](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadnoy Sibiri [The memorial book of Western Siberia]. Omsk. 1882. 262 p. [in Russian]
- [Priirtyshskiy kray, 1907](#) – *Priirtyshskiy kray.* 1907. №2. 10 aprelya. [in Russian]
- [Sbornik svedeniy..., 1915](#) – Sbornik svedeniy o deystvuyushchikh v Rossii Torgovykh Domakh [Collection of information on the Trading Houses operating in Russia]. Petrograd. 1915. 832 p. [in Russian]
- [Semipalatinskaya zhizn, 1907](#) – *Semipalatinskaya zhizn.* 1907. №19. 10 yanvarya. [in Russian]
- [Semipalatinskiy listok, 1905](#) – *Semipalatinskiy listok.* 1905. №232. 2 noyabrya. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1898](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1898. №22. 30 maya. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1898](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1898. №25. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1899](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1899. №15/16. 13 aprelya. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1899](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1899. №23. 5 iyunya. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1900](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1900. №21. 27 maya. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1907](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1907. №38. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1908](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1908. №36, 41, 45. [in Russian]
- [Semipalatinskiye oblastnyye..., 1913](#) – *Semipalatinskiye oblastnyye vedomosti.* 1913. №42. 19 oktyabrya. [in Russian]
- [Statistika proizvodstv..., 1912](#) – Statistika proizvodstv. oblagayemykh aktsizom. ch. II. Vedomosti o sostoyanii proizvodstv. oblagayemykh aktsizom za 1910 god [Statistics of production subject to excise taxes, part II. Sheets on the state of production subject to excise duty for 1910]. SPb. 1912. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

История развития промышленного капитала купеческой деятельности на окраинах Российской империи (на примере династии Плещеевых)

Айнур Жумагазыевна Габдулина ^{a, *}, Куляш Валитхановна Джумагалиева ^a,
Раушан Дюйсембековна Ахметова ^b, Хадиша Алькеевна Аубакирова ^a

^a Казахский агротехнический университет имени Сакена Сейфуллина, Казахстан

^b Университет Шакарима, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история торгово-промышленного развития окраин Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Авторы, основываясь на архивных источниках и документах, исследовали промышленно-купеческую деятельность в Казахском крае на примере семьи Плещеевых.

Одно из ключевых мест в изучении торгово-промышленного развития Казахского края в составе Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков занимала династия Плещеевых, внесших вклад не только в развитие торговли, но и трансформацию промышленной деятельности в крае.

В целом, развитие купеческого предпринимательства в Казахском крае получило наибольшее развитие в конце XIX – начале XX вв., что связано было прежде всего с царской политикой империи. Государство, пытаясь ликвидировать обособленность Казахского края в целях полного контроля и регулирования окраин, законодательным путем ввело условия частного владения промышленным производством.

Строительство железных дорог к промышленным регионам, переселение мещан, крестьян из глубин России, расширение торговли и зон добычи полезных ископаемых реализовывало идеи царского правительства. Однако Россия не стремилась вкладывать финансовые ресурсы, пусть даже в промышленные, но окраины империи. Ситуация изменилась в ходе событий, повлиявших на

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ainur2005@mail.ru (А.Ж. Габдулина)

глобальную историю: с началом Первой мировой войны начнут разрабатываться государственные планы промышленного производства в крае.

На рубеже XIX–XX веков на окраинах империи одними из «сливок» общества, то есть элитой, считались купцы, одновременно являвшиеся и промышленниками, которые занимались не только торговлей, но и владели заводами, приисками. К ним относилась и династия Плещеевых.

В статье авторы подробно исследуют историю развития промышленно-купеческой деятельности в Казахской степи на примере семьи Плещеевых во второй половине XIX – начале XX вв. В данной статье рассматривается одно из ключевых занятий предпринимательской деятельности Плещеевых – развитие виноводочного, табачного, а также угольно-промышленного производства и золотодобычи.

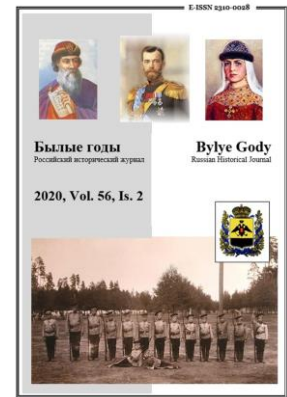
Ключевые слова: история, Российская империя, Казахский край, купечество, промышленность, торговля, Плещеевы, вино-водочная торговля, табачная деятельность, золотопромышленность, угольные копи.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 687-698. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.687
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reconstruction of the History of Turkestan Deputation of 1867

Raigul Khazretalikyzy ^{a, *}, Khazretali M. Tursun ^a, El'mira E. Alzhanova ^a, Erlan E. Saylaubay ^b

^a International Kazakh-Turkish University named Khoja Ahmet Yassawi, the Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The paper analyses the process of creating the Turkestan region conquered by Russia in the southern region of Kazakhstan as a result of the Kokand-Russian revolts. The real facts highlight the process of military colonization, as a result of which there were clashes between the adherers and opponents of the regime. The local administration organized a delegation from among the influential residents of the region who wished a desire to express gratitude to the Emperor "for getting rid of the oppression", i.e. of Kokand oppression.

The prime objective of this study is to reveal the goal of scientific reconstruction of the history of the first deputation visit from Turkestan region to Emperor Alexander II in 1867. In the course of this study, archival documents and information from the Funds of the Russian State Archives of the State Autonomous Soviet Socialist Republic and the State Autonomous Educational Establishment were studied and provided for the first time.

The Collection of Turkistan published in St. Petersburg containing significant historical data serve as materials from the periodicals of Moscow as well. According to the history of the Turkestan deputation, the historical poem by Mailyqoja Sultankhodjauly (1835–1898), "The Journey of the Datha to St. Petersburg," published at the end of the 19th century, is an only Kazakh traditional source. In the course of the study, the formation criteria and the socio-political composition of the deputation were specified. Along with the socio-political mission of the deputation was determined and an assessment of its implementation was also presented in this paper.

As a result of a factual background related to the historical reconstruction of the deputation process, the following conclusions were made: regarding the formation of a modern civilizational dialogue between Kazakhstan and Russia, in the light of the Turkestan deputation of 1867, which had special cultural and political significance. The Turkestan deputation did not have broad powers due to the political pressure from dictatorial tactics. At the same time, representatives of the ethno-elite as qadi, heads of clans, religious figures who are not able to exert a direct influence on the formation of colonial power structures, and who gave the deputation a fake character, significantly reducing its political power. For these reasons, the "deputy mission" could not denounce to the authorities the demands and aspirations of ordinary people, and could not protect their interests. Despite this, the analysis of archival sources on the history of the first deputation of the Turkestan Territory is the beginning of the official recognition of a civilized dialogue between the socially and economically backward periphery and the technologically developed metropolis.

Keywords: Turkestan region, delegation, "Collection of Turkistan", Maylyqoja Sultanqozhauly, administrative structure, scientific reconstruction.

1. Введение

Среди периферий Российской империи Туркестанское генерал-губернаторство занимало особое

* Corresponding author

E-mail addresses: raygul.khazretali@mail.ru (R. Khazretalikyzy)

место, а среди его административных единиц – Туркестанская область, которая являлась организующим ядром. 2 марта 1865 г. был издан указ Правительствующего сената «Об образовании Туркестанской области» в составе Оренбургского генерал-губернаторства. Она была образована «из всего пограничного со среднеазиатскими владениями пространства от Аральского моря до озера Иссык-Куль». На этой территории по приблизительным подсчетам проживало около 453 тыс. человек. Система внутреннего административно-территориального деления Туркестанской области, в основе которого лежали военно-территориальные единицы, была приспособлена для решения чисто военных задач.

Внутренняя организация территории была проведена в духе имперских административных традиций и исходила исключительно из интересов военного командования и царской казны. Основы управления национально-колониальными окраинами базировались на слиянии военной и гражданской власти, а также концентрации в одних и тех же учреждениях административных, судебных, хозяйственных и других функций.

В период после образования Туркестанской области местная колониальная администрация постоянно направляла письменные отчеты и рапорты в органы колониальных властей о своих достижениях в управлении краем. Такая пиар-кампания, наполненная патетикой о покорении новых колоний Российской империей, была вполне естественна для той бюрократической среды. Депутатские миссии тоже по большей части создавались для реализации подобных задач. Итак, для осуществления указанной цели в 1867 г. в Туркестане из представителей этноэлиты, выбранных из числа местных жителей, была создана и отправлена специальная депутация.

2. Материалы и методы

В исследовании, проведенном с целью научного освещения истории Туркестанской депутации 1867 г., были использованы следующие источники: во-первых, документы из фондов Российского государственного исторического архива (фонд Камер-фурьерские журналы (коллекция) и Оренбургского областного государственного архива (фонд Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1797–1881 гг)), которые были представлены впервые; во-вторых, материалы уникального издания «Туркестанский сборник»; в-третьих, в качестве традиционного источника – сведения из исторической поэмы Майлыходжы Султанходжаулы «Путешествие датхы в Петербург». Эти источники обладают важным фактологическим значением в восстановлении исторического события, которое освещает множество ключевых вопросов, касающихся колонизации Туркестанского края и установления колониальной власти.

Методологическую основу статьи образует сравнительно-исторический метод. Сравнительный анализ содержания исторических источников различных жанров дает возможность провести объективную трактовку социально-политических процессов, происходивших в Туркестанском крае в середине XIX века. Неотъемлемым методом исследования стал анализ исторических источников. Вместе с тем при трактовке событий литературного произведения применялись историко-критические методы. Результаты позволяют сделать научные выводы о формировании структуры колониальной власти в крае, содержании и характере административно-политических реформ, трансформации миссии этноэлиты. Для объективной научной реконструкции истории Туркестанской депутации мы использовали принцип «как все происходило на самом деле».

3. Обсуждение

Завоевание Туркестана и превращение обширного края в колонию сразу не поставило перед российскими исследователями второй половины XIX – начала XX веков задачу определить место Туркестана в колониальной политике империи, поэтому в многочисленных исследованиях по данной теме одним из важных стал вопрос о социально-политических взаимоотношениях центра с периферией.

Чрезвычайный интерес представляют опубликованные официальные доклады, докладные записки, отчеты чиновников, ревизовавших в разное время Туркестан, – И. Костенко (Костенко, 1870), Ю.Д. Южакова (Южаков, 1891), А.А. Кауфмана (Кауфман, 1903), В.И. Масальского (Масальский, 1913) и др.

Как в советский период, так и сейчас в Казахстане и Средней Азии проводилось и проводится значительное количество исследований касательно истории российско-туркестанских отношений второй половины XIX – первой четверти XX вв. Говоря о Туркестане, мы имеем в виду Туркестанское генерал-губернаторство, созданное после образования Туркестанской области в 1865 г., и позднее – Туркестанскую АССР, вошедшую в состав СССР как отдельная административная единица. В советской историографии по истории края в 1960 году была опубликована работа С. Зиманова, рассматривающая область с правовой точки зрения (Зиманов, 1960), а в 1965 г. – работа П.Г. Галузо (Галузо, 1965: 347), где проводилось изучение аграрных отношений в крае в последующие периоды.

Исследования, рассматривающие историю того периода с новой точки зрения и посредством современных подходов (Лейзерович, 2001; Лысенко, 2014: 271) проводят анализ социально-политической истории Туркестанского края середины XIX в.

Большое значение имеют работы по истории создания Туркестанского края. Также увидели свет исследования по формированию «Туркестанского сборника», его содержанию и фактическому значению (Бенедиктова, 1945: 45; Касымова, 1985: 100). Они позволяют сделать научное заключение о сборнике как об уникальном источнике истории Туркестана.

Следует заметить, что исследования, напрямую связанные с этой темой, начаты впервые. Среди них особой концептуальной новизной обладают труды, посвященные депутатским миссиям казахских ханов, султанов и глав родов в XIX в. (Lysenko, 2018). Что касается истории депутации Туркестанского края, то никакого исследования ранее не проводилось вообще.

Начало тесных социально-политических отношений между Казахстаном и Россией, вышедших на новый качественный уровень в XXI веке, делает научное воссоздание истории Туркестанской депутации 1867 г. в качестве факта цивилизованного диалога, произошедшего во второй половине XIX века, актуальным вопросом для современной научной мысли. Статья посвящена рассмотрению данного вопроса на основе архивных источников.

4. Результаты

Туркестанская область делилась на три подразделения: правый фланг, центр и левый фланг. В правый фланг, позднее переименованный в Сырдарьинский район, входили города Аральск, форт № 1 (позднее Казалинск) и Перовск (Кзыл-Орда); центр включал Туркестанский и Чимкентский районы; левый фланг – города Аулие-Ата, Мерке и Пишпек. Административным центром области сначала являлся город Чимкент. После занятия царскими войсками Ташкента, этот город еще до формального включения в состав России фактически стал столицей Туркестана. Туркестанская область возникла в процессе непрерывных военных действий, вследствие чего не была осуществлена официальная демаркация ее границ с Бухарским, Хивинским и Кокандским ханствами.

В таких условиях инициатива разработки нормативных актов, призванных регулировать административное устройство Туркестанской области, перешла в руки царской военной администрации. Первый документ такого рода был разработан в штабе командующего Новококандской линией М.Г. Черняева. Он был представлен в Петербург в виде «Проекта положения о Среднеазиатской пограничной области». В Военном министерстве этот проект был переработан, и 6 августа 1865 года Александр II утвердил «Временные положения об управлении Туркестанской областью» (Собрание узаконений и распоряжений, 1865). Этот документ упразднил ранее функционировавшую структуру традиционной системы управления Туркестанским краем, которая была заменена на местную колониальную систему власти, основой которой в последующий период стали нормативно-правовые документы.

Главой местной администрации являлся военный губернатор, в руках которого сосредотачивалась военная и гражданская власть. Первым военным губернатором был назначен М.Г. Черняев, занимавший эту должность до февраля 1866 г., после чего он был отозван в Петербург и заменен генералом Романовским.

Местная колониальная администрация сосредотачивала в своих руках и судебные функции в тех случаях, когда в них были замешаны представители местного и европейского населения, также в ее ведение входили и уголовные дела, связанные с убийствами, грабежами и разбоем. Хозяйственные функции управляющих местным населением ограничивались наблюдением за сохранностью лесов, распределением воды в оросительные сети и поддержанием их в исправном состоянии (ЦГА РУ. Ф. И-450. Оп. I. Д. 16. Л. 30-31; Д. 11. Л.1, 8, 13, 20-25).

Аналогичные обязанности «Временное положение 1865 г.» возлагало на городничих, на должности которых в крупных городах назначались русские офицеры. Вспомогательную роль при этом аппарате управления играла так называемая «туземная» администрация. Кочевое население Туркестанской области делилось на роды, отделения и подотделения. Звание султанов и биев большей частью было наследственным, но, несмотря на это, назначение новых лиц на место султанов и биев подлежало утверждению управляющим местным населением (ЦГА РУ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-6).

Практическим следствием введения в действие «Временного положения об управлении Туркестанской областью» явилось создание типичного оккупационного режима, призванного обеспечивать тыл царских войск, их снабжение и взимание налогов с населения.

Народы Туркестана с самого начала были поставлены под двойной гнет. Сохраненная для них ханская административно-налоговая система оказалась не только не подорванной, но, напротив, усиленной всей мощью российского полицейско-бюрократического государства и дополненной методами национально-колониального угнетения.

В фонде РГИА собраны материалы, касающиеся 25 депутатских миссий глав казахских родов, посетивших дворец российского императора в первой половине XIX века (Lysenko, 2018: 1518-1529). Эти документы указывают на то, что уже в 1803 г. были сформированы механизмы выдачи разрешений депутациям на посещение Петербурга. В Уставах «О сибирских киргизах» 1822 г. и «Об оренбургских киргизах» 1824 г. выдаче разрешений на посещение депутациями дворца императора присвоен официальный характер. С того момента авторитетные и влиятельные лица,

такие как казахские ханы, султаны и родоправители, получили возможность направлять в столицу свой депутации.

Получение разрешения на посещение Петербурга растягивалось от одного до нескольких лет. Такая задержка объяснялась бюрократическими проволочками, отсутствием императора в столице, проверкой надежности подателей заявлений от депутации и другими причинами. Ю.А. Лысенко пишет, что для удовлетворения заявления хана Малого жуза Шергазы Айшуакова на посещение Петербурга потребовалось 5 лет (Lysenko, 2018: 1521-1522). Из-за того, что вопрос о Туркестанской депутации 1865 г. не был поднят военным губернатором Туркестанской области Черняевым, ее организация была отложена на неопределенное время (Туркестанский сборник, 1868: 59). И только в 1866 г. военный губернатор того периода Романовский получил согласие центральных колониальных властей на отправку депутации в Петербург.

Руководили путешествием депутатской миссии переводчик и офицер. Они получили от руководителей региональных органов четкие инструкции о создании условий для представителей депутации, охране их жизни и здоровья: «когда в пути ли, на месте, где помянутые депутаты что-либо покупают, то всем случая нужно вам всегда с ними ходить самим и оберегать их от всего» (РГИА. Ф. 2191. Оп. 81. Д. 10. Л. 12-12 об.). Туркестанскую депутацию сопровождал войсковой старшина Уральского казачьего войска В.Р. Серов, который в свое время был награжден орденом Святого Георгия за Иканское сражение. Вначале Серов был комендантом города Туркестана, а когда вошел в состав депутации, уже «состоял управляющим Ташкентским районом».

Состав и цели депутации от Туркестанской области, вошедшей в состав России в том же виде в 1865 году, претерпели значительные изменения. Во-первых, депутация была образована из представителей основных национальностей области – казахов, киргизов и узбеков – и имела многонациональный характер. Во-вторых, депутация, посетившая Петербург в начале XIX в., была состояла из казахских ханов и султанов, имевших некоторую политическую независимость, тогда как состав Туркестанской депутации был утвержден местной колониальной властью. Соответственно, миссия этой депутации была ограничена и проводилась «для засвидетельствования перед лицом Императорского Величества верноподданнической Ему преданности». Таким образом, до 20 годов XIX века казахские депутаты награждались императором статусом «ханского достоинства», а также вручались подарки, начиная от кольца с бриллиантом и заканчивая саблей с именной гравировкой. А Туркестанскую депутацию, прибывшую к имперскому престолу, чтобы преклонить колени, не посчитали достойной таких высоких наград. Награждение императором депутации прошло на низком уровне.

Однако до сих пор так и не был использован один из самых ценных источников по истории Туркестанского края – «Туркестанский сборник». Эта уникальная подборка материалов по Туркестану состоит из 594 томов и в настоящее время находится в собрании Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои (Межов, 1878).

«Туркестанский сборник» является совершенно редким культурным явлением, поскольку далеко не все публикации, которые в нем имеются (а это газеты, журналы, книги, издававшиеся в различных городах России во второй половине XIX века), сохранились в стране, пережившей за это время несколько революций, гражданскую войну, две мировые войны и бурные девяностые годы (Альжанова, 2015: 100).

Основная часть «Туркестанского сборника» (тома с 1 по 416) была подготовлена в Санкт-Петербурге под руководством известного русского библиографа Владимира Межова с 1867 по 1887 годы. Затем составление новых томов сборника возобновилось только в 1907 году в Ташкенте. К 1910 году под руководством библиографа Н.В. Дмитровского было выпущено 127 томов (с 417 по 543), а в 1911–1916 годах под руководством востоковеда Александра Семенова – еще 48 (с 544 по 591). Последние три тома «Туркестанского сборника» (с 592 по 594) были составлены под руководством библиографа Е.К. Бетгера в 1939 году (Бетгер, 1953). Кроме того, в разное время было составлено несколько каталогов и указателей к материалам сборника (Альжанова, 2015: 92).

«Туркестанский сборник» содержит записи иностранных путешественников, посетивших Туркестанский степной край (Le Recueil turkestanais de Mežov, 2011: 625-659). Прежде всего в нем посредством этнографических и статистических сведений и географических рисунков представлены косвенные исторические сведения в виде рукописей. Некоторые книги и статьи посвящены частным вопросам (климат, погода, животный и растительный мир и т.д.). В сборнике имеются и труды, переведенные на иностранные языки (Private Collections of Russian Turkestan, 2004: 3205).

Творческое наследие видного представителя Сырдарьинской поэтической школы Майлыходжы Султанходжаулы имеет очень важную познавательную ценность. В творчестве поэта очень много документальных слоев. Майлыходжа написал несколько стихотворений, посвященных теме захвата русскими колонизаторами юга Казахстана, и поэму «Путешествие датхы в Петербург», ставшую одним из основных стержней данной работы.

С точки зрения жанра поэма «Путешествие датхы в Петербург» считается историческим произведением, которое включает в себя 60 строф и 242 строки. Поэма посвящена поездке видных представителей Туркестанской области на прием к императору Александру в Петербург в 1867 г.

(Майлыходжа, 2005: 537-543). Несмотря на то, что из казахских степей на прием к российскому императору отправлялись разные делегации, в этой поэме повествуется только о Туркестанской депутации.

В Оренбургском областном государственном архиве сохранился исторический документ, подтверждающий это событие (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102). Дело начато 13 сентября 1866 г. и завершилось 31 апреля 1867 г. В сентябре 1866 г. генерал-адъютант Оренбургского генерал-губернаторства Крыжановский и Скрипнев, начальник канцелярии Ходоровский в письменном виде направили в Военное министерство запрос на получение разрешения для депутации видных представителей Туркестанского края на аудиенцию у императора с целью признания своего подданства и выражения благодарности за избавление от азиатского деспотизма. В этом рапорте чиновники колониальных властей попросили согласия и указали, что все расходы несет местный бюджет (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 1). В основе всего этого лежали политические интересы, которые преследовали цель показать авторитетным людям в составе депутации величие Российской империи, повлиять на них посредством российских вооруженных сил и славы имперской власти.

В октябре 1866 г. Генеральный штаб Военного министерства сообщил командующему Оренбургским военным округом, что его Императорское Величество дало согласие принять депутацию из Туркестанского края (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 3). Следующим на рассмотрении был вопрос о составе депутации. 5 ноября 1866 г. военному губернатору Туркестана были представлены следующие предложения по составу депутации: два депутата от города Туркестан, один из них Шейхул Ислам, второй – из Шымкента, четверо – из Ташкента (среди них Сайд Азим), двое – из Ходжента (один из них Казы Калян) и два человека из других городов по выбору. Далее в письме указывалось, что руководителем назначается полковник Серов и что все расходы они несут сами (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 4-4 об.).

Первая статья о Туркестанской депутации увидела свет в газете «Московские ведомости». Она же была опубликована повторно в газете «Голос». Согласно публикации в газете, «жители вновь приобретенной русскому владычеству Туркестанской области возымели желанье отправить от себя в Петербург депутацию, которая бы принесла Государю Императору выражение их верноподданнических чувств. Выбор депутатов делали частью сами жители из своей среды, частью же Оренбургский генерал-губернатор и Туркестанский губернатор сами назначали в состав депутации почетнейших и избранныйших горожан, всего избрано семнадцать человек» (Туркестанский сборник, 1865: 75).

В связи с приездом генерала Романовского в Петербург ответ Николаю Андреевичу Крыжановскому касательно принятого решения по предложениям, направленным в Военное министерство, был отправлен 30 ноября 1866 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 5).

В январе 1866 г. канцелярия военного губернатора Туркестанской области направляет генерал-губернатору Оренбурга письмо, где указывается: «Кроме депутатов, предварительно назначенных Вами, я добавил представителей киргизов из Уратобе, Джизака, а также из южного крыла области. Расходы этой депутации распределены следующим образом: депутации и ее работникам будет выделено семь троек. От Ташкента до Оренбурга 2000 верст, на каждую версту 1,5 копейки, от Оренбурга до Санкт-Петербурга 2081 верста, на каждую версту 2,5 копейки. Общие расходы туда и обратно составляют 3301 рубль. Руководителю депутации, войсковому старшине Серову 472 рубля, переводчику, хорунжию Байдову за каждую тройку 472 рубля. На повозку с грузом 472 рубля. На 16 человек – 9 сартов и 7 киргизов – в составе делегации суточные расходы на 2 месяца на каждого 900 рублей». Общая смета расходов составила 10223 рубля (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 7-8 об.). Также было сказано, что все затраты, на которые было дано разрешение указанным документом, покрываются за счет местных доходов Ташкента.

В поэме Майлыходжы указывается семь исторических личностей, вошедших в состав депутации. Среди них Кошкык датха, мулла из рода Шанышкылы; Алимкул из рода Канлы; Момынбек датха из рода Уйсын; Марка казы из узбеков; Кудайберген из Аулие-Ата; Байтек датха из киргизов; Коныс датха из рода Конырат. Сравнивая исторические сведения и поэму, мы понимаем, что Майлыходжа указал состав депутации не полностью. Писатели и журналисты, проводившие анализ поэмы, ограничивают состав депутации только указанными выше именами. Тогда как Майлыходжа пишет: «И повезли резвые кони казахов, киргизов и узбеков в русский Петербург», подтверждая, что в состав депутации, кроме казахов и киргизов, входили узбеки. В художественном произведении сохранять конкретику не обязательно, поэтому довольно сложно воспринимать сведения, представленные в исторической поэме как реальные факты.

В документе ни один из представителей в составе депутации не упоминается под титулом «датха». Майлыходжа по собственному выражению – «в новое время судей называют председателями волости», учитывая значимость дела, которое совершают путешественники, в традиционном художественном смысле поднимает их авторитет и называет всех «датха» (титул «датха» присваивался в Кокандском ханстве наместникам на местах, а те лица, в именах которых используется этот титул, надо полагать, занимали должности наместников Кокандского ханства на местах).

Депутация, выехавшая из Ташкента в конце января 1867 года, останавливается в городе Шымкент. Здесь к ним присоединяются представители Аулие-Ата и Бишкека, после чего они добираются до Туркестана. В Туркестане почетные граждане города встретили и с почестями проводили путешественников «в двенадцатимесячный путь до Петербурга».

Чиновники колониальной администрации, тщательно готовившие путешествие почетной делегации, постарались создать для них наилучшие условия в пути. Это доказывают и слова поэта, который пишет, что в Туркестане «датха» слезли с коней и сели в кареты. Однако согласно документам путешественники сели в крытые повозки уже в Ташкенте (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 10). Депутация выехала из Туркестана в форт Перовск, после чего через Казалинск добралась до «Жаманкала» (город Орск – Авт.), где провела три дня, после чего направилась в Оренбург, откуда выехала в Петербург 22 февраля 1867 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 22). В рапорте Крыжановского, направленном в Санкт-Петербург, было дано поручение выделить для членов депутации просторные меблированные квартиры на Невском проспекте с удобной столовой (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 20–20 об.).

В состав Туркестанской депутации вошли наиболее авторитетные и уважаемые граждане края, особое внимание уделялось их заслугам перед российскими властями и полученным за это наградам.

1. Кудайберген бий Баитов – из Аулие-Ата. Должность – руководитель рода дулат из киргизов. За заслуги перед российским правительством по рекомендации генерал-майора Черняева в 1864 г. ему присвоено звание майора. Награжден серебряной медалью с Георгиевской лентой и чапаном.
2. Байтык бий Канаев – из Аулие-Ата, руководитель кара-киргизов. За преданность и заслуги перед российским правительством по рекомендации генерал-майора Черняева в 1864 г. присвоено звание капитана, а в 1863 г. по рекомендации военного губернатора Семипалатинской области, генерал-майора Колпаковского награжден золотой медалью с лентой святой Анны и почетным кафтаном.
3. Момынбек Шойбеков – из Шымкента, руководитель рода дулат из киргизов. В 1866 г. по рекомендации Черняева награжден почетным кафтаном.
4. Марка ахун – из Шымкента, должность – судья. В 1866 г. награжден почетным кафтаном.
5. Шейхул Ислам – из города Туркестан, за преданность и заслуги перед российским правительством по рекомендации генерал-майора Безака в 1864 г. награжден золотой медалью и почетным кафтаном, в тот же год по рекомендации генералов Веревкина, Крыжановского и Черняева награжден различными материальными подарками, среди которых чаша, чайник и тарелка из серебра.
6. Ибн амин сопы Шайыров – старейшина из Икана. В 1865 г. из рук Черняева получил серебряную медаль и суконный чапан.
7. Коньс Тилесов из города Туркестан, глава рода коньрат. В 1864–1865 гг. награжден Черняевым серебряной медалью с лентой святого Станислава, тогда же награжден золотой медалью с лентой святой Анны и почетным кафтаном, а в 1866 г. по рекомендации Романовского получил звание сотника, серебряную чашу, также награжден Крыжановским суконным кафтаном.
8. Откелбай Исин – из Перовска. За храбрость при взятии крепости Жанакорган получил звание хорунжего. В тот же год по рекомендации генерала Дебу награжден саблей. В 1863 г. получил от Черняева серебряную медаль. В 1864 г. за участие в завоевании Туркестана из рук Веревкина получил медаль святого Станислава, а в 1866 г. награжден Романовским почетным кафтаном, тогда же получил от Осмоловского бархатный кафтан.
9. Сейдазим Мухамедбаев – уважаемый торговец из Ташкента. Имеет высокую репутацию благодаря своему богатству, уму и авторитету. За свой счет построил мечеть. Был советником у местной власти. В момент поездки официальной должности не занимал. В 1859–1861 гг. за оказание помощи в освобождении русских пленных в Ташкенте награжден серебряной медалью с лентой святого Станислава и серебряной чашей. В 1862 г. за поддержку российской торговой деятельности награжден золотой медалью с лентой святого Станислава. Имеет правительственные и материальные награды от Крыжановского, Черняева, Романовского.
10. Ишанхан Аман Мухамедов. Сын главы (градоначальника) Ташкента, официальной должности не имеет.
11. Молда Курлык (*Кошлык*) Байтоков – в 1865–1866 гг. за помощь российскому правительству получил звание сотника, награжден Черняевым бархатным кафтаном и серебряной чашей, получил от Романовского серебряные часы, а от Крыжановского – серебряный кубок.
12. Егемберди Мырзагелдин – глава рода Курама на реке Шыршык. За преданность и заслуги перед российским правительством получил награды от Черняева, Романовского и Крыжановского.
13. Юсуф Ходжа Шуайков – из Ходжента. Должность – главный судья Ходжента. В 1866 г. награжден генерал-майором Романовским почетным кафтаном, а Крыжановским – серебряной медалью.
14. Сайд Икрам Ахмедов – сын старейшины из крепости Верный, мать проживает в Ходженте. Осуществляет торговую деятельность с Кашгаром, Кокандом и Наманганом.
15. Молла Назар Бакыбаев – торгует из Туркестана с Бухарой и Кокандом. Имеет подарки от генерала Романовского. Муфтий Уратобе, наград не имеет.
16. Карауылберди – старейшина из Джизака, в 1866 г. получил почетный бархатный чапан от генерал-майора Романовского (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 28–31). Все эти лица являются уважаемыми людьми, получившими различные правительственные награды от Романовского, Черняева, Перовского.

Туркестанская депутация 4 апреля приняла участие в религиозном торжестве, ей выделили место напротив часовни в саду императорского дворца (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 60–60 об.). А 5 апреля они выехали из Санкт-Петербурга обратно домой.

В поэме значительное место отводится описанию аудиенции депутации у императора, а также беседе Молды Кошыка с «Его Величеством». Майлыходжа изобразил Молду Кошыка как человека, который от лица всей депутации выразил императору Александру II благодарность за прием и высказал общие пожелания, тем самым проявляя заботу о людях.

Ученый-литератор А. Оспанулы, проводивший исследования жизни и творчества Майлыходжы, делает следующее заключение: «Поэт с особой любовью относится к Молде Кошыку за то, что тот, будучи в составе группы, которая привезла с собой мысли и чаяния народов Средней Азии, смог на приеме во дворце царя высказаться так, чтобы никоим образом не приуменьшить традиции, религию и экономическое положение своего народа, более того, он показал себя действительно достойным человеком, заботившимся о нуждах простых людей» (Оспанулы, 2005: 118).

В канцелярию Его Величества от имени депутации было передано несколько документов. Однако сведения об их рассмотрении отсутствуют. Одним из таких документов является письмо «Государю Императору Всероссийской империи и Туркестанской области» с «печатами 59 знатных жителей Туркестанской области», в котором значительное место было отведено восхвалению императора, и заканчивалось оно словами благодарности за то, что «взял под свое покровительство и спас от гнета Бухары и Коканда». Такое же хвалебное письмо было специально адресовано и супруге императора (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 68-69 об.).

Согласно предварительному плану аудиенция депутации у императора была назначена на два часа пополудни в среду 29 марта 1867 г. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 72). Однако император Александр II принял депутацию 26 марта 1867 г. в Зимнем дворце, в Золотой гостиной императрицы Марии Александровны. Членов группы, состоящей из 18 человек – депутатов Туркестанской области и жителей Ташкента, императору представил генерал-губернатор Оренбурга Николай Андреевич Крыжановский (РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 147. Л. 38-39). Император говорил с депутацией через переводчика, после чего вручил членам группы различные подарки и звания и в заключение «благодарил за преданность во время военных действий в Туркестанской области» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 39).

Н.А. Крыжановский, руководивший организацией поездки депутации, получил весть следующего содержания: «Великие князья Константин Николаевич и Николай Николаевич наметили встретиться с депутацией Туркестанской области, первый – в обед в среду 29 марта, а второй – в такое же время в пятницу 31 марта» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 73).

Члены депутации привезли с собой несколько писем от частных лиц Туркестанской области, которые начинались словами «Справедливому и Милостивейшему повелителю всей Русской империи и Туркестанской области, Могуущественному Белому Царю». Одно из них было написано жителем Ташкента Латифом Габдулом, в котором он обращался с жалобой к «белому царю» на градоначальника Ташкента Василия Роднеевича Серова, который так и не заплатил за 39 повозок, предоставленных ему во временное пользование во время экспедиции в Джизак (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 112-112 об.).

Бабакожа Галымкожин написал письмо, где говорилось, что во время завоевания генералом Черняевым города Аулие-Ата два человека из рода Налибай – Зауалбек и Шымырбек – присвоили себе 415 овец, он обратился с жалобой к Черняеву после завоевания Ташкента, однако генерал уехал в Петербург, поэтому он направил жалобу градоначальнику Ташкента Серову, а тот вместо решения вопроса арестовал его, поэтому он просит помощи «белого царя»: «Ваше Величество! Вы поставлены Всевышним Богом выслушивать жалобы обиженных и не давать бессильных в обиду несправедливым» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 113-113 об.). Письма с «татарского» языка на русский перевел коллежский советник Бекчурин.

2 апреля депутация отправила императору коллективное прошение на 9 страницах, состоящее из 11 пунктов. Оно было составлено Бекчуриным и переведено на русский язык переводчиком Байтоковым при участии поручика Южакова. В первом пункте прошения содержалось ходатайство при формировании областного суда сохранить, наряду с русским судом, суд биев и казы (местных судей) и разделить их полномочия; касательно налоговой системы – освободить Туркестан и Шымкент от налога харадж, налагаемого на зерно, на три года; налог на семью в Туркестане составляет 3 рубля, поэтому была высказана просьба уравнивать его с налогом в Оренбурге и Алатау, сделав 1,5 рубля. В конце прошения содержалась жалоба на то, что градоначальник Ташкента Серов во времена Черняева арендовал для экспедиции по Шыршыку 1649 верблюдов, однако вернул 800, из арендованных 110 лошадей вернул только 65, при этом не заплатил обговоренную сумму аренды (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8102. Л. 107-111 об.). Следующий вопрос – дальнейшее рассмотрение этого письма. Все письма, направленные императору, содержат жалобы на правителя Ташкентского района Василия Радионовича Серова. Если учесть, что военный губернатор Туркестанской области назначил Серова руководителем депутации, то понятна причина, по которой письма так и не дошли до императорской канцелярии. Так как оригиналы писем сохранились в оренбургском архиве, становится ясно, что они так и не достигли адресата.

Коллективное письмо раскрывает содержание политических требований, о которых говорит автор в своей поэме от лица Молды Кошыка. Представители депутации, отправившейся к «белому

царю» под покровительством колониальной власти и при ее непосредственном руководстве, смогли высказать свои требования только на личной аудиенции.

Очень строго учитывался тот факт, что представители этноэлиты, вошедшие в состав депутации, оказывали помощь российским войскам при покорении Туркестанского края. А захват российскими войсками юга Казахстана проводился под необоснованным предлогом освобождения этих территорий от «гнета Кокандского ханства». После того, как хан Адиль из Большого жуза потерпел поражение от войска империи Цин в 1814 г., он попросил покровительства у Омар хана, правителя Коканда. Этот факт стал причиной экспансии кокандцев на юго-запад Жетысу и вдоль реки Сырдарья. В последующие годы кокандцы прошли по Сырдарье и захватили Туркестан, Ак-Мечеть и Казалинск, где столкнулись с Россией, начавшей устанавливать свое влияние в этом регионе.

С целью вытеснения кокандских наместников из Южного Казахстана и Семиречья оренбургские власти на западе активно возводят ряд укреплений в устье Сырдарьи, в долинах рр. Ирғиз и Турғай. Летом 1853 г. царские войска штурмом берут крепость Ак-Мечеть – передовой опорный пункт Кокандского ханства по нижнему течению Сырдарьи. Одновременно со стороны Сибири в 1845–1846 гг. возводится укрепление Копал (Mominova et al., 2019: 1100).

21 октября 1860 г. вблизи Узун-Агача произошло решающее сражение, в котором русские отряды под руководством подполковника Г.А. Колпаковского наносят крупное поражение значительным силам кокандцев. Последовавшие за этим событием значительные победы русских войск над кокандцами привели к полному присоединению регионов Семиречья и Южного Казахстана к Российской империи (Mominova et al., 2019: 1102).

В 1864 г. полковник Веревкин вошел с войском в крепости Жанакорган и Шолаккорган, а в 1865 г. подчинил город Шымкент, тем самым ликвидировав господство кокандцев на казахской земле.

С целью заблокировать передвижение основных сил противника, захватить город Туркестан, ставший важным звеном на Сырдарьинской военной линии, и помешать российской армии атаковать Ташкент, командующий кокандской армией Кыпшак Молла Алимкул с войском, насчитывавшим 10 тыс. воинов и 400 воинов, собранных в Туркестане и Созаке под командованием Сыздыка Кенесарыулы и Телходжы Атыгайулы, 4–6 декабря 1864 года вступили в ожесточенное сражение с российскими войсками близ Икана.

Согласно российским источникам, в этой битве погибло 69 казаков (Алексеев, 1893) и более тысячи кокандцев (по сведениям А. Кенесарина – более 400) (Ахмет, 1992: 26-29). Российские историки оценили битву как «яркое событие, спасшее Южный Казахстан от Кокандского ханства». Объективно же это сражение стало военным противостоянием казахско-кокандских объединенных сил против колониального захвата южного региона.

В 1884 г. за счет пожертвований командующего вооруженными силами города Туркестан подполковника Головина на месте сражения был установлен памятник из кирпича высотой четыре метра, на котором была установлена табличка с надписью: «Памяти воинов, павших под Иканом в 1864 году» (Пленцов, 2012: 186). Так как памятник остался без присмотра, то в начале XX века от него практически ничего не осталось.

Об Иканской битве русский художник-баталист В. Верещагин написал две картины: «Нападают врасплох» и «Окружили – преследуют» (Верещагин, 2016). Он говорил, что основная сюжетная линия картин взята из рассказов Садыка Кенесарина, непосредственно участвовавшего в сражении. Иканская битва не сильно повлияла на захватническую стратегию России, однако немного отстрочила активное колониальное покорение юга Казахстана.

В состав Туркестанской депутации вошел герой Иканской битвы В.Р. Серов, бий из рода коньрат Коньс Тилесов, выделивший гужевого транспорт для военных, и иканский старейшина Ибн Амин, который некогда был взят под стражу кокандцами за оказание помощи русским.

По прибытии в Оренбург «ташкентцы представлялись г-ну, исправляющему должность генерал-губернатора, который их принял очень благосклонно и между прочим спрашивал у них, с чем они идут к Белому Царю? На это они отвечали, что они депутаты, назначенные от жителей Туркестанской области, и едут к Высочайшему двору изъявить верноподданнические свои чувства к России» (Петербургская газета, № 57–59).

Автор статьи – чиновник областного правления оренбургскими киргизами Асфендияр Субханкулов – пишет, что «ташкентцы по прибытии в Россию в короткое время научились говорить по-русски. Они вообще очень способны, хотя их и называют дикими» (Петербургская газета, № 57–59).

Автор о преимуществах производства зерна туркестанцами пишет следующее: «Для ташкентцев самая трудная работа, требующая немаловажных усилий, заключается в посеве, уборке и поливке хлеба; но зато мука их гораздо вкуснее и белее русской кубанки; русский не может так посеять, как ташкентец, – для этого нужны привычка и умение» (Петербургская газета, № 57–59).

После прибытия в Оренбург Туркестанской делегации для продолжения путешествия требовалось 12 троек. Они разделились на четыре группы и выехали в разное время. Руководитель депутации, войсковой старшина Серов возглавил первую группу, а последнюю – переводчик

депутации, хорунжий К. Байтоков, который взял в экипаж своего «закадычного друга» А. Субханкулова. Депутация, выехавшая из Оренбурга 21 февраля, прибыла в Симбирск 28 февраля. Далее через Арзамас она добралась до Нижнего Новгорода, где пересела на поезд. Факт того, что Субханкулов таким способом попал в состав депутации, стал причиной публикаций в «Петербургской газете» и в некоторых других печатных изданиях.

Газеты открыто писали, что состав депутации сформирован в соответствии с заслугами перед колониальными властями. О киргизском манапе Байтыке писали следующее: «Со времени занятия области, он весьма верно и усердно служил нам, был самым надежным манапом среди каракиргизов и точным исполнителем приказаний русского начальства. Своим влиянием он весьма много содействовал введению порядка и спокойствия на всем левом фронте» (*Туркестанский сборник, 1868: 59*). И касательно Сейд-Азима: «Сейд-Азим уже доказал свою преданность России: еще в то время, когда оренбургским генерал-губернатором был генерал Катенин, Сейд-Азим был награжден серебряною медалью для ношения на шее на Станиславской ленте за то, что выручил русского купца из плена у кокандцев. Золотую медаль на той же ленте Сейд-Азим получил при генерал-губернаторе Безак за торговое сближение Ташкента с Россией; наконец медаль на Аннинской ленте получена им за то, что он первый подал пример своим соотечественникам в освобождении рабов (*Туркестанский сборник, 1868: 75*).

В 1822 г. в соответствии с требованиями Устава о сибирских киргизах в Среднем жузе была ликвидирована ханская власть, однако это не помешало выбрать султанов и старших султанов из числа чингизидов. Например, «старший султан избирался преимущественно только из числа султанов, которые принадлежали к числу потомков Чингисхана», «в то время как под воздействием административно-политических преобразований российских властей во второй половине XIX века наблюдается падение авторитета представителей султанского сословия, так, напротив, сословие биев приобретает все большее влияние в степи» (*Khazretali et al., 2018*). В состав Туркестанской депутации, включавший в себя представителей традиционной этноэлиты, не вошел ни один представитель ханского сословия – вся депутация была составлена из судей, религиозных деятелей и торговцев.

5. Заключение

История и деятельность делегаций, направленных с депутатской миссией из казахских земель в императорский дворец в первой половине XIX века, получила местную оценку. Тогда как депутация, составленная из представителей Туркестанского края, который постепенно начал входить в состав Российской империи с конца первой половины XIX в., имела присущие только ей особенности.

Туркестанская депутация 1867 г., проложившая дорогу депутатским миссиям, ставшим главным фактором российско-казахского цивилизованного диалога, имеет особое значение.

Под давлением единовластного подчинения Туркестанская депутация не имела широких полномочий. Вместе с этим представители этноэлиты – бии, главы родов, религиозные сановники, не способные оказать прямого влияния на формирование колониальных властных структур, придали депутации бутафорский характер, значительно снизив ее политический вес. По этим причинам депутатская миссия не смогла донести до высшей имперской власти требования и чаяния простых людей, защитить их интересы. Таким образом, анализ сведений по истории первой депутации Туркестанского края является началом официального признания цивилизованного диалога между социально-экономически отсталой периферией и технологически развитой метрополией.

Литература

- Алексеев, 1893 – Алексеев Л. Дело под Иканом (Рассказ очевидца) // *Исторический вестник*. СПб., 1893. № 3. С. 796-803.
- Альжанова, 2015 – Альжанова Э.Е. Туркестанский сборник – письменный источник культурного наследия среднеазиатских тюрков XIX века // *Тюркология*. Ноябрь–декабрь. № 6 (74), 2015. С.100.
- Ахмет, 1992 – Ахмет Султан Кенесарыұлы. Султаны Кенесары и Сыздык. Алматы, 1992. С. 120.
- Бенедиктова, 1945 – Бенедиктова Н.Н. «Туркестанский сборник» как источник изучения Средней Азии // *Литературный Ташкент*. Альманах. Т. 1. 1945. 18 с.
- Бетгер, 1953 – Бетгер Е.К. «Туркестанский сборник» и участие в нем А. Семенова // *Труды Академии наук Таджикской ССР*. Том XVII. 1953.
- Верещагин, 2016 – Верещагин В.В. На войне в Азии и Европе. Туркестанская кампания, китайская граница, русско-турецкая война. Москва, 2016. 394 с.
- Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алматы, 1965. 344 с.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- Касьмова, 2015 – Касьмова А.Г. «Туркестанский сборник». Ташкент, 1985. 165 с.
- Кауфман, 1903 – Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. 205 с.

- Костенко, 1870** – *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. 358 с.
- Лейзерович, 2001** – *Лейзерович Е.Е.* Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.
- Лысенко, 2014** – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.) // Под редакцией Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. 271 с.
- Массальский, 1913** – *Массальский В.И.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. СПб., Т. 19. 1913. 219 с.
- Межов, 1878–1917** – *Межов В.И.* «Туркестанский сборник». Систематический указатель сочинений статей на русском и иностранных языках. Т. 1–591. Санкт-Петербург, 1878–1917 гг.
- Оспанулы, 2005** – Майлыходжа. Произведения. Составитель Оспанулы А. Алматы, 2005. С. 537–543.
- Пленцов, 2012** – *Пленцов А.К.* Иканский бой. Москва, 2012. 190 с.
- Петербургская газета, 1867** – *Петербургская газета*, 1867. № 57–59.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Собрание узаконений и распоряжений** – Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем сенате. СПб., 1863–1917, Отделение I. Док. № 7, 1865.
- Туркестанский сборник, 1868** – Туркестанский сборник. Т. 2. «Московские ведомости». № 052. «Записки Москвича». 1868.
- Туркестанский сборник, 1865** – Туркестанский сборник. Т. 2. Газета «Голос». № 76. «Петербургская хроника». 1865.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Южаков, 1891** – *Южаков Ю.Д.* Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1891. 84 с.
- Le Recueil turkestanais de Mežov, 2011** – *Le Recueil turkestanais de Mežov: l'utopie d'une somme exhaustive des connaissances sur l'Asie centrale*, in *Études Asiatiques* (sous la dir. d'Anke von Kügelgen), 2011, LXV, n°3, pp. 625–659.
- Mominova et al., 2019** – *Mominova G.T., Charginova G.O., Giritlioglu M., Kasymova A.A.* From History of Accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire: Prerequisites and Reasons // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3, pp. 1096–1105.
- Private Collections of Russian Turkestan, 2004** – Private Collections of Russian Turkestan in the Second Half of the 19th and Early 20th Century, ANOR-15 (Institut für Orientalistik, Halle, Mittelasienswissenschaft Humboldt-Universität, Berlin and University of Lausanne), Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004, 205 p.
- Khazretali et al., 2018** – *Khazretali T.M., Giritlioglu M., Omarbayev Y.K., Adilbayeva A.S.* The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1, pp. 183–192.
- Lysenko, 2018** – *Lysenko Yu.A.* «Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governs in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4, pp. 1518–1529.

References

- Ahmet, 1992** – *Ahmet Sultan Kenesaryuly* (1992). Sultanyi Kenesary i Syizdyk [Sultans of Kenesary and Syzdyk]. Almaty. Pp. 26–29. [in Russian]
- Alekseev, 1893** – *Alekseev L.* (1893). Delo pod Ikanom. (Rasskaz ochevidtsa) [The case under Ikan. (Eyewitness account)]. *Istoricheskiy vestnik*. № 3. Pp. 796–803. [in Russian]
- Alzhanova, 2015** – *Alzhanova E.E.* (2015). Turkestanskiy sbornik – pismennyiy istochnik kulturnogo nasledie sredneaziatskiy tyurkov XIX veka [Turkestan collection – a written source of cultural heritage of the Central Asian Turks of the 19th century]. *Tyurkologiya*. noyabr-dekabr №6 (74). P. 100. [in Russian]
- Benediktova, 1945** – *Benediktova N.N.* (1945). «Turkestanskiy sbornik» kak istochnik izucheniya Sredney Azii [“Turkestan digest” as a source for studying Central Asia]. «Literaturniy Tashkent». Almanah T. 1. P. 18. [in Russian]
- Betger, 1953** – *Betger E.K.* (1953). «Turkestanskiy sbornik» i uchastie v nem A. Semenova [“Turkestan collection” and the participation of A. Semenov]. *Trudyi Akademii Nauk Tadzhikskoy SSR*. Tom XVII. P. 45. [in Russian]
- Galuzo, 1956** – *Galuzo P.G.* (1956). Agrarnyie otnosheniya na yuge Kazahstana v 1867–1914 gg [Agricultural relations in the south of Kazakhstan in the years 1867–1914]. Almaty. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvenniy arhiv Orenburgskoy oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Kasyimova, 2015** – *Kasyimova A.G.* (2015). «Turkestanskiy sbornik» [“Turkestan collection”]. Tashkent. P. 165. [in Russian]
- Kaufman, 1903** – *Kaufman A.A.* (1903). K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraia [To the question of Russian colonization of the Turkestan Territory]. St. Petersburg. 205 p. [in Russian]

- [Khazretali et al., 2018](#) – *Khazretali T.M., Girtlioglu M., Omarbayev Y.K., Adilbayeva A.S.* (2018). The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1, pp. 183-192.
- [Kostenko, 1870](#) – *Kostenko L.F.* (1870). Sredniaia Aziia i vodvorenii v nei russkoi grazhdanstvennosti [Central Asia and the introduction of Russian citizenship in it]. SPb. 358 p. [in Russian]
- [Le Recueil turkestanais de Mežov, 2011](#) – Le Recueil turkestanais de Mežov: l'utopie d'une somme exhaustive des connaissances sur l'Asie centrale, in *Études Asiatiques* (sous la dir. d'Anke von Kügelgen), 2011, LXV, n°3, pp. 625-659.
- [Leyzerovich, 2001](#) – *Leyzerovich E.E.* (2001). Sotsialnyie i ekonomicheskie itogi Rossiyskoy kolonizatsii Turkestana [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tel-Aviv.
- [Lysenko, 2014](#) – Traditsionnoe kazahskoe obschestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyie osnovy i mehanizmy realizatsii (XIX-nachalo XX vv.) [Traditional Kazakh society in the national politics of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX – early XX centuries)]. Pod redaktsiei Yu.A. Lysenko. Barnaul, 2014. P. 271. [in Russian]
- [Lysenko, 2018](#) – *Lysenko Yu.A.* (2018). «Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governors in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4, pp. 1518-1529.
- [Massalsky, 1913](#) – *Massalsky V.I.* (1913). Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Turkestanskii krai [Russia. Full geographical description of our country. Turkestan region]. St. Petersburg, T. 19. 219 p. [in Russian]
- [Mezhov, 1878–1917](#) – *Mezhov V.I.* (1878–1917). “Turkestanskiy sbornik”. Sistematischeskiy ukazatel sochineniy statey na russkom i inostrannykh yazykakh [“Turkestan collection”. A systematic index of essays in Russian and foreign languages.]. T. 1-591. Sankt-Peterburg, 1878-1917 gg. [in Russian]
- [Mominova et al., 2019](#) – *Mominova G.T., Charginova G.O., Girtlioglu M., Kasymova A.A.* (2019). From History of Accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire: Prerequisites and Reasons. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3, pp. 1096-1105.
- [Ospanulyi, 2005](#) – Maylykkozha. Proizvedeniya [Maylykkozha. Artworks]. Sostavitel Ospanulyi A. Almaty, 2005. Pp. 537-543. [in Russian]
- [Peterburgskaya gazeta, 1867](#) – *Peterburgskaya gazeta*. 1867. №57-59. [in Russian]
- [Plentsov, 2012](#) – *Plentsov A.K.* (2012). Ikanskiy boy [Ikan fight]. M. P. 186. [in Russian]
- [Private Collections of Russian Turkestan, 2004](#) – Private Collections of Russian Turkestan in the Second Half of the 19th and Early 20th Century, ANOR-15 (Institut für Orientalistik, Halle, Mittelasienswissenschaft Humboldt-Universität, Berlin and University of Lausanne), Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004, 205 p.
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archive].
- [Sobranie zakonov i rasporyazheniy](#) – Sobranie zakonov i rasporyazheniy, izdavaemoe pri Pravitelstvuyuschem Senate [The collection of legalizations and orders issued by the Governing Senate]. SPb., 1863-1917, Otdelenie I, dok. №7, 1865. [in Russian]
- [TsGA RU](#) – Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- [Turkestanskiy sbornik, 1865](#) – Turkestanskiy sbornik [“Turkestan collection”]. T. 2. Gazeta «Golos» №76. «Peterburgskaya hronika». 1865 g. P. 75. [in Russian]
- [Turkestanskiy sbornik, 1868](#) – Turkestanskiy sbornik [“Turkestan collection”]. T. 2. «Moskovskie vedomosti» №052. «Zapiski Moskvicha». 1868 g. P. 59. [in Russian]
- [Vereschagin, 2016](#) – *Vereschagin V.V.* (2016). Na voyne v Azii i Evrope. Turkestanskaya kampaniya, kitayskaya granitsa, russko-turetskaya voyna [In the war in Asia and Europe. Turkestan campaign, Chinese border, Russian-Turkish war]. M. 394 p. [in Russian]
- [Yuzhakov, 1891](#) – *Yuzhakov Yu.D.* (1891). Itogi dvadtsatisemiletnego upravleniia nashego Turkestanskim kraem [The results of twenty-seven years of governance of our Turkestan region]. Sankt-Peterburg: Tip. t-va «Obshchestv. Pol'za». 84 p. [in Russian]

Реконструкция истории туркестанской делегации 1867 года

Райгул Хазреталикызы ^{a, *}, Хазретали Маханович Турсун ^a, Эльмира Есиркеповна Альжанова ^a,
Ерлан Ерназарович Сайлаубай ^b

^a Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Гумилева, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: raygul.khazretali@mail.ru (Р. Хазреталикызы)

Аннотация. В статье анализируется процесс создания Туркестанской области в южном регионе Казахстана, захваченном Россией, в результате кокандско-русских военных операций. Подробно описаны конфликты, имевшие место во время военной колонизации среди местного населения, как сторонников, так и противников колониальной политики. Местная администрация подготовила депутацию от местной этноэлиты, чтобы поблагодарить императора от имени жителей региона за «спасение его от кокандского притеснения». Большое политическое значение приобрело обращение депутации к колониальной администрации по поводу перехода в юрисдикцию императора как проявление поддержки местными жителями российской колониальной политики. В работе поставлена цель научно реконструировать историю визита первой депутации из Туркестанской области к императору Александру II в 1867 г. В ходе исследования были проанализированы и впервые введены в научный оборот документальные данные из фондов архивов РГИА, ГАОО. Кроме того использовались материалы периодических изданий, опубликованных в Санкт-Петербурге и Москве и скомпонованных в «Туркестанском сборнике», где собраны богатые материалы по истории края. Также по истории Туркестанской депутации проанализирован как единственный традиционный источник на казахском языке – историческая поэма Майлыходжа Султанходжаулы (1835–1898) «Путешествие датхы в Петербург», опубликованная в конце XIX века. В ходе исследования уточнены критерии формирования состава депутации, ее социально-политическая миссия, определена и оценена степень ее реализации.

В ходе анализа источников, научно реставрируя историю депутации, сделаны следующие выводы: история Туркестанской депутации 1867 г. имеет особое культурно-политическое значение как фактор, положивший начало современному казахстанско-русскому цивилизационному диалогу.

Под давлением единовластного подчинения Туркестанская депутация не имела широких полномочий. Вместе с этим представители этноэлиты – бии, главы родов, религиозные сановники, не способные оказать прямого влияния на формирование колониальных властных структур, придали депутации бутафорский характер, значительно снизив ее политический вес. По этим причинам депутатская миссия не смогла донести до высшей имперской власти требования и чаяния простых людей, защитить их интересы. Несмотря на это, анализ архивных источников по истории первой депутации Туркестанского края является началом официального признания цивилизованного диалога между социально-экономически отсталой периферией и технологически развитой метрополией.

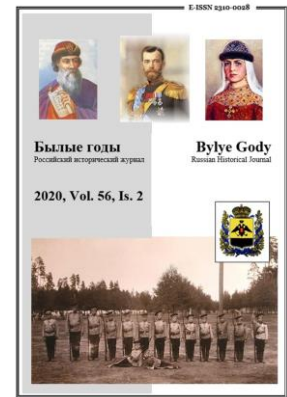
Ключевые слова: Туркестанская область, депутация, «Туркестанский сборник», Майлыходжа Султанходжаулы, административное устройство, научная реконструкция.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 699-708. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.699
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Scientific Dynasties in Russia of the 19th and 20th centuries: Features of Social Construction and Reproduction Practices

Dmitry P. Isaev ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of scientific dynasty as a social phenomenon in Russia of the 19th and 20th centuries. Using the tools of interdisciplinary research practices, the author identifies the basic and evolutionary characteristics of dynasties in the context of socio-historical transformations of that period. The scientific intelligentsia of the 19th century forms a new type of personality in science, a socially attractive image of a scientist, thus creating a platform for its own reproduction as a socio-professional group. Constructive professional identity developed in the families of scientists has become a precondition for the emergence of entire dynasties which can be described with such enduring features as large numbers of children, special abilities of children, special role of parents as conductors of dynasty in educational and upbringing process, and the formation of a highly intellectual book culture. Positive family and interfamily kinship communications that created an expanded dynastic space and cultural capital played a special role in the reproduction of family traditions too. According to the author, it does not seem reasonable to view the scientific dynasties of pre-revolutionary time as social monopolies. The article also considers the Soviet experience in the construction of scientific dynasties, yet in a targeted manner and within the frames of comparative approach. Economic hardship during the initial years, the politico-ideological situation and etc. were attributed to the negative circumstances. As a result of demographic and mental shifts, other channels of the dynastic space were formed, for example, on the basis of ideological community. On the other hand, as reflected in the article, the realization of continuity through the traditional values of the previous period was happening implicitly.

Keywords: scientific dynasty, professional dynasty, professional identity, professorial family, cultural capital, family communication, social monopoly, the Lyapunovs, the Fortunatovs.

1. Введение

В современных условиях наблюдается актуализация коммеморативных практик, направленных на изучение наследия, сохранение памяти о тех или иных ученых и их семьях. Потомки и родственники пишут книги-воспоминания, реконструируют генеалогические связи, собирают артефакты. Это свидетельствует о сохранении того идентификационного ресурса, каким обладали/обладают так называемые научные династии. Необходимость реконструкции их социокультурного облика в российской истории определяется следующими обстоятельствами. Социальный образ пореформенной России во многом определялся новой ролью и значением интеллигенции, которая с того времени стала характеризоваться претензией на решение общественно значимых вопросов, отсюда своим обликом, стратегиями поведения и т.д. Из интеллигентной среды выделялись различные профессиональные группы умственного труда. Видное место в этом процессе принадлежало научной интеллигенции, «ученому сословию», удельный вес которого в рамках

* Corresponding author

E-mail addresses: disaew@mail.ru (D.P. Isaev)

группы в начале XX в. достигал 30 % (Лейкина, 1976: 218). В его недрах со временем стали появляться целые династии.

Сформировав своеобразную корпоративную профессорскую среду, ученые как социальная группа оказали свое влияние на определенную трансформацию традиционного сословного устройства Российской империи. Будучи, в основном, выходцами из дворян, духовенства, а также мещанской среды, они теряли связь с прежней социальной средой, формируя новую (Никс, 2004: 8). Устойчивый характер данному процессу в том числе сообщали внутри/межсемейные связи. Обращение к социальному опыту научных династий того времени позволяет сосредоточиться не столько на научных достижениях семей (традиционная история науки), сколько с помощью междисциплинарных практик дает возможность проанализировать условия появления данного феномена, характерные черты воспроизводства специфической среды (социальная история), конструктивный потенциал династии как профессиональной группы. Решение этих аспектов позволяет говорить о закономерном процессе появления научной династии как социального феномена, конструирования ее специфического облика, устойчивости и некоторой эволюции в условиях радикальных трансформаций в России XX в.

2. Материалы и методы

Используемые в данной статье материалы можно подразделить на следующие группы:

Во-первых, это исследования. Их первую подгруппу условно назовем теоретико-социологическими. В них разрабатывается понятийный аппарат, даны первичные обследования ученых как эмпирической группы. Вторую подгруппу составляют работы по истории интеллигенции, университетов, повседневности в России XIX–XX вв., в которых можно проследить контекст, атрибутику появления и воспроизводства научных династий. К третьей подгруппе относятся биографические исследования конкретных ученых, их семей, династий, содержащие важный материал по реконструкции быта, коммуникаций, ценностей. В работе мы преимущественно касаемся фамилий Веселовских, Грот, Лаппо-Данилевских, Ляпуновых, Лурье, Петровских, Рубинштейнов, Семеновых, Скрябиных, Соловьевых, Струве, Фортунатовых, а также используем обработанную вторичную информацию и по другим научным династиям.

Во-вторых, это источники, которые подразделяются на статистические материалы и документы личного происхождения. К последней подгруппе относятся воспоминания, дневники, интервью самих членов семей, их современников и потомков, через которые возможна реконструкция «научно-семейного» пространства изнутри, специфики профессиональной преемственности.

В работе применяется междисциплинарная методология. Используются общеисторические методы (генетический, типологический, сравнительный), позволяющие дать эволюционные, ситуативные и структурные характеристики изучаемым объектам, герменевтический – при прочтении персональных текстов. Подход к проблеме с позиции социального конструирования позволяет верифицировать возможности использования понятий «профессиональная династия», «профессиональная идентичность», «социальная монополия» в историческом контексте, выстраивая конкретный язык описания. В исследовании под «профессиональной династией» подразумевается «локализованная в производственной и социально-экономической сфере социальная группа, характеризующаяся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» (Посухова, 2013: 100). Таким образом, понимание «научной династии» как «профессиональной» позволяет уйти от описательности, формулируя новые направления исследований.

3. Обсуждение

Научная династия, семейственность и родственные связи в среде ученых как предмет исследования проявляются в различного рода работах. Собственно, их количество превышает всякую возможность целостного учета, поэтому целесообразно обратиться преимущественно к их типологизации. Так, упорядочим труды в две большие группы с выделением подгрупп. К первым можно отнести социологические исследования ученой среды. Едва ли не первым опытом выступили количественные исследования одного из основателей евгеники Ю.А. Филипченко в 1920-е гг. Составленные им на основе полученных результатов таблицы о социальном происхождении, профессиях родственников, детности, специальных способностей содержат ряд весьма важных наблюдений и выводов, не теряющих актуальности и сегодня (Филипченко, 1921b). Также интересным представляется проведенное Л.Г. Зубовой в 1990-е гг. исследование мотивации научного труда, в ходе которого было выделено семь типов поведения в науке. Принципиальное значение для нас имеет вывод о «желании научного будущего для своих детей» в рамках первых двух типов (Зубова, 1998: 49). Отдельного внимания заслуживают работы современных ростовских социологов по изучению теоретико-методологических аспектов понятия «профессиональная династия». В частности, важна постановка проблемы профессиональной династии в академической среде как «носителя конструктивного/деструктивного потенциала» (Мостовая и др., 2019; Посухова, 2013; Посухова, 2018).

Вторую группу составляют историко-научные работы. В ней выделим ряд подгрупп. К первой отнесем изыскания, выявляющие те или иные династии, реконструирующие генеалогические древа, но в целом имеющие описательный характер. К таковым отнесем статью В.А. Бронштэна о династии Струве ([Бронштэн, 1992](#)), а также работы А.В. Гатиловой, где показан прежде всего научный вклад выявленных автором польских династий в Казанском университете до 1917 г. ([Гатилова, 2011](#)). В статье о династии Черепнинных автором лишь фиксируется родственная связь между тремя поколениями, после чего отмечаются те или иные научные достижения каждого из них ([Чекурин, 1991: 150-162](#)). К данной группе относится и сборник о династиях ЮФУ, состоящий из биографических словарных статей, посвященных видным ростовским ученым и педагогам Ростова, в том числе дореволюционного времени ([Гайворонский, 2015](#)).

Следующую подгруппу составляют многочисленные биографии ученых, принадлежащих к видным династиям. Как правило, в них очерк жизни и творчества сопровождается указанием на семейные традиции, отмечается роль семьи, родственников, межпоколенных связей, повлиявших на успешную реализацию талантов того или иного ученого. К такого плана работам отнесем, например, книгу о выдающемся математике А.А. Ляпунове ([Воронцов, 2011](#)).

Третья подгруппа содержит историко-научные исследования в рамках интеллектуальной истории, где внимание сосредоточено не на научных результатах, а на антропологическом и социокультурном контексте бытования знания. Выделим прежде всего монографию В.П. Корзун об отце и сыне Лаппо-Данилевских, в которой интерес направлен на реконструкцию «жизненного мира» обоих ученых. Сосредоточив внимание на концепте «профессорской семьи», автор фиксирует ее характерные функции: организация научного пространства, участие в научной деятельности, формирование первоначального оппонентного круга, приобщение к этосу науки и сохранение памяти об ученых ([Корзун, 2011: 115](#)). Данные выводы подтверждаются микроисториями изучения и иных «ученых» семей. Исследованию феномена «одесских» Рубинштейнов посвящены работы В.В. Левченко. Заслуживает внимания его вывод о том, что реализовать себя в науке братьям Рубинштейнам удалось в том числе благодаря интеграции в российское/советское социокультурное пространство ([Левченко, 2015](#)). Наконец, интересен опыт изучения рода Фортунатовых, предложенный современными исследователями Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой. Авторы сосредоточились на социокультурных и исторических факторах, обусловивших долговременную успешность данной династии в плане достижения выдающихся научных результатов ([Иванова, Агеева, 2019](#)).

Таким образом, цель данной работы мы видим в том, чтобы в рамках социокультурного подхода предложить комплексное междисциплинарное исследование научной династии как социального феномена, совместив описательные, аналитические и синтетические стратегии изучения теоретически нагруженного концепта.

4. Результаты

Научные династии в России являются историческим феноменом в том смысле, что их формирование приходится на конкретное историческое время. Родословная многих ученых семей уходит далеко в глубь веков, однако, строго говоря, об их идентификации следует говорить не ранее середины XIX в., когда самостоятельно начинают проявлять себя дети условно выделяемого отца-основателя рода (что, впрочем, характерно не только для научной среды, к примеру, понятие «купеческая династия» оформляется примерно в это же время). Рассмотрим условия их появления и распространения.

В ходе Великих реформ социально-экономическая ситуация в России способствует резкой дифференциации профессионального труда, развитию новых сфер жизнедеятельности, а через них – и направлений научных исследований. Расширяется сеть высших и средних учебных заведений, формируя таким образом спрос на ученых и педагогические кадры.

Отдельно стоит упомянуть возросшее в XIX в. влияние научного, позитивистского мышления на мировоззрение человека. Складывается новый тип личности – ученого, посвятившего жизнь служению науке и истине. Данный социальный образ становится все более притягательным, авторитетным в обществе, что способствует формированию довольно высокого социального статуса профессорско-преподавательской корпорации ([Ростовцев, Баринов, 2012: 42](#)). И если престижность профессии ученого и преподавателя привлекала выходцев из других социальных групп, то, в свою очередь дети профессоров зачастую стремились остаться в воспитавшей их академической среде. Возникал так называемый закон «социального наследия». По словам К.Б. Соколова, «дети по своему характеру, темпераменту, стилю поведения во многом похожи на своих родителей. В каждой семье складывается своя атмосфера, своя культурная среда, и именно она оказывает наибольшее воздействие на ребенка» ([Соколов, 2007: 400](#)). Правда, бывали яркие исключения. К примеру, в семье историка С.М. Соловьева (отнесение которой к династии является дискуссионной проблемой) уход старшего сына Всеволода в литературную деятельность сопровождался разрывом с профессорской средой ([Соловьев, 1977: 35](#)).

Отдельно необходимо сказать о таком факторе как многодетность в интеллигентных семьях, который, по сути, определил саму возможность появления династий, однако позднее стал далеко не таким очевидным. К примеру, у Якоба Струве минимум три сына стали учеными, а у его сына, собственно, основателя династии астрономов, В.Я. Струве, только от первого брака было 12 детей (Бронштэн, 1992: 62). Ф.Н. Фортунатов имел пять сыновей, лишь один из которых не увлекся науками (Иванова, Агеева, 2019: 394-397). Подобное можно сказать и о других династиях. Заметим, что данные факты определенным образом коррелируют с наблюдением Ю.А. Филипченко, указавшим на большую детность отцов выдающихся ученых (более пяти), в два раза превосходящую детность самих ученых, опрошенных в 1920-е гг. (Филипченко, 1921а: 31). С другой стороны, преувеличивать степень распространенности династий в науке не следует, учитывая численность самой группы ученых. Сама специфика их профессиональной деятельности, увлеченность наукой зачастую отводили на второй план задачу создания семьи и рождения детей (Никс, 2004: 11). Среднее количество детей в профессорских семьях в дореволюционной России равнялось двум-трем, что накладывало известные ограничения для развития потомственной профессии (Бушуева, 2012: 181; Филипченко, 1921b: 15). Таким образом, социальное значение научной династии следует оценивать в качественном, а не количественном плане.

Понятно, что в качестве конструирующего ядра будущей династии выступала семья/род. Обратимся к наиболее типическим характеристикам формируемого пространства, позволяющим говорить о единообразном социальном процессе. Исследователи традиционно отмечают такой факт, что в благоприятной семейной обстановке раскрытие существенных талантов ребенка особо проявляется во 2–3 поколениях, хотя импульс задается именно родителями, обладающими вполне определенными задатками одаренности (Лейкина-Свирская, 1976: 214). В истории династий находим множество примеров, когда выдающимися способностями обладали и отец, и сыновья. Для нас в данном случае важна сама констатация необходимой связи между становлением научной династии и талантами, располагающими, во-первых, к исследовательской деятельности, во-вторых, проявленными и в других областях (музыка, для гуманитария – математика и т.д.). Так, печатью значительных интеллектуальных способностей было отмечено, к примеру, многочисленное потомство Фортунатовых. Алексей Федорович Фортунатов в 1870-е гг. сменил несколько высших учебных заведений в поисках сферы подлинной реализации (Иванова, Агеева, 2019: 397). «Счастливыми задатками» обладал будущий философ Н.Я. Грот, сын знаменитого филолога Я.К. Грота (Шенрок, 1911: 6). Хрестоматийным является пример А.С. Лаппо-Данилевского, выдающегося историка и философа, а также отца едва ли не гениального математика И.А. Лаппо-Данилевского. С детства Александр Сергеевич увлекался математикой, музицировал. Характерно его признание в одном из писем: «Я иной раз чувствую такую страшную жажду знания, так страстно хотелось бы заняться и другими науками, не только сидеть на одной истории, а между тем на каждом шагу приходится убеждаться в собственном бессилии и невозможности всем овладеть» (Лаппо-Данилевский, 2013: 91).

Повторимся, что указанные способности могли развиваться в благоприятных обстоятельствах, формируемых конкретным семейным бытом и традициями семейного воспитания. В домашней атмосфере дети ученых с ранних лет приобщались к науке, вникали в ученые разговоры взрослых, вращались в профессорской среде. Как вспоминал Н.Г. Высотский, «дом Фортунатовых был как будто насквозь пропитан ученостью, и было бы странно и непонятно, чтобы сыновья глубоко преданного науке Федора Николаевича Фортунатова не стремились к кафедре» (Иванова, Агеева, 2019: 394). Или о семье Я.К. Грота современник писал, что она «производила отрадное впечатление своими привлекательными нравственными качествами. Здесь было царство честного труда и строгого порядка во всем» (Шенрок, 1911: 13). Данные факты позволяют говорить о своего рода раннем этапе профессиональной социализации в семьях, определяющей в свою очередь будущую «конструктивную профессиональную идентичность» (Мостовая и др., 2019: 77).

Роль родителей в данном процессе трудно переоценить. Однако следует обратить внимание, что сами стратегии взаимодействия родителей и детей трансформировались в течение второй половины XIX в. По наблюдениям В.А. Веременико, еще в середине века родители в дворянских семьях весьма редко сами непосредственно занимались с детьми, обучали чтению и т.д., пользуясь услугами гувернеров. К примеру, именно гувернер Д.И. Крейме приучил П.П. Семенова, будущего Тянь-Шанского, правда в неблагоприятных семейных обстоятельствах, к систематическим научным занятиям, выступив мудрым наставником и замечательным психологом в общении с мальчиком (Солодянкина, 2016: 80-81). С течением же времени роль родителей в процессе обучения и воспитания только увеличивается (Веременико, 2008: 210-211). Можно говорить о культурном капитале, формируемом профессорской семьей (Корзун, 2011: 70). Примеров существует множество. Интересные воспоминания оставил академик К.С. Веселовский, представитель династии, из которой вышли знаменитые филологи, историки, химики, биологи (Е.Б. Веселовская была первой женщиной-доктором наук по ботанике в России (1907 г.)). По его словам, «родители наши прилагали величайшие старания к тому, чтобы доставить своим детям наилучшее образование, принося для этого и материальные жертвы...» (Веселовский, 2010: 38, 125). Целую программу воспитания составили

супруги Я.К. и Н.П. Гроты, терпеливо воплощая в жизнь педагогические приемы по отношению к неугомонной натуре своего сына. И это давало свои плоды. Как признавался позднее сам Николай Яковлевич, «секрет в том, что я сын Якова Карловича и Натальи Петровны» (Шенрок, 1911: 5, 29).

В первую очередь следует говорить о формировании книжной культуры, имеющей определяющее значение для интеллектуального труда. Как пишет Н.Н. Никс, «под влиянием родителей у будущих профессоров с детства формировались навыки работы с литературой, с раннего возраста они учились делать выписки из книг и составлять свои собственные маленькие библиотечки» (Никс, 2004: 12). Воспоминания членов династий пестрят подробностями о первоначальном детском интересе, связанном с чтением. Академик Я.К. Грот вспоминал, как, забиравшись в комнату тетки, «находил особенное удовольствие в том, чтобы рыться» в толстых словарях, «отыскивая слова и проводя таким образом целые часы» (Солодянкина, 2006: 81). Академик С.Б. Веселовский писал, какие для него последствия имело приобретение отцом одной частной библиотеки (Веселовский, 2010: 50).

В профессорских семьях особая роль в обучении детей принадлежала отцу, основному проводнику династичности. Зачастую он сам руководил образованием на начальном этапе, следил за успехами своих чад, предъявлял достаточно высокие требования, наконец, воспитывал своим примером. Как вспоминала жена А.С. Лаппо-Данилевского Елена Дмитриевна о своих детях, «детство и юность обоих братьев прошли под большим умственным и нравственным влиянием их отца... В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить своим детям, он отдавал им изумительно много двигающего вперед ум и душу...», в результате чего «с раннего детства братья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда...» (Корзун, 2011: 69-70). Отец математика А.А. Ляпунова (1911 г.р.), в силу обстоятельств вынужденный оставить научное поприще, постарался дать сыну широкое естественнонаучное образование, сам обучал астрономии, физике, математике (Воронцов, 2011: 60). Как справедливо отмечает Л.А. Бушуева, «во многом благодаря влиянию отцов в университетских семьях в рассматриваемый период (Казань до 1917 г. – Авт.) профессорская среда тяготела к наследственности» (Бушуева, 2012: 186). Известны случаи, когда отцы продолжали оказывать помощь, поддержку в научной жизни уже взрослым детям. Так, казанский славист М.П. Петровский после своей отставки «все свое время, весь внешний распорядок жизни... полностью подчинил распорядку жизни сына Нестора», начинающего слависта (Мягков, Макарова, 2006: 68).

С другой стороны, немаловажную роль в семьях играли матери и жены. К.С. Веселовский вспоминал, что именно матери обязан умению читать и писать по-русски и по-французски (Веселовский, 2010: 38). Встречаются примеры, когда супруга также занималась научной деятельностью, как, к примеру, жена историка Д.А. Корсакова – В.Д. Корсакова (Бушуева, 2012: 178). И если рождение и уход за детьми накладывали на это определенные ограничения, то существовали различные способы ее участия в научной работе мужа (переводы, поиск литературы и т.д.). Данные обстоятельства делают оправданной мысль В.П. Корзун о том, что умение женщины поддерживать интеллектуальную напряженность в семье, соучаствовать в научном пространстве может рассматриваться как «один из существеннейших элементов личного счастья» (Корзун, 2011: 84).

На семейный быт ученых семей влияли, однако, не только отношения по вертикали – родители–дети. Немаловажна была степень близости и между детьми. Данный фактор мог напрямую повлиять на будущее самой научной династии. Как кажется, особо теплые отношения между братьями Фортунатовыми позволили сохранить восприятие рода как единого целого в условиях неизбежного разрастания. Династические традиции Ляпуновых (математики, физики, врачи) в непростых условиях 1920-х гг. сохранялись благодаря тесным родственным связям. По словам Н.Н. Воронцова, «те, кто попадал в начале 20-х гг. в семью Ляпуновых, поражались обилию постоянно бывавших в доме родных и близких, разобраться в генеалогических связях между ними было совсем не просто..., но все они были хорошо знакомы друг с другом...» (Воронцов, 2011: 48). Напротив, конфликт Всеволода Соловьева с отцом С.М. Соловьевым, а также многолетняя вражда с братом Владимиром накладывает определенные ограничения на ретроспективное восприятие данной семьи как интеллектуальной династии (Соловьев, 1977: 41).

Наконец, следует сказать о межсемейной коммуникации. Особенности профессиональной деятельности, как правило, способствуют формированию особого круга общения коллег по университету, обусловленного потребностью интеллектуальной близости. Семьи ученых создают своеобразный альянс как на уровне повседневного общения, так и формируя родственные отношения. Так, к примеру, сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского Наталья Петровна стала женой Я.К. Грота. Ляпуновы в XIX в. породнились с семьей Сеченовых (Воронцов, 2011: 19). По словам Л.А. Бушуевой, «браки внутри университетской корпорации считались удачными для жениха и невесты» (Бушуева, 2012: 172). Безусловно, данный фактор способствовал не только расширению корпоративного пространства, но и укреплял символический капитал семьи, создавая «собирательный» образ династии. Не случайно Ю.А. Филипченко обратил внимание на то, что в анкетах выдающиеся ученые часто указывали на наличие «выдающихся родственников» (Филипченко, 1921а: 33).

В связи с этим закономерно задаться вопросом о потенциальной социальной монополии профессорской семьи в указанный период. Существуют примеры различного использования «родственного» ресурса в данной среде (Бушуева, 2012: 187). Известно, что практически все Фортунатовы преподавали в университете Шаняевского (начало XX в.). Однако этот факт был рассмотрен исследователями в позитивном ключе (Иванова, Агеева, 2019: 401). Пример столичного университета показывает, что до четверти вновь поступавших на службу из профессорско-преподавательского состава являлись выпускниками других учебных заведений. Таким образом, «система самопополняемости корпорации отнюдь не превращала ее в замкнутую кастовую структуру» (Ростовцев, Баринов, 2013: 37; Ростовцев, Баринов, 2012: 47-48). Тот факт, что научная династия не могла в этом плане обладать деструктивным потенциалом, демонстрируют и подсчеты Ю.А. Филипченко, согласно которым лишь 18 % детей ученых сами становились учеными (для семей выдающихся ученых этот показатель достигал 45 %) (Филипченко, 1921a: 30; Филипченко, 1921b: 17). Ограничивающим параметром здесь выступают, по нашему мнению, специальные когнитивные способности детей.

Социальные трансформации в России после 1917 г. оказали значительное воздействие на судьбу научных династий как социально-профессиональной группы. Данный период заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому пунктирно наметим некоторые сюжеты. Весьма значительный поток после революции составила научная эмиграция, создав зачастую чувствительные бреши в системе научной коммуникации. Особенно это касалось гуманитариев. Разрушенный быт отрицательным образом сказывался на повседневности, весьма затрудняя творческую деятельность ученых. К примеру, борьба за выживание И.А. Лаппо-Данилевского, с одной стороны, обуславливалась «волей к творчеству», с другой – колоссальное напряжение сил предопределило его ранний уход из жизни (Корзун, 2011: 41-43).

Для ученых, имеющих дворянское и иное непролетарское происхождение, возникли значительные трудности в личной и профессиональной реализации. Так, экономист К.Д. Корсаков, сын историка Д.А. Корсакова, с конца 1920-х гг. был неоднократно репрессирован, сгинул в тюрьме. А.А. Ляпунов через 1,5 года после поступления в МГУ (1928 г.) был вынужден уйти «из-за дворянского происхождения». И только другие обстоятельства помогли ему продолжить обучение (Воронцов, 2011: 87). Напротив, как показал В.В. Левченко на примере одесского Института народного образования, это время было исключительно благоприятным, к примеру, для формирования еврейских научных семей (Левченко, 2015: 154).

В целом, советская власть сознательно занималась конструированием только рабочих династий. Что касается интеллектуальных семей, то значительно менялся сам контекст их существования. Так, в силу потенциальной/реальной оппозиционности режим в принципе всяческими мерами, вплоть до репрессивных, препятствовал формированию потомственной интеллигенции. Но, обратим внимание еще на некоторые аспекты. Не случайно династии формировались в пространстве расширенных семей, в условиях традиционного общества. Ситуация модерна меняла сам «культурный код» семьи, ставшей в XX в. по преимуществу нуклеарной. Безусловно, советская наука как часть интеллигентной среды продуцировала и родственные связи, что с неизбежностью закладывало фундамент для династических практик. Однако менялось их восприятие. Как представляется, зачастую они имели, прежде всего, не социальное (большой клан), а личностно-идентификационное значение для ее членов. Наверное, ключом к пониманию данной трансформации служит признание историка Я.С. Лурье, представителя многопоколенной семьи гуманитариев: «И меня, как и их (деда и отца – Авт.) “мысли и взгляды” занимают больше, чем судьба друзей и родственников» (Лурье, 2004: 252), то есть причастность становилась более «идейной», обнаруживая себя через общность «мыслей». Сам образ династии мог совмещать как прежние унаследованные, так и новые достигаемые статусы. Характерно в этом контексте высказывание биолога К.Г. Скрябина: «Я хотел... продолжить семейную традицию и сделать нашу фамилию первой семьей академиков в трех поколениях» (Лесков, 2011: 87). Полагаем, что здесь скорее реализуется «номиналистическая» стратегия конструирования династии: таким образом происходило расширение каналов формирования соответствующего пространства.

С другой стороны, в советский период подспудно обнаруживалась традиционная преемственность, в рамках которой имплицитно воспроизводились ценности и организовывалось «физическое» пространство, характерное для профессорской культуры имперского периода. На примере семьи А.А. Ляпунова (1911–1973) укажем на некоторые из них: прежде всего, это неизмеримая любовь к науке, ощущение ее единства и могущества, отсюда энциклопедизм познаний. Как вспоминал младший друг семьи, описывая домашние вечерние встречи, «один и тот же человек мог рассказывать нам об особенностях греческого театра и о квантово-механическом соотношении неопределенностей». В данной семье продолжалась традиция воспитания детей через раннее приобщение к науке, тайнам мироустройства. Для своих дочерей (будущих докторов биологических наук) и их друзей Алексей Андреевич организовал так называемое «детское научное общество», вел домашний кружок, на котором дети выступали с докладами. Настоящей хозяйкой «открытого, разумного, гостеприимного и шумного Ляпуновского дома, унаследовавшего традиции предшествующих 2–3 поколений Ляпуновых» была жена Анастасия Савельевна Ляпунова, вносившая

организованность в эмоциональный склад жизни ученого мужа (Воронцов, 2011: 100, 131, 133). Характерным признаком повседневности таких домов оставались тесные межсемейные коммуникации. Правда, в условиях развития научных центров АН, имеет смысл говорить также об «академических» семьях и династиях.

5. Заключение

Междисциплинарные исследовательские стратегии, предлагающие специфический язык описания, дают новые возможности для изучения социального феномена научной династии. На их появление и распространение в России оказали существенные социально-экономические трансформации XIX в. В то время значительно возросла роль науки, умственного труда, и как следствие, значение научной интеллигенции как носителя данных ценностей. Первичными факторами зарождения династий выступили многодетность, специальные когнитивные способности детей, развитые в благоприятной атмосфере «ученых семей». Со II половины XIX в. повысилась роль родителей в образовательном и воспитательном процессе, где основным агентом династичности выступил глава семейства. Вместе с тем значительную роль в поддержании «интеллектуальной напряженности» в семье играли матери/жены. Одной из базовых характеристик явилось конструирование высокой книжной культуры детей, выражавшейся не только в приобщении к чтению как таковому, но и выработке первичных научных навыков. «Физическое» пространство династии формировалось отношениями не только между поколениями, но и внутри них. Зачастую будущий потенциал напрямую зависел от позитивных контактов между братьями, сестрами и т.д., когда в условиях неизбежного расширения рода сохранялись «живые» коммуникации. Межсемейные родственные связи внутри профессорской среды, являясь важным династическим фактором, тем не менее не позволяют говорить о научных династиях как социальных монополиях.

Социальные трансформации в России после 1917 г. в значительной мере повлияли на практики воспроизводства и повседневность династий в профессорско-академической среде. Неблагоприятная экономическая ситуация в 1920-е гг., идеологическое преследование выходцев из непролетарской среды, борьба с инакомыслием, демографические сдвиги создали иные условия конструирования династичности. С одной стороны, создаются новые каналы, с другой – во многом сохраняется и традиционная преемственность в семьях, воспроизводя социокультурные ценности предшествующего периода.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Литература

- Бронштэн, 1992 – Бронштэн В.А. Астрономическая династия Струве // *Земля и вселенная*. 1992. № 3. С. 61-67.
- Бушуева, 2012 – Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.
- Веремченко, 2008 – Веремченко В.А. Взаимоотношения родителей и детей в дворянских семьях России, вторая половина XIX – начало XX вв.: этапы эволюции // *Диалог со временем*. Вып. 23. М.: ЛКИ, 2008. С. 184-211.
- Веселовский, 2010 – Веселовский С.Б. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М.: АИРО–XXI, 2010. 536 с.
- Воронцов, 2011 – Воронцов Н.Н. А.А. Ляпунов. Очерк жизни и творчества. Окружение и личность. М.: Новый хронограф, 2011. 240 с.
- Гайворонский, 2015 – Научные и педагогические династии Южного федерального университета: в 2 т. / Авт.-сост. В.Г. Гайворонский. Ростов-на-Дону, 2015. Т. 1. 240 с.
- Гатилова, 2011 – Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском императорском университете // *Вестник КГУКИ*. 2011. № 3. С. 94-99.
- Зубова, 1998 – Зубова Л.Г. Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 1998. № 2. С. 47-53.
- Иванова, Агеева, 2019 – Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI веков // *Диалог со временем*. Вып. 66. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 392-404.
- Корзун, 2011 – Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
- Лаппо-Данилевский, 2013 – Лаппо-Данилевский К.Ю. Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // *Клио*. 2013. № 12. С. 84-101.
- Левченко, 2015 – Левченко В.В. Научная династия «одесских» Рубинштейнов – феномен мировой культуры / *Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура. Материалы международной научной конференции памяти Т.Л. Гуриной*. Санкт-Петербург, 26 апреля 2015 г. СПб., 2015. С. 151-158.

Лейкина-Свирская, 1976 – Лейкина-Свирская В.Р. К вопросу о выборе профессий интеллигенцией в России XIX в. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 209-219.

Лесков, 2011 – Лесков С.Л. Умные парни. М.: Время, 2011. 704 с.

Мостовая и др., 2019 – Мостовая И.В., Посухова О.Ю., Клименко Л.В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 70-82.

Мягков, Макарова, 2006 – Мягков Г.П., Макарова Н.П. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 62-76.

Никс, 2004 – Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 40 с.

Посухова, 2013 – Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100-103.

Посухова, 2018 – Посухова О.Ю. Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. № 7. С. 89-95.

Ростовцев, Баринов, 2012 – Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35-51.

Ростовцев, Баринов, 2013 – Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10. С. 36-41.

Соколов, 2007 – Соколов К.Б. Российская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб.: Нестор-история, 2007. 510 с.

Соловьев, 1977 – Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. 434 с.

Солодянкина, 2016 – Солодянкина О.Ю. Семейные традиции чтения (Бланки – Семеновы – Гроты) / Гротовские чтения. Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции, Самара, 22 октября 2015 г. Сб. тр. Самара, 2016. С. 74-85.

Филипченко, 1921a – Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся ученые // Известия бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22-38.

Филипченко, 1921b – Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5-21.

Чекурин, 1991 – Чекурин Л.В. Историческое краеведение. Историография и источниковедение. Учеб. пособие. М., 1991. 196 с.

Шенрок, 1911 – Шенрок В.И. К биографии Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах. СПб., 1911. С. 1-56.

References

Bronshthen, 1992 – Bronshthen V.A. (1992). Astronomicheskaya dinastiya Struve // Zemlya i vseennaya. [The Struves astronomical dynasty]. *Zemlya i vseennaya*. № 3. Pp. 61–67. [in Russian]

Bushueva, 2012 – Bushueva L.A. (2012). Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917 gg. [The daily life of a university professor in Kazan during 1863–1917]. Kazan. 288 p. [in Russian]

Chekurin, 1991 – Chekurin L.V. (1991). Istoricheskoe kraevedenie. Istoriografiya i istochnikovedenie [Historical local study. Historiography and source study]. Ucheb. posobie. M. 196 p. [in Russian]

Filipchenko, 1921a – Filipchenko Yu.A. (1922). Nashi vydayushchiesya uchenye [Our outstanding scientists]. *Izvestiya byuro po evgenike*. № 1. Pp. 22-38. [in Russian]

Filipchenko, 1921b – Filipchenko Yu. A. (1922). Statisticheskie rezul'taty ankety po nasledstvennosti sredi uchenykh Peterburga [Statistical results of the questionnaire on heredity among scientists of St. Petersburg]. *Izvestiya Byuro po evgenike*. № 1. Pp. 5-21. [in Russian]

Gaivoronskii, 2015 – Nauchnye i pedagogicheskie dinastii Yuzhnogo federal'nogo universiteta: v 2-kh t. [Scientific and pedagogical dynasties of the Southern Federal University: in two volumes]. (2015). Ed. V.G. Gaivoronskii. Rostov-n/D. T. 1. 240 p. [in Russian]

Gatilova, 2011 – Gatilova A.V. (2011). Nauchnye dinastii pol'skikh professorov i prepodavatelei v Kazanskom imperatorskom universitete [Scientific dynasties of the Polish professors and teachers of Kazan Imperial University]. *Vestnik KGUKI*. № 3. pp. 94-99. [in Russian]

Ivanova, Ageeva, 2019 – Ivanova T.N., Ageeva N.N. (2019). Rod Fortunatovykh: fortuna v kolese rossiiskoi istorii XVIII–XXI vekov [The Fortunatovs dynasty: fortune in the wheel of Russian history, the 18th – 21st cc.]. *Dialog so vremenem*. № 66. М.: IVI RAN. Pp. 392-404. [in Russian]

Korzun, 2011 – Korzun V.P. (2011). Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie. [Professor's family: Lappo-Danilevsky father and son]. SPb.: Aleteiya. 192 p. [in Russian]

- Lappo-Danilevskii, 2013** – *Lappo-Danilevskii K.Yu.* (2013). Sem'ya A.S. Lappo-Danilevskogo: istoki i traditsii [The Lappo-Danilevskys: the Family Origins and Tradition]. *Klio*. № 12. Pp. 84-101. [in Russian]
- Leikina-Svirskaya, 1976** – *Leikina-Svirskaya V.R.* (1976). K voprosu o vybore professii intelligentsiei v Rossii XIX v. [To the question of the choice of professions by the intelligentsia in Russia in the 19th century]. *Problemy istorii obshchestvennoi mysli i istoriografii*. K 75-letiyu akad. M.V. Nechkinoi. M. Pp. 209-219. [in Russian]
- Leskov, 2011** – *Leskov S.L.* (2011). Umnye parni. [Smart guys]. M.: Vremya. 704 p. [in Russian]
- Levchenko, 2015** – *Levchenko V.V.* (2015). Nauchnaya dinastiya "odesskikh" Rubinshteinov – fenomen mirovoi kul'tury [The Scientific Dynasty of the "Odessa" Rubinsteins is a phenomenon of World Culture]. *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriya, yazyki, traditsiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati T.L. Gurinoi*. Saint-Petersburg, 26 aprelya 2015 g., SPb., pp. 151-158. [in Russian]
- Mostovaya i dr., 2019** – *Mostovaya I.V., Posukhova O.Yu., Klimenko L.V.* (2019). Metodologicheskie aspekty issledovaniya professional'nykh dinastii v rossiiskom obshchestve [Methodological aspects of professional dynasties research in russian society]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. № 6. Pp. 70-82. [in Russian]
- Myagkov, Makarova, 2006** – *Myagkov G.P., Makarova N.P.* (2006). Otets i syn Petrovskie: dva pokoleniya kazanskoi shkoly slavyanovedeniya [Petrovsky father and son: two generations of Kazan school of Slavic studies]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. T. 148, kn. 4. Pp. 62-76. [in Russian]
- Niks, 2004** – *Niks N.N.* (2004). "Velik i blagoroden trud professora" (Zhizn' i deyatel'nost' moskovskoi professury vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.). [The mission of professor is great and noble (Life and work of Moscow professors in second part of the 19th and the beginning of the 20th century)]. Preprint WP6/2004/01. M.: GU VShE. 40 p. [in Russian]
- Posukhova, 2013** – *Posukhova O.Yu.* (2013). Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semeinykh strategii: inertsia ili preemstvennost'? [Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity?]. *Vlast'*. № 12. Pp. 100-103. [in Russian]
- Posukhova, 2018** – *Posukhova O.Yu.* (2018). Rol' professional'nykh dinastii v akademicheskoi srede rossiiskogo obshchestva [The role of professional dynasties in the academic environment of Russian society]. *Vlast'*. № 7. Pp. 89-95. [in Russian]
- Rostovtsev, Barinov, 2012** – *Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2012). Prepodavatel'skaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884–1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoi biografii. [Professors' corporation of the University of Moscow 1884–1916: the main features and problems of collective biography]. *Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.: Issledovaniya i dokumenty*. Tomsk: Tomsk University Press. Pp. 35-51. [in Russian]
- Rostovtsev, Barinov, 2013** – *Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2013). Istoriko-filologicheskii fakul'tet Peterburgskogo universiteta: problemy kollektivnoi biografii (1819–1917) [The Department of History and Philology of the St. Petersburg University: problems of collective biography (1819–1917)]. *Klio*. № 10. Pp. 36-41. [in Russian]
- Shenrok, 1911** – *Shenrok V.I.* (1911). K biografii N.Ya. Grota [For the biography of N.Ya. Grot]. Nikolai Yakovlevich Grot v ocherkakh, vospominaniyakh i pis'makh. SPb. Pp. 1-56. [in Russian]
- Sokolov, 2007** – *Sokolov K.B.* (2007). Rossiiskaya intelligentsiya XVIII – nachala XX vv.: kartina mira i povsednevnost' [The Russian intelligentsia of the 18th – early 20th centuries: a picture of the world and everyday life]. SPb.: Nestor-istoriya. 510 p. [in Russian]
- Solodyankina, 2016** – *Solodyankina O.Yu.* (2016). Semeinye traditsii chteniya (Blanki – Semenovyy – Groty) [Family reading traditions: The Blankis – The Semenovs – The Grots]. *Grotovskie chteniya. Materialy IV mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Samara, 22 oktyabrya 2015 g. Sb. tr. Samara. Pp. 74-85. [in Russian]
- Solov'ev, 1977** – *Solov'ev S.M.* (1977). Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva [Vladimir Solovyov: His Life and Creative Evolution]. Brussels. 434 p. [in Russian]
- Veremenko, 2008** – *Veremenko V.A.* (2008). Vzaimootnosheniya roditelei i detei v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vv.: etapy evolyutsii [The relationship of parents and children in the noble families of Russia of the second half of the 19th and early 20th centuries: stages of evolution]. *Dialog so vremenem*. № 23. M.: LKI. Pp. 184-211. [in Russian]
- Veselovskii, 2010** – *Veselovskii S.B.* (2010). Semeinaya khronika. Tri pokoleniya russkoi zhizni. [Family Chronicle. Three generations of Russian life]. M.: AIRO–XXI. 536 p. [in Russian]
- Vorontsov, 2011** – *Vorontsov N.N.* (2011). A.A. Lyapunov. Ocherk zhizni i tvorchestva. Okruzhenie i lichnost'. [A.A. Lyapunov. Sketch of the life and creativity. Environment and personality]. M.: Novyi khronograf. 240 p. [in Russian]
- Zubova, 1998** – *Zubova L.G.* (1998). Motivatsiya nauchnogo truda: rezul'taty tipologicheskogo analiza [Motivation of scientific work: results of typology analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. № 2. Pp. 47-53. [in Russian]

Научные династии в России XIX–XX вв.: особенности социального конструирования и практик воспроизводства

Дмитрий Петрович Исаев ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению научной династии как социального феномена в России XIX–XX вв. Используя инструментарий междисциплинарных исследовательских практик, автор выявляет базовые и эволюционные характеристики династий в условиях социально-исторических трансформаций указанного периода. Научная интеллигенция в XIX в. формирует новый тип личности в науке, социально притягательный образ ученого, таким образом создавая платформу для собственного воспроизводства как социально-профессиональной группы. Предпосылкой для появления целых династий являлась конструктивная профессиональная идентичность, развиваемая в семьях ученых. К их устойчивым признакам можно отнести многодетность, наличие специальных способностей детей, особую роль родителей как проводников династичности в образовательном и воспитательном процессе, формирование высокоинтеллектуальной книжной культуры. Особую роль в практиках воспроизводства семейных традиций играли позитивные семейные и межсемейные родственные коммуникации, создававшие расширенное династическое пространство и культурный капитал. По мнению автора, рассматривать научные династии дореволюционного времени как социальные монополии вряд ли представляется целесообразным. В рамках сравнительного подхода точно обращается внимание на советский опыт конструирования научных династий. К негативным обстоятельствам были отнесены экономические трудности начального времени, политико-идеологическая обстановка и др. В результате демографических и ментальных сдвигов формируются иные каналы династичного пространства, например, по принципу идейной общности. С другой стороны, как показано в работе, подспудно происходила реализация преемственности через традиционные ценности предшествующего периода.

Ключевые слова: научная династия, профессиональная династия, профессиональная идентичность, профессорская семья, культурный капитал, семейная коммуникация, социальная монополия, Ляпуновы, Фортунатовы.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: disaew@mail.ru (Д.П. Исаев)

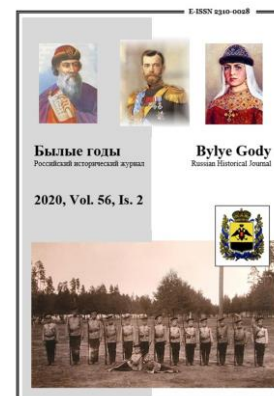
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 709-720. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.709
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the system of direct and indirect taxation of the indigenous population of the Central Asian suburbs of the Russian Empire on the basis of legal acts and records. It is emphasized that the tax policy in this ethno-region was an important component of the process of its modernization and was implemented in line with the government's discussion on the rationalization of the economy of national suburbs, increasing the efficiency of using their resources and reducing the center's costs for their maintenance. In this regard, during the 70s of the XIX – first decade of the XX century, the state took various measures aimed at increasing the total amount of tax payments by the indigenous population of the Steppe region and Turkestan. In the end, the regional model of taxation has acquired a number of distinctive features, including: various ways of calculating and paying taxes to nomadic and settled populations, granting them preferences in paying both direct and indirect taxes. The author comes to the conclusion that the solution to the problem of profitability of the Central Asian tax model was significantly hindered by a number of objective factors: understaffing of tax authorities – land-tax inspections, imperfect legislation that restricts the ability of tax authorities to collect taxes, inertia of regional authorities, peculiarities of the structure of employment and income of the population, etc. As a result, government circles were forced to recognize that using only data on Russia's expenditures and revenues in the Central Asian region could not objectively reflect its role in the General Imperial economy. Therefore, on the eve of the First world war, they stopped looking for ways to increase its profitability by increasing direct and indirect taxation of the indigenous population.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Turkestan, tax system, profitability, direct and indirect taxes.

1. Введение

На фоне не прекращающегося на протяжении XIX в. соперничества ведущих мировых держав на Среднем Востоке Центрально-Азиатский регион являлся приоритетным направлением внешней политики Российской империи (Charginova et al., 2020). Руководствуясь решением прежде всего геостратегических задач, российская политическая элита неизменно наращивала военное присутствие в Степном крае и Туркестане посредством формирования Сибирского и Семиреченского казачьих войск, а также регулярных воинских частей, на основе которых был образован Туркестанский военный округ.

Специфика политики России в Центрально-Азиатском регионе определила особый характер взаимосвязи центра и периферии, а также модель их бюджетно-финансовых отношений. В отличие от Царства Польского и Финляндии, где существовали автономные бюджеты, а имперское казначейство всегда претендовало на выплату определенного «взноса» в общую казну (Яснопольский, 1890; Сабуров, 1899; Правилова, 2006), бюджеты центральноазиатских

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

национальных окраин и метрополии не были разделены. С 60-х гг. XIX в. гражданская администрация Степного края и Туркестана, а также войска Туркестанского военного округа содержались за счет государственного казначейства, при этом его расходы почти в три раза превышали сумму доходных поступлений от региона. Так, за период 1867–1881 гг. в казну от Туркестанского генерал-губернаторства поступило 32423391 руб., между тем израсходовано 99546595 руб. Таким образом, дефицит за 12 лет составил 67123204 руб. ([Проект всеподданнейшего отчета...](#), 1885). В последующие 15 лет ситуация не изменилась, и, например, в 1881 г. доходы империи от Туркестана составили 4119491,69 руб., расходы – 13505951,28 руб., в 1885 г. доходы – 7106521 руб., расходы – 11105698,63 руб., в 1890 г. – доходы – 6609740,67 руб., расходы – 9227124,42 руб., 1895 г. – доходы – 7834481,7 руб., расходы – 10619018,85 руб. (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 11-27 об.).

Финансовое состояние центральноазиатских окраин не могло не привлекать внимание правительства. Оно рассматривалось в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики этнорегионов, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. Вопрос о повышении доходности Степного края и Туркестана особенно актуализировался после состоявшегося англо-русского разграничения Среднего Востока на сферы влияния. Рост их рентабельности в условиях крайне низкого регионального промышленно-экономического потенциала, по мнению правящей элиты, мог состояться только при условии увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения. Именно в данном контексте разворачивались все дискуссии и реформы, инициированные финансово-административными органами метрополии и Центрально-Азиатского региона в 80 гг. XIX – первое десятилетие XX вв.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе широкого круга исторических источников. Привлечение нормативно-правовых актов – Временных положений об управлении Степным и Туркестанским генерал-губернаторством, Устава о гербовом сборе и т.д. – позволило определить этапы эволюции и особенности системы налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи. Взгляды правительства на проблему повышения рентабельности региона представлены в отчетах сенаторских ревизий Туркестанского края, состоявшихся в 1882 и 1908 гг. под руководством Ф.К. Гирса и К.П. Кауфмана соответственно. Существенно дополняют данную информацию Всеподданнейшие отчеты степного и туркестанского генерал-губернаторов, военных губернаторов областей, межведомственная переписка, выявленные в РГИА. В совокупности делопроизводственные источники позволяют провести комплексный анализ системы прямого и косвенного налогообложения коренного населения исследуемого региона и оценить эффективность проводимых финансово-административными органами мероприятий, связанных с повышением его доходности.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать генезис и эволюцию системы налогообложения коренного населения Степного края и Туркестана как один из механизмов преобразования Российской империей традиционного социально-экономического пространства. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический, историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Накопление знаний по проблемам экономики центральноазиатских окраин России началось еще в имперский период. Целый ряд экономистов, статистов и исследователей уделял внимание вопросам поземельных отношений, аграрной колонизации региона, развития промышленного и перерабатывающего производства, банковской системы и т.д. ([Верховской, 1910](#); [Заорская, Александр, 1915](#); [Оглоблин, 1914](#); [Шахназаров, 1908](#)). Однако в рамках правительственной политики, связанной с превращением Степного края в объект крестьянской колонизации, а Туркестана – в хлопководческий регион, работы дореволюционных авторов носили прикладной характер и были нацелены на разработку конкретных рекомендаций правительству по совершенствованию аграрных преобразований в регионе. Поэтому налоговой политике в них уделялось незначительное внимание.

В советский период положения марксистско-ленинской методологии нацеливали исследователей на анализ сложных экономических процессов исключительно в контексте доказательств того, что центральноазиатские окраины являлись «рынком сырья» и «рынком сбыта» России-метрополии. Налоговая политика государства оценивалась как процесс усиления колониальной эксплуатации коренного населения и его экономического закабаления, поэтому внимание исследователей концентрировалось лишь на описании количества, видов, размеров налогов ([Вяткин, 1974](#)). Все это крайне сужало возможность проведения более глубокого анализа финансовых связей метрополии со Степным краем и Туркестаном, бюджетной политики правительства в отношении региона, эволюции налоговой системы в контексте повышения его рентабельности.

Весь спектр данных вопросов стал исследоваться только в современной историографии. Наиболее удачной попыткой их анализа следует считать работу Е. Правилевой, посвященную финансовой политике Российской империи в национальных окраинах ([Правилова, 2006](#)). Отдельные

аспекты налоговой политики России в Степном крае и Туркестане затрагивались в исследованиях Д.В. Васильева, Т.В. Котюковой, Ю.А. Лысенко, Б.А. Алимджанова (Васильев, 2018; Котюкова, 2010; Лысенко, 2013; Алимджанов, 2016). Вопросы эволюции налоговой системы в контексте проблемы повышения доходности центральноазиатских окраин и реализации правительственных мер в данном направлении в историографии не проводились.

4. Результаты

Проблема повышения рентабельности центральноазиатских окраин Российской империи затрагивала в первую очередь систему налогообложения коренных этносов, составлявших 80–95 % общей численности населения. Последняя начала формироваться с 20-х гг. XIX в. – с момента введения Уставов о сибирских и оренбургских киргизах и проведения первых административно-территориальных и налоговых преобразований в Казахской степи. Однако завершённую и более или менее унифицированную форму центральноазиатская модель прямого налогообложения населения приобрела в 60-гг. XIX в. в связи с принятием Временных положений об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а также областями Туркестанского генерал-губернаторства. Она юридически закрепила податный статус коренного населения и по своей структуре отражала особенности экономического уклада региона, подразделяясь на две составляющие: налоги для кочевого и налоги для оседлого населения.

По Временному положению об управлении областями Степного края 1868 г. кочевое население – казахи – выплачивало в пользу казны фиксированную кибиточную подать, составлявшую 3 руб. с юрты. Количественный состав семьи, проживающей в юрте, при этом не учитывался. Несмотря на то, что по закону состоялось огосударствление земельных ресурсов региона, пастбища предоставлялись в бессрочное и безвозмездное пользование кочевой общине. Таким образом исключалась возможность формирования частного владения пастбищными угодьями. Казахская община, согласно ст. 210, 234-235 Временного положения 1868 г., по взаимному согласию могла сдавать принадлежащие ей по праву пользования земли в аренду для земледелия, сенокосения и разработки месторождений полезных ископаемых. Размер земских сборов и повинностей для кочевников Степного края составлял 1,5 руб.

По Временному положению 1867 г. кочевое население Туркестанского края платило налог 2,75 руб. в пользу российской казны. Спустя два года в регионе дополнительно был введен земской сбор: кочевники Сырдарьинской области вносили его в размере 0,75 руб. с кибитки, в Семиреченской – 0,25 руб. с кибитки. По сведениям Туркестанской казенной палаты, в период с 1868 по 1874 гг. кочевники края в среднем выплачивали покибиточный налог в размере 665685 руб. в год. В степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств кочевники вносили 1,5 руб. покибиточной подати и земской сбор до 0,5 руб. с юрты (Отчет ревизирующего по высочайшему повелению..., 1883: 372-373).

На рубеже 70–80 гг. XIX в. ставшая очевидной низкая рентабельность центральноазиатских окраин Российской империи актуализировала вопрос о целесообразности увеличения налогового бремени на кочевое население региона. Главным аргументом властей в пользу положительного решения вопроса выступал тот факт, что материальное благополучие скотоводов увеличивалось за счет роста цен на скот. В частности, в 1881 г. в проекте всеподданнейшего отчета генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман отмечал, что «независимо от удовлетворения продовольственных и производственных потребностей киргизского населения скотоводство доставляет последнему доходы не менее 50 рублей средним числом на каждую кибитку». Поэтому налоговые выплаты в размере 4–6 рублей в год, которые выплачивали скотоводы в виде кибиточной подати, земских и общественных сборов, чиновник считал необременительными и потому допускал их увеличение (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 148).

Интересным представляется то, что во всеподданнейшем отчете К.П. Кауфман высказал идею о необходимости новых подходов к начислению налога для кочевого населения региона. Он предложил отказаться от кибитки как фискальной единицы и взять за основу налога либо размер пастбищного землепользования, либо «сороковину» – 2,5 % со стада, содержащегося кочевниками. «Кибитка, – отмечал он, – установленная как единица налогообложения не дает сама по себе никакого понятия о податных средствах киргизских плательщиков: это, с одной стороны, и богатое кочевое хозяйство и ...убогая «кепе» – первобытный шалаш из камыша, составляющий крайне жалкое помещение для семьи бедного егинши – хлебопашца». Исходя из этого К.П. Кауфман подчеркивал, что «кибиточная подать падает в одном случае на 100–200 десятинное киргизское пастбище, обеспечивающее содержание на подножном корму не менее 10 голов крупного рогатого скота и около 20–50 голов мелкого рогатого скота, в другом случае взимается с поля, для орошения которого нужен ежегодный значительный труд и на котором средний земельный участок не выходит за пределы 2–3 десятин» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 156 об.).

В случае сохранения кибиточной подати туркестанский генерал-губернатор считал целесообразным руководствоваться реальным земельным ресурсом того или иного уезда, той или иной области, а также «далеко не одинаковыми платежными средствами и благосостоянием

кочевников в разных местностях киргизской степи» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 156). Он также предлагал не начислять налог на крупный рогатый скот, который, как правило, разводили обедневшие слои кочевого населения, и полностью освободить от уплаты налога со скота кочевников, «не кочующих и живущих оседло». По подсчетам К.П. Кауфмана, «предполагаемая подать со скота по умеренной традиционной норме в 2,5 % его стоимости могла бы возрасти до 1599201,07 руб. в год», т.е. в два раза по сравнению с той суммой, которую выплачивали скотоводы Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 158-158 об.).

Как известно, предлагаемые К.П. Кауфманом меры, направленные на рост доходов региона, нашли практическое применение. Покибиточная подать была увеличена в 1882 г. в Туркестане, а четыре года спустя – в Степном крае. Кочевники стали платить 4 рубля с кибитки. При раскладке налогов, осуществлявшихся на аульных сходах, стало учитываться имущественное положение общинников – численность скота. Благодаря этому, в некоторых областях края беднейшие скотоводческие хозяйства освобождались от выплаты кибиточной подати, у остальных кибитковладельцев диапазон выплат колебался от 1 до 100 руб. Введенные изменения являлись легитимными, поскольку были утверждены специальным распоряжением генерал-губернатора Степного края в 1886 г. В конечном итоге это позволило снизить налоговую нагрузку на малоимущие слои казахского общества и сократить размеры недоимок (Всеподданнейший отчет по..., 1887: 14; Всеподданнейший отчет..., 1899: 24). Помимо кибиточной подати, в 80 гг. XIX в. был увеличен до 3 руб. земский сбор. Таким образом, общая сумма налоговых выплат скотоводов доходила до 7 руб. с кибитки.

В последующие годы центральные и региональные власти постоянно возвращались к проблеме увеличения доходности центральноазиатских окраин Российской империи за счет использования экономических ресурсов коренного кочевого населения. Например, ревизирующая Туркестанский край в 1882 г. сенаторская комиссия под руководством Ф.К. Гирса признавала, что решение об увеличении кибиточной подати до 4 руб. было принято скоропалительно и настаивала на том, что ее размер можно повышать без особой экономической нагрузки на кочевые хозяйства. Данный вывод подкреплялся тем, что проектируемая Степной комиссией в 60-е гг. XIX в. сумма налога с одной кибитки определялась стоимостью одного барана – 2,25 руб. По прошествии двадцати лет его цена в Туркестане возросла до 9 руб. (Отчет ревизирующего по высочайшему..., 1883: 374).

На рубеже XIX–XX вв. резкой критике стала подвергаться государственная политика невмешательства в раскладку и сбор налогов с коренного кочевого населения Центрально-Азиатского региона. Как уже указывалось выше, согласно ст. 308–309 Туркестанского положения 1886 г. и ст. 145 Степного положения 1891 г. раскладка суммы между отдельными кибитковладельцами должна была производиться один раз в три года на аульных сходах с учетом благосостояния плательщиков. Однако на практике данные законодательные нормы нарушались: аульные собрания не проводились, аульные старшины самостоятельно распределяли налоги, решения о распределении сумм кибиточного сбора и его поступлений документально не фиксировались. Все это порождало злоупотребления при раскладке окладов, «к явной выгоде богатых и влиятельных членов общества и в ущерб менее состоятельной части плательщиков» (Отчет по ревизии..., 1910: 18).

Решение совокупности данных проблем чиновники видели в усилении контроля за аульными и волостными старшинами в период покибиточных раскладок. Для этого в 1898 г. в должностные обязанности чиновников региональных налоговых органов было введено посещение аульных сходов во время раскладки подати. Также принимались меры к упорядочению документооборота в системе местного самоуправления. Аульным старшинам предписывалось направлять уездной администрации и податным инспекторам ведомости и о раскладках и выплатах кибиточного сбора (Лысенко, 2013: 179-180). Однако, по заключению сенаторской ревизии К.П. Палена Туркестанского края, состоявшейся в 1908 г., система налогового обложения коренного кочевого населения Степного края и Туркестана и в первые годы XX в. сохраняла все вышеуказанные недостатки. Все это непосредственно влияло на эффективность сбора налога и в целом снижало доходность региона (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 167 об.).

Формирование системы налогообложения коренного оседлого населения Туркестанского генерал-губернаторства осуществлялось региональными органами власти достаточно болезненно и медленными темпами. Ситуация объяснялась отсутствием кадастровой переписи земель региона и, таким образом, невозможностью податным инспекторам определять размеры землепользования отдельных хозяйств. Влияние на региональную налоговую политику оказывал и факт наличия различных категорий земельных ресурсов – поливных/ирригационных, неполивных/богарных, вакуфных. Кроме этого, территория генерал-губернаторства на протяжении 60–70 гг. XIX в. неизменно расширялась на счет ликвидации Кокандского ханства, аннексии отдельных территорий Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Это являлось дополнительным дестабилизирующим фактором, исключавшим возможность планомерного и последовательного проведения налоговой реформы.

Поэтому период 60 – середины 80 гг. XIX столетия характеризовался поиском российскими региональными органами власти оптимальной модели налогообложения земледельческого населения. При этом, как правило, ими продолжала использоваться традиционная система налогообложения, предполагавшая выплату танапного (налог на землю) и хараджного (налог на

урожай) сборов, в основе которых был заложен принцип подоходности. В 1869 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман впервые ввел ежегодную фиксированную сумму окладной поземельной подати по образцу раскладочной системы внутренних губерний Российской империи. 288504 рубля установленного налога были распределены между волостями на основе танапного и хараджного сборов. В последующие годы суммы окладной поземельной подати К.П. Кауфманом неизменно увеличивались, достигнув в 1882 г. 505024 руб. (Правилова, 2006: 167).

После включения в состав Туркестанского генерал-губернаторства Заравшанского округа данная модель была распространена и на его оседлое население. С 1877 г. оседлое население Амударьинского отдела было обложено оброком в размере 1 руб. 80 коп. с десятины без учета доходности земель. В Ферганской области в 1876–1881 гг. население уплачивало хараджный и танапный сборы. В 1881 году Кауфман поручил специальным организационным комиссиям ввести взамен этих сборов оброчную подать с обрабатываемых земель в размере 1/10 дохода. Поземельно-податные комиссии должны были измерить площади культурных земель и провести оценку их доходности (Правилова, 2006: 173). Таким образом, экспериментальным путем по мере закрепления позиций России в Туркестанском крае традиционная система налогообложения постепенно заменялась на новую модель начисления и выплаты налогов. На протяжении 60–70 гг. XIX в. размер налогов поступлений с коренного оседлого населения Туркестана варьировал от 1200000 до 1700000 рублей (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 377).

В 1882 г. ревизионная комиссия Ф.К. Гирса сформировала пакет рекомендаций, направленных на повышение доходности Туркестана за счет совершенствования системы налогообложения коренного оседлого населения. Принципиально новым подходом Комиссии стало предложение считать податной единицей не сельское общество, а отдельных владельцев земли и облагать исключительно доходность земли, а не размер земельного владения. Главным аргументом в пользу данного решения являлся тот факт, что «при интенсивности земледельческого хозяйства Средней Азии, состоящего в прямой зависимости от распределения ирригационной воды, один размер земли как предмет и норма обложения не имеет никакого значения, ибо в пределах оседлого Туркестана земля неорошаемая не имеет никакой ценности и никакого дохода» (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 390–391). Центральной задачей региональной администрации Комиссия видела необходимость скорейшего установления средней доходности земли в податных единицах – отдельных земледельческих хозяйствах (но не сельских обществ) – с последующим установлением налога в размере 1/10 валово-поземельного дохода с каждой податной единицы. Так же, как и у кочевого населения Центрально-Азиатского региона, распределение окладной подати на селение по отдельным хозяйствам Ф.К. Гирс предлагал предоставить самим жителям этих селений посредством выборных ими для этого лиц (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 391).

Рекомендации комиссии Ф.К. Гирса были приняты во внимание и закреплены в принятом в 1886 г. новом Положении об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Как отмечает Е. Правилова, «земельный вопрос был решен в пользу закрепления частной собственности на землю, обрабатываемую населением. Таким образом, понятие государственного оброка, введенное Кауфманом, стало неприменимо, так как подразумевало собственность государства» (Правилова, 2006: 177). Согласно Положению, все поливные (ирригационные) земли Туркестана, принадлежавшие как сельским обществам, так и отдельным землевладельцам, облагались государственным поземельным налогом в размере 1/10 средней валовой доходности участка. При этом учитывались площадь обрабатываемой земли, средняя урожайность участка и средние цены на продукцию, которую оно выращивало. Размер налога определялся на 6 лет. Неполивные (богарные) земли также облагались поземельным налогом с валовой доходности, но она исчислялась ежегодно в зависимости от собранного в платежном году урожая (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 59 об.).

В конце 1890-х гг. Министерство финансов вновь подняло вопрос об изменении положения окраин в бюджете Российской империи, в том числе Туркестана. С этой целью предлагалось завершить обложение поземельным налогом оседлое население региона и привлечь его к несению прочих повинностей. Выработкой рекомендаций и предложений по этому вопросу было поручено заняться Комиссии Кобеко, на основании работы которой к концу 90-х гг. XIX в. были подготовлены проект Положения об уездных поземельно-податных присутствиях в Туркестанском крае, проект изменений некоторых статей Положения об управлении 1886 г. и Правил о введении поземельно-податного устройства.

С финансовой точки зрения пакет представленных поправок и дополнений в действующее законодательство был нацелен на повышение доходности Туркестана посредством распространения поземельного обложения на неорошаемые/богарные земли, в том числе необрабатываемые, а также земли кочевников, перешедших к оседлому образу жизни. Как отмечает Е. Правилова, «для упрощения поземельно-податных работ изменялись способы определения доходности земли. Для усиления контроля и координации податного обложения учреждались уездные поземельно-податные присутствия и должности уездных землемеров. Не менее важной стороной внесенных Комиссией Кобеко предложений было регулирование процесса закрепления земель в собственность, которое было отчасти направлено на ограничение перехода земель в руки местного

населения. С этой целью требовалось провести межевание только тех участков, которые орошаются и используются владельцем» (Правилова, 2006: 179). Все богарные необрабатываемые земли, в том числе земли кочевников, автоматически считались государственными, и за их использование полагалось взимать плату.

В последующие годы региональные органы власти предпринимали попытки увеличения доходности с обрабатываемых поливных и неполивных земель. Для этого земельно-податные комиссии Туркестана на рубеже XIX–XX вв. активно проводили кадастровую перепись земель, при помощи должностных лиц туземной администрации и уездных начальников осуществлялось распределение запашек и земель на разряды для составления податных расчетов и т.д. В 1909 г. был принят закон, согласно которому налогообложению подлежали все неполивные и необрабатываемые земли, находящиеся в «постоянном, потомственном пользовании, владении и распоряжении коренного населения» в размере постоянных десятинных окладов (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 61 об.). Колониальная администрация предлагала также перейти к налоговым ставкам по чистой доходности, а не по валовой доходности с земель. Но, как отмечало Совещение, собранное при туркестанском генерал-губернаторе в 1909 г., для перехода к чистой доходности требовались дорогостоящие кадастровые работы, которые еще не были проведены в регионе повсеместно (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 51-51 об.).

Отдельное внимание в контексте проблемы повышения доходности Центрально-Азиатского региона уделялось вакуфному землевладению. Центральные и региональные органы власти осознавали, что вакуфное имущество является мощным источником финансового могущества мусульманского духовенства и религиозного фанатизма. Однако пойти на кардинальную ломку вакуфной системы российская администрация не решалась. Как отмечает Ш.Б. Мухамедов, вопрос о снятии вакуфных привилегий мог вызвать «с одной стороны, неблагоприятные последствия вследствие недовольства наиболее влиятельного и фанатичного класса населения – мусульманского духовенства, а с другой – с упразднением вакуфов правительству пришлось бы принять на себя содержание мусульманского духовенства и расходы на народное образование и общественное призрение, что едва ли было по силам администрации и средствам Государственного казначейства» (Мухамедов, 2015; 270).

Поэтому вакуфная система в регионе сохранялась. Согласно ст. 286 Туркестанского положения 1886 г., от государственного земельного и других видов налогов были освобождены вакуфные земли, не используемые под запашку. Ст. 299 определяла, что поземельный налог от вакуфных населенных земель сначала поступал в туркестанское казначейство, а затем переводился в распоряжение мусульманских организаций – владельцев вакуфов (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 46 об.). В 1894 г. постановлением Кабинета министров с вакуфных земель Туркестана были отменены хараджный и танашный сборы. Вместо них вводился существующий в крае государственный поземельный налог, который, согласно упомянутой выше ст. 299 Положения 1886 г., вносился налогоплательщиками в казначейство и затем по ассигнациям уездного начальника выдавался представителям вакуфных учреждений.

Стремление региональных органов власти к увеличению доходности Туркестана привело к тому, что в конце XIX в. они предприняли попытку получить юридическое право на отчуждение 1 % от земельного налога, собранного с вакуфных имуществ медресе в так называемый запасный вакуфный фонд. Данная инициатива была озвучена в феврале 1896 г. на заседании Совета туркестанского генерал-губернатора 3-м инспектором народных училищ В.П. Наливкиным. Выплаты в размере 1 % от доходов, по его мнению, следовало собирать с высших мусульманских учебных заведений – медресе, получавших прибыль от своих владений выше 1000 рублей в год. Вакуфный фонд чиновник предполагал направлять на поддержку региональной образовательной системы, прежде всего выплату зарплаты учителям русского языка в мусульманских школах, а также на улучшение материального состояния классов русского языка в них. Обсуждение данного предложения, инициированное генерал-губернатором Туркестана с привлечением к дискуссии военных губернаторов областей, завершилось признанием данной меры «несвоевременной и опасной» (Мухамедов, 2015; 282).

В контексте повышения доходности центральноазиатских окраин России в зоне пристального внимания региональных органов власти находилась проблема недоимок при сборе налогов как с кочевого, так и оседлого населения. Причиной их появления были экономические трудности, возникающие у населения в результате засухи или болезни скота, эпидемии малярии, налета саранчи, а также растраты собранных средств или их сокрытия представителями туземной администрации. Однако, по мнению региональной администрации, главной причиной неполнообъемных поступлений было игнорирование коренным населением российской налоговой системы и саботирование платежей. Особенно явственно саботаж проявился в Степном крае и Туркестане 1906–1907 г. на волне событий первой русской революции. В эти годы размеры недоимок по отдельным областям Центрально-Азиатского региона возросли до 25–50 % (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 45 об.).

Сборы, не выплаченные членами сельских обществ к концу установленного срока, согласно ст. 297–298 Туркестанского положения 1886 г., должны были взыскиваться принудительным порядком.

Законом сельское общество обязывалось в течение 2 месяцев после окончания срока внесения налога призвать неплательщика к его выплате, вплоть до принудительной продажи части движимого имущества. По истечении этого срока к решению проблемы подключались инспекторы поземельно-податных комиссий и уездные начальники (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 73). Как отмечает в связи с этим Е. Правилова, данные меры российского правительства основывались «на убежденности, что в Туркестане существует община с круговой порукой, как и во внутренних губерниях России. В 1887 г. генерал-губернатор Н.О. Розенбах даже ходатайствовал о законодательном закреплении в крае круговой поруки. Но Государственный совет отверг это предложение, сославшись на признанную уже нецелесообразность существования этого института в Европейской России» (Правилова, 2006: 184). Тем не менее весьма неточное представление о социальной организации потенциальных налогоплательщиков Туркестана и о том, что земледельческая община региона основывается не на земельных отношениях, а на общем водопользовании, приводила к просчетам, в данном случае в вопросах выплат недоимок.

Как свидетельствуют материалы сенаторских ревизий Ф.К. Гирса и К.П. Палена, на протяжении 70 гг. XIX – начала XX вв. механизмы проведения принудительных мер к выплате налогов разработаны не были. Из-за этого «постановления ст. 297–298 Положения 1886 г. относительно изыскания сборов с оседлых туземцев принудительными мерами остаются почти мертвой буквою» (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 42). Не был законодательно определен круг обязанностей волостных управителей, которым Положением 1886 г. предписывалось вести наблюдение за тем, как сельские старшины вели подробные списки недоимщиков, а сельских старшинам – способы изыскания недоимок. Уездная администрация также не получила должностных инструкций по данному вопросу.

Все это приводило к накоплению значительных долгов по выплатам налогов. Например, в Ходжентском уезде оклад государственного поземельного налога с ирригационных земель в 1905 г. составил 365960,3 руб., а сумма недоимочной задолженности населения с 1 января 1906 г. – 321547 руб., с 1 января 1907 г. – 274734 руб., с 1 января 1908 г. – 72184 руб.

В Ташкентском уезде Сырдарьинской области Туркестана за период 1892–1902 гг. за оседлым коренным населением скопилась сумма недоимок, равная 454642,78 руб. поземельного налога и 2402,52 руб. – земских выплат. Для решения проблемы и взыскания недоимок с населения уезда были созданы специальные комиссии, работавшие в 1906 и 1907 гг. По итогам их работы выяснилось, что главной причиной формирования такой суммы недоимок стала слабость надзора уездной администрации за деятельностью туземных должностных лиц, ответственных за сбор налогов. В частности, указывалось, что в сельских обществах не велись ежегодные списки недоимщиков, а уездным начальством – погодовой регистрации недоимочной задолженности каждого сельского общества. Сбор податей проводился без выдачи квитанций, квитанционные книги велись безграмотно, некоторые из них были утеряны. Нередко податные расчеты составлялись земельно-податными комиссиями на целые общества, а не на индивидуальные хозяйства, что приводило к тому, что составители раскладок нередко распределяли сумму платежей на несуществующие объекты обложения – брошенные участки (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 43 об.).

Несмотря на требования Министерства финансов усилить со стороны региональных органов власти контроль за взысканием недоимок по государственному поземельному и земскому налогам, проблема так и не была решена. Например, процентное соотношение недоимок в общей сумме государственного поземельного сбора по Туркестанскому генерал-губернаторству на 1 января 1908 г. составило 19,4 %, на 1 января 1909 г. – 24,6 %; по земскому сбору на 1 января 1908 г. – 24,1 %, на 1 января 1909 г. – 32,6 % (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 43 об.).

В целом отметим, что поиск оптимальной модели прямого налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи с целью повышения рентабельности региона занимал центральное место в деятельности административно-финансовых органов. Однако при этом также уделялось значительное внимание возможности увеличения доходов с региона за счет введения особых сборов и пошлин для физических лиц. Речь идет о гербовом сборе (Вородохин, 2014: 159–165)¹ и пошлине за совершение юридически значимых действий, связанных с государственной регистрацией прав собственности на имущество.

В центральноазиатских окраинах вопросы регулирования гербового сбора регламентировались Уставом о гербовом сборе, утвержденном в Российской империи в 1874 г. Однако в отношении коренного населения были введены особые установления, утвержденные в октябре 1876 г. мнением Государственного совета. Согласно принятому решению, в случае обращений коренного/мусульманского населения Туркестана к региональным органам по каким-либо вопросам,

¹ В бюджете Российской империи гербовый сбор играл не основную роль, однако затрагивал многочисленные и различные аспекты социальной и экономической деятельности населения империи. К ним относились дела, связанные с бракосочетанием и бракоразводным процессом, векселя (простые, переводные, кредитные, заграничные), денежные переводы, вклады, доверенности, договоры товарищества, договоры о неустойке, договоры аренды и т.д. Даже дипломы, которые выдавались учебными заведениями, подлежали оплате гербовым сбором.

а также в случае возникновения исковых дел между коренным населением, последнее освобождалось от уплаты гербового сбора и употребления гербовой бумаги.

Региональные органы власти Туркестанского края активно протестовали против введения данных льгот. Уже в 1877 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман в своем отношении к военному министру высказался за введение Устава о гербовом сборе в полном объеме «без всяких льгот и исключений». Его основным аргументом стал тот факт, что «туземцы края достигли» к тому времени «вполне достаточной степени благосостояния» и выплата ими гербового сбора «никоим образом не отразится на их материальном состоянии». Однако предложения К.П. Кауфмана были признаны в Военном министерстве несвоевременными, так как шедшая в этот период очередная русско-турецкая война могла спровоцировать «брожения среди мусульманского населения края» в случае ужесточения налогового бремени (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 73 об.).

К вопросу о введении Устава о гербовом сборе в Туркестанском генерал-губернаторстве в полном объеме вернулись вновь в 1882 г. Вопрос стал предметом специального обсуждения на специально созванном совещании при Государственном совете. Но положительного решения по нему так и не было принято. Более того, в новой редакции Устава о гербовом сборе, принятой в Российской империи в 1885 г., в отношении туземного населения Туркестана ряд исключений о его уплате был сохранен (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 73 об.). В 1905 г. данные исключения были вновь законодательно закреплены Высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Согласно закону, «1. Всякие договоры, сделки и обязательства, вносимые в книги народных судей в областях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернатора, на сумму не выше 300 руб., а также выписки из означенных книг, копии договоров, сделок и обязательств, когда сумма оных не превышает 50 руб., освобождались от гербового сбора. 2. Указанные выписки и копии, касающиеся сделок на сумму 50–100 руб., подлежат простому гербовому сбору в 6 копеек за каждый лист, касающиеся сделок на сумму 100–200 руб. – в 10 коп, свыше 200 руб. – в 15 коп.» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 71).

Аналогичная ситуация складывалась и в вопросе отмены преференций для коренного населения Степного края и Туркестана на введенную в 1882 г. пошлину с переходящих имуществ, т.е. за государственную регистрацию прав собственности на имущество. В юридической терминологии эпохи пошлины с переходящих имуществ делились на крепостные пошлины, взимаемые при продаже недвижимого имущества, и пошлины с безвозмездного перехода имущества – от одних лиц к другим путем наследования и дарения.

Крепостная пошлина выплачивалась коренным населением только в том случае, если продаваемый земельный участок оценивался на сумму свыше 300 руб. Законом 1900 г. от платежа не только крепостных пошлин, но и гербового сбора освобождались акты об отчуждении в Туркестане земельных участков вне городских поселений стоимостью по договорной цене или на сумму, превышающую 300 руб., и акты безвозмездного перехода имущества. Туркестанские генерал-губернаторы в конце 80–90 гг. XIX в неоднократно выходили на Министерство финансов с предложением внести поправки в действующее законодательство. Сохранив оформление сделок о переходе движимого и недвижимого имущества у туземцев в ведении народных судей, они считали рациональным обязать последних «осуществлять установленный в империи сбор крепостных и наследственных пошлин». Однако реакции со стороны административно-финансовых органов не последовало (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 72 об.).

В условиях постоянной борьбы за повышение финансовой доходности центральноазиатских окраин инертность властных имперских структур в данном вопросе могла бы показаться странной. На самом деле они исходили из реальной ситуации на рынке недвижимости Туркестана, центральной проблемой которого являлось отсутствие в крае отлаженного механизма оценки стоимости имущества. Объективно невозможно было изъятие юридического оформления сделок, связанных с государственной регистрацией прав собственности на имущество, из ведения туземной администрации, поскольку в регионе не была создана альтернативная юридическая структура. Высказывались предположения и о том, что «поручать народным судьям сбор таких пошлин в условиях низкой степени их культурно-этического развития невозможно», тем самым намекая на неизбежность нарушений и сокрытие собранных с уплаты сбора и пошлины сумм (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 72 об.).

Что касается кочевого населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, то в условиях «особенностей его быта, создающего препятствия для учета скота, который только и может быть единственным предметом обложения наследственными пошлинами», а также «полной невежественности и малограмотности биев, на которых было по проекту возложено исчисление и взыскание пошлин, и известной склонности их к злоупотреблениям», региональные финансовые органы признали невозможным распространить на данную социальную группу действия Положения о пошлинах с перехода имущества (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 74 об.).

Департамент окладных сборов Министерства финансов трижды – в 1895, 1903 и 1905 гг. – возбуждал обсуждение вопроса об отмене льгот для коренного населения центральноазиатских окраин в выплате особых сборов и пошлин, однако никаких положительных решений по нему не последовало.

Помимо того, что коренное население Степного и Туркестанского генерал-губернаторств имело привилегии по косвенному обложению, оно было также освобождено от воинской повинности (Лысенко, 2012). В ситуации постоянного поиска имперскими властями источников повышения доходности этнорегиона вполне оправданной стала казаться идея о привлечении его мусульманского населения к участию в общеимперских военных издержках в форме выплаты особого «военного налога». Данная практика уже была апробирована Россией в Финляндии и Польше, выплачивавших свой «долг» империи в форме пособий из окраинных казначейств (Правилова, 2006:187).

Впервые с предложением о введении военного налога в Туркестане выступил генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в 1879 г. На межведомственный уровень его обсуждение было вынесено в 1884 г. в связи с подготовкой нового проекта Положения об управлении Туркестанским краем. Однако меру признали преждевременной, и налог не был введен. Ситуация изменилась в 1886 г., когда Государственный совет принял решение о распространении действия закона о воинской повинности на Закавказье. Мусульманское население обязывалось вместо поставки новобранцев уплачивать военный налог в размере 528 тыс. руб. в год. На этой волне в 1891 г. новый проект введения военного налога для мусульман Туркестана предложил генерал-губернатор А.Б. Вревский.

По аналогии с принятыми в Закавказье нормами обложения администратор предлагал и в Туркестане начислять военный налог на каждые два человека с 1000 человек мужского населения, всего от общей численности мусульманского мужского населения – на 2600 человек ежегодно. Расчет суммы налога производился из среднего ежегодного заработка по региону – 30 руб., умноженного на 5 лет срока службы. Таким образом, по прогнозам А.Б. Вревского общая сумма военного налога могла составить 390 тыс. руб. в год или 12,5 % от взимавшегося в Туркестане поземельного налога и кибиточной подати (Котюкова, 2010: 55-56).

Как отмечает Е. Правилова, дальнейшее лоббирование вопроса в имперских административно-финансовых органах натолкнулось на межведомственное противоборство по вопросу адресата – получателя военного налога. А.Б. Вревский считал, что собранные от взимания налога суммы должны оставаться в местном бюджете и расходоваться, прежде всего, на решение региональных проблем – ирригацию и устройство путей сообщения. Министр финансов И.А. Вышнеградский был убежден, что денежные поступления по военному налогу необходимо переводить в Государственное казначейство. Со своей стороны, Главный штаб Военного министерства потребовал перечисления сумм военного налога в специальный фонд военного ведомства. Именно туда поступали средства, полученные от обложения мусульманского населения Кавказского края, которые в дальнейшем расходовались «на устройство туземных частей войск». Свои рассуждения по данному вопросу военный министр основывал также на том, что проектируемая сумма военного налога была несущественной как для общеимперского, так и для регионального бюджета и в целом не могла представлять интереса для фиска (Правилова, 2006: 189). Межведомственные противоречия затягивали положительное решение вопроса.

Только накануне русско-японской войны Министерство финансов направило в военное ведомство проект закона «Об установлении особого налога с населения Туркестана взамен отбывания воинской повинности». К его обсуждению приступили уже после ее окончания – в 1908 г. После рассмотрения на совещании при туркестанском генерал-губернаторе П.И. Мищенко законопроект также был одобрен и на региональном уровне (Котюкова, 2010: 57). Однако его передача в Государственную думу не состоялась. Это было связано с изменением позиций политической элиты в вопросе о целесообразности и рациональности привлечения коренного населения Сибири, Степного края и Туркестана к военной службе в рядах российской армии. С началом Первой мировой войны было принято окончательное решение о привлечении инородцев к тыловым работам. Вопрос о военном налоге больше не обсуждался.

5. Заключение

Налоговая политика Российской империи в Центрально-Азиатском регионе являлась важной составляющей процесса его модернизации. Она реализовывалась в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики национальных окраин, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. Вопросы повышения рентабельности налоговой системы Степного края и Туркестана еще более актуализировались с началом англо-русского разграничения Среднего Востока. Поэтому начиная с 80-х гг. XIX в. государство активно обсуждало механизмы укрепления финансово-бюджетных связей метрополии с Центрально-Азиатским регионом, в том числе через создание системы прямого и косвенного налогообложения коренного населения, близкой к общеимперским стандартам.

Однако сформированная к 1917 г. региональная модель налогообложения коренного населения Степного края и Туркестана так и не стала унифицированной и приобрела ряд отличительных черт, что представляется вполне закономерным. Во-первых, она учитывала особенности традиционной экономики, опосредованной физико-географическим фактором. Поэтому системы начисления и выплаты налогов кочевым и оседлым населением значительно отличались друг от друга. Во-вторых, на их эволюцию существенное влияние оказывали исламофобские настроения части российской политической элиты и связанные с этим опасения вызвать недовольство мусульманского населения

проводившимися реформами. Этим объясняется ряд преференций в выплатах как прямых, так и косвенных налогов коренным жителям, которые были незыблемыми даже в ситуации постоянной правительственной дискуссии об увеличении налоговых сборов в регионе.

Кроме этого, решение проблемы рентабельности центральноазиатской налоговой модели значительно сдерживал ряд объективных факторов: не укомплектованность кадрами налоговых органов – поземельно-податных инспекций, несовершенство законодательства, ограничивающего возможности налоговых органов в сборе налогов, инертность региональных властей, особенности структуры занятости и доходов населения и т.д.

Поэтому вплоть до 1917 г. Центрально-Азиатский регион оставался дотационным в имперском бюджете. Лишь однажды, в 1909 г., российская казна получила от Туркестанского края прибыль в один миллион рублей (1/136 часть от всех государственных доходов). По данным дореволюционной статистики, в 1913 г. население центральноазиатских окраин, в том числе русское, составлявшее 6,3 % от общей численности населения империи, выплачивало в общероссийскую казну 2,3 % от общей суммы государственных налоговых поступлений. Налоговое бремя на душу населения составляло в регионе 2,5 руб. В то время как в Европейской России данный показатель равнялся 6,7 руб. на душу населения, в Привислинском крае (Польша) – 14,56 руб., в Прибалтийском крае – 28,17 руб. (Захаров, Петров, Шаццлло, 2006: 214).

В конечном итоге правительственные круги были вынуждены признать, что использование только данных о расходах и доходах России в Центрально-Азиатском регионе не может объективно отражать его роль в общеимперской экономике. Накануне Первой мировой войны они прекратили поиск средств повышения его рентабельности за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»).

Литература

Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2016. 53 с.

Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.

Верховской, 1910 – Верховской Н.П. Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам. СПб., 1910. 83 с.

Вородюхин, 2014 – Вородюхин С.Е. Роль гербового сбора в бюджете Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 3. С. 159-165.

Всепопданнейший отчет по..., 1887 – Всепопданнейший отчет по Акмолинской области за 1887 г. СПб., 1888. 69 с.

Всепопданнейший отчет, 1899 – Всепопданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1898 г. СПб., 1899. 98 с.

Вяткин, 1974 – Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историографический очерк. Фрунзе, 1974. 262 с.

Заорская, Александер, 1915 – Заорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. 557 с.

Захаров и др., 2006 – Захаров В.Н., Петров Ю. А., Шаццлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX веков. М., 2006. 294 с.

Котюкова, 2010 – Котюкова Т.В. «К воинской повинности они питают непреодолимое отчуждение». Освобождение народов Туркестана от военной службы в конце XIX – начале XX веков // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 55-61.

Лысенко, 2012 – Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2 (76/2). С. 158-161.

Лысенко, 2013 – Лысенко Ю.А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 176-183.

Мухамедов, 2015 – Мухамедов Ш.Б. Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887–1917): причины фиаско // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 266-299.

Оглоблин, 1914 – Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. М., 1914. 80 с.

- Отчет по ревизии..., 1910** – Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления. Спб., 1910. 301 с.
- Отчет ревизующего по высочайшему повелению..., 1883** – Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. Спб., 1883. 463 с.
- Правилова, 2006** – *Правилова Е.А.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.
- Проект всеподданнейшего отчета..., 1885** – Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 г. – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. 503 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сабуров, 1899** – *Сабуров Я.* Материалы для истории русских финансов, 1866–1897. СПб., 1899. 209 с.
- Яснопольский, 1890** – *Яснопольский Н.П.* О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. СПб., 1890. Т. 2. 236 с.
- Шахназаров, 1908** – *Шахназаров А.И.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае. Спб., 1908. 512 с.
- Charginova et al., 2020** – *Charginova G.O., Mahaevab A.Sh., Kubeyev R.D., Bazarbayev K. K.* The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the TurkestanGovernor-General of the Russian Empire // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 55. Is. 1. pp. 142-151.

References

- Alimdzhанov, 2016** – *Alimdzhанov B.A.* (2016). Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina KhIX – nachalo XX vv.) [The economic policy of the Russian Empire in Turkestan governor-general (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Avtoref. diss. ... k.i.n. SPb. 53 p. [in Russian]
- Charginova et al., 2020** – *Charginova G.O., Mahaevab A.Sh., Kubeyev R.D., Bazarbayev K.K.* (2020). The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the TurkestanGovernor-General of the Russian Empire. *Bylye Gody.* Vol. 55. Is. 1. Pp. 142-151. [in Russian]
- Kotyukova, 2010** – *Kotyukova T.V.* (2010). «K voinskoy povinnosti oni pitayut nepreodolimoye otchuzhdeniye». Osvobozhdeniye narodov Turkestana ot voyennoy sluzhby v kontse XIX – nachale XX veka. [“For conscription, they have an irresistible alienation.” The liberation of the peoples of Turkestan from military service in the late XIX – early XX century]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal.* № 12, pp. 55-61. [in Russian]
- Lysenko, 2012** – *Lysenko Yu.A.* (2012). Vopros o voinskoy povinnosti dlya kazakhskogo naseleniya (70-eg. XIX – nachalo XX v.). [The issue of military service for the Kazakh population (70s of the XIX - beginning of the XX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* №4/2 (76/2), pp. 158-161. [in Russian]
- Lysenko, 2013** – *Lysenko Yu.A.* (2013). K voprosu o nalogovoy politike Rossiyskoy imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva [On the tax policy of the Russian Empire in relation to the Kazakh society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 4–2 (80), pp. 176–183. [in Russian]
- Mukhamedov, 2015** – *Mukhamedov Sh.B.* (2015). Sovet Turkestanskogo general-gubernatora i opredeleniye taktiki i strategii v reshenii vakufnogo voprosa v Turkestane (1887–1917): prichiny fiasko [The Council of the Turkestan Governor-General and the definition of tactics and strategy in resolving the waqf issue in Turkestan (1887–1917): the reasons for the fiasco]. *Metamorfozy istorii.* № 6, pp. 266-299. [in Russian]
- Ogloblin, 1914** – *Ogloblin V.N.* (1914). Promyshlennost i trgovlya Turkestana [Industry and trade of Turkestan]. Moscow, 80 p. [in Russian]
- Отчет по ревизии..., 1910** – Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления [Report on the audit of the Turkestan Territory by Count K.K. Palenom. Taxes and duties. Bodies of financial management]. Sant-Peterburg, 1910, 301 p. [in Russian]
- Отчет, ревизующего по высочайшему повелению..., 1883** – Отчет, ревизующего по высочайшему повелению, Туркестанский край тайного советника Гирса [Report. auditing at the highest command. Turkestan Territory of Privy Advisor Girs]. Sant-Peterburg, 1883, 463 p. [in Russian]
- Правилова, 2006** – *Правилова Е.А.* (2006). Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах. 1801–1917 [Empire finance: money and power in the politics of Russia outskirts]. М., 453 p. [in Russian]
- Проект всеподданнейшего отчета..., 1885** – Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г. – 25 марта 1881 г. [Draft of the most comprehensive report of Adjutant General K.P. von Kaufman on civil administration and organization in the areas of Turkestan Governor General. November 7, 1867 – March 25, 1881]. Sant-Peterburg, 1885, 503 p. [in Russian]
- РГИА** – Российский государственный исторический архив. [Russian State Historical Archive].
- Сабуров, 1899** – *Сабуров Я.* Материалы для истории русских финансов. 1866–1897. [Materials for the history of Russian finance. 1866–1897]. Sant-Peterburg, 1899, 209 p. [in Russian]
- Шахназаров, 1908** – *Шахназаров А.И.* (1908). Сельское хозяйство в Туркестанском крае. [Agriculture in Turkestan]. Sant-Peterburg, 512 p. [in Russian]

Vasilyev, 2018 – Vasilyev D.V. (2018). Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v. [The burden of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Second half of the XIX century]. M., 636 p. [in Russian]

Verkhovskoy, 1910 – Verkhovskoy N.P. (1910). Khlopkovodstvo v Turkeстане i perevozka khlopka po Tashkentskoy i Sredneaziatskoy zheleznym dorogam [Cotton growing in Turkestan and cotton transportation along the Tashkent and Central Asian railways]. Sant-Peterburg, p. 83. [in Russian]

Vorodyukhin, 2014 – Vorodyukhin S.E. (2014). Rol' gerbovogo sbora v byudzhete Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [The role of stamp duty in the budget of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3, Pp. 159-165. [in Russian]

Vsepoddanneyshey otchet po..., 1887 – Vsepoddanneyshey otchet po Akmolinskoy oblasti za 1887 g. [The most comprehensive report on the Akmola region for 1887]. Sant-Peterburg, 1888. 69 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshey otchet..., 1898 – Vsepoddanneyshey otchet po Akmolinskoy oblasti za 1898g. [The most comprehensive report on the Akmola region for 1898]. Sant-Peterburg, 1899. 98 p. [in Russian]

Vyatkin, 1974 – Vyatkin M.P. (1974). Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Sredney Azii. Istoriograficheskiy ocherk [Social and economic development of Central Asia. Historiographical essay]. Frunze, 262 p. [in Russian]

Yasnopolskiy. 1890 – Yasnopolskiy N.P. (1890). O geograficheskom raspredelenii gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov v Rossii [On the geographical distribution of government revenues and expenses in Russia]. Sant-Peterburg, T. 2, 236 p. [in Russian]

Zakharov et al., 2006 – Zakharov V.N., Petrov Yu. A., Shatsillo M.K. (2006). Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka [History of taxes in Russia. IX – the beginning of the XX century]. M., 294 p. [in Russian]

Zaorskaya, Aleksander, 1915 – Zaorskaya V.V., Aleksander K.A. (1915). Promyshlennyye zavedeniya Turkestanskogo kraya [Industrial institutions of the Turkestan region]. Pg., 557 p. [in Russian]

Система налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи и проблема рентабельности региона (70-е гг. XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации анализируется система прямого и косвенного налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи. Подчеркивается, что налоговая политика в данном этнорегионе являлась важной составляющей процесса его модернизации и реализовывалась в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики национальных окраин, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. В связи с этим на протяжении 70-х гг. XIX – первого десятилетия XX вв. государством предпринимались различные механизмы, направленные на повышение общей суммы налоговых выплат коренным населением Степного края и Туркестана. В конечном итоге региональная модель налогообложения приобрела ряд отличительных черт, среди которых различные способы начисления и выплаты налогов кочевым и оседлым населением, предоставление ему преференций в выплатах как прямых, так и косвенных налогов. Автор приходит к выводам, что решение проблемы рентабельности центральноазиатской налоговой модели значительно сдерживал ряд объективных факторов: не укомплектованность кадрами налоговых органов – поземельно-податных инспекций, несовершенство законодательства, ограничивающего возможности налоговых органов в сборе налогов, инертность региональных властей, особенности структуры занятости и доходов населения и т.д. В результате правительственные круги были вынуждены признать, что использование только данных о расходах и доходах России в Центрально-Азиатском регионе не может объективно отражать его роль в общеимперской экономике. Поэтому накануне Первой мировой войны они прекратили поиск средств повышения его рентабельности за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, налоговая система, рентабельность, прямые и косвенные налоги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

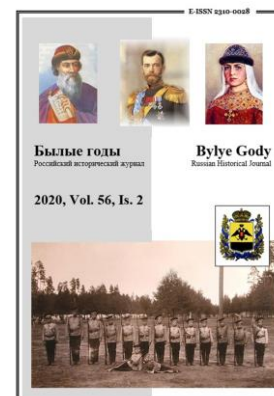
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 721-733. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.721
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Tula City Public, I. D. Sushkina, Bank. From the History of Provincial Banks in Pre-Revolutionary Russia

Ekaterina A. Nazirova ^{a, *}, Nadezhda I. Shelkoplyasova ^a

^a Financial University, Tula Branch, Tula, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the history of urban public banks in provincial Russia in the second half of the XIX century. Their opening during the period of early industrial capitalist modernization was due to the government's desire to provide funding for the activities of local governments. The article examines the process of establishment, functioning and ruin of Tula City I.D. Sushkin Public Bank. On the bases of the information of primary documents and indicators of financial statements, the dynamics of operations of a credit institution is analyzed. It is established that in the period from 1871 to 1880 the Bank's activity was quite successful. Since 1880, there had been a violation of the ratio of accounts receivable and accounts payable. In 1883, active operations prevailed over passive ones by more than 1 million rubles. In the conditions of the industrial and economic downturn of the 1890s, a mass withdrawal of deposits began. An attempt to sell promissory notes and mortgaged property revealed the hopelessness of mortgage securities and the insolvency of debtors. Inept ruling of the Bank's management Board led to the bankruptcy of the credit institution and legal proceedings. The management of the credit institution was excluded from the merchant class, deprived of the title of "Honorary citizen of Tula city" and sentenced to six years of exile in Siberia. The sale of the confiscated property did not compensate the depositors' losses in full. In the process of working with the documents, the authors found that the reasons for the bankruptcy were: imperfection of legislation designed to regulate this sphere of public relations, lack of proper control by the Ministry of Finance, incompetence and negligence of Bank employees.

Keywords: city public banks, credit institutions, Tula province, the second half of the XIXth – early XXth centuries, merchants, the Sushkins, bankruptcy, court proceedings.

1. Введение

Во второй половине XIX в. российская банковская система, составной частью которой являлись муниципальные кредитные учреждения, находилась в состоянии практического поиска оптимальной модели функционирования. Опыт их деятельности не всегда был положительным. Многие банки разорились, однако, анализ произошедшего позволил усовершенствовать принцип функционирования данного типа финансово-кредитных учреждений, а также механизм их правового регулирования и государственного контроля.

На данный период региональный уровень финансово-кредитной системы Российской империи изучен не в полной мере. Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием научных работ по истории городских общественных банков Тульской губернии XIX в.

2. Материалы и методы

Источниками, позволившими изучить основные направления деятельности Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка, определить причины его финансовой

* Corresponding author

E-mail addresses: ENazyrova@fa.ru (E.A. Nazirova), Schelkopliasova2015@yandex.ru (N.I. Shelkoplyasova)

неустойчивости и банкротства, являются архивные материалы, законодательные документы, периодическая печать и мемуары.

В основу данной работы легли статистические материалы и делопроизводственные документы фондов 364 и 156 государственного учреждения «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Фонд «Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк» (ф. 364) располагает 97 единицами хранения. Журналы банка с 1871 по 1886 г. позволяют узнать о положении дел в кредитном учреждении с момента основания до признания его несостоятельным. Книги записей вкладов и дела об открытии кредита хранят фамилии лиц, пользовавшихся услугами банка. Отчеты о движении денежных средств и оборотов капитала и ведомости к ним дают представление об объемах прихода и расхода, балансе на начало и конец года. Протоколы заседаний банка за 1885–1886 г. свидетельствуют о том, что 25 июня 1886 года банк был признан несостоятельным, его дела были переданы вначале присяжным попечителям, а затем в конкурсное управление.

Фонд «Конкурсное управление по делам несостоятельного Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка (ф. 156) содержит 163 единицы хранения. Несмотря на то, что конкурсное управление было учреждено 04.11.1886 г., в фонде имеются документы, раскрывающие особенности функционирования кредитного учреждения с 1879 г. На историю взаимоотношений между правлением и вкладчиками проливают свет протоколы общих собраний кредиторов, дела о рассмотрении претензий учреждений, церквей, монастырей и частных лиц на вклады по билетам. В фонде хранятся подлинные векселя, подтверждающие факт получения денежных средств. Документы позволяют определить размеры вкладов, установить социальный состав вкладчиков. Дела о рассмотрении претензий свидетельствуют о том, что в 1886 г. большая часть залогового имущества оказалась неликвидной.

Важная роль в написании статьи принадлежит опубликованным источникам. К ним, прежде всего, относятся отчеты правления банка, заключения ревизионных комиссий, адрес-календари, обзоры, памятные книжки. Анализ справочно-статистических источников позволил получить общее представление о городских общественных банках Тульской губернии изучаемого периода. Большой вклад внесла информация, размещенная в периодических изданиях. В официальном органе Тульского губернского правления – газете «Тульские губернские ведомости» – публиковались изменения в законодательстве, годовые отчеты о деятельности кредитного учреждения. Сопоставление опубликованных данных финансовой отчетности банка, размещенных в «Тульских губернских ведомостях», и заключений ревизионной комиссии Городской думы позволяют выявить причину финансовой неустойчивости и банкротства банка.

Важным источником исследования выступает законодательная база. Знакомство с ней позволяет определить роль правового регламентирования в функционировании данного вида кредитных учреждений.

В качестве источников использованы мемуары непосредственных участников судебного разбирательства по делу обанкротившегося банка. Яркие, эмоциональные воспоминания очевидцев тех событий – прокурора Н.В. Давыдова и адвоката С.А. Андреевского – дают возможность определить роль банка в жизни горожан и судьбе людей, на чьи деньги он был основан и по чьей вине прекратил свое существование.

Перечисленные источники позволяют с достаточной полнотой и достоверностью установить основные аспекты деятельности изучаемого объекта.

Методологической основой исследования процесса возникновения и развития отдельного финансово-кредитного учреждения с момента открытия до ссылки его учредителей в Сибирь явился принцип историзма, позволивший рассмотреть региональный материал в контексте истории страны. В процессе изучения деятельности Тульского городского общественного, Ивана Денисовича Сушкина, банка были использованы историко-сравнительный, типологический, историко-генетический, системный методы.

Историко-сравнительный метод был применен в рамках анализа основных показателей работы банка на протяжении всего периода его функционирования. Сопоставление таких однотипных объектов, как величины основного и резервного капиталов, размеры вкладов, объемы вексельного портфеля, способствовало выявлению причин разорения кредитного учреждения.

На основе архивных материалов и других источников с применением типологического метода раскрываются сущностные характеристики банкротства кредитного учреждения.

Историко-генетический метод использован в ходе установления причинно-следственных связей между действиями служащих, руководства банка и его разорением. Данный метод был также применен в процессе выявления влияния состояния нормативно-правовой базы на развитие городских общественных банков.

В соответствии с системным методом история конкретного кредитного учреждения рассматривалась с учетом общероссийских тенденций. Его применение позволило сделать вывод: банкротство Тульского городского общественного, Ивана Денисовича Сушкина, банка было обусловлено несовершенством правовой базы, отсутствием постоянного контроля со стороны Министерства финансов и некомпетентностью руководителей кредитных учреждений.

3. Обсуждение

Исследования, посвященные городским общественным банкам, можно разделить условно на три группы: дореволюционные, труды советского периода и работы последних лет.

Из досоветского периода следует отметить исследования В.Я. Ососова (Ососов, 1872), В.Т. Судейкина (Судейкин, 1884), Я.И. Печерина (Печерин, 1904), Ю.В. Александровского (Александровский, 1912), А. Бернарди (Бернарди, 1914), в которых современники со своих позиций отразили характерные признаки данного вида кредитных учреждений, проследили эволюцию банковского законодательства.

В работах советского периода наиболее предметно деятельность городских банков изложена И.Ф. Гиндиным (Гиндин, 1948; Гиндин, 1960) и С.Я. Боровым (Боровой, 1958). В обобщающих многоаспектных трудах по истории дореволюционной банковской системы И.Ф. Гиндина анализируется деятельность банков, раскрывается сущность проводимых ими операций. В работе С.Я. Борового «Кредит и банки в России (сер. XVII в. – 1861 г.)» обосновывается актуальность учреждения муниципальных кредитных учреждений, оценивается их роль в развитии мелкого и среднего предпринимательства.

Среди современных исследований следует отметить работы Я.А. Васильева, А.К. Кириллова, Б.А. Иванова, А.С. Чумаковой и др., изучавших деятельность городских общественных банков, функционировавших в разных губерниях.

Я.А. Васильев изучал деятельность городских общественных банков Новгородской губернии.

В работах А.К. Кириллова (Кириллов, 2002; Кириллов, 2007) исследуются особенности функционирования городских общественных банков на примере кредитных учреждений Западной Сибири. Предметом исследования Б.А. Иванова выступили городские банки Тверской губернии.

Монография А.С. Чумаковой (Чумакова, 2016) посвящена вкладу городских общественных банков в социально-экономическое развитие Симбирской губернии.

Фундаментальные исследования городских общественных банков Тульской губернии второй половины XIX – начала XX вв. отсутствуют. Отдельные аспекты функционирования тульских банков в XIX–XX вв. представлены в работах Кохановой, (Коханова, 1999), Назыровой, Шелкоплясовой, (Назырова, Шелкоплясова, 2018; Назырова, Шелкоплясова, 2019). Статьи Е.А. Назыровой, Н.И. Шелкоплясовой посвящены развитию финансовых институтов в провинциальной России. В них исследуется реализация государственной кредитной политики в Тульской губернии во второй пол. XIX – нач. XX вв.

4. Результаты

В финансовой системе России второй половины XIX в. важную роль выполняли местные (муниципальные) кредитные учреждения, которые находились под контролем местных городских дум и носили название городских общественных банков (ГОб).

Открытие первых общественных кредитных «установлений» связано с деятельностью Приказов общественного призрения (Назырова, Шелкоплясова, 2018: 280).

В рамках реформирования городского самоуправления городские банки задумывались как общественные кассы для финансирования городского хозяйства (Городовое положение, 1870: 2). Планировалось, что местное общество примет на себя заботы, поскольку правительство было не в состоянии «нести на себе бремя забот» обо всех городах страны (Дитятин, 1895: 155).

Не менее важным назначением ГОб «являлась поддержка с помощью доступного кредита мелких и средних производителей» (Nazirova, Shelkoplyasova, 2019: 333).

Деятельность кредитных учреждений регламентировалась Положением о городских общественных банках. Первая редакция данного нормативного акта датируется 1857 г., но в результате его принятия было образовано только 4 городских банка (Положение о городских банках, 1857). Вторая, усовершенствованная, редакция позволила появиться основной части данных кредитных учреждений. Городские общества, нуждавшиеся в финансовых институтах, воспользовались представившейся возможностью и стали учреждать городские общественные банки. В период с 1862 по 1882 гг. число банков увеличилось с 19 до 290. Кредитные учреждения открывались не только в крупных городах и промышленных центрах, но и в провинциальных городках, в «глубинке». Уже в 1862 г. было образовано 15 городских общественных банков, (по другим сведениям – 17), в 1863 г. – 26; 1864 г. – 28; 1866 г. – 25; 1868 г. – 22 банка. Вместе с тем следует отметить, что в это же время было упразднено 7 подобных кредитных учреждений. К 1914 г. в стране функционировали 317 городских банков (Чумакова, 2016: 69).

В Тульской губернии общественные банки были открыты в Туле и десяти уездных городах: Елифани, Богородицке, Ефремове, Крапивне, Белеве, Алексине, Кашире, Одоеве, Веневе, Новосиле (Адрес-календарь, 1868: 224-225). Из них банками-долгостоящими оказались лишь четыре уездных кредитных учреждения (Обзор..., 1916: 8). Вплоть до 1917 г. функционировали Белевский, Веневский, Новосильский, Крапивенский городские общественные банки (Назырова, Шелкоплясова, 2018: 283).

Вначале уставным капиталом банков выступали средства благотворителей. Когда же эффективность городских банков стала очевидной, органы городского самоуправления начали создавать

банки на базе «юродского запасного капитала» – средств, полученных в виде местных налогов и не израсходованных в течение года. Из 17 банков, учрежденных до 1862 г., 8 были созданы на деньги купцов (Кочисов, 2010: 506). Из 271 городского общественного банка, появившегося с 1862 по 1882 гг., на средства благотворителей были созданы 12 кредитных учреждений (Сведения..., 1898: 99).

Тулский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк был учрежден 06.10.1870 г. решением Министерства финансов № 10 986, заработал в полную силу в 1871 г. Первый взнос сделали Иван и Петр Сушкины в размере 15 000 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1 Д. 1. Л. 5).

Впоследствии другие тульские купцы вкладывали деньги в основной капитал банка с тем, чтобы на проценты от этих средств содержались благотворительные заведения. Таким образом, основной капитал пополнили пожертвования в размере 10 000 руб. в пользу Комитета больных и раненых воинов; 32 000 руб. – Афонского монастыря Св. Пантелеймона; 15 000 руб. – ремесленного училища и Щегловского монастыря; 20 048 руб. – лечебницы для проходящих; 15 000 руб. – Общества милосердия о нищих; 4 000 руб. – Дамского комитета о войнах; 10 000 руб. – бесплатной больницы в Туле и Афонского Пантелеймонова монастыря; 55 698 руб. 11 коп. – странноприимного дома; 90 414 руб. 63 коп. – бесплатной больницы. 10 000 руб. были внесены на содержание круглых сирот (Тулские губернские ведомости, 1882: 3). Только за 1871 г. основной капитал увеличился за счет пожертвований на 86 760 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1 Д. 1. Л. 3).

Положение 6 февраля 1862 г. превратило городские общественные банки в полноправные субъекты финансового права. Им разрешалось выдавать ссуды под залог недвижимого имущества, расположенного в городской черте, а также под залог товаров, ценных бумаг; учитывать векселя; осуществлять прием вкладов, служивших ресурсной базой. Третья часть чистой прибыли банка шла на пополнение основного капитала, от 10 до 20 % отчислялись на формирование запасного капитала. Оставшаяся прибыль могла пойти на благоустройство города и различные благотворительные нужды. Согласно ст. 20 Положения о результатах своей деятельности банк должен был информировать общественность путем публикации баланса каждые полгода в средствах массовой информации. Кроме того, правление обязано было предоставлять отчеты в Минфин и МВД (Положение, 1862: 10).

Во всех городских общественных банках данного времени имелись должности директора, одного или двух заместителей (товарищей) и бухгалтера, в отдельных учреждениях встречались помощник бухгалтера. Директором Тульского городского общественного банка был И.И. Сушкин, товарищем директора – П.И. Сушкин и бухгалтером – В.М. Утехин (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1 Д. 1. Л. 7).

Историю кредитного учреждения позволяют изучить сохранившиеся документы. Выборка вполне представительна, несмотря на то, что различные формы отчетности зачастую не сопоставимы. Обилие цифр не всегда помогает установить важные показатели и проследить динамику развития, тем более с учетом того факта, что формы первичных документов кредитных учреждений до 1883 г. не были унифицированы, а делопроизводство в данном банке велось не на высоком уровне, о чем имеется свидетельство современника, адвоката С.А. Андреевского. «Книговодство в Сушкинском банке невозможное, эти книги заведут несчастных директоров в убытки, потому что они сами не будут понимать, куда что девалось. Взгляды этих людей на банковые сделки – взгляды лавочные и патриархальные» (Андреевский, 2000: 161).

Анализ отчетности позволяет судить о том, что на протяжении ряда лет положение банка на рынке финансовых услуг было вполне устойчивым, кроме того, цифры показывают положительную динамику.

Так, согласно ведомости «О состоянии и движении капиталов по Тульскому городскому общественному, И.Д. Сушкина, банку, за январь 1872 г.», в течение 1871 г. поступило 1 632 399 руб. 39 коп., выдано 1 632 133 руб. 71 коп. Из чистой прибыли, составившей 35 092 руб. 40 коп., потрачено 2 669 руб. 2 коп.: на покрытие расходов по банку – 500 руб.; на благотворительные расходы – 2 169 руб. 2 коп. Согласно приговору Городской думы от 12 января 1872 г. 32 423 руб. 38 коп. чистой прибыли и благотворительные средства в размере 86 760 руб. добавили к основному и запасному капиталам, вследствие чего основной капитал составил 127 164 руб. 88 коп.; запасный – 4 018 руб. 50 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 125 (76) Л. 65).

К 1 января 1877 г., согласно ведомости «О состоянии движения сумм по Тульскому городскому общественному Сушкина банку» за 1876 г., основной капитал уже составлял 325 722 руб. 8 коп., запасный – 79 038 руб. 43 коп., «капиталы благотворительных целей, имеющих определенные назначения» – 43 112 руб. 82 коп.; на городские надобности – 4 183 руб. 94 коп.

Анализ доклада комиссии по проверке отчета в действиях Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка за 1880 г. позволяет сделать вывод о том, что положение банка на финансовом рынке было вполне стабильно.

Ревизионная комиссия в составе А. Торопченинова, Н. Дружинина, Н. Зотова, М. Струкова проверила операционные книги банка: главную, кассовую, вкладную, вексельную, курантную, билетную и журнальную, сверила отчет банка с книгами и приходно-расходными документами и дала заключение о том, что документ составлен правильно. Особо было отмечено правление банка,

которое вело отдельно от бухгалтерии подробную отчетность, что, по мнению комиссии, «указывает на добросовестные и безвозмездные труды правления».

Отчет за 1881 г. также свидетельствует о стабильном положении Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка на финансовом рынке. Собственные капиталы банка на 1 января 1881 г. составляли 626 122 руб. 13 коп.; к 1 января 1882 г. – 662 696 руб. 10 коп. (*Отчет о действиях, 1882: 2*).

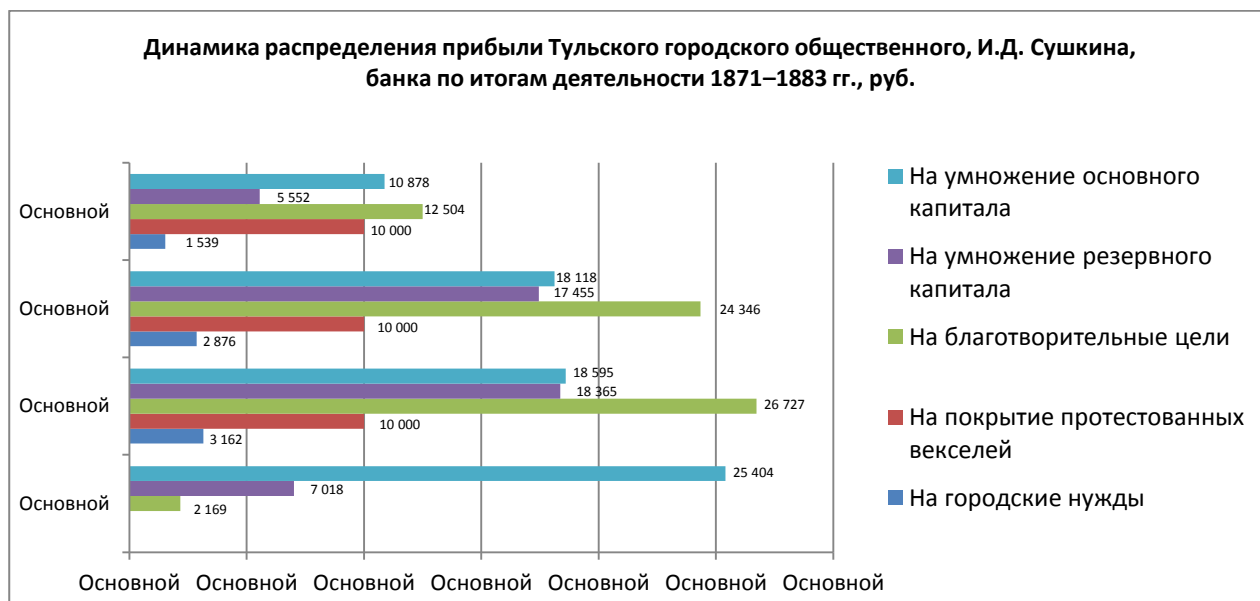
Чистая прибыль за 1881 г. составила 72 796 руб. 57 коп. На основании ст. 27 Положения о городских общественных банках ее распределили по решению собрания Городской думы. На нужды города и благотворительность пошли 73,4 % (*Таблица 1*).

Таблица 1. Распределение прибыли Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка по итогам работы за 1881 г. (в руб.)

Распределение прибыли	Сумма	%
Чистая прибыль	72 796 р. 57 к.	100
На городские надобности	2 876 р. 23 к.	41
На покрытие протестованных векселей	10 000 р.	13,8
Отчислено на благотворительные цели	24 346 р. 37 к.	33,4
Умножение запасного капитала	17 455 р. 46 к.	24
Умножение основного капитала	18 118 р. 51 к.	24,8

Согласно Журналу банка 3.02.1884 г. банк продолжал уверенно функционировать. В январе поступило вкладов – 23 907 руб. 20 коп. Проценты составили – 13172 руб. 41 коп. К февралю осталось: основных капиталов – 504 477 руб. 22 коп.; резервных – 174 978 руб. 23 коп. (*ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 326. Л. 19-20*). И вдруг в марте 1884 г. банк обанкротился. Каковы же причины данного факта?

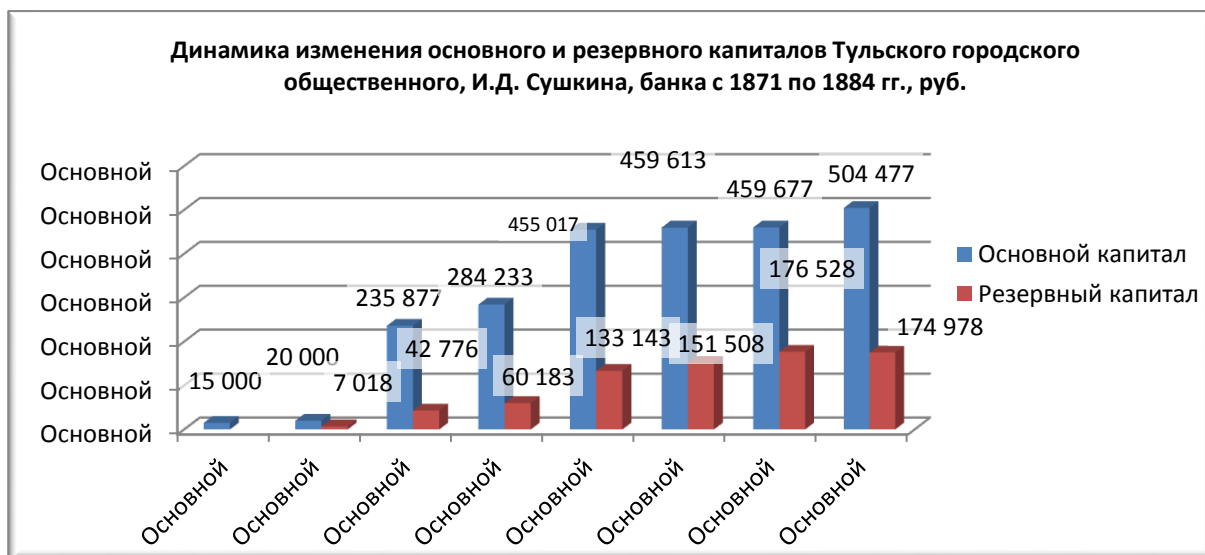
Анализ документов позволяет установить положительную динамику основных показателей деятельности кредитного учреждения с 1871 по 1883 гг. Чистая прибыль увеличилась с 34 591 руб. в 1871 г. до 40 473 руб. в 1883 г. (*Рисунок 1*).

Рис. 1. Динамика роста чистой прибыли Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка с 1871 по 1883 гг.

Основной капитал вырос с 15 000 руб. до 504 477 руб., запасный – достиг 174 978 руб. (*Рисунок 2*).

Рис. 2. Изменение основного и резервного капитала Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка с 1871 по 1884 гг.

Увеличилась сумма аккумулированных средств, необходимых для развития частной инициативы местного бизнеса. Если в первый год деятельности была принята сумма в размере 1 015 658 руб. 74 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 11. Л. 5), то в 1884 году уже – 3 224 811 руб. 90 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 337. Л. 5).

Из выявленной информации, систематизированной в виде таблиц, следует, что пассивы состояли из вкладов вечных, срочных, бессрочных. Причем в структуре привлеченных средств преобладали те, которые могли быть массово востребованы в любой момент, что и произошло в 1884 г. (Таблица 2).

Таблица 2. Основные статьи пассива

Основные статьи	На 01.01.1872	На 01.01.1877	На 01.01.1881	На 03.01.1884
Основной капитал	127 164 р. 88 к.	325 722 р. 8 к.	474 613 р. 35 к.	504 477 р. 22 к.
Запасный капитал	4 018 р. 50 к.	79 038 р. 43 к.	151 508 р. 78 к.	174 978 р. 23 к.
Вклады срочные	450 936 р. 30 к.	742 533 р.	79 699 р. 58 к.	145 638 р. 14 к.
Вклады бессрочные (до востребования)	548 482 р. 44 к.	2 052 190 р.	3 7653 89 р. 91 к.	2 580 291 р. 66 к.
Вклады вечные	16 240 р.	120 357 р.	260 805 р.10 к.	498 882 р. 10 к.
Вклады всего	1 015 658 р. 74 к.	2 915 080 р.	4 105 894 р. 59 к.	3 224 811 р. 90 к.
Займы в других банках	-	-	98 650 р. 76 к.	454 137 р.

Источники: ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 125 (76). Л. 65; Тульские губернские ведомости, 1882: 2; ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 326. Л. 18.

Анализ отчетности банка выявил существенный рост этого периода оборотов активных операций (Таблица 3). В 1871 г. банком выдано 1 152 745590 руб. 33 коп.; 1876 г. – 3 384 404 руб. 28 коп.; 1880 г. – 5 320 606 руб. 85 коп.; 1883 г. – 4 169 017 руб. 17 коп.

В ходе изучения кредитного портфеля было установлено, что в Тульском городском общественном, И.Д. Сушкина, банке в основном практиковали учет векселей и выдачу ссуд под ценные бумаги, недвижимость, товары. В удельном весе активов преобладали учтенные векселя. В 1871 г. вексельный портфель насчитывал 888 155 руб. 33 коп., а в 1883 г. уже – 3 635 455 руб. 17 коп.

Таблица 3. Основные статьи актива

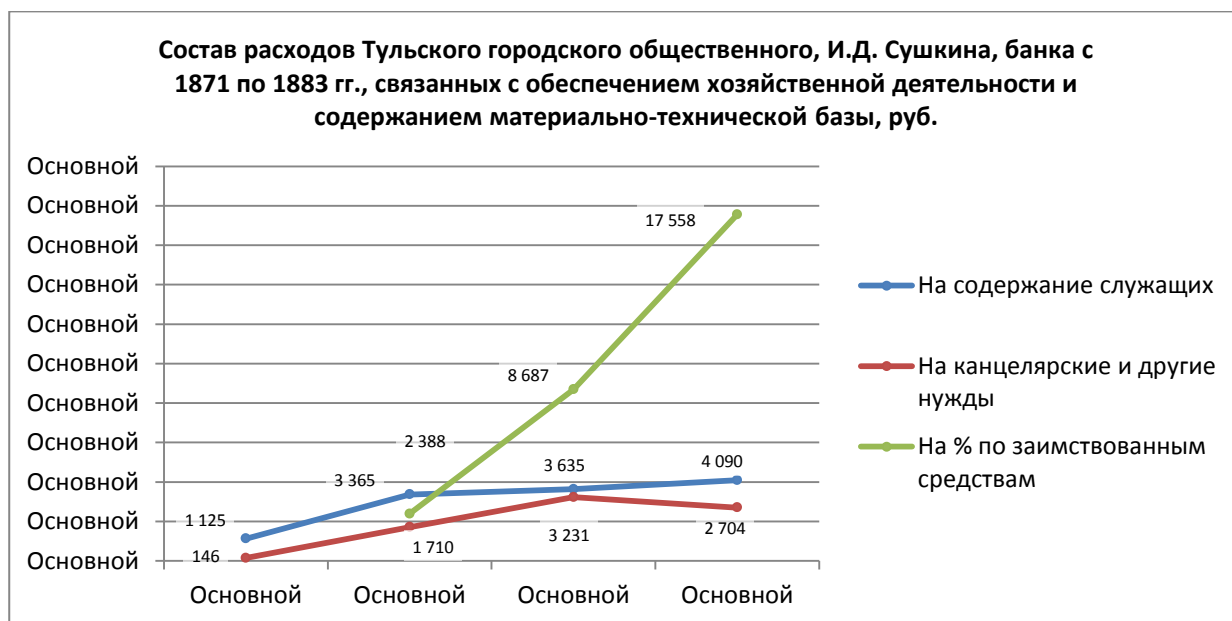
Основные статьи	На 01.01.1872	На 01.01.1877	На 01.01.1881	На 03.01.1884
Касса	15 265 р. 64 к.	75 895 р.	199 505 р. 3 к.	267 374 р. 21 к.
Вексельный портфель	888 155 р. 33 к.	2 773 274 р. 28 к.	4 816 765 р. 85 к.	3 635 455 р.17 к.
Ссуды под ценные бумаги	263 808 р.	597 999 р.	601 816 р.	481 537 р. 0 к.
Ссуды под недвижимость	-	-	-	50 000 р.
Ссуды под товары	782 р.	13 131 р.	2025 р.	2025 р.
Выдано всего	1 152 745590 р. 33 к.	3 384 404 р. 28 к.	5 320 606 р. 85 к.	4 169 017 р.17 к.

Источники: ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 125 (76). Л. 65; Тульские губернские ведомости, 1882: 2; ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 326. Л. 18.

Следует отметить, что кроме показанного количества залогов находились: в отсылке – 4361 руб. 85 коп.; в хранении – билетов банковых и других денежных документов на сумму – 348 484 руб. 50 коп. (ГУ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 326. Л. 18).

Увеличение оборотов требовало увеличения затрат, что хотя и косвенно, но также свидетельствует об успешной работе банка.

Несомненно, рост одной составляющей в структуре затрат, а именно расходов на проценты по заимствованным средствам, должен был насторожить правление банка. С 1880 г. в банке наблюдается нехватка собственных ресурсов для осуществления активных операций. К 1883 г. размер заимствованных средств, а следовательно, и процент за их использование возрос более чем в 8 раз. Если в 1880 г. на привлечение дополнительных средств в других банках было потрачено 2 388 руб., то в 1884 г. уже 17 558 руб. (Рисунок 3). Данный факт должен был побудить правление банка более взвешено подходить к кредитованию населения и размещению средств вкладчиков. Однако итоги деятельности банка свидетельствуют об обратном.

Рис. 3. Динамика затрат Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка с 1871 по 1883 гг.

В условиях повышенной чувствительности финансового результата к качеству кредитного портфеля огромная роль отводится руководству банка, призванному определить кредитоспособность заемщиков, выяснить их деловые, имущественные, финансовые характеристики. Если темпы роста кредитного портфеля увеличиваются, а качество активов снижается, растет непогашенная задолженность, само собой напрашиваются такие меры, как наращивание резервов, усиление осмотрительности в процессе оценки возможности обеспечения и погашения займа.

Изучение структуры привлеченных средств кредитной организации и состояния мгновенной, текущей и долгосрочной ликвидности позволяет сделать вывод о серьезных нарушениях финансовой

устойчивости Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка. Несбалансированность объемов денежных потоков по срокам востребования и погашения на 03.02.1884 г. превышала 1 млн руб. Нарушение соотношения дебиторской и кредиторской задолженности и привело к банкротству кредитного учреждения. Убытки банка во многом были обусловлены отсутствием действенного механизма взыскания долгов одновременно с большого количества лиц. В условиях экономического кризиса несостоятельность одного плачевно сказывалась на многих. Когда дела подавляющей части предпринимателей находились в запустении, реализовать залоги, несмотря на падение их цены, не представлялось возможным. Обороты, превосходящие собственный капитал, отсутствие подготовленных специалистов, нормативно-правовая неурегулированность отдельных сторон деятельности городских общественных банков привели к сбою в деятельности данного звена банковской системы Российской империи.

Уже в 70-е гг. XIX в. отдельные кредитные учреждения оказались не в состоянии отвечать по своим обязательствам. В 1877 г. проблемы возникли у Бердянского городского общественного банка, в декабре 1878 г. разорился Корочанский банк в Курской губернии. Наиболее заметно несовершенство механизма функционирования городских общественных банков стало в 80-е гг. XIX в., в период экономического кризиса. Попытка же реализовать учтенные векселя выявляла зачастую их безнадежность. Значительный общественный резонанс получил крах в октябре 1882 г. Скопинского банка Рязанской губернии, некогда гремевшего на всю страну. Даже жители сибирских губерний являлись вкладчиками этого банка. В конце 1883 г. обанкротился Орловский городской общественный банк. Основная волна закрытий пришлась на 1884–1888 гг. В 1884 г. убыточным оказался Воронежский городской общественный банк (Nazirova, Shelkopyasova, 2019: 333).

Весть о неблагополучии в финансовой сфере дошла и до туляков. В этом же году вкладчики Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка начали в массовом порядке отзываться свои сбережения, заемщики же были не в состоянии рассчитаться с банком. Крупными должниками банка оказались некогда успешные люди. «Васильковы задолжали 500 тыс., Мелин – 112 тыс., князь Оболенский – 255 тыс., Чистяков – 120 тыс., Русаков – 400 тыс.» (Андреевский, 2000: 158).

В связи с массовым банкротством общественных банков, а также исходя из полученной информации о том, что не все вкладчики Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка смогли получить свои деньги обратно, Городская дума инициировала проверку деятельности кредитного учреждения.

23.03.1884 г. на заседании Городской думы избирается ревизионная комиссия в составе А. Торопченинова, Н. Соколова, А. Короткова, Н. Зотова, которая должна была провести аудит отчетности согласно новой инструкции, разработанной Минфином. «Ревизия должна производиться не по выдержкам из книг, как производились подобные ревизии, а во всей подробности. Предстояло разобрать по учтенным векселям степени родства векселедателей и бланконадписателей, исследовать, не практиковались ли выдачи фиктивных вкладных билетов» (Коханова, 1999: 28).

Другой же источник свидетельствует о том, что в ходе последовавшего судебного разбирательства выяснилось, что ревизоры, наряду с другими лицами, являлись крупными должниками банка. «Товарищ директора Перов должен 216 тыс., ревизоры: Зотов – 208 тыс., Коротков – 153 тыс., Торопченинов – 131 тыс., и все крупные должники банка, не исключая Васильковых и городского головы – неоплатны (Андреевский, 2000: 158). Эти лица покрывали все время критическое положение дел банка и кричали в думе: «Благодарить Сушкина!» (Андреевский, 2000: 158). Ревизионная комиссия установила «неспособность банка удовлетворить требования всех кредиторов» (Отчет о действиях банка за 1883 г., 1884: 6).

Параллельно с работой этой комиссии по настоянию местного отделения Государственного банка ревизию банка проводил чиновник особых поручений Министерства финансов г. Палтов (Давыдов, 1913: 160). После кризиса 1873–1875 гг. официально были закреплены регулирующие функции Государственного банка (Nazirova, Shelkopyasova, 2019: 333).

После краха Скопинского банка «ужесточился контроль над учреждениями со стороны Министерства финансов и Государственного банка» (Назырова, Шелкоплясова, 2019: 333). С 1883 по 1894 гг. были проведены ревизии в 76 городских общественных банках.

В ходе исследования был выявлен интересный факт: «перед ревизией господин г. Палтов жертвует 93 тыс. своих вкладных билетов на пополнение кассы, после ревизии – еще 33 тыс. за недочет по вексельному портфелю» (Андреевский, 2000: 159).

На основании отчета чиновника особых поручений Министерства финансов, установившего задолженность банка в размере 1 400 000 руб., министр финансов Н.Х. Бунге высказал предложение о закрытии банка (Коханова, 1999: 29).

Процедуру банкротства несостоятельных банков существенно упростили Правила о прекращении действий кредитных установлений, принятые 22.05.1884 г. Если вследствие убытков капитал банка уменьшался на 1/3 и более и его невозможно было покрыть из запасного капитала, кредитное учреждение подлежало ликвидации (Грузицкий, 2002: 60).

Осознав всю остроту проблемы, Городская дума пытается «примирить общественное мнение с большим денежным разгромом» и инициирует процедуру банкротства (Андреевский, 2000: 161).

Согласно «Уставу о торговой несостоятельности» от 23.06.1832 г. лицо, задолжавшее сумму в размере 1500 руб., могло быть признано банкротом. Решение о несостоятельности выносил коммерческий суд. В случае его отсутствия, а коммерческие суды имелись не повсеместно, гражданское производство осуществлял окружной суд. Когда разорившееся лицо могло выплатить 50 % долга, запускалась процедура Опекунского управления, если же подобная возможность отсутствовала, суд выносил решение о начале работы Конкурсного управления, которое призвано было изыскать возможность максимально погасить задолженность.

Учитывая, что Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк не имел возможности рассчитаться с кредиторами и что в Тульской губернии не было коммерческого суда, 10.10.1886 г. Тульским окружным судом была вынесена резолюция об утверждении Конкурсного управления, которое 04.11.1886 г. приступило к работе. Долг банка составлял 2 022 168 руб. 34 коп. В кассе имелось 450 руб. 98 коп. На счетах, текущем и специальном, в Тульском отделении Государственного банка, где должен был храниться запасный капитал, средств не оказалось. Правда, на текущем счете в Тульском отделении Московско-Рязанского торгового банка хранилось 242 138 руб. (ГУ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 19. Л. 7).

В ходе работы Конкурсного управления выяснилось, что большая часть должников была не в состоянии рассчитаться с банком. Проблемы возникли и с оценкой заложенного имущества. Как заключили эксперты, она была изначально сильно завышена.

14 января 1887 г. в ходе собрания кредиторов банка представитель крестьянина Пылаева – присяжный поверенный А.А. Любомудров – предъявил председателю Конкурсного управления определение Московской судебной палаты от 13 января 1887 года, в котором решение Тульского окружного суда о несостоятельности признано недействительным, Конкурсное управление отменено.

В сложившейся ситуации для того чтобы хоть как-то успокоить недовольных вкладчиков, гласные Городской думы обратились к Тульскому окружному прокурору с заявлением о возбуждении уголовного преследования по отношению к руководству банка, так как налицо были признаки преднамеренного отступления от правовых норм.

Поскольку Иван и Петр Сушкины являлись потомственными почетными гражданами г. Тулы, состояли в приятельских отношениях с администрацией города и губернии, были лично знакомы практически со всеми представителями высшего света губернского города, прокурор передал заявление недавно назначенному губернатору Н.А. Зиновьеву, хотя решение данного вопроса было в его компетенции (Андреевский, 2000: 158).

Губернатор созвал экстренное заседание, на котором было принято решение о возбуждении уголовного преследования по данному факту. Разбирательство длилось долго, только «бухгалтерская экспертиза производилась несколькими командированными Государственным банком специалистами около шести месяцев» (Давыдов, 1913: 161). Весной 1890 г. по решению Московской судебной палаты Иван и Петр Сушкины были приговорены к шести годам ссылки в Сибирь. Кроме того, осужденные были лишены звания «Потомственный почетный гражданин г. Тулы» и исключены из купеческого сословия. Их имущество было конфисковано, но его реализация не позволила рассчитаться полностью со всеми вкладчиками.

Данное событие было лишь одним фрагментом из череды банкротств городских общественных банков. За 70–80-е гг. в стране разорились более 50 подобных учреждений. Если в 1862 г. ГОБ было 19, в 1883 – 290, то в 1898 только – 239, правда, за этот же период были открыты 9 банков (Кириллов, 2007: 232).

«Поочередно во все губернские и уездные города заходит судебная гроза, и везде разбираются банковые крахи» (Андреевский, 2000: 157). Данное свидетельство современников позволяет сделать вывод о том, что несостоятельность Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка была следствием не столько «нечистоплотных действий со стороны руководства», как это трактовали историки-краеведы, в частности А. Петухов, Е.В. Симонова и др., а, скорее, стечением обстоятельств. Сушкины оказались жертвами непродуманной политики финансовых ведомств страны. Однако данное заявление несколько не снимает ответственности с руководителей кредитного учреждения. По мнению ряда исследователей, в частности А.К. Кириллова, А.С. Чумаковой, в других регионах, например, в Поволжье и Сибири, правления городских общественных банков были более осмотрительны и осторожны (Чумакова, 2016: 117). Так, правление Тюменского общественного банка еще в 1874 г. озадачилось вопросом, к каким последствиям может привести массовый отзыв вкладов. Просчитав возможные негативные последствия, правление совместно с Городской думой приняло решение о том, что размер долгосрочных ссуд не мог превышать 50 % основного капитала, а ссуды под залог недвижимости должны быть не больше основного капитала (Кириллов, 2007: 233). Кроме того, Минфин и МВД, проведя мониторинг ситуации в стране с общественными банками, внесли поправки в Положение, регламентировавшее деятельность данных кредитных учреждений. В частности, согласно Положению от 26.04.1883 г. не допускалось, чтобы в правлении банка состояли ближайшие родственники, торговые партнеры, а также представители органов местного управления (члены городской управы, гласные думы и т.д.).

В Тульском городском общественном, И.Д. Сушкина, банке мы видим нарушение данной нормы. После вступления в законную силу Положения 1883 г. в правлении банка по-прежнему работали ближайшие родственники. И, как следует из свидетельств очевидцев и участников тех событий, в частности адвоката Ивана Сушкина, Петр Сушкин без согласования с Городской думой не раз распорядился средствами банка.

Кризис 80-х крайне негативно отразился на городских общественных банках. «Решительный удар городским банкам нанесла затянувшаяся депрессия 1880-х гг. (Гиндин, 1960: 378). В 90-е годы XIX в., в период экономического подъема, по темпам развития они сильно уступали коммерческим банкам. Если объемы вкладных операций коммерческих банков увеличились на 85 %, то общественных – лишь на 8 %. Однако городские общественные банки продолжали функционировать, в стране насчитывалось около 240 подобных кредитных учреждений, у 82 обороты равнялись 1 млн руб., а 9 банках даже превышали 10 млн руб. (Гиндин, 1948: 133).

Современники выделяли две причины, обусловившие банкротство: «совершенное невежество людей, образовавших дирекцию, и отсутствие местного запроса на такое широко учреждение, как Сушкинский банк, – неимение почвы для его развития» (Андреевский, 2000: 161).

5. Заключение

Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк был основан в 1870 г. как кредитное учреждение, находящееся в ведении Городской думы на деньги купцов Сушкиных, позднее капитал банка увеличился за счет вложений других тульских предпринимателей. Функционировал он с 1871 по 1884 гг.

Период с 1871 по 1880 гг. был вполне успешным, однако в ходе анализа отчетности за 1880 г. был выявлен рост кредиторской задолженности. Для продолжения своей деятельности банку не хватало средств, привлеченных в форме вкладов, и он одалживал их в Тульском отделении Государственного банка. С 1880 по 1883 гг. активные операции преобладают над пассивными более чем на 1 млн руб. В условиях производственного и экономического спада 80-х гг. XIX в., особенно после разорения Скопинского городского общественного банка Рязанской губернии, вкладчики начали массово отзываться вклады. Попытка руководства реализовать кредитный портфель выявила безнадежность заложных бумаг и полную неплатежеспособность должников, что привело к банкротству кредитного учреждения и судебному разбирательству, по результатам которого директор банка и его заместитель были сосланы на шесть лет в Сибирь, а их имущество конфисковано. Вкладчики понесли убытки, заемщики же банка, особенно высокопоставленные лица города, никаких неблагоприятных для себя юридических последствий не ощутили.

Тульский банк был одним из 44 городских общественных банков, разорившихся в этот период. Причинами банкротства явились: несовершенство механизма функционирования городских общественных банков, отсутствие надлежащего контроля со стороны Министерства финансов, неурегулированность отдельных сторон деятельности с нормативно-правовой точки зрения. Наиболее значимой причиной явилось отсутствие в стране должного количества специалистов банковского дела и учебных заведений, готовивших их. О «профессионализме» банкиров Сушкиных свидетельствуют воспоминания современников и архивные документы. Уровень их компетенции уместнее назвать владение основами финансовой грамоты.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк, являясь городским общественным учреждением, действовал под наблюдением и ответственностью Тульской городской думы и был полностью ей подотчетен. Распределение прибыли производилось на основании решения Городской думы. Ревизионная комиссия, избираемая на заседании Городской думы, обязана была ежегодно проверять деятельность банка. Следовательно, ответственность за неблагоприятные последствия несоответствия отчетности реальному положению дел в банке, проявившиеся в 1884 г., Сушкины должны были разделить с Городской думой. В ряде регионов органы местного самоуправления предпринимали попытки изыскать необходимые средства и сохранить репутацию банка. В Туле же и основание банка, и ответственность за неумение взвесить риски и избежать неплатежеспособности Дума переложила на плечи купцов.

Несмотря на печальный итог, Тульский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк внес немалый вклад в развитие города. Открытый с целью финансового обеспечения деятельности органов городского самоуправления и кредитования местного производства банк осуществлял операции в интересах купцов и простых обывателей среднего достатка и тем самым помогал бизнесу развиваться. В условиях отсутствия иных источников покрытия насущных расходов банк предоставлял городу возможность получать займы. Банк осуществлял попечительскую деятельность, направленную на обеспечение и содержание благотворительных учреждений.

Банкротства городских общественных банков в целом, и Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка в частности, внесли определенную лепту в историю развития финансового сектора экономики страны. Они позволили выявить и устранить слабые места в механизме функционирования одного из звеньев банковской системы и пробелы в их нормативно-правовом регулировании, что способствовало совершенствованию банковского законодательства в дальнейшем.

Литература

- [Адрес-календарь, 1868](#) – Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 г. Тула, 1868. 334 с.
- [Андреевский, 2000](#) – *Андреевский С.А.* Избранные труды и речи. Тула, 2000. 424 с.
- [Гиндин, 1948](#) – *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. Из истории финансовой политики в России. М., 1948. 454 с.
- [Гиндин, 1960](#) – *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. 415 с.
- [Городовое положение, 1870](#) – Городовое положение, Высочайше утвержденное 16 июня 1870 г., с объяснениями. СПб., 1873. 297 с.
- [Грузицкий, 2002](#) – *Грузицкий Ю.Л.* Городские общественные банки дореволюционной России: история возникновения и развития // *Финансы и кредит*. 2002. № 11. С. 58-62.
- [ГУ ГАТО](#) – Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области».
- [Давыдов, 1913](#) – *Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. М., 1913. 435 с.
- [Дитятин, 1895](#) – *Дитятин И.И.* К истории Городового положения 1870 г. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. 638 с.
- [Доклад комиссии, 1880](#) – Доклад комиссии по проверке отчета в действиях Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка за 1880 г. Тула. 1880. 12 с.
- [Кириллов, 2007](#) – *Кириллов А.К.* Городские общественные банки в 1880-е годы: причины кризиса // *Индустриальное наследие*. 2007. С. 231-239.
- [Кочисов, 2010](#) – *Кочисов Г.Г.* Деятельность городских общественных банков России (вторая половина XIX столетия) // *Управление экономическими системами*. 2010. № 4 (24). С. 505-509.
- [Коханова, 1999](#) – *Коханова Р.Г.* История сберегательного дела в Тульской губернии. Тула, 1999. 320 с.
- [Назырова, Шелкоплясова, 2018](#) – *Назырова Е.А., Шелкоплясова Н.И.* Тульский Александринский банк как первое общественное кредитное учреждение Тульской губернии XIX в. // *Вестник Тульского филиала Финуниверситета*. 2018. № 1. С. 279-283.
- [Положение, 1857](#) – Положение о городских общественных банках. СПб., 1857. 18 с.
- [Положение, 1862](#) – Положение о городских общественных банках. СПб., 1862. 16 с.
- [Положение, 1883](#) – Положение о городских общественных банках, измененное и дополненное по мнению Государственного совета от 26.04.1883 г. СПб., 1883. 58 с.
- [Обзор, 1914](#) – Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула. 1916. 113 с.
- [Отчет, 1881](#) – Отчет о действиях Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка за 1881 г. // *Тульские губернские ведомости*. 1882. № 47. С. 2-3.
- [Отчет, 1883](#) – Отчет о действиях Тульского городского общественного И.Д. Сушкина, банка за 1883 г. // *Тульские губернские ведомости*. 1884. № 84. С. 2-3.
- [Сведения..., 1898](#) – Сведения о городских общественных банках. Издание Особенной канцелярии по кредитной части. СПб., 1898. 243 с.
- [Чумакова, 2016](#) – *Чумакова А.С.* Зарождение и развитие системы городских общественных банков в России второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Симбирской губернии. М., 2016. 208 с.
- [Nazirova, Shelkoplyasova, 2019](#) – *Nazirova E.A., Shelkoplyasova N.I.* Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 325 – 336.

References

- [Adres-kalendar`, 1868](#) – Adres-kalendar` Tul`skoy gubernii na 1868 g. [The address calendar of the Tula province]. Tula, 1868. Pp. 334. [in Russian]
- [Andreevskiy, 2000](#) – *Andreevskiy S.A.* (2000). Izbrannyye trudy i rechi [Selected works and speeches]. Tula. P. 424. [in Russian]
- [Chumakova, 2016](#) – *Chumakova A.S.* (2016). Zarozhdenie i razvitie sistemy gorodskikh obshchestvennykh bankov v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (na materialakh Simbirskoy gubernii) [Origin and development of the city bank system in Russia of the second half XIX – beginning XX c.]. M. 208 p. [in Russian]
- [Davydov, 1913](#) – *Davydov N.V.* (1913). Iz proshlogo [From the past]. Ch. 1. M. 435 p. [in Russian]
- [Dityatin, 1895](#) – *Dityatin I.I.* (1895). K istorii Gorodovogo polozheniya 1870 g. Stat'i po istorii russkogo prava [To the history of the city situation 1870. Articles on the history of Russian law]. SPb. 638 p. [in Russian]
- [Doklad komissii, 1880](#) – Doklad komissii po proverke otcheta v deystviyakh Tul'skogo gorodskogo obshchestvennogo, I.D. Sushkina, banka za 1880 g. [Report of the commission for checking the report in the actions of Tula city public, I.D. Sushkina, bank for 1880]. Tula. 1880. 12 p. [in Russian]
- [Gindin, 1948](#) – *Gindin I.F.* (1948). Russkie kommercheskie banki. Iz istorii finansovoy politiki v Rossii [Russian Commercial banks. From the history of financial policy in Russia]. M. 454 p. [in Russian]

- Gindin, 1960** – *Gindin I.F.* (1960). Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva [State bank and economic policy of the royal governance]. M. 415 p. [in Russian]
- Gorodovoe polozhenie, 1870** – *Gorodovoe polozhenie, Vysochayshe utverzhdennoe 16 iyunya 1870 g., s ob'yasneniyami* [City status, approved on June 16, 1870]. SPb., 1873. 297 p. [in Russian]
- Gruzitskiy, 2002** – *Gruzitskiy Yu.L.* (2002). Gorodskie obshchestvennye banki dorevolutsionnoy Rossii: istoriya vzniknoveniya i razvitiya [City public banks of pre-revolutionary Russia]. *Finansy i kredit*. № 11. Pp. 58-62. [in Russian]
- GU GATO** – Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» [State institution «State archive of the Tula region»]. [in Russian]
- Kirillov, 2007** – *Kirillov A.K.* (2007). Gorodskie obshchestvennye banki v 1880-e gody: prichiny krizisa [City public banks in the 1880s: reasons of crisis]. *Industrial'noe nasledie*. Pp. 231-239. [in Russian]
- Kochisov, 2010** – *Kochisov G.G.* (2010). Deyatel'nost' gorodskikh obshchestvennykh bankov Rossii (vtoraya polovina XIX stoletiya) [Activity of the city public banks in Russia (second half of the XIX century)]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*. №4 (24). Pp. 505-509. [in Russian]
- Kokhanova, 1999** – *Kokhanova R.G.* (1999). Istoriya sberegatel'nogo dela v Tul'skoy gubernii [History of the savings business in the Tula region]. Tula. 320 p. [in Russian]
- Nazirova, Shelkopyasova, 2019** – *Nazirova E.A., Shelkopyasova N.I.* (2019). Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province). *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1, pp. 325-336.
- Nazyrova, Shelkopyasova, 2018** – *Nazyrova E.A., Shelkopyasova N.I.* (2018). Tul'skiy Aleksandrinskiy bank kak pervoe obshchestvennoe kreditnoe uchrezhdenie Tul'skoy gubernii XIX v. [Tula Alexandrinsky bank as the first public credit institution of the Tula province. Ambassador of the Tula branch of the Financial university]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. №1. Pp. 279-283. [in Russian]
- Obzor, 1914** – *Obzor Tul'skoy gubernii za 1914 god, 1916* [Overview of the Tula province for 1914, 1916]. Tula. 1916. 113 p. [in Russian]
- Otchet, 1881** – *Otchet o deystviyakh otcheta o deystviyakh Tul'skogo gorodskogo obshchestvennogo, I.D. Sushkina, banka za 1881 g.* [Report on the actions of the Tula city public, I.D. Sushkina, Bank for 1881]. *Tul'skie gubernskie vedomosti*. 1882. №47. Pp. 2-3. [in Russian]
- Otchet, 1883** – *Otchet o deystviyakh Tul'skogo Gorodskogo Obshchestvennogo I.D. Sushkina banka za 1883 g.* [Report on the actions of the Tula city public I.D. Sushkina, Bank for 1883]. *Tul'skie gubernskie vedomosti*. 1884. №84. Pp. 2-3. [in Russian]
- Polozhenie, 1857** – *Polozhenie o gorodskikh obshchestvennykh bankakh* [Regulation on urban public banks]. SPb, 1857. 18 p. [in Russian]
- Polozhenie, 1862** – *Polozhenie o gorodskikh obshchestvennykh bankakh* [Regulation on urban public banks]. SPb, 1862. 16 p. [in Russian]
- Polozhenie, 1883** – *Polozhenie o gorodskikh obshchestvennykh bankakh, izmenennoe i dopolnennoe po mneniyam Gosudarstvennogo soveta ot 26.04. 1883 g.* [The regulation on city public banks, amended and supplemented by the opinion of the State Council of 26.04.1883]. SPb, 1883. 58 p. [in Russian]
- Svedeniya..., 1898** – *Svedeniya o Gorodskikh Obshchestvennykh bankakh* [Information about the city public banks]. *Izdanie Osobnoy Kantselyarii po Kreditnoy chasti*. SPb, 1898. 243 p. [in Russian]

Тулский городской общественный, И.Д. Сушкина, банк. Из истории провинциальных банков дореволюционной России

Екатерина Александровна Назырова ^{а, *}, Надежда Ивановна Шелкоплясова ^а

^аТулский филиал Финуниверситета, Тула, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена истории городских общественных банков провинциальной России второй половины XIX в. Их открытие в период раннеиндустриальной капиталистической модернизации было обусловлено стремлением правительства обеспечить финансирование деятельности органов местного самоуправления. В статье исследован процесс учреждения, функционирования, разорения и ликвидации Тульского городского общественного, И.Д. Сушкина, банка. На основе информационной базы первичных документов и показателей финансовой отчетности проанализирована динамика операций кредитного учреждения. Установлено, что в период с 1871 по 1880 гг. деятельность банка была вполне успешной. С 1880 г. наблюдается нарушение соотношения дебиторской и кредиторской задолженности. В 1883 г. активные операции преобладали над пассивными более чем на 1 млн руб. В условиях производственного и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ENazyrova@fa.ru (Е.А. Назырова),
Schelkoplyasova2015@yandex.ru (Н.И. Шелкоплясова)

экономического спада 80-х годов XIX века начался массовый отзыв вкладов. Попытка реализовать векселя и заложенное имущество вскрыла безнадежность закладных бумаг и неплатежеспособность должников. Неумелое ведение дел правлением банка привело к банкротству кредитного учреждения и судебному разбирательству. Руководители кредитного учреждения были исключены из купеческого сословия, лишены звания «Почетный гражданин г. Тулы» и приговорены к шести годам ссылки в Сибирь. Реализация конфискованного имущества не компенсировала убытки вкладчиков в полном объеме. В процессе работы с документами авторы установили, что причинами банкротства явились несовершенство законодательства, призванного регулировать данную сферу общественных отношений; отсутствие должного контроля со стороны Министерства финансов; некомпетентность и халатность банковских служащих.

Ключевые слова: городские общественные банки, кредитные учреждения, Тульская губерния, вторая половина XIX – начало XX веков, купцы, Сушкины, банкротство, судебное разбирательство.

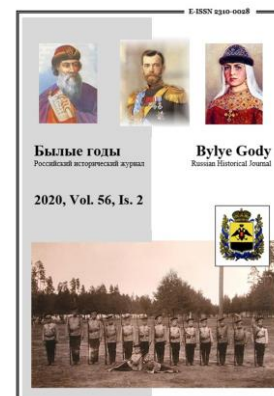
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 734-741. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.734
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Common Law in Household Domestic Life of Russian Old-Residents in Angara Region in the second part of XIX – the beginning of XX century

Boris E. Andusev ^{a,*}, Larisa J. Anisimova ^a, Denis N. Gergilev ^a, Evgeny A. Akhtamov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article covers the problems of common law of peasant community in Siberia on the example of Yenisei province in the XIX – early XX centuries. The article based on the materials of State Archive of Krasnoyarsk Krai, namely, on the personal fund of the Soviet ethnographer Anton Aleksandrovich Savelyev. The fund contains a variety of materials, including verdicts of rural and volost gatherings, volost court, court proceedings.

The article emphasizes the problems of peasants' ownership of arable and mowing lands, a number of objects as a result of personal labor, compensation for material damage. The example of a trial between two hunters on the ownership of hunting prey is of interest. The authors came to the conclusion that the traditions of common law were based on a wide range of common legal, moral, religious and social beliefs. Legal regulation of the peasant communities in Yenisei region in the XIX – early XX centuries retained its complex matter. At the same time, the principle of equity was the basis for all evaluative, legal and regulatory ideas of peasants about common law. That principle was not declarative, but actually applicable as a tool for solving problems in a peasant community.

Keywords: Siberia, Yenisei, Angara, common law, peasant, traditional, justice, community, old-resident, volost court.

1. Введение

Процессы формирования современного российского правового государства неразрывно связаны с трансформациями общественного сознания. Взаимодействие новаций и традиций в ментальных оценках личности вполне адекватно отражают степень включенности или неприятия гражданами изменений в законодательстве. В исторической ретроспективе основной законопослушания было следование правовому обычаю. В нем находили отражение различные стороны общественного бытия: мораль, нормы взаимоотношений в семье и обществе, отношение к собственности и труду, межпоколенная социализация и др. Именно на уровне хозяйственно-бытовой повседневности в локальных обществах сохранялись нормы традиционного общежития как межпоколенные обычаи и «традиции предков». Ввиду того, что исконно законы государства вступали в конфликт «общего–частного», при разработке тех или иных законов важно учитывать степень взаимодействия их с обычно-правовыми аналогами. Это является условием принятия новшеств или, наоборот, правового «саботажа» с постоянными эксцессами и конфликтами с устоявшимися традициями. Поэтому не случайно мы видим незатухающее внимание к проблемам научного осмысления обычного права.

* Corresponding author

E-mail addresses: andjusev@yandex.ru (B.E. Andusev), severyanova@mail.ru (L.J. Anisimova), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov)

2. Материалы и методы

Материалы фонда № 739 Государственного архива Красноярского края охватывают различные аспекты жизни крестьянской общины. Это документально зафиксированные «приговоры» сельских и волостных сходов, волостного суда, записи судебных заседаний и копии-отпуска. Эти документы свидетельствуют о том, как в Приангарье происходило межевание земель, разрешение споров, вынесение наказаний за проступки, расчет повинностей, рассмотрение жалоб, прошений и др. Исследовательскому анализу могут быть подвергнуты формулировки просьб и обращений, решений схода и суда, описания обстоятельств дела, частные комментарии суда. При этом в решениях сельского суда историк отсылает к порядкам и обычаям, сложившимся в этой местности в ходе хозяйственной деятельности общины.

Наряду с архивными источниками, мы привлекли свидетельства современников, публикации периодической печати. Например, издания «Енисейские губернские ведомости» за 1890 г. и «Енисейский листок» за 1892 г. описывают ряд ситуаций в селениях губернии о «нарушениях законов местными крестьянами и обывателями» по причине следования «дедовским обычаям». Авторов данных публикаций удивляет набор способов достижения справедливости, называемых в публикациях «курьезными». В связи с этим наше исследование представляет как научный, так и практический интерес в плане понимания и восприятия сибирской правовой действительности последней четверти XIX в. Отсюда объектом исследования является хозяйственно-бытовая и социальная жизнь русских старожилов Енисейского Приангарья. Предмет исследования – обычное право в отдельных аспектах хозяйственно-бытовой и социальной повседневности сибирской (приангарской) деревни последней четверти XIX в.

В качестве основополагающего в работе использован микроисторический подход. Методологические подходы микроистории – «новой исторической науки» – позволяют изучить нюансы традиций локальных сообществ. Микроисторический подход использован нами в работе с источниками, рожденными в русских старожильческих селениях приангарской Пинчугской волости Енисейской губернии. Данный комплекс документов представлен в Государственном архиве Красноярского края личным фондом А.А. Савельева (ГАКК Ф. 739. Оп. 1. Ед. хр. 21). Видный советский этнограф Антон Александрович Савельев, в молодости будучи ссыльным, работал секретарем в Пинчугском волостном суде, собирал отписки судебных дел 1880–1890-х гг., делал записи в ходе судебных заседаний. Он досконально фиксировал нюансы местного судопроизводства, казусы, касающиеся противоречий между нормами законов Российской империи и местными традициями в формулировках: «так здесь принято», «согласно местным обычаям». Во многом именно жанр микроисторического подхода диктовал нам выбор предмета исследования, ограниченного локальными границами лишь одной волости, но доказательно экстраполируемого на все крестьянские «общества» Приенисейского Приангарья. Это определило также достаточно ограниченные хронологические (1880–1911 гг.) и территориальные границы исследования (селения Пинчугской волости).

3. Обсуждение

Вопросы традиций и обычаев в сибирской деревне были представлены в XIX – начале XX вв. в работах описательного характера М.Ф. Кривошапкина (Кривошапкин, 1865), Н.А. Кострова (Костров, 1876), А.П. Щапова (Щапов, 1874), Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1882), Г.Н. Потанина (Потанин, Потанина, 2014), Н.В. Латкина (Латкин, 1890), А.А. Макаренко (Макаренко, 1913), Д.Е. Лапшо (Лапшо, 1904), М.В. Красноженовой (Красноженова, 1924, 1937, 2002). Так, князь Н.А. Костров (Костров, 1876), описывая в своей работе юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии, представляет наиболее важные стороны жизни крестьян, которые регулировались на основе обычного права. Он отмечает существование обычного права во всех регионах Сибири, раскрывает области применения обычно-правовых норм и их локальные особенности.

Подлинное научное изучение обычного права началось во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. в контексте изучения традиций и обычаев сибирской крестьянской культуры. Наиболее значимыми мы считаем работы Л.М. Сабуровой (Сабурова, 1967), М.М. Громько (Громько, 1975, 1986, 1991), Н.А. Миненко (Миненко, 1989, 1991), В.А. Зверева (Зверев, 1993).

Современная историография обычного права достаточно вариативна. В последние годы прошли международные конгрессы и конференции по обычному праву, защищаются диссертации, выходят монографии и статьи в научных изданиях. Однако есть определенная недооценка роли крестьянского правового творчества в упорядочении материальных, социальных, культурно-бытовых аспектов жизни в социуме. По-прежнему особенности традиционного права остаются недостаточно изученными в отдельных локальных сообществах, в том числе и в Приенисейской Сибири.

4. Результаты

Одним из древнейших источников права является правовой обычай. Как правило, правовые обычаи существовали в устной форме и отражали нормы поведения, естественным образом сложившиеся в обществе и носившие обязательный характер для всех членов общества. На селе

вплоть до XX в. многообразие субъектов обычного права было представлено такими категориями, как «общественное мнение», «сельский сход», «суд стариков», «семейный суд».

При этом в разных местностях традиции сильно отличались ввиду различных географических, климатических, хозяйственных, этнических, социальных особенностей. Правовая самобытность крестьянского населения как Сибири в целом, так и Приенисейского края в частности, наиболее полно проявилась в правилах поведения личности, поведения в семье, общине, межличностных отношениях в рамках крестьянского мира и в межобщинных отношениях. Общинная организация, воссозданная на сибирской земле, имела ярко выраженные местные особенности: по свидетельству большинства исследователей, она отличалась выраженной семейно-личностной индивидуальностью.

Регулировать и связывать воедино сложный конгломерат прав, обязанностей, притязаний и ограничений могли только нормы обычного права, основанные на традиции, авторитете предков, мнению уважаемых «стариков». Постепенное накопление опыта согласования всех без исключения компонентов единой социоэкосистемы своей «общинной ойкумены» создавало подлинное «народное право» как воплощение смутно отрефлексированных крестьянских представлений об общественном правопорядке. Адаптация древнего славянского обычного права в локальном варианте выражалась как в «выбраковке» неактуальных норм, так и выработке новаций, закреплявшихся в традициях. Обычно-правовые традиции были представлены в виде повторяющихся правил поведения, разрешающих большую часть ситуаций, возникающих в повседневной жизни. Во взаимосвязи традиций с рациональными представлениями и жизненным опытом крестьян воспроизводилась трудовая деятельность и этика хозяйственной жизни. Историк Н.А. Миненко отмечает: «В хозяйственной деятельности сибирский крестьянин ориентировался на тот комплекс традиций и правил земледелия, который был выработан предшествующими поколениями» (Миненко, 1991: 51).

Хозяйственно-бытовая повседневность русских сибиряков была основана на древней земледельческой культуре русского народа, адаптированной к местным условиям. Первичность «завещанных отцами» традиций находила отражение при освоении пашни, в поземельных отношениях, имущественных спорах, порядке возмещения ущерба. В приангарской крестьянской общине вплоть до конца XIX – начала XX вв. практически вся сфера землепользования регулировалась согласно «дедовским» традициям.

В документах фонда А.А. Савельева, касающихся решения спорных ситуаций, постоянно фигурируют приоритеты права «первой борозды» сохой, «первого закоса» косой на покосе, «первой затеси» топором на лесной деляне. Так, в савельевской подборке решений волостного суда мы находим разрешение следующей ситуации: истец, крестьянин деревни Иркинеева, в ходе судебного разбирательства показал, что ответчик из той же деревни пользуется 3/4 десятины сенокоса, принадлежащему по обычному праву ему, а не ответчику. Истец обосновывал свое право на землю на основании того, что эта земля была расчищена его ныне покойным дядей М.Л. Поэтому истец просит упомянутую землю отобрать у ответчика и вернуть ему. Волостной суд постановил: 3/4 сенокосной расчищенной земли отобрать у ответчика и вернуть истцу. При этом 1/4 земли остается у ответчика в качестве компенсации за труд по «улучшению» покосной земли в период пользования им (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 35).

Вспашка незанятой земли, «очерчивание» плугом вдоль границ участка или оставление меток на деревьях назывались чертежом. В Сибири таким образом крестьянин всегда мог получить землю в фактическую собственность: найти свободную землю на лесной опушке, опахать ее сохой, обрабатывать и закрепить за собой в виде пашни или заимки. Повторим, что главным условием было «очерчивание» сохой или плугом по периметру самовольно захватной заимочной пашни и приобретение таким образом права собственности, согласно традициям обычного права (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 49). Если право первого «чертежа» не срабатывало в спорных ситуациях или не было доказательства первенства, то поступали разумно – делили поровну участок между истцом и ответчиком и «разводили спорящих межой». Так поступили 15 июня 1890 г. с крестьянином-истцом деревни Иркинеева С.Ф.С. и ответчиком Г.И.Л. Истец показал, что ответчик самовольно пользуется его территориями. В ходе разбирательства стало ясно, что границы двух участков смежные, выяснить, чьи чертежи старше – истца или ответчика – не представлялось возможным. И ни один из общественников не смог этого показать. На суде, по мнению одного из общественников, это можно было установить миролюбивым соглашением, но стороны отказались. В результате суд постановил разделить участок с «чертежами» пополам. Чтобы в дальнейшем по этим землям не возникали спорные ситуации, между чертежами по местному обычаю были поставлены межи (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11).

Конфликты среди общинников возникали в ходе распашки новых земель. Так, общинник по невнимательности или сознательно мог не заметить имевшийся чертеж или провести борозду по не паханному несколько лет участку. Выход из подобной ситуации находили в свидетельствах «стариков». Так, в деревне Зайцевой между крестьянами возник конфликт по поводу принадлежности покосной земли. Волостным судом был проведен опрос свидетелей, который показал, что ответчик расчищал под покос часть спорной земли. Затем эта земля вместе с близлежащими участками была расчищена истцом. В результате суд вынес решение о том, что

ответчик должен получить половину спорной земли по праву первого чертежа. Чтобы компенсировать труд истца по расчистке земли, ответчик должен был отдать ему 10 копен сена (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11).

«Захватный» принцип содержит в себе выраженную состязательность, право «первенства» в ходе приобретения собственности. Примером этого служит дело, в котором выступают истцы – крестьяне села Чадобского – и ответчик – крестьянин деревни Заледьеевской. «Истцы показали, что летом сего года нашли землю, удобную для сенокоса в 3/4 десятины, скосили сено, убрав валежник и поросль. Но ответчик вскоре занял его и очертил. Ввиду того, что принцип первого освоения и вложенного труда был, согласно местным традициям, соблюден, волостной суд постановил удовлетворить требование истцов (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 49).

Интересно то, что захватный принцип применялся не только в отношении пользования и владения землей, но и в отношении других объектов собственности. Так, в деревне Бузыккановой возник конфликт о праве владения добытой лисицей. Крестьянин М.Ф. первый заметил лисицу, но его опередил крестьянин И.К. Ответчик М.Ф. просил суд о компенсации в размере половинной стоимости шкуры добытой лисицы. Однако суд, следуя обычаю, взыскал с истца третью часть стоимости шкуры – 1 рубль 13 копеек (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 130).

Согласно обычаям, «захватное» право собственности могло сложиться также на иной объект вложения личного труда: лесную дорогу, мост через ручей, паромную переправу, речную «запруду». Так, в ходе разбирательства, касающегося права владения лесной дорогой и сохатиной ямой, стало ясно, что дорога изначально была проложена тунгусами, а истец и ответчик заняли ее одновременно. Право истца на лесную дорогу не было подтверждено. Волостной суд решил дорогу признать общей, а сохатиную яму – раскрыть (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 60).

Идущие «из старины» нормы обычного права достаточно прагматично оценивали в спорной ситуации прежде всего «трудовое участие», «трудовые усилия» конфликтующих крестьян. Именно труд, вложенный в освоение пашни, был основным мерилем решения. При этом равное трудовое участие неизменно определяло справедливое решение о равных долях спорящих. Так, в споре истца, крестьянина деревни Горохтинская А.М.К., и ответчика Е.Ф.К. было заявлено, что последний неправильно пользуется 1/16 десятины земли, принадлежащей истцу. Однако привлечение показаний самых «древних» стариков показало, что еще родители их, а затем и они вместе расчищали, расширяли и расчерчивали. Отсюда, посчитав, что они «в согласии много лет равно вкладывались трудом», суд постановил разделить землю пополам. Достигнуто миролюбивое согласие» (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 33).

Любопытно, что в конце XIX века крестьяне Приангарья стали использовать железные плуги, однако опахивание (т.е. чертеж) целинной пашни выполнялось строго русской сохой. Как и ряд других предметов культуры, русская соха ассоциировалась с традиционными заветами предков, не поддающимися ревизии.

Обычными решениями по спорным делам, рассматриваемым Пинчугским волостным судом, были требования в поддержку истца о возмещении ущерба в полном стоимостном соответствии с убытками по вине ответчика.

Так, например, в деревне Каменская между истцом И.Т. и ответчиком С.Н.Т. возник спор о скошенной траве: ответчик неумышленно скосил траву на поле истца на сумму 40 копеек. Ответчик свою вину признал, но возместить ущерб отказался. Волостной суд решил, что истец в свою очередь может скосить траву на поле ответчика также на сумму 40 копеек. Могло быть и иное решение о несогласии суда с суммой возмещения ущерба истцу, если выявлялся иной размер убытков или скрытые истцом обстоятельства. Например, в ситуации, когда крестьянин-истец из села Рыбное заявил, что лошадьми ответчика потравлено хлеба около 18 пудов и просил взыскать столько же в свою пользу. Ответчик же, проведя собственные вычисления, доказывал, иск должен быть «исчислен» не более чем в 14,5 пудов ввиду «глинистости» земли на потравленной части пашни. Приглашенные на суд старики признали аргумент ответчика, и поэтому волостной суд постановил взыскать с ответчика в пользу истца 15 пудов овса, что и было исполнено (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 37).

В судебных делах фигурирует и древняя традиция оценки стоимости ущерба в единицах вложенного труда. Так, например, в ходе судебного заседания истец, крестьянин деревни Гонькиной, заявил, что ответчик «поехал на заимку и по неосторожности сжег «ригу», принадлежащую им обоим. В ответ на просьбу принудить ответчика заплатить за постройку новой риги для дальнейшего совместного использования волостной суд постановил обязать ответчика собственноручно выстроить новую ригу с тем, чтобы истец ею пользовался на равных основаниях с ответчиком (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 47). В савельевских выписках судебных решений присутствует и такая форма возмещения ущерба, как отработка определенного времени на пашне, покосе или непосредственно в хозяйстве потерпевшего.

Согласно правилам волостного судопроизводства, адекватное возмещение точной суммы ущерба «было должно произвести» только после тщательного независимого расследования и проверки искового заявления. Так, в Пинчугский волостной суд поступила жалоба от крестьянина с иском требованием. На суде истец представил претензии к ответчику-односельчанину в потраве

овса его лошадьми «в количестве 17 пудов». Однако проведенное расследование выявило, что отравлено было 12 пудов овса. Волостным судом истцу было высказано «общественное порицание за обман» с постановлением изыскать с ответчика лишь 12 пудов в пользу истца (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 22). Второй случай связан с выявлением в ходе следствия виновника и истинных причин нанесения ущерба истцу. Крестьянин села Петропавловского М.К. показал, что неизвестные лошади ночью отравили у него ярицу приблизительно на 4 пуда, и просил разыскать виновника. Расследование не смогло установить владельца лошадей, но выяснило, что лошади прошли через огород его соседа А.Т. Прошли свободно по причине того, что прясло (городьба) его огорода была в неисправном состоянии. Крестьянин А.Т. был признан судом и виновным, и ответчиком. На месте расследования А.Т. подтвердил свою вину. Суд постановил 4 пуда ярицы взыскать с него как с виновника в пользу истца (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11). Другие дела также свидетельствуют о педантичности предписаний волостного суда. Непременным условием было соблюдение точной и мельчайшей дробной оценки ущерба.

Одновременно источники фонда А.А. Савельева свидетельствуют о вполне выраженном конфликте между статьями Свода Законов Российской империи и неписанными положениями обычного права в Приангарской Сибири. В чем же состояли причины этого явления?

Согласно законам Российской империи, общинная земельная собственность основывалась на праве совместного владения и использования. Вплоть до начала XX в. нормативные акты Российской империи в целом закрепляли идею о трудовом пользовании общинной землей крестьянами. В общине Европейской России данные положения не противоречили нормам обычного права в повседневной практике. Как члены общины, как домохозяева, крестьяне получали законные земельные наделы. Право общины как собственника в Европейской России выражалось и в периодических переделах земли, в мелочных контрольных функциях.

В Сибири проблема несоответствия хозяйственных условий юридическим реалиям было в неадекватности Законам Российской империи. Сибирская община имела «по законам» права пользователя землей; крестьяне – собственника «по обычаям и традициям». Старожильческая община в сравнении с «российской» отличалась практикой «захватной земли» и наличия заимки, правом свободного приема в общину переселенцев, правом лично-подворной собственности на все виды земельных участков. Локально адаптированные нормы сибирского обычного права закрепляли за домохозяином все параметры собственности на землю: площадь пашни и покосов, местоположение, границы («чертеж»), свободу ведения индивидуального севооборота. Далеко не случайно, что в многочисленных отпусках судебных документов А.А. Савельева из года в год фигурируют острые земельные конфликты, тяжбы, споры, земельные захваты, нарушения границ и др. Если в ментальности русских крестьян не было лично-собственнического позиционирования земли, то в сознании сибирских старожилов оно было таковым.

Согласно законам, российские крестьяне не имели права отчуждения общинных земель в личную собственность, однако в Приангарье бытовал ряд форм обычно-правового признания за крестьянами «захватной» пашни» (заимка и займище). Наличие личной родовой или семейной расчищенной покосной земли, «своей» пашни, сдаваемой в аренду другому хозяину, «согласно местным обычаям». Пашенную и покосную землю крестьяне-старожилы свободно передавали по наследству, сдавали в аренду и даже продавали сообщинникам или «новожилам» своего селения. В источниках фонда А.А. Савельева мы находим подтверждение выводам этнографов о том, что в Приангарье за каждым крестьянином была закреплена земля, которую он считал своей собственностью и мог свободно продавать, закладывать, а также дарить ее (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 20. Л. 132). Согласно подворным ответам «Пообщинного бланка по д. Сыромолотово Кежемской волости», у старожилов отсутствовали ограничения размеров земельных владений вплоть до конца XIX в.: «скуль земли надо, скуль и можешь разчертить» (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 20. Л. 34-36).

Наряду с земельно-правовыми обычаями, ангарские традиции были основаны на древних правилах талиона – назначение меры наказания за преступление в равной степени воспроизводит вред, причиненный преступлением. Согласно этим принципам, за нанесенный ущерб требуется равное возмещение понесенного ущерба в единицах измерения самого ущерба.

Изучение источников фонда А.А. Савельева, собранного за многие годы полевых исследований эмпирического материала позволяет нам сделать вывод о представлениях старожилов о сути права владения и распоряжения землей. Крестьянское сознание рассматривает право на владение, пользование и распоряжение землей неразрывно от труда по расчистке, обработке, «окультуриванию» пашни или покоса. Так называемая «продажа земли» в сибирской общине – это продажа вложенного труда, но не земли (она «Божья»). Таким образом, труд давал право крестьянину как на владение землей, так и на общественное признание этого права в судебных решениях.

В качестве наиболее значимой оценочной категории в решении спорных дел не только о праве собственности, но и даже оценок личных качеств человека в материалах судебных решений Пинчугского волостного суда выступает труд. Ценность личности и общественная оценка у сибирских старожилов определялась оценками крестьянского труда и трудолюбия. При этом наиболее

значимым и почетным признавался труд земледельца. Так, в деле о праве на наследство выборные в 1874 г. вынесли решение передать наследство сыну К., который трудом заслужил право называться достойным домохозяином. Его же братья М. и П. «шлялись по разным селениям, как бездомные» (ГАКК. Ф. 793. Оп.1. Д. 21. Л. 51).

Обычное право не только служило целям регулирования различных вопросов, связанных со сферой материальной культуры, с землепашеством или собственностью. В источниках обширного фонда А.А. Савельева мы видим множество документов, предписывающих крестьянам придерживаться тех или иных правил и традиций, «завещанных предками». Думается, что их нарушение также могло негативно сказаться на положении крестьянина в общине и отношении к нему односельчан.

На рубеже XIX – начала XX вв. в решениях Пинчугского волостного суда отразилось распространение рыночных отношений среди старожилов, в обиходе начинают закрепляться понятия купли-продажи земли. В подтверждение этого А.А. Савельев приводит дело крестьян деревни Заимской. Истец И.К.С. обвинил ответчика В.А.С. в том, что он забрал у него участок покосной земли, хотя ранее этот участок был приобретен отцом истца у ответчика. Волостной суд постановил, что ответчик должен вернуть землю истцу (ГАКК. Ф. 793. Оп.1. Д. 21. Л. 39). Таким образом, происходило постепенное смещение старинных норм обычного права на равное возмещение труда и собственности со сложными расчетами условий купли-продажи земли в новых рыночных отношениях. Решения общинных судов начинают подкрепляться подробными денежными расчетами. Так, сохранилось свидетельство о споре между жителем села Чадобского истцом В.К. и жителями деревни Мадуйской ответчиками Д. и З.П. Крестьяне приобрели 16-й пай на владение мельницей у компаньона ответчиков Я.П. из деревни Мадуйской. Несмотря на то, что истец имел право пользоваться мельницей один раз в 16 дней, ему в таком праве было отказано. Ответчики не смогли опровергнуть доводы истца, и, согласно старым правилам, ему был предоставлен пай (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 69).

В более жестких условиях оформления денежных сделок с выдачей расписок, справок и «купчих» продолжают сохраняться и воспроизводиться старинные правила и обычаи оформления сделок с «запитием сделки вином» и обязательным «рукобитием» ее участников.

Таким образом, вводимые в научный оборот источники фонда А.А. Савельева доказывают, что в спорных ситуациях о нарушении права личной собственности на землю или имущество волостные суды предпочитали обращаться к нормам обычного права. Личное благополучие старожила-домохозяина, его зажиточность, возможность дружно жить в соседстве с другими членами общины базировались на принципах солидарности труда, следовании общепринятым нормам уклада жизни («жить путем как должно быть, как старики велели»). Почитание своих местных правовых обычаев также было частью нерушимости устоев крестьянского «общества».

Антон Александрович Савельев был проникновенным этнографом, наблюдавшим и фиксирующим в трудовой повседневности жизни крестьян Пинчугской волости нормы обычного права, которые являлись условиями функционирования материальной культуры, нормами-регуляторами предписывающего типа «как должно быть, как старики велели».

5. Заключение

Повседневное поведение приангарских старожилов Пинчугской волости было нормировано как предписанием Свода Законов Российской империи, так и старинными «дедовскими» традициями. Они охранялись общественным мнением, «совестью» селений в лице представителей старшего поколения («стариками»). В основе традиций был широкий комплекс обычно-правовых, морально-нравственных, религиозных и социальных представлений. Правовая регламентация на территории Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. сохраняла свое сложноструктурированное содержание.

Проводя исследование состояния обычного права в среде крестьян Пинчугской волости Енисейской губернии на основе методологических подходов микроистории, мы одновременно эмпирически проживали в бытовой и трудовой повседневности. Мы видим, что в основе всех оценочно-правовых и регуляторных представлений крестьян об обычном праве лежит принцип справедливости не декларативный, а реально применимый в качестве инструмента решения проблем в общине. Наше исследование, по сути, лишь первоначальное знакомство с творческим наследием известного краеведа-этнографа А.А. Савельева, зафиксированным в источниках его личного фонда Государственного архива Красноярского края.

Литература

Александров, 1964 – Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. // Енисейский край. М., 1964. 303 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гергилев, 2017 – Гергилев Д.Н. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX вв. Клио. 2017. № 8 (128). С. 114-117.

Громыко, 1991 – Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.

- Громько, 1986** – Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 274 с.
- Громько, 1975** – Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975. 351 с.
- Зверев, 1993** – Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Н-ск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
- Красноженова, 1924** – Красноженова М.В. Сибирская старина: этнографический сборник. Вып. 2 / Под ред. М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова. Иркутск, 1924. С. 21–37.
- Костров, 1876** – Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии / Сост. князь Н. Костров. Томск, 1876. 117 с.
- Кривошапкин, 1865** – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь / Соч. М.Ф. Кривошапкина. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1865. 650 с.
- Лаппо, 1904** – Лаппо Д.Е. Общественное управление минусинских инородцев. Томск. 1904. 70 с.
- Латкин, 1890** – Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии: Очерк Н.В. Латкина, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. Санкт-Петербург: типография и литография В.А. Тиханова, 1890. 75 с.
- Макаренко, 1913** – Макаренко А.А. Сибирский народный календарь // Записки Русского географического общества по отделению этнографии / Под ред. почетн. чл. И.Р.Г.О. А.С. Ермолова. Т. XXXVI. Спб., 1913. 293 с.
- Миненко, 1991** – Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX вв. М., 1991. 222 с.
- Потанин, Потанина, 2014** – Потанин Г.Н., Потанина А.В. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь. М.: Эксмо, 2014. 464 с.
- Сабурова, 1967** – Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). Л., 1967. 280 с.
- Щапов, 1874** – Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. Изв. Сиб. отд. русс. геогр. о-ва: 1874. Т. V. 35 с.
- Ядринцев, 1882** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 471 с.
- Forsyth, 1998** – Forsyth J. A history of the peoples of Siberia. Cambridge University Press. 1998. 417 p.
- Hartley, 2014** – Hartley J.M. Siberia: A History of the People. Yale University Press, 2014. 312 p.
- Kuentzel-Witt, 2015** – Kuentzel-Witt K. Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People // *European History Quarterly*. 2015. Vol. 45, Is. 3. Pp. 559–561.

References

- Aleksandrov, 1964** – Aleksandrov V.A. (1964) Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII vv. [Russian settlement in Siberia XVII – the beginning XVIII centuries]. Yenisei region. M., 1964. 303 p. [in Russian]
- Forsyth, 1998** – Forsyth J. (1998) A history of Siberian people. Cambridge University Press. 417 p.
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of Krasnoyarsk Krai].
- Gergilev, 2017** – Gergilev D.N. (2017) Otlichitel'nye cherty deyatelnosti gubernskikh administratsii v Sibiri v XIX-nachale XX vv. [The essential features of province authority in Siberia in XIX – the beginning of XX centuries]. *Klio*. № 8 (128). Pp. 114–117. [in Russian]
- Gromyko, 1975** – Gromyko M.M. (1975). Trudov traditsii krest'yan Sibiri [Work traditions of Russian peasants in Siberia]. Novosibirsk. 351 p. [in Russian]
- Gromyko, 1986** – Gromyko M.M. (1986). Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan [Traditional behavior standarts and ways of teaching of Russian peasants]. M. 274 p. [in Russian]
- Gromyko, 1991** – Gromyko M.M. (1991). Mir russkoi derevni [The World of Russian Village]. M. 269 p. [in Russian]
- Hartley, 2014** – Hartley J.M. (2014). Siberia: A History of the People. Yale University Press. 312 p.
- Kostrov, 1876** – Kostrov N.A. (1876). Yuridicheskie obychai krest'yan-starozhilov Tomskoi gubernii [Legal customs of old-time peasants of the Tomsk province]. N. Kostrov. Tomsk province Print House. 117 p. [in Russian]
- Krasnozhenova, 1924** – Krasnozhenova M.V. (1924). Sibirskaya starina: etnograficheskii sbornik [Siberian antiquity: ethnographic collection]. Vol. 2. Edited by M.K. Azadovskii and G.S. Vinogradov. Irkutsk. Pp. 21–37. [in Russian]
- Krivoshapkin, 1865** – Krivoshapkin M.F. (1865). Eniseiskii okrug i ego zhizn' [Yenisei okrug and its life]. Pr. Imp. rus. geogr. soc. SPb.: Pr. house V. Bezobrazova and Co. 650 p. [in Russian]
- Kuentzel-Witt, 2015** – Kuentzel-Witt K. (2015). Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People. *European History Quarterly*. Vol. 45, Is. 3. Pp. 559–561.
- Лаппо, 1904** – Лаппо Д.Е. (1904). Upravlenie minusinskikh inorodtsev [Administration of Minusinsk inhabitants]. Tomsk. 70p. [in Russian]

Latkin, 1890 – *Latkin N.V.* (1890). Krasnoyarskii okrug Eniseiskoi gubernii : Ocherk N.V. Latkina [Krasnoyarsk district of the Yenisei province: the N.V. Latkin essay]. SPb.: Print House of V.A. Tikhanova. 75 p. [in Russian]

Makarenko, 1913 – *Makarenko A.A.* (1913). Sibirskii narodnyi kalendar' [Siberian folk calendar]. Notes of Russian geographic society. Ethnology. Edited by A.S. Ermolov. T. XXXVI. Spb. 293 p. [in Russian]

Minenko, 1991 – *Minenko N.A.* (1991). Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya. [The culture of Russian Ural peasants]. M. 222 p. [in Russian]

Potanin, Potanina, 2014 – *Potanin G.N., Potanina A.V.* (2014). Sibir'. Mongoliya. Kitai. Tibet. Puteshestviya dlinoyu v zhizn' [Siberia. Mongolia. China. Tibet. Life-long travel]. M. Print House Eksmo. 464 p. [in Russian]

Saburova, 1967 – *Saburova L.M.* (1967). Byt i kul'tura russkogo naseleniya Priangar'ya [Life and culture of the Russian population in Angara region]. Leningrad. 280 p. [in Russian]

Shchapov, 1874 – *Shchapov A.P.* (1874). Sibirskoe obshchestvo do Speranskogo [Siberian society before Speransky]. Proc. of RGS. T. V. 35 p. [in Russian]

Yadrintsev, 1882 – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony] SPb, 471 p. [in Russian]

Zverev, 1993 – *Zverev V.A.* (1993) *Deti – ottsam zamena: vosproizvodstvo naseleniya Sibiri* [Children – replacement of the fathers: reproduction of the population of Siberia] (1861-1917 gg.). Novosibirsk. 244 p. [in Russian]

Обычное право в хозяйственно-бытовой повседневности социума русских старожилов Приангарья второй половины XIX – начала XX вв.

Борис Ермолаевич Андюсев ^{a, *}, Лариса Юльевна Анисимова ^a, Денис Николаевич Гергилев ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы обычного права крестьянской общины в Сибири на примере Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Статья основана на материалах Государственного архива Красноярского края, а именно – личного фонда советского этнографа Антона Александровича Савельева, содержащего разнообразные материалы, в том числе приговоры сельских и волостных сходов, волостного суда, материалы судебных заседаний. Микроисторический подход, использованный в статье в качестве основополагающего, позволяет на конкретных примерах увидеть особенности правового самосознания сибиряков – жителей русских старожильческих селений приангарской Пинчугской волости Енисейской губернии.

Значительное внимание в статье уделено вопросам определения права собственности крестьян на пахотную и покосную земли, различные объекты вложения личного труда, возмещения материального ущерба, который понесли крестьянские хозяйства от умышленных или неумышленных действий жителей общины. Интерес представляет пример судебного разбирательства между двумя охотниками по определению права собственности на охотничью добычу. Стоит отметить, что развивающиеся капиталистические отношения оказывали влияние на порядок разрешения споров, делали его более детализированным.

Авторы приходят к выводу о том, что в основе традиций обычного права лежал широкий комплекс обычно-правовых, морально-нравственных, религиозных и социальных представлений. Правовая регламентация на территории Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. сохраняла свое сложноструктурированное содержание. При этом в основе всех оценочно-правовых и регуляторных представлений крестьян об обычном праве лежал принцип справедливости, причем не декларативный, а реально применимый в качестве инструмента решения проблем в общине.

Ключевые слова: Сибирь, Енисей, Ангара, обычное право, крестьянин, традиционный, справедливость, община, старожил, волостной суд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andjusev@yandex.ru (Б.Е. Андюсев), severyanova@mail.ru (Л.Ю. Анисимова), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов)

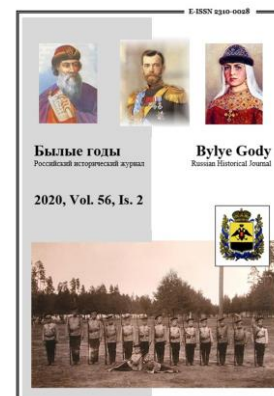
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 742-758. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.742
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries

Sovetkhan K. Igibaev ^{a, *}

^aS. Amanzholov East Kazakhstan state university in Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with the origin and development of the gold industry on the territory of modern Kazakhstan. Gold mining emerged and developed as a separate branch of the mining industry based on the investment of private capital and free labor. The role of merchants and merchant companies in the development of gold placers and their gradual displacement by large joint-stock companies, foreign firms in the development of rich gold-bearing systems of the territory is shown. Besides the gold, an additional source of income for gold producers was the land allocated to them for mines and mines.

On the basis of introduction of new archival and other sources into scientific circulation and their analysis, the author comes to the conclusion that the conditions of workers' employment in the gold industry were mainly capitalist; however, until the mid-90s of the XIX century there were remnants of pre-capitalist features. With the further development of capitalist relations, the deepening of property and social inequality in the village, the formation of an excess of workers, there was no need for gold miners to keep cheap labor by debt bondage.

Keywords: gold, truck-system, industrial capital, auriferous gravel, private, mine, russian gold-mining joint – stock company, bourgeoisie.

1. Введение

Возникновение и развитие золотодобывающей отрасли на промышленной основе, способствовавшей зарождению капиталистического уклада в экономике казахов, и роль золотого промысла в установлении и укреплении торгово-экономических и политических связей казахских жузов с Россией, несмотря на актуальность рассматриваемой проблемы, слабо исследованы в казахстанской исторической науке.

Почти не исследован сословный состав золотопромышленников, не определено место купцов и купеческого капитала, дворян, лиц султанского происхождения, зажиточных крестьян в разработке золотых россыпей казахской степи.

В исторической науке почти не изучены представители казахской буржуазии, вложившие свои средства в золотопромышленность.

Техническая оснащенность предприятий дореволюционной России пореформенного периода отражает результаты и последствия промышленного переворота в России, который приводил к социальным изменениям не только в российском обществе, но и проявлялся на территории современного Казахстана как части России. Однако, несмотря на значимость истории техники золотого дела в установлении степени развития капиталистических отношений, техническая оснащенность частной золотопромышленности изучаемого периода до сих пор не стала объектом самостоятельного изучения в исторической науке. Для определения уровня технической оснащенности золотых приисков и рудников необходимо рассмотреть способы добычи золота и

* Corresponding author

E-mail addresses: aiko-53@mail.ru (S.K. Igibaev)

выделить этапы усовершенствования техники и технологии промывки золота, обратив внимание на обеспеченность предприятий квалифицированными кадрами.

Другим вопросом, который ждет аргументированного ответа в изучении истории золотопромышленности на территории современного Казахстана, является то, каким образом золотопромышленник превратил отведенные ему земли под прииски и рудники в дополнительный источник своего дохода, став владельцем огромных земельных угодий. В этом плане отсутствует в исторической науке Казахстана анализ эволюции земельной ренты с точки зрения государства как собственника земли и казахских крестьянских обществ, отдельных хозяйств как фактических пользователей земель и золотопромышленника как арендатора земли.

В исторической науке слабо освещены история создания и деятельность акционерных обществ, товариществ и иностранных фирм, вложивших относительно солидный капитал в добычу золота в Степном крае.

Изучение условий найма рабочих и их положения, а также численности, состава рабочих весьма актуально при установлении способа производства в данной отрасли: кустарный, мануфактурный либо фабрично-заводской. Заметим, что исследователи истории горного дела при рассмотрении численности рабочих и их положения не установили юридическое различие между «хозяйственными» и вольными рабочими. В исторической науке определенные категории рабочих, в частности «золотничники», слабо изучены.

Актуальным является исследование форм борьбы рабочих золотых приисков за свои интересы. В трудах казахских историков слабо проанализирована эволюция форм борьбы рабочих золотых приисков и рудников, между тем она – от побегов, жалоб, демонстративного отказа от работ до экономических забастовок – характеризует рост классового сознания рабочих, показывает их освобождение от феодальных пут и переход от кабалы к вольному капиталистическому найму.

Научная новизна работы заключается, во-первых, в том, что золотой промысел Степного края возник и развивался на основе частного капитала и вольнонаемного труда. Во-вторых, показана положительная роль купцов-торговцев и купеческого капитала в возникновении золотопромышленности в Киргизской степи с 30-х годов XIX в. В-третьих, в результате деятельности крупных акционерных фирм, вложивших солидные суммы в золотодобычу, получила развитие золотопромышленность. Эти общества строили золотоизвлекательные фабрики и химические заводы для извлечения золота. В-четвертых, исследовано отношение золотопромышленника к земле. Захват промышленниками обширных земельных угодий сузил районы выпасов, сократил размеры обрабатываемых площадей и способствовал тем самым отделению непосредственного производителя от средств производства, разорению трудящихся масс. В-пятых, исследован сословный, этнический состав золотопромышленников. В-шестых, установлено, что условия найма рабочих золотых приисков в основном были капиталистические.

2. Материалы и методы

Источниковедческую базу статьи составили впервые введенные в научный оборот документальные материалы из архивов: Центральный государственный архив Республики Казахстан (Ф. 10. Оп. 1. Д. 3570, 52026, 6938; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1493а, Оп. 2. Д. 7, 18, 25, 28, 36, 37, 85; Ф. 13. Оп. 1. Д. 8, 10, 80, 94; Ф. 14. Оп. 1. Д. 10; Ф. 17. Оп. 1. Д. 11; Ф. 209. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 264, 298; Ф. 212. Оп. 1. Д. 308, 1269, 1312, 1334, 1387, 1412; Ф. 533. Оп. 1. Д. 1, 20), г. Алматы; Государственный архив Томской области (Ф. 433. Оп. 1. Д. 54, Оп. 2. Д. 472, Оп. 3. Д. 342), г. Томск; Государственный архив Алтайского края (Ф. 3. Оп. 3. Д. 1376), г. Барнаул.

Кроме них, в подготовке научной статьи использованы материалы научно-ведомственных журналов: «Горный журнал», «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», «Золото и платина», «Горные и золотопромышленные известия» и обзоры областей. Получены материалы актового характера (инструкции, уставы), содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ – 1, 2, 3). Ценный фактический материал содержит труд А. Сборовского «Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии», опубликованный в «Записках Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества», кн. XIX, Омск, типография окружного штаба, 1896. В материалах даны названия 320 золотых приисков, разрабатываемых в разное время, расположенных на территориях Семипалатинской (198 приисков), Акмолинской (111), Семиреченской (11) областей. Исследование А. Сборовского содержит статистические данные о разработке приисков с 1882 по 1892 годы. В материалах дано число рабочих по 143 приискам, среднее содержание золота в 100 пудах песка, а также добытое золото по каждому прииску по годам.

При написании данной статьи автор руководствовался основной теорией исторической науки – методологией историзма, излагая исторические события хронологически последовательно, во взаимосвязи с изменениями в общественной жизни у казахов и реальностью в России. Вместе с тем, учитывая генеральные принципы современной цивилизационной методологии, сделана попытка исследовать материалы из истории золотопромышленности в Казахстане объективно, достоверно, стараясь установить истину.

На основе диалектического метода показано зарождение и развитие золотого промысла в Казахстане. В изучении способа добычи золота и усовершенствования техники золотого промысла использованы методы сопоставления и анализа. Категория рабочих золотых приисков рассмотрена на основе статистического метода. При обобщении материалов по данной теме использован метод синтеза.

3. Обсуждение

Заметный вклад в изучение истории золотопромышленности Сибири внес В.И. Семевский в 2-томной работе «Рабочие на сибирских золотых промыслах». По его мнению, быт и положение рабочих улучшается с принятием «благоприятного для рабочих» (Семевский, 1898: 8) законодательства. А. Кольчев, отмечая тяжелое положение приисковых рабочих Западной Сибири, разработал 8 условий в защите их интересов. Он считал, как и В.И. Семевский, необходимым усиление горного надзора и повышение ответственности золотопромышленников за выполнение требований государственного закона. В монографии Ф. Маликова «Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане» рассматриваются расслоение казахского общества и вопросы промышленности и рабочих общего характера (Маликов, 1972). В совместной монографии Е. Дильмухамедова и Ф. Маликова «Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана» приводятся краткие данные о золотопромышленности, в том числе на «кабинетских» землях (Дильмухамедова, Маликова, 1963: 30-36, 110-112). Отдельные аспекты золотопромышленности Восточного Казахстана затронуты в статьях К.Ш. Аубакировой. Исследователи И. Рушанов, Е.Б. Бекмаханов, Е.А. Мозгунова опубликовали в разное время статьи общего характера, затрагивающие вопросы промышленности и зарождение рабочего движения в Степном крае.

4. Результаты

Мелкий кустарный золотой промысел на территории современного Казахстана существовал еще в глубокой древности. Специалист горного дела В.А. Обручев, осмотрев золотосодержащие рудники, расположенные по Калбинскому хребту (Акджал, Джантас, Теректы, Боко, Даубай) и, определив, в каких породах залегают жилы, высказал мнение о том, что в районе Калбинского хребта добычей золота «занимался человек каменного века, судя по тому, что в этих старых работах встречаются исключительно каменные орудия – молоты, топоры, жерновки для растирания кварца... Наиболее значительны древние выработки и отвалы на руднике Казанчункур» (Обручев, 1902: 210). Горный инженер А.А. Сборовский сообщил о том, что в связи с отсутствием ограничительных мер и правил добычи и разработки металлов в Степной зоне «золото беспрепятственно добывалось и промывалось близ Кокчетава и в его окрестностях местными жителями и обменивалось на товары» (Сборовский, 1908: 63).

О богатстве недр на территории современного Казахстана в России стало известно в начале XVIII в. В 1713 г. сибирский губернатор князь М. Гагарин доносил Петру I, что близ города Иркет (Яркенд) на реке Дарье «промышляют песочное золото» (ПСЗ РИ – 1. Т. 5. № 2811). В первой четверти XVIII в. для поиска рудных месторождений в верховья Иртыша снаряжается несколько экспедиций, в том числе И. Бухгольца (1714), И. Лихарева (1720), отправленные Петром I, изучили бассейн Иртыша до озера Зайсан. В 30-е годы XVIII в., в период переговоров о присоединении Казахстана к России, хан Абулхаир просил русского посла полковника А. Тевкелева «донести императрице», что он для оказания своей верной службы «объявит в близости золотую руду» (ПСЗ РИ – 1. Т. 9. № 6571: 310-314). В инструкции, данной И.К. Кирилову, посланному для постройки города в устье реки Орь, указывалось, что, как хан Абулхаир покажет месторождение золота, то стараться «получить на пробу сколько мочно, и буде подлинно по пробе явится золото, и место не дальности и безопасное, тогда, взяв надежные способы, о большом промысле прилежать» (ПСЗ РИ – 1. Т. 9. № 6576: 326). А.И. Левшин (1797–1879) сообщает о золотых рудах казахской степи: «Киргиз-казаки уверяют, что металл сей находится в горах Улу Баянулу, Карача и Алгин» (Левшин, 1996: 91). П.С. Паллас (1741–1811), руководитель экспедиции Академии наук 1768–1774 гг., посетивший восточную часть Казахстана, утверждал, что древние рудокопатели в Алтайских рудосодержащих горах выработали лежащие на поверхности богатые охровые руды. Они вместо молотов употребляли продолговато-круглые, весьма крепкие камни, «около коих высечен или вышлифован желобок. ...Найден также за несколько лет между рудами почти загнивший скелет раздавленного обвалившегося шахтою рудоискателя, и при нем кожаный мешок с богатыми охрами» (Паллас, 1786: 354).

Золотые прииски Семипалатинской и Семиреченской областей находились в составе «Семипалатинско-Семиреченского горного округа», прииски Акмолинской области – «Тобольско-Акмолинского». В 1903 г. эти округа переименованы соответственно в «Степной-Южный» и «Степной-Северный». Прииски Тургайской области входили в состав Оренбургского горного округа. Во главе горных округов стояли горные ревизоры (1833–1888), окружные инженеры (1888–1917), подотчетные горным правлениям.

Большинство золотоносных месторождений находилось на территории Семипалатинской области, входившей в состав Степного-Южного горного округа, который в общероссийском масштабе

занимал 13-е место из числа 28 горных округов. Основная масса приисков была сосредоточена в Усть-Каменогорском уезде.

С освоением золотоносных систем Курчума, Нарына, разработкой жильного золота с 1899 года, применением усовершенствованной техники Усть-Каменогорский уезд стал одним из ведущих золотоносных районов Киргиз-Кайсацкой степи. Еще в середине XIX в. горный инженер советовал предпринимателям заниматься добычей золотоносных россыпей в восточной части Киргизской степи, так как она представляет такие удобства для разработки, каких нет в других местах: «1) малая толщина торфа и высокая проба золота (90 ½ пробы); 2) можно иметь сколько угодно отличных рабочих; 3) своевременная покупка провианта на Иртыше и даже у самих киргиз может быть сделана очень дешево; 4) скот дешев и, наконец, 5) плата производится товарами. Точно также и открытие каких-нибудь рудников может доставить значительные выгоды, которыми только нужно уметь воспользоваться» (*Геогностические поездки...*, 1853: 387-388). А.Г. Влангали заметил, что золотопромышленники, выдавая рабочим заработную плату товарами, имели «небольшие коммерческие выгоды» (*Геогностические поездки...*, 1853: 387). Рабочие, получавшие заработную плату не деньгами, а различными товарами (холст, ситцы, кожи и т.п.) и употреблявшие их для себя и для семейств в качестве одежды, «изнашивают это раньше конца лета, так что всегда почти остаются в долгу» (*Геогностические поездки...*, 1853: 217).

В Тургайской области добыча золота производилась в Кустанайском уезде.

В Джаркентском уезде Семиреченской области прииски располагались по рекам Кетменке и Баян-Кол.

В связи с вложением российского капитала в золотой промысел усовершенствовался способ добычи золота. Со второй половины 20-х годов XIX в. была разрешена отдельным лицам разработка золотых россыпей в сибирских губерниях. Это имело немаловажное значение для начала частной золотопромышленности в Казахстане. Занимаясь торговлей, купец С.П. Попов имел достаточные сведения о рудных богатствах края и опыт применения капитала в золотопромышленности Сибири (Омской области). Слухи о богатых золотых россыпях, месторождении благородных, цветных металлов подали ему мысль начать разведку недр и на территории современного Казахстана, или, как тогда называли, «во внешних округах Омской области». 18 апреля 1883 г. он просит разрешения на рудный промысел во внешних округах. В прошениях, представленных министру финансов, Степан Попов писал: «1) Найденные уже им находимые впредь во внешних округах Омской области руды всякого рода, не исключая и благородных, перевозить для извлечения из них металлов на основании существующих правил беспопытно во внутренние округа Западной Сибири, где учреждено им будет сереброплавильное или другое заведение. ... 4) Дозволить ему принять в компанию таких людей, коих бы капиталы достаточны были увеличить и продолжить промысел сей на дальнейшее время» (*ГААК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1376. Л. 3-30 об; ПСЗ РИ. Т. 10. № 8532*). 18 ноября 1833 г. «купцу I гильдии С. Попову было дано право на поиск и разработку россыпей и других металлов на территории» Киргизской степи (*ЦГА РК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 4. Л. 60-60 об.*). Возможно, что С. Попов до этого официального разрешения осуществлял поиски и добычу руд, однако начало частной золотопромышленности в Казахстане можно отнести к 1833 году. Эту дату подтверждает золотопромышленник, коммерции советник и кавалер Степан Иванович Попов в своем объявлении о вновь открытом месторождении благородных минералов, поданного в Каркаралинский внешний окружной приказ от 29 января 1842 г.: «Пользуясь данным мне от Правительства в 1833 году дозволением, удостоенным Высочайшего рассмотрения, на открытие и разработку в Киргизской степи золота, руд и прочих благородных металлов и минералов, и по сему, увлекаясь к таковым, бывшие по распоряжению моему посланные в истекшем году розыскные мои партии открыли в горах Ку, находящихся от зимовья старшины Карачала, по ущельям гор, через шурфовку, благородные минералы» (*ГААК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1376. Л. 3*). По данным горного инженера Влангали, золотопромышленник С. Попов пробил первый шурф в Киргизской степи на берегу Иртыша и нашел там признаки золота: «Первый шурф им пробит был в начале тридцатых годов по берегу реки Иртыша выше г. Семипалатинска, близ устья реки Чар-Гурбан» (*Геогностические поездки...*, 853: 5).

В 1834 г. С. Попов составил товарищество с вязниковским купцом Василием Зобниным и усть-каменогорским купцом Андреем Поповым. В 1835 г. в товарищество вступает семипалатинский купец Сидор Самсонов (*ЦГА РК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; Д. 6. Л. 8*). С. Попов и его товарищество заявили в Кокпектинский военный отряд и Аягузский приказ почти обо всех золотоносных реках.

Успехи С. Попова послужили причиной обращения в Министерство финансов других купцов, мещан и дворян с просьбой о разрешении и им добычи золота в Киргизской степи. 3 ноября 1835 г. было утверждено положение «О разрешении частным лицам рудного промысла во внешних округах Омской области», в которой говорится: «Дать просимое дозволение, распространив на просителей все, что относительно поисков и разработки там в обязанность Попову поставлено, кроме права на устройство завода и на отвод к нему земли и лесов» (*ПСЗ РИ-2. Т. 10. № 8532: 1065*). По положению 1838 г. о частной золотопромышленности в Сибири и Киргизской степи к производству золотого промысла допускались: «1) дворяне потомственные и личные; 2) почетные граждане потомственные; 3) купцы первой и второй гильдии и торгующие на правах которой-либо из сих гильдий» (*ПСЗ РИ-2.*

Т. 13. № 11188). Практически из всех сословий, пользовавшихся юридическим правом на занятие золотопромышленностью, добычей золота занимались в основном купцы-торговцы. Торговый капитал в связи с вложением в золотопромышленность стал промышленным капиталом. Золотопромышленники по примеру Попова создали компании. Были созданы Святотроицкая К^о коммерции советника С. Попова, купеческой жены Смирновой и коммерции советника Горохова, К^о семипалатинского купца Самсонова, К^о семипалатинского купца 2-й гильдии Ф. Мамонтова, К^о петропавловских купцов Большакова, Зеньковых, К^о вязниковского купца Зобнина, К^о купчихи Греховой с купцом 2-й гильдии Перфильевым, Киргизская золотопромышленная К^о генерал-лейтенанта Кривопишина, Коханова, Левшина, К^о титулярного советника Жуковского, К^о семипалатинского купца 2-й гильдии Ф. Степанова и купчихи 2-й гильдии Нагайцевой, К^о кокпектинского купца 2-й гильдии Сычугова и дворянина Гуляева, Елизаветинская К^о подполковника А.А. Сабурова. Из дворян, ведущих самостоятельную разработку золотых приисков, можно назвать двух лиц – отставного статского советника Попова и дворянку Губаревич. Им принадлежало от 7 до 9 % добытого золота (наш подсчет. ЦГА РК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 18. Д. 25. Д. 28. Д. 36. Д. 37).

Золотопромышленники сдавали добытое золото в казну. Об этом свидетельствуют данные М. Красовского, посетившего в Кокчетавском округе Петровский, Вознесенский, Маринский прииски: «Добывавшееся на этих трех приисках золото шло в казну» (Красовский, 1868: 151).

Однако имели место случаи, когда добытое золото незаконным путем, минуя государственные банки, продавалось на сторону. Корреспонденция из Зайсанского уезда информирует о том, что в 1912 году полиция обнаружила, что в г. Зайсан неизвестными лицами постоянно продавалось золото. При проверке установлено: крестьяне, зная по летним работам, что пески Александровского прииска весьма богаты, в декабре пришли на прииск А.В. Коленского. Они, арестовав двух сторожей, добывали в большом количестве золото. Задержанные в своих показаниях сказали, что «они брали с каждой сажени около фунта золота, до того богаты тут пески. Хотя часть золота и отобрана, однако большая его часть ушла на сторону» (Корреспонденция, 1992: 298).

Устав о частной золотопромышленности 1870 г. разрешал добывать золото без ограничения сословной принадлежности «лицам всех состояний» (ПСЗ РИ-2. Т. XIV. № 48399), пользующимся гражданской правоспособностью, как русскими подданным, так и иностранцам, последним – с некоторыми ограничениями. Дешевизна рабочей силы, несложность разработки россыпного золота привлекли в золотопромышленность и людей, не имеющих солидный капитал. Мелкие золотопромышленники, надеясь на ближайшую «удачу», иногда вели разработку приисков силами семьи или нанимали 4–6 рабочих.

Источники свидетельствуют, что до конца XIX в. большая часть добытого золота на территории Казахстана (80 %) приходилась на долю купцов и купеческих компаний (ЦГА РК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 85. Л. 46-50; Ф. 13. Оп. 1. Д. 8. Л. 5; Д. 10. Л. 82-85; Д. 80. Л. 152-157). Кроме купцов, у дворян золотопромышленностью занимались мещане, крестьяне. По сравнению с дворянами в 90-х годах XIX в. сравнительно быстро растет число золотопромышленников из мещан. В конце 90-х годов мещане и их золотопромышленные компании производили до 27 % всего золота. Число золотопромышленников-крестьян было сравнительно небольшое: на их долю приходилось от 1 до 5 % всего добытого золота.

В пореформенный период увеличивается число золотопромышленников, ведущих разработку золота вне компании. Так, например, в 1898 году насчитывалось на территории современного Казахстана более 56 золотопромышленников, самостоятельно ведущих разработку золотых приисков. Из них было 26 купцов, 25 мещан, дворян до 4-х, 1 казак, крестьян-приискателей колебалось от 1 до 4.

С начала 90-х годов XIX в. купеческие золотопромышленные компании теряют былое значение. В связи с переходом на разработку коренных месторождений происходят большие изменения в численности и составе золотопромышленников. Крупные акционерные общества и иностранные фирмы не замедлили направить свой капитал в Степной край для получения большой прибыли. На местах богатые золотопромышленники стали создавать акционерные общества, товарищества, так как разработка рудных месторождений требовала больших денежных средств и усовершенствования техники золотого дела. Заметно наблюдался процесс концентрации производства и капитала в золотопромышленности Усть-Каменогорского, Зайсанского уездов Семипалатинской области и Кустанайском уезде Тургайской области. Имея солидный капитал, крупные компании «нанимали горных инженеров, строили золотоизвлекательные фабрики и цианистый завод, приводимые в движение паровым и электрическим двигателем, локомотивом или динамомашинной» (ЦГА РК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1493а. Л. 12-12 об.).

Крупными золотопромышленными объединениями были Алтайская золотопромышленная компания на реке Курчуме, английская фирма «Гоней и Банг, К^о», Кулунджунское золотопромышленное товарищество, товарищество «Мусин М.С. и М.В. Хамитов, К^о», «Чудское» золотопромышленное товарищество, компании Конохова, «Москвин и Плещеев» работали в Семипалатинской области. На востоке Казахстана действовали относительно крупные золотопромышленные объединения. В 1910 г. возникли «Маркакульское золотопромышленное товарищество», «Южно-Сибирское золотопромышленное акционерное общество» с основным

капиталом в 650 тысяч рублей. Были созданы К^о И.Б. Серова, Г.Я. Калик и купца А.С. Меновщикова, К^о Еньшина, К^о Шадриных, Джантасское золотопромышленное товарищество Ш. Рафикова, акционерные общества «Аурум», «Алтай», «Российское золотопромышленное общество» с основным капиталом в 3 млн. 750 тыс. рублей. Этому обществу принадлежали Кулуджунские, Акджалские приисковые группы с относительно высоким содержанием золота. Так, например, при разведке Акджалского прииска «с 1/II–1912 г. от обработки руды получено 11 пудов 02 ф. 58 золотников» (Сведения, 1913: 55). Семипалатинские золотопромышленники Мусин, Часовников, Степанов в 1912 году создали Западно-Сибирское золотопромышленное товарищество на 90 паев. В 1913 году образовалось золотопромышленное общество «Сенташ» для разработки золотых рудников Усть-Каменогорского уезда с основным капиталом в 1,8 млн руб. В том же году было создано «Зайсанское горнопромышленное товарищество» для разработки золота и других минеральных богатств уезда. В 1915 году образовалось «Семипалатинское золотопромышленное общество» с основным капиталом в 240000 рублей, разделенных на 2400 акций, по 100 рублей каждая.

В Киргизской степи в разные годы добывали золото более 24 акционерных обществ, товариществ. Среди золотопромышленных обществ наиболее доходным было «Российское золотопромышленное акционерное общество». Оно ежегодно добывало золото на сумму до 280 тыс. 331 руб.

В связи с переходом на разработку рудных месторождений мелкие и средние золотопромышленники стали продавать свои заявленные и отведенные участки, прииски крупным акционерным обществам. Многие золотопромышленники из купеческого сословия, выгодно продав свои прииски крупным объединениям, предпочли вкладывать капитал в обрабатывающую промышленность: мукомольное дело, маслостроение и кожевенное производство или в торговлю. Владельцы рудников жильного золота считали, видимо, что лучше выгодно продавать на торгах, чем их разрабатывать. Об этом свидетельствует большое количество недействующих рудников. Так, в Кустанайском уезде Тургайской области «из числа 150 золотых рудников в 1914 г. было разрабатывающихся – 17 и неразрабатывающихся – 133. На разрабатывающихся рудниках добыто жильного золота 25 п. 23 ф. 87 зол. 3 доли» (Горная промышленность. Золотопромышленность, 1914: 25). В этом уезде в 1915 г. из 97 золотых приисков «разрабатывалось – 17 и не разрабатывалось – 80. Работал один цианистый завод. На разрабатывавшихся рудниках добыто золота 24 п. 14 ф. 52 зол. 25 доли и на цианирующем заводе добыто 37 ф. 29 зол. 24 доли» (Горная промышленность. Золотопромышленность, 1914: 23).

Состав золотопромышленников был многонациональным: кроме русских, были татары, поляки, немцы, евреи, уйгуры, казахи. В начале 60-х годов XIX в. на основании горного Устава (ст. 2432) к добыче золота допускались «султаны и другие имеющие чины» казахи (Доклад о государственном доходе с золотых промыслов, 1863. № 20: 19).

В конце XIX в. в связи с усилением разложения феодальных отношений в казахском обществе происходит процесс формирования казахской буржуазии. Некоторая часть нарождающейся буржуазии стремилась вложить свои средства в горную промышленность. В Семипалатинской области «золотопромышленностью занимались Байжомартовы, Джувашев» (ЦГА РК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1269. Л. 2-4 об.; Д. 1334. Л. 1-4; Д. 1312. Л. 1-20). В Кокчетавском уезде Акмолинской области добывал золото М. Чубеков. «В 1907 г. в Калбинской волости Х. Кайрамбаев открыл золотоносный рудник «Кыз-Апкан», лежащий на левой стороне по течению речки Чигилика, впадающей в речку Кокпектинку» (ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Ф. 212. Д. 1412. Л. 1-2). В Зайсанском уезде Семипалатинской области «золотопромышленностью занимался купец Абылканов» (ЦГА РК. Ф. 10. Д. 6938. Л. 447) и другие. Однако большинство казахских золотопромышленников предпочитали продать заявленные месторождения и отведенные под прииски участки, чем разработку их. Отдельные лица ограничились лишь заявкой месторождений золота, не доведя свое желание до логического конца по каким-то неизвестным причинам. Так, например, отставной поручик Аиртавской волости Кокчетавского уезда султан Махмуд Чингисович Валиханов 27 марта 1901 г. обратился в Томское горное правление с просьбой о выдаче дозвоительного свидетельства на поиск «золота, серебра, меди, свинца и др., каменных углей, а также других драгоценных камней в Акмолинской и Семипалатинской областях» (ГАТО. Ф. 433. Оп. 3. Д. 342. Л. 2). Горное правление сообщило, что для получения дозвоительного свидетельства необходимо прислать в правление две гербового рублевого достоинства марки на оплату и указать место для объявления. «Валиханов уплатил два рубля и далее не настаивал о выдаче ему свидетельства на занятие золотым промыслом» (ГАТО. Ф. 433. Оп. 3. Д. 342. Л. 5 об.).

До конца XIX в. техника золотодобычи находилась на уровне мануфактурной стадии развития. Главными промывальными механизмами были ручные станки, называемые вашгердами, бутары, чаши, бороны и бочки. Станок, состоящий из 4–8 чугунных решеток, назывался бутарой. «На одной бутаре промывались в день около 1 тыс., на одной чаше – 10–12 тыс. и на боронной машине – 5 тыс. пудов песка» (ЦГА РК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 7. Л. 200; Ф. 209. Оп. 1. Д. 264. Л. 2-5). По свидетельству горного ревизора, «двигателем у всех этих машин на всех промыслах служит вода, и поэтому засуха оказывает губительное влияние на ход добычи золота» (ЦГА РК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 25. Л. 113-136; Ф. 13. Оп. 1. Д. 94.

Л. 290-297). А там, где сила протекающей воды была слаба, промывальные механизмы приводились в движение силой животных. Знаток горного дела К. Кулибин охарактеризовал примитивные технические средства, используемые при добыче золотосодержащих песков, характерные и для степной зоны: «Добыча золотосодержащих песков во всех наших золотоносных округах производится ручную работою, при помощи каил, ломов и лопат, и никаких машин для этого не употребляется. Добытые пески подводятся на лошадях к золотопромывальным устройствам в двухколесных тележках по грунтовой дороге или по настланным из жердей гатям, или же в небольших вагонах по переносным железным дорогам» (Кулибин, 1883: 488). А промывка золотосодержащих песков «в больших размерах производится преимущественно в бочках... Бочка может промыть в денную смену до 3 кубических сажень песка, чаша до 20 сажень» (Кулибин, 1883: 488).

Нехватка (иногда и отсутствие) квалифицированных специалистов, горных инженеров, знающих технику золотого дела, тормозила использование новой технологии в добыче и промывке золота.

Дальнейшее развитие российского капитализма, завершение промышленного переворота в России в 1860–1890 годах способствовало существенному изменению техники золотого дела на далекой окраине России – на золотых приисках Степной зоны. В 1898 г. золотопромышленники Проскураков и фон Шмедель устанавливают на своих рудниках паровые золотопромывальные машины (чаши с бегунами). Прибыли, полученные в результате введения этих новшеств, привлекли внимание других предпринимателей, и многие из них приступили к разработке коренных месторождений, где стремились применять усовершенствованные промывальные машины. В 1908 г. в Степном-Южном горном округе «на прииске Покровском Алтайской золотопромышленной К^о на реке Курчуме устроена фабрика для извлечения золота цианистым калием; на руднике Удалом товарищества М.С. Мусина, М.В. Хамитова и К^о производились лабораторные опыты извлечения золота из эфелей посредством цианистого калия, на руднике Почетном того же товарищества производились разведочные работы при помощи алмазного бурения (Горнозаводская промышленность, 1908: 299).

Создание акционерных обществ, фирм, вложивших солидный капитал в золотопромышленность, способствовало развитию техники золотопромышленности и появлению золотопромышленных фабрик и химических заводов. Правительство было заинтересовано в этом, так как золотой промысел приносил государству значительную прибыль. Законом 1908 г. министру императорского двора представлялось право понижать горную подать с лигатурного, рудного и россыпного золота, если при разработке месторождений золота применяются усовершенствованные способы, позволяющие разрабатывать с выгодой бедные месторождения или уменьшающие потери золота при его извлечении.

Заметный технический прогресс в золотопромышленности наблюдался в восточной части современной территории Казахстана, на приисках и рудниках Семипалатинской области. В 1905 г. золотопромышленник Шпрингбах построил золотоизвлекательную фабрику на Троицком прииске. Дробильные и промывальные механизмы «приводились в движение паровой машиной» (ЦГА РК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1387. Л. 2-6). В 1906 г. были построены фабрики на рудниках Хотимских, на Валентинском руднике В.И. Часовникова и на руднике «Удалом» П.В. Полякова. Эти фабрики приводились в действие паровыми машинами. В 1907 г. Алтайская золотопромышленная компания построила на Покровском руднике цианистый завод с тремя чанами вместимостью 900 пудов эфелей, через два года были поставлены чаны вместимостью 1800 пудов с гидравлической выгрузкой.

На золотых приисках и рудниках Тургайской области работали две золотоизвлекательные фабрики и два завода. В 1910 году в Кустанайском уезде Тургайской области на «Воскресенском» золотом руднике Южно-Уральского золотопромышленного товарищества «Россия» была построена «золотопромывальная фабрика на 3 пары бегунов, приводимая в действие локомотивом в 25 сил и на «Ненастном» золотом руднике Сундукско-Орской золотопромышленной компании построен химический завод для извлечения золота из эфелей» (Горная промышленность, 1911: 34). В этом уезде за указанный год добыто золота 7 пудов 16 фунтов 36 золотников 80 долей и в том числе 1 п. 7 ф. 66 зол. 68 дол. химическим способом. В 1915 г. в Кокчетавском уезде Акмолинской области действовали две золотоизвлекательные фабрики – одна на прииске Шпрингбаха, другая – на Ирмовском прииске Фадеева и Зенкова. Двигатели «приводились в движение паровыми локомотивами» (ЦГА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52026. Л. 135 об.).

С конца XIX – начала XX вв. в частной золотопромышленности Степного края работали в разные годы 6 заводов и 20 золотоизвлекательных фабрик, приводимых в действие силой пара, электрической энергией.

В этой отрасли промышленности устройство золотоизвлекательных фабрик, заводов, введение паровых, электрических двигателей, гидравлического и химического способов промывки золотосодержащих песков знаменовали собой, особенно с начала XX в., переход от мануфактурной стадии к фабрично-заводской.

Однако в Степном крае, по сравнению с центральной Россией, наблюдался ряд факторов, тормозивших развитие техники золотопромышленности: нехватка специалистов горного дела,

дешевизна рабочих рук, отсутствие дорог в местах расположения приисков и рудников, неразвитость железнодорожной магистрали. К.А. Кулибин, обратив внимание правительства, писал: «В настоящее время развитие золотого промысла сильно задерживается многими неблагоприятными условиями, из которых главнейшее составляет отсутствие хороших путей сообщения» (Кулибин, 1908: 167). Он видел причину примитивности разведки золотоносных мест в Сибири в 90-х годах XIX века в недостатке крупного капитала: «Итак, причина бездеятельности разведок лежит не в недостатке предприимчивости у нынешних деятелей, а прямо в недостатке главного двигателя всякой промышленности – капитала; личная предприимчивость, даже самая энергичная, без денег сделать вряд ли что может» (Кулибин, 1893: 28).

Горный инженер А.А. Сборовский отметил значение Оренбургско-Ташкентской магистрали, построенной в 1901–1905 годах и для Кокчетавских золотоносных приисков: «От города Петропавловска, лежащего на линии Сибирской ж.д., можно достигнуть Кокчетавских приисков» (Сборовский, 1908: 4).

Делами иностранных акционерных обществ, вложивших свои средства в промышленность Казахстана, и в том числе золотопромышленность, управляли российские правления, отечественные специалисты горного дела, инженеры, техники. Иностранные инженеры работали «по тем процессам, которые в России известны» (ЦГА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 35).

Кроме добытого золота дополнительным источником дохода у золотопромышленников стали отведенные им земли под прииски и рудники. Отведенным участком под рудные месторождения предприниматель владел хотя на «посессионном праве», фактически он распоряжался им как своей частной собственностью: окормленную землю вместе с отведенным прииском, рудником золотопромышленник имел право продать, подарить другому лицу, а «бывшие владельцы земли на отведенном участке не имели права даже пасти скот» (ЦГА РК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 5. Л. 83 об.). Так, например, 1 сентября 1868 г. усть-каменогорский купец первой гильдии В.М. Михайлов заключил договор с жителями И. Кундузовым, К. Таймасовым и М. Муласовым об отводе участков под прииск «Варваринский» по реке Кундуз-Катын. В договоре говорилось, что если Михайлов или его наследники пожелают «промысел этот продать, подарить или же отдать иным образом кому-либо другому, то имеют на это полное право, в чем, как со стороны нашей, так и наших наследников, препятствий не должно быть. За уступленную ... местность мы должны получить от него кортомной платы по сто двадцать пять рублей с пуда золота, промытого на ней» (ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 472. Л. 6-7).

Распоряжались общинной землей аула местные управители – старшины, бии, султаны и феодалы-скотовладельцы. Общинная земля для них стала дополнительным источником обогащения. Об этом свидетельствует договор, заключенный в 1857 г. между промышленником Мамонтовым и султаном Кокпектинского приказа К. Кызыбаевым, волостным управителем и биями этого приказа. При первом условии Мамонтов обязывался заплатить владельцам земли 300 рублей серебром. Но, когда это условие по общему согласию было записано на бумагу, старший султан и его сын, волостной управитель Алихан Килибердин, «перед которыми все киргизы безгласны, изъявили новые притязания и потребовали еще деньгами 300 рублей серебром и товаром на 30 рублей серебром» (ЦГА РК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 298. Л. 7-7 об.). Мамонтов удовлетворил их желание, и контракт был подписан об отводе земли под прииски.

Интересы государства как собственника земли, отчетливо проявившиеся в 1860-х гг., и казахских, крестьянских обществ, и отдельных хозяйств как фактических пользователей земель, и промышленника как арендатора земли были весьма противоположны. В основе этих противоречий лежали земля и эволюция земельной ренты как источника дохода.

«Временное положение об управлении степными областями» 1868 г. давало и некоторое уточнение в отношении отвода участков под прииски, рудники на зимовках и возделываемых землях, принадлежащих казахам. Предприниматели платили за отведенные участки на зимовках, на возделываемых землях (пахотные поля и т.д.) владельцам земли – феодалам или крестьянскому обществу. Земля, предназначенная для летней кочевки, приравнивалась к казенной земле. В данном случае предприниматели платили арендную земельную плату казне.

До 1890-х годов арендная плата за землю (поземельная плата с добытого или выплавленного металла, смотря по договору), взимаемая частным лицом, обществом, была дешевле по сравнению с подесятинной платой, взимаемой казной. Заметим, что площадь отводимой земли под рудные месторождения в Казахстане была довольно большая и составляла 10 кв. верст, а в Сибири – не более 5 кв. верст. В 70-е годы XIX в. за десятину отведенной казенной земли промышленник платил 15 копеек или за 5 верст земли ежегодно 375 рублей, за эту же сумму можно было выкупить большую территорию, заключая договор с представителями аула, волости. В 80-е годы поземельная арендная плата на казенных землях составляла уже 1 рубль за десятину. Так, например, в 1887 г. золотопромышленники Семипалатинской области «за пользование казенной землей, отведенной под прииски, внесли в казну 2126 рублей, из них за 20 работающих приисков – 1291 руб., 10% пени за 7 приисков – 41 руб. 20 коп.» (ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 54. Л. 55).

Предприниматели, чтобы избежать высокую казенную подесятинную подать и контроль со стороны государства, были экономически заинтересованы показывать открытые полезные

ископаемые не на казенных землях, а на усадьбах, возделываемых землях частных лиц или аула, крестьянских обществ. Золотопромышленники вступали в «стачку» (в согласии) с казаками, добываясь того, чтобы они показывали отходящие под прииски и рудники свободно лежащие земли за свои зимовки, заключали с ними кортомные договоры, которые утверждались областным правлением. Это дало возможность горнопромышленникам захватывать огромные площади за ничтожную арендную плату. Окружной инженер А.А. Сборовский в 1896 г. отметил, что «нельзя не обратить внимания, во-первых, на то, что громадное большинство приисков в степных областях (в Акмолинской почти все 98 %) отведено на киргизских землях, а потому от подесятинной подати они свободны и, во-вторых, что с каждым годом все большее и большее число приисков, даже из прежде отведенных, оказываются на землях киргиз, а потому по предъявлении надлежащих удостоверений и эти тоже освобождаются от подесятинной подати» (Сборовский, 1896: 81).

Выгодные арендные условия позволяли предпринимателям захватывать огромные площади. Некоторые горнопромышленники заключали кортомные договоры на все земли аула, отведенное им пространство достигало иногда до 80–100 кв. верст, и таким образом они становились крупными собственниками-монополистами земли.

Местные органы управления, учитывая интересы землевладельцев, стремились в какой-то степени ограничить возможности горнопромышленников, которые захватывали землю под предлогом ее отвода под рудные прииски. В 1893 г. Степной генерал-губернатор внес предложение Министерству государственных имуществ относительно арендной платы за отводимые участки: за земли, являющиеся до отвода усадьбой зимовкой казахов «платить по 3 руб. в год за десятину, а за пахотные, сенокосные угодья и зимние пастбища – по 1 руб. за десятину, оставляя за прежними владельцами отведенных земель право прогонять скот для пастьбы через ту территорию» (ЦГА РК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 308. Л. 6). Как видим, он стремился оказать давление на предпринимателей-арендаторов путем повышения арендной земельной платы. В случае одобрения этого проекта сумма дохода, получаемая отдельным лицом или обществом за отведенные пахотные, сенокосные угодья и зимние пастбища, совпала бы с поземельным доходом казны, взимаемым с золотопромышленников, а за отвод территории зимних пастбищ арендная плата увеличилась бы в 3 раза. Однако этот проект не получил одобрения.

Второй съезд золотопромышленников Семипалатинского округа, проходивший в конце декабря 1898 г. в Усть-Каменогорске рассмотрел вопрос об изменении порядка кортома земель под прииски. Съезд высказался за продление срока бесплатного пользования землей и постановил изменить двухлетний срок обязательного получения отводов на трехлетний. Это предложение приобрело силу закона. Горный инженер А. Сборовский отметил, что горнопромышленники, удерживая большие земельные участки в своих руках совершенно фиктивно, сохраняли за собой возможность продать свои заявки, когда подойдет случай, за значительную цену, иначе говоря, продают то, что они приобрели, можно сказать, даром, не приложив своего труда ни на грош.

При решении земельного вопроса государство учитывало интересы казны и горнопромышленников. В 1901 г. была отменена горная подать с рудников, находящихся на казенной земле. Сумма поземельной подати уменьшилась на 50 %. Был введен промысловый налог, размер которого зависел от площади отведенных земель – по 50 коп. с десятины. Промысловый налог, расширяя источники пополнения государственной казны, увеличив их надежность, вместе с тем отвечал запросам предпринимателей. Золотопромышленники после отмены горной подати, уменьшения арендной поземельной платы были заинтересованы видеть всю землю не частновладельческой, а казенной. В 1903 г. зимовые стойбища и возделываемые участки приравнивались к казенной земле – летовке и земле крестьянского общества.

Предприниматели должны были вознаграждать «землевладельцев» не за пользование недрами, а за убытки, причиненные золотопромышленниками хозяйственной постройке. Горнопромышленнику разрешалось пользоваться поверхностью отвода для сельскохозяйственных целей. Право крестьян-общинников на землю было номинально. В случае отказа общины в предоставлении заявленного участка в аренду промышленникам эти наделы крестьян переходили в пользование промышленников на правах свободной казенной земли.

Золотопромышленники имели возможность извлекать доходы не только из разработки месторождений полезных ископаемых, но и из отведенных земельных площадей. Промышленники одновременно стали крупными условными собственниками земли. Не только полезные ископаемые, но и отведенные земельные участки под рудные месторождения становятся одним из источников обогащения предпринимателей.

Рабочие золотых приисков рассматриваемого периода составляли один из наиболее многочисленных отрядов рабочего класса Казахстана. Поэтому изучение численности и состава этой категории имеет большое значение для исследования процесса формирования отряда промышленного пролетариата на национальных окраинах России.

Источником пополнения рабочих золотых приисков и рудников Казахстана были бедные шаруа-джатаки, батраки, байгуши, консы и разорившиеся русские крестьяне.

Золотопромышленники стремились обеспечить разрабатываемые прииски дешевой рабочей силой путем долговой кабалы. Они во время приисковой работы или в конце договорного срока заключали контракт (трудовой договор) с рабочими и давали им задатки (авансы) натурой или деньгами в размере трехмесячной зарплаты, а рабочий-должник, получивший задаток от золотопромышленника преимущественно товаром, не мог рассчитаться до окончания сезонных работ и снова попадал в кабалу.

Правительство, исходя из интересов золотопромышленников, всячески поддерживало, юридически узаконивало кабальные условия найма. Закон 1895 года установил задаток в размере «одной трети годовой наемной платы рабочего» (ПСЗ-3. Т. 15. №11391). Законы о частной золотопромышленности разрешали золотопромышленникам нанимать рабочих «с круговой друг за друга порукой» (ПСЗ РИ-2. Т. 4. № 48400).

Г.Н. Потанин (1835–1920) исследовал положение, условия труда рабочих золотых приисков в сибирской тайге, расположенных к востоку от реки Томь и рабочих золотых промыслов в Кокбектинском округе в казахской степи. Рабочие золотых промыслов Сибири, утверждает Г.Н. Потанин, находились в кабальном положении у золотопромышленника. Многие из них к концу срока не только не получают остатков из заслуженного жалования, но еще остаются сами должны хозяину. В тайге рудокоп работает четыре месяца почти без отдыха, за двадцать рублей задатка да несколько кварт вина; а остальное количество платы так и остается в руках хозяина. В настоящее время рабочие не только не имеют возможности противодействовать угнетающей их монополии но и «находятся еще в полицейской зависимости от золотопромышленника, последний имеет право наказать рабочего телесно» (Потанин, 1997: 127).

Золотые прииски в Кокбектинском округе, отметил исследователь, находятся на открытой степной местности, среди кочевьев казахов. Оплата труда определяется не по роду работ, не по урокам, а помесечно от 2 до 5 рублей. Здесь так же, как в тайге, золотопромышленники имеют свои лавки для снабжения рабочих товарами. Так же, как и там, задолженность служит правом оставить рабочего трудиться другой год. Если задолжавший рабочий сам не найдется на будущий год, тогда все равно его доставит родовой начальник, который постоянно получает пособие от золотопромышленника. Рабочие так же, как и в тайге, входят в большие долги, из которых уже не могут выпутаться. При найме рабочих вместо контрактов здесь служит порука; поручитель обязывается, если рабочий не явится на прииск к сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задаток. Если и поручитель, и рабочий оба остаются должниками золотопромышленника, то последний обращается к волостному начальнику, чтоб тот или доставил их на будущее лето на прииск, или взыскал с них скотом, причем золотопромышленник принимает скот не иначе как за половинную цену. И в тайге, и в степи «беззаконная эксплуатация человеческих сил давно требует радикальной реформы» (Потанин, 1997: 143).

В контрактах, заключенных между рабочими и золотопромышленниками, предусматривался размер жалования и довольствия. Нанявшиеся на работу обязывались вести себя на приисках «исправно, сохранять к хозяину и его доверенным почтительность, беспрекословно исполнять все законные требования» (ЦГА РК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-14 об.).

Учитывая формы найма и юридическое положение, рабочих золотодобывающей промышленности Казахстана можно разделить на хозяйственных и вольных.

Хозяйственные рабочие заключали до начала операции (с октября по январь) контракт, и во время работы они были на хозяйственном довольствии. Хозяйственных рабочих, заключивших контракт, получавших задаток, золотопромышленник имел право передавать другому золотопромышленнику во время операционной работы. Труд хозяйственных рабочих в добыче золота широко применялся в Семипалатинской области. А. Сборовский отметил: «На приисках Семипалатинской области преимущественно имеют хозяйственные работы, тогда как на Кокчетавских приисках Акмолинской области отдается преимущество золотничным работам» (Сборовский, 1896: 82). На золотых приисках и рудниках Семипалатинской области и в конце XIX в. преобладал труд контрактных (хозяйственных) рабочих. Так, например, в 1894 г. на золотых приисках Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов рабочих было 4454, из них работали «по контрактам (хозяйственных) – 4336» (Золотопромышленность, 1895: 12), т.е. рабочие на хозяйском содержании составляли 97,35 %. В 1895 г., включая 212 золотничников, на золотых приисках в данной области рабочих было 4776, из них «контрактных рабочих числилось 3849 человек» (Золотопромышленность, 1897: 31). Контрактные рабочие составляли 80,59 % от общей численности рабочих. Заметим, что сведения, содержащиеся в «Обзорах» Семипалатинской области о рабочих золотых приисков, совпадают с данными, содержащимися в журнале «Горные и золотопромышленные известия». Так, например, в «Обзорах Семипалатинской области за 1906. Семипалатинск, 1907» имеются сведения: «Всех рабочих на приисках и золотых рудниках было 2471 чел. (контрактных 1303 ч., из них мужчин 1125, женщин 20 и подростков 158. Вольнонаемных 924 человека, из них мужчин 834, женщин 22 и подростков 68 человек. Мастеровых 244 чел., из них 238 мужчин и 6 женщин. Кроме того, было золотничников 1447 человек и торфовщиков 218)» (Золотопромышленность, 1907: 49). Такие же сведения содержатся по Степному Южному горному

округу за вышеуказанный год в журнале «Горные и золотопромышленные известия» за 1907 г. № 23. С. 272. Совпадение данных Семипалатинской области и Степного Южного горного округа объясняется, на наш взгляд, тем, что в Семиреченской области разрабатывался всего один прииск, и то эпизодически.

Господство кабальных условий найма на приисках Степного края объясняется его социально-экономической отсталостью. Развитие купеческого капитала способствовало разложению феодальных отношений в казахском обществе.

С начала XX века в Степном Южном горном округе происходит сокращение численности хозяйственных рабочих и наблюдается рост вольнонаемных. Об этом свидетельствуют следующие сведения. В 1900 г. на приисках и рудниках Семипалатинской области рабочих было 6634, из них вольнонаемных 832, золотничников 1465 и «контрактных рабочих в отчетном году было 4337» (*Золотопромышленность, 1904: 32*). Хозяйственные рабочие составляли 65,38% от общей численности рабочих за указанный год. В 1903 г. на приисках Семипалатинско-Семиреченского округа число рабочих было 5171, из них по вольному найму работали 2783 человека: 2137 – золотничники, 416 – по совместным договорам, 230 человек – торфовщики. «2388 человек работали по контрактам» (*Горнозаводская промышленность Сибири, 1904: 332*). Контрактные рабочие составляли в 1903 г. 46,18 %. В 1908 г. на золотых рудниках Степного Южного округа рабочих было 4357, из них работали по вольному найму на своем довольствии – 3015 человек, из них золотничников – 1739, вольнонаемных – 985, мастеровых – 269, торфовщиков – 22 и хозяйственных рабочих – «контрактных 1432» (*Горнозаводская промышленность Сибири, 1908: 300*). В 1908 г. лишь 30,80 % рабочих состояли на хозяйственном довольствии.

Вольными назывались рабочие, предварительно не заключавшие договора с золотопромышленниками и не получавшие задатка.

Процесс имущественной, сословной дифференциации, усилившийся в конце XIX – начале XX вв. в казахских аулах, русских селах, поселках и у других народов, проживавших в Степном крае, был выражением развития капиталистических отношений. Экспроприация непосредственных производителей создала экономические основы для возникновения свободных рабочих рук для промышленности. В связи с дальнейшим развитием капиталистических отношений, расслоением населения и созданием избытка рабочих рук не было необходимости удерживать рабочих задатком. Бедные казахские шаруа-крестьяне в поисках пропитания сами искали работу. В этом плане золотопромышленность сыграла для них «спасительную роль, доставляя им заработок. Тяжелые условия последнего времени: морозы, голод, падеж скота – заставляют их прибегнуть к постоянному труду» (*Золотопромышленность в степи, 1912: 220*).

По данным В.И. Семевского, размер задатков зависел от избытка рабочих рук: «Все попытки администрации ограничить размер задатка ни к чему не приводили до тех пор, пока количество рабочих, стремившихся на прииски, было сравнительно не велико, а с того времени, как предложение рук стало значительно превышать спрос на них, размер задатков быстро упал» (*Семевский, 1898: 769*). На золотых рудниках Степного Северного горного округа по отчету за 1915 год было «рабочих рук избыток» (*ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 100*).

Во многих исследованиях дана заниженная численность рабочих золотопромышленности. Очевидно, авторы не включали в состав рабочих золотничников и торфовщиков. Долгое время вопрос о «золотничниках» был дискуссионным. Одни считали их рабочими, а другие – подрядчиками. Только в 1907 году на I Всероссийском съезде золото- и платинопромышленников большинство склонилось к определению золотничника «как рабочего, получающего плату с добытого им золотника золота» (*Первый всероссийский съезд, 1907: 113*).

Золотничниками назывались рабочие, которые с золотника получали плату от 1 руб. 50 коп. до 3–4 руб. Они были на собственном довольствии и не зависели от предпринимателей. Как правило, золотничникам отводились выработанные прииски или прииски, признанные «бедными». Промысловые инструменты и промысловые станки золотопромышленники отпускали им бесплатно. Содержание и помещение золотничники имели свое. Они объединялись в артели – «старателей». В 90-х годах XIX в. в Семипалатинско-Семиреченском горном округе плата золотничникам «колебалась от 1 руб. 50 коп. до 4 руб. за золотник» (*Денисов, 1891: 523*). В Тобольско-Асмолинском округе плата за золотник составляла от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. Так, в этом округе, по данным Н.А. Денисова, приисков, разрабатываемых золотничниками, в 1890 г. было «22, плата была на одном прииске 2 р. 50 к., на двух – 2 р. 80 к. и на 19 – 3 рубля за золотник» (*Денисов, 1893: 523*). В Кустанайском уезде Тургайской области в 1910 году заработная плата была «золотничникам (старателям) от 3 р. до 3 р. 80 к. за золотник; хозяйским рабочим: мужчинам – от 50 до 90 к., женщинам – от 35 до 50 и подросткам – от 55 до 40 к. в день» (*Горная промышленность, 1911: 34*).

При съемке верхнего пласта земли нанимали торфовщиков. Рабочие, работающие артельно и получающие сдельную плату, назывались отрядными. Отдельную категорию рабочих называли старателями. Они работали сверх установленного времени за плату после рабочего дня. Старательский труд практиковался в золотопромышленности Степного края очень редко в связи с большим объемом основных работ и продолжительностью рабочего времени у хозяйственных рабочих.

Мастеровые (кузнецы, плотники, шорники, штейгеры и др.) состояли из людей, имевших практические навыки в технике золотого дела или определенную профессию. В связи с разработкой рудного золота и усовершенствованием техники золотого дела численность мастеровых заметно увеличилась. На приисках Семипалатинской области было мастеровых «244 человека» (Золотопромышленность, 1906: 49), т.е. они составляли в 1906 году 5,89 % от общей численности рабочих (4136 чел.). В 1908 г. «в Степном-Южном горном округе было мастеровых 269» (Горнозаводская промышленность Сибири, 1908: 300), мастеровые составляли 6,17 % от численности рабочих (4357) указанного округа. В 1911 г. на золотых приисках и рудниках Семипалатинской области было мастеровых 406 чел. (Золотопромышленность, 1911: 47), что составляет 5,87 % от общей численности (6914 чел.) рабочих. Численность рабочих установлена автором данной статьи на основе указанных источников.

Рабочие на золотых приисках и рудниках Киргизской степи, в основном, состояли из коренного населения. Горный ревизор золотых приисков Степной зоны Ковригин отметил, что рабочие на всех золотых промыслах состоят почти все из казахов. Они выполняют все земляные работы. Вспомогательные работы: плотничные, кузнечные и другие – «исправляются и русскими, и киргизами, смотря по знанию их в ремеслах» (ЦГА РК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 264. Л. 6; Д. 298. Л. 4-5).

Золотые прииски, рудники Степного-Южного и Степного-Северного горных округов отличались более высокой концентрацией рабочих. Окружной инженер В.Д. Коцовский отметил, что рабочие команды в 25–30 человек, что не редкость на приисках Томской и Енисейской губерний, здесь не встречаются. Наименьшее число рабочих здесь 60 человек. Сведения В.Д. Коцовского подтверждают статистические данные А. Сборовского по Степному-Южному и Степному-Северному горным округам. На основе анализа приложения № IX (с. 204-216) «Материалов к изучению горного дела в степных областях...» А. Сборовского, в которых указано количество рабочих по 87 приискам Семипалатинской области, 55 приискам Акмолинской области и на одном прииске Семиреченской области, автор данной статьи установил методом подсчета среднее число рабочих – 64 человека на каждом прииске. Их численность зависела от золотоносности прииска. Так, например, в Семипалатинской области на «Казанском прииске К^о Москвина Никонова 1887 г. число рабочих – 244, добыто 1 п. 39 ф. 63 з.» (Сборовский, 1896: 208).

Основную массу рабочих составляли взрослые мужчины в силу слабой механизации производства. Добыча рудного золота требовала физически крепких, здоровых рабочих зрелого возраста. Но в составе рабочих золотых приисков, рудников были также женщины, дети. На золотых приисках степи процент женского труда был незначителен и составлял в среднем 0,8–1,2 % от общей численности рабочих. В период, когда промывальные механизмы приводились в движение силой животных, особенно в засушливые годы, использовали труд детей, который составляет в среднем не более 5,2 % от числа рабочих. Женщины и дети составляли низкооплачиваемую категорию. О неравномерности оплаты женского, детского и мужского труда при одинаковой продолжительности рабочего дня свидетельствуют следующие данные: «в 1879 году на «Елизаветинском» прииске К^о Сабуровой и Пухова рабочие мужчины получали за шесть месяцев 22 руб. 50 коп., дети 15-летнего возраста – 18 руб.» (ЦГА РК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 145. Л. 244). В 1914 г. на приисках Тургайской области платили «хозяйским рабочим от 70 к. до 1 р. 20 к., женщинам – 45 к., подросткам 40 к. в день, а золотникам (старателям) от 3 до 4 р. за золотник золота» (Золотопромышленность, 1915: 25).

Распространенным способом оплаты труда рабочих на приисках была «трук-система». Золотопромышленники вместо денег выдавали рабочим в счет жалованья товары и продукты низкого качества по высокой цене и тем самым получали от этой махинации определенный доход. «Трук-система» господствовала на приисках Киргизской степи с возникновением частной золотопромышленности до начала XX века. Горный инженер А.Г. Влангали, побывавший на приисках Кокпектинского округа во время поездки, заметил: «Рабочим жалованье выдавалось не деньгами, а различными товарами» (Геогностические поездки..., 1853: 217).

Изучение положения приисковых рабочих является одним из важных вопросов, без которого трудно представить степень эксплуатации наемного труда предпринимателями и установить причины недовольства рабочих. Кроме низкой оплаты труда, установленной золотопромышленниками, другим источником их обогащения был удлинённый рабочий день. Закон «О частной золотопромышленности» 1838 г. установил на приисках 15-часовой рабочий день. Правительство официально разрешило золотопромышленникам до издания закона 1897 года использовать труд приисковых рабочих в течение 15-16 часового рабочего времени. Законом 2 июня 1897 г. при дневной работе время ограничению 11½ ч. в сутки. Фактически рабочий день составил 12 и более часов. По данным А. Колычева, «уроки» на приисках Киргизской степи в начале XX в. были «не меньше, чем в других местах Томской горной области, и никакими особенно выгодными климатическими или почвенными условиями прииски не отличались» (Колычев, 1904: 25).

Золотопромышленники, получая крупную прибыль от присвоения прибавочного продукта, вовсе не заботились о жилищных условиях рабочих. Окружной инженер А.А. Сборовский в своем отчете сообщает: «В течение последних 10 лет, с 1892 по 1902 год, владельцы Кокчетавских приисков

не знали никаких забот об устройстве жилых помещений для рабочих, так как киргизы-золотничники прибывали в большинстве случаев на прииски со своими юртами и всем хозяйством; нанимавшиеся же на хозяйственные работы (в ничтожном числе) были неприспособлены и либо жили тоже в юртах, если приходили с семьями, либо ютились как-нибудь при приисковой резиденции. Рабочие-золотничники из русских устраивали себе временные землянки, шалаши, палатки, а иногда пользовались оставленными постройками и зимовками» (Сборовский, 1908: 129-130).

Золотопромышленники практически не реагировали на изданные правила, постановления правительства и по медицинскому обслуживанию рабочих. В отчете горного департамента отмечены плохие санитарные условия казахских рабочих: «По-видимому, в несколько лучших санитарных условиях находятся рабочие на приисках Сибири, исключая киргизов в Семипалатинско-Семиреченском округе» (Отчет, 1894: 297). Устав о частной золотопромышленности обязывал золотопромышленников «построить на приисках больницу, если число приисковых рабочих достигало до 100 человек. Лекарства для больниц должны были покупаться на счет промышленника» (Устав..., 1893: 52). В законе «О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы» 1895 года сказано: «Лечение и довольствие больных рабочих, не исключая и золотничников (старателей) относятся на счет промышленника» (ПСЗ РИ – 3. Т. 15. № 11391). Окружной инженер Семипалатинско-Семиреченского округа характеризовал приисковых фельдшеров следующим образом: «Фельдшера, хотя и состояли почти на каждом прииске, но большинство было набрано из каких-то отставных солдат, якобы исполнявших в полках обязанности фельдшеров и имевших очень слабое представление о медицине» (Коцовский, 1904: 46), и поэтому казахские и русские рабочие недоверчиво относились к таким «лекарям».

В 1906 году V съезд золотопромышленников Степного-Южного горного округа, рассмотрев вопрос о медицинском обслуживании на золотых промыслах, отметил, что золотопромышленникам содержать и одного приискового врача тяжело: «...при данном состоянии местной золотопромышленности содержание и одного врача при существующем промысловом свыше 20 % обложении золотого промысла является значительной тяжестью» (V местный съезд..., 1906: 237).

Рабочие боролись за социальную справедливость. Наиболее простой и распространенной формой выступления рабочих было бегство с приисков. Бегство являлось стихийной формой борьбы. Оно вынуждало золотопромышленников отказаться от кабальных условий найма, подрывало полуфеодалные основы эксплуатации, обостряло проблему рабочей силы.

Другой формой борьбы рабочих против угнетения была подача жалоб и прошений начальству.

В 1890 г. рабочий Таукыт Мендыбаев жаловался полицейскому стражнику Серапионовского прииска С.М. Колмакову на издевательства управляющего прииском М.Г. Осипова. В жалобе сообщал о том, что прибыл на горные работы к купцу Валитову с семьей в апреле месяце. «Сноха по имени Умыт с грудным ребенком сильно больна. Управляющий прииском М.Г. Осипов отказался дать пищу и помещение, а также не согласился отпустить его обратно. Сейчас 27 апреля. Они расположились в полугоре под открытым небом и буранами на снегу, без пищи. Сделать землянку очень трудно одному, так как земля еще твердая, снег большой, глубокий» (ЦГА РК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 20. Л. 10).

Коллективными жалобами рабочие пытались придать своим выступлениям законную форму, иначе – легализовать их. Так, 29 марта 1908 г. от имени 200 рабочих Успенского рудника, расположенного в Семипалатинской области, была подана жалоба окружному инженеру. В ней рабочие указали невыполнение золотопромышленником и рудничным управлением условий договоров, незаконное удержание в счет заработка рабочих стоимости свечей, используемых для освещения шахт. Рабочие просили окружного инженера «приехать на рудник и расследовать дело лично» (ЦГА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3570. Л. 115).

С конца 80-х годов XIX в. на золотых приисках намечаются более активные формы борьбы – забастовки, стачки и волнения, участники которых выдвигали экономические требования: увеличение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда. Продолжительной была забастовка рабочих на рудниках «Николай» и «Основательный», расположенных в Алтайской волости Усть-Каменогорского уезда. Окружные горные инженеры Семипалатинского, Семиреченского и Акмолинского округов отмечали, что в случае недовольства рабочие в настоящее время прибегают к забастовкам, которые в материальном отношении чувствительнее для нанимателей, чем для рабочих.

С конца 80-х годов XIX в. до 1917 г. на золотых приисках и рудниках Киргизской степи произошло 13 забастовок экономического характера и 5 волнений.

5. Заключение

На основании проведенного анализа источников делается вывод о том, что золотой промысел в дореволюционный период на территории современного Казахстана возник и развивался на основе частного капитала и вольнонаемного труда. Золотые россыпи привлекли с 30-х годов XIX в. российский капитал, а с конца XIX – начала XX вв. – иностранный. Большая часть добытого золота до перехода к разработке рудного золота приходилась на долю купцов-торговцев и купеческих компаний. С начала XX века ведущая роль в добыче жильного золота принадлежала более крупным

компаниям, имеющим относительно солидный капитал. Золотой промысел, как и другие отрасли горного дела, сыграл прогрессивную роль в социально-экономической жизни края. Добыча золота обеспечивала беднейшую часть казахов рабочими местами. Рабочие, занятые в добыче и промывке золота, получали плату за свой труд продуктами, материалом или деньгами. Они осваивали новые профессии, совершенствовали свое мастерство в золотодобыче. Разработки золотоносных систем и освоение других природных богатств края поставили перед правительством вопрос о необходимости строительства железнодорожной магистрали и других путей сообщения, проходящих через степь.

Построенная Оренбургско-Ташкентская магистраль убила связь золотоносных районов степи с горнозаводскими центрами Сибири и Урала. Короткие железнодорожные линии, построенные в крае акционерными обществами, связывали разрабатываемые рудники с золотоизвлекающими фабриками.

Литература

V местный съезд..., 1906 – V местный съезд золотопромышленников Степного-Южного горного округа // *Горные и золотопромышленные известия*. 1906. № 21. С. 237-239.

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Геогностические поездки ..., 1853 – Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах штабс-капитана Влангали // *Горный журнал*. Ч. II. Кн. 4, Кн. 5. СПб., 1853.

Горная промышленность, 1911 – Горная промышленность. Золотопромышленность. Обзор Тургайской области за 1910 г. Оренбург, 1911.

Горная промышленность, 1915 – Горная промышленность. Золотопромышленность. Обзор Тургайской области за 1914 г. Оренбург, 1915.

Горная промышленность, 1916 – Горная промышленность. Золотопромышленность. Обзор Тургайской области за 1915 г. Оренбург, 1916.

Горнозаводская промышленность Сибири, 1904 – Горнозаводская промышленность Сибири в 1903 г. Семипалатинско-Семиреченский горный округ // *Горные и золотопромышленные известия*. 1904. № 23.

Горнозаводская промышленность Сибири, 1908 – Горнозаводская промышленность Сибири в 1908 г. // *Горные и золотопромышленные известия*. 1908. № 24. С. 299-300.

Денисов, 1891 – Денисов Н.А. О частной золотопромышленности в Западной Сибири (Из отчета Томского горного управления 1890 г.) // *Горный журнал*. 1891. № 12. Т. 4.

Доклад, 1863 – Доклад о государственном доходе с золотых промыслов. СПб., 1863. № 20.

Золотопромышленность в степи, 1912 – Золотопромышленность в степи // *Горные и золотопромышленные известия*. 1912. № 14.

Золотопромышленность, 1895 – Золотопромышленность. Обзор Семипалатинской области за 1894 г. Семипалатинск, 1895.

Золотопромышленность, 1897 – Золотопромышленность. Обзор Семипалатинской области за 1895 г. Семипалатинск, 1897.

Золотопромышленность, 1901 – Золотопромышленность. Обзор Семипалатинской области за 1900 г. Семипалатинск, 1901.

Золотопромышленность, 1907 – Золотопромышленность. Обзор Семипалатинской области за 1906 г. Семипалатинск, 1907. С. 48-49.

Золотопромышленность, 1913 – Золотопромышленность. Обзор Семипалатинской области за 1911 г. Семипалатинск, 1913. С. 46-47.

Колычев, 1904 – Колычев А. Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб., 1904.

Корреспонденция из Зайсанского уезда, 1912 – Корреспонденция из Зайсанского уезда // *Горные и золотопромышленные известия*. 1912. № 13. С. 297-298.

Коцовский, 1904 – Коцовский В.Д. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. Ч. 1. СПб., 1904.

Красовский, 1868 – Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. 2. СПб., 1868 // *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба*. Т. 16.

Кулибин, 1883 – Кулибин К.А. О мерах к усилению добычи золота в России // *Горный журнал*. 1883. Т. 1. № 13.

Кулибин, 1893 – Кулибин К.А. Наша золотопромышленность // *Вестник золотопромышленности и горного дела вообще*. 1893. № 2.

Кулибин, 1908 – Кулибин А.К. Техника разработки месторождений золота // *Золото и платина*, 1908. № 8.

Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 655 с.

Обручев, 1912 – Обручев В.А. К орфографии и геологии Калбинского хребта // *Горные и золотопромышленные известия*. 1912. № 12. С. 208-211.

- [Отчет горного департамента..., 1894](#) – Отчет горного департамента за 1892 г. // *Вестник золотопромышленности и горного дела вообще* // 1894. № 18.
- [Паллас, 1786](#) – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786.
- [Первый всероссийский съезд..., 1907](#) – Первый всероссийский съезд золото- и платинопромышленников // *Горные и золотопромышленные известия*. 1907. № 9.
- [Потанин, 1997](#) – *Потанин Г.Н.* Тайжанае. Томск, 1997. 302 с.
- [ПСЗ РИ-1, 1713](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1713.
- [ПСЗ РИ-2, 1731](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1731.
- [ПСЗ РИ-3, 1835](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1835.
- [Сборовский, 1896](#) – *Сборовский А.А.* Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири и Тобольской губернии // *Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества*. Кн. XIX. Омск. 1896.
- [Сборовский, 1908](#) – *Сборовский А.А.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Кокчетавского района. СПб., 1908. 230 с.
- [Сведения о добыче золота..., 1894](#) – Сведения о добыче золота на приисках Российского золотопромышленного общества за декабрь месяц 1912 г. // *Золото и платина*, 1894. № 18.
- [Семевский, 1898](#) – *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. 2. СПб., 1898.
- [Устав..., 1893](#) – Устав о частной золотопромышленности, 1893. СПб., 1904.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [CGA RK](#) – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Denisov, 1891](#) – *Denisov N.A.* (1891). O chastnoj zolotopromyshlennosti v Zapadnoj Sibiri (Iz otcheta Tomskogo gornogo upravleniya 1890 g.) [On the private gold industry in Western Siberia (From the report of the Tomsk Mining Administration in 1890)]. *Gornyj zhurnal*. №12. Т. 4. [in Russian]
- [Doklad, 1863](#) – *Doklad o gosudarstvennom dohode s zolytyh promyslov* [Report on government revenue from gold mining]. SPb., 1863. № 20. [in Russian]
- [GAAK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [The state archive of Altai Krai].
- [GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [The state archive of Tomsk Krai].
- [Geognosticheskie poezdki ..., 1853](#) – *Geognosticheskie poezdki v vostochnuyu chast' Kirgizskoi stepi v 1849 i 1851 godakh shtabs-kapitana Vlangali* [Geognostic trips to the eastern part of the Kyrgyz steppe in 1849 and 1851 of the head captain Vlangali]. *Gornyi zhurnal*. Ch. II. Kn. 4, Kn. 5. SPb., 1853. [in Russian]
- [Gornaya promyshlennost', 1911](#) – *Gornaya promyshlennost'. Zolotopromyshlennost'. Obzor Turgaiskoi oblasti za 1910 g.* [Mining. Gold mining. Overview of the Turgai region for 1910]. Orenburg, 1911. [in Russian]
- [Gornaya promyshlennost', 1915](#) – *Gornaya promyshlennost'. Zolotopromyshlennost'. Obzor Turgaiskoi oblasti za 1914 g.* [Mining. Gold mining. Overview of the Turgai region for 1914]. Orenburg, 1915. [in Russian]
- [Gornaya promyshlennost', 1916](#) – *Gornaya promyshlennost'. Zolotopromyshlennost'. Obzor Turgaiskoi oblasti za 1915 g.* [Mining. Gold mining. Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg, 1916. [in Russian]
- [Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri, 1904](#) – *Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri v 1903 g. Semipalatinsko-Semirechenskii gornyi okrug* [Mining industry of Siberia in 1903. Semipalatinsk-Semirechensky mountain district]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. № 23. [in Russian]
- [Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri, 1908](#) – *Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri v 1908 g.* [Mining industry of Siberia in 1908]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. № 24. Pp. 299-300. [in Russian]
- [Kocovskij, 1904](#) – *Kocovskij V.D.* (1904). Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Semipalatinskoj i Semirechenskoj oblastej [Report on the statistical, economic and technical study of the gold industry of the Semipalatinsk and Semirechensk regions]. Ch. 1. SPb. [in Russian]
- [Kolychev, 1904](#) – *Kolychev A.* (1904). Rabochie na priiskah Sibiri [Workers in the Siberian mines]. Tomskaya gornaya oblast'. SPb. [in Russian]
- [Korrespondenciya iz Zajsanskogo uezda, 1912](#) – *Korrespondenciya iz Zajsanskogo uezda* // *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya* [Correspondence from Zaysan County]. 1912. № 13. Pp. 297-298. [in Russian]
- [Krasovskij, 1868](#) – *Krasovskij M.* (1868). Oblast' sibirskih kirgizov. CH.2. SPb., 1868 [The region of the siberian kyrgyz. Part 2. St. Petersburg, 1868]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Т. 16. [in Russian]
- [Kulibin, 1883](#) – *Kulibin K.A.* (1883). O merah k usileniyu dobychi zolota v Rossii [On measures to strengthen gold production in Russia]. *Gornyj zhurnal*. Т. 1. №13. [in Russian]
- [Kulibin, 1893](#) – *Kulibin K.A.* (1893). Nasha zolotopromyshlennost' [Our gold industry]. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche*. №2. [in Russian]
- [Kulibin, 1908](#) – *Kulibin A.K.* (1908). Tekhnika razrabotki mestorozhdenij zolota [Technique for the development of gold deposits]. *Zoloto i platina*. № 8. [in Russian]

- [Levshin, 1996](#) – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisatsky, hordes and steppes]. Almaty. 655 p. [in Russian]
- [Obruchev, 1912](#) – *Obruchev V.A.* (1912). K orfografii i geologii Kalbinskogo hrebta [To the spelling and geology of the Kalba ridge]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. №12. Pp. 208-211. [in Russian]
- [Otchet gornogo departamenta..., 1894](#) – Otchet gornogo departamenta za 1892 g. [Report of the mining department for 1892]. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche*. №18. [in Russian]
- [Pallas, 1786](#) – *Pallas P.S.* (1786). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii [Traveling to different provinces of the Russian Empire. Part 2]. Ch. 2. Kn. 2. SPb. [in Russian]
- [Pervyj vserossijskij s"ezd..., 1907](#) – Pervyj vserossijskij s"ezd zoloto i platino-promyshlennikov [The first all-russian congress of gold and platinum producers]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. №9. [in Russian]
- [Potanin, 1997](#) – *Potanin G.N.* (1997). Tajzhane [Taizhan]. Tomsk. 302 p. [in Russian]
- [PSZ RI-1, 1713](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1713. [in Russian]
- [PSZ RI-2, 1731](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1731. [in Russian]
- [PSZ RI-3, 1835](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1835. [in Russian]
- [Sborovskij, 1896](#) – *Sborovskij A.A.* (1896). Materialy k izucheniyu gornogo dela v stepnyh oblastyah Zapadnoj Sibiri i Tobol'skoj gubernii [Materials for the study of mining in the steppe regions of Western Siberia and Tobolsk province]. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XIX. Omsk. [in Russian]
- [Sborovskij, 1908](#) – *Sborovskij A.A.* (1908). Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Kokchetavskogo rajona [Report on the statistical, economic and technical study of the gold industry of the Kokchetav district]. SPb. 230 p. [in Russian]
- [Semevskij, 1898](#) – *Semevskij V.I.* (1898). Rabochie na sibirskih zolotyh promyslah [Workers in the Siberian gold mining]. T. 2. SPb. [in Russian]
- [Svedeniya o dobyche zolota..., 1894](#) – Svedeniya o dobyche zolota na priiskah Rossijskogo zolotopromyshlennogo obshchestva za dekabr' mesyac 1912 g. [Information about the extraction of gold at the mines of the Russian Gold Industry Society for the month of December 1912]. *Zoloto i platina*. № 18. [in Russian]
- [Ustav, 1893](#) – Ustav o chastnoj zolotopromyshlennosti [Charter on the private gold industry]. 1893. SPb., 1904. [in Russian]
- [V mestnyj s"ezd, 1906](#) – V mestnyj s"ezd zolotopromyshlennikov Stepnogo YUzhnogo gornogo okruga [V local congress of gold miners of the Steppe-Southern mountain district]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1906. №21. Pp. 237-239. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1895](#) – Zolotopromyshlennost'. Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1894 g. [Gold mining. Review of the Semipalatinsk region for 1894.]. Semipalatinsk. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1897](#) – Zolotopromyshlennost'. Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1895 g. [Gold mining. Review of the Semipalatinsk region for 1895]. Semipalatinsk, 1897. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1901](#) – Zolotopromyshlennost'. Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1900 g. [Gold mining. Overview of the Semipalatinsk region for 1900]. Semipalatinsk, 1901. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1907](#) – Zolotopromyshlennost'. Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1906 g. [Gold mining. Review of the Semipalatinsk region for 1906]. Semipalatinsk. Pp. 48-49. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1912](#) – Zolotopromyshlennost' v stepi [Gold mining in the steppe]. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1912. №14. [in Russian]
- [Zolotopromyshlennost', 1913](#) – Zolotopromyshlennost'. Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1911 g. [Gold mining. Review of the Semipalatinsk region for 1911]. Semipalatinsk, 1913. Pp. 46-47. [in Russian]

Из истории золотодобычи на территории современного Казахстана: конец XIX – начало XX веков

Советхан К. Игибиев ^{а, *}

^а Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается зарождение и развитие золотопромышленности на территории современного Казахстана. Золотой промысел возник и развивался как отдельная отрасль горнодобывающей промышленности на основе вложения частного капитала и вольнонаемного труда.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aiko-53@mail.ru (С.К. Игибиев)

Показана роль купцов и купеческих компаний в разработке золотых россыпей и их постепенное вытеснение крупными акционерными обществами, иностранными фирмами в освоении богатых золотоносных систем территории. Кроме золота, дополнительным источником дохода у золотопромышленников стали отведенные им земли под прииски и рудники. На основе введения в научный оборот новых архивных, иных источников и их анализа автор приходит к выводу о том, что условия найма рабочих в золотопромышленности, в основном, были капиталистические, однако до середины 90-х годов XIX в. имели в них место остатки докапиталистических черт. При оплате труда рабочих господствовала «трук-система». С дальнейшим развитием капиталистических отношений, углублением имущественного и социального неравенства в ауле и деревне, образованием избытка рабочих рук отпала необходимость золотопромышленника удерживать дешевые рабочие силы путем долговой кабалы.

Ключевые слова: золото, предприниматель, трук-система, промышленный капитал, золотоносная россыпь, частный устав, рудник, Российское акционерное общество, буржуазия.

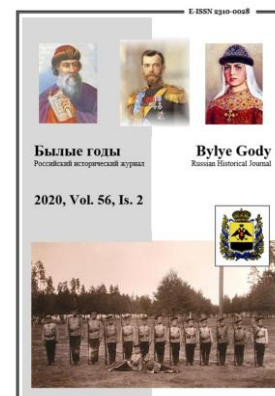
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 759-768. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.759
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Development Peculiarities of Gold Mining Industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the second half of the XIX century

Zhanna V. Petrunina ^{a, *}, Galina A. Shusharina ^a, Roman A. Gromov ^a

^a Komsomolsk-na-Amure State University, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes the process of gold mining industry development in the second half of the XIX century in the East Siberian Governorate General. In this paper interaction forms between local and central authorities regarding gold mining are determined. The historical sources used in the work confirm that the main factors influencing the development of the industry during the period under review were as follows: remoteness of the territory from the center, poor technical equipment, and geographical features that does not allow the use of existing methods of gold mining, lack of qualified personnel and high crime rate. Despite the difficulties, conditions for the gold mining development in Far Eastern regions of the East Siberian Governorate General have developed in the Amur Territory. Most of those conditions were taken into account in the following years. Brisk economic growth of the Amur Region stimulated scientific research in the Far East of the country concerning ethnography, hydrography, ichthyology, and cartography; and served as an impetus for the development of transport infrastructure and the construction of telegraph lines. The work raised the question of the national policy implementation in the region by the Russian government. Geological exploration provided an impetus to the development of the Russian Far East as a whole, and helped to attract and consolidate the population in this part of the country. The authors note that the experience gained can be useful in realities of the modern Far East development.

Keywords: East Siberian Governorate General, Far East of Russia, gold mining, geological exploration expeditions, the national question.

1. Введение

Российский Дальний Восток богат природными ресурсами, развивает промышленную базу и транспортную инфраструктуру. Дальневосточные территории нашей страны вовлечены в экономическое взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), представляя потенциал России в разных сферах. В последние годы Правительством РФ уделяется особое внимание развитию Дальнего Востока. Многие отрасли промышленности, появившиеся почти полтора века назад, и сейчас сохранили свою значимость в экономической жизни региона. К их числу следует отнести золотодобычу.

В 2019 г. Правительством Российской Федерации (РФ) была рассмотрена Национальная программа развития Дальнего Востока до 2025 г. и на перспективу до 2035 г., в которой добыча полезных ископаемых выступала в качестве одной из ключевых отраслей экономики. Добыча полезных ископаемых, а именно золотодобыча, играет важную экономическую роль как в развитии страны, так и в развитии дальневосточного региона. Высокие показатели добычи золота на Дальнем Востоке являются результатом формирования золотопромышленной базы и ее работы в регионе на протяжении нескольких столетий.

* Corresponding author

E-mail addresses: petrunina71@bk.ru (Z.V. Petrunina)

Активное проникновение русских на Дальний Восток началось в XVII в. На протяжении трехсотлетней истории отношение правящих кругов России менялось к этой части страны. Одним из важных, влияющих на основы дальневосточного устройства, был вопрос, сможет ли регион достичь такого уровня социально-экономического развития, чтобы, обеспечив собственные потребности, вносить вклад в экономическое развитие всего государства и привлекать инвестиции в свое развитие. Одним из механизмов, способствующих решению этого вопроса, было развитие добывающей промышленности.

Следует уточнить, что субъекты современного Дальневосточного федерального округа, в которых в настоящее время продолжается развитие золотопромышленности, в разные годы являлись субъектами Восточно-Сибирского, Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств. Приморский край, Амурская область, Саха Якутия и Забайкальский край в XIX в. входили в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В состав образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства с центром в г. Хабаровск вошли Приморская область (нынешняя Амурская область и Приморский край) и Забайкальская область (нынешний Забайкальский край). В 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское генерал-губернаторство со столицей в г. Иркутск, куда наряду с Иркутской и Енисейской губерниями входила Якутская область (нынешняя Саха Якутия). Изучение истории складывания золотопромышленности на Дальнем Востоке страны во второй половине XIX в. позволит не только рассмотреть уровень развития золотопромышленности в Якутской, Амурской, Забайкальской и Приморской областях в исторической ретроспективе, но и будет свидетельствовать о том, что развитие золотопромышленности способствовало формированию Дальневосточного региона.

2. Материалы и методы

Основным историческим источником настоящего исследования явился «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», издаваемый по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. В томе 7 и двух Приложениях к указанному тому, которые вышли в 1884 и 1885 гг., подробно рассмотрены отчеты ревизоров, представлены сведения об объемах добытого золота на дальневосточных приисках, условиях его транспортировки и продажи. Богатый фактический материал, позволивший воссоздать историю развития золотодобычи на Дальнем Востоке, был почерпнут из публикаций «Горного журнала», который издавался с 1825 г. и являлся одним из старейших отраслевых периодических изданий в России. Публикуемые статьи служили доказательством заинтересованности правительства Российской империи в развитии золотопромышленности на Дальнем Востоке. Среди наиболее значимых публикаций журнала по исследуемой тематике следует отметить «Отчет о действиях поисковой партии в Амурской области», составленный штабс-капитаном Н.П. Аносовым, который стал руководителем первой поисковой экспедиции в Амурской край. В «Горном журнале» был представлен обзор работы Геологического комитета, считавшегося одним из ведущих государственных учреждений, деятельность которого была направлена на изучение недр страны и проведение геолого-разведывательных изысканий.

Научное исследование было проведено с использованием традиционных специально-исторических методов. Историко-генетический – позволил изучить события и факты золотопромышленности в дальневосточных районах Восточно-Сибирского генерал-губернаторства во второй половине XIX в., исследовать начальный период развития золотопромышленности в обозначенном регионе, определив его как базисный, и рассмотреть последующие вехи развития отрасли вплоть до XXI в.

Сравнительно-исторический метод дал возможность сравнить ряд характеристик, касающихся ситуации в золотопромышленности во второй половине XIX в., выявив общие и особые явления, проявившиеся в рассматриваемый период. При изучении решений Совета Главного управления Восточной Сибири и отчетов из горных округов были выявлены причинно-следственные связи, позволившие сделать вывод о том, был ли в целом подъем золотопромышленности в дальневосточных районах Восточно-Сибирского генерал-губернаторства во второй половине XIX в. или золотопромышленность переживала стагнацию.

С помощью статистического метода был проведен анализ данных, имеющих численное выражение (о действовавших приисках и полученном шлиховом золоте, о количестве утвержденных межевых актов на золотые прииски и о происшествиях на них). Благодаря статистическому методу, из исторических источников была извлечена информация, с помощью которой были дополнены или уточнены данные, касающиеся общих и частных вопросов развития золотопромышленности в дальневосточных районах Восточно-Сибирского генерал-губернаторства во второй половине XIX в.

3. Обсуждение

В отечественной историографии накоплен материал, характеризующий состояние золотопромышленности в XIX – начале XX вв. как в Российской империи, так и в разных регионах. Проблемы развития золотодобывающей промышленности получили отражение в трудах историков, геологов, экономистов и представителей других наук.

В дореволюционное время специальных исследований по рассматриваемой теме не было. Этот период характеризовался накоплением исторического материала, который был представлен записками горных инженеров, задействованных в добыче золота ([Отчет по статистико-экономическому..., 1902](#); [Отчет по статистико-экономическому..., 1905](#)), и отчетами чиновников ([Вильчинский, 1904](#); [Унтербергер, 1912](#)).

В первые годы советской власти в России историки занимались подведением итогов развития отрасли на Дальнем Востоке к началу XX в. и определяли возможные перспективы ее развития. Однако использование принудительного труда на рудниках в 1930-х гг. затрудняло изучение этого вопроса. Одной из первых работ в советской историографии стало исследование В.В. Данилевского, в котором были обозначены основные векторы государственной политики в отношении развития промысла по добыче золота в XIX столетии ([Данилевский, 1959](#)).

Активизация исследовательского внимания к изучению развития золотопромышленности Дальнего Востока была отмечена в 1970-х гг. В этот период появились новые исследования и на региональном уровне. Вопросы развития золотодобычи Приамурья занимался М.В. Ступников ([Ступников, 1975](#)). История золотодобычи на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. стала одной из частей в исследовании А.И. Алексеева (при участии Б.Н. Морозова) ([Алексеев, Морозов, 1989](#)). Опираясь на архивные материалы, авторы доказали, что дальневосточная экономика к концу XIX в. превосходила экономическое развитие России в целом, при этом одним из основных показателей, подтверждающих это, стало динамичное развитие горных промыслов в регионе. Заметным вкладом в изучение истории развития золотопромышленности в Сибири во второй половине XIX в. стала работа С.Ф. Хроленка ([Хроленок, 1990](#)). Советские исследователи изучили периоды формирования политики российского дореволюционного правительства в отношении золотодобычи, связывая особенности развития отрасли с этапами модернизации экономического развития России и изменениями в социальной структуре государства.

В период становления российской историографии появился доступ к новым документам, которые могли бы пролить свет на новые факты или уточнить уже устоявшиеся в исторической науке позиции. Однако в первой половине 1990-х гг. большинство публикаций носили обзорный характер. Среди новых направлений исследований следует отметить изучение золотопромышленного предпринимательства ([Троицкая, 1994](#)).

Особое место в российской историографии по истории золотопромышленности занимают исследования А.В. Сапоговской ([Сапоговская, 1998](#); [Сапоговская, 2008](#)). Автором в исторической ретроспективе был проведен сравнительный анализ развития золотопромышленности на Урале и в Сибири, выявлены особенности развития отрасли на территории всей страны. Л.В. Сапоговская указала на важность развития золотодобычи в России как фактора, способствующего ее экономическому росту.

4. Результаты

Впервые поиск залежей золота на русских землях начался еще в конце XV в. Однако открытию золотосодержащих руд и развитию горнодобывающей промышленности в России способствовала политика Петра I, направленная на поощрение деятельности казенных геолого-разведывательных экспедиций. При нем начало складываться горное законодательство. Указом «Привилегия о рудах и минералах», изданном Петром I в декабре 1719 г., была закреплена исключительная государственная собственность на недра земли («горная регалия»). В последующие годы проходил процесс оформления горного законодательства в Российской империи. При Екатерине II «горная регалия» была уничтожена, в результате право собственности на недра земли получили дворяне. В стране зарождались капиталистические отношения и требовались новые условия для развития горнодобывающей промышленности.

В соответствии с указом Сената «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати» (май 1812 г.) в России была снята государственная монополия на золотодобычу. Податные сословия призывались отыскивать золотые и серебряные руды, тем самым Сенат потенциально увеличивал число частных золотопромышленников. В 1838 г. этот указ был закреплен в «Положении о частной золотопромышленности в казенных землях Сибири», в соответствии с которым любой российский подданный при соблюдении законов мог ходатайствовать о выдаче ему свидетельства о праве искать золото на казенных землях. В 1870 г. был издан «Устав о частной золотопромышленности», определявший условия разработки золотых приисков по всей стране.

Следующей крупной вехой стало создание в Российской империи Геологического комитета (январь 1882 г.), который принято считать первым государственным геологическим учреждением в России. В этом же году в «Горном журнале» было опубликовано положение о новом государственном органе, дающее ответ на вопрос о его функциях и задачах ([Приказы..., 1882: XV–XXVIII](#)). Геологический комитет (ГЕОЛКОМ) образовывался при Департаменте Министерства государственных имуществ в первую очередь для более подробного изучения освоения ресурсов России. Факт учреждения геологического комитета говорит о повышенном интересе российского

правительства к богатствам, лежащим в недрах земли, потребности в развитии добывающей промышленности, которая продолжает занимать одну из ключевых позиций в российской экономике, и о желании государства задействовать и правильно развивать такую большую территорию.

Наряду с оформлением законодательной базы по развитию горнодобывающей промышленности, XIX в. стал временем большого количества геолого-разведывательных экспедиций, которые определяли уровень и объем природных ископаемых в стране. К началу XIX в. в России было несколько крупных центров, где добывалось золото: Забайкалье, Алтай и Урал. К середине XIX в. уже шла добыча золота в Западной и Восточной Сибири, были открыты Ленский и Амурский золотороссышные районы. Золотодобыча стала одной из крупных статей дохода в экономику страны.

Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке России по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского было проведено несколько геолого-разведывательных экспедиций (А.Ф. Миддендорфа, Н.Г. Меглицкого, Г.И. Невельского, Н.Х. Агте), в результате которых была доказана золотоносность Дальнего Востока и собраны геологические данные о регионе. Среди многих экспедиций того времени отдельно следует отметить геолого-разведывательную экспедицию Н.П. Аносова, благодаря которой были найдены большие залежи золота в Амурском крае (в составе Восточной Сибири так обозначались Амурская и Приморская области).

В 1857 г. экспедиция Н.П. Аносова провела изыскания в Приморской области, результаты которых сам горный инженер оценил весьма скромно. Основная деятельность партии началась в 1859 г., когда Н.П. Аносов отправился на поиски золотых россыпей в Амурскую область. Его поисковой партии генерал-губернатор поставил задачу постараться открыть россыпи как можно ближе к берегам Амура (Аносов, 1861: 4). Партия выполнила свою задачу менее чем за год. К 1 мая 1860 г. она открыла золотоносную местность в верхнем течении Амура около горы Солкокон. Основными для разработки были определены две россыпи. Первая – по рекам Модолакан и Модолан, впадающей реку Ольду, являющейся притоком Амура. Россыпь имела длину в 500 сажень и ширину 15 сажень (сажень = 2,1336 м), на 100 пудов (пуд = 16,380 кг) приходился 1 золотник золота (4,2657 г). Россыпь тянулась между нагромождениями валунов и потому подвергалась частым изменениям в ширине и толщине пласта. Торф и пласт находились в мерзлом состоянии. Воды в речке было достаточно для малого промысла. Вторая россыпь по р. Ульдикит, впадающей справа в р. Модолан. Россыпь имела длину 3 версты (верста = 1 066,8 м) и ширину 15 сажень, на 100 пудов песка приходилось 0,5 золотника золота. Отмечалось, что пласт лежит правильно и следует руслу реки, но пласт и торф тоже находились в мерзлом состоянии. Воды и леса достаточно для малого промысла (Аносов, 1861: 26). Начальник поисковой партии заключил, что со временем, при удешевлении рабочих рук на Амуре, а также при понижении цен на припасы, она будет доступна к разработке. Российский инженер Н.П. Аносов также предложил, что в следующем 1861 г. в эту местность следует командировать еще одну поисковую партию, которая проведет дополнительные изыскания открытой россыпи, поскольку некоторые ее части летом 1860 г. были залиты водой и не могли быть исследованы.

На тот момент еще штабс-капитан Н.П. Аносов открытием двух россыпей завершил работу возглавляемой им поисковой партии в Амурской области. В результате были открыты золотые россыпи на ближайшем расстоянии от Амура (на 1860 г. это два дня пути). Однако была выявлена проблема, требующая срочного решения: в Амурском крае не было карт, достоверно отражающих рельеф. В числе наиболее удачных горный инженер отмечал карту полковника Будаговского, вышедшую в ноябре 1860 г. Таким образом, Н.П. Аносов через собственный опыт и общение с местными жителями (тунгусами) способствовал расширению представлений в России обо всем Амурском крае.

Осложнение международной обстановки в приграничных с Россией северо-восточных территориях Китая и, как следствие, активизация внешней политики России в регионе требовали от правительства принять меры к развитию экономической жизни на Дальнем Востоке, что должно было не только привлечь в этот регион население, но и создать условия для его закрепления.

В последней трети XIX в. в горное законодательство были внесены изменения. В 1870 г. вышел новый устав о частной золотопромышленности, в котором были окончательно отменены все сословные ограничения на право разработки золотых месторождений на территории России (Сборник..., 1884: 108). Устав способствовал созданию комфортных условий для развития золотопромышленности, но был еще несовершенен. Важно было учитывать особенности каждого региона, в котором осуществлялась добыча золота.

В 1873 г. военный губернатор Амурской области генерал-майор И.К. Педашенко представил в Совет Главного управления Восточной Сибири доклад, в котором учитывались предложения людей, имевших опыт работы в золотопромышленности. Н.П. Аносов предлагал прежде всего учитывать значительные расстояния в Амурском крае, а следовательно, во-первых, усовершенствовать подачу заявок на прииски, позволив подавать документы в учреждение, ближайшее к рудникам, а во-вторых, увеличить срок найма рабочих до двух лет (Сборник..., 1884: 110). Один из соратников Н.П. Аносова,

собственник и главноуправляющий приисками Верхне-Амурской золотопромышленной К^о Н.Д. Бенардаки считал, чтобы создать благоприятные условия работы для приисков следует уменьшить «процентную подать»; увеличить размер ссуд, «выдаваемых из отделения государственного банка под шлиховое золото», разрешить выдавать свидетельства горным исправникам или лицам, исполняющим их обязанности; увеличить срок найма рабочих до двух лет. Важным предложением можно считать запрет открывать питейные дома и склады около приисковых резиденций ([Сборник..., 1884: 110](#)).

Золотопромышленность на восточных землях своим развитием стимулировала не только приисковое устройство, но и поднимала вопросы, связанные с реализацией национальной политики в регионе. В Амурском крае проживали многие народы, оказавшиеся на Дальнем Востоке по разным причинам (коренные жители и жители приграничных государств, сосланные, ищущие лучшей доли). Наибольшую заботу местных властей вызывала политика в отношении евреев.

Основные механизмы решения местной властью национальных вопросов были зафиксированы в решении Совета Главного управления Восточной Сибири. Учреждение было создано еще в 1822 г. по инициативе М.М. Сперанского и занималось решением разнообразных вопросов взаимодействия с местным населением, проблемами развития отношений с соседними государствами (Китай и Монголия), укреплением границ России ([Шигильдеева, 2017: 14](#)).

Начиная с середины XIX столетия одним из ключевых вопросов национальной политики в Российской империи стал «еврейский вопрос». Место проживания евреев в России начало регламентироваться еще при Екатерине II, которая в период своего правления ввела «черту оседлости», запрещавшую евреям самостоятельно определять место жительства в Российской империи. Это положение было окончательно закреплено в 1804 г. ([ПСЗРИ, Т. XXVIII, 1830: 731](#)). Ограничения касались и возможности выбора видов деятельности, получения образования и доступа к культурным ценностям. В июне 1860 г. Государственным советом был закреплен запрет евреям «поселяться на 100-верстном расстоянии от Китайской границы» ([РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 207. Л. 7](#)).

Несмотря на действующие в России ограничения по проживанию евреев, привлечение еврейского населения в Сибирь и на Дальний Восток являлось одним из источников увеличения количества населения в регионе и отвечало интересам России второй половины XIX в. Для разрешения этих противоречий в последней трети XIX в. Совет Главного управления Восточной Сибири занялся вопросом о возможности предоставления прав заниматься евреям «золотым промыслом».

В октябре 1870 г. Совет рассмотрел вопрос о праве евреев заниматься золотопромышленностью в Восточной Сибири ([Сборник..., 1884: 44-46](#)). Среди многих факторов, оказавших влияние на изменение положения, доминировал экономический. В обосновании своего решения, вносящего коррективы в устоявшееся положение дел относительно евреев, Совет опирался на IX, XI, XIV тома Свода законов Российской империи и Устав о частной золотопромышленности 1870 г.

Несмотря на то что значительная часть евреев была приписана в податное сословие, их положение оставалось непростым. По решению Совета евреи, кроме «ссылно-поселенцев», желающие заниматься золотым промыслом, должны были иметь при себе удостоверение на место жительства в золотосодержащем районе, подтверждающее, что «они не были лишены особенных прав и преимуществ лично и по состоянию присвоенных» ([Сборник..., 1884: 46](#)). Золотым промыслом могли заниматься евреи механики, винокуры, пивовары, мастера разных ремесел, а также их жены и дети. Особое положение занимали евреи, имевшие дипломы об ученых степенях докторов, кандидатов и магистров медицины и хирургии или докторов, кандидатов и магистров по другим наукам, просто евреи врачи. В 1872 г. министр финансов, статс-секретарь М.Х. Рейтерн в письме к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову подтвердил право евреев, «приписанным к городам Империи и Царства Польского», заниматься золотопромышленностью в Сибири ([Сборник..., 1884: 49-50](#)). Принятие соответствующих законов не привело к массовому притоку евреев в Амурскую область, однако небольшое количество еврейских семей все же появилось на Дальнем Востоке. Еврейский народ накопил ценный опыт и, повав в золотопромышленную обстановку XIX в., сыграл положительную роль в развитии золотопромышленности на Дальнем Востоке. В подтверждение этому можно привести замечания относительно евреев Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, который в своем всеподданнейшем отчете царю в 1895 г. указал, что «некоторые предприимчивые еврейские капиталисты и ремесленники могли бы содействовать торгово-промышленному развитию края, так нуждающегося в капиталах предприимчивых людей и всякого рода специалистах» ([Всеподданнейший отчет..., 1895: 22](#)).

Привлечение евреев к золотодобыче на Дальнем Востоке удовлетворяло интересам как властей, так и самих евреев. С одной стороны, по мере хозяйственного освоения Дальнего Востока постепенно увеличивалась численность населения региона. С другой – среди евреев «все более являются желающие водвориться в новом крае, столь выгодном для всякого рода ремесел и промыслов» ([Всеподданнейший отчет..., 1895: 22](#)). Несмотря на очевидные выгоды от привлечения евреев к золотому промыслу, к концу XIX в. в отношении этого народа стали вновь действовать ограничения для въезда и выезда на Дальний Восток.

Наряду с еврейским населением, к развитию золотопромышленности привлекались и жители приграничных к России территорий Китая. Возможность работать на горных промыслах в России китайские отходники получили по решению губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева в 1861 г., однако через некоторое время китайцев ограничили в этом праве. Присутствие китайских рабочих на российских приисках не только увеличило количество преступлений, но и создавало проблемы для российских рабочих при приеме на работу. Вопрос об ограничениях при приеме иностранных рабочих на горные прииски был поднят в 1885 г. генерал-губернатором Приамурья и министром земледелия и государственных имуществ.

Во второй половине XIX в. количество жителей Китая на российских дальневосточных территориях стабильно увеличивалось. Так, если в 1858–1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 6300 оседлых и 2–3 тыс. бродячих китайцев (не считая «зазейских маньчжур»), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним (Соловьев, 1989: 38). Золотопромышленники с удовольствием нанимали на прииски Амурской области сроком на один год жителей Китая, отличавшихся трудолюбием, выносливостью и спокойствием (Сборник..., 1884: 114). Несмотря на введение квот и ограничений в 1890-х гг., количество китайских рабочих на золотых приисках Амурского края неизменно увеличивалось. Обеднение месторождений золотых руд подтолкнуло владельцев использовать дешевый труд. С другой стороны, неконтролируемый приток китайских рабочих привел к повсеместному распространению хищнической добычи драгоценных металлов (Пак, 1994: 73-74).

Следует отметить, что подобные процессы, связанные с присутствием русских на китайских приисках, имели место на китайском берегу Амура, где еще в 1860 г. русскими казаками были открыты золотые россыпи, активная разработка которых началась с 1880-х гг., заложив в российско-китайских отношениях так называемый «Желтугинский вопрос» (Дацышен, 2000: 122-125).

Наряду с евреями и китайцами, к работам привлекались и корейцы.

По решению Совета Главного управления Восточной Сибири недопуск или полное отстранение рабочих по национальному признаку от золотого промысла на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. не осуществлялось. При решении о привлечении к работе учитывались навыки человека, его квалификация и степень полезности в золотопромышленности для государства. Благодаря этому снимались или пересматривались национальные ограничения. Решение Совета не допускало возможность найма на два года, но была предложена усовершенствованная система выдачи паспортов и билетов для найма рабочих, подтверждена возможность в случае нехватки рабочей силы нанимать китайцев и корейцев.

Таким образом, правительство Российской империи всячески пыталось улучшить развитие золотопромышленности в дальневосточном регионе, используя разные способы. Большое внимание уделялось изучению положения на местах, представлений местных властей об особенностях и тенденциях развития золотопромышленности в регионе. Учитывалось и мнение самих золотопромышленников, знавших проблемы изнутри. Производилось не только изучение препятствий для развития, но и предлагались варианты решения этих проблем. Отметим, что ответственная власть прежде всего опиралась на основательность существующих проблем, свои финансовые возможности и поиск эффективного решения.

Результатом проводимой политики стало наращивание объема добытого золота почти на 100 пудов при незначительном увеличении количества приисков в Амурской области. Так, за период с 1873 по 1882 гг. ситуация в Амурской области выглядела следующим образом:

Таблица 1. Сведения о числе действовавших приисков, количестве промытых золотосодержащих песков и полученном шлиховом золоте (Приложение..., 1884: 31)

Год	Число действовавших приисков в Амурской области	Количество промытых песков в пудах	Количество полученного шлихового золота (в пудах)
1873	12	30,850,789	161
1874	4	31,068,765	150
1875	5	46,025,750	173
1876	10	54,446,100	171
1877	10	50,734,825	172
1878	11	50,423,800	167
1879	12	68,381,940	226
1880	13	65,721,100	235
1881	14	77,875,700	263
1882	15	75,600,850	254

Относительно благоприятные экономические условия для развития золотодобычи в Амурской области привели к тому, что прииски в этой части Приамурского генерал-губернаторства

практически не продавались с торгов. Так, за 1873–1882 гг. продажи приисков в Амурской области производились: в 1874 г. – 3 прииска, 1877 г. – 4 прииска, 1878 г. и 1879 г. – по одному ежегодно, 1880 г. – 2 прииска и 1881 г. – 1 прииск. В то время как, например, в Олекминском округе (Якутская область) ежегодно с торгов продавались от 5 до 19 приисков ([Приложение..., 1884: 56](#)).

Кроме того, золотопромышленники предпринимали попытки усовершенствовать производство. Так, предприимчивый золотопромышленник М.Д. Бутин в 1881 г. пробовал внедрить американский гидравлический способ обработки песков на увальном прииске по реке Кия. Результат этих работ был неудачным, но зародил желание золотопромышленников к развитию научных изысканий ([Приложение..., 1884: 14](#)).

К числу проблем, имевших место на приисках, следует отнести частые происшествия, включая убийства, кражи, несчастные случаи, болезни и летальные исходы. И в этом вопросе ситуация на золотодобывающих приисках Амурской области была более благополучной. Например, по данным 1882 г. на приисках Амурской области 1 человек был убит, 9 утонули, 1 получил увечья на работе, 1 скоропостижно скончался. В то время как в Олекминском округе статистические данные свидетельствовали о 6 убитых, 5 несчастных смертельных случаях, 23 скоропостижно скончавшихся, 1 утонувшем, 1 угоревшем во время пожара, 2 пожарах, 2 задавленных обвалом во время работ, 6 раненых, 3 кражах, 3 случаях «хищнической» добычи золота и т.д. ([Приложение..., 1884: 24](#)).

Определяя причины происшествий на золотых приисках, следует учитывать, что зачастую они случались по вине двух сторон. С одной стороны, это был сам человек, старающийся осуществить свои корыстные намерения (украсть, убить, утаить и т.д.), а с другой – администрация, допуская бунты, «закрывавшая глаза» на нарушения техники безопасности, условия труда рабочих и экономящая на техническом оснащении (из-за чего случались аварии на производстве).

5. Заключение

Итак, во второй половине XIX в. в отдаленном от центральных частей Российской империи Амурском крае развитие золотопромышленности было затруднено. В числе очевидных проблем были территориальные и кадровые, а также не всегда пригодный рельеф для золотого промысла. В регионе практически не было ни современных для того времени машин, ни механиков, ни машинистов, слесарей и ремесленников. Несмотря на то что территория оставалась слабо освоенной, именно золотодобыча и горная промышленность послужили толчком для исследования дальневосточного региона России в целом. Начиная с Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского (1849–1855 гг.), во второй половине XIX в. под эгидой местных научных обществ и отделов Императорского русского географического общества в бассейне реки Амур работало большое количество экспедиций, занимавшихся отраслевыми исследованиями (гидрографическими, этнографическими, ихтиологическими, изучением возможностей судоходства). Многие экспедиции были снаряжены при содействии и на деньги золотопромышленников и меценатов Амурского края. Накопленные знания послужили основой для создания научных обществ. На берегах Амура появлялись новые населенные пункты (Хабаровск, Софийск, Иннокентьевка, Троицкое, Тамбовское и др.).

Представляется ценным и важным изучать опыт по освоению, развитию и заселению отдаленных от центра территорий Дальнего Востока, поскольку в нынешних реалиях многие из проблем того периода сохранили свою актуальность.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке Правительства Хабаровского края. Договор № 18С/2019 Д от 28.06.19 о предоставлении гранта в форме субсидий на реализацию проекта в области научных исследований в направлении гуманитарных и общественных наук.

Литература

[Алексеев, Морозов, 1989](#) – *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1989. 224 с.

[Аносов, 1861](#) – *Аносов Н.П.* Отчет о действиях поисковой партии в Амурской области // *Горный журнал*. 1861. Кн. 4 (апрель). 1861. 251 с.

[Вильчинский, 1904](#) – *Вильчинский Ф.Л.* Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области: Стат. исслед. Под ред. Воен. губернатора Прим обл. ген.-м. А.М. Колюбакина. Владивосток, 1904. 208 с.

[Всепопданнейший отчет..., 1895](#) – Всепопданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. 172 с.

[Данилевский, 1959](#) – *Данилевский В.В.* Русское золото: история открытия и добыча до середины XIX в. М., 1959. 380 с.

[Дацьшен, 2000](#) – *Дацьшен В.Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2000. 472 с.

[Отчет по статистико-экономическому..., 1902](#) – Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района / Комиссия для

собрания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов. СПб., Т. 1: Приморская область / Сост. Л.Л. Тове, В.Д. Рязанов. 1902.

[Отчет по статистико-экономическому..., 1905](#) – Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района / Комиссия для собрания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов. СПб., Т. 2: Амурская область. Ч. 1 / Сост. Л.Л. Тове, Д.В. Иванов. 1905.

[Пак, 1994](#) – Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. 261 с.

[Приказы..., 1882](#) – Приказы по горному ведомству // *Горный журнал*. 1882. [№ 3]. Март. 155 с.

[Приложение..., 1884](#) – Приложение 1 к выпуску 1 [тома 7] Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. 424 с.

[ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Сапоговская, 1998](#) – Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998. 313 с.

[Сапоговская, 2008](#) – Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008. 327 с.

[Сборник..., 1884](#) – Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью Т. 7. Вып. 1: Горная и соляная промышленность. Вып. 1. Горное и золотое дело. Иркутск, 1884. 164 с.

[Соловьев, 1989](#) – Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. 124 с.

[Ступников, 1975](#) – Ступников М.В. Горнодобывающая промышленность Приамурья (1868–1914 гг.). Благовещенск, 1975. 108 с.

[Троицкая, 1994](#) – Троицкая Н.А. Русские предприниматели на Амуре (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. Владивосток, 1994. № 1. С. 92–103.

[Унтербергер, 1912](#) – Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг.: Очерк П.Ф. Унтербергера. СПб., 1912. 54 с.

[Хроленок, 1990](#) – Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 307 с.

[Шигильдеева, 2017](#) – Шигильдеева Л.В. Совет Главного управления Восточной Сибири 1822–1887 гг.: предпосылки возникновения // *Известия Иркутского государственного университета*. 2017. Т. 20. С. 13–20.

References

[Alekseev, Morozov, 1989](#) – Alekseev A.I., Morozov B.N. (1989). Osvoenie russkogo Dal'nego Vostoka (konets XIX v. – 1917 g.). [Russian Far East development (end of XIX century – the year of 1917)]. М., 224 p. [in Russian]

[Anosov, 1861](#) – Anosov N.P. (1861). Otchet o deistviyakh poiskovoi partii v Amurskoi oblasti. [Report on actions of the searching party in the Amur region] *Gornyi zhurnal*. Kniga 4 (aprel'). 251 p. [in Russian]

[Danilevskii, 1959](#) – Danilevskii V.V. (1959). Russkoe zoloto: istoriya otkrytiya i dobycha do serediny XIX v. [Russian gold: history of discovery and mining until middle of XIX century]. М., 380 p. [in Russian]

[Datsyshen, 2000](#) – Datsyshen V.G. (2000). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX v. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 472 p. [in Russian]

[Khrolenok, 1990](#) – Khrolenok S.F. (1990). Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917): istoriko-ekonomicheskii очерк. [Gold mining of Siberia (1832–1917): historical and economic sketch]. Irkutsk, 307 p. [in Russian]

[Отчет по статистико-экономическому..., 1902](#) – Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Комиссия для собрания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов [Report on statistical, economic and technical study of gold industry of the Amur-Primorsky region. Commission for collection and development of information about Siberian gold industry and for the preparation of a study program for gold-bearing areas]. СПб., 1902. Т. 1: Приморская область. Сост. Л. Л. Тове, В.Д. Рязанов. [in Russian]

[Отчет по статистико-экономическому..., 1905](#) – Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Комиссия для собрания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов [Report on statistical, economic and technical study of gold industry of the Amur-Primorsky region. Commission for the collection and development of information about Siberian gold industry and for the preparation of a study program for gold-bearing areas]. СПб., 1905. Т. 2: Амурская область, Ч. 1. Сост. Л. Л. Тове, Д.В. Иванов. [in Russian]

- Pak, 1994** – *Pak B.D.* (1994). Koreitsy v Rossiiskoi imperii. [Koreans in the Russian Empire]. Irkutsk, 261 p. [in Russian]
- Priказы..., 1882** – Priказы po gornomu vedomstvu (1882) [Orders of the mining department]. *Gornyi zhurnal*. [No 3]. Mart. 155 p. [in Russian]
- Prilozhenie..., 1884** – Prilozhenie 1 k vypusku 1 [toma 7] Sbornika glav-neishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. [Appendix 1 to issue 1 [volume 7] of the Collection of the most important official documents on East Siberia management]. Irkutsk, 1884. 424 p. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Sapogovskaya, 1998** – *Sapogovskaya L.V.* (1998). Chastnaya zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX – XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitiya. [Private gold industry of Russia at the turn of XIX–XX centuries. Ural and Siberia – development models]. Ekaterinburg, 313 p. [in Russian]
- Sapogovskaya, 2008** – *Sapogovskaya, L.V.* (2008). Natsional'naya zolotopromyshlennaya politika XVIII–XX vv., ili nuzhno li Rossii zoloto? [National gold mining policy of the XVIII – XX centuries, or does Russia need gold?]. Ekaterinburg, 327 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1884** – Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu T. 7, vyp. 1: Gornaya i solyanaya promyshlennost'. vyp. 1. Gornoe i zolotoe delo [Collection of the most important official documents on the management of East Siberia T. 7, no. 1: Mining and salt industry. issue 1. Mining and gold mining] (1884). Irkutsk, 1884. 164 p. [in Russian]
- Shigil'deeva, 2017** – *Shigil'deeva L.V.* (2017). Sovet Glavnogo upravleniya Vo-stochnoi Sibiri 1822–1887 gg.: predposylki vozniknoveniya [Council of the Main Directorate of Eastern Siberia 1822–1887: prerequisites for the emergence]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 20. Pp. 13–20. [in Russian]
- Solov'ev, 1989** – *Solov'ev F.V.* (1989). Kitaiskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v epokhu kapitalizma (1861–1917 gg.). [Chinese leaving for seasonal work in the Far East of Russia in the era of capitalism (1861–1917 years)]. M., 124 p. [in Russian]
- Stupnikov, 1975** – *Stupnikov M.V.* (1975). Gornodobyvayushchaya promyshlennost' Priamur'ya. (1868 – 1914 gg.). [Mining industry of the Amur Region (1868–1914)]. Blagoveshchensk, 108 p. [in Russian]
- Troitskaya, 1994** – *Troitskaya N.A.* (1994). Russkie predprinimateli na Amure (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Russian businessmen on the Amur River (2nd half of XIX – early XX centuries)]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, No. 1. Pp. 92–103. [in Russian]
- Unterberger, 1912** – *Unterberger P.F.* (1912). Priamurskii krai. 1906–1910 gg. : Ocherk P.F. Unterbergera. [Amur Region. 1906–1910: Essay by P.F. Unterberger.]. SPb., 54 p. [in Russian]
- Vil'chinskii, 1904** – *Vil'chinskii F.L.* (1904). Rabochie sily promyshlennykh predpriyatii Primorskoj oblasti. [The labor force of industrial enterprises of the Primorsky region]: Stat. Issled. Pod red. Voennogo gubernatora Prim obl. shen.-m. A.M. Kolyubakina. Vladivostok, 208 p. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet..., 1895** – Vsepoddanneishii otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leitenanta Dukhovskogo. 1893, 1894 i 1895 gody. [The most comprehensive report of the Amur Governor-General Lieutenant General Dukhovskiy. 1893, 1894 and 1895]. SPb., 1895. 172 p. [in Russian]

Особенности развития золотопромышленности в амурском крае Восточно-Сибирского генерал-губернаторства во второй половине XIX в.

Жанна Валерьяновна Петрунина ^{a, *}, Галина Алексеевна Шушарина ^a, Роман Алексеевич Громов ^a

^a Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. началось активное освоение Дальнего Востока Российской империи. В рассматриваемый период в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве стал динамично развиваться промышленный сектор. В регионе четко прослеживались цели государственной политики в отношении золотодобычи, большая часть которой находилась в частных руках. В научной работе подвергнуты анализу проблемы формирования приисковой системы в Амурском крае во второй половине XIX в., определены формы взаимодействия местной и центральной властей в отношении золотодобычи. Используемые в работе исторические источники подтверждают, что основными факторами, влияющими на развитие отрасли в рассматриваемый период, стали: отдаленность территории от центра, слабая техническая оснащенность, особенности рельефа, не позволяющего использовать уже известные способы золотодобычи, нехватка квалифицированных кадров и высокий уровень преступности. Несмотря на трудности, в Амурском

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrunina71@bk.ru (Ж.В. Петрунина)

крае сложились условия для развития золотодобычи в дальневосточных районах Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, многие из которых были учтены в последующие годы. Активное экономическое освоение Амурского края стимулировало проведение научных изысканий на Дальнем Востоке по этнографии, гидрографии, ихтиологии, картографии; послужило толчком для развития транспортной инфраструктуры и строительства телеграфных линий. В работе поднят вопрос о реализации российским правительством национальной политики в регионе. Очевидно, что геолого-разведывательные изыскания придали импульс развитию Дальнего Востока России в целом, способствовали привлечению и закреплению населения в этой части страны. Авторы отмечают, что полученный опыт может быть полезен и в реалиях развития современного Дальнего Востока.

Ключевые слова: Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, Дальний Восток России, золотодобыча, геолого-разведывательные экспедиции, национальный вопрос.

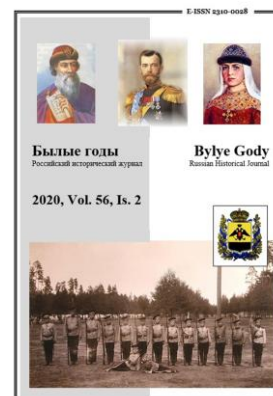
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 769-784. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.769
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Urban Communities in the Fight Against Cholera Epidemics in the 19th – the Early of the 20th Centuries: European and Russian Experience

Anna B. Agafonova ^{a, *}, Grigorii Yu. Afanasiev ^b

^a Cherepovets State University, Russian Federation

^b Russian State Historical Archive, Russian Federation

Abstract

In the 19th century, the Russian empire, along with European countries, first encountered cholera. Regular outbreaks of cholera with a high mortality rate were an indicator of the sanitary ill-being of populated areas. A particularly unfavorable situation with morbidity and sanitary conditions was in cities where water bodies and the territory had been systematically polluting by household waste. The question about the urban crisis caused by sanitary and living conditions was raised at the Russian's medical congresses 1890-1910s, which indicated the severity of this socio-environmental problem. This issue is given extensive attention in modern historical research on social history, the history of social medicine, environmental history, and urban history. The article is devoted to the analysis and generalization of modern research on the history of solving socio-environmental problems caused by cholera epidemics in European and Russian cities, as well as identifying possible prospects in this research area. The research's relevance is due to the growth of social tension in cities and the increased interest of the scientific community in similar problems in the historical past. The research's results allowed us to reveal the role of urban communities in the institutionalization of sanitary surveillance and solution local socio-environmental problems.

Keywords: sanitary surveillance, anti-epidemic measures, cholera epidemics, urban environmental history, sanitary improvement, urban environment, bacteriological pollution, forced improvement.

1. Введение

Эпидемии холеры, с которой первыми из европейцев столкнулись англичане на о. Цейлон в конце XVIII в. (Ганин, 2010: 76), в XIX в. регулярно происходили в европейских странах и Российской империи. В Европе болезнь в большей степени считалась городской, поскольку именно в городах наблюдалась наиболее высокая плотность населения. В Российской империи, несмотря на низкий уровень урбанизации, холера представляла существенную угрозу здоровью горожан из-за высоких показателей летальности заболевания и благоприятных условий для распространения. Борьба органов власти, медицинского сообщества и горожан с холерой обнажала острые социальные, экономические, политические противоречия в европейских и российских городах. Холера выходила за рамки сугубо медицинской проблемы: по оценкам Ф. Сноудена, к концу XIX в. она стала стандартом, по которому измерялся прогресс и оценивалось стремление власти обеспечивать санитарное благополучие города (Snowden, 2002: 362). В связи с этим обзор современных отечественных и зарубежных исследований, освещающих участие городского населения в борьбе с эпидемиями холеры, представляет особый интерес с точки зрения обобщения европейского и российского опыта преодоления эпидемических, социально-экологических проблем городской среды предшествующими поколениями. Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом социальной напряженности в городах, спровоцированным обострением социально-экологических

* Corresponding author

E-mail addresses: a.b.agafonova@gmail.com (A.B. Agafonova), greenia2006@rambler.ru (G.Yu. Afanasiev)

проблем, а также возросшим интересом со стороны научного сообщества к подобным проблемам в историческом прошлом, что нашло отражение в многочисленных научных публикациях, которые требуют систематизации и обобщения.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на комплексе зарубежных и отечественных работ второй половины XX – начала XXI вв., освещающих историю холерных эпидемий и отдельные ее аспекты в европейских и российских городах в русле социальной истории, истории медицины, экологической истории. В работе использованы материалы 16 научных трудов отечественных и 38 – зарубежных ученых. Специальные монографические исследования представлены работами о холерных эпидемиях в Лондоне (Thomas, 2010; Клаут, 2002), Париже (Delaporte, 1986; Kudlick, 1996), Гамбурге (Evans, 2005), Неаполе (Snowden, 2002), поволжских городах (Henze, 2011); исследованиями по истории эпидемий в Великобритании (Durey, 1983) и России (McGrew, 1965; Васильев, Сегал, 1960); обобщающими трудами по истории холеры (Longmate, 1966; Morris, 1976; Hamlin, 2009). Также в работе широко использовались монографические исследования по истории становления профессиональных медицинских сообществ (Frieden, 1981; Gladstone, Finer, 1997; Finer, 1952; Чистович, 2013; Поддубный, 2014; Брэдли, 2012; Киселев, 2018), муниципального управления и городского хозяйства Санкт-Петербурга (Нардова, 2014а; Нардова, 2014б; Беар, 2016). Материалы научных статей специализированных зарубежных журналов по истории медицины и эпидемиологии (Medical History, Journal of the History of Medicine, Bulletin of the History of Medicine, American Journal of Epidemiology, Journal Of The History Of Medicine And Allied Sciences), наряду с отечественными рецензируемыми научными журналами, использовались в работе для анализа отдельных аспектов истории борьбы с холерой в европейских и российских городах. Исследование выполнено в русле социальной истории с использованием сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и специфическое в формах борьбы с эпидемиями в российских и европейских городах, а также в исследовательских подходах к социальным последствиям холерных эпидемий. Проблемно-хронологический метод позволил выявить ключевые этапы борьбы городских сообществ с эпидемиями холеры и социальной реакции на болезнь и противоэпидемические мероприятия. Выбранная методология позволила обобщить и систематизировать результаты отечественных и зарубежных исследований о трансфере механизмов борьбы с эпидемиями, в том числе организационных формах санитарного надзора, между европейскими государствами и Российской империей; о соотношении полномочий государственной и местной власти в проведении противоэпидемических мероприятий в европейских и российских городах; об институционализации санитарного надзора, роли городских и медицинских сообществ в данном процессе, а также о социальных конфликтах, вызванных как загрязнением городской среды, так и проведением противоэпидемических мероприятий.

3. Обсуждение

Тема появления и распространения в городах России и Европы 1830–1920-х гг. эпидемии холеры неоднократно привлекала внимание российских и зарубежных исследователей истории медицины и здравоохранения, краеведения и урбанистики, социальной истории этих стран. Большинство исследований посвящено общему обзору холерных эпидемий, затрагивавших Россию и Европу в XIX – начале XX вв., либо изучению наиболее ранних эпидемических проявлений, прежде всего наиболее смертоносных холерных вспышек 1832 и 1849 гг. Первые попытки исследования вспышек холерных эпидемий и отдельных их аспектов стали появляться вскоре после их окончания (Goodman, 1862; Hawkins, 1831; Sedgwick, 1866; Tardieu, 1849; Архангельский, 1892). Данные работы носили весьма обобщенный характер, существенное внимание в них уделялось специально-медицинским аспектам холерной симптоматики. К концу XIX в. авторы, которые в большинстве своем являлись представителями медицинского сообщества или земских учреждений, обратились к анализу социального и природного контекста эпидемий (Жбанков, 1894; Погожев, 1892). Однако первые обобщенные конкретные исследования, связанные с историей развития английских холерных эпидемий XIX в., начинаются с конца 1940-х (Underwood, 1948; Paterson, 1948). До 1960-х гг. исследование истории холерных эпидемий развивалось в двух основных направлениях: история медицины и социальная история. В зарубежных исследованиях 1950–1970-х гг. по истории медицины делался акцент на развитии научной мысли о природе болезней, об этиологии и способах контроля холеры. В рамках социальной истории исследователи освещали реакцию общества и социальные последствия эпидемий в контексте процессов урбанизации и индустриализации, развития общественного здравоохранения отдельных стран (Longmate, 1966; McGrew, 1965; Morris, 1976). В отечественной историографии советского периода следует выделить работу «История эпидемий в России (материалы и очерки)», где, помимо динамики распространения холеры, авторы обратились к анализу противоречий между медицинским сообществом и государством в вопросах проведения противоэпидемических мероприятий (Васильев, Сегал, 1960). На рубеже 1970–1980-х гг. изучение заболеваемости городского населения эпидемическими болезнями было вызвано ростом

исследовательского интереса к качеству жизни населения первой половины XIX в. (Luckin, 1977; Durey, 1983). С 1970-х гг. выходят исследования, посвященные различным аспектам взаимодействия городских сообществ и муниципальных властей во время эпидемий холеры в Великобритании (Delaporte, 1986; Hamlin, 2009), Франции (Kudlick, 1996), Германии (Evans, 1988; Evans, 2005), Италии (Snowden, 1991; Snowden, 2002) и др. стран (Pires de Almeida, 2012; Visser, 2011). Н. Фриден и Дж. Хатчинсон обращались к истории холерных эпидемий 1892–1893 и 1908–1910 гг. при изучении становления медицинской профессии в Российской империи (Frieden, 1977; Frieden, 1981; Hutchinson, 1985). Современные работы в целом развивают сложившиеся направления исследований, уделяя особое внимание деятельности врачей-гигиенистов и инженеров (Gladstone, Finer, 1997; Thomas, 2010). В историографии холерных эпидемий в российских городах большое внимание уделяется социальным последствиям эпидемии 1908–1910 гг. (Берап, 2016; Нардова, 2014b; Поддубный, 2014). Работы Д.В. Михеля и В.С. Ганина освещают историю холерных эпидемий сквозь призму развития общественной медицины (Михель, 2009; Ганин, 2010). Анализ реализации противоэпидемических мероприятий российскими городскими сообществами представлен в работах Р. МакГрю, Ш. Хенц и К.С. Барабановой (Henze, 2011; McGrew, 1965; Барабанова, 2016; Барабанова, 2014).

В современных трудах по социальной истории исследуется реакция городского управления, местных элит, медицинского сообщества на появление холеры. Как отметил Ф. Сноуден, «азиатская холера была основным преобразующим опытом в тех обществах, которые она затронула, связывая историю медицины с более широкими проблемами политической, социальной, культуральной и городской историей» (Snowden, 2002). Большинство исследований рассматривает вопросы взаимодействия городских сообществ, социальных групп и корпораций либо косвенно, на общем материале холерных проявлений в стране, либо диспропорционально, акцентируя внимание прежде всего на роли холеры в развитии медицины, зачастую упуская социальные, региональные и местные аспекты. Настоящее исследование фокусируется на историографическом аспекте изучения роли городских сообществ в борьбе с эпидемиями холеры XIX – начала XX вв. в контексте политики и законодательства европейских государств и Российской империи.

4. Результаты

Механизмы борьбы с эпидемиями холеры вырабатывались в европейских государствах и Российской империи в течение ряда десятилетий с начала первой эпидемии в Европе в 1831 г. Первоначально меры по прекращению распространения холеры базировались на принципах борьбы с бубонной чумой, в соответствии с которыми основными переносчиками заболевания считались животные и одежда больных (Visser, 2011: 33-34). Однако с момента появления холеры в Европе вопрос о заразности заболевания стал предметом активных дискуссий в медицинском сообществе между сторонниками и противниками идеи о заразительности (контагиозности) заболевания. Данные дискуссии имели важное практическое значение, поскольку на основе обсуждаемых концепций о природе заболевания строилась противоэпидемическая политика отдельных государств. Эрвин Акеркнехт связывал приверженность стран концепциям контагионистов, которые полагали, что холера заразна, или антиконтагионистов (локалистов), считавших холеру незаразной, с политическими системами этих государств (Ackerknecht, 2009). Абсолютистские государства, такие как Россия, Пруссия и Австрия, воспринимали холеру как вторжение вражеских агентов (заразных больных и их вещей), для борьбы с которыми необходимо закрыть границы, ограничить свободы передвижения и выбора медицинской помощи (Hamlin, 2009: 105). В отличие от абсолютистских государств, в либеральных Великобритании и Франции проводилась антиконтагионистская политика, призывавшая к отказу от карантинных мер (Hamlin, 2009: 106). Англичане и голландцы изменили свои карантинные акты еще в 1825 г., а с 1849 до 1880-х гг. английские официальные органы выступали с антикарантинными декларациями. Первые перемены во Франции произошли в 1828 и 1832 гг., разочарование карантинными и кордонами после 1831 г. способствовало постепенному отказу от них в Австрии (1841) и России (1847) (Ackerknecht, 2009: 16).

Однако в эпидемию холеры 1830–1832 гг. карантинные являлись основным средством борьбы с распространением болезни в континентальной Европе. Как указал Ричард Эванс, в 1830-е гг. карантинные меры как средство предотвращения распространения холеры признавались не только Медицинским советом Санкт-Петербурга, но и немецкими медиками, считавшими, что холера передается через личный контакт, вещи больного, а также при вдыхании воздуха, которым дышат больные (Evans, 2005: 231-232). В России карантинные меры против холеры использовались с 1829 г., когда эпидемия разразилась в Оренбурге (McGrew, 1965: 45). По оценкам Р. МакГрю и К. Хэмлина, российские карантинные меры характеризовались «невежественным деспотизмом» государственной власти (Hamlin, 2009: 108), которая с 1830 г. установила полный контроль над противоэпидемическими мерами на местах посредством издания правил «внутреннего оцепления пораженных холерой мест» (McGrew, 1965: 48; Васильев, Сегал, 1960: 257). В соответствии с этими правилами города, где появлялась холера, разбивались на кварталы, за каждым из которых был закреплен ответственный чиновник-попечитель, врач и полицейский чиновник (Байбакова, 2017: 42; Барабанова, 2014: 130; Васильев, Сегал, 1960: 256). В российской провинции с 1830 г. действовали комитеты по борьбе с

холерой, включавшие гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства, старших военных начальников, инспекторов врачебных управ, почтмейстеров, глав городов и депутатов от духовенства (Байбакова, 2017: 41). На дома, где проживали заболевшие, мог быть наложен карантин, приставлена стража, а непосредственно выявлением больных занималась полиция (Барабанова, 2014: 130). Власти Тулы налагали запрет на массовые мероприятия и скопления людей в трактирах, постоялых домах, на улицах; с середины июля 1831 г. открывались временные больницы, где больным оказывали помощь медики, чиновники и священники (Байбакова, 2017: 44, 47). В лечебницы помещали всех, у кого подозревали наличие холеры, независимо от их социального происхождения, а родственники узнавали о состоянии больных через больничных попечителей (Байбакова, 2017: 47). Аналогичные меры действовали в городах Австрии и Пруссии, где карантин вводился в отношении любого заболевшего холерой лица или домохозяйства, а городская территория делилась на участки, находившиеся под контролем полицейских надзирателей (Kappner, 2019: 8; Visser, 2011: 42-44). Административный персонал Вены проверял чистоту и порядок домов в своем районе, и в случае обнаружения где-либо антисанитарных условий проживания жители выселялись из такого дома (Visser, 2011: 42-44). Власти Парижа по примеру Санкт-Петербурга учредили центральную и 48 окружных комиссий по здравоохранению, которые находились в ведении полицейской префектуры, контролировавшей фактически все мероприятия по уборке городского пространства, доставке больных в госпитали. 19 ноября 1831 г. при префекте полиции были организованы станции скорой медицинской помощи «Служба спасения» (bureaux de secours), но отсутствие достаточных средств в парижской префектуре привело к их закрытию в середине эпидемии, когда наблюдалась высокая смертность от холеры (Delaporte, 1986: 86). Не отличались успешностью мероприятия властей по организации врачебной помощи: ориентация на имеющуюся структуру больниц и госпиталей, при которых создавали холерные отделения и палаты, и отказ от открытия специальных холерных больниц значительно ограничивали стационарное лечение (Kudlick, 1996: 5).

Подготовка английских властей к противоэпидемическим мерам опиралась на наблюдения английских медиков за ходом развития эпидемии в России, а также на местные столичные условия и особенности политического режима. По негативному опыту России, а также благодаря лоббистскому влиянию торгово-промышленной корпорации было решено отказаться от широких карантинных мер в столице (Morris, 1976: 100). Действия властей в обеспечении противохолерных мероприятий опирались на разрозненную сеть бюро здравоохранения при муниципальных образованиях столицы. Несмотря на регламентацию финансовых потоков из казны на места, местные бюро здравоохранения оказывались зависимы от доходов и округов Лондона, в руках которых имелась реальная административная и распорядительная власть для проведения противохолерных мероприятий (Harning, 2015: 13; Morris, 1976: 71-72). 7 июня 1832 г. был принят «Билль о холере» (Cholera Bill), расширивший полномочия Тайного совета в сфере издания правил, постановлений и распоряжений о противохолерных мероприятиях. Однако отсутствие распорядительных полномочий на местах препятствовало его исполнению: отказ приходов или корпораций от проведения или финансирования противохолерных и оздоровительных мероприятий, запланированных местными бюро здравоохранения, приводил к необходимости обращаться в Тайный совет за отдельными постановлениями (Harning, 2015: 11). Общей системы управления здравоохранением в первую эпидемию выстроить в Лондоне не удалось. Ввиду противоречивости взглядов на распространение холеры, бытовавших в научном и медицинском сообществе, лондонские санитарные власти во время эпидемии 1832 г. выбрали более дешевый и поверхностный способ борьбы с холерой – окуривание помещений и улиц (Morris, 1976: 176).

Одними из значимых факторов реализации противоэпидемических мероприятий являлись наличие и квалификация медицинского персонала, который выступал в качестве носителей экспертного знания в вопросе борьбы с холерой. В Российской империи государство делало упор на развитие военной медицины, тогда как крупнейшие гражданские лечебницы создавались по почину частных лиц и сословно-корпоративных благотворительных организаций, а медицинская наука отличалась дефицитом квалифицированных российских специалистов и сильной зависимостью от кадров иностранного происхождения (Чистович, 2013: 106). Данные обстоятельства обусловили сильную зависимость медицинской профессии от органов власти при практическом отсутствии самостоятельных инициатив. В частности, петербургские врачи выполняли роль чрезвычайных чиновников и были главными представителями власти на местах. Холерная эпидемия 1832 г. дала толчок развитию и сближению различных сфер медицинского сообщества в Британии: прикладная медицина стала исследовать причины возникновения и динамику течения болезни, теоретическая медицина – систематизировать информацию и вырабатывать принципы диагностики и симптоматики болезни (Longmate, 1966: 189). В медицинской периодике Британии стали звучать идеи о ключевой роли медицинского сообщества как проводника знаний просвещенных высших слоев невежественным низам, о патриотическом и патерналистском долге медицинского работника (Longmate, 1966: 193). Идеи гигиенистов французской медицинской школы сподвигли представителей медицинского сообщества в Лондоне занять после эпидемии активную общественную

позицию, направленную на оздоровление городской среды (Thomas, 2010: 53). С 1820 г. в медицинском сообществе Франции усилилось влияние гигиенистов, к мнению которых о миазматической природе холеры прислушивался Совет по здравоохранению. Значимым подспорьем для распространения их взглядов оказался основанный в 1829 г. журнал «Вестник общественной гигиены и судебной медицины», ставший рупором гигиенистов в научном мире. Критика антисанитарного состояния городской среды с акцентом на то, что изменение внешних условий способствует предотвращению распространения болезни, составила основу гигиенистского подхода к общественному здравоохранению и борьбе с холерой (Delaporte, 1986: 106).

Горожане как в европейских странах, так и в Российской империи в первую эпидемию холеры практически повсеместно отнеслись с недоверием к самому факту существования данной болезни, а потому проводимые противохолерные мероприятия встречали сопротивление со стороны населения и сопровождались массовыми беспорядками. Исследователи сходятся во мнении, что социальные протесты носили сугубо антимедицинский характер без политического подтекста. Р. Моррис, Р. Эванс, Ш. Баррелл и Дж. Гилл отмечали, что жители европейских государств и Российской империи, прежде не сталкивавшиеся с холерой, считали, что врачи, отвечавшие за реализацию правительственных мер, специально отравляют представителей малообеспеченных слоев населения, чтобы сократить число бедных (Evans, 1988: 131-132; Morris, 1976: 112; Burrell, Gill, 2005: 478-498). В Пруссии было распространено мнение, что врачам платят до трех талеров за каждую смерть от холеры, сообщаемую королю (Evans, 1988: 137-138). Жители Ливерпуля воспринимали практику изоляции холерных пациентов в лечебницах как попытку врачей изъять больных для их последующего убийства и использования трупов в своих целях, чему способствовало появление «охотников за телами» (Burrell, Gill, 2005: 478-498). Р. Моррис видел причину спроса на свежие тела для вскрытия в работах Джона Хантера 1780-х гг. и развитии медицинского образования, потребности которого в телах перестали удовлетворяться казненными уголовниками. Это обусловило появление расхитителей свежих захоронений, продававших свою добычу медицинским школам, что, по оценкам Р. Морриса, нарушало права рабочего класса на достойное погребение (Morris, 1976: 101). При этом врачи стремились получить о болезни наиболее полные сведения для более успешного ее лечения, а потому они проводили вскрытия и лично знакомились с практиками борьбы с холерой в других странах, где также интересовались социальными аспектами эпидемий, готовностью местного населения лечь в больницу, эффективностью местной благотворительности, а также административными и государственными противоэпидемическими мероприятиями (Briggs, 1961: 89). Обратной стороной подобной деятельности медицинского персонала являлся рост подозрительности местного населения к иностранным докторам (Morris, 1976: 113), которые, как отмечает Аса Бриггс, не могли достичь консенсуса в определении причин распространения холеры (Briggs, 1961: 91).

Вспышка холеры в Оренбурге в 1829 г. не была отмечена значительными социальными беспорядками, но с ужесточением карантинных мер в 1830 г. социальная напряженность вылилась в беспорядки в Севастополе, Астрахани, Тамбове, Курске и других городах (McGrew, 1965: 46, 50, 52-73). Высокая смертность от холеры в Тифлисе и ошибочные выводы врачей о незаразности холеры привели к массовому бегству населения из города, которое стимулировала местная власть (McGrew, 1965: 53). На местах карантинный режим и санитарные правила начинали действовать задолго до появления эпидемии, что вызывало подозрения у горожан о существовании холеры, а дефицит медицинского персонала привел к тому, что карантинные посты обслуживались солдатами и полицией, у которых отсутствовали необходимые медицинские знания. Общественное негодование и выступления против чиновников, проводивших противоэпидемические мероприятия, иностранцев и немногочисленных врачей усугублялись принудительной госпитализацией и лечением больных (McGrew, 1965: 68-72). В Тамбове недовольства переросли в восстание, которое было подавлено войсками, а в Саратове паника привела к массовому бегству населения из города. Аналогичная паника наблюдалась и в Москве в 1830 г., однако, как отмечает Р. МакГрю, пока состоятельные горожане в спешке покидали город, часть москвичей, среди которых были студенты Московского университета, вызвались работать волонтерами в больницах, предоставляли свои дома, время и средства для борьбы с холерой (McGrew, 1965: 76). Эпидемия показала, что борьба, базирующаяся на полицейских мерах, при недостаточности медицинской помощи порождает панические страхи и слепую ненависть горожан не только по отношению к полиции, чиновникам, но и по отношению к иностранцам, в которых население видело «отравителей» русского народа (McGrew, 1965: 97, 107-110). В 1831 г. эпидемия охватила Петербург, где 24 июня после холерного бунта было введено военное положение, отменены принудительное лечение и полицейская доставка в больницы подозреваемых в холере (Барабанова, 2014: 130). Р. МакГрю отметил, что в 1831 г. восстания стали более резкими, а социальная истерия – более масштабной, но эти реакции появлялись в местах, где уже существовали социальные проблемы, а потому лишь выявили проблемы, угрожавшие социальной стабильности в империи, но не перерастали в масштабные движения (McGrew, 1965: 122, 154).

Р. Моррис указал, что в 1831 г. к первым новостям о приближающейся холере рабочий класс Ньюкасла отнесся с насмешкой, горожане считали слухи о приближении эпидемии обманом со стороны властей (Morris, 1976: 100). Аналогичной была ситуация в Манчестере, даже когда в городе

насчитывалось более сотни заболевших. В 1832 г. недоверие горожан переросло в акции протеста и беспорядки, вызванные вмешательством врачей в традиционные практики лечения и погребения заболевших холерой (Morris, 1976: 108-110). Подобная реакция наблюдалась ранее на европейском континенте: как писал Р. Эванс, в 1831 г. «бунты, массовые убийства и уничтожение имущества происходили по всей России, прокатились через Империю Габсбургов, вспыхнули в Кенигсберге, Штеттине и Мемеле» (Evans, 1988: 131-132) и только в 1832 г. охватили расположенные на значительном расстоянии друг от друга британские Эксетер, Глазго, Лондон, Манчестер и Ливерпуль (Evans, 1988: 138). Еще одним сдерживающим фактором оперативного проведения противохолерных мероприятий в Британии являлось законодательно закрепленное обязательство привлекать врачей к работе окружных комитетов по борьбе с холерой, что при дефиците медицинских кадров приводило, по оценкам Дж. Хэнли, к проявлениям нетерпимости населения не только к врачам, но и к политике медиализации английского законодательства (Hanley, 2006: 712-720). Попытка английского правительства сгладить конфликт между населением и врачами путем принятия «анатомического акта» (Anatomy Act), по мнению Р. Морриса, была успешной: медицинские работники получили возможность изучать тела только тех людей, кто умер в рабочих домах, тюрьмах и больницах, чьи тела не были запрошены друзьями или родственниками, и при отсутствии иных предварительных распоряжений со стороны умершего (Morris, 1976: 102). Индикаторами стабильности британского общества выступали сокращение массовости общественных беспорядков и упрощение контроля над ними без существенного привлечения силовых ресурсов.

Р. Моррис, Ш. Баррел и Дж. Гилл подчеркивали, что врачи угрожали социальной стабильности британского общества в периоды холерных эпидемий (Morris, 1976: 112; Burrell, Gill, 2005: 478). Холерные бунты в Ливерпуле в 1832 г., по оценкам Ш. Баррелла и Дж. Гилла, демонстрировали «сложные социальные реакции на эпидемические заболевания, а также хрупкое взаимодействие между общественностью и медицинскими работниками» (Burrell, Gill, 2005: 478). Общественные волнения, гражданское неповиновение и беспорядки на улицах, вызванные холерой, были уникальной реакцией общества на появление болезни, поскольку для прочих наиболее распространенных заболеваний (туберкулез и тифы) такой отклик был несвойственен. При этом страхи, связанные с осквернением трупа холерного больного в ходе анатомических исследований, способствовали росту социальной нестабильности (Burrell, Gill, 2005: 480). В данных условиях средний класс Англии, по оценкам Р. Морриса, поддерживал правящую элиту, но в то же время через местные советы собирал пожертвования для помощи бедным в период эпидемии (Morris, 1976: 119).

Историки сходятся во мнении, что отказ от карантинных главным образом обусловлен экономическими факторами. М.А. Пирез де Альмеида указала, что от карантинных к профилактическим мерам раньше остальных перешли более либеральные правительства северной Европы, пока более консервативные правительства южной Европы придерживались карантинных мер (Pires de Almeida, 2012: 46). Эпидемия 1830–1832 гг. показала неэффективность карантинных и полицейских мер. Прусские власти уже в сентябре 1831 г. признали, что военные кордоны наносили ущерб экономике, бесполезность и контрпродуктивность карантинных в Австрии состояла в дестабилизации торговли между государствами и внутри европейских стран из-за введения медицинских справок не только для людей, но и на все товары, которые проверялись и заверялись на границе с июня 1831 года (Visser, 2011: 33-34; Evans, 1988: 140). Дж. Абеллан отметил, что давление промышленной и торговой буржуазии сыграло ключевую роль в ликвидации карантинных сооружений: промышленники и торговцы, чьим коммерческим сделкам карантин нанес ущерб, присоединились к рабочим в их протесте против карантинных мер (Abellan, 2017: 7). Правительство Российской империи также признавало ущерб, который наносили карантинные меры торговле с Азией (McGrew, 1965: 49). Э. Харди, исследуя процесс перехода Великобритании от карантинных к превентивным мерам борьбы с холерой, отметила, что основным стимулом Британии к отказу от карантинных являлась приверженность к свободной торговле, которая требовала иных способов борьбы с эпидемиями (Hardy, 1993: 252). К. Хэмлин указал на то, что если после 1831–1832 гг. карантинные где-то и применялись, то это было связано с их дешевой по сравнению с британской моделью противоэпидемических санитарных мероприятий (Hamlin, 2009: 139). В Англии, по мнению исследователя, санитарные меры помогли буржуазии превратить и низший класс в граждан, а также бюрократизировать медицину, поставив ее на службу государственного контроля (Hamlin, 2009: 99). В эпидемию холеры 1853–1856 гг. в Португалии произошел переход от карантинных к профилактическим мероприятиям, в реализации которых значимую роль сыграли медицинский корпус армии, а также другие врачи и некоторые химики, которые на севере страны безвозмездно проводили противоэпидемические мероприятия и лечили больных, что стало возможным за счет престижа профессии и высоких доходов врачей в период, предшествовавший эпидемии (Pires de Almeida, 2012: 45-51).

В эпидемию холеры 1830–1832 гг. была создана минимально необходимая инфраструктура для проведения противоэпидемических мероприятий, которая в последующем расширялась. Этому способствовало развитие железнодорожного сообщения и средств массовой информации, которые в эпидемию 1848 г. позволили значительно ускорить информирование и прибытие медицинского

персонала на места для проведения противохолерных мероприятий (Morris, 1976: 201). Несмотря на технико-медицинскую неподготовленность к повторному визиту холеры в 1848 г., произошли изменения в отношении общества к здоровью: «неясная <...> тревога, которая предшествовала предыдущей эпидемии, сменилась спокойным и рациональным взглядом на реальную опасность» (Morris, 1976: 200). Правительство было лучше информировано, поскольку организовало собственную сеть статистического наблюдения за движением населения на местах. Медицинское и научное сообщество действовало гораздо уверенней, чем в 1832 г., поскольку многие врачи уже имели опыт борьбы с эпидемией, а муниципальная власть обрела опыт санитарного инспектирования (Morris, 1976: 201; Клаут, 2002: 97). Эпидемия 1832 г. дала мощный импульс санитарной реформе: в 1840-х гг. в Англии получило развитие санитарное движение «Здоровье городских ассоциаций» (The Health of Towns Association), инициированное доктором Т.С. Смитом, который наравне с Дж. Бентаном, Э. Чэдвигом внес вклад в реформирование английского здравоохранения, наладив сотрудничество с органами центральной власти и задействовал каналы просвещения общественности (Paterson, 1948: 373-374, 379; Finer, 1952: 222). К. Хэмлин на примере курортного английского города Челтенхэм показал, как беспокойство вестминстерских аристократов о санитарном состоянии городской среды переросло в озабоченность местной общественности санитарными вопросами, что привело к появлению службы санитарных инспекторов в английских городах, которая с 1846 по 1870-е гг. проявила высокую активность в выявлении и устранении тысяч мелких нарушений санитарных норм (Hamlin, 2013: 346-358). Выявление в 1849–1854 гг. врачом Дж. Сноу взаимосвязи между смертностью от холеры в Лондоне и городским водоснабжением, которое впоследствии было подкреплено статистическими данными В. Фарра, способствовало улучшению качества водоснабжения (Harning, 2015: 19, 25; Gladstone, Finer, 1997: 348). Британская санитарная инфраструктура, согласно К. Хэмлину, являлась продуктом редких экономических условий, которые не могли быть легко воспроизведены: за счет долгосрочных кредитов викторианские города потратили 100 миллионов долларов на санитарную за одно десятилетие, чего нельзя было ожидать от городов других стран в силу специфики их экономического развития (Hamlin, 2009: 139-140). К началу эпидемии 1866 г. в стране десять лет работали санитарные службы, были проведены мероприятия по улучшению санитарных условий, крупные английские города в 1864 г. находились в гораздо лучшем состоянии, чем когда-либо прежде (Hardy, 1993: 254). В последующие три десятилетия Британия освободилась от холеры, а ее опыт превентивной борьбы был признан на международном уровне. Санитарные осмотры домов инспекторами во второй половине XIX в. стали стандартным ответом европейцев на холеру, а противохолерные мероприятия, считавшиеся репрессивными в 1830-е гг., стали общепринятыми в 1880-е гг. (Hamlin, 2009: 127-128). Произошли и другие изменения в социальном отклике горожан на появление холеры: если в 1866 г. болезнь воспринималась как циклическое событие, а от того ее очередное появление не сопровождалось повышенным интересом общественности, то в 1892 г. холера спровоцировала рост общественного интереса к санитарным вопросам, а также показала рост доверия населения к санитарной службе (Hardy, 1993: 263). К. Хэмлин связал рост доверия к медицинскому сообществу с развитием демократических институтов (Hamlin, 2009: 128). В Вене в 1837 г. было создано Императорское и королевское общество врачей, ставшее центром медицинских знаний, распространяя их посредством специализированных конкурсов и обеспечивая профессиональную коммуникацию и консолидацию медицинского сообщества. Консолидация обеспечила ему политическое влияние, предоставив возможность отстаивать свои права: в Австрии врачи были одними из самых многочисленных групп, участвовавших в революции 1848 г. (Visser, 2011: 73-76).

В отличие от европейских стран, консолидация медицинского сообщества в России началась в 1880–1890-е гг. вокруг Общества русских врачей им. Н.И. Пирогова, в то время как в период эпидемии 1848–1849 гг. объединения врачей носили неформальный характер (Киселев, 2018: 113-114). По оценке Дж. Брэдли, рост профессионального самосознания медицинского сообщества являлся ответом на бюрократизацию профессиональной деятельности и неспособность органов местного самоуправления обеспечить функционирование общественного здравоохранения (Брэдли, 2012: 385, 400-401). На IX Пироговском съезде звучали призывы организовать управление городской медициной на коллегиальной основе, привлечь горожан к решению санитарных проблем и, в целом, демократизировать систему городского управления (Егорышева, 2006: 55).

В Пруссии большое влияние на противоэпидемическую политику оказали работы немецкого врача-гигиениста Макса фон Петтенкофера, который, обосновав муниципальным властям экономическую эффективность профилактических мер, выступал против иного государственного вмешательства в борьбу с эпидемией, включая изоляцию холерных больных. В то же самое время М. Петтенкофер считал разумной мерой побег жителей из населенных пунктов, где появлялась холера, т.к. это избавляло людей от вредных миазматических влияний (Evans, 2005: 242-243). Эпидемиологические идеи М. Петтенкофера получили широкое распространение в Европе и на несколько десятилетий легли в основу борьбы с эпидемиями холеры. А. Морабиа вслед за Р. Эвансом указал, что концепция М. Петтенкофера о миазматической природе распространения холеры

способствовала «превращению Мюнхена из некогда «больного» города в здоровый город» за счет тщательного очищения городской территории от нечистот (Morabia, 2007: 1234).

Слухи и паника, господствовавшие в эпидемию холеры 1830–1832 гг., побудили органы власти некоторых городов отказаться от какого-либо оповещения о приближении холеры и не предпринимать никаких подготовительных мер. Так, политика полного бездействия проводилась властями Гамбурга в эпидемию холеры 1848 г., властями Любека в 1832, 1848, 1850, 1853 и 1856–1859 гг. При этом, как пишет Р. Эванс, городских властей Гамбурга поддержали местные медики, аргументировав это желанием не тревожить общественность негативными новостями, которые могут вылиться в беспорядки (Evans, 1988: 141). Также на данную позицию оказало влияние распространение идей антиконтагионистов о незаразности холеры. К. Хэмлин связал политику замалчивания, отрицания холеры в Италии демократизацией режима, когда в 1910 г. итальянские власти «сговорились отрицать эпидемию», поскольку ее признание означало бы введение карантина, прекращение торговли, блокирование эмиграции, урон туризму (Hamlin, 2009: 100). Слабость демократии, основу которой составляли общественные организации (клубы, братства, благотворительные общества) и социальное участие горожан К. Хэмлин видел в несистематичности работы этих общественных объединений и усилий активных граждан, в пренебрежении регламентами, систематической подготовкой, в т.ч. кадровой (Hamlin, 2009: 114-115). Исследователь установил, что типичным средством городского общественного управления в борьбе с холерой было создание временных советов по охране общественного здоровья, куда, главным образом, входили торговцы, банкиры, крупные работодатели при минимальном участии врачей, которые часто критиковали решения остальных участников. На примере Российской империи К. Хэмлин показал пагубность данной практики: преобладание в советах торговцев приводило к решениям о ненужности очищения городских территорий (Hamlin, 2009: 123).

В России санитарно-исполнительные комиссии появились в результате Городской реформы Александра II, когда на городские думы была возложена обязанность по организации противоэпидемических мероприятий и изданию обязательных постановлений по предметам городского благоустройства и общественного здравоохранения (Башкуев, 2015: 64-65). Однако еще до учреждения санитарно-исполнительных комиссий предпринимались попытки самоорганизации городского населения для борьбы с эпидемиями, одну из которых представлял созданный около 1870 г. Верхнеудинский окружной комитет общественного здоровья. Комитет, состоявший из представителей органов самоуправления, полиции и общественности, обеспечивал информирование населения и осуществление медико-полицейских противоэпидемических мероприятий (Башкуев, 2015: 66-69). Первые санитарные комиссии появились в 1871–1875 гг. в Пермской, Херсонской и Московской губерниях. Комиссии действовали на нерегулярной основе: как правило, они работали только в периоды эпидемий, но уже на рубеже XIX–XX вв. принципы их созыва были законодательно регламентированы (ПСЗ, 1905: 881). В случае появления в какой-либо губернии эпидемии холеры, по распоряжению губернатора в каждом уезде, городе с численностью населения более 20 тыс. чел. созывались санитарно-исполнительные комиссии, куда входили городской голова, полицмейстер, пристав или исправник, все члены Городской управы и городской врач (ПСЗ, 1905: 883). По оценке Дж. Хатчинсона, основным организационным недостатком данных комиссий являлись отсутствие включенности их в государственный аппарат, что зачастую обуславливало лоббирование с их стороны интересов местных врачебных сообществ и отдельных врачей, которые находились в оппозиции к органам местного самоуправления (Hutchinson, 1985: 433-434).

В 1866–1871 гг. народные волнения по поводу холеры в Берлине и Гамбурге имели гораздо меньшие масштабы по сравнению с 1831–1832 гг., что, как полагает Р. Эванс, было обусловлено ослаблением очень строгого полицейского контроля, повышением социального статуса врачей, смещением фокуса общественных недовольств в сферу политики, а не здравоохранения (Evans, 1988: 142). Согласно Э. Виссеру, власти видели во врачах лиц, способных консолидировать общество перед лицом эпидемической угрозы, поэтому с 1851 г. высшим медицинским органом в империи Габсбургов являлась Медицинская комиссия, состоявшая исключительно из медицинских специалистов, а городским властям предоставлялась большая независимость от государства (Visser, 2011: 71-72). Одна из проблем борьбы с эпидемией холеры в Неаполе в 1884–1911 гг., по оценке Ф. Сноудена, состояла в недоступности медицинской помощи малоимущим горожанам при отсутствии дефицита врачей: из-за неравномерности в распределении доходов врачи конкурировали за место в секторе частной медицинской практики, чем создавали переизбыток предложения своих услуг для состоятельных клиентов (Snowden, 2002: 36, 42, 52-53). Что касается России, то, как указала Нэнси Фриден, зависимость врачей как социальной группы от государства составляла неотъемлемую и историческую основу медицинской профессии в империи: «государство воспитало профессию, сохранило ее прерогативы и воспринимало корпоративную автономию как противоречащую самодержавию» (Frieden, 1977: 553), поэтому профессиональная автономия врачей, по мнению историка, была недостижимой целью в обществе с укоренившимися авторитарными институтами. Р. МакГрю в регулярных и частых возвращениях холеры в Российскую империю видел свидетельство неудач царского режима в противостоянии эпидемиям средствами медико-полицейского надзора

(McGrew, 1965: 153), которые так и не были заменены мерами регулярного общественно-медицинского контроля. Вместе с тем в результате серии холерных бунтов в эпидемию 1892 г. правительство пошло на смягчение полицейско-бюрократических мер, легализовав деятельность городских общественных объединений и способствовал вовлечению широких слоев городского населения в проведение противоэпидемических мероприятий (Башкуев, 2015: 71). В то же время нерегулярные санитарные осмотры и кадровый дефицит формировали в обществе представление о санитарных врачах как о надсмотрщиках за чистотой дворовых территорий, ретирад и торговых площадей (Шерстнева, 2006: 58). Санитарный надзор в провинциальных городах при отсутствии санитарного врача возлагался, как правило, на городского и (или) думского врачей, специализация санитарных врачей наблюдалась лишь в Москве и Санкт-Петербурге, где их численность в начале XX в. составляла несколько десятков человек (Шерстнева, 2006: 58; Нардова, 2014а: 228; Поддубный, 2014: 138).

Р. Эванс обратил внимание на еще одну причину, повлекшую изменения в структуре противоэпидемических мероприятий. Исследователь указал, что после выделения Р. Кохом холерного вибриона, «европейские правительства, опираясь на прошлый административный опыт, но действуя согласно медицинским инструкциям, организовали массовые профилактические кампании по карантину, дезинфекции и изоляции жертв» (Evans, 1988: 145). Соответственно общественное здоровье стало политическим вопросом, что предполагало в том числе и развитие медицинского образования, способствовавшего медиализации европейского населения. Совокупность данных факторов, согласно Р. Эвансу, к концу XIX в. привела к завершению эпохи великих эпидемий в Западной Европе (Evans, 1988: 146). Эпидемия в Гамбурге 1892 г., как пишет А. Морабиа, заставила европейские государства полностью отвергнуть концепцию противоэпидемических мероприятий М. фон Петтенкоффера «без официального опровержения» (Morabia, 2007: 1236).

Описывая эпидемию холеры 1884 г. во Франции, Ф. Сноуден показал ошибочность управленческих решений властей Марселя, которые, узнав о присутствии холеры в Тулоне, ввели карантин для прибывавших оттуда и распорядились о тщательной уборке города: улицы были вымыты и обсыпаны карболовой кислотой, а канализационные коллекторы были вычищены. Мэр и городской совет Марселя обратились к военным с призывом создать санитарный кордон для полной изоляции Тулона от внешнего мира (Snowden, 2002: 64). Кроме того, итальянские и французские правительства взяли на вооружение идею М. фон Петтенкоффера о допустимости побега из населенного пункта в случае обнаружения там холеры: когда болезнь появилась в итальянских кварталах Тулона, правительства как в Париже, так и в Риме приняли энергичные меры, чтобы ускорить отъезд итальянских мигрантов, а также местного населения Тулона и Марселя (Snowden, 2002: 66-67). Власти Тулона пытались эвакуировать все городское население, что нанесло ущерб финансовой системе города: для обеспечения отъезда малообеспеченные горожане закладывали свое последнее имущество, остальные – изымали банковские вклады, ломбарды были вынуждены приостановить операции в связи с недостатком капитала (Snowden, 2002: 69). К середине июля 1884 г. 65–75% населения Тулона и 30% населения Марселя покинуло города (Snowden, 2002: 70). Социальная истерия вылилась в рост преступности, грабежей и волну самоубийств из-за появления холеры (Snowden, 2002: 70). К. Хэмлин также указал на распространенность бегства от холеры в южной Европе 1880-х гг.: население Франции, Испании, Италии спасалось бегством по рекомендации некоторых врачей, считавших, что если источником холеры является зараженная местность, а не человек, то целесообразно покинуть такую местность (Hamlin, 2009: 117). В Неаполе социальная истерия усугублялась сохранением санитарных кордонов: именно карантинные меры, по мнению Ф. Сноудена, «возродили мощную смесь ксенофобии и страха перед инфекцией» (Snowden, 2002: 153), которая вылилась в массовые беспорядки, сопровождавшиеся нападением на врачей. Карантинные меры в 1884 г. предлагал ввести и Медицинский департамент МВД Российской империи, однако из-за дефицита медицинских кадров и недостаточности больниц на местах карантинные меры были заменены усиленным надзором органов местного самоуправления за санитарным состоянием городской территории, качеством продуктов питания и водоснабжением населения (Башкуев, 2013а: 40-41).

К началу XX в. в Пруссии была выстроена система долгосрочного планирования и организации противоэпидемических мероприятий, предполагавшая подготовку кадров и систематическое проведение лабораторных анализов воды задолго до очередного появления холеры. Данная система позволила оперативно локализовать очаги холеры в Берлине в 1905 г., но попытка воспроизвести аналогичные практики в южных итальянских городах не увенчалась успехом, поскольку местные чиновники, на которых возлагалась основная работа по информированию населения, выявлению источников загрязнения и холерных больных, не могли обеспечить противохолерные мероприятия медицинским оборудованием и больничными помещениями (Snowden, 1991: 76-78, 102). В начале XX в. в итальянских городах холера стала подлинно классовым заболеванием, поражая исключительно рабочий класс, что привело к общественным беспорядкам в Барлетте, которые заставили правительство отказаться от санитарной диктатуры (Snowden, 1991: 100).

В контексте борьбы с холерой существенное значение имеет вопрос развития санитарной инфраструктуры как средства предотвращения распространения болезни. В современной зарубежной историографии преобладает точка зрения об отсутствии прямой связи между эпидемиями холеры и появлением в городах централизованного водоснабжения и канализации. А. Бриггс, Р. Моррис, Р. Эванс, Дж. Абеллан указывали на незначительное влияние холеры на улучшение городского водоснабжения и санитарных условий, поскольку последние сильные вспышки эпидемии в Европе наблюдались в 1853–1866 гг., а развитие систем централизованного водоснабжения и водоотведения пришлось на более поздний период (Briggs, 1961: 85-86; Evans, 1988: 145; Morris, 1976; Abellan, 2017: 7-8). Дж. Абеллан отметил, что, несмотря на различия в системах водоснабжения отдельных городов, в периоды первых холерных эпидемий их устройство находилось в руках частных компаний, которые прокладывали водопроводы наиболее обеспеченным горожанам, в то время как местное самоуправление еще не могло позволить себе такие затратные проекты и его деятельность ограничивалась устройством общественных колодцев и фонтанов (Abellan, 2017: 7). Дж. Браун установил, что развитие систем водоснабжения стимулировали не кризисы в области общественного здравоохранения, а рост доходов населения наравне с ростом спроса на товары промышленного производства (Brown, 1988: 307-316). Согласно К. Хэмлину, развитие систем водоснабжения и водоотведения в 1870–1890-е гг. могло быть вызвано страхом перед эпидемиями (Hamlin, 1988: 59).

Вместе с тем в городах России и южной Европы централизованное водоснабжение в 1880–1910-е гг. являлось одной из основных противохолерных мер. Ф. Сноуден установил, что в Италии 1880-х гг. организация в городах централизованного водоснабжения и водоотведения рассматривалась медицинскими экспертами в качестве противоэпидемической меры, но ограниченность бюджетных средств не позволила городской администрации их реализовать (Snowden, 2002: 100-101). В российских городах при отсутствии системы долгосрочного планирования и организации противоэпидемических мероприятий заботы по охране общественного здоровья и благоустройству городской территории с 1870 г. были возложены на органы городского управления (Henze, 2011: 5, 8). В данных условиях централизованное водоснабжение стало рассматриваться в качестве эффективной, зарекомендовавшей себя в Европе меры против распространения эпидемий, однако ее реализация осложнялась неподъемной для городских бюджетов стоимостью устройства водопроводов. Российские исследователи сходятся во мнении о том, что в условиях возложения государством обязанностей по проведению противоэпидемических мероприятий на органы городского самоуправления последние не справлялись с финансовой нагрузкой, сопряженной с дефицитом медицинских кадров в провинции (Моторова, 2015: 29; Поддубный, 2014: 113, 116). В эпидемию 1907–1910 гг. данная государственная политика привела к скандалу в столице Российской империи. В 1910 г. Министерство внутренних дел инициировало принудительное оздоровление городов, предполагавшее проведение мероприятий по улучшению санитарных условий, прежде всего в Петербурге и поволжских городах из средств городских бюджетов (Поддубный, 2014: 156). Общество русских врачей им. Н.И. Пирогова и либеральная общественность столицы посчитали данный шаг посягательством на права общественных учреждений и попыткой ограничить права городского самоуправления (Нардова, 2014b: 100-101; Поддубный, 2014: 156). С 1911 г. правительство перешло к систематическому оказанию помощи городам и земствам в борьбе с эпидемиями после издания закона «Об отпуске из государственного казначейства средств на противохолерные и противочумные мероприятия». Согласно закону, из казны на пособия земским и городским общественным учреждениям выделялось 2,5 млн руб. в 1911 г. и аналогичные суммы в следующие годы. При этом обеспеченность водопроводами российских городов к 1913 г. составила 21,5 % (Территория и население, 1914: 4).

5. Заключение

Таким образом, на современном этапе история борьбы с эпидемиями холеры в XIX – начале XX вв. исследуется в контексте деятельности органов государственного и местного управления. Большинство работ раскрывает политику органов власти в области санитарного надзора, становления медицинской профессии, модернизации коммунальной инфраструктуры в рамках отдельных стран или городов. В работах по социальной и экологической истории уделяется особое внимание отклику горожан на изменение условий окружающей среды, которые были вызваны ее загрязнением и сопровождалась ростом заболеваемости населения. Как в российских, так и в зарубежных исследованиях основное внимание уделяется деятельности органов городского управления и медицинского сообщества в борьбе с эпидемиями, поскольку первые принимали управленческие решения, а вторые выступали экспертами в рассматриваемом вопросе. Политика местного самоуправления в работах рассматривается в контексте противоэпидемической политики той или иной страны, а деятельность врачей исследуется сквозь призму научных дискуссий об этиологии и путях распространения холеры, с точки зрения консолидации и формирования профессионального сообщества или с опорой на биографию и личный вклад выдающихся врачей-гигиенистов в борьбу с эпидемиями и улучшение санитарного состояния городов. Кроме того, зарубежная историография делает акцент на значимости развития медицины и медицинской профессии для обеспечения

каналов трансфера знаний о заболевании и методах борьбы с ним между европейскими государствами. В исследованиях отражена зависимость между статусом врачей в том или ином государстве или городе и эффективностью проведения ими противоэпидемических мероприятий. Что касается горожан, то они, как правило, выступают в качестве силы, препятствовавшей проведению противохолерных мероприятий. Причем причины конфликтов между малоимущими горожанами и врачами, между рабочими и врачами, между промышленниками и торговцами, с одной стороны, и органами городского управления – с другой, историки видят в нарушении привычного уклада жизни и в ряде случаев прав городского населения, которое сопровождало противоэпидемические мероприятия. Также исследователи отмечают подверженность городского населения паническому бегству из населенных пунктов во время эпидемий, которое в эпидемию холеры 1830–1832 гг. в Российской империи было обусловлено жесткими карантинными мерами, а в последующие эпидемии в Европе – политикой органов управления отдельных городов, опирающейся на концептуальные взгляды о природе холеры М. фон Петтенкофера. Результаты исследования позволили сместить традиционный фокус изучения истории эпидемий, заболеваемости населения на городскую общественность, выявить ее роль в институционализации санитарного надзора и решении локальных социально-экологических проблем, что открывает дальнейшие перспективы для изучения дискурсов социальной гигиены и модернизации городских пространств. Кроме того, исследование позволило сформировать новый взгляд на место российских городских сообществ в общеевропейской истории борьбы с эпидемиями, а также поместить процесс становления санитарного надзора в российских городах в общеевропейский контекст.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50297 Экспансия.

Литература

- Архангельский, 1892 – Архангельский Г.И. Холера в Петербурге в прежние годы. СПб. 1892. 20 с.
- Байбакова, 2017 – Байбакова А.И. Организация защиты населения от эпидемии холеры 1830–1831 гг. органами власти Тульской губернии / *Власть и общество в провинции: Сб. материалов научной конференции*. Тула. 2017. С. 40-49.
- Барабанова, 2014 – Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия // *Труды Института российской истории*. 2014. Вып. 12. С. 129-143.
- Барабанова, 2016 – Барабанова К.С. Организационная деятельность петербургского купечества во время эпидемии холеры в 1831 г. // *Преподавание истории в школе*. 2016. № 8. С. 76-79.
- Башкуев, 2013а – Башкуев В.Ю. Забайкальская область и город Верхнеудинск перед угрозой пятой пандемии холеры // *Вестник БНЦ СО РАН*. 2013. № 1. С. 37-46.
- Башкуев, 2015 – Башкуев В.Ю. Становление и развитие муниципального здравоохранения в Верхнеудинске/Улан-Удэ в XIX – первой четверти XX вв. // *Вестник БНЦ СО РАН*. 2015. № 4 (20). С. 60-78.
- Берар, 2016 – Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М., 2016. 344 с.
- Брэдли, 2012 – Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. 448 с.
- Васильев, Сегал, 1960 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. 398 с.
- Ганин, 2010 – Ганин В.С. Исторический взгляд на эволюцию холерной инфекции // *Клио*. 2010. № 3 (50). С. 74-80.
- Егорышева, 2006 – Егорышева И.В. Роль Пироговского общества в развитии городской медицины // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2006. № 6. С. 54-56.
- Жбанков, 1894 – Жбанков Д.Н. Несколько заметок о холере 1892–1893 гг. и о борьбе с нею. СПб. 1894. 26 с.
- Киселев, 2018 – Киселев А.Н. Пирогов Николай Иванович: страницы жизни великого хирурга. 1810–1881. М. 2018. 400 с.
- Клаут, 2002 – Клаут Х. История Лондона. М., 2002. 158 с.
- Михель, 2009 – Михель Д.В. Становление медицинской микробиологии в России и проблема холеры (1885–1910 годы) // *Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения*. Вып. 2. С. 7-16.
- Моторова, 2015 – Моторова Н.С. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний в 1874–1914 гг. // *Вестник Полоцкого государственного университета*. 2015. № 9. С. 27-30.

- Нардова, 2014a** – Местное самоуправление в России. Опыт Петербурга: вторая половина XIX – начало XX веков / Отв. ред. В.А. Нардова. СПб. 2014. 541 с.
- Нардова, 2014b** – Нардова В.А. Городское хозяйство Петербурга XIX – начала XX веков. СПб. 2014. 399 с.
- Погожев, 1892** – *Погожев А.В.* Центр тяжести холерного вопроса в России. СПб. 16 с.
- Поддубный, 2014** – История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX вв.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева и др. М. 2014. 248 с.
- ПСЗ, 1905** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. Т. 23. СПб., 1905. С. 881–883.
- Территория и население, 1914** – Территория и население // Статистический ежегодник России 1913 г. СПб. 1914. С. 1–122.
- Чистович, 2013** – *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. М., 2013. 375 с.
- Шерстнева, 2006** – *Шерстнева Е.В.* Санитарные организации городов России в конце XIX – начале XX веков // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2006. № 4. С. 57–60.
- Abellan, 2017** – *Abellan J.* Water supply and sanitation services in modern Europe: developments in 19th -20th centuries / *XII International Congress of the Spanish Association of Economic History.* Salamanca. 2017. pp. 1-17.
- Ackerknecht, 2009** – *Ackerknecht E.H.* Anticontagionism between 1821 and 1867: The Fielding H. Garrison Lecture // *International Journal of Epidemiology.* 2009. Vol. 38. pp.7–21.
- Briggs, 1961** – *Briggs A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century // *Past & Present,* 1961. No. 19. Pp. 76–96.
- Brown, 1988** – *Brown J.C.* Coping with Crisis? The Diffusion of Waterworks in Late Nineteenth-Century German Towns // *The Journal of Economic History,* 1988, Vol. 48, No. 2, pp. 307–318.
- Burrell, Gill, 2005** – *Burrell S, Gill G.* The Liverpool cholera epidemic of 1832 and anatomical dissection-medical mistrust and civil unrest // *Journal Of The History Of Medicine And Allied Sciences,* 2005. Vol. 60. pp. 478–498.
- Delaporte, 1986** – *Delaporte F.* Disease and Civilization: The Cholera in Paris, 1832, trans. Arthur Goldhammer. Cambridge. 1986. 250 p.
- Durey, 1983** – *Durey M.* The Return of the Plague: British Society and Cholera, 1831–2. London. 1983. 269 p.
- Evans, 1988** – *Evans R.J.* Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteenth-Century Europe // *Past & Present.* 1988. No. 120. Pp. 123–146.
- Evans, 2005** – *Evans R.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. NY. 2005. 701 p.
- Finer, 1952** – *Finer S.E.* The Life and times of sir Edwin Chadwick. London, Methuen, 1952. 555 p.
- Frieden, 1977** – *Frieden N.M.* The Russian Cholera Epidemic, 1892–93, and Medical Professionalization // *Journal of Social History.* 1977. Vol. 10, No. 4. Pp. 538–559.
- Frieden, 1981**– *Frieden N.M.* Russian physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton. 1981. 379 p.
- Gladstone, Finer, 1997** – *Gladstone D., Finer S.E.* Edwin Chadwick: Nineteenth-century Social Reform. London. 1997. 348 p.
- Goodman, 1862** – *Goodman M.* Experiences of an English Sister of Mercy. London. 1862. 234 p.
- Hamlin, 1988** – *Hamlin C.* Muddling in Bumbledom: On the Enormity of Large Sanitary Improvements in Four British Towns, 1855–1885 // *Victorian Studies.* 1988. Vol. 32. No. 1. pp. 55–83.
- Hamlin, 2009** – *Hamlin C.* Cholera: The Biography. Oxford. 2009. 256 p.
- Hamlin, 2013** – *Hamlin C.* Nuisances and community in mid-Victorian England: the attractions of inspection // *Social History.* 2013. Vol. 38. No 3. Pp. 346–379.
- Hanley, 2006** – *Hanley J.G.* Parliament, Physicians, and Nuisances: The Demedicalization of Nuisance Law, 1831–1855 // *Bulletin of the History of Medicine.* 2006. Vol. 80. No 4. Pp. 702–732.
- Hardy, 1984** – *Hardy A.* ‘Water and the Search for Public Health in London in the Eighteenth and Nineteenth Centuries’ // *Medical History.* 1984. Vol. 28. Pp. 250–282.
- Hardy, 1993** – *Hardy A.* Cholera, Quarantine and the English Preventive System, 1850–1895 // *Medical History.* 1993. Vol. 37. Pp. 250–269.
- Hawkins, 1831** – *Hawkins B.* History of epidemic spasmodic cholera of Russia. London. 1831. 328 p.
- Henze, 2011** – *Henze C.E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823 –1914. London. 2011. 227 p.
- Hutchinson, 1985** – *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine.* 1985. Vol. 40. Pp. 420–439.
- Kappner, 2019** – *Kappner K.* "Cholera Forcing" and the Urban Water Infrastructure: Lessons from Historical Berlin // *EHES Working Paper.* 2019. No. 167. Pp. 2–44.
- Kudlick, 1996** – *Kudlick C.J.* Cholera in post-revolutionary Paris: A cultural History studies on History of Society and Culture. Berkeley-Los Angeles-London. 1996. 319 p.

- Longmate, 1966 – Longmate N. King Cholera. The Biography of a Disease. London. 1966. 271 p.
- Luckin, 1977 – Luckin W. The Final Catastrophe—Cholera in London, 1866 // *Medical History*. 1977. 21. Pp. 32-42.
- McGrew, 1965 – McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823-1832. Wisconsin. 1965. 229 p.
- Morabia, 2007 – Morabia A. Epidemiologic Interactions, Complexity, and the Lonesome Death of Max von Pettenkofer // *American Journal of Epidemiology*. 2007. Vol. 166. No. 11. P. 1233-1238.
- Morris, 1976 – Morris R.J. Cholera, 1832: The Social Response to An Epidemic. New York. 1976. 228 p.
- Paterson, 1948 – Paterson P.G. The Health of Towns Association In Great Britain 1844-1849: An Exposition of the Primary Voluntary Health Society in the Anglo-Saxon Public Health Movement // *Bulletin of the History of Medicine*. 1948. Vol. 22, No. 4. Pp. 373-402.
- Pires de Almeida, 2012 – Pires de Almeida M.A. The Portuguese "Cholera Morbus" Epidemic Of 1853-56 as Seen by the Press // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 2012. Vol. 66. No. 1. Pp. 41-53.
- Sedgwick, 1866 – Sedgwick W. On the Nature of Cholera as a Guide to Treatment. London. 1866. 208 p.
- Snowden, 1991 – Snowden F.M. Cholera in Barletta 1910 // *Past & Present*. 1991. No. 132. Pp. 67-103.
- Snowden, 2002 – Snowden F.M. Naples in the Time of Cholera, 1884-1911, Cambridge. 2002, 478 p.
- Tardieu, 1849 – Tardieu A. Treatise on Epidemic Cholera. Boston, 1849. 286 p.
- Thomas, 2010 – Thomas A.J. The Lambeth cholera outbreak of 1848-1849: the setting, causes, course and aftermath of an epidemic in London. Jefferson. 2010. 274 p.
- Underwood, 1948 – Underwood A.E. The history of cholera in Great Britain / *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. 1948. Vol. 22.
- Visser, 2011 – Visser E. Urban Developments in the Time of Cholera: Vienna 1830-1850: Master's dissertation, Budapest. 2011. 95 p.

References

- Abellan, 2017 – Abellan J. (2017). Water supply and sanitation services in modern Europe: developments in 19th – 20th centuries. *XII International Congress of the Spanish Association of Economic History*. Salamanca. Pp. 1-17.
- Ackerknecht, 2009 – Ackerknecht E.H. (2009). Anticontagionism between 1821 and 1867: The Fielding H. Garrison Lecture. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 38. Pp. 7-21.
- Arkhangel'skii, 1892 – Arkhangel'skii G.I. (1892). Holera v Peterburge v prezhnie gody [Cholera in St. Petersburg in the previous years]. SPb. 20 p. [in Russian]
- Baibakova, 2017 – Baibakova A.I. (2017). Organizatsiya zashchity naseleniya ot epidemii kholery 1830-1831 gg. organami vlasti Tul'skoi gubernii [Organization of the protection of the population against the cholera epidemic of 1830-1831 by Tula authorities]. *Vlast' i obshchestvo v provintsii: Sb. materialov nauch. konf.* Tula. Pp. 40-49. [in Russian]
- Barabanova, 2014 – Barabanova K.S. (2014). Pervaya kholera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya [The first cholera in St. Petersburg, 1831: anti-epidemic measures]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Vyp. 12. Pp. 129-143. [in Russian]
- Barabanova, 2016 – Barabanova K.S. (2016). Organizatsionnaya deyatel'nost' Peterburgskogo kupechestva vo vremya epidemii kholery v 1831 g. [Organization activity of the Petersburg merchants during the cholera epidemic in 1831]. *Prepodavanie istorii v shkole*. № 8. Pp. 76-79. [in Russian]
- Bashkuev, 2013a – Bashkuev V.Yu. (2013). Zabaikal'skaya oblast' i gorod Verkhneudinsk pered ugrozoi pyatoi pandemii kholery [Trans-Baikal Region and Verkhneudinsk on the eve of the fifth cholera pandemic]. *Vestnik BNTs SO RAN*. № 1. Pp. 37-46. [in Russian]
- Bashkuev, 2015 – Bashkuev V.Yu. (2015). Stanovlenie i razvitie munitsipal'nogo zdravookhraneniya v Verkhneudinske/Ulan-Ude v XIX – pervoi chetverti XX vv. [Formation and development of municipal health care in Verkhneudinsk]. *Vestnik BNTs SO RAN*. № 4 (20). Pp. 60-78. [in Russian]
- Berar, 2016 – Berar E. (2016). Imperiya i gorod: Nikolai II, «Mir iskusstva» i gorodskaya дума v Sankt-Peterburge. 1894-1914 [The Empire and the City: Nicholas II, "The World of Art" and the City Council in St. Petersburg. 1894-1914]. M. 344 p. [in Russian]
- Bradly, 2012 – Bradly J. (2012). Obshchestvennyye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society]. M. 448 p. [in Russian]
- Briggs, 1961 – Briggs A. (1961). Cholera and Society in the Nineteenth Century. *Past & Present*. No. 19. Pp. 76-96.
- Brown, 1988 – Brown J.C. (1988). Coping with Crisis? The Diffusion of Waterworks in Late Nineteenth-Century German Towns. *The Journal of Economic History*, Vol. 48, No. 2, pp. 307-318.
- Burrell, Gill, 2005 – Burrell S, Gill G. (2005). The Liverpool cholera epidemic of 1832 and anatomical dissection-medical mistrust and civil unrest. *Journal Of The History Of Medicine And Allied Sciences*, Vol. 60. Pp. 478-498.
- Chistovich, 2013 – Chistovich Ya. (2013). Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the first medical schools in Russia]. M. 375 p. [in Russian]

- Delaporte, 1986** – *Delaporte F.* (1986). *Disease and Civilization: The Cholera in Paris, 1832*, trans. Arthur Goldhammer. Cambridge. 250 p.
- Durey, 1983** – *Durey M.* (1983). *The Return of the Plague: British Society and Cholera, 1831-2*. London. 269 p.
- Egorysheva, 2006** – *Egorysheva I.V.* (2006). Rol' Pirogovskogo obshchestva v razvitie gorodskoi meditsiny [The role of the Pirogov society in the development of urban medicine]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. № 6. Pp. 54-56. [in Russian]
- Evans, 1988** – *Evans R.J.* (1988). *Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteenth-Century Europe. Past & Present*. No. 120. Pp. 123-146.
- Evans, 2005** – *Evans R.* (2005). *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910*. NY. 701 p.
- Finer, 1952** – *Finer S.E.* (1952). *The Life and times of sir Edwin Chadwick*. London, Methuen, 555 p.
- Frieden, 1977** – *Frieden N.M.* (1977). The Russian Cholera Epidemic, 1892-93, and Medical Professionalization. *Journal of Social History*. Vol. 10, No. 4. Pp. 538-559.
- Frieden, 1981** – *Frieden N.M.* (1981). *Russian physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton. 379 p.
- Ganin, 2010** – *Ganin V.S.* (2010). Istoricheskii vzglyad na evolyutsiyu kholernoii infektsii [A historical view of the evolution of cholera infection]. *Klio*. № 3 (50). pp. 74-80. [in Russian]
- Gladstone, Finer, 1997** – *Gladstone D., Finer S.E.* (1997). *Edwin Chadwick: Nineteenth-century Social Reform*. London. 348 p.
- Goodman, 1862** – *Goodman M.* *Experiences of an English Sister of Mercy*. London. 1862. 234 p.
- Hamlin, 1988** – *Hamlin C.* (1988). Muddling in Bumbledom: On the Enormity of Large Sanitary Improvements in Four British Towns, 1855–1885. *Victorian Studies*. Vol. 32. No. 1. pp. 55-83.
- Hamlin, 2009** – *Hamlin C.* (2009). *Cholera: The Biography*. Oxford. 256 p.
- Hamlin, 2013** – *Hamlin C.* (2013). Nuisances and community in mid-Victorian England: the attractions of inspection. *Social History*. Vol. 38. No 3. Pp. 346-379.
- Hanley, 2006** – *Hanley J.G.* (2006). Parliament, Physicians, and Nuisances: The Demedicalization of Nuisance Law, 1831-1855. *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 80. No 4. Pp. 702-732.
- Hardy, 1984** – *Hardy A.* (1984). Water and the Search for Public Health in London in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *Medical History*. Vol. 28. Pp. 250-282.
- Hardy, 1993** – *Hardy A.* (1993). Cholera, Quarantine and the English Preventive System, 1850–1895. *Medical History*. Vol. 37. Pp. 250-269.
- Hawkins, 1831** – *Hawkins B.* (1831). *History of epidemic spasmodic cholera of Russia*. London. 328 p.
- Henze, 2011** – *Henze C.E.* (2011). *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914*. London. 227 p.
- Hutchinson, 1985** – *Hutchinson J.F.* (1985). Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution. *Journal of the History of Medicine*. Vol. 40. Pp. 420-439.
- Kappner, 2019** – *Kappner K.* (2019). "Cholera Forcing" and the Urban Water Infrastructure: Lessons from Historical Berlin. EHES Working Paper. No. 167. Pp. 2-44.
- Kiselev, 2018** – *Kiselev A.N.* (2018). Pirogov Nikolai Ivanovich: stranitsy zhizni velikogo khirurga. 1810-1881 [Pirogov Nikolai Ivanovich: pages of the life of the great surgeon]. M. 400 p. [in Russian]
- Klaut, 2002** – *Klaut H.* (2002). *Istoriya Londona [History of London]*. M. 158 p. [in Russian]
- Kudlick, 1996** – *Kudlick C.J.* (1996). *Cholera in post-revolutionary Paris: A cultural History studies on History of Society and Culture*. Berkeley-Los Angeles-London. 319 p.
- Longmate, 1966** – *Longmate N.* (1966). *King Cholera. The Biography of a Disease*. London. 271 p.
- Luckin, 1977** – *Luckin W.* (1977). The Final Catastrophe—Cholera in London, 1866. *Medical History*. 21. Pp. 32-42.
- McGrew, 1965** – *McGrew R.E.* (1965). *Russia and the Cholera, 1823-1832*. Wisconsin. 229 p.
- Mikhel', 2009** – *Mikhel' D.V.* (2009). Stanovlenie meditsinskoii mikrobiologii v Rossii i problema kholery (1885–1910 gody) [The Formation of Medical Microbiology in Russia and the Cholera Problem (1885–1910)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. T. 9. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vyp. 2. Pp. 7-16. [in Russian]
- Morabia, 2007** – *Morabia A.* (2007). Epidemiologic Interactions, Complexity, and the Lonesome Death of Max von Pettenkofer. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 166. No. 11. Pp. 1233-1238.
- Morris, 1976** – *Morris R.J.* (1976). *Cholera, 1832: The Social Response to An Epidemic*. New York. 228 p.
- Motorova, 2015** – *Motorova N.S.* (2015). Protivoepidemicheskie meropriyatiya organov gorodskogo samoupravleniya Belorussko-litovskikh gubernij v 1874–1914 gg. [Anti-epidemic measures of municipal authorities in Belarussian-Lithuanian provinces, 1874-1914]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 9. Pp. 27-30. [in Russian]
- Nardova, 2014a** – Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Opyt Peterburga: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Local government in Russia. The experience of St. Petersburg: the second half of the 19th – the beginning of the 20th c.]. Otv. red. V.A. Nardova. SPb. 2014. 541 p. [in Russian]

- [Nardova, 2014b](#) – *Nardova V.A.* (2014). Gorodskoe khozyaistvo Peterburga XIX – nachalo XX veka [City economy of St. Petersburg 19th – beginning of 20th c.]. SPb. 399 p. [in Russian]
- [Paterson, 1948](#) – *Paterson P.G.* (1948). The Health of Towns Association In Great Britain 1844-1849: An Exposition of the Primary Voluntary Health Society in the Anglo-Saxon Public Health Movement. *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 22, No. 4. Pp. 373-402.
- [Pires de Almeida, 2012](#) – *Pires de Almeida M.A.* (2012). The Portuguese "Cholera Morbus" Epidemic Of 1853-56 as Seen by the Press. *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 66. No. 1. pp. 41-53.
- [Poddubnyi, 2014](#) – *Istoriya zdravookhraneniya dorevolyutsionnoi Rossii (konets XVI – nachalo XX v.)* [The history of public health in pre-revolutionary Russia (late 16th – early 20th c.)]. M.V. Poddubnyi, I.V. Egorysheva, etc. M. 2014. 248 p. [in Russian]
- [Pogozhev, 1892](#) – *Pogozhev A.V.* (1892). Tsentr tyazhesti kholernogo voprosa v Rossii [The center of gravity of the cholera issue in Russia]. SPb. 16 p. [in Russian]
- [PSZ, 1905](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 3]. 1881–1913. T. 23. SPb., 1905. Pp. 881-883. [in Russian]
- [Sedgwick, 1866](#) – *Sedgwick W.* (1866). On the Nature of Cholera as a Guide to Treatment. London. 208 p.
- [Sherstneva, 2006](#) – *Sherstneva E.V.* (2006). Sanitarnye organizatsii gorodov Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [Sanitary organizations in Russian cities in the late 19th – early 20th c.]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. № 4. Pp. 57-60. [in Russian]
- [Snowden, 1991](#) – *Snowden F.M.* (1991). Cholera in Barletta 1910. *Past & Present*. No. 132. pp. 67-103.
- [Snowden, 2002](#) – *Snowden F.M.* (2002). Naples in the Time of Cholera, 1884–1911, Cambridge. 478 p.
- [Tardieu, 1849](#) – *Tardieu A.* (1849). Treatise on Epidemic Cholera. Boston, 286 p.
- [Territoriya i naselenie, 1914](#) – *Territoriya i naselenie* [Territory and population]. Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1913 g. SPb. 1914. Pp. 1-122. [in Russian]
- [Thomas, 2010](#) – *Thomas A.J.* (2010). The Lambeth cholera outbreak of 1848–1849: the setting, causes, course and aftermath of an epidemic in London. Jefferson. 274 p.
- [Underwood, 1948](#) – *Underwood A.E.* (1948). The history of cholera in Great Britain. *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. Vol. 22.
- [Vasil'ev, Segal, 1960](#) – *Vasil'ev, K.G., Segal, A.E.* (1960). Istoriya epidemii v Rossii (Materialy i ocherki) [The history of epidemics in Russia (Materials and essays)]. M. 398 p. [in Russian]
- [Visser, 2011](#) – *Visser E.* (2011). Urban Developments in the Time of Cholera: Vienna 1830–1850: Master's dissertation, Budapest. 95 p.
- [Zhbankov, 1894](#) – *Zhbankov D.N.* (1894). Neskol'ko zametok o holere 1892–1893 gg. i o bor'be s neyu [A few notes on the cholera epidemic 1892–1893 and the fight against her]. SPb. 26 p. [in Russian]

Городские сообщества в борьбе с эпидемиями холеры в XIX – начале XX вв.: европейский и российский опыт

Анна Борисовна Агафонова ^{a, *}, Григорий Юрьевич Афанасьев ^b

^a Череповецкий государственный университет, Российская Федерация

^b Российский государственный исторический архив, Российская Федерация

Аннотация. В XIX в. Российская империя, наряду с европейскими странами, впервые столкнулась с холерой. Регулярные вспышки холерных эпидемий, сопровождавшихся высоким уровнем смертности, являлись показателем санитарного неблагополучия населенных мест. Особенно неблагоприятная ситуация с заболеваемостью и санитарным состоянием наблюдалась в городах, которые испытывали проблемы с систематическим загрязнением водоемов и территории хозяйственно-бытовыми отходами. В России на съездах врачей в 1890–1910х гг. поднимался вопрос о кризисе городов в контексте их санитарного состояния и условий проживания городского населения, что указывало на остроту этой социально-экологической проблемы для исследуемого периода. Данной проблематике уделяется широкое внимание в современных исторических исследованиях по социальной истории, истории социальной медицины, экологической истории, исторической урбанистике. Настоящая статья посвящена анализу и обобщению результатов современных исследований по истории решения европейскими и российскими городскими сообществами социально-экологических проблем, связанных с появлением и распространением эпидемий холеры, а также выявлению возможных перспектив данной области исследований. Актуальность проводимого исследования обусловлена ростом социальной напряженности в городах, спровоцированным

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.b.agafonova@gmail.com (А.Б. Агафонова), greenia2006@rambler.ru (Г.Ю. Афанасьев)

обострением социально-экологических проблем, а также возросшим интересом со стороны научного сообщества к подобным проблемам в историческом прошлом. Результаты исследования позволили сместить традиционный фокус изучения истории эпидемий, заболеваемости населения на городскую общественность, выявить ее роль в институционализации санитарного надзора и решении локальных социально-экологических проблем, что открывает дальнейшие перспективы для изучения дискурсов социальной гигиены и модернизации городских пространств.

Ключевые слова: санитарный надзор, противоэпидемические мероприятия, эпидемии холеры, городская экологическая история, санитарное благоустройство, городская среда, бактериологическое загрязнение, принудительное оздоровление.

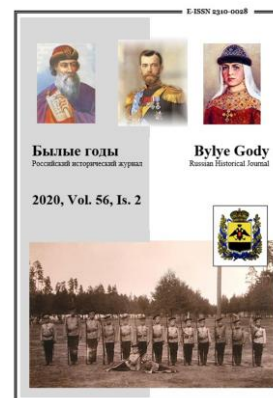
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 785-795. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.785
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Representation of Foreign Law and Legislation on the Pages of the "Journal of the Ministry of Justice" in 1894–1904

Inessa G. Adoneva ^{a, *}

^aNovosibirsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with specificity of representation of foreign law and legislation in the "Journal of the Ministry of Justice" of the turn of XIX–XX centuries. The reasons of attention of Russian specialists to foreign justice was the revision of Judicial statutes of Alexander the Second, an active foreign policy of the Russian Empire, the interaction of Russian lawyers with foreign colleagues and the common problem problems. Most of the authors served in the Ministry of justice, as well as engaged in research and teaching activities. Professional education, formed in the logic of the European conceptual and categorical apparatus, made Western realities understandable for Russian specialists. The generation of lawyers who were actively published in the departmental journal shared the ideas of the sociological school, which was based on the strong relationship between law and all other spheres of society. Their worldview was also influenced by the mass codification of European legislation. It is revealed that the most frequent appeal of Russian lawyers to the French legislation was caused by similar positions laid down by the Judicial statutes of 1864, and to the German – by serious economic ties between Russia and Germany. The specifics of the justice system in England provided few opportunities for borrowing, but it retained the honorary role of the founder of modern legal institutions. Russian lawyers described the legal realities of the East from the point of view of orientalism: for Japan, France and England played a civilizing role, and for China – Russia, which was positioned as a European state. The law was accepted as a tool to set society on the path of progress. At the same time, Russian lawyers agreed with their European colleagues in the need to make the legislation as clear as possible for the population.

Keywords: departmental periodicals, foreign legislation, lawyers, bureaucrats, professors, representation.

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. – один из наиболее дискуссионных периодов в истории Российской империи, предшествующий революционным потрясениям. Также это время социальной и экономической модернизации, культурных и научных достижений, споров по поводу путей развития страны и активной внешней политики. Изменения неизбежно затронули систему юстиции и юридическую науку. Распространение Судебных уставов на окраины империи и начало работы над их изменением, усложнение и интенсификация экономических процессов, растущие международные связи требовали от юристов серьезной работы и взаимодействия с иностранными коллегами (личного, так и посредством переписки); знакомства с их достижениями и зарубежным законодательством. Одним из проявлений деятельности российских правоведов стала публикационная активность на страницах ведомственного издания – «Журнала Министерства юстиции», где, помимо прочего, публиковались статьи, посвященные иностранному законодательству и судебной практике. Изучение данного аспекта расширит имеющиеся в науке представления относительно профессионального

* Corresponding author

E-mail addresses: adoinessa@yandex.ru (I.G. Adoneva)

мировоззрения юристов, позволит выявить влиявшие на него политические и культурные факторы, даст возможность понять роль зарубежного опыта как его важного элемента.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи включает в себя 178 текстов 35 авторов, опубликованных в «Журнале Министерства юстиции» в 1894–1904 гг. и посвященных зарубежному праву. Во-первых, это статьи, анализирующие систему юстиции, законодательство и судебную статистику европейских и восточных государств. Они были ориентированы на профессиональную аудиторию и включали в себя как теоретические материалы, так и практическое наблюдение в ходе командировок за функционированием иностранных систем отправления правосудия. Во-вторых, это обзоры иностранного законодательства, которые представляли собой качественно совершенно разные тексты: от краткой заметки до скрупулезного разбора новаций в правовой сфере.

Ценными источниками, где законодательство и правовая практика Англии и Франции анализируются иностранцами корреспондентами издания – адвокатами Шарлем Ламбером и Сесилем Мид Алленом, являются «Письма из Парижа» и «Письма из Англии». Данный сюжет уже рассмотрен в отдельной публикации и косвенно подтверждает вывод о том, что взаимное сотрудничество юристов из разных стран было вызвано, помимо прочего, сходством стоящих перед ними вопросов (Адоньева, 2019b: 146-150).

Кроме того, были привлечены учебники для юридических факультетов университетов и научно-публицистические труды, в которых затрагивались те или иные сюжеты, связанные с иностранной юстицией, главным образом европейской. Эти источники позволяют понять, какие идеи служили основой для оформления представлений юристов о правовой системе иностранных государств. Знакомство с этой темой обычно открывалось сочинением А.Д. Градовского «Государственное право важнейших европейских держав» и в дальнейшем дополнялось специализированными текстами, в том числе на иностранных языках.

Воспоминания юристов, в которых описывались события конца XIX – начала XX вв. и более раннего периода, позволили прийти к заключению о том, что взаимодействие с иностранной системой юстиции и образования было важным элементом профессиональной подготовки. Лекции в немецких университетах и Сорбонне, посещение судебных заседаний, общение с коллегами за рубежом неизбежно подталкивали правоведов к сопоставлению отечественного и зарубежного опыта, границ и возможностей его применения (Янжул, 2006).

Хронологические рамки включают в себя период с 1894 по 1904 г. В 1894 г. возобновилось издание «Журнала Министерства юстиции». Избрание 1904 г. в качестве верхней границы обусловлено тем, что произошедшие в ходе Первой русской революции политико-правовые изменения оказали серьезное влияние на профессиональную деятельность юристов, в том числе на ее научно-публицистическую составляющую. Поэтому изучение юридической периодики после 1904 г. целесообразнее проводить в рамках отдельного исследования.

Методологическим основанием настоящего исследования является история интеллектуальной культуры как анализ юридических идей и дискурсов в контексте рубежа XIX–XX вв. «Журнал Министерства юстиции» рассматривается как институт, поддерживающий интеллектуальную деятельность правоведов. Основным методом явился дискурсивный анализ в понимании Т. Ван Дейка, когда дискурс рассматривается как завершенный письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется реципиентами. Кроме анализа текста, анализ дискурса предполагает описание социальных условий, предопределяющих порождение и восприятие текста. В этой связи имел значение метод интеллектуальной биографии как сочетания биографического, текстуального и социокультурного анализа, позволяющий понять мотивы обращения автора к представленной им проблематике и особенности ее репрезентации.

3. Обсуждение

Актуальную для данного исследования историографию проблемы можно условно разделить на три направления. Первое – включает в себя труды, связанные с репрезентациями в российской журнальной прессе правовых аспектов жизни европейских государств рубежа XIX–XX вв. Второе направление посвящено отечественной юридической периодике. Третье – представлено трудами, в которых исследуется судебная система Российской империи рассматриваемого периода и ее преобразование.

В науке заявленная проблематика напрямую не затрагивалась. Интерес для исследователей представлял опыт зарубежной юстиции, обсуждаемый в отечественной печати, на этапе подготовки и реализации судебной реформы (Адоньева, 2019a). Внимание к социально-политическим и экономическим процессам, протекавшим на рубеже XIX–XX вв. историки объясняли складыванием в Европе военно-политических блоков. В рамках этих процессов правительства посредством воздействия на население через периодическую печать стремились создать положительный образ стран-союзниц. Но сюжеты, связанные с репрезентациями зарубежной юстиции в российской прессе этого времени, не попадали в поле зрения ученых.

Исследования, посвященные дореволюционной юридической периодике, имеют или обзорный характер, или же предполагают раскрытие какого-либо частного вопроса (Усманова, Гильмутдинов, 2009; Маматов, 2010; Сальников, Щерова, 2017; Курас, 2012). Публикаций, в которых рассматриваются проблемы иностранного права на страницах общественно-политической и специализированной периодики изучаемого периода, выявить также не удалось.

Научное изучение российского правосудия рубежа XIX–XX вв. тесно связано с исследованием различных аспектов деятельности «муравьевской комиссии» (Краковский, 2018). Близкими к поставленной проблематике являются труды нижегородского юриста В.С. Сэруа, в которых внимание уделено контактам российских юристов – ученых и практиков – с зарубежными коллегами. Автор продемонстрировала взаимодействие Московского юридического общества с Берлинским международным обществом сравнительного правоведения и политэкономии, Немецким юридическим обществом, а также отметила роль русской группы Международного союза криминалистов, которая заключалась во «внедрении в отечественное законодательство лучших уголовно-правовых и процессуальных идей, реализованных в зарубежной практике» (Сэруа, 2015).

Таким образом, вопрос, касающийся особенностей репрезентации иностранного права в «Журнале Министерства юстиции» на рубеже XIX–XX вв. поставлен впервые.

4. Результаты

Возрождение ведомственного журнала произошло по инициативе Н.В. Муравьева практически сразу по его вступлении в должность министра юстиции в 1894 г. К этому времени в Российской империи существовали авторитетные печатные издания, связанные прежде всего с юридическими обществами при университетах. При этом Н.В. Муравьев, имевший опыт работы в периодике, осознавал потребность в ведомственном журнале, где смогут обмениваться профессиональными мнениями лица, служившие по линии Министерства юстиции. Тем более это было актуальным в связи с начавшейся масштабной работой по пересмотру Судебных уставов 1864 г. За время, прошедшее с осуществления реформы, юриспруденция в Российской империи успела приобрести популярность среди интеллектуалов, а также лиц, стремившихся получить образование усилиями, сравнительно меньшими, чем это требовал, например, историко-филологический факультет (Голицын, 2007). Таким образом, к 1890-м годам юристы уже представляли собой высокопрофессиональное сообщество, а юридическую профессию и чиновников высоких рангов Министерства юстиции вполне справедливо можно отнести к интеллектуальной элите.

Интерес авторов журнала к иностранной юстиции вполне сопоставим с популярностью, какой пользовалось право европейских стран, прежде всего Англии и Франции, в общественно-политической и ведомственной периодике в 1856–1864 гг., на этапе обсуждения судебной реформы. В то время отправление правосудия в Российской империи требовало серьезного преобразования, и обращение к удачным европейским моделям было объяснимо. Спустя более чем 30 лет были очевидны все достоинства и недостатки судебной реформы, шла ее поэтапная корректировка. Российские юристы, имевшие высокий уровень квалификации и признанные в европейском и американском профессиональных кругах, не нуждались, казалось бы, в опыте зарубежных коллег. Однако развитие буржуазного общества породило проблемы и вопросы, общие для правоведов из разных стран. Научная и практическая юриспруденция стремилась их разрешить, что и стало причиной внимания отечественных специалистов к иностранной юстиции. Это сочеталось с утверждением в науке социологической школы права, которая исходила из тесной связи правовых явлений со всеми сферами жизни общества, а также попытками разной степени успешности реализовать ее положения (особенно в части поиска причин преступности и предотвращения правонарушений).

Большинство авторов, обратившихся к иностранной юстиции, были 1860–1870-х годов рождения и являлись выпускниками юридических факультетов столичных и провинциальных университетов, Училища правоведения, Ярославского Демидовского лицея и Александровской военно-юридической академии. Основной их занятостью была служба по линии Министерства юстиции, однако многие из них совмещали ее с научной педагогической деятельностью. Адвокаты также имели возможность печататься в «Журнале министерства юстиции». Обращаясь к зарубежным правовым реалиям, юристы не были склонны их идеализировать, как это делали их предшественники в 1850–1860-е гг. Они профессионально сформировались в условиях действующих Судебных уставов, поэтому контраст между российской системой юстиции и зарубежной для них отсутствовал. Многие из авторов, будучи в служебных поездках или продолжая образование в Англии, Германии, Франции и Швейцарии, имели возможность на практике изучить интересующие их вопросы. Серьезное влияние на них оказала и массовая кодификация законодательства в европейских странах в конце XIX – начале XX вв. Новым также было и то, что юристов интересовало не только европейское правосудие и законодательство, но и восточные правовые сюжеты, с которыми они также познакомили читателей. Государства, к которым обращались авторы «Журнала Министерства юстиции», а также количество статей, посвященное каждому из них, представлено в [Таблице 1](#). Здесь учитывались как статьи, так и обзоры иностранного законодательства.

Таблица 1. Государства, правовые системы и законодательство которых были представлены в «Журнале Министерства юстиции» в 1894–1904 гг.

№	Страна	Количество статей (в относительных величинах)
1	Франция	33 %
2	Германия	19,7 %
3	Австро-Венгрия	13,8 %
4	Великобритания	9,2 %
5	Дания	4,6 %
6	Швейцария	4 %
7	Бельгия	4 %
8	Швеция	3 %
9	Китай	2 %
10	Италия	1,3 %
11	Норвегия	1,3 %
12	Португалия	0,65 %
13	США	0,65 %
14	Алжир	0,65 %
15	Япония	0,65 %

Максимальное влияние к французской юстиции являлось следствием того, что именно она стала основным образцом при проведении судебной реформы 1864 г. Сходство стало одним из мотивов общения с иностранными коллегами и обращения к законодательным новеллам. Показательным здесь явилось восприятие официальным печатным органом Министерства юстиции официального утверждения во Франции женской адвокатуры. Данный вопрос в это время был актуальным и для Российской империи (Крестьянников, 2020). В журнале закон 1 декабря 1900 г. был принят максимально тепло. Автор передал основное содержание дискуссии в Сенате, посвященной традиционной роли женщины и неизбежным тенденциям социального развития. Успешное прохождение законопроекта имело значение с точки зрения и его необходимости, и возможности продемонстрировать один из вариантов профессиональных контактов: «Когда Сенат приступил к голосованию проекта, то оказалось, что из 206 голосов за проект подано 172, против – 34. 1 декабря минувшего года закон был подписан президентом республики, а через несколько часов по его опубликовании m-me Petit (русская по происхождению, дочь киевского сахарозаводчика Г.Г. Болоховского), в профессиональном костюме, уже приносила присягу перед Первой палатой Парижского суда как первая женщина-адвокат во Франции. Через несколько дней такую же присягу принесла и доктор прав Парижского университета m-lle Jeanne Chauvin, которой принадлежит инициатива возбуждения вопроса о женской адвокатуре. Ей довелось уже дебютировать в Парижском суде по делу о железнодорожных служащих, обвиняемых в катастрофе в Шуази Леруа. Г-жа Шовен защищала стрелочника и, несмотря на естественные робость и смущение, говорила настолько убедительно, что выиграла свой первый процесс» (Н.Ш., 1901: 309-310). Здесь сочетались как признание права женщины на участие в отправлении правосудия, так и традиционный взгляд на ее «добродетели», среди которых скромность и сдержанность занимали не последнее место.

Отношение к законодательной практике стало более критичным, на что влияли и новые течения в социальной жизни. Профессор гражданского права А.И. Загоровский при обсуждении статуса внебрачных детей, прямо писал: «Право признания своих незаконных детей должно быть прямо и определенно высказано как важнейший, справедливейший и надежнейший способ установления сыновства. Это право должно быть распространено на всех незаконнорожденных, в том числе произошедших от прелюбодеяния. Романские законодательства и их юристы думают, что такое признание оскорбляет общественную нравственность. Но еще большим нарушением общественной морали надо признать оставление таких детей без призрения, на произвол судьбы» (Загоровский, 1898: 41). Французское законодательство было интересно отечественным юристам, прежде всего, его социальной составляющей: брак и семья, дети, трудовое право пользовались неизменным вниманием российских правоведов. При этом отношение к французской адвокатуре осталось таким же негативным, как и полстолетия назад: ее также упрекали в жесткой дифференциации, жажде наживы и закрытости.

Известный криминолог Д.А. Дриль обратился к общей для России и Франции проблеме уголовной ссылки. В конце XIX в. в России достигла пика дискуссия, посвященная отмене уголовной ссылки в Сибирь. Доводы, которые приводил юрист относительно французской практики, были аналогичны положениям, к которым прибегали в рамках аргументации необходимости прекращения принудительного переселения преступников на восточные окраины Российской империи: «С внешней

стороны ссылка в Новую Каледонию представляется сравнительно упорядоченной. Крепкая рука тюремной администрации вполне подчиняет себе как заключенных, так и освобожденных, создавая для последних положение пожизненно полусвободных людей. Но достигается это упорядочение почти исключительно путем применения крайне суровых мер укрощения и стеснения, а не тем исправлением ссыльных, на которое рассчитывали при введении ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонии. Французская ссылка, конечно, избавляет метрополию от ее наиболее опасных элементов, но в то же время, не обезвреживая их, она только концентрирует их в новом месте – в колонии, будущность которой вследствие того представляется весьма сомнительной» (Дриль, 1897: 40-41; Хламова, 2010). Здесь Дриль не только подчеркнул свою убежденность в возможности исправления преступников, но и продемонстрировал сходство проблем, с которыми столкнулись Третья республика и Российская империя.

Успешному опыту французской кодификации была посвящена статья чиновника гражданского кассационного департамента Сената К.П. Змирлова «Первые четыре книги *Code de Procedure Civile* по проекту 1894 г.», которая была подготовлена в связи с работой комиссии по пересмотру Судебных уставов. Полная переработка гражданско-процессуального кодекса была признана удачной и достойной стать образцом для подражания, поскольку динамика социальной жизни уже не допускала «частичных поправок и отрывочных изменений» (Змирлов, 1895: 52). Здесь опять же отмечался факт общности стоявших перед юристами проблем: «Цель французского проекта в сущности та же, что должны преследовать и мы – это упростить по возможности формы гражданского процесса, сделать суд более доступным для населения, менее дорогим и более скорым» (Змирлов, 1895: 52).

В отношениях России и Австро-Венгрии конца XIX века ключевым фактором являлось влияние на Балканы. Перманентное присутствие данного вопроса в общественно-политической повестке обусловило и профессиональное внимание юристов к законодательной практике «лоскутной империи». Свою роль сыграло и то, что Австро-Венгрия и Россия столкнулись на рубеже веков со сходными проблемами и необходимостью решать одновременно национальные, социальные и правовые вопросы. В связи с этим несколько неожиданной явилась публикация на страницах ведомственного издания перевода труда австрийского юриста А. Менгера, магистральным направлением научной деятельности которого была разработка идеи социалистического государства, получившая скептическую оценку как со стороны консерваторов, так, в дальнейшем, и советских правоведов. Представляется, что в «Журнале Министерства юстиции» статья Менгера преследовала цель не только познакомить профессиональное сообщество с особенностями кодификационной работы в Австро-Венгрии, но и косвенно указать на проблемы, имевшиеся в Российской империи. Трудности, связанные с недостаточным финансированием судебной системы и правовой безграмотностью населения, постоянно обсуждались в юридической и общественно-политической печати. Австрийский юрист считал нужным подчеркнуть расширение полномочий судьи в гражданском процессе, связанное с тем, что услуги представителей для большинства населения являются недоступными из-за их высокой стоимости. Он отмечал, что ключевой принцип – «незнание закона не освобождает от ответственности» – применим только к образованным и финансово состоятельным лицам, в то время как законодательство развивается по пути усложнения. Поэтому возможность со стороны судьи собирать доказательства представлялась автору серьезным шагом вперед в деле доступности правосудия (Менгер, 1895).

Если ранее с профессиональной точки зрения юристы уделяли пристальное внимание Англии практически наравне с Францией, то с конца XIX в. юстиция Туманного Альбиона вытесняется правом Германской империи, главным образом гражданским. Само по себе тесное взаимодействие стран было обусловлено давними династическими и родственными связями правящих домов. Е.А. Пахомова отметила, что Германская империя была основным партнером России во внешней торговле (Пахомова, 2012: 11). Интенсивное экономическое сотрудничество стало причиной, по которой отечественные правоведы проявляли интерес к Германии. В течение 1896 г. дважды публиковались статьи, посвященные обсуждению нового Уголовного кодекса, а в дальнейшем печатались тексты, связанные с гражданским правом. Для юристов было очевидным, что развитие промышленности и торговли влечет за собой и изменения в их регулировании, однако специалисты находили их порой поспешными. С одной стороны, норма о признании в Германской империи судебных решений государств, с которыми заключено соответствующее соглашение, соответствовало уровню развития международных отношений. С другой стороны, ряд норм, которые являлись новеллами и не имели основы или аналогов в национальном или иностранном законодательстве, вызывали у критиков вполне резонное сомнение в их дальнейшей реализации (И.Г., 1898). Было отмечено сохранение вмешательства государства в частную жизнь: запрещение вступления в брак с лицом, прелюбодеяние с которым стало причиной расторжения предшествующего брака. Образцовым российские юристы признали германский закон об авторском праве. Он имел актуальность и в связи с растущим объемом переводной литературы и возможностями воспроизводства визуальных и музыкальных произведений и получил самые лестные отзывы в российском журнале: «Он является образцом законодательной техники и умелого сочетания покровительства интересам автора с охранением интересов общественного просвещения» (Закон

19 июня 1901 г., 1902). Данный закон был также серьезным достижением в связи с международно-правовым сотрудничеством: в течение трех десятилетий перед его принятием европейские и российские юристы стремились найти ответ на вопрос о вкладе и вознаграждении переводчиков, о доходах с продажи литературного произведения или воспроизводства музыкального в государствах, которые не являлись родиной автора. На тот момент немецкие юристы поставили и разрешили множество вопросов, чем и заслужили положительные оценки со стороны российских коллег.

Падение интереса к Англии со стороны юристов произошло, вероятнее всего, по причине того, что она, в силу специфики организации юстиции и значения прецедентного права, оказалась вне европейской тенденции к кодификации. Внимания со стороны русских правоведов заслуживали отдельные законодательные акты. Англия признавалась родоначальницей всех современных юридических институтов (С.Г., 1896; Леонтьев, 1899). Но существенные отличия в политико-правовой сфере делали британскую юстицию и политический строй предметом идеализации со стороны либерально ориентированных юристов, а с другой – начинали становиться препятствием в части сотрудничества и взаимного использования опыта (Дерюжинский, 1895).

В процентном соотношении внимание авторов «Журнала Министерства юстиции» к скандинавским странам, Бельгии и Швейцарии сравнительно невелико: от 4,6 % статей, посвященных датской юстиции до 1,3 % текстов, связанных с правовой сферой Нидерландов. Законодательство этих стран представлялось русским юристам более продуманным и соответствующим потребностям развития общества, чем английское или французское. Будущий министр юстиции Российской империи И.Г. Щегловитов сочетал в своем сознании радикально правомонархические взгляды и вполне прогрессивные правовые идеи, однако при изложении профессиональных взглядов не допускал влияния политических. Это наглядно проявилось в его статье, посвященной участию адвоката на стадии досудебного следствия. Автор отметил, что данная норма появилась в законодательстве почти всех европейских стран. Бельгийский законопроект был оценен юристом как один из последних шагов на пути преодоления норм инквизиционного процесса и достижения полноценной состязательности. При этом Щегловитов считал необходимым продемонстрировать тонкость грани между соблюдением прав подсудимого и интересами правосудия: «Ограничения состязательности на предварительном следствии являются, по нашему мнению, безусловно необходимыми, в особенности в отношении права сторон присутствовать при допросе свидетелей. На практике вполне возможны случаи, когда перекрестный допрос опытными представителями сторон может затруднить следственной власти получение искренних показаний от весьма важного свидетеля. Затем, как нам кажется, нельзя лишать судебную власть права устранять обвиняемого и его защитника от участия на предварительном следствии в качестве стороны, когда эта мера вызывается требованиями правосудия. Конечно, применение данных ограничений должно быть обставлено строгим судебным контролем» (Щегловитов, 1901: 276-277). Датский корреспондент «Журнала Министерства юстиции» А. Гоос в течение нескольких лет сообщал российским коллегам о законодательной практике своей страны. Помимо содержательной стороны, внимания заслуживала и реализация законов: «Настоящий закон представляет собою только с некоторыми изменениями и дополнениями возобновление закона 20 апреля 1888 г. того же содержания. Согласно § 11 последнего, его действие заканчивается 1 апреля 1895 г. Назначая срок для действия закона, желали узнать по опыту, каковы будут его результаты по прошествии нескольких лет. Поэтому возобновление закона есть лучшее доказательство его полезности» (Гоос, 1897: 300-303). С точки зрения российских юристов, служивших по линии Министерства юстиции, такая практика была однозначно полезной, но не всегда выполнимой в масштабе Российской империи: обширность территории и, соответственно, объем информации, которую необходимо проанализировать, не сопоставимы в сравнении с Данией или даже Норвегией. Поэтому, признавая успешным опыт скандинавских стран, русские правоведы не всегда находили его реализуемым в своей стране.

Отдельный интерес представляет сюжет, который был новым для профессиональной юридической периодики: системы юстиции восточных стран, в частности Японии и Китая. Это было напрямую связано с проводимой русским правительством политикой расширения влияния на Востоке, проявлением чего стало строительство Маньчжурской железной дороги и учреждение Квантунской области – южной оконечности Ляодунского полуострова, арендованной у Китая на 25 лет, где было установлено русское гражданское управление. Кроме того, стремительное усиление Японии заставляло русских интеллектуалов обратить внимание на эту страну. Рефлексию отечественных юристов в связи с правом этих государств можно рассматривать как иллюстрацию ориенталистского типа мышления: если европейские системы юстиции воспринимались как реальные и гипотетические образцы, то в отношении восточных ярко проявились способы описания и стиль подчинения, демонстрирующие превосходство Запада (Чач, 2010).

Япония в этом ключе рассматривалась как «образцовая ученица» Европы. Такой позиции придерживались и японские сановники. В 1885 г. в Петербурге по инициативе посланника была издана переводная книга «Очерки истории японского уголовного права и судопроизводства», где прогресс в отправлении правосудия напрямую связывался с западным влиянием (Очерки..., 1885). Близко контактирующий с этой страной представитель Министерства юстиции в своих рассуждениях

продемонстрировал данную установку и однозначно определил место Российской империи в мире: «Японский народ является на Дальнем Востоке нашим равноправным соседом. С отменой в стране Восходящего солнца юрисдикции европейских консулов японские суды одинаково с нашими рассматривают подсудные им дела, невзирая на национальность участвующих лиц. Торговые и иные сношения с Японией постоянно растут. Как ближайшим соседям японцев и ближайшим к ним представителям Европы, нам особенно важно поддерживать в их глазах те начала права и нравственности, ради которых современная Япония приобщилась к европейской культуре, ввела у себя судоустройство по европейскому образцу и даже применяет составленные европейцами кодексы» (А.Л., 1901). Известный специалист в области уголовного права В.Н. Ширяев придерживался характерной для большинства юристов позиции, которые видели успех развития сферы юстиции в балансе между идущим в ногу со временем законодательством и обычным правом: «В необыкновенно короткий срок японцы усвоили себе не только внешний облик европейцев, но и постарались перенести на свою далекую родину тот строй и порядки, которые до сих пор составляли удел лишь наиболее культурных и цивилизованных стран. Надо заметить при этом, что все эти заимствования и подражания делаются весьма умело; охотно устанавливая у себя европейские порядки, японцы в то же время весьма бережно и осторожно относятся к тем сторонам своего родного быта, которые являются для них твердой опорой и залогом дальнейшего прогресса» (Ширяев, 1901: 60). Юрист отметил, что сохранение традиционных черт законодательства было вызвано острой общественной реакцией: введение уголовного кодекса в 1882 г. сопровождалось волнениями, которые заставили власть сохранить действие наиболее влиятельных норм права. В.Н. Ширяев также упомянул то, что раньше на японское законодательство имело большое влияние французское, а затем оно стало вытесняться английским. Данное наблюдение иллюстрировало не только изменение в мировоззрении японской политической элиты, но и серьезную смену внешнеполитических приоритетов страны, которая завершилась заключением в 1902 г. соглашения между Великобританией и страной Восходящего солнца. Так или иначе, несмотря на подчеркивание удачного синтеза в Японии правовых обычаев и новелл, а также близости законодательства к жизни людей, русские юристы находились на позиции приоритета европейской юриспруденции. Наиболее ярко это продемонстрировали тексты, посвященные функционированию русского суда на Квантуне. Б.И. Околович – прокурор Порт-Артурского окружного суда – описывал деятельность своих коллег в рамках противопоставления Запада и Востока, причем России в этой ситуации отводилась роль цивилизующего Запада: «На небольшом клочке земли, затерянном среди необъятного Востока, горсть русских людей поставила себе цель насаждать русскую культуру среди иноплемennого народа, столь упрямого в своем многовековом консерватизме» (Околович, 1904: 271). Тяжело достижимая цель была оправдана, по мнению юриста, положительными последствиями в будущем: «Суд – одно из тех государственных учреждений, которому более всего присуща культурная миссия. При посредничестве суда, хотя медленно, но неуклонно, проникают в народную жизнь такие понятия, как законность, уважение к личности человека, равенство всех перед законом» (Околович, 1904: 271). Примерно такими же соображениями руководствовались отечественные юристы, настаивая на распространении судебной реформы на окраины страны: суд «скорый, правый и милостивый», особенно с участием присяжных, должен был оказать воспитательное воздействие на население, привить ему чувства законности, личной и взаимной ответственности. Б.И. Околович подчеркивал контраст между Западом и Востоком через описание китайского права, с которым пришлось столкнуться русским юристам: «Не говоря о полном смешении администрации и суда, в китайском законодательстве не проведен даже принцип разграничения предметов гражданского и уголовного права. Всякое гражданское дело может, по произволу судьи, превратиться в уголовное. Пытка как средство исторжения сознания занимает одинаковое место в гражданских и уголовных делах. Хотя дозволенными родами пытки закон считает колодки для сжимания пальцев и битье бамбуками, но обычаем выработал много других варварских способов, как скручивание ушей, поджаривание на огне, пускание дыма в ноздри. Жалобы на решения уездных и областных судей, хотя и доносятся в Пекинский уголовный приказ, но на практике редко достигают цели, т.к. в большинстве случаев дело поручается для пересмотра тому же судье; кроме того, обжалование в высший суд доступно для лиц лишь состоятельных, т.к. мандарины и состоящие при них чиновники принимают все меры к тому, чтобы взыскать в свою пользу с тяжущихся как можно больше поборов» (Околович, 1904: 272). Акцент на «доисторичности» китайской юстиции сделан не только с помощью описания произвола власти и жестокости уголовного права, свойственного Средневековью, но и путем привлечения понятий из российского прошлого. Судопроизводство в приказах допетровской Руси характеризовалось историками и юристами второй половины XIX – начала XX вв. однозначно отрицательно: красочно изображались коррупция, волокита, некомпетентность судей и изворотливость дьяков. Известный российский синолог П.С. Попов, который был ориентирован на ознакомление читателей с особенностями государственности Поднебесной, переводил название суда последней инстанции в Китае как «Министерство уголовных дел» или использовал английское понятие «Board of Punishment» (Попов, 1903: 24). Околовичу важно было отметить, что столкновение с судом в любом качестве рядовой китаец полагает большим несчастьем, а широкие полномочия

главы семьи предоставляют возможность для разрешения многих дел домашним порядком. Поэтому автор подчеркивал основную сложность, с которой столкнулись русские юристы: недоверие китайцев к суду, а также к европейцам и изменениям вообще. Однако юрист полагал, что внедрение в Китае образцовой в его понимании системы юстиции необходимо в связи с изменениями в системе международных отношений: «Центр мировых событий все больше продвигается к Востоку» (Околович, 1904: 305).

5. Заключение

На рубеже XIX–XX вв. юриспруденция достигла в Российской империи высокого уровня развития. Юристы при этом сохраняли связь как с русскими интеллектуалами, к кругу которых принадлежали, так и со своими европейскими коллегами. Это оказало влияние на восприятие иностранного права и законодательства. По сравнению с эпохой Великих реформ отношение к правовым системам и законодательству западных стран стало более сдержанным. Но при этом с точки зрения организации и функционирования судебной власти юристы в официальном издании Министерства юстиции рассматривали Россию как европейскую страну. Именно поэтому, обращаясь к достоинствам и недостаткам правовых традиций и новаций Франции, Англии, Германии или Австро-Венгрии, российские специалисты рассматривали их с точки зрения возможности применения в своей практике. Развитие экономики и возрастающая мобильность населения, общие процессы модернизации и эмансипации подталкивали юристов к сотрудничеству и взаимодействию, что выразилось и в тиражировании актуальной информации посредством ведомственного издания. Одновременно с этим российские правоведы «открыли» для себя Восток. Если российской культурой рассматриваемого периода этот регион воспринимался в красочном и романтизированном ключе, то для чиновников Министерства юстиции он представлялся полем для обширной деятельности по приобщению местного населения через правильно организованный суд к европейским ценностям. Разное отношение к зарубежному опыту было следствием сочетания европейски ориентированного профессионального мировоззрения юристов, для которого западный мир был понятен и близок, и стремлением Российской империи расширить влияние на Дальнем Востоке, где русские специалисты встретились с ранее им неизвестными явлениями и фактами.

Литература

- А.Д., 1901 – А.Д. О суде на Квантуне // Журнал Министерства юстиции (далее – ЖМЮ). 1901. № 10. С. 216–224.
- Адоньева, 2019а – Адоньева И.Г. Дискуссия о европейском опыте при обсуждении судебной реформы в русской журнальной периодике (1857–1864) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 6. С. 18–29.
- Адоньева, 2019б – Адоньева И.Г. Судебная и парламентская хроника европейских государств как элемент правового дискурса русской журнальной прессы на рубеже XIX–XX вв. / Коммуникативная культура: история и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 1 ноября 2019. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 278 с. С. 146–150.
- Голицын, 2007 – Голицын М.В. Мои воспоминания. 1873–1917. М.: Русский мир, 2007. 768 с.
- Гоос, 1897 – Гоос А. Датский закон (1 марта 1895 г.) о надзоре за лицами, принимающими на попечение чужих детей // ЖМЮ. 1897. № 8. С. 300–303.
- Дерюжинский, 1895 – Дерюжинский В.Ф. Habeas corpus акт и его приостановка по английскому праву. Юрьев: Типография Г. Лакмана, 1895. 392 с.
- Дриль, 1897 – Дриль Д.А. Французская ссылка в Новую Каледонию // ЖМЮ. 1897. № 2. С. 1–43.
- Загоровский, 1898 – Загоровский А.И. О незаконнорожденных по иностранным гражданским кодексам и по русскому гражданскому праву // ЖМЮ. 1898. № 5. С. 40–45.
- Закон 19 июня, 1902 – Закон 19 июня 1901 г. об авторском праве на музыкальные и литературные произведения // ЖМЮ. 1902. № 3. С. 311–323.
- Змирлов, 1895 – Змирлов К.П. Первые четыре книги *Code de Procedure Civile* по проекту 1894 г. // ЖМЮ. 1895. № 7. С. 52–96.
- И.Г., 1898 – И.Г. Реформа германского устава гражданского судопроизводства // ЖМЮ. 1898. № 7. С. 286–304.
- Краковский, 2018 – Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 19–28.
- Крестьянников, 2020 – Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 63. С. 38–47.
- Курас, 2012 – Курас С.Л. Судебная практика железнодорожных дел на страницах «Журнала Министерства юстиции» // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. С. 133–136.
- Леонтьев, 1899 – Леонтьев А.А. Гражданский суд в Англии и его особенности // ЖМЮ. 1899. № 9. С. 43–85.
- Маматов, 2010 – Маматов М.В. О ведомственных СМИ в царской прокуратуре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 102–107.

- Менгер, 1895** – Менгер А. Проект нового устава австрийского гражданского судопроизводства // *ЖМЮ*. 1895. № 8. С. 55-93.
- Н.Ш., 1901** – Н.Ш. Французский закон 1 декабря 1900 г. о разрешении женщинам, имеющим дипломы лицензиата прав, заниматься адвокатурой // *ЖМЮ*. 1901. № 3. С. 297-310.
- Околович, 1901** – Околович Б.И. Первый год русской юстиции на Квантуне // *Журнал Министерства юстиции*. 1901. № 4. С. 271-306.
- Очерки..., 1885** – Очерки истории японского уголовного права и судопроизводства. СПб.: Типография А.М. Вольфа, 1885. 42 с.
- Пахомова, 2012** – Пахомова Е.А. Особенности российско-германской торговли на рубеже XIX–XX вв. // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 9. С. 10-13.
- Попов, 1903** – Попов П.С. Государственный строй Китая и органы его управления. СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1903. 57 с.
- С.Г., 1896** – С.Г. Проект закона о допросе обвиняемого // *ЖМЮ*. 1896. № 5. С. 290-294.
- Сальников, Щерова, 2017** – Сальников М.В., Щерова Н.С. Теоретические вопросы юридической науки в специализированной периодике второй половины XIX в. // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 8. С. 18-61.
- Сэруа, 2015** – Сэруа В.С. К вопросу о межинституциональном взаимодействии в системе организации науки в России середины XIX – начала XX вв. // *Приволжский научный вестник*. 2015. № 3–2 (43). С. 30-33.
- Хламова, 2010** – Хламова А.М. Уголовная ссылка в Сибирь в материалах официального делопроизводства высшей сибирской администрации во второй половине XIX в. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 1. С. 246-250.
- Усманова, Гильмутдинов, 2009** – Усманова Д.М., Гильмутдинов Д.В. Юридическая периодическая печать в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. Т. 151. № 5–2. С. 184-190.
- Чач, 2010** – Чач Е.А. Ориентальный контекст Серебряного века // *Омский научный вестник*. 2010. № 1 (85) (Общество. История. Современность). С. 59-62.
- Щегловитов, 1901** – Щегловитов И. Бельгийский законопроект о состязательности на предварительном следствии // *ЖМЮ*. 1901. № 7. С. 271-278.
- Ширяев, 1901** – Ширяев В.Н. Уголовное законодательство Японии // *ЖМЮ*. 1901. № 3. С. 60-100.
- Янжул, 2006** – Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: ГПИБ России, 2006. 459 с.

References

- A.D., 1901** – A.D. (1901). O sude na Kvantune [About the court on Kwantung]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 10. Pp. 216-224. [in Russian]
- Adoneva, 2019a** – Adoneva I.G. (2019). [The Discussion about the European Experience in Deliberation Judicial Reform in the Russian Magazines (1857–1864)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 18, no. 6: Journalism, Pp. 18-29. [in Russian]
- Adoneva, 2019b** – Adoneva I.G. (2019). Sudebnaya i parlamentskaya hronika evropejskih gosudarstv kak element pravovogo diskursa russkoj zhurnal'noj pressy na rubezhe XIX-XX vv. [Judicial and parliamentary chronicle of European States as an element of legal discourse of the Russian magazine press at the turn of the XIX-XX centuries]: *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 1 noyabrya 2019*. Novosibirsk: IPTs NGU. 278 p. Pp. 146-150. [in Russian]
- Ocherki..., 1885** – Ocherki istorii yaponskogo ugolovnogogo prava i sudoproizvodstva [Essays on the history of japanese criminal law and legal proceedings]. Saint-Petersburg. 1885. 42 p. [in Russian]
- Chach, 2010** – Chach E.A. (2010). Oriental'nyj kontekst Serebryanogo veka [Oriental context of the Silver age]. *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. № 1 (85). Pp. 59-62. [in Russian]
- Golitsyn, 2007** – Golitsyn M.V. (2007). Moi vospominaniya. 1873–1917 [My memories. 1873–1917]. Moscow. 768 p. [in Russian]
- Goos, 1897** – Goos A. (1897). Datskij zakon (1 marta 1895 g.) o nadzore za licami, primimayushchimi na popechenie chuzhikh detej [Danish law (1 March 1895) on supervision of persons who take care of other people's children]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 8. Pp. 300-303. [in Russian]
- Deryuzhinskij, 1895** – Deryuzhinskij V.F. (1895). Habeas corpus akt i ego priostanovka po anglijskomu pravu [Habeas corpus act and its suspension under English law]. Yuriev. 392 p. [in Russian]
- Dril', 1897** – Dril' D.A. (1897). Francuzskaya ssylka v Novuyu Kaledoniyu [French exile to New Caledonia]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 2. Pp. 1-43. [in Russian]

- I.G., 1898 – I.G. (1898). Reforma germanskogo ustava grazhdanskogo sudoproizvodstva [Reform of the German civil procedure Statute]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 286-304. [in Russian]
- Khlamova, 2010 – Khlamova A.M. (2010). Ugolovnaya ssylka v Sibir' v materialah oficial'nogo deloproizvodstva vysshej sibirskoj administracii vo vtoroj polovine XIX v. [The criminal exile of Siberia in the official office work materials of supreme Siberian administration in the second half of the XIX century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 9, Is. 1. Pp. 246-250. [in Russian]
- Krakovskiy, 2018 – Krakovskiy K.P. (2018). Nezavershennaya sudebnaya kontrreforma: murav'evskaya komissiya [The incomplete judicial counter-reform Murav'ev commission (1894 – 1899)]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. № 4. Pp. 19-28. [in Russian]
- Krest'yannikov, 2020 – Krest'yannikov E.A. (2020). Zhenskaya advokatura v dorevolucionnoj Rossii: sibirskij «sled» [Female legal profession in prerevolutionary Russia: Siberian “trace”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 63.Pp. 38-47. [in Russian]
- Kuras, 2012 – Kuras S.L. (2012). Sudebnaya praktika zheleznodorozhnyh del na stranicah «Zhurnal Ministerstva yustitsii» [Judicial practice of railway cases on the pages of the “*Journal of the Ministry of Justice*”]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Pp. 133-136. [in Russian]
- Leont'ev, 1899 – Leont'ev A.A. (1899). Grazhdanskij sud v Anglii i ego osobennosti [Civil court in England and its features]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 9. Pp. 43-85. [in Russian]
- Mamatov, 2010 – Mamatov M.V. (2010) O vedomstvennyh SMI v carskoj prokurature [About departmental media in the tsarist Prosecutor 's office]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. № 10. Pp. 102-107. [in Russian]
- Menger, 1895 – Menger A. (1895). Proekt novogo ustava avstrijskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva [Draft of the new Statute of the Austrian civil procedure]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 8. Pp. 55-93. [in Russian]
- N.Sh., 1901 – N.Sh. (1901). Francuzskij zakon 1 dekabrya 1900 g. o razreshenii zhenshchinam, imeyushchim diplomy licenziata prav, zanimat'sya advokaturoyu [French law of December 1, 1900 on allowing women who have degrees as licensees of rights to practice law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 297-310. [in Russian]
- Okolovich, 1901 – Okolovich B.I. (1901). Pervyj god russkoj yusticii na Kvantune [The first year of Russian justice on Kwantung]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 4. Pp. 271-306. [in Russian]
- Pahomova, 2012 – Pahomova E.A. (2012). Osobennosti rossijsko-germanskogo torgovli na rubezhe XIX-XX vv. [Features of Russian -German trade at the turn of the XIX-XX centuries]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. № 9. Pp. 10-13. [in Russian]
- Popov, 1903 – Popov P.S. (1903). Gosudarstvennyj stroj Kitaya i organy ego upravleniya [China's state system and its structure]. Saint-Petersburg. 57 p. [in Russian]
- Sal'nikov, Shcherova, 2017 – Sal'nikov M.V., Shcherova N.S. (2017) Teoreticheskie voprosy yuridicheskoy nauki v specializirovannoj periodike vtoroj poloviny XIX v. [Theoretical issues of legal science in specialized periodicals of the second half of the XIX century]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. № 8. Pp. 18-61. [in Russian]
- Serua, 2015 – Serua V.S. (2015). K voprosu o mezhinstitucional'nom vzaimodejstvii v sisteme organizacii nauki v Rossii serediny XIX – nachala XX vv. [On the question of interinstitutional interaction in the system of organization of science in Russia in the mid-XIX-early XX centuries]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. № 3-2 (43). Pp. 30-33. [in Russian]
- S.G., 1896 – S.G. (1896). Proekt zakona o doprose obvinyaemogo [Draft law on interrogation of the accused]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 5. Pp. 290-294. [in Russian]
- Shcheglovitov, 1901 – Shcheglovitov I. (1901). Bel'gijskij zakonoproekt o sostyazatel'nosti na predvaritel'nom sledstvii [The Belgian draft law on competition in pre-trial proceedings]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 271-278. [in Russian]
- Shiryayev, 1901 – Shiryayev V.N. (1901) Ugolovnoe zakonodatel'stvo Yaponii [The criminal law of Japan]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 60-100. [in Russian]
- Usmanova, Gil'mutdinov, 2009 – Usmanova D.M., Gil'mutdinov D.V. (2009). Yuridicheskaya periodicheskaya pechat' v dorevolucionnoj Rossii (vtoraya polo-vina XIX – nachalo XX vv.) [Legal periodicals in pre- revolutionary Russia (second half of the XIX – early XX centuries.)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 151, № 5-2. Pp. 184-190. [in Russian]
- Yanzhul, 2006 – Yanzhul I.I. (2006). Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg. [Memories about the experience and the seen in 1864–1909]. M. 459 p. [in Russian].
- Zagorovskij, 1898 – Zagorovskij A.I. (1898). O nezakonnozhdenykh po inostrannym grazhdanskim kodeksam i po russkomu grazhdanskomu pravu [About illegitimate children under foreign civil codes and Russian civil law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 5. Pp. 40-45. [in Russian]
- Zakon 19 iyunya, 1902 – Zakon 19 iyunya 1901 g. ob avtorskom prave na muzykal'nye i literaturnye proizvedeniya [Law of June 19, 1901 on copyright in musical and literary works] (1902).]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 311-323. [in Russian]

Zmirlov, 1895 – Zmirlov C.P. (1895). Pervye chetyre knigi *Code de Procedure Civile* po proektu 1894 g. [The first four books of the *Code de Procedure Civile* project 18]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 52-96. [in Russian]

Репрезентация иностранного права и законодательства на страницах «Журнала Министерства юстиции» в 1894–1904 гг.

Инесса Геннадьевна Адоньева ^{a, *}

^a Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуются особенности репрезентации иностранного права и законодательства на материалах «Журнала Министерства юстиции» рубежа XIX–XX вв. Причиной обращения отечественных специалистов к иностранной юстиции стали пересмотр Судебных уставов Александра II, активная внешняя политика Российской империи, взаимодействие российских юристов с иностранными коллегами и общность стоявших перед ними проблем. Большинство авторов служили по линии Министерства юстиции, а также занимались научной и преподавательской деятельностью. Профессиональное образование, выстроенное в логике европейского понятийно-категориального аппарата, делало западные реалии понятными для восприятия русскими специалистами. Поколение правоведов, активно публиковавшихся в ведомственном журнале, разделяло идеи социологической школы, которая исходила из глубокой взаимосвязи права и всех остальных сфер жизни общества. Также влияние на их мировоззрение оказала массовая кодификация европейского законодательства. Выявлено, что наиболее частое обращение российских юристов к французскому законодательству было вызвано похожими позициями, заложенными Судебными уставами 1864 г., а к немецкому – серьезными экономическими связями между Россией и Германией. Специфика системы юстиции Англии оставляла мало возможностей для заимствования в данной сфере, однако за ней сохранялась почетная роль основательницы современных правовых институтов. Правовые реалии Востока отечественные юристы описывали с позиций ориентализма: для Японии цивилизующую роль играли Франция и Англия, а для Китая – Россия, которая позиционировалась как европейское государство. Право воспринималось как инструмент, позволяющий направить общество на путь прогресса. При этом русские юристы соглашались с европейскими коллегами в необходимости делать законодательство максимально понятным для населения.

Ключевые слова: ведомственная периодика, иностранное законодательство, юристы, чиновники, профессура, репрезентация.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adoinessa@yandex.ru (И.Г. Адоньева)

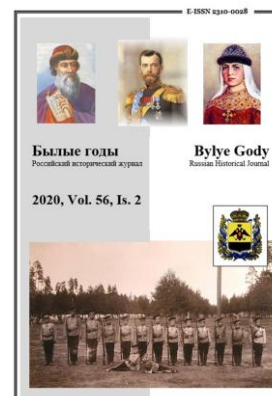
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 796-806. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.796
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Employees of School Inspectorates of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Lebanon in the 1895–1914s: Motivation and Achievements

Petr V. Fedotov ^{a, *}

^aThe State Museum of the History of Religion, Russian Federation

Abstract

The article is based on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The research examines the activities of Russian employees of school inspectorates – one of the most significant structures the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) in the Middle East. The research methodology has an interdisciplinary nature – historical and psychological. The history of certain structures (Syrian school inspectorates) is described in terms of the psychological motivation of employees. The successful activity of inspectorates, achieved through the enthusiasm of individuals, was supported by the institutional foundations at the right time.

Graduates of theological academies and pedagogical institutes were the most significant groups of employees of inspectorates. Almost all Russian employees were more or less successful. These achievements were reached thanks to the ambitions, intelligence and hard working of the employees who were able to solve a variety of problems in an unfamiliar environment. The employees's personal aspirations were as well important as financial and legal security and the ability to create a family. The study of the motivation of these people and their real achievements allow us to obtain abundant empirical material about activities of Russians in the Middle East for a long time and evaluate the human capital that was invested in this project. In the Imperial Orthodox Palestine Society Russian employees were able to prove themselves as strategists, idealists, careerists, scientists, writers. Various employees' motivations promoted the variability and flexibility in the activities of IOPS educational institutions as an important component of their success in the Middle East.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), educational institutions, the Middle East, Orthodoxy, Syria, Russian inspectors, schools, education, motivation, achievements.

1. Введение

Деятельность учебных заведений Императорского православного палестинского общества в 1880–1910-х гг. стала самым успешным гуманитарным проектом Российской империи на Ближнем Востоке. Большое значение имела поддержка членом царской семьи – Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны; организационные способности, связи с влиятельными людьми и увлеченность этим проектом руководителей Палестинского общества в Петербурге – В.Н. Хитрово и Н.М. Аничкова; однако одним из самых важных слагаемых успеха стали действия русских сотрудников учебных заведений, которые работали на Ближнем Востоке (в частности в Сирии и Ливане) в 1890–1910-х гг. За этими достижениями стояла трудная работа, требовавшая от русских служащих честности, сообразительности, осмысленности и умения решать самые разные проблемы в малознакомой для них обстановке Ближнего Востока. Исследование мотивации и реальных достижений сотрудников сирийских инспекций позволяет получить обильный эмпирический материал о повседневной деятельности русских на Ближнем Востоке в течение продолжительного

* Corresponding author

E-mail addresses: fedotovpetr@mail.ru (P.V. Fedotov)

времени и оценить человеческий капитал, вложенный в этот проект. Результаты исследования могут быть востребованы в связи с реализацией Россией стратегических проектов гуманитарного характера на Ближнем Востоке.

2. Материалы и методы

Подвляющая часть материалов о деятельности сирийских школьных инспекций ИППО хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде Палестинского общества, в частности 16 дел южносирийских школ (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393–408) и 14 дел северосирийских (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409–422), каждое дело состоит примерно из 200 листов. Личные дела служащих учебных заведений ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458–472) отчасти дополняют, отчасти дублируют материалы «инспекционных дел». Различные документы, связанные с деятельностью сотрудников инспекций, имеются в десятках дел других описей фонда ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1–13), а также среди материалов российского консульства в Бейруте (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273–295) и российского посольства в Константинополе (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7686). Огромный массив документов по данной теме, насчитывающий более ста дел с десятками тысяч листов, оказался практически не изучен: во время работы в АВПРИ в 2019 году автор данной публикации обнаружил чистые вкладыши практически во всех просмотренных делах.

При реализации исследования было принято решение сосредоточиться на изучении личных дел сотрудников учебных заведений, привлекая отдельные документы из архива инспекций. Особый интерес представляли документы, связанные с подробным описанием появления (и решения) различных проблем, возникавших перед сотрудниками учебных заведений ИППО. Методика исследования имеет междисциплинарный, историко-психологический характер: история определенных структур (школьных инспекций ИППО на Ближнем Востоке) описывается с точки зрения психологической мотивации сотрудников.

3. Обсуждение

Начальный период деятельности учебных заведений Императорского православного палестинского общества подробно описал председатель Отделения поддержания православия в Святой Земле, член Совета и куратор школьной деятельности ИППО, Н.М. Аничков, опубликовавший в 1901 и 1910 гг. объемный отчет в двух частях (374 и 264 страницы соответственно) о результатах инспекционной поездки на Ближний Восток в 1899 году (*Учебные и врачебные заведения..., 1901; Учебные и врачебные заведения..., 1910*). В этом отчете Н.М. Аничков уделил много внимания работе сотрудников инспекций, упомянул различные сведения из их биографии (на основании документов из архива ИППО), дал оценку их деятельности. Этот кропотливый труд тем не менее ограничен хронологически (тексты 1-й части написаны до 1901 года, 2-й – в основном до 1903 г.) и тематически (описываются преимущественно педагогические проблемы). Зарубежные (Д. Хопвуд, Т. Ставру, Ш.Ш. Нехуштай, О. Махамид) и российские (Н.Н. Лисовой, Н.А. Лагузова, Б.Ф. Ямилинец, К.Н. Юзбашян, Р.Б. Бутова) исследователи, занимавшиеся изучением учебной деятельности ИППО, ограничились в своих работах общими сведениями о сирийских инспекциях ИППО. Отдельные публикации (на основе различных архивных источников) подготовили по данной тематике А.Г. Грушевой и П.В. Федотов. Следует констатировать, что подробных исследований, посвященных работе сирийских инспекций ИППО, ранее не проводилось, обширные архивные материалы практически не использовались.

4. Результаты

4.1. Возникновение сирийских инспекций

До середины 1890-х гг. деятельность инспекции учебных заведений ИППО ограничивалась Галилейским округом, включавшим несколько малочисленных школ около Назарета. Контроль за деятельностью этих заведений осуществлял Александр Иванович Якубович – первый инспектор учебных заведений ИППО.

Настоящий прорыв в школьной деятельности ИППО произошел в 1895 году. В июле этого года Палестинское общество получило ходатайство от Антиохийского патриарха Спиридония (поддержанное 34 влиятельными представителями православной общины) с предложением взять на свое содержание православную женскую школу в Дамаске. С аналогичными просьбами к ИППО обратились и два митрополита Антиохийского патриархата: Афанасий Хомский и Герасим Селевкийский, выразила желание сотрудничать с Палестинским обществом Эмилия Сурсок, основательница женского православного института в Бейруте (*Годовое собрание, 1896: С. 141-142*). В 1895–1896 гг. А.И. Якубович совершил несколько поездок по городам и селам Сирии и Ливана, проведя важные переговоры с иерархами Антиохийской церкви. В результате этих договоренностей в ведение ИППО за два с половиной года (1895–1897 гг.) перешло 38 сирийских школ. Секретарь ИППО В.Н. Хитрово увидел в случившемся событие исторического масштаба, в котором А.И. Якубович сыграл одну из главных ролей (наряду с Антиохийским патриархом Спиридонием и российским консулом в Дамаске А.П. Беляевым). В письме, отправленном 25 января 1896 года,

секретарь ИППО писал А.И. Якубовичу: «Если бы сердце Спиридона, по сделавшемся, обернулось¹ к нам, если бы отыскался такой феникс дипломатический агент, как Беляев, то и тут мы ничего не сделали, не будь Вас, это мое глубокое и полное убеждение². А появление наше с нашими школами в Сирии, для нас, это тоже мое глубокое убеждение, не менее важное, чем наше первое появление в Палестине. Появление наше в Сирии закрепляет нашу деятельность в Палестине, производит более сильное впечатление на местное восточное³ население и наконец открывает надолго двери для наших назаретских и бет-джальских пансионеров, что немало нас с Вами еще недавно смущало» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 58).

Следует признать, что у ИППО складывались далеко не безоблачные отношения со своевольными сирийскими иерархами, с местными учителями и священниками: патриарх Спиридоний под давлением греков попытался дать задний ход передаче школ, триполитский митрополит Григорий тянул время, оценивая расстановку сил, митрополиты Афанасий Хомский и Герасим Селевкийский на первых порах не сумели найти общий язык с назаретскими пансионерами, присланными ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 116). Русский учитель Николай Порфирьевич Кошелев, назначенный новым начальником школы Хомса в 1898 году, оказался совершенно не способен к самостоятельной работе и вскоре был уволен. В характеристике, подготовленной ИППО в 1900 году, указывалось, что Н.П. Кошелев может работать только «под непосредственным наблюдением ближайшего начальства» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 143).

4.2. Южносирийская инспекция

В структуру учебных заведений ИППО входили две «сирийские» инспекции, в ведении которых находились школы на территории современных Сирии и Ливана. Центр южносирийской инспекции находился в Дамаске. Это был самый большой инспекторский район: к 1910 году здесь уже было 45 школ ИППО.

Первым инспектором сирийских школ стал А.И. Якубович, которого в 1898 году сменил Дмитрий Федорович Богданов – один из самых деятельных сотрудников учебных заведений ИППО. В 1893 году Д.Ф. Богданов, студент Казанской духовной академии, написал письмо В.Н. Хитрово, выразив желание послужить Палестинскому обществу (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 96). В следующем году он был принят на работу учителем Назаретского пансиона, оставаясь на этой должности два с половиной года. В этот период Д.Ф. Богданов столкнулся с серьезной проблемой в связи с призывом на воинскую службу в России: консульство в Бейруте даже объявило его в розыск (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 107-132). В марте 1897 года он стал помощником инспектора А.И. Якубовича в северной Сирии, а после ухода последнего летом 1898 года сам получил инспекторскую должность. Заведовать всеми сирийскими школами Д.Ф. Богданову было не по силам: в 1899 году он сделал выбор в пользу южной Сирии, переехав из Триполи в Дамаск. Этот выбор удивил Н.М. Аничкова, сомневавшегося, что Д.Ф. Богданову хватит осторожности и осмотрительности для улаживания дел с разными властями в этом непростом регионе: представителями турецкой администрации, российскими консулами и высшими иерархами Антиохийского патриархата (Учебные и врачебные заведения..., 1901: 10-11). В течение нескольких лет Д.Ф. Богданов успешно справлялся со своими обязанностями, Палестинское общество регулярно публиковало его отчеты – последний фактически в виде аналитической записки (Богданов, 1904: 2-33). В мае 1903 года, сразу после смерти В.Н. Хитрово, он написал прошение Н.М. Аничкову, уведомляя, что по семейным обстоятельствам будет вынужден покинуть Сирию через 14–15 месяцев, и предложил свои услуги в качестве помощника секретаря в канцелярии ИППО в Петербурге (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 146-146 об.). Вероятно, из-за этого прошения Д.Ф. Богданов окончательно потерял расположение Н.М. Аничкова, который в ответном письме назвал поведение инспектора нетактичным и необдуманным, а его желание – преждевременным и неудачным и объявил, что Палестинское общество не будет помогать ему в поиске нового места в России, так как уходит он без уважительной причины (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 147-150 об.). В сентябре следующего 1904 года, обращаясь к новому секретарю ИППО А.П. Беляеву (бывшему консулу в Дамаске), Д.Ф. Богданов жалуется на предвзятое отношение: «Не о несправедливости Общества писал я в отчете, а о его непосильной для меня требовательности, конечно, в[ызы]ваемой общими по всему делу соображениями. Но согласитесь сами: двоекратный в течение года обход по службе, постоянные нагоняи, двойная работа, оставление представлений даже без ответа, оставление большого беспомощным и опять без ответа – это свалит хоть кого. Авторитет мой беспощадно подорван, ибо об обходах по службе знает Саба⁴ – знаток этих дел, а следовательно, консульство и патриархия, а история с моей болезнью прошла на глазах у русских» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 172 об.). Палестинское общество не торопилось оказывать какую-либо помощь Д.Ф. Богданову, вернувшемуся в начале 1905 года в Россию. В апреле он написал очередное письмо секретарю ИППО

¹ Далее зачеркнутое "бы"

² написано над зачеркнутым словом "сознание"

³ написано над зачеркнутым – "на востоке"

⁴ Вероятно, драгоман российского консульства в Дамаске (Крымский, 1975: 203).

А.П. Беляеву, выразив желание получить дополнительное вознаграждение. Принимая во внимание его былые заслуги, ему была пожалована награда в 750 рублей, треть годового содержания на посту инспектора (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 234), а также подготовлена благоприятная рекомендация для попечителя Казанского учебного округа (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 217-218 об.). Особенностью южносирийской инспекции было наличие в ее составе отдельного Рашейского/Рашайского (по названию главного селения – Рашайи) учебного округа, включавшего к 1908 году тринадцать школ (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 461. Л. 7). Первым начальником школы в Рашайе стал Степан Семенович Кондурушкин, выпускник Казанского учительского института, назначенный на это место в августе 1898 года. Немногие сотрудники ИППО на Ближнем Востоке сумели настолько близко сойтись с местными жителями и понять их интересы и проблемы, как С.С. Кондурушкин. Четыре года, проведенные вдали от цивилизации, оказались для него вполне плодотворными. Не ограничиваясь основной работой (педагогической и организационной), он занимался также литературой деятельности: в частности, написал интересную статью о состоянии образования в Сирии (Кин, 1902 (1903): 226-247). Позднее, в 1908 году, издал книгу «Сирийские рассказы», основанную на впечатлениях и воспоминаниях о времени, проведенном на Ближнем Востоке. Одно из свидетельств литературного дарования С.С. Кондурушкина – письмо к В.Н. Хитрову от 17 сентября 1900 года, где подробно описаны последствия столкновения в Дарданеллах французского и российского пароходов «Le Georgie» и «Ростов» (на котором сотрудники учебных заведений ИППО Е.М. Тараканова, Н.П. Мирошников, А.А. Стасевич и М.А. Хазбун возвращались из отпуска в России на Ближний Восток) (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 67-68 об.).

Работа не помешала С.С. Кондурушкину завести в Сирии семью. В начале 1901 года он даже отправил Н.М. Аничкову оптимистичное письмо, предлагая перевести его будущую жену к нему в Рашайю, сирийскую глубинку:

«Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Николай Милюевич! Только ласковое Вашего Превосходительства внимание ко мне дает мне повод обратиться к Вам в этом частном письме с одной очень важной для меня просьбой. Я намерен жениться на начальнице дамасской женской школы, Елизавете Васильевне Рибнер; причем, конечно при данных условиях, я более, чем когда-либо желаю оставаться на службе в Рашайе – продолжать столь знакомое мне теперь дело. Моя невеста в свою очередь не желает оставлять службы в Обществе и после свадьбы, которая состоится, самое раннее, по окончании настоящего учебного года, в продолжение которого она остается на своем месте, – с удовольствием перешла бы в Рашайю начальницей рашайской женской школы, где в высшей степени необходима русская руководительница, о чем я не однажды имел удовольствие докладывать Вашему Превосходительству при личном с Вами разговорах. Ваше Превосходительство всегда соглашались на то, что там глушь и русская учительница там не выживет. Я вполне уверен, что вдвоем с супругой мы не только выживем там, но и заживемся, что, несомненно, важно и для нас лично, и для дела, в котором так необходимы бодрые и весело смотрящие на свою работу и жизнь люди» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 71-72). К сожалению пары Н.М. Аничков не поддержал их предложение – Е.В. Рибнер вынуждена была оставить службу «по семейным обстоятельствам» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 467. Л. 175), и С.С. Кондурушкин переехал в Дамаск в качестве помощника инспектора Д.Ф. Богданова (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 80-80 об.). В конце 1903 года у пары родилась дочь (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 94). После смерти В.Н. Хитрова С.С. Кондурушкин запросился в Россию, желая получить высшее образование (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 83-83 об.). В сентябре 1903 года он написал прошение об увольнении в связи с планами учебы на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, выразив, однако, желание остаться на службе ИППО в качестве учителя Назаретского пансиона без жалования (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 86-87). Палестинское общество не согласилось на это предложение – С.С. Кондурушкину был выдан аттестат об отставке (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 102). Согласно документам, хранящимся в архиве Палестинского общества, в 1905 году С.С. Кондурушкин ходатайствовал о предоставлении ему должности чиновника в действующей армии – ИППО подготовило для него хорошую характеристику (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 462. Л. 106).

В качестве преемников Д.Ф. Богданову и С.С. Кондурушкину были определены Иван Афанасьевич Колонуттов (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 138) и Николай Михайлович Богоявленский – выпускники Белгородского учительского института, преподававшие в Назаретском пансионе. Д.Ф. Богданов в письме к секретарю ИППО А.П. Беляеву в середине 1904 года достаточно емко охарактеризовал троих сотрудников южносирийской инспекции ИППО: «Наша русская колония увеличилась с прибытием И.А. Колонуттова. Человек он, по-видимому, простой, добродушный и, кажется, весьма неглупый. Как начальнику округа ему немало придется поработать над собой и приобрести то, чего Назарет не дает и дать не может: знание арабского языка, знание местных нравов и обычаев и специальную выдержку для подчинения служащих из местных арабов. На наших глазах развился в Рашее С.С. Кондурушкин, с которым И.А. Колонуттов имеет много сходного, и окреп, по собственному сознанию, Н.М. Богоявленский; будем надеяться на хорошее и для Колонуттова, если он не сбежит только с тоски одиночества» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 160-160 об.).

Сотрудники инспекций сталкивались как с «тоской одиночества», так и другими психологическими проблемами. В письме к А.П. Беляеву от 20 декабря 1904 года Д.Ф. Богданов анализирует психологическое состояние Н.М. Богоявленского, которому он передавал дела, следующими словами: «С ним происходит любопытное явление: его утомляют поездки по школам не только физически, но главным образом нравственно, – своею, как он выражается, «безрезультатностью» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458. Л. 187). Через год в письме А.П. Беляеву (которое писалось более месяца – с 15 декабря 1905 г. по 20 января 1906 г.) Н.М. Богоявленский констатировал: «...Я же пока ни на кого поручиться не могу и всякую работу начерно делаю сам, отсюда вполне понятное замедление даже в исполнении неотложной работы... Гораздо сильнее дает себя знать нравственное утомление: ни минуты нет покоя от всякого рода мелких и крупных неурядиц по школам, неизбежных при многочисленности, разбросанности школ...» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 38 об.-39). Н.М. Богоявленский жаловался на отсутствие сил, оговариваясь, что он хочет и умеет работать. В 1904 году он женился на Марии Ивановне Левицкой, несколько месяцев проработавшей учительницей в женской школе ИППО в Дамаске (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 183), в ноябре 1905 г. у них родился сын (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 84), одной из серьезных проблем для его семьи стали сложности с поиском подходящей домработницы (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 35-38). Как и у других инспекторов, у Н.М. Богоявленского возникали проблемы со здоровьем – иногда очень специфические. Летом 1903 года, когда под ним споткнулась лошадь, он получил серьезный ушиб левой тестикулы (яичка), потребовавший продолжительного лечения (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 28-31). Обязанности инспектора южносирийских школ Н.М. Богоявленский исполнял более трех лет. 15 марта 1908 года он написал прошение об увольнении (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 56-57) и уже вскоре, 5 мая, получил хорошее назначение в России на должность инспектора народных училищ Кубанской области (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 63). Последние отчеты Н.М. Богоявленского, отправленные из Дамаска в Петербург в апреле 1908 года, описывали дела в мрачном свете (Дмитриевский, 2014: 217-220). Н.М. Аничков в письме к начальнице дамасской женской школы ИППО Марии Николаевне Трапезниковой от 21 июля 1908 года (уже после ухода Н.М. Богоявленского) констатировал: «В течение истекшего учебного года не раз поступали в Общество донесения из Дамаска о постепенном уменьшении числа учащихся в наших школах, о неодобрении наших школ со стороны патриарха и местного общества, обращающих внимание на неудовлетворительность постановки в них учебного дела, на отсутствие в программах иностранных языков и т.п.» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 459. Л. 67). Пессимистичные донесения Н.М. Богоявленского, вероятно, оказали влияние на Н.М. Аничкова, склонявшегося к закрытию сирийских школ в связи тяжелым финансовым положением ИППО и недовольством со стороны местного населения. Однако совместная инспекция, проведенная ИППО и Министерством иностранных дел в начале 1910 года, выяснила, что сирийские школы Палестинского общества дают относительно хорошее образование и ценятся местными жителями. В секретной депеше от 17/30 мая 1910 г. Н.В. Чарыков, чрезвычайный полномочный посол в Турции, указывал, что «оказывается, прежде всего, что предполагавшееся недовольство арабского населения нашими школами не существует» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7686 (часть 2). Л. 144 об.).

Палестинское общество возлагало определенные надежды на то, что Н.М. Богоявленского в южной Сирии сможет сменить Василий Георгиевич Егоров, студент Казанской духовной академии, побывавший на Ближнем Востоке в составе экскурсионной группы в 1907 году (Путевые заметки, 1909). В феврале 1908 года В.Г. Егоров предложил ИППО свою кандидатуру для работы в качестве учителя в Назарете или инспектора в Сирии. В ярком и довольно убедительно написанном письме он отмечал, что имеет очень сильную мотивацию, хорошо знает арабский язык, во время поездки по Ближнему Востоку получил много полезного опыта – посетил разные школы ИППО и провел там несколько пробных уроков (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 461. Л. 1-2). В.Г. Егоров был принят на работу начальником школ Хомса, однако через год вернулся в Россию, отправив в Петербург телеграмму (исковерканную оператором): «NE VINOSA BOLCHE... MORALNICH MONTCHFNFIZ. VIEZOMAION=EGOROF»¹ (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 461. Л. 15). Осенью 1909 года В.Г. Егоров перешел в Стахьевское епархиальное женское училище в Елабуге (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 461. Л. 18-24). Позднее он сумел сделать карьеру в научной сфере, став известным тюркологом, исследователем чувашского языка, доктором филологических наук (Хузангай, 1980: 99-101).

Некоторое время инспекцией заведовал Алексей Андреевич Стасевич. После его перехода в 1911 году в Галилейский учебный округ исполняющим обязанности инспектора южносирийских школ стал Сергей Сергеевич Аверкиев (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 329. Л. 1-2), выпускник Лазаревского института восточных языков, дворянин (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 158). Этот блестяще образованный человек, автор научных работ после службы на Ближнем Востоке в 1908–1914 гг. вернулся в Россию, в советское время работал преподавателем (Лушин, 2015: 4-6). После перехода С.С. Аверкиева в галилейскую инспекцию в 1912 году, школы южной Сирии перешли под заведование помощника

¹ [«Не вынесу больше... Моральных моих сил нет. Выезжаю домой=Егоров»]?

инспектора М.М. Никанорова – также выпускника Лазаревского института восточных языков (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 159. Л. 4-4 об.).

В сентябре–октябре 1914 года южносирийские учебные заведения ненадолго (до объявления Россией войны Турции) возобновили свою работу под руководством Елены Максимовны Алексеевой, заведующей женской школой ИППО в Дамаске, «временно несущей обязанности инспектора южносирийских школ» (Юшманов, 1914: 463), – первой и единственной женщины, занимавшей такую должность в Палестинском обществе. С самого начала службы в ИППО Е.М. Алексеева показала себя самостоятельным и честолюбивым руководителем, не боящимся ответственности, в конце 1903 года она была назначена начальницей женской школы в Иерусалиме (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 127. Л. 1-4). Когда в 1905 году Палестинское общество выразило недовольство ее отчетом, она отвечала: «Все свои сообщения в отчете и донесениях я делала только в интересах школы и вечерних классов и считаю себя вправе на это, как заведующая ими, непосредственно сносящаяся с Советом общества (а не русская преподавательница) и единственно здесь ответственная перед ним за всякую неудачу в школе и вечерних курсах» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 127. Л. 12 об.). Преждевременная смерть ее мужа (Николая Яковлевича Алексеева – фотографа, помощника управляющего подворьями ИППО), вероятно, сказалась на ее здоровье. В 1910 году она была вынуждена задержаться в отпуске в России, написав в Совет ИППО: «Нервное переутомление, вызванное напряженной работой нескольких лет и малярией, требуют продолжительного лечения» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 127. Л. 16). А.А. Дмитриевский, инспектировавший школу в Иерусалиме, называл Е.М. Алексееву «женщиной очень умной, с сильным настойчивым характером, да и светски хорошо образованной» (Дмитриевский, 2014: 316), отмечая в то же время ее слабое здоровье. В Дамаск Алексеева переехала в конце 1913 года (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 127. Л. 31). Через десять лет ей, вероятно, было суждено поставить финальную точку в деятельности школ ИППО в южной Сирии: в рукописной тетради Н.Р. Селезнева, управляющего подворьями Палестинского общества в 1923–1924 гг., был обнаружен проект отношения председателя ИППО кн. А.А. Ширинского-Шихматова о закрытии южносирийских учебных заведений, предписывающий Е.М. Алексеевой сдать архив инспекции и различные отчеты в иерусалимскую контору Палестинского общества (Сафонов, Платонов, 2012: 96-97).

4.3. Северосирийская инспекция

Центром северосирийского учебного округа был Триполи с гаванью ель-Мина (ныне – единый город в Ливане), где находились четыре большие школы ИППО и проживал инспектор. К 1910 году в ведении инспекции было 25 школ (в т.ч. четыре школы Хомса, переданные из состава южносирийской инспекции).

После принятия школ в ведение ИППО их начальным обустройством в 1897–1899 гг. занимался Д.Ф. Богданов (сначала как помощник А.И. Якубовича, затем как инспектор сирийских школ). В 1899 году инспектором северосирийских школ был назначен Ефим Иванович Тарасов, выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического института. Проработав около двух лет 10 сентября 1901 года он написал прошение об отставке – «ввиду того, что климатические условия страны неблагоприятно действуют на мое здоровье...» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 471. Л. 48). Впоследствии Е.И. Тарасов преподавал в различных учебных заведениях Петербурга/Петрограда и Самары, в 1907–1917 гг. занимал должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета.

В 1901 году Е.И. Тарасов передал дела Ивану Ивановичу Спасскому, секретарю и преподавателю Казанской духовной академии, который получил сведения о деятельности ИППО на Ближнем Востоке «из первых рук» – от Д.Ф. Богданова, выпускника КДА.

Некоторые особенности личности И.И. Спасского проявились еще до поступления на службу ИППО. Этот вполне состоявшийся человек решил радикально изменить свою жизнь, отправив в 1899 году письмо Палестинскому обществу, в котором изъявил желание послужить делу православия на Ближнем Востоке. И.И. Спасский упоминал, что по его ощущениям он не склонен к семейной жизни. Его начальник, Арсений Чистопольский, благожелательно отозвался о нем, заметив, что здоровье у него слабое и человек он «малокровный». После того как его кандидатура была одобрена, И.И. Спасский подготовился к поездке, однако позднее испугался и остался в Казани. После долгих раздумий он снова написал ИППО – извинился за свою нерешительность и выразил готовность приступить к работе.

В многочисленных и довольно пространственных письмах И.И. Спасского, отправленных в Совет ИППО, он предстает просветителем, совестливым человеком, христианином. Среди русских инспекторов и учителей Палестинского общества И.И. Спасский, твердо стоящий на православных позициях, был скорее исключением. В письме к секретарю Палестинского общества он отмечал: «Духовные журналы – "Душевнополезное чтение" и "Христианин", к крайнему прискорбию, едва ли найдут много читателей среди наших учителей... Наши русские пробавляются теперь почти исключительно жалкой "Нивой" и в области религиозных знаний весьма несостоятельны» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 15-15 об.). Не менее критично он отзывался об арабских учителях, сетуя на «грубость, даже дикость в их взаимных отношениях» (Спасский, 1905: 63).

Высокую оценку его человеческим качествам дал в 1909 году Александр Александрович Гагарин – российский консул в Бейруте – в донесении, отправленном в посольство в Константинополе: «Иван Иванович Спасский обладает "святым терпением", как выражается вице-консул наш в Триполи, и, действительно, зная его лично за человека крайне добросовестного, кроткого и безграничной доброты, до самоотвержения преданного своему делу..., он из своих скудных средств увеличивает жалование наиболее достойным учителям и учительницам, когда его предоставления об этом не могут быть удовлетворены Советом общества, и что он делает это, скрывая от них, что они ему лишь обязаны прибавкой, и выдавая им деньги от имени общества. Он же издал, для просвещения сирийского духовенства, известную книгу Нечаева в арабском переводе на свои средства, раздавая ее бесплатно духовенству, так сильно нуждающемуся в подобном пособии» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7686 (часть 2). Л. 60-60 об.). Самоотвержение И.И. Спасского, упомянутое в письме А.А. Гагарина, имело и оборотную сторону. Дипломат Н.В. Кохманский (Грушевой, 2016: 173-174) и востоковед А.Е. Крымский (Долинина, 1994: 91) отмечали слишком отвлеченный характер суждений И.И. Спасского. Круг общения инспектора северосирийских школ был более «женским», чем у инспекторов южносирийского и галилейского округов. В Дамаске (южносирийская инспекция) в консульстве работали русские дипломаты, в Назарете (галилейская инспекция) в учительской семинарии ИППО постоянно находилось несколько русских учителей, в Триполи же «русскую компанию» инспектору северосирийских школ составляли несколько учительниц и один помощник. С русскими учительницами у И.И. Спасского складывались напряженные (и даже скандальные) отношения. Те обвиняли его в особых симпатиях к арабским учительницам (в частности к Уадии/Бадии Кюббас).

В донесении к Совету ИППО от 2 ноября 1909 года И.И. Спасский писал: «А.В. Бархатова¹ открыто говорила, что я влюблен в Уадию, люблю ее "плотскою любовью". Конечно, ввиду всего этого в школе установились самые невозможные отношения. Я сомневаюсь, чтобы в ней в это время могли идти правильные, спокойные занятия. Внимание всех было поглощено происходившими, поистине, драматическими событиями. Спустившись до борьбы с простой арабской учительницей, начальница² доставила для всех любопытное зрелище – все ожидали с нетерпением, чья возьмет. Без преувеличения можно сказать, что начальница имела вид чернее ночи. Что мне оставалось делать при таких обстоятельствах?» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 91 об.-92). Через несколько лет Анна Федоровна Юдина, начальница женской школы ИППО в Триполи, после того как на нее пожаловалась арабская учительница Марьям Акле (подержанная И.И. Спасским), в письме к секретарю ИППО А.А. Дмитриевскому высказала ряд претензий по отношению к своему начальнику: «...О каких низких побуждениях пишет инспектор, не знаю... В подобном выражении я чувствую оскорбление и просила бы, Ваше Превосходительство, посоветовать г-ну инспектору выражаться осторожнее и не оскорблять русских учительниц, которые находятся в сильном унижении у Ивана Ивановича. Хотя мы и подчиненные его, но все-таки люди. Арабские учительницы нас не уважают и не слушают, т.к. инспектор всегда при них же делает нам замечания и открыто держит их сторону, пока будет продолжаться подобное отношение инспектора к русским учительницам, им будет трудно работать и любить арабов... Очень жаль, что инспектор не узнал меня за 11 лет совместной с ним службы» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 472. Л. 122-122 об.).

И.И. Спасский прослужил инспектором северосирийских школ ИППО с 1901 до 1914 годы. Он стал одним из немногих сотрудников ИППО, оставшихся на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. В 1920-х гг. он стал сотрудником Русской духовной миссии в Иерусалиме: в 1926 году разбирал архив РДМ, в 1927 г. совершил поездку в США с целью сбора пожертвований (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 630). Инокья Магдалина (Корнилова), исследовавшая архивные материалы РДМ, характеризовала И.И. Спасского следующими словами: «Бескорыстный и безотказный, преданный делу Миссии, Иван Иванович стал деятельным помощником Владыки Анастасия и «правой рукой» архимандрита Мелетия, с которыми его связывали многолетние доверительные отношения» (Корнилова, 2012: 36).

Пять лет помощником И.И. Спасского работал Василий Андреевич Соловьев (однокурсник С.С. Кондурушкина в Казанском учительском институте). Служба В.А. Соловьева на Ближнем Востоке распадается на две части: шесть лет работы учителем в семинарии в Назарете (1898–1904 гг.) и пять лет в Триполи – помощником инспектора (1904–1909 гг.).

В Назарете В.А. Соловьев обзавелся семьей. Его невеста – Анна Алексеевна Студенкова, учительница в женской школе ИППО – была вынуждена оставить службу. В письме к В.Н. Хитрово от 28 апреля 1900 года она отмечала проблемы, которые вставали перед новой семьей: «Для меня же предстоит жизнь, полная забот и труда, где придется сводить концы с концами, а о достатке вряд ли придется и думать. Будь я в России, можно было бы достать себе работы, но здесь мы в исключительных условиях» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 470. Л. 68). Стремясь обеспечить свою семью, В.А. Соловьев попросил увеличить содержание (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 22-23) и

¹ Аполинария Васильевна Бархатова – учительница женской школы ИППО в эль-Мине.

² Любовь Флавиановна Кременецкая – начальница женской школы ИППО в эль-Мине.

выразил желание оставить преподавание в учительской семинарии в Назарете, чтобы занять лучше оплачиваемую должность помощника инспектора в Сирии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 21). Этого назначения ему пришлось ждать несколько лет. В 1903 году он не захотел поехать вместе с женой в отдаленную Рашайю на должность начальника округа, соглашаясь работать в Дамаске помощником инспектора (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 28-28 об.). Наконец, в сентябре 1904 года он был назначен помощником И.И. Спасского в Триполи. Помимо основной работы, В.А. Соловьев пробовал себя на литературном поприще – публиковался в разных русских изданиях (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 36-36 об.). Способности Василия Андреевича унаследовал его сын Леонид (автор «Повести о Ходже Насреддине»), родившийся в Триполи в 1906 году. Возможно, рождение сына побудило В.А. Соловьева подумать о возвращении в Россию. В 1907 году он стал подыскивать новое место работы, известив об этом Палестинское общество (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 31-31 об.). После того как из Киевского и Московского учебных округов пришли отказы, В.А. Соловьев просил помощи у Н.М. Аничкова, который подготовил для него хорошую рекомендацию (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 38-38 об.). Благоприятный отзыв о В.А. Соловьеве написал и его начальник И.И. Спасский (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 36-36 об.). В апреле 1908 года, когда И.И. Спасский из-за проблем со здоровьем собирался уехать в Россию на лечение, он написал в Совет ИППО, что «В.А. Соловьев... может заменить меня по моей должности» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 23 об.). В свою очередь Палестинское общество собиралось назначить В.А. Соловьева заведующим южносирийской инспекцией (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 33). В.А. Соловьев далеко не во всем поддерживал своего начальника: при разбирательстве скандального дела с арабской учительницей ель-минской женской школы ИППО в 1908 году он подверг сомнению ее безупречную репутацию (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 119-119 об.). Весной 1909 года И.И. Спасский и В.А. Соловьев отправились в отпуск в Россию (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 417. Л. 122), однако последний уже не вернулся на Ближний Восток, так как сумел, наконец, получить назначение инспектором учебных заведений в Самарской губернии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 50). Задержался в отпуске и И.И. Спасский, которому нужно было поправить здоровье. Несколько месяцев обязанности инспектора северосирийских школ исполнял Николай Иванович Сак – выпускник Глуховского учительского института, проработавший в учебных заведениях ИППО уже семь лет и заслуживший похвалу от своих коллег за педагогическую деятельность (Преподавание..., 1905: 412-415). В 1908 году Н.А. Сак собирался вернуться в Россию, указывая в прошении следующие причины: «К этому меня побуждает: стремление продолжать свое образование, необходимость частой и немедленной помощи состарившимся большим родителям и, наконец, тоска по родине и привычным условиям жизни» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 468. Л. 27). Однако его мать вскоре скончалась, и он решил остаться на службе ИППО, сменив должность учителя в Назарете на более сложную работу помощника инспектора галилейских школ, а затем и.о. инспектора северосирийских. Проработав в двух инспекциях в 1908–1910 гг., Н.А. Сак все же вернулся в Россию, став заведующим городским училищем в Киеве. Здесь он женился на учительнице школы ИППО в Назарете Марии Степановне Сторожевой, у пары родилась дочь. В Киеве у Н.А. Сака не сложились отношения с начальством, не верившим, что он служил помощником школьного инспектора на Ближнем Востоке. В 1913 году Н.А. Сак обратился с письмом к А.А. Дмитриевскому, выразив желание вернуться на службу в ИППО. Секретарь ИППО в свою очередь с радостью соглашался снова принять его на работу (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 468. Л. 51-51 об.). Однако в связи с началом Первой мировой войны в 1914 году ни Н.А. Сак, ни другие сотрудники инспекций учебных заведений ИППО, уже не смогли продолжить свою деятельность на Ближнем Востоке.

5. Заключение

Круг сотрудников, занимавших ответственные должности в сирийских инспекциях ИППО, был ограничен четырнадцатью лицами (деятельность педагогов-арабов, получивших образование в русских учебных заведениях, а также русских начальниц женских школ достойна специального исследования). Полноценными инспекторами в Сирии (не помощниками и не «исполняющими обязанности») были четверо сотрудников: А.И. Якубович, Д.Ф. Богданов, И.И. Спасский и Е.И. Тарасов.

И.И. Спасский, А.И. Якубович и Е.И. Тарасов к моменту начала службы в инспекциях ИППО были уже достаточно зрелыми людьми – старше 32 лет, не женатыми и бездетными (согласно имеющейся информации). Д.Ф. Богданов, напротив, поступил на службу сразу после окончания академии, был женат и имел к 1905 году уже пять детей. Выпускники Казанской духовно академии, дети священников, Д.Ф. Богданов и И.И. Спасский сами предложили свои услуги Палестинскому обществу, так как имели сильную внутреннюю мотивацию для такой работы. Оба оказались среди наиболее успешных сотрудников, однако если И.И. Спасский сумел стать статским советником, то Д.Ф. Богданов окончил службу в относительно невысоком чине коллежского асессора: желание заниматься семейными делами лишило его благосклонности со стороны руководства ИППО. Неудачей закончилась карьера в ИППО еще одного выпускника Казанской духовной академии – Е.В. Егорова, начальника школ Хомса в 1908–1909 гг. (как и его предшественника на этой должности

в 1898–1899 гг. – Н.П. Кошелева). Не добился значимых результатов и инспектор Е.И. Тарасов, выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического института.

Среди помощников инспекторов/и.о. инспекторов особую группу составили молодые люди, выпускники педагогических институтов А.А. Стасевич, В.А. Соловьев, Н.М. Богоявленский, И.А. Колонутов, Н.И. Сак и С.С. Кондрушкин, проработавшие в учебных заведениях ИППО от пяти до четырнадцати лет. Первые трое подружились в начале службы в Назарете, вместе протестовали против действий своего начальника (П.П. Николаевского), позднее вместе ходатайствовали о повышении жалованья и ускоренном присвоении чинов. Все шестеро выпускников педагогических институтов (а также П.П. Николаевский) женились на русских учительницах, работавших в школах ИППО. Наличие семейной жизни, общие интересы с супругами, дружеское общение с коллегами, людьми одного круга, способствовали успешной работе и профессиональному развитию русских сотрудников. Если поначалу выпускников педагогических институтов не рассматривали в качестве кандидатов на должность инспекторов школ ИППО (как не имевших высшее образование), то позднее Палестинское общество было готово ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о получении для них особых прав. Впрочем, некоторые сотрудники учебных заведений ИППО сумели получить высокую должность инспектора уже в России (Н.М. Богоявленский, А.А. Стасевич и В.А. Соловьев), тем самым подтвердив свои способности, высокий уровень профессионализма и личные качества. Для большинства выпускников педагогических институтов служба в ИППО стала успешным опытом – трамплином для дальнейшей карьеры.

Среди помощников инспекторов по своему происхождению выделяется выпускник Лазаревского института иностранных языков С.С. Аверкиев – дворянин, в чине действительного статского советника. Его блестящая подготовка, мотивация, обеспеченность вполне могли бы способствовать большим достижениям – как в организации учебной деятельности школ ИППО, так и в научных исследованиях. Вероятно, хороших результатов мог бы добиться и другой выпускник Лазаревского института – М.М. Никаноров.

При благоприятных обстоятельствах могла бы раскрыться как серьезный организатор и руководитель учебных заведений ИППО единственная женщина, исполнявшая обязанности инспектора, Е.М. Алексеева.

В инспекциях Палестинского общества получили возможность проявить себя люди самого разного склада: стратеги, идеалисты, карьеристы, ученые, литераторы. Наличие в составе инспекций людей с различными мотивациями способствовало большей вариативности и гибкости в деятельности учебных заведений ИППО – важного слагаемого их успеха.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41006 Палестина.

Литература

- [АВПРИ](#) – Архив внешней политики Российской империи.
- [Богданов, 1904](#) – *Богданов Д.Ф.* Школы ИППО в Южной Сирии в 1902/1903 учебном году. СПб., 1904. С. 2-33.
- [Годовое собрание, 1896](#) – Годовое общее собрание Палестинского общества // *Сообщения ИППО*. Т. 7. 1896. С. 129-150.
- [Грушевой, 2016](#) – Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке / Публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого. СПб.: Контраст, 2016. 288 с.
- [Дмитриевский, 2014](#) – *Дмитриевский А.А.* Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2014. 416 с.
- [Кин, 1902 \(1903\)](#) – *Кин.* Начальная школа в Сирии // *Сообщения ИППО*. 1902 (1903). Т. 13. С. 226-247.
- [Кондрушкин, 1908](#) – *Кондрушкин С.С.* Сирийские рассказы. СПб.: Знание, 1908. 252 с.
- [Крымский, 1975](#) – *Крымский А.Е.* Письма из Ливана. М. 1975. 342 с.
- [Летопись, 1911](#) – Летопись Палестинского общества // *Сообщения ИППО*. 1911. Т. 22. С. 88-94.
- [Лушин, 2015](#) – *Лушин А.Н.* Просветительская и педагогическая деятельность Сергея Сергеевича Аверкиева в странах Востока и в России // *Аверкиев С.С.* Влияние татар на жизнь русского народа. Казань. 2015. С. 4-6.
- [Преподавание..., 1905](#) – Преподавание ручного труда и музыки в Назаретской учительской семинарии в 1903–1904 учебном году // *Сообщения ИППО*. 1905. Т. 16. С. 412-415.
- [Путевые заметки, 1909](#) – Путевые заметки паломников-студентов Казанской духовной академии (экскурсия по Ближнему Востоку летом 1907 года). Казань: Центральная типография, 1909. 250 с.
- [РНБ ОР](#) – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

Сафонов, Платонов, 2012 – Сафонов Д., Платонов П.В. Тетрадь управляющего подворьями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме Н.Р. Селезнева 1923–24 гг. // Иерусалимский вестник ИППО. 2012. № 1. С. 91-108.

Спаский, 1905 – Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903–1904 учебном году. Отчет И.И. Спаского // *Сообщения ИППО*. 1905. Т. 16. С. 58-67.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Учебные и врачебные заведения..., 1901 – Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н.М. Аничкова. Т. 1. СПб., 1901. 374 с.

Учебные и врачебные заведения..., 1910 – Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н.М. Аничкова. Т. 2. СПб., 1910. 264 с.

Хузангай, 1980 – Хузангай А.П. Василий Георгиевич Егоров (К столетию со дня рождения) // *Советская тюркология*. 1980. № 1. С. 99-101.

Юшманов, 1914 – Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии перед началом войны с Турцией // *Сообщения ИППО*. 1914. Т. 25. С. 436-464.

References

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Uchebnye i vrachebnye zavedeniya..., 1901 – Uchebnye i vrachebnye zavedeniya Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Sirii i Palestine. Otchet chlena Soveta Obshchestva N.M. Anichkova [Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the member of the Board of the Society N. M. Anichkov]. 1901. T. 1. St. Petersburg, 374 p. [in Russian]

Uchebnye i vrachebnye zavedeniya..., 1910 – Uchebnye i vrachebnye zavedeniya Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Sirii i Palestine. Otchet chlena Soveta Obshchestva N.M. Anichkova (1910). [Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the member of the Board of the Society N.M. Anichkov]. T. 2. St. Petersburg, 264 p. [in Russian]

Bogdanov, 1904 – Bogdanov D.F. (1904). Shkoly IPPO v Yuzhnoi Sirii v 1902/1903 uchebnom godu [IOPS Schools in Southern Syria in the school year 1902/1903]. St. Petersburg, pp. 2-33. [in Russian]

Godovoe sobranie, 1896 – Godovoe obshchee sobranie Palestinskogo obshchestva (1896). [Palestine Society Annual General Meeting]. *Soobshcheniya IPPO*. T. 7. pp. 129-150. [in Russian]

Grushevoi, 2016 – Grushevoi A.G. (2016). Iz istorii russkikh shkol na Blizhnem Vostoke [From the history of Russian schools in the Middle East]. St. Petersburg: Kontrast, 288 p. [in Russian]

Dmitrievskii, 2014 – Dmitrievskii A.A. (2014). Palestinskoe obshchestvo i russkie shkoly na Vostoke. Stat'i, ocherki, otchety [Palestine society and Russian schools in the East. Articles, essays, reports]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. 416 p. [in Russian]

Kin, 1902 (1903) – Kin. (1902 (1903)). Nachal'naya shkola v Sirii [Elementary school in Syria]. *Soobshcheniya IPPO*. T. 13. Pp. 226-247. [in Russian]

Kondrushkin, 1908 – Kondrushkin S.S. (1908). Siriiskie rasskazy [Syrian stories]. St. Petersburg: Znanie, 252 p. [in Russian]

Krymskii, 1975 – Krymskii A.E. (1975). Pis'ma iz Livana [Letters from Lebanon]. M., 342 p. [in Russian]

Letopis', 1911 – Letopis' Palestinskogo obshchestva. [Annals of the Palestine Society]. *Soobshcheniya IPPO*. 1911. T. 22, p. 88-94 [in Russian]

Lushin, 2015 – Lushin A.N. (2015). Prosvetitel'skaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' Sergeya Sergeevicha Averkieva v stranakh Vostoka i v Rossii. [Educational and pedagogical activity of S.S. Averkiev in the countries of the East and in Russia]. Averkiev S.S. Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda. Kazan. pp. 4-6. [in Russian]

Putevye zametki, 1909 – Putevye zametki palomnikov-studentov Kazanskoi dukhovnoi akademii (ekskursiya po Blizhnemu Vostoku letom 1907 goda). (1909). [Travel notes of pilgrim students of the Kazan Theological Academy (journey to the Middle East in the summer of 1907)]. Kazan: Tsentral'naya tipografiya, 250 p. [in Russian]

RNB OR – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Otdel rukopisei [The Manuscripts Department of the National Library of Russia].

Safonov, Platonov, 2012 – Safonov D., Platonov P.V. (2012). Tetrad' upravlyayushchego podvor'yami Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Ierusalime N.R. Selezneva 1923-24 gg. [Notebook of the manager of the compounds of the Orthodox Palestine Society in Jerusalem N.R. Seleznev 1923-24]. *Ierusalimskii vestnik IPPO*. Vypusk 1. pp. 91-108 [in Russian]

Spasskii, 1905 – Sostoyanie severo-siriiskikh uchebnykh zavedenii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1903–1904 uchebnom godu. Otchet I.I. Spasskogo [The State of north-Syrian schools of the Imperial Orthodox Palestine Society in the 1903-1904 school year. Report by I.I. Spassky]. *Soobshcheniya IPPO*. 1905. T. 16. Pp. 58-67 [in Russian]

SPbF ARAN – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences].

Prepodavanie..., 1905 – Prepodavanie ruchnogo truda i muzyki v Nazaretskoi uchitel'skoi seminarii v 1903–1904 uchebnom godu (1905). [The teaching of manual labor and music at the Nazareth teacher's seminary in the 1903-1904 school year]. *Soobshcheniya IPPO*. T. 16. pp. 412-415. [in Russian]

Khuzangai, 1980 – *Khuzangai A.P.* (1980). Vasilii Georgievich Egorov (K stoletiyu so dnya rozhdeniya). [Vasily Georgievich Egorov (on the centenary of his birth)]. *Sovetskaya tyurkologiya*. № 1. pp. 99-101. [in Russian]

Yushmanov, 1914 – *Yushmanov V.D.* (1914). Russkie uchrezhdeniya v Palestine i Sirii pered nachalom voiny s Turtsiei [Russian institutions in Palestine and Syria before the war with Turkey]. *Soobshcheniya IPPO*. T. 25. pp. 436-464 [in Russian]

Русские сотрудники школьных инспекций Императорского православного палестинского общества в Сирии и Ливане в 1895–1914-х гг.: мотивация и достижения

Петр Викторович Федотов ^{a,*}

^a Государственный музей истории религии, Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на неопубликованных материалах из Архива внешней политики Российской империи. В работе исследуется деятельность русских сотрудников школьных инспекций – одной из самых эффективных структур Императорского православного палестинского общества (ИППО) на Ближнем Востоке. Методика исследования имеет междисциплинарный, историко-психологический характер: история определенных структур (сирийских школьных инспекций) описывается с точки зрения психологической мотивации сотрудников. Расширение деятельности инспекций, достигнутое благодаря энтузиазму отдельных людей, было поддержано институциональными основами в нужный момент. Наиболее значимыми группами сотрудников в составе инспекций стали выпускники Казанской духовной академии и различных педагогических институтов. Почти все сотрудники инспекций в большей или меньшей степени сумели добиться успеха. За этими достижениями стояла трудная работа, требовавшая от русских служащих честолюбия, сообразительности, осмысленности и умения решать самые разные проблемы в малознакомой для них обстановке. Личностные устремления сотрудников имели не меньшее значение, чем финансовая и правовая обеспеченность и возможность создать семью. Исследование мотивации и реальных достижений сотрудников инспекций позволяет получить обильный эмпирический материал о повседневной деятельности русских на Ближнем Востоке в течение продолжительного времени: оценить человеческий капитал, вложенный в этот проект. В инспекциях Императорского православного палестинского общества получили возможность проявить себя люди самого разного склада: стратеги, идеалисты, карьеристы, ученые, литераторы. Различные мотивации сотрудников способствовали вариативности и гибкости в деятельности учебных заведений ИППО – важного слагаемого их успеха на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество (ИППО), учебные заведения ИППО, Ближний Восток, Сирия, русские инспекторы, школы, православие, образование, мотивация, достижения.

* Корреспондирующий автор

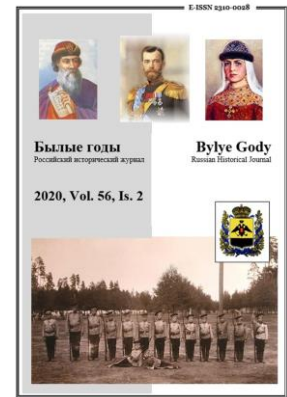
Адреса электронной почты: fedotovpetr@mail.ru (П.В. Федотов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 807-819. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.807
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means)

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Igor A. Gordeev ^c, Ruslan M. Allalyev ^d, Vladimir A. Svechnikov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southwest State University, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article discusses the strategic plans for the capture of the Bosphorus Strait by the Russian armed forces during the First World War. The attention is paid to the operational considerations and approximate calculations of forces and means. The attempt is made to compare the plans of the Bosphorus operation of 1897 and 1915.

The unpublished archival documents of the Central state archive of the Navy (St. Petersburg, Russian Federation) were used as materials. The methodological basis of the study was the principles of systematic, historicism and scientific objectivity that are traditional for Russian historiography. During the work, such general historical methods as problem-chronological methods were used, which made possible to study individual plans for the capture of the Bosphorus in their historical sequence; historical and comparative, with the help of which it was possible to compare the scope of planning operations in 1897 and in 1915.

In conclusion, the authors state that in the period from 1897 to 1915 the significant re-equipment of the Bosphorus fortifications did not occur, moreover, the number of heavy guns (from 152 to 350-mm) even decreased (73 guns – in 1897, 63 – in 1915), of which the strong reduction was in the largest caliber of 350-mm: it was 6 – in 1897, and it became 2 – in 1915. The field artillery (75 mm) was also reduced from 18 guns in 1897 to 12 in 1915.

If in 1897 it was supposed to use 97 heavy fleet guns and 104 field landing guns against the Bosphorus fortifications, then in 1915 152 heavy fleet guns, as well as 72 heavy and 336 field landing guns were provided for a smaller number of Bosphorus guns. In other words, the artillery fleet was increased by more than 2 times for heavy and 3 times for field guns. At the same time, the estimated number of infantry units was slightly increased: a little bit more than 3 army corps – in 1897, 4 army corps – in 1915.

Keywords: World War I, Bosphorus operation, plans, 1897 and 1915, Caucasian theater of operations.

1. Введение

Как известно планов захвата Босфора в XIX – начале XX вв. было несколько, причина этому была одна: Российская империя не хотела повторять печального опыта Крымской кампании. Чтобы не допустить такого сценария впредь, необходимо было Черное море сделать внутренним морем Российской империи, а для этого требовалось блокировать Босфорский пролив (Cherkasov, 2011: 5).

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены неопубликованные архивные документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы системности, историзма, а также научной объективности. Во время работы использовались такие общеисторические методы, как проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные планы захвата Босфора в их исторической последовательности; историко-сравнительный, с помощью которого удалось сравнить масштабы планирования операции в 1897 г. и в 1915 г.

3. Результаты

Тема исследования не получила широкого распространения ни в российской, ни в зарубежной историографии, и главную роль в этом сыграло то, что Босфорский пролив так и не был захвачен русской армией. Тем не менее несколько публикаций, которые имеют отношение к теме исследования, мы можем отметить. Так, например, Г.А. Гребенщикова рассматривала вопрос о проведении Босфорской военно-морской операции 1833 г. Данные события относились к турецко-египетской войне, и русские войска поддерживали в этот период турецкую сторону (Гребенщикова, 2018). Существовал также план взятия Босфора после Крымской кампании, в 1897 году этот план был описан исследователем А.А. Черкасовым (Cherkasov, 2011). В основной же массе публикаций рассматривался период Первой мировой войны. Здесь необходимо назвать работы П.М. Шорникова (Шорников, 2016), О.Е. Ивицкой (Ивицкая, 2010), М.Ю. Манакова (Манаков, 2014), А.И. Анфертьева (Анфертьев, 2016).

В 1897 г. рождение российского плана взятия Босфора было связано с начавшейся в это время первой греко-турецкой войной (борьба за Крит). Проведение Россией Босфорской операции должно было повлиять на Турцию в деле прекращения боевых действий. К 1897 г. турецкая артиллерия в укрепленных районах Верхнего Босфора составляла 73 орудия калибром от 152 до 352-мм (Cherkasov, 2011: 8). Им Черноморский флот мог противопоставить 40 орудий калибром от 203 до 305-мм и 57 152-мм орудий. При этом по главным калибрам (более 300 мм) русская армия имела значительный перевес: 26 против 6 турецких орудий. Что касается полевой артиллерии, то турецкие форты располагали 18 орудиями калибра 75-мм. При планировании десантной операции было предусмотрено из двух портов (Одесса и Севастополь) первым рейсом, то есть одновременно, отправить 30500 солдат и офицеров при 104 полевых орудиях. В последующие 1,5 месяца предполагалось переправить свободным тоннажем еще 68 тыс. военнослужащих, доведя таким образом десантную группировку почти до 100 тыс. человек (Cherkasov, 2011: 8). Как видим, данная группа войск составляла по численности более 3 армейских корпусов. При этом предполагалось совместное использование флота и наземной группировки.

Чем же отличался план взятия Босфора 1897 года от плана, подготовленного в период Первой мировой войны?

План, о котором пойдет речь, был разработан в феврале 1915 г. несколькими старшими офицерами Генерального штаба, а именно: полковниками Е.Е. Вышинским (Рисунок 1) и А.А. Свечиным (Рисунок 2). Скажем несколько слов об авторах: Евгений Евгеньевич Вышинский родился в 1873 году, георгиевский кавалер, командир 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Военный востоковед, занимался изучением российского Закавказья и Османской империи, автор ряда статистических и географических работ. Что касается Александра Андреевича Свечина, то он родился в 1878 году. Принимал участие в русско-японской и Первой мировой войнах. Впоследствии перешел на сторону большевиков и находился на преподавательской работе. Один из его главных трудов – это книга «Стратегия», которая была издана в 1927 году.

Рис. 1. Е.Е. Вышинский
(период Первой мировой войны)

Рис. 2. А.А. Свечин (1923 год)

Офицеры подготовили свои расчеты в начале февраля 1915 года для обеспечения операции как в период перевозки войск по Черному морю, так и по окончании перевозки для обеспечения коммуникационной линии высадившейся армии. На флот Черного моря (имеется в виду военный и гражданский – Авт.), помимо организации самой транспортной флотилии и подготовки пунктов посадки и высадки, возлагаются нижеследующие задачи:

- а) приобретение еще до начала операции боем безусловного господства на Черном море;
- б) тесная блокада Босфора как в том случае, если противник скроется в нем, избегая боя, так и в том случае, если остатки флота противника скроются в нем после успешного для нас боя;
- в) погрузка, перевозка и выгрузка войсковых эшелонов средствами организованной транспортной флотилии;
- г) конвоирование эшелонов транспортной флотилии;
- д) содействие с моря операциям войск, производимым в береговой полосе (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 об.).

Организация транспортной флотилии

Организация транспортной флотилии должна была предусматривать возможность одновременной перевозки 1½ армейского корпуса с положенной артиллерией, корпусной конницей и всем обозом, включая сюда и корпусной продовольственный транспорт. Для одновременной погрузки всей транспортной флотилии назначаются Одесский, Севастопольский, Феодосийский и Керченский порты. Общим местом высадки назначается Бургасский залив. Транспорты должны быть заблаговременно подготовлены для перевозки указанных выше войсковых частей. Общей задачей транспортной флотилии ставится: в один месяц, с момента начала операции, перевезти в Бургас четыре армейских корпуса и осадную артиллерию, расширяя по мере накопления десантной армии с Одессой; определить, какие средства, главным образом, будут необходимы для снабжения армии боевыми запасами и материалами.

Приобретение господства на Черном море и блокада Босфора

До начала десантной операции (и не менее как за месяц) флот Черного моря должен приложить все усилия к тому, чтоб вызвать флот противника на генеральное сражение, после которого тесно заблокировать его остатки в Босфоре. В случае если бы противник уклонился от решительного боя, то не менее как за две недели до начала десантной операции должна быть установлена тесная блокада Босфора и тщательно осмотрено все турецкое побережье Черного моря. Для воспрепятствования прорыву блокады для подводных лодок необходимо соответственным образом расширить и установить у Босфора минные поля.

Базой блокады может быть избран Бургасский залив, в котором должна быть расположена плавучая база флота. Вход в Бургасский залив должен быть прикрыт.

К посадке войсковых частей в назначенных для этого пунктах может быть приступлено лишь по установлении тесной блокады Босфора. К этому времени должны быть сосредоточены транспорты в местах посадки соответственно с боевым расписанием десантной армии.

До прибытия в Бургасский залив первого эшелона специальные морские команды подготовленными для этого средствами должны подготовить каждый из избранных для высадки пунктов этого залива в самый порт Бургас (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 2 об.).

Ввиду невозможности получения полной уверенности в том, что блокада Босфора не может быть прорвана миноносцами и подводными лодками, должны быть организованы два конкурирующих отряда, в составе каждого – один крейсер или линейный корабль и дивизион миноносцев. Обоим отрядам специально вверяется конвоирование и сбор соответствующего отряда транспортов – Одесского и Крымского. В своих движениях отряды со своими конвоями руководствуются указаниями командующего флотом.

Содействие десантной армии с моря

В целях содействия десантной армии при операциях в береговой полосе должен быть организован отряд мелкосидящих судов (канонерских лодок и миноносцев) для ближнего обстрела позиций противника, примыкающих к морю. Для той же цели по мере возможности могут быть привлечены и части главных сил флота. Кроме того, для производства высадки в тыл неприятельских позиций, примыкающих к морю, должны быть подготовлены специальные средства для производства быстрой высадки войск в размере до дивизии пехоты с артиллерией.

Соображения о силах, необходимых для овладения Босфором и Дарданеллами

Цель: Борьба с Турцией в условиях, которые могут сложиться при успешном окончании нами войны с Германией, может быть разрешена: а) со взятием Константинополя сухопутными войсками; б) с появлением на Мраморном море нашей эскадры, при нахождении где-либо на побережье достаточных частей сухопутной армии.

База: Базой для атаки Константинополя должно явиться русское побережье Черного моря – Одесский и Кавказский военные округа. Однако на исходе похода к Босфору решающее влияние будет иметь то обстоятельство, что установленная ныне англичанами и французами блокада Дарданелл не только не прерывалась, но на все Средиземное морское побережье Турции продолжалось оказываться самое энергичное давление. В данном случае допустимо рассчитывать только на собственные силы. Поэтому необходимо участие нашей Балтийской эскадры, при которой для захвата некоторых островов Архипелага и угрозы высадки за побережье, желательно иметь десант до стрелковой бригады (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 3 об.).

Оракийское операционное направление

Операционные направления могут быть выбраны: Оракийское (атака проливов со стороны Европы) и Малоазиатское. Оценивая силы, необходимые для завершения операции при избрании европейского направления, надо иметь в виду, что уже в настоящее время Турцией начата подготовка к отражению атаки Константинополя с этой стороны. Подготовка эта заключается в очищении Оракии, почти полной эвакуации от войск и артиллерии Адрианополя и в сосредоточении образовавшихся сил и средств на развитие и занятие укрепленных Чатаджинской и Булаирской позиций, обеспечивающих доступы к Босфору и Дарданеллам со стороны Европы.

Таким образом, при избрании Европейского направления перед нашими войсками явится задача – или атаковать 30-верстную Чатаджинскую позицию, выставив заслон к Булаиру, или атаковать 4-верстное дефиле Булаира, чтобы захватить Галлипольский полуостров и с ним Дарданеллы; в последнем случае необходимо оставить значительный заслон, не менее 2-х корпусов, против Чатаджи.

Следовательно, европейское направление связано с борьбой за сильно укрепленные временные позиции, на которых турки располагают большим числом орудий, хотя и старого образца и с крайне ограниченным боевым комплектом, но значительных калибров (9” береговые мортиры, 6” береговые и крепостные пушки). Если для борьбы снабжение высадившейся армии и не потребует той полноты, которая необходима для осады современной крепости, однако необходима достаточно сильная тяжелая артиллерия; ее выгрузка и особенно доставка к ней боевого комплекта потребует значительного времени. В том случае, если пользование болгарскими портами будет невозможно, то пройдет до 2-х месяцев от начала десанта до атаки Чатаджи; при пользовании болгарскими портами срок этот лишь несколько сократится. Учет этого времени особенно важен в отношении, что при выборе европейского направления Константинополь не отрывается от источников турецкой силы, которые все лежат в Малой Азии; последнее верно в особенности в отношении обстановки, которая сложится к концу европейской войны, когда много турецких войск будет развернуто на Черноморском и Средиземноморском побережьях Азиатской Турции. В течение 1–2 месяцев турки будут иметь возможность подтягивать подкрепления на Чатаджи.

Политическая подготовка наступления через Оракию

Развитие наступления по Оракийскому операционному направлению находится в значительной зависимости от того, насколько обеспеченным явится нейтралитет Болгарии. Представилось бы

крайне желательным для выгрузки тяжелой артиллерии и некоторых грузов использовать портовые средства Бургаса.

Представилось бы желательным, чтобы болгары одновременно зашли бы в Адрианополь; это открыло бы нашим войскам пользование железнодорожной линией в Бургасу и позволило бы не выделять особого заслона к Адрианополю. Так как возможность сопротивления Адрианополю может задержать установление железнодорожного сообщения между десантной армией и внутренней Болгарией, то представляется особенно важным немедленно открыть железнодорожное сообщение с портом Деде-Агач (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 4 об.).

Удовлетворительное разрешение вопроса о немедленном использовании для доставки продовольствия и фуража Оракийских железных дорог позволит значительно сократить необходимые обозы и крайне ускорить атаку Чаталджи.

Необходимые силы

Оценивая всю совокупность предстоящих затруднений, можно заключить, что в случае безусловного отсутствия угрозы тылу можно начать энергичное наступление в Оракии при силе десантной армии в 4 армейских корпуса. Такая армия не уступала бы в могуществе полумиллионной армии, двинутой Болгарией в 1912 году против Турции, и располагала бы поддержкой Черноморского флота. Однако не исключается возможность, что при затяжке операции этих сил окажется мало и что для окончательного оттеснения турок от Босфора потребуются в дальнейшем значительные подкрепления. На Оракийском театре войны развертывание армии свыше 4–5 корпусов может иметь большие трудности, но, тем не менее, необходимо быть готовыми на отправку дальнейших 4 корпусов.

Одновременное развитие операции и на Азиатском направлении может потребовать больше сил

При избрании операционного направления через Азию с захватом Измида пролива и Оракия сразу отрезаются от внутренних турецких областей, что тут же ставит пределы удержанию турками Константинополя. При развитии наступления через Вифинский п-ов к Босфору заблаговременно укрепленных позиций не встретится, но зато десантная армия должна быть готова к действию на 2 фронта, и ей придется наступать по весьма неудовлетворительным дорогам. В состав ее необходимо включить горную артиллерию.

В общем, можно рассчитывать на более быстрое течение операции, направленной со стороны Малой Азии; тяжелой артиллерии при этом может потребоваться меньше, но состав армии в 4 корпуса надо считать минимальным, так как наступление к Константинополю придется прикрывать сильными заслонами.

Необходимость вести подготовку к действиям по любому направлению

Окончательный выбор операционного направления – европейского или азиатского – необходимо отложить до последних дней, так как он находится в большой зависимости как от группировки турецких сил, так и от поведения Болгарии. Подготовку же средств для атаки проливов необходимо вести таким образом, чтобы сохранить свободу решения за лицом, которому будет вверено руководство операцией (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об.).

Поэтому необходимо рассчитывать средства тяжелой артиллерии, исходя из расчета атаки Чаталджи, а полевых войск, и в особенности кавалерии, горной артиллерии обозов – по атаке со стороны Малой Азии.

Таблица 1. Состав десантной армии (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об.)

Часть	Примечание
4 армейских корпуса. Пехоты 8 дивизий.	Ввиду необходимости, чтобы высаженные войска по возможности скорее были бы оперативно готовыми, необходимо отказаться от корпусного тыла и сделать дивизии вполне самостоятельными. Представляется желательным привлечь возможно больше стрелковых бригад.
Артиллерия. Полевая. 8 бригад по 36 орудий... – 288 пуш. 4 мортирных дивизиона... – 48 гауб.	Ввиду бездорожья на Оракийском театре и горе на Азиатском театре и слабого противодействия турецкой артиллерии желательно: 1) половину артиллерии иметь горной – по 1 дивизиону на дивизию; 2) сохранить установленную теперь 6-орудийную организацию; 3) сохранить во всех корпусах их мортирные дивизионы.

<p>Тяжелая.</p> <p>6 дивизионов по 12 орудий... – 72 орудия.</p>	<p>Рассчитывая потребность в тяжелой артиллерии для атаки Чаталджи, надо иметь в виду развертывание в первую линию 6 дивизий и желательно поддержать атаку каждой тяжелым дивизионом в 12 орудий – из 18 тяжелых четырехорудийных батарей желательно:</p> <p>Пушечных: 1/3 – 6 батарей (2 батар. 6”скорост. пуш./ 4 бат. 42”-“)</p> <p>Гаубичных: 2/3 – 12 батарей (2 бат. 8” гаубиц 10 бат. 6” –“)</p>
<p>Парки.</p>	<p>При высадке в Азии количество тяжелой артиллерии может быть сокращено вдвое.</p> <p>Боевые комплекты – необходимо располагать по 500 выстрелов на орудие. Ввиду позиционного характера предстоящей операции число запряженных парков может быть вдвое меньше нормального.</p>
<p>Конница.</p> <p>Корпусная.</p>	<p>Излишняя конница крайне затруднит перевозку десанта.</p> <p>Корпуса будут достаточно обеспечены при 2 эскадронах на каждый.</p>
<p>4x2 = 8 эскадронов</p> <p>Армейская.</p> <p>1–3 бригады – по 12 эскадронов и 6 конных орудий каждый</p>	<p>Армейская конница при высадке на Европейском побережье может быть ограничена 1-й бригадой. При выборе Азиатского направления менее чем 3 бригадами ограничиться нельзя ввиду необходимости глубокой разведки по нескольким направлениям.</p>
<p>Технические войска.</p> <p>4 корпусных саперных батальона.</p> <p>1 саперный батальон...</p> <p>1 железнодорожный батальон.</p> <p>1 –“”-</p> <p>1 осадный инженерный парк.</p> <p>2 телеграфных батальона.</p> <p>2 авиационные роты.</p> <p>Обозные тыловые учреждения.</p> <p>Дивизионные обозы полностью</p> <p>2 обозных батальона – 10 транспортов.</p> <p>4 этапных батальона</p> <p>50 запасных госпиталей.</p>	<p>С отделениями полевых инженерных парков.</p> <p>Для оборудования пункта высадки.</p> <p>Для эксплуатации существующих дорог.</p> <p>- Для прокладки конной узкоколейки от пункта высадки до железной дороги, с запасом материальной части на 50 верст.</p> <p>В подвижных госпиталях надобности нет. Необходимо средствами Греции и Болгарии оборудовать несколько санитарных поездов, и на Черном море оборудовать госпитальных пароходов по крайней мере на 2000 мест.</p>

Таблица 2. Нормальная организация и дислокация турецкой армии по мирному времени к началу Первой мировой войны (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 6 об.)

Инструкции	Корпуса и пункты расположения их штабов	Номера дивизий в корпусах	Номера пех. полков в дивизиях	Батальонов	Эскадронов	Батарей
I Инструкция	I корпус Константинополь	1 – Константин-ль 2 – Константин-ль 3 – Константин-ль	1, 2, 3 4, 5, 6 7, 8, 9	27	25	23
	II корпус Адрианополь	4 – Адрианополь 5 – Адрианополь 6 – Кирк-Килиса	10, 11, 12 13, 14, 15 16, 17, 18	27	25	23
	III корпус Родосто	7 – Родосто 8 – Баликесер 9 – Галлиполи	19, 20, 21 22, 23, 24 25, 26, 27	27	25	23
	IV корпус Смирна	10 – Смирна 11 – Денизли 12 – Булдур	28, 29, 30 31, 32, 33 34, 35, 36	18	15	21
	V корпус Ангора	13 – Ангора 14 – Кастамуни 15 – Иозгад	37, 38, 39 40, 41, 42 43, 44, 45	18	20	21
				(117)	(110)	(111)
II Инструкция	VI корпус Алеппо	16 – Адана 24 – Айнтаб 26 – Алеппо	46, 47, 48 70, 71, 72 76, 77, 78	18	5	18
	VIII корпус Дамаск	23 – Холмс 25 – Дамаск 27 – Хайфа	67, 68, 69 73, 74, 75 79, 80, 81	18	5	18
	22-я отд. дивизия Хеджас	-	64, 65, 66	9	2	4
				(45)	(12)	(40)
III Инструкция	IX корпус Эрзерум	17 – Байбурт 28 – Эрзерум	49, 50, 51 82, 83, 84	27	15	20
	X корпус Сивас	30 – Сивас 31 – Амассия 32 – Самсун	88, 89, 90 91, 95, 96 94, 95, 96	27	5	20
	XI корпус Маамурет Уль-Азис	18 – Харпут 33 – Ван 34 – Муш	52, 53, 54 97, 98, 99 100, 101, 102	27	5	18
	Аширетная конница (25 курдских полков)	-	-	-	135	-
				(81)	(170)	(58)
IV Инструкция	XII корпус Мессул	35 – Мессул 36 – Керкук	103, 104, 105 106, 107, 108	12	5	12
	XIII корпус Багдад	37 – Багдад 38 – Басра	109, 110, 111 112, 113, 114	12	5	12
				(24)	(10)	(24)

Вне инструкции	VII корпус Йемена 21-я отдельная дивизия Ассир	19 – Йемен 20 – Йемен -	55, 56, 57	18	8	10
			58, 59, 60	6	-	4
			61, 62, 63	(24)	(8)	(14)
				Всего	Всего	Всего
			291	310	247	

Примечание: Нормальный состав дивизии: 3 полка пехоты (по 2 или 3 батальона, по 4 роты).

Нормальный состав корпуса: 3 дивизии, 1–3 полка кавалерии с 1 конноартиллерийским батальоном, 1 саперный батальон, 1 телеграфная рота, 1 авиационная рота (лишь при некоторых корпусах), 1 санитарная рота, 1 обозный батальон 3 корпуса VII, XII и XIII-1 состоят из двух дивизий каждый.

Численность трехдивизионного корпуса 35–40 тысяч человек.

Таблица 3. Распределение вооруженных сил Турции к началу войны (октябрь 1914) (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 7 об.)

Армии и пункты расположения их	Корпуса	Батальонов	Эскадронов	Батарей
I и II армии (в Константинополе, Оракии и в районе Проливов)	I корпус	27	25	23
	II корпус	27	25	23
	III корпус	27	25	23
	IV корпус	27	15	21
	V корпус	27	20	21
	VI корпус	27	5	18
			(162)	(115)
III армия (в Армении и на Черноморском побережье)	IX корпус	27	15	20
	X корпус	27	5	20
	XI корпус	27	15	18
	Аширетная конница	-	135	-
			(81)	(170)
IV армия (Сирия, Палестина и Аданский вилайет)	VI резервн. корп.	27	-	-
	VIII корпус	27	5	18
	XII корпус	18	5	12
		(72)	(10)	(30)
Месопотамская армия	XIII корпус	18	5	12
	VII корпус	18	8	10
Аравийская армия	21 отдельн. дивиз.	6	-	4
	22 -“- -“-	9	2	4
		(33)	(10)	(18)
		Всего:	Всего:	Всего:
		366	310	247

Примечание: Кроме того, 1) роты пограничной стражи развернуты в батальоны (21) и 2) при каждом рекрутном депо, по-видимому, было сформировано по одному запасному батальону численностью в 300 человек каждый. Всего таких батальонов насчитывается в районе Оракии и

Константинополя – 33, в Анатолии – 141, в районе II-й инспекции – 72, в районе III-й инспекции – 95 и в районе IV-й инспекции – 31, а всего 372 батальона.

Таблица 4. Примерное распределение вооруженных сил Турции к началу февраля 1915 года (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 8 об.)

Армии и районы расположения их	Корпуса	Батальонов	Эскадронов	Батарей
Константинопольская армия (В Константинополе и районе проливов)	III корпус	27	25	28
	VI корпус	27	5	18
	I резерв. корпус	27	5	9
	II резерв. корпус	27	15	9
		(108)	(50)	(59)
Кавказская армия (На Кавказской границе и в пути к ней)	1/2 - I корпуса	14	10	10
	II корпус	27	10	20
	1/2 - IV корпуса	14	10	11
	1/2 - V корпуса	13	10	10
	IX корпус	27	15	20
	X корпус	27	10	20
	XI корпус	27	10	18
	I див. XII корпуса	9	-	6
	I див. XIII -"-	9	-	6
	Аширетн. конница	-	135	-
		(167)	(210)	(121)
Египетская армия (В Сирии и Палестине)	1/2 - IV корпуса	13	5	10
	VIII корпус	27	5	18
	VI резерв. корпус	27	-	-
	(67)	(10)	(28)	
Месопотамская армия (В Месопотамии)	1/2 - I корпуса	13	10	28
	1/2 - V корпуса	14	10	11
	I див. XII корпуса	9	5	6
	I див. XIII корпуса	9	5	6
	(45)	(30)	(33)	
Аравийская армия (В Аравии)	VII корпус	18	8	10
	21 отдельн. див.	6	-	4
	22 -"- -"-	9	2	4

Примечание: Точных сведений о составе Константинопольской армии нет, имеются лишь более или менее проверенные сведения об общем числе батальонов. В Константинополе обнаружены отдельные части I, III, IV, V и VI корпусов, причем III и VI корпуса почти в полном составе.

Сведения о составе прочих армий также лишь приблизительны.

Таблица 5. Ведомость сосредоточения турецкой армии к Константинополю в случае угрозы последнему со стороны России (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 9 об.)

На какой день от начала операции.	Прибывать в течение дня в район Константинополя			Всего в район Константинополя		
	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Батальонов	Эскадронов	Батарей
1-й день...	-	-	-	108	50	59
18-й -" - ...	2	-	-	110	50	59
19-й -" - ...	2	-	-	112	50	59
20-й -" - ...	2	-	-	114	50	59
21-й -" - ...	2	-	-	116	50	59
22-й -" - ...	2	-	2	118	50	61
23-й -" - ...	2	-	2	120	50	63
24-й -" - ...	2	-	2	122	50	65
25-й -" - ...	2	5	2	124	55	67
26-й -" - ...	2	-	-	126	55	67
27-й -" - ...	2	-	2	128	55	69
28-й -" - ...	2	-	2	130	55	71
29-й -" - ...	2	-	2	132	55	73
30-й -" - ...	2	-	2	134	55	75
31-й -" - ...	2	-	2	136	55	77
32-й -" - ...	2	5	-	138	60	77
33-й -" - ...	2	-	2	140	60	79
34-й -" - ...	2	-	2	142	60	81
35-й -" - ...	2	-	2	144	60	83
36-й -" - ...	2	-	2	146	60	85
37-й -" - ...	2	-	2	148	60	87
46-й -" - ...	4	-	2	152	60	89
47-й -" - ...	4	-	4	156	60	95
48-й -" - ...	4	5	2	160	65	95
49-й -" - ...	4	-	4	164	65	99
50-й -" - ...	4	5	2	168	70	101
51-й -" - ...	4	-	4	172	70	105
52-й -" - ...	4	5	2	176	75	107
53-й -" - ...	4	-	4	180	75	111
54-й -" - ...	4	5	2	184	80	113
55-й -" - ...	4	-	4	188	80	117
56-й -" - ...	4	5	2	192	85	119
57-й -" - ...	4	-	4	196	85	123
58-й -" - ...	4	5	2	200	90	125
59-й -" - ...	4	4	-	204	90	125
60-й -" - ...	4	5	2	208	95	127
61-й -" - ...	4	-	4	212	95	131
62-й -" - ...	4	5	3	216	100	138

Примечание: При составлении этой ведомости было принято, что турки в случае опасности, угрожающей Константинополю со стороны России, могут перебросить в район Константинополя I корпуса из состава Египетской армии (VII-й 27 батальонов, ... эскадронов, 10 батарей, всего 40 батальонов, 10 эскадронов, 28 батарей) с заменой их одним корпусом из Месопотамии и 2 1/2 корпуса из состава Кавказской армии (половину 1-го – 14 батальонов, 10 эскадронов, 10 батарей, 11-1 – 27 батальонов, 10 эскадронов, 20 батарей, половину IV-го – 14 батальонов, 10 эскадронов, 11 батарей и половину V-го – 13 батальонов, 10 эскадронов, 10 батарей, всего 68 батальонов, 40 эскадронов, 51 батарее).

Частям, следующим из состава Египетской армии, придется для этого пройти около 300 верст походным порядком (считая от Алеппе), на что потребуется 2 недели и около 1000 верст по железной дороге, на что понадобится 3 дня, а всего 17 дней. Следовательно, эти части начнут прибывать в Константинополь с 18 дня и примерно до 37 дня.

Из Кавказской армии части могут быть направлены от Эрзерума двумя путями: на Харпут, Бозанти-Хан и на Сивас, гору и далее по железной дороге. В первом случае придется пройти около 750 верст походным порядком, на что потребуется около 6 недель – 42 дня, и около 1000 верст по железной дороге, на что потребуется 3 дня, всего 45 дней; во втором случае – около 800 верст

походным порядком, 6 недель – 44 дня и до 500 верст по железной дороге (2 дня), всего 46 дней. Следовательно, по обоим направлениям войска начнут прибывать в Константинополь, начиная с 46-го дня. Последние же подкрепления подойдут к Константинополю к концу 2-го месяца после начала операции (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 10 об.).

Таблица 6. Сведения о числе орудий и калибрах турецкой крепостной артиллерии в районе проливов, в Адрианополе и Чаталджи (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 11 об.)

Названия укрепленных пунктов	Калибры орудий в сантиметрах и число их															Итого									
	35 1/2 см длин.	35 1/2 см корот.	28 см корот.	26 см корот.	24 см длин.	24 см корот.	21 см корот.	15 см ст. длин.	15 см ст. корот.	15 см бронз. дл.	15 см бронз. кор.	Полевые пушки	25 см мортир	21 см мортир	15 см мортир		12 см мортир	10,5 см мортир							
На Босфорских укреплениях	2	-	2	-	11	10	7	6	25	-	-	12	2	4	4	-	-	85							
На Дарданельских укреплениях	5	1	12	6	17	29	13	2	34	-	4	36	-	14	-	-	-	173							
На Булаирской укрепленной линии	Разных калибров															120									
На Чаталджинской укрепленной линии	-	-	-	-	-	-	-	-	40	Остальные более мелких калибров							174								
В Адрианополе	Разных калибров от 15 см															-	-	-	-	-	-	18	18	18	342

Турецкая армия, выставляющая в мирное время 13 армейских корпусов к началу войны с Россией, то есть к середине октября 1914 года, оказалась сосредоточенной в следующих пяти группах:

- 1) Константинопольская армия, в районе проливов, в составе 6 корпусов.
- 2) Кавказская армия, в Армении и Курдистане, в составе 3 корпусов.
- 3) Египетская армия, в Сирии и Палестине, в составе 3 корпусов (считая, в том числе, и 1 вновь сформированный резервный корпус).
- 4) Месопотамская армия, в составе 1 корпуса.
- 5) Аравийская армия, в составе 1 корпуса и 2-х отдельных дивизий.

Таким образом, к началу войны с Россией, когда главные силы турецкой армии, казалось бы, должны были быть сосредоточены к Кавказской границе, турки, руководимые немцами, собрали к последней только три корпуса, оставив для защиты Константинополя и проливов двойные силы, то есть 6 корпусов.

В течение первых трех месяцев войны группировка эта подверглась значительным изменениям. Разгром турецких корпусов русской Кавказской армией, с одной стороны, и занятие англичанами Басры и угроза Багдаду – с другой, потребовали выделения из состава Константинопольской армии значительных подкреплений, в общем до четырех корпусов, уже выступивших из Константинополя и частью даже прибывших по назначению.

Ввиду этого состав Константинопольской армии значительно сократился и в настоящее время не превышает двух полевых армейских корпусов, а если принять во внимание еще и резервные части, вновь сформированные и сменившие в Оракии и в районе проливов ушедшие полевые корпуса, то силу Константинопольской армии в настоящее время можно определить примерно в 4 корпуса, то есть в 108 батальонов, 50 эскадронов и 59 батарей (Таблица 5) (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 12 об.).

Вот приблизительно силы, с которыми на первых порах придется встретиться русской армии при подходе к Константинополю. Несомненно однако, этим составом Константинопольской армии не ограничится.

Составление в районе проливов к началу войны с Россией шести корпусов из четырнадцати показывает, какое значение руководители турок – немцы – придают вопросу обороны проливов и столицы государства, а также какие силы они считали необходимым иметь здесь для выяснения обстановки.

Поэтому с уверенностью можно предположить, что, если только Константинополю будет угрожать действительная опасность, турки немедленно вернут туда все, что окажется возможным,

с других второстепенных театров. Ограничившись составлением на последних лишь строго необходимых сил (в Кавказской армии – 4 корпусов, в Сирии и Палестине 2 корпусов, в Месопотамии и Аравии по 1 корпусу, а всего 8 корпусов), турки смогут вернуть в район проливов до четырех корпусов, которые могут быть подтянуты к Константинополю к концу второго месяца после выстушения головных частей (Таблица 5). (ЦГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.).

Важно отметить, что в начале операции русскому десанту могло противостоять до 4 армейских корпусов Османской империи. Затем турками постепенно могли быть подтянуты еще до четырех корпусов, так что к концу второго месяца противник мог располагать в районе проливов уже 8 корпусами, общей силой в 216 батальонов, 100 эскадронов и 138 батарей. Эти обстоятельства необходимо было учитывать при подготовке к Босфорской операции.

Уже спустя месяц, в марте 1915 г., Черноморский флот в составе 5 линейных кораблей («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав»), 3 крейсеров («Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз»), одного авиатранспорта («Николай I»), минной бригады (9 миноносцев) и 6 тральщиков приступил к артиллерийским обстрелам Верхних укреплений Босфора (Новиков, 1937: 97).

4. Заключение

Анализируя сведения, важно отметить, что в период с 1897 по 1915 гг. значительного перевооружения Босфорских укреплений не происходило, более того количество тяжелых орудий (от 152 до 350-мм) даже сократилось (1897 г. – 73 орудия, 1915 г. – 63), из них самое сильное сокращение пришлось на самый большой калибр в 350-мм: было 6 – в 1897 г., а стало 2 – в 1915 г. Сократилась и полевая артиллерия (75-мм) с 18 орудий в 1897 г. до 12 в 1915 г.

В 1897 г. Черноморский флот располагал 40 орудиями калибром от 203 до 305-мм и 57 152-мм орудий. К 1914 г. флот имел 36 орудий калибром от 203 до 305-мм и 92 орудия калибра 152-мм (Мязговский, 1914: 112), помимо этого, в 1915 г. в строй Черноморского флота вступили новейшие линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина II» на вооружении которых были 24 305-мм орудия и 40 130-мм. Что касается полевой артиллерии, то ее численность с 2 единиц в 1897 г. возросла до 103, то есть увеличилась в 50 раз.

Таким образом, если в 1897 г. предполагалось использовать против Босфорских укреплений 97 тяжелых орудий флота и 104 полевых орудия десанта, то в 1915 г. для меньшего количества орудий Босфора были предусмотрены 152 тяжелых орудия флота, а также 72 тяжелых и 336 полевых орудий десанта. Иными словами, артиллерийский парк был увеличен более чем в 2 раза по тяжелым и в 3 раза по полевым орудиям. При этом незначительно была увеличена предполагаемая численность пехотных подразделений: 1897 г. – чуть более 3 армейских корпусов, 1915 г. – 4 армейских корпуса.

Литература

Анфертьев, 2016 – Анфертьев А.И. Император Николай II: просчеты верховного главнокомандующего накануне февральской революции 1917 года // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2016. № 3(20). С. 166-174.

Гребенщикова, 2018 – Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год // *Военно-исторический журнал*. 2018. №7. С. 44-51.

Ивицкая, 2010 – Ивицкая О.Е. Севастопольский год в жизни адмирала А.В. Колчака // *История в подробностях*. 2010. № 2. С. 68-75.

Манаков, 2014 – Манаков М.Ю. Альтернатива или авантюра? (план Босфорской десантной операции в художественном описании Кира Булычева и Николая Андреева) // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*. 2014. №5. С. 73-81.

Мязговский, 1914 – Мязговский Е.А. История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.

Новиков, 1937 – Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1937.

ЦГА ВМФ – Центральный государственный архив Военно-Морского Флота.

Шорников, 2016 – Шорников П.М. Почему не состоялась десантная операция на Босфоре? // *Русин*. №2 (44). С. 93-110.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897 // *Bylye Gody*. 2011. № 3(21). Pp. 5-10.

References

Anfert'ev, 2016 – Anfert'ev A.I. (2016). Imperator Nikolai II: proshchety verkhovnogo glavnokomanduyushchego nakanune fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [Emperor Nicholas II: miscalculations of the Supreme Commander-in-Chief on the eve of the February Revolution of 1917]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. № 3(20). Pp. 166-174. [in Russian]

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. (2011). «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897. *Bylye Gody*. № 3(21). Pp. 5-10.

- Grebenshchikova, 2018** – *Grebenshchikova G.A.* (2018). Bosforskaya voenno-morskaya operatsiya. 1833 god [Bosphorus naval operation. 1833]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №7. Pp. 44-51. [in Russian]
- Ivitskaya, 2010** – *Ivitskaya O.E.* (2010). Sevastopol'skii god v zhizni admirala A.V. Kolchaka // Istoriya v podrobnostyakh [Sevastopol year in the life of Admiral A.V. Kolchak]. № 2. Pp. 68-75. [in Russian]
- Manakov, 2014** – *Manakov M.Yu.* (2014). Al'ternativa ili avanturya? (plan Bosforskoj desantnoi operatsii v khudozhestvennom opisanii Kira Bulycheva i Nikolaya Andreeva) [Alternative or adventure? (plan of the Bosphorus landing operation in the artistic description of Kira Bulycheva and Nikolaya Andreeva)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region*. №5. Pp. 73-81. [in Russian]
- Myazgovskii, 1914** – *Myazgovskii E.A.* (1914). Istoriya Chernomorskogo flota 1696–1912 gg. [History of the Black Sea Fleet 1696–1912]. SPb. [in Russian]
- Novikov, 1937** – *Novikov N.* (1937). Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg. [Operations of the fleet against the coast in the Black Sea in 1914–1917.]. M.: Voenizdat NKO SSSR. [in Russian]
- Shornikov, 2016** – *Shornikov P.M.* (2016). Pochemu ne sostoyalas' desantnaya operatsiya na Bosfore? [Why did not the landing operation on the Bosphorus take place?]. *Rusin*. №2 (44). Pp. 93-110. [in Russian]
- TsGA VMF** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Voенно-Morskogo Flota [Central state archive of the Navy].

Подготовка Босфорских десантных операций в 1897 и 1915 гг. (оперативные соображения, расчеты сил и средств)

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Игорь Анатольевич Гордеев ^c, Руслан Мурадович Аллалыев ^d, Владимир Александрович Свечников ^e

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются стратегические планы по захвату Босфорского пролива русскими вооруженными силами в период Первой мировой войны. Уделено внимание оперативным соображениям, примерным расчетам сил и средств. Делается попытка сравнения планов Босфорской операции 1897 и 1915 гг.

В качестве материалов были привлечены неопубликованные архивные документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы системности, историзма, а также научной объективности. Во время работы использовались такие общеисторические методы, как проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные планы захвата Босфора в их исторической последовательности; историко-сравнительный, с помощью которого удалось сравнить масштабы планирования операции в 1897 г. и в 1915 г.

В заключении авторы отмечают, что в период с 1897 по 1915 гг. значительного перевооружения Босфорских укреплений не происходило, более того количество тяжелых орудий (от 152 до 350-мм) даже сократилось (1897 г. – 73 орудия, 1915 г. – 63), из них самое сильное сокращение пришлось на самый большой калибр в 350-мм: было 6 – в 1897 г., а стало 2 – в 1915 г. Сократилась и полевая артиллерия (75-мм) с 18 орудий в 1897 г. до 12 в 1915 г.

Если в 1897 г. предполагалось использовать против Босфорских укреплений 97 тяжелых орудий флота и 104 полевых орудия десанта, то в 1915 г. для меньшего количества орудий Босфора были предусмотрены 152 тяжелых орудия флота, а также 72 тяжелых и 336 полевых орудий десанта. Иными словами, артиллерийский парк был увеличен более чем в 2 раза по тяжелым и в 3 раза по полевым орудиям. При этом незначительно была увеличена предполагаемая численность пехотных подразделений: 1897 г. – чуть более 3 армейских корпусов, 1915 г. – 4 армейских корпуса.

Ключевые слова: Первая мировая война, Босфорская операция, планы, 1897 и 1915 гг., Кавказский театр военных действий.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)

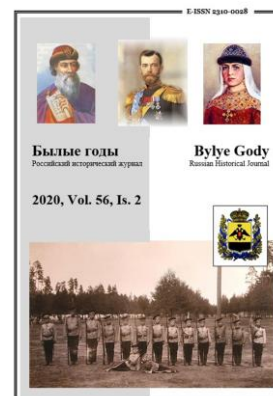
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 820-831. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.820
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Fleet before and during the Russian-Japanese War of 1904–1905 Estimated by the German Naval Representatives

Stanislav N. Sinegubov ^{a, *}, Sergei P. Shilov ^a

^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the messages of the German naval representatives - P. Ginze from St. Petersburg, A. Hopman from Port Arthur and E. Pustau from Libau and Reval before and during the Russian-Japanese War of 1904–1905. They contained information indicating the actions of the Russian fleet and its commanders. Such information was a solid ground for solving important strategic political and military-practical tasks met by the leadership of the German Empire of that time. The first of them was to find out how potentially strong and professionally prepared Russia was in the military sense, so that in the end it could be considered as a possible full-fledged ally against the common enemy – Great Britain. Therefore, the prognostic component – whether Russia can win the war – passed through many reports of the German in the most distinctive way. The second important task was to take into account the experience of naval warfare in order to develop a new strategy and tactics of battles, military-technical improvement, and the interaction of forces on sea and on land. As the authors show, the German naval commissioners carefully tried to monitor precisely these specified aspects. However, for various reasons, including the inaccessibility to the required information, the bulk of the messages nevertheless concerned the search for an answer to the main question about the alliance with Russia. And the German representatives gave an unequivocally negative response on the basis of the data available to them.

Keywords: Russia, Germany, Russian-Japanese War of 1904–1905, German naval representatives, reports.

1. Введение

Начало XX столетия ознаменовалось формированием сложной международной обстановки. К имеющемуся германо-французскому антагонизму, который рано или поздно все равно должен был закончиться войной и не исключено, что на два фронта, учитывая русско-французский военно-политический союз, добавлялись резко обострившиеся отношения с Великобританией, особенно в военно-морской сфере. К тому же англичане к глубочайшему удивлению и разочарованию немцев сумели договориться в 1904 г. со своим одним из главных противников – французами. В результате для Берлина вырисовывалась не очень радужная перспектива оказаться в окружении сильных ведущих европейских держав. И слабым звеном по целому ряду причин, по мнению берлинских аналитиков, в этой цепи, которая могла опоясать кайзеровскую Германию, являлась Россия. С ней надо было работать самым тщательным образом, собирать информацию о ее армии, флоте, настроениях в обществе и реально оценивать перспективу заключения военно-политического союза (Синегубов, Шилов, 2016: 235).

Кроме того, в Берлине прилагали большие усилия, чтобы максимально переключить внимание официального Петербурга с Запада на Восток для борьбы с так называемой «желтой опасностью» и таким образом отвлечь ее от «европейских дел», и прежде всего тлеющего германо-французского

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

противостояния. К тому же, всячески стимулируя Россию защищать свои интересы на Дальнем Востоке против сильно активизировавшейся там Японии, кайзеровская Германия стремилась «убить и другого зайца» – втянуть Россию в войну с Великобританией. С учетом русско-британского антагонизма и заключенного в 1902 г. англо-японского соглашения такая возможность абсолютно не исключалась ([Документы XX века, 2019](#)).

Однако это была перспектива. Накануне же и в ходе Русско-японской войны немецкой политической и военно-морской верхушке требовалось максимально собрать данные прежде всего о российском флоте, его реальных возможностях. Ведь именно он мог представлять интерес в качестве союзнического в возможно грядущей германо-британской войне на море. Полноценную информацию на этот счет в Берлин поставляли военно-морской атташе в Санкт-Петербурге П. Гинце, назначенный на эту должность в 1903 г., и офицеры кайзеровского флота А. Хопман и Э. Пустау. Первый находился в Порт-Артуре 1904–1905 гг., а второй был осенью 1904 г. на российских военно-морских базах в Ревеле и Либаве и наблюдал за отправкой Второй Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Их донесения легли в основу данной статьи. Целью работы является характеристика посланий немецких представителей, касающихся состояния и действий российского флота и его руководства в преддверии и ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., определение влияния этих донесений на решения официального Берлина в «русской политике».

2. Материалы и методы

При написании статьи в качестве источников использовались материалы Военного архива ФРГ в г. Фрайбург (ВА-МА), опубликованные документы военно-морских представителей кайзеровской Германии П. Гинце, А. Хопмана. Также привлекались данные из отечественных и зарубежных исследований, касающихся истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.

При анализе поставленной проблемы применялся целый комплекс научно-исследовательских методов. При группировке и ранжировании посланий П. Гинце, А. Хопмана, Э. Пустау использовался историко-типологический метод. С помощью идеографического метода стало возможным описание формирования их взглядов на состояние и перспективы российского флота в преддверии и ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить оценки и характеристики немецких военно-морских посланников не только между собой, но и общее их видение действий российского флота с результатами более поздних по времени изысканий отечественных и зарубежных исследователей. Историко-генетический метод способствовал раскрытию трансформации взглядов германских уполномоченных на коротком временном промежутке от робких надежд на победу России до категоричности в утверждениях о ее поражении еще до формального завершения войны.

3. Обсуждение

Русско-японская война 1904–1905 гг. является в целом хорошо изученной темой в историографии. Достаточно сказать, что работа над ней началась практически сразу же после завершения событий. Об этом, например, могут свидетельствовать опубликованные в 1912–1917 гг. материалы работы комиссии, выяснявшей действия российского флота в 1904–1905 гг. ([Русско-японская война 1904–1905 гг., 1912–1917](#)). Однако при более детальном и внимательном изучении выясняется, что в том же «морском вопросе» имеются определенные лакуны. Одной из них можно считать освещение немецкими военно-морскими представителями, находящимися в России, акций военно-морских сил русских накануне и в ходе самой войны.

В отечественной историографии заявленная тема обстоятельно не рассматривалась. Речь не идет об обобщающих трудах, где так или иначе поднимался вопрос о действиях российского флота, об ошибках, допущенных его руководством в 1904–1905 гг. Однако даже в специальных трудах, к коим можно отнести и монографию авторов, посвященную германской военно-морской политике в 1897–1906 гг., она не получила всестороннего анализа ([Синегубов, Шилов, 2016: 264-269](#)). В материалах книги имеется сюжет, в котором обсуждаются причины отказа командировать П. Гинце на Дальний Восток осенью 1904 г. на одном из кораблей Второй Тихоокеанской эскадры или оценки Э. Пустау относительно успешности похода флота под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского ([Синегубов, Шилов, 2016: 266, 268](#)). Вместе с тем какой-то комплексный анализ всех донесений в 1903–1905 гг. отсутствует. Представляется возможность восполнить имеющейся пробел.

4. Результаты

По количественным и качественным характеристикам посланий германских военно-морских представителей особое место занимают материалы П. Гинце. Это объясняется и занимаемой им должностью, а следовательно, и доступом к разным источникам информации, и сроком нахождения в России. Все-таки А. Хопман и Э. Пустау отметились относительно кратковременным в ней пребыванием. Все донесения П. Гинце в период 1903–1905 гг., которые касались Русско-японской войны 1904–1905 гг. на море, условно можно разделить на три блока: подготовка к морским баталиям Первой Тихоокеанской эскадры, базировавшейся в Порт-Артуре, формирование и отправка Второй

Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского и краткий анализ причин поражения русских в Цусимском сражении в конце мая 1905 г. В письмах А. Хопмана давались оценки действиям российского флота и его руководителей в Порт-Артуре в период февраля 1904 – августа 1905 гг. Интерес к уведомлениям Э. Пустау обусловлен его суждениями по поводу перспектив успеха Второй Тихоокеанской эскадры в октябре 1904 г.

Свои первые донесения из Петербурга П. Гинце начал отправлять в августе 1903 г. (на службу он заступил в конце июля 1903 г, сменив Ф. фон Шиммельмана ([Hintze, 1998: 123](#))). В них уже шла речь о предстоящей русско-японской войне. Причем, по мнению германского военно-морского атташе, предварительная расстановка сил была в пользу России. Он ссылаясь на завершающуюся пятилетнюю морскую программу 1898 г. Она предусматривала сооружение к рубежу 1904–1905 гг. 5 линейных кораблей, 8 больших крейсеров, 3 малых крейсеров и большого количества миноносцев только на русских верфях. И это было помимо того, что еще строилось во Франции, США, Германии, Англии и Дании. При полном выполнении запланированного Россия уверенно выходила бы на третью позицию (после Великобритании и Франции) в мире по моще своего флота ([Fock, 1985: 65-76](#)).

Весьма убедительным, по мнению германского атташе, выглядел и одобренный царем очередной четырехлетний план военно-морского строительства на 1905–1908 гг.: 8 линейных кораблей, 3 броненосных крейсера, а также малые крейсера и торпедоносцы. Хотя при этом отмечалось, что целью программы будет являться, скорее всего, усиление флота на Балтике, с тем чтобы сделать его противовесом германским эскадрам. Оценивая же соотношение морских сил на Дальнем Востоке у русских и японцев, П. Гинце приходил к выводу, что оно примерно одинаково, но по сведениям, которыми он располагал на тот момент, у первых в ближайшее время должно было произойти усиление ([Hintze, 1998: 124-125](#)).

Речь шла, конечно же, не об отряде контр-адмирала Э.А. Штакельберга, прибывшего в Порт-Артур весной 1903 г. в составе 2 броненосцев, 6 крейсеров и 8 миноносцев, а новом, дополнительном подкреплении ([Егорьев, 2019](#)). Все это, как полагал П. Гинце, могло свидетельствовать о потенциально возможных намерениях русских в предстоящей войне действовать наступательно, активно и инициативно. Вместе с тем германский представитель был все-таки далек от категоричности в данном утверждении. Причиной тому являлись проблемы в российском флоте, которые он видел и отмечал в своих донесениях. Они, как он полагал, могли поставить под угрозу победу в войне. К очевидным «болевым точкам» атташе относил нехватку подготовленных экипажей, отдаленность дальневосточных морских баз и предполагаемого театра боевых действий от основных российских коммуникаций.

Не менее настораживающими П. Гинце факторами, заставлявшими его сомневаться в успехе военно-морских сил России на Дальнем Востоке, были несогласованность действий, неразбериха в ее высшем военном руководстве при подготовке к вероятным боевым действиям против японцев, а также серьезные технические проблемы на абсолютно новых боевых судах. В качестве подтверждения этих характеристик П. Гинце приводил факт сорвавшейся экспедиции контр-адмирала А.А. Вирениуса в Порт-Артур во второй половине 1903 – начале 1904 гг. Отряд, возглавляемый российским флотоводцем, состоял из более чем десятка кораблей разных классов и рангов: от эскадренного броненосца, крейсеров, эскадренных миноносцев, миноносцев до транспортных судов. Его движение разными группами началось еще в августе 1903 г. из порта Кронштадт. Третий день Русско-японской войны 1904–1905 гг. застал корабли в Джибути (Французское Сомали). Именно там А.А. Вирениус 2 (15) февраля 1904 г. получил приказ о возвращении назад в Россию ([Дискант, 2019](#)).

Главными причинами такого поворота дела стали заявленный Францией нейтралитет и многочисленные, разной степени тяжести, поломки судов. П. Гинце в одном из донесений обратил внимание именно на последний фактор. Он выделил особо неполадки на эскадренном броненосце «Ослябя» в Гибралтаре, а также на так называемых номерных миноносцах, тормозивших продвижение отряда ([ВА-МА. RM3/2847. 29.04.1904. Вл. 89](#)). При этом атташе указывал, что А.А. Вирениус не допускал возможности оставить их и продолжить поход основными ударными силами. Это, правда, не соответствовало истине. Контр-адмирал, напротив, буквально упрашивал руководство Морского генерального штаба разрешить ему оставить миноносцы и идти в Порт-Артур. Однако его буквально заставляли тащить эти малопригодные для длительного морского перехода суда, сорвав тем самым решение изначально главной поставленной задачи – усиление Первой Тихоокеанской эскадры ([Русско-японская война..., 2019](#)).

В посланиях германского представителя о сорвавшейся экспедиции имелись и другие неточности, что вполне объяснимо, поскольку это была все-таки военная операция, сопровождаемая соответствующими мерами предосторожности и секретности. «Погрешности» П. Гинце относились как к объяснению мотиваций А.А. Вирениуса, так и к действиям русских кораблей на обратном пути домой, когда отряд разделился на две группы и осуществлял досмотр судов нейтральных государств на предмет поиска контрабанды. Германский атташе по причине недостатка сведений не знал, что российский контр-адмирал в Джибути отказался продолжать движение из-за боязни крейсеров «Нисина» и «Касуги», купленных японским правительством у аргентинской фирмы «Ансальдо» в Генуэ и

отправленных своим ходом в дальневосточные воды (Шишов, 2019). Эти суда еще до начала боевых действий обогнали российский отряд и 3 (16) февраля 1904 г. уже присоединились к основным силам японского флота. Неверие в возможность пробиться в Порт-Артур вынудили А.А. Вирениуса обратиться с просьбой о возвращении на Балтику к начальнику Морского генерального штаба З.П. Рожественскому. Вопреки протестам наместника на Дальнем Востоке, адмирала Е.И. Алексева, постоянно требовавшего от царя усиления Тихоокеанской эскадры (Адмирал Алексеев, 2019), и ее командующего вице-адмирала О.С. Макарова (Макаров, 2019), согласие было получено.

Тем не менее, несмотря на определенные неточности и разночтения, наиболее значимые факты из «возвратной эпопеи» П. Гинце отметил вполне правильно: наиболее боеспособные эскадренный броненосец «Ослябя», крейсера «Аврора», «Дмитрий Донской» и 7 эскадренных миноносцев возвратились в Либаву, чтобы в последующем уже войти в состав новой сформировавшейся эскадры. 4 миноносца все-таки были оставлены в греческих водах, а транспортные суда «Орел» и «Саратов» отправились в Севастополь (ВА-МА. RM 3/2847. 29.04.1904. Bl. 89). Из произошедшего германский атташе справедливо делал вывод, что поспешность введения в строй эскадренных миноносцев при формировании отряда А.А. Вирениуса, недостаточно профессионально подготовленные экипажи, особенно их машинистский состав, обусловили провал задуманного российским военным руководством плана. Эти же ошибки в последующем повторяются и при подготовке Второй Тихоокеанской эскадры.

Впрочем, по утверждению П. Гинце, даже если бы и состоялось изначально планируемое усиление Первой Тихоокеанской эскадры, оно принципиально не изменило бы ход событий, произошедших в ночь с 26 на 27 февраля (с 8 на 9 февраля) 1904 г. Если бы отряд А.А. Вирениуса, по словам атташе, находился на рейде Порт-Артура, то представлял бы из себя лишь дополнительно удобную мишень для японских миноносцев в силу военно-конструктивных недостатков (ВА-МА. RM 3/2847. 29.04.1904. Bl. 91). Данное заявление можно рассматривать как спорное. Все-таки, несмотря на очевидные технические проблемы и имевшиеся недостатки в подготовке экипажей, проявившиеся в ходе движения отряда, было бы абсолютно неверным недооценивать его военный потенциал. Совершенно не исключено, что приход кораблей под командованием А.А. Вирениуса на российскую базу в Китае мог вообще удержать японцев от нападения. Во всяком случае в секретном распоряжении морского министра Страны восходящего солнца контр-адмирала Г. Ямамото, изданного в начале 1904 г., говорилось, что создание русскими на Дальнем Востоке эскадры из 10 броненосных кораблей вынудит Японию отказаться от войны и искать решение проблем с Петербургом дипломатическими путями. Российскому военному руководству оставалось сделать для этого немного, но оно не справилось с этой задачей, даже такие неуклюжие усилия российских властей в 1903 и начале 1904 гг. по наращиванию военно-морских сил на Дальнем Востоке стали одним из поводов начала войны со стороны Японии (Asakawa, 1970: 353).

Мысль о недостаточной подготовке российского флота к войне с Японией П. Гинце озвучивал не только после провалившегося похода отряда А.А. Вирениуса, но и раньше. Так, из разговоров с военно-морским министром Ф.К. Авеланом, начальником Генштаба Н.Н. Обручевым, а также офицерами самых разных рангов в октябре 1903 г. он вынес убеждение, что российское военное руководство в предстоящей войне откажется от решающего морского сражения. Мотивация простая – отсутствие должного превосходства для уверенности в победе (ВА-МА. RM 3/2967. Bl. 26-28). Другими аргументами в пользу этой позиции, как писал немецкий представитель, служили тезисы некоторых российских стратегов допустить японцев на материковую часть, чтобы они там увязли. Только затем планировалось начать войну против морских коммуникаций врага, создавая ему невыносимые условия на суше, чтобы в итоге одержать над ним победу. Таким образом, П. Гинце заключал, что российский флот, скорее всего, откажется от решительных наступательных действий и изначально будет играть вспомогательную роль, подчиняясь задачам сухопутных сил. Объяснение этому, по его мнению, могло быть только одно – российские военно-морские силы, во всяком случае на Дальнем Востоке, по факту просто-напросто были не готовы к самостоятельным и определяющим весь ход военной кампании операциям.

Тем не менее, основываясь на высказываниях императора Николая II, ряда других высокопоставленных чиновников, германский морской атташе констатировал настроенность русских на начальном этапе войны с Японией исключительно на успех. В апреле 1904 г. П. Гинце передавал, что царь в беседе с французским военно-морским атташе К. Кювервилем (С. Cuverville), отбывавшим в Порт-Артур, где он и погиб, говорил, что война будет долгой и кровавой, но при этом выражал уверенность в победе. Решительность высказывали и представители офицерского корпуса (ВА-МА. RM 38/154. Bl. 74-80).

Уверенность русских в победе, несмотря на первые военные неудачи, объяснялась П. Гинце целым рядом факторов. К первым он относил особенность русского национального характера, который, как он писал, привык к экстремальным ситуациям и обстоятельствам. Далее, по его мнению, свою роль сыграла относительно гладко и спокойно протекавшая мобилизация. Наконец, оптимизм подкреплялся корректным поведением нейтральных стран и сдержанностью китайцев. К тому же японцы, как отмечал германский военно-морской атташе, не развили достигнутый в

начале войны успех, что использовалось русскими для восстановления пошатнувшегося морального состояния.

После событий 27 января (9 февраля) 1904 г. П. Гинце передавал в Берлин, что общий план российских властей сводился к тому, чтобы усилить тихоокеанскую группировку кораблей. Как известно, 17 (30) апреля 1904 г. во исполнение высочайшего повеления императора Николая II вышло распоряжение великого князя, генерал-адмирала Алексея Александровича, руководителя Морского ведомства и флота, о формировании большого отряда для отправки на Дальний Восток. Ему давалось название Вторая эскадра Тихого океана (Первая была в Порт-Артуре) (Русско-японская война 1904–1905 гг. (война с Японией – русская Вторая Тихоокеанская эскадра), 2019). Командовать ею был назначен вице-адмирал З.П. Рожественский, начальник Главного морского штаба. В состав эскадры входило 8 эскадренных броненосцев, 3 броненосца береговой охраны, 9 крейсеров первого и второго ранга, 9 эсминцев, 5 вспомогательных крейсеров и ряд вспомогательных транспортов. Общее количество боевых судов составляло 42 единицы (Состав судов Второй Тихоокеанской эскадры (Россия), 2019). Правда, надо отметить, что у П. Гинце поначалу были несколько другие данные: 7 броненосцев, 8 крейсеров, 9 миноносцев и суда обслуживания. В последующем эти сведения были скорректированы. Отплытие эскадры дважды переносилось. Вначале это планировалось сделать 1 (14 сентября) 1904 г., но в итоге произошло 2 (15) октября. Надо сказать, что П. Гинце, естественно, проявлял большой интерес к этой операции, поскольку она была важной для разрешения непростой военно-морской ситуации, в которой оказалась Россия (ВА-МА. RM 3/2967. 20.03. 1904. Bl. 31). Даже в случае невозможности объединения Первой и Второй эскадр, как считал П. Гинце, русские все равно полагали, что одна из них, вне зависимости от исхода сражения, настолько ослабит японский флот, что он уже не сможет рассчитывать на успех с другой оставшейся частью морских сил на Дальнем Востоке. Следовательно, будет обеспечено господство на море, а это в свою очередь приведет к победе в войне.

Этот план, как писал П. Гинце, даже не считался с тем, что могло происходить на суше: не важно, произойдут ли там победы или поражения, перспектив у японской армии, не получающей снабжение по морю, не будет никаких. По мнению П. Гинце, такой замысел русских можно рассматривать, как возрождение старой идеи, согласно которой нужно допустить высадку японской армии на континент, а затем начать войну на море с целью нарушения ее снабжения всем необходимым. Даже высокопоставленные чины в армии, отмечал атташе, которые до войны не придавали большого значения флоту, теперь говорили о его возможно ведущей роли в финале противостояния России и Японии. Более того, они полагали, что решающее сражение состоится в сентябре 1904 г., что приведет к окончанию войны. Однако осуществление этого проекта зависело от быстроты русских верфей поставить на флот требуемые корабли, прежде чем японцы не разгромят то, что имелось у русских на Тихом океане (ВА-МА. RM 3/2967. 20.03. 1904. Bl. 31-32).

По словам П. Гинце, Морское ведомство работало даже над тем, чтобы уже к 1 (14 июля) 1904 г. подготовить новую эскадру к отплытию, но, скорее, как он считал, это не удастся сделать. Тогда, по его мнению, вероятно, уже в сентябре 1904 г. на театре боевых действий следует ожидать существенных изменений не в пользу русских. Дополняя далее эту мысль, П. Гинце писал, что многое будет зависеть и от самих японцев, от их активных действий по уничтожению российского флота в Порт-Артуре. При пассивности же нападающей стороны можно ожидать, что этот процесс растянется во времени и сроки его окончания предсказать будет сложно.

В апреле 1904 г., т.е. за несколько месяцев до фактического отбытия Второй Тихоокеанской эскадры З.П. Рожественского, П. Гинце предвидел, что ее появление в дальневосточных водах может не оказать ожидаемого военного эффекта. Делая такое заявление, германский военно-морской атташе руководствовался очевидной логикой. Ведь основу эскадры составляли мощные линейные корабли с большой осадкой, которые не могли пойти кратчайшим путем через Средиземное и Красное моря и выйти оттуда в Индийский, а затем Тихий океан. Следовательно, ей надо было делать огромный крюк, огибая Африканский континент, а это составляло не одну тысячу дополнительных миль. На этом пути Россия не имела своих морских баз, где команды кораблей могли бы полноценно и спокойно пополнять запасы продовольствия, воды, угля и наконец просто отдыхать. Поэтому длительный и тяжелый во всех смыслах переход к театру боевых действий, по словам П. Гинце, очевидным образом ослабит эскадру З.П. Рожественского. Она, как предполагал германский посланник, вполне могла стать добычей японского флота, который, несомненно, имел преимущества в силу близости своих баз, верфей, и что немаловажно – пассивности русских кораблей в Порт-Артуре.

В целом же в апреле 1904 г. П. Гинце оценивал положение как неопределенное и преимуществу японцев на море вполне грозила опасность в случае активизации российских миноносцев в Порт-Артуре. Правда, при таком развитии событий, как считал П. Гинце, не исключался вариант того, что англичане могли обрушить мощь своего флота на русских.

Схожие оценки возможностей русского флота, особенно после трагической гибели 31 марта (13 апреля) 1904 г. командующего Порт-Артуровской эскадрой контр-адмирала С.О. Макарова, давал другой германский военно-морской представитель А. Хопман. Он находился в тот момент в русской крепости. В частности, в одном из его писем, датированном 13 (25) апреля 1904 г. отмечалось, что после того, как умер Макаров, нет и намек на подготовку каких-либо активных действий российских

боевых кораблей. Русские, по его словам, забаррикадировали порт, ремонтируют поврежденные в ходе боев корабли, но они не знают, где японцы, что те собираются предпринять. Флот, находившийся в Порт-Артуре, характеризуется им как «безынициативный, не имеющий ясных целей и твердой воли» (Norman, 2004: 105, 107). В реальности так оно и было. Ведь принявший на себя командование эскадрой наместник на Дальнем Востоке вице-адмирал Е.И. Алексеев, не желавший, как известно, изначально руководить флотскими делами в крепости, и не помышлял о каких-то активных действиях на море (Куропаткин, 2010: 268-270). Его девизом были слова «беречь и не рисковать» (Киличенков, 2020).

Сравнивая состояние военно-морских и сухопутных сил в Порт-Артуре, А. Хопман отдавал предпочтение армейским подразделениям. Они, как он считал, выглядели значительно лучше. Однако по степени боеспособности явно не дотягивали до состояния германских. Тем не менее, по его глубокому убеждению, именно на армию теперь стоило возлагать всю надежду победы над японцами, а главной фигурой, командующей всеми сухопутными и морскими силами должен стать А.Н. Куропаткин. Его он оценивал как «энергичного и пронырливого человека» (Norman, 2004: 106-107).

Интересно, что прогноз относительно продвижения по службе командующего Маньчжурской армией, каковым был А.Н. Куропаткин, немецкий представитель сделал почти за полгода до его назначения главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами на дальневосточном театре боевых действий. Оно состоялось в октябре 1904 г. Хотя А. Хопману были неизвестны все перипетии взаимоотношений, царившие в так называемое «двоевластие» между Е.И. Алексеевым и А.Н. Куропаткиным (Генерал Куропаткин, 2018: 208-234), но последнего он считал вполне достойным на эту высокую и ответственную должность.

Между тем, находясь в Петербурге, П. Гинце информировал Берлин о том, как реализовывался план по быстрой подготовке и отправке на Дальний Восток Второй Тихоокеанской эскадры. С этим было все сложно. В конце апреля 1904 г. германский атташе сообщал, что З.П. Рождественский конфликтовал с Министерством финансов, не выделявшим достаточных средств для завершения работ над бронепалубными крейсерами 2-го ранга «Жемчуг» и «Изумруд» на Невском заводе. Он также отмечал, что вице-адмирал был категорически против исключения этих судов из состава эскадры, поскольку это означало бы не больше и не меньше, как ее серьезное ослабление (ВА-МА. RM3/2847. 27.04.1904. Вл. 81).

Однако особое внимание П. Гинце уделял подготовке к непростому дальневосточному походу линейных броненосцев, основной ударной силы эскадры. В конце апреля 1904 г., по его словам, эскадренный броненосец «Бородино» прибыл в Кронштадт для продолжения завершающих работ (ВА-МА. RM3/2847. 27.04.1904. Вл. 81). Известно, что именно этот линейный корабль дал название целой серии боевых судов, включавших в себя еще «Императора Александра III», «Орла», «Князя Суворова», «Славы». Все они по своим тактико-техническим данным мало чем уступали современным броненосцам таких ведущих держав, как Великобритания, Франция, Япония, США, Италия (Эскадренные броненосцы типа «Бородино», 2019). Проблема заключалась в том, что ввод их в строй шел крайне медленно, по сравнению с тем, как это делалось в вышеуказанных государствах, особенно в Великобритании или Германии.

Лучше дело обстояло с «Императором Александром III». Как писал П. Гинце, на этом эскадренном броненосце уже в конце апреля 1904 г. проходили последние испытания под руководством контр-адмирала А.Н. Паренаго (ВА-МА. RM3/2847. 27.04.1904. Вл. 81). Известно, что именно он являлся ответственным за подготовку судов Второй Тихоокеанской эскадры (Паренаго, 2019). В ближайшее время, по замечанию германского представителя, ожидалось прибытие в Кронштадт «Сисоя Великого», находившегося на службе уже с 1896 г. и проходившего серьезный ремонт и испытания после возвращения с Дальнего Востока в 1902 г. (Сисой Великий, 2019). Таким образом, к концу апреля 1904 г., по словам П. Гинце, Вторая Тихоокеанская эскадра насчитывала уже 6 линейных эскадренных броненосцев. При этом также отмечалось, что параллельно российские власти вели активные переговоры о закупке за границей дополнительных крейсеров, чтобы включить их в ее состав (ВА-МА. RM3/2847. Вл. 81). Из приведенных фактов атташе делал вывод о том, что русские власти уверены в скорейшем завершении всех работ, необходимых для отправки эскадры З.П. Рождественского на Дальний Восток, чтобы переломить ход войны.

А. Хопман, находясь за тысячу верст от Петербурга, несколько иначе оценивал результаты даже возможного усиления российского флота на Дальнем Востоке. На его оценки влияли события, связанные с занятием 29 апреля (12 мая) 1904 г. японскими частями генерала Я. Оку железной дороги, связывавшей Порт-Артур с Мукденом, что означало по существу блокирование крепости с суши и очередную попытку адмирала Х. Того с моря запереть порт-артуровскую эскадру в гавани (Русско-японская война..., 2020). С одной стороны, А. Хопман 1 (14) мая 1904 г. писал, что перспектив у флота в Порт-Артуре нет никаких. Вице-адмирал Е.И. Алексеев является лишь временным командиром отряда военно-морских сил. Похоже, замечал немецкий представитель, он видит свое единственное предназначение в сохранении нынешнего положения дел и, очевидно, не имеет в виду никаких планов. Он, вероятно, скорее дипломат, чем адмирал, и считает свои военные задачи второстепенным делом (Norman, 2004: 107).

Однако, с другой стороны, несмотря на тяжелое для русских положение, немецкий офицер втайне надеялся, что на суше они «смогут быстро и тщательно разобраться с японцами и что война будет завершена к осени...» (Норман, 2004: 107). Вместе с тем через несколько дней, 6 (19 мая) 1904 г., когда 2-я армия генерала Я. Оку и 4-я армия генерала М. Нодзу высадились в городах Бицзыво и Такушан, тональность немецкого представителя изменилась. Он писал буквально следующее: «Но сейчас я должен верить в полный и окончательный успех японцев» (Норман, 2004: 108). В июньских и июльских письмах А. Хопмана этот тезис только подтверждался. По естественным причинам он уделял большее внимание состоянию российского флота в Порт-Артуре. При этом он говорил, что тактическая подготовка, а именно «взаимодействие крейсеров, торпедных катеров и линейных кораблей по-прежнему остается крайне несовершенной, методы тактического управления линией отсутствуют..., стрельба по меньшей мере посредственна... Если японский флот не совершит грубых ошибок..., то для русских катастрофа представляется мне более вероятной, чем успех» (Норман, 2004: 108). К такому заключению А. Хопман приходил и на основе характеристики старшего флагмана и командующего Первой Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала В.К. Виттефта, занявшего эту должность 22 апреля (5 мая) 1904 г. после отъезда из Порт-Артура вице-адмирала Е.И. Алексеева. Слова, которые он при этом употреблял, были жесткими: «Адмирал равен нулю, отрицательная фигура, он является карикатурой на флот... и портит его состояние» (Норман, 2004: 110). С учетом же общего положения в Порт-Артуре, в котором царили, по убеждению А. Хопмана, «тупость, глупость, безрассудство, равнодушие и апатия, абсолютная апатия», ожидать чего-либо хорошего не приходилось, «пока не вмешается энергичный человек» (Норман, 2004: 110). Не верил он и в возможность прихода на Дальний Восток Балтийской эскадры, сроки готовности к отплытию которой все время переносились.

В середине июля 1904 г. П. Гинце доносил, что это будет, скорее, возможным после завершения всех испытаний новых кораблей (ВА-МА. RM3/2847. Bl. 136). Речь, конечно же, шла в первую очередь о судах серии «Бородино», которые действительно в это время находились на разном этапе завершения ввода их в строй (Мельников, 1996). Вне всяких сомнений все подобные пробные действия всегда выявляли недостатки, на устранение которых тоже требовалось время. Поэтому германский атташе прогнозировал, что реально Вторая Тихоокеанская эскадра в общем и целом будет подготовлена лишь к осени 1904 г. И это с условием того, что все пуско-наладочные работы на новых кораблях, а также ремонтно-восстановительные на старых броненосцах «Сисой Великий», «Наварин», а также крейсерах «Олег», «Алмаз», «Изумруд» станут вестись в спешном порядке. Так это и было (ВА-МА. RM3/2847. Bl.137). Однако такая «штурмовщина» имела оборотную сторону: качество сделанного оставляло желать лучшего.

Летом и в начале осени 1904 г. А. Тирпиц в своих посланиях в Петербург поручал П. Гинце обратить особое внимание военно-морского руководства России на необходимость наступательных действий на Дальнем Востоке (ВА-МА. RM 3/4. Bl. 31-32). К этому же побуждал и рейхсканцлер Б. Бюлов, который был заинтересован в ослаблении Японии в интересах Германии. В Берлине все еще полагали, что даже после неудачного боя Первой Тихоокеанской эскадры в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г., когда была предпринята попытка прорыва кораблей из Порт-Артура во Владивосток, Россия сможет переломить неблагоприятную ситуацию. Как информировал германский атташе свое руководство, для этого «блокадникам» требовалось либо еще раз «испытать судьбу», либо ждать подкрепления в лице Второй Тихоокеанской эскадры, которую теперь власти намеревались отправить в поход 1 (14) сентября 1904 г.

10 (23) августа 1904 г. на совещании в Царском Селе на самом высоком уровне первоочередным рассматривался именно этот вопрос. И он, несмотря на возражения многих, в итоге был решен положительно. Среди высказавшихся «за» был и З.П. Рожественский, поддержанный царем Николаем II (Цусимская операция, 2019). Германскому представителю стало ясно, что теперь окончательно во главу угла в подготовке «большой дальневосточной экспедиции» ставилось не качество, а быстрота, что сразу же порождало у него вопросы относительно ее успеха.

В начале 20-х чисел октября 1904 г. он сообщил, что от идеи, прозвучавшей в устном распоряжении помощника начальника Главного морского штаба контр-адмирала А.А. Вирениуса вызволить запертые в Порт-Артуре корабли путем прорыва, в Петербурге отказались. Причина заключалась в том, что большая часть корабельных орудий была снята и установлена либо на крепостных стенах, либо на новых сухопутных батареях, а большая часть экипажей зачислена в состав защитников крепости (Hintze, 1998: 139). После этого германский военно-морской атташе констатировал, что Первая Тихоокеанская эскадра перестала существовать (Hintze, 1998: 139).

Уже к этому времени русско-японская война наработала определенный опыт, который, безусловно, являлся важным не только для двух противоборствующих сторон, но и для всего остального мира, и прежде всего ведущих морских держав. Не случайно в октябре 1904 г. кайзер Вильгельм II дал поручение главе военно-морского ведомства А. Тирпицу представить ему доклад на эту тему (ВА-МА. RM 3/4305. Bl. 146). Меньше чем через месяц оно было исполнено (ВА-МА. RM 3/2596. Bl. 3-7). В основу его легли разные материалы, в том числе и донесения П. Гинце. Они представляли особый интерес, поскольку касались похода Второй Тихоокеанской эскадры, вышедшей

наконец из Либавы 2 октября (15) 1904 г. и взявшей курс на Дальний Восток. Э. Пустау, представитель германского штаба Адмиралтейства, находясь в это время в Либаве, очень критично высказался по поводу ее успеха (Синегубов, Шилов, 2016: 266, 268). Согласно донесению П. Гинце, датированному 12 (25) октября 1904 г., это мнение разделяли также морские атташе Швеции, Франции, Великобритании. Это было неудивительно, если учесть высказывания некоторых русских военных высокопоставленных лиц, которые приводил немецкий представитель, прямо заявлявших, что этот поход есть не что иное, как представление, которым будет развлекаться весь мир (ВА-МА. RM 3/2594. Bl. 36-38).

Ближе к середине декабря 1904 г. П. Гинце обратился с просьбой к А. Тирпицу дать ему указание относительно выбора «политической линии» в кулуарных беседах с значимыми представителями российского флота (ВА-МА. № 253/21. 21.12. 1904. Bl. 47-51). Несмотря на неблагоприятную в целом для русских ситуацию на дальневосточном морском театре боевых действий, глава германского военно-морского ведомства по-прежнему настаивал на том, чтобы П. Гинце исподволь «стимулировал» российское военно-морское руководство к активным действиям с целью как можно большего ослабления японцев (ВА-МА RM 3/4. Bl. 39-40).

В содержании депеш П. Гинце, отправленных им в 1905 г., прослеживались два взаимосвязанных сюжета: насколько успешным будет поход Второй Тихоокеанской эскадры и каковы перспективы продолжения войны. В январе 1905 г. он писал А. Тирпицу, что в высших петербургских кругах стала заметна некоторая перемена настроений. В частности, речь шла о возможном заключении мира, возвращении Второй Тихоокеанской эскадры. Основанием для таких перемен, по мнению П. Гинце, стала угроза войны из-за снабжения эскадры углем Гамбургско-американской компанией и связанное с этим обострение международной обстановки, а также невозможность превзойти японские сухопутные силы в Маньчжурии. Такой «мирный настрой», как полагал атташе, будет только усиливаться (Hintze, 1998: 144).

В середине апреля 1905 г. П. Гинце в послании к А. Тирпицу отмечал, что недостаток информации о Второй Тихоокеанской эскадре порождал множество слухов и догадок. Те, кто изначально был против этого предприятия, и среди них великий князь Александр Михайлович, считали, что эскадра непросто погибнет, а погибнет бесславно, даже несколько не ослабив врага. Однако большинство дилетантов находится между теми, кто верит в успех, и теми, кто глубоко сомневается (Hintze, 1998: 149). Позицию же Морского министерства он оценивал как «нейтральную», поскольку его руководство изначально считало дальневосточный поход предприятием исключительно царя и З.П. Рождественского.

Среди военных экспертов, по сообщению П. Гинце, циркулировала мысль, что японцы пропустят эскадру во Владивосток без боя, а затем запрут ее там с помощью минных заграждений, в то время как их главные силы будут направлены на Третью Тихоокеанскую эскадру Н.И. Небогатова, вышедшую в феврале 1905 г. из Либавы на Дальний Восток. С ней, как считалось, будет проще разделаться, поскольку она слабее, а затем вернуться к Владивостоку и разыграть там сценарий второго Порт-Артура. Как полагал сам П. Гинце, для японцев было бы лучше создавать трудности Второй эскадре во время ее пути (т.е. нападать миноносцами, крейсерами), но не вступать в решающее сражение, постепенно подтачивая ее силы и, когда это произойдет заметным образом, вступить в битву с гарантией победы (Hintze, 1998: 149). В случае же развития событий по другому варианту, т.е. если японцы пропускают З.П. Рождественского во Владивосток, то очевидным образом все свои силы они бросят на Н.И. Небогатова. Однако тогда, как полагал германский атташе, не исключены удары З.П. Рождественского по японскому побережью.

Известие о разгроме Второй и Третьей Тихоокеанских эскадр для П. Гинце стало все-таки в некоторой степени неожиданным, если учитывать общий военно-морской потенциал России в Цусимском проливе. Хотя о таком возможном исходе он предупреждал свое руководство. Требовалось некоторое время, чтобы собрать и обобщить информацию относительно поворотного в войне события. Ему германский атташе посвятил несколько донесений, но достаточно систематизированный и последовательный анализ причин Цусимской трагедии он представил только 12 сентября (28 августа) 1905 г. (Hintze, 1998: 163-167). По объему оно было небольшим (всего 4 страницы), но в нем лаконично и достаточно содержательно рассмотрены некоторые важные факторы военно-морской катастрофы, получившие подтверждение в более позднем заключении Российской государственной следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя (Заключение Следственной комиссии, 1917).

В первую очередь П. Гинце отмечал, что выбор З.П. Рождественским так называемой короткой «корейской трассы», когда можно было выбрать другой обходной путь Японского архипелага, обуславливался исключительно желанием скорее войти в контакт с главными русскими силами на Тихом океане, находившимися во Владивостоке. Из чего германский представитель делал вывод, что, по существу, российский адмирал не настраивался решительно на морское сражение с противником, а хотел, по возможности, проскользнуть мимо него. Именно этим обстоятельством П. Гинце объяснял другое ошибочное решение З.П. Рождественского – растянуть строй боевых кораблей и не выдвигать

вперед разведку, чтобы не обнаружить себя в море. Однако растянутость боевого строя затруднила русским судам дать достойный отпор эскадре вице-адмирала Х. Того.

Другая причина разгрома, по мнению П. Гинце, заключалась в невысоком боевом духе экипажей, серьезно подорванном длинным, изнурительным переходом и явно надломленным в результате серьезных потерь после первых атак японских судов (Hintze, 1998: 164). Свою негативную роль, по мнению германского военно-морского атташе, сыграло и внутреннее напряженное моральное состояние командующего Второй Тихоокеанской эскадрой, что не могло не сказаться на его собранности и выдержанности в ходе сражения. Подчиненные З.П. Рожественского, по словам П. Гинце, до последнего момента не знали план действий, которого он придерживался. Это могло свидетельствовать о наличии у командующего определенной растерянности и неверия в успех предприятия. К тому же ранение в голову в самом начале боя негативно сказалось на общем управлении кораблями эскадры. К сожалению, писал П. Гинце, младший флагман, контр-адмирал О.А. Энквист и командующий Третьей Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Н.И. Небогатов не смогли взять на себя ответственность и не допустить полного разгрома русских морских сил (Hintze, 1998: 164).

Казалось бы, после Цусимы вопрос об исходе русско-японского противостояния не должен был вызывать никаких сомнений. Однако в посланиях П. Гинце в июле 1905 г. отмечалось, что под давлением так называемой «партии войны» и предостережений военного руководства страны от заключения поспешного и невыгодного для России мира Николай II допускал возможность продолжения военных батальи (Hintze, 1998: 162). Впрочем, это не вводило в заблуждение германского атташе. Подобное намерение, которое предавалось огласке, он расценивал лишь как попытку оказать воздействие на японцев, чтобы те умерили свои аппетиты на предстоящих мирных переговорах, зондирование которых уже, кстати, велось с обеих сторон. Русские неизбежно пойдут на переговоры, считал П. Гинце, не только по причине тяжелых военных поражений, но и революционных событий в стране. Об их разрушающей силе для вооруженных сил, особенно флота, он также доносил в Берлин (BA-MA. RM 3/2967. Bl. 75). Последующие события подтвердили его прогноз.

Таким образом, подводя краткий итог, можно отметить, что прежде всего донесения П. Гинце и в дополнение к ним сообщения А. Хопмана и Э. Пустау являлись одним из важных источников информации о действиях русского флота в преддверии и ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. для германского политического и военного руководства. Среди рассматриваемых ими вопросов особое внимание уделялось профессиональной выучке экипажей, командиров разных рангов вплоть до самых высоких чинов, технической готовности боевых судов. С октября 1903 г. и до конца апреля 1904 г. в посланиях П. Гинце и А. Хопмана при многих критических замечаниях и нелицеприятных характеристиках российского флота еще допускалась мысль о возможной его победе вначале в ожидаемом, а затем и реальном противостоянии с японскими военно-морскими силами. В последующее же время тональность в сообщениях этих немецких военно-морских представителей, а также Э. Пустау приняла однозначно негативный характер – русские обречены на поражение. Даже отправка осенью 1904 г. на Дальний Восток Второй Тихоокеанской эскадры, как полагали германские эксперты, не могла изменить ситуацию в лучшую сторону. Поэтому еще до окончательной развязки в Цусимском проливе в мае 1905 г. германское военно-морское ведомство определилось в принципиально важном вопросе: не рассматривать Россию в качестве потенциального морского союзника. Немаловажную роль в таком выборе сыграли реляции прежде всего П. Гинце, а также А. Хопмана и Э. Пустау. И хотя в октябре 1904 г. официальный Берлин еще рекомендовал своему морскому атташе «стимулировать» российские власти к продолжению борьбы против японцев, делалось это, скорее, из соображений ослабления страны Восходящего солнца, которая, безусловно, была конкурентом Германии на Дальнем Востоке, а если быть точнее, в Китае. К тому же предстоящая развязка на море, связанная с отправкой Второй Тихоокеанской эскадры, обещала пополнить копилку опыта эскадренных батальи, очень важного для нарождающегося дредноутного флота.

Литература

Адмирал Алексеев, 2019 – Адмирал Алексеев [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.liveinternet.ru/users/768707/post3998599/> (дата обращения 31.07.2019).

Дискант, 2019 – Дискант Ю.В. Возвращение отряда контр-адмирала Вирениуса в Либаву [Электронный ресурс]. URL: https://statehistory.ru/books/YU--V--Diskant_Port-Artur--1904/14 (дата обращения: 27.07.2019).

Генерал Куропаткин, 2018 – Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова и др. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Документы XX века, 2019 – Документы XX века. Англо-Японский союз, 30 января 1902 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc2ovek.ru/node/9> (дата обращения 22.07.2019).

Заключение Следственной комиссии, 1917 – Заключение Следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Неофициальный отдел // *Морской сборник*. 1917. № 7. С. 1-32; № 8. С. 1-49; № 9. С. 1-57.

Егорьев, 2019 – *Егорьев Е.В.* Операции владивостокских крейсеров в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://coollib.com> (дата обращения: 29.07.2019).

Киличенков, 2020 – *Киличенков А.А.* Адмирал Витгефт: адмирал, погубивший эскадру [Электронный ресурс]. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/voennaya-istoriya/voennaya-istoriya/admiral-vitgeft-admiral-pogubivshii-eskadru.html> (дата обращения: 03.01.2020).

Куропаткин, 2010 – *Куропаткин А.Н.* Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 455 с.

Макаров, 2019 – *Макаров Степан Осипович* [Электронный ресурс]. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/makarov-stepan-osipovich/> (дата обращения: 31.07.2019).

Мельников, 1996 – *Мельников Р.М.* Броненосцы типа «Бородино». Серия «Броненосцы русского флота». Вып 3. СПб.: ГИПП «Искусство России», 1996. 123 с.

Паренаго, 2019 – *Паренаго Александр Николаевич.* Биография [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peoplelife.ru/220138> (дата обращения: 30.07.2019).

Русско-японская война..., 2020 – Русско-японская война 1904–1905 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://historywars.narod.ru> (дата обращения: 02.01.2020).

Русско-японская война 1904–1905 гг..., 2019 – Русско-японская война 1904–1905 гг. (война с Японией – русская Вторая Тихоокеанская эскадра) [Электронный ресурс]. URL: http://www.samo upravlenie.ru/eskadra_tih.php (дата обращения: 25.07.2019).

Русско-японская война..., 2019 – Русско-японская война. Подготовка: строительство флота Тихого океана [Электронный ресурс]. URL: http://www.lessons-of-war.ru/rjv_2/ (дата обращения: 31.07.2019).

Русско-японская война 1904–1905 гг., 1912–1917 – Русско-японская война 1904–1905 гг.: Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе: [в 7 кн.] СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1912–1917.

Синегубов, Шилов, 2016 – *Синегубов С.Н., Шилов С.П.* Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб.: Остров, 2016. 320 с.

Сисой Великий, 2019 – Сисой Великий [Электронный ресурс]. URL: <https://wiki.wargaming.net/ru/Navu> (дата обращения: 30.07.2019).

Состав судов Второй Тихоокеанской эскадры (Россия), 2019 – Состав судов Второй Тихоокеанской эскадры (Россия). [Электронный ресурс]. URL: <http://armedman.ru> (дата обращения: 25.07.2019).

Цусимская операция, 2019 – Цусимская операция. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток [Электронный ресурс]. URL: <https://rgavmf.ru/books/obzor-glavneyshih-kampaniy-i-srazheniy-parovogo-flota/cusimskaya-operaciya-pohod-2-y> (дата обращения: 06.08.2019).

Шишов, 2019 – *Шишов А.В.* Неизвестные страницы Русско-японской войны. 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/shishov_avo8/shishov_avo8.html (дата обращения: 31.07.2019).

Эскадренные броненосцы типа «Бородино», 2019 – Эскадренные броненосцы типа «Бородино». [Электронный ресурс]. URL: <https://wiki.wargaming.net/ru/Navu>. (дата обращения: 30.07.2019)

Asakawa, 1970 – *Asakawa K.* Russo-Japanese Conflicts. Its Causes and Issues. Dallas (Texas): Kannikat Press, 1970. 372 p.

BA-MA. RM – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).

Fock, 1985 – *Fock H.* Vom Zarenadler zum Roten Stern. Die Geschichte der russischen/sowjetischen Marine. Herford: Mittler, 1985. 324 S.

Hintze, 1998 – *Paul von Hintze.* Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918 / Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl., 1998. 754 S.

Норман, 2004 – *Норман А.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München: R Oldenbourg, 2004. 1231. S.

Vogel, 1973 – *Vogel B.* Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900-1906. Düsseldorf: Bertelsmann, 1973. 335 p.

References

Admiral Alekseev, 2019 – Admiral Alekseev (2019). [Elektronnyi resurs]. URL.: <https://www.liveinternet.ru/users/768707/post3998599/> (date of the address: 31.07.2019). [in Russian]

Asakawa, 1970 – *Asakawa K.* (1970). Russo-Japanese Conflicts. Its Causes and Issues. Dallas (Texas): Kannikat Press, 372 p.

BA-MA. RM – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).

Czusimskaya operaciya, 2019 – Czusimskaya operaciya. Poxod 2-j Tixokeanskoj e`skadry` na Dal`nij Vostok. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL.: <https://rgavmf.ru/books/obzor-glavneyshih-kampaniy-i-srazheniy-parovogo-flota/cusimskaya-operaciya-pohod-2-y> (date of the address: 06.08.2019). [in Russian]

- Diskant, 2019** – *Diskant Yu.V.* (2019). Vozvrashhenie otryada kontr-admirala Vireniusa v Libavu [The return of the detachment of rear Admiral Virenius in Libau]. [Elektronnyi resurs]. URL: https://statehistory.ru/books/YU--V--Diskant_Port-Artur--1904/14 (date of access: 27.07.2019). [in Russian]
- Dokumenty XX veka, 2019** – Dokumenty XX veka. Anglo-Yaponskij soyuz, 30 yanvarya 1902 g. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://doc20vek.ru/node/9> (date of access: 22.07.2019). [in Russian]
- Egor'ev, 2019** – *Egor'ev E.V.* (2019) Operatsii vladivostokskikh kreiserov v Russko-yaponskuyu voinu 1904–1905 gg. [Operations of Vladivostok cruisers in the Russian-Japanese war of 1904-1905]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://coollib.com> (date of access: 29.07.2019). [in Russian]
- Eskadrennye bronenostsy tipa «Borodino», 2019** – Eskadrennye bronenostsy tipa «Borodino». 2019. [Elektronnyi resurs]. URL.: <https://wiki.wargaming.net/ru/Navy> (date of access: 30.07.2019). [in Russian]
- Fock, 1985** – *Fock H.* (1985). Vom Zarenadler zum Roten Stern. Die Geschichte der russischen/sowjetischen Marine. Herford: Mittler, 324 p.
- General Kuropatkin, 2018** – General Kuropatkin – gosudarstvenny`j i voenny`j deyatel` Rossijskoj imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya [General Kuropatkin-statesman and military figure of the Russian Empire. To the 170th anniversary of his birth]. Kollektivnaya monografiya. Pod obshh. red. V.P. Sal`nikova i dr. SPb.: Fond «Universitet», 2018. 370 p. [in Russian]
- Hintze, 1998** – *Paul von Hintze* (1998). Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918. Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl., 754 p.
- Hopman, 2004** – *Hopman A.* (2004). Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München: R Oldenburg, 1231 p.
- Kilichenkov, 2020** – *Kilichenkov A.A.* (2020). Admiral Vitgeft: admiral, pogubivshij e`skadru [Admiral Vitgeft: Admiral, destroyed the fleet]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/voennaya-istoriya/voennaya-istoriya/admiral-vitgeft-admiral-pogubivshiie-eskadru.html> (date of access: 03.01.2020). [in Russian]
- Kuropatkin, 2010** – *Kuropatkin A.N.* (2010). Dnevnik generala A. N. Kuropatkina [Diary of General A.N. Kuropatkin]. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 455 p. [in Russian]
- Makarov, 2019** – *Makarov Stepan Osipovich.* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/makarov-stepan-osipovich> (date of access: 31.07.2019). [in Russian]
- Mel'nikov, 1996** – *Mel'nikov R.M.* (1996). Bronenostsy tipa «Borodino». Seriya «Bronenostsy russkogo flota». SPb.: GIPP «Iskusstvo Rossii», 123 p. [in Russian]
- Parenago, 2019** – Parenago Aleksandr Nikolaevich. Biografiya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.peoplelife.ru/220138> (date of access: 30.07.2019). [in Russian]
- Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 godov, 2020** – Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 godov [The russo-japanese War of 1904–1905]. 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://historywars.narod.ru> (date of access: 02.01.2020). [in Russian]
- Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg..., 2019** – Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. (vojna s Yaponiei – russkaya Vtoraya Tikhookeanskaya eskadra) [Russo-Japanese War of 1904-1905 (war with Japan – Russian Second Pacific Squadron)]. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.samo-upravlenie.ru/eskadra_tih.php (date of access: 25.07.2019). [in Russian]
- Russko-yaponskaya vojna..., 2019** – Russko-yaponskaya vojna. Podgotovka: stroitel'stvo flota Tikhogo okeana [Russian-Japanese war. Preparation: Pacific Fleet Construction]. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.lessons-of-war.ru/rjv_2/ (date of access: 31.07.2019). [in Russian]
- Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg., 1912–1917** – Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg.: Rabota Istoricheskoi komissii po opisaniyu deistvii flota v voinu 1904–1905 gg. pri Morskome general'nom shtabe: [v 7 kn.] [Russian-Japanese war of 1904-1905: The work of the Historical Commission on the description of the actions of the fleet in the war of 1904-1905 at the Naval General staff: in 7 books]. SPb.: Tip. V.D. Smirnova, 1912–1917. [in Russian]
- Sinegubov, Shilov, 2016** – *Sinegubov S.N., Shilov S.P.* (2016). Kaizerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: al'ternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnoshenii v 1897–1906 gg. [Kaiser's Germany-great Britain-Russia: alternatives and realities of naval relations in 1897–1906]. SPb.: Ostrov, 320 p. [in Russian]
- Sisoj Velikij, 2019** – *Sisoj Velikij* (2019). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://wiki.wargaming.net/ru/Navy> (date of access: 30.07.2019). [in Russian]
- Sostav sudov vtoroj Tixookeanskoj e`skadry` (Rossiya), 2019** – Sostav sudov vtoroj Tixookeanskoj e`skadry` (Rossiya). 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://armedman.ru> (date of access: 25.07.2019). [in Russian]
- Shishov, 2019** – *Shishov A.V.* (2019). Neizvestny`e stranicy russko-yaponskoj vojny`. 1904–1905 gg. [Unknown pages of the Russian-Japanese war of 1904–1905]. [Elektronnyi resurs]. URL: http://militera.lib.ru/research/shishov_avo8/shishov_avo8.html (date of access: 31.07.2019). [in Russian]
- Vogel, 1973** – *Vogel B.* (1973). Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. Düsseldorf: Bertelsmann, 335 S.

[Zaklyuchenie Sledstvennoj komissii, 1917](#) – Zaklyuchenie Sledstvennoj komissii po vy`yasneniyu obstoyatel`stv Czusimskogo boya [Conclusion of the Investigative Commission to clarify the circumstances of the Tsushima battle]. Unofficial Department. *Marine collection*. 1917. No. 7. Pp. 1-32; No. 8. Pp. 1-49; No. 9. Pp. 1-57. [in Russian]

Российский флот в преддверии и ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. в оценках немецких военно-морских представителей

Станислав Николаевич Синегубов^{a, *}, Сергей Павлович Шилов^a

^aТюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются послания немецких военно-морских представителей – П. Гинце из Петербурга, А. Хопмана из Порт-Артура, Э. Пустая из Либавы и Ревеля – накануне и в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. В них содержалась информация, характеризующая действия российского флота и его руководства. Она служила одним из серьезнейших оснований для решения важных стратегических политических и военно-практических задач, стоявших перед руководством Германской империи того времени. Первая из них заключалась в выяснении того, насколько потенциально сильна и профессионально подготовлена Россия в военном отношении, чтобы в итоге рассматриваться в качестве возможного полноценного союзника против общего «заклятого» врага – Великобритании. Поэтому прогностическая составляющая – сможет ли Россия победить в войне – красной нитью проходила через многие донесения немецких посланников. Вторая важная задача состояла в учетывании опыта морской войны для выработки новой стратегии и тактики сражений, военно-технического совершенствования, взаимодействия сил на море и суше. Как показывают авторы, германские военно-морские уполномоченные внимательно старались отслеживать именно эти указанные аспекты. Однако в силу разных причин, в том числе и малодоступности требуемой информации, основная содержательная часть посланий все-таки касалась поиска ответа на главный вопрос о союзоспособности России. И на него немецкие представители на основе имеющихся у них данных отвечали однозначно отрицательно.

Ключевые слова: Россия, Германия, Русско-японская война 1904–1905 гг., германские военно-морские представители, донесения.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

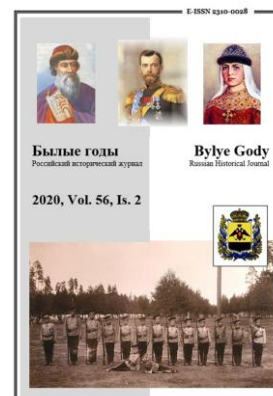
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 832-841. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.832
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Protection of Cultural Heritage in Russia during the Period of P.A. Stolypin Government: to the Issue of Legislative Regulation and Financing

Nataliya B. Akoeva ^{a, *}, Leva A. Karapetyan ^a, Oxana V. Resnik ^b, Antonina V. Shvetsova ^b

^a Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation

^b Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation

Abstract

The problem of legislative regulation and financing of cultural heritage in the new political and legal conditions of transition to constitutional monarchy is considered. P.A. Stolypin himself understood that the cultural level of society depended on comprehensive reform and the future of the country. The solution to the problem was now possible with the cooperation of the Government and Parliament. Our focus is primarily on the draft law of the Ministry of the Interior and the estimated costs of the Ministry of Public Education.

Although not passed, the bill is important in terms of cultural conservation thought. Its positive and negative aspects have been identified.

In general, the Government followed the residual principle of budgetary financing of the noted area, which was also typical for the Doodum period. And popular representation here has fundamentally changed little. Although we note the positive interaction between these entities in relation to the draft laws of one-time and annual financing of certain measures for the protection and updating of monuments.

Keywords: protection of monuments, government, parliament, legislation, financing.

1. Введение

Памятникам угрожали и угрожают различные факторы. К сожалению, многие из них имеют антропогенный характер. С давних пор человек создавал шедевры, но он же разрушал их и продолжает это делать. Система охраны культурного наследия имеет длительную историю. С точки зрения ее субъектного состава и содержания мы обращаем внимание на государство и акцентируем внимание на вопросах законодательного регулирования и финансирования указанной сферы через призму деятельности отдельных ведомств в период правительства П.А. Столыпина. Важным является и его концепция правового государства, вне которого он не видит возможность сохранения культурного наследия в рамках реформирования сферы культуры в целом и ее значение для личности, общества и развития страны. Тезис «погубим памятники – лишимся памяти» остается актуальным. Чем поучителен исторический опыт для современности?

2. Материалы и методы

Основу статьи составляет система разнообразных по происхождению и содержанию первоисточников. Прежде всего, это правовые акты, представленные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) и законопроект МВД «Об охране древностей». Специфическими нормативно-правовыми актами являются Государственная роспись доходов и расходов (бюджетное законодательство), позволяющая определить и сметные расходы министерств на сохранение и актуализацию памятников истории культуры. Важным источником являются делопроизводственные документы и документы личного происхождения, прежде всего речи и письма П.А. Столыпина.

* Corresponding author

E-mail addresses: akoeva_nata@mail.ru (N.B. Akoeva)

Исходя из того, что охрана культурного наследия – это специфическая область знания, носящая междисциплинарный характер, ее методологическую базу составляют системный подход, всеобщие принципы объективности, историзма, конкретности. Выделяя системный подход, мы также исходим из того, что он позволяет выявить характер связи между звеньями политико-правового режима и его политикой в сфере охраны культурного наследия в условиях перехода к конституционной монархии, умение учитывать мнение экспертного сообщества. Наряду с общенаучными методами, использованы такие специальные методы, как историческое описание и объяснение, сравнительно-исторический, историко-правовой. Сравнительно-исторический метод позволил, в частности, определить ежегодные сметные расходы МНП, а историко-правовой – дать общую оценку законопроекта МВД. Значимость аксиологического подхода заключается в том, что исторический опыт охраны памятников оказывает существенное влияние на формирование нравственности общества.

3. Обсуждение

В досоветский период вопросы государственной охраны памятников специально не изучались. Сведения по проблеме находили отражение в трудах по общим опросам охраны памятников.

Аналогичным было, в сущности, положение и в советской историографии. Здесь следует отметить в первую очередь объемную статью А.М. Разгона. Несмотря на идеологическую ограниченность, в ней имеются интересные факты и по исследуемому периоду, много места уделено разрушению памятников (*История...*, 1957). Но с некоторыми выводами автора, в частности лишь отрицательной оценкой законопроекта МВД и деятельности думской комиссии по его обсуждению, мы не согласны. В трудах А.А. Формозова затронута проблема важности сохранения археологических объектов, памятников архитектуры и возрастания роли государства в этом процессе (*Формозов, 1961; 1990*).

В плане сохранения движимых объектов и роли государства в этом интересна статья С.А. Каспаринской (*Музеи и власть, 1991*).

В постсоветской историографии внимание к общей проблеме охраны историко-культурного наследия усилилось. Но отдельных работ о государственной охране немного. Отметим диссертацию А.В. Работкевич.

С историко-правовых позиций отразили проблему Л.Р. Клебанов (*Клебанов, 2015*) и А.В. Бородин (*Бородин, 2015*). Но интересующие нас аспекты проблемы в названных работах не являлись предметом исследования.

4. Результаты

П.А. Столыпин (1862–1911) – один из самых ярких, но и противоречивых политических деятелей в истории России. Были и существуют разные оценки его деятельности. В частности, в советской историографии господствовали в основном политизированные оценки. Он возглавил Совет министров (правительство) России 8 июля 1906 г., сохранив одновременно пост министра внутренних дел (МВД), который занимал с 26 апреля того же года. Известна комплексная программа реформ возглавляемого им правительства, осуществление которой, по мнению сторонников П.А. Столыпина, позволило бы избежать России последующих революций. В основе его концепции реформирования лежала идея раскрепощения человека, формирование свободной личности, без которой было невозможно достижение стратегической цели – формирование в России гражданского общества и правового государства. Преобразования базировались на консервативном либерализме и должны были носить национальный характер. Он осуждал противников этого принципа и считал негативное отношение к стране, исходящее и от россиян, не верующих в право и в русский народ, хуже вражды. П.А. Столыпин отдавал приоритет праву, а не силе (*Стенографический отчет, 1907: 106-110*).

Его понимание правового государства базировалось на Манифесте 17 октября 1905 г., Манифесте 19 октября 1905 г., изменивших статус Совета министров, предопределивших и необходимость новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. В соответствии с ними в государственный механизм были включены представительный орган власти, глава о правах и обязанностях подданных, т.е. речь идет о начальном этапе перехода России к конституционной монархии.

Сквозь призму этих его идей и реформированного государственного аппарата следует освещать и проблему государственной охраны памятников как важнейшего направления культурной политики. В контексте цели нашей статьи под государственной охраной культурного наследия нами понимаются организационно-правовые и финансовые меры, направленные на его сохранение и актуализацию. П.А. Столыпин понимал, что без просвещенного и культурного гражданина достичь намеченной цели будет невозможно. Вместе с тем он осознавал и то, что формирование личности нового типа, готовой принять участие в масштабных реформах, т.е. превратиться из человека объекта в человека субъекта, является трудным делом. В общем, этот процесс является сложным, длительным и противоречивым во всех странах. В России же он усугублялся существовавшей длительное время политикой государственного патернализма и общинного коллективизма.

Мысль о том, что развитие страны невозможно без повышения культуры, звучала во многих его речах, находила отражение в принимаемых решениях. В качестве примера сошлемся на его

программные выступления в Государственной думе. 6 марта 1907 г. он впервые выступил как глава правительства во второй Государственной думе (преобладала фракция кадетов), где представил систему законопроектов правительства по реформированию страны. В своей речи подчеркнул следующую мысль: «Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдаёт себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения...» (Стенографический отчет, 1907: 117-118). Далее П.А. Столыпин определил задачи Министерства народного просвещения (МНП) в этой области культуры. О значении просвещения он говорил и 16 ноября 1907 г. в третьей Государственной думе (Столыпин, 2013: 127), в которой количественный перевес был на стороне фракции октябристов, в целом поддерживавшей председателя правительства П.А. Столыпина, полемизируя с представителем кадетской партии В. Маклаковым, обвинившим правительство в продолжении репрессивной, а не созидательной политики на благо народа, заметил, что, для того чтобы воспользоваться благами гражданской свободы, нужна хотя бы минимальная состоятельность. Ее он связывал с естественным правом человека на частную собственность, которая является основой экономической самостоятельности и независимости. В этом отношении особое внимание уделялось изменению статуса крестьянина, составлявшему 80 % населения. Выход ему виделся в разрушении общины, формировании слоя мелких собственников, что позволит крестьянину ощутить себя культурным и просвещенным гражданином, способным преобразовать деревню (Столыпин, 2013: 127, 133-134).

Как государственно мыслящий человек он понимал, что сохранение и развитие культуры является одним из важнейших факторов формирования национального самосознания общества, его патриотического воспитания. Многим известны слова П.А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия». Это слова из речи, произнесенной во второй Государственной Думе 10 мая 1907 г., адресованные революционным и радикальным депутатам. Однако этим словам предшествует текст, который позволяет определить основу его понимания величия России. «Противникам государственности, – говорил П.А. Столыпин, – хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций» (Столыпин, 2013: 122). В речи в Государственном совете (членом которого он был с 1-го января 1907 г.) 8 июня 1908 г. о новых законах, касающихся Финляндии, он отмечал «...Нужно верить, что Россия не культуроголаситель, что Россия сама смело шагает вперед по пути усовершенствования, что Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов» (Столыпин, 2013: 13), т.е. речь идет о значении исторического наследия в широком смысле слова, включая и культурное наследие разных народов, которые должны определять эволюционное развитие страны. Из сказанного в целом следует, что П. Столыпин решающим фактором сохранения наследия считал культурный уровень общества в широком смысле, включая и правовую культуру. В этом контексте следует рассматривать и законодательную инициативу МВД, сметные расходы отдельных министерств и другие финансовые законопроекты, вносимые в парламент.

Отсюда целью статьи, исходя из степени изученности проблемы, является акцентирование внимания на законодательном (в первую очередь, основываясь на законопроекте МВД как показателе его культуроохранительной мысли) и финансовом (прежде всего сметных расходов МНП) аспектах, по-прежнему остающихся актуальными.

В исследуемый период понятие «культурное наследие» отсутствовало, а использовались главным образом термины «древности», «памятники искусства и старины», «исторические памятники». Проблема их сохранения оставалась острой. Хотя правительство, в составе которого не было специального органа с соответствующими полномочиями в данной области и единого закона, ее регулирующего, предпринимало определенные меры для охраны культурного наследия на основе реализации ведомственных распоряжений. В частности, этим занималось МВД. Оно было многофункциональным министерством. В его структуре было двадцать три учреждения (Правящая Россия: 111). Вопросами охраны памятников в первую очередь занимался Департамент общих дел. В его компетенцию входили «дела по собиранию сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях; дела о музеумах и других подобных заведениях и обществах» (Столыпин, 2013: 122). В разной степени этим вопросом занимались и другие его подразделения. И.В. Михеева отмечает и роль полицейских органов в деле сохранения древностей, которые должны были информировать начальство о найденных редких произведениях природы, древностях (Михеева, 2009: 68).

Но разрушения, повреждения, вывоз за границу продолжались. Государственная власть понимала это и предпринимала неоднократные попытки по исправлению существующего положения. В частности, отметим деятельность специальной «Комиссии по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников» при МВД, созданной еще в декабре 1904 г. в составе членов министерства и заинтересованных ведомств под руководством министра Суходольского. Комиссия активно работала с февраля по июнь 1905 г. и подготовила необходимый законопроект (Формозов, 1961: 106). Его обсуждение на высшем уровне не состоялось из-за Русско-японской войны

1904–1905 гг. Работы возобновились весной 1906 г., но в уже новых политико-правовых условиях, понимая, что законопроект должен пройти обсуждение в парламенте. Министерская комиссия прислушивалась к мнению ученых обществ. Согласно справке Министерства внутренних дел от 18 марта 1908 г. о деятельности Комиссии, к весне 1908 г. было получено 40 отзывов из существовавших на тот момент 66 обществ.

В частности, отметим некоторые критические замечания из рецензии Московского археологического общества от 16 января 1906 г. 1. Анализируя предлагаемую проектом организационную структуру охраны памятников в виде центрального, окружного и низшего губернского органов, археологическое общество предлагало сделать упор и усилить губернские органы, поскольку основная работа должна проводиться на местах. 2. Слабым звеном законопроекта признавалось отсутствие ясности в определении прав органов охраны и понимании взаимоотношения между ними и ведомствами, в чьей собственности находились памятники, поскольку ученые общества вряд ли согласятся с ролью простых статистов, если им не будет дано право требовать, чтобы реставрация велась на основе их заключений и под их руководством. 3. В число обществ, которым предполагалось доверить округа, включено много таких, которые никогда вопросами охраны не занимались и вряд ли имеют нужных специалистов. 4. По поводу создания в губерниях новых структур по охране памятников отмечалось, что для этого нет необходимых кадров. Более того, говорилось и о том, что и археологические комиссии «не всегда отвечают строго научным целям». 5. На окружные органы возлагался весь комплекс вопросов, связанных с охраной недвижимых и движимых памятников: а) составление описей, б) их классификация, в) исследование и изучение, г) сохранение, д) ремонт и реставрация, е) ответственность за производимые работы, ж) привлечение к суду за искажение, з) содержание памятников в случае отсутствия финансирования, и) полная регистрация и периодический контроль за состоянием памятников. 6. Законодательный запрет на вывоз памятников за границу. Вывоз был возможен лишь с разрешения центрального охранительного органа в случае отказа государственных учреждений от покупки коллекции древностей или отдельных предметов. При попытке вывезти за границу без соответствующего разрешения коллекции конфисковались и передавались в правительственные музеи, налагался штраф или следовало тюремное заключение. Окружные органы должны были следить за скупщиками и агентами по покупке древних вещей и художественных произведений, в том числе церковных предметов, проверять проводимые ими операции и иметь право привлекать их к юридической ответственности в соответствии с законом ([Сохранение памятников..., 1997: 205-208](#)).

Учитывая итоги обсуждения, в мае 1908 г. новая комиссия во главе с Н.В. Султановым, которого вскоре сменил член Совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянд, ставила цель «охранения старины в широком смысле слова», а не только недвижимых памятников, как предшествующая комиссия ([Столыпин, 2011: 787](#)). Сам П.А. Столыпин интересовался работой над законопроектом. Он направил письмо министру иностранных дел А.П. Извольскому «с просьбой доставить в Министерство внутренних дел образцы законодательных актов по охране исторических памятников в странах Западной Европы» ([Михеева, 2007: 97](#)). Комиссия восприняла следующие предложения XIV археологического съезда (август 1908 г.): историко-культурное наследие как достояние народа, возможность принудительного отчуждения государством недвижимых памятников, ограничение прав частных собственников в переделке памятников, запрет на вывоз за границу, введение юридической, в том числе и для духовенства, ответственности в случае противоправных деяний ([Столыпин, 2011: 871-872](#)). При разработке проекта имели место существенные ведомственные разногласия. Из письма заместителя министра внутренних дел С.Е. Крыжановского помощнику управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве от 25.06.1910 г. следует, что в первую очередь речь идет о противоречиях с православной церковью. Во-первых, она была против распространения норм законопроекта на религиозные культурные ценности, а во-вторых, считала, что ущемляются права Св. Синода как единственного собственника церковных древностей. На стороне церкви выступил Государственный контроль. По мнению автора письма, в условиях преобладания в стране церковных древностей их изъятие из сферы создаваемого проекта будет означать его ненужность. Кроме того, наличие отдельной охранительной структуры для церковных памятников приведет к «вредной двойственности», что пагубно скажется на охране древностей. Он отвергает и претензии по поводу нарушения прав Синода как собственника церковных древностей. Аргументирует свою позицию тем, что Синод будет иметь в Центральном комитете по охране древностей 3 представителей для отстаивания собственных интересов. Наряду с этим ст. 17 Положения предусматривает согласительную процедуру между МВД и Синодом в случае возникновения конфликта ([Сохранение памятников..., 1997: 245](#)).

В контексте указанного противостояния МВД с Синодом рассмотрим еще один факт и аргумент в пользу защиты права собственности как основы деятельности правительства, взявшего курс на построение правового государства. 8 апреля 1908 г. председатель Московского археологического общества П.С. Уварова обратилась к императору с письменным предложением о передаче предметов церковной старины в государственную собственность. Мотивировала она это ссылкой на

многочисленные факты их уничтожения, расхищения, распродажи. Николай II наложил резолюцию: «Заслуживает серьезного внимания» ([Сохранение памятников..., 1997: 228](#)).

Получив санкцию императора, П.А. Столыпин 24 июня 1908 г. поставил ходатайство на обсуждение Совета министров, в котором приняли участие министр юстиции Щегловитов и обер-прокурор Синода Извольский. Оба высказались за сохранение за церковью ее имущества. В противном случае это было бы нарушением позитивного законодательства, защищающего неприкосновенность собственности. Лишь в случае государственной или общественной необходимости разрешалось принудительное отчуждение за справедливое вознаграждение. Ими было подчеркнуто, что нет объективных оснований и практической необходимости для принятия новых правовых норм, ограничивающих права церкви. Наряду с этим указывалось на то, что Синод в порядке церковного управления принял особые правила по усовершенствованию способов сохранности религиозных культурных ценностей, а при необходимости возможно издание дополнительных правил и организационных структур ([Сохранение памятников..., 1997: 229-230](#)).

На заседании обсуждался и вопрос о памятниках частных лиц и обществ. В принятой резолюции отмечалась недопустимость всякого отчуждения этих предметов как серьезное ограничение гражданских прав. Итогом указанного заседания Совета министров было то, что правительство было как против огосударствления памятников старины духовного ведомства, так и любого отчуждения у собственников. Подчеркивалось, что эти вопросы удовлетворительно решены действующим законодательством ([Сохранение памятников..., 1997: 231](#)). Николай II 6 августа 1908 г. согласился с мнением правительства.

С конца 1909 г. Положение находилось в особом совещании по обсуждению финансовой стороны вопроса. Решение о направлении проекта закона в Государственную думу правительство приняло 17 марта 1911 г., а поступил он туда уже после смерти П. Столыпина, 29 октября 1911 г. 7 ноября общее собрание Госдумы передало его в комиссии по народному образованию и судебным реформам. Но в связи со сложностью законопроекта 9 декабря 1911 г. 34 члена Госдумы предложили образовать специальную комиссию для его изучения. Она была создана в декабре в составе 12 членов под председательством Е.П. Ковалевского. С 27 января по 3 мая 1912 г. комиссия провела пять заседаний. Итогом ее работы 6 июня 1912 г. явилось внесение существенных изменений, касающихся охраны религиозных памятников и памятников, составляющих частную собственность, организационно-правовых вопросов по составу Комитета и археологических раскопок, финансирования учреждений охраны. В Думе четвертого созыва Комиссия по направлению законодательных предложений не только поддержала изменения, предлагаемые комиссией Е. Ковалевского, но и внесла требование об обращении внимания на памятники, имеющие художественное значение, регулировании вопросов охранной зоны территорий, прилегающих к недвижимым памятникам ([Карапетян, 2018а: 156-158](#)). Однако не все предложения, вносимые в ходе обсуждения в Госдуме, поддерживались экспертами. В частности, особое внимание обращалось на изъятие из единого порядка охраны памятников статей, относящихся к частной собственности, приоритету правительства приобретать памятники у частных лиц, запрещению вывоза памятников за границу, разрешению археологической комиссии ведать раскопками на частных территориях. Конечно, в отзывах имел место определенный субъективизм. Но были и точки соприкосновения, которые выражались в требовании перенесения внимания к охране на местный уровень как с позиции организационно-правовой, так и обеспечения специалистами, которых не хватало ([Карапетян, 2018б: 20-23](#)).

Известно, что законопроект не стал законом. Это связано в том числе и с новой законодотворческой практикой. В допарламентский период он был бы принят.

Однако определение сути законопроекта важно с точки зрения государственной культуроохранительной мысли. К позитивным положениям мы относим правовое определение культурного наследия (древностей) на основе хронологического и ценностного критериев и их классификацию на памятники археологии, истории, архитектуры, искусства (ст. 1), что близко к современности; организационно-правовую структуру, состоящую из центрального и окружных археологических комитетов в составе представителей научного сообщества и государственных органов (ст. 3–6); полномочия Центрального комитета, включавшие утверждение списков недвижимых памятников, их изучение и популяризацию, рассмотрение отчетности, контроль за реставрационными и ремонтными работами, археологическими раскопками на основе разработанных теоретических и методических принципов, экспертные оценки финансовых ходатайств учреждений, связанных с охраной памятников из госказначейства (ст. 11); распространение указанных принципов на деятельность окружных органов охраны применительно к памятникам местного значения, необходимость их взаимодействия с губернскими учеными архивными комиссиями (ст. 22–24); наличие списка как обязательного условия охраны недвижимых памятников (ст. 27) и его отсутствие для движимых объектов, которым гарантировалась защита (ст. 30); запрет вывоза за границу особо ценных движимых памятников без разрешения комитета (ст. 14); ежегодное финансирование в объеме 140 тыс. руб. по смете МВД в первые три года после вступления в силу закона, а по истечении этого времени указанная сумма пересматривалась; введение юридической ответственности, в том числе уголовной, за противоправные деяния.

Как положительный аспект проекта отметим в целом императивный характер норм. Отступления от строгой обязательности были связаны с памятниками на землях частной собственности и принадлежащих церкви. К числу слабых сторон относится и отсутствие в законопроекте определений таких понятий, как «особо ценные», «особо художественного и археологического значения», «местности замечательные в историческом отношении», «величайшие по историко-археологическому достоинству», что оставляло простор для субъективного толкования (Столыпин, 2011: 685-687; Карапетян, 2017: 48-49). В историографии имеются разные оценки законопроекта. Например, А.М. Разгон законопроект МВД и изменения, внесенные в него думской комиссией, оценивает отрицательно (История, 1957: 120-122). С.А. Каспаринская упоминает проект закона в контексте его обсуждения и выделяет мысль о том, что памятники старины составляют достояние народа и требуют государственной охраны (Музеи и власть, 1991: 80). Современный исследователь А.В. Работкевич, говоря о причинах непринятия закона, называет и отсутствие его поддержки со стороны правительства. Но это мнение по крайней мере является дискуссионным, поскольку само правительство одобрило и направило проект в Думу. Л.Р. Клебанов оценивает его положительно, обращая особое внимание на обеспечение сохранности культурного наследия путем установления уголовно-правовых запретов (Клебанов, 2015: 89). В этом контексте отметим, что Уголовное уложение 1903 г. (вводилось в действие по частям) согласно ст. 550 подвергало тюремному заключению виновных в повреждении: 1) публичного памятника, поставленного с разрешения правительства, 2) движимых памятников (предметов наук и искусств), принадлежащих императорским дворцам или публичным библиотеке, музею и иным государственными и общественными хранилищами (ПСЗ. Собрание третье. Т. 23. Отд. 1. № 22704: 250). В нем же имеется не менее пяти статей, охраняющих религиозные культурные ценности (Бородин, 2015: 178).

Перейдем от организационно-правовых аспектов охраны памятников к их финансированию. Сразу укажем на то, что культура в бюджетной политике не занимала заметное место. При отсутствии единого государственного органа и закона финансирование было рассредоточено по разным министерствам и ведомствам. Рассмотрим этот вопрос, прежде всего, через призму сметных расходов МНП, деятельность которого в этом направлении остается наименее изученной. Оговоримся, что понятие «просвещение» рассматриваемого времени близко к сегодняшнему термину «образование». Тогда оно включало в себя, наряду с системой школьного образования, и сеть воспитательно-образовательных внешкольных учреждений. Кроме того, значительную роль здесь играли и научно-исследовательские организации. Исходя из сметных расходов МНП, речь идет в первую очередь о музеях, архивах, библиотеках, научных обществах и институтах, выступающих в качестве основных хранителей, исследователей и пропагандистов движимых памятников истории и культуры. Расходы МНП для исследуемой сферы проходили в рамках III ученой части по параграфу 16 «Содержание ученых учреждений» и параграфу 17 «Пособия ученым обществам и учреждениям» в бюджете 1906 г. и параграфам 4 и 5 в бюджетах последующих «думских» годов. В зависимости от финансируемых учреждений сметы расходов по четвертому параграфу (в бюджете 1906 г. параграф 16) следует относить к расходам научно-исследовательского характера, а по пятому параграфу (в бюджете 1906 г. параграф 17) – научно-просветительного направления. В бюджете 1906 г. по указанным параграфам предусматривались следующие расходы. Расходы по отмеченным параграфам в 1906 г. составили 3,5 % от общих расходов МНП (Общая Государственная..., 1906: 152-153). В бюджетах 1908–1912 гг., принятых с участием Госдумы, данные статьи расходов сохранились, но изменилась нумерация параграфов и произошла определенная структурная и содержательная конкретизация и корректировка. В качестве примера сошлемся на данные бюджета 1909 г. С этого года в расходной части сметы Министерства выделяется подраздел «Просвещение, науки и искусства» и соответствующие параграфы: параграф 4 «Содержание ученых учреждений» и параграф 5 «Пособия ученым обществам на ученые предприятия, издания и командировки». Приведенные статьи расходов по 4 параграфу сохранялись с незначительными вариациями выделяемых сумм и по другим годам. Они составляли (руб.) в: 1908 г. – 1469821, 1909 г. – 1605214, 1910 г. – 1586962, 1911 г. – 1610071, 1912 г. – 1709554 (Общая Государственная..., 1908: 91-94, 109-113).

Относительно параграфа 5 «Пособия ученым обществам на ученые предприятия, издания и командировки» по сравнению с бюджетом 1906 г. не содержали постатейных расходов, а проходили в следующих бюджетах отдельной строкой с указанием общей суммы. Ежегодные показатели были следующие (руб.): 1908 г. – 130322, 1909 г. – 126974, 1910 г. – 115974, 1911 г. – 145617, 1912 г. – 146617 (Общая Государственная..., 1908: 113, 119).

Приведенные абсолютные цифры показывают существующую динамику расходов Министерства по отмеченным параграфам, где в целом имеет место незначительный рост, и с этой точки зрения они важны. Однако, если определять их место среди всех расходов МНП, то видно сокращение ассигнований на эти цели. Так, если в 1906 г. они составили 3,5 %, то в 1908 г. – 3,01 %, 1909 г. – 2,7 %, 1910 г. – 2,2 %, 1911 г. – 1,8 %, 1912 г. – 1,78 %. Это связано с увеличением расходов по десяти другим параграфам. Для сравнения приведем, например, данные по общим расходам на аппарат Министерства, превосходившие показатели названных параграфов. Они составляли соответственно (руб. и % к общему расходу): в 1906 г. – 1580262 (3,6 %), 1908 г. – 1841124 (5,4 %),

1909 г. – 3011042 (4,7 %), 1910 г. – 3023748 (4 %), 1911 г. – 3081325 (3,1 %), 1912 г. – 4460873 (3,8 %) (*Общая Государственная...*, 1908: 91-92, 109-111, 115-116, 149). Кроме того, собственные доходы МНП были существенно ниже запланированных расходов.

От общей характеристики расходов перейдем к расходам, связанным с охраной и актуализацией культурного наследия. К числу важных социальных институтов, занимающихся сохранением, изучением и популяризацией культурного наследия, относятся музеи, архивы, библиотеки, научные общества и институты, отдельные комиссии, результаты работы которых используются во внешкольном образовании и воспитании. Сметы МНП позволяют определить расходы на эти учреждения (без учета расходов на Академию наук). Так, в 1906 г. по параграфу «Содержание ученых учреждений» расходы по 10 статьям из 17 (ст. 5–8, 10–14, 16) составили 427042 руб. Это 30 % от общей суммы параграфа. По параграфу «Пособия ученым обществам и учреждениям» ассигнования по 16 статьям из 25 (ст. 2, 4–7, 10–12, 15, 17, 19–24) равнялись 63478 руб. (39,5 % суммы параграфа). В думских бюджетах 1908–1912 гг. ежегодные расходы по параграфу 4 «Содержание ученых учреждений» по 11 статьям из 16 (ст. 3–10, 14–16) составляли в 1908–1910 гг. 440,5 тыс. руб., а в 1911–1912 гг. – в пределах 430 тыс. руб. (28–30 % от общих затрат параграфа), т.е. видно сокращение. Финансирование выделялось также на приобретение, изучение и публикацию памятников. Например, ежегодные расходы Императорской публичной библиотеки на приобретение книг и рукописей (ст. 3) варьировались в рамках 28–35 % (в среднем 32,2 %). В ежегодной смете Археографической комиссии в объеме 29508 руб. определялось, что из них 20 тыс. (ок. 68 %) расходуются на издание ее трудов (ст. 4). Центральные архивы древних актов в Киеве и Вильно ежегодно расходовали на издательскую деятельность 12,3 % (ст. 5).

Несколько подробнее рассмотрим вопрос применительно к музеям (без педагогических музеев учебных округов МНП), которые являлись важными научно-образовательными учреждениями. Основными их функциями были собирание, сохранение, изучение и актуализация объектов культурного наследия через разные формы работы. МНП в 1908–1912 гг. их финансирование осуществляло в рамках четвертого параграфа. Согласно статьям 7, 8, 9, 10 ежегодное ассигнование получали следующие музеи: Московский публичный и Румянцевский музеи – 68029 руб.; Российский исторический музей им. Александра III – 59220 руб. в 1908 г., 56334 руб. в 1909 г., 56355 руб. в 1910 г. и по 46355 руб. в 1911–1912 гг. Из указанных сумм на приобретение памятников древности предназначались 10500 руб. в 1908–1910 гг. и по 500 руб. в 1911–1912 гг.; Кавказский музей и Тифлисская публичная библиотека – 12781 руб., из которых 2200 руб. выделялись на научные цели; Виленская публичная библиотека и музей – 8528 руб. Кроме того, следует указать на музеи при Санкт-Петербургском археологическом институте (ст. 6) и Археологическом институте в Константинополе (ст. 7), которым выделялось ежегодно соответственно 17806 руб. и 26190 руб., из которых 3200 руб. (18 %) и 9 тыс. руб. (34 %) следовало использовать на научные экскурсии, издания, пополнение фондов музеев и библиотек. Для музея было приобретено собрание египетских и восточных древностей статского советника В.С. Голенищева, которому ежегодно выплачивалось 24 тыс. руб. Следует также иметь в виду музеи Императорской АН. Правда, в сметах ее расходов они отдельно не учтены. Но известны ее расходы на чисто научные цели (ст. 1), которые колебались в пределах 22–28 % (в среднем 25,2 %).

Названные выше музеи были доступны посетителям, а рост посещаемости был в числе показателей интереса к культурному наследию. Например, приведем некоторые общеизвестные факты из истории одного из ведущих музеев страны – Российского исторического музея. Через 30 лет после открытия, к 1913 г., его фонд составлял 600 тыс. ед. хр. Ежегодная посещаемость составляла 39 тыс. человек и до 10 тыс. посетителей были охвачены экскурсионным обслуживанием.

Очевидно, что власть понимала значение музеев не только как хранителей коллекций, но и как «проводников исторической памяти, факторов формирования и поддержки исторической, культурной идентичности» (*Акоева, Орфаниди, 2019: 117-120*).

Однако музеям государственной финансовой поддержки не хватало. В частности, об этом ставился вопрос на предварительном съезде музейных работников в конце 1912 г. (*Музееведческая мысль...*, 2010: 379).

Наряду с бюджетным финансированием, отметим и единовременные и ежегодные пособия и внесметные кредиты, выделяемые на указанные цели с правом включения некоторых сумм в последующем в бюджет. Здесь, на наш взгляд, имело место позитивное взаимодействие правительства и народного представительства. Приведем ряд конкретных примеров финансовой поддержки музеев. В 1908 г. Архангельский рыбопромышленный музей получил 875 руб., а с 1909 г. уже выделялось по 1750 руб. Для нового здания Музея изящных искусств им. Александра III при Московском университете в 1908 г. отпускалось 30 тыс. руб. Для пополнения фондов Сельскохозяйственный музей в 1910 получил 10 тыс. руб. В течение 3 лет, начиная с 1910 г., по 10 тыс. руб. ежегодно получал Российский исторический музей для пополнения фондов. В 1909 г. единовременное пособие для хозяйственных потребностей в размере 8180 руб. было отпущено Московскому публичному и Румянцевскому музеям и отдельно 6385 руб. гравюрному отделу, а в 1911 г. указанный отдел получил еще 2971 руб. В 1910 г. кредит в размере 45 тыс. руб. выделялся

Киевскому художественно-промышленному и научному музею. В том же году 6 тыс. руб. получил музей Строгановского училища. Пособие в объеме 6 тыс. руб. выделялось Музеем прикладных знаний Русского технического общества на 1910 г. Начиная с 1910 г., по 2 тыс. руб. ежегодно отпускалось Ростовскому музею церковных древлехранилищ. В 1911 г. было решено выделить с 1912 г. около 6,6 тыс. руб. на содержание Артиллерийского музея и дополнительно – 3310 на пополнение и изучение коллекций, содержание архива и библиотеки, а также 1 тыс. руб. – на издание трудов (ПСЗ. Собрание третье. Т. 28. № 30472, № 30804, № 31199, № 31232; Т. 29. № 31561, 31569, 32811; Т. 30. № 33584; Т. 31. № 35405; Т. 32. № 36806, 32812).

Продолжалось финансирование научных экспедиций и издания их трудов. В 1908 г. было выделено 96 тыс. руб. для изучения Русского Севера, в 1908–1909 гг. по 12 тыс. руб. отпускалось на участие России в международных исследованиях северных морей. Отдельно в 1908 г. 5,5 тыс. руб. предназначалось на исследование русской части Балтийского моря. В 1908–1909 гг. на обработку, систематизацию и издание трудов русской поморской экспедиции 1900–1903 гг. отпускалось 30 тыс. руб. В размере 8790 руб. на 5 лет, начиная с 1908 г., финансировалось содержание Кавказской археографической комиссии. В 1909 г. Московскому археологическому обществу было выделено 3 тыс. руб. для археологического исследования Кавказа и восточных губерний (ПСЗ. Собрание третье. Т. 28. № 30515, 30747, 31197; Т. 29. № 32262).

Академия наук получала дополнительные деньги на издание письменных документов. В частности, отметим выделение 2 тыс. руб. в 1908 г. на продолжение издания документов XVI – XVIII вв., 5 тыс. – писем и бумаг Петра Великого, в 1908–1909 гг. соответственно 5 и 8 тыс. на издание документов Русско-японской войны 1904–1905 гг. и 47480 руб. на оплату труда членов комиссии. Императорскому русскому историческому обществу в 1908 г. выделено 2 тыс. руб. на продолжение издания текстов договоров Древнерусского государства с иностранными государствами (ПСЗ. Собрание третье. Т. 28. № 30341, 30497, 31202, 31766; Т. 29. № 31405, 31766; Т. 30 № 33501, 33504, 34573).

Относительно финансирования охраны недвижимых памятников укажем на примечательный факт выделения в 1910 г. из бюджета 62,3 тыс. руб. на приведение в порядок и содержание памятников и исторических мест Севастопольской обороны (Акоева и др., 2018: 407).

В то же время масса других недвижимых памятников, имевших не только всероссийское, но и мировое значение, находились в плохом состоянии. На безотлагательный ремонт храма Василия Блаженного в Москве, по мнению академика архитектора Сулова, в 1911 г. было необходимо 170 тыс. руб. (Сохранение памятников..., 1997: 279). Положение усугубляло и противостояние между светской властью и Синодом, который считал, что церковные памятники лучше будут охранять епархиальные учреждения, а не единый государственный орган, т.е., к сожалению, уже не раз на первый план выступали не вопросы сохранения наследия, а ведомственные интересы, что часто встречается и сегодня.

5. Заключение

Правительство П.А. Столыпина функционировало в новых политико-правовых условиях. В его концепции правового государства было понимание роли культуры и места в ней наследия для развития страны и ее безопасности. Но знание проблемы не означает ее приемлемого решения. К сожалению, не удалось создать единого органа и законодательства, регулирующих общественные отношения в сфере охраны культурного наследия, а тем более сформировать соответствующее общественное сознание. Сказался и приоритет ведомственных интересов по сравнению со значением памятников для национального самосознания, хотя в целом надо положительно оценить культуруохранительную концепцию, представленную в законопроекте МВД.

Охрана культурного наследия финансировалась по остаточному принципу. Мы попытались аргументировать это на примере сметных расходов МНП. Вместе с тем следует положительно оценить расходы на движимые памятники в его учреждениях в пределах выделяемых сумм, единовременные и ежегодные пособия. Однако следует иметь в виду внутривластную ситуацию, ведь это были годы революции, сложных международных отношений, что требовало значительных расходов на обеспечение обороны страны и поддержание внутренней стабильности.

Из этого исторического опыта следует извлечь уроки.

Литература

- Акоева, Орфаниди, 2019 – Акоева Н.Б., Орфаниди Н.И. Музеи как хранители и трансляторы культурного наследия // *Культурная жизнь Юга России*. 2019. № 2. С. 117-120.
- Бородин, 2015 – Бородин А.В. Развитие уголовно-правовой ответственности в России за преступления против культурных ценностей // *Право и общество*. Т. 10. 2015. № 11.
- История..., 1957 – История музейного дела в СССР. Вып. 1 / Труды НИИ музееведения. М., 1957.
- Карапетян, 2017 – Карапетян Л.А. Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: к вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // *Культурная жизнь Юга России*. 2017. № 1 (64). С. 48-49.
- Карапетян, 2018 – Карапетян Л.А. К вопросу об обсуждении законопроекта «Об охране древностей» 1911 г. в Государственной думе / *Социальная память. Актуализация. Модернизация*.

Материалы III международной научно-практической конференции 18–19 октября 2018. Краснодар, КГИК, 2018. С. 156–158.

Карапетын, 2018 – *Карапетын Л.А.* Отзывы научно-экспертного сообщества России начала XX в. на правительственный законопроект 1911 г. об охране культурного наследия: к постановке проблемы // *Культурная жизнь Юга России.* 2018. № 1 (68). С. 20–23.

Клебанов, 2015 – *Клебанов Л.Р.* Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана. М., 2015.

Михеева, 2009 – *Михеева И.В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX вв. С. 68, 97. [Электронный ресурс]. URL: www.hse.ru

Музееведческая мысль..., 2010 – Музееведческая мысль в России. XVIII–XX веков. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2010.

Музеи и власть, 1991 – Музеи и власть. Часть I. Государственная политика в области музейного дела (XVIII – XX вв.). М., 1991.

Общая Государственная..., 1906 – Общая Государственная роспись доходов и расходов на 1906 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/53> (дата обращения: 07.11.2019).

Общая Государственная..., 1908 – Общая Государственная роспись доходов и расходов на 1908–1912 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/53> (дата обращения: 07.11.2019)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., ПГ. 1911–1913.

Правящая Россия – Правящая Россия. СПб. Б/г. С. 111, 112.

Русское общество..., 1990 – Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

Сохранение памятников..., 1997 – Сохранение памятников церковной старины в России XVII – начала XX вв. Сборник документов. М., 1997. С. 205–208, 245.

Стенографический отчет, 1907 – Стенографический отчет. Государственная Дума. Сессия II. Заседание пятое. 6. III. 1907. С. 106–110, 117–118.

Столыпин, 2011 – *П.А. Столыпин.* Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2011. Т. 2. С. 787. С. 685–687.

Столыпин, 2013 – *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013. С. 13, 122, 127, 133–134.

Формозов, 1961 – *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

Формозов, 1990 – *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.

Akoeva et al., 2018 – *Akoyeva N.B., Denisov N.G., Karapetyan L.A.* Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 402–410.

References

Akoeva et al., 2018 – *Akoyeva N.B., Denisov N.G., Karapetyan L.A.* (2018). Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society. *Bylye Gody.* Vol. 47. Is. 1. Pp. 402–410.

Akoeva, Orfanidi, 2019 – *Akoeva N.B., Orfanidi N.I.* (2019). Muzei kak hraniteli i translyatory kul'turnogo naslediya [Museums as Guardians and Translators of Cultural Heritage]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii*, № 2, pp. 117–120. [in Russian]

Borodin, 2015 – *Borodin A.V.* (2015). Razvitie ugovolno-pravovoj otvetstvennosti v Rossii za prestupleniya protiv kul'turnyh cennostej [Development of criminal liability in Russia for crimes against cultural property]. *Pravo i obshchestvo.* T. 10. № 11. [in Russian]

Istoriya..., 1957 – *Istoriya muzejnogo dela v SSSR* [History of museum business in the USSR]. Vyp. 1. Trudy NII muzevedeniya. М., 1957. [in Russian]

Karapetyan, 2017 – *Karapetyan L.A.* (2017). Ohrana kul'turnogo naslediya v Rossii v nachale HKh v.: k voprosu o zakonoproekte «Ob ohrane drevnostej» [Protection of cultural heritage in Russia in the early 20th century: to the issue of the draft law "On protection of antiquities]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii.* № 1, pp. 48–49. [in Russian]

Karapetyan, 2018a – *Karapetyan L.A.* (2018). K voprosu ob obsuzhdenii zakonoproekta «Ob ohrane drevnostej» 1911 g. v Gosudarstvennoj dume [On the Discussion of the Draft Law "On the Protection of Antiquities" 1911 in the State Duma]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii: Sotsial'naja pamjat'. Aktualizatsija. Modernizatsija. Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 156–158. [in Russian]

Karapetyan, 2018b – *Karapetyan L.A.* (2018). Otzyvy nauchno-ekspertnogo soobshchestva Rossii nachala HKh v. na pravitel'stvennyj zakonoproekt 1911 g. ob ohrane kul'turnogo naslediya: k postanovke problemy [Feedback of the Scientific and Expert Community of Russia of the early 20th Century on the Government Bill of 1911 on the Protection of Cultural Heritage: to the Presentation of the Problem]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii.* № 1, pp. 20–23. [in Russian]

Klebanov, 2015 – *Klebanov L.R.* (2015). Pamyatniki istorii i kul'tury: pravovoj status i ohrana [Monuments of history and culture: legal status and protection]. М. [in Russian]

Miheeva, 2009 – *Miheeva, I.V.* (2009). Pravotvorcheskaja dejatel'nost' Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Imperii po ohrane pamjatnikov istorii i kul'tury v XIX – nachale XX vv. [Law-making activity of

the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire for the Protection of Monuments of History and Culture in the 19th and early 20th centuries]. Nizhnij Novgorod, 156 p. [in Russian]

[Музееведческая мысль..., 2010](#) – Музееведческая мысль в России. XVIII – XX вевов. Сbornик документов и материалов [Museum thought in Russia. The 18-20th centuries. Compendium of Documents and Materials]. Отв. ред. Е.А. Шупепова. М., 2010. [in Russian]

[Музеи и власть, 1991](#) – Музеи и власть. Част' I. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII – XX vv.) [Museums and power. Part I. State policy in the field of museum affairs (18th – 20th centuries)]. М., 1991. [in Russian]

[Общая государственная..., 1906](#) – Obschaja gosudarstvennaja rospis' dohodov i rashodov na 1906 god [Total State record of revenues and expenses for 1906]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/53> (date of access: 07.11.2019). [in Russian]

[Общая Государственная..., 1908](#) – Obschaja gosudarstvennaja rospis' dohodov i rashodov na 1908–1912 god [Total State record of revenues and expenses for 1908–1912]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/53> (date of access: 07.11.2019). [in Russian]

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e [Full Collection of Laws of the Russian Empire. The third meeting]. SPb, Pg., 1911–1913).

[Правящая Россия](#) – Pravjaschaja Rossija [Ruling Russia]. St. Petersburg, Russia, B/g. pp. 111, 112. [in Russian]

[Русское общество..., 1990](#) – Russkoe obshchestvo i ohrana pamyatnikov kul'tury (1990). [Russian Society and Protection of Cultural Monuments]. М. 1990. [in Russian]

[Сохранение памятников..., 1997](#) – Sohranenie pamjatnikov tserkovnoj stariny v Rossii XVII – nachala XX vv. Sb. dok. [Preservation of church antiquities in Russia XVII - early XX centuries. dock.], М., 1997. 404 p. [in Russian]

[Стенографический отчет, 1907](#) – Stenograficheskiy otchet. Gosudarstvennaja Duma. Sessija II. Zasedanie pjatoe [Verbatim report. State Duma. Session II]. St. Petersburg, 1907. 2082 p. [in Russian]

[Столыпин, 2011](#) – *Stolypin, P.A.* (2011). Programma reform. Dokumenty i materialy. V 2 tomah [Reform program. Documents and materials]. Moscow, Russia, pp. 787, 685-687 [in Russian]

[Столыпин, 2013](#) – *Stolypin, P.A.* (2013). Nam nuzhna velikaja Rossija. Samye znamenitye rechi i pis'ma [We need a great Russia. Most famous speeches and letters], М., pp. 13, 122, 127, 133-134. [in Russian]

[Формозов, 1961](#) – *Formozov, A.A.* (1961). Oчерки po istorii russkoj arheologii [Essays on the history of Russian archaeology]. М., p. 106. [in Russian]

[Формозов, 1990](#) – *Formozov, A.A.* (1990). Russkoe obshchestvo i ohrana pamyatnikov kul'tury [Russian society and protection of cultural monuments]. М. [in Russian]

Государственная охрана культурного наследия в России в период правительства П.А. Столыпина: к вопросу о законодательном регулировании и финансировании

Наталья Борисовна Акоева ^{a,*}, Лева Александрович Карапетян ^a, Оксана Владимировна Резник ^b,
Антонина Викторовна Швецова ^b

^a Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Российская Федерация

^b Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается проблема законодательного регулирования и финансирования культурного наследия в новых политико-правовых условиях перехода к конституционной монархии. Сам П.А. Столыпин понимал, что от культурного уровня общества зависело комплексное реформирование и будущее страны. Решение проблемы теперь было возможно при взаимодействии правительства и парламента.

В центре нашего внимания прежде всего находятся законопроект Министерства внутренних дел и сметные расходы Министерства народного просвещения. Хотя законопроект и не был принят, но он важен с точки зрения культуроохранительной мысли. Определены его позитивные и негативные стороны.

В целом правительство придерживалось остаточного принципа бюджетного финансирования отмеченной сферы, что было характерно и для додумского периода. И народное представительство здесь принципиально мало что изменило. Хотя отметим и позитивное взаимодействие между указанными субъектами по отношению к законопроектам единовременного и ежегодного финансирования отдельных мер по охране и актуализации памятников.

Ключевые слова: охрана памятников, правительство, парламент, законодательство, финансирование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akoeva_nata@mail.ru (Н.Б. Акоева)

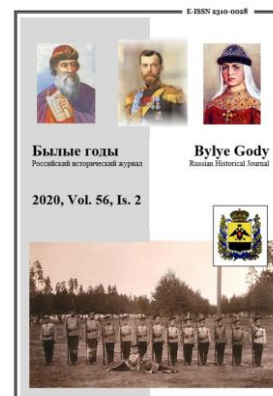
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 842-853. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.842
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

High Rank Bureaucracy and a Mechanism for Coordinating the Actions of Government Agencies during the Duma Monarchy in Russia

Mikhail F. Florinskiy ^{a, *}, Denis G. Yanchenko ^a

^a Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article studies the reasons and principles of functioning of different collegial bodies created or projected for political and economic decision-making by the government in the period from the reform of the Council of Ministers in 1905 to the beginning of World War I. During this period, Russia's top officials already played the most important role in political and economic decision-making. Of course, the bureaucratization of the political elite was also accompanied by the bureaucratization of the supreme authority. The authors of the article consider the division of powers of departments and attempts to redefine the spheres of influence in the central administrative apparatus during the Duma monarchy on the eve of the War. They describe the position and degree of influence of some royal ministers (V.N. Kokovtsov, S.I. Timashev, I.K. Grigorovich, S.D. Sazonov, I.P. Shipov, P.A. Stolypin) in this matter.

The sources of the research were previously unexplored materials of the Russian State Historical Archive (RGIA), published documents on the course of government meetings, in particular, Special statements of the Council of Ministers. In combination with these sources, a comprehensive analysis of the legislation in the field of public administration allows us to characterize in great detail the organization and activities of various types of interagency meetings.

Keywords: Council of Ministers, Duma Monarchy, Russian Empire, interdepartmental meetings, the high rank bureaucracy, V.N. Kokovtsov, S.I. Timashev, P.A. Stolypin, S.D. Sazonov, I.K. Grigorovich.

1. Введение

В данной статье предпринята попытка показать, с какими целями образовывались и на каких принципах функционировали обычно при учреждениях министерского уровня межведомственные коллегиальные органы, имевшие своей задачей согласование позиций центральных звеньев бюрократического аппарата при решении тех или иных проблем государственной жизни, в период от реформы Совета министров в 1905 г. и до начала Первой мировой войны.

На соответствующие изменения в аппарате государственного управления, проявившиеся еще в XIX в. и отражавшие прогрессирующее усложнение стоявших перед властью задач, в рассматриваемое время существенное влияние оказали серьезнейшие внутренние (Первая русская революция) и внешние (Русско-японская война) вызовы. На наш взгляд, выявление механизмов решения проблем, возникавших перед самодержавием в последнее десятилетие перед Первой мировой войной, способствует глубинному пониманию особенностей процессов управления империей накануне крушения.

В некоторой степени актуальность исследования обусловлена необходимостью осмыслить опыт функционирования центральной власти в принципиально новых условиях работы: создания объединенного правительства, необходимости в его взаимодействии с законодательными учреждениями – Государственной думой и Государственным советом. Обращение к этому опыту

* Corresponding author

E-mail addresses: deni_g_yanch@mail.ru (Д.Г. Янченко)

диктуется современной историографической ситуацией, продолжающимися в отечественной и зарубежной историографии дискуссиями о предпосылках революционных потрясений 1917 г.

Функционирование межведомственных структур высшего уровня – особых совещаний, в какой-то мере конкурировавших с собственно Советом министров, – в статье не рассматривается, поскольку данная тема, как представляется, требует специального изучения. Тем не менее стоит констатировать проявление здесь определенной преемственности, нашедшей затем отражение в создании в военный период чрезвычайных высших коллегиальных органов экономического регулирования.

2. Материалы и методы

Неопубликованные или малоизученные документы Российского государственного исторического архива (РГИА) позволяют комплексно охарактеризовать проблему формирования и деятельности различного рода межведомственных структур, разделения полномочий ведомств и передела сфер влияния в центральном административном аппарате накануне Первой мировой войны. Привлекаемые публикации документов Совета министров, материалы действовавшего законодательства в целом характеризуют основные управленческие решения, принимаемые в годы думской монархии в России. Важным для исследования является учет всех аспектов мировоззрения, ментальности, «языка» эпохи и, как следствие, использование мемуарной литературы, свидетельств информированных современников изучаемых явлений – представителей высшей бюрократии, занимавших министерские кресла.

Общенаучный системный подход предполагает применение следующих исторических методов: проблемно-хронологического, ретроспективного, логического, сравнительного анализа исторических источников. Принцип историзма предполагает рассмотрение деятельности государственных учреждений в России с учетом конкретно-исторических условий эпохи (период думской монархии 1906–1917 гг. и непосредственно накануне Первой мировой войны). Залог успешного решения поставленных задач заключается в комбинировании элементов традиционной методологии с подходами современного гуманитарного знания. В частности, мы ориентируемся на теорию бюрократии, разработанную Максом Вебером. Очевидно, что в конце XIX – начале XX вв. чиновничество играет в России определяющую роль при принятии политических и экономических решений, происходит бюрократизация верховной власти, с одной стороны, а с другой – бюрократизации политической элиты. Метод исторической реконструкции позволяет воссоздать ряд важных событий и процессов, связанных с государственной деятельностью высших чиновников империи при Николае II: С.И. Тимашева, С.Д. Сазонова, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и др.

3. Обсуждение

Разобщенность в действиях отраслевых звеньев центрального бюрократического аппарата Российской империи – отдельных ведомств – являлась в XIX – начале XX вв. хроническим недугом тогдашнего механизма государственного управления, многократно констатированным и современниками, и историками (Чернуха, 1978: 136–198; *Власть и реформы*, 1996; Ремнев, 2010).

Проведенная осенью 1905 г. реформа Совета министров, учредившая в России аналог кабинета министров во главе с премьером, призвана была стать лекарством от этого недуга. Выдвигавшиеся неоднократно ранее предложения о создании подобной коллегии, в рамках которой главы ведомств могли бы вырабатывать общие подходы к стоявшим перед властью и страной проблемам и принимать меры, имевшие своей целью реализацию этих подходов, не встречали сочувствия ни у монархов, ни у немалой части бюрократических верхов. Однако пусть и не в системе высших учреждений, а на более низком административном уровне чаще всего, но не обязательно при отдельных центральных органах, коллегии различного правового статуса, призванные координировать действия соответствующих ведомств при решении известного рода управленческих задач как временного, так и постоянного характера, создавались весьма активно. Это происходило как до, так и после преобразования Совета министров в 1905 г.

В самом общем плане возникновение упомянутых административных структур в аппарате управления империей являлось естественным результатом развития сформировавшейся в начале XIX в. министерской системы управления, ее приспособления к изменявшимся реалиям и прогрессирующего усложнения стоявших перед властью задач. В этой связи в сфере компетенции отдельных ведомств – министерств и иных центральных учреждений – возникало все больше вопросов, в решении которых были заинтересованы, так сказать, «ведомства-соседи», без поддержки которых и соответственно без учета их позиции справиться с возникавшими здесь проблемами было невозможно.

Анализируя в 1905 г., накануне реформы Совета министров, ситуацию, сложившуюся на тот момент в сфере центрального управления империей, тогдашний министр финансов В.Н. Коковцов констатировал, что «жизнь настоятельно требовала единства, в особенности в деле подготовки министерствами законопроектов и при издании в административном порядке управления развивающихся и разъясняющих законы положений, правил, инструкций и циркуляров». В результате, подчеркивал министр финансов, стали образовываться «междуведомственные комиссии и

совещания, разрабатывавшие различные законодательные вопросы и рассматривающие всевозможные инструкции и правила», а также – «при отдельных министерствах и постоянные учреждения советы и комитеты, специально ведущие ту или иную отрасль администрации и включающие в свой состав представителей всех заинтересованных ведомств (советы – Медицинский, по тарифным и железнодорожным делам, Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие... и др.)» (Министерская система в Российской империи, 2007: 96).

Деятельность этих совещаний, комиссий, советов и пр. (а их членами могли быть не только чиновники, но и выходцы из небюрократической среды, например предприниматели), хотя и страдала многими недостатками, отмечавшимися еще современниками (Тимашев, 2006: 244-245), но все же в какой-то мере компенсировала отсутствие в ряду высших учреждений «объединенного правительства». С большим или меньшим успехом такого рода структуры занимались решением насущной, но, по справедливому замечанию К.А. Соловьева, «почти неразрешимой проблемы» – поиском пути «мирного сосуществования враждовавших ведомств» (Соловьев, 2018: 232).

Межведомственные (или по терминологии того времени «межведомственные») совещания и комиссии образовывались для разработки отдельных правовых актов или подготовки рекомендаций вышестоящим структурам по поводу тех или иных проблем государственной жизни. Фактически они создавались для выполнения поручений разового порядка, хотя для их выполнения могли потребоваться годы. Каких-либо особых нормативных документов, призванных регламентировать организацию таких коллегий, их место в системе управления обычно не издавалось (Бобович, Китанина, 1976: 218-236). Все, связанное с функционированием этих структур, определялось характером выполнявшейся ими миссии, сложившейся на данный момент административной практикой, межведомственными договоренностями и пр. Учреждение министерств, т.е. законодательный акт, имевший для министерской системы управления основополагающее значение, упоминало о межведомственных комиссиях и совещаниях только косвенным образом. Оно вменяло главам ведомств в обязанность в случае, если их законодательные инициативы имели «связь с другими министерствами», непременно «сделать с ними все нужные сношения, дабы тем вернее уредить в совокупном их содействии» (Министерская система в Российской империи, 2007: 61). Разумеется, эти контакты могли осуществляться не только в письменном виде, но и, чтобы не плодить излишнюю переписку, в ходе обсуждения соответствующих вопросов в особо для того образованных административных коллегиях с участием представителей заинтересованных сторон. К учреждению таких коллегий могли прибегать и нередко прибегали по соображениям, далеким от интересов дела, например, чтобы всемерно затянуть решение какого-либо вопроса.

Что касается межведомственных структур, создававшихся при отдельных ведомствах в качестве «постоянных учреждений», то они функционировали на основании специальных нормативных актов. В этой связи не вполне понятно, почему К.А. Соловьев усматривает в деятельности таких, как он пишет «комиссий», «явный признак неэффективности «регулярных» механизмов законотворчества, прописанных в нормативных документах Российской империи» (Соловьев, 2018: 236). На наш взгляд, данные структуры сами являлись элементами «регулярного» механизма управления страной и, в частности, механизма законотворчества, ибо, как отмечалось, действовали на основании соответствующих нормативных документов. Последние определяли их организацию, порядок работы, компетенцию и пр. В одних случаях эти структуры обладали сугубо консультативными правами, как, например, Медицинский совет при Министерстве внутренних дел, которое и при его наличии не лишалось возможности действовать в соответствующей сфере по своему усмотрению. Впрочем, ситуация могла быть и иной. В некоторых из таких учреждений конфликты между заседавшими там представителями отдельных ведомств, если не удавалось договориться и главам последних, подлежали рассмотрению в вышестоящей инстанции – в Комитете министров с перспективой поступить далее на суд самого императора. Таким образом, соответствующая сфера государственной жизни фактически оказывалась объектом регулирования не одного ведомства, а сразу нескольких, каждое из которых теоретически имело довольно широкие возможности для защиты как своих интересов, так и интересов основной для него отрасли управления. Рассмотренный порядок разрешения разногласий существовал, в частности, в созданном в 1885 г. при Министерстве путей сообщения Совете по железнодорожным делам, где председательствовал сам министр, а членами, помимо старших чинов путейского ведомства, являлись представители министерств: финансов, юстиции, внутренних дел и пр. Управление такой, имевшей жизненно важное для страны значение отраслью экономики, как железнодорожное хозяйство, не могло считаться делом только одного путейского ведомства, которое, естественно, весьма негативно отнеслось к самой идее о создании упомянутого Совета. С.Ю. Витте в своих мемуарах поведал о весьма показательной беседе на эту тему с М.Т. Лорис-Меликовым (соответствующий вопрос стал предметом дискуссий в верхах еще во время «диктатуры» последнего). С.Ю. Витте, участвовавший тогда в качестве одного из руководителей общества Юго-Западных железных дорог в подготовке Устава российских железных дорог, в ответ на сомнения М.Т. Лорис-Меликова в необходимости Совета (поскольку тогдашний министр путей сообщения Н.К. Посьет «рвет и мечет против этого Совета»), заметил: «... В сущности, если министр путей сообщения порядочный человек, если он знает свое дело, то, конечно, Совета не нужно, потому

что это есть известный тормоз для деятельности министра». Однако, по мнению С.Ю. Витте, «с тех пор, как существуют у нас железные дороги, не видел... ни одного министра путей сообщения, который бы знал свое дело и который действительно был бы более или менее в деле авторитетен», то «при таких условиях, конечно, лучше управляться коллегией, т.е. Советом по железнодорожным делам, нежели министром путей сообщения» (Витте, 2003: 139-140).

После преобразования Совета министров в 1905 г. практика создания межведомственных органов различного характера получила дальнейшее развитие, являясь зримым воплощением выполнения кабинетом возложенной на него миссии по «направлению и объединению действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления» (Государственный строй Российской империи, 1995: 145). Межведомственные совещания и комиссии, как и прежде, занимались подготовкой проектов тех или иных нормативных актов и пр., действуя, однако, теперь чаще всего по поручениям кабинета и с последующим представлением результатов работы на суд Совета министров.

Трудно сказать, существовали ли какие-то различия в функциях совещаний, с одной стороны, и комиссий – с другой. По наблюдениям И.М. Бобович и Т.М. Китаниной, проанализировавших документацию, оставленную межведомственными совещаниями и комиссиями, занимавшимися проблемами российской экономики на рубеже XIX–XX вв., некоторые из последних учреждались «со специальной целью подготовки законопроектов», тогда как факты возложения обязанностей такого рода на совещания обнаружить не удалось (Бобович, Китанина, 1976: 235-236). Как бы то ни было, если речь шла о разработке законопроектов, посвященных вопросам, не связанным с экономикой, то создание для этой цели именно межведомственных совещаний было явлением весьма распространенным, даже рутинным элементом «бюрократической повседневности».

4. Результаты

Обеспечивая, в сущности, функционирование Совета министров в качестве органа, призванного руководить деятельностью центральных звеньев бюрократического аппарата, межведомственные совещания и комиссии обычно и создавались на основании соответствующего решения кабинета, в наиболее важных случаях санкционированного царем, а при возникавшей редкой необходимости и с приложением специального нормативного акта о данной коллегиальной структуре. Впрочем, совещание «из чинов финансового и контрольного ведомств, а также Министерства путей сообщения», обсуждавшее вопрос о выкупе в казну Владикавказской железной дороги, было образовано министром финансов «по соглашению с министром путей сообщения и государственным контролером». Совет же министров рассматривал только выработанные совещанием рекомендации (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год: 2000: 149).

Председателем межведомственной комиссии или совещания Совет обычно назначал кого-либо из старших чинов, «ближайше прикосновенного к делу ведомства». Часто это был товарищ министра или равное ему по рангу должностное лицо. По-видимому, в особо важных случаях деятельностью межведомственной структуры, готовившей материалы для обсуждения в кабинете, руководил, по решению Совета министров, глава «подлежащего ведомства». В частности, рассмотрев на своем заседании 8 августа 1906 г. внесенное министром народного просвещения «представление с проектом основных положений введения в Российской империи всеобщего начального обучения», кабинет, высказавшись за учреждение для переработки проекта с учетом сделанных на заседании замечаний специальной межведомственной комиссии, возложил обязанности председательствования в ней на главу ведомства просвещения (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год, 2011: 95).

Как уже отмечалось, председателем совещания или комиссии обычно назначался представитель наиболее «прикосновенного» к данному делу учреждения. Однако, если речь шла о вопросе, служившем предметом особо острых дискуссий в бюрократических верхах, то кабинет мог и отступить от этой практики, поручив выполнение обязанностей председателя должностному лицу, которое, во всяком случае по своему официальному положению, не могло быть заинтересовано в том или ином решении послужившей предметом дискуссий проблемы, очевидно, имея в виду таким путем обеспечить ему возможность выступать в роли беспристрастного арбитра в межведомственных конфликтах. Например, вопрос о толковании 96-й статьи Основных законов, определявшей объем прерогатив короны в военной сфере, породил острейшие споры в правящих кругах, причем в трактовке данной статьи серьезно расходились, в частности, Министерство финансов и Государственный контроль, с одной стороны, и Военное и Морское министерства – с другой (Дякин, 1976: 249-253). Утвержденные царем 24 августа 1909 г. специальные Правила, призванные разъяснить порядок применения 96-й статьи, этого конфликта не разрешили. В результате была подготовлена особая инструкция. Разработкой ее проекта, по поручению кабинета, занималось специальное совещание с участием представителей соответствующих ведомств под председательством главы учреждения, которое, судя по всему, было признано не заинтересованным в том или ином решении вызывавших споры вопросов. Этим ведомством в данном случае оказалось Министерство путей сообщения (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 427. Л. 6). В подобного рода ситуациях

кабинет мог поступить в зависимости от обстоятельств и диаметрально противоположным образом, поручая обязанности председателя лицу, мягко говоря, весьма пристрастному. Например, рассматривая в сентябре 1910 г. предложение П.А. Столыпина, поддержанного большинством Совета, о передаче Крестьянского банка из ведения Министерства финансов в подчинение Главному управлению землеустройства и земледелия, чему отчаянно сопротивлялся В.Н. Коковцов, кабинет решил образовать для всестороннего обсуждения данного вопроса «межведомственное Совецание из высших чинов финансового ведомства и Министерства внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия и Государственного контроля» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год, 2001: 341*). При этом миссию председателя Совет министров возложил именно на В.Н. Коковцова, позволив, ему таким образом, «влиять на сроки его (Совецания – Авт.) созыва и определение круга обсуждаемых на нем вопросов» (*Дякин, 1997: 265*). Тем самым оппоненты В.Н. Коковцова во главе с премьером, вероятно, стремились прежде всего показать царю (а он был в курсе возникшей дискуссии, и именно ему естественно надлежало вынести окончательный вердикт), что они, будучи уверены в своей правоте, не боятся предоставить министру финансов все возможности для отстаивания своей точки зрения. Сторонники переподчинения Крестьянского банка, в сущности, ничем не рисковали, поскольку в самом Совецании В.Н. Коковцов все равно оказался бы при голосовании в меньшинстве (его поддержали бы только чиновники финансового ведомства), в связи с чем министр финансов и предпочел в итоге решать конфликт путем прямых переговоров с Главным управлением землеустройства и земледелия (*Дякин, 1997: 265-266*).

На особом положении в смысле порядка замещения должности председателя находилась образованная в сентябре 1908 г. Высшая комиссия для исследования железнодорожного дела в России. Согласно Положению о Комиссии ее председатель назначался непосредственно императором, причем предусматривался и пост товарища председателя, который равным образом назначался царем, но по представлению председателя Совета министров. Утверждая решение кабинета об образовании Высшей комиссии, Николай II назначил ее главой председателя Второго департамента Государственного совета инженер-генерала Н.П. Петрова (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 346-347*), при том, что последний являлся видным специалистом по железнодорожному делу, со «строго конституционной точки зрения» это назначение выглядело, мягко говоря, странным, поскольку главой структуры, подчиненной правительству, оказался председатель коллегии, пусть и формально, но функционировавшей все же при верхней палате парламента.

Рассматривая результаты работы межведомственных совещаний и комиссий, Совет министров обычно с теми или иными коррективами утверждал принятые решения, а при обсуждении не устранившихся на заседаниях совещаний и комиссий разногласий солидаризировался с большинством. Впрочем, могло быть и по-другому. Так, в апреле 1908 г. кабинет принял решение об образовании при Министерстве финансов под председательством товарища министра финансов комиссии «из представителей ведомств, на которую возложен был пересмотр во всем их объеме действующих правил о преимуществах службы» в отдаленных местностях империи. Большинство членов комиссии высказалось за существенное сокращение таких преимуществ (всего комиссия заседала 19 раз), тогда как представители Военного министерства и Министерства внутренних дел соглашались на внесение в соответствующие нормативные акты лишь отдельных коррективов. Представивший результаты работы комиссии на суд кабинета В.Н. Коковцов, который проводил, как известно, в качестве министра финансов политику жесткой экономии, поддержал, заботясь в первую очередь об интересах казны, мнение большинства. Это мнение, очень возможно, и сложилось не без влияния министра (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 42-43*). Однако прочие члены кабинета, радея, очевидно, как главы ведомств о своих служивших на окраинах империи подчиненных, напротив, высказались в унисон с точкой зрения меньшинства, фактически дезавуировав своих представителей в комиссии. В.Н. Коковцов, впрочем, первоначальной позиции не изменил и, явно обидевшись на коллег, заметил, что в таком случае он (речь шла о разработке соответствующего законопроекта – Авт.) не готов «представить в законодательные учреждения подобный законопроект за своей подписью». Он порекомендовал сделать это самому премьеру, поскольку, как не без оснований заметил министр финансов, «данный вопрос касается... всех ведомств» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 50*). В итоге В.Н. Коковцов сменил гнев на милость и уступил, согласившись даже на то, чтобы «подведомственными ему чинами был разработан на основаниях указанных большинством членов Совета министров» законопроект о внесении изменений в правила о преимуществах службы в отдаленных местностях. Проект, впрочем, должен был все же после одобрения его кабинетом поступить в Думу и Государственный совет за подписью главы правительства (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 50*). Совет министров поддержал это предложение, санкционированное далее императором.

Как, собственно, уже отмечалось, после реформы Совета министров деятельность межведомственных совещаний и комиссий по большей части заключалась в подготовке для Совета материалов, которые должны были стать правительству подспорьем при вынесении решений по

вопросам, входившим в его компетенцию. Впрочем, результаты работы Высшей комиссии для исследования железнодорожного дела, согласно Положению о ней ввиду специфического – «исследовательского» – характера ее миссии, подлежали передаче председателю Совета министров «для дальнейшего направления» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 347*). На практике, всегда перегруженное огромным количеством самых разнообразных дел, российское правительство могло в известных случаях делегировать таким коллегиальным структурам кое-какие свои полномочия. Так, согласно Учреждению Совета министров «предположения главных начальников ведомств, равно как и особых совещаний, комиссий, комитетов по предметам законодательства...» не могли быть вносимы в Думу и Государственный совет «без предварительного рассмотрения в Совете министров главных оснований этих предположений и существенных их частей» (*Государственный строй Российской империи, 1995: 148*). По итогам дискуссии на заседаниях 27 апреля, 3 и 4 мая, 1 июня и 16 ноября 1910 г. кабинет принял решение об образовании, в частности «для предварительного рассмотрения представлений Военного министерства (в Думу и Государственный совет – Авт.) о мероприятиях, вызывающих, начиная с 1911 г., новые из казны расходы на общую сумму не свыше 8,5 млн руб. ...», межведомственного Совещания «под председательством помощника военного министра из представителей министерств: Военного и финансов, а также Государственного контроля с тем, чтобы единогласно одобренные данным Совещанием предположения военного ведомства непосредственно направлялись в Государственную думу, вызвавшие же разномыслия вносились на уважение Совета министров» (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 432. Л. 74 об.*).

В принципе практика образования различного рода межведомственных совещаний и комиссий, безусловно, открывала и Совету министров как целому, так и его отдельным членам дополнительные возможности для влияния на решение таких дел, которые традиционно считались «внутренними делами» соответствующих ведомств, хотя фактически могли иметь, или во всяком случае могли нередко приобретать, общеправительственное значение. В этой связи учреждение такого рода коллегиальных структур иногда сопровождалось конфликтами. В январе 1914 г. министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, неудовлетворенный деятельностью Министерства иностранных дел по защите экономических интересов России в Монголии, предложил образовать межведомственное совещание, призванное обсуждать «все возникающие в наших отношениях с Монголией вопросы..., поскольку таковые не носят исключительно политического характера» (*РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 223 об., 225*). Результаты работы этого совещания подлежали обсуждению в Совете министров. Таким путем С.И. Тимашев рассчитывал, в частности, внести коррективы в некоторые инициативы дипломатического ведомства, поскольку разработанные там предложения, касавшиеся системы таможенных пошлин на монголо-китайской границе, по мнению министра торговли и промышленности, едва ли могли служить «достаточной гарантией успешной конкуренции русских товаров с иностранными» (*РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 223*).

Тогдашний министр иностранных дел С.Д. Сазонов, будучи явно задет критикой по адресу возглавляемого им ведомства и оберегая прерогативы последнего, в своем письме к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, только что сменившему в данном качестве В.Н. Коковцова, выступил против планов С.И. Тимашева. По мнению С.Д. Сазонова, Совещание явилось бы ничем иным, как «громоздким бюрократическим аппаратом», который связал бы руки министру иностранных дел при ведении «переговоров с китайским и монгольским правительствами», лишив главу внешнеполитического ведомства возможности оперативно реагировать на возникавшие проблемы.

Между тем, подчеркивал С.Д. Сазонов, не без оснований обращая внимание на специфику дипломатической деятельности, здесь «решения должны в большинстве случаев приниматься быстро», ибо иначе «при изменчивости политической обстановки эти решения рискуют быть запоздалыми» (*РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 230 об.*). В данной связи С.Д. Сазонов ратовал за то, чтобы «в деле ведения дипломатических переговоров» Министерству иностранных дел была предоставлена «известная широта полномочий», каковая, как подчеркивал явно стремившийся избежать упреков в ведомственном сепаратизме министр, нужна именно «для осуществления общего направления, установленного правительством» (*РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 230 об.*).

Предложение С.И. Тимашева обсуждалось кабинетом 27 февраля 1914 г. При этом министр торговли и промышленности заявил, что никоим образом не имел в виду вынудить дипломатическое ведомство согласовывать все свои действия, касавшиеся русско-монгольских и русско-китайских отношений, с упомянутым Совещанием, предлагая выносить на суд последнего только «вопросы общего характера, которые возникают очень часто». В результате С.И. Тимашеву в итоге удалось убедить коллег в целесообразности своей инициативы. С.Д. Сазонов равным образом снял свои возражения, хотя с окончательным оформлением принятого кабинетом решения возникла некоторая задержка. В проекте особого журнала Совета министров, отразившего обсуждение кабинетом поднятого С.И. Тимашевым вопроса, речь шла об образовании межведомственного Совещания при Министерстве иностранных дел (с участием представителей министерств: финансов, торговли и промышленности, внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия) только для

предварительного рассмотрения дел, касавшихся русско-монгольских и русско-китайских переговоров по поводу таможенных пошлин.

Предложение С.И. Тимашева о придании Совещанию характера «постоянной коллегии», согласно проекту журнала, объявлялось отвергнутым Советом министров как лишавшее Министерство иностранных дел должной самостоятельности, причем сами идеи С.И. Тимашева излагались весьма неточно: министр торговли и промышленности будто бы намеревался вносить на рассмотрение Совещания «все русско-монгольские вопросы» без исключения (РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 245). Трудно сказать, чем были вызваны отмеченные огрехи в проекте журнала, во всяком случае С.И. Тимашев, ознакомившись с присланным ему на просмотр текстом, признал, что последний «не отвечает принятому решению» (РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 246), и добился внесения в окончательный вариант исправлений, которые предусматривали возможность обсуждения в учреждаемом Совещании «по ходатайству глав заинтересованных ведомств» всех вопросов, но только «общего характера, затрагивающих наши торгово-промышленные интересы в Монголии...» (РГИА. Оп. 7. Д. 464. Л. 256).

В процессе деятельности тех или иных межведомственных совещаний и комиссий Совет министров при необходимости вносил те или иные коррективы в их организацию и деятельность, решал конфликты между представителями различных ведомств в случае, если главам последних не удавалось договориться друг с другом и пр. Вопросы общего плана, связанные с функционированием данных структур, кабинетом практически не рассматривались. Очевидно, сложившиеся в этом отношении административные порядки вполне устраивали членов Совета. На заседании 18 марта 1908 г. кабинет, обсудив вопрос о роли Государственной канцелярии в разработке правительственных законодательных инициатив, признал «в отношении особо сложных законопроектов, подготавливаемых в межведомственных комиссиях», желательным «установить участие в этих комиссиях представителей Государственной канцелярии» (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 166).

Перемены в системе управления империей в результате преобразований 1905–1906 гг., многообразие и сложность задач, стоявших перед властью в период думской монархии, естественно, отразились на положении постоянных органов межведомственного характера при центральных государственных учреждениях. Так, реформированный Совет министров заменил упраздненный Комитет министров в роли арбитра, призванного разбирать конфликты «в разного рода делах (по тарифным делам, по делам железнодорожным и т.д.)» (Совет министров Российской империи, 1990: 368). Данные дела, как отмечалось на заседании Совета министров 21 марта 1906 г. при обсуждении вопроса о судьбе Комитета, являли собой, в сущности, «или частные случаи применения переданных Совету полномочий, или же необходимую принадлежность последних» (Совет министров Российской империи, 1990: 368).

В рассматриваемый период при отдельных центральных звеньях аппарата управления империей создавались новые органы межведомственного характера. К примеру, утвержденное царем летом 1912 г. страховое законодательство, наряду с прочим, предполагало образование при Министерстве торговли и промышленности под председательством его главы особого Совета по делам о страховании рабочих – органа не только межведомственного, но и включавшего в свой состав выборных членов от Петербургской думы, Петербургского земства, от предпринимателей и рабочих. При этом первоначальные инициативы внесшего соответствующие законопроекты на обсуждение кабинета И.П. Шипова (тогда министра торговли и промышленности) предусматривали во имя придания Совету «возможной авторитетности» дать последнему «по некоторым делам», отнесенным к его компетенции, «окончательную решающую власть независимо от утверждения его решений министром торговли и промышленности», а следовательно, и без права Совета министров данные решения пересматривать (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 367).

Большинство членов кабинета, однако, посчитало какое-либо умаление полномочий и министра, и правительства в целом «в важнейшей области ведомства Министерства торговли и промышленности, в области рабочего вопроса», абсолютно недопустимым. Упрекнув И.П. Шипова в намерении создать в лице страхового Совета орган, резко отличающийся широтой своих прав «от коллегиальных учреждений при прочих министерствах и главных управлениях», коллеги И.П. Шипова заявили, что предлагаемая им «конструкция обсуждаемого учреждения нарушает основные принципы существующего у нас министерского строя..., создает как бы вневедомственный порядок разрешения дел о страховании рабочих и в результате грозит крайне нежелательными практическими осложнениями...» (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 367). Доводы И.П. Шипова, убеждавшего своих оппонентов в безобидности своих предложений в том, что лишь надделение страхового Совета надлежащими полномочиями придаст ему необходимый «вес» в глазах рабочих, на членов кабинета никакого впечатления не произвели. Министру торговли и промышленности пришлось уступить. В итоге кабинет решил «присвоить Страховому совету обычную для коллегиальных министерских учреждений конструкцию совещательного при министре органа», причем, явно стремясь максимально понизить его статус, даже не счел «нужным давать представителям ведомств в сем Совете права приостановки его

постановлений и переноса их в Совет министров...» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 368*), права, которыми, как отмечалось, они (представители ведомств – Авт.) обладали в таких межведомственных структурах, как Совет по железнодорожным делам и пр.

Из всех межведомственных коллегиальных органов, созданных при отдельных ведомствах после реформы Совета министров и до начала Первой мировой войны, пожалуй, наибольшую роль в плане содействия кабинету в руководстве работой центральных звеньев бюрократического аппарата играло Совецание по судостроению, образованное в конце 1908 г. при Морском министерстве. Неспособность последнего восстановить боевую мощь флота после постигшей его во время Русско-японской войны катастрофы побудило правительство взять под свой контроль решение соответствующих вопросов морским ведомством. Инструментом такого контроля и являлось Совецание по судостроению. Вопросы, связанные с его образованием и деятельностью, получили всестороннее освещение в исследовании К.Ф. Шацилло (*Шацилло, 1968: 283-314*). Здесь мы обратим внимание только на некоторые аспекты, касающиеся функционирования Совецания и имеющие непосредственное отношение к теме настоящей статьи.

Положение о Совецании по судостроению было утверждено Николаем II 10 декабря 1908 г. вопреки противодействию Морского министерства, которое в лице тогдашнего министра И.М. Дикова справедливо увидело в создании Совецания существенное ограничение своих прерогатив. Членами Совецания, собиравшегося под председательством товарища морского министра, являлись представители главы правительства, Государственного контроля, а также министерств: финансов и торговли и промышленности (*Шацилло, 1968: 289*). Если против принимаемых решений (в принципе дела вершились большинством голосов) возражал представитель гражданского ведомства, то при сохранении такого «разномыслия» и после переговоров на уровне глав конфликтующих ведомств вопрос переносился «на окончательное разрешение Совета министров» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 504*). Кабинет признал восстановление мощи русского флота делом всего правительства, а не только Морского министерства, отметив в особом журнале, отразившем обсуждение Советом министров 2 декабря 1908 г. проекта Положения о Совецании по судостроению, что «не может снять с себя одной из самых важных своих обязанностей по наблюдению за правильным расходом огромных сумм, отпускаемых законодательными учреждениями на создание боеспособных армии и флота и испрашиваемых не от лица одного военного или морского ведомства, а от всего правительства...» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 502*). О том, какое значение кабинет придавал выполнению им этой обязанности, свидетельствовало, в частности, наличие среди членов Совецания специального представителя премьера. В других межведомственных структурах такого рода глава правительства обычно не считал нужным иметь «своих людей».

Характеризуя Совецание по судостроению, К.Ф. Шацилло видел в нем предшественника особых совещаний – чрезвычайных органов военно-экономического регулирования, созданных летом 1915 г. (*Шацилло, 1968: 284*). Для такого вывода есть известные основания. Более всего, однако, Совецание своими функциями и составом напоминало некоторые рассмотренные выше и, как было показано, обычные для практики государственного управления Российской империи конца XIX – начала XX вв. межведомственные коллегии при центральных учреждениях. Кабинет в принципе справедливо и как бы в утешение морскому министру отметил при обсуждении проекта Положения о Совецании, что, «например, в области тарифного и железнодорожного дела подобные коллегиальные междуведомственные совещания представляют самое обычное явление...» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 502*). Утверждая, будто при этом ни в коей мере не умалялась самостоятельность «подлежащих ведомств» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011: 502*), сторонники создания Совецания по судостроению явно лукавили.

В бытность П.А. Столыпина главой правительства вся работа Совецания довольно жестко контролировалась премьером. Его представитель в Совецании, известный специалист в области кораблестроения, тесно связанный с предпринимательскими кругами, К.П. Боклевский регулярно информировал своего патрона о деятельности Совецания, о его взаимоотношениях с аппаратом Морского министерства, о возникавших здесь проблемах и пр. Споры в ряде случаев приобретали столь значительную остроту, что требовали личного вмешательства П.А. Столыпина (*Шацилло, 1968: 289-293*). Роль, которую К.П. Боклевский играл в Совецании по судостроению, вызывала недовольство руководства морского ведомства. В сентябре 1911 г. тогдашний морской министр И.К. Григорович рекомендовал только что сменившему убитого П.А. Столыпина на посту премьера В.Н. Коковцову назначить своим представителем в Совецании вместо К.П. Боклевского какое-нибудь другое лицо, поскольку К.П. Боклевский имел, по мнению И.К. Григоровича, недопустимо тесные деловые контакты с частной судостроительной промышленностью (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 623. Л. 193*).

Глава кабинета, однако, не согласился с морским министром, признав К.П. Боклевского абсолютно незаменимым специалистом. Более того, он не допустил даже обсуждения данного вопроса Советом министров, заметив, что «настоящее дело, имея своим предметом зависящий исключительно от председателя Совета министров выбор лица на должность его представителя в

Совещания по судостроению, не входит в компетенцию Совета министров и может подать лишь повод к неудобным в заседании Совета министров пререканиям между одним из его членов и председателем» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 623. Л. 198-198 об.). Впрочем, в конечном счете в начале 1912 г. К.П. Боклевский вынужден был уйти в отставку (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 623. Л. 301-301 об.).

Предпринятая тогда же попытка И.К. Григоровича освободиться, если не вообще, то в значительной мере от опеки Совещания над морским ведомством, потерпела неудачу. 9 февраля 1912 г. кабинет рассмотрел поднятый морским министром вопрос о необходимости внесения изменений в Положение о Совещании по судостроению, предусматривавших прежде всего наделение морского министра правом в случае особой спешности «по делам, хотя бы и вызвавшим в Совещании возражения со стороны представителей гражданских ведомств..., приводить свои предположения в исполнение» с одновременным сообщением об этом «главному начальнику ведомства, представитель коего остался при особом мнении» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год, 2004: 66*).

Данное ведомство при реализации предложений И.К. Григоровича, конечно, не лишалось права перенести спорный вопрос на суд кабинета, однако фактически могло бы сделать это только задним числом, что, разумеется, снижало значение такого шага, а в каких-то ситуациях последний просто терял смысл. В результате инициатива морского министра поддержки у коллег по кабинету не нашла, а сам И.К. Григорович настаивать на ней в такой ситуации не решился. Впрочем, идя в определенной мере навстречу И.К. Григоровичу, Совет министров счел целесообразным, в частности, дополнить соответствующую статью Положения о Совещании по судостроению указанием на право морского министра «передавать вызвавшие в Совещании разномыслие вопросы без предварительных сношений с начальниками подлежащих ведомств на разрешение Совета министров». В свою очередь правительству вменялось в обязанность рассматривать «такого рода дела в ближайшем заседании» (*Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год, 2004: 68*).

По сути, расширенным вариантом межведомственного совещания, занимавшегося территориальным управлением, может считаться и функционировавший под председательством П.А. Столыпина в 1909–1911 гг. Комитет по заселению Дальнего Востока. В этом, изначально коллегиальном объединении высших бюрократов, ключевую роль очень быстро стал играть главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Решения Комитета были прямым руководством к действиям при осуществлении активной переселенческой политики и довольно успешного хозяйственного освоения Дальнего Востока (*Янченко, Слободзян, 2017*).

5. Заключение

В целом межведомственные структуры, включавшие в себя представителей различных звеньев центрального государственного аппарата, продолжали играть и после реформы Совета министров, в 1905–1914 гг., заметную роль в системе управления империей. Деятельность межведомственных совещаний и комиссий по большей части заключалась в подготовке для правительства материалов, которые должны были стать основанием при вынесении решений. Более того, на практике, перегруженное огромным количеством самых разнообразных дел, российское правительство могло в известных случаях делегировать таким коллегиальным структурам часть своих полномочий. На функционирование межведомственных структур, разумеется, заметный отпечаток накладывали различные внутриведомственные коллизии. Новые архивные документы позволяют выяснить, как воспринимало процессы перераспределения сфер влияния в центральном управлении российское высшее чиновничество в лице членов правительства и их ближайших сотрудников. Для Совета министров, решавшие самые различные задачи и обладавшие различным правовым статусом, межведомственные коллегии были важным инструментом, с помощью которого удавалось ограничивать известными рамками проявления ведомственного сепаратизма, так или иначе, но обеспечивать определенный уровень согласованности в работе центральных звеньев бюрократического аппарата.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 20-09-00158 «Взгляд очевидца: правительство и высшая бюрократия царской России в документальном наследии А.Н. Яхонтова».

Литература

Бобович, Китанина, 1976 – Бобович И.М., Китанина Т.М. Материалы междуведомственных совещаний по вопросам экономической политики России конца XIX – начала XX вв. как исторический источник // *Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 218-236.*

Витте, 2003 – *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 523 с.

Власть и реформы, 1996 – *Власть и реформы: От самодержавной к советской России / [В.М. Панеях, Е.В. Анисимов, А.Н. Цамутали и др.; Редколлегия: Б.В. Ананьич (отв. ред.) и др.].* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

[Государственный строй Российской империи, 1995](#) – Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сборник законодательных актов / [Сост. Г. Кутына, О. Чистяков]. М.: Изд-во МГУ, 1995. 208 с.

[Дякин, 1997](#) – *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. 355 с.

[Дякин, 1976](#) – *Дякин В.С.* Сфера компетенции указа и закона в третьиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 249-253.

[Министерская система в Российской империи, 2007](#) – Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / [Отв. сост. Д.И. Раскин]. М.: РОССПЭН, 2007. 919 с.

[Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год, 2011](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1906 год / [Отв. сост., авт. введения и примеч. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2011. 463 с.

[Особые журналы Совета министров Российской империи. 1908 год, 2011](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1908 год / [Отв. сост., авт. введения и примеч. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2011. 659 с.

[Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год, 2004](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год / [Отв. сост., авт. введения и примеч. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2004. 600 с.

[Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год, 2001](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1910 год / [Отв. сост., авт. введения и примеч. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2001. 496 с.

[Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год, 2004](#) – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год / [Отв. сост., авт. введения и примеч. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Ремнев, 2010](#) – *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX веков). М.: РОССПЭН, 2010. 510 с.

[Тимашев, 2006](#) – С.И. Тимашев: жизнь и деятельность / [Авт.-сост. А.Л. Вычугжанин]. Тюмень: Слово, 2006. 575 с.

[Совет министров Российской империи, 1990](#) – Совет министров Российской империи, 1905–1906 гг.: Документы и материалы / [Сост. С.С. Атапин, Б.Д. Гальперина]. Л.: Наука, 1990. 473 с.

[Соловьев, 2018](#) – *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: РОССПЭН, 2018. 350 с.

[Чернуха, 1978](#) – *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978. 248 с.

[Шаццлло, 1968](#) – *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. (1906–1914 гг.). М.: Наука, 1968. 367 с.

[Янченко, Слободзян, 2017](#) – *Янченко Д.Г., Слободзян Г.М.* Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* 2017. № 12. С. 93-106.

References

[Bobovich, Kitanina, 1976](#) – *Bobovich I.M., Kitanina T.M.* (1976). Materialy mezhdovedomstvennykh soveshchaniy po voprosam ekonomicheskoy politiki Rossii konca XIX – nachala XX v. kak istoricheskiy istochnik. [Materials of interagency meetings on economic policy of Russia in the late XIX – early XX centuries as a historical source]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. Vol. VIII. L. Pp. 218-236. [in Russian]

[Chernuha, 1978](#) – *Chernuha V.G.* (1978). Vnutrennaya politika tsarizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v. [The Tsarist internal policy from the mid-1850s to early 1880s]. L.: Nauka Pub. 248 p. [in Russian]

[Dyakin, 1976](#) – *Dyakin V.S.* (1976). Sfera kompetencii ukaza i zakona v tret'eiyun'skoy monarhii. [Sphere of competence of the decree and law in the Third June monarchy]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. Vol. VIII. L. Pp. 249-253. [in Russian]

[Dyakin, 1997](#) – *Dyakin V.S.* (1997). Den'gi dlya sel'skogo hozyaistva 1892-1914 gg. Agrarniy kredit v ekonomicheskoy politike tsarizma. [Money for agriculture 1892-1914. Agrarian credit in the economic policy of the Tsarism]. SPb.: SPbGU, 355 p. [in Russian]

[Gosudarstvenniy stroy Rossiyskoy imperii, 1995](#) – Gosudarstvenniy stroy Rossiyskoy imperii nakanune krusheniya: Sbornik zakonodatel'nykh aktov. [State structure of the Russian Empire on the eve of the collapse: Collection of legislative acts]. (Ed. G. Kut'ina, O. Chistyakov). M.: MGU, 1995. 208 p. [in Russian]

Ministerskaya sistema v Rossiyskoy imperii, 2007 – Ministerskaya sistema v Rossiyskoy imperii: k 200-letiyu ministerstv v Rossii. [The system of ministries in the Russian Empire: for the 200th anniversary of ministries in Russia]. (Ed. *D.I. Raskin*). M.: ROSSPEN, 2007. 919 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1906 god, 2011 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1906-1908 gg. 1906 god. [Special statements of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1906-1908. 1906]. (Ed. B.D. Gal'perina). M.: ROSSPEN, 2011. 463 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1908 god, 2011 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1906-1908 gg. 1908 god. [Special statements of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1906-1908. 1908]. (Ed. B.D. Gal'perina). M.: ROSSPEN, 2011. 659 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909 god, 2004 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909-1917 gg. 1909 god. [Special statements of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. 1909]. (Ed. B.D. Gal'perina). M.: ROSSPEN, 2004. 600 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1910 god, 2001 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909-1917 gg. 1910 god. [Special statements of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. 1910]. (Ed. B.D. Gal'perina). M.: ROSSPEN, 2001. 496 p. [in Russian]

Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1912 god, 2004 – Osobyе zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909-1917 gg. 1912 god. [Special statements of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. 1912]. (Ed. B.D. Gal'perina). M.: ROSSPEN, 2004. 488 p. [in Russian]

Remnev, 2010 – *Remnev A.V.* (2010). Samoderzhavnoe pravitel'stvo. Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). [The autocratic government. Committee of Ministers in the higher administrative system of the Russian Empire (second half of XIX - early XX centuries)]. M.: ROSSPEN. 510 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archives]. [in Russian]

Shacillo, 1968 – *Shacillo K.F.* (1968). Russkiy imperializm i razvitie flota nakanune Pervoy mirovoy voyni. (1906–1914 gg.). [Russian imperialism and fleet development on the eve of the First World War. (1906–1914)]. M.: Nauka. 367 p. [in Russian]

Solov'ev, 2018 – *Solov'ev K.A.* Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881-1905 gg.: problema zakonotvorchestva. [The political system of the Russian Empire in 1881-1905: the problem of lawmaking]. M.: ROSSPEN, 2018. 350 p. [in Russian]

Soviet Ministrov Rossiyskoy imperii, 1990 – Soviet Ministrov Rossiyskoy imperii, 1905-1906 gg.: Dokumenty i materialy. [Council of Ministers of the Russian Empire, 1905-1906: Documents and materials]. (Ed. *S.S. Atapin, B.D. Gal'perina*). L.: Nauka, 1990. 473 p. [in Russian]

Timashev, 2006 – *S.I. Timashev: zhizn' i deyatelnost'*. [S.I. Timashev: life and service]. (Ed. *A.L. Vychugzhanin*). Tumen': Slovo, 2006. 575 p. [in Russian]

Vitte, 2003 – *Vitte S.Ju.* (2003). Iz arhiva S. Ju. Vitte. Vospominaniya [From S.U. Witte's archive. Memoirs]. Vol. 1. Book 1. SPb.: Dmitriy Bulanin, 523 p. [in Russian]

Vlast' i reformy, 1996 – *Vlast' i reformy: Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii* [Power and reforms: From autocratic to Soviet Russia]. (V.M. Paneyah, E.V. Anisimov, A.N. Tsamutali et al.; Ed.: B.V. Anan'ich et al.). SPb.: Dmitriy Bulanin, 1996. 800 p. [in Russian]

Yanchenko, Slobodzyan, 2017 – *Yanchenko D.G., Slobodzyan G.M.* (2017). Kolonizatsiya Russkogo Dal'nego Vostoka v pravitel'stvennoi politike 1909-1911 gg. [Colonization of the Russian Far East in the government policy of 1909-1911]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki.* № 12. Pp. 93-106. [in Russian]

Высшая бюрократия и механизм согласования действий ведомств в период думской монархии в России

Михаил Федорович Флоринский^{a, *}, Денис Геннадьевич Янченко^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследованы причины появления и принципы функционирования разных коллегиальных органов, создававшихся или проектируемых для принятия политических и экономических решений правительством, в период от реформы Совета министров в 1905 г. и до начала Первой мировой войны. В рассматриваемый период высшее чиновничество России уже играло определяющую роль при принятии политических и экономических решений. Безусловно, бюрократизация политической элиты сопровождалась и бюрократизацией верховной власти. Авторами статьи рассмотрены разделение полномочий ведомств и попытки передела сфер влияния в

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: deni_g_yanch@mail.ru (Д.Г. Янченко)

центральном административном аппарате в годы думской монархии накануне войны, охарактеризована позиция и степень влияния отдельных царских министров (В.Н. Коковцова, С.И. Тимашева, И.К. Григоровича, С.Д. Сазонова, И.П. Шипова, П.А. Столыпина) в этом вопросе.

Источниковой базой исследования стали ранее не изученные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), опубликованные документы о ходе заседаний правительства, в частности Особые журналы Совета министров. В сочетании с этими источниками комплексный анализ действовавшего в сфере государственного управления законодательства позволяет весьма подробно охарактеризовать формирование и деятельность различного рода межведомственных совещаний.

Ключевые слова: Совет министров, думская монархия, Российская империя, межведомственные совещания, высшая бюрократия, В.Н. Коковцов, С.И. Тимашев, П.А. Столыпин, С.Д. Сазонов, И.К. Григорович.

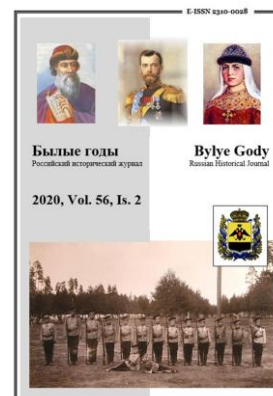
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 854-862. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.854
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Construction of the Imperial Identity in the Youth Organizations of the Russian Empire at the beginning of the 20th century

Ivan A. Bulatov ^{a, *}, Daria N. Kovaleva ^a

^a Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russian Federation

Abstract

The people of the 19th century differed from the people of traditional society in many ways. One of the most important differences was a new type of identity – nation. It replaced class and local identities. However, people could not immediately recognize themselves as part of a new community based on culture and civil rights. The new identity gradually established itself through the regular army, the press, and schools. Youth organizations have become another instrument for national identity. They, as well as Nations, were a phenomenon of the late modern period, since in a traditional society there was no problem of free time for a large number of youth.

In the Russian Empire, the public authorities didn't immediately realize the need to form a national identity. However, having realized that the Nations, including the Russian one, will develop in any case, the state decided to lead this process. Children's movements, which appeared in Russia at the beginning of the 20th century, were also involved in this process. In addition to physical development, and education of the qualities necessary for a good person and citizen, 'Sokol', 'Potesnhie' and Scout movements, in alliance with the state built the identity based on patriotism, monarchism and religion. The article examines the history of these organizations, their relationship with the public authorities and the system of national-Patriotic education.

Keywords: Russian Empire, imperial nationalism, nation, education, identity, scouting, sokolstvo, poteshnie.

1. Введение

Эрик Хобсбаум в свое время писал, «какие бы социальные группы ни становились первыми проводниками «национальной идеи», народные массы – рабочие, крестьяне, прислуга – испытывают ее влияние в самую последнюю очередь» (Хобсбаум, 1998: 22-23). В силу этого объектами исследования национализма обычно становятся идеологи, формирующие представление о нации и национализме, и самые яркие проводники этих идей – публицисты и политики. Реже исследователи обращаются к скромным проводникам национальных идей на низовом уровне. Касаясь отечественного материала, можно отметить, что, в отличие от прессы и школы, гражданско-национальное воспитание в рамках организаций потешных, соколов и скаутов в начале XX в., практически не становилось предметом изучения. По названной причине в статье будет поставлен вопрос о роли русских детско-юношеских движений в формировании национальной идентичности среди подрастающего поколения поздней Российской империи. В работе рассматриваются общегосударственные движения и умышленно опускаются узконациональные организации, такие как еврейские «Макаби», или политические движения.

* Corresponding author

E-mail addresses: bulatovivan64@gmail.com (I.A. Bulatov), dasha1109@mail.ru (D.N. Kovaleva)

2. Материалы и методы

Источниковой базой для исследования стали публикации начала XX в. в журналах «Русский спорт» и «Потешный», в которых освещалась деятельность первых отечественных детских движений. Также ценную информацию по рассматриваемому вопросу предоставляют воспоминания участников событий. В частности можно выделить воспоминания и распоряжения основателя скаутского движения в России полковника О.И. Пантюхова (Пантюхов, 1929; Пантюхов, 1947; Pantuhoff, 1989) и многочисленные мемуары, собранные в сборнике под редакцией В.Л. Кучина (Кучин, 2008). Помимо этого, в работе использовалась уточняющая информация из фонда 400 «Главный штаб» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Важная информация была получена из статей и монографий, рассматривающих отдельные аспекты истории русских внешкольных детских организаций эпохи поздней империи.

Исследовательская задача диктует необходимость привлечения двух разных групп методов. Общественно-исторических – для изучения истории и контекста деятельности детско-юношеских организаций и специальных – необходимых для понимания роли этих организаций в процессе нациестроительства. К первой группе можно отнести принцип историзма, так как детско-юношеские организации следует рассматривать как феномен породившей ее эпохи, и историко-генетический метод, позволяющий изучить процесс зарождения и становления этих организаций в России. Что касается методов изучения национально-патриотической составляющей движений соколов, потешных и скаутов, то тут перспективным представляется привлечение конструктивистского и этносимволистского подходов к формированию нации. В рамках конструктивизма национальная идентичность рассматривается не как развитие кровнородственных связей, а как интеллектуальный конструкт, разделяемый всеми членами группы. Этносимволизм же позволяет отметить, какие элементы и символы ранней русской истории и культуры использовались для конструирования идентичности в начале XX в.

3. Обсуждение

Детские движения Российской империи неоднократно становились объектом научного исследования. При этом национально-патриотическая часть их работы изучалась реже. Особенно характерно это было для советского периода. В это время движения «соколов» и «потешных» были практически забыты, а вот скаутов время от времени вспоминали. Традицию изучения этой организации заложила Н.К. Крупская, предсказуемо относя его к движениям, насаживающим милитаризм и шовинизм. Что интересно, в одной из своих статей, посвященной влиянию скаутов на «юных коммунистов», датированной 1919 г., она сразу объясняет, почему «потешные» выпадают из фокуса исследования. Это движение «носило такой ура-патриотический характер, что отцвело, не успев расцвести» (Крупская, 1959: 13). В целом, в советской историографии сохраняется подход, заложенный Н.К. Крупской, в рамках которого скауты рассматривались как шовинисты и милитаристы. С более подробной советской историографией, посвященной русским скаутам, можно ознакомиться в статье одного из авторов (Булатов, Мосолкин, 2017).

Ситуация с изучением дореволюционных российских движений кардинально меняется после распада Советского Союза. Интерес к дореволюционным формам работы с детьми совпадает с появлением новых подходов к изучению истории и открытием доступа к эмигрантским источникам. Все это привело к количественному и качественному росту исследований, посвященных дореволюционному скаутингу. Публикуются обширные сборники воспоминаний (Кучин, 2008), биографии видных деятелей (Булатов, 2012), и особо следует отметить работу Ю.В. Кудряшова (Кудряшов, 2005), которому на обширном материале удалось написать настоящую энциклопедию русского скаутинга в России и эмиграции. Однако, хотя во всех новых работах поднимался вопрос о национал-патриотическом характере русского скаутинга, он не становился темой специального изучения. Схожим образом обстоит дело и с изучением «сокольского» и «потешного» движения. И хотя эти организации не имеют такой обобщающей работы, как труд Ю.В. Кудряшова о скаутах (потешные по объективной причине – они существовали около пяти лет), о них было написано большое количество качественных статей. Отдельно следует выделить работы О.В. Гефнер о «потешных» (Гефнер, 2010), Н.Н. Качулиной о «соколах» (Качулина, 2017) и общую работу С.П. Логинова (Логинов, 2008). Что касается вопроса о национальном и патриотическом воспитании, то этот аспект работы детских движений в последние годы рассматривался в трудах В.Ю. Рылова (Рылов, 2010) и П.А. Меркулова (Меркулов, 2014).

Среди зарубежных работ следует особо отметить выпущенную в 2004 г. работу Д.Р. Джонса (Jones, 2004), в которой он обращается к истории скаутского движения в имперской России. Автор отмечает националистическую составляющую сокольского движения и национал-патриотическую направленность скаутинга, что в целом совпадает и с выводами отечественных ученых. Также отдельного внимания заслуживает работа Маттиаса Ньюманна, которая хотя и посвящена комсомолу, затрагивает и дореволюционные детские движения. При этом автора отличает хорошее знание материала и объективный подход к вопросу (Neumann, 2011).

Подводя итог этому краткому историографическому обзору, следует сказать, что, хотя национально-патриотическая направленность детских движений Российской империи признавалась и рассматривалась практически всеми исследователями, касавшимися этого вопроса, специализированных работ, посвященных путям конструирования имперской идентичности в этих организациях нами не выявлено.

4. Результаты

Многие исследователи склонны выделять два типа русской нации (Hosking, 1998: 451; Renner, 2003: 663). Надэтническая, «российская», имперская, «включающая», с одной стороны, и с другой – этническая, «русская», «исключающая». В целом такая дихотомия повторяет общеметодологическое деление на гражданский национализм и этнонационализм. Однако, если в современной Российской Федерации возможно подобное отождествление, то применять такой подход к Российской империи было бы не совсем верно. Тот тип русского национализма, который проводила власть, безусловно, был государственным, надэтническим, включающим, но он точно не был гражданским в том смысле, что не ставил своей целью дарование политических прав и свобод членам нации. Основой идентичности становилась верность Родине, престолу и религиозность. Детско-юношеские организации в начале XX в. выступали проводниками именно такого варианта идентичности.

Можно выделить две большие задачи, вставшие перед политической элитой империи, а также перед лояльным правительству частью культурной элиты в рамках формирования имперского национального проекта.

Первой, базисной задачей была необходимость сконструировать цельное представление нации о самой себе, историческое и культурное. Другими словами, требовалось сформировать объединяющие символы и описывающий их нарратив. Тут следует согласиться с теми авторами, кто считает культурную гомогенизацию общества одним из ключевых факторов формирования нации (Clott, 2017: 1; Угрин, 2017: 6, 74). Важным аспектом при решении этой задачи было сформулировать широкую культурную, а не этническую трактовку русскости. При этом культурное направление являлось фундаментом для политической составляющей имперской идентичности.

Второй задачей было донести сформированное элитами видение нации до населения империи и тем самым, по сути, создать нацию. Пути продвижения государственного национализма были школа, пресса, позднее политические организации, в какой-то степени церковь. Далее к этим путям добавились и детские внешкольные организации.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в XIX в. российское правительство сначала сформулировало, а затем перешло к внедрению русской имперской национальной идентичности в широкие массы. Ключевыми характеристиками русского имперского национализма становились монархизм, православие, трактовка русскости как подданства и в какой-то степени общей истории, а не крови, и своя трактовка русской культуры и истории. Далее рассмотрим, как эти идеи влияли на детские движения.

Появление неполитических детских движений в России

Перед тем как перейти к перечислению конкретных причин, которые привели к созданию молодежных организаций в Российской империи, следует упомянуть один факт, важный для понимания сущности детских движений. Так же, как и национализм, молодежные движения являются порождением западной культуры эпохи модерна и неразрывно связаны с изменениями в экономической и социальной жизни. Фактически они стали ответом на потребность общества в новой системе воспитания, когда традиционные методы больше не могли использоваться в силу постепенного разрушения традиционных форм общежития (Selten, 1996: 267).

Что касается конкретных причин, определивших возникновение юношеских организаций в России начала XX в., то можно выделить три главные причины. Первой – стало появление большого количества городской молодежи со свободным временем, которое требовалось как-то конструктивно занять. Так об этом писал Маттиас Ньюманн: «Быстрый рост населения в поздней Российской империи сделал детей и молодежь чрезвычайно заметными в обществе и привлек чрезвычайный интерес к детству» (Neumann, 2011: 24).

Второй причиной, почему власть поддерживала данные движения, стала необходимость физической подготовки молодежи к армии (Гефнер, 2010: 164; Jones, 2004: 58). Так, по данным, которые приводит В.Ю. Рылов, в 1910 г. к военной службе годилось только 23 % городских подростков (Рылов, 2010: 150). Учитывая этот факт, военное ведомство с конца XIX в. пыталось стимулировать Министерство просвещения к созданию полноценных уроков физического воспитания в школах (Белюков, 2015: 142, 148).

Третьей причиной можно назвать проведение в жизнь национал-патриотической пропаганды. Эта задача была актуальна для всех европейских стран, но в России она звучала еще убедительнее из-за необходимости противостоять революционной агитации, так что консервативное воспитание молодежи стало крайне актуальной задачей для властей и организаций правого толка (Гефнер, 2010: 164; Рылов, 2010: 153).

Эти цели детско-юношеского воспитания были кратко обобщены в «Положении о подготовке молодежи к военной службе в учебных заведениях и вне их» от 1911 г., точнее в той ее части, которая была посвящена внешкольному образованию. В частности, там говорилось о: а) укреплении в подрастающем поколении веры в Бога, беззаветной любви к Царю и отечеству, добрых нравственных правил и уважения к законности и добропорядку; б) ознакомлении будущих воинов с доблестным духом русской армии и коренными началами воинской дисциплины; в) обучении военному строю и физическом развитии и г) привитии с юных лет духовных и физических качеств, необходимых рядовому бойцу во время военных действий» (Гефнер, 2010: 165).

В России начала XX в. было три массовых детско-юношеских движения: соколы, потешные и скауты. Первая и последняя организации пришли из Европы и существуют в России по сей день. Потешные являются российским изобретением и просуществовали достаточно короткий отрезок времени.

Спортивное движение «Пражский сокол» возникло 16 февраля 1862 г., что характерно – в Праге. Основной задачей организации были гимнастические занятия, но параллельно с ними велась и просветительская работа среди чешского населения. Вскоре эту спортивно-образовательную систему позаимствовали и в других славянских странах, входивших в состав Австро-Венгерской империи и искавших пути борьбы с онемечиванием. На этом фоне в идеологии соколов важное место заняли идеи общеславянского единства. России как самому сильному славянскому государству и традиционному защитнику балканских славян отводилась особая роль. Настолько особая, что общесокольским флагом стал русский национальный триколор (Качулина, 2017: 68, 70).

В России первые организации «соколов» появились в конце XIX в. (Jones, 2004: 58; Качулина, 2017: 67). При этом до 1907 г. им запрещалось называть себя «соколами» во избежание осложнений с Австро-Венгрией (Качулина, 2017: 67), которая с опаской смотрела на славянское просветительское движение. С 1907 г. «сокольство» получило официальный статус. В том же году Тифлисское «Гимнастическое общество» изменило название на «Сокол» (Логинов, 2008: 53). После этого гимнастические общества стали массово переименовываться в сокольские. С 1911 г. Россия вошла в «Союз славянского сокольства» (Качулина, 2017: 167).

На следующий год после признания соколов в России появилось и собственное детское движение – потешные. 8 января 1908 г. вышел императорский указ об обучении детей строю и гимнастике при школах. Руководить этим обучением должны были запасные и отставные унтер-офицеры (Гефнер, 2010: 164). В том же году в Бахмутском народном училище была собрана группа детей от 8 до 14 лет для изучения военного строя и гимнастики.

Эта организация быстро увеличивалась. В 1912 г. количество ее участников превысило 70 тысяч. Но после этого популярность «потешничества» пошла на спад, и уже к началу Первой мировой войны организация как таковая перестала существовать. Маттиас Ньюманн связывает это с тем, что потешные с самого своего возникновения являлись составной частью «временной националистической мобилизации», а не были «подлинным детским движением» (Neumann, 2011: 25).

Скаутское движение в России появилось 30 апреля 1909 г. (Булатов, 2012: 59-65). Пришло оно в Россию из Англии, где скаутинг и зародился в 1907 г. Целью данного движения было воспитание хороших граждан и людей, при этом физически развитых и патриотичных. К 1917 г. в России насчитывалось примерно 25–30 тысяч (Кудряшов, 2005: 49) мальчиков и девочек скаутов. В первый год существования скауты мало отличались от потешных и воспринимались обществом как составная часть этого движения. Размежевание происходило постепенно.

Как уже говорилось, детско-юношеские движения не производили собственные национальные идеи, а являлись их ретрансляторами. Происходило это в тесном контакте с властями и поддерживающими детские движения правыми партиями. Базовыми идеями была лояльность монарху, любовь к Родине и ее истории, широкое понимание русской нации. Последнее трактовалось как объединение разных народов, проживающих в России, трудящихся на ее благо и впитавших русскую культуру. То есть и немец, и грузин могли бы вступить в детско-юношеское движение, но там, помимо физического и морального развития, они бы приобщались к русской культуре, истории и традициям. Исключением являлось сокольское движение, которое стояло на панславистских позициях, в силу чего в рамках организации шла полемика, могли ли в него входить неславянские народы. Далее более подробно рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений детско-юношеских движений и имперских властей, а также национального воспитания.

Отношения с властями и правыми партиями

Сразу следует отметить, что все три организации с момента своего возникновения несли националистический и патриотический заряд, в силу чего пользовались поддержкой как властей, так и правых партий. При этом возникали они не по государственной, а по частной инициативе. Дэвид Джонс описывал это следующим образом: «Их основатели начинали этим заниматься самостоятельно, по личной инициативе, но впоследствии все старались извлечь выгоду из поддержки, которую оказывали видные сановники, главным из которых был Николай II» (Jones, 2004: 57).

Соколы после 1907 г. начали победное шествие по империи. Так, Н.Н. Качулина приходит к выводу, что спортивно-гимнастическое движение России в 1907–1917 гг. было представлено только сокольством, которое, получив государственную поддержку, вскоре появилось более чем в половине средних учебных заведений страны (Качулина, 2017: 67). Д.А. Белоков приводит конкретные цифры со ссылкой на данные Министерства народного просвещения. Так, в 1912 г. из 1566 средних учебных заведений в 855 преподавалась сокольская гимнастика (Белоков, 2015: 147).

Главным покровителем этой организации был председатель Совета министров П.А. Столыпин, вместе со своим сыном вступивший в «Союз русского сокольства» (Меркулов, 2014: 287). Поддерживали эту организацию и власти на местах. С.П. Логинов на примере Курска демонстрирует, что вся элита края участвовала в деятельности соколов. Председателем общества был избран губернский предводитель дворянства Л.И. Дондуков-Издьединов. Его помощником стал председатель губернской земской управы, хозяйственной частью заведовал бывший городской голова (Логинов, 2008: 54). Поддержку спортивной организации оказывали также черносотенцы и националисты. В 1907 г. В.М. Пуришкевич пытался получить деньги на развитие этого движения, а на съезде соколов в Праге в 1908 г. присутствовали такие правые деятели, как Н.А. Маклаков, Г.В. Комаров, В.А. Бобринский. Всестороннюю поддержку движению оказывало и Русское собрание, в частности в Санкт-Петербурге соколы вели физическое воспитание в гимназии Русского собрания (Рылов, 2010: 151).

У потешных и скаутов в роли покровителя выступал император. С момента появления потешных в Бахмуте весной 1908 г. он приглядывал за этой организацией. Так, в мае 1909 г. император сделал почетным шефом бахмутской роты наследника престола Алексея Николаевича. А в январе следующего года первый отряд «потешных» был допущен к личному представлению императору (Смотр первому, 1910: 4).

Потешные организации нравились всем патриотически настроенным силам. Отряды организовывались при учебных заведениях, пожарных обществах, военных частях (Гефнер, 2010: 164). Был совместный проект офицеров лейб-гвардии Семеновского полка и иеромонаха Павла – основателя «первой российской сергиевской школы трезвости». Как отмечалось в прессе, император на докладе об этом почине написал: «Радуюсь возникновению роты „Потешных Семеновцев“» (Рота «Потешных», 1910: 5). Не отставало и патриотически настроенное Министерство путей сообщения. Так, министр С.В. Рухлов рекомендовал «начальнику юго-западных железных дорог К.С. Немешаеву озаботиться скорейшим введением в курс низших общеобразовательных железнодорожных училищ обучения военному строю» (Классы военного, 1910а: 5).

Неизвестно, насколько патриотичны были малолетние преступники, но Министерство юстиции не собиралось отставать от Министерства путей сообщения, в силу чего по распоряжению министра Щегловитова было введено «обучение военному строю в колониях малолетних преступников» (Классы военного, 1910b: 3).

Потешные приглянулись и русским правым. Так, В.Ю. Рылов отмечает, что на собраниях русских монархистов часто поднимался вопрос о патриотическом воспитании и поддержке в этом отношении «потешных» (Рылов, 2010: 153-154).

Скауты с самого своего возникновения также были обласканы монархом. Основатель этого движения в России Олег Иванович Пантюхов служил в лейб-гвардии I-м стрелковом Его Величества батальоне (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26518. Л. 319). Эта часть была расквартирована в Царском Селе, в силу чего молодой офицер Пантюхов мог иметь контакты с царской фамилией. Так, на одной из встреч в полковом собрании поручик Пантюхов рассказал монарху о своей работе с детьми. Позднее наследник престола, Алексей Николаевич, официально присоединился к скаутам. Еще раньше это сделал великий князь Георгий Константинович (Pantuhoff, 1989: 194; Меркулов, 2014: 289).

Тесное взаимодействие с властями и правыми партиями было бы невозможно, если бы детские движения не разделяли с ними общих принципов, в частности монархизма и православия. При этом скауты отличались от других организаций меньшими контактами с консервативными партиями. Этому способствовало настороженное отношение крайне правых к английской организации, в то время как славянские соколы и местные потешные вызывали больше доверия.

Национальная и культурная составляющая в детских организациях

По замечанию Питера Селтена, молодежные движения стали инструментом адаптации старой культуры и традиций к новому миру. Юные участники этих организаций «восстали против культуры модерна, индустриального общества, которое характеризовалось такими элементами, как индивидуализм, безличные манеры, материализм и жизнь ради развлечений, ... возрождался интерес к простой жизни в сельской местности и к таким традициям, как народные песни и народные танцы» (Selten, 1996: 267-268). Это описание полностью применимо и к российским детско-юношеским организациям.

В вопросе о национальных элементах в движении впереди всех, безусловно, были потешные. От названия до формы все было пропитано славными историческими традициями. Что касается внешнего вида, то единообразия в данной организации не было. Если потешные создавались при военных частях, то их одежда стилизовалась под форму этих частей, в иных случаях просто старались

придать одежде военный стиль. О.И. Пантюхов также упоминает малиновые рубашки как характерную черту внешнего вида потешных (Пантюхов, 1947: 5).

Выступая в Омском общественном собрании, верный сторонник «потешного» движения полковник М.Ц. Грудзинский, рекламируя новое движение, подчеркивал его патриотические цели. Приоритетными целями он обозначил развитие в подростках «бодрого национального духа», а также «преданности Государю Императору». Общечеловеческие добродетели, такие как скромность и помощь людям, он тоже отметил, но на втором месте (Гефнер, 2010: 165).

Ситуация у скаутов была несколько сложнее. Требовалось адаптировать английскую систему под русский менталитет, при этом нужно было избежать двух крайностей – скатывания в потешничество, которое сами скауты критиковали за «барабанный патриотизм» и «военную муштру» (Скаутизм в России, 1916: 75), и бездумного перенесения английских идей в Россию.

Первым делом встал вопрос о названии. Английское слово 'scout' вызывало подозрение у части русской публики, так что на Первом всероссийском съезде по скаутизму в 1915 г. активно обсуждался вопрос о замене иностранной терминологии – «скаут» и «скаутмастер» – на русские аналоги. В частности, было решено вместе с этими терминами использовать название «юные разведчики». На том же съезде видный деятель скаутского движения Иннокентий Жуков поднял вопрос о необходимости адаптации под отечественные реалии главной книги скаутов – «Scouting for boys». При новом переводе книги он призывал делать поправки на русскую природу, русскую жизнь и «русские педагогические воззрения» (Скаутизм в России, 1916: 73). Национальный колорит планировалось привносить и через игры. Так, в резолюции, принятой по итогам съезда, рекомендовалось «распространение русских игр – лапты, городков и др.» (Скаутизм в России, 1916: 89).

Изменениям подвергалась и довольно большая часть внешних символов, при этом суть организации старались не трогать. О.И. Пантюхов об этом говорил так: «Нам, русским скаутам, всегда хотелось идти к намеченной цели (на благо России) своим русским путем. Еще 16 лет тому назад я установил для своих царскосельских разведчиков свою национальную форму, свои национальные цвета, русские названия, русские обычаи и правила. ... Мы будем идти своей русской дорогой, и она нас приведет к желанной цели» (Пантюхов, 1929: 257-258). При этом достаточно быстро скауты вернулись к форме английского образца, так как она была удобнее для походов и активных игр.

Что касается национально-патриотической сути скаутов, то ее можно описать емкой цитатой из прессы того времени: «„Разведчики“ – те же потешные, и у них на первом плане любовь к Царю и Родине и вера в Бога» (Юные разведчики, 1910: 13). При этом патриотизм и монархизм трактовались как врожденные качества нормального человека. Зачинатель скаутинга в Москве Г.А. Захарченко писал: «Здоровому состоянию духа свойственна неизменная любовь к жизни, к своей Родине: а любя Родину, вы, естественно, будете любить своего Царя – олицетворение целости и мощи Русского народа» (Захарченко, 1911: 4). В вопросе об этническом происхождении и вероисповедании своих членов скауты были открыты для всех. О солидарности народов говорил на Первом всероссийском съезде по скаутизму в 1915 г. знаменитый скульптор и скаутский деятель И.Н. Жуков: «Высокий патриотизм в скаутизме сочетался и с великой идеей солидарности народов, и с величайшей идеей христианской любви к ближним» (Скаутизм в России, 1916: 11). Отдельные отряды могли принимать только членов какой-то одной конфессии, например, как Дружина юных разведчиков-христиан Киевского учебного округа. Но это было, скорее, исключением, и одновременно с этим отрядом в Киеве существовал Первый киевский отряд юных разведчиков для детей всех национальностей и вероисповеданий (Кудряшов, 2005: 39; Кучин, 2008: 131). Национальность не была препятствием и для занятия руководящих должностей. В 1914 г. на должность главного скаутмастера Петроградского района был приглашен швед Рагнар Фернберг (Кучин, 2008: 84). В 1916–1917 гг. Царскосельскую дружину возглавлял бельгийский инженер Э.К. Вольтерс (Кудряшов, 2005: 38). Другой бельгиец, Рено Мурро, основал и возглавил в 1915 г. скаутский отряд в Курске (Логинов, 2008: 55). Физическим развитием скаутов в Москве в 1918 г. заведовал чех В.К. Индрих (Кучин, 2008: 159).

В «Соколе» национальная программа была закреплена в официальной программе 1911 г. В ней говорилось о необходимости объединения народов Империи для становления «России как великого Славянского Государства» (Рылов, 2010: 151). При этом взгляды участников движения на этнический состав своих членов разнились. П.А. Меркулов отмечает, что более националистически настроенные гимнасты считали, что «сокольство – только для русских» (Меркулов, 2014: 287). Другая же часть организации утверждала, что «Русский Сокол должен объединять под своей сенью все русское, все народности Российской империи под общей идеей: все мы братья во славу великой и общей нашей родины – России» (Меркулов, 2014: 288).

5. Заключение

Детско-юношеские движения Российской империи были удобным инструментом для продвижения имперской идентичности среди молодежи. Заявленные цели физического воспитания и отвлечения подростков от вредного влияния улицы находили поддержку и в широких слоях общества, и среди чиновников всех уровней. Это обеспечивало быстрый и устойчивый рост организаций, в которых детям прививались монархические и патриотические идеи, имперское

видение истории и культуры. По меткому выражению Питера Селтена, детские организации являлись «блестящими институтами по передаче культуры» от взрослых к молодежи (Selten, 1996: 280). Эффективность данной системы национал-патриотического воспитания была доказана на полях Первой мировой (Jones, 2004: 80-81, Кудряшов, 2005: 48-50), когда взрослые скауты отправлялись на фронт (а иногда это были и подростки), а дети, как могли, помогали в тылу. В гражданскую войну большинство скаутмастеров и старших скаутов выбрали сторону белого движения (Булатов, Ковалева, 2016) или предпочли сохранить нейтралитет, и только меньшинство поддержало красных.

Литература

- Булатов, 2012 – Булатов И.А. Олег Иванович Пантюхов – Старший Русский Скаут. М.: Минувшее, 2012. 176 с.
- Булатов, Ковалева, 2016 – Булатов И.А., Ковалева Д.Н. Деятельность «белых» скаутов во время гражданской войны // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2016. № 4 (35). С. 179-185.
- Булатов, Мосолкин, 2017 – Булатов И.А., Мосолкин С.В. Образ русских скаутов-эмигрантов в Советской России // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. 2017. № 3. С. 13-17.
- Белюков, 2015 – Белюков Д.А. Физическое воспитание в российской школе в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник архивиста*. 2015. № 3. С. 138-153.
- Гефнер, 2010 – Гефнер О.В. Военное и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского университета*. 2010. № 2. С. 162-172.
- Захарченко, 1911 – Захарченко Г.А. Значение юных разведчиков и потешных для Родины // *Потешный*. 1911. № 7. С. 4.
- Качулина, 2017 – Качулина Н.Н. Исторические условия распространения сокольского движения в Российской империи // *Научный альманах*. 2017. № 4-2 (30). С. 66-70.
- Классы военного, 1910a – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*, 1910. № 32. С. 5.
- Классы военного, 1910b – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*, 1910. № 36. С. 3.
- Крупская, 1959 – Крупская Н.К. О юках // *Педагогические сочинения в 10 т. Т. 5*. М.: АПН СССР, 1959. С. 12-15.
- Кудряшов, 2005 – Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. 598 с.
- Кучин, 2008 – Кучин В.Л. Скауты России. 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. М.: «Минувшее», 2008. 600 с.
- Логинов, 2008 – Логинов С.П. Первые детско-юношеские организации в Курском крае в начале XX века (к проблеме становления и развития) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2008. № 3(7). С. 53-58.
- Меркулов, 2014 – Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: ОФ РАНХиГС, 2014. 488 с.
- Пантюхов, 1947 – Пантюхов О.И. Из истории русского скаутизма // *Опыт*. 1947. № 5. С. 5-6.
- Пантюхов, 1929 – Пантюхов О.И. Русским скаутам: Приказы, инструкции, информации и беседы Олега Ивановича Пантюхова, 1919–1928. Белград, 1929.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рота «Потешных», 1910 – Рота «Потешных Семеновцев» // *Русский спорт*. 1910. № 29. С. 5.
- Рылов, 2010 – Рылов В.Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2010. № 7(78). С. 150-158.
- Смотр первому, 1910 – Смотр первому народному классу гимнастики в Высочайшем присутствии // *Русский спорт*. 1910. № 22. С. 4.
- Скаутизм в России, 1916 – Скаутизм в России. Труды первого съезда по скаутизму. Петроград: Об-во «Русский скаут», 1916. 128 с.
- Угрин, 2017 – Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: ИФ РАН, 2017. 106 с.
- Хобсбаум, 1998 – Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
- Юные разведчики, 1910 – Юные разведчики // *Потешный*, 1910. № 4. С. 13.
- Clott, 2017 – Clott A. Nationalism. The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory, 2017. Pp. 1-11.
- Hosking, 1998 – Hosking G. Can Russia become a Nation-State? // *Nations and Nationalism*. 1998. № 4. Pp. 449-462.
- Jones, 2004 – Jones D.R. Forerunners of the Komsomol: scouting in Imperial Russia // Schimmelpenninck van der Oye D., Menning B. Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, pp. 56-81.
- Neumann, 2011 – Neumann M. The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917-1932. London and New York: Routledge, 2011. 289 p.

- Pantuhoff, 1989** – *Pantuhoff O.I.* Of time gone by. Maplewood, NJ: Durand House Publishers, 1989. 320 p.
- Renner, 2003** – *Renner A.* Defining a Russia Nation Mikhail Katkov and the «Invention» of National Politics // *The Slavonic and East European Review*. 2003, Vol. 81. № 4. Pp. 659-682.
- Selten, 1996** – *Selten P.* Youth movements as agencies of cultural transmission. The emergence of youth movements at the beginning of the twentieth century // *Paedagogica Historica*. 1996. № 32 (sup1). Pp. 265-282.

References

- Bulatov, 2012** – *Bulatov I.A.* (2012). O.I. Pantyukhov – Starshii Russkii Skaut [O.I. Pantyukhov – the Chief Scout of Russia]. M.: Minuvshee. 176 p. [in Russian]
- Bulatov, Kovaleva, 2016** – *Bulatov I.A., Kovaleva D.N.* (2016). Deyatel'nost' «belyh skautov» vo vremya grazhdanskoi voiny [Activities of the «White Scouts» during the Civil War]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. № 4 (35), pp. 179-185. [in Russian]
- Bulatov, Mosolkin, 2017** – *Bulatov I.A., Mosolkin S.V.* (2017). Obraz russkikh skautov-emigrantov v Sovetskoj Rossii [Image of Russian emigre scouts in Soviet Russia]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnye nauki*. №3, pp. 13-17. [in Russian]
- Belukov, 2015** – *Belukov D.A.* (2015). Fizicheskoe vospitanie v rossijskoj shkole v kontse XIX – nachale XX vv. [Physical education in Russian schools in the late XIX-early XX century]. *Vestnik arhivista*. №3, pp. 138-153. [in Russian]
- Clott, 2017** – *Clott A.* (2017). Nationalism. The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory, pp. 1-11.
- Gefner, 2010** – *Gefner O.V.* (2010). Voennye i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoj Sibiri [Military and Patriotic education of young people at the beginning of the XX century: "pteshnie" movement in the cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. №2, pp. 162-172. [in Russian]
- Hobsbawm, 1998** – *Hobsbawm E.* (1998). Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism since 1780]. SPb.: Aleteiya. 306 p. [in Russian]
- Hosking, 1998** – *Hosking G.* (1998). Can Russia become a Nation-State? *Nations and Nationalism*, № 4, pp. 449-462.
- Jones, 2004** – *Jones D.R.* (2004). Forerunners of the Komsomol: scouting in Imperial Russia. Schimmelpenninck van der Oye D., Menning B. Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the revolution. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 56-81.
- Kachulina, 2017** – *Kachulina N.N.* (2017). Istoricheskie usloviya rasprostraneniya sokol'skogo dvizheniya v Rossijskoj Imperii [Historical conditions for the distribution of the Sokolsky movement in the Russian Empire]. *Nauchnyi al'manakh*. №4-2 (30), pp. 66-70. [in Russian]
- Klassy voennogo, 1910a** – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. №32, p. 5. [in Russian]
- Klassy voennogo, 1910b** – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. №36, p. 3. [in Russian]
- Krupskaia, 1959** – *Krupskaia N.K.* (1959). O iukakh [About iuk's]. Krupskaia N.K. Pedagogicheskie sochineniia v desiati tomakh, vol. 5. M.: APN USSR, pp. 12-15. [in Russian]
- Kuchin, 2008** – *Kuchin V.L.* (2008). Skauty Rossii. 1909-2007. Istoriya. Dokumenty. Svidetel'stva. Vospominaniya. [Scouts Of Russia. 1909-2007. History. Documents. Evidences. Memories]. M.: Minuvshee. 600 p. [in Russian]
- Kudriashov, 2005** – *Kudriashov Yu.V.* (2005). Rossijskoe skautskoe dvizhenie [Russian scout movement]. Arkhangelsk: Pomor Universitet. 598 p. [in Russian]
- Loginov, 2008** – *Loginov S.P.* (2008). Pervye detsko-yunosheskie organizatsii v Kurskom krae v nachale XX veka [The first youth organizations in the Kursk region at the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3 (7), pp. 53-58. [in Russian]
- Merkulov, 2014** – *Merkulov P.A.* (2014). Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.) [Historical experience of development and implementation of state youth policy in Russia (the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century)]. Orel: OF RANHiGS. 488 p. [in Russian]
- Neumann, 2011** – *Neumann M.* (2011). The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917–1932. London and New York: Routledge. 289 p.
- Pantuhoff, 1929** – *Pantuhoff O.I.* (1929). Russkim skautam: Prikazy, instruksii, informatsii i besedy Olega Ivanovicha Pantyukhova, 1919–1928. [Russian scouts: Orders, instructions, information and conversations of Oleg Ivanovich pantyukhov, 1919–1928.] Belgrade. [in Russian]
- Pantuhoff, 1947** – *Pantuhoff O.I.* (1947). Iz istorii russkogo skautizma [From the history of Russian scouting]. *Opyt*. № 5, pp. 5-6. [in Russian]
- Pantuhoff, 1989** – *Pantuhoff O.I.* (1989). Of time gone by. Maplewood, NJ: Durand House Publishers. 320 p.

Renner, 2003 – Renner A. (2003). Defining a Russia Nation Mikhail Katkov and the «Invention» of National Politics. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 81. № 4, pp. 659-682.

RGVIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].

Rota «Poteshnyh», 1910 – Rota «Poteshnyh Semenovtsev» [Company of «Poteshnyh Semenovtsev»]. *Russkii sport*. 1910. №29, p. 5. [in Russian]

Rylov, 2010 – Rylov V.Yu. (2010). Patrioticheskie i voenno-sportivnye organizatsii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii nachala XX veka [Patriotic and military-sports organizations in the socio-political life of Russia at the beginning of the XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7 (78), pp. 150-158. [in Russian]

Selten, 1996 – Selten P. (1996). Youth movements as agencies of cultural transmission. The emergence of youth movements at the beginning of the twentieth century. *Paedagogica Historica*. № 32 (sup1), pp. 265-282.

Smotr pervomu, 1910 – Smotr pervomu narodnomu klassu gimnastiki v Vysochaishem prisutstvii [Review of the first national class of gymnastics in the Highest presence]. *Russkii sport*. 1910. №22, p. 4. [in Russian]

Ugrin, 2017 – Ugrin I.M. (2017). Rossiiskaya gosudarstvennost' i imperskaya paradigma: filosofskii analiz [Russian statehood and the Imperial paradigm: a philosophical analysis]. M.: IF RAN. 106 p. [in Russian]

Vasylyuk, 2014 – Vasylyuk A.V. (2014). Stanovlenie lichnosti Miroslava Tyrsha – osnovatelya cheshskogo «sokola» [The personality of Miroslav Tyrsh as the founder of the Czech «Sokol» organization]. *Tomsk State University Journal of History*. №2 (28), pp. 94-96. [in Russian]

Yunye razvedchiki, 1910 – Yunye razvedchiki [Yong scouts]. *Poteshnyi*. 1910. №4, p. 13. [in Russian]

Zaharchenko, 1911 – Zaharchenko G.A. (1911). Znachenie yunykhn razvedchikov i poteshnykh dlya Rodiny [The significance of young scouts and poteshnykh for the Motherland]. *Poteshnyi*. №7, p. 4. [in Russian]

Конструирование имперской идентичности в молодежных организациях Российской империи в начале XX века

Иван Александрович Булатов ^{a, *}, Дарья Николаевна Ковалева ^a

^a Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Российская Федерация

Аннотация. Люди XIX в. отличались от людей традиционного общества по многим критериям. Одним из важнейших отличий стало формирование нового типа идентичности – нации. Она пришла на смену сословным и локальным идентичностям. Однако люди не могли одновременно осознать себя частью новой общности, основанной на культуре и общегражданских правах. Новая идентичность себя утверждала постепенно через регулярную армию, прессу, школы. Еще одним проводником национальной идентичности стали молодежные организации. Они так же, как и нации, были феноменом эпохи модерна, так как в традиционном обществе не возникало проблемы свободного времени у большого количества детей и подростков. В Российской империи власти не сразу осознали необходимость формирования национальной идентичности. Однако, поняв, что нации, в том числе и русская, сложатся в любом случае, государство решило возглавить этот процесс. Детские движения, появившиеся в России в начале XX в., также были вовлечены в это. Помимо физического развития и воспитания качеств, необходимых хорошему гражданину, организации соколов, потешных и скаутов в союзе с государством выстраивали идентичность, основанную на патриотизме, монархизме и религиозности. В статье рассматривается история этих организаций, их взаимоотношения с властью, их трактовка понятия русскости и система национально-патриотического воспитания.

Ключевые слова: Российская империя, имперский национализм, нация, воспитание, идентичность, скаутинг, сокольство, потешные.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulatovivan64@gmail.com (И.А. Булатов), dasha1109@mail.ru (Д.Н. Ковалева)

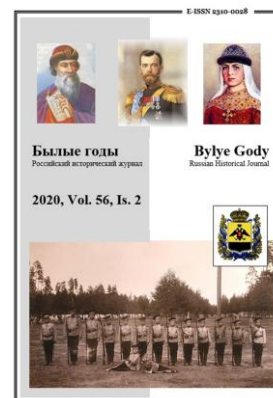
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 863-870. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.863
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Patriotic Education of Russian Youth on the Eve of the First World War: Some Pages of History

Goran Rajović ^{a, b, *}, Leonid L. Balanyuk ^c, Alla G. Vazeroва ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article deals with the patriotic education of Russian youth through the organization of amusement forces and the introduction of military disciplines and gymnastics in educational institutions.

There were used as sources the documents from the Russian state historical archive (Saint Petersburg, Russian Federation). In particular, the Fund 733 (Department of public education) was of interest, in which the documents were found on the international experience of patriotic education of youth, as well as the implementation of this work in Russian school.

In conclusion, the authors state that after the First Russian revolution at the initiative of the Russian Emperor began to actively create an amusement movement. The divisions of the Poteshnye voiska were created not only at public schools, but also at army regiments, parochial schools, and also at fire brigades. In the summer, field camps were organized for them, and training sessions were held. In 1911, the first review of the funny parts of Russia was held. Since that time, the work on creating amusement parts has expanded significantly and continued until 1917. In total, several tens of thousands of people passed through the amusement movement in Russia.

Keywords: patriotic education, amusement forces (Poteshnye voiska), military system, schools, Russian Empire, Nicholas II.

1. Введение

Кризис Первой русской революции в начале XX века заставил русское имперское правительство пересмотреть многие стороны внутреннего устройства государства. Примечательно, что уже в январе 1908 г. император Николай II изъявил желание, чтобы в народных школах началось обучение гимнастике и военному строю. Пересмотру подверглась и воспитательная функция народной школы, которая должна была отныне воспитывать учащегося в монархическом духе при широком применении гимнастики и военного строя. В конечном итоге это привело к созданию целой сети так называемых потешных формирований, о качестве такой работы косвенно говорит то, что в начале Первой мировой войны на фронт добровольно убежало значительное количество учащихся русских учебных заведений (Cherkasov et al., 2016).

2. Материалы и методы

В качестве источников для работы над статьей были привлечены документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В частности,

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

интерес для нас представлял Фонд 733 (Департамент народного просвещения), в котором были обнаружены документы о международном опыте патриотического воспитания молодежи, а также реализация этой работы в российской школе. Кроме того, были использованы в качестве материалов редкие источники о жизни дореволюционных школ периода Первой мировой войны (Яковлев, 1915), а также попытках пересмотра идей русской национальной школы в период мировой войны (О национальной школе, 1916; Война и школа, 1916).

В данном исследовании была применена совокупность научных методов: периодизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Работа имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволяет выявить разные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме. В исследовании применялись междисциплинарный и комплексный подходы, что в свою очередь позволило рассмотреть историю потешного движения и сравнить его с аналогами в зарубежных странах.

3. Обсуждение

Тема патриотического воспитания русской молодежи накануне Первой мировой войны не получила значительного освещения в историографии, причиной стало полное забвение этой темы в советский период ввиду предвзятого отношения советской идеологии к дореволюционному опыту. Вследствие этого изучение данной темы стало возможным только в постсоветский период.

В целом ряде публикаций авторы рассмотрели особенности патриотического воспитания в высших военно-учебных заведениях, а также в государственных школах как в целом по Российской империи, так и по отдельным ее губерниям. Так, например, О.В. Барская в своей работе исследовала государственно-патриотическое воспитание в военно-морских образовательных учреждениях Новороссийского края в конце XVIII – начале XX веков (Барская, 2019). Аналогичную проблему патриотического воспитания в военно-учебных заведениях России рассмотрел В.А. Заставенко (Заставенко, 2015). Авторский коллектив А.А. Черкасова проанализировал особенности патриотического воспитания в школах на территории Черноморской губернии (Molchanova et al., 2013), а также наглядно показал, что следствием такой патриотической работы стало массовое добровольческое движение молодежи на фронт в период Первой мировой войны (Cherkasov et al., 2016; Яковлев, 1915: 21). Вопросы организации физического воспитания в учебных заведениях на территории Курской области изучили О.М. Цуканова и Г.Г. Карпова (Цуканова, Карпова, 2019). Практически однотипную проблему на территории Томской губернии рассмотрела А.В. Башкатова (Башкатова, 2010).

Нельзя обойти вниманием также работу В.Г. Гималаева и М.В. Илларионовой, в которой исследуются добровольчество и благотворительность как направление деятельности Симбирской чувашской школы в период Первой мировой войны (Гималаев, Илларионова, 2018).

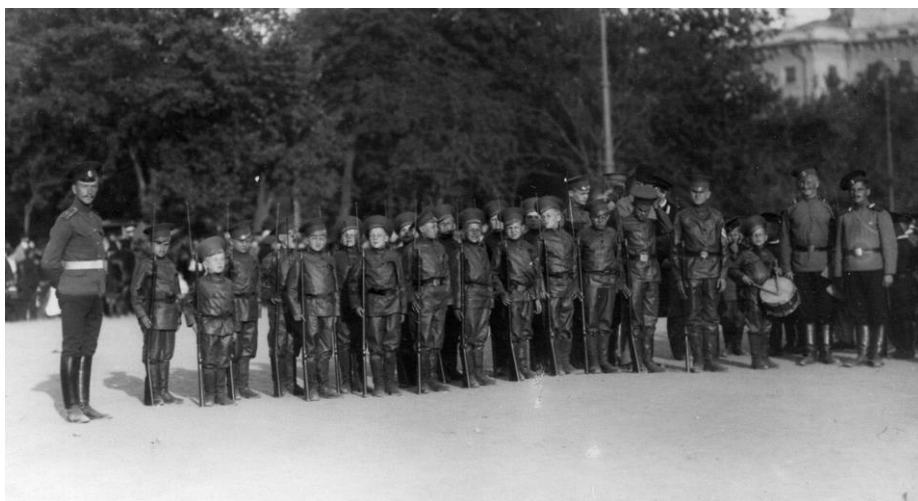
4. Результаты

Создание потешных частей в школах Российской империи после Первой русской революции происходило на территории практически всех губерний с разной степенью интенсивности. В смотре потешных нередко принимали участие члены императорского дома, например, в 1911 г. такой смотр потешных принимал в Киеве император Николай II (Ольденбург, 1992: 440). Он уделял особое внимание делу патриотического воспитания молодежи и всегда оказывал поддержку подобным инициативам, в особенности исходящим снизу.

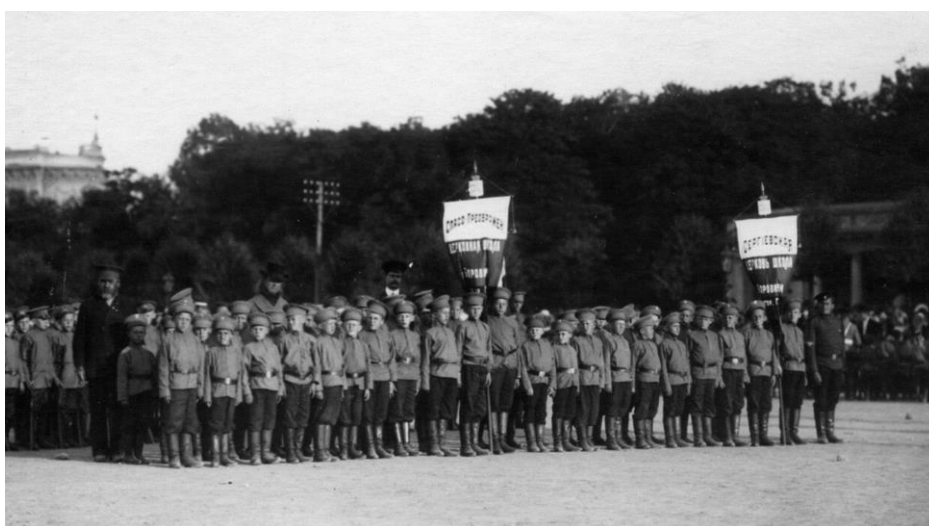
Император четко излагал свою позицию в вопросе того, что необходим подъем качественного достоинства школы в отношении ее воспитательного влияния на учащуюся молодежь не только в области религиозно-нравственных воздействий, в направлении углубления источников национального вдохновения, но и в смысле гармонического развития духа и тела учащихся, дисциплинирования их воли, внедрения в них как сознания авторитета, так и святости исполняемого долга (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 1).

Чиновники Министерства народного просвещения отмечали, что если в области религиозно-нравственного воспитания необходима особо напряженная работа представителей духовенства, если углубление источников национального вдохновения – в страницах славы русской истории, в классических произведениях русской литературы, в географии и естествоведении – должно составить предмет внимания преподавательского состава, то едва ли возможно отрицать, что для внедрения в учащуюся молодежь понятий долга, авторитета и дисциплины, для ее гармонического развития необходима целая система строго продуманных и последовательных воспитательных воздействий (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 1-1 об.).

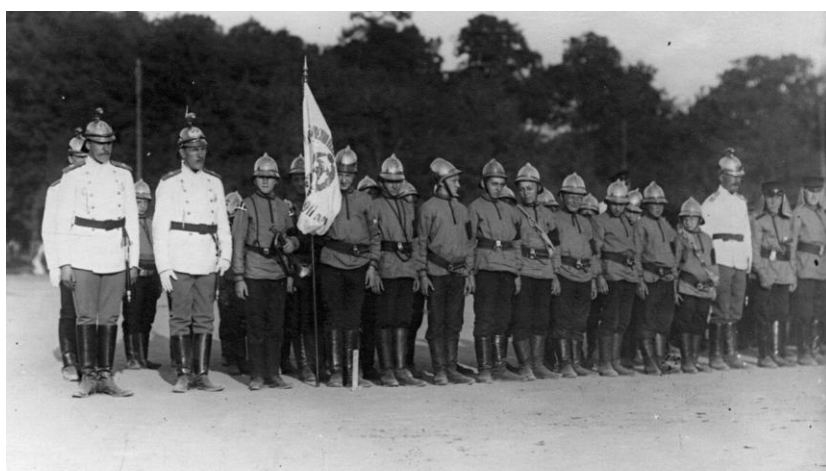
В 1911–1912 гг. на Марсовом поле проводились парады потешных частей. Важно отметить, что их создавали не только государственные школы, но и армейские полки (Рисунок 1), церковно-приходские школы (Рисунок 2) и даже пожарные общества.

Рис. 1. Потешные лейб-гвардии 4-го стрелкового полка в строю во время смотра на Марсовом поле

Рис. 2. Потешные церковно-приходских школ со своими значками

Рис. 3. Детская военно-пожарная дружина на Марсовом поле во время смотра

Воспитательно-патриотическая работа не ограничивалась учебным процессом. Специально для потешных устраивались военные летние лагеря, где потешные могли дополнительно проходить военную подготовку (Рисунок 4).

Рис. 4. Потешные на спортивной площадке полевого лагеря

Очевидно, что для создания потешных команд необходимы были достаточно подготовленные кадры. В результате при Александровском военном училище в Москве были организованы курсы начальников потешных команд. В 1911 г. прошел первый Всероссийский смотр потешных частей. Это событие произошло 28 июля на Марсовом поле в Санкт-Петербурге, на первый смотр прибыли около 6 тыс. потешных из разных губерний России.

Получив первый положительный опыт создания потешных частей в разных учебных округах Российской империи, начали предпринимать шаги к повсеместному введению военных дисциплин в школах. Так, например, в январе 1912 г. попечитель Рижского учебного округа направил об этом ходатайства военному министру, министру народного просвещения и командующему войсками Виленского военного округа.

Как и предполагалось, данное ходатайство было удостоено высочайшего одобрения и по всеподданнейшему докладу военного министра преследовало цель организации правильного контроля над постановкой гимнастики, фехтования, подвижных игр и военного строя в учебных заведениях Рижского учебного округа; организация эта вела бы к воспитанию в учащихся особого уважения к воинскому званию и к систематической, прочной постановке таких отраслей воспитательного дела, которые до этого пренебрегались русской гражданской школой.

В течение нескольких месяцев в ряде городов Ревельского учебного округа (например, в Риге, Ревеле, Аренсбурге и Митаве) были построены гимназические залы и начались регулярные занятия. Важно отметить, что уже через год в пределах Рижского учебного округа общение представителей школы и армии дало положительные результаты как внешние, в смысле выправки, любви к строевым и гимнастическим занятиям, так и внутренние, в направлении учащейся молодежи (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 1 об.). Уже к концу лета 1912 года Николай II присутствовал на смотре 8 рот Рижского учебного округа.

Попечитель Рижского учебного округа подполковник С. Пругченко, который являлся свидетелем данных событий, отмечал: «О том, что воспитанники были готовы по своему настроению перед высочайшим смотром как бы «лечь костью», я имел счастье докладывать его императорскому величеству на смотре 1 августа минувшего 1912 года, причем Государю Императору благоугодно было выразить Свое Всемиловнейшее одобрение тому виду и настроению, в коем представились все восемь рот отряда Рижского учебного округа.

После смотра воспитанники Ревельской Александровской гимназии, входившие в состав третьей роты, говорили своему директору статскому советнику Василькову: «Кто раз увидит нашего государя, тот никогда ему не изменит...» (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 2 об.-3).

Очевидно, что это патриотическое настроение учащейся молодежи являлось важным явлением в государственной жизни Российской империи, которой было не безразлично, вливаются ли в общественную среду здоровые, бодрые, верноподданные силы, или текут воды мутные, склонные к нигилистическому отрицанию и политическому разложению. Нужно понимать, что не только зло, но

и добро имело заразительные свойства; необходимо было всемирно пресекать явления отрицательные и развивать положительные.

Упомянутое настроение, чтобы оказаться прочным, должно было находить опору своему патриотическому подъему в душевной и телесной бодрости молодежи; нельзя не признать, что одною книгою было трудно воспитать гармонически развитого юношу и что на помощь книжной мудрости должна прийти воспитательная система во всеоружии своего воздействия на характер, волю и сердце молодежи. Отсюда велико не только гигиеническое, но и этическое значение гимнастики, фехтования, подвижных игр и военного строя (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 3 об.).

Важно понимать, что названная отрасль воспитательного воздействия школы для чиновников Министерства народного просвещения не была прихотью, а являлась существенно важной задачей, так как содействовала не только дисциплинированию молодежи, укреплению ее физических сил, но и здоровому, бодрому, жизнерадостному развитию юношества, ослабляя имевшую место тогда неврастанию, поднимаемая половую нравственность, устрания злоупотребления спиртными напитками и отвлекая от вскормленного газетной пищей преждевременного, всегда вредного политиканства.

Таким путем гармонического развития духа и тела молодежи, как полагали русские чиновники, будет достигнуто столь существенное повышение ее веры в жизненное творчество, внедрение в юношество созидательных начал, внешней и внутренней дисциплины и укрепление сознания долга перед Государем и Отечеством.

Не возводя никаких обвинений на прошлое, обусловленное не только недостатком денежных средств, но и воззрениями, что школа может давать исключительно образование, оставляя воспитание всецело на ответственность семьи, нельзя было не признать, что в начале XX века следовало бы не останавливаться на теоретических спорах по этому вопросу, ведь он решен практически в жизни целесообразными и настойчивыми усилиями англо-саксонской культуры. И германские государства, которые были когда-то странами книжного обучения по преимуществу и с 1830-х годов не без затруднений ввели у себя школьную гимнастику, в полной мере уверовали в нее с конца XIX века и сделали спустя двадцать лет при горячем призыве к тому императора Вильгельма II поразительные успехи в путях подражания Англии, давно усматривавшей большое значение физического развития в выработке характера. Российские педагоги отмечали, что при первом внимательном взгляде на немецкую педагогику можно увидеть центральную идею: школа воспитывает любовь и уважение к родине – Германии и к германскому народу; эта идея пронизывает все преподавание и все воспитание: дети, едва умеющие читать, уже поют национальные патриотические песни (О национальной школе, 1916: 23).

Необходимо также сказать об опыте патриотического воспитания и в других странах. Так, в американской и в швейцарской школах преподаватели не пренебрегали патриотическим воспитанием подрастающего поколения. Например, в немецкой Швейцарии гимназисты старших классов упражнялись в военном строе, в стрельбе боевыми патронами на военном стрельбище (патроны отпускались государством в определенном количестве на каждого гимназиста); делали гимнастику, с винтовкой за плечами перепрыгивали (несмотря на обременение винтовкой) неподвижные препятствия в 1,5 метра высотой и влезали на каменные стенки высотой до 3 метров (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 4-4 об.).

В Цюрихе, к примеру, раз в две недели, а иногда и еженедельно гимназические колонны совершали походные движения вне города, длящиеся от пяти до шести часов, преодолевая, согласно заранее данным заданиям, горные препятствия, причем различные классы распределялись на отдельные отряды; целым маневром руководил преподаватель гимнастики и строя, обыкновенно капитан запаса, причем военные считали своим нравственным долгом оторваться от прямых обязанностей и оказать эту услугу руководству средней школы (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 4 об.).

И в среде романских народов Италия сделала в период царствования королей Гумберта I и Виктора Эммануила III столь значительные успехи на поприще школьной гимнастики и подвижных игр, что некоторые специалисты склонны даже дать итальянской школе приоритет перед старейшими в этом отношении англо-саксонскими школами.

Успехи в этом же направлении чехов доказывали, что и славяне могут преодолеть свою склонность к «мечтательности и распущенности», осознав необходимость работы над физическим здоровьем подрастающего поколения, чтобы выдержать мировую борьбу за существование, которую начали вести между собой целые нации в период Первой мировой войны.

В своей истории чешский народ, ограниченный с разных сторон германским миром, нашел к началу Первой мировой войны в сокольской гимнастике объединяющее его духовное звено, дающее ему надежду выдержать натиск той культуры, которая на опыте Познани, Шлезвига, Эльзас-Лотарингии, славянских округов Саксонии, а ранее того, на полабских славян в бассейне Везера, Эльбы и Одера уже доказала, чего может ожидать от нее славянство, если окажется в борьбе слабою стороною (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 4 об.-5).

Освобожденная русской кровью Болгария пожинала на полях победоносных сражений плоды своей политики патриотического воспитания в школах; которые развивались под непосредственным влиянием офицеров, являвшихся в Болгарии не только начальниками солдат, но и учителями народа.

Завершая обзор зарубежного опыта патриотического воспитания, чиновники отмечали, что «положение России между германским миром, вооруженным с головы до ног, пробуждающимся мусульманским миром и надвигающейся «желтой опасностью» представляется чреватými осложнениями: государственная мудрость повелительно требует напрячь все силы к тому, чтобы поднять здоровье, бодрость и дух патриотизма подрастающего поколения, ибо только с сильным ищут дружбы и сохраняют мир» (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 5 об.).

Если отталкиваться от приведенных соображений, то ясны как ответственность, выпадающая на долю должностных лиц Министерства просвещения по подбору преподавательских и инструкторских сил, так и государственное значение гармонического воспитания духа и тела подрастающего поколения.

Воспитанники должны быть проникнуты сознанием высокого значения внутренней сплоченности и организованности, подчинения воли отдельного лица задачам общим; для этого необходимо, чтобы сам инструктор верил в свою задачу, чтобы малодушный был своевременно направлен авторитетным указанием или был устранен при нежелании отнестись с достаточной серьезностью к делу, по самому существу своему высокого воспитательного и государственного значения.

Таким путем было возможно достойным образом осуществить высочайшее указание: ввести в школу и гимнастику, и военный строй и влить в учащуюся молодежь здоровый патриотический дух и поднять творчество школы во исполнение императорского рескрипта от 10 июня 1902 года.

Напомним, что 10 июня 1902 года император Николай II подписал высочайший рескрипт, в котором, в частности, отмечалось: «Прежде всего подтверждаю мое требование, чтобы в школе с образованием юношества соединялись воспитание его в духе веры, преданности престолу и отечеству и уважение к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине. Школа, из которой выходит юноша с одними лишь курсовыми познаниями, не сродненный религиозно-нравственным воспитанием с чувством долга, с дисциплиною и с уважением к старшим, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубные для каждого дела своеволие и самомнение» (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 6).

В 1913 году подполковник С. Прутченко был переведен на должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Здесь он с сожалением обнаружил, что преподавание гимнастики и военного строя было в плачевном состоянии. Так, во многих учебных заведениях попечитель нашел гимнастику упраздненной в восьмом и седьмом классе, а в училище при Реформатских Церквах гимнастика оказалась упраздненной не только в восьмом и седьмом классах, но даже и в шестом. Более того, в целом ряде учебных заведений гимнастикой занимались только один раз в неделю, что сводило ее значение едва ли не к нулю. Среди занятий не замечалось у воспитанников той бодрости и того увлечения, которые являлись характерными признаками правильной постановки дела и таланта преподавателя. Необходимые помещения для гимнастики почти отсутствовали, в особенности в правительственных учебных заведениях, которые, казалось, должны были служить образцом для школ частных (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 6 об.-7).

В заключении С. Прутченко резюмировал: «По-видимому, для большинства г.г. директоров не вполне ясно этическое значение физического воспитания, за которым они склонны признать значение лишь гигиеническое, упуская из виду интересы гармонического развития духа и тела, столь существенно важные для подъема всей системы патриотического воспитания» (РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 86. Л. 7).

Как известно, в 1914 г. на объявление Первой мировой войны русское общество отреагировало единым патриотическим порывом. Разумеется, в стороне не оказались и школьники. Периодическая печать периода войны была наполнена значительным количеством заметок о том, что несовершеннолетние, бросив школы, добровольно отправились на фронт. Так, периодическая печать Черноморской губернии сообщала, что в январе 1915 г. из действующей армии этапом были возвращены более 10 юных добровольцев, которые бежали на фронт (Molchanova et al., 2013: 92). Аналогичные случаи были во всех губерниях. Немало детей так и «прижились» в частях, и о них впоследствии писали журналы «Огонек» и «Нива» (Cherkasov et al., 2016: 4-11).

Помимо бегства на фронт, были массовыми факты ухода добровольцами на фронт учеников старших классов учительских школ и семинарий. Так, например, в сентябре 1914 года на фронт добровольцами ушли 15 воспитанников чувашской школы в Симбирске (Яковлев, 1915: 31).

Многочисленные факты участия детей в войне, а также добровольческое движение активно использовались в военной пропаганде для сохранения патриотического духа как действующей армии, так и населения тыла в период Первой мировой войны. К сожалению, дореволюционный опыт патриотического воспитания был прерван событиями февральской революции и на повестку дня как российской школы, так и российского общества встали совсем другие задачи.

5. Заключение

Завершая, необходимо отметить, что после Первой русской революции по инициативе русского императора начало активно создаваться потешное движение. Подразделения потешных создавались

не только при государственных школах, но и при армейских полках, церковно-приходских школах, а также при пожарных дружинах. В летнее время для них устраивались полевые лагеря, проводились учебные занятия. В 1911 г. был впервые проведен смотр потешных частей России. С этого времени, работа по их созданию значительно расширилась и продолжалась до 1917 года. Всего через потешное движение России прошло несколько десятков тысяч человек.

Литература

Барская, 2019 – Барская О.В. Государственно-патриотическое воспитание в военно-морских образовательных учреждениях Новороссийского края в конце XVIII – начале XX веков // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 3 (76). С. 101-103.

Башкатова, 2010 – Башкатова А.В. Генезис и развитие внешкольного воспитания в Томской губернии в конце XIX – начале XX веков // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4-1 (68). С. 28-32.

Война и школа, 1916 – Война и школа. Петроград, 1916.

Гималаев, Илларионова, 2018 – Гималаев В.Г., Илларионова М.В. Добровольчество и благотворительность как направление деятельности Симбирской чувашской учительской школы // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2018. № 2 (98). С. 171-178.

Заставенко, 2015 – Заставенко В.А. Патриотическое воспитание в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 4 (68). С. 188-191.

О национальной школе, 1916 – О национальной школе. Сборник статей. Петроград, 1916.

Ольденбург, 1992 – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

Цуканова, Карпова, 2019 – Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Организация физического воспитания в учебных заведениях Курской области (1906–1917 гг.) // *Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право*. 2019. № 3 (9). С. 176-185.

Яковлев, 1915 – Яковлев И. Война и чувашская школа в Симбирске. Симбирск, 1915.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016, Vol. (5), Is. 1. Pp. 4-11.

Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). Pp. 88-93.

References

Barskaya, 2019 – Barskaya O.V. (2019). Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie v voennomorskikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Novorossiiskogo kraia v kontse XVIII – nachale XX vekov [State-patriotic education in the naval educational institutions of the Novorossiysk Krai at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. № 3 (76). Pp. 101-103. [in Russian]

Bashkatova, 2010 – Bashkatova A.V. (2010). Genezis i razvitie vneshkol'nogo vospitaniya v Tomskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [The genesis and development of extracurricular education in the Tomsk province in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1 (68). Pp. 28-32. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Vol. (5), Is. 1. Pp. 4-11.

Gimalaev, Illarionova, 2018 – Gimalaev V.G., Illarionova M.V. (2018). Dobvol'chestvo i blagotvoritel'nost' kak napravlenie deyatel'nosti Simbirskoi chuvashskoi uchitel'skoi shkoly [Volunteering and charity as a direction of the Simbirsk chuvash teacher's school]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. № 2 (98). Pp. 171-178. [in Russian]

Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. (2013). Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. № 30 (4). Pp. 88-93.

О natsional'noi shkole, 1916 – О natsional'noi shkole [About the national school]. Sbornik statei. Petrograd, 1916. [in Russian]

Ol'denburg, 1992 – Ol'denburg S.S. (1992). Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II.]. М. [in Russian]

Tsukanova, Karpova, 2019 – Tsukanova O.M., Karpova G.G. (2019). Organizatsiya fizicheskogo vospitaniya v uchebnykh zavedeniyakh Kurskoi oblasti (1906–1917 gg.) [The organization of physical education in educational institutions of the Kursk region (1906-1917)]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. № 3 (9). Pp. 176-185. [in Russian]

Voyna i shkola, 1916 – Voyna i shkola [War and school.]. Petrograd, 1916. [in Russian]

Yakovlev, 1915 – Yakovlev I. (1915). Voyna i chuvashskaya shkola v Simbirskе [War and the chuvash school in Simbirsk.]. Simbirsk. [in Russian]

Zastavenko, 2015 – Zastavenko V.A. (2015). Patrioticheskoe vospitanie v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Patriotic education in military schools of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. № 4 (68). Pp. 188-191. [in Russian]

Патриотическое воспитание российской молодежи накануне Первой мировой войны: некоторые страницы истории

Горан Райович ^{a, b, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается патриотическое воспитание российской молодежи посредством создания потешных частей и введения дисциплин военного строя и гимнастики в учебных заведениях.

В качестве источников для работы над статьей были привлечены документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В частности, интерес представлял Фонд 733 (Департамент народного просвещения), в котором были обнаружены документы о международном опыте патриотического воспитания молодежи, а также реализации этой работы в российской школе.

В заключении авторы отмечают, что после Первой русской революции по инициативе русского императора начало активно создаваться потешное движение. Подразделения потешных создавались не только при государственных школах, но и при армейских полках, церковно-приходских школах, а также при пожарных дружинах. В летнее время для них устраивались полевые лагеря, проводились учебные занятия. В 1911 г. был впервые проведен смотр потешных частей России. С этого времени работа по созданию потешных частей значительно расширилась и продолжалась до 1917 года. Всего через потешное движение России прошло несколько десятков тысяч человек.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, потешные части, военный строй, школы, Российская империя, Николай II.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

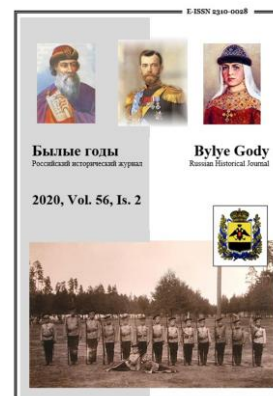
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 871-877. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.871
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Representation of the History of the Provincial Merchants of Late Imperial Russia in the Contemporaries' Everyday Narrative

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Svetlana I. Grakhova ^c

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^cNaberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

As being based on the recorded materials of oral history, the authors, while applying public history and local history approaches, aim to study the processes of representation of the provincial merchants of the Zakamsky region of Tatarstan in the historical consciousness of wide groups of their contemporaries. Oral narratives are characterized as being plot-based, traditional, dynamic, simple and easy to perceive; they have an arbitrary form and memoir-illustrative style of speaking. They follow well-known historical texts and general-audience information and contain a certain degree of artistic fiction, which is why they tend to turn into a popular mass culture product, contributing to advertising the city. Oral stories represent the images of the merchants in historical memory as simple and open in communication businesspeople, sincerely caring for fellow countrymen and city patrons who worked for the common good. With that said, the extremes of highlighting class shortcomings, satirization or iconization of reconstructed merchant images in the existence of history are completely absent in public space.

Keywords: public history, Russian province, merchantry, Russian Empire, historical consciousness, historical memory, local history, oral history.

1. Введение

«Диалог эпох», пожалуй, самый любопытный аспект для междисциплинарной компаративистики. Прошлое и настоящее часто «вступают в полемику» и конфликтуют в представлениях об исторических событиях, людях и их деяниях. Дореволюционное российское купечество – сословие, вызывающее глубокий интерес у современников. Это и стало, в свое время, основанием для изучения образного восприятия недифференцированным множеством современников представителей торгового люда. Особый исследовательский интерес представляет уже укоренившаяся в массовом сознании постсоветской эпохи смена метанарратива дискурса купца с радикального образа буржуазного антагониста рабочего класса в гомогенную икону предпринимателя-благотворителя. Усилившийся в последнее десятилетие антропологический поворот в социальных науках в нашей стране ослабил экономическую и политическую инструментализацию исторической науки, а возродившееся в 1990-х гг. краеведение, сейчас пытающееся вырваться из любительского историописания в когнитивные практики локальной истории, способствовало регионализации исторических исследований и расширению доступа в прошлое широким слоям провинциально-городского социума, выступающим в ипостаси не только потребителей истории, но и активных агентов ее сотворения-репрезентации.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov), sg2223@yandex.ru (S.I. Grakhova)

2. Материалы и методы

2.1. Научный интерес статьи сконцентрирован на совокупности представлений и мнений современников о личностях купцов Закамского региона Татарстана, связанных с ними фактах и явлениях, а также практиках трансляции и функционирования этих нарративов в поддающемся прочтению городском пространстве исторической памяти. В этой связи проблема раскрывается в первую очередь на базе задокументированных источников устного происхождения через сложившиеся практики «устной истории». Информация, полученная из них, научно организована, что позволит сохранить ее от дальнейшего забвения.

Эмпирический материал был записан С.И. Граховой в процессе краеведческих и фольклорных исследований, в беседах и интервьюировании городского населения Елабуги и Менделеевска, жителей деревень и сел Елабужского и Менделеевского районов Республики Татарстан в период 1995–2020 годов. Записи текстов сопровождалась фиксацией сведений о рассказчиках.

Предметом нашего исследования стали устные рассказы о купцах, бытующие в народной среде наших современников в разных жанровых образованиях: случай из жизни, воспоминание, забавная история, семейное предание, рассказ о необъяснимом, порой фантастическом, происшествии, байка о знакомых, толкование снов, рассказы о чудесах, и даже слухи, толки, сплетни. Подобные повествования прочно вошли в речевую повседневность современных жителей городов, сел и деревень. Отчетливо не выделяясь, гармонично вплетаясь в поток речи, «устный рассказ в большей степени, чем другие жанры фольклора, принадлежит языку повседневного общения» (Веселова, 2003: 534).

2.2. Методологические основания исследования выстроены в русле проблематики концептов «историческая культура», «историческая память», «локальная история» и связаны с изучением механизмов воспроизводства повседневных представлений коллективных групп современников о прошлом на основе анализа документов устной истории. Определяющий для данной статьи лингвистический поворот в исторической науке сфокусировал наше внимание на репрезентации образов и роли купечества в локальных измерениях истории провинциальной России. Историописание у нас таким способом трансформируется в изучение обыденного исторического сознания местного социума, представленного в форме устного повествования. Это историосказательное опосредование, основанное на доминирующих конструктах господствующей идеологии, местно-патриотических настроений и сюжетно-смысловых описаниях данного прошлого другими, насыщает интерпретации говорящего заданным языком и текстом, уместными смыслами размещения событийной палитры в процесс производства значений в форме привычных и удобных продуктов массовой культуры.

Конец XX века стал для России временем повального увлечения местной историей. Упростившийся доступ к историческим текстам, организованные формы объединения любителей старины активизировали исторического потребителя, усилили «чувство места», рефлексировали желание понять локальный нарратив. Выступая как публичная история снизу, локальная историческая культура коллективных носителей исторической памяти в научных рамках нашего мемориального исследования позволяет изучить «осовремененное» прошлое в сознании этих субъектов.

Методика эмпирического исследования реализовывалась нами на двух уровнях: через методы полевой работы, нацеленные на обнаружение и фиксацию устного нарратива посредством включенного наблюдения и неформализованной беседы-интервью, и с помощью методов анализа фольклорного материала (описательного, сравнительного и сопоставительного).

Материалы интервью, проводимых с заранее продуманными вопросами, подвергались традиционной внутренней и внешней критике, включая проблемы достоверности информации и репрезентативности устных текстов. При этом субъективным фактором выступали психологические аспекты, обусловленные общением респондентов и интервьюера.

3. Обсуждение

В науке XIX века отсутствуют записи и исследования повседневного нарратива – устных городских рассказов, однако отдельная фиксация слухов, толков, чудес, городских легенд и пр. была сделана бытописателями того времени (например, Пыляев, 1889; Пыляев, 1891).

В начале XX века (1910–1920 гг.) наука проявила интерес к городскому нарративу. Петербургская школа краеведения, идейным вдохновителем и основоположником которой являлся И.М. Гревс, начала изучение бытовых рассказов о Петербурге. Далее увидели свет книги Н.П. Анциферова «Быль и миф Петербурга» (Анциферов, 1924), «Пути изучения города как социального организма» (Анциферов, 1924). Е.З. Баранов (Баранов, 1928) обратил внимание на московские легенды. Свои записи исследователь делал в среде непосредственного бытования жанра – в живом разговоре. В это же время в свет выходит «Купеческий бытовой портрет», мемориализовавший визуальные способы репрезентации прошлого купечества (Купеческий, 1925). К сожалению, исследования, начатые в первые десятилетия XX века, были прекращены и возобновились лишь в 1980-е годы (Иванов, 1982). В зарубежной фольклористике особый интерес

представляют исследования W. Labov (Labov, Waletzky, 1967) и др. Нарративу нового времени, преимущественно городскому, посвящены спецвыпуски журнала «Fabula» (1985; 1990).

4. Результаты

Интерес представляет совокупность ситуативно возникающих (существующих) «городских» текстов, содержание которых связано с репрезентацией купеческого сословия. Структурно городская словесность состоит из нескольких уровней, «каждому из которых соответствуют: функциональная направленность, круг носителей и сфера бытования, специфические формы коммуникации, способы трансмиссии текстов, обстоятельства актуализации» (Разумова, 2003: 544). Так, изучаемые нами тексты «работают» на повышение статуса города. Носители передают их «для воспитания «любви к родному краю, сознательного приобщения к известным культурным ценностям. С их помощью создается определенный образ города. Не случайно на этом уровне преобладают жанры так называемой исторической прозы с соответствующим набором сюжетов и особым способом идеализации» (Разумова, 2003: 545). В рассказах горожан Елабуга презентуется богатым купеческим городом с незыблемыми традициями, пышными ярмарками и передовыми технологиями (часты, например, рассказы о том, что город одним из первых приобрел водопровод). Подобный образ небезоснователен объективно исторически и в горизонте коммуникативной памяти. В достаточно известной среди елабужан «Истории города Елабуги с древнейших времен» (1901) Н.И. Шишкина, выступающей таким образом меморализованным источником коллективного самоопределения, Елабуга предстает, как один из самых красивых и благоустроенных городов Вятской губернии. В городе была устроена публичная библиотека, «благодаря стараниям и энергии Елабужского потомственного почетного гражданина, инженер-механика Федора Васильевича Стахеева в городе Елабуге появилось на улицах электрическое освещение и устроен прекрасный водопровод, снабжающий город хорошою здоровою водою. Умственный рост известного города измеряется количеством находящихся в нем учебных заведений...» (Шишкин, 1901: 189). Коммеморация качественной социальной инфраструктуры приобретает пространственно-временную локализацию значимого для горожан опыта.

В устной истории города значимое место отводится известным личностям. Так, сказания о городах Елабуги и Менделеевска связаны и именами людей, принадлежавших великим купеческим династиям: Стахеевым, Ушковым, Гирбасовым, Шишкиным и мн. др. Как отмечает И.А. Разумова, рассказы, в которых фигурируют имена известных людей, «большой частью нельзя отнести к преданиям «об исторических лицах». У этих текстов иная целевая установка, и исторические персоны, как правило, получают лишь косвенную характеристику или вовсе лишены таковой. Они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повысить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета...» (Разумова, 2003: 549).

В рукописи С.А. Ефремова «Торговая Елабуга» (1929) читаем: «Елабужские купцы и промышленники везде пользовались кредитом и уважением. Обширная торговля елабужских купцов создала замечательных личностей в торговле, как И.И. Стахеев, К.Я. Ушков, Ф.Г. Чернов.

В.И. Немирович-Данченко приводит следующий факт из торговой деятельности И.И. Стахеева: «Есть, например, два утеса на Чусовой, Разбойник – на юг от Ниновского завода и у самого завода Мултун. Это сцилла и харибда для уральских сплавщиков. Особенно у Разбойника – спокон веку разбивались сотни барок. Сколько жизней он стоил и не сочтешь. Как ни просило местное население снести его – официальная мундирная наука, ничего не делающая без чудовищных смет и выгодных ассигновок, признавала это невозможным. Наконец, в 1876 г. простой купец Стахеев из Елабуги на свой счет и своими рабочими взял да и взорвал камни. Это был опаснейший пункт на Чусовой. В 1874 г. у этого утеса разбилось 30 барок с железом» (Ефремов, 1929: 233).

Далее: «К.Я. Ушков, бондюжский крестьянин, явился пионером в развитии русской химической промышленности, надо было иметь большой ум, чтобы в эпоху 50-х годов, в глухой провинции, среди лесов и болот создать химические заводы, лучшие в России.

Ф.Г. Чернов был делец первой руки, энергичный, предприимчивый, сумевший с 15 тыс. руб. нажить миллионное состояние. Он сделался миллионером. Он открывает предприятие за предприятием... Он царит как король на Каме по части хлебной торговли. Ему оказывают почести, его расположения заискивают чиновники и купцы. Сундуки его ломятся от золота. Быть кавалером было тогда большой редкостью в купеческом мире» (Ефремов, 1929: 234).

Столь лестные характеристики купцов, сделанные в начале XX века, созвучны повседневному нарративам наших современников. Предлагаем рассмотреть ряд примеров.

1) Ты вот послушай. Чего хулили купцов-то?! На них Россия держалась. Стахеев-то, вон, баржи с хлебом, что за границу шли, остановил. Все потом на Волгу голодным отправил. И убытков не побоялся. Народ накормил. А знашь, Ушковых-то фамилию, так у их в Бондюге [ныне г. Менделеевск – авт.] завод был. До сих пор этот завод работает. На века строили... (Максютин Е.В., 1946 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 2005) (Грахова, 1995-2020).

2) Ушковы-то знатные купцы были. Мне вот бабка в свое время рассказывала, что Ушковы и в Елабуге, и у нас почтением пользовались. Завод-то химический ими построен. Говорят, что люди,

которые на них работали, разное переносили. Бывало, что и несчастные случаи происходили. Так Ушков ни одну семью не бросил. Всех поддерживал. Ребятам постарше при дворах, мастерских пристраивал, матерей с малыми детьми финансово поддерживал. Если деревенские жители, то ближе переселял или в город, работой обеспечивал. Тех, кто смышлен, грамоте обучал и в конторские определял. Так-то! (Фролова А.Я., 1953 г.р., уроженка с. Яковлево (Елабужского р-на Республики Татарстан), в Менделеевске проживает с 1959 г. Запись: 2003) (Грахова, 1995-2020).

3) Улица Казанская вся мощеная была. Дома добротные, основательные. У купцов-то первой гильдии все дома каменные, по первой линии располагались, ближе к реке. У тех купцов, что попроще, второй-третьей гильдии, дома-то снизу были каменные, а сверху деревянные. Верхняя-то часть жилая, а нижняя – лавка. Все продумано. (Иванова Т.А., 1921 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 1998) (Грахова, 1995-2020).

4) Елабуга богатым была городом. Купцов не счесть. Один-то, вроде из Стахеевых, водопровод наводрил в городе, все потом на фонталах белье-то полоскали. Вот, значит. Еще освещение купцы в городе сделали. А жена-то одного из Стахеевых училище открыла. Здание в помин мужу построила. Сейчас там пединститут. Вот ведь! До сих пор, значит, там учатся. Зачтется им на небе. (Г.Е. Тарасова, 1912 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 1995) (Грахова, 1995-2020).

В последнем случае материальная единица – здание, которое ныне занимает Елабужский институт Казанского университета, – в силу своей доминанты в городской архитектуре и узнаваемости для горожан кристаллизовалась в устойчивую символическую часть купеческого наследия, сохраняемую и воспроизводимую в памяти многих поколений городской общности. При этом способы восприятия и интерпретации данного пункта коллективной памяти носят статичный характер, конституированный вокруг традиционных устоявшихся мотивов.

Для устных рассказов как жанра народного творчества характерна установка на достоверность, то есть «ссылка внутри текста на реальность происшедшего события (указание времени, места, участников, с разнообразными подробностями и прямое подтверждение достоверности)» (Веселова, 2003: 536). Однако задача устных рассказов не в передаче информации, а, скорее, в ее обработке, интерпретации сказителем и понимании слушателем. Рассказчик, как правило, создает жизненный сюжет по традиционным образцам народного творчества. И.С. Веселова отмечает, что «мы не самостоятельны в выборе событий рассказа, поскольку ориентируемся на его «интересность» для собеседника. Мы оформляем в повествование личный опыт по готовым материалам и при помощи выбора «общих мест»: мотивов, структуры и т.д.» (Веселова, 2003: 536).

Американский этнолингвист В. Лабов в модели сюжетного нарратива определяет структурную общность основных эпизодов: резюме – некая проба, «реклама» для слушателя; заинтересуется темой – рассказ состоится; «описание окружающей обстановки или расположение (setting or orientation)» – указание места, времени, участников событий; осложнение (complication), развязка (resolution), кода (coda) – переход из временного пространства описываемых событий к реальности; «оценка (evaluation) выражается прямым утверждением, лексическим усилением, приостановкой действия или повторением, символическим действием или суждением третьего лица» (Labov, Waletzky, 1967: 12-44).

По нашим наблюдениям сюжетопостроение устного рассказа о купцах основывается на трех элементах: привлечении внимания слушателя (некий вход в ситуацию повествования), собственно передаче события (нахождение в ситуации повествования), завершающей реплике, часто оценочного характера (выход из ситуации). Как правило, устные рассказы односюжетны, повествуют о каком-то ярком событии, ситуации.

Состав бытующих жанровых образований отличается разнообразием – это слухи, толки, утверждения, сказовые формы, воспоминания родных и пр., однако в область наших изысканий попали не все формы припоминания и реконструкции, а только имеющие если не традиционный сюжет, то хотя бы отдельные традиционные мотивы. О времени появления устных рассказов трудно судить, первые же записи рассказов-сообщений и сюжетных повествований были сделаны к концу первой половины 1990-х гг. Отличительная особенность изучаемых текстов – тяготение к положительной оценочности представителя купеческого сословия.

В образе человека из торгового сословия народные сказители подчеркивают простоту, открытость в общении, доброе внимание к людям. Деловая жилка, надежность и сила в нем, по мнению народных авторов, была опорой страны и российскому народу. Такое изображение купцов в елабужских, менделеевских и др. повествованиях резко отличается от их традиционно сатирических образов в русской словесности. Ценность изучаемых рассказов видится в художественной реконструкции лиц и событий, связанных с историей города и района, в тяготении народных сказителей все осознать, трактовать, персонифицировать и созидать с гуманистических позиций правды, добра и красоты, что является отражением общей тенденции отечественной словесности.

Ранее в публикациях отмечали, что «центральный мотив, вокруг которого группируются почти все известные рассказы жителей Елабуги и Менделеевска о людях торгового сословия, – это мотив купеческих благодеяний». «В нем воплощено народное представление о человеке, способном на

бескорыстную помощь, поддержку, отзывчивость» (Grahova, Gapsalamov, 2014: 411). Популярные сюжеты можно представить следующими тематическими группами:

- благотворительная деятельность (помощь голодающим крестьянам Поволжья; помощь в восстановлении домов елабужан после большого пожара 1850-го года; помощь малоимущим; одаривание за добрый поступки и пр.)

- облагораживание города;

- просветительская деятельность (самый популярный сюжет о строительстве Епархиального женского училища).

Артикуляция исторического сознания в данных сюжетных формах складывалась в локальных сообществах под воздействием СМИ, краеведческих изданий, научно-популярной литературы. Существенное влияние оказали также просветительская деятельность Елабужского городского музея-заповедника, Краеведческого музея г. Менделеевска, общегородские мероприятия, создавая метанарративное поле исторической культуры жителей провинции в условиях взаимодействия носителей памяти, профессиональных историков и общественных институций и конструируя его поливалентные интерпретации в заданных местно патриотическими границами сюжетных рамках.

Устные рассказы о купцах не лишены добродушного юмора с серьезной подоплекой, возможно восходя к новеллистической сказке. В небольших, часто напоминающих истории по случаю, текстах комическое выражается прежде всего в ситуациях и слове.

1) Вот история о Щербакове. Был случай один. Стало мужикам интересно, как разбогател купец. Спрашивают его напрямую: «Откуда деньги у тебя появились?» А он им отвечает: «Я бочку золота нашел». Люди остались довольны таким ответом – повезло!.. (Акаев П.Н., 1966 г. р., коренной житель. Запись: с. Костенеево, Елабужский район, 2011) (Грахова, 1995–2020).

2) Дед мой был сапожником, мастером своего дела. Чинил обувь и крестьянскую, и хозяйскую. Не только починить мог, но и пошить обувку. Так вот к нему часто приходили купеческие работники. А бабка моя, долго не думая, сама иногда заказы-то относил. Уж больно на двор купцов поглядеть ей хотелось... Приходилось ей и в дома купеческие заходить. Правда, говорит, только в передней бывала. Передаст заказ и уходит. Но видно было, что дома светлые, просторные. Во всем видна была хозяйская рука и порядок. Кухарка ихняя рассказывала моей бабке, что излюбленным занятием у них было чаепитие. Чай они покупали дорогой, долго выбирали. Поэтому каждый день этой кухарке приходилось готовить немислимое количество бубликов, пирогов. А то, что оставалось из выпечки, раздавалось слугам и детям... (Д.И. Исмаилова, 1937 г. р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 2011) (Грахова, 1995–2020).

3) Историю знаю. Не помню уж, кто рассказал, но с детства помню.

Был, значит, у Стахеева управляющий. Обычно на такие должности Стахеев справных людей брал, а тут один гнилой затесался. Гаденький мужичонка, говорят, был. Людей не любил. Все тиранил их да страшал, что купцу доклад сделает и без пропитания оставит в наказание. Боялись с ним связываться.

Как уж сам Стахеев узнал о повадках этого управляющего, не знаю, или не помню. Однако призвал он этого злыдня к себе и говорит:

- Ну, докладывай мне, как люд работает, как ты делу служишь.

А управляющий и рад случаю выслужиться, и давай работников грязью поливать: а тот то-то и то-то, а другой вот так-то и эдак-то. Один он молодец. Бьется с бездельниками, уже мочи нет. А те его не слушают, а все назло не работают.

- Слушал его Стахеев, слушал, – надоело. Остановил доклад управляющего и говорит ему:

- Вижу, как ты страдаешь. Не получается у тебя с людьми работать. Все собачишься. Поди-ка ты, страдалец, на псарню. Там собачься. (С.И. Татаринцев, 1965 г. р., коренной житель. Запись: Елабуга, 1999) (Грахова, 1995–2020).

5. Заключение

5.1. Исследование материалов устной истории стало возможным благодаря усилению развития публичной истории, особенно в локальных рамках российского краеведения. Фиксация устных текстов производилась на материалах репрезентации повседневных купеческих историй современниками – жителями старых русских провинциальных городков.

5.2. Устные нарративы обыденного исторического сознания широких слоев социума, имеющие ярко выраженную местно-патриотическую окраску, всегда «работают» на повышение статуса города. Они частично сконструированы образами, уже заданными в исторических и популярных текстах, а их сюжетная палитра размещается в контексте массовой культуры. Способы интерпретации исторических событий и фактов уже четверть века носят статичный характер, а реконструкция центрируется вокруг устоявшихся сюжетов.

5.3. В основе устных рассказов, как правило, часто заложен исторический факт, реальное событие, традиционно с некоторой долей вымысла, но в этом, наряду с развитием художественного осознания жанра носителями, с выдвиганием на первый план эстетической функции, заключаются причины их популярности в народе.

5.4. Современные провинциальные репрезентации образа человека из торгового сословия подчеркивают простоту, открытость в общении, доброе внимание к людям, что резко отличает их от традиционных сатирических образов купечества в русской литературе. Носители исторической памяти выделяют не столько деловые качества местных предпринимателей, сколько их благотворительная помощь населению, деятельность по облагораживанию города, резюмируя их социальную роль и положительно оценивая личные и качества, экстраполируя их функцию на региональное развитие и опору страны в целом.

5.5. В устном рассказе о купцах как жанре народной прозы можно выделить типичные признаки: устное исполнение, доступность восприятия, динамичность сюжета, простоту языка. Форму исполнения устные повествования имеют произвольную, не требующую специального запоминания и заучивания текста, что необходимо для исполнения некоторых фольклорных жанров, например, песен или заговоров. Важную роль играет мемуарно-иллюстрационный стиль говорения, требующий передавать рассказ как личное или услышанное воспоминание.

Литература

- Анциферов, 1924 – Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Петроград, 1924.
 Анциферов, 1925 – Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Ленинград, 1925.
 Баранов, 1928 – Баранов Е.З. Московские легенды. Вып. 1. Москва, 1928.
 Веселова, 2003 – Веселова И.С. Прагматика устного рассказа // *Современный городской фольклор*. Москва, 2003. С. 534-543.
 Грахова, 1995-2020 – Грахова С.И. Личный архив. 1995-2020.
 Ефремов, 1929 – Ефремов С.А. Торговая Елабуга. Елабуга, 1929. [Машинопись] // *Краеведы Елабуги*. Елабуга, 2007. С. 230-238.
 Иванов, 1982 – Иванов Е.П. Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. Москва, 1982.
 Купеческий, 1925 – Купеческий бытовой портрет XVIII-XX вв.: Первая отчетная выставка Историко-Бытового отдела Русского Музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Ленинград, 1925.
 Пыляев, 1889 – Пыляев М.И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. Санкт-Петербург, 1889.
 Пыляев, 1891 – Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Санкт-Петербург, 1891.
 Разумова, 2003 – Разумова И.А. Несказочная проза провинциального города // *Современный городской фольклор*. Москва, 2003. С. 544-559.
 Шишкин, 1901 – Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 1901.
 Grahova, Gapsalamov, 2014 – Grahova S.I., Gapsalamov A.R. The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). Pp. 410-416.
 Labov, Waletzky, 1967 – Labov W., Waletzky J. Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience // *Essays on Verbal and Visual Arts* / Ed. J. Helm. Seattle, 1967. P. 12-44.

References

- Antsiferov, 1924 – Antsiferov N.P. (1924). Byl' i mif Peterburga [The true story and myth of Petersburg]. Petrograd. [in Russian]
 Antsiferov, 1925 – Antsiferov N.P. (1925). Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma [Ways to study the city as a social organism]. Leningrad. [in Russian]
 Baranov, 1928 – Baranov E.Z. (1928). Moskovskie legendy. Vyp. 1. [Moscow legends. Is. 1]. M. [in Russian]
 Efremov, 1929 – Efremov S.A. (1929). Torgovaya Elabuga. Elabuga. [Mashinopis'] [Trade Elabuga. Elabuga. [Typewriting]]. Kraevedy Elabugi [Local historians of Elabuga] (pp. 230-238) (2007). Elabuga. [in Russian]
 Grahova, Gapsalamov, 2014 – Grahova S.I., Gapsalamov A.R. (2014). The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study. *Bylye Gody*. 33 (3): 410-416.
 Grakhova, 1995-2020 – Grakhova S.I. (1995-2020). Lichnyy arkhiv [Personal archive]. [in Russian]
 Ivanov, 1982 – Ivanov E.P. (1982). Metkoe moskovskoe slovo: Byt i rech' staroy Moskvy [An apt Moscow word: Life and speech of old Moscow]. M. [in Russian]
 Kupecheskiy, 1925 – Kupecheskiy bytovoy portret XVIII-XX vv.: Pervaya otchetnaya vystavka Istoriko-Bytovogo otdela Russkogo Muzeya po rabote nad ekspozitsiey «Trud i kapital nakanune revolyutsii» [Merchant household portrait of the XVIII-XX centuries: The first reporting exhibition of the Historical and Household Department of the Russian Museum for work on the exhibition "Work and Capital on the Eve of the Revolution"] (1925). Leningrad. [in Russian]
 Labov, Waletzky, 1967 – Labov W., Waletzky J. (1967). Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience. J. Helm (Ed.) *Essays on Verbal and Visual Arts* (pp. 12-44). Seattle.

Pylyayev, 1889 – *Pylyayev M.I.* (1889). Staryy Peterburg: Rasskazy iz byloy zhizni stolitsy [Old Petersburg: Stories from the former life of the capital]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Pylyayev, 1891 – *Pylyayev M.I.* (1891). Staraya Moskva: Rasskazy iz byloy zhizni pervoprestol'noy stolitsy [Old Moscow: Stories from the former life of the original capital]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Razumova, 2003 – *Razumova I.A.* (2003). Neskazochnaya proza provintsial'nogo goroda [Non-fairytale prose of a provincial town]. In *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. (pp. 544-559). M. [in Russian]

Shishkin, 1901 – *Shishkin N.I.* (1901). Istoriya goroda Elabugi s drevneyshikh vremen [History of the city of Elabuga since ancient times]. Elabuga. [in Russian]

Veselova, 2003 – *Veselova I.S.* (2003). Pragmatika ustnogo rasskaza [The pragmatics of oral storytelling]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. (pp. 534-543). M. [in Russian]

Репрезентация истории провинциального купечества позднеимперской России в повседневном нарративе современников

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Светлана Ивановна Грахова ^c

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основе зафиксированных материалов устной истории авторы, используя подходы публичной истории и наработки краеведения, пытаются исследовать процессы репрезентации провинциального купечества Закамского региона Татарстана в историческом сознании широких групп современников. Устные нарративы сюжетно традиционны, динамичны, просты и доступны для восприятия, имеют произвольную форму, мемуарно-иллюстративный стиль говорения, следуют широко известным историческим текстам и научно-популярной информации, обладают некоторой долей художественного вымысла, отчего и превращаются в популярный продукт массовой культуры, дополнительно рекламирующий город. Устные рассказы репрезентуют образы купечества в исторической памяти как деловых людей, простых и открытых в общении, искренне заботящихся о земляках и городе меценатах, способствовавших всеобщему благу. При этом крайности выделения классовых недостатков, сатиризация или иконизации реконструируемых купеческих образов в бытовании истории в публичном пространстве напрочь отсутствуют.

Ключевые слова: публичная история, российская провинция, купечество, Российская империя, историческое сознание, историческая память, локальная история, устная история.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов), sg2223@yandex.ru (С.И. Грахова)

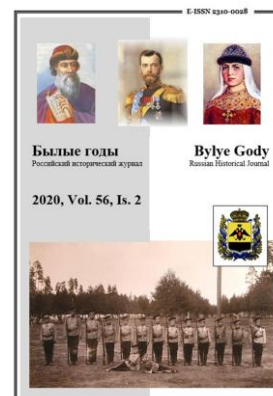
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 878-888. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.878
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Retrospective Analysis of the Social Consequences of the 1910 Storm in the Caspian, Black and Azov Seas

Irina V. Pashchenko ^{a,*}

^a Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article considers the consequences of a storm in the Caspian, Black and Azov Seas in the autumn, which led to icing of ships at sea, as well as to the death of the population in coastal areas due to flood surges.

The Caspian Sea storm began on November 12 and lasted for 6-7 days due to the passage of a cyclone over all of southeastern Russia. Weather conditions on the three seas were the same – the storm was accompanied by a sharp drop in temperature to negative values, which led to the icing of a significant number of ships, longboats and barges, and the death of fishermen. The tragedy that broke out in the three southern seas could have been avoided, because there was information about the impending cyclone on November 6. It should be noted that this information was available only to captains and crew members of the courts, the population of the coastal territories was not aware of it.

The victims of the maritime disaster were primarily members of the crews of ships caught in the raid, as well as fishermen. There is no summary data on the number of victims, but only in the Caspian Sea their number was more than 300.

Wind waves also led to a large-scale surge flooding on the northwestern coast of the Caspian Sea, as a result of which coastal areas were flooded, with fishing villages located on them, fishing establishments and Kalmyk cattle breeder settlements. Residents of the flooded territories died not only as a result of the flood, but also in the absence of suitable houses, severe weather, cold and diseases.

In the research, author defines the assistance provided to victims at sea and on land: at sea, the rescue operations were organized by the administration of shipping companies, and on the coastal territories, this work was provided and supervised by representatives of regional authorities (governors). Funds for saving ships at sea were obtained from shipping companies, while the money to help the residents of coastal territories came both from the state treasury (from the Emperor and the governor), and mutual assistance funds (voluntary donations).

The consequence of this tragedy at sea was the approval of the icebreaking program for 1911–1913 in the southern seas.

The materials for preparing the article were documents from the funds of the State Archives of the Krasnodar Krai, the State Archives of the Republic of Crimea, the Central State Archives of the Republic of Dagestan, as well as publications in the periodical press of that time.

Keywords: natural disaster, natural hazards, storm, icing, flood surge, Caspian Sea, Black Sea, Sea of Azov.

1. Введение

Обледенение судов относится к опасным природным явлениям, по имеющимся данным, с 1908 до 2000 гг. от обледенения погибли 117 судов с экипажем в 1 тыс. человек (Суханов и др., 2006).

* Corresponding author

E-mail addresses: pashchenkoirina@gmail.com (I.V. Pashchenko)

Наибольшее число обледенений судов наблюдается в северных и дальневосточных морях, но такие случаи были зафиксированы в Черном, Азовском и Каспийском морях. Хотя они редки, но зачастую обледенение носит очень быстрый характер и приводит к катастрофическим последствиям.

Сильные штормовые ветра северных и южных направлений способствуют тому, что Каспийское море отличается бурным волнением. Особенно интенсивны штормовые процессы осенью и зимой в Северном Каспии. В связи с его мелководностью волнение развивается уже при ветрах в 15–20 м/с (Болгов и др., 2007). При температуре воды, близкой к 0°C, резком понижении температуры воздуха до отрицательной и усилении северо-западного, северного или восточного направлений ветра (скоростью в 11–14 м/с и более) складываются благоприятные условия для быстрого обледенения судов.

Случаи очень быстрого обледенения на Северном Каспии редки (1 раз в 20–25 лет). Один из них произошел 12–13 ноября 1910 г. в акватории 12-футового Астраханского морского рейда (Бухарицин, 2007). Разыгравшийся циклон затронул не только Каспий, но и Черное, и Азовское моря. Эта трагедия приобрела катастрофический характер для всего Юга России: при сильном штормовом волнении в открытом море наблюдался нагон в северо-западной части Каспийского моря с одновременным сгоном воды в Таганрогском заливе, резким падением температуры до отрицательных значений и быстрым обледенением судов. Задачами настоящего исследования выступают реконструкция опасного природного явления, определение его причин и последствий, а также выявление особенностей организации спасательных работ в море и на территории прибрежных поселков в имперский период в России.

2. Материалы и методы

Определение особенностей ветрового режима южных морей и условий наступления обледенений судов входит в область исследований метеорологов и гидрологов (Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР, 1991; Гармашов, 2013; Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР, 1992; Матишов и др., 2014; Яицкая, 2017). Но в работах этих исследователей описание шторма 1910 г. встречается лишь в общем ряду опасных природных явлений. Для советской историографии в вопросе влияния природных катастроф на социальные процессы было характерно изучение реакции общества и процесса оказания помощи пострадавшим областям, причем эти исследования зачастую использовались в идеологических целях (Вагабов, 1968; Ахмедов, Вагабов, 1972; Ризаев, 1973; Касымов, 1978; Тараканов, 1989; Армения, 1990). В современной историографии стихийные бедствия и технологические катастрофы, хоть и становятся предметом изучения отечественных историков, но зачастую комплексный характер носят лишь некоторые из них, посвященные наиболее масштабным бедствиям (Дьяченко, 2002; Сагателян, 2007). Природным катастрофам имперского периода посвящены лишь отдельные публикации (Пащенко, Чуклина, 2019).

События осени и зимы 1910–1911 гг. нашли широкое отражение не только в архивных документах, но и в сообщениях периодических изданий. Основу статьи составили акты капитанов судов и переписка Управления Петровского торгового порта с пароходными обществами, а также ведомость колебания уровня воды и направления и силы ветра в Петровском порту, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 190, 204); рапорты Таврического губернского правления, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 541); акты, рапорты и ведомости канцелярии черноморского губернатора из Государственного архива Краснодарского края (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 171).

Для комплексной реконструкции «трагедии трех морей», наряду с указанными архивными материалами, которые впервые вводятся в научный оборот, были использованы публикации в периодической печати того времени: журнале «Русское судоходство», газетах «Русское слово», «Наше время», «Руль».

В работе использовались общенаучные методы логического анализа, источниковедческий анализ документов, сравнительно-исторический и сравнительно-географический методы, а также статистический метод работы с количественными данными, позволившие проанализировать климатические и социальные предпосылки трагедии на территории трех южных морей, а также вычленили особенности устранения последствий катастроф такого характера как на море, так и на суше в различных регионах Юга России.

3. Обсуждение и результаты

Записка капитана парохода «Императрица Александра» на имя начальника Петровского порта, датированная 17 ноября 1910 г., содержит сведения о месте и времени наступления трагедии, возможном материальном ущербе для портовых управлений и жертвах среди членов экипажей: «...Пронесшимся ураганом с 12-го по 14 ноября с 12 рейда сорвало с якоря несколько барж и других мелких судов, которые унесены в море и люди с которых, по моему мнению, терпят бедствие, не имея провизии и других припасов...» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 14).

В актах капитанов судов подробно описаны климатические условия, приведшие к трагедии: «...12 ноября 1910 г. парох[од] «Имп[ератрица] Александра» стоял на 12-фут[овом] рейде...»

в 11 час[ов] ночи дувший ветер ОСТ в 6 баллов усилился до 9-ти баллов, и развелось сильное волнение... С 11 час[ов] ночи 12-го ноября стало холодно и температура воздуха дошла до – 4 градусов Р, при высоте барометра 31,30. 13-го ноября с рассветом пошли на глубь 14 футов, но и там волнение не уменьшалось...15 ноября сего года утром, заметив, что ветер затихал до 8 баллов...» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 18-18 об.).

Эти же сведения подтверждаются актом капитана шхуны «Дагестанец» капитана 2 разряда Поликарпа Митрофановича Митина от 13 ноября 1910 г.: «12 Ноября в 11 ч. дня вышел из Петровска на 12[-футовый] Астраханский рейд... Выйдя из бухты при ветре ОСО 3–4 б. и крупной мертвой зыби... В 4 ч. дня, пройдя [близь] Сулака, ветер от ОСО начал свежить, волнение увеличилось... Следуя к берегу курсами NW и W до 6 ч. 30 мин. вечера, по случаю пасмурности и густой мгле, принужден был повернуть по курсам NO и NO... обратно в море... В 11 ч. вечера... ветер и волнение, продолжая усиливаться, довели ход судов до 1 узла в час... В 1 ч. 30 мин. ночи 13 Ноября... ветер от ОСО достиг 7 б. при очень крутом волнении... С 8 ч. утра ветер, не изменяя направления, начал еще усиливаться и к 11 ч. дня достиг степени шторма при громадном волнении» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 50-50 об.).

Другие акты содержат сведения о силе обрушившегося шторма, но время окончания ветрового волнения в них прописано не столь однозначно. Так, акт № 21 от 18 ноября 1910 г. гласит: «17 Ноября 1910 года во время следования транспорта “Киргиз” с 12-футового Астраханского рейда в Петровск при сильном ветре от ОСО силой до 9 бал. и высоком волнении от того же румба силой до 9 бал. в 2 ч. 50 м. по полудни сильным ударом зыби вышибло левый средний фальшборт и вогнуло левый борт на протяжении 10 фут, причем волна залила всю палубу транспорта... При подробном осмотре повреждений 18-го Ноября 1910 года было обнаружено, что топ тимберс у вышибленного фальшборта продавил ватервейс..., причем оказалось, что ватервейс у левого среднего фальшборта получил выгиб на протяжении трех шпангаутов» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 56-56 об.).

В ведомости о колебаниях уровня воды и направлении и силы ветров в Петровском порте за ноябрь 1910 г. указано, что шторм продолжался 6–7 дней, пик его пришелся на 14 ноября. Ослабление силы ветра происходило при изменении его направления. При этом сведения касаются только ситуации в порту (Таблица 1), о силе ветра в открытом море можно судить лишь из корабельных актов:

Таблица 1. Ведомость о колебаниях уровня воды и направлении и силы ветров в Петровском порту за ноябрь 1910 г. (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1 Д. 190. Л. 9)

Дата	Направление и сила ветра						Примечание
	В 7 ч. утра		В 1 ч. дня		В 7 ч. вечера		
	Направление	Сила	Направление	Сила	Направление	Сила	
12	SO	4	SO	10	SO	6	Зыбь
13	SO	14	SO	16	SO	20	Тоже
14	SO	20	SO	22	SO	18	Тоже
15	SO	14	SO	17	SO	14	Тоже
16	SO	12	SO	16	SO	14	Тоже
17	SO	16	SO	20	SO	20	Тоже
18	SSO	16	SSO	17	SSO	14	Тоже
19	SSO	10	SO	14	SO	8	Тоже
20	SO	6	SO	10	SO	4	Тоже
21	NW	2	NW	4	NW	8	Тоже

Циклон охватил всю юго-восточную Россию, от Черного моря до Ташкента. Свирепствовал он в Азовском и Черном морях. Погодные условия были примерно одинаковыми, шторм сопровождался резким понижением температуры до отрицательных значений, что привело к обледенению значительного числа судов, баркасов и барж, гибели рыбаков. «При сильнейшем шторме от NO морозы в Азовском море доходили до 5°. В Таганроге ветром угнало воду на 5 верст от берега, вследствие чего много судов очутилось на мели... Закончившись на Каспии 15-го ноября, шторм в черноморско-азовском районе продолжался еще неделю» (Саговский, 1911).

В корреспонденции из Ростова-на-Дону находим следующие сведения: «Начавший дуть с вечера 12 ноября восточный ветер превратился в шторм необычайной силы, какого местные старожилы не помнят... Трехмачтовое парусное судно “Рыбка”... вышло из Мариуполя... 12 ноября в 6 часов вечера ветер начал усиливаться и через некоторое время превратился в ужасный шторм, сопровождавшийся сильным снегом... В какой-нибудь час обледенели не только все снасти, но и само судно покрылось льдом... Часть моря, составляющая Таганрогский залив, от Песчаных островов до Кривой косы, совершенно затерта льдом...» (Корреспонденция, 1911).

В информационных сообщениях из периодической печати содержались в основном сведения о судах, пострадавших от стихии: «...Между Анапой и станицей Благовещенской выброшен на берег

греческий пароход “Песмазоглу”» ([Русское слово, 15.02.1911, № 26: 3](#)); «...кроме пароходов “Штурман” и “Эльфтонис”, на Черном море во время последних штормов погибли еще 2 греческих парохода, 15 судов потерпели аварию ([Руль, 20.02.1911, № 43: 2](#)); «...сорвало с цепей два ...английских парохода – «Ламоор» и «Токио». Первый врезался носом в пристань и, столкнувшись с «Токио», сильно повредил себе рулевую часть и затоплен на пятнадцатифутовой глубине... Около пристани Русского общества выброшен на мель греческий грузовой пароход «Александропос»» ([Русское слово, 21.02.1911, № 42: 4](#)).

Из актов капитанов судов, вышедших в это время на рейд, а также из сообщений периодической печати можно судить о последствиях нахождения судов в море в такой шторм при сильном обледенении. Значительное число кораблей потерпело крушение, оставшиеся были затерты льдами и ожидали помощи, которая была затруднена плохими погодными условиями и недостатком в Пароходных обществах так необходимых на тот момент ледаколов.

Трагедия, которая разыгралась в трех южных морях, можно избежать, ведь сведения о надвигающемся циклоне имелись и распространялись Главной физической обсерваторией, начиная с 6 ноября ([Астраханский листок, 25.11.1910, № 250: 3](#)). Данных по Азовскому и Черному морю мы не имеем, но вот на Каспии 12 ноября управляющий пароходством Общества «Кавказ и Меркурий» А.И. Патрекеев получил от заведующего судоходным надзором уведомление, что, по сведениям метеорологической станции, ожидалось приближена шторма.

Также необходимо учитывать, что Управление Приморского участка, где разыгралась трагедия в Каспийском море, 10 ноября официально закрыло навигацию, но на рейд был послан огромный баржевой караван без постоянной охраны из нескольких морских пароходов. В статье Е. Саговского далее мы находим информацию, что виновником трагедии являлся Казанский округ путей сообщения в лице заведующего Приморским участком, который разрешил выход в море (вот это и есть основная причина трагедии – сочетание неблагоприятных условий со стремлением получить прибыль без учета имевшихся предупреждений метеорологов) ([Саговский, 1911: 146](#)).

Жертвами морской катастрофы в первую очередь стали члены команд судов, оказавшихся на рейде, которые подавали сигналы бедствия, но в большинстве своем погибли вследствие продолжавшегося шторма и невозможности их спасения подошедшими судами. Нахождение в ледяной воде приводило к скорой смерти от переохлаждения. Сводных данных о числе пострадавших, к сожалению, не имеется: «14-го ноября в 6 ч[асов] 30 м[инут] утра... увидели затонувшие и разбитые баржи, на обломках которых держались люди, около 100 человек, которым немедленно была подана посильная помощь..., удалось спасти 24 человека грузчиков (персов), остальных же часть отнесло, а часть погибла около борта парохода, так как большинство из них были полузамерзшие..., около 4-х часов вечера была замечена носовая часть баржи..., на которой держались пять человек, сняли одного, остальные оказались мертвыми... Из спасенных 25 человек двое вскоре скончались, несмотря на оказанную немедленно медицинскую помощь, так как были взяты из воды чуть живые...» ([ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204 Л. 18-18 об.](#)); «Я..., командир паровой шх[уны] “Мисири”..., Асадулла Дадаш оглы Рзаев..., стоя 13 Ноября с.г. на 12[-футовом] Астраханском рейде..., заметил тонущий дебаркадер о[бщест]ва “Кавказ и Меркурий” с поднятым до полмачты флагом. На этом дебаркадере находилось несколько парней рабочих того же о[бщест]ва... Несмотря на все усилия, спасти удалось только двоих, так как сильный ветер и крупная зыбь мешали подойти вплотную..., заметил по противоположному направлению на воде одну верхнюю палубу..., на которой было приблизительно человек 100 людей..., упомянутая палуба разделилась по длине на три части, на каждой с людьми. Две из этих частей поплыли по ветру, а одна, носовая часть, держалась еще на якоре. Когда я подошел к уцелевшему обломку палубы, на котором оставалось только человек 25, то... мне удалось спасти еще 13 человек, остальные находились в бессознательном состоянии, и спасти их не было никакой возможности» ([ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 64-64 об.](#)).

Сведения о спасении людей, отраженные в актах капитанов судов, носят лишь отрывочный характер, но и статьи в периодической печати не дают более подробного описания. Так, статья Е. Саговского «Наше судоходство» содержит развернутое описание произошедшей в Каспийском море трагедии, указывает ее возможные причины, а также социальные последствия трагедии и меры по их ликвидации со стороны управляющих пароходством. Сводных данных о жертвах на море в ней не имеется: «Ураганом и страшной зыбью баржи растягивало и топило. Люди спасались на обломках. Мерзли. Тонули... Погибло свыше 200 персов и свыше 100 русских. Утонуло 10 меркурьевских барж, маркитанская баржа “Тишина” и две частных владельцев... “Императрица” сняла с обломков 22 человека. Убытки миллионные... К 13 Ноября 1910 года на 12-футовом рейде находилось 59 судов, не считая дебаркадеров и мелких судов... Наибольшие убытки понесло общество “Кавказ и Меркурий”, у которого погибло 6 железных и 10 деревянных барж и 2 дебаркадера, утонуло 314 человек (русские и персы), а общее число погибших судов достигало 30, значит число погибших могло быть тоже значительно выше» ([Саговский, 1911: 145-146](#)).

Кроме членов команд и пассажиров судов, жертвами стихии выступили рыбаки. В это время в Каспийском, Черном и Азовском морях на лов рыбы вышло значительное количество рыбацких лодок с наемными работниками. Из заявления рыбопромышленника Анатолия Ильича Герасимова:

«В пятницу 12-го Ноября с/г принадлежащая мне рыбацкая лодка под названием “Александра” вышла из Петровска в море для ловли красной рыбы... 15-го сего Ноября с/г рыбопромышленник Порфирий Яковлев объяснил мне, что моя бударка, выкинутая на берег около промысла..., когда я узнал, что бударка действительно моя, тогда я пошел по берегу далее и увидел в расстоянии ½ версты от бударки свою рыбацкую лодку “Александра”, залитой водой и заметало песком, выкинутой тоже на берег без людей. А потому полагаю, ...рабочие потонули» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 49-49 об.). В статье «Наше судоходство» описываются следующие события: «... Команда парохода “Ейск” сообщает, что... были свидетелями ужасной картины. Несколько рыбацких баркасов находилось среди огромных льдин... На них было до 30 человек рыбаков. Сильным ветром баркасы, подпираемые льдинами, гнало все дальше и дальше в открытое море. Изнемогавшие рыбаки взывали о помощи. К сожалению, подать какую-либо помощь несчастным... не было никакой возможности, и они погибли все до одного на глазах многих очевидцев» (Корреспонденция, 1911: 160). В сообщениях же периодической печати отражено следующее: «Вблизи Феодосии на рыбных промыслах Капсель терпят бедствие, оставаясь несколько дней без пищи, свыше ста рыбаков, застигнутых штормом. Сильное волнение лишает возможности подать помощь...» (Новое время, 6.02.1911, № 12583: 2).

Большой караван судов мог остаться в порту по решению руководства вследствие возможного наступления шторма, но у рыбаков часто не оставалось выбора перед необходимостью в любую погоду выходить в море или голодать на суше. Эта суровая реальность нашла отражение в книге А. Клычева «Рыбаки»: «...Небывало суровая зима 1910–1911 года тяжело отразилась на ловцах Красноводского морского участка и на их семьях. Вследствие бурной непогоды они были вынуждены бездействовать в продолжении четырех месяцев, проживая последние крохи и забирая в долг необходимые припасы...» (Клычев, 1967: 35).

Первая помощь была оказана терпящим бедствие баржам и дебаркадерам со стороны проходивших мимо крупных морских судов, но такие примеры носили, к сожалению, единичный характер, многие лишь издали смотрели на разыгравшуюся трагедию и не предпринимали никаких действий, опасаясь за свое имущество и команду. Посланные же и губернатором Астрахани, и управляющими пароходными обществами большие суда вследствие ледяных заторов не достигали конечной цели своей экспедиции (Саговский, 1911: 138).

Капитанам и особо отличившимся членам команды судов, оказывавших помощь терпящим бедствие, были выданы награды – золотые и серебряные медали или денежные премии: «Вследствие отношения от 8 декабря 1910 г. за № 1378 губернское правление, согласно резолюции, утвержденной губернатором 20 сего декабря, просит Вас, милостивый государь, объявить команде парохода “Императрица Александра” Общества “Кавказ и Меркурий”..., что Государь Император в 28 день ноября с[его] г[ода] Всемилостивейше соизволил пожаловать к 8 декабря 1911 г. ... золотые... и серебряные медали с надписью “За спасение погибавших” для ношения на груди на Владимирской ленте за оказанный ими человеколюбивый подвиг» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 21-21 об.).

Это была общеизвестная практика в отношении людей, проявивших себя при спасении от стихии. Так, находим подтверждение этому в деле Таврического губернского правления, датированном 1905 г., где указано, что «около 8 часов утра 11 апреля этого года в Черном море..., на расстоянии около 150–200 саж. от берега при сильном шторме потерпело аварию парусное судно “Три святителя” ... Находящиеся в это время на соляных промыслах... рабочие... заметили, что возле судна опрокинулась небольшого размера шлюпка с человеком..., один из рабочих казак сел. Силище Старосельской волости Мглинского уезда Черниговской губернии Иван Митрофанов Недыкто пустился вплавь в бушующее море..., он, подвергая свою жизнь явной опасности, спас с опрокинутой шлюпки человека... Государь Император по представлению Главного Правления императорского Российского общества спасения на водах... соизволил пожаловать казаку Мглинского уезда Черниговской губернии Ивану Недыкто серебряную медаль с надписью “За спасение погибавших” для ношения на груди на Владимирской ленте, за оказанный им подвиг самоотвержения» (ГАРК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 541. Л. 6-9).

Экспедиций по спасению рыбаков никто не организовывал, лишь проходившие рядом пароходы могли принять к себе на борт уцелевших. Так как большинство из них было наемными рабочими, расходы по их лечению и доставке до места жительства ложились на плечи хозяев рыбниц: «20 сего Ноября доставлены в Петровск спасенные пароходом “Мюбарек” с погибшей рыбницы “Михаил”, принадлежащей крестьянину Красноярского уезда Астраханской губ. села Теплинского Михаилу Николаевичу Барыбину... 4 корсака без всяких средств к существованию и без денег для проезда на родину в Форт-Александровск..., прошу Ваше Превосходительство... востребовать с хозяина лодки Барыбина 30 руб. 40 коп., необходимых на харчи и отправку спасенных...» (ЦГАРД. Ф. 139. Оп. 1. Д. 204. Л. 88).

Шторм в море и последовавшее затем быстрое обледенение судов были лишь частью бедствия. Ветровое волнение привело к масштабному нагонному наводнению на северо-западном побережье Каспия, которое произошло в холодное время года, ночью, и население о нем предупреждено не было. Изменение погодных условий носило стремительный характер, а скорость волнового нагона была значительной. Наиболее пострадавшими оказались прибрежные территории с

расположенными на них рыбацкими селами, промысловыми заведениями и калмыцкими поселениями скотоводов (хотонами): «11 ноября было тепло, но уже на следующий день резко похолодало до 6°, а затем и до 12° и задул “снеговой шторм”, перешедший в ураган. Через 12 часов все морские косы северо-западного побережья Каспия оказались под водой на глубине 3 арш. ..., к концу же шторма нагнало на низменное побережье более 5 аршин воды..., по длине побережье со всеми ближайшими островами затопило на 225 верст, а в ширину на 15–30 верст..., все это усугублялось тем, что вода очень быстро замерзала... Захватив все пространство между селением Бирюзьяком и островом Колоратом, поток залил все села, поселки, промысловые заведения, ловецкие стоянки и калмыцкие хотоны..., жители этих поселений, потерявшие имущество, жилища, скот, ловецкую снасть, топливо и провизию, переживали страшные дни, спасаясь на крышах домов, стогах сена и на высоких местах. Немало погибло их от стужи в ледяной воде» (Саговский, 1911: 137).

Сведения о пострадавших поселках носят отрывочный характер. Из периодической печати того времени следует, что результатом наводнения стала гибель людей, значительного числа домашнего скота, а также повреждение имущества. Не имея пригодных к проживанию домов, жители вследствие установившейся холодной погоды погибали от холода и болезней. При этом стоит учитывать, что санитарно-эпидемиологическая обстановка была сложной, с учетом распространения в это время в России чумы и холеры: «... В поселке Бирючья Коса, Астраханского уезда, затоплено более 50 домов...» (Руль, 28.11.1910, № 281: 3); «В районе Четырех-Буторинского маяка выкинуто на берег много трупов. В разных местах северо-западного побережья Каспийского моря видели прибитые к берегу тела погибших... В селениях Вахрамеево, Рынок и Разбугорье смыты десятки домов. Скот, бывший на ближайших островах, погиб...» (Русское слово, 1.12.1910, № 277: 3); «Ураганом были загнаны в озера Баскунчак и Тургай более 5000 голов скота. Спасено менее половины. Погибло свыше 3000 овец, 42 лошади и 174 головы рогатого скота...» (Русское слово, 3.12.1910, № 279: 3); «В поселке Утерах из 70-ти домов уцелело только 25... Значительные повреждения причинены наводнением в поселке Малой Сафоновке. В поселке Новая Краса погибло 220 лошадей. В большинстве селений есть замерзшие люди. В Большой Обжоровой Гряде погибло много киргизского скота, образовавшего груды обмерзших трупов» (Русское слово, 8.12.1910, № 283: 4); «...Наводнением в значительной части затоплены приморские поселки: Харабай, Оля, Чулпан, Краса, Травин, Самосделка и Джамбай. При наступивших заморозках положение пострадавших жителей ужасное. Спасаются на стогах сена. Скот мерзнет в воде» (Новое время, 13.12.1910, № 12479: 4).

Согласно сводной ведомости убытков, «в ловецких поселениях XI-го района штормом и наводнением 13–14 ноября повреждено и подмыто много деревянных домов, разрушено громадное количество мазанок, уничтожено огромное количество рыболовного имущества, разнесены запасы топлива (камыша) и сена, попорчены запасы продовольствия, погибло немало скота. Общий убыток по отдельным поселениям выражается... в сумме 130 000 руб. Из приведенной общей суммы убытков 50 % падает на жилища, 30 % на лодки и рыболовные орудия и 20 % на все остальное» (Отчет..., 1913: 45).

Организацией помощи пострадавшим на побережье, в отличие от моря, где администрация пароходных обществ самостоятельно проводила спасательные операции, занимался губернатор Астраханского уезда. Так, для спасения жителей в пострадавшей местности, изрезанной сотнями протоков волжской дельты, губернатор организовал спасательную операцию на «пароходе управления рыбных промыслов», а также отправил на помощь ледокол «Тунгуз», но вследствие обмерзания и ледяных заторов они не смогли добраться до пункта назначения. Так как лед был еще непрочным, добраться на лошадях к этой местности не представлялось возможным, поэтому люди оказались лишены нужной им помощи. Также губернатор ходатайствовал о помощи перед Российским управлением Красного Креста.

В протоколах Комитета каспийско-волжских рыбных и тюленых промыслов № 739 и № 740 за 1910 г. имеются сведения о размере безвозвратной ссуды, которую требовалось предоставить в распоряжение Астраханского губернатора: «...из сумм ловецкой кассы безвозвратно до 30 000 руб. для оказания немедленной помощи пострадавшим ловцам. Раздачу денег необходимо произвести на местах через земских начальников в присутствии волостных старшин, сельских старост и понятых» (Протоколы..., 1911: 146-147).

Последовала помощь и от императора Николая II из государственной казны. При этом о помощи такого характера для пострадавших в море информации нет, хотя общество «Кавказ и Меркурий» находилось под личным покровительством государя: «На всеподданнейшем докладе министра внутренних дел о бедствиях, причиненных штормом населению расположенных в дельте р. Волги и на побережье Каспийского моря поселков, и о мерах, принятых для оказания помощи населению пострадавших от наводнения поселков и для спасения рыбаков, застигнутых бедствием в море, Государь Император в 21 день ноября сего года собственноручно начертать соизволил: «Отпустить 10 000 рублей из фонда на непредусмотренные сметами надобности» (Новое время, 5.12.1910, № 12472: 3).

Осенний циклон, охвативший три моря и принесший значительные убытки, стал первым в череде зимних циклонов 1910–1911 гг. на Юге России. На побережье Черного море циклоны срывали с якорей суда и уносили их в море, разрушали пристани, береговые сооружения, жилые и нежилые

постройки. Циклоны свирепствовали в январе на Юге России, на Северном Кавказе и в Закавказье. Так, в акте Геленджикского сельского старшины от 19 марта 1911 г. описаны разрушения построек села Геленджик, находившихся на берегу моря, указана примерная сумма убытков вследствие разгула штормов и наступления небывалых холодов. У 9 собственников были разрушены постройки на сумму более 34 тыс. рублей, кроме того, разрушена пристань, «сорваны с якорей и выброшены на берег бывшие в бухте два судна, принадлежащая одно крест. Илье Грекову, а другое турецко-подданному... А всего штормами 1911 года причинено убытка двадцать шесть тысяч семьсот пятьдесят рублей» (ГАКК. Ф. 468 Оп. 2 Д. 171. Л. 106-106 об.).

Но установившаяся после штормов в море морозная погода с обильными снегопадами привела к голоду и падежу скота у местных жителей, к недостатку дров для обогрева жилища, к росту цен на продукты питания. Такой зимы даже старожилы не помнили. Так, начальник Сочинского округа в своем рапорте отмечал: «...служба 10-ть лет в Сочинском округе, я первый раз встретился с ужасами минувшей зимы, достигшей побережье, в виде особых циклонов, с снежными метелями и морозами, достигавшими в горных местах до 25°...» (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 171. Л. 213). Из представленного развернутого рапорта можно заключить, что зима 1910–1911 гг. стала одной из самых холодных, и местное население не было готово к этому. Низкие температуры и глубокий снежный покров лишили возможности передвижения населения для пополнения продовольственных запасов и кормов, при этом выпас скота был невозможен. А убытки, причиненные разгулявшейся стихией только по одному Новороссийскому округу, при оценке по сельским обществам составили порядка 8235 руб. 80 к. (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 171. Л. 180-185).

О происхождении этих холодов мы находим сведения в труде С.Н. Тимофеева со ссылкой на Главную физическую обсерваторию: «... холода начались в конце января под влиянием максимума, проходившего по Западной Европе с севера на юг и стоявшего на Черном море минимума: вследствие этого во всей стране установилась тяга воздуха с севера....» (Тимофеев, 1912: 3-4).

Для сбора точных сведений о количестве пострадавших и необходимой помощи начальник Сочинского округа отправился сам и командировал выяснить нужды населения начальника участка, офицера стражи, полицейского надзирателя деревни Адлер и урядников. Помощь пострадавшим была возложена на комитеты по оказанию помощи населению, т.е. она оказывалась на средства от добровольных пожертвований граждан. Государственной поддержки оказано не было, в отличие от трагедии на Каспии: «...присланы мне 500 руб. денег, собранных женою Его Превосходительства в сумме 4000 руб. на благотворительном вечере, устроенном ею в пользу поселян, пострадавших от стихийных бедствий в Черноморской губернии, каковые деньги образованным Комитетом будут обращены на покупку погибшего скота, ремонт разрушенных построек и другими подобными способами» (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 171. Л. 214).

Зима 1910–1911 гг. нанесла огромный ущерб и Абхазии, в частности городскому хозяйству Сухума: «...город совершенно был занесен снегом, который пролежал здесь 38 дней, с 4-го января по 10 февраля... Несколько дней подряд, с 4 по 6 февраля, в море свирепствовал шторм при сильной вьюге... Под тяжестью снега обламывались деревья, проваливались крыши домов. Все улицы города были в снежных заносах, несколько дней не работал телеграф. Целый месяц не работали телефоны, так как провода и столбы были повалены. Прекратились занятия в учебных заведениях... Море же бушевало, и шум его еще более усугублял каждого...»; «...городская Управа сообщала вышестоящему начальству... Третью неделю город совершенно занесен снегом более двух с половиной аршин. Многие здания обрушились. Движение прекращено, население терпит бедствия...» (Агумаа, 2009: 7, 9).

4. Заключение

Трагедия, охватившая Каспийское, Черное и Азовское моря в ноябре 1910 г., стала первой в череде страшных природных аномалий зимы 1910–1911 гг., затронувшей весь Юг России, Северный Кавказ и Закавказье: периодически возникающие шторма на море, сильные холода и снежные метели привели к гибели значительного числа приморских жителей. На море к масштабной трагедии привело сочетание природных условий и человеческой непредусмотрительности, а также отсутствие в пароходных обществах необходимых ледаколов (стоит отметить, что именно после шторма 1910 г. была утверждена ледакольная программа 1911–1913 гг., согласно которой предполагалась постройка ледакола для Петровского порта на Каспии, который вообще не имел таких судов). При этом жители прибрежных территорий, основную массу которых составляли рыбаки, не имели никакой информации о наступлении неблагоприятных погодных условий и не могли подготовиться к пришедшему циклону.

Ликвидация последствий природных катастроф в море и на суше носила разный характер: спасение судов и членов команд находилось целиком в ведении управляющих пароходных обществ, основной целью которых было восстановление поврежденных судов и спасение перевозимых ими грузов. Помощь пострадавшим на прибрежных территориях поступала как из местной администрации (от губернатора), так и от главы государства, дополнением к этому выступали средства, полученные общественными комитетами взаимопомощи. Стоит отметить, что зима такого

характера повторилась в 1929 г., а затем в 1941–1942 гг., но население в большинстве своем также оказалось не готовым к подобным погодным аномалиям (Разуваев, 2001).

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности» (проект №18-05-80043).

Литература

- Агумаа, 2009 – Агумаа А.С. «Ас-ду» или «Большой снег» 1911 года. Сухум. 2009. 35 с.
- Армения, 1990 – Армения. Декабрь 88 / [Авт.-сост. Л.Ф. Григорова и др.]. Ереван, Айстан. 1990. 558 с.
- Ахмедов и др., 1970 – Ахмедов Д., Вагабов М., Магомедов М. Дагестан, 14 мая 1970 г. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1970. 146 с.
- Болгов и др., 2007 – Болгов М.В., Красножон Г.Ф., Любушин А.А. Каспийское море: экстремальные гидрологические события. М.: Наука, 2007. 381 с.
- Бухарицин, 2007 – Бухарицин П.И. Обледенение на Каспийском море // *Вестник АГТУ*. 2007. № 6 (41). С. 154-157.
- Вагабов, 1968 – Вагабов М.В. Интернациональные связи народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1968. 194 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАРК – Государственный архив Республики Крым.
- Гармашов, 2013 – Гармашов А.В. Ветро-волновые характеристики Черного моря. Дисс. ... канд. геогр. наук. Севастополь, 2013. 234 с.
- Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР, 1991 – Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Т. IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия / Под ред. Ф.С. Терзиева. Л.: Гидрометеиздат, 1991. 430 с.
- Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР, 1992 – Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Т. VI. Каспийское море / Под ред. Ф.С. Терзиева. СПб.: Гидрометеиздат, 1992. 360 с.
- Дьяченко, 2002 – Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991). Дисс. ... доктора ист. наук. М. 2002. 689 с.
- Касымов, 1978 – Касымов Ш. Деятельность Компартии Узбекистана по ликвидации последствий землетрясения и строительству нового Ташкента (1966–1970 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1978. 19 с.
- Клычев, 1967 – Клычев А. Рыбаки (очерки). Ашхабад: Туркменистан. 1967. 126 с.
- Корреспонденция, 1911 – Корреспонденция // *Русское судоходство*. 1911. № 1. С. 158-160.
- Матишов и др., 2014 – Матишов Г.Г., Бердников С.В., Жичкин А.П., Макаревич П.Р., Дженюк С.Л., Кулыгин В.В. и др. Атлас климатических изменений в больших морских экосистемах Северного полушария (1878–2013). Регион 1. Моря Восточной Арктики. Регион 2. Черное, Азовское и Каспийское моря. Ростов-на-Дону: Из-во ЮНЦ РАН, 2014. 256 с.
- Новое время, 1910 – Новое время – политическая русская газета, выходила в Санкт-Петербурге, год основания – 1868 г.
- Отчет..., 1913 – Отчет Управления каспийско-волжскими рыбными и тюленьими промыслами и обзор каспийско-волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1910 год. Астрахань, 1913. 284 с.
- Протоколы..., 1911 – Протоколы Комитета каспийско-волжских рыбных и тюленьих промыслов за 1910 г.: № 691–748. Астрахань: Типо-литография П.Т. Ермаковой. 1911. 425 с.
- Разуваев, 2001 – Разуваев В.Н. Погода и климат в России в XX веке // *Россия в окружающем мире* (Аналитический ежегодник). М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. С. 1-31.
- Ризаев, 1973 – Ризаев А.С. Воплощение ленинских идей дружбы и взаимопомощи народов СССР. (На примере строительства нового Ташкента в период 1966–1970 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1973. 29 с.
- Руль, 1910 – Руль – ежедневная газета, выходившая в Москве.
- Русское слово, 1910 – Русское слово – ежедневная газета Российской империи, издавалась в Москве, начиная с 1895 г.
- Саговский, 1911 – Саговский Е. Наше судоходство // *Русское судоходство*. 1911. № 1. С. 136-150.
- Сагателян, 2007 – Сагателян А.Г. Деятельность центральных и местных органов власти по ликвидации последствий техногенной катастрофы на станции Арзамас-1 4 июня 1988 года. Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 243 с.
- Суханов и др., 2006 – Суханов С.И., Лавренов И.В., Яковлева Н.П. Обледенение судов на Черном море // *Метеорология и гидрология*. 2006. № 12. С. 75-86.
- Тараканов, 1989 – Тараканов Н.Д. Чернобыльские записки, или раздумья о нравственности. М.: Воениздат, 1989. 206 с.

Тимофеев, 1912 – Тимофеев С.Н. Зима в южной части Черноморского побережья Кавказа и ее влияние на растительность. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1912. 43 с.

ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

Яицкая, 2017 – Яицкая Н.А. Ретроспективный анализ ветрового волнения в Каспийском море во второй половине XX – начале XXI вв. и связь с региональными проявлениями изменения климата // *Географический вестник. Гидрология*. 2017. № 2 (41). С. 57-70.

Pashchenko, Chuklina, 2019 – Pashchenko I.V., Chuklina E.Yu. Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. No. 1. Pp. 423-436.

References

Agumaa, 2009 – Agumaa A.S. (2009). «As-du» ili «Bolshoj sneg» 1911 goda [“As-do” or “The Great Snow”, 1911]. Suxum. 35 p. [in Russian]

Armenia, 1990 – Armeniya. Dekabr` 88 (1990). [Armenia. December 88]. [Avt.-sost. L. F. Grigорова i dr.]. Erevan, Ajstan. 558 p. [in Russian]

Astraxanskij listok, 1910 – Astraxanskij listok [ezhednevnaya gazeta, izdaetsya v g. Astraxani s 1865 g. Izd.-redaktor Vyach. Iv. Sklabinskij]. Astrakhan leaflet [daily newspaper, published in Astrakhan since 1865. Editor and publisher Vyacheslav Ivanovich Sklabinsky]. Astrahan', 1910. [in Russian]

Akhmedov i dr., 1970 – Akhmedov D., Vagabov M., Magomedov M. (1970). Dagestan, 14 maya 1970 g. [Dagestan, May 14, 1970]. Maxachkala: Dagknigoizdat. 146 p. [in Russian]

Bolgov i dr., 2007 – Bolgov M.V., Krasnozhon G.F., Lyubushin A.A. (2007). Kaspijskoe more: ekstremalnye gidrologicheskie sobytiya [Caspian Sea: extreme hydrological events]. M.: Nauka. 381 p. [in Russian]

Bukharitsin, 2007 – Bukharitsin P. I. (2007). Obledenenie na Kaspijskom more [Icing on the Caspian Sea]. *Vestnik AGTU*. №6 (41). Pp. 154-157. [in Russian]

Vagabov, 1968 – Vagabov M. V. (1968). Internacionalnye svyazi narodov Dagestana [International relations of the peoples of Dagestan]. Maxachkala: Dagknigoizdat. 194 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arxiv Krasnodarskogo kraja [State archive of the Krasnodar Krai].

GARK – Gosudarstvennyj arxiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea].

Garmashov, 2013 – Garmashov A. V. (2013) Vetro-volnovye karakteristiki Chernogo morya [Wind and wave characteristics of the Black Sea]. Diss. na soisk. uch. st. kandidata geogr. nauk. Sevastopol. 234 p. [in Russian]

Gidrometeorologiya i gidrokhimiya morei SSSR, 1991 – Gidrometeorologiya i gidrokhimiya morei SSSR. T. IV. Chernoe more. Vyp. 1. Gidrometeorologicheskie usloviya [Hydrometeorology and hydrochemistry of the seas of the USSR. V. IV Black Sea. Publ. 1. Hydrometeorological conditions]. Pod red. F.S. Terzieva. L.: Gidrometeoizdat, 1991. 430 p. [in Russian]

Gidrometeorologiya i gidrokhimiya morei SSSR, 1992 – Gidrometeorologiya i gidrokhimiya morei SSSR. T. VI. Kaspijskoe more) [Hydrometeorology and hydrochemistry of the seas of the USSR. V. VI. Caspian Sea]. Pod red. F.S. Terzieva. SPb.: Gidrometeoizdat, 1992. 360 p. [in Russian]

Dyachenko, 2002 – Dyachenko A. A. (2002) Opyt likvidacii posledstvij katastrofy na Chernobyl'skoj AES: deyatel'nost' gosudarstvennyh organov SSSR (1986–1991) [The experience of eliminating the consequences of the Chernobyl disaster: the activities of the USSR state bodies (1986–1991)]. Diss. na soisk. uch. st. doktora ist. nauk. M. 689 p. [in Russian]

Kasymov, 1978 – Kasymov Sh. (1978). Deyatel'nost' Kompartii Uzbekistana po likvidacii posledstvij zemletryaseniya i stroitel'stvu novogo Tashkenta (1966–1970 gg.) [Activities of the Communist Party of Uzbekistan in the aftermath of the earthquake and the construction of a new Tashkent (1966–1970)]. Avtoref. dis. na soisk. uch. st. kandidata ist. nauk. Tashkent. 19 p. [in Russian]

Klychev, 1967 – Klychev A. (1967). Rybaki (oчерki) [Fishermen (essays)]. Ashkhabad: Turkmenistan. 126 p.

Korrespondenciya, 1911 – Korrespondenciya. Russkoe sudohodstvo. 1911. № 1. pp. 158-160. [in Russian]

Matishov i dr., 2014 – Matishov G.G., Berdnikov S.V., Zhichkin A.P., Makarevich P.R., Dzhenyuk S.L., Kulygin V.V. et al. (2014). Atlas klimaticheskikh izmenenij v bolshih morskikh ekosistemah Severnogo polushariya (1878–2013). Region 1. Morya Vostochnoj Arktiki. Region 2. Chernoe, Azovskoe i Kaspijskoe moray [Atlas of climate change in large marine ecosystems of the Northern Hemisphere (1878–2013). Region 1. Seas of the Eastern Arctic. Region 2. Black, Azov and Caspian Seas]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN. 256 p. [in Russian]

Novoye Vremya, 1910 – Novoe vremya [politicheskaya russkaya gazeta, vyhodila v Sankt-Peterburge, god osnovaniya - 1868 g.] New Time [political Russian newspaper, published in St. Petersburg, the year of foundation - 1868]. Sankt-Peterburg, 1910. [in Russian]

Report, 1913 – Otchet Upravleniya Kaspijsko-Volzhskimi rybnymi i tyulen'imy promyslami i obzor Kaspijsko-Volzhskogo Rybolovstva i tyulen'ego promysla za 1910 god (1913). [Report of the Caspian-Volga

- Fisheries and Seal Fisheries and a review of the Caspian-Volga Fisheries and Seal Fisheries in 1910]. Astrahan'. 284 p. [in Russian]
- Pashchenko, Chuklina, 2019** – Pashchenko I.V., Chuklina E.Yu. (2019) Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents. *Bylye Gody*. Vol. 51. No. 1. Pp. 423-436.
- Protokoly..., 1911** – Protokoly Komiteta Kaspijsko-Volzhskih Rybnyh i Tyulen'ih promyslov za 1910 g.: № 691-748. (1911). [Minutes of the Committee of the Caspian-Volga Fisheries and Seal Fisheries in 1910: № 691-748]. Astrahan', Tipo-litografiya P.T. Ermakovoj. 425 p. [in Russian]
- Razuvaev, 2001** – Razuvaev V.N. (2001). Pogoda i klimat v Rossii v XX veke [Weather and climate in Russia in the XX century]. Rossiya v okruzhayushchem mire (Analiticheskij ezhegodnik). M.: Izd-vo MNEPU. Pp. 1-31 [in Russian]
- Rizaev, 1973** – Rizaev A.S. (1973). Voploshchenie leninskih idej druzhby i vzaimopomoshchi narodov SSSR. (Na primere stroitel'stva novogo Tashkenta v period 1966-1970 gg.) [The embodiment of Leninist ideas of friendship and mutual assistance of the peoples of the USSR. (On the example of the construction of a new Tashkent in the period of 1966-1970)]. Avtoref. na soisk. uch. st. kandidata ist. nauk. Tashkent. 29 p. [in Russian]
- Rul, 1910** – Rul' [ezhednevnyaya gazeta] Rudder [a daily newspaper] Moscow, 1910. [in Russian]
- Russkoye slovo, 1910** – Russkoe slovo [ezhednevnyaya gazeta Rossijskoj imperii, izdavalas' v Moskve, nachinaya s 1895 g]. Russian Word [a daily newspaper of the Russian Empire, published in Moscow since 1895]. Moscow, 1910. [in Russian]
- Sagovsky, 1911** – Sagovsky E. (1911). Nashe sudohodstvo [Our shipping]. *Russkoe sudohodstvo*. № 1. Pp. 136-150. [in Russian]
- Sagatelyan, 2007** – Sagatelyan A.G. (2007). Deyatel'nost' central'nyh i mestnyh organov vlasti po likvidacii posledstvij tekhnogennoj katastrofy na stancii Arzamas-1 4 iyunya 1988 goda [The activities of the central and local authorities to eliminate the effects of a man-made disaster at Arzamas-1 station on June 4, 1988]. Diss. na soisk. uch. st. kandidata ist. nauk. Nizhnij Novgorod. 243 p. [in Russian]
- Sukhanov i dr., 2006** – Sukhanov S. I., Lavrenov I. V., Yakovleva N. P. (2006). Obledenenie sudov na Chernom more [Icing of ships on the Black Sea]. *Meteorologiya i gidrologiya*. № 12. 3p. 75-86. [in Russian]
- Tarakanov, 1989** – Tarakanov N. D. (1989). Chernobyl'skie zapiski, ili razdum'ya o npravstvennosti [Chernobyl notes, or thoughts about morality]. M.: Voenizdat. 206 p. [in Russian]
- Timofeev, 1912** – Timofeev S. N. (1912). Zima v yuzhnoj chasti Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza i ee vliyanie na rastitel'nost' [Winter in the southern part of the Black Sea coast of the Caucasus and its effect on vegetation]. Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo. 43 p. [in Russian]
- TSGARD** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central state archive of the Republic of Dagestan].
- Yaitskaya, 2017** – Yaitskaya N. A. (2017). Retrospektivnyj analiz vetrovogo volneniya v Kaspijskom more vo vtoroj polovine XX-nachale XXI vv. i svyaz' s regional'nymi proyavleniyami izmeneniya klimata [Retrospective analysis of wind waves in the Caspian Sea in the second half of the XX – beginning of XXI centuries and connection with regional manifestations of climate change]. *Geograficheskij vestnik. Gidrologiya*. № 2 (41). Pp. 57-70.

Ретроспективный анализ социальных последствий шторма 1910 г. в Каспийском, Черном и Азовском морях

Ирина Владимировна Пащенко ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются последствия осеннего шторма в Каспийском, Черном и Азовском морях, который привел к обледенению судов в море, а также к гибели населения на прибрежных территориях вследствие нагонного наводнения.

Шторм в Каспийском море начался 12 ноября и продолжался 6–7 дней вследствие прохождения циклона над всей юго-восточной Россией. Погодные условия на трех морях были одинаковыми: шторм сопровождался резким понижением температуры до отрицательных значений, что привело к обледенению значительного числа судов, баркасов и барж, гибели рыбаков. Трагедии, которая разыгралась в трех южных морях, можно было избежать, т.к. уже 6 ноября имелись сведения о надвигающемся циклоне. Необходимо отметить, что эти сведения были доступны лишь капитанам и членам команд судов, население же прибрежных территорий о нем было не осведомлено.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: pashchenkoirina@gmail.com (И.В. Пащенко)

Жертвами морской катастрофы в первую очередь выступили члены команд судов, оказавшихся на рейде, а также рыбаки. Сводных данных о числе жертв не имеется, но только лишь на Каспии их было более 300.

Ветровое волнение привело также к масштабному нагонному наводнению на северо-западном побережье Каспия, в результате которого затопленными оказались прибрежные территории с расположенными на них рыбацкими селами, промысловыми заведениями и калмыцкими поселениями скотоводов. Жители затопленных территорий погибли не только вследствие наводнения, но и отсутствия пригодных к проживанию домов, установившейся холодной погоды, от холода и болезней.

Автор в своем исследовании определяет особенности оказания помощи пострадавшим в море и на суше: если в море спасательные операции были организованы администрацией парходных обществ, то на прибрежных территориях эта работа была подготовлена и курировалась представителями региональной власти (губернаторами). Средства для спасения судов в море изыскивались из средств парходств, деньги же для помощи жителям прибрежных территорий поступали как из государственной казны (от императора и губернатора), так из фондов взаимопомощи (добровольных пожертвований).

Следствием этой трагедии в море стало утверждение ледакольной программы на 1911–1913 гг. в южных морях.

Материалами для подготовки статьи послужили документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Республики Крым, Центрального государственного архива Республики Дагестан, а также публикации в периодической печати того времени.

Ключевые слова: стихийное бедствие, опасные природные явления, шторм, обледенение, нагонное наводнение, Каспийское море, Черное море, Азовское море.

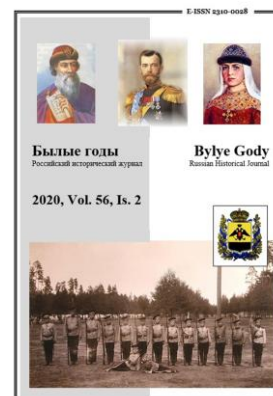
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 889-897. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.889
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Foreign War Prisoners at Mining Enterprises of the Steppe Region during the First World War

Inna V. Anisimova ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The history of prisoners of the First World War in Russia is a topic which has research actuality. The historiography of the problem revealed a number of unresolved issues, among which the situation of war prisoners in the Central Asian outskirts of the Russian Empire requires study. The article provides a comprehensive analysis of the inclusion of foreign prisoners of war in the economy of the Steppe region in 1914–1917. The materials for the preparation of the article were archival documents from the RSHA funds. The reasons for the employment of prisoners of war in the enterprises of Ridder and Kirghiz mining joint-stock companies are identified and justified, and the organization of their work is considered. It is emphasized that hiring foreigners was a forced measure in the context of the mobilization the East Slavic population of the region and the requisition of Kazakhs for rear work. The situation of prisoners of war was regulated by General Imperial legislation, but the regional authorities have repeatedly pointed out the need to make adjustments to the adopted resolutions, primarily in the field of pay for prisoners of war and their legal accountability. The management of the industry enterprises spoke about the extremely low economic effect of attracting prisoners of war to work, caused by the reluctance of the latter to work in the difficult conditions of the region, as well as the high costs of mining enterprises associated with the transportation, provision and placement of distributed workers. At the end of 1916, due to the permission to hire requisitioned Kazakhs for work, the need for prisoners of war in the enterprises of the mining industry of the Steppe region began to decrease. However, until the end of World War I, foreign prisoners of war worked in the factories and mines of Ridder and Ekibastuz.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, World War I, foreign prisoners of war, mining industry.

1. Введение

Одним из крупнейших международных конфликтов XX века стала Первая мировая война, которая в корне потрясла основы мироустройства и миропорядка. Наряду с изучением военных событий, положения на фронтах, анализом причин и последствий войны, особого внимания требует обращение к истории военнопленных армий соперников, численность которых только в Российской империи превосходила 2 млн чел. С начала войны российским законодательством был принят ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих положение военнопленных в стране, которые соответствовали Гаагской конвенции 1907 г. Безусловно, в годы войны и дефицита рабочей силы, влекущего за собой кризис экономики государства, актуальным стал вопрос о возможности использования труда военнопленных в различных сферах. Уже осенью 1914 г. Советом министров Российской империи был принят проект правил о трудоустройстве военнопленных на казенные предприятия и общественные работы, а через год, в 1915 г. были разработаны правила о привлечении военнопленных на сельскохозяйственные работы, а также на негосударственные промышленные предприятия.

* Corresponding author

E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova)

Сегодня историография сформировала основные контуры истории трудоустройства военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны, широко изучаются региональные варианты привлечения их к работам. Однако без внимания исследователей осталось изучение процесса трудоустройства иностранцев в центральноазиатских имперских окраинах. Безусловно, масштабы привлечения военнопленных к труду в Степном крае и Туркестане отличались от промышленного Урала, однако роль и место последних в экономике региона в военные годы были значительными, что подчеркивает важность данной работы.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 1423 – Киргизское горнопромышленное акционерное общество; Ф. 1427 – Риддерское горнопромышленное акционерное общество). Документы представляют собой делопроизводственную документацию, переписку между региональным правлением горнопромышленного комплекса и руководством акционерных обществ в Петербурге по вопросам кадрового обеспечения, финансирования предприятий отрасли, необходимости привлечения на работы иностранных военнопленных, их численности и условий содержания. В качестве документальной основы исследования выступили также материалы заседаний Совета министров Российской империи, на которых обсуждалось положение иностранных военнопленных на заводах и предприятиях государства (*Особые журналы...*, 2008). Отдельную группу источников представляют нормативно-правовые акты, регламентирующие статус военнопленных в России, правила их трудоустройства и социально-правового обеспечения. В совокупности используемые исторические источники позволяют реконструировать процесс привлечения в экономику Степного края иностранных военнопленных и проанализировать их вклад в развитие горнопромышленного комплекса региона в годы Первой мировой войны.

При написании работы были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения. Методическая основа исследования представлена также основными положениями компаративного подхода, который позволил определить общее и особенное в трудоустройстве иностранных военнопленных на предприятия горной отрасли Степного края в сравнении с общеимперскими процессами. В работе получили применение принципы системного подхода: целостность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность. Проблемно-хронологический принцип позволил выявить и проанализировать основные этапы привлечения труда иностранных военнопленных на предприятия горнопромышленных акционерных обществ Степного края в годы Первой мировой войны.

3. Обсуждение

Проблема использования труда иностранных военнопленных на предприятиях Российской империи в годы Первой мировой войны в целом получила достаточное освещение в историографии. Комплекс работ рассматривает проблему с общегосударственных позиций, определяя общие тенденции положения военнопленных в Российской империи в 1914–1918 гг. К наиболее ранним трудам, посвященным данному вопросу, можно отнести исследование Н.М. Жданова, который одним из первых привел численность иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны, называя цифру 1,7 млн чел. Однако автор подчеркивал, что в империи на протяжении всех военных лет система регистрации и учета военнопленных была слабо развита (*Жданов, 1920: 281*). По подсчетам современных исследователей, к октябрю 1917 г. численность военнопленных в России достигла 2,4 млн чел. и страна была второй по значимости «державой в плену державой» (*Нахтигаль, 2014: 148*). При этом из общего числа военнопленных в России около 1,5 млн чел. использовались на работах в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности (*Смирнов, Скрипникова, 2016: 137*).

В современной историографии рассматриваются различные аспекты проблемы использования иностранных военнопленных как трудовых ресурсов. Уделяется внимание вопросам нормативно-правовой регламентации положения военнопленных в России, их социокультурной и языковой адаптации и т.д. (*Кондратьев, Щербинин, 2009; Белова, 2011; Кутявина, Маньковский, 2016*). Отдельным аспектом исследований является изучение организации помощи военнопленным различными фондами и институтами. Особую роль здесь играл Международный Комитет Красного Креста, который проводил активную работу по поддержке военнопленных во всех воюющих государствах, в том числе Российской империи (*Kokebayeva et al., 2016*).

Большинство исследователей подчеркивают, что широкое использование дешевого труда военнопленных стало одной из главных особенностей Первой мировой войны. Согласимся, что использование такого ресурса, как рабочая сила военнопленных, было обусловлено огромным значением для победы экономической мощи воюющих государств (*Журбина, 2008*). В то же время трудоустройство военнопленных не шло в разрез с принципами международного права. Так, согласно Гаагской конвенции, использование труда нижних чинов разрешалось в соответствии с их знаниями

и умениями, что и стало основой активного использования иностранных военнопленных как трудового ресурса экономики Российской империи.

Начиная с 1915 г., труд иностранных военнопленных стал активно применяться в сельском хозяйстве (Белова, 2011: 121; Захаров, 2014; Фортун, 2019), численность занятых в земледелии была преобладающей и доходила в разные годы до 60 % (Анфимов, 1962: 95). Второй, не менее важной сферой применения труда военнопленных, стала российская промышленность. В современных исследованиях отчетливо прослеживается региональный компонент изучения проблемы. По привлечению военнопленных на работы выделялся горнозаводской Урал, где иностранцы трудились в металлургической, горной, лесной промышленности, были заняты на строительстве и ремонте железных дорог, разработке карьеров песка и камня (Пылаева, 2008; Пудовкин, 2014). Исследователи подчеркивают, что доля военнопленных, занятых в горнозаводской промышленности Урала, варьировалась в разных округах от 17 до 27 %, а к ноябрю 1917 г. составляла 44 % (Запарий, 2015: 72). Ряд исследований посвящен изучению трудоустройства иностранных военнопленных в центральных губерниях России, где труд бывших солдат и офицеров австро-венгерской, германской и османской армий применялся как в сельском хозяйстве, так и на крупных промышленных предприятиях (Тихонов, 2010; Тихонов, 2016). Вопросы привлечения иностранных военнопленных в качестве рабочей силы в Сибири затрагиваются в исследовании М.В. Шиловского, который подчеркивает, что труд военнопленных в регионе широко использовался, в том числе и в горной отрасли. Всего на горных предприятиях Сибири военнопленные составляли 5,8 % от общего числа горнорабочих, а в углепромышленности – 18,3 % (Шиловский, 2015).

Проблема трудоустройства иностранных военнопленных на промышленных предприятиях в азиатских окраинах Российской империи частично затрагивается в работе Т.В. Котюковой. Автор подчеркивает, что их труд использовался активно и в самом Туркестане, и в соседнем Бухарском эмирате, а сфера их применения была достаточно широкой: иностранцы работали в земских и городских учреждениях, на объектах военного ведомства и Министерства путей сообщения, в торговых предприятиях, учреждениях, подведомственных Министерству земледелия и землеустройства и т.д. (Котюкова, 2017: 53).

В то же время использование труда военнопленных в экономической системе Степного края практически не изучено. Если трудоустройство иностранных военнопленных в сельском хозяйстве степных областей частично проанализировано (Каиндина, 2014), то их работа в промышленном секторе не стала предметом специального исследования, что актуализирует изучение заявленной проблематики.

4. Результаты

Первая мировая война напрямую затронула горнодобывающую промышленность Степного края. Мобилизация мужского населения на фронт привела к дефициту рабочей силы на предприятиях, что обусловило сокращение объемов производства. В этих сложных условиях руководство предприятиями горнодобывающей отрасли приняло решение компенсировать недостаток трудовых ресурсов за счет привлечения к работам военнопленных. К тому моменту данная практика широко применялась в государстве, прежде всего в горной промышленности Урала (Сафонов, 2014).

А.П. Иванов, директор-распорядитель Риддерского и Киргизского горнопромышленных обществ, подчеркивал, что необходимость привлечения военнопленных была вызвана отсутствием на месте достаточного количества рабочих рук. По его мнению, труд военнопленных, «среди коих имеется много искусных горнорабочих, каменщиков, слесарей и т.п. может принести предприятиям Риддерского и Киргизского горнопромышленных обществ незаменимую поддержку» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 61).

Уже в феврале 1915 г. Экибастузские предприятия получили официальное разрешение «взять [на] работы сто военнопленных славян специалистов», при этом директор Экибастузских копей Н.И. Трушков планировал получить разрешение на увеличение отпуска военнопленных рабочих до 300 человек (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 3). В начале весны 1915 г. первая партия была отправлена на Воскресенскую железную дорогу. Летом 1915 г. командующим Омским военным округом для работ на золото-цинко-свинцовых рудниках и строительстве горнозаводской ветки железной дороги был разрешен отпуск военнопленных в количестве 800 человек, однако полностью эта квота использована не была.

Распределение иностранных военнопленных проходило на заседании межведомственной комиссии и уполномоченного министра торговли и промышленности по обеспечению иностранными рабочими промышленных предприятий. В Степном крае военнопленные поступали изначально в Павлодар, откуда согласно выделенным квотам отправлялись на предприятия. При их наборе учитывались их интересы. Так, в одном из сообщений, адресованных А.П. Иванову, директору-распорядителю Риддерского и Киргизского горнопромышленных обществ, Н.И. Трушков подчеркивал, что военнопленные не особо желают работать на угольных коях и предприятиях Киргизского и Риддерского горнопромышленных обществ, выбирая чаще сельскохозяйственные

работы (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 9, 13). Подобные отказы были обоснованы утвержденными Советом министров 17 марта 1915 г. «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», регламентирующими порядок найма, условия работы, оплату труда иностранных военнопленных. Согласно «Правилам», размер оплаты труда военнопленных определялся исходя из средних региональных цен. При этом заработанная сумма распределялась по нескольким статьям. Не менее 1/3 заработка отчислялись в «особый фонд», где предприятия вели личные счета для каждого рабочего. Из остальной части заработной платы должны были покрываться «все расходы предприятий по доставке, содержанию, обмундированию, продовольствию и окарауливанию пленных». В итоге военнопленные получали лишь часть суммы, размер которой не должен был превышать 20 коп. в день на человека (Особые журналы..., 2008: 155-156). Скептически воспринимал решение Совета министров директор Экибастузских копей Н.И. Трушков, который отмечал, что «согласно приложенным правилам условий работы военнопленных можно осуществить лишь принудительным путем, ... [в] настоящее время военнопленные получают все заработки на руки и то охотников работать мало», а если «военнопленным выдавать согласно новых правил не более 20 коп. на руки, то они откажутся работать». «Нелепость выдачи малой доли заработка на руки военнопленным» признавал и директор Горного департамента В.И. Арандаренко (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 28). Региональное правление Киргизского и Риддерского горнопромышленных обществ неоднократно сообщало в головную контору в Петербурге о крайне негативной ситуации, сложившейся на предприятиях, отмечая, в частности, что применение «Правил» привело к резкому понижению производительности труда, так как «работать на основании правил ... военнопленные отказываются. Так, прежде работавшие, так и вновь прибывшие, просят две трети заработка на содержание, одежду выдавать на руки» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 58). Понимая сложность ситуации, региональные власти решили пойти навстречу нуждам горнодобывающей промышленности. Так, павлодарский уездный начальник принял решение о выдаче военнопленным на руки 2/3 заработка, после чего работа, по заверению Н.И. Трушкова, стала «налаживаться удовлетворительно».

Неоднократные обращения промышленников России к имперским властям способствовали пересмотру принятых правил и привели к отмене ограничений суммы, выдаваемой на руки военнопленным, в размере 20 коп. Однако осенью 1917 г. правила вводились вновь с небольшими изменениями выдаваемой суммы, которая теперь составляла 50 коп., в связи с чем управляющий Риддерским рудником, обращаясь к руководству Алтайского горного округа подчеркивал, что это приведет «к значительному падению производительности труда военнопленных и тем самым к падению производства» (РГИА. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 97. Л. 47-48). Однако решение вопроса ограничилось обсуждением.

С помощью иностранных военнопленных правление Киргизского и Риддерского горнопромышленных обществ пыталось компенсировать низкую обеспеченность целого ряда рабочих профессий. Особенно копи и заводы нуждались в каменщиках, печниках, столярах, слесарях, кузнецах; требовались и профессиональные горные рабочие. Потребность в военнопленных значительно возрастала с наступлением весны, когда начинался период навигации и объем работ на шахтах увеличивался.

Разным был национальный состав военнопленных, работающих в Риддере и Экибастузе. Здесь ситуация развивалась в русле общеимперских тенденций. Если в начале войны в стране к работам допускались, главным образом, военнопленные из славянских народов, то, начиная с 1915 г., после проведения массовой мобилизации в России, российское правительство разрешило привлекать к труду военнопленных всех национальностей, сохраняя при этом некоторую спецификацию. Так, Межведомственное совещание, образованное при Главном управлении Генерального штаба, в проекте «Правил» от 17 марта 1915 г. подчеркнуло, что отпуск военнопленных для работ на частных промышленных предприятиях должен производиться «преимущественно из числа лиц, принадлежащих к немецкой, венгерской и турецкой национальностям», при этом Совет министров признавал, что «на работы в некоторых отдельных видах предприятий (например, в угольных копях) представлялось бы желательным назначать не немцев или венгров, а наоборот – исключительно славян» (Особые журналы..., 2008: 155-156). На предприятиях горной отрасли Степного края трудились немцы, венгры, австрийцы, славяне. Лестно отзывалось местное начальство о работающих на Экибастузских копиях и заводах итальянцах, которых в начале осени 1915 г. поступило 125 человек. Н.И. Трушков подчеркивал, что итальянцы практически не нарушают дисциплины, не уклоняются от труда, «вообще охотнее и лучше работают на горных работах; если не запретят выдачу на руки 2/3 заработка на руки и дальше, то рассчитываем, что итальянцы будут работать на шахте отрядно и производительность их повысится» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 77, 137-138). Всего, по данным на апрель 1916 г., только в Экибастузе общее количество военнопленных достигало 320 чел., в том числе 69 чехов, 2 словака, 6 русинов и 19 словенцев (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 188).

Одной из наиболее сложных проблем, с которой сталкивалось региональное руководство горной промышленности, был вопрос дисциплины среди иностранных военнопленных. Управляющие заводов и копей неоднократно сообщали, что «некоторые военнопленные держат себя вызывающе,

отказываются работать, грубят приставленным к ним лицам надзора и нарушают принятый на копиях распорядок работ совершенно безнаказанно» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 46. Л. 24-24 об.).

При этом управление Экибастузских копей и заводов, в распоряжении которого работало свыше 300 военнопленных, не обладало полномочиями применения к ним дисциплинарных взысканий и наказаний, так как они, согласно «Положению о военнопленных» от 7 октября 1914 г., находились в распоряжении уездной военной администрации (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 46. Л. 24; Положение..., 1914). На копиях для надзора за иностранными военнопленными находился урядник и два горно-полицейских стражника, которые, безусловно, в силу ограниченных ресурсов не могли в должной мере обеспечить порядок на предприятиях. Однако местные чины полиции, пристава и урядники, также не обладали правом налагать наказания на иностранных рабочих. На просьбы передать «право подвергать военнопленных наказанию» в компетенцию руководства горнопромышленного комплекса, региональные власти, начиная от павлодарского уездного начальника вплоть до степного генерал-губернатора, отвечали отказом.

Мера, к которой руководство предприятий могло прибегать в случае нарушения военнопленными дисциплины, не имея полномочий применять наказание арестом или другим способом, была отправка нарушителей обратно в Павлодар в распоряжение начальника местной полицейской команды, т.е. освобождение от работы на копиях, что, безусловно, ослабляло авторитет руководства предприятий в глазах военнопленных.

В июне 1915 г. региональное руководство Экибастузских копей и заводов в своем обращении в правление Кыргызского горнопромышленного АО подчеркивало, что «строгих мер воздействия на военнопленных при нежелании их работать и при проступках мы применить не имеем возможности. ... Многие предпочитают отсидеть под арестом, чем работать в шахте, даже получая весь заработок на руки». Павлодарская уездная администрация также не была готова принять арестованных военнопленных. В уездном центре не было даже специального помещения для отбывания наказания иностранными военнопленными, и их оставляли под надзором в тех же казармах, где они проживали (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 50-52).

Осенью 1915 г. управляющий Экибастузскими копиями и заводами Кыргызского акционерного общества Н.И. Трушков сообщал, что из присланных с марта 1915 г. в Экибастуз 489 военнопленных обратно было отправлено, главным образом вследствие отказа от работ и нарушения дисциплины, 163 человека (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 46. Л. 25). К концу года эта цифра достигла 206 человек. Н.И. Трушков подчеркивал, что высылка военнопленных – это финансово и политически крайне невыгодная мера, так как «ведет не только к ущербу интересов нашего общества, которому привоз каждого военнопленного из Омска стоит около 8 рублей, но и роняет перед военнопленными авторитет и престиж русской власти» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 46. Л. 24 об.).

Проблема оставалась актуальной на протяжении всей войны. В январе 1917 г. региональная администрация копей и заводов в конфиденциальном обращении в правление Кыргызского горнопромышленного АО описало механизм наказания иностранных военнопленных за проступки, подчеркивая его абсолютную неэффективность. В донесении сообщалось, что «в каждом частном случае процедура наказания такая: по совершении военнопленным проступка, например, самовольного ухода с работы, урядник должен получить заявление и составить протокол с опросом свидетелей; протокол направляется приставу в Ермак, рассматривается им и направляется к Уездному начальнику в Павлодар, который ставит резолюцию об аресте на 7 суток, бумага идет этим же путем назад, таким образом проходит неделя–две, пока получится возможность наказать пленного. Это время он остается безнаказанным, даже не выходя на работу; запоздалое наказание в значительной мере теряет силу и действительность» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 82. Л. 44-45). В сложившихся условиях руководство копей и заводов прибегло к материальным взысканиям с военнопленных, которые выражались в сокращении заработной платы за прогулы и уклонение от работы. Этот шаг отчасти способствовал стабилизации дисциплины.

Иностранные военнопленные, не отличающиеся дисциплинированностью и соблюдением рабочего порядка, сами нередко обращались к руководству с претензиями на неудовлетворительные и не соответствующие требованиям международных конвенций условия труда и быта. Эти дела, как правило, получали огласку и широкое обсуждение. Так, весной 1916 г. в Союз чешско-словацких обществ обратились пленные чехи и словаки, работающие на Экибастузских копиях с жалобами на «принуждение к работам не по своей специальности», в связи с чем Союзом было предложено перевести рабочих чехов с копей на заводы Таганрога (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 189-190). Руководство предприятий Общества в Экибастузе после рассмотрения дела отрицало предъявленные претензии, подчеркивая, что «строгости режима к военнопленным, работающим на Экибастузских копиях и заводах не применяется и не применялось; с пленными мы обращаемся так же, как и с русскими рабочими... Наказания за проступки самые незначительные, а именно: арест в каталажке, не свыше 7 суток, с выдачей горячей пищи; <...> к работам не по своей специальности пленных чехов и словаков не принуждают; наоборот, Управление копей заинтересовано в том, чтобы каждый пленный работал именно по своей специальности, дабы в наилучшей степени использовать его труд» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 51. Л. 210-211). Более того, подчеркивалось региональным руководством, во

время отбора военнопленных в Павлодаре и Омске брали только тех, которые изъявляли желание работать в горнопромышленной отрасли. В связи с этим причинами жалоб со стороны пленных чехов и словаков может выступать только желание изменить место работы, вызванное тяжелыми природно-климатическими условиями казахской степи.

Несмотря на вынужденную необходимость привлечения военнопленных к работам, незначительная рентабельность их труда для руководства предприятий горной отрасли региона была очевидной. В январе 1917 г. региональное правление Киргизского акционерного общества предоставило в Отдел военного времени Министерства торговли и промышленности заключение о положении военнопленных, трудоустроенных на подведомственные предприятия. Отмечалось, что «низкая производительность труда пленных происходит вследствие того, что по воскресеньям <...> не работают и многие под разными предлогами вообще уклоняются от работы, считая свое пребывание временным и рассуждая, что кормить их все равно будут» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 82. Л. 39-40). Низкая производительность объяснялась также установленной системой оплатой труда, согласно которой военнопленные получали не более 2/3 заработанных средств, что снижало, безусловно, заинтересованность в результатах.

Трудоустройство военнопленных, помимо необходимости создания им удовлетворительных условий труда и быта, влекло за собой включение в расходную часть новых статей. В первую очередь предприятия должны были обеспечить перевозку военнопленных от места распределения к месту назначения. Были случаи, когда на руководство предприятий возлагалось обеспечение военнопленных одеждой, обувью, предметами первой необходимости. Так, в ноябре 1916 г. правление Экибастузских копей и заводов было вынуждено отказаться от найма 100 военнопленных, так как «военное ведомство <...> поставило условие принять их в г. Каинске и снабдить всех теплой одеждой; так как покупка одежды (полушубки, шапки, рукавицы и валенки) для каждого пленного обошлась бы при настоящих ценах до 75 руб. на человека – приобретение одежды в короткий срок, за отсутствием таковой на рынке, невозможно, и провоз пленных из Каинска по закрытии навигации стоил бы дорого» (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 82. Л. 59-61). Неоднократно Н.И. Трушков обращался к своему агенту по найму военнопленных не производить никаких затрат на приобретение теплой одежды последним (РГИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 82. Л. 74).

Осенью 1916 г. потребность в военнопленных на предприятиях горной отрасли Степного края стала уменьшаться. Это было обусловлено получением руководством акционерных обществ разрешения нанять на работы реквизируемых казахов, что, по мнению директора Экибастузских копей Н.И. Трушкова, требовало от предприятий меньше расходов и экономически было более рентабельным.

5. Заключение

Включение военнопленных в хозяйственную жизнь страны стало реалиями военных лет. Условия их содержания, труда и быта регламентировались международными конвенциями и имперскими нормативно-правовыми актами. При этом предъявляемые к работодателям требования не всегда учитывали местные условия и экономические возможности. В разные периоды войны на предприятиях Риддерского и Киргизского акционерных обществ работало от 200 до 800 военнопленных. Большая часть иностранцев выполняла черновые или подсобные работы, по возможности привлекались квалифицированные специалисты горного дела.

Военнопленных, работающих на предприятиях Степного края, отличала крайне низкая дисциплина и нежелание трудиться в сложных климатических условиях. Важным фактором, снижающим эффективность труда, была установленная на законодательном уровне оплата труда военнопленных. Региональные власти неоднократно обращались в имперские структуры с просьбами повысить уровень заработной платы, что, по их мнению, усилило бы заинтересованность немцев, австрийцев или итальянцев в результатах своего труда. В этом направлении имперскими центральными и региональными властями был принят ряд мер, но полностью вопрос так и не был решен. Экономическая рентабельность привлечения военнопленных к труду была низкой, в то время как издержки на их провоз от места распределения в Риддер или Экибастуз, обеспечение жильем, а нередко и одеждой в зимнее время года возлагались на владельцев промышленных предприятий.

Безусловно, труд военнопленных обеспечил дальнейшую работу развивающейся горной отрасли в регионе. Благодаря трудоустройству бывших солдат и офицеров армий противников, промышленные предприятия и страны в целом, и Степного края в частности, смогли снизить дефицит рабочей силы. Однако при всей значимости вклада военнопленных в хозяйственную жизнь региона экономические риски от их привлечения были также высокими. Тем не менее вплоть до окончания войны от труда военнопленных на предприятиях горнодобывающей промышленности Степного края так и не смогли отказаться.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 19-18-00180.

Литература

- Анфимов, 1962** – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. 383 с.
- Белова, 2011** – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 283 с.
- Жданов, 1920** – Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Ч. 1–3. М., 1920. 376 с.
- Журбина, 2008** – Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 2. С. 230-235.
- Запарий, 2015** – Запарий В.В. Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // *Историко-экономические исследования*. 2015. Т. 16. № 1. С. 67-108.
- Захаров, 2014** – Захаров А.В. Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья // *Власть*. 2014. № 8. С. 169-173.
- Каиндина, 2014** – Каиндина Т.В. Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Акмолинской области в годы Первой мировой войны // *Вторые Ядринцевские чтения. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны*. Омск, 2014. С. 29-31.
- Кондратьев, Щербинин, 2009** – Кондратьев А.В., Щербинин П.П. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. 2009. Вып. 12 (80). С. 354-357.
- Котюкова, 2017** – Котюкова Т.В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в Русском Туркестане в годы Первой мировой войны // *Россия и современный мир*. 2017. № 3. С. 47-64.
- Кутявина, Маньковский, 2016** – Кутявина М.Н., Маньковский И.Ю. Правовое положение военнопленных на территории Российского государства в период Первой мировой войны // *Наука и современность*. 2016. № 422. С. 152-157.
- Нахтигаль, 2014** – Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142-156.
- Особые журналы..., 2008** – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. 715 с.
- Положение..., 1914** – Положение о военнопленных от 7 (20) октября 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennyih/> (дата обращения: 15.04.2020).
- Пудовкин, 2014** – Пудовкин С.И. Иностранцы военнопленные на Урале в годы Первой мировой войны / *Гороховские чтения. Материалы пятой региональной музейной конференции*. Челябинск, 2014. С. 164-168.
- Пылаева, 2008** – Пылаева Е. Военнопленные на Урале в 1914–1919 гг. / *Гражданская война как феномен мировой истории: Материалы научной конференции*. Екатеринбург, 2008. С. 105-110.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сафонов, 2014** – Сафонов Д.А. Военнопленные и местные власти в Оренбургском крае в первой четверти XX века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. Электронный научный журнал (Online). 2014. № 4 (12). С. 150-160. [Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_12_2014.pdf (дата обращения: 04.04.2020)
- Смирнов, Скрипникова, 2016** – Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник МИЭП*. 2016. № 1 (22). С. 135-139.
- Тихонов, 2016** – Тихонов А.В. Использование труда военнопленных Четвертого союза в экономике регионов в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 1. С. 123-126.
- Тихонов, 2010** – Тихонов А.В. Труд военнопленных в российской экономике в годы Первой мировой войны (на примере Калужской губернии) / *Studia internationalia. Материалы международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.»*. Брянск, 2010. С. 84-88.
- Фортун, 2019** – Фортун А.А. Военнопленные в годы Первой мировой войны // *Историко-педагогические чтения*. 2019. № 23. С. 151-155.
- Шиловский, 2015** – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с.
- Kokebayeva et al., 2016** – Kokebayeva G.K., Myrzabekova R.S., Myrzabekov S.M. The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4.

References

- Anfimov, 1962** – Anfimov A.M. (1962). Rossiiskaia derevnia v gody pervoi mirovoi voiny. (1914 – fevral' 1917 g.) [Russian villages during the First World War. (1914 – February 1917)]. M. 383 p. [in Russian]

- Belova, 2011** – *Belova I.B.* (2011). Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsii. 1914 – fevral' 1917 g. [The First World War and the Russian province. 1914 – February 1917]. M. 283 p. [in Russian]
- Fortun, 2019** – *Fortun A.A.* (2019). Voennoplennye v gody Pervoi mirovoi voiny [War prisoners during the First World War]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniia*. № 23. Pp. 151-155. [in Russian]
- Kaindina, 2014** – *Kaindina T.V.* (2014). Ispol'zovanie truda voennoplennykh v sel'skom khoziaistve Akmolinskoi oblasti v gody Pervoi mirovoi voiny [The use of war prisoners labor in agricultural sector of the Akmola region during the First World War]. *Vtorye Iadrintsevskie chteniia. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu nachala Pervoi mirovoi voiny*. Omsk. Pp. 29-31. [in Russian]
- Kokebayeva et al., 2016** – *Kokebayeva G.K., Myrzabekova R.S., Myrzabekov S.M.* (2016). The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I. *Bylye Gody*. Vol. 42. Is. 4.
- Kondrat'ev, Shcherbinin, 2009** – *Kondrat'ev A.V., Shcherbinin P.P.* (2009). Voennoplennye i provintsial'noe obshchestvo Rossiiskoi imperii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. [War prisoners and provincial society of imperial Russia during the First World War 1914-1918]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: gumanitarnye nauki*. Vyp. 12 (80). Pp. 354-357. [in Russian]
- Kotyukova, 2017** – *Kotyukova T.V.* (2017) Turkestanskii plen: nemetskie i avstro-vengerskie voennoplennye v Russkom Turkestane v gody Pervoi mirovoi voiny [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian war prisoners in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossii i sovremennyi mir*. № 3. Pp. 47-64. [in Russian]
- Kutiavina, Man'kovskii, 2016** – *Kutiavina M.N., Man'kovskii I.Iu* (2016). Pravovoe polozhenie voennoplennykh na territorii Rossiiskogo gosudarstva v period Pervoi mirovoi voiny [Legal status of war prisoners on the Russian state territory during the First World War]. *Nauka i sovremennost'*. № 422. Pp. 152-157. [in Russian]
- Nakhtigal', 2014** – *Nakhtigal' R.* (2014). Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voiny [War Prisoners in Russia during the First World War]. *Quaestio Rossica*. № 1. Pp. 142-156. [in Russian]
- Osobye zhurnaly..., 2008** – *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. 1915 god* [Special journals of the Council of ministers of Russian Empire. 1909–1917. 1915 year]. M., 2008. 715 p. [in Russian]
- Polozhenie..., 1914** – Polozhenie o voennoplennykh ot 7 (20) oktiabria 1914 g. [October 7 (20), 1914 regulation about war prisoners]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennykh/> (data obrashcheniia: 15.04.2020) [in Russian]
- Pudovkin, 2014** – *Pudovkin S.I.* (2014). Inostrannye voennoplennye na Urale v gody Pervoi mirovoi voiny [Foreign war prisoners in the Urals during the First World War]. *Gorokhovskie chteniia. Materialy piatoi regional'noi muzeinoi konferentsii*. Cheliabinsk. Pp. 164-168. [in Russian]
- Pylaeva, 2008** – *Pylaeva E.* (2008). Voennoplennye na Urale v 1914 – 1919 gg. [War prisoners in the Urals in 1914 – 1919]. *Grazhdanskaia voina kak fenomen mirovoi istorii: materialy nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 105-110. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- Safonov, 2014** – *Safonov D.A.* (2014). Voennoplennye i mestnye vlasti v Orenburgskom krae v pervoi chetverti XX veka [War prisoners and local authorities in the Orenburg region in the first quarter of the XXth century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal (Online)*. № 4 (12). Pp. 150-160. [Elektronnyi resurs]. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_12_2014.pdf (data obrashcheniia: 04.04.2020). [in Russian]
- Shilovskii, 2015** – *Shilovskii M.V.* (2015). Pervaia mirovaia voina 1914–1918 godov i Sibir' [The First World War of 1914-1918 and Siberia]. Novosibirsk. 330 p. [in Russian]
- Smirnov, Skripnikova, 2016** – *Smirnov Iu.I., Skripnikova M.I.* (2016). Voennoplennye na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [War prisoners in Russia during the First World War]. *Vestnik MIEP*. № 1 (22). Pp. 135-139. [in Russian]
- Tikhonov, 2010** – *Tikhonov A.V.* (2010). Trud voennoplennykh v rossiiskoi ekonomike v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Kaluzhskoi gubernii) [War prisoners labor in Russian economy during the First World War (on the example of the Kaluga province)]. *Studia internationalia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Zapadnyi region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniakh XVII–XX vv.* Briansk. Pp. 84-88. [in Russian]
- Tikhonov, 2016** – *Tikhonov A.V.* (2016). Ispol'zovanie truda voennoplennykh Chetvernogo soiuz v ekonomike regionov v gody Pervoi mirovoi voiny na primere Kaluzhskoi i Tul'skoi gubernii [The use of Quadruple Alliance war prisoners labor in the regional economy during the First World War on the example of Kaluga and Tula provinces]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1. Pp. 123-126. [in Russian]
- Zakharov, 2014** – *Zakharov A.V.* (2014). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v sel'skom khoziaistve Povolzh'ia [Prisoners of the First World War in the agricultural sector of the Volga region]. *Vlast'*. № 8. Pp. 169-173. [in Russian]

Zaparii, 2015 – Zaparii V.V. (2015). Metallurgiiia Urala v epokhu potriasiinii: Pervaia mirovaia i Grazhdanskaia voiny [Ural's metallurgy industry during the Era of shocks: the First World War and the Civil war]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*. T. 16. № 1. Pp. 67-108. [in Russian]

Zhdanov, 1920 – Zhdanov N.M. (1920). Russkie voennoplennye v mirovoi voine 1914-1918 gg. [Russian prisoners in the World War 1914-1918]. M. Ch. 1-3. 376 p. [in Russian]

Zhurbina, 2008 – Zhurbina N.E. (2008). Voennoplennye Germanii na territorii Rossii v gody Pervoi Mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [German prisoners of the First World War in Russia]. *Vestnik VGU. Serii: lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. № 2. Pp. 230-235. [in Russian]

Иностранные военнопленные на предприятиях горнодобывающей отрасли Степного края в годы Первой мировой войны

Инна Владимировна Анисимова^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. История военнопленных Первой мировой войны в России представляет собой актуальную тему исследования. Историография проблемы выявила ряд нерешенных вопросов, среди которых требует изучения положение военнопленных в центральноазиатских окраинах Российской империи. В статье проводится комплексный анализ включения иностранных военнопленных в 1914–1917 гг. в экономику Степного края. Материалами для подготовки статьи послужили архивные документы из фондов РГИА. Выявляются и обосновываются причины трудоустройства военнопленных на предприятия Риддерского и Киргизского горнопромышленных акционерных обществ, рассматривается организация их трудовой деятельности. Подчеркивается, что найм иностранцев был вынужденной мерой в условиях мобилизации восточнославянского населения региона и реквизиции казахов на тыловые работы. Положение военнопленных регламентировалось общеимперским законодательством, однако региональные власти неоднократно указывали на необходимость внесения коррективов в принятые постановления, прежде всего в сфере оплаты труда военнопленных и их правовой подотчетности. Руководство предприятий отрасли говорило о крайне низком экономическом эффекте привлечения военнопленных к труду, вызванном нежеланием их работать в тяжелых условиях региона, а также высокими издержками горнопромышленных предприятий, связанными с перевозкой, обеспечением и размещением распределенных на работы. В конце 1916 г. в связи с разрешением нанимать на работы реквизируемых казахов потребность в военнопленных на предприятиях горной отрасли Степного края стала уменьшаться. Однако вплоть до окончания Первой мировой войны иностранные военнопленные работали на заводах и шахтах Риддера и Экибастуза.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Первая мировая война, иностранные военнопленные, горнодобывающая промышленность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова)

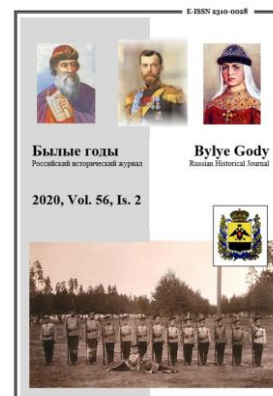
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 898-906. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.898
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Press on the Internal Situation in Germany and Austria-Hungary (1914–1915)

Igor K. Bogomolov ^{a,*}

^a Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the representation of the internal situation in Germany and Austria-Hungary in the Russian periodicals during the initial period of the First World War (August 1914 – July 1915). The war greatly complicated the ways and means of obtaining foreign information, the only source of which remained the official Petrograd Telegraph Agency. Another source was “unofficial information” provided daily by the Main Directorate of the General Staff. Among other things, agency telegrams and General Staff information regularly informed about the socio-economic and political crisis in the camp of the opponents of Russia. Messages about the threat of hunger, falling production, rising unemployment, ethnic hatred in Germany and Austria-Hungary were repeated daily, and their number grew and over time began to exceed the number of reports of hostilities. At first, the press fully shared this point of view and waited for the end of the war no later than in December 1914. However, by the beginning of 1915 there were more and more doubts that Germany would surrender voluntarily and that her position was hopeless. These doubts intensified in the spring of 1915, when, against the background of rising prices in Russia, the food policy of Germany in many articles was for the first time evaluated positively. In the summer of 1915, due to the heavy defeats of the Russian army, the press openly admitted that Russia was opposed by a strong enemy who would not surrender voluntarily. The recognition of the strength of the enemy has become one of the most important factors of the internal political crisis in Russia.

Keywords: Russian periodicals, Petrograd Telegraph Agency, the Main Directorate of the General Staff, Germany, Austria-Hungary, propaganda, World War I.

1. Введение

Масштабные сражения на фронтах Первой мировой войны осенью 1914 г. не принесли на одной из противоборствующих сторон решающего успеха. Ошибочными оказались многочисленные предсказания о скоротечности войны, нереализованными остались планы быстрого разгрома врага. При этом затягивание войны имело не только военно-стратегические, но и серьезные психологические последствия. Правительствам воюющих государств отныне приходилось обращать больше внимания на «внутренний фронт», доказывать населению необходимость терпеть лишения и потери для достижения победы.

Одним из главных пропагандистских приемов было систематическое внушение обществу мысли о медленной, но верной деградации противника, его армии и тыла: о тяжелом экономическом положении, о вспыхнувшей национальной розни, о непопулярности войны, об открытых антивоенных выступлениях и о репрессиях против инакомыслящих. Это был своеобразный «заменитель» победных репортажей с фронта, которые из-за реалий «окопной войны» и цензуры были немногочисленными, немногословными и бедными на подробности.

* Corresponding author

E-mail addresses: boga_igor@mail.ru (I.K. Bogomolov)

Сюжеты о проблемах в стане врага использовались пропагандой всех воюющих государств. Повторяемость и популярность того или иного сюжета зависели от особенностей конкретного вражеского государства, его истории, экономического и географического положения, национального состава. Учитывая эти факторы, положение Германии и Австро-Венгрии изначально представлялось современникам весьма уязвимым. Окруженные врагами, отрезанные от колоний и большей части довоенного импорта, Центральные державы в большинстве прогнозов обрекались на голод, восстания, революции и неминуемое поражение. Активно участвовала в этом и русская периодическая печать, ежедневно сообщавшая об экономическом и политическом кризисе в Германии и Австро-Венгрии. В статье анализируются следующие вопросы: какие сюжеты о противниках России поднимала русская печать, где на газетных полосах размещались сообщения о Центральных державах, каковы были основные источники информации о противниках России в годы Первой мировой войны. Отметим, что тема не потеряла актуальности: регулярное освещение внутренних проблем оппонента остается важной составляющей современных информационных войн между государствами.

2. Материалы и методы

К исследованию привлечены материалы ведущих русских газет периода Первой мировой войны. Прежде всего, это петроградские и московские издания: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости» и «Русское слово». На общем фоне русского газетного рынка эти газеты выделяются по нескольким параметрам: тиражам, широте охвата аудитории, развитой корреспондентской сети в России и за рубежом, осведомленности и связи во властных «верхах». Каждая из них имеет свои сильные стороны. К примеру, «Русское слово» было самой массовой газетой дореволюционной России: ее ежедневный тираж в августе 1914 г. составлял около 860 тыс. экземпляров (НИОР РГБ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 4. Л. 16). У «Нового времени» тиражи были существенно меньше – 60–65 тыс. в 1914 г. (Боханов, 1984: 37). Но газета А.С. Суворина еще с XIX в. считалась близкой к власти и славилась умением лавировать в зависимости от общественных настроений (Боханов, 1984: 25).

«Русское слово», «Биржевые ведомости» и «Новое время» имели самые развитые корреспондентские сети за границей (Кострикова, 1997: 23). Кадетские «Речь» и «Русские ведомости» имели более скромную читательскую аудиторию, особенно в провинции (Боханов, 1984: 65). Но при этом они старались поддерживать собственные источники информации в Европе. Будучи последовательными оппонентами правительства, кадетские издания старались перепроверять официальные сведения и находить альтернативные источники информации. Другие газеты, даже имея сопоставимый тираж (например, «Утро России» и «Газета-копейка»), уступали в развитии корреспондентской сети и терпимее относились к официальным источникам.

К исследованию также привлечены архивные материалы редакций газет «Русское слово» и «Русские ведомости», Главного управления Генерального штаба, Московского комитета по делам печати, Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати. Привлеченные документы позволяют выявить, во-первых, источники газет о положении в Германии и Австро-Венгрии, а во-вторых, проследить влияние цензуры и военного командования на репрезентацию в прессе Центральных держав.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и объективности. Периодическая печать исследуется с учетом конкретно-исторических условий ее функционирования в России времен Первой мировой войны. Историко-типологический метод позволил систематизировать русские дореволюционные газеты в соответствии с их характерными чертами, сходствами и различиями. С помощью историко-сравнительного метода определены позиции газет по поводу противников России, их экономического и внутривластного состояния в годы Первой мировой войны. Важнейшее значение для исследования имеет историческая имагология, предполагающая комплексное изучение образов в общественном сознании.

3. Обсуждение

В историографии тема образа врага в России времен Первой мировой войны поднималась неоднократно. Исследованы различные аспекты репрезентации врага в лубке и в карикатуре (Филиппова, 2012). Сложнее обстоит дело с «большой прессой». Появившиеся в последние десятилетия работы фокусируются в основном на образе врага в одной газете либо в прессе одного политического направления. Общей проблемой является, на наш взгляд, недостаточно критичное, а подчас и недостаточно серьезное отношение к печати как к источнику. Одни исследователи минимизируют самостоятельность дореволюционной печати и встраивают ее в общую пропагандистскую политику правительства (Сенявская, 2006). Другие, наоборот, воспринимают печать как отдельного игрока в информационном поле, который практически не зависел от правительства и даже боролся с ним (Айрапетов, 2003). Материалы прессы о противниках рассматриваются современными историками либо как сплошной вымысел и лживая пропаганда (Асташов, 2012), либо как неопровержимое доказательство военных преступлений и тяжелого

экономического положения Центральных держав (Абдрашитов, 2012). Представляется, что сначала необходимо выявить источники, из которых газеты брали информацию, и прояснить, какое влияние оказывали правительство и Ставка на репрезентацию противников России. Для исследования выбран период с июля 1914 по июль 1915 г., когда уверенность в безвыходном положении Германии сменилась открытым признанием ее силы и стойкости.

4. Результаты

Еще до официального начала мировой войны сообщения из Германии и Австро-Венгрии доходили до России со значительными опозданиями и серьезно сокращались военной цензурой. Заграничные корреспонденты русских газет с большим трудом пересылали в Россию краткие телеграммы, в основном – с просьбой о помощи (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 21. Д. 41. Л. 18). Хуже всего пришлось журналистам, не успевшим покинуть Германию и Австрию: многие из них были интернированы и получили опыт вражеского плена (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 8-9). Хотя некоторым корреспондентам впоследствии удалось восстановить связь с Россией, в целом довоенные каналы передачи информации из Европы были нарушены.

Сложнее всего было получить новости из Германии и Австро-Венгрии. Корреспонденты получали их в основном от подданных нейтральных стран, чаще всего – с опозданием и за большие деньги (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 13-15). Частично проблему решали еженедельные обзоры и статьи, однако ни о какой оперативности собственных корреспондентов не могло быть и речи. Единственной альтернативой оставалось официальное Петроградское телеграфное агентство (ПТА).

В отличие от редакций газет и журналов, ПТА вовремя позаботилось о каналах связи с военной Европой. Еще в конце июля 1914 г. берлинскому корреспонденту агентства А.И. Маркову было предписано в случае «осложнений» перебраться в Копенгаген и организовать там новый центр получения информации. Хотя в Берлине пришлось оставить жену и почти все личные вещи (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 172), Марков сумел избежать германской тюрьмы, быстро обосновался в Копенгагене и установил стабильную связь с Петроградом. Выбор в пользу датской столицы был стратегически верным. Как позднее писал сам Марков, именно из Копенгагена воюющие государства узнавали о положении в стане врага (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 173).

В июле–августе 1914 г. ПТА стало важнейшим звеном в информировании населения России о ходе войны вообще, и в частности о ситуации в Германии и Австро-Венгрии. Правительство субсидировало бесплатное распространение агентских телеграмм в провинции (ЦГА Москвы. Ф. 56. Оп. 177. Д. 3207. Л. 2, 7), они заполняли новые газеты и листки (ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 310), а недобросовестные издатели в погоне за прибылью нередко выдавали их за сообщения собственных корреспондентов (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 13. Л. 72-73). С новым положением ПТА вынуждены были считаться и крупные столичные издания, которые ранее старались свести количество официальных телеграмм к минимуму. Наиболее крупным изданиям это удавалось: в июне – начале июля 1914 г. агентские телеграммы из-за рубежа составляли не более 20 % от общего количества телеграмм в «Русском слове», около половины – в «Новом времени».

В первые же дни войны на телеграммы ПТА перешли все петроградские и московские газеты, не говоря о провинциальной печати. Информационное поле, таким образом, стремительно заполнялось материалами из одного официального источника. Это, однако, не означало, что ПТА стал монополистом; крупная пресса, не желавшая полностью зависеть от агентства, искала свои источники информации, и поиски эти были небезуспешны (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 10-11). Кроме того, почти одновременно с ПТА информирование печати начало Главное управление Генерального штаба (ГУГШ).

В Ставке и ГУГШ были недовольны тем, как печать освещает войну: публикует слухи, сообщает названия частей и их расположение, открыто рассуждает о перспективах военной кампании (ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 265). Печать, со своей стороны, была недовольна «сухостью» ежедневных сообщений Ставки и суровостью цензуры (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 12. Л. 27-29). К чему это могло привести, стало ясно после поражения русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Несмотря на максимальное сокрытие данных и молчание газет, слухи о разгроме (как правило, сильно преувеличенные) ходили по стране, и их нельзя было остановить ни цензурными запретами, ни призывами доверять только официальной информации. Высшее командование осознало необходимость сотрудничества с печатью, в том числе – путем постоянных встреч с ее представителями, первая из которых состоялась 3 (16) августа 1914 г.

Встречи, как правило, проходили дважды в день, утром и вечером. ГУГШ представлял подполковник Александр Михайлович Мочульский, делопроизводитель Отдела генерал-квартирмейстера и Главной военно-цензурной комиссии (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 94007. Л. 5). Заседания начинались с оглашения сводок о положении на театре военных действий. Эти сводки печать обязана была предоставлять в неизменном виде и только с пометкой «от Главного управления Генерального штаба». Во второй части заседания Мочульский сообщал о противниках России и ее армиях. Источник этих «неофициальных сведений» Мочульский не упоминал и при этом категорически запрещал указывать в качестве источника Генштаб. По словам Мочульского,

публикация новости «совершенно исчерпывает достоверность», особенно если новость «будет повторена всеми газетами» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 1). Представитель газеты «День» просил разрешения приписывать к этим сведениям фразу «из авторитетного источника». Мочульский предложил помещать эти сведения «на то место, где они видны», что, по его мнению, куда важнее указания источника (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 30). Иначе говоря, печати предлагалось поверить представителю ГУГШ буквально на слово. В целом, с первых заседаний наметилось стремление ГУГШ не только информировать печать, но и активно ее использовать в качестве ретранслятора «правильной» точки зрения на причины и ход войны.

Стремясь получить ценную информацию, представители печати ежедневно задавали Мочульскому вопросы о реальном положении на фронте, однако тот давал в основном уклончивые ответы (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 9 об.). Чем сложнее была обстановка на фронте, тем меньше новой информации прессе удавалось получать. Со временем Мочульский перестал выходить за рамки официальных сообщений и отказывался давать по ним какие-либо разъяснения. Вместо оперативной информации ГУГШ все чаще предоставляло «сведения», непосредственно не связанные с ходом военных действий. Уже в августе 1914 г. «неофициальная» часть новостей значительно превосходила «официальную» по объему. Превалировали сообщения о преступлениях австро-германских войск на фронте и на оккупированных территориях. Неумение врагов воевать доказывалось многочисленными «свидетельствами» о злоупотреблении белым флагом, о трусости вражеских солдат, низкой квалификации командного состава. Общий смысл состоял в том, что Германия и Австро-Венгрия несравнимы по силе с их противниками и их ждет скорое и неминуемое поражение.

Однако поражения русских армий в Восточной Пруссии и стремительное наступление немцев на Париж заставили ГУГШ скорректировать тематику сообщений. Отныне итоговая победа держав Антанты обуславливалась не столько силой их армий, сколько «безнадежным» социально-экономическим положением врага (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 66 об.). Германия и Австро-Венгрия, согласно пояснениям Мочульского, были самыми уязвимыми из воюющих держав, так как их экономика сильно зависела от импорта сырья и продовольствия. Россия же имела серьезные преимущества благодаря «земледельческой» экономике (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 54). Но этими же рассуждениями Мочульский давал прессе понять: достижение решающего военного успеха маловероятно и России надо готовиться к затяжной борьбе на истощение.

С сентября 1914 г. большая часть «неофициальных сведений» касалась внутреннего положения Германии и Австро-Венгрии. В основном сообщалось о резком росте цен, о падении промышленного производства и обнищании населения. Представители печати неоднократно указывали на «сухость» сообщений Ставки, но каких-либо поправок Мочульский не делал. С октября 1914 г. представителям печати раздавались бюллетени «к сведению редакции» (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 12. Л. 18). Прямые диалоги в этих бюллетенях практически не встречаются: Мочульский не был в них заинтересован, а представители печати уже не надеялись получить от него что-то новое.

В условиях крайне ограниченного выбора источников перед печатью в начале войны вставал выбор: либо публикация «сведений» Мочульского и телеграмм ПТА, либо полное отсутствие новостей из стана врага. На себе эту ситуацию испытало «Русское слово», которое в первые дни войны вообще не получало телеграмм из Германии и Австро-Венгрии. «Сведения» ГУГШ «Русское слово», как и другие московские газеты, публиковало с пометкой «Петроград», что частично снимало вопросы об источнике новостей.

Сложнее пришлось петроградской прессе, которая тоже с недоверием относилась к «неофициальным сведениям». С одной стороны, публикация новостей без источника могла подорвать доверие читателей (Новое время, 1914. 12 августа), с другой – игнорирование «сведений» могло ухудшить и без того натянутые отношения столичной печати с командованием армии. В итоге «сведения» регулярно публиковали крупнейшие столичные газеты – «Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости», «Петроградский листок», «Газета-Копейка» и др. По сути это были дословные повторения сообщений, полученных от Мочульского, различался только формат: «Новое время» публиковало их как «последние известия», «Речь» именовала «военными известиями». Некоторые газеты (по ошибке или специально) размещали эти сообщения в «официальной» части, на что резко реагировал Мочульский (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 30). Следует отметить, что не все газеты публиковали «сведения». Некоторые (например, «День» и «Русские ведомости») пользовались тем, что Мочульский «рекомендовал», но не навязывал печати свои новости.

ПТА также большое внимание уделяло внутренним неурядицам в Центральных державах. Активно развивала эту тему и сама печать: ведущие публицисты считали, что война закончится уже в 1914 г., в том числе из-за ограниченных ресурсов и блокады Германии и Австро-Венгрии (Новое время, 1914. 31 июля). В этом смысле телеграммы ПТА служили своеобразными краткими зарисовками. Основной массив сообщений развивал следующие сюжеты: социально-экономический кризис (в том числе – дефицит промышленных товаров и продовольствия), внутривластная борьба, антивоенные настроения, межнациональная рознь, отношения между Германией и Австро-Венгрией.

Социально-экономический кризис стал наиболее популярной темой. Уже в первые дни войны ПТА разослало сообщения о падении германских и австрийских фондовых рынков (*Русское слово*, 1914. 1 августа). В дальнейшем самой популярной темой стала нехватка продовольствия и угроза голода в Германии и Австро-Венгрии (*Русские ведомости*, 1914. 4 августа). Экономические проблемы, судя по агентским телеграммам, производили «отрезвляющий» эффект на население Германии и Австро-Венгрии (*Русское слово*, 1914. 1 августа). Хлебные бунты быстро переросли на страницах печати в политические манифестации. Печать сообщала о «грандиозных антивоенных демонстрациях» в Берлине и других германских городах (*Русское слово*, 1914. 16 августа). Всерьез обсуждалась тема скорого свержения Вильгельма II (*Новое время*, 1914. 21 сентября), а сам кайзер якобы уже «готовил пути отхода»: перевел свои сбережения в американские банки, скупил «огромные пространства земли в Канаде» и после отречения собирался жить в Нью-Йорке (*Новое время*, 1914. 10 сентября). Неоднократно сообщалось о возобновлении внутривнутриполитической борьбы, в частности – об отказе германских социал-демократов поддержать новые военные кредиты (*Речь*, 1914. 5 декабря).

Пик сообщений о революционной ситуации в Центральных державах пришелся на сентябрь 1914 г. Сдерживали население от всеобщего бунта якобы только жесткая цензура, пропаганда и систематическая ложь австро-германской печати (*Русское слово*, 1914. 21 августа). При этом патриотизм немцев и австрийцев неизменно описывался в форме анекдотов и баек, подчеркивался его искусственный и временный характер. Большой популярностью в печати пользовалась история об охоте на русских шпионов, якобы разъезжавших по Германии на автомобиле, набитом золотом (*Русские ведомости*, 1914. 8 августа).

Значительная часть сообщений ПТА и ГУГШ касалась межнациональных отношений в Германии и Австро-Венгрии. Особенно часто в этом контексте упоминалась Австрийская «лоскутная» империя с ее застарелыми национальными проблемами и якобы русофильскими настроениями среди славянского населения (*Русское слово*, 1914. 2 августа). Галиция, судя по заголовкам газет, и вовсе была в восторге от скорого прихода русских «освободителей» (*Новое время*, 1914. 15 августа).

Неоднократно сообщалось также о национальных конфликтах в Германской империи, где представители славянских народов и этнические французы отказывались воевать против России и Франции (*Новое время*, 1914. 10 августа). Пристальное внимание было обращено и на взаимоотношения между самими немцами. Согласно сообщениям ПТА и Генштаба, осенью 1914 г. в Баварии, Вестфалии, Вюртемберге и других германских землях усилилось недовольство Пруссией, которая обвинялась в развязывании непопулярной войны (*Новое время*, 1914. 23 сентября).

Таким образом, исходя из «неофициальных» сведений, крах австро-германского блока должен был произойти максимум за несколько месяцев. Однако ни в октябре, ни в ноябре, ни зимой 1914–1915 гг. Центральные державы не сдались и продолжали сопротивление. При этом «последние известия» продолжали публиковаться на страницах печати. Редакции делали это с явной неохотой: для них тенденциозность и однобокость этих «сведений» была очевидна.

Необходимость изменений в информировании печати осознавали и сами ГУГШ и ПТА. Осенью 1914 г. одной из главных задач стало придание внешней достоверности агентским телеграммам и «сведениям». Обязательным становилось наличие источника информации, в основном это были безымянные «свидетели» и «участники» описываемых событий, а также абстрактная «нейтральная печать». Героями сообщений были, как правило, подданные нейтральных государств – датчане, шведы, норвежцы, голландцы, американцы. В основном сюжет строился вокруг их «недавней поездки» по Германии и Австрии. Большинство новостей начинались с типичной конструкции, например: «Лицо, проехавшее недавно через Швецию из чешской Праги, передает нам следующие подробности о положении дел...» (*Новое время*, 1914. 11 декабря).

Помимо национальности, важную роль играли и другие детали из биографии «свидетеля событий». Финансисты, торговцы, промышленники, политики давали «экспертную» оценку состояния различных отраслей экономики, рассказывали о настроениях в деловых кругах и верхних эшелонах власти. Так, о «бедственном» положении Германии и Австрии заявляли «представитель шведского дипломатического корпуса», амстердамский корреспондент «Нью-Йорк Геральд», американский бизнесмен (*Новое время*, 1914. 8 декабря). В качестве доказательств ухудшающегося положения Центральных держав цитировались приказы по полиции и выдержки из «конфиденциальных разговоров» с представителями местной власти (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 246). Особое внимание уделялось сообщениям австрийской и германской прессы. «Ошибочно было бы судить о германских делах только по немецкой печати», – отмечал Мочульский в декабре 1914 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 264). Однако именно вражеские газеты стали для ГУГШ одним из основных источников информации о внутреннем положении противников (*Русское слово*, 1914. 22 октября).

В начале 1915 г. появились ссылки на немецкие и австрийские письма, выдержки из дневников, государственные распоряжения и оппозиционные листовки (*Новое время*, 1915. 24 января). Активно использовались различные лексические средства и художественные приемы – аллегории, метафоры, олицетворения, фразеологизмы. К примеру, в марте 1915 г. сообщалось о решении германских

властей истребить птиц, уничтоживших запасы хлеба в хранилищах. «Русское слово» метко окрестило это «стрельбой из пушки по воробьям» ([Русское слово, 1915. Бюллетень 15 марта](#)). Олицетворением тяжелого внутреннего положения Австро-Венгрии служил Франц-Иосиф: ПТА и ГУГШ регулярно сообщали печати об обострении болезней и предсмертном состоянии австрийского императора ([Русское слово, 1914. 28 ноября](#)). Часто сообщалось и о болезнях немецких политиков и военачальников, с помощью чего подчеркивалась безвыходность положения австро-германских войск ([Русское слово, 1915. 30 января](#)). Согласно «газетным сообщениям из Лондона», Вильгельм II в декабре 1914 г. заболел воспалением легких, страдает переутомлением и «нервной прострацией», вследствие чего врачи якобы настоятельно рекомендовали ему перестать посещать фронт ([Новое время, 1914. 13 декабря](#)).

Осенью 1914 г. прогнозы о грядущей революции постепенно уступали место подробным аналитическим материалам о затяжном кризисе в стане врага. Сообщения стали чаще содержать статистические данные, стало больше рассказов о повседневной жизни рядовых немцев и австрийцев. Продовольственный кризис описывался в массе деталей – от состава хлеба (в который часто подмешивали суррогаты) до расчета количества потребляемых калорий на одного жителя Германии ([Новое время, 1914. 5 ноября](#)). Подробно освещались введение хлебной монополии и централизованный сбор «отбросов» для нужд хозяйства ([Новое время, 1915. 20 февраля](#)). При этом слово «голод» употреблялось редко, составители «сведений» предпочитали более расплывчатые понятия: «продовольственный кризис», «перебой со снабжением», «усиление экономии».

Между тем сама печать все чаще высказывала сомнения в том, что положение Центральных держав безнадежно. Первые материалы, резонирующие с агентскими телеграммами и «сведениями», появились вместе с возвращением русских подданных, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Один из них, известный историк Н.И. Кареев вспоминал, что жизнь в Берлине в первые дни войны внешне почти не изменилась: «кафе, как всегда, переполнены, дороговизны не замечается, и вообще война почти не отразилась на столице Германии» ([Новое время, 1914. 10 сентября](#)).

В октябре–ноябре 1914 г. в прессу стала проникать и экономическая статистика из Германии; свою роль сыграло постепенное восстановление русскими газетами собственных каналов получения информации из Европы. В октябре 1914 г. «Русские ведомости» пришли к выводу, что хлеба в Германии хватит на целый год. «Если это будет продолжаться и далее, то очевидно, что странам тройственного соглашения придется оставить всякие мечты об экономическом истощении Германии», – считал обозреватель «Русских ведомостей» А. Захаров ([Русские ведомости, 1914. 9 октября](#)).

Корреспондент «Русских ведомостей» в Стокгольме М. Лурье отмечал, что деятельность германского Военно-промышленного совета «дала уже осязаемые результаты», среди которых – снижение безработицы и перестройка экономики на военный лад ([Русские ведомости, 1914. 15 октября](#)). Было опровергнуто «широко распространенное» мнение, что месяц остановки заводов, фабрик и транспорта разрушит политический и общественный строй Германии ([Русское слово, 1914. 9 декабря](#)). На основе экономических показателей Центральных держав Лурье приходил к политическим выводам: «было бы крайне ошибочно преувеличивать значение... отдельных фактов и считать “внутренний мир” уже несуществующим в Германии. Наоборот, почти каждая газета приносит известия о новых его проявлениях» ([Русские ведомости, 1915. 19 февраля](#)).

Похвалы в адрес вражеских государств высказывало и «Новое время», но на первых порах делало это осторожно, устами «сторонних наблюдателей» и представителей союзников России. К примеру, в октябре 1914 г. «частное лицо» из Цюриха сообщало редакции «Нового времени», что немцы не только хорошо подготовились к войне, но и продемонстрировали небывалый подъем духа ([Новое время, 1914. 7 октября](#)). К апрелю 1915 г. осторожные признания, что «перспектива голода немцев, видимо, не слишком пугает», сделали и ведущие обозреватели газеты ([Новое время, 1915. 10 апреля](#)).

Весной 1915 г. все большее внимание русской печати стали привлекать негативные последствия войны для экономики России. Быстрый рост цен на продовольствие ([Кондратьев, 1991: 150](#)) и перебой со снабжением городов топливом ([Новое время, 1915. 5 марта](#)) постепенно стали главной темой внутренних новостей. Высказывались различные варианты решения этих проблем, и нередко делались отсылки к опыту Германии ([Новое время, 1915. 31 марта](#)). Обозреватель «Русских ведомостей» И. Каблуков в апреле посвятил большую статью развитию «азотной монополии», которая позволила германской военной промышленности не зависеть от импорта селитры ([Поликарпов, 2013](#)). М. Лурье писал об опыте немцев по согреванию засеянных полей с помощью отработанной на немецких заводах воды ([Русские ведомости, 1915. 25 июля](#)). «Русское слово» отмечало, что война «подстегнула» германских аграриев эффективнее использовать сельхозугодья ([Русское слово, 1915. 23 июня](#)). Большинство авторов статей об экономике Германии приходили к выводу, что немцам с помощью слаженной работы удалось переориентировать экономику, поставить ее на «военные рельсы» и, по крайней мере, оттянуть момент окончательного поражения.

На этом фоне содержание новостей об Австро-Венгрии практически не менялось. Экономические трудности Австро-Венгрии служили катализатором многочисленных слухов о желании этой державы как можно скорее закончить войну и подписать с Антантой сепаратный мир

([Русское слово, 1915. 10 апреля](#)). В сообщениях ПТА и ГУГШ эта тема поднималась регулярно, причем в контексте общего ухудшения австро-германских отношений. Согласно этим сообщениям, немцы с презрением смотрели на «слабовольных австрияков» ([Новое время, 1915. 31 января](#)). Австрийцы же полагали, что немцы «заставили» их начать войну с Россией в угоду своим интересам. Исходя из сообщений печати, эти противоречия начали выливаться в регулярные открытые конфликты на политическом, военном и бытовом уровнях ([Новое время, 1914. 28 декабря](#)).

Дискуссии о германской экономической политике совпали по времени с началом масштабного наступления австро-германских войск на Восточном фронте. Сильное впечатление на прессу производили не столько военные успехи немцев, сколько их материально-техническая оснащенность. Под влиянием немецкого наступления быстро менялись и взгляды печати на внутреннее положение Центральных держав. «Опыт последнего года показал, что расчеты на истощение пищевых запасов в Германии не оправдались, – констатировало «Новое время», – наука в этом отношении потерпела такое же фиаско, как и расчет артиллерийских управлений, и многое другое». То, что в странах Антанты рассматривалось как признак слабости – экономика продовольствия и боеприпасов – отныне признавалось проявлением немецкой распорядительности и предусмотрительности ([Новое время, 1915. 12 августа](#)).

5. Заключение

Таким образом, уже через год после начала войны полностью потеряли актуальность дискуссии конца 1914 – первой половины 1915 гг. о «скором конце» и добровольной капитуляции Германии. Столь резкие перемены в оценке силы и стойкости Центральных держав имели серьезные политические последствия. Похвалы в адрес Германии и Австро-Венгрии стали своеобразным способом критики власти, в том числе и в официозной печати ([Новое время, 1915. 11 июня](#)). В оппозиционных изданиях эта критика изначально выходила за экономические рамки, главным виновником поражений был назван «реакционный» политический режим ([Речь, 1915. 22 июля](#)). При этом ежедневные сообщения ПТА и ГУГШ о кризисе в Центральных державах продолжали публиковаться в печати, ибо оставалась важнейшая цель – показать, что конец войны близок и усилиями всего общества можно добиться победы. Внутреннее состояние внешнего врага стало важнейшим сюжетом, который использовался как властью, так и оппозицией в обостряющейся политической борьбе накануне революции 1917 г.

Литература

[Абдрашитов, 2012](#) – *Абдрашитов Э.Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа врага в годы Первой мировой войны // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.* Белгород, 2012. № 1 (120). С. 170-177.

[Айрапетов, 2003](#) – *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. М: Модест Колеров, Три квадрата, 2003. 254 с.

[Асташов, 2012](#) – *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М: Спецкнига, 2012. 400 с.

[Боханов, 1984](#) – *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

[Кондратьев, 1991](#) – *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 350 с.

[Кострикова, 1997](#) – *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 175 с.

[НИОР РГБ](#) – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

[Новое время, 1914](#) – Новое время, 1914.

[Новое время, 1915](#) – Новое время, 1915.

[Поликарпов, 2013](#) – *Поликарпов В.В.* Воздух как стратегическое сырье России начала XX в. // *Вопросы истории.* 2013. № 9. С. 64-76.

[Речь, 1915](#) – Речь, 1915.

[Русские ведомости, 1914](#) – Русские ведомости, 1914.

[Русские ведомости, 1915](#) – Русские ведомости, 1915.

[Русское слово, 1914](#) – Русское слово, 1914.

[Русское слово, 1915](#) – Русское слово, 1915.

[РГАЛИ](#) – Российский государственный архив литературы и искусства.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Сенявская, 2006](#) – *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Филиппова, 2012 – Филиппова Т.А. «Враги России»: Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы.

References

- Abdrashitov, 2012** – *Abdrashitov E.E.* (2012). Rossiiskie poddannye v Germanii v avguste 1914 g. i formirovanie obraza vraga v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian citizens in Germany in August 1914 and the formation of the image of the enemy during the First World War]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya, Ekonomika, Informatika*. № 1, pp. 170-177. [in Russian]
- Airapetov, 2003** – *Airapetov O.R.* (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu [Generals, Liberals, and Businessmen: Work for the Front and for the Revolution]. М., 254 p. [in Russian]
- Astashov, 2012** – *Astashov A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny [Propaganda on the Russian front during the First World War]. М., 400 p. [in Russian]
- Bokhanov, 1984** – *Bokhanov A.N.* (1984). Burzhuznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX – 1914 g. [Russian bourgeois press and big business. The end of the XIX century – 1914]. М., 152 p. [in Russian]
- Filippova, 2012** – *Filippova T.A.* (2012). «Vragi Rossii»: Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire Pervoi mirovoi voiny [«Enemies of Russia»: Images and rhetoric of hostility in Russian satirical press during the First World War]. М., 271 p. [in Russian]
- Kondratiev, 1991** – *Kondratiev N.D.* (1991). Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremena voiny i revolyutsii. [The bread market and its regulation during the war and revolution] М., 352 p. [in Russian]
- Kostrikova, 1997** – *Kostrikova E.G.* (1997). Russkaya pressa i diplomatiya nakanune pervoi mirovoi voiny [Russian press and diplomacy on the eve of the First World War]. М., 157 p. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]
- Novoe vremya, 1914** – *Novoe vremya* [The New Times], 1914. [in Russian]
- Novoe vremya, 1915** – *Novoe vremya* [The New Times], 1915. [in Russian]
- Polikarpov, 2013** – *Polikarpov V.V.* (2013). Vozdukh kak strategicheskoe syr'e Rossii nachala XX v. [Air as a strategic raw material of Russia at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. № 9, pp. 64-76. [in Russian]
- Rech', 1915** – *Rech'* [Speech], 1915. [in Russian]
- Russkie vedomosti, 1914** – *Russkie vedomosti* [The Russian sheets], 1914. [in Russian]
- Russkie vedomosti, 1915** – *Russkie vedomosti* [The Russian sheets], 1915. [in Russian]
- Russkoe slovo, 1914** – *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1914. [in Russian]
- Russkoe slovo, 1915** – *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1915. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
- Senyavskaya, 2006** – *Senyavskaya E.S.* (2006). Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva [Enemies of Russia in the wars of the twentieth century: the evolution of the «image of the enemy» in the minds of the army and society]. М., 288 p. [in Russian]
- TsGA Moskvy** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Moscow Central State Archive]

Русская печать о внутреннем положении Германии и Австро-Венгрии (1914–1915 гг.)

Игорь Константинович Богомолов ^{a, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется репрезентация внутреннего положения Германии и Австро-Венгрии в русской периодической печати в начальный период Первой мировой войны (август 1914 – июль 1915 г.). Война значительно усложнила пути и способы получения заграничной информации, единственным источником которой осталось официальное Петроградское телеграфное агентство. Другим источником послужили «неофициальные сведения», ежедневно предоставлявшиеся Главным управлением Генерального штаба. Среди прочего агентские телеграммы и «сведения» регулярно извещали о социально-экономическом и политическом кризисе

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: boga_igor@mail.ru (И.К. Богомолов)

в стане противников России. Сообщения об угрозе голода, падении производства, росте безработицы, межнациональной розни в Германии и Австро-Венгрии повторялись ежедневно, причем их количество росло и со временем стало превышать количество сообщений о военных действиях. Поначалу печать вполне разделяла эту точку зрения и ждала окончания войны не позже декабря 1914 г. Однако уже к началу 1915 г. все чаще раздавались сомнения в том, что Германия сдастся добровольно и что ее положение безнадежно. Эти сомнения усилились весной 1915 г., когда на фоне роста цен в России продовольственная политика Германии во многих статьях впервые была оценена положительно. Летом 1915 г. в связи с тяжелыми поражениями русской армии печать открыто признала, что России противостоит сильный враг, который не сдастся добровольно. Признание силы врага стало одним из важнейших факторов внутривнутриполитического кризиса в России.

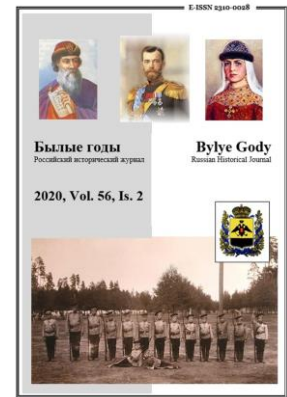
Ключевые слова: русская периодическая печать, Петроградское телеграфное агентство, Главное управление Генерального штаба, Германия, Австро-Венгрия, пропаганда, Первая мировая война.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 56. Is. 2. pp. 907-914. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.2.907
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Imperial Administration in Solving the Land Question in the Uryankhai Territory from 1914 to 1917

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Anna S. Zhulaeva ^a, Galina M. Lushchayeva ^a, Nikolai R. Novosel'tsev ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article provides historical information about the activities of the tsarist administration of the Uryankhai Territory in the land issue during the protectorate of the Russian Empire. We established the national principles and foundations of civil law relations, which acted simultaneously in land use on the territory of Tuva from 1914 to 1917. Russian peasants moved to southern Siberia. Land was attractive for Siberian peasants near the Biy-Khem River (Big Yenisei). The elders of the Tuvan communities distributed land between the immigrants until 1914. The immigrants executed documents called permits, which were made in writing. Cash payments were a prerequisite for all land transactions between Tuvans and peasants. Tuvans set terms for the use of land. It was a land lease. However, Russian peasants thought about buying and selling land, they were mistaken. The number of Russian peasant immigrants increased significantly during the Protectorate of the Uryankhai Territory. Cases of sale and “resale” contributed to the fragmentation of land. Russian rural elders executed transactions of purchase and sale of land. Old-timers peasants sold land to immigrants who arrived in the Uryankhai Territory recently. These cases violated the Circular of the Commissioner for the Urikhay Territory (April 1914, day 18, No. 627). The commissioner gave the village elders the right to register transactions only, the sale was officially prohibited. The elders confirmed the presence of land transactions in the Russian villages of the Ust-Irbeyskoye, the Bayan-Kol, the Shcherbakovskoye from 1915 to 1916. Wardens denied cases of official land transactions in the Russian villages of the Kemchik, the Tarlyk, the Atamanovo, the Uyuk, the Fedorovka, the Sosnovka, the Verkhne- and the Nizhne-Nikolskoe, the Berezovka. This was an unresolved land issue. This was a lack of guarantees from the local authorities and reliable protection of property rights, ownership and use of land. Peasant land disputes were a characteristic from 1914 to 1917 in the Uryankhai. Peasants-applications were considered by the Commissioner for Affairs of the Uryankhai Territory, the Chief-Border of the Minusinsky okrug (Usinsky Chief-Border) and officials of the Resettlement Department. Peasants complained to officials about the violation of their property rights. However, land disputes were resolved by the concept of the lack of private ownership of land in the Uryankhai Territory. The peasants addressed their complaints to the Yenisei governor and the Irkutsk governor-general. Claims consisted in the actions (inaction) of the local royal authorities. The land issue persisted in the social and economic conditions of pre-revolutionary Russia. There was an authoritarian regime, a vertical of power and centralization of decisions. The land issue was not resolved by local authorities in Uryankhai.

Keywords: land issue, agrarian question, local government, tsarist administration, pre-revolutionary officials, Uryankhai Territory, Yenisei province, Yenisei Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Система земельных отношений в дореволюционной России к началу XX в. включала вопрос неразрешенной проблемы землепользования среди быстро растущего крестьянского населения.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

Восточная часть Российской империи – Сибирь – характеризовалась наиболее благоприятными условиями для приобретения земли, нужду в которой испытывала почти каждая крестьянская семья в Центральной России. Однако вхождение в 1914 г. под российский протекторат южных территорий Енисейской Сибири, так называемого Урянхайского края (сегодня территория Республики Тыва), открыло не свойственный для центральных и северных районов Сибири земельный вопрос. Тем самым на царскую администрацию Урянхайского края возлагалась серьезная ответственность в урегулировании системы земельных правоотношений между урянхами (сойотами или тувинцами) и крестьянами-переселенцами. Бесспорно, компетентная деятельность правительственных структур на местах была определяющей в достижении и более глобальных целей государства, объединенных в понятие «укрепление царской власти» на пограничных территориях Азиатской России.

Цель работы – установление исторических фактов о роли царской администрации (комиссара по делам Урянхайского края, пограничного начальника Минусинского округа, служащих Переселенческого управления, заведующего устройством русского населения, старших выборных по русским поселкам) в решении земельного вопроса на территории Урянхайского края.

Хронологические рамки исследования – 1914–1917 гг. – обусловлены периодом нахождения Урянхайского края под протекторатом Российской империи.

Территориальные границы определены районами Верхнего Енисея – Урянхайским краем, также называвшимся «Сойотией» и «Урянхаем», который входил в состав Усинского пограничного округа и административно подчинялся управлению Енисейской губернии. На сегодняшний день Урянхайский край соразмерен современной территории Республики Тыва.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили неопубликованные делопроизводственные документы из Государственного архива Республики Тыва (фонды № 112 «Комиссар по делам Урянхайского края и Усинского округа», № 123 «О земельных спорах»), а также архивные материалы, разнообразные по видовому признаку, из Государственного архива Красноярского края (фонды № 42 «Красноярский окружной суд», № 242 «Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии», № 595 «Енисейское губернское управление»).

Методологическая основа работы – это использование общенаучных методов (анализ и синтез,) и специально-исторических (проблемно-хронологический, ретроспективный). Их применение позволило рассмотреть роль местной царской администрации Урянхайского края в решении земельного вопроса на принципах историзма и научной объективности.

Компаративный анализ условий и результатов деятельности комиссара по делам Урянхайского края, пограничного начальника Минусинского округа, служащих Переселенческого управления, заведующего устройством русского населения, старших выборных по русским поселкам позволил утверждать, что глубина и фактическая неразрешенность земельного вопроса на территории Урянхайского края находилась в прямой зависимости от попыток местных царских властей закрепить на новых «приобретенных территориях». Стремление царских чиновников в решении земельного вопроса действовать по обычаям и традициям Урянхия отвечало их цели – не допускать конфликтов между крестьянами и сойотами.

3. Обсуждение

В современной историографии присутствуют работы по политической и социально-экономической истории Тувы в период российского протектората, в которых рассмотрены вопросы организации местной власти, землепользования и землеустройства в Урянхайском крае (Жулаева и др., 2019; Карчаева, 2019; Karchaeva et al., 2019; Malyutina et al., 2019; Gryaznukhina et al., 2017). Важно отметить, что до сих пор дискуссионным является историко-правовой аспект частной собственности на землю в дореволюционной истории Тувы. Современный историк В.М. Дамдынчап доказала высокую роль обычного права в развитии тувинского общества во второй половине XIX – первой половине XX вв. (Дамдынчап, 2006а: 216) На широком источниковедческом материале ею установлено, что земельные угодья в Урянхае находились в общеродовой собственности (в пользовании аратов, т.е. скотоводов и земледельцев), следовательно, распространенные случаи распределения земельных участков представителями царской власти имели условный характер (Дамдынчап, 2006б: 58; Дамдынчап, 2019: 135).

Концепции советских историков В.И. Дулова и Л.П. Потапова также схожи в том, что право частной собственности на землю не получило законного оформления в Туве до самого конца Российской империи (Дулов, 1956: 4; Потапов, 1969: 69). В свою очередь в научных исследованиях Н.А. Сердобова, Ю.Л. Аранчына указано, что у тувинцев в начале XX в. существовала частная собственность на землю (Аранчын, 1975; Сердобов, 1971). Значит, представители местной власти, т.е. старшие выборные по русским поселкам и старосты (арбаны, бошказы) в общинах сойотов распределяли пахотные земли на условиях договора согласно общепринятым правовым нормам, а комиссар по делам Урянхайского края, пограничный начальник Минусинского округа (Усинский

пограничный начальник) и чиновники Переселенческого управления были задействованы в решении земельного вопроса на законном основании.

4. Результаты

4.1. Участие местной царской администрации в вопросе распределения земель Урянхайского края

Во второй половине XIX в. область Верхнего Енисея стала местом проникновения русской колонизации, еще более увеличившейся в 1900-х гг. Территории центральной части Урянхия – земельные угодья долины Большого Енисея (Бий-Хема) – были наиболее привлекательны для крестьян-переселенцев. Однако данные земли уже на протяжении веков использовались сойотами для ведения хозяйственной деятельности. Поэтому, не нарушая общепринятых норм, приехавшие «за лучшей долей» приобретали право селиться на территории Урянхия на основании заключения с представителями тувинской знати письменных документов – разрешительных записей, которые в своих условиях подразумевали только пользование землей на конкретный период (10 и более лет).

Установленный в апреле 1914 г. протекторат Российской империи изменил систему административного управления Урянхайским краем. Формально территории все также делилась на хошуны (соразмерные уездам) во главе с ухэридами (огурдами), управление находилось в руках амдын-нойона (Родичев, 1910: 10-25). Однако фактически центральная российская власть проводила политические решения через местную царскую администрацию в лице комиссара по делам Урянхайского края, заведующего пограничными делами Усинского округа и чиновников Переселенческого управления, которые также ведали устройством русских переселенцев – «засельщиков», как их тогда называли.

Пост комиссара по делам Урянхайского края занимал В. Григорьев, должность заведующего пограничными делами Усинского округа – А. Церерин, до этого – чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, а главой Переселенческого управления был В.К. Габаев (Дамдынчап, 2019: 136).

Резиденцией местной административной власти стал основанный российскими властями в 1914 г. Белоцарск – ныне г. Кызыл (Дацышен, 2017а: 22).

В период протектората механизм землеустройства крестьян-переселенцев осуществлялся посредством заключения крестьянами письменных договоров, во-первых, с нойонами и старостами общин сойотов (арбанами, бошказами), во-вторых, договорные отношения с сойотами оформлялись старшими выборными русских поселков (на основании циркуляра комиссара по делам Урянхайского края от 18 апреля 1914 г. за № 627). Переселенцы, в основном сибирские крестьяне, выплатив определенные суммы сойотам, получали земельные угодья и считали их своей собственностью (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 25).

По национальным традициям тувинские чиновники и араты исходили из собственных представлений о землепользовании: земля по обычаю не могла принадлежать кому-то конкретно, а письменно оформленные документы – это лишь указание на места поселения русских крестьян и сроках пользования земельными угодьями (Дамдынчап, 2006а: 83).

Земельные споры между крестьянами-переселенцами и коренными жителями были достаточно частым явлением. В период протектората Урянхайского края Российской империи (1914–1917 гг.) судебные дела поселенцев передавались в ведение Усинского окружного суда, находившегося в ведении Иркутской судебной палаты (Дамдынчап, 2019: 136).

По «Инструкции должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края» (от 29 июня 1914 г.) разрешались подобные земельные споры комиссаром по делам Урянхайского края, пограничным начальником Минусинского округа (Усинским пограничным начальником), а также чиновниками Переселенческого управления (Монгуш, 2015: 212). Основанием для возбуждения «спорных дел» были личные ходатайства (прошения) крестьян, направленные в адрес местной царской администрации.

В сентябре 1915 г. «Его Высокоблагородию Господину Заведующему Устройством русского населения в Урянхиае» в город Белоцарск поступило «прошение» от урядника Минусинского уезда Енисейской губернии Киприяна Ефремовича Путимцева, проживавшего в Урянхиае. Суть его заключалась «в истребовании изъятия у Архипа Германова, старшего выборного поселка Щербаковское, незаконно захваченных им земель. Ранее им были даны ложные показания о том, что земельными участками для покоса и хлебопашества он не пользуется, так как покосы им были проданы, а затем перепроданы» (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 3).

Архивные материалы свидетельствуют о повсеместном участии местной царской администрации в решении земельного вопроса на территории Урянхайского края, приобретшего характер «острого» в связи с массовым переселением крестьян в южные районы Восточной Сибири. Многие старшие выборные по русским поселкам свидетельствовали (оформляли) сделки между «засельщиками», предметом которых были правовые отношения купли-продажи земли. Однако, опасаясь последствий, многие из них предоставляли ложные сведения об отсутствии земельных сделок, во-первых, между крестьянами-поселенцами («засельщиками»), во-вторых, между сойотами

и вновь прибывшими в Урянхай русскими крестьянами. Среди них в 1915 г. были: Кемчикский старший выборный (письмо от 11 января 1916 г.), Тарлыкский старший выборный (письмо от 9 января 1916 г.), Атамановский старший выборный (письмо от 15 января 1916 г.), старший выборный Уюкского поселка (письмо от 9 января 1916 г.), старший выборный поселка Федоровка (письмо от 5 января 1916 г.), старшие выборные поселков Сосновка, Верхне- и Нижне-Никольское, Березовка (письма от января 1916 г.) (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 96. Л. 26, 27, 29, 30-32).

В свою очередь старшие выборные русских поселков Усть-Ирбейское, Баян-Кол, Щербаковское доносили заведующему устройством русского населения в Урянхае о наличии случаев регистрации земельных сделок между «засельщиками», а также между русскими крестьянами и сойотами. При этом, например, старший выборный поселка Баян-Кол Константин Белянин отмечал, что «надлежащая процедура» их оформления была полностью соблюдена:

«Имею честь донести Вашему Высокоблагородию о земельных сделках в поселке Баян-Коле. Так, выдано настоящее Свидетельство русскому крестьянину, проживающему в Баян-Коле, уряднику Киприяну Путимцеву. Он имеет право на землю вверх по Баян-Колу две версты и вниз по большому Енисею на четыре версты и селиться, и строить дома, и огораживаться, и заниматься хлебопашеством, и сенокосением по островам Енисея. И дал ему бумагу Багора Сума Марен, Чартанак и Хуньда Албанжа. Эта Бумага в Усинском Пограничном управлении находится» (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 35).

Таким образом, участие местной царской администрации в вопросе распределения земель в Урянхайском крае было определено законодательством на окружном уровне. Его нормы включали условия временного пользования земельными угодьями, и за их соблюдением следили чиновники управления комиссара по делам Урянхайского края, пограничный начальник Минусинского округа, служащие Переселенческого управления. При этом на старших выборных по русским поселкам и старост (арбанов, бошкаргов) в общинах сойотов были возложены функции свидетельствования земельных сделок, оформленные посредством заключения разрешительных записей, договоров и прочих документов.

4.2. Разрешение местной администрацией земельных споров в Урянхайском крае

В понимании крестьян-переселенцев, в основном приехавших из губерний и областей Сибири, заключенные договоры с сойотами, предметом которых были земельные угодья (пахотные земли, выпулы для скота), воспринимались ими в качестве крепостных актов, а тувинские чиновники, распоряжавшиеся землями внутри хошуна или сумона, как и старшие выборные по русским поселкам были для них представителями местной власти, исполнявшими функции нотариата. Данное обстоятельство объяснялось тем, что в отдаленной Сибири «Нотариальное положение (1866 г.)» вступило в силу параллельно с «Судебной реформой» только в 1897 г. (Жулаева и др., 2019: 66; [Временные правила...](#), 1896). А до этого времени, в частности на территории Енисейской губернии, в состав которой формально включался и Урянхайский край, организация удостоверения частноправовых актов проходила посредством исполнения нотариальных функций служащими местных органов власти, то есть фактически в любых «присутственных местах» (Карчаева, 2019: 92). Ими были губернские, окружные и волостные правления, городские управы. А в системе инородческого управления, например на южных территориях Минусинского и Ачинского округов (современная Республика Хакасия), вплоть до 1913 г. имущественные сделки оформлялись и «засвидетельствовались» местными служащими степных дум и инородных управ (АГМ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 264. Л. 7).

Важно отметить, что это было ошибочное мнение русских крестьян-переселенцев. Так как в официальном заявлении заведующий устройством населения в Урянхае акцентировал внимание на том, что «циркуляр Комиссара от 18 апреля 1914 г. за № 627 предусматривал наделение старших выборных русских поселков (старост сельских населенных пунктов) функциями регистрации сделок, отнюдь не придавая таковым характер крепостных актов» (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 25).

Определенное непонимание между коренным населением и переселенцами в вопросе приобретения права землепользования было связано и с языковым барьером. В исследовании В.М. Дамдынчап установлено, что условия соглашений крестьян-переселенцев с аратами и зажиточными сойотами, оформлявшиеся в национальных органах местной власти, зачастую составлялись на монгольском языке, а в условиях сделки прописывалось лишь «временное право рыбной ловли, пастьбы скота, покоса, распашки», предоставлявшееся на определенный срок (Дамдынчап, 2019: 138), то есть преобладание родовых связей в тувинском обществе не давало возможности юридического оформления права собственности на землю.

При возникновении земельных споров перевод условий соглашений с монгольского языка на русский производился классным переводчиком при Управлении комиссара по делам Урянхайского края, за которым следовало официальное разъяснение сторонам содержания спорного документа. Однако крестьяне, у которых имущественные права были ущемлены, как правило, из-за того, что на «их земле» были поселены сойотами другие вновь прибывшие переселенцы, писали обращения «с просьбой разобраться в земельном вопросе» на имя Енисейского губернатора Я.Г. Гололобова, фактически управлявшего губернией с октября 1915 г. (Карчаева, 2017: 204). Следует пояснить, что до этого времени, т.е. в период фактического отсутствия с ноября 1914 г. утвержденного в должности

губернатора Енисейской губернии, заявления от крестьян на предоставление исключительных прав владения земельными угодьями направлялись в адрес Иркутского генерал-губернатора (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 122). Данную должность до марта 1916 г. занимал Л.М. Князев, позднее – А.И. Пильц (Дамешек, Дамешек, 2019: 21).

Анализ архивных материалов показал, что письма крестьян хоть и доходили до Иркутска, но решение по ним выносил заведующий устройством русского населения в Урянхое, постановление которого могло быть обжаловано Иркутским генерал-губернатором через комиссара по делам Урянхайского края в месячный срок (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 122 об.).

Из постановления заведующего устройством русского населения в Урянхое (от 12 ноября 1915 г.) об отсутствии исключительных прав владения земельными угодьями по договорам, заключенным с сойотами в 1914–1915 гг. следует:

«Рассмотрев пять прошений от жителя поселка Мокеевского – Мокея Герасимовича Казанцева, поданных три на имя Комиссара по делам Урянхайского края, одно на имя Енисейского Губернатора и одно на имя Иркутского Генерал-Губернатора, в которых он приносит жалобу на захват его земли, купленной у сойот 15 лет тому назад жителями пос. Знаменского и Мокеевского, нахожу: 1. Из документа об уступке земли сойотами, переведенного с монгольского языка на русский классным переводчиком при Управлении Комиссара по делам Урянхайского края Самойловым, видно, что Казанцеву было разрешено заниматься хлебопашеством, построить дом и, проживая в местности по рекам Ушан, Мерген и др., производить торговлю, косить сено и заниматься скотоводством. Как гласит сам текст и смысл разрешительной записи, Казанцеву не уступались земли во владение или исключительное пользование, а он допускался только к пользованию, и при чем никаких указаний на то, что в этих местностях не должны быть допускаемы к пользованию другие лица – нет. 2. Срок действия разрешения указан в самом документе – четырнадцать лет и три месяца, каковой в настоящее время уже истек, и поэтому Казанцев, не возобновивший разрешительной записи, фактически теперь не имеет никакого исключительного права, сравнительно с другими засельщиками на пользование земельными угодьями в вышеуказанных местностях» (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 122).

В ответ «засельщик» Мокей Герасимович Казанцев в прошении на имя Иркутского генерал-губернатора жаловался на то, что он несколько раз просил Усинского пограничного начальника не разрешать прибывшим крестьянам-переселенцам селиться в тех местностях, которые он считал ему принадлежавшими, на что Усинский пограничный начальник не давал положительного решения. Исходя из приведенных выше данных нужно прийти к заключению, что такого распоряжения Усинский пограничный начальник и не мог отдать, так как фактически по обычаям и традициям Урянхоя владельцами земли были сойоты, и раз они разрешили другим переселенцам право пользования, то не во власти пограничного начальника было запретить выдачу подобных разрешительных записей.

По свидетельству производителя межевых работ Переселенческого управления В.И. Петропалова при исполнении им служебных обязанностей по рассмотрению земельных споров в текущем 1915 г. многими крестьянами предъявлялись документы такого же рода, как и выданный М.К. Казанцеву, хотя и написанные позднее, но с правами пользования земельными угодьями, равными представленным в разрешительной записи М.К. Казанцевым, и в тех же местностях (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 122 об.).

Заметим, подробно рассмотренное дело «засельщика» Мокея Герасимовича Казанцева по предъявленной претензии на исключительное право владения земельными угодьями по рекам Ушан и Мерген было рассмотрено заведующим устройством русского населения Урянхоя в пользу вновь прибывших переселенцев. Они также еще до 1914 г. по разрешительным записям сойотов селились на землях, ранее отведенных М.К. Казанцеву (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 122 об.). В претензиях высшим должностным лицам ущемленные, как им казалось, в имущественных правах крестьяне указывали на присутствие в условиях сделок факта купли-продажи земли «в вечное пользование», а также наличие удостоверения сделки и ее освидетельствования в присутственных местах – «конторах» старших выборных, а также при обязательном условии наличия положительного решения общего схода коренных жителей об отводе земли (ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 94. Л. 135).

Таким образом, неопределенность землепользования в столь привлекательных для сибирских крестьян южных окрестностях Енисея объяснялась отсутствием точно выраженных и утвержденных правил наделения землей крестьян-переселенцев. Заведующий устройством русского населения в Урянхое позволял местной царской администрации документально выражать лишь официальное согласие или несогласие на каждый отвод земель со стороны сойотов и их начальников.

5. Заключение

В период протектората Урянхайского края с 1914 по 1917 гг. функционировала выстроенная система местной администрации, подконтрольная Енисейскому губернатору, Иркутскому генерал-губернатору и центральным властям Российской империи. В число царских чиновников и государственных органов исполнительной власти входили Переселенческое управление, комиссар по

делам Урянхайского края, пограничный начальник Минусинского округа. Наделение крестьян землей входило в перечень функций Переселенческого управления, но реализовывалось старшими выборными по русским поселкам, представлявшими собой местное самоуправление. Нормы имущественного права Российской империи отличались от традиций и обычаев в системе землепользования тувинцев. Русские крестьяне под заключенными имущественными сделками подразумевали крепостные акты (договоры купли-продажи), а представители тувинской знати и араты, дававшие разрешительные записи на землю переселенцам, оформляли их на условиях права временного пользования. Многочисленные споры между крестьянами, ранее заселившимися в Урянхае, и вновь прибывшими переселенцами, а также постоянное дробление земельных участков и содержали в себе «земельный вопрос», не разрешенный местной царской администрацией к концу Российской империи.

6. Благодарности

Исследование подготовлено при участии Нотариальной палаты Республики Тыва и Федеральной нотариальной палаты (г. Москва) по проекту «Золотые страницы Российского нотариата».

Литература

Аранчын, 1975 – Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // *Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Вып. XVII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. С. 212-218.

Временные правила..., 1896 – Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 16. Ч. 1, 2. 13 мая 1896. № 12932.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРТ – Государственный архив Республики Тыва.

Дамдынчап, 2006b – Дамдынчап В.М. Имущественные отношения в истории обычного права тувинцев (конец XIX – начало XX вв.) // *Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая*. Вып. 7. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2006. С. 50-64.

Дамдынчап, 2006a – Дамдынчап В.М. Владение и собственность в обычном праве тувинцев // *Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии*. Вып. 1. М.: Стратегия, 2006. С. 215-231.

Дамдынчап, 2019 – Дамдынчап В.М. Русско-урянхайский суд в период протектората // *Новые исследования Тувы*. 2019. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/834>

Дамешек, Дамешек, 2019 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 61. С. 21-25.

Дацышен, 2014 – Дацышен В.Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 232 с.

Дацышен, 2017 – Дацышен В.Г. Особенности истории усинских тувинцев // *Новые исследования Тувы*. 2017. № 1. С. 22-43. [Электронный ресурс]. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694>

Дулов, 1956 – Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 499 с.

Жулаева и др., 2019 – Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 262 с.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 252 с.

Карчаева, 2019 – Карчаева Т.Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2019. Т. 29. С. 91-99.

Монгуш, 2015 – Монгуш Ч.Б. Вопросы правового регулирования государственного управления в Туве в период с 1914 по 1921 годы // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2015. Т. 13. С. 211-215. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85043.htm>

Родичев, 1910 – Родичев В.М. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). СПб.: б.и., 1910. 206 с.

Сердобов, 1971 – Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1971. 482 с.

Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1, pp. 188-197.

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4, pp. 1429-1438.

References

Aranchyn, 1975 – Aranchyn Yu.L. (1975). Novy`e e`tnograficheskie i filologicheskie materialy` iz Severo-Zapadnoj Mongolii [New ethnographic and philological materials: north-west Mongolia]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Vyp. XVII. Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo. Pp. 212-218. [in Russian]

Damdynchap, 2006a – Damdynchap V.M. (2006). Vladenie i sobstvennost` v oby`chnom prave tuvincev [Ownership and property in the customary law of Tuva]. *Pravo v zerkale zhizni. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii*. Vol. 1. M.: Strategiya, pp. 215-231. [in Russian]

Damdynchap, 2006b – Damdynchap V.M. (2006). Imushhestvenny`e otnosheniya v istorii oby`chnogo prava tuvincev (konec XIX – nachalo XX vv.) [Property relations in the history of Tuvinian customary law (late XIX – early XX centuries)]. *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya*. Vol. 7. Abakan: Izd-vo Xakas. Gos. un-ta, pp. 50-64. [in Russian]

Damdynchap, 2019 – Damdynchap V.M. (2019). Russko-uryanxajskij sud v period protektorata [E`lektronny`j resurs] [Russian-Urianxhai court at the time of Russian protectorate over Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2019, Nr 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/834> [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2019 – Dameshek L.M. (2019). Aziatskoe prigranich'e i vneshnepoliticheskie polnomochiya general-gubernatorov Aziatskoj Rossii [Asian frontier and the foreign policy powers of the governor-generals in Asian Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. Nr 61, pp. 21-25. [in Russian]

Datsyshen, 2014 – Datsyshen V.G. (2014). Ocherki istorii Mongolii v XIX – pervoj chetverti XX vv. [Essays on the history of Mongolia in the XIX – first quarter of the XX centuries]. M.; Berlin: Direkt-Media. 232 p. [in Russian]

Datsyshen, 2017 – Datsyshen V.G. (2017). Osobennosti istorii usinskix tuvincev [Aspects of history of the Usinsk Tuvans]. *Novy`e issledovaniya Tuvy`*. Nr 1. pp. 22-43. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694> [in Russian]

Dulov, 1956 – Dulov V.I. (1956). Social`no-e`konomicheskaya istoriya Tuvy`. XIX – nachalo XX v. [Socio-economic history of Tuva. XIX – early XX century]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 499 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvenny`j arxiv Krasnoyarskogo kraja.

GART – Gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Ty`va.

Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820. [in Russian]

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1, pp. 188-197.

Karchaeva, 2017 – Karchaeva T.G. (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 252 p. [in Russian]

Karchaeva, 2019 – Karchaeva T.G. (2019). Rol` inorodcheskix organov vlasti v imushhestvenny`x otnosheniyax xakasov v 1822–1913 gg. (istoricheskij aspekt) [The role of foreign authorities in the property relations of the Khakas in 1822–1913 (a historical aspect)] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2019. Vol. 29. pp. 91–99 [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4, pp. 1429-1438.

Mongush, 2015 – Mongush Ch.B. (2015). Voprosy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo upravleniya v Tuve v period s 1914 po 1921 gody [Issues of legal regulation of public administration in Tuva in the period from 1914 to 1921]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*. Vol. 13. pp. 211-215. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85043.htm> [in Russian]

Rodichev, 1910 – Rodichev V.M. (1910). Ocherk Uryanxajskogo kraja (Mongol`skogo bassejna reki Eniseya) [An outline of the Uryankhai region (The Mongolian basin of the Yenisei river)]. Sankt-Peterburg: b. i. 206 p. [in Russian]

Serdobov, 1971 – Serdobov N.A. (1971). Istorija formirovaniya tuvinskoj nacji [History of the formation of the Tuvan nation]. Ky`zy`l: Tuvknigoizdat. 482 p. [in Russian]

Vremennye pravila..., 1896 – Vremennye pravila o primenenii sudebnykh ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri [Provisional Rules on the Application of Judicial Regulations to the Provinces and Regions of Siberia]. PSZ RI. Sobr. 3. Vol. 16. Ch. 1, 2. 13 maya 1896. Nr 12932. [in Russian]

Zhulaeva i dr., 2019 – Zhulaeva A.S., Karchaeva T.G., Sever'yanov M.D. (2019). Istoriya notariata Prienisejskoj Sibiri (XVIII–XX vv.) [History of the Notariat of the Yenisei Siberia (XVIII–XX centuries)]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 262 p. [in Russian]

Царская администрация в решении земельного вопроса на территории Урянхайского края в 1914–1917 гг.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{а, *}, Анна Сергеевна Жулаева ^а, Галина Михайловна Луцаева ^а, Николай Рзавич Новосельцев ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье приведены исторические сведения о деятельности царской администрации Урянхайского края в решении земельного вопроса в период протектората Российской империи. Установлено, что система землепользования в 1914–1917 гг. на территории Тувы совмещала в себе устоявшиеся национальные обычаи и привнесенные русскими крестьянами-переселенцами основы правовых отношений. Земельные угодья южной Сибири в районе реки Бий-Хема (Большого Енисея) были привлекательны для сибирских крестьян и до 1914 г. распределялись между переселенцами на основании разрешительных записей, которые составлялись в письменной форме старостами в общинах сойотов (тувинцев). Земельные сделки между сойотами и крестьянами-переселенцами заключались на возмездной основе, старосты в общинах сойотов получали денежные выплаты по договорам, при этом основным условием землеустройства крестьян было срочное пользование земельными угодьями, т.е. условия аренды. В период протектората Урянхайского края быстрое увеличение числа русских крестьян-переселенцев приводило к дроблению земельных участков, регистрации старостами русских поселков фактов купли-продажи и «перепродажи» между уже ранее заселившимися крестьянами и вновь прибывшими. При этом нарушались положения циркуляра комиссара по делам Урянхайского края (от 18 апреля 1914 г. за № 627) о предоставлении старостам сельских населенных пунктов функций только регистрации сделок, не придавая таковым характер крепостных актов. Старшие выборные русских поселков Усть-Ирбейское, Баян-Кол, Щербаковское официально подтверждали наличие земельных сделок в 1915–1916 гг., старосты русских поселков Кемчик, Тарлык, Атаманово, Уюк, Федоровка, Сосновка, Верхне- и Нижне-Никольское, Березовка – официально отрицали. Нерешенный земельный вопрос, а именно – отсутствие со стороны местной власти гарантий и надежной защиты прав собственности, владения и пользования на земельные участки – был причиной многих споров между крестьянами. Заявления крестьян о нарушении их имущественных прав рассматривались комиссаром по делам Урянхайского края, пограничным начальником Минусинского округа (Усинским пограничным начальником), а также чиновниками Переселенческого управления. Решения по земельным спорам выносились в рамках концепции отсутствия частной собственности на землю на территории Урянхайского края. Жалобы крестьян на действия (бездействие) местных царских властей адресовались Енисейскому губернатору и Иркутскому генерал-губернатору, что не меняло положения дел в социальных и экономических условиях дореволюционной России, а также режиме вертикали власти и повсеместной централизации в принятии политически важных решений.

Ключевые слова: земельный вопрос, аграрный вопрос, местное управление, царская администрация, дореволюционные чиновники, Урянхайский край, Енисейская губерния, Енисейская Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)